STANITZA
organe
de la Stanitza des Étudiants-Cosaques de Paris
35, rue de Sèvres — PARIS (VIIe)

№ 1

Цѣна
2 фр.

ОРГАНЪ
ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ
КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

НОЯБРЬ

1931 г.

Донской Атаманъ Ген.-Лейтенантъ
А. П. БОГАЕВСКІЙ
Почетный Казакъ Парижской
Студенческой Казачьей Станицы

Ноябрь 1931 г.

Выпуская № 1-ый своего журнала, Редакція считаетъ своимъ долгомъ обратиться съ первымъ словомъ привѣтствія къ своимъ вождямъ — Войсковымъ Атаманамъ, живымъ символамъ единства Казачества ,и заявить о нашей готовности, въ мѣру своихъ силъ, оказывать имъ поддержку.

Наше второе привѣтствіе и призывъ къ казачьей учащейся молодежи — поддержать нашу «Станицу» *и помочь ей объективно освѣтить условія жизни и работы казаковъ - учащихся въ разныхъ странахъ зарубежья.*

Шлемъ привѣтъ и нашимъ старшимъ братьямъ - казакамъ и, надѣясь на ихъ снисходительность къ нашему первому печатному слову, разсчитываемъ на добрые совѣты и помощь въ изданіи послѣдующихъ номеровъ «Станицы».

РЕДАКЦІЯ.

ОТЪ ДОНСКОГО АТАМАНА

Привѣтствую «Станицу» и отъ души желаю успѣха. Пусть она будетъ выразителемъ тѣхъ добрыхъ чувствъ братства и взаимной поддержки, которыя объединяютъ Парижскую студенческую станицу!

Въ добрый часъ!

Донской Атаманъ **Ген.-Лейт. Богаевскій**

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА

Прошло уже девять лѣтъ какъ я началъ свою общественную дѣятельность въ пользу русскихъ эмигрантовъ. Много видѣлъ людей очень хорошихъ, хорошихъ и не совсѣмъ хорошихъ. Но пока не видѣлъ ни одного не хорошаго казака.

Первая моя встрѣча была довольно оригинальна. Въ провинціи, въ глуши узнали четыре молодыхъ казака, работавшихъ на фабрикѣ, что есть какая то возможность получить высшее образованіе. Сейчасъ же они сочинили письмо на странномъ, почти непонятномъ французскомъ языкѣ, но очень трогательномъ. Получили они отвѣтъ съ совѣтомъ немножко подождать, а черезъ нѣсколько дней, бросивъ работу, компанія смѣло явилась ко мнѣ — «хоть вы намъ писали такъ, а мы поняли такъ». Доказавъ, что они поступили правильно, что чуть-чуть не я виноватъ въ томъ, что отвѣтилъ неясно, въ концѣ-концовъ добились своего: съ завода они пошли въ университетъ.

Почетный казакъ Станицы Аббатъ К. Кенэ

Потомъ пріѣзжали студенты - казаки со всѣхъ сторонъ, даже изъ Сербіи, Болгаріи и Турціи, въ скромныхъ костюмахъ, съ удивленными и вмѣстѣ съ тѣмъ съ увѣренными глазами. И, конечно, организовались, сперва подъ названіемъ общества взаимопомощи, а потомъ и станицы съ атаманомъ и штабомъ въ полномъ составѣ.

Теперь рѣчь идетъ уже о журналѣ. Вотъ его первый номеръ. Какой онъ, интересенъ-ли, скучный-ли — пусть читатели скажутъ. Но несомнѣнно онъ симпатичный. Привѣтствую молодую «Станицу». Надѣюсь, что она сумѣетъ соединить свѣжія силы казачества. Слово «Станица» должно звучать какъ призывъ къ творческой работѣ и непоколебимой славѣ.

К. Кенэ

ЗА СЕМЬ ЛѢТЪ

Вѣками выработанная казачья сплоченность, чувство необходимости взаимной выручки и поддержки, здѣсь на чужбинѣ, выразились въ появленіи съ первыхъ же временъ эмиграціи казачьихъ станицъ и хуторовъ во всѣхъ мѣстахъ русскаго разсѣянія. Казачья учащаяся молодежь, вѣрная традиціямъ своихъ дѣдовъ и отцовъ, также создала рядъ своихъ организацій — студенческихъ станицъ и хуторовъ во Франціи, Болгаріи, Чехословакіи и Югославіи. Дружной и тѣсной семьей зажили студенты-казаки.

Въ 1924 году въ Парижѣ создалось «Общество взаимопомощи Донскихъ студентовъ-казаковъ». Первые, невольно робкіе еще шаги вскорѣ окрѣпли. Благодаря заботамъ руководителей появилась и матеріальная поддержка, общество пріобрѣтаетъ все больше друзей; образовался театральный кружокъ, хоръ, небольшая библіотека, устраиваются лекціи, собранія, вечеринки. Въ 1930 году общество переименовывается общимъ собраніемъ въ станицу. Съ каждымъ годомъ увеличивается число членовъ станицы, получившихъ дипломы инженеровъ, врачей, агрономовъ и пр., поступаютъ въ наши ряды молодые казаки, выѣхавшіе заграницу со своими родителями совсѣмъ дѣтьми и окончившіе средн. учебн. заведенія за границей. При помощи станицы и ея друзей, съ которыми мы знакомимъ читателя въ этомъ номерѣ въ статьѣ «Наши почетные казаки» 71 человѣкъ уже закончило высшее образованіе. Въ минувшемъ учебномъ году большую помощь оказали и казачьи организаціи — комитетъ «Казачья помощь», Донской хоръ подъ упр. С. А. Жарова, касса взаимопомощи Атаманскаго военнаго училища. Станицей была устроена вечеринка въ залѣ Галлиполійскаго собранія и члены ея приняли дѣятельное участіе въ организаціи большого Донскаго бала 30 мая.

Въ предоставленномъ безвозмездно почетнымъ казакомъ станицы Аббатомъ К. Кенэ помѣщеніи устроены были двѣ встрѣчи — чай членовъ станицы и ихъ друзей и были прочтены 2 лекціи — одна на тему о «политическомъ положеніи Европы» ген. П. И. Секретевымъ и вторая — «Пятилѣтка въ казачьихъ краяхъ» — проф. А. П. Марковымъ. Въ концѣ учебнаго года студенты-казаки посѣтили музей Л.-Гв. Казачьяго полка, гдѣ ген. И. Н. Оприцемъ были показаны многочисленные полковые реликвіи, мундиры, портреты, гравюры и др. предметы; осмотръ сопровождался краткимъ изложеніемъ исторіи одного изъ славнѣйшихъ казачьихъ полковъ.

Съ наступленіемъ лѣта большинство станичниковъ разъѣхалось въ поискахъ заработковъ для будущаго учебнаго года.

Собравшись снова, станица и въ этомъ году будетъ продолжать учиться и жить съ вѣрой въ лучшее будущее своей великой Родины и родныхъ казачьихъ краевъ.

Н. Кащеевъ

ПРИВѢТЪ СТАРѢЙШАГО ТЕРСКАГО КАЗАКА ОБЩЕКАЗАЧЬЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СТАНИЦѢ ВЪ ПАРИЖѢ

«Знаютъ всѣ икру Урала,
И уральскихъ осетровъ,
Знаютъ только очень мало
Про уральскихъ казаковъ».
(Изъ каз. Уральской пѣсни).
«А молодость не вернется,
Не вернется она».
(Изъ хохлацкой пѣсни).

Нѣтъ большей радости для стараго казачьяго сердца какъ видѣть, что новыя поколѣнія казаковъ, идущихъ на смѣну старымъ казакамъ, являются въ своей жизни и работѣ не только носителями славы и традицій своихъ дѣдовъ и отцовъ, но и ихъ продолжателями. И такъ оно и должно идти отъ одного поколѣнія къ другому преемственно, изъ рода въ родъ, въ каждой семьѣ, въ каждой станицѣ и хуторѣ, въ каждомъ конномъ полку, пластунскомъ баталіонѣ (у Кубанцевъ) и батареѣ.

И вотъ эту именно радость я испытываю въ глубинѣ своего сердца каждый разъ, когда мнѣ приходится наблюдать какъ живете въ Парижѣ и работаете Вы, родные и молодые представители нашего славнаго, исторически испытаннаго всероссійскаго казачества, Дона, Кубани, Терека, Урала, Сибири и др. войскъ. Прежде всего большую честь дѣлаетъ Вамъ то, что Вы сумѣли создать свою студенческую организацію на исторической казачьей основѣ — Вы создали станицу и при томъ станицу, **объединяющую студентовъ - казаковъ** различныхъ войскъ.

Пусть Ваша студенческая общеказачья станица развивается и крѣпнетъ съ каждымъ годомъ все больше и больше на краеугольныхъ принципахъ единства и взаимной выручки и поддержки.

Волей судьбы съ Дона, Волги, Кубани и Терека и др. родныхъ краевъ Вы студенты-казаки оказались на чужбинѣ, а Вы помните какъ поется въ нашей тоже общеказачьей пѣснѣ:

Поѣхалъ казакъ на чужбину далеко,
На добромъ конѣ онъ своемъ ворономъ...

Но вы должны сдѣлать на чужбинѣ все, чтобы не напрасно, какъ поется дальше въ этой пѣснѣ:

. . . казачка его молодая
И утро и вечеръ на сѣверъ глядитъ,
Все ждетъ, поджидаетъ съ далекаго края,
Когда ея милый казакъ прилетитъ...

И Васъ ждетъ молодая Россія, — молодежь закабаленная въ плѣну и подъ игомъ большевицкимъ, чтобы Вы прилетѣли къ ней, освободили и соединившись въ одно могучее цѣлое, начали новое великое и **святое дѣло возрожденія Россіи** къ ея новому **величію, благоденствію и славѣ.** Напомню Вамъ, родные студенты-казаки, другую нашу пѣсню: —

Въ года Руси печальные
Родились казаки
И въ дебряхъ Волги-Матушки
Вскормилися они.

И длинными ватагами,
Стремятся въ даль, впередъ,
Раздвинули Русь-Матушку
И вдоль и поперекъ.

Ихъ подвиговъ свидѣтели
Уралъ, Иртышъ и Донъ,
Кубань и Терекъ славные
И разныхъ рѣчекъ сонмъ.

Въ этихъ немногихъ стихахъ выражено все великое историческое прошлое нашего славнаго казачества въ служеніи его великой Матери-Россіи. Позвольте же мнѣ, старому казаку, пожелать Вамъ, молодымъ казакамъ, чтобы и Ваши потомки также слагали про Васъ свои пѣсни и въ нихъ прославляли Ваши подвиги въ предстоящей Вамъ **исторической работѣ,** къ которой Вы должны непрестанно готовиться. Готовиться какъ трудолюбивыя пчелы, набирая въ изгнаніи всюду какъ можно больше знаній, чтобы Вы были подобны пчеламъ, собирающимъ пылинки со всѣхъ цвѣтовъ въ поляхъ и лѣсахъ и летящимъ затѣмъ въ свой родной улей, чтобы сдать собранныя пылинки своей пчелиной маткѣ, для образованія общими трудами сладкаго меда.

Помните, что **будущее всегда сокрыто отъ людей, но люди властны сдѣлать себя достойными великаго будущаго!**...

14 лѣтъ тому назадъ и для генерала Корнилова и Алексѣева и ихъ первыхъ сотрудниковъ, вѣдь, будущее тоже было скрыто какъ для всѣхъ насъ теперь! Но они думали только объ одномъ, о Россіи и отдали себя и свою жизнь для возстановленія Ея поруганной Чести и Свободы. И теперь мы имъ Честь и Славу воздаемъ какъ **великимъ и безсмертнымъ** Сынамъ Своего Отечества.

Въ добрый же часъ и Вамъ въ неизвѣстномъ, но уже близкомъ будущемъ!

Генералъ отъ Кавалеріи, казакъ станицы Сунженской

Н. Н. Баратовъ

НАШИ ПОЧЕТНЫЕ КАЗАКИ

Старая традиція казачества, возводившаго въ почетное званіе людей, оказавшихъ ему выдающіяся услуги и годами дѣлавшихъ все для его славы и процвѣтанія — жива и нынѣ среди зарубежныхъ казаковъ всѣхъ войскъ.

Тяжекъ путь студентовъ-казаковъ на чужбинѣ въ ихъ стремленіи пріобрѣсти знанія и нашей станицѣ особенно отрадно отмѣтить ея вѣрныхъ, испытанныхъ друзей, благодаря которымъ за семь лѣтъ получили дипломъ объ окончаніи высшихъ учебныхъ заведеній 71 казакъ.

Въ кабинетѣ почетнаго казака станицы Донского Атамана ген. А. П. Богаевскаго студента, пришедшаго повѣдать свое горе, всегда ожидаетъ теплый пріемъ, участіе, отеческая ласка и добрый отцовскій совѣтъ. Всяческое содѣйствіе оказывается представителямъ станицы и малѣйшая, имѣющаяся въ распоряженіи Атамана возможность чѣмъ бы то ни было помочь учащемуся казаку сейчасъ же претворяется въ дѣло.

Въ старыхъ, строгихъ покояхъ почетнаго казака Всевеликаго Войска Донского и почетнаго казака станицы Аббата К. Кенэ, оказывающаго мощную поддержку станицѣ съ первыхъ дней ея основанія, когда она именовалась Обществомъ взаимопомощи донскихъ студентовъ-казаковъ, — то же стремленіе: всѣми силами помогать молодому казаку пройти тернис-

тый путь студента эмигранта и получить дипломъ инженера, техника, врача, агронома и пр. Вотъ характерный фактъ: — одному изъ членовъ станицы пришлось изъ за отсутствія средствъ оставить школу. Когда довели объ этомъ до свѣдѣнія Аббата Кенэ, то тутъ же послѣдовалъ отвѣтъ: пусть немедленно вновь поступаетъ и я его поддержу.

"Друзья познаются въ бѣдѣ», говоритъ старая пословица, и мы, будучи горячо признательны нашимъ почетнымъ казакамъ, гордимся ими. Эта признательность пронесется всѣми нами черезъ лишенія и борьбу за существованіе «на чужбинѣ далекой» до родныхъ краевъ, гдѣ сохранимъ благодарную память о тѣхъ, кто своимъ дѣломъ еще разъ оправдалъ мудрую старую казачью поговорку — «Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья». Такое счастье казаки-студенты нашли въ своихъ почетныхъ казакахъ: — ген. А. П. Богаевскомъ и аббатѣ К. Кенэ.

Правленіе.

КЪ БАЛУ СТАНИЦЫ 21-го НОЯБРЯ

Въ субботу, 21 ноября, станица устраиваетъ большой балъ въ залѣ мэріи 15 арр. съ концертнымъ отдѣленіемъ, въ которомъ приметъ участіе талантливая ученица О. О. Преображенской 10-лѣтняя балерина Жульяна Янакіева, хорошо знакомая и намъ, казакамъ, по ея выступленіямъ, сопровождавшимся шумнымъ успѣхомъ, на большихъ казачьихъ балахъ въ Парижѣ.

Юная балерина выступала въ составѣ русской оперы въ столичныхъ театрахъ Южной Америки и участвовала въ нѣсколькихъ фильмахъ, снятыхъ въ Парижѣ и Берлинѣ.

Конферансье — С. Бартеневъ, извѣстный куплетистъ-юмористъ. Подробности программы объявлены въ мѣстныхъ русскихъ газетахъ.

Въ лотерею поступило много цѣнныхъ вещей. Пользуемся случаемъ поблагодарить Главное Правленіе Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ за пожертвованный имъ на лотерею большой пакетъ съ изданными Союзомъ отрывными календарями на 1932 годъ съ художественными паспарту.

Билеты на балъ — по 10 и 15 фр., а для членовъ русскихъ студенческихъ организацій — по 5 фр. Танцы «до перваго метро».

ЖУЛЬЯНА ЯНАКІЕВА

Къ ея выступленію на балу 21-го ноября

СТАНИЧНАЯ ХРОНИКА

— Результаты выборовъ новаго правленія, бывшихъ на сборѣ 25 октября съ поправками и дополненіями, внесенными на сборѣ 1 ноября, таковы: Атаманъ — П. Гусевъ, Писарь — Н. Ф. Кащеевъ, Казначей — С. А. Ивановъ и члены Правленія — Г. И. Зазуля и А. П. Чукавовъ.

Въ Ревизіонную Комиссію избраны — Макаровскій, Лепорскій и Шелудько.

— Въ тотъ же день, послѣ сбора состоялся традиціонный обѣдъ по случаю начала учебнаго года, на которомъ присутствовали Донской Атаманъ ген. А. П. Богаевскій, Аббатъ К. Кенэ, д-ръ И. С. Чекуновъ, все правленіе въ новомъ составѣ, атаманъ Страсбургскаго студенческаго хутора Д. С. Романовъ, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ станицы и учредителей общества взаимопомощи донскихъ студентовъ-казаковъ (сост. одно время его предсѣдателемъ), инж. Н. Ф. Пузановъ и почти всѣ члены станицы.

Старѣйшій терскій казакъ, ген. Н. Н. Баратовъ, которому доктора запретили въ тотъ день покидать домъ, по телефону поздравилъ станицу черезъ станичнаго атамана съ наступленіемъ новаго учебнаго года, выразивъ сожалѣніе, что не могъ провести вечеръ со студентами.

Дружеская бесѣда, воспоминанія о пройденной семилѣтней жизни станицы, краткія привѣтствія, казачьи пѣсни, неизмѣнный на всѣхъ казачьихъ обѣдахъ казачекъ заполнили долгій осенній вечеръ.

— На сборѣ 1 ноября состоялось избраніе доктора И. С. Чекунова почетнымъ старикомъ станицы. Иванъ Степановичъ, будучи самъ казакомъ, всегда оказывалъ и оказываетъ безвозмездную медицинскую помощь студентамъ-казакамъ и по мѣрѣ силъ поддерживаетъ нашу станицу.

— Въ 1930-31 учебномъ году окончили высшія учебныя заведенія слѣдующіе наши станичники: Д. Романовъ (геофиз. инст.), П. Поповъ (Богословскій инст.), Н. Козинъ (агроном.

инст.) и П. Еронинъ (коммерч. инст.). За тотъ же періодъ вступило въ станицу семь казаковъ. Въ настоящее время станица насчитываетъ 65 человѣкъ.

— По дѣламъ станицы дежурный членъ правленія принимаетъ лишь по воскресеніямъ отъ 3 до 5 часовъ вечера на рю де Севръ № 35.

— При станицѣ учреждено бюро безплатной юридической помощи для членовъ станицы подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ М. А. Адамова и Д. М. Петрова, принимающихъ станичниковъ по средамъ отъ 6 до 8 часовъ вечера на рю де ля Конвансьонъ № 85.

— Съ 1 декабря ген. П. И. Секретевымъ и инж. Сопруновымъ открываются безплатные курсы по автомобилизму (механика) на 27, рю де ля Туръ Мобуръ.

— Станица вошла въ комитетъ донскихъ казачьихъ организацій въ Парижѣ по устройству 26 декабря большого донского бала въ мэріи 15 арр.; ея представители и многіе изъ членовъ станицы приняли энергичное участіе въ работѣ по подготовкѣ вечера. Часть дохода поступитъ въ пользу казачьей учащейся молодежи — членовъ станицы.

— Станицей изданы открытки - портреты Войсковыхъ Атамановъ А. М. Каледина и А. П. Богаевскаго, стоимостью по 1-му франку. Весь доходъ поступаетъ въ стипендіальный фондъ. Станица обращается съ просьбой ко всѣмъ казачьимъ организаціямъ содѣйствовать распространенію открытокъ. Требованія направлять въ адресъ казначея:

Mr. Ivanoff, 13, rue François Mouthon. Parns 15[e].

НЕ ЗАБУДЬТЕ!!! 26-го ДЕКАБРЯ БОЛЬШОЙ ДОНСКОЙ БАЛЪ ВЪ ЗАЛАХЪ МЭРІИ 15-го АРР.

СТУДЕНТЫ-КАЗАКИ ВЪ СТРАСБУРГѢ

Страсбургъ — крупный культурный центръ Франціи, имѣющій университетъ со всѣми факультетами, институты: геологическій, геофизическій, физическій и химическій. Единственная во Франціи высшая школа нефти и жидкихъ горючихъ матеріаловъ давно и много привлекаетъ русскую учащуюся молодежь.

Въ 1930-31 учебномъ году русскихъ студентовъ въ Страсбургѣ насчитывалось 35 человѣкъ и большинство ихъ училось въ геологическомъ институтѣ.

За два года нормальнаго курса института проходится геологія, минералогія и «техническіе предметы» (эксплоатація залежей: буреніе и эксплоатація нефти), читается сокращен. курсъ геофизики, экзаменъ по которой не обязателенъ. Изъ главныхъ предметовъ полагается сдать на первомъ курсѣ минералогію; геологія же читается два года. «Техническіе предметы» сдаются часть на первомъ, а часть на второмъ курсѣ.

Чудно обставленная лабораторія и великолѣпный музей позволяютъ студентамъ видѣть все разсказанное на лекціяхъ, а доступъ къ нимъ въ теченіе почти всего дня даютъ возможность распредѣлить свое время.

Всѣ студенты геол. института дѣлятся на «сертификатчиковъ» и «дѣйствительныхъ студентовъ». Первые зачислены только при университетѣ и сдаютъ экзамены по геологіи и минералогіи; вторые зачислены и при институтѣ и сдаютъ всѣ предметы для полученія званія геолога-инженера.

Весной начинаются экскурсіи по геологіи, изъ нихъ одна большая, продолжающаяся 4, 5 или 6 дней. Въ 1930-31 году такая экскурсія была въ Бельгіи и обошлась участникамъ по 400 франковъ.

Курсъ геофизическаго института также двухлѣтній, гдѣ по выбору поступающаго проходится одинъ изъ слѣдующихъ предметовъ: метеорологія, сейсмологія и проспекція. Всѣ русскіе студенты (7 чел.) избрали проспекцію. Главный предметъ института — геофизика, т. е. изученіе нашей планеты, читается директоромъ его въ два года. Онъ дѣлится на двѣ части. Первая - изученіе земного шара въ цѣломъ, отъ ядра до поверхности, и 2-я - изученіе съ помощью физики слоевъ, ближайшихъ къ поверхности земли. Этотъ второй отдѣлъ и является курсомъ проспекціи. Идея такова: основываясь на различн. физич. законахъ узнать строеніе пластовъ земли, ихъ положеніе и опредѣлить нахожденіе всякаго рода залежей, не прибѣгая къ буренію. Каждому желающему поступить въ институтъ предварительно необходимо пройти высшую математику, такъ какъ на ней построено все преподаваніе. Много времени занимаютъ практическія занятія и писаніе по нимъ рапортовъ. Посѣщеніе лекцій, практическихъ занятій и экскурсій абсолютно обязательно.

Высшая школа нефти и жидкихъ горючихъ матеріаловъ, съ одногодичнымъ курсомъ имѣетъ три отдѣленія: химическое, эксплуатаціонное и геологическое. Поступленіе въ нее возможно только окончившимъ высшія школы и количество мѣстъ ограничено (въ этомъ году принято пока только 5 чел. — всѣ французы). Школа обезпечиваетъ мѣсто сразу по ея оконча-

нiи, но, къ сожалѣнiю, теперь она будетъ, можетъ быть, совсѣмъ закрыта для русскихъ. Въ прошломъ году было двое русскихъ на геологическомъ отдѣленiи и 1 на химическомъ.

Русскiе студенты живутъ въ студенческомъ общежитiи, въ пятомъ этажѣ. Комнаты стоятъ отъ 40 до 120 фр. въ мѣсяцъ; имѣется и студенческая столовая, содержимая частнымъ лицомъ, но обѣды обходятся тамъ дороже, чѣмъ въ городѣ.

Въ числѣ русскихъ студентовъ имѣется группа казаковъ въ числѣ 7 человѣкъ. Для казаковъ это уже достаточное количество организоваться въ хуторъ, что и было сдѣлано по инициативѣ нѣсколькихъ казаковъ прибывшихъ въ Страсбургъ изъ Парижа во главѣ съ б. атаманомъ парижской студенческой казачьей станицы Д. С. Романовымъ, который и былъ избранъ хуторскимъ атаманомъ. Писаремъ избранъ Г. Котляровъ и казначеемъ А. Дроздовъ. Хуторъ является филiаломъ Парижской студенческой станицы.

Рѣдко у студента находится время для общественной работы, но если что-либо организуется, казаки-студенты принимаютъ дѣятельное участiе во всемъ, не забывая все же и своихъ занятiй.

Много сдѣлано ими для успѣха концерта, устроеннаго союзомъ русскихъ студентовъ-эмигрантовъ въ Страсбургѣ. Одинъ изъ членовъ хутора организовалъ хоръ, приглашенный однажды пѣть Страсбургской станцiей Т. С. Ф. и принялъ участiе въ вечерѣ русской музыки. Нашлись и художники, декорировавшiе сцену и исполнившiе много красивыхъ программъ для студенческаго вечера.

Изъ этихъ семи казаковъ двое окончило уже геологическiй институтъ, одинъ геофизич. инст. и остальные благополучно перешли съ перваго курса на второй.

Заканчивая эту замѣтку нельзя не вспомнить тѣхъ, кто съ любовью и заботой относится къ студентамъ-казакамъ. Всѣмъ имъ, а особенно почетному казаку Донского Войска, Аббату К. Кенэ сердечное спасибо отъ тѣхъ, кому они помогали и помогаютъ въ тяжелые годы, переживаемые зарубежными студентами-казаками.

Г. Котляровъ

ОТЪ РЕДАКЦIИ

Слѣдующiй номеръ **«Станицы»** выйдетъ въ февралѣ будущаго года.

Всю простую корреспонденцiю просьба адресовать:
Stanitza des Etudiants-Cosaques de Paris.
35, rue de Sèvres — Paris 6e
а заказную и денежную въ адресъ казначея:
Mr. S. Ivanoff. 13, rue François Mouthon — Paris 15e

Прiемъ въ Редакцiи (по первому адресу) по воскресеньямъ отъ 3 до 5 час. веч.

ЗАРУБЕЖНЫЯ КАЗАЧЬИ СТУДЕНЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ

Кромѣ Парижской Студенческой Станицы существуютъ еще слѣдующія организаціи:

Бѣлградская Общеказачья Студенческая Станица. Атаманъ ея — Никола Букинъ, ул. Хаджи - Милентиева, бр. 74, Београд, Югославія.

Общеказачья Станица окончившихъ высшія учебныя заведенія и Студенческая въ Чехо - Словацкой Республикѣ. Адресъ ея: Vsekozacky Spolek studujicich Vys. Skol. v C. S. R., Krakovska, 8, Praha II.

Брненскій хуторъ Общеказачьей Станицы окончившихъ высшія учебныя заведенія и Студенческой въ ЧСР. Въ составъ хутора входитъ 68 человѣкъ. Атаманъ И. С. Алейниковъ. Адресъ хутора: P. Ing. Yakovlev, Restaurant «U. Hofman» na Piskach, C, 10, Brno, Tchecoslovaquie.

Общеказачій Студенческій хуторъ въ г. Загребѣ. Атаманъ — Н. Н. Дувакинъ.

Студенческій хуторъ, входящій въ составъ Софійской казачьей станицы, насчитываетъ въ своемъ составѣ 57 человѣкъ. Атаманъ — В. С. Голицынъ — бул. Царь Асѣнъ 11, № 9, Софія, Болгарія.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЗАЧІЙ ЖУРНАЛЪ «РОДИМЫЙ КРАЙ»

Подписная плата за годъ — 12 номеровъ журнала — 40 франковъ, съ пересылкой, за 6 мѣсяцевъ — 22 фр. Стоимость отдѣльнаго номера — 4 фр. Журналъ выходитъ во второй половинѣ каждаго мѣсяца. Годовые подписчики, внесшіе **сразу** 40 франковъ, получатъ въ премію, безплатно, гравюру «Битва Ермака съ татарами на р. Иртышѣ» — съ извѣстной картины знаменитаго русскаго художника Сурикова.

Въ Китаѣ подписка принимается у Е. П. Березовскаго (Дачная ул. 11, кв. 22 Харбинъ); изъ всѣхъ другихъ странъ подписную плату нужно пересылать по адресу редактора:
Mr Melnikoff. 76, rue de Paris. Brie-Comte-Robert (S. et M.) France.
причемъ во Франціи подписную плату можно присылать почтовыми марками.

Правленіе Казачьяго Союза.

КАЗАЧЬИ ТЕМЫ ВЪ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Въ зарубежныхъ изданіяхъ, выпущенныхъ съ 1921 года мы найдемъ не мало матеріала о казачествѣ въ беллетристикѣ, исторіи, мемуарной литературѣ о гражданской войнѣ, въ отдѣлѣ политики и пр.

Всѣмъ извѣстны изданія Донской исторической комиссіи, штаба Донского Корпуса и казачья періодическая пресса, изданія Казачьяго Союза (Казачій Сборникъ и анкета «Казачество»).

Больше всего, конечно, написано о гражданской войнѣ. Въ томахъ «Архива Русской Революціи» имѣются интереснѣйшія воспоминанія генерала П. Н. Краснова, «Всевеликое Войско Донское», воспоминанія ес. Сережникова о его служебной поѣздкѣ въ 1918 г. въ Берлинъ, захватывающія страницы ес. Падалкина о поѣздкѣ изъ Новочеркасска въ Москву, встрѣчахъ и разговорахъ съ большевицкими вождями и благополучномъ возвращеніи на Донъ, статья Дроздова, «Интеллигенція на Дону» и пр. Въ «Бѣломъ дѣлѣ» ген. Акулининъ помѣстилъ большую статью, посвященную участію Уральскаго казачьяго Войска въ гражданской войнѣ. Ранѣе на эту тему вышла книга Уральскаго Войскового Атамана ген. Толстова, «Отъ красныхъ лапъ въ неизвѣстную даль». О «бѣло-зеленыхъ казакахъ» подробно разсказано въ статьѣ Савченко въ «Голосѣ минувшаго», выходившаго въ Парижѣ. Много мѣста казачеству отведено у ген. Деникина («Очерки русской смуты») и ген. Врангеля. Въ отдѣлѣ художественной литературы слѣдуетъ отмѣтить сборникъ стиховъ «Путь» талантливаго молодого поэта Н. Туровѣрова. На этихъ дняхъ вышла изящно изданная и снабженная иллюстраціями казачья поэма П. Полякова, «Иванъ и Феня». Изъ романовъ на историческія темы укажемъ «Съ нами Богъ» и «Все проходитъ» П. Н. Краснова и его же повѣсть для юношества «Съ Ермакомъ на Сибирь». Изъ подъ пера этого талантливаго писателя за границей вышло около 20 книгъ, большей частью романовъ. Изъ беллетристики же отмѣтимъ романъ И. Ф. Наживина, «Казаки» (изъ временъ Степана Разина), сборникъ разсказовъ В. С. Крюкова, «Родной Край», романъ изъ эпохи гражданской войны П. М. Шишкина, «Свернутыя знамена», повѣсть Кундрюцкаго, «Казакъ Иванъ Гаморкинъ, повѣсть Янушкевича «Такъ было и ... будетъ».

Изъ другихъ отдѣловъ литературы о казакахъ упомянемъ брошюру Е. Тихоцкаго, «Атака австро-венгерской конницы на 2-ую сводную казачью дивизію подъ м. Городокъ 4-17 августа 1914 г.», двѣ брошюры В. Синеокова — «Казачество и его государственное значеніе» и «О любви къ отечеству и народной гордости съ казачьей точки зрѣнія», интересныя воспоминанія Макѣева, «Изъ исторіи одной экспедиціи» (на Кавказъ при ген. Врангелѣ). О знаменитомъ хорѣ С. А. Жарова С. Клинскій выпустилъ въ прекрасномъ изданіи, съ многочисленными иллюстраціями исторію хора подъ названіемъ «С. Жаровъ и Донской Казачій Хоръ». Въ прошломъ году вышла книга полк. Ф. Елисѣева, «Исторія Кубанскаго войскового гимна».

Готовятся къ печати еще двѣ книги: Н. Биркинъ, «Кадетскій корпусъ (воспоминанія воспитателя Донского кадетскаго корпуса) и Н. Бѣлогорскаго, «Пути казачества».

П. Гусевъ

КАЛЕНДАРЬ

Поступилъ въ продажу Отрывной Календарь Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ

Отрывной календарь изданъ по программѣ прошлыхъ лѣтъ.

Основной идеей Главнаго Правленія было — дать на листкахъ календаря рядъ систематически подобранныхъ свѣдѣній по исторіи, географіи и культурѣ довоенной Россіи. Поэтому оно внесло въ свой календарь короткія, но яркія и проникнутыя высокимъ патріотическимъ и національнымъ духомъ замѣтки о Россіи на каждый день. Есть также много яркихъ стихотвореній, полныхъ глубокой скорби о нашей несчастной Родинѣ и огнемъ ненависти къ ея поработителямъ.

Каждый день календарь говоритъ русскому брату изгнаннику: **Помни Россію, не забывай о ея славѣ, величіи, дѣлай все для ея спасенія и возстановленія.**

Календарь 1931 года разошелся полностью. Главное Правленіе, какъ и при изданіи календаря на 1930 годъ, получило дѣйствительно множество благодарственныхъ писемъ и пожеланій читателей со всѣхъ концовъ міра.

Всѣ свѣдѣнія въ календарѣ совершенно новыя. Дано множество интересныхъ и подробныхъ свѣдѣній о русскихъ городахъ, ихъ достопримѣчательностяхъ, музеяхъ, монастыряхъ и замѣчательныхъ окраинахъ Россіи.

Но не только содержаніе календаря, интересное и поучительное для русскихъ людей за рубежомъ и воспитательное для подрастающаго поколѣнія, но и благотворительная цѣль — помощь русскимъ военнымъ инвалидамъ, отдавшимъ свои силы за Родину — великую и славную, когда то милую и дорогую Россію, налагаютъ на русскихъ людей обязанность поддержать инвалидовъ.

Главное Правленіе надѣется, что календарь Русскихъ военныхъ инвалидовъ уже тѣмъ будетъ полезенъ всѣмъ зарубежнымъ русскимъ людямъ, что **ежедневно будетъ напоминать имъ о томъ, какъ велика и обильна была Россія до плѣненія ея агентами 3-го интернаціонала, что такая великая страна умереть и погибнуть безвозвратно не можетъ и что день ея освобожденія и возрожденія приближается.**

Цѣна блока календаря 10 франковъ и художественной стѣнки къ нему 1 фр. 50 с.

Главное Правленіе проситъ всѣхъ доброжелателей и лицъ, сочувствующихъ инвалидамъ не отказать въ любезности сообщить, какое количество календарей они могли бы распространить. По полученіи отвѣта — календари будутъ высланы немедленно.

Заказы на календари просятъ направлять по адресу Главнаго Правленія:
28, Avenue de Chevreuse, Clamart (Seine) France.

Le gérant: Ch. Quénet, Typ. BASILE, 1, villa Chauvelot, Paris

№ 2
Fèvrier 1932
Цѣна
2 фр.
СТАНИЦА
STANITZA
organe de la Stanitza
des Étudiants-Cosaques de Paris
35, rue de Sèvres — PARIS (VIe)
Посвященъ памяти
Казачьихъ Вождей
ФЕВРАЛЬ 1932 г.

Отъ Донского Атамана

Привѣтствую «Станицу» и отъ души желаю студенческому казачьему журналу успѣха и развитія. Пусть этотъ маленькій журналъ послужитъ для болѣе тѣснаго объединенія казаковъ студентовъ, вѣрныхъ дѣтей великой Матери Россіи, преданность которой они уже доказали своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ тяжкой борьбѣ за ея спасеніе.

Шлю вамъ свой сердечный привѣтъ, станичники! Хорошо знаю, въ какихъ условіяхъ нищенскаго существованія учитесь вы, готовясь къ будущей службѣ Родинѣ, гдѣ гнусная совѣтская власть безпощадно уничтожаетъ всю интеллигенцію, всѣхъ, кто по своему развитію стоитъ выше ея. Не теряйте бодрости духа! Вы еще молоды, и упорнымъ трудомъ добьетесь поставленной себѣ ясной и вѣрной цѣли. Будьте, какъ всегда, благодарны тѣмъ, кто помогаетъ вамъ бороться съ тяжкой жизнью на чужбинѣ, держитесь подальше отъ всякихъ политическихъ увлеченій, помня, что у насъ есть ясная и прямая казачья линія — вѣры и здраваго смысла: прежде всего — освобожденіе Родины, а потомъ уже рѣшеніе вопроса, кто будетъ править ею.

И да поможетъ вамъ Богъ въ вашемъ честномъ и усердномъ трудѣ!

Ген.-Лейт. А. Богаевскій

А. М. КАЛЕДИНЪ,

ПЕРВЫЙ ВЫБОРНЫЙ ВОЙСКОВОЙ АТАМАНЪ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Прошло 14 лѣтъ со дня рокового выстрѣла, которымъ трагически окончилъ свою жизнь А. М. Калединъ, первый выборный Атаманъ Войска Донского. За эти годы безвременья, смуты, борьбы и изгнанія пережито много событій, участниками которыхъ мы являлись, много лицъ прошло передъ нашими глазами, но на фонѣ этихъ событій и лицъ сталъ болѣе яркимъ, болѣе величественнымъ образъ свѣтлой и незаурядной личности нашего Атамана.

Не задаваясь цѣлью подробно разсмотрѣть жизнь и дѣятельность А. М. Каледина, постараемся въ краткихъ словахъ отмѣтить лишь основу его служенія Родинѣ и Дону и тѣ характерныя личныя черты, благодаря наличію которыхъ казачество считаетъ его своимъ вождемъ.

Основной цѣлью дѣятельности А. М. Каледина во время его атаманства являлось с п а с е н і е Р о с с і и и къ ней онъ шелъ путемъ организаціи Дона, путемъ собиранія тамъ силъ для борьбы сначала съ анархіей и общей расхлябанностью, воцарившимися во всѣхъ областяхъ управленія страной, а затѣмъ и для борьбы съ большевиками. Къ освобожденію Россіи отъ большевиковъ онъ стремился, по свидѣтельству А. И. Деникина, не менѣе страстно, чѣмъ Корниловъ и Алексѣевъ. И эта цѣль оставалась у А. М. Каледина до послѣдняго часа его жизни, къ ней стремились его ближайшіе сотрудники и помощники, изъ-за достиженія ея продолжалась вся послѣдующая борьба казачества съ большевиками, она является и сейчасъ тѣмъ завѣтнымъ желаніемъ, осуществленія котораго жаждутъ не только казаки, въ изгнаніи находящіеся, но и оставшіеся въ родныхъ краяхъ. Достаточно вспомнить рѣчь А. М. Каледина на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго — въ ней грозный призывъ къ необходимости созданія сильной и независимой ни отъ кого центральной власти единой Россіи, въ ней говорится о спасеніи Родины, а не революціи, въ этой рѣчи указаны и способы достиженія намѣченной цѣли. Недаромъ послѣ выступленія на Московскомъ Гос. Сов. А. М. Калединъ получилъ отъ «революціонной демократіи» званіе контръ-революціонера.

А. М. Калединъ, организуя и устраивая поря-

докъ на Дону, полагалъ, что тѣмъ самымъ онъ способствуетъ укрѣпленію порядка въ Россіи. Донъ, какъ и всѣ другія казачьи войска, по мнѣнію А. М. Каледина, сходившемуся съ постановленіями всѣхъ Круговъ, имѣлъ право на широкое мѣстное самоуправленіе. Черезъ своихъ выборныхъ Атамановъ и Кругъ Донъ долженъ былъ владѣть и распоряжаться своими землями, вѣдать всѣми вопросами культурной и экономической жизни края.

Провозглашеніе послѣ большевицкаго переворота самостоятельности и независимости Дона при А. М. Калединѣ носило временный характеръ впредь до образованія законной общегосударственной власти. Послѣ октябрьскаго въ Москвѣ переворота Россійскому Временному Правительству было послано приглашеніе возобновить на Дону свою дѣятельность по борьбѣ съ большевиками.

осторожно. Каждый вопросъ онъ разсматривалъ всесторонне, но принятое рѣшеніе приводилъ въ исполненіе, не останавливаясь передъ затрудненіями. Съ его мнѣніями всегда считались и вліяніе его на Кругъ и Войсковое Правительство было очень велико. Слѣпо итти за совѣтниками, за Кругомъ онъ не могъ. На обвиненія въ нерѣшительности и медленности операцій противъ большевиковъ, политиканствѣ Войскового Правительства, исходившія изъ круговъ общественности, А. М. Каледин отвѣтилъ: «А Вы что сдѣлали? Я лично отдаю Родинѣ и Дону свои силы, не пожалѣю и своей жизни. Но весь вопросъ въ томъ, имѣемъ ли мы право выступать сейчасъ же, можемъ ли мы расчитывать на широкое народное движеніе. Русская общественность прячется гдѣ то на задворкахъ, не смѣя возвысить голоса противъ большевиковъ. Войсковое Правительство, ставя на карту Донское Казачество, обязано сдѣлать точный учетъ всѣхъ силъ и поступить такъ, какъ ему подсказываетъ чувство долга передъ Дономъ и передъ Россіей».

Тѣло А. М. Каледина въ гробу въ Атаманскомъ дворцѣ.

Изъ личныхъ качествъ А. М. Каледина должны быть отмѣчены: его нелюбовь къ рѣчамъ, позамъ, выступленіямъ, самостоятельность и твердость характера, лояльность и уваженіе къ принципамъ демократіи и рѣдкостно развитыя чувства долга и чести.

А. М. Калединъ рѣдко выступалъ съ рѣчами передъ Кругомъ, въ засѣданіяхъ Войскового Правительства — онъ говорилъ лишь тогда, когда это было нужно и къ его словамъ — простымъ, краткимъ и точнымъ ничего нельзя было прибавить или убавить. Слово у него не расходилось съ дѣломъ. Его выступленія подкупали слушателей искренностью, прямотой и достоинствомъ. Къ оваціямъ и знакамъ одобренія онъ относился вполнѣ равнодушно, а нерѣдко, считая ихъ лишними, просилъ воздержаться отъ ихъ выраженія.

Его ближайшій помощникъ М. П. Богаевскій отмѣчаетъ у А. М. Каледина наличіе большой воли, переходившей иногда въ упрямство. За всѣми политическими дѣлами А. М. слѣдилъ зорко, къ новымъ людямъ присматривался и относился крайне

А. М. Калединъ искренно и честно призналъ, что безъ народа управлять невозможно и послѣдовательно проводилъ это свое убѣжденіе въ своихъ отношеніяхъ къ Кругу. Этимъ убѣжденіемъ, лояльностью къ принципамъ демократіи, объясняется горячая съ его стороны поддержка постановленія Круга о привлеченіи къ управленію краемъ коренного неказачьяго населенія. Нельзя не согласиться съ А. И. Деникинымъ, который, отмѣчая эту черту характера А. М. Каледина, говоритъ, что она была проведена у него такъ, какъ ни у кого изъ революціонныхъ вождей.

А. М. Калединъ не искалъ и не хотѣлъ поста Атамана. На сдѣланное ему президіумомъ Круга предложеніе выставить свою кандидатуру въ Атаманы, отвѣтилъ отказомъ. Только указаніе, что его д о л г ъ казака принять въ тяжелое и отвѣт-

ственное время постъ Атамана, побудило его измѣнить свое рѣшеніе и принять это избраніе. Послѣ оглашенія грамоты «отъ 1-го Войскового Круга всего Великаго Войска Донского избранному вольными голосами Войсковому Атаману, нашему природному казаку, Генералу и Георгіевскому Кавалеру» и врученія ему булавы и пернача на Соборной площади г. Новочеркасска 18-го іюня 1917 г. А .М. Калединъ кратко сказалъ: «Слушаюсь, долгъ свой исполню»... Только такимъ пониманіемъ долга и чести можно объяснить сдѣланное имъ въ своей исповѣди Кругу послѣ «Калединскаго мятежа» заявленіе, что «хотя никакого участія въ Корниловскомъ выступленіи не принималъ, о немъ не зналъ, но если бы зналъ, то поддержалъ бы Корнилова и всемѣрно готовъ нести полную отвѣтственность, какъ идейный соучастникъ». Въ декабрѣ 1917 г., когда уже велась вооруженная борьба съ большевиками, А. М. Калединъ созвалъ Войсковой Кругъ и, заявивъ объ одіозности своего имени, сложилъ полномочія Атамана и настаивалъ на избраніи другого лица. Только сознаніе, что «теперь отказываться нельзя», вновь заставило его согласиться на избраніе. Принявъ тяжкій крестъ, какимъ онъ считалъ въ то время власть, А. М. Калединъ заявилъ: «Такъ значитъ борьба не на жизнь, а на смерть. Прошу вѣрить, долгъ свой исполню до конца. Если хотите сохранить свое казачье лицо, то я Вашъ слуга». Такое пониманіе долга А. М. Калединымъ и привело къ трагическому концу.

Въ послѣднемъ засѣданіи Войскового Правительства, 29-го января 1918 г., когда на фронтѣ защитниковъ Новочеркасска было всего лишь 147 штыковъ, А. М. Калединъ заявилъ: «Дальше борьба невозможна. Только лишнія жертвы и напрасно пролитая кровь. Прошу обсудить вопросъ о своемъ дальнѣйшемъ существованіи. Я слагаю свои полномочія». Слагаю, а не передаю, какъ сдѣлалъ бы всякій другой на его мѣстѣ...

А. М. Калединъ находилъ полную поддержку въ Войсковомъ Кругѣ и вѣрилъ, что и все казачество его поддержитъ, а «въ народѣ», — говоритъ его Помощникъ М. П. Богаевскій, — «была одна сила — это сила разрушенія или въ крайнемъ случаѣ позорный нейтралитетъ».

Гулкимъ эхомъ пронесся по Дону Калединскій выстрѣлъ, но только черезъ полтора-два мѣсяца казаки сдѣлали то, къ чему призывалъ ихъ 1-ый выборный Атаманъ А. М. Калединъ.

КАЛЕДИНЪ

Есть на кладбищѣ Дона могила,
По ночамъ она свѣтомъ горитъ.
То съ казачествомъ тайною силой
Атаманъ Калединъ говоритъ.

Онъ лежитъ подъ крестомъ погребенный,
Но не спится душѣ удалой.
По степямъ она ночью гуляетъ
И зоветъ на рѣшительный бой.

Сердце Дона, залитое кровью,
Стоны вольныхъ окраинъ Донскихъ,
Не даютъ Атаману покоя,
Онъ душой изныааетъ за нихъ.

Гей, Донскіе орлы, боевые!
Поклянитесь мнѣ въ вашихъ сердцахъ,
Что вернемъ мы степи родныя, —
Успокойте мой прахъ.

Поклянитесь вы мнѣ, Атаману,
Что недаромъ я жизнь загубилъ,
Что воротимъ рано, иль поздно,
Нашихъ предковъ покой у могилъ.

Поклянитесь, что игомъ позора
Не позволимъ мы Донъ запятнать,
Что казачьяго гордаго взора
Не придется къ землѣ опускать.

Въ день его одинокой кончины,
Крестнымъ знаменемъ грудь осѣня,
И молитвой великой помины,
Помолись вся Донская Земля.

Да проститъ ему Богъ Вседержитель
Самовольный грѣховный конецъ.
Да введетъ во святую Обитель
И надѣнетъ терновый вѣнецъ.

Спи спокойно, нашъ мученикъ славный,
Пусть легка тебѣ будетъ земля,
Не забудетъ народъ православный
Помянуть на молитвѣ тебя.
Мы не склонемъ Донскія знамена,
Мы воротимъ всѣ степи Донскія,
Спи спокойно, Донской Атаманъ!..

В. Каргальская.

Памяти Уральцевъ

Киргизской унылой, безбрежною степью
Среди снѣжныхъ заваловъ и мерзлыхъ песковъ,
Безкрайно далекою, длинною цѣпью
Уходятъ съ Урала полки казаковъ.

Въ трескучую стужу, безъ пищи, безъ крова,
Безъ теплой одежды, на вѣрныхъ коняхъ...
Въ угрюмомъ молчаньи. На лицахъ суровыхъ,
Презрѣнье къ врагу и рѣшимость въ очахъ.

Мы связаны клятвой — изъ рукъ супостата
Прощенія и милости мы не возьмемъ,
Намъ нѣтъ отступленья, намъ нѣтъ и возврата
На старый Яикъ нашъ — мы въ битьахъ умремъ...

И стонетъ, и воетъ декабрьская вьюга,
И шепчетъ какъ будто дразня казака:
«Разбита, слышь, начисто армія Юга,
«Далеко въ Сибири Войска Колчака,

«Все кончено, помощи ждать, но откуда?
«Союзниковъ нѣтъ. Ты обманутъ, мой другъ.
«Отъ Бога, быть можетъ, спасенья ждешь? Чуда?
«Но Богъ отвернулся — законченъ твой кругъ.

«Зачѣмъ ты покинулъ родную станицу,
Зачѣмъ ты оставилъ дѣтей и жену?
«Смотри какъ заплаканы милыя лица.
«Оставилъ на муки ихъ въ красномъ плѣну.

«Нѣтъ выхода вамъ, какъ и нѣтъ отвѣта
«На жадный вопросъ: что же тамъ впереди?
«Вернись, братъ, домой — хата жарко нагрѣта...
«Оставь Атамана, друзей... Не ходи!»...

Угрюмо внимаетъ казакъ этой пѣсни мятели
И смотритъ съ тоской, озираясь кругомъ.
Вотъ взводъ казаковъ, — какъ всѣ, грѣясь, сидѣли,
Такъ всѣ и замерзли предъ жалкимъ костромъ.

Вотъ сотникъ лежитъ съ головою пробитой,
И конь вороной, умирая, глядитъ
Съ тоской человѣческой... Снова убитый...
Замерзшій урядникъ въ канавѣ сидитъ...

Телѣга стоитъ и озябшіе кони
Не могутъ итти и, шатаясь, дрожатъ.
Подъ старой кошмой, на рваной попонѣ,
Три трупика дѣтскихъ, обнявшись, лежатъ...

Костеръ чуть мигаетъ, сидитъ одиноко
Хорунжій - юнецъ и, тряся головой,
Онъ всѣхъ вопрошаетъ: За что такъ жестоко
Я брошенъ одинъ... Ни ногой, ни рукой,

Не въ силахъ я двинуть. Молю васъ, убейте!
Убейте меня, вотъ, наганъ, казаки,
Вѣдь красные кончатъ меня, пожалѣйте —
Разъ смерть, такъ ужъ лучше отъ братской руки.

Вернуться? признать эту красную силу,
Солгать, что служилъ, противъ воли своей,
Съ повинной притти? Вновь найти свою милую
Въ поселкѣ своемъ, среди малыхъ дѣтей,

Забыть этотъ ужасъ, кошмаръ истребленья,
Заняться хозяйствомъ, садокъ развести
И тихо, спокойно... Нѣтъ, прочь искушенье,
Уйди отъ меня!.. Боже, правый, прости,

Мнѣ нѣтъ, какъ и всѣмъ, на отчизну возврата.
Быть можетъ всѣ здѣсь и могилу найдемъ,
Но клятва дана — и изъ рукъ супостата
Прощенья и милости мы не возьмемъ.

Потомки героевъ Хивы и Икана,
Урала сыны, мы имъ долгъ отдаемъ,
И смѣло идемъ за своимъ Атаманомъ
И славу Уральцевъ мы дальше несемъ...

Б. Х—нъ.

УРАЛЬЦЫ

Въ зарубежьи до сихъ поръ еще нѣтъ никакихъ историческихъ матеріаловъ по героической борьбѣ Уральскаго Казачьяго Войска въ дни Всероссійской смуты. Причиной этому — трагедія этого доблестнаго Войска, потерявшаго почти всю интеллигенцію въ кровопролитной неравной войнѣ славныхъ Уральцевъ съ большевиками. Но вѣрится, что оставшіеся въ живыхъ Уральцы, какъ и тѣ ,кто были съ ними въ походѣ съ родной земли въ Месопотамію, соберутъ весь разрозненный матеріалъ и повѣдаютъ міру о томъ массовомъ героизмѣ, которое Войско проявило въ цѣломъ и о тѣхъ, ставшихъ легендарными герояхъ-вождяхъ, которые вправѣ занять мѣсто наряду съ извѣстными не только русскому бѣлому воинству, но и всему міру вождями Россійской Арміи и Казачества въ борьбѣ за освобожденіе Россіи.

Доблестный генералъ - лейтенантъ Матвѣй Филаретовичъ Мартыновъ, командовавшій Уральской Казачьей Арміей и скончавшійся послѣ третьяго раненія изъ-за отсутствія перевязочныхъ матеріаловъ 18 марта 1919 года (страшно подумать, въ какихъ условіяхъ дрались герои - Уральцы, если нечѣмъ было перевязать раны Командующаго Арміей).

Уральскіе казаки считали своего вождя «заговореннымъ». Вездѣ, въ самыя тяжелыя минуты появлялся доблестный генералъ Мартыновъ и своей личной храбростью онъ часто рѣшалъ участь боя. Истекая кровью, онъ не покидалъ своихъ «Горынычей» и послѣ перевязки вновь появлялся среди нихъ.

Не пуля врага, а обидная, неустранимая причина — бѣдность Войска съ самомъ нужномъ (медикаментахъ)—унесла отъ Уральцевъ любимаго вождя.

Въ слѣдующихъ номерахъ «Станицы» мы надѣемся дать о покойномъ подробныя свѣдѣнія, какъ и о другихъ герояхъ Войска: генералѣ Акутинѣ, полковникахъ Куринѣ, Бородинѣ и др., павшихъ смертью храбрыхъ.

Изъ здравствующихъ героевъ Войска, его Войсковой Атаманъ генералъ - лейтенантъ Владиміръ Сергѣевичъ Толстовъ, находится нынѣ въ Австраліи съ группой своихъ Уральцевъ. Онъ спасъ Войско отъ участи быть разгромленнымъ на своей территоріи. Только что избранный Атаманомъ, въ боевой обстановкѣ, своими полководческой прозорливостью и беззавѣтной храбростью, двинулъ обезкровленную Уральскую Армію на бой, и спасъ Войско отъ безславной гибели — и увелъ «отъ красныхъ лапъ въ неизвѣстную даль» остатки своей Арміи — въ тотъ походъ, которому быть можетъ нѣтъ равнаго и съ которымъ мы надѣемся также познакомить нашихъ читателей.

Миръ праху и вѣчная память Героямъ - Уральцамъ павшимъ и слава героямъ живымъ.

Гибель Полк. В. Чернецова

Василій Михайловичъ Чернецовъ, сынъ казака-землероба Калитвенской станицы. Окончивъ городское училищ въ ст. Каменской, онъ пошелъ по призванію въ Новочеркасское Юнкерское училище. Его природный умъ, смѣлость и отвага подсказали ему жертвенный путь служенія Родинѣ — путь офицерства

«Сметка, быстрота побѣда» — заповѣдь Суворова коннику. Эту заповѣдь хорошо усвоилъ Чернецовъ, — уже въ Германскую войну въ чинѣ сотника, онъ командуетъ Партизанскимъ отрядомъ и награждается Георгіемъ.

17-ый годъ. Есаулъ Чернецовъ — членъ Войскового Круга, перваго Круга, послѣ столѣтій управ-

мѣну «Трудовому Казачеству» и шпіонажъ въ ліеня Войскомъ изъ далекаго «холоднаго» Петербурга, откуда присылались на Донъ «по-атаманить» мало того, что люди совершенно чуждые казачеству, но иногда своими не русскими фамиліями зарождавшіе въ умахъ казаковъ сомнѣніе въ ихъ русскомъ происхожденіи.

Фронтовое казачество, уставшее отъ войны, не поддержало Атамана Каледина и Кругъ въ призывѣ къ защитѣ Дона отъ надвигавшейся со всѣхъ сторонъ на него большевицкой опасности. Надо было прибѣгнуть къ добровольческимъ формированіямъ, поручивъ его опытному и преданному дѣлу защиты Края казаку. Кому, кромѣ Есаула Чернецова, этому прирожденному партизану, горѣвшему любовью къ Дону, можно было довѣрить въ тѣ дни такое отвѣтственное дѣло?

Выборъ палъ на 28-лѣтняго, заслуженнаго героя войны, Есаула Чернецова.

Но и его страстный кличъ по Дону защищать станицы и хутора отъ надвигающейся смертельной большевицкой опасности, не нашелъ отклика въ сердцахъ старыхъ испытанныхъ въ бояхъ казаковъ... И лишь зеленая молодежь, вѣчно жадная къ красотѣ подвига, шумно отозвалась на его призывъ, — побѣдить или умереть, но ни одного дня не мириться съ властью красныхъ разбойниковъ.

Первый Донской Партизанъ Полковникъ В. ЧЕРНЕЦОВЪ

Есаулъ Чернецовъ былъ для своихъ партизанъ тѣмъ же, чѣмъ Суворовъ для своихъ чудо - богатырей, а позже Корниловъ для героевъ своего похода.

Всегда веселый, жизнерадостный, общительный, подвижной — онъ всегда вмѣстѣ со всѣми, а въ бою — неизмѣнно впереди. Одно его слово, движеніе, жестъ — любой изъ партизанъ пойдетъ въ огонь и въ воду.

Онъ зналъ, что ликъ побѣды всегда рождается въ бою и онъ никогда не боялся начинать боя, ибо, кромѣ того, онъ твердо зналъ всегда, за обладаніе «какимъ пунктомъ» непріятельской позиціи, онъ вступаетъ въ бой.

Людямъ большимъ — свойственны и большія ошибки, заблужденія. Чернецовъ не учелъ одного обстоятельства въ своемъ послѣднемъ бою съ красными, что на него, на героя защиты Дона, поднимутъ руки свои же братья-казаки... но большевицкаго толка.

Была середина января 1918 года. Чернецовъ занялъ станицу Каменскую, откуда выгналъ прочно засѣвшій тамъ Краевой военно - революціонный комитетъ подъ предсѣдательствомъ подхорунжаго Подтелкова, мечтавшаго стать президентомъ Донской совѣтской республики, и воинскія части, на кои, какъ на рельную силу, опирались комитетчики.

Есаулъ Чернецовъ въ это время, за заслуги передъ Дономъ, былъ произведенъ Войсковымъ Атаманомъ въ Полковники.

«... Изъ революціонно настроенныхъ казаковъ 27, 44, Лейбъ-Казачьяго, Атаманскаго и 2-го запаснаго полковъ, Войсковой Старшина Голубовъ спѣшно сколачиваетъ конную боевую группу, которая черезъ нѣсколько дней, при поддержкѣ уже подошедшей изъ Луганска и Воронежа красной пѣхоты, двинется на Новочеркасскъ. Пѣхота — со станціи Глубокая по полотну желѣзной дороги, по льду черезъ Донецъ, на Каменскую; конница — черезъ хуторъ Караичевъ Гундоровской станицы ударитъ на станцію Лихая, обходя съ тылу Полковника Чернецова съ его отрядомъ въ Каменской и выходя на прямую Лихая — Новочеркасскъ, сто съ лишнимъ верстъ, — что равносильно гибели Новочеркасска, такъ какъ кромѣ Чернецова на этой короткой линіи уже никто не сможетъ удержать Голубова отъ вторженія въ него». Такъ докладывалъ пишущій эти строки, 17 января 1918 г., чудомъ избѣжавъ разстрѣла, къ коему былъ приговоренъ Голубовско-Подтелковскимъ военно - революціоннымъ трибуналомъ на ст. Глубокая за из-

пользу Ген. Каледина; докладывалъ Ген. Усачеву, Начальнику 5 Донской Казачьей дивизіи (бывшему въ то время Начальикомъ обороны станицы Каменской, въ присутствіи Полковника Измайлова (Командира артиллерійскаго дивизіона при 5 Д. К. дивизіи). На эту отвѣтственную развѣдку я былъ посланъ Полковникомъ Поляковымъ Мих. Мих.; кромѣ того въ мою задачу входило агитировать въ казачьихъ революціонно настроенныхъ частяхъ за разъѣздъ казаковъ по домамъ (дабы эти части не мѣшали Полковнику Чернецову въ его борьбѣ съ пришлыми изъ Россіи красными частями).

Обо всемъ мною доложенномъ, Генералъ Усачевъ немедленно поставилъ въ извѣстность Полковника Чернецова.

Какъ всегда вѣря въ успѣхъ своихъ головокружительныхъ боевыхъ налетовъ, Чернецовъ рѣшилъ какъ можно скорѣе напасть на большевиковъ на ст. Глубокая, дабы помѣшать Голубову созданіе боевой конной группы и концентраціи красной гвардіи, посланнй въ помощь Подтелкову изъ Луганска и Воронежа.

Въ ночь съ 20 на 21 января 1918 года, съ сотней юнцовъ — Каменскихъ гимназистовъ и реалистовъ, съ нѣсколькими молодыми офицерами, при одной пушкѣ, Полковникъ Чернецовъ бросился изъ Каменской на хуторъ Гусевъ Калитвенской станицы, чтобы напасть на Глубокую со стороны, откуда красные, привыкшіе видѣть партизанъ только по желѣзной дорогѣ, никакъ его не ожидали; чтобы совершенно отвлечь ихъ вниманіе отъ этого своего маневра, онъ приказалъ одновременно со стороны Каменской въ сторону Глубокой по желѣзной дорогѣ демонстрировать наступленіе. Страшное и непоправимое совершилось въ этотъ день въ исторіи Дона, положившее начало казачьей кровавой междуусобицѣ.

Какъ вспышки молніи, блеснула сталь дѣдовскихъ шашекъ и казаки Голубова въ конномъ строю, съ вѣковымъ казачьимъ «ги», котораго не выдерживала ни одна конница въ мірѣ, атаковали Чернецова съ горсточкой его орлятъ.

Мало уцѣлѣло юнцовъ - партизанъ. Раненый въ ногу, плѣненный, но могущій освободиться цѣною жизни оставшихся партизанъ и предлагавшихъ ему легко выполнимый планъ бѣгства, Чернецовъ на отрѣзъ отказался отъ такой чести, — купить себѣ свободу цѣною жизни довѣрившихся ему дѣтей во имя Свободы и счастья Родины.

Подтелковъ не выдержалъ моральнаго превосходства плѣненнаго Полковника Чернецова, его гордости и презрѣнія къ нимъ, какъ къ измѣнникамъ Казачеству и съ дикою злобою изрубилъ безоружнаго героя, перваго Донского Партизана, положившаго основаніе отряду Партизанъ Чернецовцевъ, которые въ послѣдуюшей борьбѣ съ большевиками всегда и во всемъ старались подражать своему первому Командиру, — какъ въ его безкорыстной любви къ Родинѣ, такъ и въ готовности умереть за Нее.

Исторія Бѣлой борьбы съ большевиками на югѣ Россіи запишетъ дѣло Полковника Василія Чернецова и доблесть его Партизанъ, первыхъ пошедшихъ за нимъ на борьбу съ насильниками русскаго народа большевиками, на своей первой, лучшей страницѣ.

Участники нынѣшней борьбы съ сталинизмомъ, какъ и участники будущаго кроваваго и послѣдняго боя съ большевиками, черпаютъ и будутъ черпать силу и бодрость духа въ красочной жизни Ченцова для Родины и смерти за Нее.

29. 1. 1932.

Есаулъ Моисей Поповъ

СКАЗОЧКА

Есть такія сказочки, любимыя, съ дѣтства знакомыя... Какой нибудь маленькій, незатѣйливый пустячекъ полонитъ дѣтское воображеніе и, вотъ, живетъ годами въ человѣческой памяти, всегда живой, волнующій, яркій.

Уплывутъ годы юности, пройдетъ суетливая пора зрѣлости, наступятъ дни мудрой старости, — а сказочка жива, по прежнему молода, — что для нея годы, если сильна въ ней, сильнѣе любви, сильнѣе смерти, благоуханная поэзія чудеснаго вымысла.

Такою сказочкой была и осталась для Сергѣя Илларіоновича его юность, чудесная пора студенческихъ лѣтъ, когда все озарялось яркимъ сознаніемъ своей молодости, своего неотъемлемаго права на жизнь.

Университетъ Санктъ-Петербургскій, широкія линіи Васильевскаго острова, бѣлыя ночи, разлюбезные трактиры съ бильярдами, гдѣ часами дулись въ низкихъ зальцахъ, спорили, пили пиво, а потомъ, выйдя на улицу, долго бродили по набережной, разрѣшая «проклятые вопросы».

Въ собственной юности для Сергѣя Илларіоновича все было мило, все дорого, все одинаково важно и значительно, но сказочкой, тѣмъ, что при воспоминаніи заставляло и здѣсь, на чужбинѣ, усиленно биться его сердце — была та далекая, въ вѣч-

ность канувшая, встрѣча его съ цвѣточницей Зиной — самый маленькій и нелѣпый романъ его жизни, который остался въ памяти особенно свѣтлымъ, для котораго Сергѣй Илларіоновичъ такъ и не нашелъ другого имени.

— Сказочка, моя сказочка, — говорилъ онъ и улыбался при этомъ свѣтлыми, лучистыми глазами.

Зина была продавщицей цвѣтовъ въ крошечномъ деревянномъ кіоскѣ на «Стрѣльнѣ».

Ахъ эти волшебныя перламутровыя зори, тихій, словно съ просонья, рождающійся день, которому не дали выспаться и, вотъ, — снова уже иглы солнца въ глаза, блескъ церковныхъ куполовъ, шпили золотые Петропавловской Крѣпости и Адмиралтейства, полудремные гудки буксировъ, и опять — движеніе, шумъ, запахъ вянущихъ розъ и горькій вкусъ асфальта на губахъ.

***

Бѣлый китель, новая лѣтняя фуражка съ яркосинимъ околышемъ...

— «Два рубля штука, говорите Вы; это — дорого, ну да, впрочемъ, если такая чудесная цвѣточница, — можно смѣло спрашивать и пять»...

Миловидная шатенка смущенно опускаетъ глаза, торопливо перебираетъ розы и гвоздики, а потомъ, сама не зная почему, перекладываетъ съ мѣста на мѣсто блестящія плитки швейцарскаго шоколада.

— «Какъ хотите, но два рубля штука», — отвѣчаетъ дѣвушка, овладѣвъ собою, — «на улицахъ можно такія розы купить дешевле, но, вѣдь, здѣсь — Стрѣлка», народу много и все равно къ утру у меня не останется ничего»...

— «Дайте тогда одну», — запинаясь, говоритъ Сергѣй Илларіоновичъ и неловко протягиваетъ дѣвушкѣ скомканную зеленую бумажку.

Роза у него въ рукахъ.

Большая, пунцовая, съ чуть замѣтными капельками воды на нѣжно - бархатныхъ лепесткахъ.

А какъ Васъ зовутъ? — неожиданно спрашиваетъ Сергѣй Илларіоновичъ, продолжая пристально смотрѣть на дѣвушку.

— «Купили и ладно, — что же говорить глупости» — отвѣчаетъ она и недовольно подергиваетъ плечами.

Сергѣй Илларіоновичъ вздыхаетъ, крутитъ розу въ рукахъ, а потомъ быстро кладетъ ее на прилавокъ и говоритъ:

Не хотите сказать — хорошо, не говорите... А эту розу я дарю Вамъ».

— Послушайте, послушайте! — кричитъ дѣвушка, но Сергѣй Илларіоновичъ не слышитъ, боится слушать: еще мгновеніе, — и бѣлая фуражка съ синимъ околышемъ скрывается въ свѣжей зелени кустовъ.

***

Теперь онъ знаетъ, что ее зовутъ Зиной и что Зина — самая прекраснѣйшая изъ дѣвушекъ.

— «Какъ хорошо поютъ соловьи, Зина! О, они хитрые, ихъ нельзя увидѣть, ихъ можно только слушать и любить... какъ Васъ.

— А меня развѣ нельзя видѣть? Вѣдь Вы же каждый день бываете здѣсь? И что, право, за охота пріѣзжать сюда? О, я съ радостью посидѣла бы дома, поспала бы, почитала бы, а то все это такъ скучно: бѣлыя ночи, извозчики, закутившіе офицеры, и эти розы, да и я сама»...

Зина устало проводитъ рукой по лицу, очаровательно зѣваетъ, а потомъ смущенно краснѣетъ.

— Это ничего, Зина, вотъ пройдетъ лѣто, я помогу Вамъ устроиться, мы будемъ много читать, походимъ на лекціи, пойдемъ въ театръ, — увидите другую жизнь, другихъ людей. Какъ хорошо быть молодымъ, какъ это хорошо, Зина! Даже маленькими и ничтожными кажутся большія жизненныя неудачи. Да, да, это, вѣрьте мнѣ, — такъ!»

Зина не слушаетъ. Подошелъ къ кіоску высокій гвардейскій офицеръ, низко наклонился къ большому букету и купилъ у Зины всѣ ея цвѣты.

Купилъ и не торговался.

Сергѣй Илларіоновичъ помнитъ это отчетливо.

***

Вотъ и все. Вотъ и конецъ сказочкѣ, конецъ самому коротенькому, но за то и самому свѣтлому, роману юности Сергѣя Илларіоновича.

Осенью Зина исчезла. Кіоскъ закрыли неуклюжими зелеными щитами, и отъ всей сказочки остались только въ материнскомъ Псалтирѣ нѣсколько сухихъ лепестковъ.

Куда исчезла Зина, и почему даже не сказала наканунѣ ни слова, — такъ никогда и не узналъ Сергѣй Илларіоновичъ.

Годы шли, позади остался университетъ, незадачливый бракъ, измѣна жены, война и даже революція.

Теперь, вотъ, — Парижъ, великій Вавилонъ, міровой центръ, вѣчный городъ.

Все это старо, ненужно, не главное, все это — суета суетъ.

И только иногда, оставшись въ тишинѣ, въ полнозвучной тиши воспоминаній, задумается, вдругъ, Сергѣй Илларіоновичъ, вспомнитъ свою сказочку, улыбнется грустно, и поплывутъ въ душѣ свѣтлыя ладьи, видѣнія юности, гдѣ весь міръ въ цвѣту, гдѣ все — «море по колѣно», гдѣ таинственно сплетены и бѣлыя Питерскія ночи, и фуражка студенческая и ропотъ гитары, и длинный корридоръ Университетскій, и крылатыя рѣсницы цвѣточницы Зины — таинственной дѣвушки среди розъ и швейцарскаго шоколада.

Игорь Воиновъ.

КРАСНЫЙ ДОНЪ

Опыты абсолютнаго уничтоженія былыхъ хозяйствъ казаковъ на ихъ собственной землѣ усугубляются.

Передо мною два свѣжихъ документа съ Дона, въ которыхъ во всей наготѣ рисуется тамошній бытъ и въ простахъ фразахъ писемъ слышится послѣдній жизненный вздохъ умирающаго казачества.

... Здравствуйте, дяденька Трофимъ Трофимовичъ и тетенкька Прасковья Ильинишна и вся ваша семья. *) По получении вашего письма, за которое сердечно благодарю васъ, мы узнали о вашемъ здоровьѣ и о вашей жизни. Но наша жизнь еще лучше, какъ поется: кто былъ ничѣмъ, тотъ сталъ всѣмъ. Дорогой дяденька, мы все должны пережить и переносить, и достанетъ-ли силы въ груди свидѣться и поговорить лицомъ къ лицу и все горе наболѣвшее лѣтами вылить въ слезахъ. Мы тоже, по милости Божіей, живы и здоровы и душевно кланяемся вамъ всѣмъ семействомъ. Моя семья состоитъ изъ шести душъ, т.-е. я, жена и четверо дѣтей...

Вотъ что сдѣлало время! вы не узнаете насъ, мы не признаемъ васъ. Братья ваши живы, но жизнь ихъ не особенно красива. Былъ и идетъ у насъ ураганъ, поднялся онъ съ сѣвера и дошелъ до юга, и этимъ ураганомъ унесло на сѣверъ автономной области, куда-то: въ Усть - Сысольскій районъ вашихъ братцевъ, а жилища ихъ отошли въ мѣстхозъ...

Въ нашемъ хуторѣ все разорено и заросло бурьяномъ, такъ что осталось чистое поле, не признаешь, гдѣ и чей былъ домъ. Сестра живетъ на другомъ хуторѣ и состоитъ въ колхозѣ съ семействомъ, а другая переселилась въ Крымъ. Мои родители состоятъ тоже въ колхозѣ и живутъ въ своемъ домѣ, а я и братъ мой живемъ единолично. Мое хозяйство — лошадь и корова на шесть душъ и я считаюсь зажиточнымъ. Однимъ словомъ, хвалиться, дяденька, нечѣмъ. Братья для дыханія своихъ легкихъ покушали свѣжаго воздуха въ Сибири. Но вы, дяденька, въ жизни своей благодарите Бога, хотя и кинуты за тысячи верстъ отъ родины. Тарасичъ тоже по тяжести температуры угодилъ въ Сибирь, а семья его здѣсь...

Дорогой куманекъ! жизнь наша протекла безъ возврата и молодые годы наши не видѣли радости. На нашемъ земномъ пути выросли и сильно разрослись скорби, болѣзни и ужасы. Мы всѣ душевно больные и что изобразилось въ людяхъ и описать невозможно, но мы уповаемъ на Господа Бога живого и надѣемся съ вами свидѣться, хотя и къ концу нашей жизни. И вы посмотрите на всю нашу жизнь: нельзя безъ слезъ вспомнить того, что ушло отъ насъ въ далекое прошлое...

Я занимался крестьянствомъ, но теперь отъ земли отказался. Эти годы у насъ были хорошіе урожаи, но притомъ же и ощущался недостатокъ въ хлѣбѣ, и хлѣбъ только по карточкамъ, а проѣзжему человѣку поѣсть негдѣ...

Мы заняты стройкой совѣтскаго союза, старое разрушаемъ, накопившуюся вѣками грязь на лицѣ земли стираемъ. У насъ въ N—ой сталась только старая церковь, да и то послѣдній колоколъ свалили и ограду разрушили, а отъ остальныхъ семи церквей не осталось и фундамента... Звѣри у насъ гуляютъ, народъ пожираютъ. Люди бѣгутъ во всѣ стороны, не найдутъ себѣ угла... **На меня не пишите...**

А вотъ изъ далекой Сибири, тому же Трофиму Трофимовичу, пишетъ жена одного изъ ссыльныхъ братьевъ.

... Хлѣбъ покупаемъ, фунтъ стоитъ 1 р. 50 к. Даютъ намъ конину и тоже только за деньги. Даютъ рыбу, чечевицу и сахарный песокъ по одному кило въ мѣсяцъ на рабочихъ, а на нерабочихъ по полкило... Сидоръ умеръ, у него былъ поносъ, болѣла голова и распухли ноги. Я ходила къ нему въ больницу и плакала. Онъ все говорилъ мнѣ: хоть бы скорѣй домой, а я ему говорю, что не затѣмъ насъ съ Дона сюда переселяли. На бокахъ у него были такія пролежни, что страшно глядѣть... Ты не удивляйся, у насъ слишкомъ голодно и холодно. Нѣкоторые старики легли спать и позамерзли. Вотъ какіе у насъ дома. Мы закутываемся въ шубы и сидимъ. Бываетъ такая погода, что невозможно и выходить, а мы работаемъ. Склали себѣ печки изъ самана, но топить нечѣмъ... Къ намъ пригнали верблюдовъ, но они настолько худы, что на нихъ нельзя работать. Заставили возить на себѣ...

Если можно, то пришлите намъ сухариковъ и какой-нибудь матеріи... Тутъ много осталось сиротъ... Плохо писала — не обижайся, слишкомъ мерзнутъ руки...

Что можно прибавить къ этимъ страшнымъ документамъ оттуда, да и зачѣмъ?

Д. Воротынскій.

---

*) Текстъ оставляю неприкосновеннымъ.

Донской Казачій Хоръ

ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ С. А. ЖАРОВА ВЪ АМЕРИКѢ

Донской Казачій хоръ подъ управленіемъ С. А. Жарова продолжаетъ свое тріумфальное шествіе по Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки. Слово «тріумфальный» употреблено здѣсь не для обычной рекламной формы, не для преувеличенія того успѣха, которымъ сопровождаются концерты; нѣтъ — это точное опредѣленіе той художественной славы, которую заслуживаетъ хоръ.

Это 6-ти мѣсячное турнэ хора — второе. Въ прошломъ сезонѣ хоръ выѣзжалъ въ Америку «для перваго «знакомства» на 6 недѣль и результатъ этого знакомства — дружба и любовь Американской публики, которая, несмотря на всю свою избалованность и строгую требовательность къ артисту — воспріяла казаковъ, «какъ невиданное доселѣ достиженіе въ хоровомъ искусствѣ».

«Голосовая атака казаковъ подъ командой Его Высочества Атамана Жарова захватила въ плѣнъ тысячи нью-іоркцевъ» — такъ пишетъ одна изъ америкаскихъ газетъ о первомъ концертѣ хора. Обычная форма американской печати о хорѣ — сплошной энтузіазмъ и удивленіе художественнымъ достиженіямъ, силѣ и подбору голосовъ, дисциплинѣ, управленію и, наконецъ, всей этой организаціи — бывшихъ офицеровъ - эмигрантовъ, людей, потерявшихъ родину. Отзывы печати идутъ въ ногу съ энтузіазмомъ публики.

Не было въ исторіи музыкальнаго міра Америки примѣра, чтобы артистъ въ свое шестинедѣльное пребываніе поставилъ въ Нью - Іоркѣ шесть концертовъ съ аншлагами... Казачій хоръ это сдѣлалъ. Съ самаго перваго появленія на американской сценѣ — казаки подошли къ публикѣ и Америка уже начала ближе узнавать казаковъ. За это второе турнэ въ программѣ 110—120 концертовъ. Это значитъ, что хоръ выступаетъ почти въ сотнѣ городовъ — отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско и отъ Канады до Флориды. Часть путешествій хоръ дѣлаетъ по желѣзной дорогѣ, а болѣе короткія — на автобусѣ, который находится въ постоянномъ пользованіи хора.

Очень часто, послѣ концертовъ, хоръ приглашается на банкеты музыкальными обществами, университетами, а иногда частными лицами — русофилами. Не всегда законы сухой страны точно исполняются какъ хозяевами, такъ и гостями, — но результатъ этихъ короткихъ объединеній — близкое знакомство и взаимное удовольствіе. Не сильное знаніе англійскаго языка или вѣрнѣе американскаго діалекта ничуть не служитъ препятствіемъ для взаимнаго пониманія.

Въ этотъ разъ необходимо было перековать «орала на мечи» и пришлось по приглашенію губернатора штата (Атланта-Жоржіа) продефилировать церемоніальнымъ маршемъ въ день перемирія. Въ продолженіе всего этого «похода» (а идти пришлось черезъ весь городъ) публика такъ же тепло привѣтствовала горячими апплодисментами казаковъ въ строю, какъ и на сценѣ. Строй замыкалъ богатырь - казакъ съ бородой... Это было верхъ всякого американскаго восторга.

Американскіе репортеры всегдашніе гости хора и стереотипные вопросы — сколько вѣситъ самый тяжелый казакъ, сколько вѣситъ Жаровъ, какая казачья спортивная игра — уже не удивляютъ казаковъ и подчасъ отвѣты даются въ тонъ вопросамъ въ зависимости отъ ихъ серьезности.

Хоръ посѣтилъ заводы Форда, администрація которыхъ предоставила автобусъ для ихъ осмотра. Очень печальную картину представляютъ они теперь — вмѣсто 138.000 рабочихъ осталось только 25.000, да и тѣ работаютъ 3 дня въ недѣлю. И это въ Америкѣ!

Очень теплыя отношенія установились у хора съ Русскими организаціями въ Америкѣ, въ частности, съ Общеказачьей станицей, съ которой у хора самыя дружескія отношенія.

Хоръ былъ приглашенъ Общеказачьей станицей на встрѣчу Новаго Года. Встрѣча была, конечно, не сухая и носила самый сердечный характеръ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ казачекъ, исполненный 72-лѣтней казачкой, которая «руку въ бокъ и съ платочкомъ» прошлась подъ «посѣю лебеду». Невольно забилось сердце тоскливо — каждый вспомнилъ свою родимую маменьку.

Въ настоящее время хоръ выѣхалъ изъ Нью-Іорка на Западный берегъ — Калифорнія и т. д. и возвращается въ Европу въ концѣ марта.

Парижскій концертъ еще не назначенъ, но весной хоръ предполагаетъ быть во Франціи.

Какъ иллюстрацію успѣха хора прилагаемъ выписку изъ письма, полученнаго однимъ изъ членовъ станицы.

«А что они дѣйствительно чудеса дѣлаютъ — такъ это, крестъ святой, правда. Вѣдь, пойми: нашихъ американцевъ раскачать — это имъ надо боксомъ морду хорошо клеить или ужъ что ни-

будь такое, чтобъ за печенку взяло. Такъ наши ихъ взяли, и не только за печенку, а и за селезенку.

Никогда, ни на одномъ концертѣ не видѣлъ, чтобъ такъ сумашествовала публика. А казачекъ пошли — старухи и тѣ въ тактъ ногами стучатъ. Ну и ребята! А порядокъ, а дисциплина! Во время концерта лучше чѣмъ въ строю стоятъ. Все размѣрено, все расчитано. А вылетитъ Жаровъ — а онъ, вѣрно, какъ будто вылетаетъ, — и загрохотало. Какъ можно такую силу звука давать — диву даешься. Пѣли «Со святыми упокой» — начали почти не слышно, а потомъ какъ начали давать, и все больше и больше... Уже думаешь конецъ — а они все развиваютъ и «надгробное рыданіе» — дѣйствительно — рыданіе, отчаяніе, жуть. Не хотѣлъ, а слезу смахнулъ. Смотрю на сосѣдей американцевъ — попритихли, даромъ что словъ не понимаютъ.

Былъ на концертѣ хора въ «Метрополитэнъ Опера»; полонъ народу — около 6000 мѣстъ; концертъ сборный — выступали тамъ разные артисты — все тихо. Вышелъ хоръ, пропѣлъ — что съ народомъ сдѣлалось? — реветъ, какъ оглашенный. Въ оперѣ пѣть на «бисъ» запрещено. Жаровъ 8 разъ выходилъ раскланиваться. Мало. — Тогда вышелъ хоръ и пропѣлъ. Говорятъ хору была непріятность, ну да ничего — это другимъ нельзя, потому не могутъ, а казакамъ можно. Глянешь на родной лампасъ — сердце радуется. Молодцы... однимъ словомъ. Хоть и жизнь тяжкая, какъ цыгане по бѣлому свѣту, а все же почетъ. Славу Россіи и Тихаго Дона носятъ — каждому лестно. Дай имъ Богъ успѣха и силъ».

Боевой кличъ

(Историческая справка)

«Ура, ура, ура
Донцы пѣсни поютъ
Черезъ рѣчку Вислу
На коняхъ плывутъ»...

«Ура, пойдемъ мы на границу
Бить отечества враговъ»...

«Ура, ура, ура
Пойдемъ мы на врага»...

(Изъ военныхъ пѣсенъ).

Вся исторія человѣчества отъ ея наиболѣе отдаленныхъ истоковъ до нашихъ дней представляется въ видѣ непрерывныхъ войнъ. Неизбѣжная и неотвратимая, какъ сама смерть, война въ глазахъ древнихъ философовъ уподобляется нормальному состоянію народовъ. Рѣдкіе же проблески мира приносятъ съ собою не успокоеніе и взаимное довѣріе, а страхъ и недовѣріе...

Война — не только жажда истребленія и взаимная ненависть. Это борьба за осуществленіе высокихъ идеаловъ, борьба за справедливость, за освобожденіе. Вотъ почему христіанство принимаетъ войну со всѣми ея ужасами и страданіями. Взывая къ благороднѣйшимъ инстинктамъ человѣческой природы, — къ самопожертвованію, безстрашію, рыцарской доблести, жертвенной любви къ ближнему, война облагораживаетъ и возвышаетъ человѣка.

Какъ и встарь, судьбы народовъ будутъ рѣшаться на поляхъ сраженій, а впереди величайшихъ мыслителей будетъ гордо стоять воинъ съ обнаженнымъ мечомъ, ибо **«воинское дѣло первое изъ мірскихъ дѣлъ, яко важнѣйшее для обороны своего отечества» (Петръ Великій)...**

На войну идутъ не только убивать, но и умирать. Здѣсь, передъ лицомъ смертельной опасности боевой кличъ естественное проявленіе тѣхъ чувствъ, во власти которыхъ находится сражающійся. Боевой кличъ — это выраженіе воинственнаго пыла, отваги, мощной, не допускающей сомнѣнія увѣренности въ побѣдѣ. Это — призывъ къ доблести, къ спасенію родной земли. Боевой кличъ въ самые критическіе моменты, казалось-бы, неизбѣжнаго пораженія, воспламенялъ упавшія духомъ войска, возстанавливаетъ положеніе и ведетъ къ побѣдѣ надъ сильнѣйшимъ врагомъ...

Боевой кличъ, какъ одинъ изъ побудительныхъ средствъ въ военномъ дѣлѣ, нераздѣльно слитъ съ арміей, а потому имѣетъ собственную, хотя и скромную, исторію.

Боевой кличъ нерѣдко былъ разсчитанъ на то, чтобы вселить въ ряды противника ужасъ и вызвать смятеніе. «Дѣти бѣсовскія крикомъ поля оградили», живописуетъ древній авторъ «Слова о полку Игореви», говоря о половецкой атакѣ на русскіе полки. Къ «устрашающимъ» воздѣйствіямъ слѣдуетъ отнести греческое «аллала», которое мы встрѣчаемъ у Гомера и Пиндара. Историкъ Марцеллинъ разсказываетъ, что римскіе легіоны въ началѣ боя поднимали ропотъ, который, сначала неясный, постепенно усиливался, переходя, затѣмъ, въ оглушительный ревъ. Для усиленія звука легіонеры подносили къ губамъ изогнутую закраину

щита. Нѣчто подобное мнѣ пришлось наблюдать на Парижской Колоніальной выставкѣ въ истекшемъ году во время боевыхъ танцевъ канаковъ. На устрашеніе врага былъ расчитанъ пронзительный боевой кличъ добровольцевъ герцога Генриха Льва, — «хи-и-и, Вельфъ!» и противниковъ ихъ, гибелиновъ, — «хи-и-и, Вейблингенъ!»

Извѣстны случаи, когда боевымъ кличемъ пользовались, какъ военною хитростью. Старинный французскій уставъ веденія боя рекомендуетъ: «lorqu'ils estoient en péril de leur personne, criaient le cry de leur ennemis, e à sa faveur s'évadoient»...

«Каждый за себя, Богъ за всѣхъ» — такова высшая справедливость. Но это не мѣшаетъ каждому народу въ отдѣльности монополизировать Небо для своихъ личныхъ выгодъ. Вотъ почему имя Божье становится боевымъ девизомъ одновременно у различныхъ народовъ. Такъ произошелъ боевой кличъ королевской Франціи «Dieu el volt» («Dieu le veut»), нѣм. «Mit uns Gott», венгер. «Isten velun» («съ нами Богъ»), мусульман. «Алла», берберск. «Агуръ» («къ Богу»). Вотъ почему «ученіе и хитрость ратнаго дѣла» временъ царя Алексѣя Михайловича называетъ библейскихъ патріарховъ и пророковъ «первыми ратными полковниками», а на Западѣ Богу давали иногда титулъ генералиссимуса... «О, всемогущій Генералиссимусъ тамъ наверху, молился въ 1664 г. передъ сраженіемъ съ турками, Іоаннъ фонъ-Шторхъ, если Ты не хочешь помочь намъ, Твоимъ вѣрующимъ христіанскимъ дѣтямъ, то не помогай, по крайней мѣрѣ, турецкимъ собакамъ, и Ты увидишь хорошую штуку!»...

Нерѣдко имена святыхъ превращались въ боевой кличъ у различныхъ народовъ. Саксы шли въ бой съ кличемъ «св. Маврикій!», англичанъ велъ къ побѣдѣ св.Георгій, шотландцевъ — св. Андрей, испанцевъ — Санъ-Яго. На переломѣ XI и XII вѣковъ во Франціи былъ распространенъ боевой кличъ «Mont-Joie A. Denis!» Монжуа — это та груда камней, которая обозначала мѣсто мученической кончины угодниковъ. Независимо отъ этого каждый отрядъ рыцарей пользовался привиллегіей имѣть собственный стягъ и боевой кличъ, — «le cry suit la bannière», — «знамя сопровождается крикомъ»... Нерѣдко боевой кличъ рыцаря переходилъ въ девизъ его герба, — «Dieu aide!», «Au feu!», и т. д.

Португальцы, швейцарцы и скандинавскіе народы не имѣли собственнаго боевого клича. До настоящаго времени бретонскіе крестьяне идутъ стѣнка на стѣнку съ древнимъ кличемъ ихъ отцовъ: «Torr he benn!» — «ломай голову». У ирландцевъ сохранился старинный призывъ «A boo», — «къ побѣдѣ», а шотландскіе кланы идутъ въ бой съ кличемъ «Srioghail an dream», — «кланъ достоинъ чести».

Тюркскія народности, наводнившія нѣкогда югъ Россіи, шли въ бой съ оглушительнымъ крикомъ «ур!» — «бей», отъ глагола «урманъ» — «бить». Наше «ура» обычно производятъ отъ тюркскаго «ур». Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что этотъ боевой кличъ былъ извѣстенъ на Руси еще въ домонгольскій періодъ ея исторіи. Въ «Словѣ о полку Игореви» мы находимъ слѣдующее интересное указаніе: «Се уримъ кричятъ подъ саблями половецкими». Затѣмъ, русскій языкъ знаетъ такія выраженія, какъ «у рай» — «въ рай», «уразъ» — «ударъ» (новгор., арханг.), «уразить» — «бить» (церк.-слав., вятск.), «бой уроемъ» — «бой съ крикомъ ура» (арханг.). Наконецъ, наше «ура» созвучно древнему литовскому кличу «вирай».

Въ 18 вѣкѣ, въ періодъ нашихъ войнъ съ Пруссіей, русское «ура» проникаетъ въ нѣмецкую армію, вытѣснивъ здѣсь боевой кличъ «Vorwärtz» - «впередъ». Въ эпоху же наполеоновскихъ войнъ познакомились съ нашимъ «ура» и французы. Одновременно съ ними переняли нашъ боевой кличъ не только англичане, но и цѣлый рядъ европейскихъ народовъ. Такимъ образомъ, русское лихое, могучее «ура» стало международнымъ боевымъ кличемъ и призывомъ къ подвигу и беззавѣтной храбрости у самыхъ различныхъ народовъ.

Вл. Абданкъ-Коссовскій.

ОБЗОРЪ ПЕЧАТИ

-о- «ВОЗРОЖДЕНІЕ» и «ЧАСОВОЙ» отмѣтили выходъ перваго номера «Станицы» теплыми, привѣтственными статьями.

-о- «РОДИМЫЙ КРАЙ» — органъ Казачьяго Союза, прекратилъ свое существованіе за недостаткомъ средствъ. Въ широкихъ кругахъ читателей и подписчиковъ журнала этотъ печальный фактъ вызываетъ искреннія сожалѣнія. Союзомъ намѣченъ выпускъ періодическихъ информаціонныхъ бюллетеней.

-о- «ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ», по соглашенію съ Казачьимъ Союзомъ, открыла съ 1-го января с. г. Казачій отдѣлъ.

-о- Въ № 405 журнала «КАНДИДЪ» — большого французскаго еженедѣльника — появилась статья о нашей станицѣ одного изъ неизвѣстныхъ намъ французскихъ друзей, посѣтившаго станичный балъ въ ноябрѣ прошлаго года. Помѣщаемъ наиболѣе интересныя выдержки изъ этой статьи:

...«Знали-ли вы, что въ Парижѣ есть студен-

ты - казаки? Среди маленькой казачьей колоніи ихъ всего человѣкъ пятьдесятъ. Эта колонія, разбросанная по всему городу, собирается при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ, напримѣръ, на вечерѣ студенческой станицы.

Пребываніе въ эмиграціи какъ бы стерло разницу въ ихъ прежнемъ соціальномъ положеніи, создавъ нынѣ новыя... Шофферы, маляры, инженеры, студенты кто могъ бы ихъ отличить одного отъ другого, видя ихъ такими сплоченными, полными надежды и чувствомъ собственнаго достоинства? Почувствовать родину на чужой землѣ — это найти ея пѣсни, пляску и поэзію. На этомъ праздникѣ были и пѣсни, и пляски, и поэмы и это было чудесно. Трудно сказать что больше удивляло: шумный-ли оркестръ, изъ котораго вдругъ слышался женскій голосъ, протяжный и тоскливый баритонъ, 22-лѣтній басъ, удивлявшій именно своей юностью, казачій квартетъ, талантливый фантазеръ - пѣвецъ... все это въ теченіе трехъ часовъ дѣлало интереснѣйшую изъ программъ.

...Это показываетъ неподражаемую артистическую и музыкальную способность этого народа. Эти дарованія являются утѣшеніемъ въ ихъ изгнаніи, въ продолжительность котораго никто изъ нихъ не вѣритъ».

- о - Вышелъ второй номеръ иллюстрированнаго сборника «КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО», издающагося въ Парижѣ коллегіей подъ предсѣдательствомъ полк. Ф. И. Елисѣева.

- о - БЮЛЛЕТЕНЬ СОЮЗА ДОНСКИХЪ ЧЕРНЕЦОВСКИХЪ ПАРТИЗАНЪ. Союзомъ Чернецовцевъ выпущенъ № 1 бюллетеня и готовится къ выпуску № 2.

- о - «РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ» въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ помѣщалъ рядъ большихъ и интересныхъ очерковъ В. Синеокова на тему о происхожденіи и исторіи многихъ казачьихъ войскъ.

- о - Вышелъ № 4—5 иллюстрированнаго журнала «КАЗАЧЬЕ ДѢЛО».

- о - СИБИРСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЕЙ ВЪ ШАНХАѢ основанъ фондъ изданія юбилейной книги къ исполнившемуся въ этомъ году 350-лѣтію Сибирскаго казачьяго войска. Книга будетъ издана подъ редакціей членовъ Войскового Правительства.

- о - Сданъ въ печать и этой весной появится въ свѣтъ новый романъ генерала П. Н. Краснова, —«Подвигъ».

- о - «ТИХІЙ ДОНЪ» Шолохова, одинъ изъ самыхъ популярныхъ романовъ изъ временъ великой и гражданской войнъ какъ въ эмиграціи, такъ и въ Россіи, разошелся уже въ 5-ти изданіяхъ въ количествѣ около полумилліона. До сего времени вышло только два тома, а обѣщанный давно третій томъ такъ и не появился. Причину надо искать въ травлѣ совѣтскихъ газетъ противъ автора и его произведенія съ обвиненіями въ различныхъ уклонахъ, идеализаціи казачьяго офицерско - помѣщичьяго быта и пр. грѣхахъ противъ сов. идеологіи.

ХРОНИКА

СКОРБНЫЙ ЛИСТОКЪ

31-го декабря 1931 года отъ туберкулеза легкихъ скончался въ Домѣ отдыха Русскаго Краснаго Креста (старой организаціи) въ Paulhaquet (H. Loire) Николай Александровичъ Шевыревъ, 31 года, казакъ Гундоровской станицы Донской Области, членъ нашей станицы съ самаго ея основанія.

Крѣпкій казачій организмъ долго сопротивлялся страшному недугу, какъ сообщилъ намъ докторъ Н. Фабриціусъ, но въ послѣдній мѣсяцъ болѣзни ему становилось все хуже и хуже. Въ нашей станицѣ покойный оставилъ по себѣ свѣтлую память своей исключительной отзывчивостью къ своимъ нуждающимся коллегамъ, которые въ свою очередь, когда слегъ Николай Александровичъ, всячески старались помочь ему, чѣмъ только могли.

Миръ твоему праху, дорогой станичникъ. Да будетъ тебѣ пухомъ чужая земля.

НАШЕ КАЗАЧЬЕ СПАСИБО

За всѣ семь лѣтъ существованія нашей станицы этотъ учебный годъ слѣдуетъ признать особенно тяжелымъ для студентовъ-казаковъ.

Если трудно совмѣщеніе ученія, посѣщенія лекцій и практическихъ занятій съ работой для добыванія средствъ къ существованію, то особо остро стоитъ этотъ вопросъ теперь въ связи съ безработицей. Для нѣкоторыхъ же по характеру ихъ занятій большая часть года должна быть посвящена только ученію и въ этихъ случаяхъ необходимо выбирать что либо одно между университетомъ и заводомъ.

Переживаемый нынѣ экономическій кризисъ, отражающійся, естественно, и на тѣхъ, кто поддерживаетъ за все время существованія эмиграціи учащуюся молодежь, весьма затрудняетъ возможность успѣшнаго прохожденія курса въ университетахъ и институтахъ нашихъ коллегъ.

Все же и теперь находятся добрые люди, которые откликаются на призывы о помощи и по мѣрѣ своихъ силъ оказываютъ поддержку учащимся. Мы съ чувствомъ глубокой признательности отмѣчаемъ помощь Предсѣдателя Русскаго Обще - Воинскаго Союза генерала Е. К. Миллера, учредившаго одну стипендію для наиболѣе нуждающагося студента-казака на весь текущій учебный годъ; нашъ старый другъ — почетный казакъ станицы аббатъ К. Кенэ

продолжаетъ свою поддержку нашей организаціи и нѣсколькихъ учащихся ея членовъ, а въ минувшемъ мѣсяцѣ, благодаря его большой помощи, удалось полностью провести курсъ лѣченія одного тяжко заболѣвшаго нашего станичника, котораго лѣчилъ безвозмездно нашъ другой почетный казакъ д-ръ И. С. Чекуновъ. Комитетъ Донскихъ казачьихъ организацій, устроившій подъ Предсѣдательствомъ Донского Атамана генерала А. П. Богаевскаго балъ въ декабрѣ минувшаго года, отчислилъ въ пользу станицы 500 франковъ, а къ новому году вспомнилъ насъ знаменитый Донской хоръ С. А. Жарова, приславшій станицѣ 15 долларовъ. Періодически по подписнымъ листамъ собираютъ и передаютъ станицѣ суммы чины Парижской группы Донского офицерскаго резерва во главѣ съ ген. Зубовымъ. Имъ и всѣмъ идущимъ навстрѣчу нуждамъ студентовъ казаковъ сердечное казачье спасибо. Благодаря имъ станица могла удовлетворить много просьбъ и оказать дѣйствительную помощь особо нуждающимся ея членамъ. Нужды всегда много, въ нашемъ же положеніи, при существующемъ кризисѣ — особенно, — и студенты - казаки вѣрятъ, что и впредь казаки и всѣ добрые русскіе люди дадутъ имъ возможность своей помощью закончить ученіе, дабы пріобрѣтенными знаніями послужить новой, свободной отъ власти 3-го интернаціонала, Россіи и родному Казачеству.

ДИССЕРТАЦІЯ ПОЧЕТНАГО КАЗАКА СТАНИЦЫ АББАТА К. КЕНЭ

«Русскій день» въ Сорбоннѣ

Торжественный залъ Ліаръ 23 января былъ заполненъ многочисленной публикой, пришедшей послушать защиту диссертацій аббата Кенэ на темы — «Чаадаевъ и философическія письма» (источники) и «Очеркъ исторіи русской мысли начала 19 вѣка».

На первой диссертаціи предсѣдательствовалъ профессоръ славянской литературы въ Сорбоннѣ Легра, а на второй — профессоръ славянской исторіи Айзенманъ; члены жюри: проф. Оманъ, проф. философіи Брейне, проф. исторіи славянской литературы Лилльскаго университета Лябри, директоръ института восточныхъ языковъ проф. Буайе.

Имя нашего почетнаго казака хорошо извѣстно русскому Парижу и присутствіе русскихъ въ залѣ было замѣтно. Для слушателей - французовъ было новостью услышать отъ проф. Омана, что аббатъ Кенэ имѣетъ званіе почетнаго казака.

Съ большимъ вниманіемъ были заслушаны диссертаціи, послѣ которыхъ произошелъ оживленный и продолжительный обмѣнъ мнѣній и въ заключеніе факультетъ призналъ аббата К. Кенэ достойнымъ степени доктора «эсъ-летръ» съ «мансіонъ трезъ онорабль».

Экземпляръ книги новаго доктора « Tchaadaev et les lettres philosophiques. Contribution a l'étude du mouvement des idées en Russie». авторомъ подаренъ станицѣ съ надписью — «дорогимъ станичникамъ».

СТУДЕНЧЕСКІЙ БАЛЪ

Въ субботу 27-го февраля станица устраиваетъ вечеръ съ танцами до утра въ Галлиполійскомъ Собраніи (81, рю Мадемуазель). Входъ 8 фр. Большая лотерея, дешевый буфетъ, крюшонъ, серпантинъ, выступленія артистовъ. Весьдоходъ пойдетъ на помощь наиболѣе нуждающимся студентамъ - казакамъ. Съѣздъ въ 9 часовъ вечера.

Милости просимъ всѣхъ друзей станицы.

ВНИМАНІЮ ЧЛЕНОВЪ СТАНИЦЫ

Безплатная юридическая консультація дается адвокатомъ А. М. Адамовымъ по средамъ отъ 6 до 8 час. веч. на рю де ля Конвансьонъ, 85.

Нашъ почетный старикъ, докторъ И. С. Чекуновъ оказываетъ безвозмездно медицинскую помощь станичникамъ въ будни отъ 5 до 7 час. вечера на 122, бульваръ Мюра (по запискамъ Правленія).

Студенты, желающіе пріобрѣсти русскіе и французскіе учебники, могутъ пользоваться скидкой съ издательскихъ цѣнъ. Справки — въ Правленіи.

Съ 1 марта будетъ произведена замѣна членскихъ карточекъ. Выдача производится дежурнымъ членомъ Правленія каждое воскресенье отъ 3 до 5 час. вечера въ помѣщеніи станицы, а также и во время станичныхъ сборовъ до 1-го мая с. г. Въ этотъ же срокъ предлагается сдѣлать слѣдуемые членскіе взносы.

Правленіе.

ТАТЬЯНИНЪ ДЕНЬ

Татьянинъ день — 25-го января — въ Парижѣ былъ отмѣченъ большимъ собраніемъ, организованнымъ обществомъ бывшихъ воспитанниковъ Императорскаго Московскаго Университета подъ предсѣдательствомъ графа Д. А. Олсуфьева.

При провозглашеніи здравицы всѣмъ высшимъ школамъ Россіи былъ прочитанъ ихъ списокъ и въ первую очередь старѣйшее изъ учебныхъ заведеній — Московская школа навигаціонныхъ и морскихъ наукъ (праматерь Морского корпуса), основанная въ 1701 году.

ОПЕЧАТКА

Первую строку въ первой колонкѣ на стр. 8-й: «мѣну «Трудовому Казачеству» и шпіонажъ въ» слѣдуетъ читать послѣдней строкой во второй колонкѣ той же страницы.

Le gérant : Ch. Quénet. Typ. BASILE, 1, villa Chauvelot, Paris 15e

№ 3
Mai 1932

Цѣна
2 фр.

STANITZA
organe de la Stanitza
des Étudiants-Cosaques de Paris
35, rue de Sèvres — PARIS (VIe)

Донской Казачій Хоръ подъ управленіемъ С. А. Жарова по приглашенію губернатора штата (Атланта-Жоржіа) дефилируетъ церемоніальнымъ маршемъ въ день перемирія.

Отъ Донского Атамана

1.

Христосъ Воскресъ!

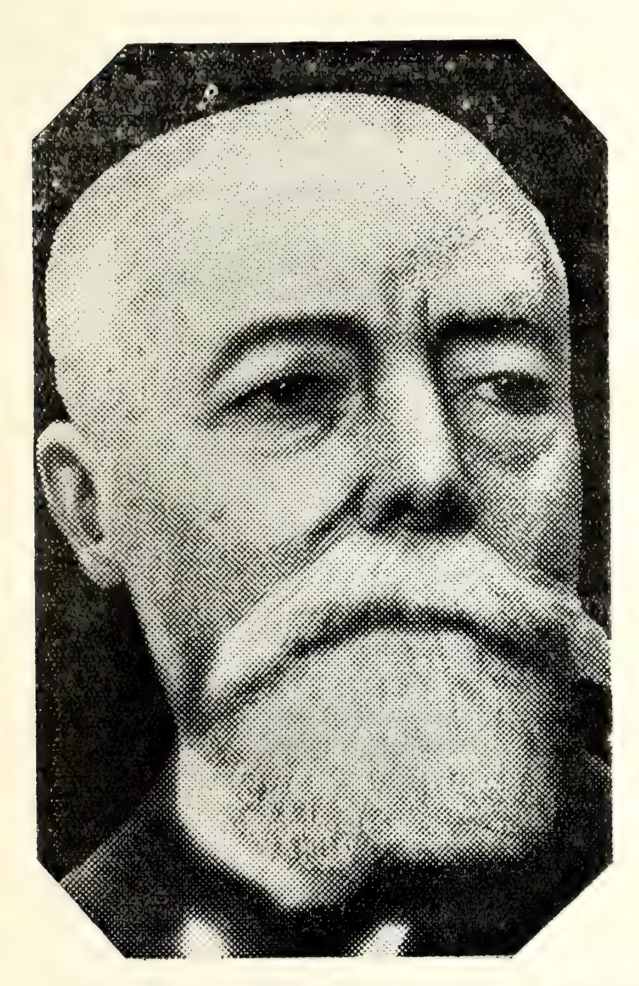
Поздравляю Васъ, родные Донцы, бра тья Кубанцы, Терцы, Уральцы и казаки другихъ Войскъ съ Свѣтлымъ Праздникомъ. Дай Богъ всѣмъ намъ скорѣе дождаться великой радости видѣть нашу пре красную Родину, освобожденную отъ красной нечисти — и вѣрой и правдой еще послужить ей.

Отъ души благодарю всѣ казачьи организаціи и отдѣльныхъ казаковъ, приславшихъ мнѣ къ Свѣтлому дню свои поздравленія и добрыя пожеланія. Сожалѣю, что настоящая тревожная обстановка и масса спѣшной работы не позволяютъ мнѣ отвѣтить всѣмъ Вамъ отдѣльно и поблагодарить за Ваше вниманіе и добрую память.

2.

Всему міру уже извѣстно, какое страшное безчеловѣчное преступленіе соверше но именующимъ себя кубанскимъ казакомъ Горгуловымъ, убившимъ 6-го мая Президента Французской Республики г. По ля Думера... Сердце замираетъ отъ ужаса при мысли о жестокости убійства всѣми уважаемаго и любимаго человѣка, глубокаго патріота, отдавшаго Родинѣ жизнь четырехъ своихъ сыновей, искренняго друга національной Россіи, за всю свою долгую, чистую жизнь никому не сдѣлавшаго зла. Подлый убійца, видимо, тщательно готовился къ своему гнусному дѣлу и исполнилъ его спокойно, съ полнымъ самообладаніемъ. Судебная власть скоро разберется во всѣхъ подробностяхъ этого ужаснаго дѣла.

Зная хорошо, казаки, какъ всѣ Вы глубоко возмущены этимъ отвратительнымъ преступленіемъ и хотя бы косвеннымъ упоминаніемъ въ немъ честнаго имени казака, — я въ первые же дни, какъ старшій представитель Казачества во Франціи, — послалъ отъ Вашего имени письмо г. Предсѣдателю Совѣта Министровъ г. Тардье и вдовѣ покойнаго Президента Республики г—жѣ Думеръ — съ выраженіемъ нашего искренняго и глубокаго возмущенія гнуснымъ преступленіемъ и соболѣзнованіе прекрасной Франціи и семьѣ убитаго въ ихъ тяжеломъ горѣ. Кромѣ того, я подписалъ такія же обращенія отъ имени Эмигрантскаго Комитета, членомъ котораго состою уже два года и отъ имени русскихъ комбатантовъ, которое подписано Союзами — Обще-Воинскимъ, Морскимъ, Казачьимъ и Инвалидовъ. Въ своемъ письмѣ къ г. Тардье я указалъ, что убійца — не казакъ.

† Президентъ Французской Республики П. Думеръ, злодѣйски убитый 6-го мая 1932 г.

Тяжелое несчастье, такъ неожиданно разразившееся надъ Франціей, гдѣ столько казаковъ нашли пріютъ, доброе человѣческое отношеніе и средства къ существованію, — естественно, вызвало въ массѣ французскаго народа не только глубокое возмущеніе подлымъ убійцей, но и вполнѣ понятное чувство нѣкотораго недоброжелательства по отношенію ко всѣмъ вообще русскимъ эмигрантамъ и, въ частности, къ казакамъ. Но это было только въ первые дни, пока общественное мнѣніе не разобралось въ томъ, что убійца — не эмигрантъ.

Въ настоящее время отношенія установились прежнія, но все же, къ нашему глубокому сожалѣнію, ни французы, ни мы — никогда не сможемъ забыть, что убійцей Главы дружественнаго намъ государства, — былъ русскій...

Во всякомъ случаѣ — не падайте духомъ, казаки! Современная культурная Франція не допуститъ обиды русскимъ людямъ, неповиннымъ въ тяжкомъ преступленіи, а всемогущее время постепенно все успокоитъ...

3.

Въ минувшее воскресенье въ соборномъ храмѣ въ Парижѣ были отслужены панихиды по Президентѣ Думерѣ, а затѣмъ по ген. Баратовѣ — въ сороковой день его кончины. Царство небесное обоимъ хорошимъ людямъ!

Кто изъ насъ не зналъ покойнаго Николая Николаевича? Несмотря на свой преклонный возрастъ и тяжкое увѣчье — всегда бодрый, живой, ко всѣмъ доброжелательный, съ неизсякаемой энергіей добывавшій средства на помощь несчастнымъ инвалидамъ. Блестящій полково-

† Генералъ-отъ-Кавалеріи Н. Н. Баратовъ

децъ во время Великой войны, — онъ и въ тяжкіе дни нашего невольнаго пребыванія заграницей не опустилъ руки, а съ той же энергіей боролся противъ другихъ враговъ — нужды, горя, людского безучастія. Какъ у всякаго дѣятельнаго человѣка — и у ген. Баратова были враги, даже и среди инвалидовъ, чѣмъ либо имъ недовольные, хотя часто и не по его винѣ. И все же, когда на упреки по его адресу приходилось задавать вопросъ: «А лучше ли будетъ, если Баратовъ отойдетъ въ сторону или умретъ?» — я получалъ отвѣтъ: «Нѣтъ, — лучше не будетъ!» Въ этомъ отвѣтѣ сказывалось признаніе заслугъ покойнаго. И торжественные похороны ему, когда гробъ его, подъ сѣнью русскихъ флаговъ, французскихъ и итальянскихъ знаменъ утопалъ въ цвѣтахъ, а обширный соборный храмъ не могъ вмѣстить всѣхъ молящихся, — показали, какой искренней любовью и уваженіемъ пользовался покойный среди руссвоихъ людей и даже иностранцевъ.

Мы, Донцы, просимъ братьевъ Терцевъ принять наше глубокое сочувствіе въ ихъ тяжелой потерѣ — старѣйшаго Терца, общаго друга всего казачества и вѣрнаго сына Матери-Россіи. Да будетъ легка ему не родная земля!

4.

На мой призывъ о сформированіи «Союза казаковъ комбатантовъ» уже отозвалось около 500 казаковъ разныхъ Войскъ. Въ настоящее время заканчивается приготовленіе комбатантскихъ карточекъ, и вскорѣ онѣ будутъ разосланы записавшимся въ Союзъ. Онъ входитъ самостоятельнымъ филіальнымъ отдѣленіемъ въ самый большой французскій «Національный Союзъ Комбатантовъ», пользуясь всѣми правами, которыя по закону могутъ быть предоставлены иностранцамъ — союзникамъ, участникамъ Великой войны. При организаціи Союза я встрѣтилъ самое доброжелательное отношеніе со стороны Предсѣдателя Національнаго Союза Комбатантовъ, генерала Россиньоля, подпись котораго будетъ, вмѣстѣ съ моею, на нашей комбатантской карточкѣ.

Мы приняли девизъ французскаго союза: « Unis comme au front» («Объединены, какъ на фронтѣ»). Этотъ девизъ, безпартійный, можетъ объединить всѣхъ участниковъ Союза, не затрагивая ихъ политическихъ убѣжденій, какъ на фронтѣ, гдѣ передъ лицомъ смерти не было партій, а только вѣрные защитники Родины.

Во Франціи существуетъ нѣсколько разныхъ союзовъ комбатантовъ. Всѣ они пользуются одинаковымъ покровительствомъ французскихъ законовъ, имѣютъ свои карточки. Нѣкоторые казаки уже раньше записались въ нѣкоторые изъ этихъ союзовъ и могутъ оставаться въ нихъ, если почему либо не желаютъ войти въ нашъ союзъ. Карточка союза казаковъ - комбатантовъ даетъ тѣ же права, какъ и въ другихъ союзахъ, но, конечно, нужно считаться съ тѣмъ, что французскіе подданные, естественно, будутъ имѣть больше правъ, чѣмъ мы — иностранцы. Но все же и наша карточка будетъ серьезной помощью въ нѣкоторыхъ случаяхъ жизни, напримѣръ: въ случаѣ утери документовъ, при увольненіи съ работы, при поступленіи на новое мѣсто, въ случаяхъ какихъ либо недоразумѣній съ французскими властями. Французы съ уваженіемъ относятся къ комбатантамъ и будутъ къ нимъ снисходительнѣй въ затруднительныхъ случаяхъ жизни.

Я уже получилъ отъ казаковъ, будущихъ членовъ Союза, немало писемъ, въ которыхъ они выражаютъ свою радость по поводу его сформированія. Буду очень радъ, если мои усилія провести его въ жизнь — дадутъ хорошіе результаты, нравственно объединивъ казаковъ, давая имъ больше увѣренности въ спокойной жизни во Франціи и возможности лучше ее устроить, не мѣшая никакимъ другимъ организаціямъ. Если нашъ Союзъ охватитъ большое количество казаковъ, которое проявитъ полное вниманіе къ нему и аккуратность въ членскихъ взносахъ, то, можетъ быть, въ бу-

дущемъ удастся организовать серьезную помощь старикамъ, больнымъ, на воспитаніе дѣтей. Будущее покажетъ, оправдаются ли эти надежды.

5.

Уже восьмой годъ существуетъ студенческая казачья станица въ Парижѣ, являющая достойный примѣръ сплоченности и братской взаимной поддержки. За эти годы до семи десятковъ казаковъ - студентовъ окончили высшія учебныя заведенія при неизмѣнной помощи искренно уважаемаго и любимаго Аббата Кенэ, который оставитъ навсегда добрую о себѣ память въ душѣ казачьей молодежи. Рады будемъ видѣть его на Дону, когда освободится наша дорогая Родина, какъ вѣрнаго друга — почетнаго казака студенческой станицы!

Въ виду прекращенія за недостаткомъ средствъ «Родимаго Края» и большой трудности другимъ способомъ информировать казаковъ по нашимъ домашнимъ, чисто казачьимъ вопросамъ, — я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе студенческой станицы печатать то, что нахожу нужнымъ для сообщенія Вамъ, казаки, въ ея печатномъ органѣ «Станица», издаваемомъ также при поддержкѣ Аббата Кенэ.

Этотъ журналъ выходитъ разъ въ три мѣсяца, но, если распространеніе его среди казаковъ увеличится, то журналъ будетъ выпускаться чаще.

Съ Новаго года будетъ объявлена подписка на него. Отъ Васъ самихъ, казаки, зависитъ полученіе болѣе частой информаціи и укрѣпленіе связи со мною и между собой при помощи печати — черезъ журналъ «Станица».

Генералъ-Лейтенантъ Богаевскій.

СТЕПЬ

Не твои ль это вишни рубинами,
Кавуны, что гора, виноградъ, какъ янтарь?
А Донскими Цымлянскими винами
Ты прославилась, степь, еще встарь.

Не твоя ль это ширь безграничная
Поселилась въ душѣ казака —
И удобная жизнь заграничная
Такъ ему и тѣсна и узка?

Все то снится ему степь родимая,
Вѣрный конь, другъ боевъ и трудовъ,
И такъ хочется въ степь, что невольныя
Слезы лить онъ украдкой готовъ...

Вѣрь, казакъ! Въ день, судьбою указанный,
Встанетъ степь, какъ бывало то встарь,
И исчезнетъ свободною степью наказанный
Большевицкій насильникъ - дикарь.

В. С.

На Монастырскомъ урочищѣ

Надъ зеленымъ просторомъ широкихъ степей,
На Донскомъ берегу, на курганѣ,
Одиноко часовня стоитъ и подъ ней
Упокились павшіе въ брани.

Тамъ покоятся кости убитыхъ бойцевъ,
Вѣчной славой себя что покрыли,
Тѣхъ, что съ турками дрались, что брали Азовъ,
И за Вѣру что жизнь положили.

Вкругъ нея, шелестя чуть зеленой листвой,
Тамъ стоятъ тополя вѣковые;
И могильный они охраняютъ покой
У часовни, какъ бы часовые...

Много лѣтъ ужъ прошло... Но героевъ своихъ
Казаки не забыли Донскіе:
Каждый годъ, вспоминая о подвигѣ ихъ,
Возносили молитвы святыя.

Каждый годъ, въ этотъ день, собирались полки
Память храбрыхъ почтить, павшихъ въ битвѣ;
И въ молчаньи глубокомъ — нѣмомъ — казаки
Тамъ сливалися въ общей молитвѣ.

Шелестѣлъ, едва слышно, камышъ надъ рѣкой,
Донъ плескался о берегъ волною...
И неслися напѣвы молитвы святой
Надъ безбрежной равниной Донскою...

Миновали года... И надъ Русской землей
Грозный шквалъ пронесся, и до нынѣ
Онъ бушуетъ еще, все сметая собой —
И народъ и его всѣ святыни.

Но все такъ же, какъ раньше, надъ Дономъ стоитъ
Та часовня въ степи, на курганѣ;
И все такъ же могильный покой сторожитъ
Донъ героевъ, что пали во брани.

Николай Крюковъ.

Первые русскіе студенты
ЗАГРАНИЦЕЙ

На переломѣ 16 и 17 вѣка Россія постепенно начинаетъ втягиваться въ круговоротъ европейскихъ событій и пріобщаться къ западной культурѣ. Этому повороту русской жизни содѣйствовали съ одной стороны государственныя преобразованія Московской Руси, а съ другой — наплывъ иностранцевъ. Могучій толчокъ къ усвоенію русскимъ обществомъ европейскаго уклада данъ былъ самимъ царемъ, Борисомъ Годуновымъ, до котораго Россія никогда не входила въ такія частыя и дружескія сношенія съ иностранными дворами.

Свои просвѣтительныя стремленія Годуновъ простеръ до того, что задумалъ послать молодыхъ людей въ заморскія земли «для науки разныхъ языковъ и грамотъ».

Въ теченіи 1601 — 1602 г. восемнадцать молодыхъ людей были отправлены въ разныя страны — Францію, Любекъ и Англію. Не безъ колебанія рѣшились на это русскіе люди. Съ великимъ страхомъ и недовѣріемъ къ царской затѣ уѣзжали они за-границу, — для многихъ изъ нихъ европейская жизнь была непонятна. Они были еще далеки отъ сознательнаго усвоенія «еретичной» науки.

Въ Московской Руси путешествія на западъ были совершенно необычнымъ дѣломъ. Въ эту эпоху путешествовали почти исключительно въ святыя земли. Поѣздки же на западъ были сопряжены съ возможностью «оскверниться». Даже при отправленіи посольствъ правительство точно опредѣляло ихъ обязанности и запрещало всякія постороннія общенія, — «лишнихъ и неподобныхъ рѣчей ни съ кѣмъ не говорить и собою ничего не вчинять»...

Первые русскіе студенты не оставили послѣ себя никакихъ записей. Но этотъ пробѣлъ до извѣстной степени восполняется тѣми любопытными разсказами, которые сохранились отъ русскихъ путешественниковъ второй половины 17 вѣка. Безискуственные разсказы ихъ о видѣнномъ и слышанномъ заграницей даютъ намъ любопытный матеріалъ о настроеніяхъ русскихъ людей на перепутьѣ отъ старой Россіи къ новой. Обстановка заграничной жизни поражала нашихъ путешественниковъ прежде всего своимъ разнообразіемъ и необычностью. Стиль этихъ описаній весьма своеобразенъ: «Смотрѣлъ фонтаны; три лошади есть превеликія, на нихъ мужикъ стоитъ; у той, что середкѣ лошади, изъ языка, а у крайнихъ коней изъ ноздрей вода течетъ. Кругомъ тѣхъ лошадей ребята изъ мрамора сидятъ, воду пьютъ». Въ другомъ мѣстѣ русскій путешественникъ не можетъ нахвалиться «слономъ великимъ, который игралъ миноветы, трубилъ по турецки, по черкаски». Одинъ изъ москвичей жалуется, что заграницей «больше употребляютъ въ питьяхъ лимонатовъ, кафы, чекулаты и иныхъ тому-жь подобныхъ съ которыми человѣку пьяну быть невозможно»...

Судьба посланныхъ во Францію русскихъ студентовъ неизвѣстна. Вѣроятнѣе всего, что Годуновъ такъ и умеръ, не дождавшись своихъ молодыхъ ученыхъ. Свобода, отсутствіе строгаго надзора, обиліе денежныхъ средствъ, все это влекло русскихъ студентовъ къ заморщинѣ, а родная «Сарматія» стала отходить все дальше и дальше.

Не вернулись также и тѣ молодые люди, которые уѣхали въ Любекъ. Вспомнили о нихъ только при царѣ Василіи Шуйскомъ. Запросили любекскаго бургомистра, а въ ноябрѣ 1606 года полученъ былъ отвѣтъ, въ которомъ ратманы любекскіе жаловались, что «робята непослушливы и поученія не слушали, и нынѣ двое робятъ отъ насъ побѣжали, невѣдомо за што... Бьемъ челомъ, штобы ваше величество пожаловали отписали о достальныхъ робятахъ, ещо ли намъ ихъ у себя держати или къ себѣ велите прислать»...

Не сохранилось никакихъ указаній, вернулись ли молодые люди въ Россію или же остались за-границей. Болѣе подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ о посланныхъ въ Англію боярскихъ дѣтяхъ, — «Никифорѣ Ольферьевѣ сынѣ Григорьева, да Софонѣ Михайловѣ сынѣ Кожухова, да Казаринѣ Давидовѣ, да Фетькѣ Костомаровѣ».

По свидѣтельству «Московской хроники» Мартина Бера, проповѣдника лютеранской церкви въ Нѣмецкой слободѣ, молодые люди скоро научились въ Англіи всему, что имъ было наказано, но возвращаться въ Россію и не думали.

Сочиненіе Мартина Бера заключаетъ любопытныя свѣдѣнія о современной ему Россіи. Вотъ, напримѣръ, описаніе казаковъ: «Казаки, латин. козаци, есть разбойническій народъ, и не многимъ лучше турокъ и татаръ, а живутъ отъ части при Днепрѣ, противъ татарскихъ границъ, и отъ части далѣ къ востоку около рѣки Дона или Таная. Казаки раздѣлены на Запорожскихъ, козаци запоро віензесъ, и донскихъ»...

О молодыхъ людяхъ, посланныхъ въ Англію,

забыли среди внутреннихъ неурядицъ Смутнаго времени. Вспомнилъ о нихъ новый царь, Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ, пославшій въ Англію дворянина и намѣстника шацкаго Алексѣя Ивановича Зюзина да дьяка Алексѣя Витвтова «для своего государева и земского дѣла итти къ аглинскому королю Якубу въ послѣхъ». Въ наказѣ было упомянуто и о молодыхъ людяхъ, посланныхъ слишкомъ десять лѣтъ назадъ въ Англію. Посламъ было велѣно такъ или иначе воротить этихъ эмигрантовъ, для чего рекомендовалось имъ — пустить въ ходъ все краснорѣчіе, всю силу убѣжденія, образцы которыхъ были имъ преподаны въ наказѣ.

Наказъ, касавшійся первыхъ русскихъ студентовъ — прекрасный образецъ нашихъ старыхъ дипломатическихъ переговоровъ:

«и Алексѣю Ивановичу да дьяку Алексѣю говорить штобъ они дали имъ тѣхъ, которые нынѣ здѣся въ аглинской землѣ... тѣ царскаго величества подданные, природные московскаго государства, а не иноземцы, и вѣры крестьянскія греческого закону; и отцы и матери и братья у всѣхъ живы... и безъ перестани съ великою докукою объ нихъ бьютъ челомъ»...

Но всѣ старанія и убѣжденія русскаго посольства не привели ни къ чему, — русскихъ эмигрантовъ англичане не выдали, и Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ воротился въ Москву безъ молодыхъ ученыхъ.

Попытка вернуть ихъ повторилась черезъ восемь лѣтъ. Но и на этотъ разъ она не увѣнчалась успѣхомъ. По наведеннымъ же справкамъ оказалось, что всѣ русскіе «въ аглинской землѣ задержаны неволею, а Никифорко Олферьевъ и вѣры нашея православныя отступилъ и, несвѣдомо по какой прелести, въ попы сталъ, или буде надъ нимъ учинили то неволею».

Такова судьба этихъ первыхъ русскихъ студентовъ, оказавшихся въ водоворотѣ европейской жизни и навсегда потерянныхъ для Россіи.

Вл. Абданкъ-Коссовскій.

Совѣтская литература

О КАЗАЧЕСТВѢ

Передъ нами двѣ книги, выпущенныя военнымъ государственнымъ издательствомъ въ Москвѣ въ прошломъ году — воспоминанія «краскомовъ» о гражданской войнѣ: «Разгромъ Деникина» А. И. Егорова и «Разгромъ бѣлой Уральской казачьей арміи» И. Кутякова.

Бывш. командующій 9 сов. арміей, а съ осени 1919 г. и всѣми сов. войсками южнаго фронта Егоровъ нѣсколько разъ подчеркиваетъ неправильный по его мнѣнію планъ краснаго командованія, стоившій большевикамъ много жертвъ: въ первую очередь уничтожить донское казачество и захватить всю территорію войска, а потомъ уже нанести ударъ всѣмъ другимъ вооруженнымъ силамъ юга Россіи.

Предоставимъ слово автору книги, объясняющему причины ряда пораженій красныхъ на Дону съ января по сентябрь 1919 г.:

...«озлобленность донского казачества противъ совѣтской власти и красныхъ армій, что не могло явиться секретомъ для командованія красной стороны, заранѣе предрѣшала труднѣйшія условія дѣйствій войскъ.

Въ дѣйствительности, борьба въ той части Донской области, которая оказалась занятой 9-ой арміей, приняла ожесточенный характеръ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ донесенія штаба юго - восточнаго фронта. Въ борьбѣ принимали участіе иногда даже женщины и дѣти; обозы и тылъ подвергались постояннымъ нападеніямъ. **Положеніе красныхъ въ Донской области было вполнѣ аналогично положенію во вражеской непріятельской странѣ.** Чѣмъ дальше шло продвиженіе, тѣмъ большую озлобленность и отпоръ вызывало оно со стороны казачества».

Упоминая участіе кубанскаго казачества въ борьбѣ, авторъ отмѣчаетъ, что по даннымъ красной развѣдки въ Добровольческой арміи было 50% кубанцевъ въ составѣ казачьихъ конныхъ дивизій и пластунскихъ бригадъ, а если принять во вниманіе большое количество кубанскихъ казаковъ въ офицерскихъ полкахъ Добрарміи, то слѣдуетъ считать, что кубанцевъ тамъ было до 60%. Егоровъ подчеркиваетъ стойкость кубанскихъ частей, относя это за счетъ хорошо подготовленнаго казачьяго офицерства.

Терскія дивизіи, говорится въ той же книгѣ, безпрекословно исполняли боевые приказы гл. командованія и не въ примѣръ др. казачьихъ войскъ разногласія между главн. командованімъ и терцами

всегда рѣшались компромиссомъ.

Въ десяткахъ мѣстъ другой разбираемой нами книги — «Разгромъ бѣлой Уральской казачьей арміи» И. Кутяковъ отдаетъ должное уральскому командованію. Приведемъ нѣсколько выдержекъ:

...«Уральское командованіе прекрасно оперировало своими частями не только на полѣ боя, но и на всемъ театрѣ»...

...«Уральское командованіе правильно учло подвижность своей конницы. Перегруппировки и переброски, какъ правило, производились ночью, чѣмъ достигалась скрытность, а, слѣдовательно, и внезапность. Конныя массы бѣлыхъ появлялись тамъ, гдѣ ихъ не ждали и обрушивались на красные полки, окружая ихъ и изматывая огневымъ боемъ и атаками»..

...«Командующій бѣлой группой ген. Мартыновъ принялъ личное участіе въ бою за Уральскъ и нашелъ смерть какъ рядовой боецъ на улицахъ атакованной нами столицы бѣлаго казачества».

О непримиримомъ отношеніи уральскаго казачества къ большевикамъ и о степени активности борьбы съ ними, мы находимъ такія строки:

«При продвиженіи 25 стрѣлковой дивизіи на югъ все казачье населеніе, способное носить оружіе, вливалось въ ряды казачьихъ войскъ».

...«Несмотря на то, что красными открывался частый бурный огонь, выпускались сотни тысячъ ружейно - пулеметныхъ патроновъ, казачьи конныя массы сплошь и рядомъ все же доводили до конца свои атаки»...

...«въ Уральскомъ войскѣ весьма рѣдко наблюдались случаи симуляціи и дезертирства»...

Красные вожди стараясь въ качествѣ историковъ безпристрастно изложить исторію гражданской войны, о каковомъ желаніи оба упоминаютъ въ предисловіяхъ, сочли необходимымъ подробно остановиться на роли казачества въ борьбѣ противъ большевиковъ и отмѣтить то, на что не всегда рѣшаются ихъ противники. Отмѣтимъ главныя положенія книги Егорова, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ подтверждаются и въ книгѣ Кутякова: 1) первыми выступили съ оружіемъ въ рукахъ противъ большевиковъ донскіе казаки; 2) Добровольческая армія въ двухъ третяхъ ея состояла изъ кубанскихъ и терскихъ казаковъ, 3) включая Дон. армію, война на югѣ Россіи прошла при подавляющемъ количествѣ казаковъ въ вооруженныхъ силахъ бѣлыхъ, 4) почти все казачье населеніе всѣхъ казачьихъ областей поголовно принимало участіе въ борьбѣ съ большевиками, чего нельзя сказать ни про одну изъ губерній, занимавшихся противобольшевицкими силами на всѣхъ фронтахъ.

Борьба съ красными въ родныхъ краяхъ въ иныхъ формахъ продолжается и нынѣ. Въ московскомъ журналѣ «Новый Міръ», въ 1 и во 2 номерахъ этого года, помѣщена первая часть романа Шолохова (автора «Тихаго Дона») «Поднятая цѣлина». Мастерски описывая бытъ и жителей одного изъ хуторовъ на Дону, Шолоховъ повѣствуетъ о страшной, неравной борьбѣ свободолюбиваго казачества съ его вовлеченіемъ красными въ колхозы. Отличное знаніе образнаго казачьяго говора, описаніе типовъ хуторянъ, мелочи ихъ трудового дня дома и въ полѣ, ихъ прибаутки и остроты заставляютъ читающаго этотъ романъ казака вспомнить полузабытыя за долгіе годы изгнанія подробности въ языкѣ, бытѣ и природѣ далекаго, но близкаго нашимъ сердцамъ родимаго края.

П. Гусевъ.

Ecole Nationale Superieure des Arts Décoratifs

Высшая Національная Школа декоративныхъ искусствъ основана въ 1767 году и въ настоящее время имѣетъ три отдѣленія: архитектурное, декоративное и скульптурное. Въ Школу принимаются лица обоего пола не моложе 15 лѣтъ и не старше: мужчины — 30 л., женщины — 25 л. Иностранцы обязаны представить при просьбѣ о допущеніи къ экзамену, кромѣ картъ д'идантитэ, рекомендательное письмо отъ своего посольства или консульства; русскіе бѣженцы могутъ такое письмо получить или у г. Маклакова, или у г. Аитова.

Пріемные экзамены производятся дважды въ годъ — съ 5 по 11 октября и въ февралѣ; запись на нихъ производится въ Школѣ (31, rue d'Ulm, Paris, V.) обычно за двѣ недѣли до начала ихъ и одновременно уплачивается 40 фр. Для поступленія на любое отдѣленіе необходимо умѣть рисовать съ натуры. Экзамены состоятъ: для поступающихъ на **архитектурное** отдѣленіе въ 1) исполненіи въ теченіе 10 часовъ безпрерывной работы архитектурнаго проэкта, 2) рисованіи съ модели (орнаменты), 3) знаніи геометріи, въ пространствѣ и на плоскости и 4) архитектурное черченіе; на **декоративное** отдѣленіе: 1) гипсовая маска (10 ч.

въ 5 дней), 2) цвѣты или листья съ натуры, 3) декоративная композиція (декорировать блюдо, переплетъ, крышку коробки или что либо иное, употребляя и стилизуя цвѣты или растенія, сдѣланные до этого), и 4) геометрическое черченіе (построеніе многоугольниковъ, угловъ, параллельныхъ прямыхъ или простѣйшихъ кривыхъ); на скульптурное отдѣленіе: 1) лѣпка модели, 2) рисованіе ея же, 3) лѣпка цвѣтовъ и листьевъ, 4) лѣпка декораціи и 5) черченіе. Наиболѣе трудны экзамены для поступающихъ на архитектурное отдѣленіе (изъ 150 — 200 экзаменующихся принимается 40 — 45 ч.), на декоративное отдѣленіе принимаютъ обычно половину или двѣ пятыхъ экзаменующихся и почти всѣхъ на скульптурное. Въ Школѣ ведутся дневные и вечерніе (8 — 10 ч.) курсы, не отличающіеся другъ отъ друга; нѣтъ только вечернихъ курсовъ для женщинъ и курсовъ études des plantes

Institut d'Etudes Slaves de l'Université de Paris

Институтъ славяновѣдѣнія, основанный въ Парижѣ въ 1919 году Эрнестомъ Дени, при содѣйствіи французскаго, чехословацкаго и югославскаго правительствъ, къ которымъ съ 1923 года присоединилось и польское правительство, связанъ особымъ соглашеніемъ отъ 14 марта 1922 года съ Парижскимъ Университетомъ. Для вступленія членомъ въ его составъ требуется рекомендація со стороны двухъ членовъ его и принятіе Административнымъ совѣтомъ. Членами его въ настоящее время являются очень многіе видные представители научнаго міра, политики, общественности, рядъ Университетовъ.

Дѣятельность Института чрезвычайно обширна и разнообразна. Институтъ располагаетъ очень обширной библіотекой, въ значительной своей части образованной изъ пожертвованныхъ рѣдкихъ и весьма цѣнныхъ изданій по всѣмъ отраслямъ славяновѣдѣнія; десятки ученыхъ и лицъ, занятыхъ научными работами по вопросамъ славяновѣдѣнія, пользуются этой библіотекой, при отсутствіи которой они вынуждены были бы затратить много времени и труда на розыски нужныхъ имъ изданій, а иногда и не смогли бы закончить свои работы. Читальня Института получаетъ много періодическихъ изданій и открыта не только для членовъ Института, но и для всѣхъ студентовъ, записавшихся для этого въ секретаріатѣ. Ежегодно Институтъ издаетъ также и научные труды въ интересующей его области. Имъ изданы: Эмиль Оманъ — «Образованіе Югославіи (XV — XX вв.)», Мелитта Пиве-Стеле — «Грамматика чешскаго языка», Джуджевъ — «Ритмъ и размѣръ въ болгарской народной музыкѣ» и др. Въ сферу дѣятельности Института относится организація лекцій по разнаго рода вопросамъ, связаннымъ со славяновѣдѣніемъ, устройство концертовъ, посвященныхъ произведеніямъ славянскихъ композиторовъ и т. п.

Изъ напечатанной въ ежегодникѣ Института за 1930—1931 академическій годъ программы систематическихъ занятій видно, что въ текущемъ ак. году въ Парижѣ читаются по языковѣдѣнію и филологіи: А. Мазонъ — «Главныя проблемы славянской филологіи въ теченіе XIX в.»; Вайанъ — «Изслѣдованіе системъ славянской филологіи». По исторіи и цивилизаціи славянства: Ейзенманъ — «Прежняя и новая центральная Европа», Диль — «Города византійскаго искусства въ эпоху Палеологовъ», Милле — «Религіозная живопись христіанскаго востока въ XIII — XVI в.в.», «Архитектура византійскихъ, славянскихъ и румынскихъ церквей», «Монастыри Афона». По русской литературѣ и языку: Бойеръ — «Основы новѣйшей русской грамматики», «Объясненія новѣйшихъ текстовъ и отрывковъ современныхъ авторовъ» и «Объясненія текстовъ XVI и XVII в.в.», Мазонъ — «Очерки сказокъ и былинъ цикла Святогора», Легра — «О Россіи въ 1839 г.», маркиза де Гюстэна, Кульманъ — Исторія русскаго языка классической литературы, Объясненія старыхъ русскихъ текстовъ и Достоевскій. Далѣе въ расписаніи указаны курсы по литературѣ и языкамъ — польскому, чешскому, сербо-хорватскому и болгарскому.

Для докторской степени въ данное время подготовляются слѣдующіе тезисы, относящіеся къ изученію славянства: Шатенье — «Боснія, очеркъ областной географіи», Дайръ — «Изслѣдованіе рагузянской поэзіи», Доминуа — «Чешская общественная мысль 1890 — 1914 г.г.», Эрхардъ — «Жуковскій», Фишель — «Основы народнаго чешскаго хозяйства 1918—1928 г.г. и главныя экономическія стороны Чехословакіи», Фразеръ — «Отношенія Православной и Англиканской церквей 1890 — 1920 г.г.», Янкелевичъ — «Хомяковъ», Лаличъ — «Феодализмъ въ Россіи», Унбегаунъ — «Исторія русскаго языка въ XII вѣкѣ». Умершій въ октябрѣ прошлаго года членъ Института Антуанъ Мартель оставилъ двѣ оконченныхъ и готовыхъ къ печати работы — «Судьба польскаго языка на Украинѣ въ XII вѣкѣ» и «Ломоносовъ и созданіе литературнаго русскаго языка»: первая изъ этихъ работъ будетъ издана французскимъ институтомъ въ Вар-

шавѣ, вторая — такимъ же институтомъ въ Ленинградѣ.

Въ Институтѣ засѣдаетъ особая Комиссія, возглавляемая г. Ректоромъ Парижскаго Университета при председателѣ г. Этіенѣ Фурноль, вѣдающая распредѣленіемъ фондовъ, отпущенныхъ г. Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ на помощь нуждающимся русскимъ студентамъ. Съ просьбами о помощи и о стипендіяхъ надлежитъ обращаться къ предсѣдателю Комиссіи г. Фурноль.

Донской Казачій Хоръ

ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ С. А. ЖАРОВА

Въ своихъ воспоминаніяхъ, изложенныхъ въ книгѣ Ем. Клинскаго «С. А. Жаровъ и Донской Казачій Хоръ», С. А. Жаровъ говоритъ: «въ Лондонѣ мы дали рядъ концертовъ. Наиболѣе яркимъ воспоминаніемъ стоитъ передо мной наше выступленіе въ Виндзорскомъ дворцѣ передъ Англійскимъ королемъ Георгомъ V. — Намъ подали придворныя кареты. У дворца насъ встрѣтилъ гофмейстеръ, проводившій насъ въ залъ, гдѣ мы должны были пѣть. Король, несмотря на болѣзнь, въ сопровожденіи королевы явился на концертъ.

Увидя короля, мы были поражены, — такъ велико было его сходство съ покойнымъ Государемъ.

Вспомнилось прежнее...

Пѣли два отдѣленія, духовное и свѣтское. Послѣ концерта король направился къ эстрадѣ, на которой мы стояли. Увидѣвъ его приближеніе, я, не задумываясь, соскочилъ съ двухметровой высоты, вызвавъ возгласы одобренія со стороны присутствующихъ и самого короля.

Король и королева подошли ко мнѣ и милостиво пожали мнѣ руку. Они спросили о происхожденіи хора, о его прошломъ. Великая княгиня Ксенія Александровна переводила ихъ слова.

По желанію короля, мы исполнили русскій гимнъ. Опустивъ голову, прослушалъ его король. Потомъ, внезапно встрепенувшись, поблагодарилъ и удалился во внутренніе покои. Послѣ концерта намъ показали дворецъ. Мы видѣли залъ рыцарей, тронный залъ и комнату, въ которой во время своего пребыванія въ Лондонѣ спалъ Императоръ Николай II. Потомъ былъ поданъ обѣдъ. За каждымъ хористомъ, прислуживая ему, стояло по лакею изъ гвардейцевъ. Прекрасно воспитанные и корректные, они, молча, смотрѣли на насъ, пившихъ воду, приготовленную для мытья рукъ, и неизмѣнно подливали намъ свѣжую воду въ опустѣвшій хрустальный сосудъ».

Были — въ самомъ началѣ артистической дѣятельности — и непріятные инциденты. Когда первый разъ пѣли въ г. Грацѣ, въ Австріи, въ одной изъ ложъ переполненнаго зала поднялся вдругъ человѣкъ, оказавшійся профессоромъ мѣстнаго университета, и въ длинной горячей рѣчи сталъ призывать публику покинуть залъ и не слушать «заклятыхъ враговъ - казаковъ». Ораторъ говорилъ: «Астрійскія жены и матери! Казаки убивали вашихъ мужей и сыновей, они разоряли вашу родину — покиньте же залъ въ знакъ демонстраціи и протеста противъ этихъ варваровъ». «Я только что вышелъ на сцену — разсказываетъ С. А. Жаровъ — и стоялъ за шеренгой пѣвцовъ, слушая непонятныя мнѣ слова. «Что онъ говоритъ? спросилъ я октависта, который еще меньше меня понималъ по нѣмецки». «Дюже тебя хвалитъ, Сережа»...

Я вышелъ на середину эстрады и глубокимъ поклономъ поблагодарилъ оратора за похвалу.

Въ залѣ, сначала затихшемъ, бурей пронеслись аплодисменты. Публика ревѣла, рвалась на сцену. Залъ гудѣлъ отъ оваціи по отношенію къ хору. А профессора попросили изъ ложи.

Тогда было еще хорошо не знать нѣмецкаго языка»...

Другой случай — въ Штетинѣ. Мы стояли на эстрадѣ, намѣреваясь начать концертъ. Вдругъ въ залѣ произошло движеніе. Я увидѣлъ, какъ сѣдой стройный генералъ въ мундирѣ гусара показался въ проходѣ между стульями. Всѣ присутствующіе поднялись. Звеня шпорами, генералъ прошелъ въ первые ряды и занялъ свое мѣсто. Концертъ начался. Я видѣлъ, какъ послѣ перваго номера старый генералъ одобрительно аплодировалъ. Мы только что кончили «Коль славенъ»... Кто-подошелъ къ сценѣ и попросилъ повторенія. Просьба исходила отъ генерала. Послѣ концерта онъ поднялся и направился къ эстрадѣ. Всѣ слѣдили за нимъ .

Вставъ лицомъ къ публикѣ, генералъ поднялъ руку. Все стихло. Въ наступившей тишинѣ мы услышали его твердый, привыкшій къ командѣ, го-

лось: «Я привѣтствую своихъ славныхъ противниковъ галиційскихъ сраженій. Казаки! Здѣсь, въ мирномъ концертномъ залѣ, я выражаю Вамъ свое восхищеніе передъ вашимъ искусствомъ. Вы, эмигранты-офицеры, можете открыто и гордо смотрѣть въ лицо всѣмъ, всѣмъ, всему свѣту».

Обращеніе генерала было покрыто громкими аплодисментами .

Передъ публикой стоялъ одинъ изъ нѣмецкихъ героевъ послѣдней войны: генералъ-фельдмаршалъ Макензенъ.

Теперь, каждый разъ, когда представительный и любезный кавалеристъ присутствуетъ на нашихъ концертахъ, мы всегда поемъ для него «Коль славенъ»... и охотно повторяемъ эту вещь, когда онъ этого требуетъ».

ХРОНИКА

СТАНИЧНАЯ ХРОНИКА

= Въ собраніи общественныхъ русскихъ организацій въ Парижѣ 7-го мая по случаю злодѣйскаго убійства Горгуловымъ Президента Французской Республики г. Поля Думера отъ имени станицы принялъ участіе ст. атаманъ, подписавшійся подъ обращеніемъ къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ и къ госпожѣ Думеръ.

= Назначенная на 22-го мая станичная «чашка чаю» отмѣняется въ связи съ національнымъ трауромъ по случаю трагической смерти г. Поля Думера.

= Станица вступила въ комитетъ казачьихъ организацій Парижа по устройству осенью сего года общеказачьяго бала.

= Правленіемъ представленъ Донскому Атаману списокъ членовъ станицы на предметъ полученія комбатантскихъ карточекъ. Тѣмъ, кто не успѣли во время сдать правленію необходимыя свѣдѣнія и матеріалы для внесенія въ списокъ Союза комбатантовъ-казаковъ, надлежитъ направлять таковыя въ адресъ Войскового Атамана:

Monsieur A. Bogaevsky,
8, rue François Coppée, Paris 15.

Въ прошеніи должно быть указаны: имя, отчество и фамилія, дата и мѣсто рожденія, профессія, адресъ—порусски и пофранцузски въ соотвѣтствіи съ данными картъ д'идантитэ. Кромѣ того, должны быть даны свѣдѣнія, уже лишь порусски, о чинѣ, о послѣдней воинской части, въ которой состоялъ и указано время и мѣсто раненій, если таковыя были получены.

Къ прошенію слѣдуетъ прилагать 2 фотогр. карточки и членскій взносъ на 1932 г. въ размѣрѣ 15 франковъ.

= Юридическая Консультація Студенческой Казачьей Станицы, находящаяся подъ руководствомъ прис. пов. М. А. Адамова безвозмездно обслуживаетъ всѣхъ студентовъ - станичниковъ и даетъ устные юридическіе совѣты и письменныя заключенія по всѣмъ отраслямъ права: административнаго ,налогового, страхового, а также, какъ по всѣмъ дѣламъ, вытекающимъ изъ квартирныхъ и гражданскихъ правоотношеній (семейное и наслѣдственное право), такъ и по дѣламъ, связаннымъ съ несчастными случаями и увѣчьями при работѣ. Въ случаѣ надобности консультація направляетъ студентовъ - станичниковъ къ французскимъ адвокатамъ и руководитъ дѣлами во всѣхъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ Франціи. Консультація помѣщается: 85, rue de la Convention, Paris (15) Tel. Vaugirard 59-07 и открыта по вторникамъ и пятницамъ отъ 6 1/2 до 8 часовъ вечера.

Со слѣдующаго номера журнала «Станица» вводится Почтовый Юридическій ящикъ, въ которомъ будутъ даваться отвѣты по всѣмъ вопросамъ юридическаго характера, поступающимъ отъ читателей «Станицы».

= Въ журналѣ «Часовой» отъ 1. 4. 32 помѣщенъ слѣдующій отзывъ о нашемъ журналѣ:

> «Второй номеръ «Станицы» оставляетъ прекрасное впечатлѣніе. Видно, что издаютъ его съ любовью и увлеченіемъ. Номеръ снабженъ двумя рѣдкими клише: Калединъ въ гробу и портретъ полк. Чернецова. Каледину посвящена статья и стихотвореніе В. Каргальской. Въ отдѣльной статьѣ вспоминаются вожди уральцевъ, генералы М. Ф. Мартыновъ и В. С. Толстовъ (нынѣ здравствующій). Уральцамъ посвящено стихотворніе Б. Х—на:
>
> И стонетъ, и воетъ декабрьская вьюга,
> И шепчетъ, какъ будто дразня казака;
> «Разбита, слышь, начисто армія Юга,
> Далеко въ Сибири Войска Колчака...»

Далѣе слѣдуетъ «Гибель полк. В. Чернецова», есаула Моисея Попова, соратника славнаго партизана, «Сказочка» Игоря Воинова, «Красный Донъ» Д. Воротынскаго, «Донской Казачій Хоръ Жарова», обзоръ печати и хроника

Съ особымъ интересомъ читается «Боевой кличъ» — В. Абданкъ-Коссовскаго, какъ впрочемъ и всѣ его историческіе очерки и изслѣдованія. Громадная эрудиція и разностороннее образованіе сочетается у этого автора съ умѣніемъ живо и ярко подать самую серьезную тему.

Отъ всей души желаемъ дальнѣйшаго расширенія симпатичнаго журнала казаковъ-студентовъ».

ИЗЪ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ВО ФРАНЦІИ

Казначей Калединской ст. въ Крезо Нестеровъ сложилъ съ себя полномочія и вмѣсто него избранъ Помощн. Ст. Ат. вахмистръ Скакуновъ.

На перевыборахъ Правленія Имфійскаго Общеказачьяго хутора избраны: Атаманомъ подъесаулъ Терск. В. Пл. Куз. Третьяковъ, Помощн. — ес. Куб. В. Ив. Еф. Панченко, Казначеемъ — вахм. Терск. В. Фед. Мат. Трепачко, секрет. и завѣд. читальней — каз. Куб. В. Ив. Вас. Аладьинъ, довѣрен. — хор. Тр. Арт. Шпика, ур. С. А. Иващенко, вольноопр. А. Г. Половинъ и подъес. Дон. В. Ив. Фен. Похлебинъ.

20-го марта сего года на перевыборахъ Правленія Объединенной Туркуанской Станицы выбранными оказались: Атаманъ станицы Войск. Ст. Страховъ А. И., Помощники — Сотн. Васильевъ И. С. и мл. ур. Смагинъ И. С., казначей — Подх. Звонаревъ Д. В., Писаремъ — вольноопр. Осетровъ И. П., члены ревиз. ком. — Подъес. Жирковъ С. К., Сот. Дроновъ А. Г. и мл. ур. Вѣсовъ В. П.

Каркассонскій Общеказачій хуторъ (департ. Одъ), ввиду увеличенія числа своихъ членовъ, постановленіемъ Сбора, утвержденнымъ Донскимъ Атаманомъ, переименованъ въ Каркассонскую Общеказачью станицу, Атаманомъ которой избранъ есаулъ П. И. Землянухинъ (Верхне-Курмоярской станицы Дон. Войска).

КАЗАЧІЙ СОЮЗЪ

Пріемъ въ бюро Казачьяго Союза въ настоящее время производится Предсѣдателемъ Союза Н. М. Мельниковымъ **т о л ь к о** по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 3 ч. до 5 час. вечера.

І. К. Зенковъ, вынужденный искать заработокъ на сторонѣ, пріема больше не производитъ, почему въ остальное время бюро Союза закрыто.

КАЗАЧІЙ ПАРИЖЪ

= Въ Парижѣ и его окрестностяхъ насчитывается 26 казачьихъ организацій, которыя можно раздѣлить на 7 группъ:

Военныя организаціи: Л.-Гв. Казачій полкъ, Л.-Гв. Атаманскій полкъ, Л.-Гв. 6 Дон. каз. батарея, Атаманское военное училище, Кубанское военное училище, группа Гундоровскаго дон. каз. полка и Донской офицерскіе резервъ.

Объединенія лицъ, служившихъ въ Россіи въ однихъ частяхъ, или продѣлавшихъ совмѣстно походы, состоявшихъ въ одномъ родѣ оружія и пр.

Союзъ русскихъ казаковъ — участниковъ войны; Степняки-партизаны; партизаны-Чернецовцы; Союзъ б. кадетъ Донского кадетскаго корпуса; Союзъ Донскихъ артиллеристовъ; Объединеніе г.г. офицеровъ 4 Дон. каз. графа Платова полка.

Общества взаимопомощи: Кубанская касса взаимопомощи въ Парижѣ и Обще-казачья касса взаимопомощи въ Бійанкурѣ.

Общественно-бытовыя организаціи: Казачій Союзъ, Кубанская станица, Терское Объединеніе, Калмыцкая станица, О—во ревнителей Кубани, Уральская станица.

Благотворительная организація — Общество «Казачья Помощь» и **академическая** — Студенческая казачья станица.

Кромѣ того существуютъ еще двѣ организаціи съ самостійными теченіями: Донская станица и Лига Возрожденія Казачества.

По войсковымъ признакамъ всѣ эти организаціи составлятъ 5 группъ: 14 донскихъ, 6 обще - казачьихъ, 4 Кубанскихъ, 1 Терская и 1 Уральская организація.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОКЪ

9-го марта сего года въ госпиталѣ Биша скончался вахмистръ ст. Гундоровской Дон. В. Даніилъ Спиридоновичъ Аникинъ, 46 лѣтъ и похороненъ на кладбищѣ С-Уанъ.

26-го февраля во французской богадѣльнѣ въ г. Маконъ скончался членъ Калединской ст. въ Крезо казакъ ст. В.-Чирской Прокопій Акимовичъ Макѣевъ.

На ст. Новиляръ поѣздомъ убитъ казакъ ст. Ольгинской Ив. Мих. Казачковъ, 33 лѣтъ.

6-го мая 1932 года, въ госпиталѣ Ларибуазьеръ, скончался Василій Александровичъ Сидоровъ, Вешенской ст., Дон. В.

ОТЪ КОНТОРЫ «СТАНИЦА»

Обращаемся съ просьбой къ тѣмъ, кто еще не отчитался за предыдущіе номера журнала произвести разсчетъ теперь же.

Срокъ разсчета за этотъ номеръ — 15 іюля с. г.

Лица, получившія отдѣльн. экз. № 3-го благоволятъ выслать по указанному ниже адресу его стоимость — 2 франка почтовыми марками. Всю простую, заказную и денежную корреспонденцію направлять въ адресъ предсѣдателя редакціонной коллегіи П. В. Гусева:

M-r. Gousseff, 60, rue Dombasle, Paris, 15.

Въ слѣдующемъ номерѣ будетъ объявлена подписка на журналъ «Станица» на 1933 годъ.

№ 4 «Станицы» выйдетъ въ октябрѣ сего года.

Свободная трибуна

О ЗНАЧЕНІИ СЛОВА «КАЗАКЪ»

Послѣдніе годы очень много пишутъ и говорятъ о «казакахъ» и «казачествѣ». Эти слова склоняются во всѣхъ падежахъ, но до сихъ поръ ниразу не приходилось ни слышать, ни читать объ опредѣленіи, именно, содержанія слова «казакъ». Важна, вѣдь не форма, не вывѣска, а сама сущность понятія, выраженнаго данной формой, т.-е. словомъ. И если говорить о будущемъ казачества, строить какіе-то планы, надо прежде установить, что именно заключалось и можетъ заключаться въ словѣ «казакъ». Иначе спорящіе могутъ ходить вокругъ-даоколо, не уясняя себѣ мыслей одинъ другого, такъ какъ вкладываютъ разное содержаніе въ одну и ту же форму, т.-е. подъ словомъ «казакъ» понимаютъ различныя величины. Къ тому же, съ теченіемъ времени и даже, зачастую, съ перемѣной мѣста, одни и тѣ же слова мѣняютъ значеніе, или свое содержаніе. Такъ, были полтавскіе казаки до 1917 года. Назывались они казаками, но едва-ли по существу ихъ можно было отожествлять съ Донскими. Ибо первые считались казаками, почему-то, по устарѣвшей формѣ, а вторые были ими еще по существу. Поэтому, какъ и вообще, такъ и въ разсужденіяхъ о казачествѣ, въ частности, нельзя возводить построенія всецѣло только на формахъ, не заботясь о томъ, каково есть или каково можетъ быть ихъ содержимое.

И прежде, чѣмъ разсуждать о судьбахъ казачества, надо уяснить, какое содержаніе можно будетъ вложить въ слово «казакъ» — то-ли, какое было, или новое. Вѣдь, великая разруха, расшатавшая вѣковые устои, казавшіеся незыблемыми, очевидно, задѣла (да иначе и быть не могло) и укладъ казачьей жизни, не личной или семейной, ни даже общественной, а казачьей жизни въ государствѣ. Вѣдь, если были казаки и не-казаки, значитъ это различіе проводилось по какимъ то признакамъ, имѣвшимъ подъ собой твердую почву. Если казакъ отличался отъ не казака, слѣдовательно, онъ занималъ какое то иное положеніе въ государствѣ, т.-е. его права и обязанности были иными. И чтобы остаться казаками и въ будущемъ, но по существу, а не по формѣ, какъ полтавскіе, казаки, очевидно, должны занять въ государствѣ какое то особое положеніе, выдѣлиться изъ прочаго населенія, т.-е. нести особыя обязанности въ государственной жизни, если они захотятъ пользоваться особыми правами. Ибо, для соціальнаго равновѣсія въ обществѣ, права должны уравновѣшиваться обязанностями. Перевѣсъ въ ту или другую сторону, да если еще онъ надолго искусственно задерживается, приводитъ къ катастрофѣ. Жизнь государства или общества течетъ закономѣрно. Государственные устои и взаимоотношенія отдѣльныхъ слоевъ населенія не устанавливаются желаніемъ лицъ или правителей, если того не требуютъ жизненныя условія даннаго времени и мѣста. Навязываніе кабинетныхъ программъ приводитъ къ послѣдствіямъ, подобнымъ большевицкимъ. Равнымъ образомъ и въ отношеніи будущаго казачества слѣдуетъ учесть всѣ реальныя возможности и строить по даннымъ, могущимъ имѣть государственно-жизненныя основы. Иначе говоря, вложить въ слово «казакъ» содержаніе, соотвѣтствующее и духу времени и обстоятельствамъ.

Что же было вложено въ понятіе о казакѣ въ прошломъ, и каково происхожденіе этого понятія? По смыслу своего бытія казачья община является продолженіемъ древне - славянской общины, возникнувшей при тѣхъ же военныхъ обстоятельствахъ, но только подъ новымъ названіемъ. Если до татарскаго нашествія по южнымъ степямъ стояли богатырскія заставы, а новгородскіе «ушкуйники» уже въ 11-омъ вѣкѣ доходили до Урала и низовьевъ Волги и Бѣлымъ моремъ, выйдя въ Ледовитый океанъ, огибали Скандинавію до Шотландіи, то съ пер-

вой половины 14-го вѣка ихъ смѣнили «сторожи» и «станицы», называвшіяся къ концу 15-го и началу 16-го в.в. казаками. Въ сущности, это были тѣ же «добрые молодцы» — выходцы изъ внутреннихъ чисто русскихъ земель, только подъ новымъ названіемъ.

На сѣверѣ казачья жизнь не могла развиться, такъ какъ тамъ государство быстро достигло своихъ границъ, и не было бусурманъ, отъ которыхъ надо было охранять эти границы. Напротивъ, южныя пустынныя степи представляли полный просторъ для «молодечества» и къ тому же государство усиленно ограждалось отъ постоянныхъ набѣговъ кочевниковъ.

Разъясненіемъ понятія «казакъ», перешедшаго на русскую пограничную стражу, занимались около двухъ вѣковъ. Первая попытка встрѣчается въ 1710 году браваго малороссійскаго полковника Гребенки, который — ни болѣе, ни менѣе, какъ производитъ «казаковъ» отъ «казаръ», «народа скифскаго». Едва ли самъ полковникъ могъ объяснить, откуда онъ взялъ такой неожиданный выводъ. Нѣкоторые производили слово «казакъ» отъ косоговъ — древнихъ жителей Предкавказья; отъ Косахіи — Закавказской области; или отъ турецко-татарскаго слова «казъ», что значитъ — гусь. Иные, «по сборнику Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ», составляли это слово изъ двухъ монгольскихъ: «ко» — броня, латы, защиты — и «захъ» — межа, граница, рубежъ; отсюда «козахъ» — защитникъ границы. Въ «Сравнительномъ словарѣ турецко-татарскихъ нарѣчій» Будаговъ слово «казакъ» переводитъ: «вольный бродяга, не имѣющій ни кола, ни двора, или разбойникъ; а по хивински это значитъ — «киргизъ». Киргизы называютъ себя казаками. Такъ, по словамъ Пашино, — казакъ — это общее наименованіе кочевниковъ Туркестана. Наконецъ, Голубовскій считаетъ «казакъ» чисто половецкимъ-тюркскимъ словомъ, означающимъ передового дневного и ночного стража. По его мнѣнію, такъ могли называться передовые бойцы, постоянно стоявшіе наготовѣ.

Исторія даетъ ясное указаніе, какъ это наименованіе перешло на русскую передовую стражу. Въ татарскихъ отрядахъ, въ ихъ набѣгахъ на Русь, «казаками» назывались бездомные одинокіе воины, служившіе въ развѣдкахъ и несшіе сторожевую службу. Въ 14-омъ вѣкѣ такіе татарскіе «казаки» появились на службѣ у великихъ князей. Ихъ селили въ Муромской землѣ. Русская же передовая стража по началу «казаками» не называлась, а именовалась «станицами» или «полевой» стражей, которая и является родоначальницей всего восточнаго казачества (въ отличіе отъ западно - малороссійскаго и запорожскаго). Ибо зарожденіе самого казачества пошло изъ нѣдръ государства, и основа ему была положена государственной властью въ самомъ его зародышѣ. Начало оно беретъ отъ устройства по южной границѣ Рязанскаго княжества постоянныхъ сторожевыхъ разъѣздовъ и карауловъ. Впервые о такой стражѣ упоминается между 1334 и 1353 г.г. По мѣрѣ продвиженія границъ къ югу сѣть «станицъ» и «сторожъ» развивалась. Туда набирались охочіе люди всѣхъ сословій, получавшіе за службу земли, не подлежавшіе отчужденію и освобожденные отъ податей, а за особыя услуги — жалованье.

При Иванѣ Грозномъ, въ 1571 году, былъ составленъ подробный уставъ сторожевой станичной службы, по которому казаки раздѣлялись на полковыхъ, защищавшихъ пограничные города, и станичныхъ, высылавшихся далеко въ степь разъѣздами. Подъ конецъ царствованія Ивана Грознаго такіе разъѣзды доходили до Азова. Границы продвигались, а казаки уходили все дальше и дальше, впереди шелъ казакъ съ оружіемъ, а за нимъ слѣдовалъ крестьянинъ съ сохой. И такъ они прошли отъ границъ Рязанскаго княжества до береговъ Чернаго и Каспійскаго морей, перевалили за Уралъ и достигли Тихаго океана, пройдя всю Сибирь. Казачество образовало живую заставу отъ Днѣстра до Амура. Застава эта была днемъ и ночью живой преградой. И на всемъ протяженіи исторіи казаки служили этой заставой, были завоевателями обширн. окраинъ и проводителями въ нихъ русскости и государственности, воинами въ первыхъ рядахъ противъ враговъ своей отчизны и, въ трудныя времена установителями закона и порядка. Это было содержаніемъ слова «казакъ» до великой Разрухи 1917 года. Если Разруха пошатнула всѣ государственные устои, то она въ корнѣ задѣла и казачество. Теперь вопросъ въ томъ — быть или не быть казачеству, т.-е. найдетъ ли оно новые устои своего положенія въ государствѣ, или нѣтъ. Но съ условіемъ, конечно, что оно возродится не только по формѣ, сохранивъ наименованіе, но и по существу, т.-е. займетъ положеніе отличное отъ прочаго населенія. Нельзя серьезно принимать во вниманіе утвержденіе, что казаки особый народъ и могутъ составить свое государство «Казакію». А занять въ государствѣ общее со всѣмъ населеніемъ положеніе, но сохранить названіе областей или даже войскъ, значило бы сдѣлаться полтавскими казаками. Слѣдовательно, надлежитъ сдѣлать что-то, что выдѣлило бы казачество. И это «что-то» весьма просто, но трудно **стать носителемъ русской національной идеи и съ оружіемъ въ рукахъ повести за собой весь русскій народъ въ дѣлѣ возстановленія нашей Отчизны съ вѣрою въ Единую, Соборную, Могучую и Святую Русь.**

Владимиръ Синеоковъ
Докторъ Государственныхъ Наукъ,
Почетный казакъ Обще-казачьей станицы
въ Каннахъ.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ

объ усиленіи надзора за иностранцами во Франціи

20-го мая утромъ въ Елисейскомъ дворцѣ состоялось засѣданіе совѣта министровъ — первое подъ предсѣдательствомъ Альбера Лебрэна.

По докладу Тардье и министра внутреннихъ дѣлъ Майе объ усиленіи надзора за иностранцами во Франціи, приняты слѣдующія постановленія:

1. Провѣрка въѣзжающихъ во Францію иностранцевъ затруднительна на границахъ вслѣдствіе короткой остановки поѣздовъ. Въ будущемъ инспектора Сюртэ Женераль должны сопровождать поѣзда, начиная отъ пограничныхъ станцій, и производить на ходу поѣзда провѣрку документовъ иностранцевъ.

Служба контроля на границахъ обязана будетъ ежедневно сообщать дирекціи Сюртэ Женераль списки прибывшихъ за день во Францію иностранцевъ. Тѣ, чьи документы окажутся не въ порядкѣ, будутъ немедленно высылаться.

2. Нансеновскіе паспорта лицамъ, не могущимъ получить національные паспорта, будутъ выдаваться префектами полиціи и консулами только съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и министра иностранныхъ дѣлъ.

3. Полиціи даны инструкціи строго слѣдить за исполненіемъ декретовъ, предписывающихъ домовладѣльцамъ или собственникамъ отелей, у которыхъ проживаютъ иностранцы, сообщать объ ихъ пріѣздѣ комиссару полиціи въ теченіе 24 часовъ съ момента прибытія въ домъ или въ отель.

4. Чтобы положить конецъ политической дѣятельности нѣкоторыхъ иностранцевъ, злоупотребляющихъ широко предоставленнымъ имъ гостепріимствомъ и дѣйствующихъ единолично или въ составѣ нѣкоторыхъ обществъ и въ условіяхъ, которыя вредятъ отношеніямъ съ сосѣдними государствами и часто грозятъ общественной безопасности, — префектамъ полиціи предложено собрать всѣ необходимыя справки на этотъ счетъ и представить незамедлительно министру внутреннихъ дѣлъ свои соображенія на предметъ высылки виновныхъ, если въ такой высылкѣ встрѣтится надобность.

5. До сего времени нежелательнымъ иностранцамъ просто предлагалось покинуть страну («рефулеманъ»), причемъ незаконный ихъ въѣздъ послѣ такого выдворенія не карался. Система эта упраздняется. Отнынѣ всякій иностранецъ, документы котораго не въ порядкѣ, кому отказано въ картъ д'идантитэ, или у кого картъ д'идантитэ отобрана, будетъ подвергаться высылкѣ («экспюльсіонъ»), если только не представитъ необходимыхъ гарантій.

6. Циркуляромъ министра юстиціи судебнымъ властямъ будетъ предложено строго примѣнять законъ объ иностранцахъ, возвращающихся во Францію послѣ приказа о высылкѣ или нарушающихъ требованія этого приказа.

7. Особымъ декретомъ служба охраны президента республики подчинена префекту полиціи, которому принадлежитъ теперь право назначать чиновниковъ и инспекторовъ для этой службы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти чиновники и инспектора выѣзжаютъ за предѣлы департамента Сены, они временно подчиняются дирекціи Сюртэ Женераль и предоставляются въ распоряженіе префектовъ.

8. Съ цѣлью обезпечить точное исполненіе вышеприведенныхъ мѣропріятій, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не рѣже, чѣмъ разъ въ мѣсяцъ, будетъ созываться совѣщаніе представителей министерствъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, префектуры полиціи, а, въ случаѣ надобности, и представителей другихъ заинтересованныхъ вѣдомствъ.

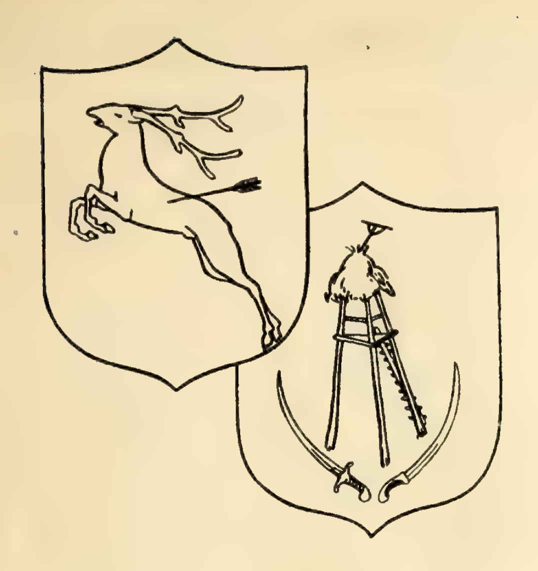
Декреты и циркуляры о всѣхъ вышеприведенныхъ мѣропріятіяхъ опубликованы 21-го мая въ «Журналь Оффисіель».

КОНЦЕРТЪ ДОНСКОГО КАЗАЧЬЯГО ХОРА

Концерты Донского Казачьяго Хора подъ управленіемъ С. А. Жарова, отложенные на нѣкоторое время въ знакъ траура въ виду трагической кончины г. Президента Французской Республики, нынѣ возобновлены въ Тунисѣ и Алжирѣ.

Въ Парижѣ единственный концертъ состоится въ субботу 28-го мая. Билеты можно получать со вторника 24 мая, въ Рускомъ банкѣ отъ 10- 2 ч. д.: 1, rue Jacques Mawas, Paris 15e

Le gérant : Ch. Quénet. Typ. BASILE, 1, villa Chauvelot, Paris 15e

КЪ ВОЙСКОВЫМЪ

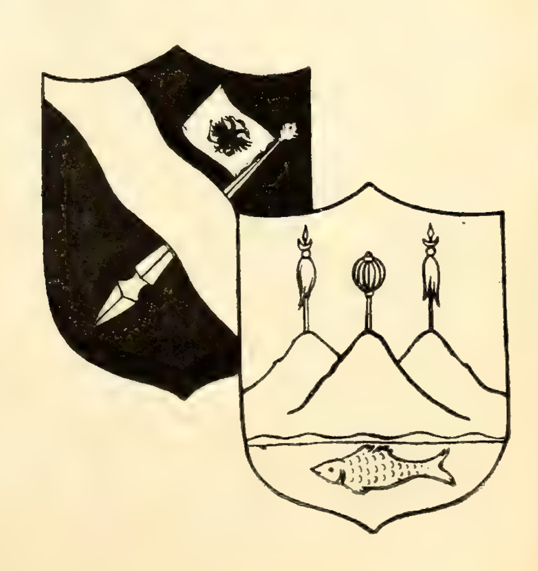
№ 4
Octobre 1932

Цѣна
2 фр.

STANITZA
organe de la Stanitza
des Étudiants-Cosaques de Paris
Trimestriel
35, rue de Sèvres — PARIS (VIe)

ПРАЗДНИКАМЪ

Отъ Донского Атамана

1.

Отъ имени Всевеликаго Войска Донского поздравляю родныхъ Донцовъ и братьевъ Кубанцевъ съ наступающимъ Войсковымъ Праздникомъ и отъ души желаю всѣмъ вамъ здоровья и бодрости.

2.

Прошло уже полгода, какъ казаки разныхъ Войскъ, находящіеся во Франціи, начали записываться въ организованный мною «Союзъ Казаковъ - Комбатантовъ». Въ настоящее время число ихъ доходитъ до 1000, и просьбы о зачисленіи въ Союзъ поступаютъ почти каждый день.

Какъ я уже писалъ раньше, нашъ Союзъ входитъ особымъ, филіальнымъ отдѣленіемъ въ самый большой изъ французскихъ комбатантскихъ Союзовъ— «Union Nationale des Combattants» (U.N.C.), основанный 11-го декабря 1918 года. Съ самаго начала этотъ Союзъ началъ быстро развиваться и, имѣя въ началѣ только 52 секціи, уже въ 1927 году имѣлъ ихъ 4.811, а въ настоящее время число ихъ еще больше увеличилось.

Правленіе Союза, во главѣ съ генераломъ Росиньолемъ, вполнѣ благожелательно отнеслось къ моему ходатайству о принятіи нашего Союза въ свой составъ, и въ настоящее время я нахожусь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ген. Росиньолемъ, обращаясь къ нему съ различными просьбами о той или иной помощи или содѣйствіи казакамъ - комбатантамъ. Списки членовъ нашего Союза переданы въ правленіе U.N.C.

Въ общемъ удалось положить хорошее начало и, если всѣ казаки будутъ серьезно относиться къ этому дѣлу, то можетъ быть, намъ удастся образовать свой казачій боевой Союзъ, крѣпкій и надежный, объединенный не только матеріальными вопросами, но и нравственной спайкой, какъ французскій Союзъ, въ который мы входимъ.

«Union Nationale des Combattants», принявшій девизъ «Unis comme au front» («объединены, какъ на фронтѣ») поставилъ себѣ высокія задачи: сохранить то объединеніе между своими членами, боевыми соратниками, которое создано было страшной Великой войной и дало побѣду Франціи, оказывать имъ всемѣрную поддержку, нравственную и матеріальную, сохранить память, какъ во Франціи и ея колоніяхъ, такъ и среди союзниковъ, о подвигахъ погибшихъ за Францію вѣрныхъ сыновъ ея.

Все здѣсь ясно, опредѣленно и достойно глубокаго уваженія. Будь мы въ Россіи — настоящей, могучей, какъ она была такъ недавно, — и у насъ былъ бы такой же Русскій Союзъ участниковъ войны, въ кото-

рый особымъ отдѣломъ, входили бы и мы, казаки.

Господь не судилъ намъ побѣды и славы...

Но пока мы еще заграницей, намъ нужно крѣпче держаться другъ за друга и не ,обращаться въ ничтожную бѣженскую пыль. Вотъ цѣль нашего Союза.

Развѣ это такъ трудно, братья - казаки, — сохранить себя крѣпкими, настоящими казаками, поддержать добрую славу о насъ, о нашемъ прочномъ единенiи? Я много разъ съ гордостью слышалъ отъ представителей другихъ организацiй выраженiя уваженiя и даже зависти къ нашему умѣнiю обьединяться и жить при всякой обстановкѣ мирно и дружно. Будемъ же достойны этого уваженiя и до конца нашего пребыванiя заграницей останемся дружной братской семьей, поддерживая другъ друга въ тяжелыя минуты жизни!

Въ настоящее время нашъ Союзъ казаковъ - комбатантовъ принялъ уже форму крупной, объединенной организацiи. Какъ отдѣлъ французскаго Союза, признаннаго Правительствомъ, онъ не требуетъ особаго утвержденiя, имѣя законную печать, бланкъ, комбатантскую карточку съ подписью ген. Росиньоля и моей, а также право носить особый бронзовый знакъ на французской лентѣ и розетку въ петлицѣ. Къ концу нынѣшняго года будутъ окончательно выработаны — организацiя и уставъ нашего Союза, когда вполнѣ выяснятся всѣ права и обязанности членовъ Союза, примѣнительно къ французскому уставу. Нужно имѣть въ виду, что на насъ, какъ только союзниковъ, а не французскихъ подданныхъ, не могутъ быть распространены всѣ права французскихъ комбатантовъ (напримѣръ — пенсiи), но въ общемъ французскiя власти въ обыкновенной жизни настолько благожелательно относятся къ комбатантамъ, что не дѣлаютъ особыхъ различiй между французами и нами, разъ имѣютъ доказательства, что къ нимъ обращается комбатантъ, хоть и иностранецъ.

За эти полгода было уже много случаевъ, когда наша комбатантская карточка помогала чменамъ Союза сохранить мѣсто на работѣ, когда разсчитывали другихъ, или получить новую работу. Оказывалась она полезной при разныхъ уличныхъ недоразумѣнiяхъ, напримѣръ, при столкновенiяхъ шофферовъ съ полицiей, а также при потерѣ документовъ. Помогали онѣ и при устройствѣ въ госпиталя и пр.

Конечно, вполнѣ возможно, что многимъ членамъ Союза и не придется использовать свою комбатантскую карточку, но я думаю, все же сознанiе того, что ея владѣлецъ принадлежитъ къ крѣпкой, признанной Правительствомъ, достойной организацiи, члены которой сражались вмѣстѣ съ Францiей за общее великое дѣло, — должно давать ему душевное спокойствiе и чувство товарищеской связи и увѣренности, что въ трудную минуту она будетъ ему полезной.

Въ настоящее время комбатанскiя карточки уже разосланы всѣмъ членамъ нашего Союза за исключенiемъ тѣхъ, кто еще не прислалъ своихъ фотографическихъ карточекъ или сообщилъ неточный адресъ. Объ этомъ я уже писалъ недавно въ русскихъ газетахъ. Значки и розетки также разсылаются по мѣрѣ поступленiя заявленiй. Значки слѣдуетъ надѣвать при сношенiяхъ съ французскими властями и въ какихъ либо торжественныхъ случаяхъ, а розетку полезно носить въ петлицѣ всегда. Многiе французы обращаютъ на это вниманiе и при сношенiи съ ними часто бываетъ полезнымъ сразу показать, что говорящiй съ нимъ — комбатантъ.

На каждой карточкѣ наклеена марка съ цифрами года — 1932. На будущiй годъ должна быть наклеена другая марка — 1933. Со старой маркой карточка будетъ уже недѣйствительна. О порядкѣ перемѣны марки будетъ своевременно объявлено и указано въ уставѣ.

Въ началѣ января 1933 года будетъ объявленъ денежный отчетъ Союза за 1932 г.

Чинъ владѣльца карточки на ней не обозначался потому, что сами французы на своихъ карточкахъ его не вписываютъ. Даже подпись генерала Росиньоля на нашихъ карточкахъ — безъ чина. Но, ввиду просьбъ нѣкоторыхъ членовъ нашего Союза — указывать ихъ чинъ, — таковой будетъ вписанъ при перемѣнѣ марки. Чинъ не вписывался еще и потому, что возможны случаи, что при пріемѣ на простую работу — хозяинъ охотнѣе приметъ простого казака, чѣмъ офицера, да еще въ солидномъ чинѣ, естественно предполагая, что первый — моложе и опытнѣе въ такой работѣ, чѣмъ другой.

3.

Для удобства нашихъ взаимныхъ сношеній предлагаю членамъ «Союза казаковъ - комбатантовъ» въ каждомъ городѣ образовать группу подъ начальствомъ старшаго въ чинѣ, которому и прислать мнѣ къ 1-му ноября списокъ ихъ съ указаніемъ чина, фамиліи, имени и номера комбатантской карточки. Членамъ Союза, живущимъ въ окрестностяхъ, — присоединиться къ ближайшей группѣ, если это не вызываетъ слишкомъ большихъ затрудненій. Переписку со мной — вести черезъ старшаго группы

Старшимъ въ группахъ предлагаю познакомиться съ президентами мѣстныхъ французскихъ группъ «Національнаго Союза комбатантовъ», въ который входитъ нашъ Союзъ, и постараться завязать съ ними добрыя отношенія, которыя могутъ очень помочь въ случаѣ безработицы и пр. Къ 1-му ноября — донести мнѣ о томъ, что удалось сдѣлать въ этомъ отношеніи.

По этому поводу я велъ переговоры съ ген. Росиньолемъ, и онъ вполнѣ одобрилъ мысль о болѣе близкомъ знакомствѣ между нашими комбатантами, обѣщая послать свой циркуляръ объ этомъ въ секціи своего Союза.

Знаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ будутъ у васъ затрудненія съ французскимъ языкомъ... Но не смущайтесь этимъ: французы поймутъ, что вы хотите ближе подойти къ нимъ, и увѣренъ, что при ихъ любезности и радушіи, они сами пойдутъ вамъ навстрѣчу.

Празднованіе Войскового Праздника Донского и Кубанскаго Войскъ предполагается въ воскресенье 16-го октября. Пригласите на нихъ французовъ — старшихъ представителей Союза комбатантовъ: этимъ покажете свое вниманіе къ нимъ и доставите большое удовольствіе. Пусть посмотрятъ наше единеніе, какъ въ бою, такъ и въ мирно жизни, послушаютъ наши казачьи пѣсни, полюбуются лихимъ казачкомъ и лезгинкой Кубанцевъ. Одинъ Богъ вѣдаетъ, долго ли мы еще будемъ жить заграницей: нужно ближе сойтись съ нашими хозяевами, и вотъ теперь есть хорошій предлогъ для этого — объединеніе старыхъ соратниковъ, сражавшихся за общее великое дѣло, хоть и на далекихъ другъ отъ друга фронтахъ.

4.

Судя по началу, есть полная надежда, что дѣло съ организаціей нашего Союза казаковъ - комбатантовъ разовьется, и всѣ казаки во Франціи постепенно войдутъ въ него.

Организація станицъ, хуторовъ, группъ и объединяющаго ихъ Казачьяго Союза — этимъ не нарушится. Одно другому не мѣшаетъ; наоборотъ — наше объединеніе будетъ еще крѣпче.

Будьте же крѣпче братья - казаки! Не поддавайтесь никакой разлагающей пропагандѣ, которая лишаетъ бодрости, единства, силы. Помните, что война еще далеко не кончена. Будемъ же вѣр-

ны прекрасному девизу, который приняли наши боевые соратники - французы:

«Объединены, какъ на фронтѣ».

Онъ сталъ теперь и нашимъ девизомъ!

5.

Казаки, находящіеся заграницей, разбросаны въ 18 странахъ. Въ нѣкоторохъ изъ нихъ также есть свои союзы комбатантовъ. Прошу тѣхъ казаковъ, которые знакомы съ положеніемъ этого вопроса въ этихъ странахъ, написать мнѣ: можетъ быть, возможно будетъ и тамъ наладить организацію такого же Союза казаковъ - комбатантовъ, какъ и во Франціи.

Ген.-Лейт. А. Богаевскій.

Кадетскій Корпусъ

Отрывокъ изъ главы готовящейся къ печати книги В. Н. Биркина (б. воспитателя Донского Кадетскаго Корпуса), любезно представившаго эту статью «Станицѣ», который входитъ въ большой трудъ В. Н. Биркина подъ общимъ заголовкомъ: «Повѣсти минувшихъ лѣтъ».

Въ предлагаемомъ вниманію читателей отрывкѣ, авторъ вспоминаетъ торжественное празднованіе Войскового Праздника Донского Войска 5 октября въ г. Новочеркасскѣ, вскорѣ послѣ Русско-Японской войны: — Архіерейская служба въ Войсковомъ Соборѣ, парадъ, участіе въ немъ кадетскаго корпуса, войсковой обѣдъ; кадетскій балъ.

Строевыя части строятся на площади, реликвіи вносятся въ соборъ, а за ними и знамена строевыхъ частей парада — Круга. Наше знамя стоитъ на правомъ флангѣ, противъ лѣваго клироса. Служба долгая, архіерейская. Начинается съ 8 часовъ утра и длится до двѣнадцати.

Адъютантъ, знаменщики и ассистенты мѣняются у знаменъ. Невозможно выстоять, на вытяжку, четыре часа.

Только тѣмъ, кто самъ стоялъ у знамени, навытяжку, знаетъ что это за мука.

Ноги затекаютъ. Спину и плечи ломитъ невыносимо. Уже черезъ полчаса мутится въ глазахъ, позвоночникъ ноетъ, кружится голова.

Чтобы отвлечь себя отъ томленія, слѣдимъ за службой. А она тянется невыразимо долго.

Сначала идетъ торжественное облаченіе Архіерея. Одну за другой выносятъ части его одежды. Читаются молитвы. Діаконы облачаютъ архіерея, повязывая тесемки многочисленныхъ надѣваемыхъ на него вещей, все медленно, все съ поклонами, поцѣлуями рукъ, кажденіемъ. Вокругъ архіерейскаго возвышенія стоитъ генералитетъ и сановныя лица.

Между ними цѣлый цвѣтникъ дамъ. Блестятъ мундиры, звѣзды, ордена, ленты, эполеты у мужчинъ и сверкаютъ драгоцѣнные камни дамскихъ украшеній.

Сзади красивымъ темно - сине - краснымъ квадратомъ стоитъ нашъ кадетскій корпусъ. Впереди малыши, а сзади, лѣстницей вверхъ, вздымаются возрастъ за возрастомъ.

Тяжелые, тихіе вздохи слышны въ рядахъ знаменщиковъ.

Одинъ грѣхъ! стоишь и томительно ждешь смѣны. Наконецъ является и благодатная смѣна. Трудно сойти съ мѣста. Ноги такъ затекли, что не двигаются. Именно тамъ, въ соборѣ, понялъ я секретъ настоящаго штрафа, безъ шевеленія, котораго кадеты боялись больше всѣхъ другихъ наказаній.

Наконецъ служба кончается. Долго выходятъ изъ собора.

Когда процессія со знаменами и реликвіями показывается на паперти собора, войска уже держатъ на-краулъ. Ординарцы играютъ гимнъ. Громадная лѣстница собора и весь тротуаръ сплошь усѣяны отборной публикой.

Здѣсь разрѣшается стоять только оффиціально приглашеннымъ. Масса военныхъ и правительственныхъ чиновъ съ дамами. Нижняя часть лѣстницы и тротуаръ около линейныхъ, означающихъ линію прохожденія парада, заняты женскими учебными заведеніями.

Впереди стоятъ институтки, епархіалки, сзади гимназистки и прогимназистки.

Хорошенькія дѣвичьи лица раскраснѣлись, глазки горятъ и слѣдятъ за парадомъ.

Пріятно будетъ проходить мимо такого цвѣтника.

Кадеты торжественно серьезны и священнодѣйствуютъ: тянутся во всю, стараясь держать равненіе Глаза у всѣхъ направо. Но!.. конечно, уставлены не на правый флангъ равненія, а на волшебный цвѣтникъ.

Посрединѣ площади поставлена трибуна.

Носильщики реликвій становятся четыреугольникомъ вокругъ трибуны, на которую входитъ Архіерей и начинается молебенъ.

Великолѣпно поютъ архіерейскій и Войсковой хоры.

Знаменитый соборный протодіаконъ, Власовъ, настоящій великанъ и богатырь, провозглашаетъ многолѣтіе, да такъ, что даже артиллерійскій салютъ не можетъ заглушить его голоса.

Уходитъ духовенство и на возвышеніе поднимается Войсковой Есаулъ.

За нимъ на подушкахъ, малиноваго бархата, несутъ Царскія и Императорскія грамоты. Одну за другой разворачиваютъ ихъ передъ чтецомъ.

Во весь голосъ выкрикиваетъ Есаулъ ихъ содержаніе, но трудно запомнить его.

Отчетливо слышно лишь начало каждой грамоты:

«Божіей Милостью! Мы! Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій и Великій Князь Финляндскій, Царь Рязанскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Всея Великія и Малыя Россіи, Всея Обдорскія страны и иныхъ земель повелитель и обладатель и прочая, и прочая и прочая... пожаловали, Мы, сію грамоту нашему, любезному, Всевеликому Войску Донскому въ знакъ нашего Высочайшаго благоволенія за усердную службу, труды и заслуги, оказанныя Всевеликимъ Войскомъ Донскимъ за время......»

Голосъ чтеца не выдерживаетъ напряженія, стихаетъ и дальше трудно разобрать быстро произносимыя слова, да и легкій шумъ парада и толпы позади, тоже мѣшаетъ вслушаться въ слова.

Кончено чтеніе.

На трибуну всходитъ Наказный Атаманъ.

Золотая булава сверкаетъ въ его правой рукѣ.

Начинаются тосты и здравицы, за Государя, царствующій домъ, за полки, сотни и батареи.

Громовое «ура», отвѣчаетъ на каждый тостъ.

Затѣмъ обходъ. Атаманъ здоровается съ частями, поздравляетъ съ праздникомъ.

Лучше всего звучатъ отвѣты нашего кадетскаго корпуса. Въ нихъ гремятъ мужскіе, крѣпкіе голоса, готовыхъ уже воиновъ и между ними, въ тактъ, звенятъ колокольчики малышей.

Наконецъ, раздается команда: «по церемоніальному маршу!... Пики на бедро... шашки вонъ!..»

Впереди всѣхъ стоитъ пансіонъ Войска Донского.

Воины ростомъ въ аршинъ. Офицеры передъ взводами кажутся огромными.

И половину своего офицера не закрываетъ взводъ.

«Шагомъ маршъ!»... звучитъ команда.

«Пансіонъ по взводно !на двухъ-взводную дистанцію!» — зычно кричитъ начальникъ пансіона, Полковникъ Смирновъ, громадный казачина.

«Первый взводъ!» нараспѣвъ, на всю площадь, командуетъ офицеръ - воспитатель головного взвода: «равненіе на-право! шагомъ!.. Маршъ!»

Ударъ барабана оркестра!

Сразу привычнымъ, дружнымъ сотрясеніемъ отвѣчаютъ воздухъ, стекла домовъ, и эхо, грому оркестра.

А весь цвѣтникъ и зрители, амфитеатромъ возвышающіеся на лѣстницѣ собора, смотрятъ на лилипутовъ, предводительствуемыхъ великанами.

Лихо идутъ лилипуты. Лица всѣхъ зрителей освѣщаются счастливой, нѣжной улыбкой, а когда, на похвалу Атамана пансіонеры отвѣчаютъ тонкимъ, дѣтскимъ крикомъ: «рады стараться!» — раздается всеобщій, веселый, радостный смѣхъ.

Какъ тончайшія струнки, какъ звонкія колокольчики, громко звучитъ веселый дѣвичій смѣхъ. Изъ рядовъ институтокъ, гимназистокъ, поднимаются ручки. Онѣ машутъ бѣлыми платочками, привѣтствуя своихъ братишекъ.

Прошли лилипуты и глаза всѣхъ поворачиваются на нашъ кадетскій корпусъ.

Улыбки моментально сходятъ съ лицъ.

Глаза широко раскрываются.

«Кадеты!» — доносится шопотъ, въ которомъ слышны почтительныя и восхитительныя нотки, — «Кадеты!»...

Еще бы!

Впереди громадина директоръ, самый крупный человѣкъ изъ всего парада.

Сзади него адъютантъ, высокій Костя Туровѣровъ.

Ординарецъ ушелъ на свое мѣсто и открылъ фронтъ и знамя. Новенькое, красивое знамя въ рукахъ молодцеватаго, красиваго знаменщика. По бокамъ знамени офицеры ассистенты, а за ними стѣной выросъ первый взводъ.

Громаднаго роста кадеты. Винтовки за плечами. Обнаженныя шашки у плеча.

Красивая сине - красная форма. Энергичныя лица, уже вполнѣ одухотворенныя.

Орлиный взглядъ, направленный на цвѣтникъ.

Цвѣтникъ привѣтствуетъ этотъ взглядъ дружнымъ маханіемъ ажурныхъ, крошечныхъ платочковъ.

Руки офицеровъ зрителей, нѣсколько раньше времени, поднимаются къ папахамъ.

Вотъ она! — надежда и опора Войска Донского!

«Прямо!»

Хорошо идутъ кадеты. Не даромъ нашъ грозный директоръ, передъ каждымъ парадомъ, неукоснительно за двѣ недѣли до него, начинаетъ репетировать церемоніальный маршъ. Каждый день, послѣ обѣда, вмѣсто прогулки, цѣлый часъ идетъ ре-

петиція прохожденія. Каждый день на плацу гремитъ мощный голосъ директора, разносящій за малѣйшую ошибку.

Труды упорной работы даютъ блестящій результатъ.

Атаманъ хвалитъ кадетскую сотню. Голосъ его звучитъ искренно и радостно.

Лихо отвѣчаютъ кадеты. Такъ лихо, что вслѣдъ несутся восторженные возгласы зрителей.

Бѣлая туча платочковъ колышется надъ головами цвѣтника. Лица зрителей поворачиваются другъ къ другу, свѣтятся радостнымъ удовлетвореніемъ, киваютъ другъ другу.

Смотрите, молъ! каковы! А?

А сзади насъ, непереставая гремитъ музыка.

Проходятъ другіе, но уже нѣтъ того восторженнаго чувства у зрителей, что вызвано кадетами.

Смотрятъ молча.

И только когда военное училище вступитъ въ линію прохожденія и его пики замелькаютъ въ глазахъ зрителей, вновь гуломъ проносится волна одобренія.

Опять ожесточенно мелькаютъ платочки, радостно смотрятъ лица зрителей, торжественно гудятъ звуки парада.

А мы спѣшимъ въ корпусъ.

Офицеры приглашены въ военное училище, гдѣ устроена хлѣбъ-соль всему Кругу.

Пока отпустимъ кадетъ въ отпускъ, проходитъ не меньше часа, а то и полтора.

Въ манежѣ уже сидятъ за столами .

Гнутся большіе, деревянные столы отъ явствъ и питей. На каждомъ столѣ стоитъ длинное, огромное, металлическое блюдо съ традиціоннымъ осетромъ, сваренномъ цѣликомъ.

Саженные осетры. Въ суповыхъ мискахъ икра. Бутылками съ виномъ заставлены столы. Закусокъ тьма! одна лучше другой. Веселый говоръ наполняетъ манежъ. Садятся безъ чиновъ: — генералъ рядомъ съ казакомъ гостемъ. Видна лишь группировка по станицамъ. Станичники дѣлятся новостями.

Часовъ до пяти вечера идетъ пиръ. Гремитъ музыка. Звучатъ тосты. Шумъ отъ голосовъ стоитъ въ ушахъ.

Офицеры и юнкера училища почтуютъ гостей.

Чиновникъ Сюсюкинъ, главный устроитель пиршества, толстый, красивый, съ счастливой улыбкой, съ осоловѣвшими глазами, обходитъ столы и спрашиваетъ — не подать ли еще чего? А куда тамъ еще?! Старое хлѣбосольство не забыто. Богатство не оскудѣваетъ, а увеличивается.

Наготовлено, какъ на Маланьину свадьбу.

Всего добра ни гости, ни юнкера, ни казаки учи лища, пирующіе послѣдними, не могутъ поѣсть и попить. Остатки распредѣляются между военнымъ собраніемъ, училищемъ, гостями станичниками, атаманскимъ дворцомъ, и долго еще казаки будутъ доѣдать хлѣбъ-соль Войскового Круга, доставшуюся на ихъ долю послѣ дѣлежа.

Вечеромъ, 26-го ноября и 6-го декабря, въ кадетскомъ корпусѣ балы.

Это лучшіе балы города. Всн помѣщеніе первой сотни превращается въ художественную бонбоньерку. Громадный залъ полонъ танцующими.

Рябитъ въ глазахъ отъ шикарныхъ туалетовъ дамъ.

Сборный залъ, въ которомъ устраиваются парады всему корпусу, не можетъ вмѣстить танцующихъ.

А ихъ много. Всѣ старшіе классы всѣхъ учебныхъ заведеній города почти на лицо. Масса офицеровъ, — самъ Атаманъ. Въ столовой предлагается гостямъ легкій ужинъ.

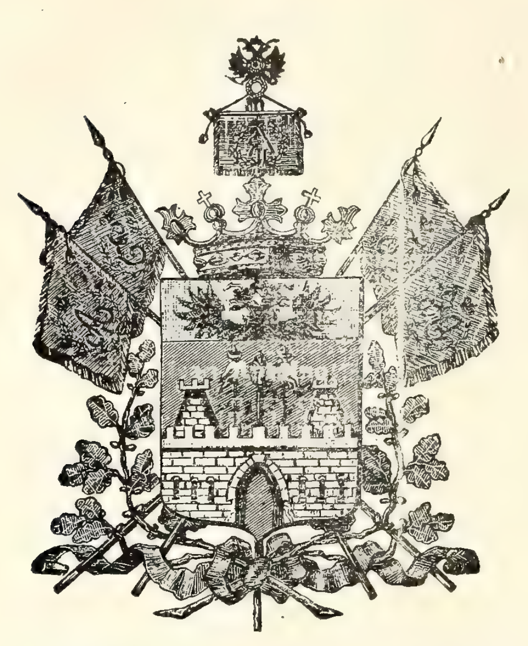
Въ три, четыре смѣны приходится потчивать гостей, а зѣдь въ столовой свободно помѣщается 600 человѣкъ.

И неизмѣнно балъ заканчивается традиціоннымъ казачкомъ. Танцуютъ всѣ. Начинаютъ кадеты, продолжаютъ юнкера, штатскіе, гимназисты, офицеры. Весело гремитъ музыка. Вокругъ танцующихъ собирается кругъ.

Всѣ поднимаются на цыпочки, чтобы видѣть лихое исполненіе казачка. Но лучше всѣхъ танцуютъ юнкера, кадеты и, кто могъ бы подумать, — институтки.

Душа радуется, глядя на нашихъ лихихъ казачекъ, одѣтыхъ въ скромное институтское платьице, прикрытое еще болѣе скромной институтской пелеринкой, длинными бѣлыми рукавчиками... одна скром ность... дѣвственность!.. а жизнь бьетъ ключемъ, глазки задорно сверкаютъ, ножки лихо отбиваютъ тактъ и счастливая улыбка, чарующая зрителей, заставляетъ партнера показывать чудеса казачьей ловкости.

В. Н. Биркинъ

Войсковой гербъ Кубанскаго Казачьяго Войска до 1917 года

СТИХОТВОРЕНІЕ

Все тѣ же убогія хаты,
И такъ же не станетъ инымъ,
Легко уходящій въ закаты,
Надъ хатами розовый дымъ;
Какъ раньше — при нашемъ отъѣздѣ—
Все такъ же въ россійской ночи
Мерцаютъ полярныхъ созвѣздій
Въ снѣгахъ голубые лучи;
И съ дѣтства знакомыя елки
Темнѣютъ въ промерзломъ окнѣ
И дѣтямъ мерещатся волки,
Какъ раньше мерещились мнѣ.
Покоя ничто не нарушитъ
Въ снѣгахъ погребенномъ краю
И сонныя дѣтскія души
Ночуютъ у Бога въ раю.

Николай Туровѣровъ

Кубанскій Войск. Праздникъ

(5-го октября по ст. стилю)

Въ далекую казачью старину, обще-казачьимъ праздникомъ былъ день Покрова Пресвятыя Богородицы, Покровительницы казачества, праздновавшагося 1-го октября каждаго года. Два главныхъ казачьихъ Войска — Донское и Запорожское — эти два мощныхъ казачьихъ разсадника остальныхъ войскъ въ разновидныхъ историческихъ варіантахъ — особенно глубоко чтили свой войсковой праздникъ, отдавая ему должную дань торжества и величія.

Славное «Низовое Войско Запорожское», давшее главную основу Войску Кубанскому своимъ искони казачьимъ элементомъ, пройдя до этого тяжкій и кровавый путь по разнымъ землямъ, пока прочно не осѣло на рѣкѣ Кубани — къ этому дню оно пріурочивало и главные свои войсковые распорядки: выборы Кошевого Атамана и всей войсковой старшины, подводило свои хозяйственно - общинные итоги прошедшаго года и дѣлало войсковой раздѣлъ земли на слѣдующій годъ по своимъ паланкамъ (по округамъ). Кромѣ всего этого, день Покрова Пресвятыя Богородицы былъ престольнымъ праздникомъ главной січевой церкви, что еще больше усиливало въ глазахъ запорожцевъ цѣнность этого дня. Насколько былъ почитаемъ ликъ Пресвятыя Богородицы, Заступницы Казачества, говоритъ самъ за себя запрестольный образъ, характерный по своей оригинальности.

Вотъ онъ по книгѣ Эвфницкаго, «Запорожье» стр. 51 и 58:

«Въ верху Богоматерь, а по бокамъ — Св. Николай Чудотворецъ и Св. Михаилъ Архистратигъ. Внизу, въ полномъ вооруженіи, въ сапогахъ и широкихъ шароварахъ, въ кунтушахъ, подпоясанныхъ зелеными поясами, съ открытыми гладко выбритыми головами, но съ пышными казачьими чубами, полукругомъ стоятъ молящіеся запорожцы. Въ центрѣ ихъ сгрудены знамена съ разною казачьей арматурою. Отъ престарѣлаго казака, стоявшаго на переднемъ планѣ съ правой стороны, идетъ на лентѣ взывающая надпись къ Богоматери:

«Молимъ, покрый насъ честнымъ Твоимъ покровомъ и избави отъ всякаго зла».

А надъ Богоматерью, словно въ отвѣтъ казакамъ, вьется:

«Избавлю и покрыю люди моя».

По преданію эта икона изображаетъ послѣдняго Кошевого Атамана Запорожскаго Войска П. И. Калнышевскаго съ товаріствомъ, молящагося объ отвращеніи грозившаго «Січі» бѣдствія со стороны Московскаго правительства.

Послѣ разрушенія Січі въ 1775 году, запорожцы перенесли свой традиціонный праздникъ въ Турцію, куда ушли они съ новымъ Кошевымъ Атаманомъ полковникомъ Ляхъ, а другая часть ушла на Кубань съ Кошевымъ Атаманомъ Чепігой. Первые — захватили съ собой запрестольный образъ Покрова Пресвятой Богородицы. Съ этимъ историческимъ моментомъ и закончилась для запорожцевъ особенность этого дня, какъ Войскового праздника. Войско Запорожское, какъ таковое, было упразднено, казаки были превращены въ крестьянъ, земля отобрана. Вопросы выборовъ Кошевого Атамана, войсковой старшины и дѣлежа земли отпали сами по себѣ, а съ переселеніемъ запорожцевъ на Кубань прикрылась и Войсковая Рада.

Войско вступило въ новый періодъ своего историческаго бытія.

Въ 1827 году, въ цѣляхъ объединенія всего Казачества подъ скипетромъ монарха, Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ былъ назначенъ девятилѣтній наслѣдникъ русскаго престола, Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, будущій Императоръ Александръ II, а съ течечіемъ времени, для другихъ главныхъ войскъ — Донского и Кубанскаго — день тезоименитства Августѣйшаго Атамана былъ назначенъ днемъ ихъ Войсковыхъ Праздниковъ, мѣняющійся со днемъ тезоименитства каждаго наслѣдника Престола.

Въ этотъ день, въ Екатеринодарѣ, на соборную площадь выносились многочисленныя казачьи знамена, куренные значки, насѣки, перначи, царскія грамоты и Атаманскія булавы всѣхъ былыхъ казачьихъ Войскъ, вошедшихъ въ Кубанское Войско: Запорожскаго, Бугскаго, Черноморскаго, Азовскаго и Кавказскаго - Линейнаго. Этотъ день сталъ пышнымъ и нарядным парадомъ въ обѣихъ казачьихъ столицахъ.

Въ далекихъ Закавказско - Туркестанскихъ границахъ, гдѣ были разбросаны почти всѣ строевыя части Кубанскаго Войска, этотъ праздникъ еще заранѣе предвкушался съ особенной какой то сладостью. Кромѣ торжественнаго богослуженія, парада и несравненной джигитовки — устраивались братскія казачьи трапезы, а такъ какъ большинство Кубанскихъ полковъ имѣло въ этотъ день и свой полковой праздникъ, то ширь и глубь празднованія, естественно, усиливалась.

И насъ, юнкеровъ - кубанцевъ, въ далекомъ степномъ Оренбургѣ, освобождали въ этотъ день отъ занятій, отпускали въ городъ и давали полную возможность вспомянуть сыновней лаской свою Кубань-Маты...

Кубанцы всегда праздновали свой Войсковой Праздникъ, куда судьба ихъ не занесла бы, чувствуя всей своей душой кровную связь съ родной Кубанью. Такъ глубока была всегда и вездѣ традиція среди казаковъ чтить свои войсковые праздники, и такъ мы ее занесли за рубежъ и должны сохранить здѣсь и донести полностью, какъ драгоцѣнный Войсковой свѣтильникъ Войскового Единенія, къ Казачьимъ берегамъ.

Полковникъ **Елисѣевъ**

«ЗА ВЕЛИКУЮ РУСЬ СЛАВНУЮ СМЕРТЬ ПРИНЯТЬ...

(Изъ Терской пѣсни)

Славное Терское Войско (одно изъ старѣйшихъ казачьихъ войскъ) празднуетъ въ этомъ году 355-лѣтіе своего существованія. Срокъ не малый.

Терцы, какъ осѣли съ половины 16-го вѣка на Терекѣ - Горынычѣ, такъ и не сошли, несмотря на постоянный потокъ полу - дикихъ кавказскихъ силъ, неудержимо катившихся съ горныхъ вершинъ, какъ снѣжные обвалы, уничтожая и сметая все на своемъ пути. Но, докатясь до терской линіи и ударившись о казачью грудь, волны потока стремились обратно. И чѣмъ сильнѣе былъ напоръ, тѣмъ далѣе назадъ откатывались онѣ. Такъ въ бурю гранитныя скалы отбрасываютъ освирѣпѣвшую стихію. Со стыдомъ и гнѣвомъ, въ злобномъ безсиліи отходитъ она.

Терскіе скалы стояли непоколебимо до самаго всероссійскаго землетрясенія. И въ послѣдней схваткѣ за Великую Русь Терское Войско было затоплено дикой стихіей, залившей и всю Русь. Выйдя изъ нея и отъ нея, оно и раздѣлило Ея участь.

Иначе и быть не могло, — слишкомъ глубоко въ Русь уходили его корни. Какъ всего восточнаго казачества (такъ мы называемъ всѣ казачьи войска въ отличіе отъ западнаго — малороссійскаго), его предками были Рязанскіе казаки, сидѣвшіе по южной границѣ Рязанскаго княжества, о которыхъ впервые упоминается въ 1334-1353 г.г.

Покинувъ предѣлы тогдашней Россіи, часть рязанскихъ казаковъ (съ семействами около 4.000 чел.)

ушли Дономъ до Царицынской переволоки, а оттуда Волгой и Каспiйскимъ моремъ до устья Терека и сѣли по правому берегу Сунжи, гдѣ поставили городки: Червленый, Щадринскiй, Кордюковскiй, Старогладковскiй и Новогладковскiй по гребню; откуда и ихъ названiе «гребенскiе казаки».

Взоры ихъ вскорости обратились къ Москвѣ. Христiанское населенiе Предкавказья видѣло въ нихъ своихъ союзниковъ противъ натиска крымскихъ татаръ, съ одной стороны, и дагестанскихъ горцевъ, съ другой. Угнетаемая Кабарда чаяла, при помощи гребенцевъ, сохранить свою самостоятельность. Поэтому, въ 1555 году, кабардинскiе князья отправили посольство въ Москву просить Ивана Грознаго защитить ихъ и принять подъ свою высокую руку, а для большей убѣдительности пригласили въ составъ посольства гребенскихъ атамановъ. Царь принялъ гребенцевъ очень милостиво и пожаловалъ гребенское войско «рѣкою вольною Терекомъ - Горынычемъ». Объ этомъ терцы до сихъ поръ, вотъ тому уже 377 лѣтъ, поютъ въ своей войсковой пѣснѣ «Ой да не изъ за тучушки»: — «Ой да расплакались гребенски казаченьки, ой да передъ Грознымъ Царемъ стоючи... А чѣмъ ты насъ пожалуешь...» Добровольно и сознательно закладывая основы будущей Росс. Имперiи и, ставъ твердой ногой, зоветъ Терское Казачество туда и само государство. Въ 1559 г. въ Кабарду и на Терекъ были посланы московскiя войска противъ дагестан. правителя Шамхала Тарковскаго, «всегдашняго царскаго непослушника», какъ его называетъ «Книга степная царскаго родословiя, содержащая исторiю россiйскую съ начала оныя до временъ Iоана Васильевича». А въ 1577 году воевода Новосильцевъ уже поставилъ укрѣпленный городокъ Терки при слiянiи Терека и Сунжи. Этотъ годъ считается началомъ Терскаго Войска и Кизляро-Гребенскаго полка. Въ концѣ 16 вѣка терцы уже выступили въ количествѣ 5.000 человѣкъ въ войскахъ воеводы Хворостинина на помощь Кахетинскому царю, добровольно принявшимъ русское покровительство.

За полтора вѣка терцы настолько упрочили положенiе, что дали возможность русскому государству шагнуть до Дербента, между тѣмъ, какъ Донскiе казаки немногимъ ранѣе способствовали закрѣпленiю въ Азовѣ. Въ 1711 году прошла терская линiя, и страдная пора для терцевъ началась, — имъ пришлось быть въ одно и то же время и «воинами и хлѣбопашцами, — они должны были строить станицы и возводить укрѣпленiя, воздѣлывать поля, рыть канавы, проводить дороги и постоянно быть на сторожѣ противъ врага, готоваго каждую минуту напасть изъ сосѣднихъ кустовъ» — говоритъ одинъ французскiй изслѣдователь Кавказской войны.

Терцы за три съ половиной вѣка непрерывной борьбы сохранили въ предѣлахъ Руси цѣлый край, увеличили Русь, воспринимая за нее славную Смерть. Край былъ замиренъ. Въ 1915 году тамъ было 450.000 русскаго населенiя. И черезъ три съ половиной вѣка Терцы съ гордостью могутъ пѣть:

«Изъ какихъ ущельевъ темныхъ
«Всѣхъ враговъ повыгонялъ...

Владимиръ Синеоковъ

ОБЪЕДИНЕНIЕ ТЕРЦЕВЪ ВО ФРАНЦIИ

Въ воскресенье, 11-го сентября, Терцы въ Парижѣ отпраздновали Войсковой Праздникъ Терскаго Казачьяго Войска, въ 355 годовщину его существованiя. Въ русской церкви на рю Дарю, послѣ обѣдни, былъ отслуженъ молебенъ, а наканунѣ, въ субботу, Объединенiемъ была устроена лекцiя проф. А. П. Маркова на тему: «Современное экономическое состоянiе Сѣверо-Кавказскаго Края». Нарядная зала новаго помѣщенiя Галлиполiйскаго собранiя на улицѣ Фезандери была переполнена терцами и ихъ гостями. На лекцiи присутствовали: ген. Миллеръ, ген. Хабаевъ, ген. Татоновъ, ген. Позднышевъ, ген. Веселовзоровъ и др. Послѣ вступительнаго слова предсѣдателя Объединенiя, полковника Косякина, проф. Марковъ, въ двухчасовомъ докладѣ, подробно и ярко обрисовалъ печальное состоянiе всѣхъ отраслей хозяйства нашихъ краевъ, приводя многочисленные факты и цифры изъ совѣтскихъ источниковъ. Докладъ сопровождался демонстрированiемъ многочисленныхъ картъ, дiаграммъ, таблицъ. Дружными апплодисментами благодарили собравшiеся докладчика.

Послѣ лекцiи полковникъ Зиминъ прочелъ докладъ объ исторiи Терскаго Войска, послѣ чего состоялась благотворительная «чашка чая», на которую остались почти всѣ, бывшiе на лекцiи.

На этомъ вечерѣ, кромѣ терцевъ, было много казаковъ другихъ войскъ. Нѣсколько часовъ, проведенныхъ въ дружной и сплоченной казачьей семьѣ, надолго останутся въ благодарной памяти гостей Терцевъ.

— Почему бы казакамъ не собираться чаще, какъ напримѣръ, сегодня, — невольно напрашивалась мысль у расходившихся по домамъ станичниковъ.

Изъ совѣтской литературы

МОЛЧУНЪ

(Глава изъ романа Мих. Шолохова, «Поднятая цѣлина»)

По плану площадь весенней пахоты въ Гремячемъ Логу должна была составить въ этомъ году 472 гектара, изъ коихъ 110 — цѣлины. Подъ зябь осенью было вспахано — еще единоличнымъ порядкомъ — 643 гектара, озимаго жита посѣяно 210 га. Общую посѣвную площадь предполагалось разбить по хлѣбнымъ и масличнымъ культурамъ слѣдующимъ порядкомъ: пшеницы — 667 гектаровъ, жита — 210, ячменя — 108, овса — 50, проса — 65, кукурузы — 167, подсолнуховъ — 45, проса — 13. Итого — 1.325 га плюсъ 91 отведенной подъ бахчи песчаной земли, простиравшейся на югъ отъ Гремячаго Лога до Ужачиной балки.

На расширенномъ производственномъ совѣщаніи, состоявшемся двѣнадцатаго февраля и собравшемъ болѣе сорока человѣкъ колхознаго актива, стоялъ вопросъ о созданіи сѣменного фонда, о нормахъ выработки на полевыхъ работахъ, о ремонтѣ къ сѣву инвентаря и выдѣленіи изъ фуражныхъ запасовъ брони на время весеннихъ полевыхъ работъ.

По совѣту Якова Лукича, Давыдовъ предложилъ засыпать сѣменной пшеницы круглымъ числомъ по семи пудовъ на гектаръ, всего — 4.669 пудовъ. Тутъ то и поднялся оглушительный крикъ. Всякъ себѣ оралъ, не слушая другого, отъ шума стекла въ титковомъ куренѣ дрожали и вызванивали.

— Много дюже!

— Какъ бы не прослабило!

— По сѣропескамъ сроду мы такъ не высѣвали.

— Курямъ на смѣхъ!

— Пять пудовъ, отъ силы.

— Ну, пять съ половиной.

— У насъ жирной земли, какая по семь на десятину требуетъ, съ воробьиный носъ! Толоку надо бы пахать, чего власть предусматривала?

— Либо возля Панюшкина барака, энти ланы.

— Хо! Самыя травяныя мѣста запахивать! сказалъ, какъ въ воду дунулъ!

— Вы про хлѣбъ гутарьте, скольки киловъ на эту га надо

— Ты намъ килами голову не морочь! Мѣрой али пудомъ вѣшай!

— Гражданы! Гражданы, тише! Гражданы, греби вашу мать! Тю-ю-у, сбѣсились, проклятые! Одно словцо мнѣ дайте!—надрывался бригадиръ второй Любишкинъ.

— Бери ихъ всѣ, даемъ!

— Ну, народъ, езви его въ почку! Чисто скотиняка.. Игнатъ! И чего ты ревешь, какъ бугай? Ажникъ посинѣлъ весь съ натуги...

— У тебя у самого съ рота пѣна клубомъ идетъ, какъ у бѣшеной собаки!

— Любишкину слово преставьте!

— Терпежу нѣту, глушно!

Совѣщаніе лютовало въ выкрикахъ. И, наконецъ, когда самые горлодеры малость пріохрипли, Давыдовъ свирѣпо, необычно для него, заоралъ:

— Кто-о-о такъ совѣщается, какъ вы? Почему ревъ? Каждый говоритъ по порядку, остальные молчатъ, фактъ! Бандитства здѣсь нечего устраивать! Сознательность надо имѣть !— И тише продолжалъ: — Вы должны у рабочаго класса учиться, какъ надо организованно проводить собранія. У насъ въ цеху, напримѣръ, или въ клубѣ собраніе, и вотъ идетъ оно порядкомъ, фактъ! Одинъ выступаетъ, остальные слушаютъ, а вы кричите всѣ сразу, и ни чорта не поймешь!

— Кто вякнетъ середь чужой рѣчи, того вотъ этой задвижкой такъ и потяну черезъ темя, ей-Богу! Чтобъ и копыта на сторону откинулъ! — Любишкинъ всталъ, потрясъ дубовымъ толстеннымъ запоромъ.

— Этакъ ты насъ къ концу собранія всѣхъ перекалѣчишь! — высказалъ предположеніе Демка Ушаковъ.

Совѣщавшіеся посмѣялись, покурили и уже серьезно взялись за обсужденіе вопроса о нормѣ высѣва. Да оно — какъ выяснилось — и спорить то и орать было нечего... Первымъ взялъ слово Яковъ Лукичъ и сразу разрѣшилъ всѣ противорѣчія:

— Надсадились отъ крику, занапрасну. Почему товарищъ Давыдовъ предлагалъ по семи пудовъ? Очень просто, это нашъ общій счетъ. Протравливать и чистить на тріерѣ будемъ? Будемъ. Отходъ будетъ? Будетъ. И можетъ много быть отходу, потому у иныхъ хозяевъ, какіе нерадѣи, сѣменное зерно отъ озадковъ не отличишь.Блюдется оно съ ѣдовымъ вмѣстѣ, подсѣвается, абы какъ. Ну, а ежели и будутъ остальцы, не пропадутъ же они? Птицей, животиной потравимъ.

Рѣшили — по семь пудовъ. Хуже дѣло пошло когда коснулись нормъ выработки на плугъ. Тутъ

ужъ пошелъ такой разнобой въ высказыванiяхъ, что Давыдовъ почти растерялся.

— Какъ ты могешь мнѣ выработку загодя на плугъ устанавливать, ежели не знаешь, какая будетъ весна? — кричалъ бригадиръ третьей бригады, рябой и дюжiй Агафонъ Дубцовъ, нападая на Давыдова — А ты знаешь, какъ будетъ снѣгъ таять и какая изъ-подъ него земля выйдетъ, сырая или сухая? Ты что, скрозь землю видишь?

— А ты что же предполагаешь, Дубцовъ? — спрашивалъ Давыдовъ.

— Предлагаю бумагу зря не портить и заразъ ничего не писать. Прiйдетъ сѣвъ, и толкачъ муку покажетъ.

— Какъ же ты, бригадиръ, а несознательно выступаешь противъ плана? По-твоему, онъ не нуженъ?

— Нельзя загодя сказать, что и какъ! — неожиданно поддержалъ Дубцова Яковъ Лукичъ, — и норму какъ можно становить? У васъ, къ примѣру, въ плугу три пары добрыхъ, старыхъ быковъ ходютъ, а у меня трехлѣтки, недоростки. Развѣ же я съ ваше вспашу? Сроду нѣтъ!

Но тутъ вмѣшался Кондратъ Майданниковъ:

— Отъ Островного завхоза дюже удивительно намъ такiя рѣчи слухать! Какъ же ты безъ заданiй будешь работать? Какъ Богъ на душу положитъ? Я отъ чапигъ не буду рукъ отымать, а ты на припекѣ будешь спину грѣть, а получать за это будемъ одинаково? Здорово живешь, Яковъ Лукичъ!

— Слава Богу, Кондратъ Христофорычъ! А какъ же ты уравняешь бычиную силу и землю? У тебя — мягкая земля, а у меня — крѣпь, у тебя — въ низинѣ ланъ, а у меня — на бугру. Скажи ужъ, ежели ты такой умный.

— По крѣпкой — одна задача, по мягкой — другая. Быковъ можно подравнять въ запряжкахъ. Все можно учесть, ты мнѣ не толкуй!

— Ушаковъ хочетъ говорить.

— Просимъ!

— Я бы, братцы, такъ сказалъ: худобу надо, какъ оно всегда водится, за мѣсяцъ до сѣва начать кормить твердымъ кормомъ: добрымъ сѣномъ, кукурузкой, ячменемъ. Вотъ тутъ вопросина, какъ у насъ съ кормами будетъ... Хлѣбозаготовка съѣла лишнюю зерно...

— О скотѣ потомъ будетъ рѣчь. Сейчасъ это не по существу, фактъ! Надо рѣшать вопросъ о нормахъ дневной выработки на пахотѣ. Сколько гектаровъ по крѣпкой землѣ, сколько на плугъ, сколько на сѣялку.

— Сѣялки онѣ тоже разныя! Я на одиннадцатирядной не сработаю же съ семнадцатирядовкой.

— Фактъ! Вноси свое предложенiе. А вы чего, гражданинъ, все время молчите? Числитесь въ активѣ, а голоса вашего я еще не слыхалъ.

Демидъ Молчунъ удивленно взглянулъ на Давыдова, отвѣтилъ нутряннымъ басомъ:

— Я согласный.

— Съ чѣмъ?

Что надо пахать, стало быть... и сѣять.

— Ну?

— Вотъ и все.

— И все?

— Кгм.

— Поговорили! — Давыдовъ улыбнулся, еще что-то сказалъ, но за общимъ хохотомъ словъ его не было слышно. Потомъ уже за Молчуна объяснился дѣдъ Щукарь:

— Онъ у насъ въ хуторѣ, товарищъ Давидовъ, Молчуномъ прозывается. Всю жизню молчитъ, гутаритъ въ крайностяхъ, черезъ это его жена бросила. Казакъ онъ не глупый, а вродѣ дурачка, али, нѣжнѣе сказать, какъ бы съ придурью что ли, али бы вродѣ мѣшкомъ изъ-подъ угла вдаренный. Мальченкомъ былъ, я его помню, сопливый такой и никудышный, безъ портокъ бѣгалъ, и никакихъ галантовъ за нимъ не замѣчалось, а заразъ вотъ выросъ и молчитъ. Его при старомъ режимѣ тубянской батюшка даже причастiя за это лишалъ. На исповѣди накрылъ его чернымъ платкомъ, спрашиваетъ (въ Великiй постъ было дѣло, на семой, никакъ недѣлѣ): «Воруешь, чадо?» Молчитъ. «Блудомъ дѣйствуешь?» Опять молчитъ. «Табакъ куришь? Прелюбы сотворяешь съ бабами?» Обратно молчитъ. Ему бы, дураку, сказать, молъ: «Грѣшенъ, батюшка!» и сей моментъ было бы отпущенiе грѣховъ..

— Да заткнись, ты! — голосъ сзади и смѣхъ.

—Заразъ, въ одинъ секундъ кончаю! Ну, а онъ толечко сопитъ и глаза лупитъ, какъ баранъ на новыя ворота. Батюшка въ отчаянность пришелъ, въ испугъ вдарился, питрахиль на немъ дрожитъ, а все - таки спрашиваетъ: «Можетъ ты когда жену чужую желалъ, или ближняго осла его, или протчего скота его?» Ну, и разное другое по Евангелiю... Демидъ опять же молчитъ. Да и что же можно ему сказать? Ну, жену чью бы онъ ни пожелалъ, все одно этого дѣла не было бы; никакая, самая послѣдняя ему не...

— Кончай, дѣдъ! Къ дѣлу не относящiйся твой разсказъ, — сурово приказалъ Давыдовъ.

— Онъ заразъ отнесется, вотъ-вотъ подойдетъ къ дѣлу. Это толечки приступъ. Ишо одинъ секундъ! Перебили... Ахъ, едрить твою за качанъ! Забылъ объ чемъ рѣчь-то шла!.. Дай Богъ памяти...Твою мать съ такой памятью! Вспомнилъ! — дѣдъ Щукарь хлопнулъ себя по плѣши, посыпалъ очередями, какъ изъ пулемета: — Такъ вотъ насчетъ чужой жены Демидовы дѣла табакъ были, а осла, чеог ему желать, или протчую святую скотиняку? Онъ, можетъ, и пожелалъ бы, пребывая въ хозяйствѣ безлошаднымъ, да они у насъ не

водются, и онъ ихъ сроду не видалъ. А спрошу я васъ, дорогіе гражданы, откель у насъ ослы? Спо-конъ - вѣку ихъ тутъ не было! Тигра тамъ или оселъ, тожъ самое верблюдъ...

— Ты замолчишь нонѣ? — спросилъ Нагульновъ, — заразъ выведу изъ хаты.

— Ты, Макарушка, на первое мая объ міровой революціи съ полдень до закату солнца въ школѣ говорилъ. Скушно говорилъ, словъ нѣтъ, то же да одно же толокъ. Я потихонечку на лавкѣ свернулся калачомъ, уснулъ, а перебивать тебя не рѣшился, а вотъ ты перебиваешь...

— Нехай кончаетъ дѣдъ. Время у насъ терпитъ, сказалъ Разметновъ, шибко любившій шутку и веселый разсказъ Дѣду продлили время на двѣ минуты, и онъ, глотая слова, кончилъ:

— Можетъ, черезъ это онъ и смолчалъ, никому ничего не извѣстно. Попъ тутъ диву дался. Лѣзетъ головой къ Демиду подъ платокъ, пытаетъ: «Да ты не нѣмой?» Демидъ тутъ говоритъ ему: «Нѣту, молъ, надоѣлъ ты мнѣ!» Попъ тутъ осерчалъ, словъ нѣтъ, ажникъ зеленый съ лица сталъ, какъ зашипитъ потихоньку, чтобъ ближнія старухи не слыхали: «Такъ чего же ты, тудыть твою мать, молчишь, как столбъ?» Да ка-а-акъ дюбнетъ Демида промежъ глазъ малымъ подсвѣчникомъ!

Хохотъ покрываетъ рокочущій басъ Демида:

— Брешешь! Не вдарилъ.

— Неужли не вдарилъ? — страшно удивился дѣдъ Щукарь. — Ну, все одно, хотѣлъ, небось, вдарить... Тутъ онъ его и причастія лишилъ. Что же, гражданы, Демидъ молчитъ, а мы будемъ гутарить, насъ это не касаемо. Хучь оно, хорошее, слово, какъ мое, и серебро, а молчаніе — золото.

— Ты бы все свое серебро-то на золото промѣнялъ! Другимъ бы спокойнѣе было... — посовѣтовалъ Нагульновъ.

Смѣхъ то вспыхивалъ горячимъ сухостоемъ, то гасъ. Разсказъ дѣда Щукаря, было, нарушилъ дѣловую настроенность. Но Давыдовъ смахнулъ съ лица улыбку, спросилъ:

— Что ты хотѣлъ сказать о нормѣ выработки? Къ дѣлу приступай!

— Я-то? — дѣдъ Щукарь вытеръ рукавомъ вспотѣвшій лобъ, заморгалъ. — Я ничего про нее не хотѣлъ... Я про Демида засвѣтилъ вопросъ... А норма тутъ не причемъ...

— Лишаю тебя слова на это совѣщаніе! Говорить надо по существу, а балагурить можно послѣ, фактъ!

Къ Зарубежн. Казачеству

Тринадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ мы покинули наши родные края и, разсѣявшись чуть ли не по всѣмъ странамъ Стараго и Новаго Свѣта, въ новыхъ и непривычныхъ условіяхъ жизни, труда и быта, не потеряли своего казачьяго лица и свято сохраняемъ наши казачьи традиціи: любовь къ Родинѣ и Роднымъ Краямъ, стремленіе къ организованности и чувство необходимости взаимной выручки и поддержки. На протяженіи всѣхъ этихъ лѣтъ казачество дало многочисленныя доказательства въ жертвенной любви къ Родинѣ, въ преданности казачьимъ идеямъ и казачьему дѣлу, стойкости и жизнеспособности ихъ бытовыхъ, общественныхъ и воинскихъ организацій. Неоднократно, охотно и щедро отзывались казаки на призывы о помощи, исходящіе отъ различныхъ благотворительныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ. Въ этомъ обращеніи мы считаемъ необходимымъ освѣтить и еще одно изъ важнѣйшихъ явленій въ жизни зарубежнаго казачества: организованную казачью учащуюся молодежь. Въ казачью студенческую семью вошли тѣ, кто во время гражданской войны вступилъ въ ряды казачьихъ войскъ, не закончивъ средняго образованія или же прервавъ высшее, также и тѣ, кто очутился за-границей со своими родителями еще маленькими дѣтьми: они только теперь, въ эмиграціи, получили образованіе въ средней школѣ и поступаютъ въ спеціальныя и высшія учебныя заведенія. Съ великимъ трудомъ можно добиться желаннаго момента полученія диплома и то только при наличіи общественной поддержки, такъ какъ для большинства изъ учащихся, по роду ихъ занятій, вопросъ стоитъ опредѣленно: учиться или работать. У другихъ же для работы остается столь мало свободнаго времени, что не приходится и ду-

мать добывать средства, которыхъ хватило бы на жизнь, на плату за правоученіе и на пріобрѣтеніе необходимыхъ учебныхъ пособій.

Казачья студенческая организація въ Парижѣ существуетъ уже восемь лѣтъ. До 1929 года она называлась обществомъ взаимопомощи донскихъ студентовъ - казаковъ, а затѣмъ была переименована въ Парижскую студенческую казачью станицу, въ которую открытъ доступъ казакамъ всѣхъ Войскъ. Въ станицу вступилъ Страсбургскій студенческій казачій хуторъ и отдѣльные студенты - казаки, обучающіеся въ различныхъ университетахъ и институтахъ во французской провинціи. Въ станицѣ состоятъ и казаки, закончившіе уже свое образованіе, а нынѣ, своимъ участіемъ въ работѣ станицы, помогающіе своимъ младшимъ коллегамъ преодолѣвать трудности и невзгоды студенческой жизни.

За время своего существованія станица дала возможность болѣе чѣмъ 70 казакамъ стать инженерами по различнымъ спеціальностямъ, агрономами и т. д. Всѣ они теперь не только перестали быть бременемъ для благотворительныхъ организацій, но многіе изъ нихъ въ состояніи оказывать и оказываютъ имъ посильную помощь. Стоитъ ли говорить о той громадной и высоко - полезной работѣ, которая предстоитъ всѣмъ имъ — горячо вѣримъ, въ недалекомъ будущемъ — на Родной Землѣ. Хотя бы только поэтому,долгъ каждаго казака, оставшагося таковымъ и понынѣ, не только въ силу своего происхожденія, но и по духу — всячески содѣйствовать накопленію культурныхъ силъ въ казачьей эмиграціи и подготовить такимъ образомъ кадры для грядущаго возрожденія и возстановленія разрушенныхъ Родныхъ Краевъ.

Всѣ эти годы студенческая станица находила поддержку среди общественныхъ и оффиціальныхъ учрежденій, а также и отдѣльныхъ лицъ какъ со стороны французовъ, такъ и изъ эмигрантской среды. Съ каждымъ годомъ условія студенческаго быта становятся все труднѣе и сложнѣе: углубляется экономическій кризисъ, изсякаютъ средства у добрыхъ людей, сокращаются ассигнованія учрежденій, уменьшается число стипендіатовъ и уменьшаются суммы остающихся стипендій. Уменьшеніе заработковъ, а иногда и безработица лишаютъ возможности родителей поддерживать своихъ сыновей - студентовъ. Не одинъ уже изъ молодыхъ студентовъ потерялъ въ эмиграціи родителей — годы, болѣзни и лишенія дѣлаютъ свое неизбѣжное дѣло. За послѣднее время наблюдается явленіе, котораго раньше почти не было: не выдерживая невѣроятныхъ лишеній, являющихся теперь непремѣннымъ условіемъ для полученія образованія, нѣкоторые студенты бросаютъ на серединѣ университеты или институты, чтобы снова стать за станокъ, взяться за ремесло шоффера - такси, или уйти въ деревню, на сельскія работы. Въ этомъ году туберкулезъ унесъ изъ нашей студенческой семьи двухъ человѣкъ.

Начинающійся учебный годъ является самымъ тяжелымъ для студентовъ и Парижская студенческая казачья станица, впервые за 8 лѣтъ своего существованія обращается къ Вамъ, казаки, съ горячимъ призывомъ о братской поддержкѣ.

«Старайся выручить въ бѣдѣ» — говорится въ старинной донской пѣснѣ, въ которой старый казакъ, провожая своего сына на службу, даетъ ему наставленія и совѣты какъ слѣдуетъ съ достоинствомъ и честью носить высокое званіе казака не только на полѣ брани, но и въ мирной обстановкѣ.

Станица открываетъ сборъ пожертвованій въ фондъ стипендіи студентамъ - казакамъ во Франціи отъ Зарубежнаго Казачества. Только общимъ дружнымъ порывомъ могутъ казаки отвести нависшую надъ ихъ младшими братьями - студентами угрозу срыва наступившаго учебнаго года.

Не стѣсняйтесь размѣрами пожертвованій — дорогъ каждый франкъ. Съ этимъ призывомъ мы обращаемся къ Вамъ, казаки, съ разрѣшенія почетнаго казака нашей станицы, Донского Атамана Генерала А. П.

Богаевскаго, и все, что Вы можете намъ удѣлить, посылайте для насъ въ его адресъ : 8, rue François-Coppée, Paris-15e.

Да будетъ услышана наша горячая просьба къ г.г. начальникамъ казачьихъ частей, предсѣдателямъ воинскихъ объединеній, обществъ и союзовъ, къ станичнымъ и хуторскимъ атаманамъ, старшимъ группъ и къ предсѣдателямъ всѣхъ другихъ казачьихъ организацій во Франціи и за-границей, поддержать нашъ призывъ организаціей единовременныхъ или періодическихъ сборовъ на ихъ собраніяхъ, балахъ, докладахъ, лекціяхъ, путемъ разсылки подписныхъ листовъ и тѣми способами, которые они сочтутъ возможными.

Атаманъ Парижской Студенческой Казачьей Станицы **П. Гусевъ.**
Казначей **Г. Зозуля.**
Члены Правленія: **А. Чукавовъ**
М. Косоротовъ.
Станичный Писарь **С. Ивановъ.**
Ревизіонная Комиссія: Предсѣдатель **Лепорскій.**
Члены: **Макаровскій**
Шелудько.

ШКОЛА ИНЖЕНЕРОВЪ - МЕЛЬНИКОВЪ

Ecole Française de Meunerie — такъ называется единственная во Франціи школа, съ одногодичнымъ курсомъ, выпускающая инженеровъ - мельниковъ, спеціалистовъ по булочному, макаронному и вермишельному дѣлу.

Пріемъ небольшой — 30-35 человѣкъ, причемъ дипломъ со званіемъ инженера выдается 6 - 7 лицамъ, получившимъ на выпускныхъ экзаменахъ среднiй балъ 14 и выше. Дипломы высылаются министерствомъ и имена новыхъ инженеровъ публикуются въ «Журналь Офисьель». Остальнымъ выдается сертификатъ объ окончаніи школы, что даетъ возможность устроиться контрометромъ или же шефомъ производства.

Поступающіе въ школу подвергаются 1 октября экзаменамъ по алгебрѣ, геометріи, физикѣ, химіи, аналит. геометріи, анализу, интеграламъ и мукомольному дѣлу. Каждый кандидатъ кромѣ того долженъ представить сертификатъ о практической работѣ на мельницѣ въ теченіи 2 мѣсяцевъ (минимумъ), но желательно 4-6 мѣсяцевъ, такъ какъ работа современной мельницы столь сложна, что усвоить ее въ 2 мѣсяца невозможно. На стажъ посылаетъ своихъ кандидатовъ сама школа, директоръ который списывается съ хозяевами мельницъ, желающихъ взять стажера на обученіе. Какъ правило, стажерамъ не платятъ, но при хорошей и добросовѣстной работѣ и быстромъ постиженіи дѣла, хозяева даютъ помѣщеніе, или кормятъ, или же при отъѣздѣ снабжаютъ небольшой суммой денегъ — все это зависитъ исключительно отъ доброй воли патрона.

Программа школы обширна, перегружена, строгій режимъ, пропуски занятій не допускаются, къ заболѣвшему немедленно высылается врачъ; требуется приличное знаніе языка, такъ какъ нѣкоторыя лекціи приходится записывать за отсутствіемъ нужныхъ учебниковъ.

Плата за правоученіе 2500 франковъ, библіотека, пользованіе которой совершенно необходимо, 300 франковъ. Были случаи, когда при рекомендаціи директора, русскимъ дѣлали скидку въ 1000 фр. Итакъ, для успѣшнаго прохожденія курса необходимо затратить полтора года, включая предварительный стажъ, и посвятить все время только ученію, такъ какъ совмѣстить его съ работой немыслимо. Зато по окончаніи школы, всѣ молодые инженеры легко получаютъ мѣсто, оплачиваемое по 1500-2000 фр. въ мѣсяцъ. Мѣста получаются черезъ директора школы, которую содержитъ союзъ французскихъ мукомоловъ, а всѣ требованія идутъ оттуда. Во Франціи 9500 мельницъ и въ прошломъ году нехватило инженеровъ не только для метрополіи, но и для колоній. Дѣло это молодое и нѣтъ такого перепроизводства какъ въ другихъ спеціальностяхъ. Пишущій эти строки, отбывая шестимѣсячный стажъ, видѣлъ какъ въ острый періодъ безработицы и сокращеній, мельницы работали безпрерывно круглыя сутки. Слѣдуетъ ли говорить о тѣхъ огромныхъ перспективахъ, которыя откроются русскимъ инженерамъ этой спеціальности въ будущемъ на родной землѣ.

И. Макаровскій

РУССКІЯ ШКОЛЫ ВО ФРАНЦІИ

Просвѣщеніе среди эмигрантской молодежи и научно - профессіональная подготовка среди взрослаго элемента зарубежья являются тѣми важнѣйшими вопросами, къ которымъ постоянно привлекается вниманіе русскаго общества. Франція, и въ частности ея столица Парижъ, образуя какъ бы географическій и культурный центръ русскаго зарубежья, — изобилуютъ многими учебными заведеніями, въ которыхъ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ.

Молодежь школьнаго и студенческаго возраста, а также и многіе энергичные и волевые люди старшаго поколѣнія, часто задаются вопросомъ, въ какую школу идти учиться, гдѣ искать серьезной научной подготовки и къ кому слѣдуетъ обратиться за предварительнымъ совѣтомъ или справкой. Несмотря на почти 15 лѣтъ нашего пребыванія заграницей, русскіе люди не склонны окончательно порывать связь съ роднымъ языкомъ и потому не всѣ еще рѣшаются отдавать своихъ дѣтей или начинать самимъ учиться во французскихъ школахъ.

Если взять русскую печать во Франціи, то на страницахъ газетъ «Возрожденіе» и «Послѣднія Новости», а иногда и въ «Россія и Славянство», — появляются время отъ времени небольшія замѣтки и статьи о русскихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, но больше всего въ тѣхъ же газетахъ на послѣднихъ страницахъ русскій читатель находитъ массу объявленій о всевозможныхъ институтахъ, курсахъ, школахъ, академіяхъ, консерваторіяхъ и пр., рекламирующихъ себя на разные лады. Тутъ и дипломы высшей квалификаціи, и новизна и усовершенствованіе метода, низкая плата, и самый минимальный срокъ подготовки, — словомъ все, что можетъ такъ или иначе соблазнить воображеніе ищущаго сколько нибудь приличнаго выхода въ жизнь обездоленнаго эмигранта. Съ общественной точки зрѣнія затрагиваемая въ настоящей статьѣ тема не лишена большого жизненнаго интереса для многихъ тысячъ русскихъ людей и потому должна представить собой не малую цѣнность, поскольку рѣчь идетъ о пользѣ ученія въ тѣхъ ненормальныхъ государственныхъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ эмиграція.

Всѣ русскія школы, находящіяся въ Парижѣ, можно подраздѣлить на три основныхъ группы: 1) школы академическаго типа, въ которыхъ преподаваніе ведется лекціоннымъ порядкомъ, 2) школы заочныя, въ которыхъ обученіе осуществляется путемъ корреспонденціи (по перепискѣ) и 3) школы смѣшаннаго типа, то-есть осуществляющія оба метода одновременно, — и лекціонный и заочный.

Эту классификацію слѣдуетъ дополнить указаніемъ съ одной стороны на разрядъ школъ, т.-е. высшія и среднія школы и эпизодическіе курсы, а съ другой стороны — на характеръ административно - финансовой организаціи, т.-е. на категоріи школъ, созданныхъ на общественныя средства и работающихъ подъ контролемъ общественныхъ органовъ, и на школы совершенно частныя. Наблюденія показываютъ, что среди подрастающаго русскаго поколѣнія наибольшій спросъ остается на сторонѣ высшей школы, дипломъ которой даетъ извѣстную гарантію въ достиженіи хорошо оплачиваемыхъ должностей и въ пріобрѣтеніи наиболѣе интересной и высокой въ культурномъ отношеніи сферы дѣятельности. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ придерживаться указаннаго выше подраздѣленія.

РУССКІЙ ВЫСШІЙ ТЕХНИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ — является нормальнымъ высшимъ техническимъ учебнымъ заведеніемъ, построеннымъ по типу лучшихъ русскихъ и заграничныхъ высшихъ школъ. Институтъ имѣетъ два факультета: академическій и заочнаго преподаванія. Академическій факультетъ состоитъ въ вѣдѣніи Мин. Нар. Просв. Франц. Республики и дѣлится на два спеціальныхъ отдѣленія: электро - механическое и инженерно - строительное. Педагогическій персоналъ Института состоитъ изъ профессоровъ и преподавателей б. Россійскихъ университетовъ и высшихъ техническихъ школъ. Лекціи происходятъ по вечерамъ, а практическія и лабораторныя работы производятся какъ въ дневные, такъ и въ вечерніе часы, и расчитаны на 3-хъ лѣтній періодъ, а на 4-омъ году (въ 4-6 мѣс.) выполняются только дипломные проекты по избранной студентомъ спеціальности. Для облегченія вступленія въ Институтъ имѣющимъ 6-ти классное образованіе, сущесвуетъ спеціальный подготовительный курсъ, по окончаніи котораго производится пріемъ на первый курсъ Института безъ экзаменовъ. Начало занятій въ октябрѣ. Годовая учебная плата: 1.000 фр. на первомъ курсѣ, 1.100 фр. на второмъ и 1.200 фр. на третьемъ. При взносѣ платы разрѣшается мѣсячная разсрочка. Всѣ практическія и лабораторныя работы подлежатъ отдѣльной оплатѣ, причемъ общая сумма расходовъ на эти работы за все время пребыванія въ Институтѣ не превышаетъ 600 франковъ. Такимъ образомъ, обученіе въ Ин-

ституте, дающимъ дипломъ, эквивалентный дипломамъ аналогичныхъ французскихъ высшихъ школъ, — обходится за все время около 4.000 франковъ.

На факультетѣ Заочнаго преподаванія имѣется нѣсколько отдѣленій: механическое, электротехническое, инженерно - строительное ,химическое, агрономическое, коммерческое и общеобразовательное. Вся учебная работа на этомъ Факультетѣ ведется путемъ корреспонденціи, причемъ желающіе усовершенствовать свои знанія, повторить забытое или пополнить новыми свѣдѣніями изъ тѣхъ или другихъ отраслей прикладной науки, — могутъ проходить отдѣльные предметы или брать систематическіе циклы низшей, средней и высшей ступеней, подготовляющіе на должности монтеровъ, десятниковъ, техниковъ и инженеровъ. Окончаніе инженерныхъ цикловъ даетъ право на полученіе диплома только послѣ сдачи повѣрочныхъ устныхъ экзаменовъ и защиты соотвѣтствующихъ дипломныхъ работъ и проектовъ Пріемъ на этотъ факультетъ — непрерывный въ теченіи всего года. Стоимость отдѣльныхъ предметовъ колеблется отъ 25 фр. до 300 фр.: въ эту цѣну включаются всѣ учебники, печатныя лекціи и наставленія, бумага для выполненія письменныхъ работъ и чертежей и отправка по почтѣ, а равно расходы на повѣрку студенческихъ работъ со стороны профессоровъ и преподавателей Института.

РУССКІЙ КОММЕРЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ является высшей школой въ области экономическихъ наукъ, состоящей въ вѣдѣніи Мин. Нар. Просв. Франц. Республики. Полный курсъ расчитанъ на два года лекціонныхъ занятій, которыя производятся по вечерамъ. Послѣ успѣшной сдачи выпускныхъ экзаменовъ выдается дипломъ за подписью представителя Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ФРАНКО - РУССКІЙ ИНСТИТУТЪ является свободной высшей школой соціальныхъ, политическихъ и юридическихъ наукъ. Согласно учебнаго плана, преобладающее значеніе занимаютъ науки экономическія, правовыя и историческія. Оканчивающіе Институтъ получаютъ то-есть дипломы ихъ приравниваются къ дипломамъ французскихъ юридическихъ факультетовъ.

ВЫСШІЕ ВОЕННО - НАУЧНЫЕ КУРСЫ организованы въ цѣляхъ усовершенствованія въ военныхъ наукахъ и являются свободной высшей школой, поставленной по программамъ военныхъ академій. Лекціи читаются по вечерамъ и доступъ на нихъ открытъ для всѣхъ желающихъ (входъ 3 фр., для рабочихъ и учащихся 2 фр.). Помимо лекцій производятся также и практическія занятія. Экзамены по окончаніи курсовъ совершаются по добровольному соглашенію слушателей съ профессорскимъ персоналомъ.

ВЫСШІЕ ВОЕННО - ТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ даютъ подготовку по военно - инженерному дѣлу. Полный циклъ занятій расчитанъ на три года, по 10 мѣс. Лекціи и практическія занятія по вечерамъ, съ платой по 60 фр. въ мѣсяцъ.

РУССКІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ БОГОСЛОВСКІЙ ИНСТИТУТЪ учрежденъ при Сергіевскомъ Подворьи и состоитъ въ вѣдѣніи Епархіальнаго Управленія Западно - Европ. Русскихъ Православныхъ Церквей и особой коллегіи профессоровъ прежнихъ русскихъ духовныхъ академій и русскихъ университетовъ. Курсъ трехлѣтній, — причемъ для поступленія необходимъ аттестатъ средней школы. При Институтѣ имѣется интернатъ. Учебная плата и содержаніе въ Институтѣ составляетъ около 400 фр. въ мѣсяцъ.

РУССКАЯ КОНСЕРВАТОРІЯ имени С. В. Рахманинова функціонируетъ при Русскомъ Народномъ Университетѣ. Занятія ведутся (днемъ и вечеромъ) по классамъ пѣнія, рояля, струнныхъ и духовыхъ инструментовъ, теоріи музыки и композиціи. Мѣсячная плата установлена въ 75 франковъ.

РУССКАЯ НОРМАЛЬНАЯ КОНСЕРВАТОРІЯ организована по программѣ предыдущей консерваторіи. Плата въ мѣсяцъ 135 фр., а групповые классы — 25 франковъ.

РУССКАЯ КОНСЕРВАТОРІЯ ВЪ ПАРИЖѢ РОССІЙСКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО О—ВА заграницей имѣетъ аналогичную программу съ вышеуказанными консерваторіями. Плата отъ 100 — 150 фр. въ мѣсяцъ; для дѣтей 75 — 100 фр., въ зависимости отъ категоріи. Всѣ дополнительные предметы, внѣ программы, оплачиваются отдѣльно по 25 фр. въ мѣсяцъ за предметъ. Допускаются вольнослушатели.

Дипломы всѣхъ трехъ консерваторій не носятъ оффиціально - юридическаго характера.

РЕЛИГІОЗНО - ФИЛОСОФСКАЯ АКАДЕМІЯ учреждена группой русскихъ профессоровъ и философовъ и предназначена для расширенія знаній въ области современныхъ теченій религіи, философіи и науки. Эта академія является свободнымъ научнымъ Институтомъ, въ которомъ читаются эпизодическія циклы лекцій по ряду отдѣльныхъ вопросовъ. Лекціи происходятъ по вечерамъ и плата за присутствіе на нихъ установлена въ 2 франка. Никакихъ экзаменовъ не производится и дипломовъ не выдается.

Инж. П. Никаноровъ

(Продолженіе слѣдуетъ)

Хроника

† В. И. ФИЛАТОВЪ

12-го іюля сего года скончался одинъ изъ старѣйшихъ членовъ нашей станицы, есаулъ Василій Ивановичъ Филатовъ. И. В. родился въ станицѣ Урюпинской Донского Войска, 28-го февраля 1896 года, окончивъ въ 1916 году реальное училище въ своей родной станицѣ, онъ поступилъ въ Тифлисское военное училище, откуда былъ выпущенъ офицеромъ въ 17-й Туркестанский полкъ, сражавшемся на Кавказскомъ фронтѣ. Въ началѣ революціи В. И. былъ раненъ, вернулся въ станицу и вступилъ въ ряды 21-го пѣшаго Хоперскаго полка, былъ вторично раненъ и по выздоровленіи былъ переведенъ въ 23 Хоперскій конный полкъ Третье раненіе В. И. получилъ въ Крыму. въ отрядѣ ген. Гаврилова и, пролежавъ 7 мѣсяцевъ въ одномъ изъ Константинопольскихъ госпиталей, вышелъ оттуда инвалидомъ безъ зачисленія въ строевыя части.

Затѣмъ, тяжелая работа въ Болгаріи, а съ 1923 года — во Франціи, на заводѣ Рено; упорнымъ трудомъ удалось стать на ноги и открыть свое небольшое дѣло, но ослабленный нѣсколькими раненіями организмъ, не выдержалъ и послѣ восьми-мѣсячной болѣзни его не стало. На похоронахъ въ гор. Шелль присутствовалъ представитель станицы, возложившій вѣнокъ отъ студентовъ - казаковъ, у которыхъ на долго останется въ памяти образъ этого храбраго офицера, неутомимаго труженика, прекраснаго семьянина, примѣрнаго общественнаго дѣятеля, на протяженіи долгихъ лѣтъ всячески оказывавшаго содѣйствіе и поддержку своимъ коллегамъ — членамъ станицы, студентамъ.

Миръ праху твоему, дорогому станичникъ. Да будетъ тебѣ легкая чужая земля!

НОВЫЕ ИНЖЕНЕРЫ - КАЗАКИ

Въ 1931-1932 учебномъ году окончили высшую школу слѣдующіе наши станичники: Г. И. Котляровъ и Г. А. Поздняковъ — Геофизическій Институтъ въ Страсбургѣ, и Г. И. Пискуновъ — спеціальную школу электро-механиковъ въ Парижѣ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ

Въ этомъ году исполнилось десятилѣтіе благотворительной дѣятельности среди русскихъ эмигрантовъ нашего почетнаго казака, Аббата К. Кенэ. О неустанной его помощи студентамъ-казакамъ мы разсказывали нашимъ читателямъ въ предыдущихъ номерахъ «Станицы».

Парижская студенческая казачья станица шлетъ дорогому юбиляру свои поздравленія и пожеланія добраго здоровья.

ОТЪ КОНТОРЫ «СТАНИЦЫ»

Обращаемся съ просьбой къ тѣмъ, кто еще не отчитался за предыдущіе номера журнала произвести разсчетъ теперь же.

Срокъ разсчета за этотъ номеръ — 15 декабря сего года.

Лица, получившія отдѣльн. экз. номера 4-го, благоволятъ выслать по указанному ниже адресу его стоимость — 2 франка почтовыми марками. Всю простую, заказную и денежную корреспонденцію направлять въ адресъ предсѣдателя редакціонной коллегіи П. В. Гусева:

M-r Gousseff, 60, rue Dombasle, Paris, 15

ДОКЛАДЪ ЕСАУЛА М. ПОПОВА

Союзъ Донскихъ Партизанъ-Чернецовцевъ устраиваетъ въ серединѣ этого мѣсяца докладъ своего предсѣдателя, есаула М. Попова, основанный на особо полученныхъ данныхъ, о положеніи въ сов. Россіи. Дата, мѣсто и часъ доклада будетъ указанъ въ именныхъ приглашеніяхъ представителямъ казачьихъ и обще-русскихъ организацій. Желающіе получить такое приглашеніе должны письменно обратиться по адресу: г. Поповъ, 28, бульваръ Клиши, Парижъ.

НАША АНКЕТА

Дѣятельность казачьихъ Кассъ взаимопомощи во Франціи и цаграницей; цѣли и средства; условія работы; движеніе числа членовъ и капиталовъ. Перспективы, возможности и предположенія каждой изъ Кассъ на ближайшее будущее. Возможности созданія большихъ (большой) Кассъ (кассы) Взаимопомощи Обще-Казачьихъ или по Войскамъ.

Редакція «Станицы» обращается къ Предсѣдателямъ казачьихъ Кассъ взаимопомощи съ просьбой дать отвѣтъ на поставленные въ анкетѣ вопросы для помѣщенія полученнаго матеріала въ слѣдующемъ номерѣ журнала. Также будутъ печататься и отклики нашихъ читателей на затронутую въ отвѣтахъ тему. Этимъ будетъ достигнуто полное и безпристрастное освѣщеніе этого чрезвычайно важнаго вопроса.

Предлагаемъ вниманію казаковъ помѣщенныя ниже статьи предсѣдателей казачьихъ кассъ взаимопомощи въ Парижѣ.

КАССА ПОМОЩИ БЕЗРАБОТНЫМЪ И БОЛЬНЫМЪ АТАМАНСКАГО ВОЕННАГО УЧИЛИЩА

Касса существуетъ съ августа мѣсяца 1927 года когда явилась мысль среди членовъ училища создать такую организацію, которая покоилась бы на принципѣ самопомощи и самообложенія.

«Никто намъ не поможетъ, кромѣ самихъ себя» — такъ было сказано при зарожденіи кассы. Хотя нашъ уставъ и предусматриваетъ другіе источники доходовъ кассы, но красной нитью проходитъ черезъ весь уставъ — это единственный и самый вѣрный источникъ доходовъ — самообложеніе.

Духъ нашего устава таковъ — входить въ кассу для того, чтобы помогать другому, а не для того, чтобы получать прежде всего самому эту помощь.

Въ моментъ основанія кассы было 40 членовъ ея въ настоящее же время ихъ 62.

При кассѣ существуетъ фондъ на случай смерти и Архивъ-Музей.

Къ данному моменту денежныя суммы кассы состоятъ:

1. изъ членскихъ взносовъ	33.256 фр.
2. доходъ изъ др. источниковъ	3.937 фр
Итого	37.193 фр.

Общій расходъ къ данному времени 23.935 фр.

Главнѣйшія проявленія дѣятельности кассы — помощь безработнымъ и больнымъ, ссуды и похороны умершихъ членовъ кассы. Помощь безработнымъ и больнымъ — безвозвратная.

За періодъ послѣднихъ 1 1/2 лѣтъ эта помощь выразилась въ слѣдующемъ:

Безработныхъ было 17 человѣкъ, каждый изъ нихъ пользовался пособіемъ отъ 2 до 18 недѣль. Всего же выдано пособія, въ размѣрѣ отъ 50 до 35 фр. въ недѣлю, за 342 недѣли, на сумму 15.725 фр.

Въ кассѣ существуетъ Ліонское отдѣленіе (въ г. Ліонѣ) изъ 11 челов., которые во всемъ отсчитываются передъ центральнымъ правленіемъ въ Парижѣ.

Также имѣется много одиночныхъ членовъ кассы въ провинціи, которые по всѣмъ дѣламъ кассы обращаются въ правленіе въ Парижѣ.

За все время существованія кассы было выдано ссудъ 135 членамъ на сумму 44.200 фр.

Вотъ краткія свѣдѣнія о дѣятельности кассы за ея 5-лѣтнее существованіе.

Результатъ дѣятельности кассы, хотя и скромный, но онъ самъ говоритъ за то, что могутъ сдѣлать 60 человѣкъ воодушевленныхъ доброй волей въ помощи и взаимной выручкѣ своихъ братьевъ-казаковъ.

Мы ни отъ кого не можемъ ждать помощи въ тяжелыхъ условіяхъ эмигрантской жизни, кромѣ какъ отъ самихъ себя, и только самообложеніемъ.

Только глубокое самосознаніе взаимной помощи можетъ дать реальные результаты. Чѣмъ многочисленнѣе будетъ организація, тѣмъ серьезнѣе будетъ оказана помощь.

Много мелкихъ кассъ взаимопомощи существуетъ въ казачьей эмиграціи и всѣ онѣ замкнуты въ рамкахъ мелкихъ своихъ интересовъ.

Ихъ работа остановилась въ начальной стадіи развитія идеи самопомощи.

Современныя событія жизни идутъ своимъ быстрымъ темпомъ и осложняютъ нашу и безъ того тяжелую жизнь.

Явленія послѣдняго времени, какъ экономическій кризисъ и безработица, а также старость, болѣзни, увѣчья, заставляютъ насъ задуматься надъ тѣмъ, что многіе изъ насъ, предоставленные самимъ себѣ, не могутъ жить, не опустившись морально и физически, а то, сплошь и рядомъ, кончаютъ свои счеты съ жизнью въ неравной борьбѣ за существованіе.

Многіе изъ насъ, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ въ борьбѣ за существованіе, идутъ разными путями вплоть до перемѣны подданства, изъ соображеніи выгоды. А сами знаете, что мѣнять національность изъ этихъ соображеній едва ли дѣлаетъ честь.

А намъ, казакамъ, еще надо помнить и заботиться о дальнѣйшемъ существованіи казачества, за которое не мало борьбы придется принять на себя.

А для этого намъ нужно — организаціонное, идей-

ное и тактическое единство всей нашей казачьей эмиграціи, котораго у насъ, къ стыду нашему, нѣтъ до сихъ поръ.

Ничто такъ не сближаетъ и не налагаетъ чувства благодарности, какъ своевременная матеріальная помощь въ нуждѣ и тяжелыхъ условіяхъ жизни. Достичь этого можно черезъ организацію, построенную на экономической базѣ, а средства для этого достать черезъ самообложеніе.

Насталъ моментъ подумать о созданіи Донской или Обще-Казачьей Кассы помощи безработнымъ, больнымъ ,старикамъ и учащимся.

Въ настоящій моментъ, какъ нельзя лучше, можно воспользоваться уже существующей организаціей, созданной Донскимъ Атаманомъ — Союзомъ казаковъ-комбатантовъ.

Былъ бы порывъ и добрая воля къ осуществленію этого, а техническая разработка этого вопроса не такая ужъ трудная работа.

Н. Кочетовъ

11-го сентября 1932 г.

КАЗАЧЬЯ КАССА ВЗАИМОПОМОЩИ въ Бійянкурѣ

Бійянкурская Касса существуетъ всего одинъ годъ. Организована она на взаимопомощи безъ какой либо политической окраски. Въ составъ кассы могутъ входить казаки всѣхъ Войскъ съ какими угодно политическими убѣжденіями, но только не коммунистическими, и проживающіе не только въ Бійянкурѣ, но и въ Парижѣ и провинціи. Политика во внутренней жизни организаціи не допускается. Всякій, вновь поступающій въ кассу, взноситъ единовременно 10 франковъ и ежемѣсячно — 5 фр Помощь оказывается въ видѣ безвозвратной ссуды заболѣвшимъ, безработнымъ, при разныхъ несчастныхъ случаяхъ, на похороны и пр. Въ этомъ году умеръ членъ кассы, казакъ Островъ, Грушевской ст. (Дон. В.) и касса почти цѣликомъ приняла на себя расходы по его похоронамъ. Этотъ расходъ превысилъ 500 франковъ. Безвозвратныхъ ссудъ выдано 5-ти человѣкамъ.

Возвратная сумма выдается всѣмъ членамъ кассы, аккуратно дѣлающихъ свои взносы за поручительствомъ двухъ человѣкъ, также аккуратно исполняющихъ свои обязательства передъ кассой.

Въ кассѣ состоитъ 42 члена. Капиталъ кассы все время мѣняется въ зависимости отъ приходовъ и расходовъ, но безусловно растетъ.

Организація подобныхъ кассъ взаимопомощи, но въ большихъ размѣрахъ и съ большимъ членскимъ взносомъ, можетъ принести огромную пользу зарубежному казачеству, вплоть до созданія всевозможныхъ мастерскихъ, кооперативовъ, ночлежекъ и т. д.

Нужна только полная казачья сознательность и вѣра въ успѣхъ дѣла. Тогда каждый увидитъ какую существенную пользу принесетъ онъ своему сотоварищу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самому себѣ.

Гр. Колесков.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ при станицѣ подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго М. А. Адамова безвозмездно обслуживаетъ станичниковъ. Пріемъ по вторникамъ и пятницамъ отъ 6 час. 30 мин. веч. до 8 час. веч., на рю де ла Конвансьонъ, № 85.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ оказывается безвозмездно студентамъ - казакамъ почетнымъ старикомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ отъ 5 до 7 час. вечера на 122, бульваръ Мюратъ (по запискамъ отъ правленія).

СТУДЕНТЫ - КАЗАКИ могутъ пріобрѣтать необходимые имъ учебники со скидкой съ издательскихъ цѣнъ въ книжныхъ магазинахъ по запискамъ отъ станичнаго правленія.

ПРОШЕНІЯ О СТИПЕНДІЯХЪ И ЕДИНОВРЕМЕННОЙ ПОМОЩИ отъ русскихъ студентовъ принимаются особой комиссіей, вѣдающей распредѣленіемъ фондовъ, отпускаемыхъ Французскимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Предсѣдатель Комиссіи — г. Э. Фурноль. Комиссія помѣщается въ Институтѣ славяновѣдѣнія при Парижскомъ университетѣ.

ФРАНЦУЗСКОЕ О—ВО ПОМОЩИ РУССКИМЪ принимаетъ нуждающихся въ разнаго рода помощи въ своей канцеляріи на рю де Севръ, № 33 (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней).

СПРАВКИ по всѣмъ вопросамъ, затронутымъ въ журналѣ, даются редакціонной коллегіей письменно. Обращаться по адресу, указанному на 18-й страницѣ этого номера. На отвѣтъ прилагать марку.

«КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО». — Ко дню 200-лѣтія 1-го Кубанскаго полка Кубанскаго Казачьяго Войска Обществомъ Ревнителей Кубани будетъ выпущенъ, въ ноябрѣ сего года, очередной историко - литературный, иллюстрированный сборникъ «Кубанское Казачество» № 4-й. Цѣна сборника 3 фр. 50 сант. Адресъ редакціи: Ф. И. Елисѣевъ 10, рю Кордильеръ, Парижъ (13 арр.).

Le gérant : Ch. Quénet. Typ. BASILE, 1, villa Chauvelot, Paris 15e

№ 5
Janvier 1933

Цѣна
2 фр.

STANITZA
organe de la Stanitza
des Étudiants-Cosaques de Paris
Trimestriel
35, rue de Sèvres — PARIS (VIe)

А. М. КАЛЕДИНЪ

Къ шестнадцатой годовщинѣ трагической кончины перваго выборнаго Донского Атамана

† ПОДЪ - ЕСАУЛЪ

Ф. М. РѢДИЧКИНЪ

Станицы Николаевской, Всевеликаго Войска Донского, 39 лѣтъ, скончался 5-го ноября 1932 года послѣ долгой болѣзни въ деревнѣ Dombachs la Ville около Страсбурга и похороненъ стараніями мѣстной колоніи на кладбищѣ г. Страсбурга, о чемъ съ прискорбіемъ извѣщаетъ братъ и благодаритъ всѣхъ принявшихъ участіе въ отданіи послѣдняго долга его безвременно скончавшемуся брату.

Отъ Донского Атамана

1.

Съ Новымъ Годомъ, братья Донцы, Кубанцы, Терцы и казаки другихъ Войскъ! Поздравляю васъ и отъ души желаю бодрости, здоровья и неугасимой вѣры въ то, что мы еще увидимъ нашу Великую Родину Россію и Родные Края!

2.

Можно порадоваться, что значительная часть казаковъ, находящихся во Франціи, безъ различія Войска и своего чина, откликнулись на мой призывъ — войти въ составъ «Союза казаковъ - комбаттантовъ». Записалось уже свыше 1.000 человѣкъ, и на 1933 годъ я уже получилъ много новыхъ заявленій о желаніи войти въ Союзъ. Я уже не разъ говорилъ и писалъ вамъ, казаки, что членскій билетъ Союза является возможной страховкой отъ нѣкоторыхъ жизненныхъ неудачъ, всегда возможныхъ въ нашей бѣженской жизни и, какъ мнѣ уже сообщали не разъ — за 9 мѣсяцевъ 1932 года было уже много случаевъ, когда комбаттантская карточка помогала казакамъ получить новую работу или сохранить старую при расчетѣ другихъ работниковъ. Помогала она при столкновеніяхъ съ полиціей, потерѣ документовъ, устройствѣ въ госпиталь и пр. Французы вообще съ уваженіемъ и благожелательно относятся къ комбаттантамъ, и это доброе отношеніе, естественно, переносится и на комбаттантовъ - иностранцевъ, сражавшихся за общее ве-

ликое дѣло. Конечно, мы не можемъ претендовать на всѣ тѣ права и преимущества, какія присвоены французскимъ подданнымъ (напр., пенсіи). Я уже писалъ вамъ, почему я избралъ самый большой изъ французскихъ Союзовъ — «Уніонъ Насіональ де Комбаттантъ». Это крѣпкій Союзъ, имѣющій въ настоящее время свыше 5.000 отдѣленій по всей Франціи и нѣсколько сотъ тысячъ членовъ. Отношеніе Правленія Союза къ намъ — вполнѣ благожелательное. Оно уже не разъ оказывало мнѣ содѣйствіе въ моихъ хлопотахъ за казаковъ - комбаттантовъ.

Но и другіе французскіе союзы комбаттантовъ такъ же хорошо относятся къ казакамъ, своимъ боевымъ соратникамъ, и я уже получилъ нѣсколько донесеній, что тѣ наши комбаттантскія группы въ разныхъ городахъ, которыя по моему распоряженію вошли въ связь съ мѣстнымъ отдѣломъ союза Французскихъ Комбаттантовъ, — были приняты ими очень радушно, когда пришли возложить вмѣстѣ съ ними вѣнокъ у памятника въ честь павшихъ и въ день перемирія — конца великой войны 11-го ноября. Тронутые французскіе воины сердечно благодарили казаковъ, поставили ихъ на почетное мѣсто и пригласили на скромное чествованіе памяти совмѣстнаго участія въ великой войнѣ.

Тѣмъ нашимъ комбаттантамъ, которые еще не объединились въ группы съ избраніемъ старшаго, — предлагаю сдѣлать это скорѣе и войти въ связь съ мѣстнымъ французскимъ отдѣломъ комбаттантовъ. Добрыя отношенія съ ними могутъ помочь вамъ въ трудную минуту.

Я уже получилъ нѣсколько донесеній отъ старшихъ, въ провинціальныхъ группахъ нашего Союза о ихъ вступленіи въ отправленіе своихъ обязанностей. Когда получу такія свѣдѣнія отъ большинства группъ, — я пошлю имъ свое утвержденіе съ особымъ удостовѣреніемъ. Строго провести старшинство въ чинѣ при назначеніи старшимъ въ группѣ — по условіямъ нашей бѣженской жизни, — является очень труднымъ и поэтому предлагаю произвести выборы, отдавая преимущество все же старшимъ и, если возможно, станичнымъ и хуторскимъ атаманамъ. Организацію группъ по всей Франціи, закончить не позднѣе 1-го февраля 1933 года.

Конечно, не всѣмъ участникамъ нашего Союза придется, въ чемъ либо, примѣнить свою карточку. Даже можно пожелать, чтобы за все время нашего пребыванія во Франціи и не пришлось бы этого дѣлать, т.-е, чтобы жизнь такихъ членовъ Союза сложилась такъ хорошо, чтобы карточка и не понадобилась бы. Но, къ сожалѣнію, у огромнаго большинства она складывается совсѣмъ не такъ, какъ хочется и поэтому, повторяю, полезно имѣть право на заступничество и посильную помощь въ случаѣ возможной какой либо бѣды. Все же будетъ лишняя надежда на благопріятный выходъ. Членскій взносъ такъ невеликъ — 15 франковъ въ годъ, что едва ли многіе пожалѣютъ о такой затратѣ. За эти 9 мѣсяцевъ я получилъ много писемъ отъ новыхъ членовъ Союза, часто заброшенныхъ отъ станицъ и хуторовъ, которые выражали свою радость по поводу того, что они входятъ равноправными членами въ крѣпкій боевой казачій Союзъ и не будутъ себя чувствовать оторванными отъ Войска и боевыхъ соратниковъ. Я надѣюсь, что постепенно эту связь удастся усилить и укрѣпить. Одинъ Богъ знаетъ, сколько еще времени намъ придется быть заграницей и такое наше объединеніе и большее знакомство съ боевыми соратниками французами можетъ оказаться и очень полезнымъ. Во всякомъ случаѣ оно помѣшаетъ намъ превратиться въ ничтожную бѣженскую пыль и забыть о Великой нашей Родинѣ и Родныхъ Краяхъ...

Желательно въ комбаттантскихъ группахъ завести свои флаги, на случай участія въ шествіяхъ и парадахъ вмѣстѣ съ французами.

3.

Прошу атамановъ всѣхъ Донскихъ станицъ и хуторовъ и старшихъ въ группахъ сообщить мнѣ не позднѣе 1-го февраля 1933 года о своихъ организаціяхъ:

1. Сколько казаковъ (семейныхъ и холостыхъ) числится въ ней.

2. Сколько женщинъ и дѣтей.

3. Сколько человѣкъ родилось и умерло за 1932 годъ.

4. Сколько человѣкъ вступило въ организацію за этотъ годъ и сколько убыло по какимъ либо причинамъ.

5. Есть ли школа при организаціи? Если нѣтъ — то гдѣ воспитываются дѣти?

6. Есть ли дряхлые старики, которыхъ поддерживаетъ данная организація?

Кромѣ этихъ свѣдѣній сообщите мнѣ вообще о жизни организаціи за годъ, о болѣе замѣтныхъ событіяхъ въ ея жизни и настроеніяхъ, чѣмъ главнымъ образомъ добываются средства къ жизни.

4.

Повторяю свою просьбу — разборчиво писать свой адресъ, какъ на конвертѣ, такъ и на письмѣ и прилагать марку на отвѣтъ. Въ настоящее время переписка значительно увеличилась и прежнихъ средствъ на нее уже не хватаетъ.

Ген. А. Богаевскій.

Музей Атаманскаго полка

Въ одномъ изъ особняковъ парижскаго пригорода Аньера вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ размѣстился полковой музей старѣйшаго полка Войска Донского. Случайно спасенныя во время Новороссійской катастрофы нѣсколько ящиковъ съ полковымъ имуществомъ, послѣ долгихъ скитаній, были три года назадъ доставлены въ Парижъ, благодаря заботамъ стараго командира полка Е. И. В. Великаго Князя Бориса Владиміровича. Тогда же и создалось Общество Атаманцевъ, въ которое вошли кромѣ кадра полка (Л.-Гв. Атаманскаго дивизіона), всѣ служившіе раньше въ полку офицеры. Общество поставило себѣ цѣлью возстановленіе полкового музея, поддержаніе вокругъ него тѣсной Атаманской семьи, привлеченіе и воспитаніе новаго молодого поколѣнія Атаманцевъ. При весьма скромныхъ членскихъ взносахъ, эти, казалось бы невозможныя въ эмиграціи, задачи, надо считать выполненными. Начавъ съ небольшого помѣщенія въ дешевомъ доходномъ домѣ въ С. Клю, гдѣ первыя рамы для гравюръ изготовлялись домашнимъ способомъ, нынѣ О—во Атаманцевъ располагаетъ постояннымъ особнякомъ, который вправѣ быть названнымъ Атаманскимъ домомъ.

Музей располагается въ свѣтломъ залѣ и прилегающей къ нему помѣстительной комнатѣ. Вотъ большая стѣнная витрина съ дѣдовскимъ оружіемъ, съ жалованными саблями, окружающими коронаціонный чепракъ Императрицы Екатерины II съ уже потемнѣвшимъ отъ времени серебромъ мастерскаго шитья. Рядомъ витрины съ полковыми формами эпохи 1775-1800 г.г., а напротивъ подъ многочисленными изображеніями Донскихъ Атамановъ помѣстилась Платовская витрина: въ ней хранятся подлинники его донесеній, приказовъ, его ордена, выбитые въ честь его медали, стремяна, арчакъ. Поражаетъ свѣжестью красокъ великолѣпнаго орнамента грамота Екатерины Великой съ большой государственной печатью въ золотомъ футлярѣ; а вотъ и голый казакъ на бочкѣ — печать на старомъ войсковомъ документѣ (гр. Платовъ для офиц. бумагъ иногда пользовался печатью Атаманскаго полка). Въ архивномъ шкафу хранятся полковыя дѣла, послужные списки, начиная съ 1803 года. Бронзовый вахмистръ со штандартомъ стоитъ на верху шкафа, охраняя, быть можетъ, самый цѣнный отдѣлъ музея. Снова витрина съ Атаманскими формами разныхъ эпохъ съ полковыми документами: подписи Императоровъ Александра I, Николая I, Александра II, иностранныхъ государей. Въ отдѣльныхъ витринахъ Атаманскіе мундиры Императоровъ и подъ стариннымъ полковымъ складнемъ съ мерцающей голубой лампадой грамоты на Георгіевскія знамена и бунчугъ 1814 года. На стѣнахъ портреты командировъ полка, ис-

полненные уже въ Парижѣ на трудовые франки Атаманцевъ и множество гравюръ и литографій, также пожертвованныхъ или пріобрѣтенныхъ уже здѣсь. И еще сотни гравюръ и фотографій хранятся въ альбомахъ, папкахъ и ящикахъ — иллюстраціи славы казачьей, почти двухъ вѣковой жизни полка. Громадная карта походовъ полка наглядно рисуетъ эту славную, кочевую жизнь — гдѣ только не бы-

Одна изъ стѣнъ музея

валъ Атаманецъ, въ какихъ только войнахъ онъ не участвовалъ? И вотъ, 118 лѣтъ спустя, онъ снова въ Парижѣ; сохранилъ, сберегъ чудесную память о прошломъ своемъ — можно ли не вѣрить въ его будущее?

Въ нижнемъ этажѣ помѣщается офицерское собраніе — на стѣнахъ полковыя фотографіи, въ витринѣ меню дворцовыхъ и полковыхъ обѣдовъ, нарядная посуда за стеклами буфета, въ углу мягкая мебель, чугунная группа джигитующихъ казаковъ. Сколько энергіи и самой черной работы было положено, чтобы своими силами оборудовать домъ, содержать его въ порядкѣ! Каждое воскресенье Атаманцы дежурятъ по-очереди, помогая въ работѣ коменданту дома и хранителю музея Н. Н. Туровѣрову. Семь комнатъ въ верхнихъ этажахъ отведены подъ атаманскія квартиры, имѣется комната для пріѣзжающихъ или безработныхъ; въ одной изъ комнатъ 3-го этажа помѣщается цѣнная военно-историческая (главнымъ образомъ) библіотека генерала Д. И. Ознобишина, довѣренна явладѣльцемъ на храненіе Атаманцамъ и являющаяся рѣдкимъ подспорьемъ для нихъ въ уже начавшейся большой работѣ по составленію полной полковой исторіи. Остается только и въ этомъ и во всемъ остальномъ пожелать имъ полнаго успѣха. Богъ въ помощь — Атаманскому полку, славному представителю Россіи и нашего Войска.

Донецъ.

ВОЙСКОВОЙ ПРАЗДНИКЪ

Уральскаго Казачьяго Войска

Уральская станица въ Рюэлѣ отпраздновала войсковой праздникъ 20-го ноября прошлаго года. Послѣ молебна Архистратигу Михаилу въ церкви на рю Дарю, Уральцы и ихъ гости собрались въ одномъ изъ ресторановъ въ г. Рюэль на обѣдъ, подъ предсѣдательствомъ замѣстителя Атамана Уральскаго Казачьяго Войска, ген. Б. И. Хорошхина. На обѣдѣ присутствовали: Донской Атаманъ, ген. А. П. Богаевскій, командиръ Донского корпуса, ген. Ф. Ф. Абрамовъ, представлявшій Предсѣдателя Обще-Воинскаго Союза ген. Е. К. Миллера, ген. Шиповъ (сынъ наказнаго Атамана Войска, б. командиръ 5-го Уральскаго полка) и др. Атаманомъ станицы, Ф. К. Фолимоновымъ былъ оглашенъ рядъ привѣтствій и поздравленій отъ различныхъ организацій и отдѣльныхъ лицъ.

Присутствовавшіе на праздникѣ гости произнесли рѣчи, поздравляя доблестныхъ Уральцевъ съ ихъ Войсковымъ Праздникомъ.

На праздникъ прибыли всѣ проживающіе въ Парижѣ и его окрестностяхъ Уральцы, съ семьями, всего болѣе 100 человѣкъ.

Къ 150л. присоединенія КУБАНИ

Въ этомъ году (1783 — 1933 г.) исполняется 150-лѣтію со времени присоединенія Кубани.

На Кубань русскіе проникли еще въ концѣ X в., когда Святославъ, разбивъ яссовъ и коссоговъ, занялъ Таманскій полуостровъ. Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ русскіе владѣли устьемъ Кубани, въ такъ называемой Тмутаракани. Какъ извѣстно, татарское нашествіе, отбросивъ къ сѣверу русскія границы, прервало надолго сношенія Руси съ Кубанью, которыя возобновились при государѣ Иванѣ Васильевичѣ. Черкесы и кабардинцы, христіане въ то время,, просили Ивана Грознаго, вмѣстѣ съ Грузіей, принять ихъ подъ свою руку и защитить отъ набѣговъ татаръ. Женитьба великаго князя на дочери кабардинскаго князя усилила сношенія Кубани съ Русью. Но за дальностью разстоянія Русь не въ силахъ была удержаться, и Кубань подпала подъ вліяніе Крыма, а черезъ него и Турціи. Кубанскіе народы приняли магометанство и стали ярыми защитниками Ислама противъ невѣрныхъ.

Съ начала царствованія Петра I, борьба на Кубани приняла ожесточенный характеръ, что было вызвано постоянными набѣгами татаръ и черкесовъ на Донъ. Къ этому времени (1711 г.) относится устройство Терской линіи. Хотя по Кучукъ-Кайнарджійскому миру (1774 г.) Азовъ и прилегающій край отошелъ къ Россіи, степи между Моздокомъ и Азовомъ, не имѣя русскихъ поселеній, были свободны для набѣговъ.

Для пресѣченія набѣговъ на Донъ, была проведена въ 1777-78 г.г. Моздокско-Азовская линія съ укрѣпленіями св. Екатерины, св. Ап. Павла, св. Маріи, св. Георгія, св. Андрея, св. Александра Невскаго, Ставрополемъ, Донскимъ, Московскимъ и Владимирскимъ. Затѣмъ линія шла черезъ Дмитріевскую крѣпость (нынѣ Ростовъ н/Дону) къ самому Азову. На эту линію былъ перенесенъ, вмѣстѣ съ Волгскимъ, Хоперскій полкъ, включившій въ себя 200 семей Саратовскихъ крестьянъ, въ станицахъ Сѣверной, Ставропольской, Московской и Донской.

Прибывшій на Кубань въ 1778 году чудо-вождь Суворовъ протянулъ новую линію отъ Тамани до Царицынскаго укрѣпленія (ст. Кавказской), по которой растянулись его пѣхотные полки.

И хотя въ 1783 году Крымскій ханъ отказался отъ престола въ пользу Россіи, и русскія границы прошли по Кубани, а правобережные жители дали присягу въ вѣрности, борьба только разгоралась. И чтобы закрѣпить новую линію туда съ 1792 года стали переселять Черноморцевъ. За два года ихъ переселилось 20.000 человѣкъ, занявшихъ всю линію до Усть-Лабы, на протяженіи 260 верстъ. Но передъ тѣмъ самому Суворову пришлось два года воевать въ Прикубаньѣ, благодаря чему черкесы и ногайцы перестали смотрѣть на придонскія и манычскія степи, какъ на свою собственность. Зато это вызвало долгіе годы войны съ Турціей .

Въ 1790 году русскіе войска достигли уже вер-

ховьевъ Кубани, гдѣ была разбита 50-тысячная турецкая армія Баталъ-Паши всего лишь 3-хъ тысячнымъ отрядомъ, и гдѣ была основана станица Баталпашинская.

Черезъ тридцать съ лишкомъ лѣтъ (1828 г.) русскіе войска доходили уже до подножья Эльбруса Затѣмъ, благодаря охранѣ Черноморцевъ по Кубани, «создалась сила (изъ нихъ же), которая надолго развязали Руси руки въ Прикубаньѣ» — такъ говоритъ исторія, которая описываетъ «эту силу» слѣдующимъ образомъ: «Жизнь такому воину — копейка и не потому, чтобы онъ уже такой озорникъ или буянъ былъ по самой своей природѣ, — нѣтъ, черноморцы того времени, по всѣмъ характеристикамъ своихъ современниковъ, были добряки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мечтатели. Они выработали для себя свой собственный взглядъ на жизнь. Это были «рыцари», которые на свѣтъ Божій появились, чтобы вести войну. Смерть была всегда около казака, и онъ былъ къ ней совершенно равнодушенъ. Подвиги, иногда прямо чудесные, никогда не вызывали удивленія — слишкомъ обычнымъ дѣломъ они были. Храбрецовъ, особенно признанныхъ, не было, ибо всѣ на Кубани были храбрецами. Путемъ приспособленія «къ жизни передъ смертью» выработалось особое племя, пришедшееся какъ разъ по плечу тому врагу, противъ котораго оно выступало въ защиту Руси».

Но, несмотря на такую стражу вдоль всей Кубани отъ устья до верховьевъ, русскимъ войскамъ зачастую приходилось уходить за Кубань и проходить въ бояхъ не только степи, а и забираться въ дикія горы. Если на Кавказѣ съ 1828 по 1864 г. постоянно стояло 200.000 войска, то не малая его доля приходилась на Кубань. И Кубанскія степи и горы политы не только казачьей кровью и не только казачьи кости усѣяли всѣ «долы и горы», а кровью всего русскаго народа орошена земля и удобрена русскими костями. Можетъ быть, поэтому она такъ и плодородна! Дорогой цѣной досталась Кубань Руси. Но она оказалась благодарной, — за полъ вѣка (со времени окончательнаго замиренія въ 1864 году) стала житницей Россіи. И обѣщаніе, данное посломъ Запорожцевъ Головатымъ Екатеринѣ II: «...мы воздвигнемъ грады, населимъ села и сохранимъ безопасность предѣловъ. Наша преданность и усердіе тебѣ, любовь къ отечеству пребудутъ вѣчны, чему свидѣтель всемогущій Богъ», было сдержано въ точности вплоть до Великой разрухи. Обширный край въ 83.394 кв. версты былъ къ 1914 году заселенъ 2.870.000 русскихъ изъ общаго населенія въ 3.051.200 чел., изъ коего въ городахъ жило 247.300 чел. Поля были распаханы — одной пшеницы собиралось ежегодно 115.000.000 пудовъ, да 20.000.000 пуд. подсолнечника. Кстати сказать, на Кубани вырабатывалась наилучшая пшеница «кубанка», завезенная впослѣдствіи русскими переселенцами въ Сѣв. Амер. Соед. Штаты и Канаду, гдѣ она теперь сходитъ за наивысшій сортъ американской пшеницы. Скотоводство пышно расцвѣло: около 1.000.000 лошадей, болѣе 2.000.000 рогатаго скота, болѣе 3.000.000 овецъ, изъ нихъ 1.000.000 тонкорунныхъ, разведенныхъ такъ называемыми «тавричанами». Прошли жел. дороги на 1.600 верстъ, задымились 8.000 заводовъ, словомъ край зажилъ богато. А по грамотности своей уступалъ только Петроградской и Московской губерніямъ.

Владимиръ Синеоковъ
Докторъ Государственныхъ Наукъ Почетный казакъ обще-казачьей станицы въ Каннахъ.

Изъ жизни Союза

КАЗАКОВЪ - КОМБАТТАНТОВЪ ВО ФРАНЦІИ

11-го ноября 1932 г. въ г. Каннъ (Кальвадосъ)

Празднованіе дня Перемирія 11-го ноября, въ г. Каннъ, носило въ этомъ году необычный характеръ. Въ 10 часовъ утра, когда всѣ участники парада были уже выстроены на площади Александра III, передъ памятникомъ «Сынамъ Кальвадоса, павшимъ въ войну 1870 года», а всю обширную площадь запрудила праздничная толпа жителей г. Каннъ и его окрестностей, — взоры всѣхъ обратились въ сторону приближавшейся какой-то делегаціи съ развѣвавшимся огромнымъ трехъ-цвѣтнымъ знаменемъ и красивымъ вѣнкомъ, украшеннымъ разноцвѣтными, пестрыми флагами... Это были наши казаки - Комбаттанты, во главѣ своего предсѣдателя и станичнаго Атамана, Войскового Старшины М. В. Кузнецова, — спѣшившіе, для участія въ торжествѣ, изъ Коломбель, находящагося въ 7-ми километрахъ отъ г. Каннъ.

Всѣ казаки были украшены французскими ком-

баттантскими значками, а у нѣкоторыхъ поблескивали Георгіевскіе крестики. На площади казаки были встрѣчены Президентомъ мѣстныхъ французскихъ комбаттантовъ — господиномъ Азъ, который отвелъ казакамъ самое почетное мѣсто — на правомъ флангѣ выстроенныхъ французскихъ комбаттантскихъ знаменъ.

Шелковый, огромныхъ размѣровъ, русскій національный флагъ и роскошный вѣнокъ, украшенный — въ верхней части — Донскимъ флагомъ, по сторонамъ — Кубанскимъ и Терскимъ и внизу — огромнымъ русско - французскимъ бантомъ — присті въ ихъ торжествѣ, генералъ подошелъ къ нашему флагу - стягу и, ставъ передъ нимъ во фронтъ, отдалъ ему честь, послѣ чего, подойдя къ знаменщику-казаку Михайличенкову, пожалъ ему руку. Затѣмъ, прочитавъ надпись на вѣнкѣ: «Нашему собрату по оружію — Казаки-Комбаттанты Коломбельской станицы», — Генералъ пожалъ руки, державшимъ вѣнокъ казакамъ Таманцеву и Смирнову. По окончаніи торжества вся процессія направилась на другую площадь, къ памятнику павшимъ въ Великую войну. На всемъ пути, вниманіе запрудившихъ тротуары толпъ народа, привлекали казаки со сво-

Парадъ 11-го ноября въ г. Каннъ

Справа налѣво отмѣчены крестиками: Генералъ Дюфуръ; Атаманъ Коломбельской станицы, Войск. Старшина М. В. Кузнецовъ; русское знамя.

ковали вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ на парадѣ французовъ.

Президентъ французскихъ комбаттантовъ, г-нъ Азъ, представилъ нашему Атаману М. В. Кузнецову, высшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, присутствовавшихъ на торжествѣ, какъ-то: Префекта Кальвадоса, Командующаго парадомъ Генерала Дюфуръ и др.. Генералъ долго бесѣдовалъ съ Атаманомъ; въ бесѣдѣ выразилъ сожалѣніе о томъ, что «такая могучая союзница, какъ Россія, не имѣетъ возможности участвовать въ общихъ торжествахъ побѣдителей, но онъ знаетъ, что казаки всегда были авангардомъ русской арміи»... Поблагодаривъ казаковъ за учаимъ развѣвающимся знаменемъ и вѣнкомъ, который несли старые казаки, съ георгіевскими крестами — Петровъ и Николаевъ. Подойдя къ памятнику павшимъ въ Великую войну, казаки и здѣсь были поставлены на почетное мѣсто.

Послѣ парада, минуты молчанія, послѣ рѣчи Генерала Дюфуръ и др. ораторовъ, началось возложеніе вѣнковъ. Вторымъ возлагалъ свой вѣнокъ М. В. Кузнецовъ. Въ тотъ моментъ, когда нашъ Атаманъ, вставъ на колѣно, возлагалъ вѣнокъ, русское знамя склонилось къ подножію памятника. Этотъ моментъ произвелъ на всѣхъ огромное впечатлѣніе, такъ какъ ни одна изъ французскихъ группъ комбат-

тантовъ этого жеста не сдѣлала. Многіе русскіе, находившіеся въ толпѣ, не могли, въ этотъ трогательный моментъ, удержаться отъ слезъ.

Группа казаковъ-комбаттантовъ, получивъ еще разъ благодарность Президента французскихъ комбаттантовъ, провожаемая вниманіемъ многочисленныхъ любопытныхъ, возвратилась къ своей повседневной трудовой жизни въ Коломбель. У всѣхъ участниковъ - казаковъ, цѣлый день было праздничное настроеніе. Казаки искренно благодарили своего Атамана М. В. Кузнецова за то, что онъ явился иниціаторомъ этого событія въ нашей сѣрой, будничной жизни, результатомъ чего были оказанные казакамъ-комбаттантамъ такой почетъ и вниманіе со стороны французовъ.

Пусть же послужитъ это хорошимъ примѣромъ всѣмъ казакамъ, разсѣяннымъ по всему свѣту. Въ единеніи — сила. А разъ мы будемъ спаяны, — намъ всегда и всѣ окажутъ свое вниманіе.

1 и 11-ое НОЯБРЯ ВЪ г. ТРУА (деп. Объ)

Мѣстный французскій союзъ комбаттантовъ пригласилъ 1-го ноября комбаттантовъ-казаковъ общеказачьей Георгіевской станицы и Кубанскаго хутора имени генерала Бабіева принять участіе въ шествіи на могилу Неизвѣстнаго Солдата въ Труа. Въ 9 час. 45 мин. утра казаки прибыли на сборный пунктъ съ русскимъ національнымъ знаменемъ, донскимъ и кубанскимъ войсковыми флагами и съ вѣнкомъ для возложенія на могилу.

Въ шествіи казачья группа заняла мѣсто между двумя группами французскихъ комбаттантовъ, за которыми слѣдовали бельгійцы, русская колонія, поляки и др. По возложеніи вѣнковъ и окончаніи церемоніи, участники шествія собрались на «чашку чая» и обмѣнялись привѣтственными рѣчами.

Въ день перемирія, 11-го ноября, по приглашенію союза комбаттантовъ предмѣстья города Труа, С. Жульянъ, казаки участвовали въ парадѣ утромъ, а съ 2 часовъ дня — въ такомъ же парадѣ въ самомъ городѣ.

День закончился въ зданіи городской думы, гдѣ послѣ рѣчей представителей французскаго союза, казакамъ было предложено шампанское, послѣ чего, поблагодаривъ радушныхъ хозяевъ, казаки разошлись по домамъ.

Казачьи Кассы Взаимопомощи

Продолженіе нашей анкеты (см. № 4 журнала)

КАПИТАЛЪ ВЗАИМОПОМОЩИ ЧИНОВЪ ДОНСКОГО ОФИЦЕРСКАГО РЕЗЕРВА ВО ФРАНЦІИ

По иниціативѣ чиновъ Парижской группы Дон. Оф. Рез., 1-го января 1931 года образовался «Капиталъ взаимопомощи чиновъ Донского Офицерскаго резерва во Франціи».

Всѣ чины Парижской группы стали обязательными членами Капитала, а добровольными могли быть всѣ чины Резерва, проживающіе во Франціи. Мало того, право участія въ Капиталѣ было расширено уставомъ и предоставлено всѣмъ чинамъ Донского корпуса.

Цѣлью Капитала является объединеніе возможно большаго числа лицъ для оказанія другъ другу матеріальной помощи въ видѣ выдачъ срочныхъ возвратныхъ ссудъ или же безвозвратныхъ пособій (тяжело больнымъ и безработнымъ).

Въ основу устава были положены слѣдующіе принципы:

1) самообложеніе, какъ единственный, постоянный и вѣрный источникъ доходовъ — 15 франковъ вступительный взносъ и 10 фр. ежемѣсячн. членскихъ взносовъ; 2) взносы являются собственностью вкладчика, возвращаемые при его выходѣ изъ Капитала за вычетомъ расходовъ, пришедшихся на его долю; 3) равенство всѣхъ — какъ добровольныхъ, такъ и обязательныхъ членовъ — въ смыслѣ правъ и обязанностей; 4) только тотъ можетъ разсчитывать на помощь, кто самъ является исправнымъ плательщикомъ. Во главѣ Капитала стоитъ выборный распорядительный комитетъ, ревизіонная комиссія и контроль начальника группы.

Казалось бы, что все это должно быть пріемлемо для всѣхъ. И все же Капиталъ не получилъ такого широкаго распространенія въ смыслѣ пріобрѣтенія добровольныхъ членовъ, какъ желалось бы.

Причины всѣмъ хорошо извѣстны, и главная изъ нихъ все та же, — за эти 13 лѣтъ пребыванія въ эмиграціи, казачество не прониклось сознаніемъ необходимости широкаго матеріальнаго объединенія, взаимной поддержки и помощи другъ другу, что требуетъ извѣстной жертвенности каждаго въ видѣ самообложенія; не изжита психологія — «какъ бы это получить пособіе, не дѣлая никакихъ взносовъ; пусть взносятъ другіе»... какая то увѣренность, что Атаманъ, «начальство», станичники, ОБЯЗАНЫ помочь.

Все же члены Капитала не обезкуражены этимъ и настойчиво проводятъ въ жизнь свой уставъ. Благодаря ихъ серьезному и бережному отношенію къ дѣлу, суммы Капитала растутъ, Капиталъ крѣпнетъ и оказываетъ уже помощь и поддержку своимъ членамъ.

Такимъ образомъ первоначальная задача — дѣло взаимопомощи участниковъ Капитала — достигнута и покоится на твердой основѣ.

Но всего этого мало. Необходимо выходить на широкую дорогу, чтобы въ дѣлѣ взаимопомощи участвовали всѣ офицеры и казаки. Только тогда мы сможемъ оказывать болѣе существенную помощь другъ другу и быть относительно спокойными за свое будущее. Необходимо выйти изъ своего инертнаго состоянія, вступить въ существующія казачьи организаціи и войти постоянными членами въ ихъ Капиталы и Кассы. Этимъ будетъ достигнута первоначальная степень дѣла взаимопомощи .Дальнѣйшимъ этапомъ должно быть образованіе изъ всѣхъ этихъ кассъ единой Войсковой кассы съ задачами оказанія болѣе серьезной помощи, созданія своихъ предпріятій по типу кооперативныхъ (столовыя, мастерскія, общежитія, магазины и пр.). Благодаря такимъ предпріятіямъ удешевится жизнь членовъ кассъ и увеличатся средства для оказанія разнаго рода помощи. Нельзя забывать, что на насъ, сравнительно здоровыхъ и трудоспособныхъ, лежитъ и долгъ чести — помощь своимъ старикамъ, инвалидамъ и обязанность помочь выйти, какъ говорится, въ люди нашей казачьей молодежи.

Кто имъ поможетъ? Мы, и только мы.

Мы должны это сдѣлать, если хотимъ сохранить свое казачье лицо, а не разсѣяться по всему свѣту, какъ никому ненужная эмигрантская пыль.

Необходимо побольше энергіи и побольше вѣры въ успѣхъ.

Громъ уже грянулъ. Кризисъ... безработица...

По счастью для насъ на этотъ разъ нашелся и громоотводъ въ лицѣ Французскаго Правительства и мэрій. Большинство изъ мэрій не дѣлаютъ разницы между своими и иностранными безработными въ выдачѣ «шомажныхъ» денегъ.

А долго ли это продолжится и не стрясется надъ нами какая либо бѣда?

Задумывалось ли надъ этимъ Казачество?

А не мѣшало бы.

Н. Зубовъ.

КАЗАЧЬЯ КАССА ВЗАИМОПОЩИ

въ гор. Бонъ (деп. Котъ д-Оръ).

5-го октября 1932 года въ г. Бонъ организовалась казачья касса взаимопомощи. Предсѣдателемъ кассы избранъ Дм. Сафоновъ и секретаремъ — Ал. Тармоѳинъ. Казаки, проживающіе въ городѣ и его окресностяхъ, и желающіе записаться въ члены кассы, приглашаются направлять заявленія секретарю (15, рю С.-Жакъ).

ЛЕКЦИИ ПРОФ. Ю. МАКЛАКОВА

Парижскій Католическій Институтъ организовалъ циклъ лекцій проф. Маклакова, которыя читаются каждый понедѣльникъ, съ 24-го ноября, въ помѣщеніи на рю Асса, 19. Начало лекцій въ 8 час. 30 мин. вечера.

Въ НОЯБРѢ и ДЕКАБРѢ прошлаго года прочитаны слѣдующія лекціи:

«Интересъ, который представляетъ изученіе русской литературы»; «Русскіе крестьяне»; «Русское дворянство»; «Правящій классъ»; «Русская литература до 1850 года».

Въ ЯНВАРѢ с. г. будутъ читаться: «Тургеневъ и его произведенія»; «Жизнь Толстого»; «Ученіе Толстого»; «Искусство Толстого».

Въ ФЕВРАЛѢ — «Война и миръ. Анна Каренина»; «Драматическія произведенія Толстого»; «Три смерти. Холстомѣръ»; «Отецъ Сергій»; «Жизнь Достоевскаго».

Въ МАРТѢ — «Бѣсы»; «Братья Карамазовы»; «Легенда о великомъ инквизиторѣ»; «Жизнь Лѣскова».

Въ АПРѢЛѢ — «Лѣсковъ и революціонеры (6. IV) и Русская набожность по Лѣскову» (27. IV).

Въ МАѢ — «Православіе Лѣскова»; «Жизнь Чехова»; «Маразмъ русскаго общества по Чехову»; «Интеллигенція въ произведеніяхъ Чехова».

Въ ІЮНѢ — «Чеховъ и крестьяне» (I — VI) и «Воспитательный элементъ въ русской литературѣ».

Весь циклъ носитъ названіе — «Русская литература въ ожиданіи революціи». Лекціи читаются на французскомъ языкѣ.

† Г. И. КОТЛЯРОВЪ

Наша маленькая семья понесла тяжелую потерю — третью за одинъ годъ. Въ пятницу, 2-го декабря, скончался членъ правленія нашей станицы, инженеръ Георгій Ивановичъ Котляровъ, 30 лѣтъ.

Весной прошлаго года Г. И. блестяще (первымъ) окончилъ Геологическій институтъ въ Страсбургѣ и готовился къ экзаменамъ при Сорбонѣ на полученіе ученой степени. Начиналась новая жизнь, позади — непосильная работа, усиленныя занятія, безсонныя ночи, недоѣданіе и прочіе студенческіе невзгоды. Они то и сломили здоровье Г. И. и всѣмъ намъ, радовавшимся его успѣхамъ, въ холодный зимній день, 8-го декабря, пришлось проводить его тѣло до мѣста вѣчнаго упокоенія, на кладбище Тьеръ.

Въ этотъ день, въ присутствіи Донского Атамана, ген. А. П. Богаевскаго и многочисленныхъ друзей, сослуживцевъ и соучениковъ покойнаго, была отслужена панихида іеромонахомъ о. Текучевымъ (донскимъ казакомъ) у гроба, въ залѣ института судебной медицины, откуда печальная процессія направилась на кладбище, гдѣ было совершено отпѣваніе. У могилы, съ краткими рѣчами, посвященными памяти покойнаго, выступили атаманъ станицы П. Гусевъ и атаманъ Страсбургскаго студенческаго хутора, инж. А. Дроздовъ, говорившій также отъ имени директора, профессоровъ и студентовъ института, русской колоніи и общества русскихъ студентовъ въ Страсбургѣ. Были возложены вѣнки отъ станицы, отъ русскихъ студентовъ и инженеровъ въ Страсбургѣ и букеты бѣлыхъ цвѣтовъ отъ друзей Г. И.

Хоронили Георгія Ивановича въ канунъ его большого тройного праздника: дня Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, полкового праздника его родного Гундоровскаго донского казачьяго Георгіевскаго полка и праздника Георгіевскихъ кавалеровъ (Г. И. имѣлъ георгіевскую медаль и крестъ 4-й степени).

Миръ праху твоему, дорогой другъ. Всѣ, знавшіе тебя, вѣчно будутъ хранить о тебѣ свѣтлую память.

П. Гусевъ.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОКЪ

За короткій срокъ, съ 30-го сентября по 25-ое ноября прошлаго года, скончалось три Атаманца — воспитанника Атаманскаго военнаго училища.

30-го сентября покончилъ самоубійствомъ въ г. Ліонѣ, бросившись въ рѣку Рону, хорунжій Урусовъ, Александръ Николаевичъ, 36 лѣтъ, станицы Новочеркасской.

9-го ноября, въ предмѣстьѣ Парижа С. Моръ, отъ туберкулеза легкихъ, скончался юнкеръ Косоротовъ Константинъ Дмитріевичъ, 28 лѣтъ, станицы Новочеркасской.

25-го того же мѣсяца и отъ той же болѣзни, скончался въ Парижѣ хорунжій Перелѣховъ Анатолій Николаевичъ, 34 лѣтъ, станицы Константиновской.

10-го февраля прошлаго года скончался отъ туберкулеза казакъ Ноночеркасской станицы, Соколовско-Кундрюческаго хутора, Степанъ Алексѣевичъ Бурдюговъ въ г. Труа (Франція) и похороненъ на городскомъ кладбищѣ.

19-го января прошлаго года скончался отъ міокардита, въ Анхіало (Болгарія) казакъ ст. Кумшацкой Донского Войска, полковникъ Евгеній Васильевичъ Сулацковъ и похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ.

11-го іюня прошлаго года, въ Безансонѣ (Франція), отъ туберкулеза Донской казакъ ст. Кременской, хорунжій Иванъ Константиновичъ Гуровъ, 34 лѣтъ.

Изъ Донской Сергіевской Станицы въ Шипкѣ (Болгарія) сообщаютъ о смерти двухъ Кубанскихъ казаковъ:

22-го іюля прошлаго года скончался полковникъ Иванъ Степановичъ Успенскій, Канеловской станицы, Ейскаго отдѣла, 59 лѣтъ.

6-го августа прошлаго года скончался казакъ Индюченко, Константинъ Ивановичъ, 54 лѣтъ, станицы Придорожной.

Оба казака погребены на кладбищѣ при русскомъ храмѣ-памятникѣ.

СТУДЕНТЫ - ИНОСТРАНЦЫ ВО ФРАНЦИИ

Въ г. Штуттгартѣ (Германія) докторъ Гансъ Гэттлингъ прочелъ лекцію, въ которой указалъ на возрастающій интересъ за границей къ французской культурѣ. У иностранныхъ студентовъ, сказалъ онъ, столь велико желаніе усовершенствовать свое образованіе во Франціи, что въ 1931 году въ однихъ только Парижскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ насчитывалось 7.750 студентовъ-иностранцевъ.

(газ. **«Прагеръ Прессе»**, Прага).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

= Казакомъ Оренбургскаго Казачьяго Войска, генераломъ И. Г. Акулининымъ, къ 350-лѣтію завоеванія Сибири (1582 — 1932 г.), написана книга — «Ермакъ и Строгановы», представляющая изъ себя историческое изслѣдованіе по сибирскимъ лѣтописямъ и царскимъ грамотамъ. Цѣна книги 7 франковъ 50 сант.

= Въ 9-й книгѣ издающагося въ Москвѣ журнала «Новый Міръ», закончена первая часть романа Мих. Шолохова — «Поднятая цѣлина». За границей эта часть романа переиздана (по старой орфографіи) въ 2-хъ томахъ.

= Въ № 2748 газеты «Возрожденіе», отъ 10 декабря прошлаго года, помѣщена большая статья Донского Атамана, ген. А. П. Богаевскаго — «Казачьи колоніи», являющаяся разъясненіемъ къ запросамъ казаковъ о проэктѣ созданія казачьей колоніи въ Алжирѣ.

= Въ декабрѣ прошлаго года вышла изъ печати новая книга проф. А. П. Маркова (донского казака), «Кризисъ сельскаго хозяйства въ СССР», съ предисловіемъ П. Н. Милюкова. Новый трудъ извѣстнаго знатока въ вопросахъ экономики и сельскаго хозяйства представляетъ исключительный интересъ для всѣхъ, желающихъ ознакомиться съ положеніемъ сельскаго хозяйства въ настоящее время на нашей Родинѣ.

= Новый романъ Евгенія Тарусскаго — «Дорогой дальнею», отмѣченъ во всей русской зарубежной прессѣ, какъ одно изъ лучшихъ произведеній изъ жизни русскихъ эмигрантовъ.

ДИПЛОМЪ ИНЖЕНЕРА

И КАКЪ ЕГО МОЖНО ПОЛУЧИТЬ

Проэктъ закона, предложеннаго Французскимъ Правительствомъ Палатѣ депутатовъ и сенату, относительно регулированія условій выдачи диплома инженера и защиты его правъ, не такъ давно былъ разсмотрѣнъ спеціальной комиссіей, составленной изъ депутатовъ.

Интереснымъ для нашей замѣтки мѣстомъ этого проэкта является та часть его, гдѣ говорится о сравнительно новомъ способѣ обученія, именно путемъ переписки и о признаніи за этимъ дипломомъ соотвѣтствующихъ правъ. Въ указанномъ выше проэктѣ, заочному преподаванію отводится довольно почетное мѣсто.

Это преподаваніе извѣстно во Франціи болѣе 40 лѣтъ. Оно было создано въ 1891 году подъ именемъ «Школа у себя» («Ecole chez soi» инженеромъ Léon Eyrolles (въ настоящее время Directeur de l'Ecole Spécial des Travaux Publics, du Bâtiment et de l'Industrie *), примѣрно, въ одно и то же время, что и въ Сѣверной Америкѣ. Такимъ образомъ, можно сказать, что въ Европѣ обученіе техникѣ путемъ заочнаго преподаванія было создано по французской иниціативѣ, и лишь позже оно появилось въ Германіи и другихъ странахъ.

Съ момента основанія «Школы у себя» и до нашихъ дней этотъ способъ обученія получилъ чрезвычайно большое распространеніе, и въ настоящее время число лицъ, обучающихся по перепискѣ, въ различныхъ школахъ всего міра насчитывается сотнями тысячъ. Методы обученія въ нихъ болѣе или менѣе различны, въ зависимости отъ особенности страны, и даже въ одной и той же странѣ онѣ не одинаковы въ разныхъ школахъ. Наибольшимъ успѣхомъ, по нашему мнѣнію, во Франціи пользуется метода примѣняемая въ («Ecole chez soi» Это самая старая и хорошо оборудованная школа, базирующаяся на школу съ академическимъ курсомъ.

Способъ преподаванія заключается въ слѣдую-

*) Адресъ: Ecole des Travaux Publics, 12, rue du Sommerard, Paris (5°).

щемъ: устныя лекціи преподавателя замѣняются печатными курсами съ яснымъ и детальнымъ изложеніемъ предмета обученія. Эти печатныя лекціи высылаются школой обучающемуся. Каждый такой курсъ раздѣленъ на части. Чтобы заставить слушателя усвоить эти лекціи (а не только ихъ прочитать) ему даются задачи и упражненія, рѣшеніе которыхъ требуетъ основательнаго знанія пройденнаго предмета. Эти работы, по ихъ выполненіи, обучающійся долженъ послать въ школу для провѣрки. Обыкновенно съ присылкой печатныхъ лекцій учащійся получаетъ «планъ работы», раздѣленный на періоды отъ 5 до 15 дней, въ зависимости отъ свободнаго времени, которымъ онъ располагаетъ ежедневно.

Каждый періодъ соотвѣтствуетъ извѣстной части курса и нужному количеству упражненій и задачъ. По истеченіи этого періода обучающійся долженъ переслать въ школу указанныя обязательныя упражненія. Въ школѣ упражненія провѣряются и въ исправленномъ видѣ съ замѣчаніями и совѣтами преподавателя пересылаются слушателю. Одновременно съ этимъ школа высылаетъ учащемуся подробныя рѣшенія образцовыхъ задачъ, составленныхъ самимъ преподавателемъ. Такимъ образомъ по окончаніи курса учащійся не только знаетъ теоретическую часть предмета, но и его практическое примѣненіе къ рѣшенію задачъ, составленію разсчетовъ и т. д. Изъ вышеизложеннаго читатель можетъ заключить «о дѣйствительности» преподаванія, организованнаго такимъ образомъ, и о его полезныхъ результатахъ. Достаточно просмотрѣть печатную брошюру «Доступные результаты» въ Школѣ Общественныхъ Работъ со времени ея основанія, т.-е. съ 1891 по 1930 годъ, чтобы убѣдиться въ серьезности дѣла и успѣховъ въ видѣ пріобрѣтенія извѣстныхъ знаній, диплома и мѣста. Можно указать фамиліи лицъ, окончившихъ «Школу у себя» и получившихъ дипломы, и лицъ, выдержавшихъ конкурсы на различныя правительственныя должности по вѣдомству общественныхъ работъ, путей сообщенія, горнаго, желѣзныхъ дорогъ, городской службы въ Парижѣ и департаментахъ, топографическомъ и другихъ. Число этихъ лицъ по точнымъ даннымъ доходитъ до 12.927. Между ними интересно отмѣтить 3.570 помощниковъ инженеровъ общественныхъ работъ (служба путей сообщенія) и 3.803 техника горнаго и указанныхъ выше вѣдомствъ.

Огромное большинство представляющихся каждый годъ къ конкурсу на должности правительственныхъ инженеровъ, ихъ помощниковъ, техниковъ, десятниковъ и т. д., готовятся къ этимъ экзаменамъ заочно въ «Школѣ у себя». Приведемъ еще статистическія данныя, хотя бы за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ.

Такъ въ 1930 году на 146 кандидатовъ, успѣшно выдержавшихъ предварительный экзаменъ для занятія должности инженера общественныхъ работъ, 143 изъ нихъ готовились въ «Ecole Spéciale des Travaux Publics» и изъ этого числа, примѣрно, 85% въ «Школѣ у себя».

Въ томъ же 1930 году на 122 кандидата, окончательно принятыхъ на должность помощника инженера Общественныхъ работъ, 117 были подготовлены этой школой

Въ 1931 году выдержало конкурсъ на должность инженера 198 человѣкъ и изъ нихъ 171 изъ упомянутой школы и на 133 вакансіи принято 125. Таковы результаты въ части, касающейся устройства на мѣста въ правительственныхъ учрежденіяхъ.

Въ частной промышленности успѣхи также весьма показательны. Мы имѣемъ имена примѣрно 1.500 лицъ, окончившихъ «Школу у себя» и занимающихъ разнообразныя мѣста. Конечно, это далеко не всѣ окончившіе. Одни изъ нихъ изучали лишь опредѣленный курсъ, тогда какъ другіе имѣли въ виду полученіе по одной изъ слѣдующихъ спеціальностей: инженера общественныхъ работъ, архитектора, механика, электрика, горняка, топографа и т. д.

Полученіе диплома инженера обставлено весьма серьезными условіями:

1) Кандидатъ долженъ выполнить всѣ работы, упражненія и задачи, предусмотрѣнныя для его спеціальности. Имѣть хорошую среднюю отмѣтку изъ всѣхъ предметовъ и по каждому изъ нихъ не ниже установленнаго минимума.

2) Кандидатъ долженъ успѣшно выдержать **устный, письменный и практическій экзамены** передъ спеціальной комиссіей ,составленной изъ директора школы, профессоровъ и инженеровъ — представителей той части промышленности, въ области которой кандидатъ выбралъ свою спеціальность.

3) Кандидатъ долженъ представить въ школу профессіональныя рекомендаціи о занятіи имъ соотвѣтствующей должности или же удостовѣреніе объ отбытіи практическаго стажа съ подробнымъ указаніемъ выполненныхъ имъ работъ и при исполненіи какой должности: въ бюро ли изысканій, на заводѣ или на постройкѣ. Какъ принципъ, дипломъ не выдается, если кандидатъ не отбылъ, по крайней мѣрѣ, годового практическаго стажа.

Такимъ образомъ, дипломъ инженера, выданный послѣ выполненія всѣхъ указанныхъ условій, является достаточной гарантіей (для нанимателя и школы, выдающей дипломъ), что кандидатъ имѣетъ необходимый минимумъ знаній.

Полученіе диплома инженера въ «Школѣ у себя» вполнѣ возможно, не бросая своей обычной работы или службы, для тѣхъ изъ русскихъ, которые получили достаточную общую подготовку въ средней или высшей школѣ, обладаютъ нѣкоторымъ знаніемъ французскаго языка, но не имѣютъ средствъ,

нужныхъ для прохожденія нормальнаго, академическаго курса въ той или иной высшей школѣ. Обученіе по перепискѣ стоитъ весьма недорого и доступно для очень многихъ. Необходимо лишь имѣть серьезное желаніе учиться и достаточную силу воли, чтобы заставить себя систематически, день за днемъ, работать, стремясь къ поставленной цѣли. При нѣкоторой энергіи можно достигнуть всего: диплома инженера, знаній, а съ тѣмъ и другимъ, несмотря даже на кризисъ, найти и работу.

Пишущему эти строки пришлось за семилѣтнюю практику во Франціи, Алжирѣ, Мароко, Сенегаліи и Суданѣ часто сотрудничать съ инженерами-французами разныхъ спеціальностей, получившихъ свое образованіе въ «Школѣ у себя». Немало и русскихъ, обучающихся по этому способу, и нѣкоторые изъ нихъ, продолжая учиться, уже имѣютъ мѣста по спеціальности.

Инженеръ **Н. Пузановъ.**

СТИХОТВОРЕНІЕ

Отецъ свой ножъ неспѣшно вынетъ,
Охотничій, огромный ножъ
И скажетъ весело: ну что жъ,
Теперь попробуемъ мы дыню.
А дыня будетъ хороша —
Что дать отцу бакшевникъ знаетъ,
Ее онъ долго выбираетъ
Среди другихъ у шалаша.
Течетъ по пальцамъ сладкій сокъ —
Онъ для меня охотъ всѣхъ слаще;
Но, какъ охотникъ настоящій,
Собакѣ лучшій дамъ кусокъ.

Николай Туровѣровъ.

ВЪ ДЕВЯТУЮ ГОДОВЩИНУ НАШЕЙ СТАНИЦЫ

23-го октября прошлаго года состоялся станичный сборъ, на которомъ были произведены выборы новаго правленія. Избранными оказались: Станичный Атаманъ — П. Гусевъ (на 3-й срокъ), членами правленія — Г. Ивановъ (писарь), Г. Зазуля (казначей), оба на вторые сроки, Г. Котляровъ († 2.12.32) и М. Косоротовъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, станица отмѣтила скромнымъ обѣдомъ начало учебнаго года, 9 отъ существованія станицы и 10-іе благотворительной дѣятельности ея почетнаго казака, Аббата К. Кенэ. Съ рѣчами выступили Донской Атаманъ, ген. А. П. Богаевскій, ст. Атам. П. Гусевъ и членъ правленія инж. Котляровъ, благодарившій Аббата отъ лица студент.-казаковъ, получавшихъ отъ него стипендіи, а также и отъ состоящихъ на таковыхъ и нынѣ. Изъ 207 русскихъ студентовъ, обучавшихся на средства юбиляра, насчитывается 73 казака. Многіе изъ нашихъ станичниковъ, не-студентовъ, получали за эти годы помощь на всевозможныя нужды, на лѣкарства, обѣды, одежду, на квартирную плату и пр. Шестьсотъ съ лишнимъ тысячъ франковъ собрано было нашимъ почетнымъ казакомъ для оказанія помощи 1.142 русскимъ людямъ. Не только отдѣльныя лица, но и многіе русскіе общества — военные и штатскіе, свѣтскіе и духовные, правые, лѣвые, безпартійные, бытовые, профессіональные — и до сего времени не встрѣчаютъ отказа въ посильной поддержкѣ и разнаго рода помощи какъ организаціямъ въ цѣломъ, такъ и ихъ отдѣльнымъ членамъ. Надо знать съ ка-

кой деликатностью, съ какимъ сочувствіемъ къ бѣднымъ и престарѣлымъ, къ русской молодежи, особенно учащейся, оказывается эта помощь, и тогда много краснорѣчивѣй становятся даты и цифры.

Въ дружеской бесѣдѣ, съ казачьими пѣснями и «казачкомъ», незамѣтно прошло нѣсколько часовъ, проведенныхъ у студентовъ-казаковъ съ ихъ почетными гостями. Послѣ ухода гостей, бесѣда, какъ говорится, ... «затянулась далеко за полночь».

На станичномъ банкетѣ. Въ первомъ ряду, слѣва направо: С. Ивановъ, П. Гусевъ, Н. В. Богаевская, Аббатъ К. Кенэ, Ген. А. П. Богаевскій, М. Д. Гусева, д-ръ И. С. Чекуновъ, В. С. Крюковъ.
Во второмъ ряду, стоя: Д. Романовъ, Г. Котляровъ, И. Шелудько, Ф. Гладковъ, И. Макаровскій, С. Болдыревъ, Г. Зазуля, М. Косоротовъ, А. Чукавовъ, П. Ноздринъ и П. Поляковъ.

СТРАСБУРГСКІЙ СТУДЕНЧЕСКІЙ КАЗАЧІЙ ХУТОРЪ

14-го декабря прошлаго года состоялись выборы новаго правленія. Атаманомъ хутора единогласно избранъ инж. А. Дроздовъ и писаремъ-казначеемъ — инж. Г. Поздняковъ.

НОВЫЕ ИНЖЕНЕРЫ

Нашихъ станичниковъ — А. Е. Дроздова и П. В. Ющенко поздравляемъ съ окончаніемъ Геологическаго Института въ Страсбургѣ и съ полученіемъ дипломовъ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ

За послѣдній триместръ истекшаго года (октябрь — декабрь) въ станичную кассу поступило 1.994 франка, пожертвованныхъ отъ слѣдующихъ лицъ:

Донского Атамана, ген. А. П. Богаевскаго	100 фр.
Почетн. Казака Станицы, Аббата К. Кенэ	1.500 »
Генерала Е. К. Миллера	300 »
Юрисконсульта станицы, М. А. Адамова	25 »
Члена станицы, инженера Н. Ф. Пузанова	40 »
Доктора М. С. Зернова	10 »
Кузнецова	15 »
С. Н.	4 »
Итого	1.994 »

Оказана помощь: въ октябрѣ — 4 студентамъ, въ ноябрѣ — 7 и въ декабрѣ — 7.

Отъ лица станицы приносимъ сердечную благодарность всѣмъ добрымъ людямъ, поддержавшихъ нашихъ коллегъ въ этотъ тяжелый для студентовъ-казаковъ годъ. Надѣемся, что наши читатели откликнутся на нашъ призывъ, помѣщенный въ № 4 «Станицы».

Правленіе.

РУССКІЯ ШКОЛЫ ВО ФРАНЦІИ

(продолженіе)

РУССКІЯ ФАКУЛЬТЕТСКІЯ ОТДѢЛЕНІЯ

При Парижскомъ Университетѣ существуютъ Русскія Факультетскія Отдѣленія: Юридическое Историко - Филологическое и Физико - Математическое.

Занятія на Юридическомъ Отдѣленіи происходятъ главнымъ образомъ въ семинарахъ, въ Институтѣ Славяновѣдѣнія.

Организованы семинары: 1) по Политической экономіи, и Статистикѣ; 2) по Общей теоріи права; 3) по Финансамъ; 4) по Конституціонному праву и 5) по Административному праву.

На Историко-Филологическомъ Факультетѣ профессорами читаются лекціи въ Сорбоннѣ и при Институтѣ Славяновѣдѣнія.

На Физико - Математическомъ Факультетѣ занятія происходятъ въ лабораторіяхъ: Сорбонны, Пастеровскаго Института, Института Радія и др.

Всѣ вышеперечисленныя учебныя заведенія относятся къ разряду высшихъ школъ. Изъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Парижѣ имѣются:

РУССКАЯ ГИМНАЗІЯ имени лэди Детердингъ. Курсъ гимназіи соотвѣтствуетъ прежнимъ программамъ россійскихъ среднихъ школъ съ дополнительными предметами, принятыми для французскихъ лицеевъ. Гимназія состоитъ въ вѣдѣніи Мин. Нар. Просвѣщенія Франц. Республики. Окончаніе гимназіи даетъ право на поступленіе въ Сорбонну и другія высшія учебныя заведенія Франціи.

СРЕДНЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ, при Русскомъ Высшемъ Техническомъ Институтѣ. Курсъ трехлѣтній; юноши 13 — 16 лѣтъ, окончив. 4 класса средней школы, принимаются безъ экзаменовъ, остальные съ экзамен. по арифметикѣ и русскому языку. Занятія въ классѣ и мастерскихъ съ 8 1/2 час. до 6 час. веч. Окончившіе получаютъ званіе механика, среднее образованіе и поступаютъ въ Русскій Высшій Техническій Институтъ безъ экзамена. Плата 900 фр. въ годъ; допускается разсрочка по мѣсяцамъ.

РУССКІЙ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПАРИЖѢ преслѣдуетъ цѣли внѣшкольнаго образованія и осуществляетъ свои функціи путемъ вечернихъ лекцій. Программы читаемыхъ курсовъ дѣлятся на два отдѣла: 1) общеобразовательный, для подготовки къ аттестату зрѣлости и 2) научно-прикладной, для подготовки къ различнымъ узкимъ техническимъ спеціальностямъ и ремесламъ, какъ-то: автомобильное и электромоторное дѣло, черченіе, художественная вышивка, раскраска матерій, косметическая химія, изготовленіе искусств. цвѣтовъ и пр. Занятія заключаются въ лекціяхъ и практическихъ работахъ подъ руководствомъ спеціалистовъ, обнимая краткосрочные циклы отъ 2 до 6 мѣсяцевъ. Кромѣ указанныхъ выше курсовъ, ведется преподаваніе также французскаго и англійскаго языковъ. Плата за обученіе вносится помѣсячно 60 — 75 фр., а для подготовки къ экзамену на аттестатъ зрѣлости 175 фр. При Университетѣ имѣется библіотека; кромѣ сего, время отъ времени устраиваются бесѣды по русской культурѣ и воскресныя экскурсіи для осмотра достопримѣчательностей Парижа.

Изъ разряда профессіональныхъ школъ, ведущихъ лекціонныя занятія по вечерамъ и имѣющихъ характеръ краткосрочныхъ курсовъ, слѣдуетъ отмѣтить:

РАДІО - ТЕХНИКУМЪ — частное учрежденіе, основанное группой русскихъ и французскихъ инженеровъ. Занятія ведутся по группамъ. Курсъ расчитанъ на 2 мѣсяца и оканчивающимъ выдается свидѣтельство, не имѣющее какого-либо оффиціальнаго характера.

Обзоръ русскихъ учебныхъ заведеній Парижа съ лекціоннымъ методомъ и производствомъ практическихъ занятій можно закончить указаніемъ на Автомобильную Школу Перфексіонъ — гдѣ ведется подготовка на механиковъ и общее обученіе управленію машиной. Эта школа является частной; занятія въ ней ведутся практиками автомобильнаго дѣла. Работы производятся по группамъ и плата допускается въ разсрочку.

Относительно школъ заочнаго типа съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что всѣ онѣ, какое бы названіе себѣ ни присваивали — политехникумъ, институтъ и пр., — не состоятъ въ вѣдѣніи Франц. Мин. Нар. Просв. и ихъ дипломы и аттестаты лишены юридическаго значенія.

Заканчивая эту краткую замѣтку, нельзя не констатировать, что недостатка въ насоящихъ русскихъ школахъ въ Парижѣ вообще нѣтъ, а если взглянуть на всякія учрежденія т. н. заочнаго типа, то, пожалуй, въ нихъ наблюдается даже и большой избытокъ.

Тѣ, кто хотятъ дѣйствительно учиться и достичь успѣха на практикѣ, пусть не обольщаютъ себя газетной рекламой. Они должны трезво отнестись къ выбору той или другой русской школы, потребность въ которой и по сей день продолжаетъ оставаться острой въ зарубежьи.

Инж. **П. Никаноровъ.**

Донскіе Партизаны

Исторія Государства Россійскаго полна борьбы съ многочисленными врагами - сосѣдями, которые съ завистью и тревогой смотрѣли на ростъ и могущество этого молодого великана, занявшаго почетное мѣсто среди великихъ державъ.

Въ видѣ красочныхъ эпизодовъ, полныхъ отваги и мужества, историки отмѣчаютъ роль казаковъ во внѣшнихъ войнахъ, какъ вѣрныхъ и надежныхъ защитниковъ отечества; имена отдѣльныхъ героевъ казачества окружены ореоломъ боевой славы.

Во дни великихъ испытаній, когда на Русь, точно стаи хищниковъ, обрушивались враги, когда пробуждались національныя чувства россіянъ, когда появлялись Минины и Пожарскіе, — наряду съ ними выростали Ермаки, Платовы — донскіе атаманы съ вѣрнымъ, закаленнымъ въ бояхъ, крѣпко спаяннымъ, организованнымъ и храбрымъ войскомъ. Донскіе отряды всегда являлись большой тяжестью на вѣсахъ военнаго счастья, неизмѣнно склоняя ихъ въ нашу пользу .

Ермакъ — Платовъ — Баклановъ — это вѣхи на историческомъ пути казачества, съ именами которыхъ связана цѣлая эпоха чуднаго расцвѣта Русскаго государства. Въ послѣднія войны — великую и гражданскую — цѣлая серія донскихъ героевъ пріобрѣтаетъ міровую извѣстность. Кому неизвѣстно имя славное, безсмертное, перваго Георгіевскаго кавалера Козьмы Крючкова, или имя великаго патріота-казака А. М. Каледина.

Русская гражданская война въ самомъ началѣ ея носила характеръ исключительно партизанскій, и казачья молодежь, главнымъ образомъ студенчество, наравнѣ съ офицерствомъ, составило первые кадры бѣлыхъ отрядовъ. Съ винтовками въ рукахъ офицерство, студенчество и зеленая казачья молодежь кровью своей доказали любовь къ Родинѣ, давъ яркіе примѣры беззавѣтной храбрости и самоотверженія.

Весной 1919 года ,когда кольцо красныхъ угрожающе сжималось вокругъ Новочеркасска, партизанская бригада оперируетъ на Дону. На линіи Рѣпная-Екатерининская противникъ былъ разбитъ на голову и этотъ успѣхъ послужилъ толчкомъ къ общему наступленію, когда бѣлые побѣдоносно вышли на Московскую дорогу. Въ концѣ іюня, когда наши части начали откатываться на югъ отъ Воронежа-Балашева, партизаны (Чернецовскій, Дудаковскій и Семилѣтовскій отряды и Студенческій батальонъ) были брошены на самый активный участокъ фронта, принеся съ собой на фронтъ что-то бодрящее, увлекающее. Первые же бои ознаменовались большимъ успѣхомъ и противникъ былъ отброшенъ далеко на сѣверъ, потерявъ артиллерію, пулеметы и обозъ.

Въ памяти партизанъ надолго останется день 8-го августа 1919 года — бой у деревни Танциреи, въ районѣ Борисоглѣбска.

Сильный натискъ красной конницы былъ сломленъ и партизаны съ пѣснями ринулись въ атаку на пѣхоту противника. Жестокій бой длился цѣлый день, партизане несли большія потери, но упорство красныхъ латышскихъ частей было сломлено и противникъ поспѣшно отступилъ...

Въ сердцахъ русскихъ людей долго будетъ жить память о боевыхъ подвигахъ донскихъ партизанъ, многіе изъ которыхъ отдали жизнь за благо Родного Края и Отечества.

Вѣчная память павшимъ героямъ,
Вѣчная слава героямъ живымъ...

Есаулъ **Еронинъ.**

Отъ Казачьяго Союза

Казачій Союзъ перемѣнилъ помѣщеніе. Въ домѣ № 1, вила Шовло остался лишь архивъ Союза, пріемъ же по дѣламъ Союза производится Н. М. Мельниковымъ въ новомъ помѣщеніи — тамъ, гдѣ Общество Взаимнаго Кредита — 1, rue Jacques Mawas, Paris 15e; пріемъ — ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 12 час. дня.

Въ дополненіе къ оповѣщенію, разосланному Союзомъ всѣмъ станицамъ, хуторамъ и группамъ во Франціи относительно предстоящихъ въ началѣ 1933 года перевыборовъ членовъ Эмигрантскаго Комитета во Франціи, Правленіе Союза извѣщаетъ, что оно своевременно, немедленно по полученіи дальнѣйшихъ свѣдѣній по этому дѣлу отъ Комитета, поставитъ о нихъ въ извѣстность всѣ секціи Казачьяго Союза во Франціи.

Въ отвѣтъ на поступающіе запросы, удалось ли Союзу добиться льготныхъ условій подписки на «Иллюстрированную Россію» и на будущій годъ, подписчики журнала увѣдомляются, что Члены Казачьяго Союза будутъ и въ 1933 году пользоваться той еж скидкой въ 30 франковъ, что и въ 1932 году.

По разнымъ случаямъ (особенно въ связи съ женитьбой) казаки часто нуждаются въ метрическихъ выписяхъ, достать которыя изъ СССР невозможно. Приходится продѣлывать сложную процедуру, съ вызовомъ свидѣтелей къ Мировому Судьѣ и съ передачей полученнаго отъ него сертификата адвокату для регистраціи въ судѣ. Все это требуетъ большой затраты времени и расходовъ на сумму, превышающую 300 франковъ и доходящей иногда до 350 фр. Между тѣмъ, при наличіи нѣкоторыхъ старыхъ документовъ, полученныхъ еще на родинѣ, Казачій Союзъ имѣетъ возможность, при содѣйствіи В. А. Маклакова, выхлопатывать документы, завѣренные Представителемъ Лиги Націй и вполнѣ замѣняющій метрику. Отпадаетъ необходимость обращаться къ адвокату и въ судебныя мѣста и является возможность съэкономить значительную сумму.

За разъясненіями по каждому отдѣльному случаю обращаться къ Предсѣдателю Союза по адресу: M. Melnikoff. 1, rue Jacques Mawas, Paris 15e.

Розыскъ

Губаревыхъ изъ Новочеркасска (Николая, Бориса или Павла) разыскиваетъ Марія Штейнбахъ, урожденная Толоконникова.

Просьба сообщищть по адресу:

M-me Maria Steinbach. Gagensonstr., 1-12. **Tallin. Esthonie.**

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ при станицѣ подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго М. А. Адамова безвозмездно обслуживаетъ станичниковъ. Пріемъ по вторникамъ и пятницамъ отъ 6 час. 30 мин. веч. до 8 час. веч. на рю де ла Конвансьонъ, № 85.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ оказывается безвозмездно студентамъ - казакамъ почетнымъ старикомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ отъ 5 до 7 час. вечера на 122, бульваръ Мюратъ (по запискамъ отъ правленія).

НА СМЕРТЬ М. А. КАРАУЛОВА

Какъ въ сказкѣ рыцарь благородный
Атаманъ нашъ Войсковой,
Погибъ, непонятый народомъ,
Ища ему, въ грозѣ, покой...

Мечталъ онъ Русь великой видѣть,
Спасенье съ Терека начать,
Привольной жизнью по станицамъ
Примѣръ народамъ показать.

Но Богъ рѣшилъ судьбу иначе,
Намъ испытаніе послалъ,
Своей десницею великой
Борца за благо отобралъ.

Ударъ надъ Терекомъ раздался,
Святую Русь покрилъ туманъ,
Въ борьбѣ за счастіе народа
Погибъ великій Атаманъ.

Въ печальной и нѣмой поминѣ
Къ тебѣ, взывая пѣнистой волной,
Нашъ буйный Терекъ плачетъ нынѣ;
Прости ему, непонятый герой...

Подъ-Есаулъ **Платонъ Третьяковъ.**

ОТЪ КОНТОРЫ СТАНИЦЫ

Обращаемся съ просьбой къ тѣмъ, кто еще не отчитался за предыдущіе номера журнала произвести разсчетъ теперь же.

Срокъ разсчета за этотъ номеръ — 1-го марта сего года.

Лица, получившія отдѣльн. экз. этого номера, благоволятъ выслать по указанному ниже адресу его стоимость — 2 франка почтовыми марками. Всю простую, заказную и денежную корреспонденцію направлять въ адресъ предсѣдателя редакціонной коллегіи П. В. Гусева:

M. Gousseff, 60, rue Dombasle, Paris 15^e^.

СУББОТА, 14-го ЯНВАРЯ 1933 ГОДА

ЗАЛЫ МЭРІИ 15-го АРРОНД., УЛИЦА ПЕКЛЕ

(метро Вожираръ)

ГРАНДІОЗНЫЙ ОБЩЕ-КАЗАЧІЙ КОНЦЕРТЪ-БАЛЪ

23 КАЗАЧЬИХЪ ОРГАНИЗАЦІЙ ПАРИЖА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ, ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ДОНСКОГО АТАМАНА, ГЕН. А. П. БОГАЕВСКАГО.

ВЫДАЮЩАЯСЯ АРТИСТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА. ВЫСТУПЛЕНІЕ КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ХОРА КУБАНСКОЙ СТАНИЦЫ ВЪ ПЬРИЖѢ.

БИЛЕТЫ ПО 15 ФРАНКОВЪ ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ КАЗАЧЬИХЪ ОРГАНИЗАЦІЯХЪ, ВЪ ГАЗЕТ. «ВОЗРОЖДЕНІЕ», КН. МАГАЗ. СІЯЛЬСКОЙ (противъ церкви на рю Дарю) и И ВЪ СОЮЗѢ ГАЛЛИПОЛІЙЦЕВЪ (81, рю Фезандери)

Le gérant : Ch. Quénet. Typ. BASILE, 1, villa Chauvelot, Paris 15e

№ 6
Avril 1933

Цѣна
2 фр.

STANITZA

organe de la Stanitza
des Étudiants-Cosaques de Paris

Trimestriel

35, rue de Sèvres — PARIS (VIe)

Джигиты

Литературный конкурсъ

ПРЕМІИ: 50.000, 20.000 и 10.000 ФРАНКОВЪ

ТѢМЪ, КТО ПРЕДСТАВИТЪ КЪ 1 ІЮЛЯ 1934 ГОДА ЛУЧШІЙ РОМАНЪ НА ТЕМУ О ПСИХОЛОГІИ БОЛЬШЕВИЗМА, О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ТЕОРІИ, О РАЗРУШЕНІИ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ ЕЯ НА ДѢЛѢ ВЪ ПРОШЛОМЪ, НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ СЕМЬѢ И ОБЩЕСТВУ ВЪ ОСВѢЩЕНІИ ВѢКОВЫХЪ ТРАДИЦІЙ, ПОРОЖДЕННЫХЪ ХРИСТІАНСКИМЪ УЧЕНІЕМЪ И МОРАЛЬЮ.

Академія Соціальнаго воспитанія и взаимопомощи подъ предсѣдательствомъ Монсиньора Бодрійяръ, ректора Парижскаго Католическаго Университета, по иниціативѣ лицъ, пользующихся высокимъ моральнымъ авторитетомъ, организуетъ конкурсъ романовъ на указанную выше тему.

Тема для романа можетъ быть выбрана или изъ жизни въ самой Россіи, или же изъ жизни коммунистическихъ круговъ др. странъ, гдѣ особенно сильно проявляется вліяніе большевизма.

Рукописи должны быть представлены не позже 1-го іюля 1934 г., отпечатанными на пишущей машинкѣ въ 4-хъ экземплярахъ, или же въ видѣ изданной уже книги, выпущенной изъ печати между моментомъ объявленія конкурса вплоть до назначеннаго срока. Если бюро Академіи сочтетъ возможнымъ представить произведеніе жюри, то авторъ получитъ просьбу прислать еще 4 экз. романа.

Романъ можетъ быть написанъ на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, испанскомъ, итальянскомъ или НА РУССКОМЪ языкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ къ роману должно прилагать въ томъ же количествѣ экземпляровъ резюмэ на одномъ изъ первыхъ пяти языкахъ, съ объясненіемъ значенія и духа произведенія съ краткимъ описаніемъ содержанія романа.

Результаты конкурса будутъ объявлены въ концѣ января 1935 г. Романъ, удостоенный 1-й преміей Академія имѣетъ право издать на одномъ или нѣсколькихъ языкахъ. Авторскіе права (кромѣ преміи) гарантированы на обычныхъ условіяхъ лучшихъ литературныхъ контрактовъ. Авторы, романы которыхъ будутъ удостоены 2-й или 3-ей преміей, имѣютъ право заключать условія съ любыми издательствами по собственному усмотрѣнію.

Если ни одна изъ представленныхъ рукописей не позволитъ жюри присудить одну или всѣ преміи, то ассигнованныя на этотъ предметъ суммы будутъ сохранены для будущихъ конкурсовъ.

Составъ жюри: Предсѣдатель — Анри Бордо (Франція); члены — Честертонъ (Англія), Филлипо Лиди (Италія), баронесса Моцетти (Австрія и нѣм. яз.), Мануэль Гальвезъ (Южная Америка и исп.яз.), Вальчъ — вице-президентъ Джорджсфордскаго университета (Соедин. Штаты Америки).

Главными секретарями жюри являются — виконтъ Анри Давиноонъ, проф. Королевской Академіи въ Брюсселѣ, и графъ Гонзагъ де Рейнольдъ, докладчикъ международной комиссіи интелектуальнаго сотрудничества; частный секретарь по отдѣлу русскаго языка — проф. Ю. Маклаковъ.

Адресъ главнаго секретаріата Академіи, куда надлежитъ направлять рукописи: Monsieur BELLE, Chef du Secretariat. 31, rue de Bellechasse. Paris (7)

Отъ Донского Атамана

1.

Христосъ воскресъ!

Поздравляю съ Свѣтлымъ Праздникомъ родныхъ Донцовъ и казаковъ всѣхъ другихъ Войскъ и отъ души желаю всѣмъ намъ скорѣе вернуться въ родные края.

2.

Напоминаю членамъ Союза казаковъ - комбатантовъ, вошедшихъ въ него въ 1932 году и еще не заявившихъ о своемъ желаніи остаться въ немъ и на 1933 годъ, — что необходимо теперь же, и не позднѣе 1-го мая, — прислать мнѣ заявленіе объ этомъ съ приложеніемъ 15-ти франковъ членскаго взноса на этотъ годъ.

На присланную комбатантскую карточку будетъ наклеена марка 1933 года или просто выслана заявителю. Безъ новой марки комбатантская карточка недѣйствительна.

Пріемъ новыхъ членовъ продолжается на прежнихъ основаніяхъ.

Продолжается также высылка комбатантскихъ знаковъ и розетокъ.

Предлагаю всѣмъ заявившимъ о желаніи получить комбат. карточку или знакъ съ розеткой и до сихъ поръ ихъ еще не получившихъ — написать мнѣ объ этомъ, указавъ свой точный адресъ. У меня хранится нѣсколько картъ и знаковъ, возвращенныхъ почтой, благодаря тому, что сообщенный мнѣ адресъ оказался устарѣвшимъ или невѣрнымъ.

Генералъ-Лейтенантъ А. Богаевскій.

Борьба за Донъ

Чрезвычайно быстрое развитіе авіаціонной техники, и особенно непрекращающійся прогрессъ въ увеличеніи грузоподъемности самолетовъ, — открываетъ передъ авіацией новыя широкія возможности. Производятся интереснѣйшіе опыты по перебрoскѣ на мощныхъ самолетахъ цѣлыхъ войсковыхъ частей, высадкѣ войсковыхъ дессантовъ въ тылу противника и снабженію войскъ продовольствіемъ и боевыми припасами воздушнымъ путемъ.

Въ прошлую войну грузоподъемность самолетовъ была еще настолько незначительна, что не приходилось и думать о настоящихъ воздушныхъ дессантахъ. Но тѣмъ не менѣе, высадки въ непріятельскомъ тылу отдѣльныхъ лицъ для выполненія всевозможныхъ подрывныхъ работъ и развѣдывательныхъ задачъ совершались много разъ и нѣкоторые изъ нихъ увѣнчивались крупнымъ успѣхомъ.

Особенно много такихъ задачъ было выполнено французской авіацией. Знаменитые французскіе летчики Генимеръ, Ведринъ и многіе другіе, какъ напримѣръ Пинсаръ, Наваръ, Эмришъ выполнили нѣсколько десятковъ этихъ опасныхъ порученій, спускаясь въ тылу у противника и высаживая привезенныхъ агентовъ, одѣтыхъ въ штатское платье.

Взрывъ шлюзовъ Вальнакаръ, пріостановившій на значительное время движеніе германскаго рѣчного транспорта, подрываніе мостовъ и полотна желѣзныхъ дорогъ, — были успѣшнымъ результатомъ этихъ рискованныхъ операцій.

Рискъ же этихъ операцій былъ очень великъ, такъ какъ законъ и право войны не признавали допустимости подобнаго образа дѣйствій и захваченные въ плѣнъ летчикъ и агентъ приравнивались къ шпіонамъ и приговаривались къ смертной казни.

Нѣсколько такихъ высадокъ въ тылу у непріятеля продѣлали и нѣмцы. Такъ 14 октября 1916 года нѣмецкій полковникъ Кассель и фельдфебель Виндишъ были высажены съ германскаго самолета въ 80 километрахъ въ тылу отъ русскаго фронта и ровно черезъ сутки были снова взяты спеціально за ними прилетѣвшимъ самолетомъ. За эти 24 часа они успѣли разрушить въ нѣсколькихъ мѣстахъ желѣзно-дорожную линію Ровно — Броды.

На Азіатскомъ фронтѣ нѣмецкіе летчики полковникъ Даумъ и лейтенантъ Шлейферъ трижды спускались глубоко въ тылу англійскаго фронта на самолетѣ Румплеръ и разрушили полотно желѣзной дороги и телеграфныя линіи.

Итальянскій летчикъ Касагранде на своемъ гидросамолетѣ нѣсколько разъ спускался на озера и рѣки въ тылу у австрійцевъ и производилъ разрушеніе полотна желѣзныхъ дорогъ и мостовъ.

Во время Великой войны русскіе летчики ни разу не получили отъ своихъ штабовъ подобныхъ заданій, и только на сѣверномъ фронтѣ въ 1917 году штабъ одной изъ армій подготовилъ двѣ такихъ операціи, но онѣ не были выполнены изъ-за начавшагося полнаго развала фронта.

Впервые въ Россіи подобныя операціи были совершены въ гражданскую войну авіаціей Донскихъ армій, донскими летчиками .

Начало этихъ рискованныхъ посадокъ въ тылу у большевиковъ относится къ періоду возстанія донскихъ казаковъ въ станицѣ Вешенской.

Въ 1919 году въ мартѣ мѣсяцѣ на Дону пронесся смутный слухъ о возстаніи противъ совѣтской власти казаковъ Верхне - Донского округа, ранѣе передавшихся на сторону красныхъ. Слухъ этотъ вскорѣ получилъ частичное подтвержденіе, — появились изъ этого округа перебѣжчики, разсказывавшіе о возстаніи. Какъ ни хотѣлось, чтобы эти слухи и разсказы оказались бы правдой, въ Новочеркасскѣ боялись вѣрить, опасаясь какой либо провокаціи. Кромѣ того возникло опасеніе, что если бы возстаніе и было поднято Верхне-донцами, то такъ какъ свѣдѣнія оттуда доходили не скоро (привезшій свѣдѣнія казакъ плылъ на лодкѣ около мѣсяца, днемъ скрываясь въ камышахъ), — оно могло быть подавлено уже полчищами красныхъ.

Въ Донскомъ штабѣ зародилась мысль провѣрить этотъ слухъ и, если возможно, связаться съ возставшими при помощи авіаціи. Вѣдь подтвержденіе факта возстанія открывало передъ штабомъ заманчивыя перспективы: пробиться къ возставшимъ казакамъ, соединиться съ ними и отбросить красныя войска за предѣлы Донской области.

Несмотря на возраженія нѣкоторыхъ лицъ командованію о почти недостижимой технической возможности и о страшномъ рискѣ, я, бывшій тогда начальникомъ Донской авіаціи, настоялъ на томъ, чтобы попытаться путемъ воздушной развѣдки и высадкой въ тылу у большевиковъ получить правильныя свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ Верхне-Донскомъ округѣ. Задача была безусловно чрезвычайно тяжелой, но отнюдь не невыполнимой. Авіаціонные отряды, входившіе въ составъ Донской авіаціи, всѣ, какъ одинъ, готовы были выполнить эту задачу.

Задача была поручена 3-му Донскому самолетному отряду, во главѣ котораго стоялъ доблестный летчикъ полк. Антоновъ.

Первымъ полетѣлъ въ станицу Вешенскую военный летчикъ поручикъ Федоровъ съ членомъ войскового круга Варламовымъ. Полетъ этотъ былъ крайне рискованнымъ: приходилось летѣть почти 300 верстъ надъ территоріей, занятой красными. Это былъ тотъ максимумъ, который могли дать тогдашніе самолеты, совершенно устарѣвшіе съ изношенными моторами. Малѣйшія неблагопріятныя условія могли угрожать вынужденной посадкой у красныхъ. — вѣрной и мучительной смерти. Отважнымъ этимъ людямъ не повезло. Возлѣ станицы Вешенской въ моментъ ихъ посадки появился конный отрядъ, помчавшійся къ мѣсту ихъ спуска. Такъ какъ за дальностью разстоянія нельзя было разобрать, были ли это красные или повстанцы, пришлось поспѣшно сняться и летѣть назадъ, не выяснивши обстановки.

На второмъ самолетѣ послѣ этой неудавшейся попытки полетѣлъ 2-го Донского самолетнаго отряда хорунжій Тараринъ съ сотникомъ Богатыревымъ.

Скромный, тихій, малозамѣтный хорунжій Тараринъ принялъ твердое рѣшеніе въ глубинѣ своего сердца, — выполнить во что бы то ни стало эту задачу или погибнуть... На старомъ изношенномъ самолетѣ Вуазенъ летчики благополучно долетѣли до хутора Бокова, расположеннаго въ двухъ верстахъ отъ станицы Вешенской, и спустились въ открытомъ мѣстѣ. На хуторѣ Боковѣ былъ домъ сотника Богатырева.

Невдалекѣ ходилъ табунъ лошадей. Нѣсколько мальчишекъ - пастуховъ находились тутъ же. Отъ нихъ узнали, что хуторъ Боковъ былъ въ рукахъ возставшихъ, а противоположный занимали красные.

Въ это время показались вооруженные всадники, скакавшіе по направленію къ самолету. Это былъ мучительно - жуткій моментъ. Но одинъ изъ всадниковъ еще издали крикнулъ: «Богатыревъ, да никакъ это ты»... Радость была неописуемая съ обѣ-

ихъ сторонъ, послѣ того, какъ хуторянинъ опозналъ сотника Богатырева, товарища своихъ дѣтскихъ игръ, своего сосѣда. Отважныхъ гостей отвезли на хуторъ и туда же отвели самолетъ, такъ какъ каждую минуту можно было ожидать нападенія красныхъ. Восторгъ казаковъ, ихъ слезы, ихъ жалобы на жестокость и безчинство красныхъ были неподдѣльны и трагичны.

На другой день Тararинъ вылетѣлъ обратно, захвативъ съ собою радіотелеграфиста - казака. Богатыревъ остался на родномъ хуторѣ .

Труднѣйшая задача по связи съ возставшими была выполнена. Хорунжій Тараринъ прилетѣлъ на станцію Звѣрево, гдѣ находился 2-й самолетный отрядъ, и оттуда сейчасъ же полетѣлъ въ Новочеркасскъ и доложилъ штабу о всемъ видѣнномъ. Но подъ наплывомъ впечатлѣній и переживаній хорунжій Тараринъ не смогъ собрать всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ для штаба, и потому черезъ нѣсколько дней въ станицу Вешенскую снова полетѣлъ самолетъ съ летчиками капитанами Веселовскимъ и Безсоновымъ, которымъ было поручено выясненіе всѣхъ подробностей. Они повезли съ собой 500.000 рублей денегъ, пудъ табаку, нѣсколько пудовъ перевязочныхъ матеріаловъ, медикаментовъ, газеты, воззванія, прокламаціи и цѣлый пакетъ писемъ. Вылетѣвъ со станціи Звѣрево, они благополучно спустились въ 2 верстахъ отъ ст. Вешенской у хутора Пегуревки. Къ нимъ робко подошла случайно находившаяся женщина. Отъ нея узнали, что возстаніе еще не подавлено. Съ хутора въ станицу Вешенскую по телефону дали знать, что «опять прилетѣли кадеты» привезли денегъ, табаку, письма... Летчики верхомъ въ сопровожденіи казаковъ поскакали въ Вешенскую. Встрѣча въ станицѣ, оказанная летчикамъ, не поддается никакому описанію. Пасхальный колокольный перезвонъ, слезы женщинъ и мужчинъ, восторгъ и жалобы. Летчиковъ забрасывали вѣтвями сирени, люди крестились со слезами на глазахъ Надежда была влита въ души осажденныхъ, появились новыя силы поддерживать борьбу...

На другой день, послѣ тщательнаго выполненія порученія, летчики прилетѣли въ Новочеркасскъ и сдѣлали точный и исчерпывающій докладъ войсковому штабу. Они привезли съ собой образцы самодѣльныхъ патроновъ, вѣтки сирени, которыми былъ засыпанъ ихъ самолетъ и многочисленныя письма...

Съ этого дня и вплоть до послѣдняго дня соединенія Донской арміи съ возставшими казаками, летчики регулярно производили воздушные рейсы къ верхне-донцамъ. Были перевезены десятки тысячъ патроновъ, безъ которыхъ возставшіе не смогли бы удерживаться, перевязочные матеріалы и медикаменты, врачи-хирурги, командный составъ, письма, табакъ, деньги...

Сохранилось нѣсколько замѣтокъ летчиковъ, описывающихъ эти полеты... Военный летчикъ капитанъ Ивановъ пишетъ: «Свой полетъ въ ст. Вешенскую къ возставшимъ казакамъ я не могу причислить къ разряду полетовъ хор. Тарарина, поручика Веселовскаго, поручика Безсонова, есаула Соколова и др., т.-е. къ полетамъ важнаго назначенія и въ обстановкѣ исключительной трудности во всѣхъ отношеніяхъ, но все же впечатлѣніе, оставшееся у меня настолько высоко и рѣдко въ жизни, что считаю своимъ долгомъ подѣлиться имъ»... И опять описаніе восторженныхъ встрѣчъ въ хуторахъ и станицахъ, которые посѣтилъ летчикъ, опять цвѣты, слезы, полубезумные взрывы счастья, граничащаго съ экстазомъ.

...Наиболѣе трудныя и рискованныя посадки донскихъ летчиковъ въ тылу у большевиковъ были произведены для связи съ конницей ген. Мамонтова, ушедшаго далеко въ тылъ красныхъ. Долгое время не было никакихъ свѣдѣній о конницѣ ген. Мамонтова и въ одинъ изъ дней штабъ Донской арміи получилъ приказаніе отъ штаба Вооруженныхъ силъ Юга Россіи связаться съ конницей ген. Мамонтова и вернуть ее обратно... Приказаніе было дано, но выполненіе его представляло необычайныя трудности. Радіотелеграфа, единственнаго средства связаться, не было у ген. Мамонтова. Что дѣлать?

Вся надежда была на авіацію и донскимъ летчикамъ была дана задача: связаться съ ген. Мамонтовымъ и передать ему письменное приказаніе.

Да, это была задача почти невыполнимая... Куда летѣть? Гдѣ найти ген. Мамонтова?.. Ни штабъ, да и никто, не могъ дать даже приблизительнаго отвѣта. Летѣть надо было куда то далеко, объ возвращеніи, въ случаѣ ненахожденія, не могло быть и рѣчи, такъ какъ бензина могло хватить только на нѣсколько сотъ верстъ.

Выполнить эту труднѣйшую и рискованнѣйшую задачу было поручено военнымъ летчикамъ донской авіаціи поручикамъ Баранову и Битте, годъ тому назадъ перелетѣвшимъ отъ красныхъ, и потому не могущимъ расчитывать ни на какую пощаду отъ большевиковъ въ случаѣ неудачи...

За недостаткомъ мѣста я не буду подробно описывать этотъ полетъ, полный необычайнаго риска, трудности и героизма... Четыре раза спускались летчики то въ районѣ Воронежа, то Липецка, то въ другихъ мѣстахъ, опрашивая одиночныхъ людей, иногда угрожая револьверами... При четвертомъ спускѣ, когда бензинъ былъ уже на исходѣ, крестьянинъ указалъ летчикамъ направленіе, гдѣ «вчерась еще палили здорово, и сказываютъ, что тамъ бѣлые казаки»... Летчики полетѣли по этому направленію и дѣйствительно спустя нѣкоторое время увидѣли конныя массы... Летчики спустились, готовясь дорого продать свою жизнь, если бы это оказались красные... Бензина оставалось только на нѣсколько минутъ... Но это оказалась конница ген. Мамонтова...

«Но все таки какъ же вы насъ нашли?», нѣсколько разъ спрашивалъ летчиковъ ген. Мамонтовъ, — «вѣдь это просто чудо».

Да, это было чудо героизма летчиковъ...

Приказаніе было вручено...

На другой день, заправивъ моторъ собраннымъ во всѣхъ аптекахъ близлежащихъ городковъ касторовымъ масломъ, наполнивъ бензиновые баки какимъ то суррогатомъ бензина и керосина, получивъ отъ ген. Мамонтова письменныя донесенія и цѣлый рядъ «подарковъ» для штаба Донской арміи, — летчики запустили моторъ и полетѣли по направленію къ югу... Былъ сильный попутный вѣтеръ, моторъ работалъ довольно удовлетворительно, что дѣйствительно надо считать за чудо, и летчики благополучно опустились въ Миллерово, принеся радостную вѣсть объ успѣхахъ рейда ген. Мамонтова.

Возвращеніе летчиковъ было совершенно неожиданнымъ. Штабъ арміи считалъ почти невыполнимымъ данное имъ порученіе и повѣрилъ только тогда, когда доблестные летчики представили собственноручное донесеніе ген. Мамонтова и привезенные ими подарки...

Для связи съ конницей ген. Мамонтова въ послѣдующіе дни донскими летчиками было выполнено болѣе 10 полетовъ, чрезвычайно рискованныхъ, такъ какъ мѣстоположеніе коннаго корпуса ген. Мамонтова никогда не было точно извѣстно и у большевиковъ въ этомъ же районѣ тоже появились конныя массы.

При вылетѣ на одинъ изъ такихъ полетовъ для связи сгорѣли живыми воен. летчики штабъ-ротмистры Хомичъ и Аладьинъ. Самолетъ, которымъ управлялъ шт.-ротм. Хомичъ, при подъемѣ вдругъ перешелъ въ штопоръ и врѣзался въ землю. Начался пожаръ... Огромное пламя охватило самолетъ. Подбѣжавшіе люди изъ-за страшной жары не могли даже близко подойти къ этому трагическому колоссальному костру и помочь несчастнымъ летчикамъ, испускавшимъ короткое время нечеловѣческія крики отчаянія. Повидимому причиной катастрофы явилась допущенная летчикомъ при взлетѣ ошибка. Ошибка же произошла отъ того особенно сильнаго нервнаго напряженія, которое несомнѣнно испытывали летчики, посылаемые для выполненія этихъ трудныхъ порученій.

Отъ напряженной работы уже изношенные самолеты въ отрядахъ приходили въ негодность или требовали крупнаго ремонта. Замѣнить ихъ было нечѣмъ, новыхъ самолетовъ не было и приходилось для выполненія посадки въ тылу у большевиковъ посылать быстроходные одномѣстные истребители... Въ этихъ случаяхъ рискъ былъ особенно большой, какъ вслѣдствіе трудности благополучной посадки на незнакомой мѣстности, такъ и вслѣдствіе того, что одному человѣку было очень трудно справиться съ задачей.

Въ одинъ изъ такихъ полетовъ воен. летчикъ кап. Снимщиковъ, полетѣвшій на одномѣстномъ самолетѣ типа Кеммель, — обратно не вернулся. Долго ничего не знали о его судьбѣ. Но спустя нѣсколько мѣсяцевъ одинъ изъ плѣнныхъ большевиковъ разсказалъ исторію плѣненія бѣлаго летчика, по всѣмъ даннымъ кап. Снимщикова. Этому разсказу не совсѣмъ повѣрили, но вотъ теперь уже, послѣ 10 лѣтъ, въ совѣтскомъ журналѣ «Вѣстникъ воздушнаго флота» промелькнуло въ одной статьѣ упоминаніе, какъ одинъ бѣлый летчикъ, посланный для связи съ ген. Мамонтовымъ, попалъ... въ штабъ Буденнаго... Это вполнѣ подтверждаетъ разсказъ плѣннаго большевика и картина плѣненія кап. Снимщикова рисуется въ слѣдующемъ видѣ .

Капитанъ Снимщиковъ, полетѣвъ глубоко въ тылъ большевиковъ, увидѣлъ сверху въ томъ районѣ, гдѣ предполагалась конница ген. Мамонтова, дѣйствительно большія конныя массы. Подыскавъ подходящую площадку, кап. Снимщиковъ благополучно спустился, и не выключая полностью мотора, а оставивъ его на маломъ газу, чтобы моментально подняться въ случаѣ опасности, — крикнулъ находящимся невдалекѣ двумъ казакамъ въ буркѣ: «Это что за часть». — «Такъ что ген. Мамонтовъ, Ваше Высокоблагородіе», отвѣтили казаки, отдавая честь. Капитанъ Снимщиковъ, успокоенный, остановилъ моторъ, выскочилъ изъ аппарата, и сказалъ казакамъ, чтобы они его проводили къ ген. Мамонтову. — «Ген. Мамонтовъ вонъ тамъ на горкѣ»... Пошли.

Два казака - большевика разыграли комедію, чтобы поймать бѣлаго летчика... На горкѣ оказался штабъ Буденнаго... По разсказу плѣннаго, капитанъ Снимщиковъ будто бы выхватилъ шашку у одного изъ казаковъ и пробовалъ сопротивляться...

Несомнѣнно глубоко трагична его судьба... Вѣдь кап. Снимщиковъ въ концѣ 1918 года перелетѣлъ отъ красныхъ на сторону бѣлыхъ съ цѣлымъ 9-мъ армейскимъ авіаціоннымъ отрядомъ, послѣ смотра отряда краснымъ Главковерхомъ Троцкимъ...

В. Г. Барановъ.

„ГЕНЕРАЛЪ"

Когда впервые послѣ лѣтнихъ каникулъ зашумѣлъ звонкими голосами безконечный корридоръ Петербургскаго университета, молодые студенты—первокурсники сразу же обратили вниманіе на странную, непривычную для глаза, высокую фигуру Коли Каменскаго, еще одѣтаго въ широкую гимназическую курточку и въ длинные брюки съ красными лампасами.

Зрѣлище было необычайное, и неудивительно, что съ первыхъ же дней окрестили студенты новичка громкимъ прозвищемъ «генерала».

Прошла недѣля - другая, Коля Каменскій успѣлъ уже обзавестись новенькой тужуркой съ блестящими пуговицами, исчезли донскіе брюки съ лампасами, уступивъ мѣсто зеленымъ студенческимъ брюкамъ, а прозвище «генерала» осталось за Колей Каменскимъ до конца его университетской жизни.

Первое время эта новая кличка нѣсколько смущала молодого студента - казака: казалось, что быол страннаго или смѣшного въ широкихъ красныхъ лампасахъ — ихъ, вѣдь, носили всѣ гимназисты тамъ, «дома», въ родномъ Черкасскѣ?

Было это и красиво, и естественно, всегда носили гимназисты лампасы, а тутъ вдругъ всѣмъ имъ показалось это смѣшнымъ и неумѣстнымъ.

Коля Каменскій то пробовалъ сердиться, то снисходительно пожималъ широкими, богатырскими плечами, а потомъ привыкъ, пересталъ обращать на шутки вниманіе, все постепенно улеглось, «стерлось», а спустя полгода прозвище «генералъ» вызывало на его лицѣ только одну добродушную привѣтливую улыбку.

**

Петербургъ поразилъ Колю Каменскаго.

Большой величественный городъ, широкія улицы, дворцы и площади, блестящія формы гвардейскихъ полковъ, нарядные туалеты столичныхъ дамъ, придворныя кареты, ливрейные лакеи въ красномъ, съ черными гербами на золотыхъ позументахъ, — все было необычайно, вызывало удивленіе и восторгъ

Въ шумномъ гомонѣ университетскаго корридора, въ просторныхъ аудиторіяхъ, гдѣ читали лекціи знаменитые профессора, въ нарядной чинности воскресныхъ прогулокъ по аллеямъ Лѣтняго сада, гдѣ въ огненной зелени Петербургскаго сентября стыдливо прятались полунагіе боги и богини на мраморныхъ постаментахъ, чудилась Колѣ Каменскому таинственная повѣсть о временахъ блистательнаго вѣка Петра, Елисаветы, Екатерины Великой... Казалось, сквозь снѣжный летъ суровыхъ зимъ, незыблемо, прекрасно и вѣчно будетъ жить неизреченная красота величія и славы столицы, того «окна въ Европу», которое прорубилъ могучій богатырь, кудрявый Царь-плотникъ, въ плечахъ косая сажень.

Городъ - призракъ, то снѣжный, съ морознымъ блескомъ церковныхъ куполовъ, то дымный, розово-кружевной, въ незримой нѣжности бѣлыхъ, загадочно влекущихъ къ себѣ, ночей околдовывалъ молодого студента, вызывая и восторгъ, и удивленіе. Уплывали куда то въ невѣдомую страну съ дѣтства крѣпкія воспоминанія о родной столицѣ Области Войска Донского, мѣшались въ памяти бѣлыя зори и каменные дворцы съ раскаленнымъ огнемъ неподвижнаго зноя, окутавшаго сады и курени казачьихъ станицъ.

«Генералъ» бродилъ по городу задумчивый, завороженный; въ глазахъ рябило отъ пестроты безпрестанно смѣнявшихся образовъ, и все же пѣлъ кто то, порою, въ душѣ звонкую, съ дѣтства знакомую, пѣсню, въ которой свѣтилось далекое, золотое «казачье» солнце, словно въ иглахъ его пронзающихъ лучей сверкали пики - стрѣлы дѣдовскихъ боевыхъ доспѣховъ.

**

— «А вы знаете»—сказалъ какъ-то въ студенческой столовой маленькій хромоногій студентъ Топорковъ, — нашъ, генералъ то, никакъ рѣшилъ генеральшей обзавестись! Уже который разъ встрѣчаю я его съ таинственной незнакомкой на Набережной, близъ Горнаго института... Идутъ — воркуютъ, а у самого глаза блестятъ, краснѣетъ, какъ дѣвица! Не вѣрите, — пойдите какъ нибудь подъ вечеръ, часовъ этакъ около шести, — непремѣнно увидите»...

Кругомъ смѣются...

— Быть не можетъ! Не обознался ли? Тихоня онъ — да и говорилъ не разъ: если и женюсь, то только на казачкѣ.

Однако, рѣшено: надо провѣрить, непремѣнно побывать, прослѣдить.

**

Весна. Апрѣль. Скоро экзамены. По Невѣ уже пошли пароходики, заныряли по волнамъ неуклюжіе остроносые ялики. Дымятъ, пыхтятъ черные буксиры — барки тянутъ. По набережной Васильевскаго Острова всюду, куда ни взглянешь — рядами ле-

жатъ бочки, ящики, пахнетъ водой, рыбой и смолой. Небо ясное — ни облачка. Вдали, за поворотомъ Невы у Горнаго института, — щетиной дыбятся мачты, пароходныя трубы, остро прочерчиваютъ небо огромные эллинги Балтiйскаго завода.

«Генералъ», дѣйствительно, — здѣсь, и не одинъ, а съ «генеральшей».

Идутъ подъ руку, бесѣдуютъ оживленно, не замѣчаютъ, что на широкихъ ступеняхъ Горнаго института, между колоннами, у самаго подножiя черныхъ скульптурныхъ группъ, собралось человѣкъ пятнадцать студентовъ - университантовъ, внимательно слѣдящихъ за медленно прогуливающейся парой влюбленныхъ.

— Здравiя желаемъ Ваше Превосходительство!— вдругъ, неожиданно, по-военному, раздается со ступеней лѣстницы.

«Генералъ» быстро освобождаетъ правую руку и, смущенно поднимая плечами, громко отвѣчаетъ:

— Совершенно неостроумно!

Наташа Голубкова — курсистка, тоже первокурсница, хотя и не казачка....

Развѣ это уже такъ важно?

Она молода, какъ и онъ, хорошенькая, веселая, синеглазая, съ такимъ раскатистымъ, пѣвучимъ смѣхомъ, отъ котораго отдаетъ лѣсной чащею, весенней перекличкой птицъ.

«Генералъ» мечтаетъ.

Кто не мечтаетъ въ девятнадцать лѣтъ!

Хорошо будетъ потомъ, дома, въ тиши станицы, въ блескѣ солнца, въ прохладѣ фруктовыхъ садовъ, въ уютной, благословенной тиши домика, гдѣ всего — полная чаша...

И хочется ему цѣловать тяжелыя пряди ея волосъ, блаженно, полной грудью вдыхать еще свѣжiй весеннiй воздухъ, говорить безъ умолку, а потомъ, полузакрывъ глаза, слушать ея голосъ, ея чудесный бисеръ-смѣхъ.

Коля Каменскiй ѣдетъ домой, на цѣлое лѣто, къ себѣ, въ станицу, гдѣ снова будетъ все знакомое, привычное, близкое, но какъ по новому, какъ ярко и буйно зацвѣтетъ въ этомъ году золотая степь, какъ радостно будетъ въ знойныя звѣздныя ночи въ полнозвучной истомѣ ночи разсказать кому то невѣдомому, понимающему всякое, самое затаенное движенiе души, о великой, вѣчно живой силѣ любви, о далекой синеглазой дѣвушкѣ, которая тамъ, въ призрачномъ городѣ Петра, одиноко встрѣчаетъ первую зарю бѣлой ночи, кружевной ночи, въ которой все — колдовство, божественная поэма о небѣ, прозрачномъ, какъ хрусталь, который звенитъ серебромъ, звенитъ — плыветъ въ душу, заставляя ее вѣрить въ самое невозможное.

Игорь Воиновъ.

На копнѣ

Съ чистаго Четверга Страстной недѣли, въ скучную, расчитанную по минутамъ жизнь полка въ глухой, польской провинцiи, вошло что то постороннее, настолько важное, что позволяло не только устраниться на время изъ заведеннаго механизма полковой машины, но и свободно предаться покою и радостной мечтѣ о родномъ. Вечернiя Двѣнадцать Евангелiй закрѣпили это важное на лицахъ, а въ душахъ создалась какая то вдохновенность и грустная мечтательность, которыя бережно хранились всѣми до свѣтлаго дня Воскресенiя Христова. Въ эти дни въ сотняхъ также дневалили, дежурили, казаки дѣлали уборку помѣщенiй и лошадей, но создавшаяся атмосфера повышенной чуткости умѣряла обычную казарменную грубость мягкостью всепрощенiя.

Въ пасхальную, весеннюю тихую ночь мерцанiе звѣздъ кажется живѣе и ярче, глубина небесной синевы наряднѣе, а настороженная тишина природы вотъ - вотъ взорвется какимъ - то радостнымъ кличемъ.

Крупновъ Степанъ и Желѣзниковъ Иванъ, молодые казачата, хуторцы, дневалятъ въ эту ночь въ конюшнѣ.

До десяти часовъ вечера можно было ожидать повѣрки вахмистра, строгаго и суроваго старика, службиста, тяжелая рука котораго съ увѣсистою плетью такъ была извѣстна въ сотнѣ; но съ десяти, когда вахмистръ «безпремѣнно» спитъ, копна сѣна у дверей конюшни была такъ заманчива тепломъ и уютомъ. Обычно дневальные собирались на копну «покалякать», а потомъ они здѣсь спокойно спали до смѣны.

Въ десять ровно хуторцы встрѣтились у копны, растегнули крючки шинелей, натянули фуражки на уши, вобрали глубоко руки въ рукава шинелей и, погружая голову въ растегнутый воротъ, спокойно усѣлись рядомъ въ заготовленное ложе копны.

— Въ такую ночь не придетъ. Къ тому же дѣтишки пріѣхали на побывку. Стряпаютъ, должно, разговѣнье.

— Курятину, мотри, будутъ жрать... лапшевникъ...

— Нѣтъ, это што! Вотъ пасху сдобную съ изюмомъ, — вотъ это ѣда!

— Ну, и скажетъ же! Чего же ты ее въ сухую будешь исть? Али съ чѣмъ?

— А ты думаешь прѣснаго молока у насъ мало?

— Такъ ты, парень, набухаешься прѣснымъ молокомъ, а сласть-то самую куда? Хоть, скажемъ — рванчики съ сметаной.

— Да это правда; я и не смѣкнулъ, съ молокомъ отставить.

Хотя хуторцы и замолчали, но бурныя мечты ихъ такъ назойливо и безпорядочно стучались въ головахъ, что казалось, шорохъ сѣна въ копнѣ вызывалъ не только ихъ нервною дрожью, но и буйностью ихъ молодой кроби и думъ.

— Ты спишь что ли? — Слукавилъ Желѣзниковъ спрашивая, хотя отлично чувствовалъ и дрожь, и мысли своего друга.

— Какой тамъ!.. Да и по уставчику не полагается.

— Говорю молъ: твоя Санька теперь расфуфырилась, въ новой шаличкѣ, въ щиблетахъ съ калошами... Христосуется со всѣми...

— Да ты что-же про мою-то? А твоя Танька думаешь лучше?

— Да я такъ, къ примѣру.

Замолчали. Каждый погрузился въ свои думы и мечты. Устремленный взглядъ изъ копны на звѣзду, отражаясь быстро, находилъ искомое въ родномъ хуторѣ и возвращаясь въ копну преображался въ нервную дрожь. Внѣ этого магическаго треугольника — копна — звѣзда — хуторъ, — бережно охраняемаго покоемъ вселенной, если что и существовало для хуторцовъ, то это... вахмистръ, но и тотъ теперь до забвенія растворенный тишиной и покоемъ.

— Ты погляди, Степа, звѣздочки какія нарядныя нынче, ядреные, и мигаютъ-то какъ-то явственнѣй... Ишь лупоглазки, чуютъ чевой-то... Идѣ-же мѣсяцъ схоронился? Ему бы теперь подмасть козырять.

— Ванчукъ, а ты видалъ какъ солнце на первый день утромъ креститься?

— Слыхалъ, а видать не пришлось.

— Х-у-у! Да ты ничего не знаешь. Ну слухай. Да-а... Вотъ, стало быть, бывало придемъ домой послѣ обѣдни, а на столѣ, братъ, всякой всячины — гора! Мы съ батей тужерки долой, пояски снимаемъ, шаровары растегнемъ и ну садить! Ишь, ишь, ишь, пьешь, взопрѣешь весь, размалинишься... ажъ кубыть скушно станетъ... Да-а... Ну, тогда мозьмемъ по рюмкѣ и выдемъ на крылечко; жерелки растегнемъ на рубашкахъ, а она тебя такъ-этакъ свѣжестью съ прохладой опахнетъ; и до того-то это сладко, ажъ зажмуришься, какъ котъ на лежанкѣ. А тамъ глядишь и солнце краешкомъ изъ-за Машкиныхъ садовъ всходитъ, — чистое, красное, какъ умытое. Ну, бабы скорѣй коптить стекла. Потомъ солнышко трошки поднимится... такъ — четверти на двѣ отъ садовъ...

— Это тебѣ такъ кажется.

— Истинный Богъ! Да я чего, не знаю што ли? Сады - то осъ насъ рукой подать. Ну, да не въ томъ дѣло! Да - а; тутъ гляди — глазъ не отрывай! Сначала она затрусится, затрепыхаетъ эдакъ, а потомъ ужъ явственно солнышко запрядаетъ крестами, какъ мы крестимся рукой... Диковинное дѣло! Ну, для такого дня все можетъ случиться.

— Хочешь восхода дождемся?

— Нѣтъ, парень, мы не у себѣ. Для кого тутъ солнышко выкаблучиваться станетъ?

— Ты не чуешь курятиной варенной несетъ. Бр-ръ, ажъ тошно! Откуда бы?

— Да, отъ сѣна; она, вѣдь, какъ у насъ.

— Сравнилъ! Въ нашей цвѣтка побольше; наша подуховитѣе.

Въ тишинѣ ночи началось оживленіе. По шоссе мимо казармъ появились двигающіяся огоньки свѣчей. Все больше и больше освѣщались окна сотенныхъ помѣщеній. Въ полковой церкви замигалъ огонекъ на колокольнѣ. На плацу слышались голоса и спѣшно пробѣгали силуэты фигуръ. Только вдали, гдѣ еле замѣтные контуры надъ темнымъ пятномъ мирно спавшаго еврейскаго городка, тишина была нѣмою и мертвой. Чуть слышно доносился издали колокольный звонъ.

— Слышишь? Должно скоро нач-ч-чнется.

Дрожь хуторцовъ усилилась и сказывалась въ разговорѣ. Свѣжесть ли апрѣльской ночи, или нахлынувшія воспоминанія произвели встряску молодой, бурливой крови, но напряженіе ихъ достигло того предѣла, когда какой либо рѣзкій звукъ, или жестъ вызывается необходимостью разряженія.

— Степа, а ты христосываться любишь?

— И-и, парень, медомъ не корми! Конечно, когда и какъ? Къ примѣру скажемъ съ женой, съ Танюшкой. На людяхъ чмокнешься, какъ со всѣми; ну, а когда одни останемся, послѣ разговѣнья, такъ и вопьешься засосомъ, ажъ мугуты нѣтъ!..

Бумъ! Бумъ! Бумъ!

Гулкіе, частые, радостно спѣшащіе, побѣдные звуки церковнаго колокола ширились, вытѣсняя тишину. Трепетно толкаясь, они будили все живое, создавая предчувствіе чего-то радостнаго, свѣтлаго. Какъ-то сразу все ожило внезапностью и силой этихъ ликующихъ, полунощныхъ звуковъ.

Съ первыми же ударами колокола ожила и ко-

Окончаніе см. на стр. 12.

КЪ 50-ЛѢТІЮ ДОНСКОГО КАДЕТ

Въ этомъ году исполнилось ровно 50 лѣтъ со дня основанія Донского Кадетскаго Корпуса.

За полвѣка своего существованія онъ пережилъ исключительно интересную для русской школы исторію. Ему суждено было пережить дни русской смуты: — революцію и всю гражданскую войну, а затѣмъ, эвакуироваться за-границу (въ составѣ Бѣлой арміи), продолжая свою полезную, просвѣтительную работу по воспитанію и образованію русскихъ дѣтей на чужбинѣ.

Кадетъ перваго выпуска
Генералъ-Лейтенантъ А. Богаевскій

Въ юбилейный годъ небезинтересно будетъ, хотя бы вкратцѣ, прослѣдить путь, пройденный полувѣковой, безпрерывной его жизни .

26-го февраля 1883 г., по волѣ Императора Александра III, и по инціативѣ войскового наказнаго атамана князя Святополкъ-Мирскаго, въ гор. Новочеркасскѣ былъ учрежденъ и въ томъ же году 30 августа открытъ Донской Кадетскій Корпусъ. Въ 1887 году Императоръ Александръ III и его Августѣйшая семья посѣтили корпусъ. Въ 1890 году его посѣтилъ Вел. Кн. Николай Николаевичъ Старшій.

Въ этомъ же году произошелъ первый выпускъ окончившихъ полныхъ VII классовъ кадетъ, для продолженія ихъ спеціально-военнаго образованія 4-го іюня этого года въ Петроградѣ учреждается Сотня Николаевскаго Кавалерійскаго училища, куда первый выпускъ входитъ почти полностью ,составивъ первый взводъ юнкеровъ Сотни.

Въ 1892 году Высочайшимъ приказомъ учреждается корпусный жетонъ. 18 февраля 1898 года Высочайшимъ приказомъ, Корпусъ въ память Царя-Основателя, переименовывается въ Донской Императора Александра III Кадетскій Корпусъ. Въ 1900 году корпусъ впервые посѣтилъ Гл. нач. в. у. з. Вел. Князь Константинъ Константиновичъ, пробывъ въ немъ три дня. Послѣ этого онъ былъ еще два раза въ 1906 и 1908 году.

Въ 1903 году Императоромъ Николаемъ II было пожаловано, синяго, войскового цвѣта, знамя.

1904. Весь корпусъ представлялся Государю на Военномъ полѣ Персіановскаго лагеря на смотру 4-й Донской каз. дивизіи, уходящей въ дѣйствующую армію на Дальній востокъ.

1908. Корпусъ торжественно праздновалъ 25-лѣтній юбилей своего существованія.

Нашъ корпусъ по ученію занимаетъ второе мѣсто, а по поведенію первое, среди россійскихъ корпусовъ.

1912. Гимнастическая команда Донского корпуса принимала участіе на спортивномъ праздникѣ въ Петергофѣ (въ Высочайшемъ присутствіи), получивъ Царское «спасибо, донцы» .

1913. Взводъ строевой сотни со знаменемъ и хо-

Къ церемоніальному маршу.

ДЕТСКАГО КОРПУСА 1883-1933

ромъ трубачей ѣздилъ въ Москву на открытіе памятника Императору Александру III.

1914. Государь Императоръ Николай II осчастливилъ корпусъ своимъ посѣщеніемъ.

1917. Кадеты различныхъ классовъ принимали участіе въ гражданской войнѣ съ первыхъ дней ея, 26 ноября при взятіи Ростова, и до конца. Послѣ паденія Новочеркасска въ февралѣ 1918 г. корпусъ временно былъ закрытъ, но черезъ 3 мѣсяца по взятіи казаками Новочеркасска вновь возвратился и Войско Донское содержало его на войсковой счетъ.

Многіе кадеты принимали участіе въ отрядѣ Чернецова, а также участвовали въ походахъ ген. Корнилова и Степномъ походѣ. Всѣ участники Дон. атаманомъ Красновымъ были награждены георгіевскими крестами и медалями.

1919. При вторичномъ оставленіи Новочеркасска весь корпусъ совершилъ походнымъ порядкомъ маршъ до ст. Кущевка (Куб. обл.), откуда въ товарныхъ вагонахъ по желѣзной дорогѣ прибылъ въ Новороссійскъ. 20 февраля 1920 года на пароходѣ «Саратовъ» онъ былъ эвакуированъ и перевезенъ въ Египетъ, гдѣ послѣдовательно имѣлъ свою стоянку: въ Александріи, Тель-абъ-Кебирѣ и болѣе полутора лѣтъ въ Измаиліи на берегу Суэцкаго канала

1920 — 1922. Корпусъ за годы своего пребыванія въ Египтѣ посѣтилъ историческія мѣста, о чемъ свидѣтельствуютъ снимки корпуснаго альбома: на древнихъ пирамидахъ, Сфинксѣ, въ Іерусалимѣ, Виѳлеемѣ, Сіонѣ и др. Святыхъ мѣстахъ.

Новогоднюю патріаршую службу у Гроба Господня пѣлъ хоръ донскихъ кадетъ. Святѣйшій патріархъ іерусалимскій благословилъ кадетъ, передавъ корпусу дорогія иконы и церковную утварь.

Патріархъ Александрійскій въ свое время также оказалъ кадетамъ свое вниманіе, посѣтивъ ихъ и благословивъ дѣтей на ихъ учебную работу заграницей.

Измаилія. Постройка палатокъ.

За два года въ Египтѣ корпусъ произвелъ два выпуска, окончившихъ VII классовъ, послѣ чего англійскими властями онъ былъ расформированъ за отсутствіемъ средствъ. Четыре младшихъ класса (около 200 человѣкъ) со своими офицерами-воспитателями были перевезены въ Константинополь, гдѣ въ лѣтнемъ помѣщеніи русскаго посольства въ Буюкъ-Даре образовали «британскую школу для русскихъ учениковъ». Школа эта просуществовала четыре года, давъ многимъ закончить полный курсъ средней школы. Но исторія Донского корпуса на этомъ не прекращается.

Въ Югославіи. Группа кадетъ-соколовъ.

Въ 1920 году, въ Крыму, изъ отставшихъ въ пути больныхъ и находящихся въ разныхъ отрядахъ полкахъ Бѣлой арміи, былъ составленъ кадръ 2-го Донского кадетскаго корпуса, въ отличіе отъ стараго, который находился въ то время въ Египтѣ. Пополненный въ Крыму вновь принятыми кадетами другихъ корпусовъ и учащейся донской молодежью, въ числѣ 200 кадетъ, былъ перевезенъ при оставленіи Крыма въ Югославію, гдѣ впервые былъ размѣщенъ въ лагерѣ Старище близъ Птуи. Пробывъ здѣсь годъ, онъ былъ переведенъ въ гористую мѣстность Герцеговины, на границѣ Черногоріи въ мѣстечко Билега. Здѣсь 12 сентября 1922 года, вслѣдствіе расформированія въ Египтѣ стараго корпуса, приказомъ Донского атамана ген. Богаевскаго былъ переименованъ въ Донской Императора Александра III кадетскій корпусъ, получивъ отъ него весь архивъ и все цѣнное для исторіи корпуса. Въ Билегѣ онъ просуществовалъ пять лѣтъ, снова былъ переведенъ въ г. Горожду (Боснія), гдѣ продолжаетъ существовать по настоящее время.

За десять лѣтъ своего пребыванія въ Югославіи Донской корпусъ далъ возможность болѣе чѣмъ 300 русскимъ юношамъ на казенный счетъ закончить среднее образованіе и теперь они служатъ въ братской намъ Сербіи какъ офицеры арміи и флота, какъ и инженеры по своимъ спеціальностямъ. Его Величество король Югославіи Александръ, бывшій Главнокомандующій Русской арміей ген. Врангель, Донской атаманъ ген. Богаевскій и др. русскіе и сербскіе начальники посѣтили корпусъ, отмѣтивъ тѣмъ самымъ его полезную учебно-воспитательскую работу на пользу будущей Россіи.

Несмотря на свою долголѣтнюю жизнь заграницей въ разныхъ странахъ, кадеты сохранили традиціи и обычаи стараго корпуса и не напрасно же первый выпускъ кадетъ въ Югославіи на выпускномъ жетонѣ написалъ девизъ: «Вѣрны завѣтамъ старины».

С. Болдыревъ.

Донской Казачій Хоръ

С. А. ЖАРОВА ВЪ С.-ФРАНЦИСКО

Дни пребыванія въ С. Франциско (февраль этого года) нашего славнаго хора Жарова были сплошнымъ праздникомъ русской колоніи.

Встрѣча, а затѣмъ концерты, многочисленныя чествованія въ организаціяхъ и въ частныхъ домахъ, чередовались непрерывной лентой.

Особенно тепло встрѣчали хоръ многочисленные казаки разныхъ сибирскихъ и дальневосточныхъ войскъ, основавшіеся въ С. Франциско послѣ гражданской войны.

На второмъ концертѣ, 19-го февраля, состоялось поднесеніе кубка отъ казаковъ и почитателей хора. Кубокъ былъ украшенъ наложенной чеканнымъ золотомъ лирой съ двумя скрещенными казачьими шашками съ надписью: «1933. Славному Донскому Казачьему Хору Сергѣя Жарова отъ Казаковъ и Почитателей». Вручая кубокъ, представитель русской колоніи А. Н. Вагинъ обратился съ привѣтственнымъ словомъ, сначала по русски, а затѣмъ и на англійскомъ языкѣ, къ С. А. и ко всѣмъ участникамъ хора, образно и ярко очертивъ выдающееся значеніе ихъ дѣла въ Зарубежной Россіи. Хоръ отвѣтилъ на подношеніе гимномъ «Коль славенъ», выслушаннымъ тысячной толпой — русскими и американцами — стоя.

Въ тотъ же день вечеромъ, хоръ пропѣлъ панихиду въ Скорбященскомъ соборѣ, представлявшемъ необычайную картину массового переполненія храма молящимися. Собрались туда не только православные, но и сектанты, американцы и евреи. Высоко художественное исполненіе пѣснопѣній панихиды произвели на присутствующихъ неописуемое впечатлѣніе.

Покидая С. Франциско, С. А. Жаровъ благодарилъ, черезъ мѣстную русскую печать, русскую колонію, оказавшую хору теплую встрѣчу и радушный пріемъ.

нюшня. Зафыркали лошади, поднимаясь съ соломы, зазвенѣли цѣпи привязей, забухали доски перегородокъ; появились суетливыя фигуры и командные голоса. Быстро выскочили изъ копны хуторцы. Смятыя, нахлобученныя фуражки и растрепанныя шинели, обильно покрытыя сѣномъ, — дѣлали ихъ видъ никакъ не сооотвѣтствующимъ должностнымъ лицамъ наряда. Расправляя члены, зѣвая и потягиваясь, они не отдалились еще отъ сферы ласкающихъ воспоминаній.

— Обтряхни, Степанъ, мнѣ спину.

— Вотъ я тебя обтряхну, циплокъ желторотый!

Такъ знакомый голосъ вахмистра жгучимъ испугомъ до оцѣпененія сокрушилъ молодыхъ казачатъ.

Инстинктомъ самозащиты поднялись руки куда-то вверхъ для отданія чести и сжались сгорбленныя спины въ ожиданіи тяжелой вахмистерской плети. Уже взвизгнула она надъ головой Кудинова; прищурились глаза его и подкосились ноги... Какъ вдругъ изъ внезапно расправившейся его фигуры вырвался смѣлый крикъ:

— Христосъ Воскресе! Господинъ вахмистръ!

Дрогнула рука съ плетью надъ головой Крупнова, на мигъ повисла и медленно опустилась.

— Воистину Христосъ Воскресе! Ишь, ушлый кужонокъ!.. Ну, погоди, я еще съ тобою похристосуюсь!

Непостижима дерзость Кудинова, но кличку свою въ сотнѣ смѣкалиста онъ оправдалъ.

В. Крюковъ.

Казачьи Кассы Взаимопомощи

Продолженіе нашей анкеты (см. №№ 4 и 5 журнала)

КУБАНСКАЯ КАССА

ВЗАИМОПОМОЩИ ВЪ ПАРИЖѢ

Касса существуетъ съ 1-го мая 1929 года. Вначалѣ было не такъ много желающихъ вступить въ нее, но первый же годъ ея существованія, показавшій на практикѣ пользу дѣла, далъ увеличеніе числа членовъ, количество которыхъ дошло нынѣ до 38 человѣкъ.

Изъ ежемѣсячнаго взноса въ 10 франковъ, 7 франковъ являются собственностью вкладчика и поступаютъ въ ссудный фондъ, изъ котораго выдаются взаимообразно краткосрочныя ссуды, а остальные 3 франка поступаютъ въ пособный фондъ, изъ котораго въ весьма тяжелыхъ случаяхъ выдаются безвозвратныя пособія и производятся канцелярскіе расходы.

Группа казаковъ-организаторовъ кассы, не задавалась большими цѣлями и не думала, что казаки сразу поймутъ ту благую цѣль, которую эта группа рѣшила проводить въ жизнь. Ясно давался себѣ отчетъ въ томъ, что не легко расшевелить казака, не привыкшаго платить испоконъ вѣковъ никакихъ налоговъ. А тутъ тебѣ на! Десять франковъ, да еще ежемѣсячно!

Тяжело живется на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ краевъ. Быть рабочимъ — это жить сегодняшнимъ днемъ. Заработки не такъ велики, чтобы можно было отложить достаточно на черный день, а при современномъ экономическомъ кризисѣ еле хватаетъ на пропитаніе. Большинство изъ насъ сколько зарабатываетъ, столько и проживаетъ. Какъ только наступаетъ тяжелое время — болѣзнь, безработица, — малыя сбереженія быстро исчезаютъ, у кого они есть, а другіе сразу попадаютъ въ безвыходное положеніе и начинаютсд, полныя униженіями, мытарства. Друзья-одиночки не такъ богаты и помощи существенной оказать не могутъ; а она такъ необходима вовремя для того, чтобы поставить человѣка на ноги. Помощь должна быть своевременна — дорого яичко къ Велику дню.

Поступая въ кассу, казакъ не знаетъ кто первый обратится за помощью, но онъ долженъ твердо знать о томъ, что въ трудную минуту не останется одинокимъ.

Наличность нашей кассы на 1-ое января этого года — 9.267 фр. 35 сант., изъ которыхъ 5.803 фр. составляютъ ссудный фондъ, и 3.464 фр. 35 с.—пособный фондъ. Безвозвратныхъ пособій за истекшій годъ было выдано на 505 фр., а краткосрочныхъ ссудъ на 32.455 фр.

Польза существованія кассы очевидна.

Нашей цѣлью должно быть самосохраненіе и самостраханіе не только для насъ, но и для Родины.

Искренность, доброе желаніе, способность на жертву могутъ привести къ реальному, насущному результату — помощи брату своему.

П. Гладковъ,
Предсѣдатель Кубанской кассы взаимопомощи при Кубанской станицѣ въ Парижѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ: На общемъ собраніи членовъ Кубанской кассы взаимопомощи въ Парижѣ, 17 февраля с. г., были произведены перевыборы правленія. Избранными оказались: предсѣдатель — П. М. Гладковъ (на 5-й годъ), казначей — Н. Г. Копыловъ (на 3-й годъ), секретарь — В. К. Черный, и членами правленія — А. К. Органовъ и П. А. Лубенецъ (оба на 2-й годъ).

Пожелаемъ дальнѣйшаго успѣха этому крайне необходимому дѣлу, силы и бодрости избраннымъ станичникамъ на посту служенія Зарубежному Казачеству.

ВЪ РОДНЫХЪ КРАЯХЪ

Выдержки изъ письма, предоставленнаго въ распоряженіе редакціи однимъ изъ читателей «Станицы»

...«Мы твое письмо получили и увидѣли, что у васъ во Франціи можно сказать жизнь хорошая... Мы сейчасъ переживаемъ самое тяжелое положеніе, а въ чемъ мы нуждаемся? Мы нуждаемся главнымъ образомъ въ продуктахъ питанія... Мы уже сидимъ полтора мѣсяца безъ хлѣба чуть живые, базаровъ у насъ нѣтъ никакихъ. Братъ Х. работаетъ при столовой заготовителемъ пищевыхъ продуктовъ; столовые эти не плановые, работаютъ на самоснабженіи, хлѣба нѣтъ ни въ одной столовой, все даютъ безъ хлѣба, а я и дося учусь въ 7-й группѣ, мнѣ тоже хлѣбную карточку не даютъ... Дорогой братуша, я бросаю учиться. Вы сами знаете вѣроятно какъ голодному учиться, а высшая администрація не обращаетъ на это никакого вниманія. Въ колхозахъ и на производствахъ народъ пухнетъ безъ хлѣба... Сейчасъ по совѣтскомъ союзѣ проводится сплошная коллективизація и на базѣ сплошной коллективизаціи проводится ликвидація кулачества какъ класса... Первую пятилѣтку закончили въ 4 года 3 мѣсяца, вступили на порогъ второй пятилѣтки, задача которой постройка безклассового соціалистическаго общещства. Сейчасъ съ 5 по 15 февраля производится чистка партіи и комсомола, выкорчевываютъ послѣдніе кулацкіе корни. Братуша, давайте на нѣкоторый періодъ прекратимъ переписку, а то сейчасъ совѣтская власть очень зорько смотритъ на это и скидываетъ съ производства кто имѣетъ съ заграницей переписку. Если будете переѣзжать въ какую либо державу, то пишите тогда чтобы мы знали вашъ адресъ. Зятя У... взяли на годъ работать на принудительныхъ работахъ, а сестра тоже скоро будетъ пухнуть съ дѣтьми съ голоду»...

Казаки и „земля“ во Франціи

Среди казаковъ заграницей, больше чѣмъ во всѣхъ другихъ группахъ рус. эмигрантовъ, имѣется людей, пригодныхъ и близкихъ къ сельскому хозяйству, къ землѣ. Старики и среднихъ лѣтъ люди сами ее обрабатывали на Родинѣ, съ дѣтскихъ лѣтъ, молодежь, выросшая за границей, сама ее не обрабатывала, но, несомнѣнно, въ нихъ по наслѣдственности отъ своихъ предковъ должно быть стремленіе къ земледѣлію, къ природѣ.

Отчего же не наблюдается до сихъ поръ среди казачества **массоваго ухода** съ душныхъ, губящихъ здоровье, фабрикъ, и устройство на землѣ, особенно съ того времени, когда выяснились (съ 1926—27 г.) такія серьезныя возможности во Франціи, гдѣ легко устроиться арендаторомъ или испольщикомъ на готовой къ работѣ фермѣ, съ незначительными, сравнительно, деньгами.

Причины мнѣ представляются слѣдующія:

1) По-началу, каждый казакъ, какъ и прочій русскій эмигрантъ, долженъ былъ подумать о томъ, какъ поскорѣе и побольше можно заработать денегъ, чтобы одѣться, быть сытымъ и сберечь что либо про черный день. А такъ какъ на фабрикахъ, особенно 10 — 12 лѣтъ назадъ, и работы было много, и платили хорошо, то всѣ туда и закабалились.

2) О возможности устроиться на землѣ въ Европѣ, поначалу, мало кто думалъ и зналъ. Кидались, правда, въ разныя Америки, соблазненные широкими обѣщаніями, рекламами и надеждами устроиться тамъ скопомъ, съ родными людьми, цѣлыми станицами. Но всѣ эти попытки заканчивались полной неудачей, и ясно доказали всѣмъ здравомыслящимъ людямъ невозможность на это больше разсчитывать.

3) Когда открылись большія возможности работать на землѣ во Франціи самостоятельно, на себя, безъ нудной работы за жалованье и безъ командующихъ надъ вами контромэтровъ, началось движеніе на землю и казаковъ. Они составляли не меньше половины русскихъ людей, идущихъ «на землю».

Но, къ этому времени, многихъ уже разбаловала городская жизнь, къ ней привыкли, о своемъ истощенномъ здоровьѣ не думали еще, боялись неизвѣстности, пугались примѣровъ нѣкоторыхъ неудачниковъ, быстро вернувшихся «съ земли», ибо были къ этой работѣ не приспособленными, и у нихъ не хватило необходимой выдержки перенести первые, всегда тяжелые, мѣсяцы.

Движеніе на землю, среди казаковъ, не прекращалось, но оно не развивалось съ возможной и ожидаемой быстротой, хотя общіе результаты устройства на землѣ русскихъ людей во Франціи до сихъ поръ можно считать прекрасными.

4) Скопивъ, позже, кое какія сбереженія, люди

все еще колебались рискнуть ими, переходя на неизвѣстныя большинству условія с.-хоз. работы во Франціи. Къ тому же мысль о возможности «вскорѣ» вернуться на Родину удерживала многихъ отъ прочнаго закрѣпленія заграницей.

5) Молодежь и многія женщины изъ казачьихъ семей — попросту «огорожанились», привыкли къ внѣшнему комфорту и прелестямъ городской жизни, не хотѣли итти въ деревню и нюхать ея навозъ, не зная или забывъ другія, и болѣе серьезныя, ея преимущества.

6) Наконецъ, общее состояніе здоровья въ первые годы не заставляло на себя жаловаться, и до послѣдняго еще времени, не всѣ отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, насколько оно надорвалось за эти тяжелые годы, и, особенно, на заводской работѣ. А такъ какъ на заводахъ заработокъ на видъ болѣе показной, и немедленный, и работа всего 8 часовая, то и на здоровье свое не обращали люди вниманія, и до сихъ поръ не всѣ вспоминаютъ о необходимости подкрѣпить его, и возможности сдѣлать это, перейдя на жизнь и работу въ деревню, на вольный воздухъ.

7) Непорядокъ во французскихъ усадьбахъ, старые и неудобные дома, отсутствіе чисто элементарнаго удобства въ нихъ, тоже не мало отпугиваетъ желающихъ, но обвыкшихъ въ городской обстановкѣ.

8) Недостатокъ женщинъ - хозяекъ среди одинокихъ казаковъ — какъ будто незамѣтный, но, на самомъ дѣлѣ, одинъ изъ самыхъ главныхъ факторовъ боязни деревенской работы среди нихъ.

Въ слѣдующей статьѣ постараемся освѣтить настоящее состояніе сельско - хозяйственнаго устройства русскихъ, въ частности — казаковъ на землѣ, его положительныя стороны, пути къ нему и возможности. Кромѣ того, затронемъ положеніе казачьей молодежи съ агрономическимъ образованіемъ и ея положеніе во Франціи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Марковъ.

БАЛЪ СТУДЕНТОВЪ-КАЗАКОВЪ

Въ воскресенье 22-го апрѣля наша станица устраиваетъ большой, веселый балъ въ помѣщеніи Англійскаго клуба (81, рю Мадемуазель, 15-й аррондисманъ, метро Вожираръ), съ прелестной балериной Жульяной Янакіевой, неподражаемымъ Павломъ Троицкимъ и виртуозомъ - гармонистомъ Игнатовымъ; приготовлено много сюрпризовъ. Дешевый, обильный буфетъ. Билеты по 5 и по 8 франковъ продаются у всѣхъ членовъ станицы. Чистый сборъ поступитъ въ пользу больныхъ и нуждающихся студентовъ-казаковъ.

НАШЕ КАЗАЧЬЕ СПАСИБО!

За первый триместръ этого года (январь—мартъ) въ кассу Станицы поступило 2.767 фр. 15 с., пожертвованныхъ въ пользу студентовъ-казаковъ слѣдующими лицами и обществами:

Почетный казакъ станицы Аббатъ К. Кенэ	1.425.—
Комитетъ казачьихъ организацій по устройству бала 14 янв. с. г. въ Парижѣ	500.—
Причитавшаяся станицѣ часть прибыли отъ бала, какъ организаціи, входившей въ комитетъ	300.—
Генералъ Е. К. Миллеръ	295.—
Докторъ А. Кирѣевъ, изъ Сенегаля, въ пользу больныхъ и безработ. казаковъ	70.—
Члены Капитала Парижской группы Донского Офицерскаго резерва, черезъ ген. Зубова	56.—
Остатокъ по устройству «Дня казачьей скорби», переданный станицѣ распоряженіемъ Донского Атамана ген. А. П. Богаевскаго	57.15
Юрисконсультъ станицы, прис. повѣрен. М. А. Адамовъ	25.—
А. М. Рѣдичкинъ, въ память его покойнаго брата, подъесаула Ф. М. Рѣдичкина	25.—
Полковникъ Н. И. Кочетовъ	10.—
Инженеръ М.	4.—
Итого	2.767.15

ВНИМАНІЮ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ

Воотъ уже около двухъ лѣтъ болѣетъ туберкулезомъ казакъ станицы Урюпинской, сотникъ В. А. Котовчихинъ — членъ нашей станицы. Давно уже онъ не въ состояніи работать и давно лишился права получать пособіе какъ безработный.

Врачи настоятельно совѣтуютъ ему ѣхать на югъ, въ деревню. Друзья сотника списались уже съ одной казачьей фермой (Д. Я. Московкинъ, атаманъ хут. въ департ. Жеръ) на юго-западѣ Франціи и есть возможность устроить его на лѣто, оплативъ лишь расходы казаковъ-фермеровъ по столу. Вмѣстѣ съ проѣздомъ нужно лишь около 1.500 фданковъ и будетъ спасенъ молодой казакъ. Свѣжій воздухъ, покой, усиленное питаніе, пройденное предварительно леченіе, вернутъ силы и здоровье нашему станичнику.

Ко всѣмъ, прочитавшимъ эти строки, обращаемся съ горячимъ призывомъ о помощи, не стѣсняясь размѣрами пожертвованій.

Починъ уже сдѣланъ: первымъ, какъ всегда, откликнулся почетный казакъ нашей станицы Аббатъ К. Кенэ, приславшій на станичный сборъ 2 апрѣля для больного 100 фр., на сборѣ же его коллегами собрано 39 фр., и изъ далекаго Сенегала докторъ Кирѣевъ прислалъ станицѣ 70 фр., въ пользу больныхъ и безработныхъ казаковъ, каковые и обращены по прямому назначенію — для В. А. Котовчихина. Отъ Донского хора С. А. Жарова поступило по подписному листу 110 фр.

Пожертвованія направлять по адресу:

M-r GOUSSEFF. 60, rue Dombasle. Paris (15).

Станичный Атаманъ **П. Гусевъ.**
Казначей **Г. Зазуля.**
Писарь **С. Ивановъ.**
Члены Правленія: **М. Косоротовъ,**
П. Ноздринъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ

При студенческой Казачьей Станицѣ была организована 17 октября 1931 года юридическая консультація.

За это время — съ 17. 10. 31 г. по 17. 3. 33 г. — въ консультацію со стороны студентовъ-казаковъ, ихъ семей и знакомыхъ было 62 обращенія, причемъ въ 17 случаяхъ были даны письменныя заключенія.

Характеръ дѣлъ, по которымъ обращались просители въ консультацію чрезвычайно разнообразенъ по своей юридической структурѣ. Нѣтъ, кажется, той отрасли права и жизни, съ которой нуждавшіеся въ юридическихъ совѣтахъ не прибѣгали бы за отвѣтомъ.

Вопросы рабоче - профессіональнаго и фабрично-промышленнаго права (Кодъ дю Травай, Консей дю Прюдомъ), административнаго (визы, картъ-д-идантитэ), налогового, страхового, квартирныхъ и гражданскихъ дѣлъ (семейное и наслѣдственное право), а также рядъ случаевъ, связанныхъ съ несчастьями и увѣчьями при работѣ — все это прошло передъ консультаціей станицы.

За послѣднее время, въ связи съ затянувшимся общимъ кризисомъ, наблюдается увеличеніе обращеній, связанныхъ съ дѣлами «о шомажѣ».

Всѣ устные совѣты, какъ и письменныя заключенія, были предоставлены совершенно безвозмездно.

Консультація находится по 85, рю де ла Конвансьонъ, гдѣ и продолжаетъ свою работу по вторникамъ и пятницамъ отъ 7 до 8 час. вечера.

Завѣдующій Консультаціей при Парижской Студенческой Казачьей Станицѣ
Присяжный Повѣренный **М. А. Адамовъ.**

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ оказывается безвозмездно студентамъ - казакамъ почетнымъ старикомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5 до 7 час. вечера на 122, бульваръ Мюратъ (по запискамъ отъ правленія).

СКОРбный листокъ.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

Контора «Станицы» проситъ всѣхъ, получившихъ этотъ номеръ, прислать его стоимость — 2 франка (можно почтовыми марками).

Къ г.г. предсѣдателямъ казачьихъ организацій, получающихъ журналъ для распространенія среди ихъ членовъ и не приславшихъ отчеты по продажѣ прошлыхъ номеровъ (или прошлаго номера), покорнѣйшая просьба произвести разсчетъ теперь же.

Срокъ отчета за этотъ номеръ — 15-е іюня.

Слѣдующій номеръ (7-й) выйдетъ въ началѣ іюля сего года.

Всю простую, заказную и денежную корреспонденцію направлять по адресу:

M-r GOUSSEFF. 60, rue Dombasle. Paris (15).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

С. РЫТЧЕНКОВЪ. — **259 дней Лемносскаго сидѣнія.** Парижъ, 1933 г., 144 страницы.

Авторъ командовалъ 3-й сотней Атаманскаго военнаго училища во время его пребыванія на островѣ Лемносъ. Въ книгѣ подробно описана жизнь училища со дня отбытія изъ Крыма и до прибытія съ острова въ Болгарію. Тамъ же находимъ цѣлый рядъ полныхъ текстовъ приказовъ по училищу, лагерю, корпусу, отражающіе всѣ происходившіе на Лемносѣ событія, регулирующіе бытъ и взаимоотношенія случайныхъ обитателей непривѣтливаго острова. Не только участники «сидѣнія», но и всѣ казаки несомнѣнно съ интересомъ прочтутъ эту книгу, которая явится цѣннымъ матеріаломъ для будущаго историка эпохи пребыванія казачества въ эмиграціи послѣ гражданской войны 1918 — 1920 г.

О. С. ТРАХТЕРЕВЪ. **Мысли и тревоги.** Парижъ, 1933.

Въ книгѣ собраны статьи, помѣщавшіяся авторомъ въ различныхъ газетахъ и журналахъ, издаваемыхъ за рубежомъ, по самымъ разнообразнымъ темамъ, связаннымъ съ нашимъ пребываніемъ въ эмиграціи и съ воспоминаніемъ о послѣднихъ годахъ пребыванія нашего на родинѣ. Для казаковъ большой интересъ представляетъ статья, въ которой полностью воспроизведенъ процессъ по дѣлу убійства предсѣдателя Кубанской краевой Рады Н. С. Рябовола въ октябрѣ 1919 г. Полностью приведены не только рѣчи автора, защищавшаго подсудимаго (крестьянина А. Коврижкина), но и рѣчь прокурора и самый обвинительный актъ.

«КАЗАКЪ» № 1.

Вышелъ изъ печати первый номеръ вѣстника Донского Атамана и Союза казаковъ - комбатантовъ, подъ названіемъ «Казакъ».

Юбилей «ЧАСОВОГО».

По случаю выпуска сотаго номера двухнедѣльнаго военнаго и военно-морского журнала «Часовой», въ мартѣ с. г. состоялся многолюдный банкетъ въ залахъ Галлиполійскаго собранія, въ Парижѣ. Шлемъ нашему собрату привѣтъ и пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія и успѣха.

«КАЗАКЪ ЗА РУБЕЖОМЪ», бюллетень Обще-казачьей студенческой станицы въ Брно (Чехословакія), литографирован. изданіе, № 1 (11) — февраль 1933.

На 25 страницахъ журнала помѣщено много разнообразнаго матеріала. Номеръ открывается передовой, написанной Терскимъ войсковымъ Атаманомъ ген. Г. А. Вдовенко. Отмѣтимъ интереснѣйшія статьи Г. А. Орлушина (изъ исторіи революціи и гражданской войны на Терекѣ), «О казачествѣ» — Писаренко, очеркъ Б. Е. о Платовскомъ хорѣ, информаціи изъ различныхъ пунктовъ казачьяго разселенія въ Чехословакіи, и др.

---

† Г. А. ПАНАСЕНКО

15-го февраля сего года скончался отъ уреміи въ г. Сошо казакъ Кубанскаго войска Григорій Андреевичъ Панасенко, 38 лѣтъ, и похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ. Въ прошломъ году Г. А. былъ избранъ церковнымъ старостой Бельфорской православной церкви и былъ извѣстенъ среди казаковъ и вообще всѣхъ русскихъ, проживающихъ въ Сошо и Бельфорѣ, своей широкой благотворительной дѣятельностью. На могилу былъ возложенъ отъ казаковъ вѣнокъ. Послѣ покойнаго осталась жена и двое дѣтей.

16-го марта скончался отъ туберкулеза легкихъ, въ госпиталѣ Бруссе (Парижъ), казакъ Аксайской станицы Дон. войска Иванъ Дмитріевичъ Панченко, 30-ти лѣтъ.

Въ томъ же мѣсяцѣ, въ Парижѣ, трагически скончался казакъ станицы Тишанской (Дон. В.) сотникъ Г. А. Асеевъ и погребенъ 25 марта на кладбищѣ Тье.

РОЗЫСКЪ

Докторъ С. Г. Щербаковъ разыскиваетъ своихъ родственниковъ Василія и Федора Ефимовичей Буровыхъ станицы Верхне-Курмоярской Всевеликаго Войска Донского. По неточнымъ свѣдѣніямъ Василій Буровъ служилъ въ 1923-24 г. въ иностранномъ легіонѣ, въ Алжирѣ.

Просьба сообщить по адресу:

Doctor Tscherbakoff S., s/o Doctor Martin, Mission Hospital, Taxila (Punjab). Britsh India.

**Привѣтъ изъ Марокко
студентамъ-казакамъ отъ казаковъ-легіонеровъ
2-й роты 3-го полка**

СТРЕМЛЯЩИМСЯ КЪ ОБРАЗОВАНІЮ

Цѣль настоящей статьи дополнить нѣсколькими мыслями и указаніями статью Н. Ф. Пузанова въ предыдущемъ номерѣ «Станицы». Счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ мнѣ удалось сдѣлать значительныя наблюденія въ жизни русскаго эмигрантскаго студенчества.

Для желающаго получить высшее образованіе первымъ вопросомъ станетъ — **средства.** Прежняя широкая помощь стипендіями теперь весьма сократилась, но не закрылась. Помощь различныхъ организацій огромна, особенно цѣльными стипендіями, не все же ежемѣсячныя пособія, за правоученіе, школьные расходы, они производятъ. Такая ихъ помощь по преимуществу оказывается тѣмъ студентамъ, которые вступили въ школы на собственныя сбереженія, но для окончанія которыхъ не достаточно личныхъ средствъ. При разсчетѣ личныхъ средствъ скромному студенту въ Парижѣ надо принять сумму въ 400 фр. въ мѣсяцъ (довольствіе и помѣщеніе).

Возрастъ въ эмигрантскомъ состояніи при этомъ также важный вопросъ. Споромъ «Отцы и дѣти» категорія молодежи опредѣляется сорокалѣтнимъ возрастомъ. Правила французскихъ высшихъ школъ очень гибки въ этомъ отношеніи и препятствій изъза возраста обычно не строятъ для поступленія. Во всякомъ случаѣ стыдъ возраста при этомъ ложная преграда къ высшей школѣ. Знаю казака полковника, въ сорокъ лѣтъ съ хвостикомъ, который, комбинируя посѣщеніе школы съ работой, недавно окончилъ два высшихъ учебныхъ заведенія.

Французскій языкъ. Это препятствіе къ высшей школѣ преодолѣваемо легче другихъ. Хотя трудно установить степень достаточности знанія языка, но признаками могутъ служить бѣглое чтеніе, пониманіе прочитаннаго, хотя бы съ пользованіемъ иногда словаремъ, возможность вести обычный разговоръ (съ ошибками) и способность понимать сущность разговорной рѣчи; грамматически вѣрно писать особенно трудно, да это и не такъ важно. Бѣгло говорить по французски, болтать, не только не обязательно для поступающихъ, но и оканчивающіе высшую французскую школу иностранцы, обычно, далеки отъ этого. Изучаемая наука, спеціальность, довольно однообразна въ своемъ лексиконѣ и потому усваивается довольно быстро. Кромѣ того, высшія французскія школы наполнены иностранцами и часто профессоры, выработанной практикой наводящихъ вопросовъ, чутко и деликатно помогаютъ взаимному пониманію въ изложеніи сущности студенческихъ отвѣтовъ. Итакъ, если вы близки къ такой степени знанія французскаго языка, то не смущайтесь, — 90% поступающихъ русскихъ студентовъ дерзали и преуспѣвали въ томъ же состояніи. Если же ваши познанія слабѣе такой степени, то, не бросая работы, сосредоточтесь на изученіи языка дома, берите три раза въ недѣлю часовые, единоличные уроки у преподавателя и черезъ 6 — 7 мѣсяцевъ вы будете близки къ вашему устремленію, попутно съэкономивъ лишнюю тысячу для самооплачиванія жизни своего студенчества.

Выборъ школы. При свободномъ выборѣ школы преобладаютъ соображенія призванія, склонности къ опредѣленной наукѣ, или спеціальности и практическія выгоды школы. Въ нашемъ же эмигрантскомъ состояніи, гдѣ знанія языка, средства, использова-

ніе диплома, являются чаще рѣшающими факторами, надо искать — гдѣ мельче бродъ. Первая возможность выбора изъ двухъ, почти однозначащихъ типовъ высшихъ школъ: школы съ обязательнымъ посѣщеніемъ и школы заочнаго преподаванія (путемъ корреспонденціи). Сравнивая эти школы, я имѣю въ виду только серьезныя школы заочнаго преподаванія, какъ напримѣръ рекомендованная Н. Ф. Пузановымъ «Школа у себя» черезъ множество спеціальностей которой проходятъ ежегодно тысячи французской молодежи. Подобныя школы получили всѣ законныя права наряду со школами съ обязательнымъ посѣщеніемъ. Онѣ приспособлены для людей занятыхъ другой работой и только практическія занятія и экзамены обязываютъ являться въ школу на короткіе сроки. При рѣшеніи выбора школы съ обязательнымъ посѣщеніемъ вы встрѣтите весьма обширный ихъ перечень; такой выборъ настолько разнообразенъ и примѣнимъ ко всякимъ требованіямъ и условіямъ, что познакомившись съ программами высшихъ французскихъ школъ во всей Франціи, вы навѣрно найдете что либо соотвѣтствующее вашимъ желаніямъ. Выпишите книгу «Университе де Пари». Стоитъ она 5 франковъ.

У многихъ серьезной причиной, устраняющей попытку къ поступленію въ высшую школу, является сознаніе того, что всѣ знанія средней школы давно вывѣтрились и безъ этого багажа нельзя приближаться къ высшему образованію. Это не совсѣмъ такъ. Средняя школа создаетъ широкій фундаментъ для воздвиженія надстроекъ, нуждающихся въ его подпорѣ въ той части, на которой она строится. Среднее образованіе — комплектъ всѣхъ начальныхъ наукъ, предназначенный для поднятія вашего общаго развитія, не спеціализируя васъ ни въ какомъ направленіи. Этотъ комплектъ васъ готовитъ къ воспріятію всякой надстройки, учитъ находить и использовать въ немъ ту его часть, которая вамъ потребуется. Чаще же высшая школа требуетъ этого полнаго комплекта знанія, какъ зрѣлости, безъ всякихъ подробностей, деталей, формулъ, опредѣленій, которые вообще-то улетучиваются съ закрытіемъ дверей за вами средней школы. Если даже и потребуется оттуда нѣчто частичное, то возможность эта для зрѣлаго ума не представитъ трудности.

Передъ огромнымъ большинствомъ эмигрантской молодежи физическій трудъ безпросвѣтной стѣною закрываетъ свѣтлыя возможности продвиженія на жизненномъ пути. Умъ, энергія молодежи могутъ оказаться заточенными на оскуденіе за этой стѣной, если порывами этихъ качествъ она не дастъ выходовъ. Они есть и одинъ изъ самыхъ достойныхъ — образованіе. Усиліемъ труда нашу молодежь не удивишь, а только оно для этого и требуется. Примите твердое рѣшеніе и заявите въ соотвѣтствующія учрежденія, что морально и матеріально вы подготовлены къ началу дѣла. Правда, сердце благотворительности стало черствымъ въ силу обстоятельствъ, но своей доказанной готовностью къ жертвенности, вы вызовите и ея жертвенность.

Пусть васъ не смущаетъ временная практическая неприложность вашихъ будущихъ дипломовъ. Полученныя знанія, расширенный кругозоръ и ваша связь съ наукой, въ концѣ концовъ получатъ должную оцѣнку и примѣненіе. Не забывайте главнаго: передъ вами одичавшая Родина, такъ жаждущая приложенія интеллигентныхъ силъ.

Приблизьтесь къ образованію и наукѣ; это вовлечетъ васъ въ ея круговоротъ и украситъ вашу жизнь.

Итакъ, спѣшите начать съ развѣдки. Стучитесь во всѣ двери, за которыми скрывается хоть малѣйшая возможность къ образованію! Не складывайте рукъ передъ грозной опасностью зарубежной молодости!

В. К.

Le gérant : Ch. Quénet.

Typ. BASILE, 1, villa Chauvelet, Paris 15°

№ 7
Juillet 1933

Цѣна
2 фр.

STANITZA
organe de la Stanitza
des Étudiants-Cosaques de Paris
Trimestriel

35, rue de Sèvres — PARIS (VIe)

УРАЛЕЦЪ

Рис. для СТАНИЦЫ Л. Масянова.

КЪ ПРЕДСТОЯЩИМЪ ЮБИЛЕЯМЪ КАЗАЧЬИХЪ СТУДЕНЧЕСКИХЪ ОРГАНИЗАЦІЙ ЗАГРАНИЦЕЙ

Парижская Студенческая Казачья Станица

1-го января будущаго года исполнится 10 лѣтъ со дня основанія нашей станицы.

Правленіе проситъ всѣхъ станичниковъ-студентовъ, а также всѣхъ казаковъ, состоявшихъ ранѣе въ ней, когда она именовалась обществомъ взаимопомощи донскихъ студентовъ казаковъ, вносить ему предложенія и проэкты способовъ достойно отмѣтить эту знаменательную дату.

Къ юбилею предполагается выходъ спеціальнаго номера нашего журнала, который будетъ посвященъ жизни и дѣятельности станицы за истекшее десятилѣтіе. При составленіи номера надѣемся на помощь студентовъ - казаковъ, какъ настоящихъ, такъ и бывшихъ, путемъ присылки въ редакцію своихъ статей и замѣтокъ.

Правленіе.

Общеказачья Студенческая Станица въ г. БРНО (Чехословакія)

Въ декабрѣ сего года исполнится 10 лѣтъ со дня основанія Брненскаго хутора О.С.С. въ Ч. С. Р., переименованнаго потомъ въ станицу. Правленіе Станицы предполагаетъ отмѣтить этотъ юбилей изданіемъ спеціальнаго номера станичнаго журнала «Казакъ за рубежомъ» типографскимъ путемъ. Журналъ будетъ посвященъ жизни хутора и станицы за истекшіе десять лѣтъ.

Правленіе Станицы обращается съ просьбой ко всѣмъ бывшимъ членамъ хутора прійти на помощь Правленію путемъ статей для журнала и пожертвованіями на изданіе его. Статьи для журнала и пожертвованія просимъ направлять по адресу Правленія: Ing. I. Alejnikov. Tchechoslovaque. Brno. Na piskach 10.

Правленіе.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

Свыше шести лѣтъ шесть русскихъ организацій, изъ коихъ — три казачьихъ (въ томъ числѣ и наша станица) занимали рядъ комнатъ съ общимъ большимъ корридоромъ въ извѣстномъ всему русскому Парижу домѣ на рю де Севръ № 35, находящемся въ вѣдѣніи Французскаго Католическаго Благотворительнаго Общества.

Это помѣщеніе было предоставлено совершенно безплатно Предсѣдателемъ Общества, Монсиньоромъ Шапталемъ и его помощникомъ, генеральнымъ Викаріемъ Парижскаго Архіепископа, Аббатомъ, докторомъ К. Кенэ — почетнымъ казакомъ нашей станицы. Такая громадная поддержка оказала много пользы въ дѣятельности и процвѣтаніи всѣхъ нашедшихъ пріютъ въ этомъ домѣ организацій.

Въ настоящее время Общество лишено возможности нести расходы по найму и содержанію зданія.

Собираясь покидать стѣны дома «35, рю де Севръ», Парижская студенческая казачья станица проситъ его хозяевъ, во главѣ съ Монсиньоромъ Шапталемъ и Аббатомъ К. Кенэ, принять ея глубокую благодарность за проявленное ими въ теченіе столь долгаго времени широкое и радушное гостепріимство.

Вмѣстѣ съ симъ студенты-казаки, зная неизмѣнно полное благожелательства отношеніе къ нимъ ихъ почетнаго казака, Аббата К. Кенэ, неустанно поддерживающаго ихъ почти 10 лѣтъ, твердо вѣрятъ, что и впредь они не будутъ оставлены безъ его покровительства.

Станичный Атаманъ **П. Гусевъ**,
Казначей **Г. Зазуля**,
Писарь **С. Ивановъ**,

Члены Правленія: **М. Косоротовъ**,
П. Ноздринъ.

ОТЪ ДОНСКОГО АТАМАНА

Идетъ уже второй десятокъ лѣтъ, какъ мы, казаки, ушедшіе съ Родины, живемъ заграницей, разбросанные по всему міру. Всѣ уже такъ или иначе приспособились къ жизни, многіе женились, имѣютъ дѣтей, нерѣдко — клочокъ земли и даже собственный домъ, какое-нибудь маленькое предпріятіе. Но, конечно, далеко не всѣмъ живется вполнѣ хорошо. Помимо матеріальныхъ невзгодъ, наступающей старости, болѣзней, многіе казаки до сихъ поръ не могутъ примириться съ своимъ изгнаніемъ. Чужая земля и люди остаются для нихъ попрежнему чуждыми, хотя нѣкоторые изъ нихъ и приняли иностранное подданство. И одна мечта у всѣхъ: «Скорѣе домой, въ родимый край!»

На почвѣ этой тоски по родинѣ были случаи самоубійства и сумашествія. Къ счастію ихъ было немного: бодрый духъ казака, его религіозность, вѣра въ лучшее будущее, нравственная поддержка другихъ казаковъ — все это удерживало колеблющихся отъ рокового шага.

Искренно радуетъ меня, что среди казаковъ очень немного людей опустившихся, потерявшихъ достоинство и честь уважающаго себя человѣка. Среди «стрѣлковъ», нерѣдко являющихся ко мнѣ — я не видѣлъ казаковъ.

Однако за послѣдніе два года мнѣ много разъ приходилось хлопотать за казаковъ разныхъ Войскъ, высылаемыхъ изъ Франціи, и по этому тяжелому вопросу я и хочу поговорить съ вами, казаки. Знаю, по опыту этихъ несчастныхъ людей, что каждый изъ васъ можетъ попасть неожиданно для себя въ такое положеніе.

Чаще всего въ такую передѣлку попадаютъ люди, вольно или невольно принявшіе участіе въ какомъ нибудь скандалѣ, дракѣ, подвергнувшіеся наказанію суда, отсидѣвшіе нѣкоторое время въ заключеніи. Въ прежнее время обычно высылали тѣхъ, кто сидѣлъ въ тюрьмѣ не менѣе 2-хъ мѣсяцевъ, но послѣ преступленія Горгулова стало строже, и были случаи, что высылка производилась даже послѣ 2 недѣль тюрьмы. Высылаютъ и тѣхъ, у кого документы не въ порядкѣ, кого заподозрила полиція «вагабондомъ»

Высылаемые — глубоко несчастные люди... Обычно имъ предлагаютъ въ теченіи 8 дней уѣхать заграницу самимъ. Но куда ѣхать? Визы нѣтъ, денегъ на дорогу — тоже, языка другой страны не знаютъ. И обычно — бродятъ безпріютные и голодные, безработные, нищіе — до новаго ареста и тюрьмы. Видѣлъ такихъ, кто по 3-4 раза былъ арестованъ. Нелегче и тѣмъ, кому удалось безъ документовъ выѣхать (чаще въ Германію, Люксембургъ или Бельгію). Обычно оттуда высылаютъ обратно, случаются и побои. И вся исторія начинается сначала.

Эмигрантскому Комитету, подъ предсѣдательствомъ быв. Росс. посла В. А. Маклакова (я состою членомъ Комитета, какъ представитель казачества) удалось добиться болѣе снисходительнаго отношенія къ высылаемымъ: имъ даютъ отсрочки иногда до трехъ мѣсяцевъ, въ зависимости отъ причины высылки, а иногда и совсѣмъ освобождаютъ отъ нея, если какой либо русской организаціи удастся найти для высылаемаго работу. Высылка производится по визѣ. Какъ послѣдній исходъ, когда всѣ другія мѣры оказывались недѣйствительными, удавалось устраивать высылаемыхъ въ шахты Бельгіи, гдѣ документовъ не спрашиваютъ.

Все это пишу вамъ, казаки, чтобы вы были осторожнѣе и не попадали бы въ бѣду. А случился грѣхъ — немедленно пишите мнѣ или приходите сами, чтобы можно было скорѣе начать хлопоты объ освобожденіи отъ высылки. Съ помощью В. А. Маклакова — удалось уже отстоять многихъ казаковъ. Дай Богъ, чтобы случаевъ высылки было поменьше!..

Ген. **А. Богаевскій.**

НАВѢКИ

Ты смѣшонъ съ сѣдыми волосами.
— Что на это я могу сказать?
Что любовь и смерть владѣютъ нами?
Что велѣній ихъ не избѣжать?
  Нѣтъ. Я скрою подъ учтивой маской
  Запоздалую любовь мою
  Развлеку тебя забавной сказкой,
  Пѣсенку веселую спою.
Локтемъ опершись на подоконникъ,
Засмотрѣлась ты въ душистый садъ.
Да. Я видѣлъ. Молодъ твой поклонникъ,
Строенъ онъ и ловокъ и богатъ.
  Всѣ твердятъ, что вы другъ другу пара:
  Между вами — только восемь лѣтъ;
  Я тебѣ для свадебнаго дара
  Присмотрѣлъ рубиновый браслетъ.
Жизнью новой, свѣтлой и пригожей
Заживешь въ довольствѣ и любви.
Дочь родится на тебя похожей —
— Не забудь же — въ кумовья зови.
  Та — вторая! Чувствую заранѣ —
  — Будетъ ласкова ко мнѣ она.
  Въ широтѣ любовь не знаетъ грани.
  Сказано: какъ смерть она сильна.
И никто на свѣтѣ не узнаетъ,
Что годами, каждый часъ и мигъ
Отъ любви томится и вздыхаетъ
Вѣжливый, почтительный старикъ.
  Но когда потокомъ жгучей лавы
  Путь твой перерѣжетъ гнѣвный рокъ,
  Я охотно, точно для забавы,
  Беззаботно лягу поперекъ.

А. Купринъ

МИССЪ ЕВРОПА 1933 — Т. А. МАСЛОВА — «СТАНИЦѢ»

РОСТОВЪ - на - ДОНУ

Средь казачьяго низовья,
На Дону у Лукоморья,
На горѣ средь степи дикой
Выросъ городъ превеликій.
Раньше крѣпость тутъ стояла,
Югъ Россіи охраняла,
А предъ крѣпостію той
Былъ поселокъ небольшой.
Онъ чрезъ сотенку годовъ
Превратился въ градъ Ростовъ.
Городъ росъ и богатѣлъ. —
Въ немъ работу всякъ имѣлъ...
Мачты баржъ и пароходовъ
Точно лѣсъ у пристаней;
Сотни фабрикъ и заводовъ,
Много банковъ, школъ, церквей...
И не праздны тѣ слова,
Что была тамъ жизнь негорькой: —
Прозвала Ростовъ молва
Русскимъ маленькимъ Нью-Іоркомъ.
Здѣсь въ тоскѣ лихой, въ кручинѣ
Вспоминаю на чужбинѣ
Тихій Донъ, Калачъ, Азовъ,
Таганрогъ, Черкасскъ, Ростовъ...

***

Изъ далекихъ странъ изгнанья,
Черезъ радіо - волну
Шлю привѣтъ и пожеланья
Городамъ всѣмъ на Дону...

Ѳ. О—въ.

Гимнъ степи

«Вызрѣлъ ковыль... Степь на многія версты одѣлась колышущимся серебромъ. Вѣтеръ упрямо приминалъ его, наплывая, шершавилъ, бугрилъ, гналъ то къ югу, то къ западу сизо-опаловыя волны. Тамъ, гдѣ пробѣгала текучая воздушная струя, ковыль молитвенно клонился, и на сѣдой его хребтинѣ долго лежала чернѣющая тропа.

Отцвѣли разномастныя травы. На гребняхъ никла безрадостная выгорѣвшая полынь. Короткія ночи истлѣвали быстро. По ночамъ на обугленно-черномъ небѣ несчетныя сіяли звѣзды; мѣсяцъ — казачье солнышко, темнѣя ущербленной боковиной, свѣтилъ скупо, бѣло; просторый Млечный шляхъ сплетался съ иными звѣздыми путями. Терпкій воздухъ былъ густъ, вѣтеръ сухъ, полыненъ; земля, напитанная все той же горечью всесильной полыни, тосковала о прохладѣ. Зыбились гордые звѣздные шляхи, не попранные ни копытомъ, ни ногой; пшеничная розсыпь звѣздъ гибла на сухомъ, черноземно-черномъ небѣ, не всходя и не радуя ростками; мѣсяцъ — обсохлымъ солончакомъ, а по степи — сушь, сгибшая трава, и по ней бѣлый неумолчный перепелиный бой да металлическій звонъ кузнечиковъ...

А днями — зной, духота, мглистое курево. На выцвѣтшей голубинѣ неба — нещадное солнце, безтучье, да коричневыя стальныя полудужья распростертыхъ крыльевъ коршуна. По степи слѣпяще неотразимо сіяетъ ковыль, дымится бурая, верблюжьей окраски, горячая трава; коршунъ, кренясь, плыветъ въ голубомъ, — низко, по травѣ неслышно скользитъ его огромная тѣнь.

Суслики свистятъ истомно и хрипло. На желтѣющихъ парныхъ отвалахъ норъ дремлютъ сурки. Степь горячая, но мертва, и все окружающее прозрачно-недвижно. Даже курганъ синѣетъ на грани видимаго сказочно и невнятно, какъ во снѣ...

Степь родимая! Горькій вѣтеръ, осѣдающій на гривахъ косячныхъ матокъ и жеребцовъ. На сухомъ конскомъ храпѣ отъ вѣтра солоно, и конь, вдыхая горько-соленый запахъ, жуетъ шелковистыми губами и ржетъ, чувствуя на нихъ привкусъ вѣтра и солнца.

Родимая степь подъ низкимъ донскимъ солнцемъ!

Вилюжины балокъ, суходоловъ, красноглинистыхъ яровъ, ковыльный просторъ съ затравѣвшимъ гнѣздоватымъ слѣдомъ конскаго копыта, курганы въ мудромъ молчаньи, берегущіе зарытую казачью славу...

Низко кланяюсь и по-сыновьи цѣлую твою прѣсную землю, донская, казачья, не ржавѣющей кровью политая степь!»

— Такъ описываетъ степь въ вышедшемъ въ маѣ сего года третьемъ томѣ «Тихаго Дона» Михаилъ Шелоховъ. Этотъ томъ читается съ такимъ же неослабѣвающщимъ интересовъ, какъ и предыдущіе. То же мастерство пера, тотъ же неподдѣльный казачій языкъ у его героевъ. Читатель подробно знакомится съ однимъ изъ самыхъ яркихъ эпизодовъ гражданской войны — возстаніе верхне - донцовъ въ 1919 году, о которомъ въ предыдущемъ номерѣ «Станицы» разсказываетъ генералъ-летчикъ В. Г. Барановъ.

ГДѢ КАЗАЧІЙ КУРЕНЬ ВЪ ПАРИЖѢ?

Его нѣтъ. Казаки въ Парижѣ не имѣютъ своего угла. Два десятка казачьихъ организацій устраиваютъ свои собранія въ случайныхъ помѣщеніяхъ, подыскиваемыхъ каждый разъ въ различныхъ частяхъ города, большей частью въ угловыхъ кафе.

Отсутствіе своего казачьяго дома чувствуется на каждомъ шагу. Гдѣ устроить докладъ, лекцію, собесѣдованіе, вечеринку, гдѣ встрѣтиться казакамъ послѣ трудового дня или по праздникамъ? Куда направляться пріѣзжему казаку изъ провинціи или изъ заграницы, разузнать про своихъ станичниковъ, полковцовъ и знакомыхъ, навести справки, попросить у «парижанъ» совѣтовъ? Связь между отдѣльными казаками и цѣлыми организаціями въ Парижѣ, благодаря отсутствію постояннаго, общаго для всѣхъ адреса и мѣста встрѣчи, изъ рукъ вонъ плоха.

Всѣмъ, занимающимся общественной дѣятельностью, извѣстно сколько лишняго времени, труда и, главное, средствъ уходитъ только изъ за такого серьезнаго въ большомъ городѣ недостатка. Многіе изъ насъ, казаковъ, живутъ въ Парижѣ уже второй десятокъ лѣтъ. Большинство проживающихъ въ Парижѣ осѣло вѣроятно до возвращенія на родину. Никому не дано знать этого завѣтнаго срока. Можетъ быть еще пройдутъ годы, а въ Парижѣ еще столько же времени казаки будутъ ощущать всѣ тѣ неудобства, которыя связаны съ отсутствіемъ своего, пусть скромнаго и небольшого, но именно своего угла.

Вѣроятно всѣмъ очевидна для каждаго въ отдѣльности казака, для каждой изъ ихъ организацій въ цѣломъ, и для всѣхъ организацій въ совокупности, громадная польза въ самомъ разнообразномъ ея проявленіи при наличіи казачьяго дома въ Парижѣ.

Многіе вѣроятно скептически отнесутся къ возможности осуществленія такого рода проэкта. Заранѣе не соглашаюсь по весьма простымъ причинамъ:

1) Въ настоящее время не представляетъ большой трудности найти для начала небольшой особнякъ, или же квартиру за недорогую плату, безъ контрактовъ и «отступныхъ».

2) Средства изыскать не такъ трудно— нужно лишь желаніе. Имѣютъ же свои дома: казачья станица въ Каннахъ, Атаманцы и Лейбъ-Казаки въ Аньерѣ, и т. д.

3) Разъ, а то и два раза въ годъ, Парижскія казачьи организаціи устраиваютъ совмѣстно въ теченіе ряда лѣтъ большіе балы съ хорошими матеріальными результатами. Доходы распылялись по организаціямъ, не давая ни одной изъ нихъ существенной поддержки. Итогъ только одного бала даетъ возможность внести годовую плату за помѣщеніе.

4) Разумно поставленное хозяйство такого дома можетъ не только окупить расходы по найму и содержанію помѣщенія, но и дать скромный доходъ. Домъ можетъ взимать небольшую плату за сдачу въ наемъ комнатъ для собраній, лекцій и вечеринокъ, устраивая таковыя и самому, организовать постоянный буфетъ, столики для бриджа, шахматы и шашки, читальню, библіотеку и пр. Множество еще начинаній можетъ быть осуществлено, дѣлавшихъ бы услуги «парижскимъ» казакамъ.

Парижскимъ казачьимъ организаціямъ необходимо обсудить этотъ проэктъ. Безъ сомнѣнія, онъ встрѣтитъ поддержку и сочувствіе проживающаго въ Парижѣ Донского Атамана ген. Богаевскаго и всей нашей казачьей старшины.

П. Гусевъ.

Въ слѣдующемъ номерѣ «СТАНИЦЫ» будутъ разсказы Н. А. ТЭФФИ и И. С. ЛУКАША.

КАЗАКИ И «ЗЕМЛЯ» ВО ФРАНЦІИ

(Окончаніе. См. № 6 «Станицы»).

Современный кризисъ, послѣ города и заводовъ, уже коснулся и сельскаго хозяйства во Франціи. Цѣны на с.-х. продукты и скотъ сильно упали. Земледѣльцы продаютъ дешево свои продукты, а покупаютъ почти по прежней цѣнѣ промышленные товары. Начинаютъ сбавляться цѣны на аренду земли.

Несомнѣнно, страдаютъ отъ этого и русскіе, въ частности казаки, живущіе отъ сельско-хозяйственнаго труда на фермахъ — арендаторами и испольщиками, и, особенно, собственники. Меньше всего задѣты кризисомъ какъ разъ испольщики, которые въ нормальное время считались наименѣе обезпеченными своей работой. Происходитъ это потому, что они не платятъ аренды и налоговъ — наличными. Половина урожая остается имъ въ натурѣ и это обезпечиваетъ главную человѣческую потребность — пропитаніе и кровъ. Не имѣя во время кризиса даже нормальныхъ денежныхъ доходовъ, они все же могутъ просуществовать и не голодать со своей семьей. Какъ разъ наоборотъ происходитъ въ городахъ съ безработными, которымъ часто просто нечего ѣсть и негдѣ жить. А угроза увеличенія городской безработицы все растетъ, особливо для иностранцевъ.

Несмотря на тяжесть положенія сейчасъ въ деревнѣ, люди тамъ бьются, переживаютъ затрудненія, не всегда даже съ выгодой могутъ продать плоды своихъ трудовъ, но они сыты и не думаютъ куда склонить завтра голову.

Кризисъ не вѣченъ и такъ или иначе не завтра, такъ послѣзавтра пройдетъ, и тогда нормальная доходность хозяйства возстановится.. Возстановится и благополучіе сельскихъ хозяевъ, которые не бросятъ своей фермы и не остановятъ даже въ эти трудные дни, своей напряженной работы на французской землѣ.

До кризиса положеніе русскихъ земледѣльцевъ во Франціи, изъ числа коихъ около четверти составляютъ казаки, начинало укрѣпляться. Мы знаемъ десятки фермъ, на которыхъ казаки закрѣпили свое благополучіе. Кубанецъ К. въ деп. Коппъ уже сталъ просто самостоятельнымъ хозяиномъ, имѣя свыше двухъ десятковъ собственнаго скота, крупное хозяйство, сдѣланное собственными руками и перешелъ давно изъ испольщиковъ въ фермеры. Начавшіе съ малыми деньгами, также закрѣпились за эти годы и уже имѣютъ значительный личный инвентарь, напримѣръ, кубанецъ З. въ деп. Арьежъ, терецъ С. въ Тарнъ, донецъ Б. въ Басс-Пирене,, и многіе другіе.

Если бы послушать ихъ то, навѣрное, настроенія и стремленія «городскихъ» казаковъ были бы болѣе смѣлыми и не мало ихъ пошло бы по ихъ слѣдамъ на землю.

Къ сожалѣнію, въ городахъ и на заводахъ информацію о с.-хоз. работѣ во Франціи даютъ какъ разъ не они, доказавшіе на дѣлѣ возможность существовать на французской фермѣ, а тѣ неудачники, которые ушли отъ земли, слегка попробовавъ эту работу, но не справившись съ нею — либо по неудачно сложившейся обстановкѣ на фермѣ, либо по собственной неприспособленности. Въ обоихъ случаяхъ не хватило выдержки. Мечты сразу разбогатѣть отъ земли оказались, естественно, ошибочными, и повлекли за собой быстрое разочарованіе и уходъ обратно на заводы. Надо понимать, что фермерское хозяйство не есть источникъ быстраго и легкаго обогащенія, а лишь здоровая, разумная попытка, въ борьбѣ за жизнь, за кусокъ хлѣба, обезпечить себя всѣмъ необходимымъ и устроить себѣ спокойную жизнь въ ожиданіи лучшихъ дней, съ полной надеждой и возможностью понемногу если и не разбогатѣть, то сдѣлаться вполнѣ обезпеченнымъ человѣкомъ.

Изъ осѣвшихъ до сихъ поръ на землю казаковъ, во всякомъ случаѣ значительно больше половины на ней закрѣпились и такъ или иначе процвѣтаютъ, живутъ спокойно безъ тревожныхъ мыслей о завтрашнемъ днѣ, — что сейчасъ не наблюдается у большинства работающихъ на фабрикахъ.

Не надо, конечно, понимать всего изложеннаго какъ уговариваніе и совѣты всѣмъ и каждому итти на землю. Нѣтъ, совсѣмъ не для всѣхъ это подходитъ. Настоящій свой взглядъ на дѣло я счелъ возможнымъ предложить на страницахъ этого журнала вниманію тѣхъ казаковъ, которые въ душѣ чувствуютъ склонность къ с.-хоз. работѣ, къ жизни въ деревнѣ, въ природѣ, на вольномъ воздухѣ — но, при этомъ, боятся возможныхъ, какъ и вездѣ и во всемъ, неудачъ, не увѣрены въ томъ, что можно осуществить такое стремленіе здѣсь, во Франціи, среди незнакомыхъ условій и чужихъ людей.

Мой, уже многолѣтній опытъ и близко знакомымъ съ вопросомъ и его результатами и моя полная незаинтересованность въ томъ — сядетъ ли кто, и сколько ихъ изъ казаковъ и вообще изъ русскихъ людей на землю, или нѣтъ, — позволяютъ мнѣ смѣло говорить о смыслѣ и желательности любителей с.-хоз. работы — устроится во Франціи на землю можно и слѣдуетъ каждому казаку, любящему эту работу, не боящемуся деревенской глуши,

и предпочитающему здоровый воздухъ деревни и самостоятельность въ работѣ — городскимъ соблазнамъ, гибельной атмосферѣ заводовъ и паровъ такси.

Кризисъ, по моему разумѣнію, не только не мѣшаетъ этому, но, наоборотъ, заставляетъ поспѣшить съ рѣшеніемъ — уйти поскорѣе изъ городовъ отъ риска безработицы и голодовки, — въ деревню, и тамъ строить свою жизнь, обезпеченную плодами рукъ своихъ отъ обработки гостепріимной земли Франціи.

Въ настоящее время надо строить типъ своего хозяйства не только для цѣлей торговли своими продуктами, но прежде всего для полученія всего необходимаго для личныхъ нуждъ семьи и своихъ. Когда кризисъ смягчится, или пройдетъ, то настанетъ удобное время развивать свое хозяйство уже для дохода.

Выгода кризиса для начинающихъ с.-хоз. работу въ томъ, что сейчасъ можно дешево арендовать ферму и дешево купить живой инвентарь, который, несомнѣнно, со временемъ, если его выдержать и размножить, поднимется въ цѣнѣ и восполнитъ въ будущемъ недополученные барыши во время кризиса.

Дорога къ устройству на землѣ уже проторена. Проще всего устраиваться теперь черезъ уже сидящихъ на землѣ станичниковъ или знакомцовъ — казаковъ и не-казаковъ, которые знаютъ свой районъ, фермы и людей и всегда могутъ быть полезными освѣдомителями и помощниками въ поискахъ.

Если нѣтъ знакомыхъ на фермахъ, — идите за указаніями и совѣтами въ Земельную комиссію Земгора (Парижъ, 6, рю Давіель, метро Карвизаръ) по вторникамъ и пятницамъ, — гдѣ Вамъ добросовѣстно и безплатно объяснятъ положеніе и помогутъ въ чемъ нужно. Въ организаціи этой Земельной Комиссіи и ея работѣ принималъ горячее участіе Казачій Союзъ, а сейчасъ у него съ нею есть спеціальное соглашеніе по оказанію содѣйствія казакамъ, ищущимъ землю.

При Земгорѣ издается и недорогой с.-хоз. журналъ (ежемѣсячный), въ которомъ пишутъ сами русскіе земледѣльцы и гдѣ можно найти много полезныхъ указаній по разнымъ отраслямъ веденія сельскаго хозяйства, а также и по вопросамъ жизни и быта русскихъ на фермахъ.

Издано уже 10 и выйдетъ еще 8 книгъ по сельскому хозяйству спеціально для Франціи, по 5 фр. каждая, по главнымъ отраслямъ, которыя могутъ быть полезными руководствами для начинающихъ или мало знающихъ ту или иную отрасль хозяйства. С.-хоз. бюллетень и книги продаются въ книжныхъ магазинахъ Парижа. Бюллетень можно выписывать и отъ Зем. Комиссіи.

Сейчасъ не то что было 7 лѣтъ тому назадъ, когда русскіе люди, и первые среди нихъ казаки, впервые двинулись во Франціи «на землю» и въ темную, не зная обстановки и не имѣя никакихъ помогающихъ имъ организацій или книгъ. Теперь уже обстановка ясна и на мѣстахъ уже давно повсюду сидятъ свои русскіе фермеры, готовые помочь и посовѣтовать новичку, а передъ рѣшеніемъ есть что прочитать по этому вопросу и есть куда обратиться за совѣтомъ и указаніемъ — лично или письменно.

Среди казачьей молодежи оказывается много лицъ, получившихъ заграницей агрономическое образованіе. На ихъ судьбѣ хочется здѣсь въ заключеніе и остановиться. Хорошо они дѣлаютъ что учатся и набираются знаній, несомнѣнно полезныхъ въ будущемъ, когда попадутъ къ себѣ на родину. Но здѣсь приложить этихъ знаній на службѣ почти невозможно. Во Франціи избытокъ своихъ агрономовъ, не находящихъ примѣненія у себя на родинѣ, ни даже въ колоніяхъ, и конкурировать съ ними невозможно. Уже приходилось здѣсь наблюдать не одного русскаго молодого агронома, даже съ французскимъ дипломомъ, который годами работаетъ на фермѣ простымъ батракомъ со слабой надеждой вылезти въ контрометры. Вотъ имъ то и слѣдовало бы итти въ существующія групповыя казачьи хозяйства, компаньонами, чтобы и самимъ совершенствоваться на практикѣ въ своихъ теоретическихъ знаніяхъ и остальнымъ помогать усовершенствовать хозяйство и пр.

Не предрѣшая формы такихъ обьединеній, которыя должны быть разнообразны, можно отъ души пожелать молодымъ казакамъ-агрономамъ наладить свое устройство на агрономическую работу, по спеціальности, не только въ видѣ батрака на жалованіи, но и самостоятельными хозяйствами, по 1-2 человѣка вмѣстѣ, или въ числѣ болѣе многочисленной группы.

Это былъ бы для нихъ единственный путь не уходить отъ своей спеціальности, а совершенствоваться въ ней сейчасъ для своей пользы, а дальше и для родныхъ станицъ.

Агрономъ **Л. Л. Марковъ**

КУБАНСКАЯ СТАНИЦА ВЪ ПАРИЖѢ

На состоявшемся 28-го мая сего года сборѣ кубанской станицы въ Парижѣ были произведены перевыборы станичнаго атамана, правленія и ревизіанноѣ комиссіи станицы. Атаманомъ выбранъ Д. Е. Скобцовъ, членами правленія: П. М. Гладковъ; пом. атам. М. В. Подгурскій, пом. ат. Т. С. Вакуленко, ст. пис. В. К. Черный, казнач. И. Т. Шелестъ, дов. С. П. Коневцовъ, и В. Д. Синеоковъ.

НАЗРѢВШІЙ ВОПРОСЪ

Все чаще, настойчивѣе становятся жалобы на отсутствіе пьесъ, или даже самыхъ небольшихъ одноактныхъ сценокъ изъ казачьяго быта.

Устроители казачьихъ вечеровъ неминуемо становятся въ тупикъ: что ставить? Чѣмъ занимательнымъ, близкимъ, понятнымъ для казака заполнить артистическую программу праздниковъ — войсковыхъ, станичныхъ и пр. Короче говоря, въ эмигрантской литературѣ въ этомъ отношеніи ясно обозначилось совершенно пустое мѣсто.

Въ условіяхъ нашего бѣженскаго разсѣянія, когда большинство мѣстныхъ казачьихъ организацій состоятъ изъ казаковъ различныхъ Войскъ, естественно приходится ставить вопросъ о созданіи какого то «единаго» типа пьесъ.

Редакція «Станицы», впервые въ зарубежной казачьей прессѣ поднимающая на своихъ страницахъ этотъ вопросъ, предлагаетъ писателямъ казакамъ откликнуться на ея призывъ и прислать на разсмотрѣніе особаго жюри рядъ такого рода пьесъ-сценокъ.

Двѣ наилучшія изъ присланныхъ пьесы, размѣромъ не болѣе какъ въ 3 — 4 страницы нашего журнала, будутъ напечатаны въ ближайшихъ номерахъ «Станицы».

Какъ уже было сказано выше, наши организаціи носятъ преимущественно обще-казачій характеръ, а посему было бы желательно поменьше вносить въ пьесу специфическихъ чертъ быта того или иного Войска. Въ этомъ отношеніи можно было бы использовать сцены казачьей свадьбы, проводы на службу, станичный сборъ, или же взять за основу новый казачій бытъ на чужбинѣ, перенеся, напримѣръ, на подмостки театра тихую французскую провинціальную жизнь и показать на этомъ «чужомъ» фонѣ причудливыя отраженія заграничной казачьей жизни: трудовой день казака въ провинціи, его случайныя любовныя увлеченія, потѣшную смѣсь франко-казачьяго діалекта, ту затѣйливую, временами комическую, временами трогательную смѣсь новыхъ жизненныхъ отношеній, которыми такъ богата и пестра наша теперешняя жизнь въ изгнаніи. Отдѣльныя сцены желательно разнообразить дивертисментомъ, вставными номерами — казачьими пѣснями и плясками, что всегда придаетъ каждому спектаклю особый колоритъ, внося замѣтное оживленіе въ общій рисунокъ пьесы. Вмѣстѣ съ нимъ,при разнообразіи существующихъ въ эмиграціи политическихъ «теченій» необходимо избѣгать какого бы то ни было политическаго оттѣнка, окраски, дабы каждая пьеса могла бы быть пріемлема въ самыхъ различныхъ «кругахъ» казачьей эмиграціи.

Редакція не желаетъ предуказывать всѣхъ возможныхъ темъ созданія той или иной пьесы, — это дѣло самого писателя, его таланта, вкуса и выдумки.

Важно теперь же поставить вопросъ объ отсутствіи пьесъ для казаковъ, побудить нашу казачью общественность, а въ особенноси молодежь, внимательно отнестись къ этой, давно назрѣвшей потребности нашей жизни.

Редакція вѣритъ, что ея призывъ не останется безъ отвѣта, что сама жизнь, поставившая этотъ вопросъ, дастъ и силу, и воображеніе тѣмъ казакамъ и близкимъ къ казачеству писателямъ - эмигрантамъ, которымъ, надѣемся, дорога каждая дѣйствительно неотложная задача нашего культурнаго объединенія за рубежомъ.

Редакція.

РОЗЫСКЪ

Родные казака Урюпинской станицы, есаула Василія Пескова и жены его, Вѣры Владимировны, убѣдительно просятъ сообщить ихъ адрессъ или о ихъ судьбѣ, по адресу:
Konst. Boncz — Bogdanowski. Biblioteka Ros. Komit., ul. Sienkiewicza, 12. Luck na Wołyniu. Pologne.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

Контора «Станицы» проситъ всѣхъ, получившихъ этотъ номеръ, прислать его стоимость — 2 франка (можно почтовыми марками).

Къ г.г. предсѣдателямъ казачьихъ организацій, получающихъ журналъ для распространенія среди ихъ членовъ и не приславшихъ отчеты по продажѣ прошлыхъ номеровъ (или прошлаго номера), покорнѣйшая просьба произвести расчетъ теперь же.

Срокъ отчета за этотъ номеръ — 15-е сентября.

Слѣдующій номеръ (8-й) выйдетъ въ октябрѣ сего года.

Всю простую, заказную и денежную корреспонденцію направлять по адресу:
M-r GOUSSEFF. 60, rue Dombasle. Paris (15)

КУБАНСКАЯ ГРУППА «ДЖИГИТЪ«

(Войск. Ст. А. П. Крикливый, Полк. Ф. И. Елисѣевъ и Д. А. Кривчунъ)

Группа джигитовъ, пѣвцовъ, танцоровъ и балалаечниковъ, состоящая изъ 25 казаковъ, второй мѣсяцъ успѣшно выступаетъ заграницей.

Большая часть работаетъ въ Вѣнѣ, а другая — въ Швейцаріи, въ національномъ циркѣ «Кни».

Казаки, желающіе вступить въ группу въ качествѣ джигитовъ, благоволятъ списаться съ ней по адресу: Circus Central, Wien 2. Autriche.

На поляхъ Шампани

Общій видъ кладбища

18-го іюня въ Мурмелонъ ле Гранъ (около Реймса) союзъ русскихъ офицеровъ — участниковъ войны на французскомъ фронтѣ, организовалъ паломничество на кладбище, гдѣ погребено свыше 800 русскихъ воиновъ. На панихидѣ пѣлъ донской казачій имени атамана Платова хоръ подъ управленіемъ Н. Ф. Кострюкова.

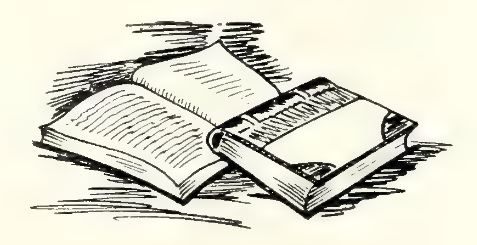
Платовцы

КАЗАКИ НА ВЫСТАВКѢ СЛАВЯНСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ ВЪ г. БРНО

Съ 19-го мая сего года по 6 іюня въ г. Брно состоялась выставка славянскихъ журналовъ, на которой казачья литература была представлена особымъ казачьимъ отдѣломъ, честь устройства котораго принадлежала Обществу Изученія Казачества въ Прагѣ. Организацію отдѣла въ Брно провели казаки Брненской станицы, красиво декорировавъ казачій отдѣлъ казачьими флагами, гербами, портретами атамановъ и картинами изъ казачьей жизни. Изъ 70 казачьихъ журналовъ, разновременно выходившихъ за границей, на выставкѣ было болѣе 40 разныхъ названій всѣхъ политическихъ направленій. Отсутствовали, главнымъ образомъ, журналы перваго періода эмиграціи. По соглашенію съ устроителями выставки — Обществомъ Славянскихъ Женщинъ, Общеказачьей Студенческой Станицей въ Брно 28-го мая былъ устроенъ казачій день на выставкѣ. Къ 11-ти часамъ утра залъ выставки наполнился публикой, пришедшей познакомиться съ казаками и ихъ литературой. Вступительное слово было сказано секретаремъ Общества Слав. Женщинъ г—жей Шульцъ, отъ имени Общества привѣтствовавшей присутствующихъ. Станичный хоръ, подъ управленіемъ Б. Г. Вдовенко, исполнилъ Донской гимнъ, выслушанный присутствующими стоя, и генералъ — маршъ. Станичный Атаманъ М. С. Алейниковъ сдѣлалъ докладъ на чешскомъ языкѣ о казакахъ и ихъ земляхъ, вкратцѣ ознакомивъ аудиторію съ географіей, экономическимъ положеніемъ и исторіей казачества. Докладчикъ подчеркнулъ роль казачества въ строительствѣ русскаго государства и непоколебимую вѣру казаковъ въ неизбѣжный крахъ большевизма и возрожденіе нашихъ краевъ. Докладъ былъ внимательно прослушанъ и послѣ него станичниками давались объясненія осматривающимъ казачій отдѣлъ.

Многимъ изъ казаковъ пришлось услышать послѣ доклада: «А знаете, мы никогда не предполагали, что казаки имѣютъ такую богатую литературу» И каждый казакъ былъ гордъ достигнутыми результатами, показавшими, что казаки не нагаечники и рубахи — парни, какъ пытаются насъ изображать, а люди съ большой любовью къ родной старинѣ и краямъ, въ тяжелыхъ эмигрантскихъ условіяхъ, создавшихъ казачью литературу. Небезинтересно упомянуть о томъ, что первый опытъ создать выставку казачьихъ журналовъ, былъ сдѣланъ въ 1932 году на Пасху Брненской Станицей, устроившей въ станичномъ помѣщеніи однодневную выставку казачьихъ журналовъ. Въ 1933 году казаки предстали передъ болѣе обширной аудиторіей и съ честью выдержали экзаменъ. Успѣхъ казачьяго дня былъ отмѣченъ устроителями выставки, заявившими, что количество посѣтителей въ этотъ день было рекорднымъ для выставки за все время пребыванія ея въ Брно.

И. Горячевъ.

СТАНИЧНЫЙ ВЕЧЕРЪ 22-го АПРѢЛЯ

Нашъ балъ 22-го апрѣля прошелъ вполнѣ удачно.

Въ небольшомъ залѣ англійскагѐ клуба, декорированномъ станичниками - студентами Парижской художественной академіи, В. Горовой и П. Ноздринымъ, съ 10 час. вечера и до самаго утра царило непринужденное веселье. Вечеръ почтили своимъ присутствіемъ Донской Атаманъ генералъ А. П. Богаевскій съ супругой, Замѣститель Уральскаго Войскового Атамана, генералъ Б. И. Хорошхинъ съ супругой, генералъ Е. К. Миллеръ и свыше ста нашихъ друзей.

Заслуженнымъ успѣхомъ пользовалась у собравшихся концертная программа, въ составленіи которой оказалъ цѣнное содѣйствіе есаулъ В. Г. Прилуцкій.

Клавдія Георгіевна Прилуцкая прекрасно, чисто по-казачьи, исполнила рядъ частушекъ и казачьихъ пѣсенъ подъ аккомпанементъ гармониста - виртуоза В. И. Игнатова, сыгравшаго послѣ «соло» нѣсколько народныхъ пѣсенъ, маршей и вальсовъ. Кому давно не приходилось любоваться прекрасной техникой танцевъ Жульяны Янакіевой, было особенно пріятно отмѣтить удивительные успѣхи, дѣлаемые юной балериной. «Торреадора», по настойчивому требованію собравшихся, пришлось протанцовать трижды. Тотъ же «Торреадоръ» Жульяна Янакіева исполнила 4-го іюня этого года на «большой недѣлѣ танцевъ» въ Парижѣ, получивъ первый призъ. Какъ всегда, смѣшилъ всѣхъ до слезъ Павелъ Троицкій, а С. И. Данилевскій закончилъ программу, исполнивъ нѣсколько романсовъ съ присущей ему задушевностью, которой онъ завоевалъ большую симпатію въ широкихъ кругахъ любителей русской пѣсни.

Охотно раскупались билеты на лоттерею, составленную изъ вещей, пожертвованныхъ Надеждой Васильевной Богаевской, книжнымъ магазиномъ «Возрожденіе», фирмами «Элликсъ» и «Эдисьонъ Номи», фабрикой грам. пластинокъ «Романъ», В. В. Поляковымъ, М. Косоротовымъ и др. Отлично работалъ станичный буфетъ, организованный стараніями И. Н. Шелудько.

Много внесъ оживленія аппаратъ, регистрировавшій голоса желающихъ на граммофонныя пластинки, подъ руководствомъ ихъ владѣльцевъ г—на Джунковскаго съ супругой, безплатно предоставившихъ на этотъ вечеръ свой трудъ, время и самый аппаратъ.

Правленіе Станицы приноситъ искреннюю благодарность всѣмъ, содѣйствовавшимъ успѣху бала: артисткамъ и артистамъ, жертвователямъ, распорядителямъ и всѣмъ гостямъ.

НАШЕ КАЗАЧЬЕ СПАСИБО

Послѣ выхода въ свѣтъ № 6-го нашего журнала въ серединѣ апрѣля сего года и по 1-ое іюля, въ кассу станицы поступило 898 франковъ, пожертвованныхъ слѣдующими лицами въ пользу студентовъ-казаковъ:

Почетный Казакъ Станицы, Аббатъ К. Кенэ	550 ф.
Генералъ Е. К. Миллеръ	300.—
Парижская Группа Чиновъ Донского Офицерскаго Резерва, черезъ ген. Зубова	40.—
Инж. Мащенко	8.—

Кромѣ этого, въ пользу больного члена станицы, В. А. Котовчихина, поступили слѣдующія пожертвованія, включая и суммы, упомянутыя въ обращеніи правленія станицы, въ № 6 журнала:

Почетный Казакъ Станицы, Аббатъ К. Кенэ	100 ф.
Донской Хоръ С. А. Жарова, по подписному листу	110.—
Станичн. сборъ нашей станицы 2 апрѣля с. г. по подписному листу	39.—
Докторъ А. Кирѣевъ	70.—
А.К.К.С.	100.—
Комитетъ помощи туберкулезнымъ при О-вѣ Краснаго Креста (стар. организаціи)	50.—
Юрисконсультъ Станицы, М. А. Адамовъ	10.—
Инженеръ Н. Ф. Пузановъ	10.—
Полковникъ Н. И. Кочетовъ	10.—
Лупилинъ	10.—
Г—жа М. Штейнбахъ (Ревель)	5.—
Кузнецовъ (Шатійонъ)	13.—
Черезъ русскія газеты въ Парижѣ отъ отозвавшихся на обращеніе станичн. Атамана, П. Гусева: «Возрожденіе»	20.—
«Послѣднія Новости»	298.—
Я. Московкинъ	20.—
Итого	**865 фр.**

В. А. Котовчихинъ уже прибылъ на казачью ферму въ деп. Жеръ, гдѣ нашелъ теплый пріемъ и заботливое отношеніе со стороны Атамана хутора Д. Я. Московкина, его супруги и всѣхъ казаковъ-членовъ хутора. Всѣхъ принявшихъ участіе въ дѣлѣ помощи больному, правленіе станицы благодаритъ отъ всей души и ко всѣмъ казакамъ, кто еще не успѣлъ откликнуться на нашъ призывъ о помощи, мы вновь обращаемся съ просьбой — помогите, такъ какъ собранныхъ денегъ не хватитъ для того, чтобы больному провести все лѣто въ деревнѣ, а отъ этого зависитъ вопросъ возстановленія здоровья и силъ больного туберкулезомъ молодого донского сотника.

Правленіе.

ИЗЪ КАЗАЧЬЕЙ СТАРИНЫ

195 лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ вышла книга подъ названіемъ:

«Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу.

Переведено изъ нѣмецкаго языка чрезъ І. К. Тауберта

Академіи Наукъ Адъюнкта».

Издано въ «**Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ, 1738 г.**».

Эту книгу недавно пріобрѣлъ въ одномъ изъ парижскихъ антикварныхъ магазиновъ нашъ станичникъ П. А. Поповъ, предоставившій «Станицѣ» привести изъ нея интересныя для казаковъ выдержки. Приводимъ любопытнѣйшія мѣста, въ которыхъ говорится о существованіи казачества въ... 1021 году.

«Мы говорили по сіе время еще очень мало объ Азовѣ и довольствовались только бывшими въ сихъ мѣстахъ общими приключеніями и перемѣнами. Но понеже Россія имѣла съ преждепамятными печенегами и Половцами весьма тяжкія войны, то не неполезно будетъ здѣсь объяснить о томъ слѣдующее. Россійскіе великіе Князья до Владимира I ходили часто съ многочисленнымъ флотомъ къ Константинополю. Оные походы отправлялись обыкновенно по Днѣпру в- Черное море, а до Крыма ни мало не касались. Но какъ печенѣги, которые по свидѣтельству не только Русскихъ лѣтописцевъ, но и Константина Парфирогеннеты, такъ же и другихъ греческихъ писателей, Россіянъ часто обеспокоивали, храбраго князя Святослава, возвращающагося отъ похода противъ болгаръ, со всѣм ъего войскомъ измѣнническимъ образомъ убили, то учинила имъ за то супруга его святая Ольга должно еотмщеніе, и распространила притомъ свое владѣніе до самаго Донца, взявъ крѣпость Саркелъ, которую Козары, помощью грековъ, какъ Константинъ Порфирогеннета пространно описываетъ, противъ Россіянъ построили, на Козарскомъ языкѣ значитъ Саркелъ тожъ что Бѣлгородъ, которое названіе сія крѣпость содержитъ и по нынѣ. Владимиръ первый былъ противъ Козаръ и Печенѣговъ такъ силенъ, что онъ, отправляясь съ флотомъ внизъ по Днѣпру, отнялъ у нихъ въ Крымѣ крѣпость Корсунь. Какимъ образомъ сіе учинилось о томъ объявляетъ игуменъ Ѳеодосій въ своей лѣтописи въ 998 году. Тамъ заключилъ онъ съ Греческимъ Цесаремъ миръ и сочетавшись бракомъ съ Анною Порфирогеннетою, дочерью Цесаря Романа и внукою частопомянутаго Константина Порфирогеннеты, принялъ христіанскій законъ и отступилъ отъ Корсуна. Великій Князь Владимиръ имѣлъ потомъ жестокія войны съ Печенѣгами, такъ же и съ болгарами по ту сторону Дона, которые отъ болгаръ на Дунаѣ весьма разнствуютъ. Но при томъ надлежитъ сожалѣть, что о семъ толь славномъ государѣ такъ малое извѣстіе въ Россійскихъ лѣтописяхъ находится, потому что многія важныя дѣла записаны отъ чужестранныхъ писателей, а у русскихъ нѣтъ о томъ ни малаго слѣду. Однакожъ ихъ молчаніе мнѣ нимало въ томъ не препятствуетъ, чтобъ я не могъ основательно надѣяться, что онъ былъ первый изъ Россійскихъ Государей, которые взяли Азовъ. Онъ разфѣлилъ своимъ сынамъ, которыхъ находилось не малое чиско, правленіе нѣкоторыхъ, а особливо отдаленныхъ провинцій. Изъ оныхъ имѣлъ Мстиславъ свою резиденцію въ Тмутаракани (игуменъ Ѳеодосій въ своей лѣтописи стран. 185 и 186), который городъ называется нынѣ Темрюкъ. Тамъ покорилъ онъ себѣ въ 1021 году сосѣдственныхъ до Кавказскихъ горъ распространившихся Козаковъ, и отправилъ ихъ въ 1023 году вмѣстѣ съ Козаками противъ своего брата великаго князя Ярослава, а въ 1024 году самъ за ними слѣдовалъ. Однакожъ они скоро опять помирились, и по вторичномъ раздѣленіи земель перенесъ Мстиславъ престолъ свой въ Черниговъ. Тмутаракань есть самое то мѣсто, которое Цесарь Константинъ Порфирогеннета называетъ и полагаетъ противъ босфора или Керчи. Нынѣ называется сіе мѣсто на Турецкихъ ландкартахъ Темрюкъ и лежитъ противъ крѣпости Таманя къ сѣверовосточной сторонѣ подлѣ Меотическаго моря. И такъ жили уже во время Цесаря Константина Порфирогеннеты оные Козаки, которыхъ Мстиславъ себѣ покорилъ, въ южновосточной сторонѣ отъ сея крѣпости до Кавказскихъ горъ. Потому можетъ всякъ рассудить, какъ бы Россіѣ возможно было всѣ оныя мѣста содержать въ своей власти, и Козаковъ, какъ храбрый народъ, привести подъ свою державу, ежели бы она всею рѣкою Дономъ и слѣдовательно Азовомъ не владѣла. Правда, что Половцы лишили потомъ Россіянъ сея пользы, и побѣдили великаго Князя Всеволода въ 1061 году въ жестокомъ сраженіи. Однакожъ нахожу я что Россійскій Князь Ростиславъ владѣлъ еще въ 1064 и 1065 годахъ (игуменъ Ѳеодосій стран. 351) крѣпостью Темрюкомъ и привелъ опять въ послушаніе Козаковъ, но потомъ отъ Грековъ, которые храбрости его боялись, ядомъ отравленъ».

КАЗАЧЬИ ВОЙСКА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

(Забайкальское, Амурское и Уссурійское)

Сибирь, этотъ обширный край неограниченныхъ возможностей, была знакома нашимъ предкамъ еще въ XI — XII в.в., куда они проникли въ сѣверо-западную ея часть съ устьевъ Печоры, въ такъ называемую Югорскую землю въ низовьяхъ Оби. Но только со взятіемъ Казанскаго царства русское вліяніе стало быстро распространяться за Ураломъ. Въ 1555 году сибирскій ханъ Эдигеръ просилъ Ивана Грознаго принять Сибирское царство подъ покровительство Москвы. Въ слѣдующемъ году туда были посланы воеводы съ отрядомъ. Но въ 1563 году Эдигеръ былъ свергнутъ Кучумомъ, который не призналъ покровительства Москвы и сталъ дѣлать набѣги на восточныя границы Руси, особенно на земли Строгановыхъ, что повлекло за собой хорошо извѣстный походъ Ермака, бившаго челомъ русскому царю Сибирскимъ царствомъ. Пѣсня, какъ Ермакъ Сибирь взялъ, говоритъ, что на совѣтѣ грехъ донскихъ атамановъ, куда бѣжать отъ царскаго гнѣва, Ермакъ предложилъ: «не корыстна у насъ шутка зашучена, гуляли мы по морю Синему, убили мы посла персидскаго, и какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать? Въ Астрахани жить нельзя, на Волгѣ жить — ворами слыть, на Яикъ идти — переходъ великъ, въ Казань идти — грозенъ царь стоитъ, въ Москву идти — перехватанными быть: пойдемте мы въ Усолья къ Строгановымъ».

По занятіи Сибири царскими войсками, казаки, по своему обыкновенію, ушли дальше вглубь страны. Въ 1584 году былъ заложенъ городокъ Тюмень, въ 1587 г. — Тобольскъ, въ 1592 г. — остроги Березовъ и Сургутъ, въ 1604 г. — Томскъ, въ 1616 г. — Кузнецкъ, въ 1618 г. — Енисейскъ, въ 1628 г. — Красноярскъ. Въ Забайкалье, въ Даурскую землю, какъ ее тогда называли, казаки впервые проникли въ 1631 — 8 г.г., подъ предводительствомъ атамана Перфильева. Принесенныя имъ свѣдѣнія о нахожденіи въ Дауріи серебряной руды, побудили воеводъ болѣе тщательно обслѣдовать этотъ край. Въ 1644 году туда отправился атаманъ Колесниковъ, которому удалось въ 1646 году поставить острогъ на Верхней Ангарѣ. Закрѣпленіе Забайкалья пошло быстро, и тамъ были поставлены остроги: Баргудинскій въ 1648 г., Иргенскій въ 1653 г., Нерчинскій въ 1654 г., Селенгинскій въ 1666 г. и Верхнеудинскій въ 1668 году.

Почти одновременно казаки достигли Амура и Охотскаго моря. Въ 1643—4 г.г. они уже прошли къ Охотскому морю и Амуру и побывали на Сахалинѣ, а пять лѣтъ спустя казакъ Дежневъ моремъ обогнулъ Восточный мысъ Сибири, почти за сто лѣтъ до Беринга, чьимъ именемъ этотъ мысъ неправильно названъ. Въ 1649 году Хабаровъ съ 70 казаками изъ Якутска прошелъ до Амура и Уссури и основалъ тамъ городокъ Хабаровскъ. Въ 1654 году казакъ Байковъ достигъ пустыни Гоби. По занятіи Хабаровымъ въ 1650 году даурской крѣпости на Амурѣ Албазинъ, почти все теченіе Амура подпало подъ русское вліяніе. Немного спустя произошло первое столкновеніе съ китайцами, старавшимися не допустить русскихъ на Амуръ. Въ то же время приходилось вести борьбу съ монголами и бурятами въ западномъ Забайкальѣ.

Такимъ образомъ въ теченіе вѣка казаки прошли всю Сибирь до Охотскаго моря и китайской границы.

Столкновенія съ китайцами вскорѣ приняли характеръ войны. Для ея прекращенія, въ виду дальности разстоянія, не было возможности ее вести, былъ присланъ въ Забайкалье окольничій Головинъ для заключенія мира, который послѣдовалъ въ 1689 году въ Нерчинскѣ. По этому договору русскіе оставили Амуръ, и восточной границей Забайкалья установлены рѣка Аргунь, рѣка Горбица, Становой хребетъ и рѣка Ура.

По заключеніи этого мира начались торговыя сношенія съ Китаемъ, окончательно установленныя Буринскимъ договоромъ въ 1723 году, когда была опредѣлена и монгольская граница Забайкалья. Эти границы оставались неизмѣнными до договоровъ Анчунскаго (1857 г.) и Пекинскаго (1860 г.), по которымъ къ русскому государству были присоединены лѣвый берегъ Амура и Уссурійскій край.

Заключеніе Буринскаго договора не прекратило военныхъ нападеній со стороны Китая, который требовалъ отъ Россіи выдачи перешедшихъ къ ней изюнчаръ (калмыковъ), разгромленныхъ китайцами въ половинѣ XVIII в., и другихъ монгольскихъ народовъ, уходившихъ тоже на сѣверъ за границу. Поэтому Россіи пришлось укрѣплять границы съ Монголіей и Китаемъ, особенно же для защиты нерчинскихъ заводовъ, возникшихъ по заключеніи Буринскаго договора. Тогда же были построены крѣпости: Селенгинская, Троицкосавская и Цурихайшуйская. А позднѣе — Акшинская и Кударинская въ 1764 году, Чиндантская, Турукуевская, Харацайская и Тункинская въ 1773 г. и Горбичевская въ 1774 г. Эти крѣпости и протянутые между ними посты составили непрерывную укрѣпленную линію, защита которой была ввѣрена казакамъ и мѣстнымъ инородамъ.

Съ самаго захвата Сибири казаками, эти послѣдніе не составляли опредѣленнаго войска, и ихъ отряды, разсѣянные по границѣ, е имѣли связи между собой, хотя всѣ назывались Сибирскими. Они подраздѣлялись по городкамъ, гдѣ проживали, такъ были казаки: Тюменскіе, Тобольскіе, Березовскіе, Сургутскіе, Пелымскіе, Тарскіе, Томскіе, Иркутскіе,

Енисейскіе, Красноярскіе, Якутскіе, Селенчинскіе, Киренскіе и пр. Впослѣдствіи они всѣ назвались городовыми казаками. Подчинялись они воеводамъ, управлявшимъ городами по наказу Сибирскаго приказа, и состояли подъ командой казацкихъ головъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и десятниковъ, назначенныхъ изъ ихъ же среды.

Казаки были и пѣшіе и конные. Составляя гарнизонъ острожковъ и городковъ, они несли всевозможныя службы: строили и укрѣпляли эти городки, держали караулы и разъѣзды и служили проводниками. Главная ихъ задача была «провѣдывать новыя землицы» « подводить невѣрныхъ подъ высокую государеву руку», а равнымъ образомъ и собирать съ нихъ ясакъ, За свою службу они получали жалованье: деньгами отъ 4 до 20 руб. въ годъ, хлѣбъ и фуражъ. Причемъ хлѣбное жалованье часто замѣнялось отводомъ казакамъ земли отъ 5 до 10 десятинъ. Лошадей, оружіе и одежду они содержали за свой счетъ.

Къ концу XVII в. въ Забайкальѣ насчитывалось русскаго населенія около 7.000 чел. въ трехъ городахъ и десяти острожкахъ. По даннымъ Сибирскаго приказа въ 1725 году во всей Сибири было 9.353 чел. служилыхъ людей, т.-е. дворянъ, дѣтей боярскихъ, казаковъ и служилыхъ татаръ. Изъ этого числа казаковъ 8.434 чел., т.-е. около 90 проц. По даннымъ того же приказа на Иркутскъ и города Восточной Сибири приходилось служилыхъ людей 2.780 чел.; если считать, что казаковъ было 90 проц., то можно заключить, что ихъ было около 2.500 чел., не считая ихъ семей.

По проведеніи въ половинѣ XIII в. укрѣпленной пограничной линіи, по ней появились линейные казаки, а наряду съ ними образовались линейныя тунгузское и бурятское войска, вошедшіе въ 1851 году въ составъ Забайкальскаго войска. Въ 1760 году образованъ тунгузскій пятисотенный полкъ, а въ 1764 году — четыре шестисотенныхъ бурятскихъ полка. Всѣ они освобождались отъ ясака. Буряты несли службу по очереди — одинъ годъ на службѣ и три на льготѣ, а тунгузы служили безсмѣнно до отставки, за что получали особое жалованье. Усиленіе монгольской и китайской линій было вызвано вслѣдствіе угрозъ нападенія со стороны Китая за допущеніе въ Сибирь разгромленныхъ въ 1757 году китайцами калмыковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Владиміръ Синеоковъ,
Докторъ Государственныхъ Наукъ.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ оказывается безвозмездно студентамъ - казакамъ почетнымъ старикомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5 до 7 час. вечера на 122, бульваръ Мюратъ (по запискамъ отъ правленія)

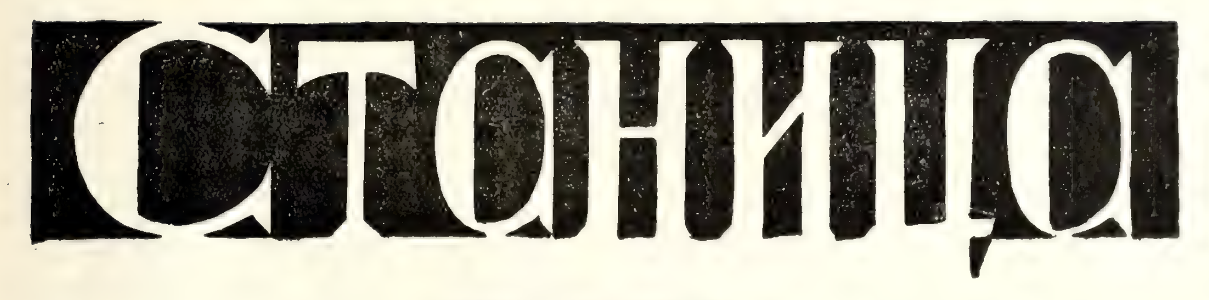
ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ при станицѣ подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго М. А. Адамова безвозмездно обслуживаетъ станичниковъ. Пріемъ по вторникамъ и пятницамъ отъ 6 час. 30 мин. веч. до 8 час. веч. на рю де ла Конвансьонъ, № 85.

КАЗАЧІЙ СОЮЗЪ

Пріемъ въ канцеляріи временнаго правленія Казачьяго Союза на 16, рю Метръ Жакъ (Булонь) производится по понедѣльникамъ отъ 15 до 19 час., по вторникамъ, средамъ и четвергамъ отъ 10 до 13 и отъ 15 до 19 час., а по субботамъ — отъ 15 до до 20 час.

Для вступленія въ составъ казаковъ одиночнымъ порядкомъ необходима подача заявленія съ указаніемъ: фамиліи, имени и отчества — войска и станицы, возраста, семейнаго положенія, нынѣшней профессіи и точнаго адреса.

Le gérant : Ch. Quénet. Typ. BASILE, 1, villa Chauvelot, Paris 15e

STANITZA

organe de la Stanitza des Étudiants-Cosaques de Paris

Trimestriel

35, rue de Sèvres — PARIS (VI°)

№ 8 Octobre 1933 Prix : 2 frs

Поздравляю Васъ, Донцы и Кубанцы, съ Войсковымъ Праздникомъ и отъ души желаю всѣмъ Вамъ здоровья, бодрости и крѣпкой вѣры въ спасеніе великой Родины нашей.

Донской Атаманъ
Ген. А. БОГАЕВСКІЙ

КЪ УРАЛЬСКОМУ ВОЙСКОВОМУ ПРАЗДНИКУ

Изъ сѣдой старины, изъ далекихъ временъ
Предо мною встаютъ великаны
Вотъ отдѣльныя лица, вотъ станицы идутъ,
Ихъ лихіе ведутъ атаманы.
Черезъ дымку вѣковъ, вижу будто бы вьявь
Образъ нашей прабабки Гугнихи,
Вижу Рыжочку — рыцаря старыхъ боевъ
Трехъ Ивановъ и подвиги ихни.
Вотъ Давыдъ Бородинъ, Іосафъ Желѣзновъ
Нашъ страдалецъ за счастье казачье
Тамъ жестокія битвы съ киргизской ордой
Тамъ «уходцы» — година ненастья
Но довольно скользить по прошедшимъ вѣкамъ —
Какъ не жаль, а всего не представить.
Жили дѣды, отцы на просторахъ степныхъ
Ихъ мы жизнь должны знать и прославить.

Находясь далеко отъ родимыхъ станицъ
Въ праздникъ Войска, который справляемъ
Мы припомнимъ всѣхъ тѣхъ кто страдалъ за Яикъ,
Что-бъ сбылись ихъ мечты — пожелаемъ.
Тѣхъ кто Войску служилъ, кто любилъ нашъ Уралъ,
Кто душой съ нимъ и сердцемъ сроднился
Иль въ кровавыхъ бояхъ, иль въ Кругахъ Войсковыхъ,
Гдѣ казачьему быту учился
Вспомнимъ съ грустью ушедшихъ, усопшихъ своихъ,
Ихъ уже на землѣ не увидишь
За здоровье живущихъ, за Войско свое
Мы поднимемъ бокалы и выпьемъ.

Уралецъ.

„ДѢДЫ“

Разсказъ

Старинная казацкая пѣсня.

Ея мѣрное дыханіе и плавная тоска, словно-бы низовой вѣтеръ:

Ты прости-то прощай, славный Тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ.
Нѣтъ намъ мочушки отъ охотушки,
Отъ злой мачехи отъ тѣснотушки
И бѣжали мы, соколы, на чужу дальню сторону,
За хребты-то идемъ, за сугробины..

Вотъ и мы бѣжали во чужу дальню сторону, за хребты, за сугробины.

***

Полна солнечнаго свѣта тонкая занавѣска на моемъ окнѣ. Птичій щебетъ въ саду. Легкій вѣтеръ подуетъ занавѣской, — подыметъ, уронитъ тихо. Вишни и груши въ цвѣту. Блеститъ влажная зелень, сквозящая, еще желтоватая, — съ утра былъ дождь. Ранняя весна на моемъ французскомъ дворикѣ, но отъ нея нѣтъ ни радости, ни надежды, а одна усталая грусть. Чужое небо и чужая весна.

***

Вчера я былъ въ Пти Кламаръ, подъ Парижемъ.

Шелъ я лѣсомъ домой.

Лѣсъ сильный и свѣтлый, французскій. Дубы сквозятъ легкой зеленью и торжественъ шумъ ихъ вершинъ въ вышинѣ. Отрадное солнце легко пролетаетъ по рукамъ, по лицу.

И точно-бы все слышалъ я въ плавномъ шелестѣ лѣса далекое пѣніе:

Ты прости-то прощай, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ...

Не той ли дорогой, гдѣ иду я, въ 1814 году, по веснѣ, скакали къ Парижу казацкіе кони, и въ голубыхъ лужахъ, выбивая свѣтлыя брызги, ясно звенѣли копыта, и легкое солнце, блистая на серебрѣ чеканокъ, летало по краснымъ пикамъ и по синимъ донскимъ чекменямъ?

И какихъ дѣдовъ я вспомнилъ — и Денисова славнаго, который бралъ съ фельдмаршаломъ Суворовымъ Миланъ Италійскій, и Грекова, атамана Альпійскаго, и графа Платова — атамана, что гонялся лавой по всѣмъ державамъ европейскимъ за Бонопартомъ.

Смотрятъ дѣды съ небесныхъ станицъ и пастбищъ Божіихъ...

Смотрите, дѣды, и восплачьте по насъ: вотъ бѣжали мы, соколы, во чужу дальню сторону. И все дальше, дальше отъ насъ нашъ тихій отеческій домъ.

* * *

Уже сталъ сырой вечеръ, когда я добрался къ себѣ. Поднялась надъ дворикомъ ранняя звѣзда. Засквозили вишни туманнымъ, серебристымъ дымомъ.

Я отперъ дверь, а за трехногимъ столомъ сидятъ въ моей комнатѣ два нечаянныхъ гостя.

Одинъ громадный, — до бѣленаго потолка его тѣнь, — сивая бородища легла косматыми волнами на грудь. Онъ подперъ кулаками лицо и смотритъ въ окно, на раннюю звѣзду, и его тяжелое лицо, въ суровыхъ и могучихъ морщинахъ, сквозитъ звѣзднымъ дымомъ.

Я подумалъ, что самъ матерой, старый казакъ Илья Муромецъ пожаловалъ ко мнѣ, но тутъ же замѣтилъ, что мой тяжелый гость въ казацкомъ синемъ чекменѣ, и свѣтится подъ ремешкомъ его шашки серебрянный полковничій погонъ.

* * *

А другой гость стоитъ у моей полки съ книгами. Онъ молодой, легкій и стройный, въ желтой черкескѣ. Повернута въ полъ-оборота его голова, я вижу его благородный профиль: у него блѣдное лицо и тонкая дорожка бакенбардъ на щекѣ. Его мягкіе, курчавые волосы мигаютъ звѣзднымъ блескомъ. Я слышу шелестъ страницъ подъ его пальцами и серебряное позваниваніе его шпоръ.

Синій медвѣдище въ чекменѣ и молодой абрекъ, а можетъ быть петербургскій гвардеецъ въ желтой черкескѣ, — какъ будто повидились мнѣ Баклановъ, казацкій атаманъ, и молодой генералъ Сунжи Слѣпцовъ.

Въ этихъ двухъ именахъ, можетъ быть, вся живая тайна казачества и вся его красота.

Баклановъ, тяжкій богатырь, подобный Ильѣ или Микулѣ, — у коней гнулись спины, когда садился Баклановъ въ сѣдло, — Баклановъ простой и дремучій.

Въ немъ и благодатная земная тяга, истовость нашихъ христіаннѣйшихъ богатырей, въ немъ и неистовство Разина, — онъ полонъ дремучей русской стихіи, ужасной, вдохновенной и не знающей предѣловъ.

Вѣдь только та стихія могла толкнуть его на то, что онъ сказалъ въ лицо самому императору Александру Второму, когда въ 60-хъ годахъ пошли слухи о поверстаніи казаковъ въ драгуны:

— Государь, Ваше Величество, ежели будетъ такое порушеніе казачества, я самъ вдарю въ набатъ по всему Дону, подыму казаковъ, а тому мы не подчинимся, даже и до послѣдней головы.

Императоръ улыбнулся и англійской бѣлой перчаткой похлопалъ Бакланова по плечу:

— Полно, старикъ, не бунтуй... Кто тебѣ наговорилъ вздору? Зачѣмъ верстать станичниковъ въ драгунскіе полки?.

Боевой значокъ Бакланова былъ черный, съ бѣлымъ черепомъ, и кругомъ вышиты бѣлыя буквы:

«Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь». И можетъ быть въ этой надписи Баклановскаго значка — живая тайна казачества, христіанскаго воинства, прежде и превыше всего. Чаяніемъ воскресенія мертвыхъ оно жило, цвѣло и побѣждало.

И вотъ онъ самъ дремучій богатырь, продавливавшій лѣтомъ конскія спины.

Есть одинъ разсказъ Полторацкаго о встрѣчѣ на Кавказѣ съ Баклановымъ. Въ этомъ разсказѣ, записанномъ съ живыхъ Баклановскихъ словъ, играетъ вся его дикая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добрая и веселая силища.

— Позвали меня недруги мои на пированіе, — разсказывалъ Полторацкому Баклановъ, — будтобы чествовать, да я чую недоброе. Ступилъ я на порогъ, перекрестился на образа. А въ горницѣ человѣкъ двадцать, и всѣ, вижу, чужіе. Я въ уголъ сѣлъ, чтобы тылъ мой огромадный стѣной былъ укрытъ. Шумитъ горница отъ попою. Вдругъ шумъ умолкъ. Хозяинъ поднялся, ступилъ ко мнѣ и, не говоря ни слова, какъ треснетъ меня изъ-за стола

въ лѣвое ухо. Я всталъ, конечно. «Вася», говорю, «не дури. Брось твои шалости»... А онъ меня тогда треснулъ въ правое. Я осерчалъ, что же. Размахнулся и проломилъ хозяину челюсть съ удара. Двое ко мнѣ шибанули. Засучилъ я рукава чекменя, захватилъ ихъ обоихъ, покрутилъ этакъ въ воздухѣ, надъ столомъ, развелъ руками, да такъ стукнулъ рылами. Оба объ полъ. Тутъ пятеро на меня махнули. Ну, я схватилъ столъ и съ налета шарахнулъ столомъ-то по головамъ... Лгуномъ прозовите, но Богомъ клянусь, — десяти минутъ не прошло какъ всѣхъ уложилъ...

И во всемъ иной, чѣмъ чудовищный Баклановъ, — командиръ Сунженскаго казачьяго полка, молодой генералъ Слѣпцовъ.

Пензенскій дворянинъ, русскій баринъ, онъ юнкеромъ пошелъ на Кавказъ, такъ же, какъ шелъ туда Лермонтовъ или Толстой, или другъ декабристовъ Раевскій, или самъ Пушкинъ, который, — какъ былъ въ своей широкополой шляпѣ-дуливарѣ и въ аглицкомъ плащѣ, — выхватилъ однажды пику у сосѣда-станичника и поскакалъ съ казацкой лавой въ атаку...

Слѣпцовъ — это цвѣтъ молодой имперской націи, одинъ изъ тѣхъ, кто былъ на самыхъ верхахъ ея, баринъ до кончика ногтей, изящный и тонкій человѣкъ, — сталь на Сунжѣ истовымъ казацкимъ атаманомъ.

Не онъ-ли заселилъ всю Сунженскую линію съ Терека и Кубани, не онъ-ли поднялъ и украсилъ тамошнее казацкое войско, и образъ Слѣпцова неотдѣлимъ теперь отъ казачества.

**
*

Всѣ его походы, всѣ его дѣла изумляютъ отчаянной смѣлостью и еще больше особымъ, тонкимъ и свѣтлымъ изяществомъ. Онъ всегда и во всемъ былъ красивъ прежде всего.

Красива его желтая черкеска и его сѣрый, въ сребристомъ лоскѣ, конь. Красивы и его курчавые, черные волосы, въ серебрѣ ранней сѣдины, и его говоръ — скорый и звонкій, Слѣпцовскій, — и его порывистыя соколиныя движенія. Въ немъ всегда движется стремительная, Слѣпцовская красота и въ шумныхъ пирахъ съ кунаками и пріятелями, хотя бы съ тѣмъ же Серегой Мезенцевымъ, тоже бариномъ, ставшимъ гребенскимъ казакомъ; и въ томъ же, какъ онъ, вспыхивая желтой черкеской, проносился передъ казаками со звонкой командой — «На конь, за мной, Сунжа»; и въ томъ, какъ онъ, безстрашный, блѣднѣлъ при видѣ паука и кликалъ ночью слугу Ларьку — «Ларька, Ларька, — лови паука!», и какъ все отдавалъ онъ на Сунжу, до послѣдней косоворотки алаго шелка, когда въ кошелькѣ его часто не бывало и гривенника.

И великая и дремучая казацкая сила, сунженскіе бородачи — Баклановы, — полюбили Слѣпцова и оцѣнили его именно за свѣтлую красоту, за стремительное изящество.

Такъ, не только въ силѣ, не знающей предѣла, не только въ суровой и упорной жаждѣ вольности — образъ казачества.

Образъ его — въ христіанскомъ чаяніи воскресенія мертвыхъ и въ чувствѣ красоты. Что некрасиво, — то не казацкое. Рѣющая удаль, изумительныя пѣсни, изумительный казацкій нарядъ, горящій жаркими сукнами, красивая выступка, красивые кони, звонъ серебряныхъ чеканокъ и свѣтлаго оружія, — казакъ изъ вѣка долженъ быть красивымъ прежде всего. Этимъ то онъ и казакъ.

Ужасная, но вдохновленная христіанствомъ сила и рѣющая красота — такимъ и кажется мнѣ образъ россійскаго казачества, когда я думаю о Баклановѣ и Слѣпцовѣ...

10-го декабря 1861 года Чехинскій отрядъ съ Тенгинскимъ батальономъ, подъ командой генералъ-майора Слѣпцова, углубился въ лѣсъ на поиски чеченцевъ. Въ лѣсу чеченцы встрѣтили отрядъ пушечнымъ огнемъ. Слѣпцовъ скомандовалъ атаку на пушку. Тогда-то чеченская пуля ударила въ казацкую, съ краснымъ верхомъ, шапку молодого генерала, и онъ закачался въ сѣдлѣ.

Тенгинцы и пѣшіе казаки бѣгутъ въ чащу, на пушку, а Слѣпцова снимаютъ съ коня. Онъ блѣденъ, онъ молчитъ. Его опускаютъ на бурку, онъ тихо, сквозь зубы, говоритъ врачу:

— Докторъ, — только правду, — смертельная?

— Да, генералъ...

Слѣпцовъ откинулся на бурку. Еще тише сказалъ:

— Взята-ли пушка?

— Нѣтъ, но чеченцы сбиты...

— И то хорошо... — Смолкъ. Потомъ приподнялся порывисто на локтѣ и сказалъ ясно:

— Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.

И Слѣпцова не стало...

Стая на небѣ орловъ
Тучу разсѣкаетъ,
На чеченцевъ нашъ Слѣпцовъ
Съ Сунжи наступаетъ...

Такую пѣсню поютъ о немъ, или, вѣрнѣе, пѣли еще недавно.

А поютъ-ли теперь, да и помнятъ-ли, знаютъ-ли тамъ, въ погасшей Россіи, — Бакланова и Слѣпцова, — такихъ недавнихъ, не изъ былинъ и легендъ, а какъ будто еще живыхъ, не отошедшихъ, — помнятъ ли тамъ двухъ этихъ казацкихъ атамановъ временъ императора Александра Второго?

У одного вдохновенная сила, у другого вдохновенная красота, а надъ обоими, какъ было изъ вѣка и какъ будетъ во вѣки вѣковъ, боевой значокъ христіанскаго воинства —

— Чаю воскресенія мертвыхъ...

И можетъ быть, въ изумительномъ сочетаніи рѣющей красоты съ безпредѣльной силой, пронизанной христіанствомъ, сама живая душа нашего казачества, Вольнаго Народа-Всадника Россійскаго, подобнаго которому никогда не знала ни одна блистательная и прославленная республика подъ солнцемъ.

***

А ночь въ моемъ саду уже свѣтла. Бѣлыми облаками, въ мерцаніи звѣздъ, стоятъ вишни. Воскресли съ весной, какъ было изъ вѣка и какъ будетъ во вѣки вѣковъ...

Ударитъ-ли, загудитъ-ли бубенъ, прольютъ-ли звенящій дождь золотыя литавры и зачихаютъ-ли, затрясутся-ли влажными чолками казацкіе кони, почуявъ горьковатый дымъ дальнихъ станицъ, и дрогнетъ-ли въ сѣдлѣ, тряхнувъ чубомъ, молодой и голосистый запѣвала, и зальется-ли вольчой пѣсней подъ трепетомъ трехцвѣтныхъ флажковъ звенящая казацкая сотня, встрѣчая рѣющія станицы. Кто знаетъ...

— Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка.

Аминь.

Иванъ Лукашъ.

« Лампасонъ »

Разсказъ

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается...

Затаенная мечта маленькаго казака, Донского Императора Александра III Корпуса стать морякомъ — осуществилась только тогда, когда изъ Бори онъ превратился въ хорунжаго Бориса Павловича.

Много протекло времени, много перемѣнъ произошло въ личной жизни, многое изъ того, что было дорого и казалось «важнымъ» въ годы дѣтства и ранней юности, стало незамѣтно тускнѣть, стушевываться, но эта дѣтская мечта не распылилась въ сердцѣ, а, наоборотъ, окрѣпла, перешла въ увѣренность и, вотъ, наконецъ, осуществилась.

По окончаніи Михайловскаго артиллерійскаго училища вышелъ Борисъ Павлевичъ въ одну изъ донскихъ батарей и почти съ первыхъ дней своего «офицерскаго положенія» приступилъ къ хлопотамъ по переводу на службу во флотъ.

Было все это сложно, порою казалось неосуществимымъ, но черезъ полтора года всевозможныхъ мытарствъ было получено соотвѣтствующее распоряженіе и Борисъ Павловичъ, хорунжій — донской артиллеристъ, — былъ назначенъ на испытаніе на одинъ изъ учебныхъ крейсеровъ.

Положеніе было нѣсколько странное: хорунжій вступилъ на бортъ корабля какъ бы на правахъ юнкера флота.

Столовался въ каютъ-компаніи, плавалъ въ офицерскомъ чинѣ и, въ то же время, былъ на какомъ то «неопредѣленномъ положеніи».

И товарищи-офицеры, и команда скоро привыкли къ нему, голубоглазому хорунжему, во все время плаванія носившему казачью форму.

— «Нашъ то, «лампасонъ» — тихо шептали матросы, — «даромъ что сухопутный, а ничего — будетъ толкъ!»

Въ тотъ годъ учебный крейсеръ, на которомъ плавалъ Борисъ Павловичъ, ушелъ съ весны въ длительное заграничное плаваніе.

Дѣтская мечта маленькаго казака-кадета съ перваго же мѣсяца его морской службы превратилась въ занимательную волшебную сказку.

Новый міръ, новые люди, новая необычайная обстановка, пестрый блескъ морскихъ заграничныхъ портовъ, съ ихъ шумомъ, суматохой и живописнымъ колоритомъ — все захватывало, волновало глубоко западало въ душу.

Стоя на вахтѣ, пристально вглядываясь въ безконечный просторъ моря, словно шествуя безшумно по бѣлымъ ступенямъ морскихъ волнъ, уходилъ въ своихъ мысляхъ Борисъ Павловичъ въ родной, далекій, о, какой далекій теперь, Новочеркасскъ, и странно вставалъ онъ, городъ солнца и сонныхъ садиковъ, изъ-за дали туманнаго горизонта, радостно волнуя встревоженное воображеніе...

Вотъ родной корпусъ, вотъ гимназистка Шурочка — первая весенняя любовь, ласковое, цѣло-

мудренное рукопожатіе и «клятва до гроба»; вотъ двухэтажный домикъ въ родной станицѣ, — и сѣдоусый, все еще бравый, несмотря на свои 65 лѣтъ, старикъ-дѣдъ, въ чесунчевомъ пиджакѣ и бѣлой лѣтней фуражкѣ; вотъ онъ самъ, семилѣтній малышъ ,верхомъ на конѣ скачетъ по дорогѣ, гикая и смѣшно разводя руками...

Милое невозвратимое дѣтство, запахъ полей, полнозвучный гимнъ юности ушедшей, то, что вспомнилось, вспомнится еще, и еще, что не уйдетъ до послѣдняго часа...

Зной. Духота... Черное, желтое и голубое... Крейсеръ двѣ недѣли стоитъ на Мадагаскарѣ.

Не разъ съѣзжали уже на берегъ, бродили по базару, среди назойливой, пискливой чернокожей толпы.

Негры стаями ходили за Борисомъ Павловичемъ, безцеромонно ощупывали синіе брюки съ красными лампасами, а онъ самъ дѣлалъ «страшное лицо» и зычнымъ голосомъ покрикивалъ: Брысь!

Душные дни, душныя ночи.

Какъ хорошо побродить вечеромъ по странному туземному городку, присматриваясь къ диковинному населенію, къ ихъ быту, полному своеобразной прелести и неожиданности.

Жизнь встаетъ тогда во всемъ своемъ многоликомъ разнообразіи, ставитъ вопросы, на которые не всегда можешь дать какой нибудь разумный отвѣтъ.

Молодой негръ, лѣтъ двадцати, у котораго на базарѣ неразъ покупалъ Борисъ Павловичъ невѣроятнаго вида глиняные кувшинчики, частенько просилъ «продать» ему брюки съ лампасами.

Негръ при этомъ низко кланялся, прикладывалъ обѣ ладони къ сердцу и такъ уморительно смотрѣлъ при этомъ на хорунжаго, что тотъ, наконецъ, разжалобился и подарилъ ему на прощанье старую пару донскихъ брюкъ.

Въ знойный іюльскій день крейсеръ отшвартовался и уходилъ въ дальнѣйшій путь. Быстро, ловко работала судовая команда, — всѣ давно были на мѣстахъ.

Еще минута — другая, и крейсеръ, отдавъ якоря, двинулся и плавно пошелъ вдоль широкой бухты.

— «Ваше благородіе», — почтительно докладываетъ Борису Павловичу вѣстовой — «извольте взглянуть: ну и подлецъ! Да какъ же это могло случиться, слимонилъ Ваши брюки!»

Въ ослѣпительномъ желто-голубомъ сверканіи, среди разношерстной, полуголой суетливой толпы туземцевъ, запрудившей портовую набережную, отчетливо выдѣляется стройная фигура голаго до пояса негра подъ широченной соломенной шляпой, который важно разгуливалъ, щеголяя донскими брюками съ широкими алыми лампасами, то ласково поглаживая себя по ногамъ, то размахивая шляпой въ сторону уходящаго русскаго военнагө корабля.

— «Успокойся, самъ ему подарилъ», — весело смѣясь, отвѣтилъ Борисъ Павловичъ и еле замѣтно киваетъ головой неясному черному силуэту, затерявшемуся уже въ водоворотѣ юркихъ человѣческихъ тѣлъ.

Игорь Воиновъ.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПАРИЖѢ

ВЪ НАШЕЙ СТАНИЦѢ

Къ предстоящему 1-го января буд. года 10-лѣтнему юбилею станицы избрано Организаціонное Бюро для составленія программы празднованія и созыва Почетнаго Комиета, какъ моральной опоры юбилея. Въ составъ Бюро вошли бывш. предсѣдатели нашего общества: В. С. Крюковъ (предсѣд. Бюро), Н. Ф. Пузановъ и Е. М. Добрынинъ. Ожидается вступленіе въ Бюро и остальныхъ б. предсѣдателей Общества. Орг. Бюро обратилось съ просьбой о вступленіи въ составъ Комитета къ ряду русскихъ (большей частью нашихъ казачьихъ) и французскихъ общественныхъ дѣятелей, имена которыхъ вызываютъ въ сердцахъ студентовъ-казаковъ чувства признательности и благодарности. Отъ станичнаго правленія членомъ бюро (и его секретаремъ) избранъ Атаманъ станицы, П. В. Гусевъ.

ПОМОЩЬ СТУДЕНТАМЪ-КАЗАКАМЪ

После выхода № 7 «Станицы», въ станичную кассу поступили слѣдующія пожертвованія:

А. К. К. С.	100 фр.
Ген. Е. К. Миллеръ	50 »
П. Е.	2 »

Кромѣ того, въ фондъ помощи больному члену станицы, В. А. Котовчихину:

Донской Атаманъ, ген. А. П. Богаевскій	50 фр.
Члены врем. Правленія Казачьяго Союза	20 »
А. Данилевскій	10 »
Вороновъ	3 »

Всего, вмѣстѣ съ объявленными въ пред. номерѣ пожертвованіями больному — 948 франковъ.

Всѣмъ добрымъ людямъ, откликнувшимся на нужды студентовъ-казаковъ, станица приноситъ свое горячее, казачье спасибо.

НОВЫЕ ИНЖЕНЕРЫ-КАЗАКИ

Нашихъ коллегъ Г. Зазулю и П. Болтушкина поздравляемъ съ успѣшными выпускными экзаменами, полученіемъ дипломовъ и со званіемъ инженеровъ.

ТЕРСКОЕ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВО ФРАНЦІИ

10-го сентября Терцы отмѣтили свой Войсковой Праздникъ молебномъ, послѣ котораго состоялся банкетъ съ большимъ числомъ участниковъ, прошедшій съ большимъ подъемомъ.

Обще-Казачья Касса Взаимопомощи въ Бійанкурѣ

1-го октября члены Кассы устроили традиціонную «чашку чая», съ участіемъ гостей: Дон. Атамана ген. А. П. Богаевскаго съ супругой, предсѣдателя вр. Правленія Казачьяго Союза, полк. А. С. Косякина, ген. секретаря Союза, проф. А. П. Маркова, и др. Двѣ маленькія казачки поднесли отъ членовъ Кассы Н. В. Богаевской красивый букетъ цвѣтовъ. Послѣ нѣсколькихъ рѣчей и привѣтствій, полилась казачья пѣсня, напоминая о покинутыхъ давно родныхъ краяхъ.

КАЗАЧІЙ ДОМЪ

Поднятый нами на страницахъ 7-го номера «Станицы» вопросъ о необходимости созданія въ Парижѣ казачьяго дома встрѣтилъ широкій и сочувственный откликъ отъ казаковъ различныхъ Войскъ, проживающихъ не только въ Парижѣ, но и внѣ его. Донской Атаманъ сочувственно отнесся къ проэкту этого начинанія. При временномъ правленіи Каз. Союза вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ работаетъ спеціальная комиссія по изученію вопроса о домѣ, которая уже представила подробный докладъ ген. А. П. Богаевскому. Комиссіей была разослана анкета на эту тему выдающимся казачьимъ дѣятелямъ и казачьей старшинѣ. Отъ многихъ получены уже отвѣты, полные благожелательства и добрыхъ совѣтовъ. Это большое, сложное и нужное дѣло должно обыть доведено до конца. Въ городѣ Брно, какъ узнаетъ читатель изъ статьи, помѣщенной въ настоящемъ номерѣ, подъ названіемъ «Казаки въ Чехословакіи», недавно открылся казачій домъ; въ прошломъ номерѣ мы указывали на существованіе и процвѣтаніе такого дома въ Каннахъ, принадлежащій Каннской обще - казачьей станицѣ, руководимой энергичнымъ и неутомимымъ правленіемъ во главѣ съ полковникомъ Семилѣтовымъ. Недавно во французской газетѣ «Пари Суаръ» была помѣщена большая статья объ этомъ домѣ, съ нѣсколькими иллюстраціями, изображающими разныя комнаты во время станичнаго бала, прошедшаго въ августѣ сего года съ большимъ успѣхомъ и привлекшимъ въ домъ многочисленное русское и иностранное общество.

Парижу — заграничной «обще-казачьей столицѣ» — пожелаемъ не отстать отъ «казачьей провинціи».

УРАЛЬСКАЯ (ЯИЦКАЯ) СТАНИЦА ВЪ РЮЭЛѢ

1-го октября состоялся станичный сборъ, созванный для выборовъ новаго правленія. Переизбрано старое правленіе во главѣ съ Атаманомъ, Ф. К. Фолимоновымъ.

ВЪ ОБЩЕСТВѢ б. ДОНСКИХЪ КАДЕТЪ

9-го сентября (н. ст.), бывшіе Донскіе кадеты праздновали полувѣковой юбилей безпрерывнаго существованія родного имъ корпуса.

Небольшой залъ Католическаго Общества (на 11, пласъ дю Кардиналъ Аметтъ), который на этотъ день Аббатъ К. Кенэ любезно предоставилъ совершенно безплатно — переполненъ. Многіе стоятъ въ проходахъ и по сторонамъ. За предсѣдательскимъ столомъ: Донской Ат. ген. Богаевскій, быв. дир. кор. ген. Черячукинъ, ген. Тусевичъ, полк. Захаровъ, полк. Болдыревъ и в. ст. Чукановъ. Позади большая витрина изъ національнаго и донского флаговъ, посрединѣ ихъ, въ живыхъ цвѣтахъ портретъ Державнаго Шефа корпуса Императора Александра III, вверху значекъ общества Дон. кад., внизу корпусные жетоны, погоны, кадетская фуражка и небольшой рисунокъ съ формами кадетъ. Влѣво отъ предсѣдательскаго стола въ двѣ шеренги выстроились въ казачьей формѣ, въ полномъ составѣ хоръ имени ат. Платова — впереди регентъ Н. Ф. Кострюковъ. Въ первомъ ряду: супруга Дон. ат. Н. В. Богаевская, мадамъ Шмидтъ, корп. батюшка о. Дмитрій Троицкій, предсѣдатели и представители русскихъ корпусовъ: ген. Саранчевъ (Сумск.), ген. Репьевъ (Симб.), полк. Гавриловъ (Петр.-Полт.), полк. Пуковскій (Ворон.), полк. Саттерутъ (2 Моск.), полк. Рейнгардъ (Полоц.), основ. музея «Родной корпусъ» полк. Приходкинъ и др. За ними въ рядахъ бывшіе воспитанники, офиц.-воспит., преподаватели и гости.

Въ раскрытыя окна доносятся съ ближайшей колокольни мелодичные куранты... безъ четверти три...

Дон. ат. ген. Богаевскій, открывая собраніе, проситъ встать и почтить память: Державнаго Шефа, умершихъ воспитанниковъ и всѣхъ служившихъ въ корпусѣ. Всѣ встаютъ... Минута молчанія... Хоръ Платовцевъ прекрасно исполняетъ «Вѣчную память»...

Въ своемъ вступительномъ словѣ Донской атаманъ говоритъ о зарожденіи донского корпуса, затѣмъ, сдѣлавъ краткій обзоръ дальнѣйшимъ этапамъ его исторіи, заканчиваетъ: «Всего лишь нѣсколько дней не дожилъ нашъ корпусъ до 50 лѣтняго своего юбилея. Сейчасъ онъ закрылся въ Сербіи, но будемъ вѣрить, что съ воскресеніемъ Россіи и Дона возродится и нашъ корпусъ, чтобы въ родномъ Новочеркасскѣ продолжать свою славную исторію».

Хоръ поетъ Донской гимнъ... всѣ встаютъ.

Предоставляется слово полк. С. В. Болдыреву. Онъ говоритъ о годахъ корпуса въ Новочеркасскѣ, отмѣтивъ важныя событія за эти 37 лѣтъ и въ концѣ приводитъ рядъ статистическихъ свѣдѣній о дѣятельности корпуса.

Ген. А. В. Черячукинъ, передъ слушателями нарисовалъ интересную картину о жизни корпуса въ теченіи 2 лѣтъ въ Египтѣ.

о. Д. Троицкій прочелъ прекрасную статью: «Пасха на Волгѣ и Пасха въ Египтѣ», по окончаніи ея Донской атаманъ объявляетъ перерывъ.

Послѣ перерыва Н. Ф. Воронцовъ (кад. 33 вып.), сдѣлавшій прекрасный альбомъ снимковъ за годы кадетъ въ Египтѣ, запечатлѣлъ для исторіи корпуса и это интересное собраніе.

Засѣданіе продолжается. Хоръ ат. Платова исполняетъ рядъ казачьихъ пѣсенъ, каждый разъ публика апплодируетъ хору; особенно послѣ старинной «Баклановской» пѣсни и романса Соковича «Море». Въ хорѣ нѣсколько быв. дон. кадетъ и одинъ изъ нихъ «молодой 41 вып.» Ивановъ Викторъ, въ концѣ лихо протанцевалъ «казачка», послѣ чего хоръ подъ громкіе апплодисменты «слѣва рядами» оставляетъ залъ.

Полк. В. В. Захаровъ говоритъ о группѣ кадетъ съ быв. дир. кор. ген. Лазаревымъ-Стаищевымъ, которые послѣ Новочеркасска попали на о. Лемносъ, а затѣмъ о формированіи корпуса въ Крыму, и о жизни корпуса въ Югославіи.

Ген. П. И. Тусевичъ прочелъ хорошо составленный докладъ объ учебно-воспит. работѣ.

Войск. Ст. А. П. Чукановъ прочелъ о зарожденіи и дѣятельности въ Парижѣ О—ва быв. Дон. кадетъ и въ заключеніи огласилъ списокъ лицъ и организацій, приславшихъ поздравленія.

Пред. О. В. С. ген. Миллеръ лично поздравилъ присутствующихъ съ юбилеемъ.

День клонился къ вечеру, когда торжественное собраніе закрылось.

Вечеромъ, послѣ молебна, въ рест. «Метрополь», состоялся юбилейный обѣдъ. Кадеты сѣли за столы по «выпускамъ», воспит. и преподаватели со своими отдѣленіями. На лѣвомъ флангѣ со своими питомцами сѣлъ ихъ старый дядько, Степаненко, совершившій съ ними походъ отъ Новочеркасска въ Новороссійскъ и пробылъ затѣмъ два года въ Египтѣ.

Послѣ оффиціальныхъ рѣчей и здравицъ началась традиціонная «перекличка по выпускамъ». Вице-вахмистръ 21 вып. Щитковскій П. Ѳ., ставъ посрединѣ, громко вызываетъ: Богаевскій Африканъ, Черячукинъ Александръ, Карповъ Владиміръ. 2 выпускъ» и т. д. Порѣдѣли ряды, нѣкоторые выпуски не присутствовали, самый «отчетливый» — 7 вып. — ихъ было четыре представителя.

Поздно вечеромъ прибылъ Н. Ф. Кострюковъ и кадеты изъ хора. Весело, шумно за столами. Началась «звѣріада»... «Когда нашъ корпусъ основался», началъ запѣвала и всѣ дружно подхватили такъ хорошо знакомый мотивъ. Всѣхъ вспомнили въ куплетахъ «звѣріады», а въ концѣ не забыли и «сугубую химію».

Долго затянулась кадетская трапеза, нѣкоторые засидѣлись основательно... до разсвѣта — «Разъ въ 50 лѣтъ можно и до утра» — утѣшали себя выходя изъ ресторана «послѣдніе магикане», а навстрѣчу

имъ, въ предразсвѣтной мглѣ просыпался уже рабочiй Парижъ... впереди начинались снова будни и заботы трудовой жизни въ эмиграцiи.

С. Болдыревъ.

КАЗАЧЬИ ХОРЫ ЗАГРАНИЦЕЙ

Донской Хоръ С. А. Жарова 5 октября выѣхалъ въ С. Америку, куда приглашенъ въ концертное турнэ по странѣ до рождественскихъ праздниковъ. Въ Парижъ хоръ прибудетъ въ апрѣлѣ будущаго года.

Донской Хоръ имени Атамана Платова, подъ управленiемъ Н. Ф. Кострюкова, въ настоящее время находится во Францiи и выѣзжаетъ въ концѣ этого мѣсяца въ Сѣверную Америку, а оттуда въ Италiю.

Терскiй Квинтетъ «Пять Свѣтлановыхъ» съ большимъ успѣхомъ концертируетъ въ Скандинавскихъ странахъ. Въ настоящее время квартетъ выступаетъ въ Норвегiи.

КАЗАКИ ВЪ ЧЕХОСЛОВАКIИ

Въ главныхъ городахъ отдѣльныхъ земель, входящихъ въ составъ Чехословацкой республики, Прагѣ, Брнѣ, Братиславѣ и Ужгородѣ возникли казачьи станицы, положившiя въ свое основанiе декларацiю Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека. Самая старая станица въ Брно, насчитываетъ уже 10 лѣтъ своего существованiя, а самая молодая въ Братиславѣ, имени Атамана Каледина, возникла годъ тому назадъ. Путемъ переписки между отдѣльными станицами выяснилась общность ихъ интересовъ и необходимость объединенiя ихъ дѣятельности. Отъ словъ быстро перешли къ дѣлу и по инициативѣ Правленiй Общеказачьихъ Станицъ Братиславы и Брна былъ созванъ делегатскiй съѣздъ 4-хъ станицъ. Съѣздъ состоялся 23 — 24 сентября въ гор. Брно.

Представителями станицъ были отъ:

1. Общеказачьей станицы имени Атамана Каледина на Словакiи — Атаманъ Станицы инж. И. Н. Парапоновъ;
2. Общеказ. Студ. Станицы въ Брно — Атаманъ Станицы инж. И. С. Алейниковъ;
3. Общеказ. Станицы въ Прагѣ — Атаманъ Станицы инж. А. А. Трощенко;
4. Подкарпатской каз. станицы въ Ужгородѣ — Писарь Станицы имж. Д. Колоколовъ.

Результатомъ этоо гсъѣзда явилось объединенiе казачьихъ организацiй въ Ч. С. Р. съ центромъ въ гор. Брно. Въ основу объединенiя положена декларацiя Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека и вынесено рѣшенiе поддержать начинанiе Вр. Правленiя Каз. Союза въ Парижѣ и войти Объединенiемъ въ Союзъ. Съѣздомъ намѣчены мѣры къ укрѣпленiю связи между казаками, вовлеченiе казаковъ въ Станицы, укрѣпленiю экономическаго положенiя отдѣльныхъ казаковъ и каз. организацiй. По всѣмъ вопросамъ были приняты единогласныя рѣшенiя. Въ Правленiе Объединенiя избраны слѣдующiе казаки: Предсѣдателемъ — инж. И. С. Алейниковъ; Тов. Предс. инж. И. Н. Парапоновъ, инж. А. А. Трощенко, полк. П. П. Панкратовъ; Казначеемъ — инж. Г. П. Рыжовъ; Писаремъ — инж. С. А. Климентовъ.

Правленiе Объединенiя обращается съ призывомъ ко всѣмъ казакамъ поддержать Правленiе въ его работѣ, вхожденiемъ въ существующiя станицы и организацiей новыхъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ.

И. Горячевъ.

БРНО:

а) Общеказ. Студ. Станица съ августа мѣсяца сего года обзавелась собственнымъ помѣщенiемъ, въ которомъ открыла столовую и буфетъ. Дружной работой станичниковъ и станичницъ помѣщенiе приводится въ порядокъ и, если казачья энергiя не изсякнетъ раньше времени, удастся создать въ Брно свой казачiй уголъ.

б) 14-го августа сего года скончался казакъ Терскаго каз. Войска ст. Калиновской Георгiй Еремѣевичъ Исаевъ. Покойный окончилъ Владикавказскiй кадетскiй корпусъ и былъ студентомъ Агрономическаго Отдѣленiя Сельско-Хозяйственнаго Института въ Брно. Послѣднее время управлялъ хоромъ въ мѣстной чешской православной церкви. На похоронахъ присутствовали большинство казаковъ, проживающихъ въ Брно.

в) 24 сентября с. г. состоялся 30-й Станичный Сборъ Общеказачьей Студ. Станицы. Сборомъ одобрены дѣйствiя Правленiя по организацiи Объединенiя и постановлено войти въ таковое, а также въ Казачiй Союзъ.

г) 4-го ноября сего года Станица устраиваетъ юбилейный вечеръ по случаю 10-лѣтiя Станицы. Въ программѣ вечера намѣчено выступленiе станична-

го хора, казачьи танцы, выступленія солистовъ и балета. Дамскій комитетъ при Станицѣ организовываетъ лотерею и буфетъ. Доходъ съ вечера предположено обратить на усиленіе помощнаго фонда при Станицѣ.

БРАТИСЛАВА:

3-го сентября въ помѣщеніи русскаго ресторана состоялся 2-й Станичный Сборъ Общеказачьей Станицы имени Атамана Каледина въ Словакіи. По заслушаніи докладовъ Станичнаго Правленія и Ревизіонной Комиссіи, и преній по нимъ, Станичный Сборъ отчетъ утвердилъ, вынеся Правленію благодарность.

Въ новое Правленіе избраны станичники: Атаманомъ — И. Н. Парапоновъ, Казначеемъ (помощ.) — М. С. Михайликовъ, Писаремъ — В. К. Поповъ. Въ Ревиз. Коммиссію: В. Н. Дроновъ, П. В. Яковлевъ, И. К. Черножуковъ.

Станичный Сборъ утвердилъ постановленіе Правленія о вхожденіи въ Объединеніе казачьихъ организацій въ Ч. С. Р., а также постановилъ въ составѣ Объединенія войти въ Казачій Союзъ во Франціи.

УЖГОРОДЪ:

На послѣднемъ годовомъ Сборѣ избраны въ Правленіе Подкарпатской Казачьей Станицы:

Атаманомъ — полк. П. П. Панкратовъ, Помощникомъ — А. А. Зарубинъ, Казначеемъ — И. Т. Луговой, Писаремъ — И. Г. Лукиновъ (временно до пріѣзда Лукинова обязанности писаря исполняетъ Н. Д. Колоколовъ). Станица вошла въ Объединеніе каз. организацій въ Ч. С. Р., а также постановила въ составѣ Объединенія войти въ Казачій Союзъ во Франціи.

ПРАГА:

Общеказачья Станица въ Прагѣ вошла въ составъ Объединенія и въ Казачій Союзъ.

ПИСЬМО АТАМАНА М. И. ПЛАТОВА КЪ СВОЕЙ ЖЕНѢ

съ сохраненіемъ подлинной орфографіи
(Изъ Архива Музея Л.-Гв. Атаманскаго полка)

Милая моя Марфа Дмитревна

По отпускѣ сего, я, дети, изътья слава Богу здаровы, непріятеля врага России бонапарда, благодаримъ всемогущего бога поворотили боемъ изъ России вонъ, мы его гонимъ вслѣдъ занимъ, на наши русскіе границы, учителя детей нашихъ Ронгфельда я рощелъ иденьги ему жалованные или условные заплатилъ, вы его поблагопріятствуйте, онъ не виноватъ что не успѣлъ, вивчить, но слава богу Матвѣ русскаго письма знаетъ хорошо, и по французски. онъ у насъ вишелъ хорошимъ воиномъ, много разъ отличился. Даже и пушки бралъ искозаками и все его любятъ, мнѣ какъ отцу приятно и лестно это видеть что сынъ мой полезенъ отечеству наше дело молитца богу о спосеніи его здаровья, а Иванъ сынъ всеґда примнѣ по молодости его я берегу и непускаю впередъ ивнемъ вижу храброй духъ, между тѣмъ и приучаютъ его науки мои пріятели, остаюсь навеки инепременно

вашъ моя милая
вернѣйшій Матвѣй Платовъ.
напоходѣ иксторонѣ Смоленска

Ноябрь ч. 9-го
1812 годъ.

(Приписано болѣе взволнованнымъ почеркомъ):

— Занаписаніемъ сего писма сей дѣнъ получилъ я отъ государя пожалованъ я и потомство мое графскимъ достоенствомъ. Итакъ вы моя милая графиня. Дѣти сыновья наши Матвѣй, Иванъ графи, идети ихъ будутъ а наши внуки естли божескою милостию мы ихъ дождемся графенятажъ, поблагодарите Господу богу, за его пославшею къ намъ милость,

— поприятствуйте вдову невестку Марью Степановну ипоздравте ее, сынъ ее и мои внукъ Матюша графъ инадежда внучка дазамужества ее графиня, и она графиня потомучто была замоимъ сыномъ.

Данилѣ Аневичу Ронфилю подарите трыста рублей а естли больше подарите я согласенъ, а уряднику Чирину сто рублей.

Примѣчаніе: Слабость въ грамотѣ Атамана графа М. И. Платова, столь очевидная въ вышеприведенномъ письмѣ, является совершенно нормальной для его эпохи. Генералъ-отъ-кавалеріи графъ Федоръ

Петровичъ Денисовъ, котораго Императоръ Павелъ хотѣлъ назначить послѣ смерти А. И. Иловайскаго Войсковымъ Атаманомъ, просилъ уволить его отъ этого назначенія, ссылаясь на свою малограмотность.

Въ послужныхъ спискахъ офицеровъ Л.-Гвардіи Атаманскаго полка начала прошлаго вѣка образовательный цензъ офицеровъ въ лучшемъ случаѣ ограничивался помѣткой – «Россійской грамотѣ читать и писать знаетъ».

«Сынъ Иванъ» — Ив. Мат. Платовъ — будущій командиръ Атаманскаго полка.

Ронфельдъ — домашній учитель дѣтей графа Платова.

Урядникъ Чиринъ доставилъ приведенное письмо на Донъ.

АНГЛІЙСКАЯ КАРРИКАТУРА НА КАЗАКА ВРЕМЕНЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

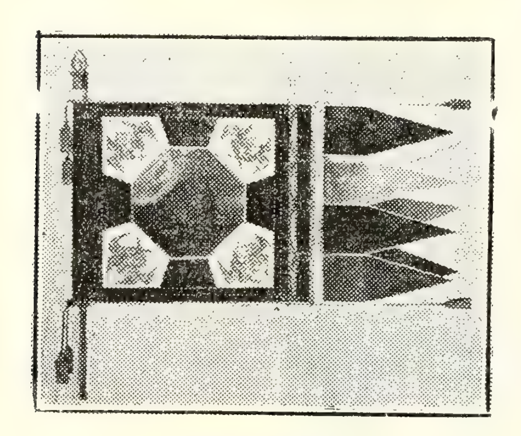
Изъ собранія старинныхъ гравюръ Л. Масянова.

ПЕРЕМѢНА АДРЕСА

Съ 1-го октября сего года адресъ редакціи: Mr Gousseff, 7, rue Jobbé Duval, Paris 15°

ОБРАЩЕНІЕ КАННСКОЙ ОБЩЕКАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ КЪ СТАНИЦАМЪ, ХУТОРАМЪ, ГРУППАМЪ И КАЗАКАМЪ, НАХОДЯЩИМСЯ ВЪ ИЗГНАНІИ

Согласно постановленія станичнаго сбора, правленіе каннской обще-казачьей станицы приступило къ постройкѣ станичной хоругви въ память пребыванія нашего въ изгнаніи. Хоругвь строится по рисунку почетнаго казака станицы кн. Сергѣя Георгіевича Романовскаго и утверждена Донскимъ Атаманомъ.

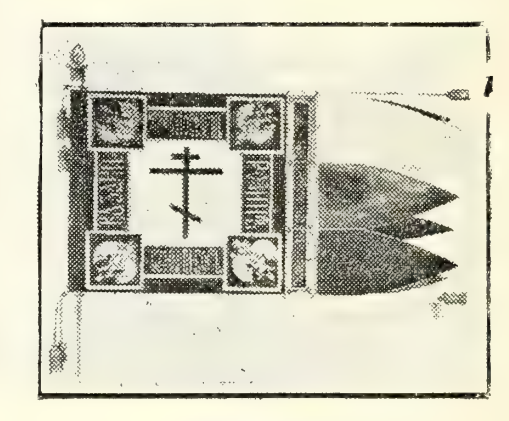
Лицевая сторона

На лицевой сторонѣ хоругви, на свѣтло-синемъ фонѣ, изображена икона казачьяго покровителя св. Іоанна Воина въ воинскихъ доспѣхахъ; по четыремъ угламъ — изображенія ангеловъ - хранителей казачества на чужбинѣ. На тыловой сторонѣ — черный православный крестъ и надписи: «Казаки — Родинѣ», «Симъ Побѣдиши», «Съ нами Богъ». Сбоку отъ четырехугольника хоругви: 4 языка общихъ для всѣхъ казачьихъ цвѣтовъ — краснаго, желтаго, синяго и малиноваго, лежащихъ на 3 языкахъ русскаго трехцвѣтнаго флага. У хоругви металлическое древко, на которомъ гравируются фамиліи всѣхъ участвующихъ въ постройкѣ лицъ.

Впредь до возвращенія нашего на родину, хоругвь будетъ помѣщена у гробницы верховнаго главнокомандующаго вел. кн. Николая Николаевича, въ нижней церкви г. Каннъ.

Станичное общество предлагаетъ станицамъ, хуторамъ, казачьимъ группамъ и отдѣльнымъ казакамъ, въ «разсѣяніи сущимъ», принять участіе въ постройкѣ вышеописанной хоругви. Участіе станицъ, хуторовъ и группъ предположено выразиться въ присылкѣ ленты съ наименованіемъ общества, которая и будетъ подвѣшена у копья древка и будетъ ниспадать внизъ по древку. Участіе отдѣльныхъ лицъ выразится гравировкой фамилій на металлическомъ древкѣ.

Величина денежнаго взноса за право подвѣски ленты выяснится путемъ переписки съ атаманомъ станицы. Стоимость гравировки отдѣльныхъ фамилій и чиновъ, въ зависимости отъ числа словъ, предполагается отъ 15 до 20 франковъ.

Тыловая сторона

Всю переписку просятъ направлять по адресу станичнаго атамана
Mr. Semiletoff, villa «Les roses rouges», Bd Paul Doumer, Le Cannet (A. M.).

Атаманъ Каннской Обще-Казачьей Станицы **полк. Семилѣтовъ.**

КЪ ВОЙСКОВЫМЪ ПРАЗДНИКАМЪ ДОНСКОГО И КУБАНСКАГО ВОЙСКЪ

(немногое изъ исторіи)

Каждый годъ казачество торжественно празднуетъ заграницей свой Войсковой праздникъ 5/18 октября. Казачество дорожитъ этой своей традиціей, которая имѣетъ извѣстную давность и связана съ назначеніемъ 2-го октября 1827 года Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича первымъ Атаманомъ всѣхъ Казачьихъ Войскъ изъ царскаго рода. Послѣднимъ Атаманомъ всѣхъ Казачьихъ Войскъ былъ убіенный большевиками Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ, съ именемъ котораго и связанъ Войсковой праздникъ, Донской и Кубанскій, теперь.

Но наши Войсковые праздники имѣютъ свою длинную исторію и не разъ мѣняли время своего празднованія. Для кубанцевъ не такъ давно днемъ Войскового Праздника былъ день Александра Невскаго, 30-го августа. Онъ же одно время былъ однимъ изъ дней Войсковыхъ Праздниковъ для донцовъ, позже смѣнившійся днемъ 17-го октября.

Если же мы углубимся въ болѣе старыя времена, то увидимъ, что дней Войсковыхъ Праздниковъ и для донцовъ и для кубанцевъ было нѣсколько и главный изъ нихъ близко примыкаетъ къ современной намъ датѣ 5/18-го октября. День этотъ, особо чтимый всѣмъ казачествомъ и въ настоящее время — день Покрова Пресвятыя Богородицы — 1/14-ое октября.

Праздновали его и на Украинѣ, и въ Запорожьи, и на Дону, и на Волгѣ, и на Яикѣ, и на Терекѣ, и съ нимъ были связаны собранія всего Войска на Кругъ, или Раду. Общеказачьимъ же Праздникомъ являлся и день 9-го мая — Николы Вешняго. Откуда шла традиція праздновать такъ торжественно этотъ день сейчасъ невозможно установить, но позже на Дону онъ былъ связанъ съ полученіемъ царскаго жалованья, которое шло на байдарахъ внизъ по Дону въ главное Войско. Нѣкоторые историки считаютъ, что это и было причиною такого торжественнаго собранія Войска въ Кругъ въ этотъ или близкій къ нему день.

Третьимъ большимъ праздникомъ на Дону былъ день памяти Іоанна Предтечи — въ августѣ и январѣ, — покровителя Азова — стараго гнѣзда казачества.

Впослѣдствіи на Дону, когда даты Войсковыхъ Праздниковъ, связанныхъ съ Войсковымъ Кругомъ (т.-е. построеніемъ войскъ во время церемоніи въ видѣ круга) устанавливались Петербургскимъ правительствомъ (а не казаками), мы видимъ, что они близки къ этимъ датамъ. Такъ памятная книжка Войска Донского на 1868 годъ говоритъ о четырехъ датахъ Войсковыхъ Круговъ: 1-го генваря, 9-го мая, 30-го августа и 1-го октября.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ при станицѣ подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго М. А. Адамова безвозмездно обслуживаетъ станичниковъ. Пріемъ ежедневно отъ 6 час. 30 мин. веч. до 8 час. веч. на рю де ла Конвансьонъ, № 85.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ оказывается безвозмездно студентамъ - казакамъ почетнымъ старикомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5 до 7 час. вечера на 122, бульваръ Мюратъ (по запискамъ отъ правленія).

КАЗАЧЬИ ВОЙСКА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

(Забайкальское, Амурское и Уссурійское)

(окончаніе)

Въ 1819 году были образованы полки Забайкальцевъ отдѣльно отъ Сибирскихъ, а въ 1822 г. образованы полки изъ городовыхъ казаковъ: Забайкальскій и Якутскій, куда вошли тѣ, кто не обзавелся прочнымъ хозяйствомъ, а кто таковымъ обзавелся — вошли въ разрядъ станичныхъ, отбывавшихъ службу на мѣстахъ, не далѣе 100 верстъ отъ своихъ станицъ. Общее начальство надъ городовыми казаками было ввѣрено гражданскимъ губернаторамъ, непосредственное же управленіе полковыми принадлежало полковымъ атаманамъ и сотникамъ; станичные же подчинялись вѣдѣнію земскихъ исправниковъ. Службой казакамъ вмѣнялось охранять спокойствіе и безопасность въ мѣстахъ, ими занятыхъ, и выполнять порученія губернскаго начальства по части земской полиціи. За это казаки получали по 15 десятинъ на человѣка, а полковые, сверхъ того, продовольствіе и фуражъ, а въ далекихъ походахъ и жалованье. Станичные же жалованья не получали, но освобождались отъ государственныхъ и земскихъ сборовъ и получали право безпошлинной торговли съ жившими по границѣ народами. Кромѣ того, за всѣми казаками сохранялись земельные участки, отведенные имъ ранѣе въ собственность.

Необходимость усиленія охраны китайской границы повела къ образованію въ 1851 году отдѣльнаго Забайкальскаго казачьяго войска изъ шести конныхъ полковъ и 12 пѣшихъ батальоновъ, куда вошли какъ городовые, такъ и линейные казаки, а равнымъ образомъ и бывшіе бурятскіе полки. Всего въ составъ войска вошло около 22.000 чел. и около 29.000 чел. крестьянъ, приписанныхъ къ Нерчинскимъ горнымъ заводамъ, составившихъ пѣшіе батальоны.

Войско было раздѣлено на 6 полковыхъ и 12 батальонныхъ округовъ. Въ составъ войсковой земли вошли: 1) земли пограничныхъ казаковъ, 2) свободныя казенныя земли пограничной линіи, 3) земли Забайкальскаго городового полка и станичныхъ казаковъ Верхнеудинскаго округа, 4) земли Тунгузскаго и бурятскихъ полковъ, 5) казенныя оброчныя статьи въ чертѣ войска, 6) земли рабочихъ Нерчинскихъ заводовъ, кромѣ земель самихъ заводовъ, рудниковъ и золотыхъ промысловъ, и 7) земли прочихъ крестьянъ, подлежавшихъ зачисленію въ войско.

Служба Забайкальскаго Войска заключалась въ охранѣ границъ и несеніи внутренней службы въ Забайкальскомъ краѣ. Причемъ пѣшіе батальоны несли только внутреннюю службу. Въ случаѣ же военной необходимости войско выступало въ походъ и за предѣлы своего края.

Управленіе Забайкальскаго войска раздѣлялось на главное и мѣстное. Первое принадлежало генералъ-губернатору Восточной Сибири, по военному положенію командиру отдѣльнаго корпуса; а второе составляли: войсковой наказный атаманъ — начальникъ дивизіи и губернаторъ, войсковое дежурство, войсковое правленіе, бригадныя, сотенныя и батальонныя управленія. Эти двѣ послѣднія соотвѣтствовали станичнымъ правленіямъ другихъ войскъ и состояли изъ сотеннаго или батальоннаго командира и двухъ судей, избираемыхъ сотнями или батальонами и утверждаемыхъ войсковымъ атаманомъ.

Амурское войско было образовано искусственно правительственными мѣрами, вызванными положеніемъ и событіями на Амурѣ послѣ заключенія Айчунскаго договора. По представленію ген.-губ. Муравьева, въ 1850 г. былъ занятъ постъ на Амурѣ — Николаевскій, охранявшійся пятью Забайкальцами.

Въ виду военныхъ дѣйствій въ 1854 году было занято устье Амура, а въ слѣдующемъ году по нижнему его теченію осѣли 97 служилыхъ Забайкальцевъ изъ отряда, защищавшаго побережье. Въ 1856 г. приступили къ образованію Амурской линіи, и черезъ годъ по Амуру сидѣло три Забайкальскихъ сотни хуторами: ниже Албазина до ст. Бибиковой, на устьѣ р. Зеи и ниже устья рѣки Буреи до Хинчана. Въ 1858 г. еще двѣ сотни поселились по Амуру отъ р. Зеи до р. Буреи. Въ послѣдующіе два года къ нимъ прибавили еще двѣ сотни пѣшихъ казаковъ. Изъ всѣхъ этихъ сотенъ была составлена конная бригада. Затѣмъ былъ переведенъ и поселенъ отъ Хинчана до устья Уссури пѣшій полубатальонъ, къ которому въ 1859-63 г.г. прибавлено еще 750 семейства.

Еще въ 1858 году послѣдовалъ указъ объ образованіи Амурскаго войска, а въ 1860 году утверждено и положеніе о немъ, согласно которому оно должно было охранять юго-восточную границу отъ ст. Покровской, въ 4-хъ верстахъ ниже сліянія р.р. Шилки и Аргуни, по Амуру до устья Уссури, вверхъ

по Уссури до ея верховьевъ и затѣмъ по сухопутной границѣ, до побережья. Къ Устью Уссури были поселены въ 1858 г. 54 семейства. А въ 1859-60 г.г. осѣло 684 семейства по всему теченію Уссури до ст. Буси.

Въ отношеніяхъ военномъ и управленія войско было раздѣлено на два полковыхъ и два батальонныхъ округа. А подчинено, смотря по положенію, военнымъ губернаторамъ Амурской и Приморской областей, мѣстное же управленіе составляли бригадное (для конныхъ полковъ) и батальонныя управленія. Срокъ службы — 30 лѣтъ, 22 года полевой и 8 внутренней службы.

Образованіе Уссурійскаго войска произошло въ 1889 году выдѣленіемъ Амурскаго полубатальона, поселеннаго по р. Уссури. Эта мѣра была вызвана тѣми обстоятельствами, что амурскіе казаки подчинялись двумъ областнымъ начальникамъ: Амурскому и Приморскому, смотря по мѣсту ихъ жительства, и что Уссурійская линія сама ужъ по себѣ протягивалась на тысячу верстъ. Земли, выдѣленныя Уссурійскому войску образовали особый округъ, завѣдываніе надъ которымъ ввѣрено начальнику округа съ правами командира Уссурійскаго полубатальона; самъ начальникъ подчиненъ военному губернатору Приморской области. Но вскорѣ войско перешло въ подчиненіе непосредственно военному губернатору съ правами наказнаго атамана и приняло положеніе о службѣ и пр., существовавшія для Амурскаго войска.

Для усиленія Уссурійскаго войска было предпринято переселеніе туда казаковъ изъ другихъ войскъ на средства Комитета Сибирской жел. дороги; причемъ каждому служилому казаку-переселенцу выдавалась ссуда въ 550 руб. безъ процентовъ на 33 года и 50 руб. безвозвратно на покупку лошади. Въ 1894-96 г.г. переселилось охотниковъ донцовъ и оренбуржцевъ 337 семей и 64 семей забайкальцевъ.

Къ 1895 году населеніе дальневосточныхъ казачьихъ войскъ было слѣдующее: Забайкальское — 98.361 муж. 95.667 жен., войскового — 94.514 муж., 92.688 жен.; Амурское — 10.407 муж., 9.951 жен., войск. — 10.067 муж., 9.633 жен.; Уссурійское — 3.815 муж., 3.338 жен., войск. — 3.723 муж., 3.317 жен. Изъ своего населенія эти войска должны были выставить при полномъ наборѣ: Забайкальское — 22.887 чел.; Амурское — 3.349 чел., Уссурійское — 1.260 чел.

Почти до самой японской войны шло переселеніе казаковъ на Амуръ и Уссури: съ 1895 по 1901 годъ на Амуръ переселилось 78 семей и 858 семей на Уссури изъ слѣдующихъ войскъ: Донского — 338 семей, Кубанскаго — 213, Терскаго — 16, Уральскаго — 1, Оренбургскаго — 30 и Забайкальскаго — 62. Въ 1902 г. на Амуръ переѣхало изъ Кубанскаго войска 90 семей въ составѣ 560 чел., и на Уссури изъ Терскаго — 10 семей въ составѣ 76 чел.; Оренбургскаго — 30 семей — 237 чел.; Уральскаго — 10 семей — 50 чел.

Какъ видимъ, дальневосточныя казачьи войска заключаютъ въ себѣ казаковъ всѣхъ войскъ.

Казачья застава за девять вѣковъ растянулась отъ Днѣпра до Уссури на добрый десятокъ тысячъ верстъ и въ теченіе этихъ вѣковъ грудью отстаивала святую Русь.

Не было ни пяди русской границы съ юга, гдѣ бы не стояла застава богатырская на всемъ протяженіи исторіи нашего государства. И велика заслуга казачества передъ нимъ и есть чѣмъ похвалиться казачеству.

Какое положеніе займетъ оно въ будущемъ, то будетъ зависѣть отъ него самого.

Владиміръ Синеоковъ,
Докторъ Государственныхъ Наукъ.

ПЕРЕМѢНА АДРЕСА

Съ 1-го октября сего года адресъ редакціи: Mr Gousseff, 7, rue Jobbé Duval, Paris 15°

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

Контора «Станицы» проситъ всѣхъ, получившихъ этотъ номеръ, прислать его стоимость — 2 франка (можно почтовыми марками).

Къ г.г. председателямъ казачьихъ организацій, получающихъ журналъ для распространенія среди ихъ членовъ и не приславшихъ отчеты по продажѣ прошлыхъ номеровъ (или прошлаго номера), покорнѣйшая просьба произвести расчетъ теперь же.

Срокъ отчета за этотъ номеръ — 15-е декабря.

Слѣдующій номеръ (9-й) выйдетъ 1-го января 1934 года.

Всю простую, заказную и денежную корреспонденцію направлять по адресу:

Mr Gousseff, 7, rue Jobbé Duval, Paris 15e

Le gérant : Ch. Quénet. Typ. BASILE, 1, villa Chauvelot, Paris 15e

Станица

STANITZA

organe de la Stanitza des Étudiants-Cosaques de Paris

Trimetriel

35, RUE DE SÈVRES, PARIS (6e)

№ 9 | Janvier 1934 | Prix : 2 frs.

1924 — 1934

Десятилѣтіе

Парижской

Студенческой

Казачьей

Станицы

Отъ Организаціоннаго Бюро

ПО ПРАЗДНОВАНІЮ ДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

Организаціонное Бюро, составленное изъ бывшихъ предсѣдателей Общества взаимопомощи студентовъ-казаковъ (съ 1930 г. — станицы) считаетъ первымъ своимъ долгомъ принести искреннюю благодарность членамъ Почетнаго юбилейнаго Комитета (по афавиту): ген. Абрамову Ф. Ф., Богаевской Н. В., Донскому Атаману, ген. Богаевскому А. П., Терскому Атаману ген. Вдовенко В. Г., Епископу Шапталю, Ефремову И. Н., Жарову С. А., Аббату К. Кенэ, проф. Маркову А. П., Мельникову Н. М., ген. Миллеру Е. К., ген. Постовскому В. И., проф. Сватикову С. Г. и доктору Чекунову И. С.

Казаки студенты рады сознаніемъ, что интересъ къ ихъ работѣ привлекъ въ Комитетъ имена столь широко извѣстныхъ и почитаемыхъ лицъ въ эмиграціи. Морально или матеріально, дѣятельность этихъ лицъ связана съ нашей работой, казаковъ студентовъ, и потому почетное мѣсто имъ въ юбилеѣ и наша признательность, такъ теперь своевременны.

По разнымъ причинамъ, этотъ перечень нашихъ высокихъ друзей не полонъ, но имена ихъ съ такимъ же почтеніемъ и преданностью вспоминаются въ нашей средѣ.

Чѣмъ привлечено вниманіе и отзывчивость къ нашей работѣ столь широкихъ круговъ общественности.

Во первыхъ въ ней ясна несомнѣнность полезнаго дѣла: накопленіе лицъ съ высшимъ образованіемъ для будущаго Родины, такъ бѣдной теперь интеллигентными работниками; во вторыхъ, результаты нашихъ усилій наглядно оправдываются: за десятилѣтіе 74 студентами-казаками получено высшее образованіе и изыскана на это сумма въ 142. 580 франковъ.

Эти весьма значительныя цифры утверждаютъ наличіе большого казачьяго дѣла. Такихъ дѣлъ въ эмиграціи немного и выявить ихъ показательность является также цѣлью нашего юбилея. Это выявленіе дѣлается не для нашей гордости, а да послужитъ оно устойчивости одной изъ опоръ общеказачьяго дѣла заграницей.

Передъ казачьей студенческой молодежью, оказавшейся заграницей, открылись вначалѣ два особо благопріятныхъ пути для продолженія образованія — Чехія и Франція. Путемъ паломничества въ Парижѣ образовалась первая студенческая группа казаковъ къ концу 1922 года. Зазывами своихъ на благопріятныя тогда условія для работы во Франціи, собирались казаки изъ всѣхъ странъ русскаго разсѣянія. Хорошо спаянная студенческая группа скоро замѣтила необходимость организованности въ быстро растущемъ числѣ прибывающихъ въ Парижъ казаковъ. Почти всецѣло иниціативой и усиліями этой группы молодежи создается первая общеказачья станица въ Парижѣ, въ правленіе которой были избраны въ большинствѣ студенты. Когда дѣло станицы было налажено, казаки-студенты образовали 1-го января 1924 года «меньшого» ея брата — общество взаимопомощи донскихъ студентовъ-казаковъ во Франціи. Такъ возникла казачья организованность въ Парижѣ и почти въ то же время начали создаваться во Франціи группы, хутора и станицы, иногда цѣлыми составами перебиравшіеся сюда изъ другихъ странъ.

Съ перваго же дня образованія общества студентовъ-казаковъ, жизнь его началась энергичной и стремительной работой. Главной цѣлью было поставлено: разыскивать средства и возможности для продолженія высшаго образованія своимъ членамъ. На организаціонномъ собраніи учредили первую стипендію, выбрали стипендіата и обложили себя большимъ по тому времени членскимъ взносомъ въ 15 франковъ ежемѣсячно. Такое усиліе общества вскорѣ же было замѣчено русской общественностью Парижа.

Въ первый же годъ существованія Общества было 12 стипендіатовъ въ различныхъ высшихъ школахъ Франціи, которымъ О—во помогало стипендіями и временными поддержками. Значительную помощь оказывали вначалѣ: Донское правительство, Н. Х. Денисовъ, А. С. Алперинъ, и позже были поступленія отъ казачьихъ организацій, Донского хора С. А. Жарова и др.

Особо слѣдуетъ отмѣтить весьма значительную и постоянную поддержку отъ Аббата К. Кенэ — нынѣшняго почетнаго казака нашей станицы.

Въ то же время росла и развивалась казачья общественность во Франціи. Конечно, казачья молодежь не могла остаться внѣ этого движенія. Гроз-

ныя событія въ родныхъ краяхъ всколыхнули тогда всѣхъ. Разбросанность казачества по всѣмъ странамъ и обстоятельства заграничной жизни эмигрантовъ выдвигали необходимость созданія обще-казачьяго центра на основахъ общественности, въ помощь Войсковымъ Атаманамъ.

Лозунгъ для такого объединенія — «Казачество въ опасности» — и инициатива «Казачьяго Союза», возникли въ студенческой средѣ и были предложены Донскому Атаману. Вскорѣ возникшій Казачій Союзъ дѣйствительно объединилъ огромное большинство зарубежнаго казачества на неизмѣнныхъ казачьихъ основахъ, большой, плодотворной работы практическаго характера. И въ этой работѣ казаки студенты приняли участіе, давши половину состава Правленія Казачьяго Союза.

Дѣятельности Общества принадлежитъ заслуга изданія первой казачьей книги во Франціи — «Казачій бытъ». Журналъ «Станица», какъ извѣстно, существуетъ и понынѣ.

Мы подсчитали свои заслуги вовсе не для того, чтобы выдѣлиться въ своей казачьей семьѣ. Мы скромны общей, характерной для казачества, скромностью. Но, во первыхъ, это юбилейный подсчетъ работы Общества, а, во вторыхъ, наше дѣло — часть дѣла общеказачьяго, славить правдой которое — нашъ сыновній долгъ.

Выше мы привели факты. Постараемся теперь сдѣлать выводъ.

Ширина и разносторонность политическихъ убѣжденій состава лицъ Почетнаго Комитета не явились въ день нашего юбилея препятствіемъ для единодушнаго одобренія дѣла студентовъ-казаковъ. Сами мы, иногда разномыслящіе, прочно спаяны нашей работой. Значитъ существуетъ нѣчто, что заставляетъ примирять всѣ разномыслія, въ одобреніи и воспріятіи положеній, ясность и убѣдительность которыхъ внѣ сомнѣній. Это служитъ основой всякаго объединенія. Въ нашемъ же юбилеѣ положеніемъ этимъ является ясность несомнѣннаго дѣла, но есть въ немъ и другое, что укрѣпляетъ его цѣнность. Это — казачья семейственность. Мы впервые, но смѣло употребляемъ этотъ терминъ — казачья семейственность, какъ качество, наилучше отображающее казачью сущность.

Мы вполнѣ убѣждены, что эта казачья семейственность существовала въ Россіи на историческихъ, бытовыхъ и духовныхъ началахъ, а здѣсь, въ эмиграціи, мы ее чувствуемъ обостренно, и только она, оформленная отцомъ-Атаманомъ служитъ нерушимою связью и крѣпитъ казачество. Нашъ долгъ сохранять и лелѣять свою семейственность, какъ основу для возрожденія казачества въ Россіи.

ГАБРОВСКАЯ КАЗАЧЬЯ СТАНИЦА ВЪ БОЛГАРІИ

поздравляетъ студентовъ-казаковъ съ юбилеемъ

ОТЪ ДОНСКОГО АТАМАНА

ДЕСЯТИЛѢТІЕ ПАРИЖСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СТАНИЦЫ

Поздравляю Парижскую казачью студенческую станицу съ десятилѣтіемъ ея существованія и отъ души желаю ея Атаману и станичникамъ силъ и бодрости духа довести до конца нашего пребыванія заграницей свое достойное дѣло, которое уже дало такіе блестящіе результаты: 74 студента-казака получили высшее образованіе и на это была изыскана сумма въ 142.580 фр.!

Будучи, съ самаго начала существованія станицы, — свидѣтелемъ ея жизни, дѣятельнаго участія въ ней нашего общаго друга Аббата Кенэ, который сдѣлалъ столько добра станичникамъ, — я съ особымъ удовольствіемъ и радостью исполнилъ въ свое время ходатайство станицы о зачисленіи его «почетнымъ казакомъ» ея, давъ ему, какъ В. Атаманъ, — историческое званіе, знаменующее высшую степень уваженія казачьей общины къ лицу, удостоенному этого званія. Пусть оно будетъ хоть слабымъ выраженіемъ нашей благодарности доброму Аббату и его начальству за все то хорошее, что они сдѣлали за 10 лѣтъ студенту-казаку!

Карлъ Александровичъ Кенэ
студентъ Кіевскаго Императорскаго св. Владиміра университета, на дачѣ у ректора у—та, профессора Цитовича, въ 1910 году, въ Святошино

Многіе студенты, бывшіе члены Парижской студенческой казачьей станицы, уже устроились на правительственной или частной работѣ, обзавелись семьями, но все же не теряютъ связи съ своей станицей, которая продолжаетъ свою работу.

Дай Богъ, чтобы и дальше она служила, какъ и минувшіе 10 лѣтъ, примѣромъ дружбы и братства взаимопомощи для всѣхъ казаковъ!

Ген. А. Богаевскій.

Капитанъ К. Кенэ въ Японіи, у буддійскаго храма, въ 1919 году, проѣздомъ изъ Сибири на родину

ИЗЪ ПИСЕМЪ, ПОЛУЧЕННЫХЪ ОРГАН. БЮРО

Терскій В. Атаманъ ген. Вдовенко Г. А. :

Да послужитъ ваша 10-лѣтняя сплоченная, плодотворная работа примѣромъ того, что нѣтъ ничего во вселенной сильнѣе человѣческой воли, когда она направлена сосредоточенной силой. Каковы бы ни были ваши силы, напрягайте ихъ какъ можно сильнѣе въ жизненной борьбѣ для общественнаго казачьяго блага. Сердечный привѣтъ Станицѣ.

Monseigneur Chaptal :

L'interêt que je porte à votre Association mutuelle des Etudiants Cosaques et à la Stanitza des Etudiants Cosaques à Paris me décide bien facilement à vous donner mon nom pour le Comité d'honneur de votre jubilé.

Ген. Миллеръ Е. К.:

Позвольте поблагодарить въ вашемъ лицѣ Организаціонное Бюро за приглашеніе войти въ составъ Почетнаго Комитета. Принимаю это предложеніе и буду радъ помочь, чѣмъ могу, работѣ Почетнаго Комитета.

Ген. Абрамовъ Ф. Ф.:

Горячо сочувствуя работѣ Обществъ, поставившихъ себѣ цѣлью оказаніе помощи нашей учащейся молодежи, — я съ полною готовностью даю свое согласіе на вхожденіе въ составъ Почетнаго Комитета.

И. Н. Ефремовъ:

Приношу Вамъ мою искреннюю благодарность за честь, оказанную мнѣ вашимъ приглашеніемъ. Отъ души желаю Вамъ полнаго успѣха въ этомъ благомъ начинаніи.

Н. М. Мельниковъ:

Высоко цѣня работу станицы и ея бывшихъ и теперешняго руководителей, я съ удовольствіемъ принимаю приглашеніе Организаціоннаго Бюро.

Общество бывшихъ Донскихъ кадетъ въ Парижѣ, въ день 10-лѣтней годовщины студентовъ-казаковъ за рубежомъ, шлетъ свои искреннія поздравленія и пожеланія Вамъ, Почетнымъ членамъ станицы и всѣмъ студентамъ. Намъ кадетамъ-донцамъ ,отраднѣе другихъ, вспомнить студентовъ-казаковъ въ ихъ знаменательный день, какъ бывшихъ своихъ сосѣдей по 35, рю де Севръ ,съ которыми мы въ теченіе пяти лѣтъ жили по братски и по казачьи выручали другъ друга.

Еще разъ поздравляемъ и шлемъ наши пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія Станицы на пользу нашихъ родныхъ краевъ.

С. Болдыревъ.

За отсутствіемъ Казачьяго Дома, казачьи организаціи устраиваютъ свои собранія въ случайныхъ помѣщеніяхъ, большей частью, въ угловыхъ кафэ.

«Изъ «Станицы» — іюль 1933 г.

Каррикатура Трюха.

Въ президіумѣ организаціи, послѣ собранія.

— «За 12 лѣтъ на эти деньги, станичники давно мы имѣли бы въ Парижѣ свой казачій домъ!»

ПОДЪ ЭКВАТОРОМЪ

Въ Габонѣ (Экваторіальная Французская Африка) около двухъ лѣтъ работаетъ нашъ станичникъ инженеръ В. С. Мащенко, который въ Парижѣ окончилъ школу «траво пюбликъ», при содѣйствіи нашего почетнаго казака, Аббата К. Кенэ. Молодымъ инженеромъ начальство оказалось настолько довольнымъ, что предложило ему до истеченія срока подписать новый контрактъ еще на два года.

Насколько своеобразны условія работы тамъ, показываетъ происшедшій съ М. недавно случай, когда онъ, съ карандашомъ, бумагой и «бусолью» въ рукахъ подвергся нападенію почтеннаго семейства слоновъ. Пришлось вскарабкаться на высокое дерево и семейство удалилось во свояси.

В. С. посылаетъ членамъ станицы поздравленія и привѣтъ съ пожеланіемъ «побачить наши хаты въ станицахъ родимыхъ и послужить еще нашимъ Войскамъ на землѣ казачьей...»

ИВ. ШМЕЛЕВЪ

Высшая математика

(изъ повѣсти)

... Утромъ пересѣли въ пассажирскій поѣздъ. Устроились удобно, въ купэ. На нижнемъ мѣстѣ, ткнувшись головой въ смятую бурку, храпѣлъ докторъ, не стыдясь заплатъ на штанахъ. Сверху торчалъ грязный сапогъ со шпорой.

— Счастливцы... — сказалъ, дергаясь лицомъ, старенькій капитанъ, — какъ спятъ-то! А меня и бромъ не беретъ.

— А я о-чень посплю! — сказалъ Сушкинъ, потягиваясь и похрустывая суставами. — Считайте, капитанъ, до тысячи — и заснете.

Капитанъ поглядѣлъ на здоровое, обвѣтренное лицо поручика и сказалъ съ раздраженіемъ:

— А вы попробуйте почихать !

— Серьезно... считайте и ни о чемъ не думайте.

— Вотъ и попробуйте почихать! — повторилъ капитанъ. — Тутъ и ваша математика не поможетъ. А я, знаете, вдумываюсь все, чего вы понасказали... Все въ жизни сводить къ математикѣ, къ этимъ табли-цамъ вашимъ! Это вотъ сведите, попробуйте... — ткнулъ онъ въ грудь. — Хорошо разговаривать — планомѣрность, разсу-дочность... война насъ научи-ла!.. По вашимъ таблицамъ — пятеро сильнѣй одного?.. А я съ моимъ батальономъ полкъ нѣмцевъ гналъ!..

Какъ и въ томъ, прифронтовомъ, поѣздѣ, капитанъ начиналъ раздражаться. Его измученное лицо, съ ввалившимися глазами и горбатымъ носомъ, подергивалось и было похоже на ястребиное. Онъ все прихватывалъ и прикусывалъ сѣдѣющіе усы, и это раздражало Сушкина.

— Все забываете, поручикъ, — продолжалъ капитанъ, моргая по-птичьи какъ-то, что тоже раздражало, — за математикой вашей забываете живое.. да-съ, чув-ство забываете, за вашими выкладками--таблицами!.

— Отъ чу-вства-то вы и не спите, — сказалъ поручикъ. — Ѣдете вотъ въ отпускъ, да еще два раненія у васъ... это уже отклоненіе отъ нормы. И начувствовали себѣ всякихъ ужасовъ: и жена-то вамъ измѣнила, и дѣвочки ваши умерли, и жена умерла... а сами не вѣрите этому и будете покупать подарки, пряниковъ обязательно купите въ Вязьмѣ! А на фронтѣ, небось, работали планомѣрно.

— Нѣтъ-съ, это вы оставьте... планомѣрно! — дернулся капитанъ. — Это все не то. Жизнь тѣмъ-то и хороша, и радостна, что при всѣхъ горяхъ, и даже при всѣхъ, по планомѣрности вашей, безвыходностяхъ... да-съ, да-съ!!. даже и при всѣхъ ма-те-ма-ти-ческихъ безвыходностяхъ, при дважды - два - безвыходностяхъ!.. — есть въ ней и радостная случайность... — никакими ее вашими таблицами не ухватите... слу-чай-ность, которую я предвидѣть-то не хочу, чтобы она меня еще больше обрадовала! А вы хотите меня надо всѣмъ поставить... вашей-то «математикой»? Не желаю, не принимаю чортовой математики!.. Я еще въ Бога вѣрю, а у него для меня... сверх-математика найдется!

— Противъ радостныхъ случайностей я ничего не имѣю, да будутъ! — усмѣшливо выговорилъ Сушкинъ.

— Нѣтъ, имѣете. По-вашему, расчетъ да расчетъ? Желѣзная воля да сознательная борьба?!... Этого я не понимаю-съ и не приму-съ! Говорите — война дала вамъ чудесный урокъ? Откровеніе вамъ явилось, когда вы шрапнелью поливали... — что за сила у человѣка! И сейчасъ у васъ выводъ и поспѣлъ: проявляй себя такъ и въ жизни... упорно и съ полнымъ расчетомъ!? Говорите, что теперь ужъ ничего не уступите безъ борьбы?. Значитъ — такъ, по холодному учету, всегда и всюду — лупи, грызи, прогрызайся... бей наповалъ?!..

— Да... если хотите... разъ я за свое, за дорогое мнѣ... если считаю своимъ правомъ...

— Вотъ-вотъ! Считаю, своимъ, правомъ! — сердито, качая пальцемъ, повторилъ капитанъ. — А если... я, я, я считаю своимъ правомъ... то же?! Я послабѣй — такъ меня и за глотку?. Э, батенька... прокладываете къ звѣрямъ дорожку?..

— Ну, и пусть такъ! — поддаваясь непонятному раздраженію, сказалъ Сушкинъ. — А свое настойчиво буду проводить, коли уцѣлѣю. И кровь во мнѣ говоритъ... вольная кровь, казацкая!..

— Стрран-но-съ... — усмѣхнулся тутъ капитанъ. — Казацкая кровь? А почему же во мнѣ-то она не говоритъ... или, вѣрнѣе, другое говоритъ? И во мнѣ она, отъ прадѣда во мнѣ, сиби-рская. Да что говорить... у всѣхъ одна кровь, вольная кровь, россійская съ просторовъ, съ бездорожья. Богатая,

значитъ, кровь, по разному можетъ говорить. Коли уцѣлѣю — говорите? Такъ ужъ постарайтесь и уцѣлѣть... по таблицамъ! И что за таблицами, и туда заглянуть постарайтесь и предусмотрите. Пу-льку-то ту, которую сейчасъ гдѣ-нибудь въ Гамбургѣ какой-нибудь хромой нѣмецъ для васъ отлилъ, предусмотрите... по таблицамъ. А я... — можетъ, и для меня какой-нибудь Гансъ мертвый газъ дѣлаетъ... а я хочу вѣрить, что расчетъ у Ганса-то Вустрыча и не выйдетъ, глядишь! всѣ его вы-кладки... — а онъ тоже мастеръ на «выкладки»! — и всѣ его выкладки-то одинъ мой Котикъ своей туфелькой расшибетъ!? Такъ какъ-то выйдетъ... Я туфельку-то въ посылочкѣ отъ сибирскаго Котика моего... три годка ему только!.. — получу туфельку, да со своимъ батальономъ и прорвусь въ тылъ, да всю душистую заготовку Вурстову и опроки-ну! И не за себя, а за Котика, за всѣхъ! «Не намъ, не намъ... а Имени Твоему»! На какой миллиметрикъ, въ табличкахъ вашихъ эту туфельку-то прикинете?..

— Не такъ вы меня берете... — устало сказалъ Сушкинъ и поглядѣлъ на верхнюю койку: спать бы. — Я что говорю... нашему расхлебайству — да еще и евангельскую мораль! Не столь богаты-съ. Это еще, роскошь-то эту можно было себѣ позволять, когда можно было дремать на солнышкѣ. И мы, дурачки, очень даже это щедро проводили.., раздаривали себя. А теперь что идетъ??! Пора бы научиться. Чему-съ?... А тому-съ, что... подставленіе щекъ и отдачу «рубашекъ» слѣдуетъ сдать въ архивъ. Теперь всѣ глядятъ, нѣтъ ли гдѣ еще и третьей щеки... чужой-съ... для лупки-съ! Многое придется повыкинуть, изъ «роскоши»... когда съ войной покончимъ! — рѣшительно сказалъ онъ и швырнулъ окурокъ.

— Ну, и вы, голубчикъ, поизмочалились... — сказалъ, присматриваясь къ нему, капитанъ. — Меня граната контузила, а васъ волшебная картина боя потрясла. Теперь и съ зарядцемъ. У курсистокъ молоденькихъ такъ бываетъ: новенькое узнали, а сами зе-ле-ненькія еще... и сейчасъ у нихъ и словечки новенькія, по спеціальности... и абсцессъ, и процессъ, и соціа-лессъ... такъ и сыплютъ. На собраніи разъ наслушался: координація, субстра-ція, организація, растрепація... такія профессіональныя словечки. А по-моему это называется — бумагу жевать!..

— Эхъ, капитанъ... а нутра-то не видите? — сказалъ, не соображая ужъ, полусонный Сушкинъ, а капитанъ подхватилъ:

— Ага! въ нутро-то еще вѣрите?! Я про что говорю — бумагу жевать? Я нутра не касаюсь. Говорю — бумагу жевать! — когда одно -а-а-а! — сдѣлалъ онъ ртомъ, прихватывая усы, — про словесный ражъ говорю. Вотъ и у васъ это. Узнали на опытѣ, какъ орудіе цыфру слушаетъ, — математику въ жизнь вводи! Увидали — что на войнѣ организованность дѣлаетъ, — желѣ-зомъ вгоняй организованность! Въ мозги программу, въ душу таблицу? По этой ло-гикѣ младенцевъ можно душить, сапожищами гвоздяными да покрѣпче, чтобы хрустѣло?! Народы стирай, туда ихъ, къ дьяволу... съ ихъ скарбишкомъ несчастнымъ, съ ребятами, съ потрохами, съ вѣками! Топчу — потому что пра-во имѣю! А право у меня... на чемъ?! Весь въ желѣзѣ — вотъ мое право! аппетитъ имѣю — и математикой докажу, что правъ. Это вы у ихняго Ницше прочитали?..

Сушкинъ понялъ, что спорить безнадежно: оба устали и разгорячились. Но не сдержался и спросилъ съ раздраженіемъ:

— А вы, капитанъ, читали Ницше?

— Не читалъ, а знаю! Я теперь тоже много узналъ... и благоговѣю. И другого чего узналъ... атаки видалъ и хорошаго.

— Что же вы видали... благоговѣ-наго... там?..

— А вотъ что видалъ. Шли мы Восточной Пруссіей, ну... дрались. Такъ дрались... — одинъ мой батальонъ цѣлую бригаду нѣмцевъ удерживалъ. Отходили съ боемъ. Смѣнили насъ, дневка была. Стояли, помню, у мѣстечка Абширменишкенъ... наши прозвали — Опохмелишки. Солдатня, понятно, нашаривать сейчасъ по окрестностямъ. И вижу подъ вечеръ... бѣгутъ двое моихъ къ лѣсу, что-то подъ шинелями прячутъ. Стой! Смотрю — у одного каравай, у другого... — «закусочка, — говоритъ, — ваше благородіе!» Гляжу — каши котелокъ, сало, кости какія-то. Куда? Плетутъ то-се... — ока-зывается! Нѣ-мцамъ тащатъ?! Не понимаю. Вчера нѣмцы насъ такими очередями шпарили, а тутъ — закусочка! Веди... Сполошились, повели. Версты съ полторы въ лѣсу сторожка: двѣ бабы, штукъ семь ребятъ и старикъ хромой, — нѣмцы. Ну, — «майн-готъ, майн-гот»... — дѣло извѣстное. Ока-зывается!.. Двѣ недѣли сидятъ, пятый день хлѣба не видали, ребятишки ревутъ. Со страху изъ мѣстечка сбѣжали, казаковъ боялись... все бабы причитали — «козакен, козакен», — и страшныя рожи дѣлали. Гляжу... — станичнички... чортъ принесъ!.. Прискакалъ, — чубъ-во, какой, до носу, морда — дьяволу уступитъ. И четыре гуся на немъ, и поросенокъ верещитъ у сѣдла! Швырнулъ бабамъ, крикнулъ — гуляй, ребята!.. — пьяный вовсе, подмышкой дубовый боченокъ съ пивомъ, что ли... — и поскакалъ. Оказывается... — нашарила наша солдатня... «друзей». Бабы тутъ не при чемъ, не думайте. И все наши солдатики разузнать успѣли, словно ужъ земляки... что курица у нѣмцевъ была для ребятъ припасена, а курицу котъ загрызъ. Чортъ ихъ знаетъ, а никто по-нѣмецки ни черта! Разспрашиваю, и вдругъ — процессія цѣлая: четверо еще моихъ заявляются: одинъ комодъ на спинѣ претъ, другой стулья съ гладильной доской и портретъ.. Вил-ьгельма!.. въ золоченой рамѣ... третій — цѣлый коробъ всякой дряни: юбки, тряпки, ботинки, шторы кисейныя... а четвертый — корову ведетъ! Ока-зывается! Обша-

рили помѣстье чье-то и приволокли этимъ на новоселье! Устраивали съ комфортомъ. Правда, нѣмцы руками замахали — сосѣдское нельзя имъ принять. А хлѣбъ ѣсть стали и корову доить принялись. Вотъ что я видалъ... благоговѣйнаго! Тутъ вашей математики нѣтъ... тутъ высшая математика, которую вы выкидывать собрались!..

— А потомъ этотъ старикъ съ бабами стрѣляли по васъ въ затылокъ? — досадуя, что говоритъ это, сказалъ Сушкинъ.

— Не знаю-съ, не знаю-съ... — обидчиво сказалъ капитанъ въ сторонку и заерзалъ.

Сушкинъ взглянулъ на его истомленное лицо и подосадовалъ, — зачѣмъ растревожилъ человѣка. Поглядѣлъ въ окошко. День былъ сумрачный, съ оттепелью. Густыя сѣрыя облака лежали низко надъ еловымъ лѣсомъ. Ни утро, ни вечеръ, — скучные сумерки. И на душѣ сумеречно стало что-то. «Гдѣ-то теперь синее небо?» — подумалъ онъ — «А самъ-то я, дѣйствительно ли такой, какимъ представился?».. Чувствовался осадокъ недовольства собой, словами... — но онъ отмахнулся отъ этого осадка, — хотѣлось спать.

Ив. Шмелевъ.

В. КРЮКОВЪ.

Урядникъ Краснощековъ

Мирную жизнь нашего полка въ польскомъ захолустьи всколыхнуло извѣстіе о предстоящемъ пріѣздѣ командира корпуса. Казаки знали только его нѣмецкую фамилію, путаясь въ ея произношеніи, и чинъ, чуть ли не на верхушкѣ лѣстницы прямыхъ начальниковъ. Не всѣ и офицеры знали его лично, а только слышали о его строгости и пунктуальности стараго штабного служаки, сухого, бездушнаго теоретика. Секретъ его пріѣзда и смотра былъ обнаруженъ только за три дня телеграммой изъ штаба по адъютантской линіи, но и этого небольшого срока было достаточно, чтобы навести лоскъ въ полку на все видимое. Жизнь полка до войны была настолько детально механизирована уставами и инструкціями, что для подготовки къ смотру оставалось только наведеніе лоска, а иногда и «втираніе очковъ6. Внѣшній лоскъ полка — понятіе опредѣленное, строго усвоенное и имъ начальника не прошибешь; втираніе же очковъ — искусство, изобрѣтательность, строящіяся на приспособленіи къ привычкамъ, вкусамъ и нраву ревизующаго начальника.

Полковой адъютантъ, сотникъ Колычевъ, умница и человѣкъ дѣла, фактически командовавшій полкомъ, придя вечеромъ на квартиру командира съ очереднымъ докладомъ и телеграммой, былъ приглашенъ, какъ обычно, на ужинъ. Не желая нарушать покоя и аппетита добродушнаго старика и обжоры вѣстью о предстоящемъ смотрѣ, адъютантъ учтиво слушалъ неоднократно повторяемые разсказы матери-командирши о блестящей ихъ жизни въ казачьей гвардіи въ Петербургѣ, гдѣ ея мужъ прослужилъ 35 лѣтъ на нестроевыхъ должностяхъ. Послѣ обильнаго ужина сѣдой старикъ полковникъ, упитанный, грузныхъ размѣровъ, прямодушный безъ всякихъ признаковъ хитрости и большого ума, помѣщикъ и хлѣбосолъ по натурѣ, принялся было уже за просмотръ картинокъ «Нивы», когда адъютантъ сухо доложилъ:

— «Г—нъ Полковникъ, къ намъ ѣдетъ командиръ корпуса».

Выпала изъ рукъ «Нива» и широко раскрылись посовѣвшіе было глаза и мгновенно поблѣднѣвшія губы.

— «Святъ, святъ, святъ! Да что же это вы такъ сразу... Какъ по головѣ... этимъ, какъ бишь... обухомъ. Что же это? Сколько лѣтъ не было, а тутъ вдругъ... Не доносъ ли?»

Адъютантъ успокоилъ командира и тутъ же предложилъ ему планъ работъ по подготовкѣ къ смотру, сообразно требованіямъ и вкусамъ корпусного.

— «Да, да! Смотрите же, чтобы все было въ порядкѣ, — уже спокойно говоритъ старикъ, провожая сотника до лѣстницы.

— Какъ же это вы, Андрей Ивановичъ, такія вещи... сразу,... да еще при женѣ! Ну, ну хорошо. Авось все уладится.

Тревога не нарушила прижитаго довольствомъ домовой жизни покоя и сна старика. У засыпавшаго быстро командира успѣла мелькнуть одна сиротливая мысль:

— Пронеси, Господи!

На утро смотра все блестѣло покраской и побѣлкой: стѣны казармъ и огорожъ, стволы деревьевъ на «брехаловкѣ»,*) камни, окаймляющіе дорожки и деревья. Съ огромнаго междуказарменнаго полкового плаца, обычно пустыннаго, исчезли гряз-

*) Липовая аллея передъ офицерскими казармами.

ныя лужи и теперь онъ весело украсился затѣйливыми желтыми дорожками съ бѣлѣвшими камушками. И, о! смѣлость! Углы плаца, тамъ гдѣ надо было скрыть что либо неладное съ общимъ видомъ, закрылись зеленью большихъ, раскидистыхъ деревьевъ.

Трехдневная подготовка къ смотру теперь была слишкомъ очевидна по результатамъ: заспанныя, вялыя фигуры переутомленныхъ казаковъ краснорѣчиво свидѣтельствовали о нервной напряженности усердія грозныхъ вахмистровъ и сверхсрочнослужащихъ, непрерывный, охрипшій крикъ которыхъ вызывалъ теперь только ненужную суетливость въ законченномъ дѣлѣ. Въ этихъ видимыхъ результатахъ подготовки были вещи понятныя и непонятныя для непосвященныхъ. Конечно, вполнѣ понятенъ наведенный повсюду порядокъ, чистота и блескъ; понятно, почему мебель изъ квартиры командира сотни и вахмистра оказалась въ сотнѣ; понятно также, почему въ конюшняхъ можно задохнуться отъ запаха керосина, служащаго для сдабриванія чистки лошади. Но не понятно было, почему этотъ же запахъ дурманилъ людей до тошноты въ казармѣ второй сотни.

— Вахмистръ, въ чемъ дѣло? Откуда эта вонь?

— Для корпусного, Ваше Б—іе.

— Что же, вы его задушить хотите?

— Упаси Богъ! Очень они любятъ гасный смрадъ и желаютъ, чтобы онъ былъ завсегда въ казармахъ Сами они чахоточный, а тщедушный и это будто помогаетъ. Даже въ ихъ квартирѣ, когда подметаютъ, — гасъ въ опилки прыскаютъ.

— Откуда вы это знаете?

— Да, какъ же, Ваше Б—іе! Казачекъ моей сотни Черножуковъ служитъ въ холуяхъ у ихъ Высокопр—ва; онъ мнѣ все и прописываетъ, что нужно. Я даже приказалъ сотнѣ виски покропить гасомъ, да боюсь выдохнется до смотра.

— Я слышалъ, что корпусной огороды при казармахъ любитъ. Пѣхота только этимъ его и усмиряетъ.

— Вишь ты, какая оказія! Знатье то бы! Огородъ сваландать плевое дѣло. Сто людей, двѣсти рукъ; при одной головѣ какихъ дѣловъ можно понадѣлать! Деревцами то и мы поукрасились, а на огородъ — смекалки не хватило. А теперь, пожалуй, поздно?.. Ну, да вѣдь никто изъ нашихъ вахмистровъ и не знаетъ про это... А, впрочемъ...

Долго ждалъ выстроенный на плацу полкъ прибытія корпусного. Вычищенные, выбритые люди, до поту затянутые мундирами, шинелями, поясными и ружейными ремнями, имѣли франтоватый, нарядный видъ. Выровненныя сотни неподвижно стояли, пришитыя носками сапогъ къ протянутой по фронту бичевѣ. Безъ конца репетировали шашечные пріемы, которые и безъ того были совершенны, осматривали людей, еще и еще подтягивали поясные ремни; выравнивали руки съ шашкой «на караулъ», ѣли глазами проходящаго по фронту начальника, дѣлая веселый видъ, но безъ улыбки... Наконецъ, все это стало невмоготу.

— Составить винтовки въ козла!

Полкъ облегченно вздохнулъ.

— Мылитъ гусаръ, — рѣшили офицеры, тревожно ожидавшіе смотръ.

— Спитъ, — рѣшили казаки, сладко зѣвая отъ безсонныхъ ночей.

Знаки махальныхъ, — ѣдетъ! Дрогнулъ полкъ и замеръ въ оцѣпененіи раньше еще команды — «смирно».

Бравурно и шумно гремѣлъ встрѣчный маршъ. Подъ затаеннымъ дыханіемъ строя бурлила молодая кровь, блескомъ пылали устремленные взгляды и.. старчески медлительными движеніями изъ автомобиля выходилъ маленькій, худощавый человѣкъ, немного сгорбленный, на блѣдно безкровномъ лицѣ котораго щетинилась сѣро-желтая бородка и густыя брови, нависшія надъ сухимъ, суровымъ лицомъ. Болтавшаяся при ходьбѣ шашка, спереди на пальто, дѣлала видъ генерала жалкимъ и комичнымъ. Подъ знакъ шашкой командира полка рванулся дружный задорный, молодой крикъ привѣтствія:

— Здравія желаемъ, Ваше Высокопревосходительство!

Тотчасъ же послѣдовало распоряженіе корпусного: распустить полкъ по казармамъ и продолжать занятія по расписанію.

Трепетъ и задоръ стройной одухотворенности полка, безъ обычнаго смотрового парада, смѣнились разочарованіемъ и первая холодная волна недобраго предчувствія влилась въ омраченныя сердца. Закипѣла внѣшне обычная жизнь полка, но полная нервности, страха и чрезмѣрно старательной, вредной, торопливости.

Медленно и молча происходило обслѣдованіе всѣхъ видовъ занятій полка подъ детальнымъ и строгимъ наблюденіемъ суроваго лица генерала.

Полкъ славился въ кавалерійской дивизіи своей офицерской ѣздой и особенно рубкой, посмотрѣвъ которую корпусный сдѣлалъ замѣчаніе: «зачѣмъ тратится столько энергіи, рѣзвости, удали и пыла на то, чтобы срубить одну тоненькую хворостинку? Къ чему это? Зачѣмъ стрѣлять по воробьямъ изъ пушки?»

Сколько строилось смотровыхъ расчетовъ на эффектъ джигитовки! Джигитовка — одинъ изъ жизненныхъ пульсовъ казачьей обыкновенности, гдѣ въ пламени крови бурлитъ сознаніе своей врожденной лихости, гдѣ удаль озорства рождаетъ подвигъ духа, гдѣ съ свистомъ вѣтра слился побѣдный звукъ въ исторіи напѣтый, гдѣ въ вихрѣ грезится степной просторъ родного края и изъ-за гривы чудится любимый, полный страсти взглядъ казачки молодой...

Начатая было джигитовка прекращена, какъ сознательное членовредительство, по опредѣленію генерала.

— Уведите эту блѣдную личность; она мнѣ дышать мѣшаетъ! — крикомъ души вырвалось у браваго хорунжаго Любимова изъ заднихъ рядовъ офицерскаго строя.

Въ одной изъ лучшихъ командъ сотенныхъ развѣдчиковъ, гдѣ люди наизусть знали всѣ установленныя для нихъ свѣдѣнія, корпусной спрашивалъ:

«Какое соотношеніе авангарда при наступленіи и арьергарда при отступленіи?»

— «Опредѣлите моментъ перехода походнаго охраненія въ сторожевое?»

Увѣренные въ своихъ познаніяхъ, казаки пытливо и растерянно искали разгадку непонятныхъ вопросовъ на лицахъ своихъ офицеровъ.

Послѣ перерыва на обѣдъ и отдыха генерала, смотръ возобновился также медленно, детально и нудно .Во вторую сотню свита вошла уже вечеромъ. Сумракъ усугублялъ томительную монотонность казарменнаго однообразія. Почти передъ выходомъ корпусного изъ сотни вахмистръ, почтительно наклоняясь къ уху командира полка, что то ему шепчетъ, показывая черезъ окно въ поле.

— А это, Ваше В — во, — заискивающимъ тономъ говоритъ полковникъ, указывая въ окно, — сотенный огородъ.

— Это хорошо, — вглядываясь въ вечерній сумракъ, говоритъ генералъ.

— У насъ хорошій спеціалистъ есть по огородной части, — уже ободренно продолжаетъ полковникъ; — вотъ этотъ бравый урядникъ .

— А, спеціалистъ! Отлично, молодецъ! Придешь сегодня ко мнѣ послѣ ужина.

— Радъ стараться, Ваше В—во, — выкрикнулъ урядникъ Краснощековъ, недоумѣвающе скашивая глаза на командира полка.

Ну, Краснощековъ, — говоритъ адъютантъ, вызвавъ его передъ ужиномъ къ себѣ въ канцелярію, — вся надежда на тебя. Видалъ — туча тучей ходилъ по полку. Гни, что хочешь, но съ разумомъ. Выручай.

— Не сумлѣвайтесь, Ваше Б—іе, не впервой. Мы очень даже умѣемъ обчество съ господами держать. Лишь бы подпустилъ, а тамъ мы по ладамъ разыграемъ. Перво на перво надо приноровиться, — на какой манеръ лясы точить, потому всякъ на свой штыль: одинъ любитъ про охоту, другой про ѣду, аль про страшное; а больше падкихъ на бабъ. Когда линію возьмешь, — шпарь хоть на отмашъ, все къ ладу.

Урядникъ Краснощековъ въ полку личность замѣчательная. Высокаго роста, широкій въ плечахъ, богатырь, красавецъ съ черными усами и лихимъ чубомъ. Привѣтливое, веселое лицо и такой же характеръ, нескончаемыя шутки и прибаутки, сдѣлали его сначала любимцемъ сотни, а потомъ и всего полка. Сынъ зажиточнаго казака, онъ имѣлъ возможность хорошо одѣваться, слѣдилъ за своею внѣшностью и былъ то, что разумѣется подъ казачьимъ выраженіемъ: «въ калошахъ, въ крахмалахъ, при цапкѣ и при часахъ». Смѣлый, находчивый болтунъ, онъ располагалъ къ себѣ своимъ жизнерадостнымъ видомъ и своей незатѣйливой, безобидной болтовней. Неизмѣнная его роль въ полку — представительство при высокихъ особахъ, посѣщавшихъ полкъ, въ качествѣ ординарца или посыльного. Созданная въ полку реклама брехунца заставляла казаковъ «умирать со смѣху» и «надрывать животики» даже тогда, когда Краснощековъ «гнулъ» просто всякую ерунду обычнаго станичнаго жанра. Прозвище его въ полку — «гвардеецъ». И дѣйствительно, казалось страннымъ, какъ такой молодецъ миновалъ гвардію.

Приготовленный парадный ужинъ, съ обиліемъ закусокъ и выпивки, генералъ отвергъ. Оказалось, что онъ предпочитаетъ ужинать одинъ и ѣсть только бульонъ и овощи. Отпалъ, такимъ образомъ, и этотъ расчетъ на эффектъ донского рыбца, балыка и славнаго цымлянскаго. Казалось, что это уже не новая холодная волна, а послѣдній сокрушающій девятый валъ. Уныло разбрелись старшины полка изъ офицерскаго собранія, мечтавшіе радушіемъ, простотой и хлѣбосольствомъ подогрѣть сердце сухого и черстваго старика.

— Рожденный ползать — летать не можетъ, — съ горечью сказалъ добродушный толстякъ, есаулъ Тацынъ, для котораго рюмка водки подъ рыбецъ во благовременіи была дороже карьерныхъ соображеній.

Въ большомъ залѣ офицерскаго собранія потушены огни. Одинокая лампа освѣщаетъ край богато убраннаго стола закусокъ, винъ и водокъ и сгорбленную фигуру генерала надъ бульономъ. Конченъ несложный ужинъ. Медлительными, неслышными шагами, дѣлая предсонный моціонъ, ходитъ старикъ въ полумракѣ зала, всматриваясь въ портреты. — Платовъ... Баклановъ... Власовъ... Сысоевъ... Луковкинъ.. Кривятся улыбкой блѣдныя губы. — Какъ все это звучитъ чуждо и... вульгарно. Недостаетъ еще Емельки Пугачева и Стеньки Разина. А кто это молодецъ, чубатый?.. Краснощековъ... Гдѣ я?

— Разрѣшите взойтить, Ваше В—во!

— Да.

— Ваше Б—во, урядникъ Краснощековъ, шастого Донского казачьяго генерала Краснощекова полка по вашему приказанію прибылъ! — потрясая покой и тишину, прогремѣли слова зазученнаго рапорта.

— Что ты такъ кричишь! Откуда ты?

— Станицы Краснощековской, области Войска Донского, Ваше В—во!

Отъ всей стройной и мощной фигуры урядника, вытянувшагося въ струнку у дверей, съ веселымъ привѣтливымъ лицомъ, вѣяло силой и жизнерадостью. Въ грустную тишину полумрака влилась теперь та бодрость жизни, близость которой порождаетъ энергію и вѣру. Съ какимъ то особымъ любопытствомъ, какъ бы видя передъ собою что-то совсѣмъ новое, осматривалъ генералъ Краснощекова.

— Фу, какой молодецъ! Кругомъ краснощекій!

— Такъ точно, Ваше В—во. Вся сродствія выродилась такая сурьезная. Только Марфутка, кумова баба, была лядащая, да и та скоро померла отъ родимчика.

— Отъ родимчика? Какъ же это?

— Съ придурью была она, Ваше В—во, какъ вобче бабы. А тутъ еще на сносяхъ ее комолая корова подсадила; парнишонка мертваго въ скоростяхъ выкинула и дюжа тосковать начала. Пойдетъ, бывало, на зорькѣ съ телятами на выгонъ, такъ шнырь! на кладбицу поголосить надъ могилкой. А сватъ Тимофей Егоровъ, изъ нестроевыхъ, нашей матушки свекоръ, тоже снохачъ былъ! царство ему небесное! Верблюдъ задавилъ въ зимній мясоѣдъ... Тамъ сватъ Тимофей рылъ какъ разъ могилку для своей мамаши неподалеку. Ну, когда Марфушка-то заголосила, а онъ какъ выскочитъ изъ свѣжей могилки, да какъ гаркнетъ: — что вы намъ тутъ покоя не даете! Пошутковалъ, значитъ. Ну, Марфутка, екнуть не успѣла, такъ и ахнулась. Здорово ему тогда за это щетинку вкрутили! А чего съ него возьмешь! Баба съ ума спятила, а онъ въ Манжурію уѣхалъ. А мамаша его, наша сватуня, померла отъ жавики.

— Какъ же это?

— Ужь дюжа она уважала жавику, Ваше В-во; вынь да положь ей бывало жавики, хучь моченой, хучь сушеной. Пошла она разъ на провсеняхъ за жавикой за ерикомъ, поскользнулась на льду, да темечкомъ о кручу — хлопъ. Ну, хирѣла, хирѣла послѣ, поили, поили ее жавишнымъ сокомъ съ вострой водкой, — такъ и представилась. Мудрющая была старуха, разбитная; любого казака за поясъ заткнетъ. Право слово! Болтали, будто она вѣдьмачила! А что Петру Объѣдкову килу посадила въ отместку, — всѣ знаютъ! И Мати Божія!

Все вралъ Краснощековъ, повинуясь разболтавшемуся языку, сплетая свою болтовню изъ слышанныхъ имъ когда то разныхъ случаевъ станичной жизни. Онъ сознавалъ абсурдность «жавики на провесняхъ», но смѣлость его исходила изъ увѣренности, что генералъ ничего не понимаетъ изъ обихода казачьей жизни.

Генералъ дѣйствительно не понималъ урядника. Бодряшіе звуки его голоса безуспѣшно занимали его вниманіе. Продолжая ходить, онъ наблюдалъ теперь свою тѣнь, ярко очерченную на стѣнѣ у стола съ лампой, и быстрый бѣгъ ея по стѣнамъ въ глубину зала, гдѣ она металась въ высь, безформенно погружаясь въ мракъ и исчезая.

— Да, да! — думаетъ старикъ, — такъ моя жизнь, скользнула тѣнью и теперь на пути къ погруженію въ мракъ. Сначала ясное и радостное дѣтство, какъ моя тѣнь у стола, затѣмъ быстрое скольженіе въ высь, оторванность отъ жизни и пониманія ея близости и теперь остается безслѣдное исчезновеніе. А какая она, вѣроятно, прекрасная? — останавливаясь отъ внезапности вопроса между столомъ и урядникомъ, думаетъ генералъ.

— Правда, жизнь прекрасная, Краснощековъ?

— Такъ точно, Ваше В—во! Очень прекрасная. Бывало на покосѣ въ лугахъ лежишь ночью на копешкѣ, жалмерку ждешь; а она, стерва, не идетъ. Звѣздочки мигаютъ! Свѣжій духъ отъ сѣна съ цвѣточками ашъ въ чехъ шибаетъ! Зазнобить тебя всего, скрючишься отъ нетерпешки... Ну, а когда придетъ... Конечное дѣло, жизнь дюжа прекрасная!

— Ты женатъ?

— Такъ точно, Ваше В—во! Жена Лекся и сынъ трехлѣтокъ.

— Лекся?.. Что же это за имя? Она иностранка?

— Такъ точно! Иногородняя, мужичка изъ слободы Мачихи; отецъ ея постовалъ. Такъ... картузникъ изъ пензенскихъ... А все же она бабочка ничего... суразная. Такъ ужъ, пришлось...

Иностранка — изъ пензенскихъ? Суразная? Что же онъ разумѣетъ подъ этимъ? — думаетъ генералъ.

— Что же ты любишь свою жену и сына?

— Сына сама собой. А жену? чего же ее любить... свою-то. Конечно, если захорохорится побьешь ее для проформы.

Опять не понимаю, думаетъ генералъ. Да и какъ я могу понять солдатъ, когда вся моя долгая жизнь прошла въ кабинетѣ Петербурга, не съ ними, а надъ ними. Тѣмъ паче казаки... Какіе то особенные, своеобразные... Съ своей собственной исторіей и вождями, о большинствѣ которыхъ я и не слышалъ. Какое то государство въ государствѣ. Посмотрите на него: жизнь и радость въ немъ бурлятъ, онъ ими проникнутъ, сросся съ ними неразрывно. Я уйду изъ жизни, какъ тѣнь, вмѣстѣ съ погашенной лампой, а онъ безъ борьбы изъ жизни не уйдетъ; изловчится, зацѣпится... Онъ знаетъ ее лучше и она ему ближе.

— Чѣмъ ты занимался до службы?

— По домачности, при отцѣ. Хозяйство у насъ, благодаря Бога, большая, справная; одной животины головъ 40; землица, кормилица, добрая; семья большая, ладная. Жизнь — умирать не надо!

— Что же вы, напримѣръ, кушаете?

— Бабы больше кушаютъ, а мы ѣдимъ готовое. Да, такъ... что придется... разную разность, что бабы сварганютъ... Щи!

— А на второе?

— Да вѣдь мы народъ простой, ѣдимъ не по порядку; лишь бы больше. А такъ больше щи.

— Ну, а мясо?

— Когда убоина есть — потребляемъ; кое когда на праздникахъ, ай на разговѣніи; пышки съ смѣтаной, рванчики, лапшу, ай тамъ — нардекъ, узваръ... Ну да вѣдь это какая же ѣда, бабье баловство. Ѣда то самая — щи.

— Ну, а десертъ? — сквозь кашель спросилъ старикъ изъ глубины зала.

— Гы... это могемъ. Да, такъ... гдѣ скрючить; безъ всякой нормы; а больше на базахъ.

— Что это?

— Да, это... надворють.

Усиливающіеся приступы удушливаго кашля немощнаго старика вызвали у Краснощекова искреннее сожалѣніе и желаніе помочь.

— А что вы не пробовали, Ваше В—во, рѣдишный сокъ пользовать. Дюже помогаетъ отъ грудной боли. У насъ въ станицѣ это первѣющее средство; брюхо пучитъ, а въ грудяхъ отлягаетъ. Мой односумъ, Андрюшка Балибардинъ, вотъ також удушиной страдалъ; такъ онъ до самой смерти пилъ рѣдишный сокъ. Здорово помогало. Ну, да вѣдь онъ высохъ, какъ кочерыжка, жизни то въ немъ не за что было уцѣпиться. А между прочимъ — вѣрное дѣло. Право слово!

Безхитростно утѣшалъ Краснощековъ старика.

— А гдѣ же его достать?

— Рѣдьки-то? Фу-у! У насъ ее по городамъ хоть прудъ пруди.

— Да, вотъ кстати объ огородахъ. Видишь ли, голубчикъ, у меня въ подмосковномъ имѣніи есть большія огородныя плантаціи, дававшія значительный доходъ. Послѣ ухода оттуда огородника спеціалиста, тамъ все рушится. Рабочія руки тамъ есть, но нѣтъ руководителя дѣломъ. Ты, вѣдь, кажется, спеціалистъ по огородамъ, какъ мнѣ сказалъ вашъ командиръ?

— Такъ точно,—нерѣшительно отвѣтилъ урядникъ, — всѣ мы спеціалисты... съизмальства по городамъ лазилъ... Лишь бы смѣтка была, дѣло не мудреное. Все дѣло въ сѣменахъ, Ваше В—во. Такихъ сѣмянъ, какъ у насъ на Дону, въ свѣтѣ не сыщешь! У насъ въ садахъ и на городахъ всякая хрукта такъ и топырщится, — зеленая, да ядреная! Яблоки по кулаку, терепъ съ грецкій орѣхъ, - ей Богу, не брешу! А калины и малины всякой, — тьма тьмущая! Огурцами да боговыми яблочками свиней кормимъ, — у насъ ихъ невпроворотъ!

— Могъ бы ты достать на Дону сѣмянъ для моихъ плантацій?

— Я то? Да то и нѣтъ! Достать это не фактъ, а для Вашего В—ва надо ихъ зернышко къ зернышку отобрать, да просѣять, да высушить. Много время потребуется.

— Ты будешь имѣть для этого отпускъ. Хорошо; я иду спать, а ты приготовься къ утру выѣхать вмѣстѣ со мной. Спасибо тебѣ за совѣтъ.

— Радъ стараться, Ваше В—во!

Генералъ ушелъ. Краснощековъ съ завистью смотритъ на столъ, прислушивается; тихонько подходитъ къ столу и быстро ѣстъ и закусываетъ.

— Да! Здорово я его объегорилъ! Ну, да вѣдь на то же я и Егоръ!

Утромъ командиръ корпуса, подминаясь въ авмобиль при бережной поддержкѣ Краснощекова, милостиво отвѣчаетъ на вопросительные, тревожные взгляды полковника:

— Смотромъ я удовлетворенъ.

Все отживавшее и уходившее изъ жизни, ушло бы нормально и похороненное на вѣки, стерлось бы теперь изъ памяти. Но рокъ безвременья такъ дьявольски зло и жестоко насмѣялся надъ этимъ уходящимъ, что вызвалъ не только чувство жалости и состраданія къ нему, но и заставилъ уважать память его предсмертнаго подвижничества.

Старый генералъ, командиръ корпуса, нѣмецъ по происхожденію, въ началѣ Великой войны попадаетъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ и умираетъ тамъ отъ голоднаго истощенія.

Полковникъ, командиръ полка, добродушный и наивно-невинный человѣкъ, казакъ душой, разстрѣлянъ своими же въ первые дни революціи, какъ врагъ народа и кровопійца.

Уходъ изъ жизни ихъ понятенъ, но зачѣмъ же злая иронія надъ старостью и прошлымъ?

А Краснощековъ живъ! Зацѣпился за жизнь въ Лотарингіи и «гнетъ» теперь тамъ, но только «хрипъ» въ шахтахъ. Скопилъ деньжонки, зажалъ ихъ въ кисетъ и увѣренно ждетъ счастливаго дня, когда кисетъ раскроется на возстановленіе хозяйства въ станицѣ.

Цѣпучіе люди, казаки, — право слово!

В. Крюковъ.

Кубанцы въ Бразиліи

16 кубанскихъ казаковъ во главѣ съ ген. И. Д. Павличенко въ теченіе двухъ лѣтъ прошли походнымъ порядкомъ Перу, Чили, Аргентину, Парагвай и Уругвай, показывая южно-американцамъ чудеса казачьей джигитовки. Въ настоящее время группа находится въ Бразиліи.

штатовъ предлагаютъ генералу поселиться съ казаками въ предѣлахъ ихъ странъ, предоставляя совершенно безплатно землю и обѣщая различнаго рода льготы. Но наученный горькимъ опытомъ въ Перу, генералъ ставитъ имъ особыя условія. При ген. Павличенко, оказывается, имѣется и завѣдывающій

Въ выходящей, вотъ уже шестой годъ, «Русской Газетѣ» въ С. Паоло, ноябрьскіе номера полны статьями о казакахъ, съ многочисленными фотографіями различныхъ моментовъ джигитовки. Изъ газеты узнаемъ, что до сихъ поръ главы правительствъ южно-американскихъ государствъ и губернаторы «дипломатическими и административными дѣлами», войсковой старшина Нагаецъ.

О томъ, какъ встрѣчаютъ въ городахъ Бразиліи казаковъ власти и населеніе, можно судить, напримѣръ, изъ сообщенія о посѣщеніи группой въ октябрѣ города Куритибо: въ 3 часа дня жизнь остано-

Ген. Павличенко и В. Ст. Нагаецъ среди дѣтей русскихъ колонистовъ

Въ полѣ пшеничномъ...

вилась въ городѣ — всѣ были на площади; магазины закрылись, казенныя учрежденія устроили «понто факультативо», школы въ полномъ составѣ и войска въ строю присутствовали на представленіи.

Въ гор. Портъ Алегро казакамъ было предложено пройти на парадѣ гарнизона церемоніальнымъ маршемъ во главѣ бразильскихъ частей.

4 и 5 ноября казаки джигитовали въ С. Пауло. Всѣ улицы и переулки около ипподрома были запружены автомобилями, а хвосты у билетныхъ кассъ тянулись на цѣлый кварталъ. Въ ложахъ помѣстились высшіе военные и гражданскіе начальники города и штата. Бразиліанцы, англичане, французы, нѣмцы, американцы и, конечно, русскіе, заполнившіе въ количествѣ многихъ тысячъ, ипподромъ, бурно апплодировали джигитамъ, проявлявшимъ изумительную ловкость и лихость при исполненіи головокружительныхъ номеровъ своей большой и разнообразной программы.

Русская колонія г. С. Пауло устроила банкетъ группѣ въ помѣщеніи русскаго общественнаго собранія, на которомъ присутствовало около 150 человѣкъ. Многочисленные ораторы, выступившіе на банкетѣ, подчеркивали свою радость и гордость бравыми казаками, которые въ черныхъ черкескахъ пронесли по странамъ Южной Америки славу о тѣхъ, о комъ ходятъ сказки и легенды по бѣлу свѣту — о всероссійскомъ казачествѣ, и являясь желанными гостями населенія и властей этихъ государствъ, дѣлаютъ за океаномъ большое русское дѣло.

ЧИТАТЕЛЬ!

Наша «СТАНИЦА» можетъ существовать только на началахъ самоокупаемости.

САМООКУПАЕМОСТЬ достигается лишь по полученіи редакціей отъ всѣхъ читателей журнала стоимости — **два франка за каждый номеръ.**

ДВА ФРАНКА можно переслать простымъ письмомъ почтовыми французскими марками. Изъ колоній и заграницы слѣдуетъ пересылать международные почтовые купоны, продающіеся во всѣхъ почтовыхъ конторахъ.

ЛИШНІЕ РАСХОДЫ по пересылкѣ денегъ за каждый номеръ устраняются, если Вы **подпишитесь на одинъ годъ** и перешлете сразу за четыре номера 8 франковъ.

НАШЕ СПАСИБО всѣмъ читателямъ и распространителямъ журнала, приславшимъ уже стоимость полученныхъ ими номеромъ **«Станицы».**

НАША УСЕРДНАЯ ПРОСЬБА ко всѣмъ получившимъ какъ этотъ номеръ, такъ и предыдущіе, и не приславшимъ еще редакціи денегъ — сдѣлать это теперь же.

АДРЕСЪ «СТАНИЦЫ»:
Gousseff. 7, rue Goblé-Duval, Paris (15)

ЗАБЫТЫЯ КАЗАЧЬИ ВОЙСКА
(Историческая справка)

Любопытный вопросъ о происхожденіи на Руси казачества остается до сихъ поръ открытымъ. Но, какъ бы то ни было, казаки уже нѣсколько вѣковъ стоятъ на стражѣ необъятной земли Русской.

Отъ рижскихъ береговъ до острововъ Курильскихъ,
Гдѣ вечерня съ утренней бываетъ вдругъ заря:
Свѣтило дневное въ Камчаткѣ коль восходитъ,
То въ Езелѣ оно, окончивъ день, заходитъ.
Курильцы въ крѣпкомъ снѣ, когда покоясь, спятъ,
Естляндцевъ въ тѣ часы въ трудахъ полдневныхъ зрятъ...

Въ настоящее время семья россійскаго казачества состоитъ изъ одиннадцати отдѣльныхъ войскъ: Донского, Терскаго, Уральскаго, Кубанскаго, Оренбургскаго, Астраханскаго, Сибирскаго, Забайкальскаго, Амурскаго, Семирѣченскаго и Уссурійскаго. Кромѣ того изъ отдѣльныхъ казачьихъ командъ, поселенныхъ въ разныхъ городахъ Сибири, составлены сотни Иркутскихъ и Енисейскихъ казаковъ. Къ нимъ слѣдуетъ отнести и Якутскихъ казаковъ, которые, хотя и не значатся въ оффиціальномъ перечнѣ казачьихъ частей, но продолжали существовать до послѣдняго времени. Депутація этихъ забытыхъ казаковъ, явившаяся на коронацію въ 1896 году, вызвала настоящую сенсацію въ С. Петербургѣ.

Но помимо перечисленныхъ выше казачьихъ войскъ существовали раньше десятки другихъ войскъ и частей какъ казачьихъ, такъ и бывшихъ на положеніи казачьихъ, память о которыхъ давно истерлась. Такъ, существовали казаки Чугуевскіе, Бахмутскіе, Торскіе, Маякскіе и т. д. Чугуевскіе казаки сформированы были въ 1700 году изъ жившихъ въ Чугуевѣ казаковъ и изъ донскихъ и яицкихъ каза-

ковъ, служившихъ въ Орлѣ, Курскѣ и Обояни, а также изъ крещенныхъ калмыковъ и татаръ. Часть этихъ казаковъ, т. н. «чугуевскіе казаки Петербургскаго легіона», преобразованные позже въ «Придворную Чугуевскую казачью команду», включены были въ 1796 году въ составъ «Лейбъ-Гусарскаго - и Лейбъ - Казачьяго полка». Преемникомъ послѣдняго является лейбъ-гв.-Казачій Его Величества полкъ.

Изъ другой части Чугуевскихъ казаковъ въ 1801 году былъ сформированъ Чугуевскій казачій полкъ, преемникомъ котораго является 11-й уланскій Чугуевскій полкъ.

Для охраны отобранныхъ въ казну Бахмутскихъ соляныхъ ключей сформирована была въ 1701 году «Бахмутская казачья кампанія». Кромѣ Бахмутскихъ казаковъ, въ «кампанію» вошли казаки Торскіе и Маякскіе. Въ 1748 году «кампанія» была переформирована въ «Бахмутскій конный казачій полкъ», преемникомъ котораго является 4-й гусарскій полкъ.

Бугское казачье войско сформировано въ 1774 году изъ молдаванъ, валаховъ и другихъ задунайскихъ христіанъ и во время войны перешедшихъ на сторону Россіи. Изъ этихъ поселенцевъ въ 1785 году сформированъ былъ Бугскій конный казачій полкъ, который въ 1817 году поступилъ въ составъ военныхъ поселеній. Преемники Бугскихъ казаковъ — 7, 8, 9 и 10 уланскіе полки.

Въ 1787 году однодворцы, поселенные въ Екатеринославской губерніи по бывшей украинской линіи, обращены были въ казачье званіе, составивъ Екатеринославскій казачій корпусъ или Екатеринославское казачье войско. Въ 1796 году это войско было упразднено, а казаки назначены въ составъ Вознесенскаго казачьяго войска изъ 8-ми полковъ, которое, однако, образовано не было. Дунайское казачье войско сформировано было въ 1807 году изъ жившихъ въ устьѣ Дуная бѣглыхъ запорожцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Буджанскихъ. Въ 1856 году Дунайское войско переименовано въ Новороссійское, которое существовало вплоть до 1868 года.

Украинское казачье войско было создано изъ способныхъ къ казачьей службѣ населенія Кіевской и части Каменецъ-Подольской губерній. Преемниками этого войска являются 7, 8, 9 и 10 уланскіе полка.

Въ 1829 году было сформировано Азовское казачье войско изъ задунайскихъ бѣглыхъ запорожцевъ, перешедшихъ во главѣ со своимъ атаманомъ Гладкимъ въ 1828 году на сторону русскихъ и оказавшихъ своей флотиліей большое содѣйствіе переправѣ черезъ Дунай. Изъ этого войска въ 1832 году создано было новое войско — Азовское, которое обязано было выставлять морской баталіонъ, пѣшій полубаталіонъ и нѣсколько командъ для крейсерства на лодкахъ по побережью Чернаго моря. Въ 1864 году войско было упразднено.

Въ 1731 году крещенные калмыки, поселенные въ окрестностяхъ Ставропольской крѣпости, составили «Ставропольское калмыцкое войско». Въ 1842 году ставропольскіе казаки были присоединены къ Оренбургскому казачьему войску.

Для участія въ войнѣ съ французами было сформировано 20 Башкирскихъ казачьихъ полковъ. Въ 1855 году къ Башкирскому войску были причислены тептяри и бобыли Оренбургскаго края. Во время русско-турецкой войны сформированъ былъ Башкирскій конный полкъ, упраздненный въ 1882 году. Разсказываютъ, что во время одного изъ смотровъ, генералъ, чтобы отмѣтить прекрасное состояніе башкирскаго полка, закончилъ свою рѣчь словами: «Молодцы, ребята! Дать-бы вамъ кивера!» Башкиры долго недоумѣвали, за что хотятъ ихъ «киверять» (ковырять), разъ они молодцы

Въ 1827 году за боевую службу въ Отечественную войну конно-татарскихъ полковъ, бывшихъ на положеніи казачьихъ, изъ крымскихъ татаръ сформированъ былъ Л.-гв. Крымскій татарскій эскадронъ, преемникомъ котораго является Крымскій конный Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полкъ.

Въ 1775 году изъ грековъ и албанцевъ, служившихъ въ продолженіи Турецкой войны въ русскомъ флотѣ въ Архипелагѣ и поселенныхъ близь крѣпости Керчь и Еникале, было учреждено Греческое (Албанское) казачье войско. Изъ этого войска въ разное время были сформированы Греческій полкъ, Албанскій дивизіонъ, Балаклавскій греческій баталіонъ, расформированный въ 1859 году.

На положеніи казачьихъ частей состояли также Малороссійскіе конные казачьи полки, Литовскій (Польскій) конный полкъ, Ногайскій, Калмыцкій (Астраханскій), Туркменскій дивизіонъ. Сюда слѣдуетъ отнести «Московскій казачій полкъ», сформированный въ 1812 году графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ изъ своихъ людей, а также «Китайскій туземный отрядъ», сформированный въ 1905 году изъ хунхузовъ, китайцевъ и русскихъ охотниковъ.

Для полноты списка отмѣтимъ «Амазонскую роту», сформированную въ апрѣлѣ 1787 года «изъ благородныхъ женъ и дочерей балаклавскихъ грековъ». Учрежденіе ея относится ко времени пріѣзда въ Крымъ императрицы Екатерины II. Въ маѣ того же года рота была распущена.

В. Абданкъ-Коссовскій.

Le gérant : Ch. Quénet. Typ. BASILE, 1, villa Chauvelot, Paris 15°

СТАНИЦА

№ 10

STANITZA

ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS

35, Rue de Sèvres — PARIS (6e)

Avril 1934 Prix : 2 frs

Отъ Донского Атамана

I.

Воистину Христосъ Воскресе, дорогіе Донцы и братья казаки другихъ казачьихъ Войскъ.

Не имѣя возможности отвѣтить на всѣ особенно многочисленныя, въ нынѣшнемъ году поздравленія, — отъ души благодарю всѣхъ, почтившихъ меня своимъ вниманіемъ и лаской.

II.

Общеказачій Съѣздъ созывается мною въ Парижѣ 20-21 мая.

О многомъ надо поговорить, многое обсудить и рѣшить. Необходимо подумать всѣмъ міромъ, какъ дальше жить, на что надѣяться, какъ и чѣмъ помочь страдающей Родинѣ и своимъ казачьимъ краямъ.

Слѣдуетъ создать дѣловой аппаратъ, который, оставивъ въ сторонѣ партійные раздоры, вредную полемику и сведеніе личныхъ счетовъ, занялся бы тѣми вопросами, отъ благопріятнаго разрѣшенія коихъ зависитъ дальнѣйшая судьба всего Казачества.

Призываю всѣхъ казаковъ помочь мнѣ наладить нашу дальнѣйшую жизнь.

Вѣрю, что всѣ станицы и хутора, — а также и другія казачьи организаціи, какое бы наименованіе онѣ не носили — откликнуться на мой призывъ и пришлютъ своихъ делегатовъ съ соотвѣтствующими наказами. А кто этого не сможетъ сдѣлать — сообщатъ не позднѣе 10-го мая свои мнѣнія и пожеланія, и тѣмъ помогутъ общему дѣлу.

Порядокъ созыва Съѣзда, его программа, перечень докладовъ, подлежащихъ заслушанію на Съѣздѣ и другіе вопросы, связанные съ созывомъ Съѣзда, будутъ опубликованы мною въ журналѣ "Казакъ" и разосланы въ особыхъ циркулярахъ, которые разрабатываются Комиссіей по созыву Съѣзда.

Въ добрый часъ, казаки!

Зову васъ на мирную, дружную бесѣду, гдѣ мы, Атаманы, услышимъ ваши мысли и пожеланія, и вы услышите то, что вамъ полезно знать. Внутреннихъ дѣлъ каждаго Войска касаться на съѣздѣ не будемъ: это — дѣло своего Войскового Круга и Рады.

III.

Въ дополненіе къ моему обращенію къ казакамъ по поводу Общеказачьяго Съѣзда, созываемаго мною въ Парижѣ 20-21 мая, объявляю инструкцію по выборамъ делегатовъ на Съѣздъ, принятую Комиссіей по созыву Съѣзда и мною утвержденную:

1) Въ Сѣздѣ имѣютъ право участвовать, независимо отъ мѣста ихъ нахожденія, всѣ зарубежные станицы, хутора, группы, объединенія, союзы и др. казачьи организаціи, образовавшіяся къ 15 апрѣля с. г. Въ Съѣздѣ имѣютъ право участвовать и казаки не состоящіе въ организаціяхъ.

   Примѣчаніе: объединенія и союзы состоящія изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ организацій, отъ своихъ правленій, делегатовъ на Съѣздъ не посылаютъ.

2) Каждая станица, хуторъ, группа или иная организація посылаютъ, независимо отъ численнаго состава организаціи, не менѣе одного представителя.

3) Организаціи, составъ которыхъ превышаетъ 30 человѣкъ, имѣютъ право, если пожелаютъ, послать дополнительно еще по одному представителю на каждые 30 чел., причемъ не полная цифра 30 считается за полную.

4) Казаки одиночки, живущіе въ провинціи и не входящіе ни въ какія организаціи, чтобы принять участіе въ Съѣздѣ, должны войти въ составъ ближайшей станицы, хутора или группы.

5) Списки избранныхъ делегатовъ, должны быть представлены мнѣ къ 10 мая. Тогда же должны быть представлены и общіе именные списки членовъ организаціи.

6) Выборы отъ казаковъ одиночекъ, живущихъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ, въ виду особаго положенія, будутъ произведены по моему распоряженію Комиссіей по созыву Съѣзда.

7) Порядокъ участія въ Съѣздѣ воинскихъ организацій будетъ объявленъ мною дополнительно.

8) Всѣ расходы по поѣздкѣ делегатовъ и ихъ пре-

бываніе въ Парижѣ оплачивается избравшей ихъ организаціей.

9) На расходы по найму помѣщенія для засѣданій Съѣзда, на канцелярскіе, почтовые и др. расходы, каждая организація, участвующая въ Съѣздѣ, должна прислать теперь же по моему адресу не менѣе 50 фр. Казаки одиночки, на расходы по созыву Съѣзда, могутъ присылать кто сколько можетъ.

10) Организаціи, находящіяся за предѣлами Франціи, должны поспѣшить съ выборами делегатовъ и сообщить мнѣ срочно объ избранныхъ лицахъ всѣ данныя, необходимыя для полученія визы.

11) Организаціи, находящіяся за предѣлами Франціи, при невозможности посылки делегата самостоятельно, могутъ и должны посылать делегата сообща отъ нѣсколькихъ организацій или уполномочить кого либо изъ казаковъ, проживающихъ во Франціи, прислявъ мнѣ объ этомъ надлежащій приговоръ.

12) Казаки ,состоящіе въ нѣсколькихъ казачьихъ организаціяхъ, участіе въ выборахъ делегатовъ принимаютъ только въ одной организаціи.

13) Дополненія къ настоящей инструкціи, въ случаѣ необходимости, мною будутъ сообщены дополнительно.

14) За всѣми справками и разъясненіями по вопросамъ Съѣзда предлагаю обращаться ко мнѣ, по адресу: — 8, рю Франсуа Коппэ, Парижъ 15.

Приглашаю всѣхъ казаковъ посылать на Съѣздъ своихъ делегатовъ и притти на помощь общему дѣлу, какъ своимъ участіемъ въ Съѣздѣ, такъ и матеріально.

Ген.-Лейт. А. БОГАЕВСКІЙ

Н. ТУРОВѢРОВЪ

СТИХОТВОРЕНІЕ

Въ эту ночь мы ушли отъ погони,
Разсѣдлали своихъ лошадей.
Я лежалъ на шершавой попонѣ
Среди спящихъ, усталыхъ людей
И запомнилъ и помню понынѣ
Нашъ послѣдній россійскій ночлегъ —
Эти звѣзды приморской пустыни,
Этотъ синій мерцающій снѣгъ.

Стерегло насъ послѣднее горе
Послѣ снѣжныхъ татарскихъ полей —
Ледяное Понтійское море,
Ледяная душа кораблей.
Все изсякнетъ: и нѣжность и злоба,
Все забудемъ, что помнить должны
И останется съ нами до гроба
Только имя забытой страны.

Н. Туровѣровъ

ТЕФФИ.

Изъ воспоминаній

Во время гражданской войны много было забавныхъ эпизодовъ, которые нигдѣ и никѣмъ не записаны.

Въ исторію они конечно не войдутъ, а съ теченіемъ времени или забудутся совсѣмъ, или изукрасятся такими выдумками, что утратятъ всякую истинность и интересъ.

Исторія будетъ отмѣчать крупныя лица, крупные факты и событія. Такого-то числа, скажетъ, такимъ то генераломъ былъ взятъ такой-то городъ съ тяжелыми боями и потерями. Будетъ описана тактика наступленія, обороны, сдача города, паника жителей, какіе нибудь отдѣльные случаи звѣрствъ, — но цвѣта, вкуса, "живого тѣла" событія не передадутъ. Въ маленькихъ забавныхъ или трагическихъ разсказикахъ безхитростныхъ очевидцевъ проступаютъ иногда настоящія физіономіи событій, живыя и теплыя.

Помню было въ газетахъ о томъ, что генералъ Шкуро съ небольшимъ отрядомъ взялъ село, занятое большевиками.

Такъ пишутъ.

А разсказываютъ объ этомъ такъ:

Въ селѣ, занятомъ большевиками, уже нѣсколько дней ходили слухи о приближеніи гене-

рала Шкуро. Населеніе волновалось, комиссары, заперлись на ключъ и завѣсивъ окна, укладывали чемоданы и спѣшно выѣзжали "въ командировку".

И вотъ, въ одно прекрасное утро, съ гикомъ, перегнувшись на сѣдлѣ, пролетѣлъ по главной улицѣ козакъ. Пролетѣлъ, на полномъ ходу осадилъ коня у дома старосты и размахивая нагайкой надъ головой закричалъ:

— Чтобы все было готово! Черезъ полчаса генералъ вступаетъ въ село.

Прокричалъ, повернулъ коня и былъ таковъ. Только пыль закрутилась, да камни щелкнули.

Мгновенно всѣ улицы точно помеломъ вымело. Ни души. Куръ и тѣхъ убрали. Ставни, двери захлопнулись. Заперлись, сидятъ, молчатъ. Старуха предъ иконами четверговую свѣчу затеплила.

— Пронеси Богъ бѣду мимо!

А сельскія власти, крадучись, вдоль стѣнокъ пробрались, вмѣстѣ собрались, толкуютъ между собой, какъ генералу хлѣбъ-соль подавать будутъ, такъ можно ли то самое полотенце, которымъ большевиковъ встрѣчали, али неловко.

Подумали — рѣшили, что ладно.

— На каждый чихъ не наздравствуешься.

Защелкали копыта.

— Ѣдетъ! Ѣдетъ!

— Это что-же?!

Ѣдетъ генералъ самъ другъ съ ординарцемъ. Ѣдетъ медленно, говоритъ ординарцу о чемъ то сердито. Не то недоволенъ, но то строгіе приказы даетъ.

Выбѣжали власти, испуганные. Генералъ на нихъ еле смотритъ. Сейчасъ же заперся въ отведенномъ ему помѣщеніи, карты разложилъ, булавками тычетъ, перомъ трещитъ — воюетъ.

Вдругъ опять по улицѣ казакъ. Такой же лохматый, матерой, страшный, какъ и тотъ, что первымъ прискакалъ.

Генералъ услышалъ, окно распахнулъ, спрашиваетъ:

— Чего еще?

Подъ казакомъ лошадь пляшетъ, казакъ съ лошади докладываетъ — такъ молъ, и такъ, кавалерія безпокоится, хочетъ въ село входить.

Генералъ брови нахмурилъ.

— Нельзя! Пусть остается гдѣ была. Ее въ село пустить — все добро разграбитъ — очень ужъ она озлоблена.

Поскакалъ казакъ — только искры изъ подъ копытъ. А генералъ опять за свои планы.

Черезъ четверть часа другой казакъ съ другой стороны. Такой же лохматый, такой же страшный — будто тотъ же самый. Прямо къ генералу.

— Артиллерія безпокоится. Хочетъ въ село входить.

Разсердился генералъ. Кричитъ на всю деревню.

— Нельзя ихъ сюда пускать! Они всѣ дома спалятъ, такъ озлоблены. Пусть обождутъ за лѣсомъ.

Не успѣлъ козакъ съ глазъ скрыться — третій катитъ съ третьей стороны. Такой же лохматый, и кажется перепуганнымъ сельчанамъ, будто тотъ-же самый — чего со страху не померещится.

Нѣтъ, не тотъ же самый. Крутитъ по селу, ругается, спѣшно ищетъ генерала, не знаетъ гдѣ.

— Пластуны хотятъ на село идти.

Оретъ генералъ:

— Не смѣть. Они все село перекрошатъ, въ такомъ они озлобленіи. Приказываю жителямъ немедленно сдавать все имѣющееся у нихъ оружіе — иначе ни за что не ручаюсь!

Потащили жители оружіе, спѣшатъ, крестятся. Склали на телѣги. Казакъ съ ординарцемъ сами и увезли.

За ними слѣдомъ, важнымъ шагомъ, неспѣшнымъ, выѣхалъ и генералъ артиллерію успокаивать. Выѣхалъ, да и былъ таковъ. Только на другой день узнали жители, что пріѣзжалъ генералъ всего на всего съ двумя казаками и что гонецъ не со страху казался, а дѣйствительно былъ одинъ и тотъже, и что ни кавалеріи, ни артиллеріи, ни пластуновъ никакихъ у генерала не было.

И вся эта исторія, обезцвѣченная и обезкровленная была пропечатана словами:

"Генералъ Шкуро съ небольшимъ отрядомъ взялъ село, занятое большевиками".

***

Вспоминаю еще разсказъ о томъ, какъ "дрогнули гимназисты".

Дѣло было на Кавказѣ.

Отрядъ гимназистовъ доблестныхъ кавказскихъ гимназій долженъ былъ попридержать большевиковъ до прибытія казаковъ.

Гимназисты придержали. Дрались, какъ Леониды Спартанскіе по завѣтамъ Иловайскаго. Лихо!

Вдругъ, въ самомъ пылу сраженія, слышатъ дикій свистъ откуда-то съ горы. Обернулись и дрогнули.

Сверху, съ горы, какъ посыпется нѣчто, а не разберешь что. Не то люди на лошадяхъ, не то однѣ лошади безъ людей. Пики на перевѣсъ, гривы развѣваются, руки, ноги болтаются, стремена щелкаютъ... Вонъ лошадь одна, сѣдло пустое, торчитъ изъ него одна нога и пика сбоку трясется. Гопъ! дрогнула нога, вынырнулъ изъ подъ лошади косматый казакъ, да какъ завизжитъ, да какъ ухнетъ! Визгъ, лязгъ, вой, свистъ.

— Черррти!

Дрогнули гимназисты и вразсыпную. Только пятки спартанскія засверкали.

— Чего же это вы, срамъ какой! укоряли ихъ потомъ. Вѣдь это наши же казаки вамъ на помощь пришли.

— Богъ съ ними — страшно ужъ очень. Съ врагами воевали, а союзника не выдержали.

Теффи

..."Диву даешься, наблюдая обиліе и разнообразіе зарубежной казачьей прессы, которой насъ такъ и засыпаютъ. Какъ будто въ каждой станицѣ числится по крайней мѣрѣ нѣсколько тысячъ членовъ"...

(Изъ писемъ)

— Глянь, кумъ Тарасъ, сколько газетковъ мы поимѣли — нехай ваньки знаютъ, какъ мы сильны и богаты. Сроду, небось, не было такого единства въ казачествѣ.

(Карр. Трюка)

Литературно-библіографическая хроника

Мих. Шолоховъ — литературный псевдонимъ, или же настоящая фамилія автора "Тихаго Дона" и "Поднятой цѣлины"?

Казакъ? Какой станицы? Иногородній? Участвовалъ ли въ великой войнѣ? Въ какой части? Въ какихъ рядахъ провелъ гражданскую войну?

Этими вопросами задаются многіе казаки, ознакомившись съ произведеніями Шолохова, строя различныя предположенія и догадки вокругъ его личности.

Всѣхъ, кто можетъ дать отвѣтъ по помѣщаемому выше портрету писателя, редакція "Станицы" проситъ откликнуться.

Полученныя свѣдѣнія будутъ сообщены въ слѣдующемъ номерѣ нашего журнала.

Н. В. ГОГОЛЬ
1809-1934

19 марта 1809 г., 125 лѣтъ тому назадъ, въ с. Сорочинцахъ родился знаменитый творецъ "Тараса Бульбы". Первое изданіе собранія его сочиненій вышло въ 1842 г. Во Франціи Гоголя начали переводить съ 1845 г. Въ 1852 г. вышло на франц. яз. первое изданіе "Мертвыхъ душъ". Наиболѣе читаемая французами русская книга — "Тарасъ Бульба", выдержав-

шая уже нѣсколько изданій. Имѣется даже роскошное изданіе (по 2500 франковъ за экземпляръ!). Одна кинематографическая фирма во Франціи готовитъ большой фильмъ по этой повѣсти.

Въ этомъ году исполнилось 120 лѣтъ со дня рожденія украинскаго поэта Т. Г. Шевченко.

---

25 лѣтъ тому назадъ (исполнится 1 ноября с. г.) Императорская Академія Наукъ приняла въ свою среду "безсмертныхъ", по разряду изящной-словесности, И. А. Бунина, нынѣшняго лауреата Нобелевской преміи.

П. Н. Красновъ написалъ новый романъ, подъ названіемъ "Ненависть". Это уже тридцатый томъ въ эмиграціи, принадлежащій перу знаменитого донского генерала, не считая переводовъ на 12 иностранныхъ языкахъ.

За минувшій 1933 г. эмигрантскій книжный рынокъ пополнился 260 названіями книгъ по различнымъ отраслямъ литературы, науки и искусства. Больше всего выпущено беллетристики — 77 названій, затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ политики и мемуаровъ (51 назв.), дѣтская литература (25), религія, философія, оккультныя знанія (19) и т. д.

По количеству выпущенныхъ книгъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Рига (96 назв.), на второмъ — Франція (70), затѣмъ — Дальній Востокъ (35), Германія (18), Югославія (15) и пр.

Очень много издается журналовъ — литературныхъ, политическихъ, военн. Всего 1, посвященный вопросамъ сельскаго хозяйства, 1, по филателіи 1 дѣтскій (въ Харбинѣ, по нов. орф.), но ни одного техническаго, медицинскаго, по искусству (кромѣ театра).

ПОТОМКИ ГОГОЛЯ И ПУШКИНА ЗА РУБЕЖОМЪ

Въ настоящее время заграницей проживаютъ три внучки Гоголя — дѣти Н. В. Бычкова (племянника — сына сестры писателя) Анна, Елизавета и Наталья Николаевны. Первыя двѣ сестры живутъ въ Парижѣ, а третья въ Бѣлградѣ. Мать ихъ, Марія Александровна, урожденная Пушкина — внучка поэта.

"РОССІЯ И КАЗАЧЕСТВО"

Очередной номеръ органа Восточнаго Казачьяго Союза, вышедшій 30 марта, посвященъ Войсковымъ Праздникамъ Амурскаго, Забайкальскаго и Уссурійскаго Казачьихъ Войскъ.

Шлемъ сердечныя поздравленія нашимъ дорогимъ братьямъ — дальневосточнымъ именинникамъ.

Въ журналѣ оглашено множество привѣтствій, среди которыхъ выдѣляется поздравленіе Атаману Забайкальской казачьей станицы въ Харбинѣ, ген. Шильникову отъ группы Забайкальцевъ-партизанъ, находящихся въ... Харбинской тюрьмѣ.

"КАЗАКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ" Изданіе Штаба Донского Корпуса. Мартъ 1933 — мартъ 1934. Софія. 112 страницъ. Цѣна 3 франка.

Въ сообщеніяхъ болѣе чѣмъ 50 военноначальниковъ, старшихъ группъ, атамановъ станицъ и предсѣдателей др. казачьихъ организацій, со всѣхъ странъ нашего разсѣянія, даны описанія зарубежной казачьей жизни за указанный выше періодъ.

Замѣчательно обширны и разносторонни полученныя свѣдѣнія, проникнутыя бодрымъ духомъ, свойственнымъ казакамъ и воинамъ.

Большую, плодотворную и очень важную работу продѣлалъ командиръ и штабъ корпуса по объединенію казачества въ Болгаріи, по установленію живѣйшей связи между отдѣльными казаками и цѣлыми организаціями въ разныхъ странахъ съ нашей военной семьей.

"Казаки за границей", безъ сомнѣнія, будутъ прочитаны съ величайшимъ интересомъ всѣми казаками, внѣ зависимости отъ ихъ политическихъ взглядовъ и принадлежности къ воинскимъ или же бытовымъ, профессіональнымъ и др. организаціямъ.

Студенческая выставка въ Парижѣ

Жанъ Деляжъ — извѣстный французскій журналистъ и общественный дѣятель, большой другъ русскихъ и, въ особенности, студенчества.

Jean Delage

На дняхъ состоялось торжественное открытіе 2-го Студенческаго Салона, организованнаго газетой "Эко-де-Пари" при участіи значительнаго количества студентовъ Парижской "Эколь-де-Бо-з-Аръ.

Въ прошломъ году выставка объединяла 120 группъ. Въ этомъ году число ихъ возросло до трехсотъ.

Такому значительному росту числа участниковъ немало способствовала кипучая энергія молодого организатора этого дѣла г. Гюи Армана, который даетъ въ "Студенческой Жизни" (Ла Ви-де-з-Этюдьенъ) свои чудесные рисунки подъ псевдонимомъ Бэганъ.

Вернисcажъ привлекъ большое, блестящее, избранное общество. Открылъ Выставку г. Гюисманъ, директоръ "Эколь де-Бо-з-Аръ", окруженный г. Шарлети, ректоромъ Парижской Академіи, г. Понтремоли, членомъ Института и директоромъ Школы, г. Полемъ Шаба, предсѣдателемъ французскихъ художниковъ, г. Раймондомъ Лораномъ, муниципальнымъ совѣтникомъ, шефомъ протокола Андрэ де Фукъеромъ, г. Франкъ-Ноэномъ, генеральнымъ секретаремъ "Эко де-Пари" и многими другими извѣстными всему художественному Парижу лицами, среди которыхъ блистали Франсуа Ру, Леонъ Раффенъ и Морисъ Маріонъ.

Успѣхъ выставки былъ совершенно исключительный. Мастера живописи не скрывали своихъ восторженныхъ отзывовъ, а г. Гюисманъ, директоръ "Эколь де-Бо-з-Аръ" пріобрѣлъ для государства три полотна г-жи Ренэ Буасонъ, г-жи Ивонны Циглеръ и г-жи М. Безомбъ.

Закончилось торжество горячимъ словомъ юного организатора Гюи Армана, сказавшаго въ заключеніе, что не далекъ тотъ день, когда "этотъ Салонъ перекочуетъ въ Пти Палэ..."

Отъ души привѣтствуемъ большое, нужное дѣло,радуясь буйному росту молодыдхъ силъ, и надѣемся, что каждый любитель подлиннаго искусства непремѣнно посѣтитъ эту интересную студенческую выставку.

Помѣщается она въ Галери Гарминь — 51, рю де Сенъ и открыта отъ 9-ти до 12 и отъ 14 до 19 час.

Закрытіе выставки назначено на 27-ое апрѣля.

Jean Delage

Обще-казачья выставка

Въ половинѣ мая с. г. ,подъ покровительствомъ Донского Атамана ,въ Парижѣ открывается выставка всевозможныхъ работъ казаковъ и казачекъ **всѣхъ казачьихъ войскъ.**

Вдали отъ Родины, принужденные перемѣнить профессію природнаго воина и землероба, казаки заграницей ко многому приноровились и, въ поискахъ себѣ заработка, многому научились.

Среди нихъ нашлись и художники, и писатели, и мастера по дереву, кожѣ, металлу и яр., а казачки соперничаютъ съ рукодѣльницами парижанками.

Малый кругъ знакомствъ не позволяетъ отыскать пути къ сбыту своихъ работъ.

Вотъ почему назрѣла мысль устроить выставку. Выставка покажетъ чему казаки научились, на ней иностранцы узнаютъ какихъ успѣховъ въ разныхъ отрасляхъ достигли казаки, она дастъ возможность выставляющему получить заказы, а продажей вещей заработать и для себя и для больныхъ и престарѣлыхъ казаковъ.

Выставочный комитетъ въ составѣ: Предсѣдателя Генерала А. В. Черячукина и членовъ — Генерала И. Г. Акулинина (отъ Оренбуржц. и всѣхъ Сибирскихъ казачьихъ войскъ), рю Бусико № 2, Парижъ 15), Генерала Н. И. Малышенко и И. Лещенко (отъ Кубанцевъ, рю де Данцигъ № 51, Парижъ 15), С. М. Орелъ (отъ Терцевъ, рю Тексель № 17, Парижъ 13), Г. Д. Самсонова (отъ Астраханцевъ, 23, рю Шотаръ, Парижъ 15), А. П. Падалкина, (отъ Донцовъ, 2, рю Казабланка, Парижъ 15), Л. Л. Маяснова (отъ Уральцевъ, 1, Импассъ Инфермери, Рюэль, деп. Сены и Марны) — проситъ поддержать это начинаніе и своими работами способствовать успѣху выставки.

Казаки и казачки, несите на выставку свои работы и сообщайте другъ другу о выставкѣ.

Было время когда казаки, расширяя и защищая границы Матушки Россіи, могли похвастаться своей удалью, ѣздой на конѣ, стрѣльбой, рубкой и дѣйствіемъ пики. Пусть теперь, въ новой обстановкѣ, они покажутъ и свою культурность, и свое умѣніе работать во всѣхъ отрасляхъ.

Работы должны быть готовы къ 10-му мая и изъ провинціи присланы представителямъ своихъ войскъ, входящихъ въ выставочный комитетъ. Работы проживающихъ въ Парижѣ могутъ быть сданы тѣмъ же представителямъ наканунѣ открытія выставки; открытіе выставки предполагается 19-го мая, закончится — 29-го того же мѣсяца.

Для подысканія соотвѣтствующаго помѣщенія, каждый выставляющій обязанъ немедленно сообщить Предсѣдателю выст. комитета (А. В. Черячукинъ. 100, рю Жавель, Парижъ 15) о своемъ желаніи участвовать на выставкѣ и примѣрное количество выставляемыхъ вещей. Плата за право участвовать на выставкѣ — 15 франковъ. Доходъ отъ выставки (отъ входной платы и 10 проц. съ проданныхъ вещей) поступаетъ на благотворительныя казачьи дѣла.

За справками обращаться отъ 10 час. утра и до 10 час. вечера къ А. П. Падалкину (2, рю Казабланка), или же къ представителямъ своихъ войскъ, входящихъ въ выставочный комитетъ.

Предсѣдатель Выставочнаго Комитета

Ген.-Лейт. **А. Черячукинъ**

В. КРЮКОВЪ

На казачьемъ балу

13 января этого года донскія и обще-казачьи организаціи г. Парижа и его окрестностей устроили большой донской балъ подъ покровительствомъ Донского Атамана, ген. А. П. Богаевскаго.

Большое количество баловъ въ русскомъ, эмигрантскомъ Парижѣ далеко не свидѣтельствуетъ о страстномъ желаніи русскихъ парижанъ веселья и танцевъ. Обиліе баловъ объясняется обиліемъ благотворительныхъ эмигрантскихъ организацій, основывающихъ свою дѣятельность чуть ли не на этомъ единственномъ способѣ добыванія средствъ. Какъ у устроителей баловъ, такъ и у публики, въ основѣ здѣсь благотворительность, какъ движеніе души бѣженца, множество путей къ которой "исповѣдимы" и изучены. Если такую душу представить многогранной фигурой, то въ ней всегда найдется такая грань, черезъ которую войдетъ призывъ нужды, и тогда скорбь воспоминаній вызоветъ врачующую благотворительность.

Къ этой многогранной фигурѣ души человѣческой также много и путей: путь географическій (землячества), путь профессіональный (шофферы, адвокаты, врачи), путь военный (галлиполійцы, полковцы, однопоходники), путь политическій (однопартійники), путь сословный (дворяне), скорбный путь инвалидовъ, путь инородческій, и т. д.

Путь казачій?... Но это не путь къ одной изъ граней жизни. Это русло, по которому всѣ пути ведутъ къ душѣ и сердцу казака. Въ этомъ существенное превосходство казачьихъ баловъ; эта близкая соприкосновенность и сліяніе создаютъ ту казачью семейственность, которая характерна своими основными чертами: простоты, радушія и дисциплины. Поэтому основная привлекательность этихъ баловъ не въ измышленныхъ трюкахъ обычныхъ баловъ и не въ притягательной силѣ именъ большихъ артистовъ, а въ встрѣчахъ **"своихъ"**. Можетъ быть, казачьи балы менѣе блистательны, но несомнѣнно, они самые большіе, многолюдные, гдѣ все просто и уютно.

Два громадныхъ зала мэріи 15 аррондисмана, въ центрѣ русскаго Парижа, блестящихъ свѣтомъ и новизной художественной отдѣлки, начинаютъ наполняться съ 9 ч. в. Суета распорядительства закончена и все на мѣстѣ. Входныя двери зала вооружены нападающими продавцами программъ, и казачьихъ погонъ. "Кадеты" (б. воспитанники донск. кадетскаго корпуса) выгодно для глаза расположили выигрыши заманчивой лотереи и ждутъ клева. Гвардейцы казаки въ уютномъ закоулкѣ для дружескихъ бесѣдъ воздвигли громадный стеклянный чанъ съ прохладительнымъ крюшономъ, дающимъ жажду повторить. Горой казачьихъ фуражекъ увѣнчанъ столъ въ серединѣ зала; строй столиковъ въ углу бѣлѣетъ у буфета. У спуска внизъ, въ другую залу, сверкаютъ ведра на столѣ и золото головъ шампанскихъ.

Уже замелькали первыя черкески лихихъ джигитовъ, въ походкѣ ихъ уже видна наурская лезгинка. Блеснулъ донской лампасъ, пообѣщавъ тресучимъ казачкомъ наполнить сердце умиленьемъ. Чуть слышна снизу пѣсня... Чу! Туда. И.., засвистали казаченьки...

Балъ начался... Внизу въ просторномъ вестибюлѣ, гдѣ продаются входные билеты, публика "валитъ валомъ".

— Пару билетиковъ для меня съ жинкой. Казачки малолѣтки затакъ, небось, прошмыгнутъ?

Рослая, широкая скуластая фигура въ кепкѣ казака съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, съ мальчикомъ позди, по казачьи одѣтымъ и съ пышной, округлыхъ формъ супругой, дышащей весельемъ и здоровьемъ, — сразу же опредѣляютъ провинціальную чету, трудъ и довольство.

— Кошель то не достанешь. Тьенъ! Станичникъ, подержи казачка. Да смотри, не упри! Ты какой станицы-то?

— Я то К... ой, у насъ этого не водится; мы люди безпорочные. Казачьимъ шутливымъ говоркомъ отвѣчаетъ бравый чернецовецъ Тихонычъ, принимая младенца.

— Да вѣдь она безпорочный то какъ? пока лапшу не дѣлятъ...

— Тю, и вострый же ты, парень... Самъ то ты какихъ мѣстовъ?

— Не покапаешься, братъ, — У...ой.

— А-а: то то отъ парнишонка индюшатинкой попахиваетъ. А бабочка твоя изъ какихъ будетъ?

— Она не изъ нашихъ, — француженка.

Концертъ оконченъ, балъ въ разгарѣ. Гудитъ-грохочетъ, свиститъ - клокочетъ, стучитъ-бушуетъ модный джазъ. Слипшіяся фигуры танцуютъ съ пластикой медлительно, однообразно, и, за всѣхъ нетанцующихъ признаюсь, скучно.

Вдругъ оживленіе, — то старый вальсъ, мазурка удалая или полька-кокетка. Но, вдругъ, восторгъ кипучій: кавказская лезгинка срываетъ съ мѣстъ въ традиціонный кругъ, гдѣ плавно носится орломъ, застывшимъ въ небѣ, яркая черкеска, — то бурно мечется страсть лихости подъ остріемъ кинжала. Тамъ состязаніе казачка, гдѣ измышленныя смекалкой фигуры трясуться фертомъ, то колесомъ въ присядку, то пыль сметая смѣхотворнымъ "пузомъ", напомнятъ быль и простодушіе казачьей старины.

Все же главная привлекательность казачьихъ баловъ не въ танцахъ и не въ концертѣ, а въ хорошо организованной встрѣчѣ "своихъ", чего теперь лишены многіе въ силу условій трудовой жизни. Пріятное ощущеніе своей умѣстности, своей причастности къ общему, создаетъ впечатлѣніе что ты у себя, въ средѣ своихъ близкихъ, гдѣ то тихая, то веселая бесѣдушка по угламъ у стоекъ и за столами согрѣваетъ сердце именно тою теплотою, которую оно жаждетъ и ищетъ...

Въ результатѣ бала весьма значительная сумма чистого дохода которая многимъ и многимъ предоставила возможность передохнуть въ нуждѣ и лишеніяхъ; выяснена широкая и чуткая отзывчивость казачьей массы и ея готовность къ жертвенности на свое казачье дѣло, несмотря на кризисъ.

Это согласованное усиліе парижской казачьей общественности и Войскового Атамана надо учесть, какъ и свое значеніе центра въ казачьей работѣ. Постоянная общественная казачья работа наладиться можетъ и должна, работники есть, — ихъ надо бережно собрать. Два традиціонно установленныхъ сезонныхъ бала дадутъ (безъ дѣлежа прибыли по организаціямъ) прочную базу для развитія работы центра.

Дѣло, кажется, на этомъ пути, ну и... "слава Богу, что мы казаки!"

В. Крюковъ

Парагвай

Матеріаломъ для этой статьи послужилъ рядъ документовъ, любезно предоставленныхъ редакціи председателемъ Инціативной Группы "Станицы имени генерала Бѣляева", Н. С. Горбачевымъ.

Среди проживающихъ въ Европѣ казаковъ въ послѣднее время ведется много разговоровъ, толковъ и споровъ въ связи съ поднятымъ вопросомъ о переселеніи казаковъ въ Парагвай.

Имѣются извѣстія, что съ 1925 года тамъ находится и понынѣ нѣсколько сотъ крестьянскихъ семействъ, переселившихся изъ Волынской губерніи. Въ провинціи Чако пять лѣтъ уже существуютъ 34 деревни менонитовъ, пріѣхавшихъ туда частью изъ Канады и частью изъ Сов. Россіи. На югѣ страны чехи устроили большую свою колонію "Фрамъ".

Въ 1925 году изъ Бѣлграда выѣхало нѣсколько группъ русскихъ спеціалистовъ, отправленныхъ въ Ассунсіонъ (столицу Парагвая) Русскимъ Колонизаціоннымъ Обществомъ, съ согласія ген. Бѣляева, занимающаго видный постъ въ Парагвайскомъ военномъ министерствѣ.

И, наконецъ, 3 апрѣля этого года изъ Гавра, на пароходѣ "Липари" 39 русскихъ (въ томъ числѣ 11 казаковъ) выѣхали туда же, искать лучшей доли за океаномъ.

Эта группа является показательной партіей первой группы въ 200 человѣкъ, намѣченной Инціативной Группой "Станицы имени генерала Бѣляева", образовавшейся въ сентябрѣ прошлого года въ Парижѣ и поставившей себѣ цѣлью работу по колонизаціи казенныхъ земель провинціи Энкарнасьонъ, расположенной между линіей желѣзной дороги и рѣкой Парана, огибающей Парагвай съ восточной стороны на границѣ съ Боливіей и Аргентиной. Контингентъ колонистовъ: казаки, урожен-

цы казачьихъ областей и лица, связанныя съ казачествомъ.

Во главѣ отбывшей партіи стоитъ полковникъ В. Ф. Гессель (Дон. В.), онъ же предсѣдатель выѣхавшей съ партіей земельной комиссіи, задача которой состоитъ въ выборѣ земли для поселенія. Въ комиссію входятъ: подъес. В. С. Вемловъ, подхорунжій П. Г. Золотаревъ, казаки Я. М. Куринъ и Д. Д. Мухинъ (донцы), кубанецъ, сотнилъ М. М. Копаневъ и землемѣръ - топографъ, шт. кап. А. В. Борщевъ.

Сопровождаетъ группу А. Д. Крамеренко, представитель инціативн. гр. станицы, которому даны полномочія для оформленія каз. колонизаціи. Онъ возвратится въ Парижъ черезъ три мѣсяца съ постановленіемъ Конгресса о принятіи колонизаціи, съ отчетомъ земельн. комиссіи и съ письмами отдѣльныхъ лицъ и всей группы.

По полученнымъ свѣдѣніямъ начало путешествія группы проходитъ въ благопріятныхъ условіяхъ: кормятъ на пароходѣ отлично, отношеніе администраціи предупредительное, настроеніе бодрое. 4-го апрѣля "Лапари" стоялъ въ одномъ изъ портовъ Испаніи и оттуда двинулся прямымъ рейсомъ въ Ріо-де-Жанейро, послѣ пойдетъ въ Буэносъ Айресъ. Путь займетъ 25-26 дней, а тамъ еще три дня по рѣкѣ Паранѣ.

Вторая партія будетъ отправлена Парижской Инціативной группой изъ Гавра 9-го мая.

Парагвай былъ открытъ испанцами въ 1524 г. и въ 1811 г. страна стала самостоятельной республикой. Конституція, на основѣ которой страна управляется по сіе время, была выработана конгрессомъ въ 1870 г.

Парагвай лежитъ въ центрѣ Южной Америки, гранича съ востока съ Бразиліей, на сѣверѣ съ Боливіей и на юго-западѣ съ Аргентиной. Площадь — 450 тысячъ кв. километровъ, изъ которыхъ 220 тысячъ покрываютъ лѣса. Населяютъ страну около милліона челов. Климатъ чисто континентальный. Времена года распредѣляются такъ: лѣто — ноябрь, декабрь, январь, февраль. Зима — іюнь и іюль. Во время зимы земледѣліе не пріостанавливается. Переходное время (весна и осень) напоминаетъ іюнь во Франціи. Средняя годовая температура — 22,5 по Цельсію.

Ежегодная посѣвная площадь — 250.000 кв. гектаровъ. Культуры: кукуруза, мандіока (корнеплод. растен., наподобіе картофеля), хлопокъ, бобы, мани (родъ орѣха, идущ. на изготовл. масла), сахарн. тростникъ, табакъ, чай, рисъ, ленъ, пшеница, рожь, ячмень, соя.

Подъ огородничествомъ и садоводствомъ состоитъ болѣе 100.000 кв. гект.

Въ центральномъ районѣ восточной части страны особенно развита фабрично-заводская промышленность, а въ южномъ районѣ — скотоводство, свиноводство и птицеводство.

ВЛАДИМИРЪ СИНЕОКОВЪ

Старѣйшіе казачьи полки

Очень скудны точныя свѣдѣнія о происхожденіи казачьихъ полковъ. На зарѣ казачьей исторіи полковъ въ томъ видѣ, какъ мы привыкли понимать, не существовало. Къ тому же не только измѣненія, перемѣщенія внутри войскъ, но сдвигъ самихъ войскъ въ цѣломъ или по частямъ не позволяетъ установить точно старшинство полковъ. Оффиціальное установленіе старшинства не всегда примѣняетъ одни и тѣ же способы. Такъ, напримѣръ, одинъ донской полкъ имѣетъ своимъ старшинствомъ старшинство войска безъ опредѣленныхъ на то указаній, между тѣмъ, какъ уральскіе и сибирскіе полки столь древняго старшинства не имѣютъ, хотя старшинство ихъ войскъ соотвѣтственно считается съ 1591 г. и 1582 г. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при соединеніи двухъ или болѣе разнородныхъ по принадлежности къ войскамъ частей въ одинъ полкъ старшинство его возводится по старшинству одной изъ этихъ частей. Въ другихъ случаяхъ старшинство полка считается со времени соед. этихъ частей. И чтобы попытаться установить старшинство полковъ болѣе или менѣе точно, надо порыться не только въ архивахъ казачьихъ войскъ, но и во всѣхъ архивахъ военнаго Управленія вообще. Если Горско-Моздокскій полкъ (Терскаго войска) ведетъ свое старшинство отъ 1732 г. отъ Волгскихъ казаковъ, переселенныхъ на Терекъ только въ 1770 г., то старшинство многихъ кубанскихъ полковъ и пластунскихъ батальоновъ можно бы было этимъ способомъ возвести по Запорожскимъ куренямъ до времени самаго зарожденія Запорожья, т. е. до начала XV1 в. И такимъ образомъ эти полки и ба-

тальоны Кубанскаго войска оказались бы самыми старшими изъ всѣхъ современныхъ казачьихъ полковъ.

Но, такъ какъ возможность заглянуть въ архивы совершенно исключена ,укажемъ на оффиціально принятое старшинство полковъ.

Кубанское войско

Старшинство войска считается по старшинству Хоперскаго полка, ведущаго свое начало отъ Хоперскихъ казаковъ ,принявшихъ дѣятельное участіе во взятіи Азова въ 1696 году. Думается, что правильнѣе было бы считать его по Запорожскому или Малороссійскому войскамъ, такъ какъ на Кубани въ концѣ XVIII в. соединились основныя части этихъ войскъ. Начало же Малороссійскаго войска уходитъ еще дальше въ глубь старины, т. к. извѣстно, что въ 1410 г. 37.000 казаковъ участвовали въ битвѣ при Танненбергѣ во время войны Руси-Литвы съ нѣмецкими орденами, а въ 1492 г. произошло первое возстаніе казаковъ подъ водительствомъ Мухи противъ гоненій въ Польшѣ.

Хоперскіе казаки образовались изъ бѣглыхъ служилыхъ людей южныхъ воеводствъ, поселившихся по рѣкѣ Хопру во второй половинѣ XVII в. Принявъ участіе въ походѣ на Азовъ и въ послѣдовавшихъ затѣмъ шведской и турецкой войнахъ, они въ 1707 г. оказались среди главныхъ зачинщиковъ булавинского бунта. По усмиреніи этого бунта они разсѣялись въ разныя стороны. Но для защиты отъ набѣговъ крымскихъ и кубанскихъ татаръ въ 1716 году на рѣкѣ Хопрѣ была выстроена Новохоперская крѣпость, для охраны которой, а равно и границы, были вызваны охотники изъ сосѣднихъ воеводствъ, малороссійскихъ, донскихъ казаковъ и самихъ хоперскихъ казаковъ. Изъ этихъ поселенцевъ около крѣпости образовались слободы: Градская, Алферовка, Красная и Пыховка, которыя были надѣлены землей и прозвались хоперскими.

Кромѣ защиты границы, хоперскіе казаки отбывали различныя службы при крѣпости, за что, помимо пользованія землей и угодьями, были освобождены отъ подушной подати. Въ 1731 г. изъ нихъ была образована команда въ 216 казаковъ въ распоряженіи команданта крѣпости, и имъ было опредѣлено жалованье, а въ 1738 г. и провіантъ. Число Хоперскихъ казаковъ быстро росло, благодаря новымъ пришельцамъ, и перепись 1767 г. дала 1540 чел. Изъ нихъ былъ составленъ пятисотенный полкъ, къ которому причислили 145 семей крещенныхъ персіянъ и калмыковъ. Въ 1775 г. Хоперскій полкъ съ 200 семействъ саратовскихъ крестьянъ переведенъ на Царицынскую линію, а въ 1777 г. на Азовско - Моздокскую вдоль укрѣпленій: Донецкаго, Московскаго, Ставропольскаго и Сѣверскаго. Наконецъ, въ 1825-27 гг. Хоперскій полкъ былъ переведенъ на Кубань и занялъ станицы: Баталпашинскую, Бѣломечетскую, Невинномысскую, Барсуковскую и на рѣкѣ Кумѣ: Бекешевскую и Суворовскую.

Таманскій полкъ до 1870 г. назывался "1-ый конный полкъ Черноморскаго войска". Всѣ три полка, равно какъ и 1, 2, 3 Полтавскіе; 2, 3 Ейскіе; 1, 2, 3 Уманскіе; 1, 2, 3 Екатеринодарскіе; 1, 2, 3 Кавказскіе; 1, 2, 3 Кубанскіе пластунскіе батальоны; 7, 8, 13 и 14 пласт. батальоны имѣютъ старшинство 1788 г. по году окончательнаго образованія Потемкинымъ "вѣрнаго Запорожскаго войска" и переименованія его въ Черноморское за отличіе при взятіи Очакова и предоставленія ему земель по берегу Чернаго моря между Бугомъ и Днѣстромъ. Хотя эти полки имѣютъ непосредственную пріемственность отъ Запорожскаго войска. Если старшинство Кубанского войска производится отъ Хоперскихъ казаковъ, которые отъ 1709-1716 гг. находились въ разсѣяніи, то имѣется больше основанія воспроизводить его отъ Запорожскаго войска, пробывшаго въ разсѣяніи 1775-1783 гг. Цѣпь же преемственности слѣдуетъ такимъ образомъ: Черноморское войско между Бугомъ и Днѣстромъ 1788-1792 гг.; Запорожское войско въ разсѣяніи 1775-1783 гг; Запорожская Сѣчь на р. Базавлунѣ 1734-1775 гг.; въ Крыму, въ низовьяхъ Днѣпра 1709-1734 гг., и Сѣчь за Порогами 1500-1709 гг.

Кубанскіе полки всѣхъ трехъ очередей (1-2-3 Кубанскіе) получили свое старшинство отъ 1732 г. по старшинству Волгскаго казачьяго войска. На древкахъ знаменъ имѣется надпись "1732. Волгскіе казаки".

Впервые русскіе люди "хаживали" по Волгѣ въ лицѣ новгородскихъ ушкуйниковъ XI в. Затѣмъ ихъ смѣнили Рязанскіе, а потомъ Донскіе казаки. Къ нимъ прибывало много выходцевъ изъ центра, и Волгская "вольница" особенно усилилась ко времени покоренія Казани и Астрахани, чему московскія власти очень способствовали въ виду продвиженія по Волгѣ. Послѣ покоренія Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.) по Волгѣ селились городскіе служилые казаки, приставленные къ посаженному на Астраханское царство царю Дербышу.

Во второй половинѣ XVI в. Волгская "вольница" слишкомъ "разгулялась". Тамъ тогда "гулялъ" и Ермакъ Тимофеевичъ. И въ 1577 г. царскія войска ее разогнали. Часть ушла на Яикъ (Уралъ), часть на Терекъ, а Ермакъ Тимофеевичъ къ Строгоновымъ. Но и по Волгѣ остались казаки, такъ что въ грамотахъ, разсылаемыхъ казачьимъ общинамъ Дон-

скимъ войскомъ, числились и Волгскіе казаки. А въ 1591 г. уже 1000 этихъ казаковъ были посланы подъ начальствомъ астраханскихъ воеводъ на Кавказъ противъ "царскаго непослушника" Шамиль Гароковскаго (Дагестанскаго князя).

Съ замиреніемъ Поволжья, стали быстро расти города въ этомъ краѣ: при царѣ Өедорѣ, сынѣ Ивана Грознаго, построены Самара, Царицынъ, Саратовъ, въ 1627 г. — Черный Яръ, 1665 г. — Красный Яръ, въ 1692 г. — ранѣе устроенный Камышинскій острогъ сдѣланъ городомъ и Названъ Дмитріевскомъ.

Первыми поселенцами этихъ городовъ являлись казаки и стрѣльцы, впослѣдствіи тоже зачисленные въ казаки. Они несли сторожевую службу, охраняя край отъ набѣговъ татаръ, калмыковъ и киргизовъ, а равно и караваны по Волгѣ. За свою службу они получили земли съ угодьями.

Къ 1720 году была закончена Царицынская линія отъ Дона до Царицына въ 60 верстъ съ крѣпостями: Мечетной, Грачевской, Сокорской и Донской. Для заселенія этой линіи вызывались охотники изъ Малороссійскихъ и Донскихъ казаковъ, съ назначеніемъ пособій отъ казны и предоставленіемъ большихъ земельныхъ надѣловъ. Въ 1732 г. стали сажать переселенцевъ по Волгѣ выше и ниже Дубовки и для этого вызвали съ Дону 1057 семей, а такъ же охотниковъ изъ центра и Малороссіи. Такимъ образомъ составилось Волгское казачье войско, первымъ атаманомъ котораго былъ назначенъ Донской старшина Макаръ Персидскій. Грамота 1734 г. опредѣляла порядокъ устройства войска и его преимущества. По казачьему положенію войску была отведена земля, разрѣшена безпошлинная торговля внутри войска, вольная продажа вина, освобожденіе отъ податей и кромѣ того, опредѣлено отпускать порохъ, а такъ же жалованье и пособія на постройку домовъ. При назначенномъ атаманѣ состояли два выборныхъ старшины и одинъ есаулъ. Войско сохраняло право самоуправленія и самосуда войсковымъ кругомъ. Дѣла, которыя кругъ не могъ рѣшать, представлялись царицынскому коменданту, а болѣе важныя — Военной Коллегіи. Волгское войско смѣнило Донскихъ казаковъ, стоявшихъ на охранѣ низоваго Поволжья.

Къ нему были причислены казаки, жившіе въ Царицынѣ и другихъ городахъ. Въ 1742 г. оно заняло вновь устроенную Енотаевскую крѣпость и многія укрѣпленія между Царицынымъ и Астраханью. Главнымъ поселеніемъ войска была Дубовка на правомъ берегу Волги, выше Царицына.

Съ замиреніемъ Оренбургскаго края и усиленіемъ Астраханскаго казачьяго войска, существованіе Волгскаго теряло свой смыслъ. Поэтому въ 1770 г. — 1794 г. большую часть переселили на Кавказъ въ Терское и Кубанское войска, оставшіеся волгскіе казаки зачислены въ Астраханское войско при царѣ Александрѣ 1.

Въ 1794 г. 125 семей волгскихъ казаковъ поселились съ 1000 семей донскихъ на Кубани по линіи отъ устья Лабы до укрѣпленія Воровсколѣсскаго, образовавъ пятисотенный Кубанскій полкъ.

Терское войско

Отъ Волгскаго войска имѣютъ свое старшинство (1732 г.) и Терскіе полки — 1, 2, 3 Горско-Моздокскіе и 1, 2, 3 Волгскіе. Въ 1770 г. 517 семей волгскихъ казаковъ переведены на Кавказъ и поселены на лѣвомъ берегу Терека, на протяженіи 80 верстъ между Гребенскимъ войскомъ и Моздокомъ; они образовали Моздокскій полкъ. Въ 1775 г. къ нему была присоединена казачья команда (300 чел.) Московскаго легіона, набранная въ 1770 г. изъ волгскихъ казаковъ. Полкъ этотъ занялъ станицы: Голючаевскую, Ищерскую Наурскую, Мекенскую и Калиновскую, въ каждой по сотнѣ. Первымъ полковникомъ былъ знаменитый впослѣдствіи ген. Савельевъ. Въ 1824 г. ген. Ермоловъ составилъ Горскій полкъ. А въ 1871 г. оба полка были соединены въ одинъ Горско-Моздокскій.

Въ 1777 г. 50000 волгскихъ казаковъ были поселены по линіи отъ Моздока до Ново-Георгіевска и образовали Волгскій полкъ.

Воспоминанія о своихъ предкахъ, жившихъ близъ Камышина, терцы этихъ полковъ сохранили до нашихъ временъ въ пѣснѣ "Какъ на рѣчкѣ было на Камышинкѣ".

Самые старые полки Терскаго войска 1, 2, 3 Кизляро-Гребенскіе имѣютъ свое старшинство отъ 1577 г. Это старшинство вполнѣ исторически доказуемо. Гребенцы первые пришли на Терекъ еще ранѣе и поселились по правому берегу Сунжи, гдѣ поставили городки: Червленный, Шадринскій, Кордюковскій, Старогладковскій и Новогладковскій. Старшинство войска и этихъ полковъ исчисляется со времени устройства царскими воеводами укрѣпленія Терки при сліяніи Сунжи и Терека въ 1577 г.

Донское войско

О старшинствѣ 14-го Донского казачьяго полка сказано такъ: "Старшинство полка слѣдуетъ считать съ 1570 г., т. е. съ года оффиціальнаго признанія земли войска Донского составною частью Московскаго государства".

"Лейбъ-гвардіи Атаманскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ" имѣетъ старшинство отъ 1775 г., когда онъ былъ образо-

ванъ при Атаманѣ Иловайскомъ, "дабы оный, будучи всегда въ особомъ присмотрѣ и попеченіи Войскового Атамана, исправностью своею во всѣхъ нужной казацкой службы оборотахъ служить могъ образцомъ для всѣхъ прочихъ полковъ". Первоначально этотъ полкъ несъ только внутреннюю службу. Но съ 1802 г. Атаману Платову разрѣшалось имѣть его всегда при себѣ, "когда Войск. Атаманъ въ походѣ противу непріятеля самъ находиться будетъ, тогда, ради преимуществъ его чину, имѣть ему тысячный полкъ подъ названіемъ Атаманскаго его имени, въ коемъ число всѣхъ чиновъ полагается вдвое противъ обыкновеннаго пятисотеннаго полка". Съ 1827 г. Шефомъ полка становился Наслѣдникъ Цесаревичъ, Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

"Лейбъ-гвардіи казачій Его Величества полкъ" тоже имѣетъ свое старшинство отъ 1775 г., со времени образованія Донской и Чугуевской придворныхъ командъ въ столицѣ, которыя въ 1796 г. были объединены въ лейбъ-гвардейскій казачій полкъ. Чугуевская команда выдѣлилась изъ Чугуевскихъ казаковъ, перешедшихъ на Московскую сторону во время освободительной войны Богдана Хмельницкаго съ поляками, и построившихъ городъ Чугуевъ въ 1639 г.

Старшинство 8-го Донского казачьяго полка считается отъ 1779 г., когда впервые упоминается о "ген.-майорѣ Дячкина полку". На древкѣ Георгіевскаго знамени имѣется надпись "1570. Донскіе казаки".

Какъ сказано выше, ни одинъ изъ Уральскихъ и Сибирскихъ полковъ не имѣетъ старшинства соотвѣтственно старшинству ихъ войскъ, хотя бы болѣе или менѣе отдаленнаго, уходящаго въ глубь прошлаго. Самый старый Уральскій полкъ имѣетъ старшинство 1807 г. А подъ 1799 годомъ говорится "1 іюля 1798 г. пятисотенный полкъ, въ 800 человѣкъ, съ маіоромъ Дмитріемъ Мизиновымъ, подъ общимъ начальствомъ войскового атамана, полковника Д. М. Богородина, выступилъ изъ города Уральска, а въ 1799 и 1800 годахъ находился въ походѣ въ Италіи и Швейцаріи, гдѣ, состоя въ корпусѣ генералъ - лейтенанта Римскаго - Корсакова, участвовалъ въ дѣлахъ съ французами при г. Цюрихѣ и во многихъ другихъ сраженіяхъ въ Швейцаріи".

Докторъ Госуд. наукъ

Владимиръ Синеоковъ

ХРОНИКА

ОБЩЕ - КАЗАЧЬЯ СТАНИЦА МОЛОДЕЖИ ВЪ ХАРБИНѢ

Въ концѣ іюля прошлаго года, при Восточномъ Казачьемъ Союзѣ въ Харбинѣ образовалась общеказ. станица молодежи.

Въ настоящее время въ станицѣ состоитъ 60 человѣкъ, юношей и дѣвушекъ. При станицѣ организованы секціи: культурно - просвѣтительная, драматическая, шахматная и физическаго развитія. Организованъ хоръ, струнный оркестръ, имѣется и своя библіотека. Еженедѣльно, по пятницамъ, устраиваются въ Казачьемъ Домѣ доклады и разсматриваются текущіе вопросы.

Харбинскіе станичники прислали намъ теплыя поздравленія и привѣтъ къ десятилѣтію нашей станицы.

Отъ души пожелаемъ молодой организаціи дальнѣйшаго процвѣтанія и шлемъ имъ свой братскій привѣтъ.

ТЕЛЕГРАММА С. А. ЖАРОВА

Къдесятилѣтнему юбилею нашей станицы получено телеграфное привѣтствіе отъ С. А. Жарова:

"Много лѣтъ Войску Донскому
Много лѣтъ нашимъ донцамъ
Войсковому Атаману
Всѣмъ станицамъ и полкамъ"

Регентъ Донского Хора

Сергѣй Жаровъ

ПОПРАВКА

Въ замѣткѣ "Подъ экваторомъ", помѣщенной въ № 9 "Станицы", было указано, что инж. В. С. Мащенко окончилъ школу "траво пюбликъ". Намъ сообщаютъ, что В. С. окончилъ въ Лиллѣ Ecole des Hautes Etudes Industrielles.

НАШЕ СПАСИБО!

Послѣ выхода въ октябрѣ пр. г. № 8 "Станицы" и по 15 апрѣля с. г., поступили слѣдующія пожертвованія въ пользу студентовъ-казаковъ:

Донск. Атам. Генералъ А. П. Богаевскій	100 фр.
Почетный Каз. Станицы, Аббатъ К. Кенэ	400
Генералъ Е. К. Миллеръ	300
Генералъ П. И. Секретевъ	50
Инж. Н. Ф. Пузановъ	150
Инж. В. С. Мащенко	8
Среди казаковъ Монтаржійской станицы, во время продажи № 8 наш. журнала собрано	6
Казакъ Колесниковъ	3
Причитающаяся станицѣ часть дохода отъ Донск. бала 13 января, какъ участнику въ его устройствѣ	550
Комитетъ по устройству дон. бала	500
По случаю десятилѣтняго юбилея станицы, отъ представителей въ Комитетѣ по устр. бала слѣдующихъ казачьихъ организацій, по 50 франковъ:	
Л. Гв. Казачій Полкъ	
Л. Гв. Атаманскій Полкъ	
Л. Гв. Донская батарея	
Донской офицерскій резервъ	
О-во Донскихъ Артиллеристовъ	
Общество Дон. кадетъ	
Союзъ партизанъ - степняков	
Союзъ партизанъ-чернецовцевъ	
Атаманск. военн. училище	
Калмыцкая станица	
Обще-каз. станица въ Парижѣ	
Обще-каз. стан. въ Бійанкурѣ	
Обще-каз. касса взаимопомощи въ Бійанкурѣ	
всего	650
Итого	**2717 фр.**

КЪ ДРУЗЬЯМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ И РАСПРОСТРАНИТЕЛЯМЪ "СТАНИЦЫ"

Всѣхъ получившихъ этотъ номеръ просимъ прислать его стоимость — 2 франка французскими почтовыми марками, а изъ заграницы международными почтовыми купонами.

Къ получающимъ нашъ журналъ для распространенія, покорнѣйшая просьба произвести разсчетъ какъ за этотъ номеръ, такъ и за предыдущіе, кто еще не успѣлъ прислать разсчета, до 1 іюля.

Слѣдующій номеръ выйдетъ 15 іюля.

Простую, заказную и денежную корреспонденцію для "Станицы" направлять по адресу: **GOUSSEFF. 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15).**

КЪ ЮБИЛЕЮ НАШЕЙ СТАНИЦЫ

Въ воскресенье 13 мая состоится товарищескій обѣдъ по случаю исполнившагося 10-лѣтія со дня основанія станицы, въ ресторанѣ "1000 колоннъ", 20, рю де ля Гетэ (метро Монпарнассъ или Эдгаръ Кинэ), въ 7 часовъ вечера.

Приглашаются всѣ студенты - казаки, и ихъ друзья и знакомые. Стоимость обѣда по подпискѣ до 10 мая — 15 франковъ.

Въ обѣдѣ примутъ участіе наши почтенные казаки, представители общественности и прессы.

ВЪ МОНТАРЖИ

1 апрѣля с. г. по иниціативѣ казаковъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ проживающихъ въ г. Орлеанѣ, была отслужена торжественная панихида въ церкви въ Монтаржи по Вождямъ и Героямъ казачества:

Атаманамъ Калединѣ, Назаровѣ, Успенскомъ, Карауловѣ, Медяникѣ, Бирюковѣ, Дутовѣ, Ген. Бабіевѣ, М. Богаевскомъ, Бардижахъ, Ген. Корниловѣ и по всѣмъ офицерамъ и казакамъ павшихъ смертью храбрыхъ и на чужбинѣ умершихъ. Послѣ панихиды былъ отслуженъ молебенъ съ многолѣтіемъ. Атаманамъ "воинамъ" Африкану, Вячеславу и Герасиму и всѣмъ офицерамъ и казакамъ всѣхъ казачьихъ войскъ. На панихидѣ и на молебнѣ представляли Орлеанцевъ: терецъ, хорунжій Н. Г. Лозовскій и кубанецъ, подхорунжій Г. П. Шевченко. Церковь была полна молящихся. Торжественно звучали слова заслуженнаго протоіерея отца Өедора, настоятеля храма въ Монтаржи. Много молящимися было пролито искреннихъ слезъ въ молитвѣ къ Богу. Въ переполненномъ храмѣ было много казаковъ мѣстной (въ Монтаржи) обще-казачьей станицы, во главѣ съ ихъ представителемъ Атаманомъ Леоновымъ; были члены казачьяго кооператива. На рѣдкость прекрасно пѣлъ хоръ, наполовину составленный изъ дѣтей, и звонко звучали ихъ голоса, возносясь съ казачьей молитвой къ Богу.

Орлеанецъ

Бракосочетаніе Б. А. Богаевскаго

Въ воскресенье 22-го апрѣля въ Кафедральномъ Соборѣ Св. Александра Невскаго, на рю Дарю, состоялось бракосочетаніе члена Парижской студенческой Казачьей станицы, инженера-химика Б. А. Богаевскаго, сына Донского Атамана ген. лейт. А. П. Богаевскаго. Новобрачная — дочь полковника И. Л. Иванова, Н. И. Иванова.

Храмъ былъ переполненъ. Среди приглашенныхъ — виднѣйшіе представители русской колоніи Парижа.

Парижская студенческая казачья станица шлетъ сердечный привѣтъ молодымъ и желаетъ имъ долгихъ лѣтъ счастливой жизни.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ оказывается безвозмездно студентамъ - казакамъ почетнымъ старикомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5 до 7 час. вечера на 122, бульваръ Мюратъ (по запискамъ отъ правленія).

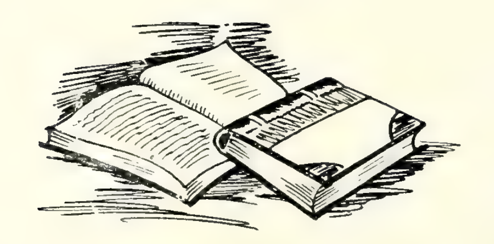
ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ при станицѣ подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго М. А. Адамова безвозмездно обслуживаетъ станичниковъ. Пріемъ ежедневно отъ 6 час. 30 мин. веч. до 8 час. веч. на рю де ла Конвансьонъ, № 85.

"КАЗАКЪ ЗА РУБЕЖОМЪ"

Вышелъ № 1-2 (16-17) "Казака за рубежомъ", органа объединенныхъ казачьихъ организацій въ Чехословакіи — обще-казачьихъ станицъ въ Братиславѣ, Брно, Прагѣ и Ужгородѣ.

И. Ф. ШИЛЬНИКОВЪ. "1-я Забайкальская Казачья Дивизія въ Великкой войнѣ 1914-18 г"

Книга вышла изъ печати и поступила въ продажу. Въ ней 200 страницъ, много фотографій, схемъ и картъ. Прод. у автора. Харбинъ, Бородинская ,75. Цѣна 1 гоби. Авторъ сообщаетъ, что "каждый купившій эту книгу дастъ возможность ему приступить къ печатанію второй книги: "Краткая Исторія Забайкал. Каз. войска".

Typographie Franco-Caucasienne
50, Faubourg du Temple, Paris XI.

Le Gérant: *Ch. Quénet*

СТАНИЦА

№ 11

STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS

6, rue des Fossés St-Bernard, Paris (5e)

Juillet 1934 **Prix : 2 frs**

Казачья выставка в 1934 г.

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

№ 11 ІЮЛЬ 1934 г. Годъ изданія 3-й

Отъ Донского Атамана

За время нашего пребыванія заграницей мнѣ удалось устроить 4 съѣзда представителей донскихъ организацій. По обстоятельствамъ того времени они были невелики и не имѣли характера засѣданій Войскового Круга (хотя въ Месемвріи, въ Болгаріи, присутствовали только его члены, но не въ полномъ составѣ). Эти съѣзды принесли свою пользу, выяснивъ всю обстановку, въ какой въ то время находились казаки въ разныхъ странахъ, высказавъ ихъ пожеланія; съ моей стороны были даны всѣ необходимыя разъясненія и предположенія. Всѣ участники съѣздовъ отнеслись къ нимъ внимательно и добросовѣстно

Нынѣшней осенью предполагается устроить въ Парижѣ болѣе широкій общеказачій съѣздъ, при участіи представителей отъ всѣхъ казачьихъ Войскъ, которые будутъ имѣть возможность присутствовать на немъ. Накопилось много общихъ вопросовъ, требующихъ согласнаго рѣшенія, нужно сообща обдумать, что дѣлать дальше, чтобы, несмотря на наше разсѣяніе по всему свѣту, поддерживать крѣпкую связь между собой.

Съѣздъ былъ назначенъ на конецъ мая, но пришлось его отложить, благодаря моей болѣзни и невозможности для Кубанскаго и Терскаго Атамановъ — пріѣхать въ Парижъ.

Въ настоящее время, подъ предсѣдательствомъ Ген. Акулинина, идетъ дѣятельная подготовка общихъ докладовъ для съѣзда и собираются заявленія и пожеланія отъ станицъ, хуторовъ и др. казачьихъ организацій съ мѣстъ. Ихъ собрано уже больше 100. Все это — далеко нелегкая работа.

Конечно, не изъ всѣхъ странъ нашего разсѣянія смогутъ казаки пріѣхать въ Парижъ, но здѣсь мы постараемся распространить среди казачества все, что удастся сдѣлать полезнаго на съѣздѣ. Меня радуетъ, что, за немногими исключеніями, казаки отнеслись внимательно къ моему призыву, и я надѣюсь, что съѣздъ принесетъ пользу...

И дай Богъ, чтобы онъ былъ послѣднимъ заграницей!

Ген. Богаевскій

ОТЪ КОМИССІИ ПО СОЗЫВУ ОБЩЕКАЗАЧЬЯГО СЪѢЗДА

На расходы по созыву Общеказачьяго Съѣзда съ 20 іюня по 15 іюля поступило:

отъ Калмыцкой казачьей станицы въ Парижѣ	50	франковъ
" Калмыцкаго отдѣла казаковъ комбатантовъ въ Парижѣ	50	"
" Объединенія Гундоровскаго полка въ Ривъ	25	"
" Туркуанской Общеказачьей станицы	41,50	"
" Группы казаковъ въ "Домбашъ ля Виль" (Полк. Данилевскій и казаки Воронковъ и Синиловъ по 5 фр.)	15	"
" Бургасской Общеказачьей станицы изъ Болгаріи	50	"
" Месемврійско - Красновской станицы изъ Болгаріи	50	"
" Старо - Загорской Общеказачьей станицы изъ Болгаріи	275	бол. лев.
Всего поступило	281,50	франк.
и	275	бол. лев.

Всего на расходы по созыву Общеказачьяго Съѣзда съ полученными до 20 іюня поступило: 1991 фр. 50 сант., 1 американскій долларъ и 275 болг. лева.

Казначей Комиссіи по созыву Общеказачьяго Съѣзда
Сотникъ *Самсоновъ*

17 іюля 1934 года.

УРАЛЪ

Уралъ, привольный и глубокій!
Уралъ, бушующій волной!
Люблю я берегъ твой высокій,
И водъ твоихъ разливъ широкій,
И волнъ сѣдыхъ крутой прибой!
И, сладкимъ чувствомъ упоенный,
Люблю смотрѣть на вскрытый ледъ,
Когда весною, раздробленной,
Онъ къ безднамъ Каспія плыветъ.
И, ударяясь съ страннымъ шумомъ
О льдину льдина, какъ гора
Вдали встаетъ изъ серебра,
И въ томъ смятеніи угрюмомъ
Плыветъ съ утра и до утра!
Люблю, когда по влагѣ зыбкой
Скользитъ уютная ладья
Безъ парусовъ и безъ руля!...
Съ какою радостной улыбкой
На ней безпечный рыболовъ
Плыветъ куда-то... И готовъ
Ужъ бросить онъ въ родныя воды
Свою ячеистую сѣть,
И, на красу своей природы,
Съ любовью дѣтскою смотрѣть!
Люблю въ дали твоей я сонной
Едва замѣтный островокъ,
Гдѣ тлѣетъ поздній огонекъ,
Гдѣ рыболовъ неугомонный,
Раскинувъ неводъ на песокъ,
Ждетъ, какъ затеплится востокъ!
Люблю смотрѣть на вереницы.
Залетныхъ птицъ изъ южныхъ странъ,
Когда ихъ странный караванъ,
Прорѣзавши сѣдой туманъ,
При блескѣ утреннемъ десницы,
Закроетъ дальній твой Лиманъ;
Какую чувствуетъ отраду
Моя душа, горя огнемъ,
Когда подкрадусь я тайкомъ
Съ своимъ охотничьимъ ружьемъ.
Къ шумливому такому стаду?!
Ужъ сряду нѣсколько вѣковъ
Лелѣешь ты своихъ сыновъ
На берегахъ твоихъ привольныхъ:
Всегда лихихъ, отважныхъ, вольныхъ
Тебя любящихъ казаковъ!
Близь ихъ станицъ — поля родныя,
Бахчи и нивы золотыя,
Съ травой поемные луга;
А по лугамъ видны наметы —
Изъ сѣна стройные стога,
И разныхъ величинъ ометы...
Люблю родные берега!
На нихъ здѣсь роща вѣковая;
Тамъ груды золотыхъ песковъ
Идутъ излучисто, внимая
Плесканью шумному валовъ;
А тамъ хребты недвижной цѣпью
Семьею дружною встаютъ...
Какихъ причудъ не встрѣтишь тутъ?!
За нимъ-же, разстилаясь степью,
Поля обширныя цвѣтутъ!
По нимъ разбросаны небрежно
Коши киргизскихъ удальцовъ,
Среди ихъ дикихъ табуновъ
Пасомыхъ вѣрно и прилежно...
Какъ часто я между киргизъ
Любилъ сидѣть въ кибиткѣ дымной,
Гдѣ мнѣ сосѣдъ гостепріимный
Не разъ свой подносилъ кумызъ!...
Еще въ младенческія лѣта
Тобой плѣненный, я, Уралъ,
Запомнилъ всѣ твои примѣты
И звукамъ волнъ твоихъ внималъ!
Я счастливъ былъ, когда впервые
Я берега твои крутые
Въ умѣ незрѣломъ начерталъ!
Ты былъ мой первый идеалъ, —
Когда я отрокомъ безпечнымъ,
Весломъ играя, по рѣкѣ,
Порой съ волненіемъ сердечнымъ,
Скользилъ на легкомъ челнокѣ,
Когда, близь водъ твоихъ игривыхъ,
Я въ рощахъ слушалъ соловья
Какъ много дней тогда счастливыхъ
Провелъ въ тѣни прохладной я!
Какъ я любилъ въ водахъ завѣтныхъ
Бывало съ рѣзвою толпой
Друзей веселыхъ и привѣтныхъ,
Купаться лѣтнею порой!
Но не любилъ плотовъ плывущихъ
Я на твоихъ волнахъ могучихъ:
Они скрипя и день, и ночь,
Плывя съ верховъ на низъ далекій
Своей бабайкою широкой
Пугали птицъ и гнали прочь
Любимыхъ рыбъ моихъ! Донынѣ
Объ удовольствіяхъ своихъ
Нельзя забыть, какъ о святыхъ!...
Катись, Уралъ, мой другъ безцѣнный!
Несись въ таинственную даль!
Бунтуй волною неизмѣнной
И свѣй съ души моей печаль.

К. Калачевъ

("Казачій Вѣстникъ" 1884 г.).

ИВАНЪ ЛУКАШЪ

ЧАСЫ ЛЮДОВИКА

Разсказъ

Не такъ давно мнѣ довелось быть въ Митавѣ, въ этой глухой курляндской столицѣ. Время не коснулось ея, прошло мимо, и Митава, со своими острыми крышами въ красныхъ черепицахъ, съ легкими домами стариннаго рококо, со своими колонками на фронтонахъ и съ базарной площадью, какъ будто замерла въ осемнадцатомъ вѣкѣ.

Не трудно представить, какъ по базарной площади, по этимъ квадратнымъ каменьямъ, глухо гремѣли громадныя кованныя колеса краснаго, съ черными гербами, возка герцогини Анны, которая тронулась отсюда въ Московскую Имперію, или какъ бѣжалъ тутъ, припрыгивая по-пѣтушиному, сухонькій россійскій фельдмаршалъ съ полубезумными глазами и съ растрепанными, жидкими буклями.

Закинувъ до подбородка черный бархатный плащъ и морщась отъ сѣвернаго вѣтра, шагалъ тутъ, бормоча нѣчто, быть можетъ, заклиная духовъ, тучный, съ крючковатымъ носомъ, магъ и великій египетскій кофта, самъ графъ Каліостро. Московскій розенкрейцеръ и мартинистъ Иванъ Шварцъ въ здѣшней масонской ложѣ искалъ когда-то орденскихъ тайнъ Розы и Креста, а дряхлый Биронъ, скорченный геморроидами, въ сибирской заячьей шубкѣ, вернулся сюда на покой. Революція, толпа солдатской черни, черезъ столѣтіе, нарушила герцогскій покой: изъ душнаго и сухого склепа подняли изсохшую мумію Бирона, зловѣщія мощи въ коричневомъ бархатномъ кафтанѣ, съ алмазной звѣздой. Столѣтняго мертвеца приставили къ стѣнкѣ и разстрѣляли...

Полна привидѣній таинственная, глухая Митава...

И это было въ вѣтренный мартовскій день 1797 года, когда россійскій губернаторъ и вице - губернаторъ, цехи и Софійскій мушкетерскій полкъ, выстроенный параднымъ фрунтомъ, встрѣчали въ Митавѣ тяжкую, облѣпленную глиной, дорожную карету короля Людовика Осемнадцатаго, претендента на французскій престолъ, опрокинутый революціей.

Бродячій король прибылъ въ тихую Митаву по милости императора Павла. Съ королемъ пришло сто человѣкъ garde du corps, старыхъ королевскихъ гвардейцевъ въ поношенныхъ мундирахъ. Старики выстроились передъ Софійскими мушкетерами и привѣтствовали въѣздъ короля нестройными криками «Vive le Roi».

За тяжкой каретой, съ ободранной обшивкой желтой кожи, тянулись сани и возки съ королевскимъ дворомъ, канцлеромъ, оберцемонійместеромъ, шталмейстерами, министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Сенъ-При, военнымъ министромъ графомъ Шапель, — весь этотъ бродячій маскарадъ, мишень для насмѣшекъ, вся эта свита призраковъ при дворѣ привидѣнія.

Въ Митавскій замокъ, къ королю, вскорѣ прибыла и Madame Royale, принцесса Марія-Тереза-Шарлотта, дочь казненнаго Людовика Шестнадцатаго, сестра несчастнаго дофина Франціи. Императоръ Павелъ обѣщалъ своему гостю: "Государь, братъ мой, королевская принцесса будетъ вамъ возвращена, или я не буду Павелъ 1, — и выполнилъ въ точности свое обѣщаніе.

Madame Royale вѣнчалась въ Митавѣ съ герцогомъ Ангулемскимъ. Бѣлыя лиліи королевскаго дома собрались въ курляндской столицѣ, чтобы замерзать въ варварскихъ снѣгахъ. Суровая, сѣверная Имперія — стала домомъ изгнанія.

Тогда, на Волыни, послѣднія войска эмигрантовъ переносили свое "Галлиполи". На Волыни сталъ пѣшій полкъ принца Кондэ, въ Луцкъ пришелъ батальонъ герцога Бурбона, пять эскадроновъ д-Ейгета и послѣдняя артиллерійская рота. Въ Ковелѣ стали два батальона Гогенлоэ, а во Владимірѣ - Волынскомъ — конный полкъ де-Бари. Французы носили русскіе мушкетерскіе и драгунскіе мундиры, только на шапкахъ гренадеръ Бурбона были сохранены королевскія лиліи.

Императоръ Павелъ не отказывалъ въ гостепріимствѣ и "раскаяннымъ якобитамъ", онъ даже принималъ въ Гатчинѣ самое "исчадіе революціи", мятежнаго генерала Демурье, измѣнившаго конвенту. Бѣжавшій якобинскій генералъ жилъ въ Санктпетербургѣ. А въ пасмурной Гатчинѣ занимали тогда караулы швейцарскія роты, послѣдніе двѣсти человѣкъ Швейцарской Гвардіи, которая защищала въ Парижѣ короля Людовика Шестнадцатаго.

Я былъ въ Митавѣ, чтобы отыскать усыпальницу аббата Эджеворта де - Фирмонъ, духовника казненнаго короля.

У Анненскихъ воротъ, — такъ, по памяти о старинныхъ воротахъ, — называется въ Митавѣ безлюдная и пыльная улица, я встрѣтилъ сѣдую даму и дѣвушку.

Дама растолковала мнѣ дорогу къ запущенному кладбищу, а дѣвушка оказалась глухонѣмой. Я помню ея внезапное и жалостное мычанье. Дама сказала мнѣ:

— Она прощается съ вами и желаетъ удачи.

На кладбищѣ я увидѣлъ тяжелые, каменные кресты старообрядцевъ, — осьмиконечныя и неуклюжія глыбы, на которыхъ высѣчены длинныя буквы, какъ будто всегда "Ісусъ", — поросшія чернымъ мхомъ. И только надобно перепрыгнуть канаву, полную прѣлыхъ листьевъ, чтобы изъ сумрачной Московіи попасть на кладбище Европы, къ католикамъ.

Тамъ и нашелъ я часовню аббата Эджеворта, шотландца съ горячими глазами, который на самой гильотинѣ отпустилъ грѣхи Людовику Шестнадцатому. Исторія помнитъ напутственныя слова аббата: "Сынъ Людовика Святого, ты восходишь на небеса".

Въ часовнѣ проржавѣла дверь, а стекла въ паутинѣ и разбиты. Въ полутьмѣ, сквозь рѣшетку, я видѣлъ заступы и кирки кладбищенскаго сторожа, сваленныя у дверей, и узкій престолъ вглубинѣ, съ двумя католическими трисвѣчниками: восковыя свѣчи поломаны, постарѣли отъ пыли. У престола, на землѣ, чернѣетъ узкая доска надгробія, а по стѣнамъ почернѣвшія ленты давно засохшихъ вѣнковъ.

Покойный гр. Генрихъ Шамберъ, послѣдній въ старшей линіи Бурбоновъ, привозилъ въ Митавскую усыпальницу бѣлыя лиліи, но теперь, какъ видно, аббатъ двухъ королей крѣпко забытъ всѣми во Франціи. Онъ скончался въ Митавѣ, во второе тамъ пребываніе короля - претендента, въ 1807 году, отъ тифозной горячки, которой заразился, посѣщая раненыхъ и больныхъ французовъ, плѣнныхъ солдатъ Фридландскаго сраженія. Солдаты революціи и маленькаго Бонапарта не желали видѣть короля и смѣялись надъ его придворными, надъ этими каррикатурами стараго режима, никому ненужными чучелами, которыя, оказывается, еще существуютъ на свѣтѣ. Но передъ старымъ аббатомъ съ сѣдой головой, гдѣ свѣтилось пятнышко тонзуры, солдаты Бонапарта разступались молча и пропускали его къ своимъ больнымъ.

Въ стѣнѣ часовни есть черная доска, которую я тоже видѣлъ въ пыльныхъ потемкахъ. Тамъ вырѣзана латинская эпитафія, сложенная въ честь аббата братомъ короля - изгнанника: "Здѣсь покоится достопочтенный Эссексъ Эджевортъ де-Фирмонъ, священникъ Святой Божьей Церкви, генеральный викарій Парижскаго прихода, который, слѣдуя по стопамъ Искупителя нашего, былъ окомъ для слѣпыхъ, опорой для хромыхъ, отцомъ бѣдныхъ, утѣшителемъ страждущихъ. Людовика 16-го, преданнаго смерти нечестивыми и возмутившимися подданными, онъ подкрѣплялъ въ послѣднюю минуту испытаній и указалъ мужественному страдальцу разверстыя небеса"...

А когда я бродилъ, между колючей проволокой и грудами кирпичей, у пышныхъ и грандіозныхъ чугунныхъ воротъ, у развалинъ — все еще громадныхъ и великолѣпныхъ, — нѣжнорозовыхъ развалинъ Бироновскаго дворца, — я представлялъ себѣ Людовика - Изгнанника, этого добродушнаго бродягу - короля, толстяка и подагрика, въ синемъ ватошномъ сюртукѣ, со звѣздой Святого Духа, что годъ за годомъ, десятилѣтіями, ждалъ возвращенія во Францію, и, наконецъ, дождался.

Въ 1797 году уже стоялъ обветшалымъ Бироновскій дворецъ. Пустынный четырехугольный дворъ, посыпанный желтымъ пескомъ, точно казарменный плацъ. Окна кое-гдѣ разбиты, а въ гулкихъ залахъ мало печей, и камины ѣдко дымятъ. Эмиссары суроваго Московскаго императора скупо отпускаютъ королевскому двору сырыя полѣнья.

Нечистая лѣстница ведетъ въ покои Людовика. Тамъ потертыя и оборванныя мебели. Стѣны обтянуты изодранными штофными обоями. Тускло блеститъ кое-гдѣ золоченый узоръ. На лѣстницѣ мѣняетъ караулъ угрюмая и величавая garde du corps и гремятъ кованые приклады.

Эта гвардія короля, старики съ породистыми и сухими лицами, эти гвардейцы въ заношенныхъ, платанныхъ кафтанахъ и въ старыхъ синихъ фракахъ, — еще съ тѣхъ дней, какъ ушли изъ отечества, зашили въ подкладку орденъ Духа Святого — золотой крестъ въ бѣлыхъ эмаляхъ, а по угламъ — бѣлыя лиліи. Паритъ на крестѣ серебряный голубь и надъ нимъ девизъ рыцарей Франціи: Duce et auspice.

Людовикъ, Sa Majesté très Chretienne, уже который день страдаетъ подагрой. Его распухшая, обверченная ватой нога лежитъ на табуреткѣ. Король дремлетъ въ вольтеровскихъ креслахъ. Съ нимъ рядомъ сидитъ герцогиня Ангулемская, дочь казненнаго короля. Герцоги-

ня высокая и тощая, какъ скелетъ. Она вся въ черномъ, она въ неснимаемомъ трауръ по отцу и матери, мученикамъ французскаго народа, и по брату - дофину, маленькому арестанту Тампля, котораго палачъ Симонъ, башмачникъ, билъ сапожной колодкой по худымъ, дѣтскимъ плечамъ.

Аббатъ Эджевортъ де-Фирмонъ съ герцогомъ играютъ вечернюю партію въ трикъ-тракъ. Въ черномъ окнѣ варварская метель, тяжелый гулъ вьюги, косо проносятся хлопья снѣга. О, какъ дологъ вечеръ изгнанія...

Но съ весной 1799 года какъ будто ожили надежды митавскихъ отшельниковъ: императоръ Павелъ повелѣлъ двинуть сѣверныя войска на нечестивыхъ якобинцевъ. Весной 1799 года, въ чухонской телѣжкѣ, прискакалъ въ Митаву россійскій фельдмаршалъ Суворовъ. Онъ переночевалъ въ гостиницѣ "Петербургъ", что на базарной площади, а по-утру посѣтилъ замокъ.

Сухонькій старичекъ въ неуклюжихъ ботфортахъ и въ криво надѣтомъ шарфѣ, звеня кольцами шпаги, попрыгивая, проворно бѣжалъ черезъ базарную площадь. Вѣтеръ металъ его жидкіе волосы.

На валу, у замка, онъ замахалъ на французскихъ гвардейцевъ шляпой и прокричалъ по-русски, зажмуривъ глаза:

— Да здравствуетъ честная королевская гвардія!

Старики, поднявъ ружья, бодро прокричали — «Vive le Roi!»

Людовикъ Осемнадцатый записалъ свою встрѣчу съ фельдмаршаломъ. Суворовъ ему, кажется, не понравился — "полудикій герой, оригинальная смѣсь чудака съ дальновидностью тонкаго и проницательнаго ума, худой, невзрачный на видъ, съ хитрыми глазами, — мечъ Россіи, страшилище турокъ, гроза поляковъ", — но въ покоѣ, съ ободранными штофными обоями, король встрѣтилъ фельдмаршала пышными, парадными словами:

— Господинъ фельдмаршалъ, шпага ваше орудіе, коимъ Провидѣніе караетъ враговъ монарховъ.

И Суворовъ отвѣчалъ парадно, хотя и съ ужимками, почихивая и пощелкивая пальцами.

— Надѣюсь, государь, потратить не слишкомъ много пороху для изгнанія жакобеновъ изъ Италии и прошу ваше величество дозволить мнѣ назначить вамъ свиданіе въ будущемъ году во Франціи. Полагаю надежду на Святителя Николая и волю Божію...

Волынскіе батальоны, эмигрантскія войска, были съ Суворовымъ и въ Италіи, и на Альпахъ. На Нови и на Требіи, въ пеклѣ атаки, эмигранты кричали якобинскимъ каррэ — "Сдавайтесь, несчастные!", но якобинцы встрѣчали эмигрантовъ ожесточеннымъ огнемъ.

Въ 1807 году, когда королю - скитальцу довелось быть снова въ Митавѣ, у него уже не было войскъ: послѣдніе драгуны и гренадеры перешли въ полки императора Наполеона.

Но герцогиня, похожая на черную птицу, и добродушный король умѣли ждать и они дождались Парижа: митавскій призракъ сталъ французскимъ королемъ. Потомъ они умерли. Потомъ были еще революціи. Онѣ тоже отгремѣли и люди ихъ умерли. А въ Митавѣ, по странной судьбѣ, остались часы казненнаго короля Людовика Шестнадцатаго, карманные золотые часы со стеклами. У нихъ выпуклый циферблатъ, въ эмали съ обѣихъ сторонъ, и на одной сторонѣ — часы и минуты, а на другой — дни, мѣсяцы, числа и фазы луны. Тамъ же и надпись часового мастера: «Giroudal fils, à Spa».

Когда Людовикъ Шестнадцатый, 21 января 1793 года, взошелъ на эшафотъ, эти часы были въ карманѣ королевскаго комзола. Палачъ Сансонъ принялъ отъ короля часы, булавку и запонки голландской рубахи.

За двѣсти луидоровъ часы казненнаго короля достались отъ палача принцу Рогану, отъ него перешли къ гроссмейстеру Мальтійскаго ордена, оттуда къ кавалеру Хуссей, и отъ кавалера Хуссей къ россійскому графу Викентію Рачинскому, комадору Мальтійскаго ордена при гроссмейстерствѣ Павла I. А въ 1863 году внукъ Рачинскому, командору Мальтійскаго ордена притавскій музей.

Странный, тихій городъ въ Курляндіи, какіе призраки и какія тайны роятся въ его провинціальныхъ закоулкахъ и въ тишинѣ кладбищъ. И какая странная встрѣча была тамъ у меня — сѣдая дама и съ нею глухонѣмая дѣвушка, точно обѣ слетѣли съ забытыхъ страницъ Диккенса... Сѣдая старина и глухонѣмое прошлое: давно разбиты пыльныя стекла въ митавской усыпальницѣ аббата де-Фирмона, а въ музеѣ, подъ пылью, сквозятъ тонкой позолотой замолкшіе часы короля.

Иванъ Лукашъ

Юбилейный банкетъ

Десять лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ возникло "Общество взаимопомощи студентовъ казаковъ".

Образованіе этой новой казачьей организаціи такъ понятно, что говорить здѣсь объ этомъ не приходится. Необходимо лишь отмѣтить, что организаторами его были преимущественно казаки, работающіе на фабрикахъ и заводахъ. По собственному почину, путемъ высокаго ежемѣсячнаго самообложенія они поддержали студентовъ и помощь эта была замѣтна — въ первый же годъ они обезпечили десять стипендій.

Это ли не подвигъ въ нашъ вѣкъ!

Эту взаимную казачью выручку вовремя поддержали: Донской атаманъ ,казачьи организаціи, русская общественность, а также частныя лица.

Число студентовъ съ каждымъ годомъ увеличивалось и вскорѣ они образовали самостоятельную Парижскую Студенческую станицу.

Въ дѣлѣ оказанія помощи Станицѣ особое и почетное мѣсто принадлежитъ г. Аббату Кенэ. Бывшій студентъ Кіевскаго университета, а нынѣ викарій Парижскаго Архіепископа, Аббатъ Шарль Кенэ, въ теченіе долгихъ лѣтъ безкорыстно оказываетъ помощь и является покровителемъ Станицы. Благодарные студенты избрали его почетнымъ казакомъ своей Станицы, оффиціально утвержденнымъ приказомъ по войску Донскимъ атаманомъ ген. Богаевскимъ.

За десять лѣтъ Станица достигла большихъ результатовъ и теперь вступая во второе десятилѣтіе, рѣшила отмѣтить эту дату.

10 лѣтъ — срокъ для юбилея незначительный, это лишь юридическій "срокъ давности", но если принять во вниманіе ту энергію, съ которой студенты пріодолѣли всѣ трудности для осуществленія своей цѣли, то будетъ понятно, почему они рѣшили отмѣтить свой скромный юбилей.

Точная дата 1 января 1924 года, когда въ этотъ день впервые зародилось "Общество взаимопомощи".

***

13 мая, въ 8 часовъ, въ ресторанѣ "1000 колоннъ" — былъ устроенъ банкетъ Здѣсь студенты и атаманъ Станицы проявили себя не только гостепріимными хозяевами, но и хорошими организаторами, умѣющими со вкусомъ обставить свой праздникъ.

Среди приглашенныхъ присутствовали: предсѣдатель РОВС генералъ Миллеръ, командиръ Донского корпуса ген. Абрамовъ, ген. Черячукинъ, почетный казакъ Станицы г. Аббатъ Кенэ, представители французскихъ газетъ: Фигаро, Эко де Пари и Ла Круа, почетный старикъ Станицы — докторъ И. С. Чекуновъ, старѣйшій донской казакъ и видный казачій дѣятель И. Н. Ефремовъ, дамы, делегаціи отъ Об-ва Донскихъ Кадетъ, бывшіе студенты, и члены Станицы.

Оффиціальная часть банкета началась привѣтственнымъ словомъ ген. Черечукина, который отъ имени отсутствовавшаго изъ-за болѣзни Донского атамана, передалъ поздравленіе Станицѣ и пожеланія успѣха въ дальнѣйшей работѣ на пользу роднымъ Краямъ.

Какъ это бываетъ на казачьихъ праздникахъ, всегда готовый изъ присутствующихъ хоръ стройно исполнилъ Донской гимнъ. Ген. Миллеръ, въ краткихъ, но съ большимъ подъемомъ произнесенныхъ словахъ подчеркнулъ значеніе казачьей сплоченности, результаты которой сказались и въ организаціи помощи студентамъ. Призывъ ген. Миллера за скорѣйшее освобожденіе Родины, былъ покрытъ дружными криками Ура!

Ген. Абрамовъ, отдавъ должное студентамъ-парижанамъ, подробно ознакомилъ съ положеніемъ учащихся казаковъ въ Болгаріи, Сербіи и Чехословакіи, подчеркнувъ при этомъ общій духъ и стремленія среди казачьяго студенчества заграницей.

Дружное пѣніе традиціонной пѣсни "Многи лѣтъ войску Донскому" было отвѣтомъ студентовъ на призывъ командира корпуса.

Въ блестящей, задушевной рѣчи И. Н. Ефремовъ вспомнилъ свои студенческіе годы. Убѣленный сѣдинами, прекрасный ораторъ Государственной Думы, первый министръ изъ казаковъ и достойный представитель былой донской "старшины" И. Н. своимъ словомъ, то на русскомъ, то на французскомъ языкахъ, перенесъ всѣхъ присутствующихъ въ былое прошлое. Затѣмъ, обращаясь въ сторону представителей французской прессы, напомнилъ эпизодъ, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, донское землячество при Московскомъ университетѣ, проникнутое демократическими началами, въ порывѣ исканій права и свободы обратилось къ Парижскому студенчеству съ привѣтствіями и получило отъ него созвучный отвѣтъ.

Перечисливъ рядъ выдающихся казаковъ, выдвинувшихся на культурномъ поприщѣ, И. Н. закончилъ свое слово патріотическимъ стихотвореніемъ, посвященнымъ славѣ сѣдого Дона.

Членъ Станицы П. Н. Поляковъ, на отличномъ французскомъ языкѣ прочелъ заранѣе составленный отчетъ о зарожденіи и дѣятельности Станицы, подчеркнувъ при этомъ исключительную роль и дѣятельность въ жизни Станицы г. Аббата Кенэ.

..."И эта десятилѣтняя дружба наша съ Аббатомъ Кенэ, никогда и ничѣмъ не омраченная, является и сегодня значительной частью нашего юбилея".

Здѣсь П .Н. Поляковъ, принужденъ былъ прервать свою рѣчь, ибо аплодисменты превратились въ продолжительныя оваціи.

Далѣе, продолжая читать рѣчь, П. Н. обратился спеціально къ представителямъ французскихъ газетъ, указавъ на то, что казаки теперь не только воины, о подвигахъ которыхъ знаетъ весь міръ, но они сильны своимъ бытомъ и культурой и что въ словѣ "казакъ", необходимо внести коррективъ современности.

"Мы просимъ, чтобы наши дорогіе французскіе гости, насъ поняли и убѣдились, что наша работа причастна къ общей культурѣ, свѣтомъ которой озарены и мы (казаки). Гдѣ же, какъ не въ гостепріимной и свободной Франціи, могла бы умѣстно прозвучать правда о казакахъ".

Чтеніе свое онъ закончилъ благодарнымъ тостомъ: "Вивъ ля Франсъ".

Къ сожалѣнію изъ за недостатка мѣста нельзя полностью привести эту рѣчь, въ которой исчерпывающе освѣщена вся дѣятельность Станицы за десять лѣтъ.

Пѣніе традиціонныхъ пѣсенъ, рѣчи, русскій національный и казачьи флаги и портреты почетныхъ казаковъ украшавшіе стѣны зала, и сама по себѣ вся обстановка, — все это вдохновляло всѣхъ присутствующихъ и придавало уютъ и сердечность этому собранію.

Въ послѣдующихъ рѣчахъ и взаимныхъ здравицахъ въ честь присутствующихъ начальствующихъ, почетныхъ лицъ и гостей, главное вниманіе удѣлялось Аббату Кенэ.

Отъ О-ва Донскихъ кадетъ, Аббату Кенэ за его постоянное вниманіе къ кадетамъ, предсѣдателемъ Общества С. В. Болдыревымъ, во главѣ всего Правленія, былъ поднесенъ художественной работы адресъ, исполненный въ краскахъ кадетомъ В. Ивановымъ и Н. Воронцовымъ, написанный въ старомъ русскомъ стилѣ.

Въ заключеніе, атаманъ Станицы П. В. Гусевъ, прочелъ краткій докладъ - отчетъ за десять лѣтъ, изъ котораго видно, что Станица помимо изысканія средствъ на стипендіи, издаетъ въ теченіи 3 лѣтъ свой журналъ "Станица", изъ числа студентовъ окончило 74 человѣка получивъ по различнымъ спеціальностямъ званіе инженеровъ, въ Станицѣ періодически устраиваются лекціи и доклады, упомянулъ о безвозмездной помощи: медицинской — докторомъ И. С. Чекуновымъ и юридической — М. А. Адамовымъ.

Адресъ Донскихъ кадетъ

Закончивъ чтеніе отчета П. В. Гусевъ, обращаясь съ благодарностью отъ имени студентовъ, просилъ Аббата Кенэ принять ихъ скромный подарокъ — въ роскошномъ переплетѣ комплектъ выпущенныхъ до сего времени номеровъ журнала студентовъ - казаковъ "Станица".

Аббатъ Кенэ въ отвѣтъ на всѣ тосты и рѣчи, благодарилъ за то исключительное вниманіе в этотъ вечеръ къ нему, подтвердивъ о той искренней дружбѣ которая существуетъ между студентами и имъ, вспомнилъ нѣкоторые характерные эпизоды изъ жизни Станицы и въ этомъ мѣстѣ онъ говорилъ съ такимъ остроуміемъ, что залъ часто прерывалъ его взрывами смѣха. Онъ говорилъ на чистомъ русскомъ языкѣ, и французскіе гости, хотя не понимали, любезно улыбались. "Вы сами виноваты, что въ казачьемъ Парижѣ, до сихъ поръ не научились говорить по-русски". — шутливо замѣтилъ онъ своимъ соотечественникамъ.

На этомъ оффиціально закончился банкетъ. Многіе вставъ со своихъ мѣстъ, усѣлись группами по разнымъ столамъ; и началась дружная бесѣда, полилась казачья пѣсня. Ресторанъ огласился боевыми и бытовыми старинными пѣснями. Французскіе гости съ вниманіемъ вслушивались то въ протяжные, то веселые со свистомъ и подголоскомъ мотивы.

Не выдержалъ и старый казакъ — докторъ И. С. Чекуновъ, запѣвая "Поѣхалъ казакъ на чужби-

Казачья выставка въ Париж

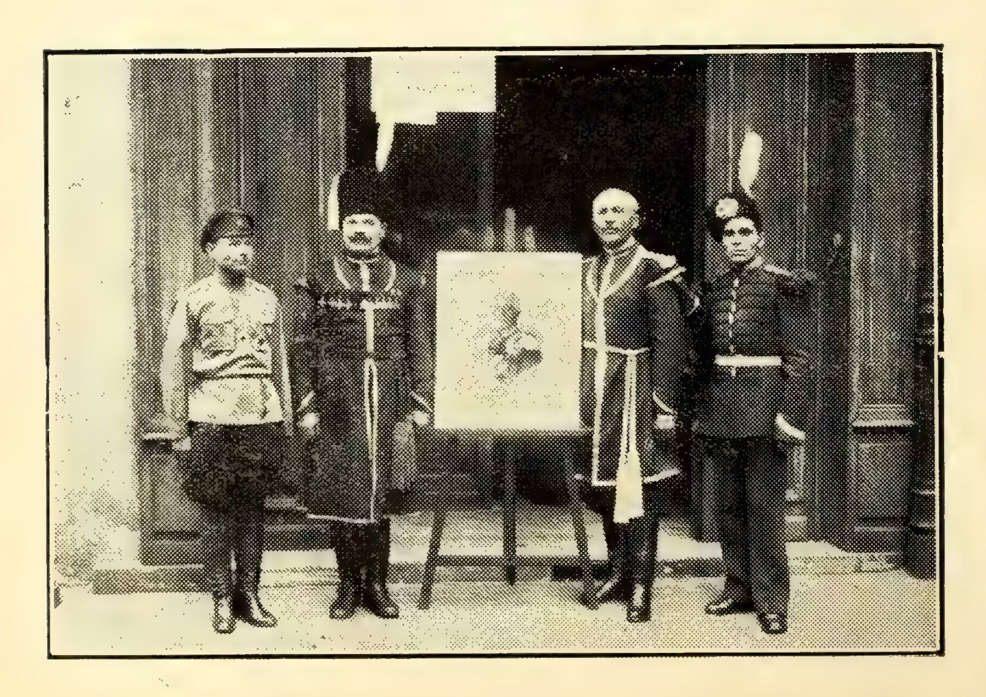
Выставочный Комитетъ во главѣ съ генераломъ А. В. Черячукинъ

Налѣво — стандъ Студенческой станицы

У входа: казаки въ формахъ Екатерины Вел., Александра П, и въ современной. Въ серединѣ группы портретъ Вел. Кн. Николая Николаевича — оригин. офортъ худ. Рундальцева, изъ коллекціи А. К. Семенченкова.

Каз. И. Г. Лещен

Рис. Е

[П]арижѣ 20-28 мая 1934 г.

[Ч]ерячук[о]ъ

КУБАНСКІЙ УГОЛОКЪ

Уральцы — рисунки и портреты худ. Л. Масянова. Ниже — керамика Писарева, рѣзьба и выжиганіе по дереву Лунева.

[Л]ещен[ко]

Рис. В. Горовой

Фото Н. Воронцова

ну далеко", поддержанный всѣми станичниками. Принесенный изъ дому, догадливыми студентами, граммофонъ, отдалъ должное духу времени и подъ бравурный фокстротъ замелькали танцующія пары.

Было такъ уютно и просто, что не хотѣлось уходить и только черезъ широко раскрытыя окна, врывалася въ разгоряченную атмосферу зала, свѣжая, прохладная темнота быстро наступающей парижской ночи, подсказывала что нужно торопиться, дабы не опоздать на послѣднее "метро".

С. Болдыревъ

Статья французской газеты „ЛЯ КРУА"

Въ номерѣ газеты "Ля Круа" отъ 19-го мая с. г. помѣщена статья, посвященная десятилѣтію нашей станицы, въ которой помимо свѣдѣній о жизни организаціи студентовъ - казаковъ въ Парижѣ, говорится:

— "Конецъ этого учебнаго года станица отмѣтила банкетомъ съ участіемъ многихъ гостей. Въ концѣ обѣда, прошедшаго въ атмосферѣ дружбы, было произнесено нѣсколько тостовъ въ честь гостепріимной Франціи.

Самая трогательная манифестація была въ честь Аббата Кенэ, такъ хорошо умѣвшаго понять студентовъ - казаковъ, которымъ онъ много помогаетъ. Они преподнесли ему прекрасно переплетенный сборникъ изъ всѣхъ номеровъ ихъ скромнаго журнала, со всѣми ихъ подписями. Аббатъ Кенэ отвѣчалъ имъ на отличномъ русскомъ языкѣ. Рѣчь его была покрыта продолжительными аплодисментами"...

Казачья выставка

Казаки, казаки, казаки!

Кто такіе казаки и что такое казачество?

Многіе россіяне, не говоря уже объ иностранцахъ, имѣютъ весьма скромныя понятія о казачествѣ — "жемчужинѣ Российской".

---

20 мая въ домѣ инженеровъ, на ул. Вареннъ № 18, открылась казачья выставка, давшая возможность любопытствующимъ почерпнуть многія свѣдѣнія о казакахъ въ ихъ историческомъ боевомъ служеніи России, бытовой жизни на родинѣ, жизни и работѣ въ изгнаніи.

Въ первый день открытія, въ 3 часа дня былъ отслуженъ молебенъ о. Д. Троицкимъ (Оренбургскимъ казакомъ), въ присутствіи многочисленной публики, среди которой: супруга Донского атамана Н. В. Богаевская, графиня Т. А. Келлеръ, генералы Миллеръ, Акулининъ, Шатиловъ, Малышенко, Алпатовъ, адм. Кедровъ, проф. Сватиковъ, и др.

Генералъ А. В. Черячукинъ, предсѣдатель комитета и инициаторъ организаціи выставки, отъ имени Донского Атамана, отсутствовавшаго по болѣзни, объявилъ выставку открытой.

Входъ на выставку украшали рослые донцы-гвардейцы въ формахъ временъ Екатерины Великой и Александра П, атаманецъ и армейскій казакъ, кубанцы въ живописныхъ черкескахъ. Въ вестибюлѣ арматура оружія и снаряженія, гравюры Оренбургскихъ казаковъ въ мундирахъ Имперіи. Въ первой залѣ направо, въ углу, устроилась "Лига Возрожденія Казачества", обильно представившая историческую и современную литературу, карты и картограммы о казачествѣ.

Въ шкафахъ работы дон. казака Евсѣева выставлены подъ стекломъ литературныя произведенія б. дон. атамана, ген. П. Н. Краснова, предоставленныя комитету издательствомъ Е. Сіяльской, нѣсколько книгъ о казачествѣ изъ магазина "Возрожденіе"; въ уютной нишѣ размѣстилась коллекція рѣдкихъ изданій, среди которыхъ такіе уники, какъ книга о Стенькѣ Разинѣ, вышедшая въ 1674 г., трудъ самого экспоната, проф. С. Г. Сватикова — "Донская исторія", и др.

Вотъ Кубанскій уголокъ, увѣнчанный иконой Покрова Пр. Богородицы, покровительницы запорожцевъ, ниже гравюры изъ былого славнаго прошлаго, еще ниже работы, подчасъ художественныя, особенно г-жи Короленко. Рядомъ астраханская казачка со своимъ стандомъ дамскихъ шляпъ. Въ углу возвышается большой портретъ Императора Николая П въ мундирѣ Л. Гв. казачьяго полка, на столѣ, подъ нимъ, кивера Атаманцевъ, арчакъ атамана Платова.

Во второй комнатѣ чертежи, рисунки и работы студентовъ - казаковъ.

Въ центрѣ ихъ станда помѣщена станичная икона Божіей Матери, написанная акварелью сту-

денткой В. П. Горовой. Ея же кисти принадлежитъ немало выставленныхъ рисунковъ, въ томъ числѣ автопортретъ, исполненный красками въ 2 часа, глядя на себя въ зеркало. На видномъ мѣстѣ портреты Атамана Каледина и почетныхъ казаковъ станицы: Донского Атамана ген. А. П. Богаевскаго, Аббата К. Кенэ и д-ра И. С. Чекунова.

Въ рамкахъ, подъ стекломъ, расположены пейзажи, портреты, цвѣты, эскизы декорацій русскихъ оперъ извѣстнаго художника - донца К. Попова. Его полотна привлекаютъ особое вниманіе всѣхъ посѣтителей выставки, особенно иностранцевъ.

Вотъ студенческія работы: инженера - электрика, кубанца Г. Зазули, проекты зданій и дорогъ студ. С. Иванова, проектъ устройства и постройки кинематографа студ. П. Ноздрина, экзаменаціонныя работы техниковъ - студентовъ изъ стали и мѣди. На столѣ папки различныхъ чертежей, изданныя станицей открытки - портреты А. М. Каледина, ихъ журналъ - трехмѣсячникъ "Станица", проникшій чуть ли не во всѣ углы казачьяго разсѣянія; сборникъ казачьихъ разсказовъ члена станицы В. С. Крюкова, подъ названіемъ "Родной Край", и пр. и проч.

Не успѣвъ собрать всего матеріала, по которому можно было бы судить о жизни студентовъ-казаковъ, ихъ работѣ и ихъ достиженіяхъ, станица все же сумѣла принять посильное участіе въ выставкѣ не только устройствомъ своего стенда, но и дѣятельнымъ участіемъ въ общей работѣ по подготовкѣ и проведенію казачьей выставки, для чего около десятка членовъ станицы предоставили себя въ распоряженіе выставочнаго комитета.

Въ той же комнатѣ выставлены ротаторныя работы, обувь, корсеты, игрушки, искусныя рукодѣлія, бѣлье, кустарныя издѣлія мастерской "Березка"; столъ фотографическаго ателье Воронцова и за нимъ открывается волшебный уголокъ гравюръ изъ собранія А. К. Семенченкова, представившаго всю казачью исторію въ художественныхъ, высокой цѣнности, старинныхъ картинахъ, гравюрахъ и книгахъ: портреты атамана Платова и его дочери, обѣщанной невѣсты любому, доставившему Наполеона въ руки атамана, казачій лагерь на Елисейскихъ поляхъ, представителей всѣхъ казаковъ въ формахъ Имперіи...

Уральская старина — въ изображеніяхъ художника, уральца Л. Масянова. Художественная рѣзьба по дереву и керамика Писарева и Лунева.

"Ино" — техническія изобрѣтенія и чертежи ихъ кубанца Иноземцева, среди которыхъ отмѣтимъ рудокопную лампу, которая испытывается въ настоящее время во французскихъ шахтахъ.

Середина зала занята издѣліями дамскими: казачекъ Лупилиной, Сабельниковой, и др. Центръ выставки украшаетъ мебель каз. Евсѣева, граммофоны, художественео - инкрустированной работы кубанца Карганова.

О моральномъ успѣхѣ выставки читатель узнаетъ въ этомъ номерѣ изъ статьи ген. Б. И. Хорошхина. Добавимъ, что за 8 дней выставку посѣтило около 2.000 человѣкъ. За это время казаками и казачками, выставившими свои вещи было выручено нѣсколько тысячъ франковъ, завязались дѣловыя знакомства, были получены заказы. Нѣсколько безработныхъ казаковъ, обслуживавшихъ выставку, получили за свой трудъ скромное вознагражденіе отъ Комитета. Небольшая сумма Комитетомъ препровождена въ распоряженіе Донского Атамана для больныхъ казаковъ. Не только всѣ участвовавшіе въ выставкѣ выразили желаніе вновь выставить свои произведенія на будущей выставкѣ, которую предполагается открыть въ первыхъ мѣсяцахъ буд. года, но поступаютъ многочисленныя заявленія и отъ новыхъ лицъ и казачьихъ предпріятій.

Выставка 20-28 мая имѣла "хорошую прессу". Не только русскіе газеты и журналы ("Возрожденіе", "Иллюстрированная Россія", "Послѣднія Новости") обратили вниманіе своихъ читателей на казачью выставку, но и французскія газеты посылали туда своихъ представителей, оставшихся въ восторгѣ отъ видѣннаго.

Такъ напримѣръ, "Пари-Миди", въ номерѣ отъ 21-го мая, пишетъ:

> — "Казаки не только хорошіе наѣздники. На выставкѣ можно полюбоваться на что они способны: это — маленькіе изобрѣтатели, которые заслуживаютъ участія въ конкурсѣ "Лепина"...

Жанъ Деляжъ въ "Эко де Пари" отъ 26-го мая, даетъ подробное описаніе почти всѣхъ отдѣловъ выставки.

> — "Очень трогательна выставка — пишетъ Ж. Деляжъ — тѣмъ, что въ ней любовно собрано все, что касается казачества и его привязанности къ историческому прошлому. А вотъ уголъ студентовъ - казаковъ, о которыхъ съ такой любовью заботится Аббатъ Кенэ...
>
> ...Эскизы декорацій изъ "Бориса Годунова" и "Пиковой Дамы", нарисованныя для русской парижской оперы казакомъ Поповымъ. Коллекція книгъ и журналовъ проф. Сватикова. Артистической работы изящныя дамскія рукодѣлія. Есть на выставкѣ даже казачья кондитерская (!) — сколько причинъ привлечь на выставку и лакомокъ и любителей искусства"...

ГЕН Б. И. ХОРОШХИНЪ

Послѣ выставки

Въ маѣ текущаго года, въ Парижѣ, была организована, съ согласія Донского Атамана и по иниціативѣ Ген. Лейт. Черячукина, первая "Общеказачья выставка".

Пріурочивая открытіе выставки къ предполагавшемуся казачьему съѣзду, иниціаторы ея поставили задачей показать на экспонатахъ казаковъ-земледѣльцевъ, ремесленниковъ, художниковъ и др, чему научились казаки за рубежомъ и, въ то же время, выставляя литературу, и предметы казачьей старины, любовно собранные за рубежомъ, картины художниковъ, воспроизводящія типы и бытъ славнаго прошлаго, — напомнить казачеству объ этомъ прошломъ, о томъ кѣмъ были казаки.

Цѣль же выставки была благотворительная — сборъ средствъ для больныхъ и престарѣлыхъ казаковъ.

И надо признать, что первая проба превзошла ожиданія, если сопоставить короткій срокъ, который въ силу необходимости былъ данъ для представленія экспонатовъ съ количествомъ самихъ экспонатовъ и ихъ несомнѣнной цѣнностью.

Ограниченная во времени ,разумѣется, выставка не отразила во всей полнотѣ казачьей приспособленности къ заграничной жизни и успѣховъ, достигнутыхъ во всѣхъ отрасляхъ трудовой жизни.

Важно отмѣтить то, что первый блинъ не только не оказался комомъ, но и пришелся по вкусу всѣмъ, кто за 10 дней существованія выставки, побывалъ на ней.

Итоги матеріальные, меня признаться, мало интересуютъ, а объ итогахъ иного порядка хочется написать нѣсколько словъ.

Мнѣ думается, что и самъ иниціаторъ и его энергичные сотрудники не ожидали того, чего они и не ставили себѣ въ задачу, но блестяще достигли — успѣха моральнаго.

Признаться откровенно, я, какъ и многіе другіе, въ первый день отправился на выставку, предубѣжденный тѣми, обычно пессимистическими разговорами, которые неукоснительно сопутствуютъ всякому начинанію въ Зарубежьи. Но, придя разъ, я продолжалъ приходить ежедневно, въ перерывахъ между работой, провести хотя бы нѣсколько минутъ, среди, дорогихь сердцу, образовъ прошлаго ,быть можетъ, невозвратнаго и со смѣшаннымъ чувствомъ опечаленной радости, присутствовалъ я при закрытіи выставки.

Печально было видѣть разрушеніе всего, что за 10 краткихъ дней радовало взоръ и будило, въ усталой душѣ, тягу къ минувшему величію нашей славы, но радостно было чувствовать, что данъ толчокъ къ тому, чего, до сего момента, никакіе съѣзды, союзы, конференціи и проч. комбинаціи не дали и дать не смогутъ — къ единенію и единству казаковъ.

И развѣ каждый казакъ, побывавшій на выставкѣ, по совѣсти, не скажетъ, что, входя въ залы выставки, онъ забывалъ, къ какой и чьей группировкѣ онъ принадлежитъ и чувствовалъ одно — что онъ **Казакъ** и кругомъ все свои братья-казаки. Что на него смотрятъ со стѣнъ изъ рамокъ дѣды и отцы и Атаманы, водившіе къ славѣ, что въ этихъ лихихъ атакахъ онъ видитъ себя и друзей своихъ полковыхъ, что портреты старыхъ казачекъ будятъ думы о домѣ, что въ грустныхъ, ласковыхъ глазахъ умученныхъ Царя и Наслѣдника нѣтъ упрека, а скорбь, ибо знаютъ Августѣйшіе Атаманы, какъ за преданность долгу и Родинѣ пострадали превыше всѣхъ казаки.

И, изо дня въ день, наблюдая и бесѣдуя съ казаками, я пришелъ къ окончательному убѣжденію, что ни біеніемъ въ грудь, ни патетическими воплями, ни полемической, доходящей до пасквильности, литературой, ни собраніями въ прокуренныхъ бистро, съ избитыми вопросами, съ надоѣвшими до тошноты одними и тѣми же говорителями, — творить дѣло казачьяго объединенія.

Двухъ маленькихъ залъ на рю Вареннъ оказалось достаточнымъ для того, чтобъ у памятниковъ казачьей старины, подъ недвижными, суровыми взорами доблестныхъ, ушедшихъ въ вѣчность героевъ казачьихъ, предъ изображеніями дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ — всѣ казаки, всѣхъ казачьихъ Войскъ, посѣтившіе выставку, нашли себя, ощутили свою принадлежность къ Единой великой семьѣ казачьей, съ радостью и гордостью видѣли труды сестеръ и братьевъ своихъ и въ мирныхъ бесѣдахъ, безъ ругани и рѣзкостей, уразумѣли свое Един**ство,** вѣками освященное. Всѣ были у себя дома, несмотря на свою принадлежность къ самымъ разнымъ политическимъ и территоріальнымъ убѣжденіямъ.

А лейтъ - мотивомъ всѣхъ разговоровъ было: "Эхъ, если бы былъ у насъ свой Обще-казачій Домъ. Постоянная выставка при немъ, библіотека и всѣ бы доклады и совѣщанія по нашимъ казачьимъ дѣламъ.

И въ этомъ "Эхъ" много знаменательнаго — оно, вѣдь, выражаетъ сожалѣніе, грусть — о чемъ? Да о томъ, что все, что дѣлалось до сихъ поръ было не то, что нужно.

Идея созданія Казачьяго Дома, когда то вынесенная изъ нѣдръ Общеказачьей студенческой станицы въ Парижѣ ея Атаманомъ, на выставкѣ нашла себѣ огромную поддержку и понеслась по периферіи казачьей.

Низкій поклонъ и казачье спасибо А. В. Черячукину и его всѣмъ сотрудникамъ за сдвигъ съ мертвой точки мысли казачьей.

Починъ долженъ найти себѣ творческое продолженіе и завершеніе въ созданіи Казачьяго Дома въ Парижѣ и такихъ же Домовъ по всему разсѣянію казачьему, чтобъ въ Домѣ этомъ каждый казакъ, какъ и во всякомъ домѣ, куда слетаются подъ Отчій кровъ дѣти, могъ въ кругу семьи дѣлить и радости и горе и найти поддержку.

Попробуемъ собрать нашу казачью семью, не изобрѣтая никакихъ наименованій, оказавшихся лишь теоретическими, вымученными и обманными, но создадимъ нашъ Казачій Домъ для нашего общенія, сплоченія и помощи другъ другу.

Б. Хорошхинъ

---

† И. Е. ГУЛЫГА

Въ Сербіи скончался на 75 году жизни Генеральнаго Штаба генералъ - лейтенантъ Гулыга Иванъ Емельяновичъ, послѣдній командиръ Кубанской Пластунской бригады, казакъ станицы Незамаевской Кубанскаго Казачьяго войска.

***

По окончаніи Ставропольскаго Казачьяго юнкерскаго училища, покойный былъ назначенъ въ 1-й Полтавскій Казачій полкъ. Вскорѣ онъ вышелъ въ запасъ по войску и занимался хозяйствомъ въ родной станицѣ. Почти сорока лѣтъ онъ поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба и на сорокъ первомъ году окончилъ ее однимъ изъ первыхъ.

Пройдя необходимый стажъ офицера генеральнаго штаба; принимая участіе въ Русско - Японской войнѣ; командуя однимъ изъ Сибирскихъ пѣхотныхъ полковъ, въ началѣ Великой войны получилъ 1-ю Кубанскую Пластунскую бригаду, во главѣ которой продѣлалъ всю войну водя ее на подвиги и жертвы, равныхъ которымъ трудно сыскать.

Обходъ турецкихъ корпусовъ съ тыла, пользуясь "ненастной погодой", подъ Сарыкамышемъ, ихъ плѣненіе, жестокіе бои на западномъ фронтѣ, гдѣ пластуны явились желанными сосѣдями, потерявшихъ, было, сердце, пѣхотныхъ полковъ.

Повѣствованіе о службѣ пластуновъ Россіи заняло послѣдніе годы жизни покойнаго генерала, работавшаго надъ своими воспоминаніями: "Пластуны въ Великую Войну".

Трудъ еще не изданъ.

Кубанцы, добрая половина которыхъ несла свои жизни и здоровье на жертвенникъ исконной Казачьей службы Россіи, подъ доблестнымъ водительствомъ покойнаго, знаютъ какъ велика эта потеря.

Не одинъ пластунъ, смотрѣвшій въ глаза смерти не моргая, смахнетъ слезу съ своихъ уже морщинистыхъ ланитъ, вспоминая былую службу, былую славу Кубанской Пластунской бригады и ея Командира.

Всѣ батальоны были увѣнчаны вензелями покойнаго Государя, Наслѣдника Цесаревича и другихъ Особъ Императорской Фамиліи, подъ его, генерала Гулыги, командой.

Господь взялъ отъ насъ большого русскаго человѣка, честнаго казака, любившаго Россію и свое войско больше жизни.

Въ жизни горячій, порывистый, въ бою хладнокровный и презиравшій смерть, добрый и отзывчивый товарищъ, прекрасный, образованный и опытный начальникъ, покойный являлъ собой примѣръ кубанскаго офицера, честно служившаго созданію величія Россіи и славы своего Войска.

Многому можно научиться, слѣдуя его жизненному пути; много можно понять, изучая его біографію.

Миръ праху Твоему, первый пластунъ Кубанскій, да будетъ сербская земля Тебѣ легка.

***

Кубанцы, въ Парижѣ находящіеся, отслужили по покойномъ панихиду, на которой среди многочисленныхъ казаковъ, присутствовали: ген. Абрамовъ, Веселовзоровъ, Саранчовъ, Борисевичъ и др.

Кубанецъ

Казаки въ Швеціи

За 10 лѣтъ группа казаковъ - кубанцевъ "Джигитъ" объѣхала многіе сотни городовъ 10 странъ западной Европы и вотъ уже третій годъ подвизается въ Швеціи.

Въ этой странѣ джигиты пользуются неизмѣннымъ успѣхомъ: шведы поняли и оцѣнили работу казаковъ на конѣ, командиры полковъ и начальники гарнизоновъ даютъ въ шведскихъ газетахъ блестящіе отзывы о группѣ.

"Кубанцы - джигиты — это наши люди", говорили ихъ друзья шведы зимовавшимъ въ 1932 г. въ г. Оребро Жаровцамъ.

Въ прошломъ году джигиты выступили въ г. Висби, находящемся на островѣ Готландъ (десять часовъ ѣзды на пароходѣ до Стокгольма). Спортивное общество этого города преподнесло серебряную медаль на шведской національной лентѣ джигиту Д. Ф. Тырину за отличное наѣздничество и джигитовку. Съ началомъ настоящаго сезона народные парки нарасхватъ стараются заполучить джигитовъ. Въ Швеціи кубанцы легче вздохнули и матеріальное положеніе стало устойчивѣй.

"Третій сезонъ проводимъ здѣсь и кромѣ благодарности шведамъ другого намъ и сказать нечего" — сообщаетъ нашъ корреспондентъ. "Уже имѣются приглашенія — продолжаетъ онъ — на осенній сезонъ. Единственно плохо — это климатъ холодноватый, купаться до сихъ поръ нельзя, а на сѣверѣ даже снѣгъ выпалъ.

Все это такъ — но лучше скорѣй бы на Родину — Донъ - Кубань"...

На бисъ!..

Розыски родныхъ въ Россіи

Насъ просятъ сообщить для свѣдѣнія казаковъ, что свѣдѣнія о родныхъ и ихъ розыскъ можно получить черезъ Международный Красный Крестъ въ Женевѣ, при любезномъ содѣйствіи нашей соотечественницы Г-жи Познанской. При чемъ, по данному просителемъ адресу свѣдѣнія о родныхъ можно получить безплатно; если же адресъ разыскиваемаго лица просителю неизвѣстенъ, то Межд Кр. Кр. при посредствѣ Совѣтск. Кр. Кр. и Полумѣсяца производитъ розыски и собираетъ свѣдѣнія за плату около 50 франковъ.

По недавнему опыту нашего корреспондента, отвѣтъ изъ Россіи получается черезъ 2 мѣсяца.

Писать можно по русски, адресуя:

Comité International de la Croix Rouge, M-lle N. Poznansky, Génève, Suisse.

По порученію родныхъ изъ Донской обл. розыскиваются: **Аркадій Ивановичъ Бѣлоусовъ** изъ Новочеркасска, сынъ инженера, два года тому назадъ проживавшій по адресу:

115, rue Lide, Levallois - Perret (Seine)

и три брата **Васильевыхъ — Владиміръ, Николай** и **Борисъ — Капитоновичи** (ст-цы Ново - Николаевской). Писать:

M-r Popoff, 28, B-d de Clichy, Paris 18.

Зарубежная станица Иркутскаго казачьяго войска

6-го мая, въ день своего Небеснаго Покровителя, Св. Великомученика Побѣдоносца Георгія, Иркутскіе казаки въ Харбинѣ, объединенные въ станицу, отпраздновали Войсковой Праздникъ.

Въ Св. Николаевскомъ Соборѣ Архіепископомъ Харбинскимъ и Манчжурскимъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Мелетіемъ, былъ отслуженъ молебенъ. Войсковой вечеръ въ помѣщеніи Педагогическаго Института начался привѣтственнымъ словомъ станичнаго Атамана, К. С. Малыхъ, здравицей за Россію и Иркутское Войско. По окончаніи оффиціальной части состоялся банкетъ, затѣмъ послѣдовалъ концертъ съ казачьими пѣснями и танцами подъ духовой оркестръ.

Въ день праздника станица издала сборникъ "Иркутскій Казакъ".

Прекрасно изданная книга, съ несущимися въ атаку казаками въ желтыхъ лампасахъ, изображенныхъ на красочной обложкѣ, обильно иллюстрированная, чрезвычайно интересна особенно для насъ, юго - восточныхъ казаковъ, большинство которыхъ не могутъ похвастаться знаніемъ исторіи и быта своихъ сибирскихъ собратьевъ.

Номеръ открывается молитвой о Россіи, затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя поздравленія съ праздникомъ: отъ Войскового Атамана Иркутскаго Войска, ген. П. П. Оглоблина, Архіепископа Мелетія, Совѣта казачьихъ Войскъ, Войск. Представительства Сибирскаго Войска, Совѣта Станичныхъ Атамановъ Восточнаго Казачьяго Союза, Атамана Енисейскаго Казачьяго Войска Гантимурова - Кузнецова, ген. Сычева отъ Амурцевъ, Забайкальской, Оренбургской и Уссурійской станицъ и Обще-казачьей станицы молодежи имени Цесаревича Алексѣя Николаевича въ Харбинѣ.

Исторія Иркутскаго казачества представлена въ сборникѣ большими, содержательными статьями, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить "О службѣ иркутск. казаковъ въ 17 и 18 вѣкахъ", "Служба пограничныхъ казаковъ Иркутскаго казачьяго Войска въ 18 вѣкѣ", "Енисейцы - Иркутяне", "Форма казаковъ Восточной Сибири въ 17, 18 и первой половинѣ 19 вѣковъ".

"Послѣдніе бои въ Иркутскѣ", "Иркутское военное училище", "Свѣтлой памяти Войск. Ст. М. С. Петрова", "Памяти есаула П. Ф. Коршунова", "Бой 3 сотни Иркутскаго полка въ началѣ мая 1919 г.", "Разрушенныя святыни г. Иркутска", "Изъ боевыхъ эпизодовъ на Канскомъ фронтѣ" — знакомятъ насъ съ героической исторіей Иркутянъ въ послѣдніе годы.

Въ сборникѣ читатель найдетъ много стихотвореній, разсказовъ и статей на различныя темы, но говорящихъ объ одномъ: о безграничной любви Иркутянъ къ Родному Войску и Россіи, о братскомъ общеніи со всѣмъ казачествомъ, исключительной бодрости духа, о казачьей спайкѣ, которая особенно выявляется въ условіяхъ пребыванія на чужбинѣ — "всѣ за одного и одинъ за всѣхъ". Есть что почитать и чему поучиться въ "Иркутскомъ Казакѣ". Да вотъ и маленькій примѣръ: оказывается, въ Харбинѣ существуетъ Дамскій Кружокъ Иркутской Зарубежной Станицы, помѣстившій въ сборникѣ отчетъ о своей дѣятельности, съ оборотомъ въ 285 долларовъ.

П. Гусевъ

КЪ ДРУЗЬЯМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ И РАСПРОСТРАНИТЕЛЯМЪ "СТАНИЦЫ"

Всѣхъ получившихъ этотъ номеръ просимъ прислать его стоимость — 2 франка французскими почтовыми марками, а изъ заграницы международными почтовыми купонами.

Къ получающимъ нашъ журналъ для распространенія, покорнѣйшая просьба произвести разсчетъ какъ за этотъ номеръ, такъ и за предыдущіе, кто еще не успѣлъ прислать разсчета, до 15 сентября.

Слѣдующій номеръ выйдетъ 15 октября.

Простую, заказную и денежную корреспонденцію для "Станицы" направлять по адресу:

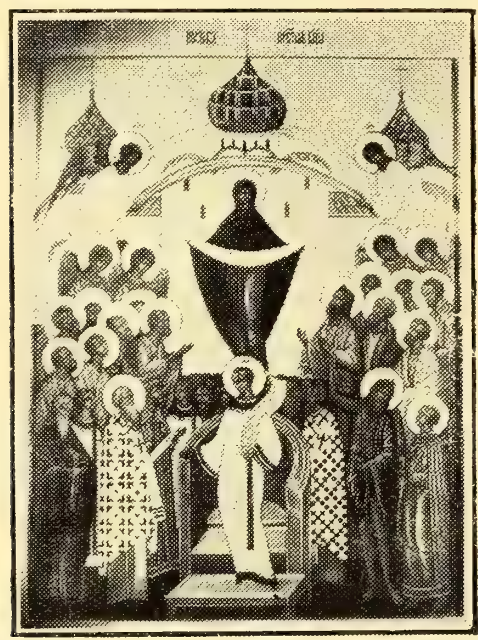
GOUSSEFF. 7, rue Jobbé - Duval, Paris (15).

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ оказывается безвозмездно студентамъ - казакамъ почетнымъ старикомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5 до 7 час. вечера на 122, бульваръ Мюратъ (по запискамъ отъ

ХРОНИКА

ИКОНА ПОКРОВА ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ

Казаки Каневской станицы Кубанскаго края, по иниціативѣ И. Г. Лещенко, соорудили икону Покрова Пресвятой Богородицы, письма кн. Львовой. На

выставкѣ О-ва Русской Иконы икона Покрова Пресвятой Богородицы обратила на себя особое вниманіе и была воспроизведена въ нѣсколькихъ французскихъ газетахъ. Въ настоящее время каневчане озабочены сооруженіемъ соотвѣтствующаго кіота для иконы. Хлопоты по этому дѣлу ведетъ все тотъ же неутомимый И. Г. Лещенко.

ОБЩЕ - КАЗАЧІЙ СЪѢЗДЪ

Къ 10 мая, когда съѣздъ былъ отложенъ, въ комиссію по его созыву поступили заявленія отъ болѣе 100 каз. организацій объ участіи въ съѣздѣ, изъ которыхъ свыше 40 организацій намѣревались послать 40 делегатовъ; 14 организацій поручили высказать ихъ волю Донскому Атаману; 17 организацій поручили представлять ихъ на съѣздѣ 14 лицамъ, проживающимъ во Франціи и, главнымъ образомъ, въ Парижѣ. Среди этихъ лицъ — генералы: Красновъ, Позднышевъ, Васильевъ, Вихлянцевъ, Секретевъ, протоіерей Д. Титовъ, и др.

Изъ послѣдующей послѣ отмѣны назначеннаго срока съѣзда переписки комиссіи съ провинціальными и заграничными организаціями, выяснилось, что ко времени созыва съѣзда число его участниковъ (организацій и ихъ делегатовъ) значительно увеличится.

ВЪ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦІИ СТАНИЦЫ

Нѣтъ предѣла многообразію тѣхъ сложностей и трудностей, съ которыми встрѣчается русскій бѣженецъ, въ частности казакъ, и съ которыми онъ вынужденъ обращаться за юридической помощью. Состоящая при студенческой Казачьей станицѣ Юридическая Консультація — вотъ куда приходятъ десятки казаковъ, нерѣдко слабо владѣющихъ французскимъ языкомъ, недостаточно богатыхъ, чтобы итти къ французскому адвокату и всегда разсчитывающихъ найти у русскаго юриста и больше пониманія ихъ нуждъ, и большаго вниманія къ нимъ. Консультація подвела недавно итоги своей работы за послѣдній годъ — ей приходится все чаще и чаще приходить въ соприкосновеніе съ иногородними соотечественниками, сноситься съ заграницей, помогать въ самыхъ казуистически - запутанныхъ юридическихъ и бытовыхъ вопросахъ. Вопросы права административнаго — дѣла паспортныя, хлопоты о правѣ въѣзда въ другія страны — все это еще не исчезло изъ бѣженской жизни. Взаимоотношенія между квартирной хозяйкой и жильцомъ нерѣдко требуютъ вмѣшательства юриста - консультанта. Съ затянувшимся на долгіе годы зарубежнымъ пребываніемъ бѣженца, участились и усложнились обостренія семейнаго характера. Двоеженство, побывавшихъ въ разныхъ странахъ, совѣтское "брачное право", отъѣздъ отцовъ изъ Франціи и оставленіе ими дѣтей на произволъ судьбы, наслѣдственныя дѣла — вотъ одна изъ труднѣйшихъ областей работы Консультаціи. Далѣе идутъ дѣла о недоплаченныхъ жалованіяхъ, о штрафахъ за различныя правонарушенія, объ увѣчьяхъ на работѣ и т. п. Охрана интересовъ душевно - больного, организація защиты по уголовному дѣлу, вступленіе во Франціи въ новый бракъ, послѣ долголѣтняго разрыва съ семьей, оставшейся въ СССР. — Трудно перечислить всѣ виды вопросовъ, споровъ и казусовъ, съ которыми эмигрантъ - казакъ обращается въ свою Консультацію.

М. А. Адамовъ

Typographie Franco-Caucasienne, 50, Faubourg du Temple — Paris (11) Le Gérant: *Ch. Quénet*

TYPOGRAPHIE
FRANCO-CAUCASIENNE
50, FAUB. DU TEMPLE
PARIS (XI)

№ 12

STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS

6, rue des Fossés St-Bernard, Paris (5e)

Octobre 1934 **Prix : 2 frs**

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

„STANITZA" 6, Rue des Fossés St Bernard, Paris (5e)

№ 12 **ОКТЯБРЬ 1934 г.** **Годъ изданія 3-й**

Парижъ, 15 октября 1934 г.

НАРОДНЫМЪ ИЗБРАННИКАМЪ, ЖИВЫМЪ СИМВОЛАМЪ КАЗАЧЬЯГО ЕДИНСТВА, ВОЙСКОВЫМЪ АТАМАНАМЪ ДОНСКОГО И КУБАНСКАГО ВОЙСКЪ, ВСЕМУ ЗАРУБЕЖНОМУ ДОНСКОМУ И КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ, ПАРИЖСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КАЗАЧЬЯ СТАНИЦА ШЛЕТЪ СЕРДЕЧНЫЯ ПОЗДРАВЛЕНІЯ СЪ ВОЙСКОВЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

ДА НЕ ЗАСТЫНЕТЪ ВЪ НАСЪ КРОВЬ КАЗАЧЬЯ, ДА СОХРАНИТСЯ БОДРОСТЬ ДУХА ВЪ ЗАТЯНУВШЕМСЯ ПРЕБЫВАНІИ ВНѢ РОДНЫХЪ ПРЕДѢЛОВЪ, ДА УКРѢПИТСЯ ВѢРА ВЪ ЗАВѢТНЫЙ ЧАСЪ, КОГДА РОДИНА ВНОВЬ ПРИЗОВЕТЪ СЛУЖИТЬ ЕЙ, КАКЪ МНОГО ВѢКОВЪ ЕЙ СЛУЖИЛИ НАШИ ОТЦЫ И ДѢДЫ, ПРОСЛАВИВШІЕ ИМЯ КАЗАЧЬЕ НАВѢКИ ВО ВСѢХЪ КОНЦАХЪ ЗЕМЛИ.

ВЪ ЭТОМЪ ГОДУ ИСПОЛНИЛОСЬ ПЯТНАДЦАТИЛѢТІЕ ПРЕБЫВАНІЯ НА ВЫСОКОМЪ ПОСТУ ВОЙСКОВОГО АТАМАНА ВСЕВЕЛИКАГО ВОЙСКА ДОНСКОГО, ПОЧЕТНАГО КАЗАКА НАШЕЙ СТАНИЦЫ, ГЕНЕРАЛА А. П. БОГАЕВСКАГО, КОТОРОМУ И ПОСВЯЩАЕМЪ СЪ ЧУВСТВОМЪ ГОРЯЧЕЙ ПРЕДАННОСТИ И СЫНОВНЕЙ ЛЮБВИ НАСТОЯЩІЙ НОМЕРЪ. СТУДЕНТЫ-КАЗАКИ ПРОСЯТЪ ДОРОГОГО ЮБИЛЯРА ВМѢСТѢ СЪ ПОЗДРАВЛЕНІЯМИ ПРИНЯТЬ ПОЖЕЛАНІЯ СКОРѢЙШАГО ВЫЗДОРОВЛЕНІЯ ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНІЯ ЕГО ПЛОДОТВОРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НА ПОЛЬЗУ РОДНОГО ВОЙСКА И ВСЕГО КАЗАЧЕСТВА, КОТОРЫМЪ 16-Й ГОДЪ, ВЪ НЕБЫВАЛЫХЪ ВЪ КАЗАЧЬЕЙ ИСТОРІИ ТРУДНОСТЯХЪ, ДОБЛЕСТНО И МУДРО ПОСВЯЩАЕТЪ ВСѢ СВОИ СИЛЫ, ЗНАНІЯ И ОПЫТЪ ГЛАВА СТАРѢЙШАГО ВЪ РОССІИ КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

ПРАВЛЕНІЕ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

НА ОБЛОЖКѢ: — портретъ Донского Атамана въ бытность его начальникомъ штаба 2-й Гвардейск. Кавалерійск. дивизіи въ 1914 году.

Отъ Донского Атамана

Приближается день Донского и Кубанскаго Войскового Праздника.

Въ виду моей болѣзни и общаго экономическаго кризиса, я не созываю въ этомъ году казаковъ ни на общее собраніе, ни на торжественный обѣдъ — ограничимся на этотъ разъ тѣмъ, что въ воскресенье 21 октября, соберемся всѣ, кто можетъ, въ соборный храмъ на улицѣ Дарю и, послѣ литургіи, помолимся тамъ о всѣхъ почившихъ казакахъ и о возрожденіи нашей великой Родины и родныхъ Краевъ.

Сообщаю казакамъ, что, не имѣя возможности, въ виду моей болѣзни, участвовать въ работахъ "Колонизаціоннаго Центра" по переселенію въ Парагвай и слѣдить за его дѣятельностью, я вышелъ изъ его состава.

Я считаю, что прежде, чѣмъ приступить къ массовому переселенію, совершенно необходимо обстоятельно на мѣстѣ обслѣдовать всю обстановку, выяснить почвенныя, климатическія, экономическія и бытовыя условія, а также опредѣленно договориться съ правительствомъ Парагвая о правовомъ положеніи колонистовъ. Необходимо создать общественный комитетъ (онъ уже почти созданъ и скоро о себѣ заявитъ), нужно послать въ Парагвай авторитетную делегацію, необходимо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы для переселяющихся не было потомъ никакихъ непріятныхъ неожиданностей, чтобы они съ открытыми глазами и съ полнымъ знаніемъ обстановки вступали въ новую жизнь. Необходимо уменьшить расходы переселяющихся на переѣздъ и добиться помощи отъ Лиги Націй и отъ тѣхъ государствъ, которыя заинтересованы въ разгрузкѣ страны отъ ставшихъ лишними для нихъ элементовъ.

Я поручилъ состоящему при мнѣ Казачьему Совѣту изъ старшихъ представителей всѣхъ Казачьихъ Войскъ вплотную подойти къ этому вопросу и сдѣлать все необходимое въ этомъ важномъ дѣлѣ, дѣйствуя въ полномъ согласіи съ ген. Бѣляевымъ.

Сердечно благодарю всѣ казачьи организаціи и отдѣльныхъ казаковъ разныхъ Войскъ, откликнувшихся на призывъ Казачьяго Совѣта помочь мнѣ во время моей болѣзни. Эта отзывчивость казаковъ глубоко меня тронула и показала, что казаки въ своей массѣ остались вѣрны лучшимъ казачьимъ традиціямъ.

Во Франціи введенъ новый Нансеновскій марочный сборъ — по 50 франковъ за картъ д-идантите стоимостью въ 100 фр. и по 25 фр. съ тѣхъ, кто платитъ за карту 20 фр. Этотъ новый налогъ дастъ въ годъ во Франціи нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, изъ которыхъ половина будетъ распредѣляться между нѣкоторыми бѣженскими организаціями. Необходимо добиться, чтобы часть этихъ денегъ поступила и казакамъ. Какъ членъ Русскаго Эмигрантскаго Комитета, черезъ который будутъ проходить эти суммы, я возбуждаю соотвѣтствующее ходатайство, но нужно, чтобы и мѣстныя организаціи поддержали мой починъ. Наиболѣе авторитетной организаціей, которая лучше другихъ, при содѣйствіи делегатовъ съ мѣстъ, распредѣлитъ полученныя суммы, я считаю Казачій Совѣтъ, состоящій изъ старшихъ представителей всѣхъ Казачьихъ Войскъ, а потому и обратился ко всѣмъ казачьимъ организаціямъ во Франціи съ особымъ циркулярнымъ письмомъ, приглашая ихъ прислать въ Казачій Совѣтъ соотвѣтствующее заявленіе. Чѣмъ дружнѣе отзовутся казаки на мой призывъ, тѣмъ больше будетъ шансовъ на полученіе казаками денегъ. Разнобой можетъ сорвать дѣло.

Образованная мною, при содѣйствіи Казачьяго Совѣта, Комиссія по подготовкѣ созыва Обще-казачьяго съѣзда, продолжаетъ свою работу, которая уже далеко продвинулась впередъ. Поступающіе съ мѣстъ матеріалы дадутъ возможность подготовить цѣнные доклады и съѣзду будетъ что обсудить. Я съ комиссіей спишемся съ Войсковыми Атаманами другихъ Войскъ и совмѣстно, по общему согласію, установимъ время созыва съѣзда.

Наши донскія средства уже давно совершенно изсякли, и я, къ сожалѣнію, не имѣю никакой возможности помочь съѣзду матеріально. Всѣ расходы по съѣзду должны оплатить тѣ организаціи, которыя такъ или иначе примутъ въ немъ участіе. Обще-казачій съѣздъ долженъ будетъ заняться обще-казачьими вопросами, не вмѣшиваясь въ дѣла отдѣльныхъ Войскъ, и — главное, если возможно, создать новую авторитетную общеказачью организацію, къ которой могли бы обращаться всѣ казаки со всякими своими нуждами.

Съ сожалѣніемъ долженъ отмѣтить, что за недостаткомъ средствъ не можетъ выходить нашъ послѣдній журналъ "Казакъ". Слишкомъ мало подписчиковъ, казаки, въ массѣ, не въ состояніи

платить за журналъ, и собранныхъ денегъ едва хватило лишь на печатаніе и выпускъ номеровъ 1-2, 3-4.

Я очень благодаренъ редакціи лучшаго изъ оставшихся казачьихъ журналовъ — внѣ партійной "Станицѣ" — за предоставленіе мнѣ возможности на ея страницахъ продолжать мои бесѣды съ казаками. По соглашенію со "Станицей" этотъ номеръ ея будетъ разосланъ всѣмъ подписчикамъ "Казака". Я надѣюсь, что вѣрные читатели "Казака" станутъ съ 1 января подписчиками "Станицы" и тѣмъ поддержатъ это хорошее дѣло.

Генералъ - лейтенантъ *А. Богаевскій.*

Донской Атаманъ Африканъ Петровичъ Богаевскій

6 февраля этого года исполнилось 15 лѣтъ пребыванія на посту выборнаго Войскового Атамана ген.-лейт. Африкана Петровича Богаевскаго.

Такой продолжительный срокъ на отвѣтственномъ и трудномъ посту. въ связи съ теперешней его серьезной болѣзнью невольно привлекаетъ къ этому выборному Атаману вниманіе всѣхъ казаковъ.

Происходя изъ потомственныхъ дворянъ Войска Донского, Каменской станицы, Африканъ Петровичъ родился 27 декабря 1872 г., въ военной семьѣ, предки которой принимали участіе въ Отечественной войнѣ 1812 года и въ войнѣ за покореніе Кавказа.

Такая среда, естественно, имѣла вліяніе на рѣшеніе пустить А. П. по военной службѣ, къ чему его и стали готовить, отдавъ въ Донской Кадетскій Императора Александра III корпусъ, который онъ и окончилъ въ 1890 году, перейдя въ томъ же году для продолженія военнаго образованія въ Николаевское кавалерійское училище.

Какъ записанный за отличные успѣхи на мраморную доску училища, А. П. по окончаніи послѣдняго выходитъ въ Л.-Гв. Атаманскій Наслѣдника Цесаревича полкъ.

Желаніе усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ побуждаетъ его разстаться съ роднымъ полкомъ и поступить въ Николаевкую Академію Генеральнаго Штаба, которую онъ и кончаетъ успѣшно въ 1900 году.

Будучи однимъ изъ лучшихъ изъ числа окончившихъ Академію, онъ причисляется къ Генеральному Штабу и прикомандировывается къ штабу Петербургскаго военнаго округа. Въ этомъ округѣ проходитъ дальнѣйшая его служба въ мирное время сначала въ качествѣ причисленнаго въ штабѣ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, а затѣмъ постепенно: старшимъ адъютантомъ штаба 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, и. д. штабъ-офицера для порученій при штабѣ округа, старшаго адъютанта штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа и начальника штаба 2-й гв. кав. дивизіи.

Какъ зарекомендовавшій себя съ выдающейся стороны, А. П. 6 іюня 1904 г. командируется штабомъ округа на одинъ годъ въ Германію (гор. Кассель) для усовершенствованія въ знаніи нѣмецкаго языка.

По возвращеніи изъ командировки, для отбыванія ценза — командованіе эскадрономъ Л.-Гв. Драгунскаго полка, а для ознакомленія съ веденіемъ полкового хозяйства — прикомандированіе къ Л.-Гв. Конно - Гренадерскому полку.

Въ должности нач. штаба 2-й гв. кав. дивизіи, для полученія права на зачисленіе въ кандидаты на должность командира полка А. П. успѣшно прошелъ парфорсныя охоты въ Виленской губерніи.

13 октября 1914 г. — назначеніе командиромъ 4-го гусарскаго Маріупольскаго фельдмаршала князя Витгенштейна полка, съ коимъ А. П. выступаетъ на театръ военныхъ дѣйствій въ великую войну 7 ноября 1914 г., а 14 января 1915 г. онъ назначается командиромъ Л. Гв. сводно - казачьяго полка.

22 марта того же года производство въ генералъ - майоры и 27 сентября того же года зачисленіе въ Свиту Его Величества.

Съ 4 октября 1915 г. — начальникъ штаба Походнаго Атамана, съ 7 апрѣля 1917 г. приказомъ Арміи и Флота назначеніе Командующимъ 1-й Забайкальской казачьей дивизіей.

Приказомъ по гвардейскому корпусу 16 августа 1917 г. А. вступаетъ въ командованіе гвардейской кавалерійской дивизіей и послѣ ея развала, по приказу Донского Атамана ген. А. М. Каледина, уѣзжаетъ на Донъ, гдѣ съ 5 января по 9 февраля 1918 года командуетъ войсками Ростовскаго района и послѣ боевъ подъ Таганрогомъ и Ростовомъ уходитъ съ Добровольческой арміей въ 1-й Кубанскій походъ, во время котораго участвуетъ въ 35 бояхъ, командуя сначала партизанскимъ полкомъ, а затѣмъ 2-й пѣхотной бригадой.

5 мая 1918 г., по предложенію Атамана П. Н. Краснова, принимаетъ должность Управля-

ющаго Отдѣломъ Иностранныхъ Дѣлъ, а 6 мая назначается Предсѣдателемъ Совѣта Управляющихъ отдѣлами Правительства Всевеликаго Войска Донского.

26 августа Большой Войсковой Кругъ производитъ А. П. въ генералъ-лейтенанты, а 6-го февраля 1919 г. тотъ же Кругъ избираетъ его Войсковымъ Атаманомъ.

Во время гражданской войны на Дону Африкану Петровичу пришлось много поработать въ вопросахъ объ объединеніи Дона, Кубани и Терека, о взаимоотношеніи казаковъ съ Добровольческою Арміей и о будущемъ казачества. Здѣсь же, въ эмиграціи, легло на него тяжелое бремя заботъ объ улучшеніи жизни на чужбинѣ казаковъ не только донскихъ, но и другихъ Войскъ.

Способный, спокойнаго характера, А. П. при кажущейся медлительности на всѣхъ должностяхъ его служебной дѣятельности являлся для каждаго начальника желаннымъ помощникомъ и офицеромъ; этимъ объясняется его быстрое продвиженіе по службѣ и награды, полученныя имъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

Онъ имѣетъ: Св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ, 3-й ст. съ мечами и 2-ст.; Св. Анны 3 ст., 2 ст. и 1 ст. съ мечами; св. Станислава 3 ст., 1 ст. съ мечами; Георгіевское оружіе, Георгіевскій крестъ 4 ст., знакъ 1 Кубанск. похода на георгіевской лентѣ. Медали: въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ, царствованія Имп. Александра Ш, священнаго Коронованія, Отечественной войны за участіе дѣда въ Бородинскомъ сраженіи и Краснаго Креста.

Иностранные ордена: Черногорскій Князя Даніила 1-го, 3-й и 5-й ст., французскій офицерскій крестъ Почетнаго Легіона, шведскій орденъ Меча, персидскій Льва и Солнца, 1-й ст., сербскій Бѣлаго Орла и англійскій Георгія и Михаила со звѣздой и лентой.

Его добродушный характеръ, его незлобивость, художественная жилка въ рисованіи и способность улавливать юмористическую сторону всякаго случая дѣлаютъ его пріятнымъ знакомымъ, отличнымъ товарищемъ, занимательнымъ собесѣдникомъ.

Разнообразная блестящая карьера отъ скромнаго куреня въ станицѣ до генерала Свиты Его Величества и до дворца выборнаго Атамана Всевеликаго Войска Донского даютъ ему жизненный опытъ и умѣніе разбираться въ обстановкѣ.

И теперь, скованный тяжелой болѣзнью, въ заботахъ о казачьихъ нуждахъ, онъ, несмотря на недугъ, руководитъ работами по созыву общеказачьяго съѣзда, считая его необходимымъ для лучшаго рѣшенія вопросовъ объ улучшеніи жизни казаковъ на чужбинѣ.

Въ день Войскового Праздника, когда каждый казакъ особенно долженъ быть мыслью со своимъ роднымъ Дономъ и со своимъ Атаманомъ, помолимся о ниспосланіи ему здоровья.

И не сомнѣваюсь, что не одна искренняя казачья молитва вознесется къ Всевышнему о здравіи на многіе годы Избраннику Тихаго Дона, рабу Божію Африкану, несущему шестнадцатый годъ тяготы Атаманской булавы.

Старый товарищъ по корпусу *А. Ч.*

Донскіе калмыки.

Казачья выставка 1935 года

Представители казачьихъ организацій въ Парижѣ, подъ предсѣдательствомъ ген. А. В. Черячукина, одушевленные успѣхомъ состоявшейся въ маѣ с. г. выставки, рѣшили устроить вторую въ будущемъ 1935 году.

Въ организаціонный выставочный комитетъ вошли: предсѣдатель — ген. Н. И. Малышенко, товарищи предсѣдателя — ген. И. Н. Оприцъ, Г. И. Каревъ и подъесаулъ А. К. Семенченковъ; секретари — сотникъ Г. Д. Самсоновъ и хорунжій П. В. Гусевъ.

Комитетъ проситъ всѣ казачьи организаціи и отдѣльныхъ казаковъ поддержать предпринятое начинаніе своимъ участіемъ.

Заявленія о желаніи участвовать въ организаціи выставки и въ присылкѣ экспонатовъ ,направлять въ адресъ Г. Д. Самсонова:

M. Samsonoff. 23, rue Paul Chautard, Paris 15

НИКОЛАЙ ТУРОВѢРОВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече, —
Недологъ человѣчій срокъ.
О, Боже, какъ я одинокъ,
Какія выспренныя рѣчи,
Какъ мертво падаютъ слова,
Какъ вѣримъ трудно мы и плохо
— Что жъ, можетъ быть, ты и права,
Для насъ жестокая эпоха.
И для какихъ грядущихъ дней
Храню безсмертники сухіе. —
Все меньше помнимъ о Россіи,
Все рѣже думаемъ о ней;
Въ плѣну безплоднаго труда
Иными стали эти люди,
А дни идутъ, идутъ года,
Разлюбимъ скоро и забудемъ
Все то, что связано съ Тобой,
Все то, что раньше было съ нами.
О, бѣдная людская память!
Какой архангельской трубой
Насъ воскресить теперь изъ праха?
И мы живемъ, все что-то ждемъ
И пѣсни старыя поемъ
Во имя русскаго размаха,
Во славу легендарныхъ лѣтъ,
Давнымъ давно которыхъ нѣтъ.

Николай Туровѣровъ.

В. Н. БИРКИНЪ.

ПАРАДЪ

Отрывокъ изъ главы "Повѣстей минувшихъ лѣтъ", о "Кадетскомъ Корпусѣ".

Отъ Редакціи. Въ предлагаемомъ вниманію читателей очеркѣ, авторъ даетъ описаніе наиболѣе торжественныхъ и волнующихъ моментовъ парада въ Новочеркасскѣ, вкорѣ послѣ Японской войны, въ день Войскового Праздника 5 октября. Другая часть этой главы — участіе въ парадѣ кадетскаго корпуса, войсковой обѣдъ и кадетскій балъ — была помѣщена въ № 4 нашего журнала.

Въ Новочеркасскѣ бывало нѣсколько парадовъ, нѣсколько Войсковыхъ круговъ въ годъ.

Особенной пышностью и многолюдствомъ отличались круги на георгіевскій праздникъ, въ дни рожденія и именинъ Государя и въ день Войскового праздника, пятаго октября.

Въ первый годъ пребыванія у казаковъ, я смотрѣлъ на эти круги глазами обывателя.

Ненужное торжество. Поминки былому.

Времена всякихъ круговъ миновали. Въ старыя времена большой Войсковой кругъ собирался со всѣхъ концовъ Войска, рѣшались важнѣйшія дѣла. Теперь кругъ не имѣлъ силы. Онъ обратился въ печальную, поминальную церемонію, по былой самостоятельности.

Годъ службы измѣнилъ мой взглядъ. Если иногородніе смотрѣли на церемонію круга, какъ на поминки стараго, отжившаго, то казаки продолжали вѣрить въ кругъ, чаяли возрожденія его и участвовали на кругу всей душой, всѣмъ упованіемъ своимъ.

Это ясно читалось въ глазахъ и походкѣ старыхъ, престарыхъ казаковъ, воякъ бывшихъ временъ, пріѣзжавшихъ аккуратно на кругъ со всѣхъ концовъ Войска, даже изъ самыхъ отдаленныхъ станицъ и хуторовъ.

Развѣ эти старцы, одѣтые въ мундиры временъ Императоровъ Александра и Николая Первыхъ, являлись на кругъ только затѣмъ, чтобы пощеголять передъ толпой своими старинными нарядными мундирами и киверами?

Нѣтъ! Они упорно ждали возрожденія круга, возврата былой силы.

Поэтому и на кругъ выходятъ съ такимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ, особенно пятаго октября въ день своего Войскового праздника.

Съ ранняго утра начинается шествіе казаковъ, къ зданію войскового музея.

Отовсюду слышны звуки музыки. По срединѣ Баклановскаго проспекта торжественно идетъ Донской кадетскій корпусъ.

Громадный, отличный оркестръ сотрясаетъ воздухъ, наполняя его веселыми звуками, бравурныхъ маршей.

Изъ зданія гимназіи, тоже со своимъ оркестромъ выходятъ гимназисты.

Они тоже казаки. Лампасы украшаютъ и ихъ одежду. Небольшой стройный оркестръ начинаетъ играть, какъ только окончилъ оркестръ кадетскаго корпуса.

На тротуарахъ толпы народа, медленно двигающіяся къ Соборной площади.

Въ толпѣ видны представители отъ станицъ, идущіе небольшими группами. Въ ихъ рукахъ блестятъ серебряныя украшенія длинныхъ атаманскихъ и есаульскихъ булавъ. Войско и учебныя заведенія строятся передъ музеемъ, а народъ собирается на бульварѣ Ипатовскаго проспекта и вокругъ Соборной площади.

На правомъ флангѣ становится громадный Войсковой оркестръ, рядомъ съ нимъ кадетскій корпусъ, потомъ пѣшія части гарнизона. За ними конные, во главѣ съ военнымъ училищемъ и дальше учебныя заведенія.

Передъ фронтомъ войскъ выстраиваются длинной шеренгой посланцы отъ станицъ. Какъ они интересны эти гости. Въ глазахъ рябитъ отъ невиданныхъ еще, старыхъ престарыхъ формъ Войска Донского. Масса красныхъ и ярко голубыхъ мундировъ старыхъ и новыхъ гвардейцевъ.

Этишкеты бѣлые и желтые, съ пышными, такого же цвѣта кистями у плеча, спускаются отъ старинныхъ киверовъ, къ груди казаковъ.

Высоко подняты старыя, совершенно сѣдыя головы .

Молодцами держатъ себя современные гвардейцы, въ своихъ очень красивыхъ, изящныхъ мундирахъ.

Гвардейцы не любятъ одѣвать шинелей, чтобы не закрывать ими красоту своихъ мундировъ.

Морозы обыкновенно не начинаются раньше декабря. Стоятъ почти всегда яркіе, довольно теплые, солнечные дни.

Иногда бываетъ такъ тепло, что и всѣ выходятъ въ однихъ мундирахъ. Тогда парадъ необыкновенно красивъ: блестящіе кивера, шитье, лядунки, кривыя, отдѣланныя серебромъ шашки, лампасы, старинные невиданные мундиры, кресты и медали.

Войсковые Есаулы наводятъ порядокъ и вереница гостей скрывается въ дверяхъ музея.

Тамъ раздаютъ имъ реликвіи.

Въ это время наказной атаманъ обходитъ фронтъ народа и здоровается съ войсками.

Наконецъ, звучитъ команда: "Смирно! подъ знамена! Слушай! на краулъ!"

Всѣ оркестры начинаютъ играть "Боже Царя Храни", а изъ дверей музея показываются старинныя знамена, временъ Азова, Очакова и покоренья Крыма.

Толпы зрителей обнажаютъ головы.

Медленно, торжественно, знамя за знаменемъ, реликвію за реликвіей выносятъ представители станицъ и войсковыхъ частей. Знаменъ очень много. Вѣрно нѣсколько десятковъ.

Медленно колышатся шелковыя, священныя полотнища старыхъ знаменъ и какъ бы любовно, съ трепетомъ, прикасаются къ высокимъ киверамъ своихъ знаменосцевъ, ложатся на старыя плечи своихъ прежнихъ старыхъ героевъ. Торжественно суровы лица знаменщиковъ.

И парадъ, и толпа въ глубокомъ молчаніи смотрятъ на славу своего Войска.

Оркестры по очереди играютъ то "Боже Царя Храни", то "Коль Славенъ", а изъ дверей музея все идутъ и идутъ воины, неся все новыя реликвіи.

Вотъ рядъ глубокихъ старцевъ, совершенно бѣлыхъ, выносятъ нѣсколько пикъ.

Почему въ число реликвій попали и пики?

Отвѣтъ ясенъ. Да вѣдь пика была всегда самымъ главнымъ, самымъ страшнымъ оружіемъ казаковъ. Невозможно и представить себѣ казака, безъ длинной, длинной пики, съ блестящимъ, стальнымъ наконечникомъ.

Громъ оркестра.

Колыханіе знаменъ и старыхъ пикъ.

И молчаніе толпы, съ обнаженными головами.

Молча смотрятъ всѣ на знамена, на бунчуки, на пики и знаютъ, что это такое.

Молчаньемъ встрѣчаютъ и кривыя драгоцѣнныя, казачьи шашки и сабли, несомыя на шелковыхъ и парчевыхъ подушкахъ.

Сверкаютъ драгоцѣнныя камни, украшающіе рукоятки и ножны старинныхъ сабель.

Одну за другой несутъ сабли Ефремова, Платова, Иловайскаго, Бакланова.

Того Бакланова, который когда-то, прямо изъ бани, голымъ, только съ этой самой саблей въ рукѣ, вскочилъ на коня и помчался отбивать набѣгъ горцевъ.

"Шайтанъ! шайтанъ!" завопили горцы, увидя голаго всадника, на бѣшено мчащемся конѣ и обратились въ бѣгство.

Знаменитъ и Ефремовъ. Знаменитъ втройнѣ, и какъ воинъ, и какъ атаманъ, и какъ хлѣбосолъ.

КАЗАКИ НА ЭКВАТОРѢ

"Путь въ Индію" оказался гораздо короче, чѣмъ предполагалось. Надо быть только эмигрантомъ и казакомъ въ сѣдлѣ. А отсюда и "всѣ возможности".

Прорѣзавъ Средиземное, Красное и Аравійское моря — въ февралѣ мѣсяцѣ с. г. Кубанская группа джигитовъ (Крикливый, Елисѣевъ, Кривчунъ) высадилась въ Бомбеѣ. Востокъ, настоящій востокъ, со всей своей сказочностью и примитивностью — полностью дохнулъ на насъ, и, не скрою, очаровалъ. Послѣ долгой Европы, гдѣ все такъ "томительно" разсчитано — здѣсь вольготно, широко и баснословно дешево. Престижъ европейца здѣсь подчеркнутъ, и всѣ "инаколицые" должны давать ему дорогу. Казаки же, и по роду занятій (джигитовка) и по костюму находятся въ явственномъ предпочтеніи. За два мѣсяца отъ Бомбея до Калькутты, Индія промелькнула словно чудный сонъ въ этой сказочной, таинственно - дремлющей странѣ. И по Бенгальскому заливу, пройдя еще 10 дней — казаки ровно мѣсяцъ порѣзвились въ джигитовкѣ въ Сингапурѣ (ключъ въ Индію съ востока) и затѣмъ, еще черезъ два дня пути по морю — мы надолго высадились на островъ Ява, войдя въ земли малайскія. На этомъ послѣднемъ пути къ югу — мы прошли экваторъ и, солнышко, со всѣми своими спутниками-звѣздами оказалось сѣвернѣе насъ. Всѣ небесныя свѣтила какъ-то незамѣтно сдвинулись туда, къ сѣверу, въ направленіи къ Родинѣ, словно этимъ напоминая денно и нощно не забывать Ее...

Не забудемъ нигдѣ...

И только папаха казачья здѣсь, все также отъ горя и гордости, надвинута сурово "на глаза, да стягъ казачій немеркающій въ своей многовѣковой славѣ, все также рѣетъ высоко надъ тѣми —

"Кто крестъ Казачества тяжелый
Съ израненныхъ не сбросилъ плечъ
Кто не забылъ свой долгъ казачій
И не вложилъ въ ножны свой мечъ"...

Полковникъ **Елисѣевъ.**

КАЗАЧЬЯ БИБЛІОТЕКА

Въ Парижѣ создается "Казачья библіотека" — культурно - просвѣтительный аполитичный центръ, гдѣ будутъ собираться казаки и друзья казачества, интересующіеся славнымъ казачьимъ прошлымъ и вѣрящіе въ его будущее.

Уже созданъ залъ для чтенія, гдѣ будутъ выдаваться книги по исторіи казачества и казачьихъ краевъ на русскомъ и иностранномъ языкахъ — цѣнныя и рѣдкія изданія о казачествѣ.

Казачьи писатели, поэты, историки, ученые и путешественники займутъ особое мѣсто въ казачьей библіотекѣ. Будутъ журналы и газеты всѣхъ оттѣнковъ казачьей политической мысли, изданные въ Россіи и эмиграціи. При библіотекѣ устраивается кабинетъ эстамповъ о казачествѣ.

Любители казачьей старины могутъ просматривать папки съ гравюрами о прошломъ бытѣ и боевой славѣ казаковъ, съ гравированными портретами атамановъ, замѣчательныхъ казаковъ, героевъ далекаго прошлаго и недавнихъ дней. Одежда, вооруженіе и снаряженіе казачьихъ войскъ, а также церковная и городская казачья старина будутъ показаны въ общей "иконографіи" по казачеству..

Библіотека временно будетъ помѣщаться въ студіи А. К. Семенченкова (ул. Сенъ Симонъ № 16, Парижъ 7-й арр. метро Бакъ) кстати сказать иниціатора и идеи созданія "Казачьей библіотеки".

Библіотека предполагаетъ устраивать доклады и выставки о казачествѣ.

Открытіе библіотеки состоится въ октябрѣ и входъ въ нее будетъ доступенъ для всѣхъ, интересующихся казачествомъ.

Это онъ устроилъ пиръ на весь міръ, когда свою дочку, Маланью, замужъ выдавалъ.

Наготовлено было столько, что всѣ гости, съѣхавшіеся со всѣхъ станицъ, не могли съѣсть и выпить всего добра.

Въ пословицу вошелъ.

До сихъ поръ на Руси, если хотятъ похвалить хлѣбосольство, говорятъ: "наготовили, какъ на Маланьину свадьбу..."

В. Н. Биркинъ.

Пятнадцать лѣтъ служенія — 1919-1934

1916 г. С.-Петербургъ.
А. П. и Н. В. Богаевскіе съ дѣтьми

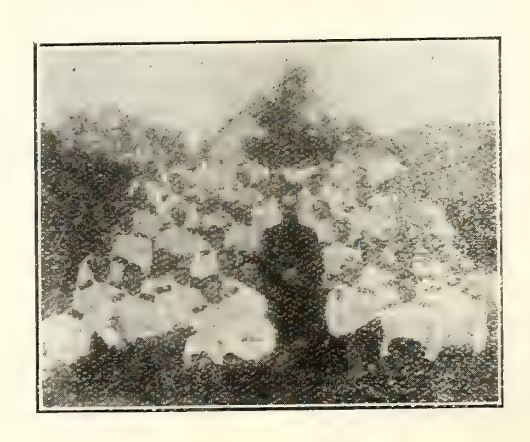
1915 г. в
Царскій смотръ Лейбъ - Гвардіи Сводно - Казачьем
командиръ полка ген.-м

1923. А. П. Богаевскій у донскихъ институтокъ въ Югославіи.

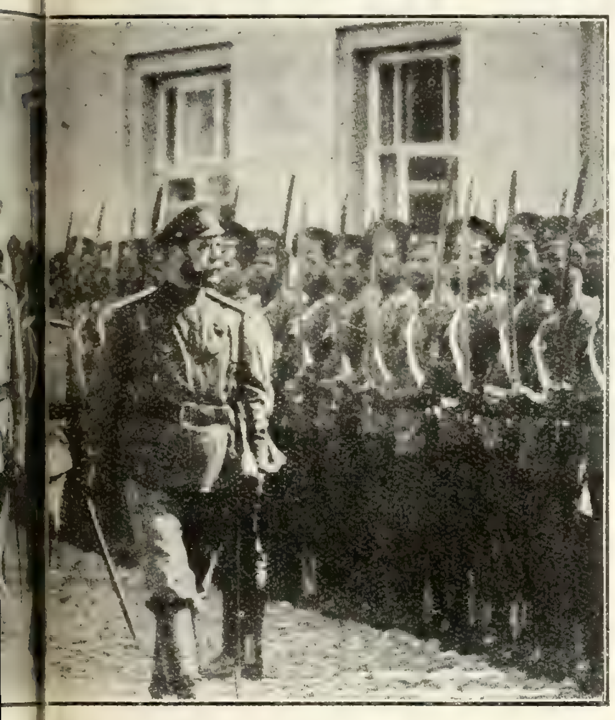

1929 г.
Донской Атаманъ ген
съ супругой Над

1923. А. П. Богаевскій среди донскихъ кадетъ въ Югославіи.

9-134 — Всевеликому Войску Донскому

1915 г. въ Могилевѣ
Казачьему полку. За Государемъ — ген. М. В. Алексѣевъ и
а ген... ь А. П. Богаевскій

1919 г. Пріемъ парада.

1919 г. Хлѣбъ-соль калмыковъ

...ижъ.
... г. А. П. Богаевскій
... й Васильевной.

1919 г. Въ Атаманскомъ Дворцѣ въ Новочеркасскѣ.
Церемонія врученія ордена св. Михаила и Георгія англійскимъ генераломъ Хольмсеномъ.

На Дону въ началѣ 18 вѣка

Отрывокъ изъ книги голландскаго вице - адмирала Крюйса, изданной въ 1763 году, въ Амстердамѣ. Переведено съ голландскаго въ 1934 .. въ С.-Петербургѣ.

При впаденіи рѣки Вороны въ Донъ, начинается Казачья земля. Городки, лежащіе на Дону, весьма не корыстны, имѣютъ мало замѣчательнаго, могущаго остановить вниманіе любопытныхъ. Большая ихъ часть построена на островахъ, обнесены двойными палисадами, въ нѣкоторыхъ есть цитадели, состоящія изъ рубленыхъ круглыхъ башенъ, защищаемыхъ достаточнымъ гарнизономъ.

Черкасскъ, главный изъ Казачьихкъ городковъ, построенъ на острову, составляемомъ рукавами Дона; укрѣпленъ по старинному бастіонами и круглыми башнями, вооруженными 80 орудіями, добытыми Казаками съ Турецкихъ кораблей. Гарнизонъ состоитъ изъ семи или осьми тысячъ человѣкъ конныхъ, пѣшихъ и матросовъ. Черкасскъ имѣетъ удобную, торговую пристань. Дома, кромѣ немногихъ, по причинѣ долго продолжающейся водополи, строются на сваяхъ, весьма тѣсно, почти безъ дворовъ и раздѣляются на два жилья. Одна половина дома съ печьми для жилья зимой, въ другой проводятъ лѣто; въ сей послѣдней стѣны всегда бѣлы и содержатся въ такой чистотѣ, какъ посуда. Въ Черкасскѣ Казаки держатъ совѣты о военныхъ дѣлахъ, и тутъ мѣстопребываніе ихъ Атамана.

Почва земли по обоимъ берегамъ Дона не одинакова: есть лѣса, каменистые бугры, песчаные холмы, мѣловыя и другія горы, посему много есть мѣстъ неудобныхъ для хлѣбопашества. На низменныхъ же мѣстахъ ,по берегамъ рѣкъ, земля такъ жирна, что безъ унаваживанія жители получаютъ отъ работъ своихъ вдвое противъ того, что земледѣльцы получаютъ въ другихъ странахъ. При всемъ томъ, хлѣбопашество у Казаковъ въ презрѣніи: имъ занимаются только невольники изъ плѣнныхъ, которые едва сѣютъ столько хлѣба, сколько потребно для прокормленія семействъ, къ коимъ они принадлежатъ. Здѣшніе лѣса приносятъ разные плоды, какъ-то: яблоки, груши, вишню, смородину и проч. безъ всякаго присмотра. Донскіе Казаки недостатокъ хлѣба замѣняютъ рыбой, разнымъ мясомъ, яйцами и молокомъ; всего этого у нихъ находится въ излишествѣ. Имъ стоитъ только бросить сѣть, чтобы имѣть рыбу; ибо Донъ изобилуетъ осетрами, бѣлугами, стерлядями, щуками, окунями и проч. Всѣ сіи рыбы очень вкусны и такъ дешевы, что сазана въ 24 фунта мы(говоритъ Крюсъ) покупали за копѣйку. Рогатаго скота, овецъ, свиней и всякой дичи на Дону множество. Казаки, какъ и многіе Сѣверные народы, охотники до крѣпкихъ напитковъ; однако, въ походѣ, особенно въ морскихъ поискахъ, рѣдко встрѣтите пьянаго; ибо запрещается имъ подъ опасеніемъ строгаго наказанія брать съ собой вино и водку: обыкновеніе, достойное похвалы въ такомъ народѣ, который многими почитается варварскимъ; въ семъ отношеніи Казаки превосходятъ нашихъ (голландскихъ) матросовъ.

Земскіе обычаи Донскихъ Казаковъ въ концѣ ХУП и въ началѣ ХУШ столѣтій, какъ мало извѣстные, стоятъ того, чтобы описать ихъ нѣсколько обстоятельнѣе. Они вообще бѣлолицы, сановиты и храбры. Болѣзней почти не знаютъ. Большая часть умираетъ или въ сраженіи съ непріятелемъ, или отъ старости. Женщины красавицы имѣютъ глаза темные, большія ноги, маленькія руки; волосы черные, правильныя черты; очень обходительны и вѣжливы съ чужестранцами. Платье носятъ точно такое же, какъ турчанки, съ тою только разницею, что головной уборъ нѣсколько ниже: онѣ не закрываютъ лицъ. Всѣ наблюдаютъ большую опрятность въ одеждѣ, мужчины носятъ почти Польскіе кафтаны.

Казаки добродушны и щедры, не копятъ богатства; имѣютъ много ума, хитры и особенно искусны въ военномъ дѣлѣ. Никто лучше Казака не умѣетъ напасть на непріятеля быстро и нечаянно, заманить его въ засаду и воспользоваться малѣйшей его оплошностью. Они весьма храбры, равнодушно переносятъ голодъ, жажду и всѣ случающіяся на войнѣ тягости. Жаль, что при такихъ качествахъ они легкомысленны и непостоянны, хотя въ бумагахъ и называютъ себя всегда вѣрными. Они любятъ вольность и свое правленіе, въ которомъ каждый Казакъ имѣетъ участіе; по сей причинѣ нѣтъ у нихъ родового дворянства и подчиняются одному только начальнику, который избирается ими единогласно. Они называютъ его Войсковымъ Атаманомъ, подъ нимъ участвуютъ въ управѣ Старшины и Есаулы. Сіи, такъ же, какъ и Войсковой Атаманъ, избираются, и не легко могутъ отказаться отъ поручаемой имъ должности: часто случалось, что таковыхъ, почитая измѣнниками, или недоброжелателями общей пользѣ казнили смертію. Когда избранному объявляютъ его чинъ, онъ благодаритъ собравшихся на Кругъ за честь, и клянется братьямъ (иного названія Казаки другъ другу не даютъ) до исхода дуци своей не щадить жизни для общаго блага и быть вѣрнымъ исполнителемъ возложеннаго на него порученія...

ЗА РАБОТОЙ

Казаки въ Шалеттѣ

Пришлось мнѣ побывать въ одной изъ крупныхъ русскихъ колоній во Франціи, въ мѣстечкѣ Шалеттъ при заводѣ Гутчинсонъ.

Работаетъ на этомъ заводѣ много казаковъ.

Есть казачьи организціи, общеказачья станица, возглавляемая атаманомъ станицы М. В. Леоновымъ уже второй срокъ. У станицы есть свое помѣщеніе, предоставленное заводоуправленіемъ, состоящее изъ квартиры для станичнаго атамана, станичнаго правленія и библіотека.

Библіотека большая и хорошая и находится въ порядкѣ.

Члены станицы почти всѣ работаютъ на заводѣ. Станичный праздникъ день Св. Троицы и въ этотъ день станица служитъ въ мѣстномъ прекрасномъ храмѣ молебенъ о здравіи Войсковыхъ атамановъ, гг. офицеровъ и казаковъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Послѣ церкви атаманъ М. В. Леоновъ приглашаетъ членовъ станицы въ ресторанъ "Тихій Донъ" на "чарку".

Вторая организація — это Казачій клубъ или какъ мѣстное казачье населеніе называетъ — кооперативъ. Возглавляетъ клубъ казакъ Кубанскаго Казачьяго Войска, Войсковой старшина Иванъ Тимофеевичъ Ступниковъ. Въ казачьемъ клубѣ состоитъ 38 членовъ, въ томъ числѣ и атаманъ общеказачьей станицы, какъ рядовой членъ.

Все время Казачій Клубъ имѣлъ помѣщеніе подъ ресторанъ, арендуя его у частнаго лица, а теперь помѣщеніе собственное на землѣ, отпущенной клубу заводоуправленіемъ безплатно на 10 или 15 лѣтъ.

Теперешнее собственное помѣщеніе большое, чистое и вмѣстительное и главное гарантированное уже потому, что если всѣ 38 членовъ казачьяго клуба будутъ обѣдать и ужинать, то существованіе ресторана обезпечено съ лихвой.

При посѣщеніи ресторана клуба, я встрѣтился съ главой и его помощникомъ, которые, окончивъ свой трудовой день на заводѣ, собрались въ своей собственной казачьей клубной столовой - ресторанѣ доканчивать, — достраивать и украшать свое дѣтище.

Изъ разговоровъ съ посторонними казаками, не входящими въ составъ клуба и станицы, а почему и сами того не знаютъ, мнѣ удалось узнать, сколько трудовъ положили члены и особенно глава клуба, энергичный и дѣятельный Войсковой Старшина И. Т. Ступниковъ, который буквально отдаетъ все свое свободное время на благо и пользу созданнаго имъ въ 1913 году Казачьяго Клуба и на благо родного казачества.

Черноморецъ.

ПАМЯТИ ДРУГА

На небольшомъ кладбищѣ парижскаго пригорода Жуанвилль - ле - Понъ въ сентябрѣ предали землѣ тѣло сотника Донского войска ст. Урюпинской, Василія Арсентьевича Котовчихина.

Оборвалась незамѣтно молодая жизнь заводского труженика. Еще одна безсчетная русская жертва, жертва страшнаго людского бича — туберкулеза.

Угасалъ молодой сотникъ долго, но все крѣпился, вѣрилъ, надѣялся, что поборитъ недугъ. Вѣрилъ, что увидитъ безкрайнія донскія степи, родимый хуторъ. Посмѣивался, что зальется своимъ звонкимъ подголоскомъ въ родномъ углу, но не сбылось.

Часто вмѣстѣ мы вспоминали о далекомъ. Вспоминали этапы гражданской войны, Новороссійскъ, тысячи казаковъ, брошенныхъ тамъ на берегахъ Чернаго моря. Вспоминали и переходъ отъ красныхъ къ полякамъ, службу въ польской арміи, сидѣніе за проволокой сначала въ казармахъ, а потомъ въ знаменитыхъ тухельскихъ земляныхъ баракахъ, гдѣ въ годы Великой войны нѣмцы держали военноплѣнныхъ.

Суровая была жизнь, но покойникъ предпочиталъ ее заводскому прозябанію. Много было золъ съ началомъ гражданскай войны, но все переносилъ казачій офицеръ. Былъ раненъ, но на полѣ брани не погибъ. Скосила безжалостная смерть въ мирной обстановкѣ заводского бытія.

Офицерская землянка Донского имени ген. Мамонтова полка въ лагерѣ Тухоль, Польша. Налѣво — В. А. Котовчихинъ, рядомъ съ нимъ, вправо — ком. полка Есаулъ Е. С. Фолометовъ.

Отошелъ въ вѣчность.

Погребли на чужомъ погостѣ безъ причитаній, безъ погребальныхъ перезвоновъ. Лишь батюшка предалъ тѣло со знакомыми съ дѣтства печальными надгробными пѣснопѣніями. Надъ свѣжей могилкой поставили маленькій деревянный крестъ.

Пройдутъ положенные пять лѣтъ, и холмикъ надъ прахомъ донского офицера сравняется съ землей. И никто не будетъ знать, что "нѣкогда жилъ-былъ казакъ на чужбинѣ".

Д. Воротынскій.

† В. В. УПОРНИКОВЪ

25 августа въ Вильжюифѣ скончался полковникъ Донск. Войска лейбъ-казакъ, Василій Васильевичъ Упорниковъ. Многіе и многіе оплакиваютъ потерю доблестнаго офицера, прекраснаго человѣка, исключительной честности ,съ высоко развитымъ чувствомъ товарищества и любви къ Родинѣ и Дону.

Хозарскій городъ у станицы Цымлянской

Вокругъ станицы Цымлянской произведены раскопки на мѣстѣ древняго городища.

При раскопкахъ по сообщенію "Правды" отъ 19 сентября, обнаружены остатки древняго хозарскаго города Саркела.

Крѣпость Саркелъ была выстроена для хозарскихъ правителей византійскими мастерами. Въ 965 году городъ Саркелъ былъ захваченъ кіевскимъ княземъ Святославомъ.

Уже въ Х1У столѣтіи отъ города оставались однѣ развалины.

Теперь при раскопкахъ найдены фундаменты древнѣйшихъ строеній, обломки мраморныхъ колоннъ, разные предметы быта.

Найденъ хорошо сохранившійся крупный лемехъ. Найдено много костей животныхъ.

Особенно поражаетъ большое количество оленьихъ костей. Повидимому, хозары ѣздили на оленяхъ, хотя, какъ извѣстно, олени на Дону не водятся уже давно.

Въ нашей станицѣ

— Съ новаго учебнаго года, съ сего мѣсяца, нашъ почетный казакъ, Аббатъ К. Кенэ, предоставилъ безвозмездно станицѣ помѣщеніе на ул. Фоссе С. Бернаръ № 6 (5-й арр.).

— 28 октября, въ 16 час. состоится въ новомъ помѣщеніи объединенное засѣданіе правленія станицы и ревизіонной комиссіи для подготовки перваго станичнаго сбора въ этомъ учебномъ году.

— Тамъ же ,въ воскресенье 11 ноября, въ 16 час. состоится станичный сборъ. Присутствіе всѣхъ членовъ станицы необходимо. Повѣстка дня: докладъ правленія; докладъ ревизіонной комиссіи; пріемъ новыхъ членовъ; выборы комиссіи по подготовкѣ станицы и устройства станичнаго станда на обще-казачьей выставкѣ, которая состоится весной будущаго года; выборы редакціонной коллегіи "Станицы" и выборы новаго правленія.

— Всѣмъ учащимся членамъ станицы предлагается на станичный сборъ 11 ноября представить въ правленіе письменныя просьбы о стипендіи для составленія матеріала для новаго правленія, къ второму стничному сбору.

— **ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ** при станицѣ подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго М. А. Адамова безвозмездно обслуживаетъ станичниковъ. Пріемъ ежедневно отъ 6 час. 30 мин. веч. до 8 час. веч. на рю де ла Конвансьонъ, № 85.

— **МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ** оказывается безвозмездно студентамъ - казакамъ почетнымъ старикомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5 до 7 час. вечера на 122, бульваръ Мюратъ (по запискамъ отъ правленія).

ПРІЕМЫ ПО ДѢЛАМЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ И ЖУРНАЛА "СТАНИЦА":

Ст. атаманъ и предсѣдатель ред. коллегіи, П. Гусевъ, принимаетъ по пятницамъ отъ 8 до 9 час. веч. на квартирѣ 7, рю Жоббе - Дюваль, Парижъ (15) Дежурный членъ правленія и ред. коллегіи принимаетъ по воскресеньямъ въ помѣщеніи станицы, отъ 4 до5 час. дня на 6, рю де Фоссе С. Бернаръ (5)

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ И КОНТОРЫ ЖУРНАЛА "СТАНИЦА"

Съ 1 октября 1934 г. всю корреспонденцію для нашей организаціи и нашего журнала просимъ направлять по новому адресу:

«*Stanitza*», 6, *rue Fossés St. Bernard. Paris*, 5

ПО „СТАНИЦѢ"

ПЕРЕЧЕНЬ МАТЕРІАЛА, ПОМѢЩЕННАГО ВЪ ПЕРВОЕ ТРЕХЛѢТІЕ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ — НОЯБРЬ 1931 г. — ОКТЯБРЬ 1934, №№ 1 — 12.

Цѣна отдѣльнаго номера 2 франка.

Комплектъ (12 №№) въ переплетѣ — 30 фр.

Абонементъ на 1935 г. — 8 фр.

Мелкiя суммы можно высылать въ конвертахъ простыми письмами, франц. почтовыми марками или международными почт. купонами, по адресу:

«Stanitza», 6, rue des Fossés St. Bernard. Paris

Typographie Franco-Caucasienne, 50, Faubourg du Temple — Paris (11) Le Gérant: *Ch. Quénet*

СТАНИЦА

№ 13

STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS

6, rue des Fossés St-Bernard, Paris (5e)

Février 1935 **Prix : 2 frs**

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

« STANITZA » 6, Rue des Fossés St Bernard, Paris (5e)

№ 13 ФЕВРАЛЬ 1935 г. Годъ изданія 4-й

Свѣтлой памяти нашего почетнаго казака

Донского Атамана

Ген. А. П. БОГАЕВСКАГО

Въ лицѣ скончавшагося 21 октября прошлаго года послѣдняго избранника Тихаго Дона, Войскового Атамана генерала Африкана Петровича Богаевскаго, наша станица понесла тяжкую, невознаградимую потерю.

Ушелъ отъ насъ нашъ почетный казакъ, который къ несказанной нашей радости и гордости принялъ это званіе пять лѣтъ тому назадъ отъ Парижскихъ студентовъ-казаковъ.

Нѣтъ уже съ нами того, кто съ чистымъ сердцемъ и всей душой, съ самаго основанія станицы и до послѣднихъ дней своей жизни — болѣе десяти лѣтъ — всѣми имѣющимися въ его распоряженіи способами, средствами и возможностями, неустанно откликался на нужды студентовъ, оказывая цѣнную и разнообразную помощь нашей станицѣ и всѣмъ ея начинаніямъ, направленнымъ къ облегченію тернистаго пути зарубежной казачьей молодежи, стремящейся къ пріобрѣтенію знаній въ высшихъ школахъ.

Это стремленіе покойный Атаманъ поощрялъ, развивалъ и всячески поддерживалъ съ первыхъ дней пребыванія казачества на чужбинѣ, неоднократно отмѣчая исключительную важность и необходимость накопленія казачьей молодежью знаній въ самыхъ различныхъ отрасляхъ гуманитарныхъ наукъ, искусства, литературы, техники, медицины, сельскаго хозяйства, военнаго дѣла, и т. д. и т. д., не только для ихъ личнаго устройства въ эмигрантской жизни — никому не вѣдомы сроки возвращенія нашего на родную землю — но и для достойнаго великой страны будущаго, которое немыслимо безъ наличія возможно большаго кадра культурныхъ силъ.

Ко многимъ тысячамъ, оплакивающимъ смерть Африкана Петровича какъ Атамана, военоначальника, благороднаго человѣка, съ исключительно добрымъ сердцемъ, патріота и азмѣчательнаго общественнаго дѣятеля, опытнаго администратора, мудраго политика, упомянемъ и создавшійся за годы эмиграціи кадръ учащейся казачьей молодежи, казаковъ и казачекъ, получившихъ въ изгнаніи среднее, спеціальное и высшее образованіе. Вмѣстѣ съ ними скорбятъ о потерѣ А. П. и всѣ тѣ, кто ихъ училъ и воспитывалъ, ими руководилъ и далъ возможность получить знанія добывая нужныя средства, ходатайствуя за нихъ передъ власть имущими, устраивая ихъ нерѣдко впослѣдствіи на службу, какъ напримѣръ, б. управляющій отдѣломъ народнаго образованія на Дону, а нынѣ директоръ русской гимназіи въ Прагѣ г. Свѣтозаровъ, начальница Донского института г-жа Духонина, б. директора Донского кадетскаго корпуса ген. Черячукинъ и ген. Перретъ, извѣстный французскій другъ казачьей учащейся молодежи, нашъ почетный казакъ Аббатъ К. Кенэ, и мн. др.

Да послужитъ наша глубокая печаль и скорбь, наши горячія молитвы къ Престолу Всевышняго о упокоеніи души воина Африкана, хотя бы слабымъ утѣшеніемъ и моральной поддержкой въ неизбывномъ горѣ вдовы почившаго, Надежды Васильевны, всегда доброй и привѣтливой Матери-Атаманши, принимавшей дѣятельное и теплое участіе въ работѣ своего супруга по помощи и поддержкѣ студентовъ-казаковъ.

Парижская Студенческая Казачья Станица.

Идея общеказачности

Общее собраніе Студенческой станицы въ Парижѣ 27 января 1935 г. съ большимъ вниманіемъ и интересомъ отозвалось на призывъ комиссіи по выборамъ Донского Атамана. Кромѣ отвѣтовъ на поставленные вопросы Комиссіей, общее собраніе, въ дополненіе проэкта о будущей дѣятельности новаго Атамана, проситъ Комиссію по выборамъ зарегистрировать единогласно одобренное собраніемъ нижеслѣдующее пожеланіе станицы, предложенное В. С. Крюковымъ.

Политическими событіями казачество поставлено передъ страшной опасностью. Хотя смерть казачества немыслима, но оно, какъ идея, можетъ оказаться омертвѣвшей, безъ признаковъ жизни. Необходимы очень большія усилія теперь для его сохранности. Казачья эмиграція чуть ли не всецѣло отвѣтственна при этомъ передъ своей исторіей. Мѣръ въ самосохранности казачества въ настоящемъ и для будущаго у насъ мало, но одна изъ нихъ несомнѣнно дѣйствительна: единеніе всѣхъ казачьихъ силъ, казаковъ всѣхъ казачьихъ войскъ, выражаемое однимъ лицомъ. Жизненность этой идеи мы наблюдаемъ въ примѣрахъ постройки большинства казачьихъ организацій въ зарубежьи: общеказачьи по названію, онѣ, въ силу защиты своихъ интересовъ и значенія единаго представительства, сплочены по духу и мысли родственнаго единенія казаковъ всѣхъ казачьихъ войскъ. При этомъ, казачья общность не нарушается выполненіемъ бытовыхъ и традиціонныхъ особенностей представителями разныхъ войскъ, а уважаются какъ дѣла внутрисемейныя. Эта мысль, диктуемая снизу, находитъ подтвержденіе въ современной тенденціи государствъ, группирующихся въ трудные періоды жизни для самозащиты силою единаго представительства.

Намъ, казакамъ, въ такое отвѣтственное время, при полной сходности всѣхъ нашихъ внѣшнихъ и внутреннихъ интересовъ и всегдашней готовности казаковъ всѣхъ войскъ къ спаянности, не использовать эти уроки времени — преступно передъ нашимъ будущимъ. При начатой перестройкѣ возглавленія въ старѣйшемъ и наибольшемъ Донскомъ войскѣ именно теперь надо положить эту идею общеказачности въ основу будущей дѣятельности возглавителя.

Принципъ единенія казачьихъ силъ уже примѣнялся подъ разными видами въ нашемъ недавнемъ прошломъ и онъ никакъ не нарушаетъ духа нашихъ конституцій, въ сущности своей почти одинаковыхъ. Наше же грозное время обязываетъ теперь лишь углубить этотъ принципъ и оформить его въ лицѣ единаго выразителя казачества въ эмиграціи — Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ. Соблюдая при этомъ принципъ внутренней автономности отдѣльныхъ войскъ со своими Атаманами и выборности, можно бы существующій нынѣ Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека расширить привлеченіемъ въ него представителей отъ другихъ войскъ.

Опредѣленіе взаимоотношеній между этими двумя органами власти должно быть возложено на созываемый Общеказачій съѣздъ въ Парижѣ, значеніе и организація котораго также должны быть расширены.

Такая, конспективно изложенная, реформа соотвѣтствуетъ времени и обстоятельствамъ.

Предвыборныя настроенія

Притихшая общественная жизнь донцовъ въ Парижѣ, послѣ періода недоразумѣній, теперь оживлена до страстности. Появилось общее, серьезное дѣло — выборы Донского Атамана. Оно всколыхнуло и равнодушныхъ и отчаявшихся въ общественной жизни казаковъ въ эмиграціи. Увѣренно можно сказать, что всѣ оттѣнки внѣшней дѣлимости донцовъ отстранены этимъ дѣломъ и всѣ одинаково почувствовали горесть отсутствія Атамана, какъ офиціальнаго ихъ возглавителя и какъ моральнаго устоя тому чувству, которое опредѣляетъ ихъ семейственность. Скажемъ откровенно — стало страшно передъ возможностью потерять, можетъ быть, на-вѣки, это связующее насъ въ одно цѣлое начало, которое мы, часто неощутимо, въ себѣ носимъ. Отсюда страстность — немедленно и достойно восполнить пробѣлъ.

Несомнѣнно это оживленіе распространилось на провинцію и всѣ страны разсѣянія донцовъ, но Парижъ, какъ центръ, въ которомъ находятся почти всѣ называемые кандидаты на постъ Донского Атамана, подогрѣвается ихъ присутствіемъ и со-

прикосновеніемъ съ нами. Слухи, пересуды, вымыслы, эти спутники страстности и личныхъ счетовъ, мѣшаютъ правдѣ и здравому сужденію здѣсь можетъ быть больше, чѣмъ въ провинціи. Поэтому мы не хотимъ вводить въ заблужденіе читателей передачей всего недостовѣрнаго. Ниже мы помѣщаемъ наши бесѣды съ кандидатами и біографіи ихъ.

Но мы все же считаемъ нужнымъ предложить вниманію казаковъ свои безпристрастныя, обобщенныя впечатлѣнія по этому вопросу, полученныя нами отъ наблюденія многочисленныхъ теперь казачьихъ собраній въ Парижѣ, и частныхъ встрѣчъ, также теперь оживившихся, въ связи съ предстоящими выборами.

Главными кандидатами, какъ извѣстно, теперь остаются: графъ Граббе М. Н., ген. Черячукинъ А. В., ген. Поповъ П. Х. и Ефремовъ И. Н. Генералъ Красновъ П. Н. вольно, или невольно, снялъ свою кандидатуру, несмотря на ярко проявленное единодушіе при постановкѣ его кандидатуры въ большинствѣ казачьихъ собраній въ Парижѣ. Мы склонны при этомъ дѣйствительнымъ элементъ «политической невольности». Какъ человѣкъ долга службы и преданности казачеству, врядъ ли бы онъ вольно отказалъ проявленному единодушію казаковъ. Къ достоинству донцовъ надо отнести отсутствіе на собраніяхъ той злобности и каверзности по отношенію кандидатовъ, которыя можно бы ожидать при страстности сужденій. Это же явленіе опредѣляетъ достойныя качества всѣхъ называемыхъ кандидатовъ. Мы знаемъ о широкомъ распространеніи листовокъ, чаще анонимныхъ, продиктованныхъ личными счетами въ прошломъ; придавать имъ серьезнаго значенія, конечно, нельзя.

Обобщая наши наблюденія надъ выборщиками, мы сводимъ ихъ къ двумъ замѣтнымъ группамъ: практической и эмоціональной. Первые оцѣниваютъ въ кандидатѣ преобладающее значеніе тѣхъ качествъ, которыя выгодно помогли бы матеріальному благоустройству донцовъ въ эмиграціи: соотвѣтствующій складъ характера, организаціонныхъ способностей, наличіе связей въ эмиграціи и въ иностранной средѣ, знаніе языковъ, представительность, трудоспособность, прошлое по отношенію къ союзникамъ и пр. Принципъ этой группы — все для дѣловой практичности. Вторая группа, учитывая значеніе перечисленныхъ качествъ кандидата, склонна расцѣнивать преобладающую роль при этомъ единеніе казачества вокругъ «своего кровнаго» Атамана, чуткаго, отзывчиваго, близкаго къ душѣ казака и его пониманію. Здѣсь прочнѣе мысль о сохранности казачества для будущаго путемъ укрѣпленія семейственности въ настоящемъ. Эта группа меньше вѣритъ въ возможность теперь создать базу значительнаго благоустройства и матеріальныхъ выгодъ для казаковъ путемъ усилій одного лица — Атамана.

Общимъ для обѣихъ группъ является почти равнодушное отношеніе къ общерусскимъ политическимъ склонностямъ кандидатовъ, а совмѣщеніе ихъ качествъ въ обоихъ случаяхъ не позволяетъ сдѣлать строго опредѣленный выборъ.

Все же, по нѣкоторымъ признакамъ, кандидатомъ первой группы является чаще гр. Граббе М. Н., а второй ген. Черячукинъ А. В. **В. К.**

Послѣдній долгъ

Съ утра 21 октября 1934 г., какъ только разнеслась по Парижу вѣсть о смерти Донского Атамана, непрерывнымъ потокомъ въ небольшую, скромную квартиру почившаго на ул. Франсуа Коппе шли отдать послѣдній долгъ послѣднему избраннику Тихаго Дона донскіе казаки, казаки другихъ войскъ и многочисленные представители русской эмиграціи. За 56 часовъ пребыванія на дому праха усопшаго было отслужено 5 панихидъ, болѣе 2000 человѣкъ перебывало у гроба, утопавшаго въ цвѣтахъ. Такъ какъ въ провинціи еще не знали, что тѣло Атамана будетъ покоиться въ храмѣ до 28-го октября, то на квартиру прибыли делегаціи многихъ казачьихъ организацій, возложившихъ вѣнки. Круглыя сутки, до 23-го октября, почетный караулъ несли донскіе офицеры и казаки. Много искреннихъ слезъ пролилось въ эти дни, горько оплакивавшихъ кончину горячо любимаго Африкана Петровича старыхъ генераловъ, потерявшихъ своего друга дѣтства, однокашника, соратника и сослуживца, служившихъ и сражавшихся подъ его начальствомъ офицеровъ и казаковъ, и ихъ матерей, женъ, сестеръ и дѣтей.

23 октября тѣло Атамана въ двойномъ гробу (дубовый и цинковый) было торжественно перенесено въ нижнюю церковь на ул. Дарю. Ежедневно въ 6 час. вечера при большомъ стеченіи молившихся служились панихиды до воскресенья 28-го. Всѣ эти дни церковь была открыта съ утра до поздней ночи и свыше 5000 человѣкъ за это время

поклонились праху почившаго, среди которыхъ были не только почитатели, но и политическіе противники Атамана — личныхъ враговъ у него не было.

У гроба въ церкви почетный караулъ несли чины Атаманскаго военнаго училища, Донского офицерскаго резерва, союзовъ партизанъ-степняковъ, донскихъ кадетъ и донскихъ артиллеристовъ, Гвардейской бригады, членовъ О-ва Ревнителей Кубани и Терскаго Объединенія.

Громадные русскіе и донскіе трехцвѣтные флаги покрывали гробъ, вокругъ котораго возвышались горы букетовъ и вѣнковъ. На гробъ были положены фуражка покойнаго, Атаманскій киверъ, шашка съ георгіевскимъ темлякомъ, скрещенная съ ножнами, въ головахъ — Войсковой значекъ и значекъ Гвардейской каз. бригады; у ногъ расположены Кубанскій и Терскіе флаги, а по бокамъ — значки и стяги казачьихъ организацій. На большомъ столѣ, на черныхъ бархатныхъ подушкахъ останавливается вниманіе приходящихъ на многочисленные русскіе и иностранные ордена покойнаго.

Въ воскресенье 28-го утромъ, послѣ литіи, гробъ былъ перенесенъ въ верхнюю церковь и установленъ на спеціальномъ возвышеніи. Въ указанныхъ распорядителями мѣстахъ собрались представители многочисленныхъ воинскихъ и общественныхъ организацій и делегаціи мѣстныхъ и провинціальныхъ казачьихъ организацій. Отъ входа въ храмъ и до алтаря, цѣпями въ два ряда, въ двѣ смѣны несли караулъ отряды, составленные изъ части прибывшихъ на похороны казаковъ, чиновъ Л. Гв. Казачьяго и Атаманскаго полковъ, казаковъ-младороссовъ и организаціи русскихъ скаутовъ. Изъ иностранцевъ присутствовали представители національнаго союза французскихъ комбатантовъ, югославскаго и англійскаго посольствъ. Къ началу отпѣванія прибыли Великія Князья Борисъ и Андрей Владиміровичи и Гавріилъ Константиновичъ. Около гроба въ глубокомъ траурѣ собралась семья Атамана: вдова его, Надежда Васильевна, падчерица графиня Т. А. Келлеръ, Е. Д. Богаевская (вдова Митрофана Петровича), братъ его Януарій Петровичъ и сынъ, Борисъ Африкановичъ, съ супругой Ниной Ивановной. Старшій сынъ — Евгеній Африкановичъ, офицеръ сербской службы, не могъ пріѣхать на погребеніе изъ за болѣзни.

Началась заупокойная литургія. Толпы народа заполняютъ дворъ и прилегающія къ нему улицы, на которыхъ пріостановилось автомобильное движеніе. Во время службы несли почетный караулъ у гроба воспитанники кадетскаго корпуса имени Императора Николая II, существующаго вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ и состоящаго подъ покровительствомъ Короля Югославіи, и генералы Донского, Кубанскаго, Терскаго, Уральскаго, Астраханскаго, Оренбургскаго и др. каз. войскъ. Караулы смѣняются каждые 10 минутъ. Одна изъ смѣнъ состояла изъ двухъ бывшихъ Донскихъ Атамановъ — наказнаго, графа М. Н. Граббе и выборнаго — ген. П. Н. Краснова. Въ полномъ составѣ поетъ хоръ Афонскаго. Панихиду служитъ Митрополитъ Евлогій съ многочисленнымъ духовенствомъ.

Владыка и о. Дмитрій Троицкій произносятъ трогательное слово памяти усопшаго Атамана и начинается прощаніе, которое длится болѣе часа. Гробъ выносятъ изъ храма и несутъ на рукахъ до катафалка генералы А. И. Деникинъ, П. Н. Красновъ, гр. М. Н. Граббе, Е. К. Миллеръ, Б. И. Хорошхинъ, И. Г. Акулининъ и др. соратники и сослуживцы покойнаго.

«Коль славенъ», начатое скаутами, подхватываетъ толпа.

Несмотря на то, что такое множество народа, какъ это было на похоронахъ Атамана, можно наблюдать лишь на Пасху, порядокъ все время поддерживался образцовый. Комитетъ по организаціи похоронъ, при поддержкѣ казачества и всѣхъ почитателей Атамана, съ честью выполнилъ возложенную на него задачу. Торжественно, многолюдно и въ полномъ соотвѣтствіи съ высокимъ званіемъ почившаго прошелъ печальный обрядъ.

Въ толпѣ слышались замѣчанія — «похоронили по царски»... «Ничего подобнаго русскій Парижъ до сего времени не видѣлъ», и т. д.

Свыше 100 автомобилей, вмѣстившихъ болѣе 600 человѣкъ, двинулись за катафалкомъ на кладбище въ С. Женевьевъ, гдѣ процессію уже ждало мѣстное духовенство съ хоромъ. Послѣ отпѣванія надгробное слово у открытой могилы произносятъ о. Александръ Калашниковъ (Донской казакъ), предсѣдатель Донского Правительства Н. М. Мельниковъ и ген. А. В. Черячукинъ. Слышны громкія рыданія. Гробъ опускаютъ въ могилу. Казаки засыпаютъ ее землей и могильный курганъ украшается цвѣтами и вѣнками въ два метра высотой. Въ послѣдній разъ присутствующіе поютъ вѣчную память, съ могилы дѣлается фотографическій снимокъ. Похороны закончены.

На похоронахъ былъ представленъ весь русскій Парижъ. Невозможно перечислить даже главъ организацій, имѣвшихъ своихъ представителей въ церкви. Зарегистрировано болѣе 200 делегацій, изъ которыхъ 55 представляли казачью провинцію и казачій Парижъ.

На гробъ Атамана возложено 88 вѣнковъ и 156 букетовъ. Всѣ ленты съ вѣнковъ сняты и ихъ предположено направить въ Донской музей.

Съ 22 странъ русскаго разсѣянія вдовой Ата-

мана, Надеждой Васильевной, получено 298 соболѣзнованій по почтѣ и телеграфу: изъ Албаніи 1, Болгаріи 28, Бельгіи 6, Венгріи 2, Чехіи 25, Германіи 4, Югославіи 41, Америки 18, Франціи 145, Герцогства Люксембургскаго 1 Персіи 1, Китая 2, Уругвая 7, Англіи 1, Литвы 2, Сенегаля 1, Польши 3, Греціи 3, Ирака 1, Алжира 3 и изъ Марокко 3. Большинство изъ корреспондентовъ — казачьи и обще-русскія организаціи. Н. В. Богаевская, не имѣя возможности отвѣтить каждому въ отдѣльности, поблагодарила ихъ за участіе въ ея горѣ черезъ русскія парижскія газеты.

Комиссией по увѣковѣченію памяти Донского Атамана генерала А. П. Богаевскаго готовится къ печати иллюстрированный сборникъ, посвященный памяти покойнаго. Ко всѣмъ друзьямъ Атамана, его начальникамъ, сослуживцамъ и подчиненнымъ, какъ къ казакамъ, такъ и не-казакамъ, комиссія обращается съ просьбой прислать ей матеріалы изъ его жизни и дѣятельности.

Редакція сборника оставляетъ за собой право воспользоваться рукописями частично или же цѣликомъ. По желанію, оговоренному одновременно съ присылкой матеріала, таковой по его использованію будетъ возвращаться по принадлежности. Рукописи можно направлять по адресу ред. «Станицы»: Gousseff. 7, rue Jobbé Duval. Paris (15).

П. Гусевъ.

ОТЧЕТЪ

Комитета по организаціи сбора средствъ и по погребенію Донского Атамана Генералъ-Лейтенанта А. П. Богаевскаго

21-28 октября 1934 г. Парижъ.

ПРИХОДЪ по подписнымъ листамъ за №№ :

2А Донской офицерскій резервъ (отъ г.г. офицеровъ 150 и отъ казаковъ въ Имфи 12) **162.—**

3А Союзъ степняковъ-партизанъ (отъ Союза 160; Ив. Ефремова 50; М. А. 20) **230.—**

4А Союзъ Донскихъ Кадетъ **100.—**

8А Союзъ партизанъчернецовцевъ **85.—**

10А, 203,205. Л. Гв. Казачій полкъ (лейбъ-казаки 230; группа казаковъ въ Сантеньи черезъ полк. С. Краснова 35; И. Жуковъ 10, Черножученковъ 20, Чеботаревъ 5, Ерохинъ 5, Медвѣдковъ 1, Келдышъ 10, Рузановъ 10, Х. 5, Ковалевъ 5, Тончинъ 10, Никоновъ 20, Левандовскій 10, Пухляковъ 2, Агаповъ 1) **379.—**

11а Л. Гв. Атаманскій полкъ (Е.И.В. В. Кн. Борисъ Владиміровичъ 50; Лазаревъ 5, Вѣнковъ 5, Х. 10, Елисѣевъ 10, Объед. Атаманцевъ 200) **280.—**

12а Л. Гв. Донская батарея (г.г. офицеры кадра 75, сотникъ Семеновъ 25) **100.—**

13а Атаманское военное училище **280.—**

5А Союзъ Донскихъ Артиллеристовъ **155.—**

9А Гундоровскій Георгіевскій полкъ **112.—**

1А,32,33. Парижская Студенческая Казачья Станица (Зеленинъ 20, Гладковъ 5, Ивановъ 2, Тараринъ 2, Шегубовъ 10, Еронинъ 5, К. Кенэ 20, Павловъ 22, Х. 10, Ген. Зубовъ 5, Сафроновъ 4, Ген. В. П. Поповъ 10, Дон. Кадеты 10, Ген. Тараринъ 2, Чернецовцы 10, Федоровъ 5, И. Макаровскій 5, Головъ 2, Лазаревъ 5, Ржевской 10, Мещеряковъ 5, Пиховкинъ 5, Агафоновъ 10, Жанъ 5, Токмачевъ 10, Н. А. 1, Новоселовы 10, Пятницынъ 20, Шапошниковъ 5, Шаринъ 10, Топилинъ 10, Жуковъ 25, Фоминъ 12, Братухинъ 10, Кн. Эристова 10) **318.—**

16а Казаки-Младоросы во Франціи **160.—**

17а Лига Возрожденія Казачества **385.—**

18а Калмыцкая Станица въ Парижѣ **145.—**

24а Общество ревнителей Кубани **55.—**

30а Общество Ревнителей Казачества **50.—**

14а Суховъ **20.—**

31а Кошелевъ 5, Чуловъ 5, Московкинъ 10, Голевковъ 5, всего **25.—**

34 Основная Станица въ Коломбель **167.—**

2 Станица Гогни Шель **50.50**

6 Калединская Станица въ Крезо **175.—**

19 Колонія Монтаржи **197.—**

4 Хуторъ Шампань на Сенѣ (черезъ Крамарова 60, и имъ же собрано по листу 47) **107.—**

41 Туркуанская Станица **50.—**

203 Отъ нея же **50.—**

43 Георгіевская Станица въ Труа **50.—**

31 Казачій Клубъ въ Марселѣ **50.—**

29 Каз. Хуторъ въ Нильванжѣ **100.—**

8 Казаки - комбатанты въ С.-Морисѣ черезъ ген. Иванова **50.—**

11 Группа казаковъ полк. Шляхтина **57.—**

Группа казаковъ черезъ М. Калинина **29.—**

47 Обще-каз. Станица въ Виши **64.—**

33 Антреприза ж. д. Клермонъ-Феранъ **129.50**

15 Дон. каз. хуторъ въ Бельфорѣ **140.—**

40 Протоіерей Титовъ-Тулонъ 100, отъ разн. лицъ 38, всего **138.—**

5 Группа изъ Куерона чер. Медвѣдева **249.—**

12 Станица въ Бордо чер. Павлова **75.—**

37 Обще-каз. хуторъ въ Роаннѣ **40.—**

89 Хуторъ Вассербиллигъ въ Люксембургѣ **89.—**

48 Хуторъ Вилербанъ на Ронѣ **35.—**

87 Группа казаковъ изъ Египта черезъ Молоканова **30.—**

113 Ес. Стрюковъ и А. Чирковъ **20.—**

80 Нью-Іоркская Станица чер. П.Абрамова **750.—**

46 Хуторъ Юго-Востокъ чер. Габулова **36.80**

7А Бійанкурская Казачья Касса Взаимопомощи **208.—**

Бійанкурск. Каз. Станица 231; Комиссія по созыву Обще-Каз. Съѣзда 58; Калмыцк. Каз. Станица въ С.-Морисѣ 100; Калмыки-комбатанты въ С.-Морисѣ 60, Астраханское Объединеніе черезъ сотника Самсонова 215, Терцы въ Парижѣ 250, Уральская Станица въ Рюэлѣ 100, Казачій Союзъ и Обще-Казачья Станица въ Парижѣ 150 (отъ Союза 100 и казака Бартового 50), Группа казаковъ въ Дранси черезъ полк. Федорова, на памятникъ 214, Банкъ Креди Мютюэль 40, Южинская Станица 96,20, Группа Агѣева въ Леваллуа 55, Станица Монтаржи 100, Калмыцкій хуторъ въ Монтаржи черезъ Бембекова 100, Станица въ Ромба 50, Льежская станица 100, Группа джигитовъ ес. Ремелева 100, Группа полк. Захарова въ Клиши 72, Группа Дон. офиц. резерва и каз. станица въ Сансѣ 135, Обще-каз. станица въ Каркасонѣ 60, черезъ полк. Семилѣтова, Каннъ ля бока: Обще-каз. станица 75 и О-во Галлиполійцевъ 50; шелк. фабрика Подіазена въ Ліонѣ черезъ Кадикова 208, Группа казаковъ Монтбарда черезъ Твардовскаго 28, Группа завода Уилкинсонъ, Парижъ, черезъ А. Токарева 42,45, Тулузская станица и казаки-комбатанты 50, Группа завода Санъ Лоранъ Фурвоари 30, Хуторъ Ермака черезъ Сеньшина 25, Группа казаковъ монархистовъ полк. Склярова 100, Калединовскій хуторъ въ Помпеи 100, Группа казаковъ Бланъ Мисерена черезъ Топузліева 19, Группа казаковъ въ Дивѣ черезъ Блохина 31, Общество Взаимопомощи казаковъ въ Сошо черезъ М. Ф. Полякова 26, Донской казачій хоръ подъ упр. С. А. Жарова, черезъ Н. М. Мельникова 1000, Донской казачій хоръ «Платовъ» подъ упр. Н. Ф. Кострюкова 300, Кубанцы черезъ ген. Н. И. Малышенко 249, Терско-Кубанск. Станица въ Нью-Іоркѣ 133, черезъ Ген. Черячукина: П. Лобовъ 100, Митусовъ 10, А. и К. Ершовы 10, Шевердеевъ 15, Ген. Постовскій 100, Чеботаревъ 25, М. А. Упорниковъ 25, Поповъ изъ Лонгавиля 15, Братченко 50, Поповъ изъ Понлебена 5, полк. Домарадскій 10, В. Бурэковъ 10, Максимовъ 2, Биковъ 5, Бѣляевъ 1.

Черезъ газеты: «Возрожденіе», по спискамъ, опубликованнымъ въ ном. 3430 3432, 3433, 3434 и 3435 — **1.199.50.**

«Послѣднія Новости» (ном. 4965) **252.—**

Примѣчаніе: Въ числѣ пожертвованій, опубликованныхъ въ газетахъ, поступили взносы отъ слѣдующихъ организацій: Парижская студенческая казачья станица 25; группа казаковъ въ Курбевуа и Гареннъ, черезъ В. В. Шляхтина 91.50; Основная станица въ Коломбелѣ 50; Калединскій хуторъ въ Ліонѣ 150. Изъ Бельфора — Донской хуторъ 25, Кубанскій хуторъ 25; Группа Обще-Воинскаго Союза 10, Національный Союзъ Новаго Поколѣнія 10; Берлинская казачья станица 60.25; Группа казаковъ-комбатантовъ въ С. Морисѣ 50; Группа донцовъ въ Брей сюръ Кузъ 25; Люксембургскій хуторъ 26.50; Калединo-Карауловская станица въ Ромба 50; Казачій хуторъ въ Шампань сюръ Сенъ 77; остальная сумма внесена черезъ газеты отъ отдѣльныхъ казаковъ разныхъ войскъ и отъ почитателей почившаго Атамана.

Отъ отдѣльныхъ лицъ (непосредственно въ комиссію): по 100 фр.. инж. Н. Ф. Пузановъ; по 50 фр.: Б. Поповъ; Н. А.; по 35 фр.: д-ръ И. С. Чекуновъ; по 30 фр.: Генеральша Коноводова, М. и Я. Кулешевы, Харинъ и Блоха изъ Систіера, Кузюбердзинъ; по 25 фр.: Калениченко, инж. С. В. Мащенко; по 20 фр.: Сухова, Мисиковъ, Козловцевъ изъ Банье, Т. И. Леонова, Борисовъ изъ Шалонь, Варлашкинъ и Поповъ изъ Дижона, Недюжевъ, Сѣдовъ, Агафоновъ Зоткинъ, Казанковъ, ген. Кучеровъ; по 15 фр.: Болдыревъ, Болдыревъ, Московкинъ; по 10 фр.: Полк. Бабкинъ Б. Шараповъ, Поповъ изъ Монбрисона, Бойчевсковъ, Гончаровъ, подъес. Устиновъ и Краватевъ, Я. К. Влада, Власовъ, Сестра Кубанскаго Похода, Минаевъ, полк. Похлебинъ, Бударинъ, Пилкинъ, ген. Сычевъ, Зембулатовъ, Гончаровъ, Ф. М. Федоровъ, ес. Макѣевъ. по 5 фр.: Плотниковъ, Домовъ, Карповъ, Магараевъ, Глушковъ, Чичаговъ, П. Ф. Смирновъ, Сидорова, кап. 1 р. Потаповъ, Черкесовъ, Усуркизъ, Темниковъ изъ Монтеро.

Ген. Малышенко 12, Костецкій 1, Архиповъ 2, Падалкинъ 3, Ильинъ 4, Чурбасовъ 8, Ульяновъ 8.

Собрано хор. П. Гусевымъ 21 и 28 окт. среди казаковъ для погашенія расходовъ по панихидѣ 21 октября (90 фр. хору) 66.75.

Въ возмѣщеніе расходовъ по похороннымъ объявленіямъ въ «Возрожденіи» и «Послѣднихъ Новостяхъ» поступили взносы по 75 фр. отъ Донского Корпуса, Банка Креди Мютюэль, Р. О. В. Союза, Объедин. Офицеровъ Ген. Штаба, Зарубежн. Союза Рус. Инвалидовъ, Эмигрантскаго Комитета, и 50 фр. отъ Объедин. Николаевскаго кавалерійск. воен. Училища. Всего — 500 фр.

Изъ Болгаріи, черезъ командира Донского Корпуса, ген. Ф. Ф. Абрамова, отъ казачьихъ организацій и отдѣльныхъ казаковъ — 6.205 болг. лева, равныхъ 944 фр. 45 сант., изъ каковой суммы по распоряженію командира корпуса израсходовано на вѣнокъ отъ Донского Корпуса, станицъ и хуторовъ въ Болгаріи, возложенный на гробъ Атамана по распоряженію ген. Ф. Ф. Абрамова генераломъ Н. Г. Зубовымъ — 185 фр., на ленту для вѣнка 45 фр. и на публикацію 75 фр. Остатокъ зачисленъ на приходъ въ комиссію, въ размѣрѣ — 639,25.

Списокъ казачьихъ организацій и отдѣльн. лицъ въ Болгаріи, внесшихъ свои пожертвованія на похороны Донского Атамана (суммы, указаны въ болг. левахъ):

Студенческій хуторъ въ Софіи 450; А. Я. Марковъ изъ Червенъ-Брегъ 50; Группа Дон. Корпуса въ Перникѣ 410: Группа казаковъ въ Шуменѣ 115; Казачья станица на минѣ Перникъ 300; Группа казаковъ въ Харманли 100; Сергіевская станица на Шипкѣ (казаки-инвалиды) 160; Полковникъ Гавриловъ и чин. Щиголевъ 50; Обще-казачья станица въ Ст. Загорѣ 300; Группа казаковъ и не-казаковъ въ Ямболѣ, черезъ полк. Платонова 419; Мессемврійская каз. станица 162; Группа казаковъ въ Пловдивѣ, черезъ ген. Лобова 265; Казаки Платовскаго полка, черезъ ген. Попова 535; Назаровскій хуторъ въ Качериново 70;Станица въ г.Червенъ Брегъ 135; Бургазская станица 965; Инвалидный хуторъ въ Княжево 155; Донская Офицерская Батарея 80, Группа Донского Корпуса въ Прагѣ, черезъ полк. Ковалева 264; Софійская казачья станица 300; Софійская группа Гундоровскаго полка 205; Штабомъ Донского Корпуса собрано по подписному листу 515; Кубанское имени ген. Алексѣева воен. училище 200; Группа казаковъ со станціи «Бѣлова», черезъ есаула Каклюгина 90.

Итого въ приходѣ **14.880 фр. 45 с.**

РАСХОДЪ.

Похоронному Бюро Парижскаго Муниципалитета за двойной гробъ и доставку праха почившаго Атамана 23 октября изъ квартиры въ храмъ и 28-го октября изъ храма на кладбище въ Сенъ-Женевьевъ **3.020.—**

Мѣсто на кладбищѣ для могилы **1.492,50**

Сертификатъ Лиги Націй, нужный для выполненія формальностей **18.—**

4 объявленія въ газетахъ «Возрожденіе» и «Послѣднія Новости» о кончинѣ и порядкѣ погребенія **1.700.—**

Почтовые, телеграфн. канцелярскіе, организаціонные, разъѣзды:

Телеграфн. извѣщенія о кончинѣ Атамана въ Болгарію, Югославію и Чехословакію — 81; почтовые расх. секретарей 14,90; разъѣзды 50,60; Бристоль для карточекъ и пропусковъ въ храмъ 15,70; 4 талон. книжки для пріема пожертвованій 6; лента для распорядителей 24; печатаніе и разсылка подписныхъ листовъ и воззваній (218 писемъ во Францін и 160 заграницу) 174,45; За бензинъ машины, предоставленной владѣльцемъ машины безплатно, для проѣзда Н. В. Богаевской на кладбище для выбора могилы 42; Автомобили для отвоза части вѣнковъ послѣ отпѣванія на могилу и доставка семьи усопшаго Атамана послѣ погребенія на квартиру 118; Отсылка въ провинцію расписокъ въ полученіи денегъ 28. Итого **554,65.**

Вѣнокъ съ лентой отъ казаковъ и почитателей Атамана, во исполненіе воли отдѣльныхъ жертвователей **286.—**

ЦЕРКОВНЫЕ.

Причту храма на ул. Дарю за 5 панихидъ, заупокойную литургію и отпѣваніе 250; Причту церкви въ С.-Женевьевъ за панихиду съ хоромъ 110; Временный крестъ на могилу 65; чаевыя могильщикамъ 35; Причту церкви на ул. Лекурбъ за 16 требъ на квартирѣ Атамана, въ нижней церкви, на кладбищѣ, чтеніе псалтыря 270.

Свѣчи: церкви на ул. Дарю за 50 шт. на 5 панихидахъ и 300 шт. на отпѣваніи 175; Церкви на ул. Лекурбъ за свѣчи на панихидахъ на квартирѣ Атамана 21, 22 и 23 октября, за вѣнчикъ, грамоту и проѣздъ псаломщика 82.

Хору Афонскаго за 5 квартетовъ и два полн. хора 566; Чаевыя сторожу храма на рю Дарю 10; Прокатъ катафалка и подсвѣчниковъ 65; Освѣщеніе храма во время заупокойной литургіи, и во время панихидъ въ нижней церкви въ 5-дневное пребываніе тамъ гроба 200. Всего **1.828.—**

Панихиды послѣ погребенія: въ 20-й день кончины: причту 30; хору Афонскаго 70; объявленіе въ газетѣ 150, итого **250.—**

Въ 40-й день — тѣ же расходы **250.—**

Расходы по организаціи этихъ двухъ панихидъ **24,15**

Итого въ расходѣ **9.423,30**

Остатокъ — 5.457 фр. 15 с.

Остатокъ поступаетъ на увѣковѣченіе памяти Атамана въ распоряженіе комиссіи, составъ которой указанъ въ пунктѣ 3 статьи «Къ свѣдѣнію казаковъ», помѣщенной въ этомъ номерѣ. Въ адресъ казначея комиссіи надлежитъ направлять подписные листы, и собранныя по нимъ суммы, тѣми организаціями, которыя до сего времени не успѣли этого сдѣлать: Mr Opritz. 12, rue St Guillaume. Courbevoie (Seine).

Предсѣдатель К-та по организаціи сбора средствъ и по погребенію Донск. Атамана Ген.-Лейт. А. П. Богаевскаго, Ген. **И. Оприцъ.**

Члены: Ген. **Н. Татаринъ** и Полк. **С. Болдыревъ.**

Секретаріатъ: Подъес. **А. Падалкинъ** и Хор. **П. Гусевъ.**

Казакъ съ Баклановской душой

За годы гражданской войны и невольнаго нашего пребыванія заграницей ушло отъ насъ много нашихъ героевъ, потерю которыхъ до сего времени остро переживаемъ, съ гордостью вспоминая о ихъ подвигахъ, вплетавшихъ лавры въ новую исторію Донского казачества. Какъ это ни странно, но почему то рѣже всѣхъ вспоминаютъ въ печати и на собраніяхъ одного изъ самыхъ популярныхъ и близкихъ къ казачеству военныхъ руководителей. Я говорю о генералъ-лейтенантѣ Константинѣ Константиновичѣ Мамантовѣ, портрета котораго не видно ни въ одномъ изъ эмигрантскихъ русскихъ и казачьихъ учрежденій. Жизнь и служба русскаго генерала съ истинно казачьей Баклановской душой настолько красочна и ярка, богата, героична и разнообразна, что для изученія ея требуется много времени, а для подробнаго изложенія нужны размѣры цѣлой книги. Въ этой статьѣ читатель найдетъ краткую біографію и описаніе боевой дѣятельности донского кумира, какъ нерѣдко называли Мамантова въ 1919 году, который вмѣстѣ со своими доблестными начальниками частей возглавляемаго имъ корпуса «вновь прославилъ дивно племя возродившихся донцовъ».

Ген. К. К. Мамантовъ.

Окончивъ Николаевское кавалерійское военное училище, К. К. Мамантовъ выходитъ корнетомъ въ Конно-Гренадерскій полкъ. Въ Японскую войну, въ чинѣ штабсъ-ротмистра, онъ спѣшитъ въ штабъ главнокомандующаго ген. Куропаткина и проситъ о назначеніи его въ дѣйствующую армію. На войнѣ онъ командовалъ казачьей сотней и въ воздаяніе его подвиговъ получаетъ орденъ Св. Владимира съ мечами и бантомъ и чинъ ротмистра. Столкнувшись въ боевой обстановкѣ съ казаками, узнавъ и полюбивъ ихъ, онъ уловилъ въ своей душѣ что то казачье, стремится самъ стать казакомъ и его приписываютъ къ казакамъ станицы Раздорской на Дону. Съ этого момента и до конца своей жизни онъ не покидаетъ казачьи части, служитъ сначала въ 1-й Дон. каз. полку и въ чинѣ войскового старшины переходитъ въ 3-й Дон. каз. полкъ.

На Европейскую войну Мамантовъ выступаетъ изъ станицы Константиновской въ армію ген. Ренненкампфа во главѣ 19-го Дон. каз. полка, проявляетъ исключительную доблесть на фронтѣ и искусное руководство ввѣренной ему частью, затѣмъ — послѣ одного столкновенія съ главнокомандующимъ — переводится штабъ-офицеромъ въ 6-й полкъ, гдѣ своей храбростью обращаетъ на себя вниманіе начальства и становится командиромъ этого полка, порой командуя бригадой 6-й кав. дивизіи.

Однажды, начальникъ дивизіи ген. Роопъ, давая очередную боевую задачу Мамантову, приказалъ ему при ея проведеніи не брать плѣнныхъ, во исполненіе чего соотвѣтствющій приказъ былъ отданъ по полку.

Взявъ двѣ линіи окоповъ нѣмцевъ, казаки добросовѣстно выполнили полученное ими приказаніе, но спѣшно покидая поле боя оставили въ окопахъ нѣсколько экземпляровъ приказа по полку, изъ котораго нѣмцы поняли почему окопы были завалены трупами ихъ товарищей. Въ результатѣ Германія объявила ген. Мамантова внѣ закона и довела объ этомъ до свѣдѣнія Русскаго правительства. Это обстоятельство, о которомъ въ печати упоминается впервые, въ началѣ гражданской войны явилось причиной, по которой Мамантовъ какъ то неохотно искалъ помощи со стороны германскихъ войскъ, оккупировавшихъ въ то время Украину и содѣйствовавшихъ боевымъ операціямъ Донского командованія.

Германскую войну Мамантовъ кончилъ командиромъ бригады въ дивизіи ген. Пономарева, съ

остатками которой прибылъ въ станицу Нижне-Чирскую, гдѣ его всѣ знали, такъ какъ 6-й полкъ состоялъ изъ казаковъ станицъ этого округа. На Дону появились первые признаки гражданской войны. Шли бои въ районѣ Новочеркасскъ — Лихая, было неспокойно и въ Нижне-Чирской, такъ какъ подъ бокомъ былъ красный Царицынъ; связь съ донской столицей была прервана. Полная растерянность властей усилилась съ отъѣздомъ окружного атамана изъ станицы, и наспѣхъ собранные представители ближайшихъ станицъ выбираютъ окружнымъ атаманомъ Мамантова, усиленно формировавшаго въ то время отрядъ добровольцевъ, большею частью изъ реалистовъ и кадетъ. Съ отрядомъ К. К., 25 января 1918 г. идетъ въ Новочеркасскъ, гдѣ вливается въ группу походнаго атамана П. Х. Попова и вмѣстѣ съ нимъ уходитъ въ Сальскія степи. Начался степной походъ.

Весь Донъ во власти большевиковъ, и возставшіе противъ нихъ 17 марта суворовцы захватываютъ въ ту же ночь и Нижне-Чирскую. Борьба становится не подъ силу, многочисленный врагъ двигается со всѣхъ сторонъ, а у казаковъ нѣтъ опытныхъ руководителей. У всѣхъ на устахъ имя Мамантова, двумъ казакамъ поручается его разыскать, и они успѣшно выполняютъ эту задачу. Походный атаманъ отпускаетъ Мамантова съ двумя конными сотнями калмыковъ съ 70-80 офицерами при одномъ орудіи во второй округъ; отрядъ приходитъ въ Нижне-Чирскую, и Мамонтовъ, вновь избранный окружнымъ атаманомъ, становится во главѣ возставшихъ, находясь все время на фронтѣ въ сферѣ огня. Во время объѣзда позиціи пѣшаго полка полк. Стефанова, онъ былъ раненъ въ ногу и несмотря на это продолжалъ объѣздъ, посѣтивъ и сосѣдній Суворовскій полкъ, послѣ чего, отъѣхавъ въ сторону, слѣзъ съ лошади, сдѣлали ему перевязку и на первой попавшейся подводѣ увезли его въ Чирскую. Казаки узнали только на второй день, что ихъ командиръ раненъ. Его адъютантъ, вызвавшій врачей и уложившій раненаго, скоро, заснулъ отъ страшной усталости въ сосѣдней комнатѣ, предварительно заложивши газетой звонокъ телефона. Проснувшись отъ какого-то шороха, глубокой ночью, онъ видитъ... Мамантова, ползущаго къ телефону.

— Вы устали, и я не хотѣлъ васъ безпокоить, — сказалъ подъ трещавшій проклятый звонокъ генералъ вскочившему съ постели смущенному адъютанту.

Рабочій день генерала длился съ 7 час. утра до поздней ночи, и вся его дѣятельность администратора, въ качествѣ окружного атамана, и военоначальника, въ качествѣ командующаго однимъ изъ самыхъ важныхъ фронтовъ, имѣя передъ собой вдвое превосходящаго численностью противника, проходила на глазахъ казаковъ. Политикой Мамантовъ не занимался, газетъ не читалъ, иной разъ по недѣлямъ, за исключеніемъ нашей фронтовой газеты, обслуживавшей его войска и занимаемыя ими станицы. Газета редактировалась одно время полк. М. Н. Гнилорыбовымъ, который, вздумавъ однажды перевести ее на партійныя рельсы, получилъ отъ Мамантова приказаніе въ нѣсколько часовъ покинуть станицу.

Отличительная черта Мамантова — онъ всегда и вездѣ преслѣдовалъ пьянство. Самъ онъ водки не пилъ совершенно и изрѣдка за обѣдомъ позволялъ себѣ выпить стаканъ хорошаго вина. Извѣстный Романъ Лазаревъ, котораго Мамантовъ обѣщалъ за пьянство повѣсить, такъ его боялся, что въ нетрезвомъ видѣ не смѣлъ передъ нимъ показываться.

Боевое счастье всегда сопутствовало Мамантову. Памятно казакамъ побѣдоносное шествіе его конныхъ частей черезъ Морозовскую — Н. Чирскую — Усть-Медвѣдицкую — Арчеду и Дубовку. Въ результатѣ этой операціи — разгромъ 1Х сов. арміи и ея тыловъ, вызвавшей оттяжку корпуса Буденнаго отъ Царицынскаго фронта на Мамантовскій корпусъ, что привело къ захвату краснаго Вердена — г. Царицына.

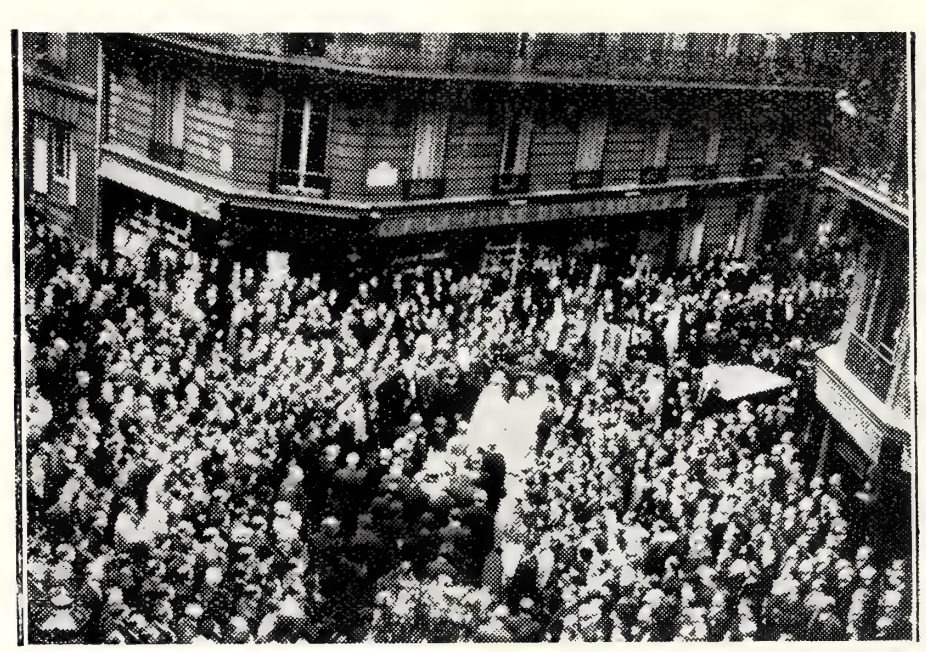
Знаменитый рейдъ Мамантова, прославившій его на весь міръ, и который до сего времени изучаютъ теоретики и историки военнаго искусства въ Россіи и на Западѣ, вписалъ блестящія страницы въ исторію прославленнаго полководца и его доблестнаго 4-го коннаго корпуса.

Сформированіе этого корпуса давно было мечтой генерала Кельчевскаго въ бытность его начальникомъ штаба у ген. Мамантова. Идею созданія крупной конной части во главѣ съ Мамантовымъ Кельчевскій могъ осуществить, сдѣлавшись начальникомъ штаба Донской Арміи, и надо полагать, что ген. Сидоринъ по его настоянію и осуществилъ эту мысль для выполненія «Московской директивы» ген. Деникина, съ задачей корпусу пройти въ тылъ противника со взятіемъ г. Козлова, гдѣ находился штабъ южнаго фронта совѣтскихъ войскъ.

Корпусъ долженъ былъ состоять изъ 15.000 шашекъ, но, прибывъ въ штабъ, находившійся въ ст. Урюпинской, Мамантовъ узналъ, что предназначавшаяся ему доблестная Атаманская бригада ген. Каклюгина и части ген. Голубинцева, по настоянію ген. Врангеля, остаются на стыкѣ 1 Донск. корпуса и Кавказской арміи. Въ его распоряженіи остались лишь части ген. А. С. Секретева, ген. Толкушкина и ген. Н. П. Калинина, всего не болѣе 7000 бойцовъ. Зная, что съ этими силами можно итти только по одному направленію, разрушая все на своемъ пути, но не закрѣпляя тыла захваченной

(См. прод. на 12 стр.).

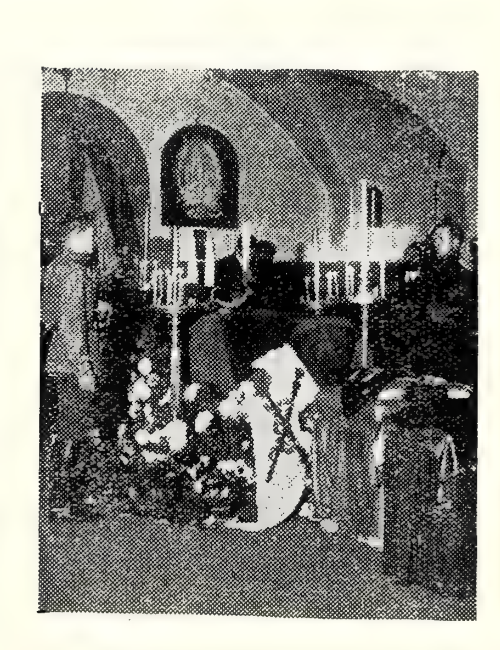
Похороны Донского Атамана ген.-лейт А.

Толпы народа на ул. Дарю.

Портреты До Атамана
Богаевскаго, художествен.
боты, больш. формата, въ
мѣ Л.-Гв. Атаманскаго
съ перначомъ, 30 фран

Открытки — портреты
франку. Издан Комисс
увѣковѣченію памяти Ата
Весь доходъ о продажи
третовъ поступ въ фонд
стройки памятника. Заказ
деньги адресовать: Ген. О
(адресъ см. стр. 19, § 4).

Почетный караулъ въ церкви.

Выносъ гроба изъ храма.

ейт А. П. Богаевскаго 28 октября 1934 г.

ты Дон Атамана А. П.
го, х ожествен. ра-
ыш. ф мата, въ фор-
. Ат нскаго полка,
омъ, 30 франковъ.

ки — ртреты по 1
Издан Комиссіи по
нію п яти Атамана.
дъ от продажи пор-
ступ въ фондъ по-
памят ка. Заказы и
ресова : Ген. Оприцу
ы. стр 19, § 4).

Казаки несутъ на подушкахъ ордена покойнаго.

Тѣло Атамана въ гробу.

Фото *Н Воронцова* (адресъ на 4 стр. обложки)

ной территоріи, онъ доказывалъ начальству невозможность выполнить полностью возложенную на него задачу, если корпусъ не будетъ доведенъ до намѣченной въ началѣ численности, но, получивъ категорическое приказаніе выступить съ имѣвшимися у него силами, прорываетъ фронтъ, беретъ Тамбовъ и Козловъ, изъ крестьянъ формируетъ Тульскую дивизію, выдерживаетъ много крупныхъ боевъ и возвращается на Донъ по приказанію изъ Новочеркасска, въ виду перевѣса успѣха на донскомъ фронтѣ въ сторону противника.

Вновь во главѣ конницы Мамантовъ разбиваетъ Буденнаго у х. Веселаго. Бѣлыя войска катятся на югъ, Донская область оставлена. Мамантовъ считаетъ отступленіе на Новороссійскъ гибельнымъ для казачества и уѣзжаетъ въ Екатеринодаръ съ предложеніемъ проэкта снова поднять Донъ, раздавить Буденнаго и въ случаѣ неуспѣха, сохранивъ боевую силу, выйти въ Польшу или пробиться къ Колчаку. Предложеніе не было принято. Въ Екатеринодарѣ же К. К. Мамантовъ скончался. Одни говорятъ, что сразилъ его тифъ, а многіе увѣрены, что донской герой былъ отравленъ...

П. Рудовъ.

Передъ выборами Донского Атамана

Характеристики и краткія біографіи кандидатовъ

Бесѣды съ ген. гр. М. Н. Граббе и ген. А. В. Черячукинымъ

Кто возглавитъ въ Зарубежьи Донское казачество и какъ онъ будетъ именоваться — Войсковымъ Атаманомъ Всевеликаго Войска Донского, Атаманомъ Донскихъ казаковъ за рубежомъ, или же какъ-нибудь еще иначе? Что мы знаемъ о названныхъ нами кандидатахъ въ Атаманы? Какъ они сами смотрятъ на права и обязанности будущаго Атамана и какими путями можно будетъ ихъ осуществлять, считаясь какъ съ основными законами Войска, такъ и съ фактомъ пребыванія нашего внѣ предѣловъ Дона, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями какъ правового, такъ и бытового и матеріальнаго характеровъ?

Въ различныхъ варіаціяхъ съ этими вопросами обращаются къ намъ многіе читатели «Станицы», и, не имѣя возможности отвѣтить каждому въ отдѣльности, редакція журнала приводитъ ниже краткія біографіи и характеристики трехъ кандидатовъ въ Атаманы, а также бесѣды съ двумя изъ нихъ нашего сотрудника, посѣтившаго ихъ на этихъ дняхъ. Нашъ сотрудникъ встрѣтилъ со стороны его высокихъ собесѣдниковъ радушный пріемъ, любезное вниманіе и полную готовность подѣлиться своими мыслями съ читателями «Станицы» по волнующимъ ихъ вопросамъ, за что просимъ ген.-лейт. графа М. Н. Граббе и ген.-лейт. А. В. Черячукина принять нашу глубокую благодарность.

Мы не будемъ останавливать вниманія нашихъ читателей на изложеніе взглядовъ по вопросу о выборахъ Атамана одного изъ самыхъ достойныхъ этого званія ген. П. Н. Краснова, такъ какъ всѣ уже прочитали его недавнее письмо къ казакамъ и подписанное имъ обращеніе къ казачеству состоявшагося подъ его предсѣдательствомъ собранія казачьей старшины 18 ноября въ Курбевуа. Категорическій и исчерпывающе мотивированный отказъ, опубликованный въ печати, сопровождался П. Н. Красновымъ просьбой ко всѣмъ Донцамъ не называть его имени при выборахъ, дабы напрасно не разбросать голоса.

Сняли свою кандидатуру ген. Ф. Ф. Абрамовъ, ген. П. И. Секретевъ, П. И. Скачковъ. Объ отношеніи ген. П. Х. Попова къ выдвинутой его кандидатурѣ опредѣленныхъ свѣдѣній пока нѣтъ. Проникшіе въ Парижъ слухи объ его отказѣ нуждаются въ провѣркѣ и подтвержденіи. Дальность разстоянія не позволила къ данному моменту окончательно выяснить этотъ вопросъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, въ настоящемъ номерѣ мы ограничиваемся имѣющимися у насъ матеріалами о трехъ кандидатахъ въ Атаманы — ген. графѣ М. Н. Граббе, ген. А. В. Черячукинѣ и ген. П. Х. Поповѣ.

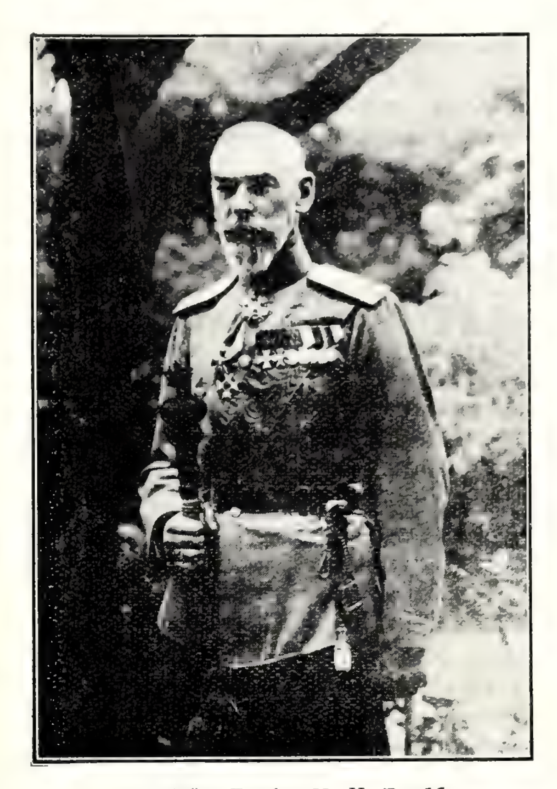
Генералъ-лейтенантъ графъ Михаилъ Николаевичъ Граббе, казакъ Пятиизбянной станицы, родился въ 1868 году и является внукомъ наказнаго Атамана Войска Донского, гр. П. Х. Граббе, въ честь коего названа одна изъ станицъ Дона:

станица Граббевская. По матери, урожденной графинѣ А. Ф. Орловой-Денисовой, графъ М. Н. Граббе является потомкомъ знаменитаго донского рода, образовавшагося изъ слiянiя фамилiй Орловыхъ и Денисовыхъ. Графиня А. Ф., мать графа М. Н. Граббе, — внучка героя Отечественной войны, графа В. В. Орлова-Денисова.

Гр. М. Н. Граббе, воспитанный въ духѣ горячей преданности Дону, коренной офицеръ л.-гв. Казачьяго Е. В. полка, всю свою службу провелъ въ казачьихъ частяхъ. Когда ему было предложено вступить въ командованiе однимъ изъ наиболѣе блестящихъ столичныхъ гвардейскихъ регулярныхъ кавалерiйскихъ полковъ, онъ отказался отъ этого предложенiя и просилъ лично Государя дать ему въ командованiе любой казачiй полкъ, независимо отъ его стоянки.

Принявъ вновь сформировавшiйся Лейбъ-Гвардiи Сводно-казачiй полкъ, Михаилъ Николаевичъ показалъ себя хорошимъ и попечительнымъ хозяиномъ, своей энергiей и заботами улучшившимъ бытъ офицеровъ и казаковъ. Имъ были выстроены казармы, манежъ, квартиры для офицеровъ, офицерское собранiе, составившее предметъ зависти другихъ полковъ гвардiи. Вступивъ въ великую войну командиромъ Л.-Гв. Сводного казачьяго полка, М. Н. послѣдовательно затѣмъ командовалъ Лейбъ-Гвардiи Казачьей бригадой и 4-ой Донской казачьей дивизiей, командуя коей онъ и былъ награжденъ Георгiевскимъ крестомъ. (Нынѣ состоитъ предсѣдателемъ Союза георгiевскихъ кавалеровъ во Францiи).

Въ 1916 году гр. М. Н. Граббе былъ назначенъ донскимъ войсковымъ атаманомъ. На Донъ онъ привезъ одобренные Государемъ, лично имъ выработанные проекты реформъ, которые несомнѣнно имѣли бы огромное значенiе для жизни казачества. Согласно этимъ реформамъ, долженъ былъ быть учрежденъ единый донской учебный округъ, единая епархiя, проведены желѣзныя дороги Козловъ — Святой Крестъ и Саратовъ — Ростовъ съ вѣткой на Александровскъ-Грушевскiй. Революцiя помѣшала осуществленiю этихъ проектовъ.

Ген.-Лейт. Графъ М. Н. Граббе въ саду Атаманскаго дворца, въ Новочеркасскѣ, съ насѣкой Екатерининскихъ временъ.

Бесѣда съ графомъ М. Н. Граббе

— Вы спрашиваете, какъ я смотрю на права и обязанности будущаго Донского Атамана за рубежомъ. Прежде всего я долженъ сказать, что лицо, которое будетъ избрано на этотъ постъ, должно именоваться Донскимъ Атаманомъ, а не Зарубежнымъ, а отсюда и вытекаютъ его права и обязанности, предусмотрѣнныя основными законами Войска. Говорить о примѣненiи этихъ законовъ за границей въ полной мѣрѣ не приходится, но, считая ихъ воплощенiемъ казачьихъ традицiй, необходимо примѣнять ихъ если не по буквѣ, то по духу.

Главной и основной задачей атамана, въ нашей обстановкѣ, должно быть объединенiе казаковъ, дабы въ случаѣ благопрiятной для эмиграцiи перемѣны въ мiровой политикѣ, мы, казаки, могли бы представлять единое цѣлое, способное отстоять свои права; другой, не менѣе важный вопросъ настоящаго — это принятiе Атаманомъ всѣхъ возможныхъ и необходимыхъ мѣръ къ улучшенiю экономически - правового положенiя казаковъ за рубежомъ.

Что касается волнующаго всѣхъ вопроса взаимоотношенiй будущаго Атамана съ предсѣдателемъ Донского правительства въ плоскости ведущихся сейчасъ споровъ и толковъ на тему о дальнѣйшей

судьбѣ войскового имущества и о его выявленіи, то этотъ вопросъ должно будетъ разрѣшить лицо, которое будетъ избрано въ Атаманы, послѣ его избранія, въ соотвѣтствіи съ интересами Всевеликаго войска Донского и Донского зарубежнаго казачества.

Будущему Атаману придется считаться и съ фактомъ существованія за границей разныхъ казачьихъ политическихъ группировокъ. Явленіе само по себѣ для казачества необычное, но оно имѣетъ и свою хорошую сторону, — оно показываетъ, что казачество живо и каждый по своему разумѣнію отстаиваетъ его интересы. Я знаю и вѣрю, что какъ бы казачество ни раскалывалось,но въ нужный моментъ, отбросивъ всѣ политическія разногласія, оно объединится во имя славной сѣдой старины.

Будущій Атаманъ можетъ быть только надпартійнымъ, не отталкивая отъ себя одну группировку и не приближая къ себѣ другую, — всѣ онѣ для него прежде всего казаки, а въ своей работѣ онъ долженъ опираться на всю казачью общественность въ цѣломъ.

Одной изъ ближайшихъ обязанностей новаго Атамана будетъ вхожденіе въ составъ Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека въ качествѣ его полноправнаго члена, и сотрудничать съ представителями Кубани, Терека и другихъ казачьихъ войскъ въ полномъ согласіи.

Будущій Атаманъ безусловно долженъ возглавлять союзъ казаковъ - комбатантовъ. Внутреннія же дѣла союза должны быть разрѣшаемы съѣздомъ членовъ союза и его правленіемъ въ единеніи съ Атаманомъ.

Въ работахъ по созыву Обще-казачьяго съѣзда Атаману необходимо принять самое активное и непосредственное участіе.

Созыву съѣзда я придаю большое значеніе. Тамъ лучше всего можно будетъ услышать мнѣніе организованной казачьей общественности по всѣмъ насущнымъ вопросамъ.

Будущій атаманъ на съѣздѣ долженъ предложить и свои планы для улучшенія экономическаго и правового положенія казачьей эмиграціи. Дѣло же казаковъ будетъ ихъ принять полностью или же съ измѣненіями.

Что касается матеріальной базы работы будущаго Атамана, то полагаю, что въ частной жизни Атаманъ долженъ существовать на собственныя средства,а средства на почтовые, канцелярскіе расходы, для объѣзда мѣстъ казачьяго разсѣянія, что считаю необходимымъ, и др. расходы по представительству должны дать сами же казаки путемъ самообложенія.

Атаманскую власть за рубежомъ я считаю тяжелымъ крестомъ, но прослуживши всю свою жизнь на пользу казаковъ, я не сочту и нынѣ себя въ правѣ отказаться отъ возглавленія Донскихъ казаковъ, если выборъ ихъ падетъ на меня, — отдавъ родному Войску послѣдніе дни и часы моей жизни.

Ген.-лейт. Александръ Васильевичъ Черячукинъ

Донской казакъ, станицы Богоявленской, Георгіевскій кавалеръ (крестъ и оружіе), А. В. Черячукинъ. родился и выросъ среди казаковъ. Кадетъ Донского Императора Александра Ш кад. корпуса, 1-го выпуска, онъ кончилъ корпусъ, такимъ образомъ, одновременно съ Африканомъ Петровичемъ Богаевскимъ и является воспитанникомъ старой «левачевской» школы, которая дала Войску много образованныхъ кадетъ. По окончаніи корпуса Александръ Васильевичъ окончилъ Михайловское Артиллерійское училище и вышелъ въ офицеры въ Л.-Гв. Донскую Его Величества батарею. Прослуживъ положенное число лѣтъ, А. В. поступаетъ въ Николаевскую Академію Ген. Штаба, по окончаніи которой начинаетъ отвѣтственную службу офицера Генеральнаго Штаба. Въ тяжелые годы первой революціи генералъ, тогда полковникъ Черячукинъ, находился на отвѣтственномъ посту исполняющаго должность Н-ка Штаба Кронштадтской крѣпости.

На войну А. В. Черячукинъ выступилъ во главѣ II-го Донского полка, съ которымъ продѣлалъ тяжелый походъ въ Галицію и съ которымъ имѣлъ славныя дѣла, вписаныя имъ въ исторію этого доблестнаго полка. Въ началѣ 1915 года генералъ Черячукинъ стоитъ во главѣ 2-й заамурской конной бригады, въ ней, въ отрядѣ генерала Краснова 29 мая 1915 года подъ станціей Дзвинячь (подлѣ Залещиковъ) онъ блистательной конной атакой останавливаетъ наступленіе австрійской пѣхоты, беретъ много плѣнныхъ и выручаетъ 2-й кавалерійскій корпусъ, бывшій въ крайне тяжеломъ положеніи. Вскорѣ онъ получаетъ отвѣтственнѣйшее мѣсто начальника штаба 1У кавалерійскаго корпуса, на которомъ остается до начала революціи. Послѣ революціи онъ получаетъ 2-ю каз. свод-

ную казачью дивизію, которую и приводитъ на Донъ. При Атаманахъ ген. Калединѣ и ген. Назаровѣ А. В. принимаетъ участіе въ гражданской войнѣ въ станицѣ Грушевской, въ роли командующаго Западнымъ фронтомъ съ мѣстонахожденіемъ штаба въ станицѣ Грушевской. Дальнѣйшая служба генерала Черячукина Донскому войску протекла на весьма отвѣтственныхъ и деликатныхъ постахъ. Онъ былъ посланъ атаманомъ Красновымъ во главѣ зимовой станицы въ Кіевъ, къ гетману Скоропадскому; здѣсь, въ сложной и трудной обстановкѣ, генералъ Черячукинъ, благодаря своему прямому и честному характеру, достигъ полнаго соглашенія между Дономъ и Украиной и очень много помогалъ Добровольческой арміи, отправляя съ Украины офицеровъ на Донъ и дальше на Кубань. По смерти директора Донского кадетскаго корпуса генерала Чеботарева, генералъ Черячукинъ былъ назначенъ атаманомъ Богаевскимъ на должность директора этого корпуса. Генералу Черячукину удалось вывезти дѣтей Донскихъ казаковъ, ему довѣренныхъ родителями, за границу и устроить ихъ въ Египтѣ на англійскомъ иждивеніи, что стоило ему не малыхъ трудовъ и дипломатическаго такта. Ровный, спокойный, онъ заставилъ себя уважать и явился подлиннымъ спасителемъ Донского корпуса. По расформированіи Корпуса въ 1923 г. работаетъ до настоящаго времени на автомобильномъ заводѣ въ Парижѣ.

Въ послѣдніе дни жизни Атамана ген. А. П. Богаевскаго ген. Черячукинъ оставался у одра его болѣзни почти единственнымъ, кромѣ родныхъ, близкимъ Атаману человѣкомъ.

Генералъ Черячукинъ взялъ на себя всѣ хлопоты по устройству достойныхъ похоронъ покойному атаману, онъ же, будучи назначенъ атаманомъ Богаевскимъ своимъ замѣстителемъ на всѣхъ офиціальныхъ пріемахъ и встрѣчахъ, когда атаманъ вслѣдствіе болѣзни не могъ выходить, зная всѣ планы и мысли атамана въ послѣдніе часы его жизни, взялъ на себя трудъ и отвѣтственность собрать въ возможно скорѣйшемъ времени Донскую старшину для рѣшенія вопроса, какъ быть казакамъ послѣ смерти послѣдняго атамана, выбраннаго на Дону, что и привело къ извѣстному собранію Донскихъ казаковъ въ Курбевуа 18-го ноября 1934 года.

Бесѣда съ генераломъ А. В. Черячукинымъ

— Начнемъ съ основного вопроса ,интересующаго всѣхъ Донцовъ въ связи съ предстоящими выборами за рубежомъ Донского Атамана, — приступилъ къ бесѣдѣ генералъ, — права и обязанности будущаго избранника.

Ген.-Лейт. А. В. Черячукинъ.

Атаманъ долженъ быть единоличнымъ, традиціоннымъ возглавителемъ всѣхъ Донскихъ казаковъ за границей и лицомъ, всѣхъ объединяющимъ, проводящимъ всѣ мѣропріятія въ строгой координаціи съ казачьей общественностью, выразителемъ которой являются лидеры всякихъ партій, станичные и хуторскіе атаманы и «казачья старшина».

Знакомясь черезъ этихъ лицъ съ положеніемъ казаковъ въ каждой странѣ и съ ихъ пожеланіями, онъ, согласуясь съ законами той страны, гдѣ живутъ казаки, требуя отъ казаковъ полной лояльности и невмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ, ихъ пріютившихъ, — является ходатаемъ о всѣхъ казачьихъ нуждахъ.

Своимъ авторитетомъ, распоряженіями и совѣтами Атаманъ поддерживаетъ казачьи традиціи, любовь къ Родинѣ и Тихому Дону, требуетъ отъ подрастающаго казачьяго поколѣнія познаній исторіи Дона и поддержанія религіи, чѣмъ славились всегда казаки, и стремится къ созданію одной общей казачьей семьи.

Атаманъ въ Зарубежьи долженъ будетъ пользоваться тѣми же правами, какими пользовался покойный ген. Богаевскій, въ томъ числѣ и правомъ назначать и увольнять предсѣдателя Правительства. Собственно, правильнѣе, имѣя въ виду

условія нашей жизни за границей, послѣдняго совсѣмъ не имѣть; дѣлъ для него нѣтъ, да и расходовъ будетъ меньше. Будущему Атаману достаточно имѣть правителя канцеляріи и секретаря. Ему же надлежитъ принять отъ бывшаго предсѣдателя правительства подробный докладъ о войсковомъ имуществѣ и архивѣ, вмѣстѣ съ правами на ихъ храненіе.

Главная база работы Атамана — Донская конституція въ мѣрѣ возможности ея примѣненія, согласно требованій жизни за границей и въ согласованіи съ законами той страны, гдѣ живутъ казаки. Къ этой базѣ слѣдуетъ добавить постановленія и приговоры казачьихъ организацій. Кромѣ сего, при Атаманѣ долженъ быть «совѣтъ», совѣтами котораго Атаманъ пользуется для принятія своего рѣшенія. Много пользы принесетъ въ этомъ отношеніи обще-казачій съѣздъ, къ созыву котораго у будущаго Атамана должно быть такое же отношеніе, какъ и у покойнаго Атамана, такъ какъ есть много вопросовъ, которые съ наибольшей авторитетностью можетъ разрѣшить съѣздъ, тѣмъ болѣе, что комиссіей по его созыву сдѣлана очень большая подготовительная работа.

Съѣздъ долженъ состояться и, по моему мнѣнію, комиссію по его созыву слѣдуетъ пополнить однимъ членомъ отъ Казачьяго Союза.

Памятуя о главной необходимости помощи казакамъ и считая недопустимымъ нищенское состояніе казаковъ, нужно заботиться о **созданіи казачьяго фонда путемъ обложенія всѣхъ казаковъ извѣстнымъ налогомъ** и изысканіемъ средствъ и изъ другихъ источниковъ. Этимъ будетъ достигнута взаимная казачья выручка.

Изъ этого фонда должно быть назначено минимальное опредѣленное жалованье Атаману и на его представительство и содержаніе правителю канцеляріи и секретарю. Остальныя средства должны идти на помощь и устройство больныхъ и престарѣлыхъ казаковъ. Отчетъ о всѣхъ расходахъ долженъ быть въ концѣ каждаго года опубликованъ для свѣдѣнія всѣхъ казаковъ.

Касаясь сроковъ полномочій Атамана и порядка его замѣстительства, полагаю, что Атамана надо выбирать на три года, а въ случаѣ болѣзни, смерти или отказа отъ своего поста, замѣстителемъ его является получившій при послѣднихъ выборахъ наибольшее послѣ избраннаго Атамана количество голосовъ.

Я уже упомянулъ о необходимости координировать дѣйствія Атамана съ мнѣніемъ широкой казачьей общественности и, слѣдовательно, его отношеніе къ казачьимъ политическимъ группировкамъ должно быть вполнѣ терпимымъ; онъ долженъ прислушиваться къ ихъ мнѣніямъ, ни одну изъ нихъ не игнорируя, цѣня ихъ порывъ къ сохраненію казачьихъ правъ, привилегій и самоуправленія въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Стоя на стражѣ общаго блага и считаясь съ мнѣніемъ большинства, Атаманъ вмѣстѣ съ тѣмъ не долженъ позволять уклоняться въ крайнія теченія, твердо памятуя, что безъ Великой Россіи не будетъ и Дона.

Итакъ, главной задачей Атамана, какъ главы Донцовъ заграницей, является представительство передъ иностранными правительствами и защита передъ ними интересовъ казаковъ, улучшеніе ихъ жизни и матеріальнаго благосостоянія, для чего надлежитъ озаботиться организаціями бюро труда для прісканія работъ, домовъ для престарѣлыхъ казаковъ, открытіемъ казачьихъ столовыхъ, домовъ, пріемныхъ покоевъ и т. д.

Въ Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека Атаманъ долженъ войти полноправнымъ членомъ.

Если онъ комбатантъ, то онъ долженъ взять на себя возглавленіе или же предсѣдательствованіе въ Союзѣ казаковъ - комбатантовъ во Франціи.

Прощаясь съ нашимъ сотрудникомъ, ген. А. В. Черячукинъ добавилъ:

— Ухудшающіяся условія труда должны направить энергію Атамана на разселеніе казаковъ на землю и на созданіе особыхъ казачьихъ колоній, гдѣ казаки могли бы жить своимъ укладомъ, какъ живали они на Дону, впредь до возможности возвращенія въ свои родные станицы и хутора на берегахъ сѣдого Дона.

ДЕНЬ ПАМЯТИ КАЗАЧЬИХЪ ВОЖДЕЙ

3 февраля состоялось собраніе предсѣдателей казачьихъ организацій г. Парижа и его окрестностей, на которомъ присутствовали и члены Казачьяго Совѣта во главѣ съ ген. Б. И. Хорошхинымъ, предсѣдательствовавшимъ на собраніи.

На этомъ собраніи день памяти вождей и героевъ казачества въ Парижѣ рѣшено отмѣтить 24 февраля панихидой и торжественнымъ засѣданіемъ. Подробности будутъ объявлены дополнительно въ газетахъ.

Генералъ отъ кавалеріи Петръ Харитоновичъ Поповъ

П. Х. Поповъ, Донской казакъ Новочеркасской станицы, родился въ 1868 году. Отецъ его, дѣйств. ст. совѣтн. Харитонъ Ивановичъ Поповъ, изъ крѣпкой казачьей семьи, стоялъ въ первыхъ рядахъ Донской Старшины: онъ былъ извѣстнымъ Дону совѣтникомъ областного правл., создателемъ устава общества Новочеркасскаго взаимнаго кредита, принятаго за образецъ въ Имперіи, редакторомъ «Донской Газеты», основателемъ и, до конца своихъ дней, директоромъ, рѣдкаго въ Россіи, Донского музея.

Генералъ П. Х. Поповъ послѣ Новочеркасской классической гимназіи окончилъ Новочеркасское юнкерское училище вахмистромъ юнкеровъ; затѣмъ офицеръ Донского армейскаго полка, Военная Академія офицеръ Генеральнаго Штаба въ штабѣ Московскаго округа. Здѣсь цензовая служба въ Донскомъ каз. полку, чтеніе лекцій въ Военныхъ училищахъ, членъ Общества помощи Донскимъ учащимся, а досугъ и средства на собираніе книгъ и старыхъ записей по архивамъ и книгохранилищамъ государственнымъ и частнымъ, систематизація добытаго матеріала для большого труда — подлинной, правдивой исторіи славы казачьей.

Въ 1909 году — Начальникъ Новочеркасскаго военнаго училища. Родному училищу — всѣ свои силы и все напряженіе своихъ недюжинныхъ способностей, чтобы воспитать сильныхъ чувствомъ долга къ Россіи и беззавѣтной любовью и преданностью къ родному краю, Донскихъ офицеровъ, давшихъ цѣлый рядъ именъ безсмертныхъ Донскихъ героевъ.

Всегда образцовое, поднятое имъ на еще большую высоту, училище заставляетъ обратить на себя исключительное вниманіе скупого на награды провинціи царственнаго Петербурга и принудить его отмѣтить высшей наградой: юнкерамъ Высочайше пожалованы на погоны шефскіе иниціалы Наслѣдника Цесаревича.

Великая война и всероссійская разруха удваиваютъ его силы съ юнкерами въ стремленіи работать на благо Родины.

Новоявленная власть, реорганизовавшая все на Дону по-своему, смѣстивъ начальниковъ всѣхъ степеней и ранговъ, протянула руку къ оставшемуся, еще цѣлому военному училищу. Ген. Поповъ энергично и опредѣленно указалъ новой краевой власти ея мѣсто и, несмотря на яростные наскоки, продолжалъ съ училищемъ работу. Только одинъ видъ дисциплинированныхъ, серьезныхъ юнкеровъ,

Ген. П. Х. Поповъ.

ихъ четкость въ исполненіи служебныхъ обязанностей, безупречное поведеніе и ненарушимый порядокъ военнаго общежитія, создаютъ училищу авторитетъ грозной, несокрушимой силы. Военное училище съ ген. Поповымъ становится хранителемъ порядка въ столицѣ Дона. Здѣсь сосредоточіе рѣшимости борьбы до конца, здѣсь идеологическая и матеріальная база сказочнаго Донского партизанства, здѣсь рожденіе Добровольческой арміи, отсюда молніеносный полетъ юнкеровъ для спасенія отъ смертельной опасности Атамана Каледина, объѣзжавшаго округа Дона, и тутъ же совмѣстная спѣшная работа съ истинными сынами Дона, М. Богаевскимъ, Г. Каревымъ, М. Сухоруковымъ и др., по подготовкѣ созыва Войскового Круга — хозяина земли Донской. Войсковой Кругъ — ген. Поповъ членъ Круга отъ ст. Казанской и Новочеркасской.

Умеръ Калединъ; не стало правительства.

Брошенные защитники Дона и общественность требуютъ и молятъ ген. Назарова и Попова, въ одинъ голосъ, возглавить Донъ.

Ген. Назаровъ — старшій; непоколебимый въ охраненіи преемственности власти, признавая право на перначъ только за ген. Назаровымъ, какъ походнымъ Атаманомъ, идетъ къ нему въ подчиненіе на постъ походнаго Атамана.

Силы горсточки борцовъ изсякаютъ, кругомъ

враги, помощи нѣтъ и ожидать не отъ кого, Донъ спитъ, — борьба безсмысленна. Ген. Поповъ, въ полномъ согласіи съ Атаманомъ Назаровымъ, рѣшаетъ прекратить борьбу и, чтобы сохранить бойцовъ, не желающихъ складывать оружія, какъ кадръ, для начала общей борьбы спящаго Дона, въ скоромъ пробужденіи котораго они не сомнѣвались, увести ихъ изъ столицы.

Среди бушующаго моря звѣриной злобы, предательства, измѣны, преступнаго безразличія, подъ улюлюканье черни, ген. Поповъ совершаетъ историческій Степной походъ и гдѣ силою и доблестью бойцовъ, гдѣ хитростью, разрывая тѣсныя вражескія кольца, выводитъ одинокихъ къ побѣдѣ.

Огонекъ отъ свѣчи, въ Задонскихъ степяхъ будитъ околдованнаго сномъ Донского богатыря.

Степной отрядъ походнаго Атамана уже поитъ коней въ Дону. Всѣ до одного вывезены, никто не брошенъ, и устроены въ казачьихъ куреняхъ раненые и больные герои похода. Генералъ Поповъ пачками разсылаетъ офицеровъ въ возстающіе округа, для ихъ организаціи.

Освобожденъ Новочеркасскъ. Онъ немедленно собираетъ Войсковой Кругъ, чтобы передать сохраненный имъ перначъ Атамана законному избраннику.

Несомнѣнный, и по праву естественный, кандидатъ въ Атаманы, онъ, уставшій физически и морально отъ пережитого и больной, понимаетъ, что въ такой моментъ общаго, бурнаго подъема Дону нужны свѣжія силы. Всѣмъ своимъ авторитетомъ на Кругѣ онъ поддерживаетъ кандидатуру доблестнѣйшаго казака, генерала Краснова.

Кругъ Спасенія Дона съ Атаманомъ Красновымъ, отмѣчая исключительныя заслуги передъ Дономъ, просятъ ген. Попова принять, какъ награду, чинъ генералъ-лейтенанта и сохранить за собой постъ походнаго Атамана.

Большой Войск. Кругъ награждаетъ участниковъ похода знакомъ Степного креста со статутомъ, равнымъ на Дону ордену Св. Георгія.

Оправившись отъ болѣзни, ген. Поповъ постепенно входитъ въ привычную для него работу. Онъ членъ Круга всѣхъ созывовъ, предсѣдатель Совѣта управляющихъ, представитель Дона на совѣщаніяхъ по урегулированію спорныхъ вопросовъ съ новыми государственными образованіями и Главнымъ командованіемъ, почетный казакъ нѣсколькихъ станицъ.

1919 г. — генералъ-отъ-кавалеріи.

Крушеніе бѣлой борьбы. Гибнетъ его большой трудъ по исторіи Дона, захваченный врагомъ (отпечатано только 123 стр.).

Чужбина. Безъ средствъ, какъ рядовой бѣженецъ; неустанный трудъ для добыванія средствъ къ жизни, и все-таки работа для Дона, — организація въ зарубежьи станицъ, хуторовъ, обществъ, моральная и матеріальная поддержка.

Въ Парижѣ вмѣстѣ съ ген. гр. Граббе и ген. Красновымъ помогаетъ казакамъ, оказавшимся въ первые годы на положеніи безпризорныхъ, устраиваться на работы, помогая и матеріально.

Въ настоящее время ген. Поповъ живетъ въ С. Америкѣ; трудомъ добываетъ средства для жизни; врагъ всякой политики только для политики, слѣдитъ за міровыми событіями и думаетъ одну думу съ казаками.

Несмотря на свой возрастъ, здоровъ, бодръ и твердо, непоколебимо вѣритъ въ скорую возможность возвращенія на Донъ, чтобы и остатокъ жизни, и на родной землѣ, отдать работѣ на благо Родины.

Никтринъ.

Донскіе хоры заграницей

Донской казачій хоръ подъ управленіемъ С. А. Жарова дастъ свой единственный концертъ въ Парижѣ въ послѣднихъ числахъ марта въ театрѣ Трокадеро, въ пользу Зарубежнаго Союза Русскихъ военныхъ инвалидовъ. Въ настоящее время съ громаднымъ успѣхомъ концертируетъ въ Сѣв. Америкѣ, оттуда выѣзжаетъ въ Мексику и съ начала марта будетъ выступать въ Испаніи.

— 18 декабря состоялся духовный концертъ донского каз. хора имени Атамана Платова подъ упр. Н. Ф. Кострюкова въ кафедральномъ соборѣ Парижской Божьей Матери въ присутствіи парижскаго архіепископа кардинала Вердье. Громадный храмъ былъ полонъ. Пресса отмѣтила блестящій успѣхъ Платовцевъ.

Къ свѣдѣнію казаковъ

Необходимая справка

Въ Парижѣ существуетъ рядъ казачьихъ комиссій, учрежденій, представительствъ и организацій, въ назначеніи которыхъ казаки не вполнѣ разбираются, вслѣдствіе чего сплошь и рядомъ съ разныхъ мѣстъ нашего разсѣянія письма адресуются не по назначенію.

Дабы помочь казакамъ разобраться, къ кому и по какимъ вопросамъ надо обращаться, редакція «Станицы» и приводитъ эту справку:

1. КАЗАЧІЙ СОВѢТЪ былъ организованъ покойнымъ Атаманомъ А. П. Богаевскимъ, подъ его предсѣдательствомъ, для рѣшеній принципіальныхъ общеказачьихъ вопросовъ во Франціи. Составъ его: ген. Акулининъ (Оренбургск. Войска), полк. Астаховъ (Астраханск. В.), ген. Малышенко (Кубанск. В.), Н. М. Мельниковъ (Донск. В.), ген: Татоновъ (Терск. В.), ген. Хорошхинъ (Уральск. В.). Послѣ смерти Донск. Атамана Каз. Совѣтъ постановилъ сохранить свое существованіе впредь до избранія новаго Донск. Атамана. Предсѣдателемъ Совѣта избранъ ген. Хорошхинъ.

Адресъ: Mr. Khorochkine. 20, rue Theophraste-Renaudot. Paris 15.

2. КОМИССІЯ ПО СОЗЫВУ ОБЩЕКАЗАЧЬЯГО СЪѢЗДА также организована покойнымъ Атаманомъ и признана Объединеннымъ Совѣтомъ Дона, Кубани и Терека, въ подчиненіи котораго она нынѣ и состоитъ. Созывъ съѣзда намѣченъ немедленно послѣ выборовъ Донск. Атамана. Составъ комиссіи: предсѣдатель — ген. Акулининъ; товарищи предсѣдателя — генералы Черячукинъ и Малышенко; члены: генералы Зубовъ, Алпатовъ и д-ръ Чекуновъ (Донск. В.), полк. Деревлевъ и В.Д. Синеоковъ (Куб. В.), ген. Татоновъ и полк. Зиминъ (Терск. В.), полк. Астаховъ и прис. повѣр. Кругликовъ (Астрах. В.), протоіерей о. Д. Троицкій (Оренбургск. В.), проф. Калитинскій — амурецъ, сотникъ Самсоновъ (казначей) — астраханецъ, и секретарь комиссіи — подъес. Падалкинъ (Донск. В.).

Адресъ комиссіи: Mr. Akoulinine. 2, rue Boucicaut. Paris. 15.

3. КОМИССІЯ ПО УВѢКОВѢЧЕНІЮ ПАМЯТИ ДОНСКОГО АТАМАНА ГЕН.-ЛЕЙТ. А. П. БОГАЕВСКАГО избрана на собраніи предсѣдателей казачьихъ организацій Парижа и его окрестностей 2 декбря пр. г., по ликвидаціи комиссіи по погребенію Атамана. Комиссія имѣетъ своей задачей достойнымъ образомъ увѣковѣчить память усопшаго Донского Атамана (постановка памятника, изданіе брошюры и пр.). Предсѣдатель комиссіи ген.-лейт. Черячукинъ, вице-предсѣдатель — ген.-м. Оприцъ, онъ же и казначей, членъ комиссіи Бакша Нимбушевъ и секретаріатъ въ составѣ подъес. Падалкина и хор. Гусева. Пожертвованія въ фондъ увѣковѣченія памяти Атамана просятъ направлять въ адресъ казначея, ген. Оприца (адрес. см. въ пунктѣ 4).

Адресъ предсѣдателя комиссіи:
Mr. Tcheriatchoukine. 100, rue de Javel. Paris 15.

4. КОМИССІЯ ПО ОРГАНИЗАЦІИ ВЫБОРОВЪ ДОНСКОГО АТАМАНА избрана на собраніи казачьей старшины 18 ноября въ Курбевуа. Предсѣдатель комиссіи — И. Н. Ефремовъ и члены: Бакша Д. Нимбушевъ, Г. И. Каревъ, проф. А. П. Марковъ и генералы — З. С. Алпатовъ, И. Н. Оприцъ, Н. И. Тараринъ, П. И. Секретевъ и А. И. Сычевъ; секретарь А. П. Падалкинъ.

Для техническихъ работъ комиссіей выдѣлено исполнительное бюро въ составѣ ген. Алпатова, Г. И. Карева, проф. А. П. Маркова и ген. Оприца. Обращенія, разосланныя комиссіей по выборамъ, указываютъ, что отвѣты надлежитъ направлять въ адресъ секретаря исп. бюро, генерала. Оприца:

Адресъ: Mr. Opritz. 12, rue St.-Guillaume. Courbevoie (Seine).

Тѣ, кто текстъ обращенія не получили, а также желающіе получить справки по вопросамъ о выборахъ, благоволятъ обращаться къ секретарю комиссіи, подъес. Падалкину:

Адресъ: Mr. Padalkine. 2, rue Casablanca. Paris 15.

Комиссіи по организаціи выборовъ Донского Атамана создались также въ Прагѣ, Бѣлградѣ и Софіи, которыя признали Парижскую комиссію въ указанномъ составѣ центральной.

На состоявшемся 30 декабря пр. г. въ Парижѣ собраніи казаковъ, въ составѣ приблизительно такомъ же, какъ и 18 ноября, созванномъ предсѣдателемъ Донского правительства Н. М. Мельниковымъ, для пополненія комиссіи избраны слѣдующія лица: полк. С. В. Болдыревъ, ес. Барановъ, И. П. Будановъ, ген. С. Д. Позднышевъ, в. ст. Плаховъ, полк. Захаровъ, полк. Федоровъ и докторъ И. С. Чекуновъ.

5. СОЮЗЪ КАЗАКОВЪ-КОМБАТАНТОВЪ. Въ Союзъ входятъ казаки всѣхъ Войскъ, проживающіе не только во Франціи, но и за предѣлами ея. Послѣ смерти основателя и предсѣдателя Союза, ген. А. П. Богаевскаго, сформировано временное правленіе подъ предсѣдательствомъ ген. Н. Г. Зубова, съ членами: полк. Федоровъ (казначей), прапорщикъ Воиновъ (секретарь), полк. Куликъ, в. старш. Нефедовъ и сотникъ Полушкинъ.

Адресъ: Mr. Zouboff. 2, rue Boucicaut. Paris 15.

6. КОМИТЕТЪ ПО СБОРУ СРЕДСТВЪ ВЪ РАСПОРЯЖЕНІЕ КУБАНСКАГО АТАМАНА НА ОБЩЕКАЗАЧІЙ СЪѢЗДЪ созданъ по иниціативѣ Кубанскихъ организацій въ Парижѣ. Предсѣдатель — ген. Н. И. Малышенко, казначей А. Коргановъ и члены: В. Черный и В. Федоровъ.

Адресъ: Mr. Malychenko. 15, rue Sellier. Colombes (Seine).

7. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВОЙСКОВЫХЪ АТАМАНОВЪ ВО ФРАНЦІИ:

Кубанскаго — ген. Малышенко (адресъ см. выше). Дополнительно будетъ сообщено въ газетахъ о мѣстѣ и дняхъ личнаго пріема.

Уральскаго — Замѣститель Атамана, ген.-м. Б. И. Хорошхинъ (адресъ см. въ первомъ пунктѣ этой статьи).

Терскаго — ген. Татоновъ — 7, rue Jobbé - Duval, Paris 15.

8. КАЗАЧЬЯ БИБЛІОТЕКА организована группой казаковъ, проживающихъ въ Парижѣ.

Адресъ: Mr. Sementtchenkoff. 16, rue St.-Simon. Paris 7.

9. КАЗАЧІЙ СОЮЗЪ. Предсѣдатель — полк. А. С. Косякинъ.

Адресъ: Union des Cosaques. 26, av. de Tokio. Paris 16.

ХРОНИКА

ВЪ НАШЕЙ СТАНИЦѢ.

27 января состоялся станичный сборъ, на которомъ состоялись выборы правленія и ревиз. комиссіи. Атаманомъ станицы избранъ П. В. Гусевъ, и въ члены правленія: Ф. М. Гладковъ, Г. И. Зазуля, П. И. Ноздринъ и В. Н. Тараринъ. Въ ревизіонную комиссію — инж .Н. Ф. Пузановъ, В. П. Горовая и С. А. Ивановъ.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ оказывается безвозмездно студентамъ - казакамъ почетнымъ старикомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5 до 7 час. вечера на 122 бульваръ Мюратъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ при станицѣ подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго М. А. Адамова безвозмездно обслуживаетъ станичниковъ. Пріемъ ежедневно отъ 6 час. 30 мин. вечера до 8 час. веч. на рю де ла Конвансьонъ, ном. 85.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ «СТАНИЦЫ».

Пріемъ по дѣламъ журнала производится П. В. Гусевымъ по пятницамъ отъ 8 до 9 ч. вечера на его квартирѣ (7, рю Жоббе-Дюваль, Парихъ, 15-й арр.).

СКОРБНЫЙ ЛИСТОКЪ.

4 декабря прошлаго года въ г. Монтбарѣ скончался отъ менингита подхорунжій Павелъ Мефодьевичъ Плетневъ, станицы Андреевской В. В. Д.

ПРІѢХАЛЪ СЪ ДОНА.

Прибывшій съ Дона казакъ Качалинской станицы, хутора Заховаева, Иванъ Петровичъ Гладковъ, проситъ родственниковъ и станичниковъ отозваться. Адресъ И. П. Гладкова — въ Казачьемъ союзѣ (26, ав. де Токіо, Парижъ, 16).

КУБАНСКАЯ СТАНИЦА ВЪ ПАРИЖѢ.

20 января сборомъ станицы выбранъ станичнымъ атаманомъ Н. Іовичъ, въ правленіе: Птушенко, Щуревичъ, Золотухинъ, Петрусенко, Федоровъ, В. П. Шелестъ и запаснымъ членомъ Коневецъ.

УРАЛЬСКАЯ (ЯИЦКАЯ) СТАНИЦА ВЪ РЮЭЛѢ (подъ Парижемъ).

Въ ноябрѣ пр. г. избрано новое правленіе въ составѣ войск. ст. П. А. Андреева (атаманъ) и членовъ — ес. П. А. Юдина, сотн. А. П. Рыбинскова и каз. Т. Е. Переплетова. Въ воздаяніе заслугъ передъ станицей ея б. атамана ес. Ф. К. Фолимонова, станица преподнесла ему званіе почетнаго старика.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris XIIIe. Le Gérant : Ch. Quénet.

Донской казакъ Аликъ
Станицы... Казабланской
(Марроко).

№ 14

STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS

7, rue Jobbé-Duval, Paris (15e)

Avril 1935 Prix : 2 frs

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

« STANITZA » 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15e).

№ 14 **АПРѢЛЬ 1935 г.** **Годъ изданія 4-й**

Парижская Студенческая Казачья Станица и Редакція журнала «Станица» поздравляютъ все Зарубежное Казачество *съ Свѣтлымъ Праздникомъ Христова Воскресенія.*

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

ВЫБОРЫ ДОНСКОГО АТАМАНА СОСТОЯТСЯ ВО ВСѢХЪ МѢСТАХЪ КАЗАЧЬЯГО РАЗСѢЯНІЯ 26 МАЯ 1935 ГОДА.

Главной Центральной Комиссіей по выборамъ Атамана разосланы кач. организаціямъ и отдѣльнымъ казакамъ инструкціи по производству выборовъ Донского Атамана на трехлѣтіе 1935—1938. Кандидатами на этотъ постъ Донскими Казаками названы слѣдующія лица, согласившіяся баллотироваться:

Генералъ-Лейтенантъ графъ М. Н. ГРАББЕ.

Генералъ отъ кавалеріи П. Х. ПОПОВЪ.

Генералъ-Лейтенантъ А. В. ЧЕРЯЧУКИНЪ.

Адресъ Главн. Центр. Комиссіи: **Monsieur EFREMOFF; Boite postale № 28; Bureau Central; rue Singer; Paris.**

Николай ТУРОВѢРОВЪ.

Майданъ

Николай Туровѣровъ.

Они сойдутся въ первый разъ
На обѣтованной долинѣ,
Когда трубы звенящій гласъ
Въ раю повторитъ крикъ павлиній,
Зовя всѣхъ мертвыхъ и живыхъ
На судъ у Божьяго престола
И станутъ парой часовыхъ
У вратъ Егорій и Никола;
И самъ архангелъ Михаилъ
Спустившись въ степь, въ лѣсныя чащи
Разрушитъ плѣнъ донскихъ могилъ,
Поднявъ высоко мечъ горящій.
— И Ермака увидитъ Богъ
Разрѣзъ очей упрямо смѣлый,
Носки загнутые сапогъ
Шишакъ и панцырь заржавѣлый;
Въ тоскѣ несбывшихся надеждъ,
Отъ страшной казни безобразенъ,
Пройдетъ съ своей ватагой Разинъ,
Не опустивъ предъ Богомъ вѣждъ;
Булавинъ промелькнетъ Кондратій;
Открывъ кровавые рубцы,
За нимъ — заплата на заплатѣ —
Пройдутъ зипунные бойцы,
Кто Русь стерегъ во тьмѣ столѣтій,
Пока не грянула пора
И низко ихъ склонились дѣти
Къ ботфортамъ грознаго Петра.
Въ походномъ синемъ чекменѣ,
Какъ будто только изъ похода,
Проѣдетъ Платовъ на конѣ
Съ полками памятнаго года;
За нимъ средь кликовъ боевыхъ,
Взметая пыль дороги райской,
Проскачутъ съ множествомъ другихъ
Баклановъ, Грековъ, Иловайскій
— Всѣ тѣ, кто славу казака
Сплетя со славою Имперской,
Донского гнали маштака
Въ отвагѣ пламенной и дерзкой
Туда, гдѣ въ грохотѣ войны
Мужала юная Россія, —
Степей наѣздники лихіе,
Отцовъ достойные сыны;
Но вотъ дыханье страшныхъ лѣтъ
Повѣетъ въ свѣтлыхъ рощахъ рая
И Калединъ, въ рукахъ сжимая,
Пробившій сердце пистолетъ,
Пройдетъ средь крови и отрепій
Донскихъ послѣднихъ казаковъ.
И скажетъ Богъ:
— «Я создалъ степи
Не для того, чтобъ видѣть кровь».
— «Былъ тяжкій крестъ имъ въ жизни данъ.
Заступникъ вымолвитъ Никола:
«Всегда просилъ казачій станъ
Меня молиться у Престола».
— «Они сыны моей земли».
Воскликнетъ пламенный Егорій:
«Моихъ волковъ они блюли,
Мнѣ повѣряли свое горе».
И Богъ, въ любви изнемогая,
Ладонью скроетъ влагу вѣждъ
И будетъ вѣтеръ гнуть, играя,
Тяжелый шелкъ Его одеждъ.

СЛѢДУЮЩІЙ НОМЕРЪ

«СТАНИЦЫ»

выйдетъ въ іюлѣ сего года и будетъ посвященъ знаменитому
ДОНСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ХОРУ
подъ управленіемъ **С. А. ЖАРОВА.**

Ген. И. Г. АКУЛИНИНЪ.

Лейбъ-гвардіи сводно-казачій полкъ

(Ко дню полкового праздника — 6 апрѣля).

Начиная съ XVIII вѣка въ составѣ Императорской Гвардіи находились слѣдующія казачьи части: Собственный Его Величества Конвой, состоявшій изъ 2-хъ сотенъ Кубанскаго войска и 2-хъ сотенъ Терскаго войска; Л.-Гв. Казачій Его Величества полкъ, Л.-Гв. Атаманскій Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ, Л.-Гв. 6-я Донская Его Величества батарея—Донского войска, и Л.-Гв. Уральская Его Величества сотня.

Остальныя казачьи войска гвардейскихъ частей не имѣли.

Въ 1906 году Императоръ Николай II, въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ Престолу и Отечеству, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, войсками — Оренбургскимъ, Сибирскимъ, Астраханскимъ, Семирѣченскимъ, Забайкальскимъ, Амурскимъ и Уссурійскимъ — Высочайше повелѣть соизволилъ: сформировать Л.-Гв. Сводно-Казачій полкъ; при этомъ, въ знакъ особой милости, Государь принялъ на себя званіе Шефа полка.

Полкъ былъ сформированъ 4-хъ сотеннаго состава въ такомъ видѣ:

Л.-Гв. Уральская Е. В. сотня вошла въ составъ полка, какъ 1-я сотня, съ сохраненіемъ титула сотни Его Величества.

2-я Оренбургская сотня — изъ казаковъ Оренбургскаго войска.

3-я Сводная сотня — полусотня сибирцевъ (1-й и 2-й взводъ), взводъ семирѣченцевъ (3-й) и взводъ астраханцевъ (4-й).

4-я Приамурская сотня — полусотня забайкальцевъ (1-й и 2-й взводы), взводъ амурцевъ (3-й) и взводъ уссурійцевъ (4-й).

Полкъ получилъ права старой гвардіи и былъ включенъ въ составъ Гвардейской Казачьей бригады, входившей въ 1-ю Гвардейскую Кавалерійскую дивизію.

Полку была присвоена форма старыхъ гвардейскихъ полковъ съ сохраненіемъ войсковыхъ цвѣтовъ. Уральцы и семирѣченцы имѣли малиновый приборъ; оренбурцы — голубой; сибирцы — красный: астраханцы, забайкальцы, амурцы и уссурійцы — оранжевый. Каждая сотня представляла собою въ полной смыслѣ цвѣта своего войска. Въ парадной формѣ, въ цвѣтныхъ мундирахъ, съ сѣдлами, покрытыми цвѣтными вальтрапами, полкъ являлъ собою красивое зрѣлище, особенно, когда всѣмъ гвардейскимъ казачьимъ частямъ были возвращены старыя историческія формы.

Со дня сформированія, кромѣ строевой службы, на полкъ была возложена отвѣтственная и почетная задача: несеніе Дворцовыхъ карауловъ и охраны Дворцовыхъ парковъ. Къ такому заданію было пріурочено и самое расквартированіе полка. 1-я Уральская Е. В. сотня осталась въ Петербургѣ въ своихъ казармахъ на Караванной улицѣ, рядомъ съ Михайловскимъ манежемъ. 2-я Оренбургская сотня была поставлена въ Гатчинѣ, — резиденція Императрицы Маріи Феодоровны. 3-я Сводная, и 4-я Пріамурская сотни были расквартированы въ Павловскѣ; для нихъ въ Солдатской Слободѣ были построены новыя казармы. Штабъ полка сначала находился въ Петербургѣ, но потомъ былъ переведенъ въ Павловскъ.

Формированіе и первоначальная служба полка происходили подъ руководствомъ перваго командира полка ген.-маіора Г. И. Жигалина, бывшаго командира Уральской Е. В. сотни. По части благоустройства полка и налаживанія полковой жизни особенно много сдѣлалъ его преемникъ — Свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ М. Н. Граббе. При немъ были возведены новые корпуса казармъ и построенъ великолѣпный особнякъ для офицерскаго собранія съ художественной отдѣлкой внутри. Открытіе новаго собранія происходило въ торжественной обстановкѣ — въ присутствіи Державнаго Шефа полка.

Ежегодно съ особымъ торжествомъ проходилъ полковой праздникъ — 6 апрѣля, въ день Св. Евтихія, Патріарха Цареградскаго. Въ этотъ день въ Царскомъ Селѣ въ Высочайшемъ присутствіи происходилъ парадъ, послѣ котораго всѣ офицеры полка и высшіе начальствующія лица приглашались къ Высочайшему завтраку. Государь всегда неизмѣнно оставался доволенъ полкомъ и благодарилъ за службу.

Во время несенія Дворцовой службы офицеры полка въ воскресные и праздничные дни присутствовали на богослуженіяхъ въ Дворцовой церкви и приглашались къ завтраку въ Высочайшемъ присутствіи. Послѣ завтрака, обходя группы офицеровъ, Государь удостаивалъ всѣхъ милостивымъ разговоромъ. Особенной простотой и сердечностью

отличались выходы и пріемы въ Гатчинскомъ Дворцѣ, благодаря обаятельной простотѣ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

Въ дни праздниковъ Рождества Христова и Св. Пасхи офицеры полка получали Высочайшіе подарки, состоящіе изъ цѣнныхъ вещей: серебра, хрусталя и фарфора Императорскаго фарфороваго завода.

Въ строевомъ отношеніи и въ смыслѣ боевой подготовки Л.-Гв. Сводно-Казачій полкъ съ перваго года своей службы занялъ въ рядахъ Императорскій Гвардіи подобающее мѣсто, что неоднократно отмѣчалось въ приказѣ по 1-ой Гвардейской Кавалерійской Дивизіи. На спортивныхъ состязаніяхъ частей Гвардейскаго Корпуса полкъ неизмѣнно выдвигался въ первые ряды. Владѣніе холоднымъ оружіемъ, рубка, уколы, джигитовка, гимнастика, лыжный спортъ — были поставлены образцово, чему способствовали хорошій составъ офицеровъ и прекрасный подборъ казаковъ. По стрѣлковому дѣлу полкъ занималъ среди Гвардейской кавалеріи исключительное положеніе: на смотрахъ выбивалъ такіе проценты, которые ставили его наравнѣ съ гвардейскими **пѣхотными** полками, гдѣ требованія по стрѣльбѣ были повышенныя. Особенно хорошо стрѣляли 3-я Сводная и 4-я Приамурская сотни, комплектуемыя казаками — сибиряками. Зато во владѣніи холоднымъ оружіемъ пальма первенства принадлежала 2-ой Оренбургской сотнѣ.

Послѣ графа М. Н. Граббе въ командованіе полкомъ вступилъ (это было уже во время войны) Свиты Его Величества генералъ-маіоръ А. П. Богаевскій, отъ котораго полкъ принялъ полковникъ Н. Н. Бородинъ (уралецъ).

За время Великой войны 1914—17 г.г. Л.-Гв. Сводно-Казачій полкъ съ честью поддержалъ вѣковую славу Императорской Гвардіи и въ исторію русской конницы вписалъ не мало славныхъ страницъ.

И. Акулининъ.

Парижъ, апрѣль 1935 года.

ДОНСКОЙ «ЖУРАВЕЛЬ»

Всѣ станицы мирно жили,
Но бѣду себѣ нажили
Вотъ про эту-то бѣду
Журавля я вамъ спою.

———

Не забыли-ль вы, Донцы,
Что такое сургучи?
(Новочеркасская).

Чтобы сѣна пріумножить
— Всѣхъ лягушекъ постриножить!
(Константиновская).

Сукѣ мѣста нѣтъ нигдѣ
Какъ въ хозяйскомъ башлыкѣ.
(Каменская).
Надо-жъ было чѣмъ ни зря
Поймать бабѣ ласкеря. (Раздорская).

Ви народъ, вѣдь, все лихой
Гдѣ же вашъ табунъ донской?
(Кривянская).
Мы сюзьму всѣ такъ любили,
А вѣдь въ чемъ ее давили?
(Аксайская).
Вспоминаютъ старички
Все полстенечки свои
(Трехъ - Островянская).
Бугая всѣ принимали,
Архирея прозѣвали! (Зотовская).

Изъ-за проклятыхъ свиней
Осрамились мы, ей - ей.
(Камышевская).
Восемь лѣтъ мы воевали
И въ совѣ врага признали
(Усть — Быстрянская).
Къ намъ сулился Атаманъ,
А встрѣчали мы цыганъ.
(Иловлинская).
Въ благодарность отъ цыганъ
Получили мы казанъ.
(Кумшатская).
Въ чемоданѣ чисто зря
Удавили мы попа.
(Пятиизбянская).
Вѣдь было такое дѣло,
Что таранка сѣно съѣла.
(В. Чирская).
Надо-жъ было звонарю
Оторвать хвостъ кобелю.
(Вешенская).

А. Страховъ.

Казаки въ Польшѣ

Вольготно и широко объединена Волковысская станица. Осѣли по походному казаки, гдѣ только судьба предопредѣлила на чужой землѣ, зацѣпившись, какъ сноровка подсказала, за любой трудъ для существованія. Умостились, осмотрѣлись и начали вводить у себя свои кровные, вѣками освѣщенные обычаи... Оно «кубыть» и не совсѣмъ ладно выходитъ на путяхъ томительнаго ожиданія на чужбинѣ съ неизмѣнными думами лишь о Родныхъ краяхъ, но куда сподручнѣе, да и душѣ казачьей поспокойнѣе....

Такъ появилась станица двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, постепенно объединившая у себя рядъ хуторовъ образовавшихся по всей Польшѣ. Возстановивъ между собою связь, начали казаки дѣлиться неизжитыми думами, тяжелымъ трудомъ при взаимной поддержкѣ къ существованію, а въ дни счастливыхъ встрѣчъ, въ тѣсномъ кругу рѣшать свои казачьи вопросы, да упиваться унесенными въ изгнаніе родными пѣснями и воспоминаніями.

Судьба неоднократно заставляла меня кочевать, по протореннымъ станичками тропинкамъ жизни въ поискахъ заработка, отъ станицы — къ хутору, отъ хутора къ казакамъ — одиночкамъ, осѣвшимъ иногда, то въ самой непролазной трущобѣ Полѣскихъ болотъ, то въ хвойной чащѣ Августовскихъ лѣсовъ, то на песчанныхъ поляхъ Бѣлоруссіи, либо черноземной Волыни, или наконецъ, въ душныхъ казематахъ фабричнаго Лодзинскаго района и Верхней Силезіи.

На всѣхъ этихъ путяхъ скитаній, въ моемъ представленіи неизмѣнно стоятъ и связаны съ бытомъ станицы; сухощавая, съ хищнымъ профилемъ и сверкающими глазами фигура станичнаго атамана; толковая распорядительность и гостепріимство сѣдѣющихъ хуторскихъ атамановъ — молодцовъ; суетливость и безмѣрное добродушіе станичнаго писаря; вѣчно трагическіе вздохи и охи о «пусткахъ» кассы станичнаго казначея. Могучія казачьи пѣсни съ серебристымъ подголоскомъ на окраинѣ какого либо бѣлорусскаго поселка, несущіяся изъ оконца крошечнаго, но собственнаго домишки хуторца,визгѣ пилъ лѣсопильныхъ заводовъ, согнутыя спины подъ тяжестью бревенъ и упругость несдающихъ казачьихъ мышцъ; широкій размахъ косы на худосочныхъ лугахъ, гордая посадка на захудалой рабочей помѣщичьей лошади, степенность въ разсужденіи жизненныхъ правилъ, пріобрѣтеніе самыхъ удивительныхъ профессій и спеціальностей.... Упрямость въ отстаиваніи своей самобытности; крѣпость вновь образованныхъ семействъ; кружокъ казачьихъ головъ, тѣсно сдвинутыхъ при чтеніи своихъ казачьихъ журналовъ и станичныхъ новостей; торжественные праздничные сборы послѣ службы въ церкви, съ франтовствомъ и соревнованіемъ въ одеждѣ: горячіе споры на выборахъ атамановъ, при обсужденіи дѣлъ станичныхъ; жадное прислушиваніе къ казачьимъ событіямъ; рядъ ребятишекъ - казачатъ, бойко тараторящихъ, не въ примѣръ отцамъ, по польски, но одинаково съ первыми съ уваженіемъ и гордостью посматривающихъ на казачьи реликвіи, временно помѣщенныхъ въ завѣтномъ углу; безпросвѣтная нужда слабосильныхъ и многосемейныхъ; одинокіе, опрятно поставленные кресты на могилахъ уснувшихъ вѣчнымъ сномъ, на тѣнистыхъ кладбищахъ далекой чужбины и наконецъ, надъ всѣмъ этимъ, молчаливая, но горячая вѣра въ счастье казачье, въ славу своихъ Войскъ, въ вѣчность и незыблимость казачьихъ устоевъ, ищетъ временно поруганныхъ, умаленныхъ, развѣянныхъ по всему свѣту,но все же должныхъ вернуться къ своей колыбели и вновь въ ней восторжествовать.

Объединенные, сплотившіеся въ борьбѣ за существованіе, съ составомъ казаковъ почти всѣхъ Войскъ, живетъ станица и ея хутора своей установившейся жизнью, вотъ уже второй десятокъ лѣтъ. Искренне и охотно отзывается на казачьи мѣстныя нужды, близко принимаетъ къ сердцу казачьи неурядицы, радуется успѣхамъ, тоскливо оплакиваетъ утрату своихъ лучшихъ заслуженныхъ казаковъ, горячо вознося за упокой ихъ душъ свои молитвы въ мѣстныхъ храмахъ и затаивъ свои завѣтныя думы, остро прислушивается къ долетающимъ иногда до нихъ, степнымъ восточнымъ вѣтрамъ.

С. Волковысковъ.

Станица Волковысская.
Польша.
1935 годъ.

КАЗАЧЕСТВО ВО ФРАНЦІИ.

Членомъ Русскаго Эмигрантскаго Комитета, вмѣсто скончавшагося **Дон. Атамана ген. А. П. Богаевскаго** избранъ Оренбургскаго Каз. Войска **ген. И. Г. Акулининъ.**

Уральскіе герои

(Къ кончинѣ полковника П. А. Сидоровнина).

Ихъ осталось такъ мало...

Изъ дикихъ степей горсточка уральскихъ казаковъ попала въ г. Парижъ. Изъ этой славной кучки въ предмѣстьѣ Парижа, въ тихомъ городкѣ Руйель образовалась уральская станица, которая и служитъ главнымъ звеномъ для всѣхъ уральцевъ, разбросанныхъ по Франціи.

Таетъ, какъ весенній снѣгъ, славная уральская семья.

На-дняхъ скончался отъ туберкулеза одинъ изъ самыхъ видныхъ казаковъ уральской станицы полк. Павелъ Алексѣевичъ Сидоровнинъ. Долгіе годы боролся съ страшнымъ бичемъ, крѣпкій уральскій казакъ, три раза ложился въ госпиталь, по выходѣ весело смотрѣлъ на жизнь. Не выдержалъ длительнаго глумленія ужасной болѣзни и тихо ушелъ въ загробный міръ.

Когда станичники пришли навѣстить полковника, его бездыханное тѣло покоилось уже въ мертвецкой госпиталя.

А вѣдь красочная, боевая была жизнь у полк. Сидоровнина!

Когда рухнулъ уральскій фронтъ и хмурый Уралъ злобно забурлилъ въ тоскѣ мутными волнами, полилась казачья кровь отъ рукъ красныхъ побѣдителей. Изъ уцѣлѣвшихъ казаковъ, красное командованіе сформировало въ Уральскѣ 1-ый Уральскій Казачій полкъ, и бросило его на польскій фронтъ. Почти немедленно по прибытіи, полкъ попадаетъ въ полосу сильныхъ боевъ и своей стойкостью обращаетъ на себя вниманіе краснаго командованія. Послѣ смерти въ одномъ изъ боевъ командира полка молодого и лихого прапорщика Сузанова, начдивъ Кутяковъ, назначаетъ командиромъ Уральскаго полка П. А. Сидоровнина. Принявъ полкъ, полк. Сидоровнинъ вступилъ въ переговоры съ поляками и въ сентябрѣ 1920 года перевелъ весь полкъ со всѣмъ командным составомъ въ Польшу.

Въ тѣ славные дни въ баракахъ мѣстечка Шепіорно, подъ Калишемъ, былъ настоящій военный лагерь; тамъ спѣшно формировались части 3-ей Русской Арміи, съ благословенія покойнаго революціонера - террориста Б. В. Савинкова.

Въ районъ нашего формированія и прибылъ на маленькихъ уральскихъ лошадкахъ уральскій полкъ съ полк. Сидоровнинымъ во главѣ, въ составѣ около 500 казаковъ.

Части 3-ей Арміи вскорѣ выступили на фронтъ и на мою долю выпала честь служить съ

П. А. Сидоровнинъ.

уральскими казаками, которыми командовалъ полк. Сидоровнинъ.

Мы колесили по живописнымъ селамъ Украины, проходили Острогъ, Щепетовку, Проскуровъ. Встрѣчались съ лихими, въ прекрасномъ обмундированіи, частями Петлюры, который углублялся тогда нѣсколько разъ въ тылы красныхъ. Главнымъ врагомъ фронтовой линіи, гдѣ оперировалъ Уральскій полкъ, была конница Котовскаго.

И въ послѣдній день, послѣдней борьбы съ красными, когда конница Котовскаго преслѣдовала насъ по пятамъ, и бѣлый фронтъ 3-ей Русской Арміи дрогнулъ подъ превосходствомъ противника, Уральскій полкъ спѣшно вынужденъ былъ отступить къ польской границѣ.

Въ осенній дождливый вечеръ, въ пятницу, нашъ полкъ перешелъ польскую границу. Полк. Сидоровнинъ издалъ приказъ, чтобы казаки поѣли и ложились спать, дабы не нарушать чужого религіознаго обряда, — былъ еврейскій шабашъ...

Начались безславныя, безпросвѣтныя будни. Угасла вѣра, потухли надежды на что-то дѣйственное. Началось хожденіе по мукамъ.

Уральскій полкъ, какъ и всѣ чины 3-ей Русской Арміи, былъ посаженъ за проволоку польскихъ лагерей. Все постепенно таяло, распылялось. Партіями спѣшили во Францію, на заводы. Полк. Сидоровнинъ, какъ и всѣ честные труженики, добывалъ насущный хлѣбъ за заводскимъ станкомъ.

Потомъ рядъ госпиталей и земная жизнь оборвалась въ послѣднемъ пристанищѣ на чужой землѣ — въ госпиталѣ Божомъ.

Молитвенная память живыхъ да будетъ долга по усопшемъ уральскомъ казакѣ.

Д. Воротынскій.

КАЗАКИ - КОМБАТАНТЫ ВЪ КОЛОМБЕЛѢ (деп. Кальвадосъ).

Группа казаковъ - комбатантовъ (50 чел.) вошла въ группу французскихъ комбатантовъ департамента Кальвадосъ и Нижней Нормандiи. Предсѣдателемъ казачьей группы на 1935 годъ избранъ Войск. Ст. М. В. Кузнецовъ.

† А. Н. СЕБРЯКОВЪ.

1-го марта въ г. Бонъ, скончался полковникъ Андрей Николаевичъ Себряковъ, станицы Усть-Медвѣдицкой Донского Войска. Родственники желающiе получить болѣе подробныя свѣдѣнiя о смерти и объ оставшихся цѣнностяхъ, могутъ обратиться за адресомъ, въ редакцiю «Станицы»; у покойнаго также умеръ во Францiи сынъ, инженеръ.

Дм. Сафоновъ.

ДОНЦЫ ВЪ БЕЛЬФОРѢ.

Атаманъ Донского казачьяго хутора, сотникъ Архиповъ сообщаетъ новый адресъ хут. правленiя: **Mr E: Archipoff; Cité Engel; № 3 (Av: Jean Jaurès) Belfort:**

ТУРКУАНСКАЯ СТАНИЦА.

На состоявшихся перевыборахъ правленiя Туркуанской казачьей станицы, выбранными оказались: Атаманомъ станицы — А. Страховъ; помощниками — 1 — Д. Страховъ; 2 — В. Вѣсовъ; казначеемъ — Ф. Ефимовъ и писаремъ — Д. Звонаревъ.

26 МАЯ ВСѢ ДОНЦЫ ДОЛЖНЫ ПРИНЯТЬ УЧАСТIЕ ВЪ ВЫБОРАХЪ АТАМАНА.

ЖИЗНЬ СОФIЙСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

Софiйская общеказачья станица, въ составъ которой входятъ хутора: студенческiй общеказачiй, княжевскiй инвалидный, терскiй и кубанскiй, насчитываетъ въ настоящемъ году около 180 человѣкъ членовъ. Въ февралѣ состоялось общее год. собранiе для выслушанiя отчета о дѣятельности правленiя, состоянiя кассы, а также и для выбора правленiя на 1935 годъ. Станичный сборъ выслушалъ докладъ стараго правленiя, одобрилъ его и выразилъ благодарность, и избрано новое Правленiе въ составѣ: Станичный Атаманъ — Д-ръ В. А. Писаревъ, В. В. Д.; Помощникъ Атамана — Н. В. Куницынъ, В. В. Д.; Станичный Писарь — Есаулъ В. В. Калмыковъ, В. В. Д.; Казначей — И. Ф. Алатырцевъ, В. В. Д., членъ Войскового Круга; члены Правленiя: Есаулъ П. В. Лащеновъ, В. В. Д., членъ Войскового Круга; Вахмистръ П. С. Чебураковъ, В. В. Д.; А. И. Бѣляевъ, студентъ, В. В. Д.; запасные члены: полковникъ М. В. Русаковъ, В. В. Д.; членъ Круга Спасенiя Дона; О. Г. Кравченко, студентъ, Куб. В.; старшiй урядникъ Петровскiй, Куб. В. По Уставу въ Правленiе Станицы входятъ и Атаманы вышеуказанныхъ хуторовъ. Ревизiонная комиссiя: генералъ Растегаевъ, В. В. Д. Товарищъ Предсѣдателя Войскоого Круга; Хорунжiй, В. С. Голицынъ, студентъ, В. В. Д. и старшiй урядникъ С. Большаковъ, В. В. Д.

Выборы прошли съ давно незамѣчаемымъ единодушiемъ и подъемомъ. Въ концѣ засѣданiя сборъ на призывъ Чебуракова и Куницына о пожертвованiяхъ, щедро отозвался, внося свои казачьи лепты въ Станичную кассу. Станичное Правленiе въ первомъ же засѣданiи начертало программу дальнѣйшей своей дѣятельности: 1) усиленiе помощи безработнымъ и впавшимъ въ нужду, культурной и духовной связи между членами, 2) оказанiе помощи учащимся казакамъ, учредивъ одну стипендiю въ Русской гимназiи, 3) устройствомъ на Пасхальной недѣлѣ вечера, сборъ съ котораго пойдетъ на Пасхальное яичко дѣтямъ казаковъ. Первая казачья встрѣча состоялась 3-го марта въ атмосферѣ большой задушевности. Блестящiй докладъ, объ историческомъ служенiи казаковъ Россiи и о путяхъ казачества въ прошломъ, талантливо и съ подъемомъ, былъ сдѣланъ Куницынымъ, Н. В., въ которомъ онъ подчеркнулъ, что «основной и неизмѣнной генеральной линiей казачества была и будетъ общая судьба и общая борьба за благо русскаго народа и казачества». Казачьи встрѣчи будутъ устраиваться и впредь съ докладами и сообщенiями, какъ о прошломъ казачества, такъ и его жизни въ эмиграцiи и въ совѣтской Россiи. Въ виду экономическаго кризиса все усиливающагося въ Болгарiи, безработицы и административнаго нажима на иностранцевъ, замѣчается усиленный прiемъ казаками болгарскаго подданства для обезпеченiя себѣ работы и службы. Многiе женились на болгаркахъ. Благодаря уменьшенiю Правительственной субсидiи и ослабленiя добровольныхъ пожертвованiй, ухудшилось положенiе студентовъ казаковъ. Недостаточность питанiя и антигигiеничныя условiя жизни расшатываютъ

Правленіе Софійской станицы. 1-й рядъ, слѣва направо: В. В. Калмыковъ, д-ръ В. А. Писаревъ (атаманъ), И. Ф. Алатырцевъ.

2-й рядъ: П. С. Чебураковъ и П. В. Лощеновъ.

молодые организмы и даютъ благодатную почву туберкулезу. Еще трагичнѣе положеніе окончившихъ университетъ. Агрономы, химики, педагоги, лѣсоводы и врачи, въ виду переизбытка интеллигенціи въ странѣ, остаются безъ службы и работаютъ не по спеціальности, часто исполняя и тяжелую физическую работу. Средствъ для помощи студентамъ - казакамъ у Станицы нѣтъ. Безотрадно положеніе и въ инвалидномъ хуторѣ, все по тѣмъ же причинамъ — отсутствіе средствъ. Замѣчается усиленное желаніе казаковъ къ переселенію въ Южную Америку, а именно въ Парагвай, но отсутствіе средствъ пока задерживаетъ это переселеніе. Безотрадныя перспективы здѣсь толкаютъ казаковъ въ лучшія, богатыя землей страны. Въ послѣднее время по свѣдѣніямъ газетныхъ сообщеній о раѣ въ Манджуго, многіе выражаютъ желаніе переселиться и туда. Въ Софіи и ея окрестностяхъ около 600 казаковъ, изъ которыхъ единицы обезпеченныхъ людей. Часть входитъ въ хутора и станицы, а остальная масса неорганизована и постепенно начинаетъ пополнять кадры пролетаріата, ютясь въ ночлежкахъ пригородовъ Софіи.

Станичный Атаманъ д-ръ **В. А. Писаревъ.**

Владиміръ СИНЕОКОВЪ.

Докторъ Государствен. Наукъ.

О чемъ пѣли казаки

Въ первомъ очеркѣ о казачьей пѣснѣ мы займемся пѣснями донскихъ казаковъ. Къ сожалѣнію, скудость источниковъ и обусловленный размѣръ обыкновенной статьи ежемѣсячника не позволяютъ углубиться въ это изслѣдованіе, — изслѣдованіе народнаго творчества, отражающаго тѣ или иные событія, переживанія, взгляды и чаянія самого народа. Въ этомъ отношеніи весьма образными являются казачьи пѣсни. По нимъ можно прослѣдить не только жизнь казака, но и всю казачью исторію. Для историка и соціолога эти пѣсни особенно цѣнны, ибо онѣ ясно и опредѣленно выражаютъ на разстояніи многихъ вѣковъ взгляды казачьи на политическія и соціальныя явленія, какъ въ казачьихъ краяхъ, такъ и въ государствѣ; а равно и понятія казаковъ о самихъ себѣ и ихъ отношенія къ государству. Хотя бы слегка погрузившись въ казачьи пѣсни, изслѣдователь не можетъ «мудрствовать лукаво», ибо «изъ пѣсни слова не выкинешь», потому что не спроста говорится: «сказка складка, пѣсня быль».

Нарочито образованная комиссія для изслѣдованія донской пѣсни проработала 1902-3 г. г. и, объѣхавъ всѣ историческія мѣста казачьяго заселенія Дона, собрала 720 пѣсенъ. Далеко не всѣ, конечно, обработанныя, были помѣщены въ изданіяхъ. Но мнѣніе, составленное на основаніи такого матеріала, должно быть для всякаго человѣка безъ предвзятыхъ мыслей весьма вѣскимъ. Одинъ изъ участниковъ комиссіи, Листопадовъ, говоритъ въ изданіи 1911 г. «Пѣсни донскихъ казаковъ»: «Населенный въ казачьей своей части по преимуществу великороссами, Донъ поетъ, конечно, тѣ же великороссійскія пѣсни, съ нѣсколько лишь особымъ военно-казацкимъ пошибомъ. Но у него есть и свои пѣсни, отражающія въ себѣ историческія судьбы государства, въ которыхъ «Всевеликое Войско Донское» всегда принимало дѣятельное участіе».

Вѣдь, народная пѣсня, а особенно пѣсня русскаго народа, возникла вмѣстѣ съ самымъ народомъ. Объ этомъ одинъ изъ изслѣдователей, Лопатинъ, говоритъ: «Возникновеніе народной пѣсни такая же тайна, как возникновеніе слова. Пѣсня и слово есть выраженіе народнаго духа». Богатство и глубина народнаго духа и выразились въ пѣснѣ. Одинъ изъ первыхъ изслѣдователей русской пѣсни, чехъ Прачъ, бывшій въ Россіи въ ХУШ в.,

свидѣтельствуетъ: «Не знаю я, какое народное пѣніе могло бы составить столь обильное и разнообразное собраніе мелодическихъ содержаній, какъ россійское. Между многихъ тысячъ пѣсенъ нѣтъ двухъ между собою очень похожихъ, и хотя для простого слуха многія из нихъ на одинъ голосъ кажутся».

Это же мнѣніе относится, конечно, и къ казачьей, въ частности, донской пѣснѣ. Въ пѣснѣ сказались вся красота, глубина и размахъ казачьей души, сила казачьяго сердца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣжность, просторъ непреклонной воли, безграничная твердость и ширь несдержимаго разгула.

Сурова и неприглядна была жизнь казака, особенно въ первые вѣка. О благоустройствѣ и красотѣ жилищъ своихъ казаки не заботились; курени строились какъ ни попало, «дабы не игралъ на нихъ глазъ вражескій» — и не внушалъ желанія поживиться. Но народное искусство свое, пѣсню, казаки холили; да и рождалась она во всей прелести своей. Тому, кто не знаетъ этой пѣсни, слѣдуетъ послушать Жарова — этотъ чудодѣй научитъ.

Въ своемъ изложеніи мы подраздѣляемъ донскія пѣсни съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ въ ихъ опредѣленіи, на: 1) былины, 2) историческія общія и казачьи, 3) военныя, 4) бытовыя и 5) любовныя. Причемъ всѣ пѣсни расположены въ каждомъ подраздѣленіи въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ возникновенія, насколько можно было судить по весьма скуднымъ даннымъ въ этомъ отношеніи. Приходилось руководствоваться, скорѣе для бытовыхъ и любовныхъ пѣсенъ, ихъ духомъ и складомъ. Поэтому, чтобы читатель могъ самъ судить, а равно и оцѣнить достоинства пѣсенъ, по мѣрѣ возможности, приводимъ ихъ цѣлостью или наиболѣе образныя мѣста изъ нихъ.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что на Дону въ XX в., поются старорусскія кіевскія былины. Но если вспомнимъ, что всѣ кіевскія былины были записаны въ центральной Россіи, то не трудно будетъ догадаться, что эти былины пришли на Донъ вмѣстѣ съ населеніемъ. Конечно, время (10 вѣковъ), обстановка и особый казачій укладъ наложили свой отпечатокъ и внесли казачьи наслоенія. Такъ, напримѣръ, Илья Муромецъ называется «матерымъ казакомъ», тогда какъ при Владимірѣ - Красное Солнышко — слова «казакъ» не знали. Равнымъ образомъ говорится объ Ильѣ:

«Атаманомъ былъ Илья Муромецъ,
Подъ-атаманье Добрыня Никитичъ».

Въ былинѣ, записанной въ ст. Клѣтской, про Илью Муромца сохраненъ своеобразный былинный складъ:

«Ай во городѣ что не стукъ стучитъ,
Ай что не стукъ стучитъ, что не громъ гремитъ».

Оказывается, это Илья Муромецъ собирается въ походъ:

«Ай пертираетъ свою сбрую, сбрую ратную».

Государыня его матушка плачетъ и уговариваетъ его не ѣхать на врага, ибо онъ сложитъ голову:

«Ай да, тѣ чада моя, чада, чада милая».

Но Илья Муромецъ увѣренъ, что онъ сразитъ врага, вернется невредимымъ домой и обѣщаетъ потомъ кормить отца и мать до самой ихъ смерти. Слезы матери не удержали его отъ намѣченнаго. Станица Усть-Быстрянская сохранила былину о томъ, какъ сражался Алеша Поповичъ со Змѣемъ Горынычемъ. Въ этой былинѣ въ словахъ и выраженіяхъ замѣтно позднѣйшее вліяніе рѣчи и говора на Дону:

«Да во князя было, князя Володимира,
Собиралася въ нево да пиръ-бесѣдушка,
И чесна, и хвальна, да многорадостная.
Во пиру-то бы сидѣли князья-бояры,
Они сильнаи, могучіе боготыри».

Пришелъ Змѣй Горынычъ, сѣлъ за столъ рядомъ съ княгиней и сталъ усиленно любезничать. Алешу такое поведеніе Змѣя Горыныча возмутило, онъ надъ нимъ насмѣялся, вызвалъ его на бой и убилъ, защищая достоинство княгини кіевской.

А былина, сохранившаяся въ хуторѣ Кременскомъ, Усть-Быстрянской ст., называетъ уже Добрыню Никитича прямо Дончакомъ, и не только то, — упоминаетъ о Турціи, съ которой донскимъ казакамъ пришлось много дѣлъ имѣть:

«Какъ ходилъ то Дончакъ, ой по инымъ то землямъ,
По инымъ то землямъ, по Туречинѣ.
Онъ не годъ то ходилъ, да не два-три года,
Какъ ходилъ то младецъ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ, еще три года».

Когда же онъ вернулся домой, то нашелъ тамъ «пиръ - бесѣдушку», не что иное, какъ свадебный пиръ его жены съ Алешей Поповичемъ. Однако, ссоры и драки не произошло, — все разрѣшилось мирнымъ путемъ. Но Дончакъ крайне возмутился поведеніемъ своей супруги. Вѣроятно, онъ не былъ знакомъ съ французской пословицей: «Кто ѣдетъ на охоту, теряетъ свое мѣсто»

Поэтому онъ недоумѣваетъ, ибо нигдѣ не видано, что:

«По чистомъ-то полѣ корабли бѣжатъ,
По синемъ-то морю пожары горятъ».

и въ его головѣ не вяжется, это:

«Отъ живова мужа жена замужъ идетъ».

Услыхавъ такія рѣчи, жена Дончака бросилась къ нему на шею, и на этомъ все закончилось.

Въ былинѣ про молодого наѣздника и Аннушку, дочь княжескую, которую пѣли въ ст. Нижне-Курмоярской, слишкомъ очевидны послѣдующія наслоенія вплоть до Кавказской войны, и только упоминаніе про Кіевъ говоритъ о ея древнемъ происхожденіи. Кто же была Аннушка, дочь княжеская, трудно судить. Есть ли что-либо общее съ княгиней Анной, дочерью Ярослава Мудраго, впослѣдствіи королевой французской? Кто знаетъ!

«Ой да, што по балочкамъ было, по вершиночкамъ,
По тѣмъ по отножинкамъ.
Што по тѣмъ то было ходятъ по отножинкамъ
Табуны ордынскіе».

Табуны эти ходили подъ Кіевомъ. Вокругъ табуновъ ѣздилъ молодой наѣздникъ. Его застала сильная мятель, и онъ бросился къ городу, чтобы укрыться, но сразу въѣхать не могъ:

«Ой да, кругомъ города, ну, славнава Кеева,
Молодчикъ похаживалъ
Въ одной тоненькой, во новой альяненькой
Бѣленькой черкесочкѣ.
Какъ у города, у славнава Кеева,
Воротицы заперты».

Тогда Аннушка, дочь княжеская:

«Опущала она свою ручку правую,
Она во глубокъ карманъ,
Вынимала она, раздушачка Аннушка,
Свои золоты ключи»,

отворила ворота, впустила своего милаго въ Кіевъ.

Въ ст. Арженовской пѣли былину про Индѣй-землю, въ которой водится Индрикъ-звѣрь. Подъ Индѣй-землей подразумѣвается, конечно, Индія съ ея сказочными богатствами и всякими волшебствами.

«Какъ и много тамъ злата, серебра,
Да набольше тово дорогова земчуга.
Во Индѣй-землѣ степя дикія,
Степя дикія, ляса темнаи,
Да въ тѣхъ лясахъ живетъ Индрикъ-звѣрь:
На немъ шорсточка все земчужная,
А коготцы въ няво все булатнаи;
Изъ ноздрей у няво огонь пышетъ,
Изъ ушей у няво идетъ дымъ столбомъ».

Когда Индрикъ-звѣрь входитъ въ рѣку, вода выходитъ изъ береговъ.

Былина же ст. Усть-Бѣлокалитвенской про Индрика-звѣря составляетъ, якобы, продолженіе предыдущей; причемъ она дѣлаетъ ее уже донской. Донской казакъ охотился на этого Индрика-звѣря и изъ Индіи загналъ его въ Туркестанъ, въ «Сыръ-Дарью-рѣку». И самъ казакъ-то богатырскаго сложенія:

«Ой, за нимъ-то да гонитъ
младъ донской казакъ.
А эхъ! да вышиною-то казачекъ
только выше трехъ саженей,
Е-ой да, у плечахъ въ него
будто больше трехъ аршинъ,
Ехъ, ну-ка, между глазъ-то да у него
Будто больше трехъ пядей».

***

Если донцы сохранили былины, то они занесли на Донъ и обычай кіевскій, когда Святославъ извѣщалъ враговъ своихъ: «Иду на вы», а именно, они посылали сказать или отправляли гонца съ грамотой: «Нынѣ все великое Донское Войско приговорили съ вами миръ нарушить; вы бойтесь насъ, а мы васъ станемъ остерегаться. А се письмо и печать Войскова».

Равнымъ образомъ, до XVIII в. Донъ пѣлъ обще-русскія историческія пѣсни. Извѣстный изслѣдователь народной пѣсни Кирѣевскій называетъ «царствованіе Петрово границею созданія настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, которыя послѣ Петра продолжали возникать только среди Волжскаго и Донского казачества». Въ такомъ же духѣ мнѣніе и другого изслѣдователя Лопатина, уже упомянутаго выше, который говоритъ: «Донъ, населенный по преимуществу великороссами, поетъ тѣ же великороссійскія пѣсни, съ нѣсколько лишь особымъ военно - казацкимъ пошибомъ, и онъ же сохранилъ до сихъ поръ въ памяти своей большинство разбойничьихъ пѣсенъ, какъ волжскихъ, такъ и донскихъ, и сохранилъ историческія пѣсни позднѣйшаго, послѣ-Петровскаго времени, когда историческія пѣсни перешли въ ряды арміи, а творцами ихъ, по преимуществу, остались донскіе казаки».

Это лишній разъ подтверждаетъ, насколько вредно отозвались на странѣ заграничныя нововведенія Петра I съ ихъ отрицательной стороны. Желая дать чужую народную оболочку высшему слою, Петръ I отрывалъ его тѣмъ самымъ отъ народной гущи. Если раньше народъ живо участвовалъ въ событіяхъ своей страны, запечатлѣвая ихъ въ историческихъ пѣсняхъ, если народъ творилъ, и творчество его отражало глубочія переживанія, — то введеніе «иностранщины», особенно бездарными наслѣдниками Петра I, отстранило народъ отъ участія въ судьбахъ страны и сдѣлало жизнь страны въ ея цѣломъ безразличной гущѣ народной. Крупныя событія, касавшіяся непосредственно страны, казались народу чуждыми и къ нему не относящимися. И такимъ образомъ за 200 лѣтъ вытравили изъ народа патріотизмъ и націонализмъ. Особенно

рѣзко въ этомъ отношенiи подѣйствовало введенiе крѣпостного права по западно-европейскому образцу въ XVIII вѣкѣ.

У казаковъ же, не подвергшихся этой «иностранщинѣ» и не знавшихъ совсѣмъ крѣпостного права, сохранился народный творческiй духъ. Отзываясь на событiя и переживая крупныя государственныя явленiя, казаки продолжали творить, являясь носителями народнаго искусства. Этимъ и объясняется, что царствованiе Петрово является границею «созданiя настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ», а послѣ Петра I также и русская армiя, впитавшая слишкомъ много «нѣметчины» и управляемая почти что нѣмцами, выдохлась въ своемъ творчествѣ. Нѣмецкiй духъ тлеворно подѣйствовалъ на народное искусство. И хотя историческая пѣсня перешла къ армiи, но творцами ея «остались донскiе казаки», гдѣ вѣялъ издревле - свободный русскiй духъ.

Въ станицѣ Усть-Быстрянской сохранилась одна изъ самыхъ старыхъ донскихъ историческихъ пѣсенъ. Эта пѣсня повѣствуетъ о началѣ Донского Войска, по преданiю. По своему содержанiю она говоритъ сама за себя:

«Ой да, не рѣчушка шумитъ,
Ой да, не Дунай рѣчи говоритъ;
Ой да, не сизые они орлы клычуть, —
Ой да, по поднебезью орлы летятъ.
Ой да, не сѣрые гусюшки кагечутъ,
Ой да, по за плесами они сидятъ,
Ой да, они истюшки гуси хотятъ.
Ой да, восплачутца наши казаченьки,
Ой да, передъ бѣлымъ царемъ стоючи:
— Ой да, ну ты, батюшка, нашъ славной царь,
Всѣхъ ты жалуешь, а насъ чѣмъ пожалуешь?
Ой да, пожалую я васъ, ребяты,
Ой да, Тихимъ Дономъ, Дономъ и Донцомъ!
Ой да, ну, еще то ли васъ пожалую,
Ой да, Бузулукомъ, вотъ бы да Хопромъ,
Ой да, ну, приданнымъ вамъ даю, ребяты,
Ой да, соляныя всѣ вамъ озера».

Много историческихъ пѣсенъ поется про Ермака Тимофеевича. Это и понятно: слишкомъ яркимъ явленiемъ промелькнулъ онъ, какъ въ казачьей, такъ и въ государственной жизни. Хотя наука наша упоминаетъ о немъ только мелькомъ, народъ воздаетъ ему должное и свято хранитъ въ пѣснѣ память о немъ. Приведемъ нѣсколько пѣсенъ.

«Исланбекъ мурза и Ермакъ» (ст. Усть- Бузулуцкая)

«Ой, на степѣ, степѣ, да на дикой-то
Степѣ да на Саратовой,
Тамъ стоялъ-то, стоялъ, да на дикой-то
Степѣ, тонкой бѣлой шатеръ».

Въ этомъ шатрѣ живетъ Ермакъ. Прiѣхалъ туда Исланбекъ мурза и вошелъ въ шатеръ, не поздоровавшись съ Ермакомъ. Ермакъ его за это убилъ. Въ народномъ понятiи онъ понесъ заслуженную кару за непочтенiе Ермаку.

«Ермакъ» на взятiе Казани. 1552. (ст. Усть-Быстрянской, хут. Кременской):

«Ой, какъ проходитъ, ребяты, лѣта теплая,
Настаетъ-то зима, зима холодная.
Да и гдѣ-то мы, братцы, зимовать будемъ?
На Яикъ итить — переходъ великъ,
А на Волгу итить намъ — тамъ ворами слыть,
Подъ Казань итить городъ — тамъ самъ царь стоитъ,
Какъ и грозный-то царь Иванъ Васильевичъ;
Какъ и мнѣ, Ермаку-то, быть повѣшану,
А вамъ, казакамъ-то, переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ-то тюрьмамъ поразсаженнымъ.
Мы пройдемся, ребята, да поклонимся,
Да подъ власть-то мы царю покоримся».

Отправились казаки во главѣ съ Ермакомъ подъ Казань и предстали предъ ясныя очи Ивана Васильевича, который спрашиваетъ:

— «Ну, не ты ли, Ермакъ, былъ Тимофѣевъ сынъ?
Ну, не ты ли донской воровской атаманушка?
Ну, не ты ли гулялъ по чисту полю,
Да не ты ли разбивалъ все бусы-корабли,
Все бусы-корабли, корабли турецкiе?»
— «Разбивалъ, государь, я бусы-корабли».

Въ видѣ искупленiя прошлыхъ грѣховъ Ермакъ проситъ разрѣшенiя взять Казань. Переодѣвшись нищимъ татариномъ, Ермакъ побывалъ въ Казани, вывѣдалъ, гдѣ находились пороховые погреба, и, вернувшись, велѣлъ вести подъ нихъ подкопъ. Взорвавъ стѣны, Ермакъ съ казаками взялъ Казань. За это Иванъ Грозный пожаловалъ его княземъ и подарилъ казакамъ Донъ со всѣми притоками. Послѣ этого казаки приняли мудрое рѣшенiе, которое оказалось поворотнымъ пунктомъ въ исторiи казачьихъ войскъ, и непринятiе котораго послужило одной изъ причинъ исчезновенiя Запорожской Сѣчи:

«Мы пойдемъ на тихай Донъ спокаемся,
Нежанатаи, братцы, пережeнимся».

Такъ поется въ пѣснѣ. Есть преданье, что Ермакъ былъ подъ Казанью. Но онъ едва ли былъ тогда Ермакомъ Тимофеевичемъ и атаманомъ, т. к. былъ очень молодъ. Донскiе же казаки во взятiи Казани участвовали, и за это участiе Иванъ Грозный пожаловалъ ихъ Дономъ со всѣми притоками.

«Ермакъ Тимофеевичъ» (ст. Малодѣльская), пѣсня, относящаяся, по историческимъ даннымъ, къ событiямъ на Волгѣ въ 1577 г., когда воевода

Мурашкинъ разбилъ воровскія шайки. Послѣ этого пораженія Ермакъ ушелъ къ Строгановымъ, часть казаковъ перешла на Уралъ, а часть, возможно, отправилась на Куму или на Терекъ. Но къ тому времени на Терекѣ уже были гребенскіе казаки. Сама пѣсня составлена, очевидно, гораздо позднѣе этого событія, т. к. въ ней уже упоминается о Яицкихъ казакахъ, между тѣмъ какъ это-то событіе и положило начало Яицкому (Уральскому) войску. Именно тогда-то часть казаковъ съ атаманомъ Нечаемъ перешла Волгой и Каспійскимъ моремъ на Яикъ (Уралъ).

«Ай да, на славной было, братцы, да на рѣчушкѣ,
на Камышанкѣ,
Ай, собиралися тамъ, братцы,
люди вольнаи,
Ай, все донскіе, гребенскіе казаки,
все яицкіе».

Выбрали они себѣ атаманомъ Ермака и стали рѣшать, куда бѣжать:

«Ахъ, ну, гдѣ же, братцы, зиму зимовать,
зимовать будемъ?
Ахъ, на Яикъ-то итить, братцы, переходъ,
переходъ великъ.
Ай, на тихой Донъ итить, братцы, намъ,
вора... намъ ворами слыть.
Ай, какъ ворами-то слыть, намъ быть
перело... переловленнымъ.
Ахъ, ну, пойдемтя-ка мы, братцы, на Куму,
на Куму-рѣку.
Ахъ, на Кумѣ-то рѣкѣ тамъ и земли
во... земли вольнаи.
Ай, на Кумѣ-то-рѣкѣ растутъ лѣса,
тѣ...лѣса темнаи».

Эту пѣсню занесли на Терекъ волжскіе казаки въ своемъ переселеніи на Кавказъ уже въ послѣдней четверти XVIII в.

Въ пѣснѣ «Ермакъ» говорится о намѣреніи его завоевать Сибирь. Эта пѣсня имѣетъ нѣкоторое сходство съ предыдущей; только она возникла, конечно, гораздо позднѣе. Здѣсь тоже дѣйствіе происходитъ на Волгѣ, и казаки собираются уходить на новыя мѣста. Только Ермакъ, идя къ Строгановымъ, не думалъ, что ему придется завоевывать Сибирь:

«Какъ на славныхъ степяхъ то было,
На степяхъ Саратовскихъ.
Собиралисъ казаки, други, люди вольные.
Какъ атаманъ у нихъ-то былъ, братцы,
Ермакъ Тимофеевичъ.
Какъ выговоритъ Ермакъ,
Ермакъ Тимофеевичъ.
Завоюемъ-то мы, братцы, братцы,
Царство Сибирское.
Мы пойдемъ-то къ царю – батюшкѣ,
Мы съ повинною».

«Гибель Ермака» (6 августа 1584 г.) хорошо извѣстная пѣсня. Поется она на всемъ юго-востокѣ Россіи и по всей Сибири. Въ ней, въ думахъ самого Ермака, излагается сущность бытія казачества или вся философія его зарожденія. Въ этой пѣснѣ очень картинно описывается гибель Ермака, и красочно обрисована вся трагическая обстановка:

«Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молнія сверкала,
Безпрерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали».

Всѣ соратники Ермака спятъ; одинъ онъ только не спитъ и думаетъ думу, подводя, такъ сказать, итогъ своей жизни:

«Кто жизни не щадилъ своей,
Опасность въ сѣчахъ презирая,
Тотъ думать будетъ ли о ней,
За Русь святую погибая?
Своей и вражьей кровью смывъ
Всѣ прегрѣшенья буйной жизни,
И за побѣды заслуживъ
Благословеніе отчизны!..
«Намъ смерть не можетъ быть страшна,
Свое мы дѣло совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы не праздно въ мірѣ жили».

Дальше описывается тайное ночное нападеніе сибирскаго царя Кучума и гибель всего отряда. Ермакъ не дался живымъ въ руки, бросился въ Иртышъ, но не могъ достигнуть челна, т. к. «тяжелый панцырь, даръ царя» за покореніе Сибири, потянулъ его ко дну.

Есть цѣлый рядъ такъ называемыхъ героическихъ пѣсенъ (хотя изслѣдователи называютъ ихъ разбойничьими), временъ казацкой вольницы по Волгѣ. Пѣсни эти считаются общерусскими, но созданы онѣ казаками. Взять хотя бы къ примѣру общеизвѣстную русскую пѣсня «Внизъ по матушкѣ, братцы, по Волгѣ». Она относится ко временамъ Стеньки Разина и имѣетъ въ нѣкоторыхъ своихъ измѣненіяхъ вполнѣ казачье окончаніе:

«На кормѣ стоитъ хозяинъ,
Самъ хозяинъ Стенька Разинъ».

Или другая, считающаяся общерусской, но созданная тоже во времена Стеньки Разина, поется и на Дону. Теперь она не совсѣмъ соотвѣтствуетъ казачьему конному строю. Но зародилась она, когда казаки ходили на стругахъ по рѣкамъ и морямъ.

Подъ шатромъ лежитъ злата казна:
«Ты взойди, взойди, солнце красное,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ
Добрыхъ молодцевъ — сиротъ бѣдныхъ,
Сиротъ бѣдныхъ — людей бѣдныхъ».

Кто же были эти добрые молодцы? По рѣчкѣ Торженкѣ плыла коска (легкая) лодочка, «все разбойничья»:

«На носу-то стоитъ есаулъ съ багромъ,
На кормѣ стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
Посреди лодки былъ тонкой шатеръ;
Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица;
Говоритъ она таково слово:
Ужъ какъ мнѣ, младой, мало спалося,
Мало спалося, много видѣлось;
Не хорошо-то мнѣ сонъ пригрезился:
Атаману-то быть повѣшену,
Есаулу-то быть застрѣлену,
А вамъ, молодцамъ, всѣмъ по тюрьмамъ сидѣть,
Мнѣ-то, дѣвушкѣ, быть на волюшкѣ».

Къ ней есть позднѣйшее измѣненіе въ примѣненіи къ чисто-мѣстнымъ донскимъ обстоятельствамъ:

«Ты взойди, солнце красное,
Освѣти ты Волгу-матушку,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ на чужой сторонѣ.
Мы не сами-то идемъ,
Насъ нужда ведетъ,
Нужда горькая.
Мы не воры, не разбойнички,
Атамановы работнички.
А мы строили церковь Знаменья,
А мы строили церковь Знаменья,
Церковь Знаменья Семиглавую».

Здѣсь рѣчь можетъ итти о пожалованномъ донскимъ казакамъ Чернѣевомъ монастырѣ, который они отстроили, и гдѣ дожившіе до старости казаки постригались въ монахи по обычаю, заведенному еще запорожцами.

«Измѣна Сеньки Маноцкова» описываетъ одно изъ явленій борьбы донцовъ съ азовцами: перешедшій въ казаки изъ татаръ Маноцковъ донесъ азовцамъ о подготовкѣ донцовъ къ выходу въ Черное море.

«У насъ, братцы, на Дону,
Во Черкасскомъ городу,
Появилась у насъ, братцы,
Прироженая шума
Онъ изъ шумъ, братцы, шума,
Сенька Маноцковъ злодѣй».

Онъ навелъ азовцевъ на мысль протянуть цѣпи черезъ Донъ, чего такъ опасались казаки.

«Перекинулся, собака,
Онъ къ Азовскому пашѣ».

Паша спрашиваетъ у него, не замышляютъ ли чего донцы:

«Старики-то пьютъ, гуляютъ,
По бесѣдушкамъ сидятъ.
По бесѣдушкамъ сидятъ,
Про Азовъ вашъ говорятъ».

Тогда азовцы протянули цѣпи черезъ Донъ при выходѣ въ море, а отъ цѣпей — веревки къ колоколамъ, чтобы казаки не могли ночью тайно пробраться. Узнавъ это, донцы все же ночью вышли въ Азовское море.

«Войсковой нашъ атаманъ
Во всю ночушку не спалъ,
Какъ со вечеру соколъ нашъ
Роговыя проплывалъ.
Ко бѣлу свѣту соколъ нашъ
По синю морю гулялъ,
По синю морю гулялъ,
Кораблики разбивалъ».

Какъ сказано выше, со временъ Петра I творчество историческихъ пѣсенъ перешло въ донскіе полки. Вѣдь, съ Петра I донскіе, и вообще казачьи, полки воевали если и совмѣстно съ царевой ратью, только по своимъ границамъ. Первыя же такія пѣсни относятся къ самому царю Петру. Оказывается, что широко распространенная солдатская пѣсня «Полтавскій бой» является донской.

«Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья.
Мы дралися тамъ со шведомъ,
Подъ знаменами Петра».

Разсказывается подготовка къ бою, а затѣмъ и самый бой, во время котораго царь Петръ I:

«Самъ командовалъ полками,
Самъ и пушки заряжалъ».

А такъ какъ онъ находился впереди, то въ него попали три шведскія пули: первая «въ шляпу царскую впилась», вторая «въ сѣдло царское впилась», третья —

«Прямо въ грудь ему летѣла
И ударилась, какъ громъ.
На груди его высокой
Чудотворный крестъ висѣлъ;
Пуля съ визгомъ отскочила
Отъ чудеснаго креста».

А заканчивается пѣсня такъ:

«Сотни лѣтъ еще пройдутъ,
Эти царскія три пули
Въ сердцахъ русскихъ не умрутъ».

Равнымъ образомъ, извѣстная пѣсня «Ай-да, не вечерняя заря» сочинена донцами на смерть царя Петра I. По своему складу она представляетъ образное для донцовъ народное литературное творчество со всевозможными вставками и добавленіями, ненужными для разсказа событія, но придающими пѣснѣ болѣе внушительный характеръ; и, благодаря

этому, пѣсня производитъ болѣе сильное впечатлѣніе. Обыкновенно эти добавленія и вставки распѣваются подголосками (ст. Еланская).

«Вотъ и не вечерняя, ой да ну, звѣзда-то, братцы,
Заря истухала.
Вотъ и полуночная, ой да ну, звѣзда-то, братцы,
Звѣзда померькала.
Ой да, воску ярова, вотъ бы ну, свѣча-то, братцы,
Она изгорала».

А на самомъ дѣлѣ, умеръ «Государь нашъ, царь, вотъ бы, царь-царевичъ, братцы, Петро Алексѣичъ». У постели у изголовья стоитъ «царскій внучекъ» съ царевной Елизаветой и горько плачетъ, т. к. умершій царь завѣщалъ ему «три горя-кручины», которыя ему не по плечу. Эти три «горя-кручины» явились бы и теперь, особенно послѣдніе годы, весьма тяжелыми:

«Ой да, какъ и первая вотъ горя-кручинушка, —
Велѣлъ мнѣ женитца;
Ой да, ну, вторая была вотъ горя кручинушка —
Велѣлъ сѣсть на царство;
Ой да, ну, какъ третья вотъ горя-кручинушка —
Велѣлъ сдержать землю».

Пѣсня отступаетъ отъ исторической правды, т. к. послѣ Петра I на престолъ взошла Екатерина I. Въ хуторѣ Обливѣ, Чернышевской станицы, поется эта же пѣсня, но съ измѣненіемъ на смерть Александра I въ Таганрогѣ.

Про ген Краснощекова есть двѣ пѣсни: какъ онъ былъ въ плѣну у шведовъ во время войны 1741-43 г. г., и какъ ѣздилъ въ Пруссію вывѣдать обстановку. Приведемъ вторую:

«Ахъ да, ты, Россія, мать наша, Россія,
Ты, Россійская наша земля!
Много горя, нужды приняла,
Много крови, крови пролила.
Много славы, славы нажила
Ой да, ни за то ли мать наша царица,
Чиновъ много она жаловала.
Краснощекова ли казака
Генераломъ его назвала,
Къ пруссаку въ гости его послала».
Къ Пруссу въ гости его послала».

Принявъ ген. Краснощекова за купца, Пруссъ угощалъ его старался выпытать про русское вооруженіе. Дочь Прусса узнала ген. Краснощекова по портрету, и ему пришлось бѣжать:

Громкимъ голосомъ вскричалъ:
Ой вы слуги, мои други,
Вы, донскіе казаки,
Вы скорѣй, скорѣй подайте
Мово вѣрнаго коня».

Въ одной изъ пѣсенъ временъ турецкихъ войнъ при Екатеринѣ II говорится о поединкѣ донского казака съ янычаромъ:

«Ой да, изъ-за лѣсу было темнава,
Ой да, изъ провальица было глубокова,
Не сизой орелъ вылетывалъ:
Молодой туречинъ на конѣ выѣжживалъ».

Онъ звалъ себѣ «поединщика» изъ супротивъ стоявшихъ казаковъ.

«Ой да, выѣжжалъ-то младецъ, донской малолѣточекъ».

Этотъ «малолѣточекъ» былъ изъ Краснова полка, шестой сотни, задней шеренги, изъ Черкасскаго городка, изъ станицы Скородумовской, Иванъ, сынъ Ивановичъ, «по прозвищу, вѣдь, онъ Лѣвшиновъ». Онъ сбилъ турка и захватилъ его коня:

«Ой да, ускричалъ узгичалъ,
Будто весь казачей полкъ:
— Ну, ура-то, ура! Вотъ наши донцы»...
(Ст. Еланская).

Походы Суворова, въ которыхъ участвовали Донцы, отъ Кавказа до Италіи, конечно, не могли не быть отмѣченными въ пѣсняхъ. Приведемъ короткій отрывокъ одной пѣсни, выражающій взглядъ Донцовъ на самого Суворова:

«Когда графъ Суворовъ съ нами,
Намъ и смерть съ нимъ не страшна.
Намъ и служба съ нимъ красна!
Онъ отецъ намъ всѣмъ военнымъ,
Умереть съ нимъ хорошо».

Пѣсня, которую, можетъ быть, пѣли всѣ пѣхотные полки, и которая, казалась, столь «солдатской», на самомъ дѣлѣ зародилась въ донскихъ полкахъ во время шведской войны 1741-43 г. г.:

«Пишетъ, пишетъ король шведскій
Государынѣ письмо».

Затѣмъ она принимала измѣненія, смотря по войнѣ — «король прусскій» и «султанъ турецкій» и т. д., вплоть до Наполеона I:

«Похвалялся воръ Французикъ Россію взять.
Заплакали сенаторы горькими слезами.
Выходилъ же казакъ Платовъ:
Вы не плачьте, сенаторы, авось Богъ поможетъ».

Въ это время Наполеонъ перешелъ Нѣманъ, «глянулъ въ подзорную трубку» и видитъ, какъ

«Валитъ сила по всѣмъ сторонамъ,
По всѣмъ четыремъ.
Генералъ казакъ Денисовъ
По правому флангу».

Въ дальнѣйшемъ эта пѣсня измѣнялась уже въ пѣхотныхъ полкахъ въ зависимости отъ того, съ кѣмъ велась война. Въ японскую войну пѣли: «Пишетъ, пишетъ царь японскій, пишетъ русскому царю». А въ Великую войну «японскій» былъ замѣненъ «германской».

Къ «Двѣнадцатому Году» относится и пѣсня объ Атаманѣ Платовѣ, который воплощаетъ собой цѣлую эпоху въ боевой жизни Донского казачества. Французскій генералъ Morand участникъ 1812 г., съ похвалой отзывается о казакахъ, огромное большинство которыхъ въ этой войнѣ составляли Донцы, и «усилія которыхъ были достаточны, чтобы спасти Имперію, настоящимъ оплотомъ и единственнымъ спасителемъ которой они являются». Слава атаману Платову тождественна со славой Донскому Войску:

«Славимъ Платова, героя,
Побѣдитель былъ врагамъ;
Побѣдитель былъ врагамъ, —
Слава Донскимъ казакамъ.
Вы Платова не ищите
Между русскихъ войсковъ, —
Знаемъ, знаемъ, гдѣ Платова,
Знаемъ, гдѣ его сыскать.
Знаемъ, Донъ течетъ откуда
Знаемъ, чѣмъ онъ украшенъ,
Украшенъ Донъ славой громкой,
Самъ собою доказалъ».

***

Собственно говоря, трудно рѣзко разграничить историческія казачьи пѣсни отъ военныхъ, ибо казаки, пребывавшіе постоянно въ состояніи войны, особенно, до половины XIX в., и тѣ и другія слагали въ походахъ большей частью. И, несомнѣнно, военныя дѣйствія отразились въ историческихъ пѣсняхъ, а военныя, зачастую, описываютъ историческія сраженія.

Начнемъ съ выступленія казака на военную службу. Всѣ пѣсни, описывающія этотъ первый шагъ, не проявляютъ ни малѣйшаго отчаянія или тоски. Онѣ, конечно, выражаютъ печаль, но не считаютъ службу какимъ-либо роковымъ зломъ. Наоборотъ, видятъ въ ней необходимый долгъ. И вездѣ сквозитъ надежда на возвращеніе.

«Проводы казака». Надъ яромъ стояли три садочка; въ первомъ канарейка распѣвала, во второмъ кукушечка куковала, а въ третьемъ шляхъ-дороженька лежала. По этой дороженькѣ мать провожаетъ своего сына и даетъ ему наставленіе:

«Ты иди, иди, сыночекъ,
Иди, ясный соколочекъ.
Служи царю повѣрнѣе,
Служи вѣрно, не робѣя.
А отслужишься, сыночекъ,
Ты вернись ко мнѣ скорѣе».

Казакъ, прощаясь со всѣми родными, друзьями и станицей, сожалѣетъ домашній уютъ, особенно материнскія ласки и заботу:

«Сажусь я на коня гнѣдого,
Слезою грудь всю оболью.
Иду въ чужую я сторонку
Служить батюшкѣ царю.
Хотя намъ служба не тяжела,
Но и нѣтъ тамъ маменьки родной.
Чужая маменька не скажетъ,
Возьми, сынокъ, да съѣшь калачъ».

Замѣчательно образную казачью пѣсню о проводахъ казака написалъ А. Туровѣровъ. Пѣсня эта въ ходу не только у Донцовъ.

«Конь боевой съ походнымъ вьюкомъ
У церкви ржетъ, кого-то ждетъ.
Въ оградѣ бабка плачетъ съ внукомъ,
Молодка возлѣ слезы льетъ».

Дальше слѣдуетъ выходъ молодого казака изъ церкви и прощаніе съ семьей. По старому обычаю жена подводитъ ему коня, а племянникъ подаетъ пику. При этомъ отецъ напоминаетъ ему долгъ казака:

«Мы послужили Государю,
«Теперь тебѣ чередъ служить».

и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ съ наставленіемъ, какъ служить и как себя держать въ полку, и наставленіе, чѣмъ въ жизни руководиться:

«Вѣдь, ловкость, сметка да сноровка,
Весь капиталъ у казака».

Пуще же всего казакъ долженъ беречь и холить своего друга-коня:

«А добрый конь — все наше счастье,
И честь, и слава казака»...
...И лучше самъ ты ѣшь поплоше,
А лошадь въ холѣ содержи».

Раненый казакъ, сознавая близкій конецъ, не проявляетъ безграничнаго горя-тоски. Онъ философски относится къ смерти по древне-русскому понятію, «двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать». Съ одной стороны вѣра, а съ другой сознаніе исполненнаго долга утѣшаютъ его. Онъ хочетъ только передать послѣдній привѣтъ роднымъ и станицѣ:

«Черный воронъ, что ты вьешься
Надъ моею головой?
Ты добычи не дождешься.
Черный воронъ, я не твой».

Онъ проситъ чернаго ворона слетать на Тихій Донъ и передать поклонъ отцу съ матерью, а молодой женѣ сказать, что онъ женился на другой:

«На пулечкѣ свинцовой,
Наша свашка была шашка;
Штыкъ булатный былъ дружкомъ.
А вѣнчался я на полѣ
Подъ ракитовымъ кустомъ».

Даже раненый казакъ не сразу сдается своему печальному року; до послѣдней возможности онъ проявляетъ мужество и выносливость:

«Подъ ракитой, подъ зеленой
Воинъ въ полѣ да лежалъ,
И штыкомъ-то его грудь пробита.
Крестъ свой мѣдный прижималъ.

Тамъ лилась у него кровь изъ раны
На истоптанный песокъ.
Слетались орельчики къ ранамъ,
Чуютъ лакомый кусокъ».
«Вдругъ раздался какой-то крикъ военный;
Снова грянулъ жаркій бой.
Услыхалъ шумъ битвы воинъ бѣдный,
Встрепенулся, какъ герой.
Встрепенувшись, воинъ приподнялся,
Какъ мертвецъ среди могилъ;
И за шапку казакъ свою брался,
Но тотчасъ лишился силъ».

Раненый казакъ обращается къ своему другу-коню, чтобы тотъ снесъ домой его поклонъ. А самъ казакъ остается навѣки на чужбинѣ:

«Какъ за рѣчушкой, за Кубанюшкою,
Тамъ ходилъ, тамъ гулялъ казакъ молодой».

Получивъ раны онъ сталъ собирать рѣчныя травы, варить ихъ и прикладывать къ ранамъ. Но это не помогло и умирая, онъ просилъ коня:

«Помиралъ казакъ, сталъ приказывать:
Ужъ ты, конь, ты, товарищъ дорогой,
Ты бѣги, ты скачи по дорожкѣ вдоль,
По дорожкѣ вдоль, ты на Тихій Донъ».
«Совстрѣчала коня молодая жена:
«Ужъ ты конь, мой конь, гдѣ товарищъ твой?
— А товарищъ мой за Кубанью, за рѣкой».

Онъ женился тамъ на другой:

«Какъ женила его пуля быстрая,
Обручила его сабля вострая».

Измѣненіе этой пѣсни есть и на Уралѣ: «За Ураломъ, за рѣкой», вмѣсто Кубани, ставится Уралъ, а Тихаго Дона — «къ мому батюшкѣ на дворъ»:

«Молодая жена коня встрѣчала.
Ужъ ты, конь, ты, мой конь, гдѣ хозяинъ твой?
Эхъ, хозяинъ мой за Ураломъ, за рѣкой».

Эта пѣсня поется и на Волгѣ (Самарск. губ.) и въ Воронежской губ., только съ нѣкоторымъ былиннымъ складомъ. Очевидно, она зародилась въ тѣ времена, когда Московская Русь сѣла на коня и повела степную борьбу отъ самой Оки. Въ этой пѣснѣ молодецъ проситъ коня отвѣтить на вопросъ жены, «гдѣ хозяинъ твой».:

«Мой хозяинъ-отъ
Въ полѣ женится,
Онъ беретъ-то, беретъ
Молодую жену,
Молодую жену —
Мать сырую землю;
А въ приданое беретъ
Зелены луга,
А въ изголовьице кладетъ
Бѣлъ-горючъ камень,
Покрывается
Темной ноченькой».

Подобныя ей пѣсни поются въ Малороссіи и Бѣлоруссіи со временъ борьбы казаковъ съ поляками, конецъ XVI в. и первая половина XVII в.

Чисто военныя боевыя пѣсни весьма бодры и полны воинственнаго духа, но безъ особой хвастливости разсказываютъ о доблестяхъ казаковъ.

Такъ, въ пѣснѣ временъ начала Кавказской войны поется:

«Съ одного конца Кавказа
На конецъ другой,
Перешагнемъ всѣ горы разомъ
Твердою ногой. Разъ-два!
Мы всегда били невѣрныхъ
А коль царь велитъ, —
Русскій нашъ орелъ двуглавый
Всюду залетитъ. Разъ-два!
На войну, какъ на охоту,
Съ радостью идемъ,
И турецкую пѣхоту,
Ровно зайцевъ, бьемъ. Разъ-два!
Офицеры удалые,
Родомъ всѣ донцы.
Не смотря, что молодые,
Въ дѣлахъ молодцы. Разъ-два!

(**Продолженіе слѣдуетъ**).

НОВЫЕ КНИГИ И ЖУРНАЛЫ.

Донъ Аминадо.—Нескучный садъ. 198 стр. Парижъ.

Проф. М. Л. Гофманъ. — Пушкинъ — Донъ Жуанъ. Изданіе Сергѣя Лифаря, Парижъ. 110 стр.

«Наша Станица», информаціонный журналъ Кубанской казачьей имени Кошевого Атамана Сидора Бѣлаго станицы Бѣлградъ.

«Казачья Мысль», № 3 — мартъ 1935, подъ ред. инж. И. Р. Кохановскова. Прага.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ оказывается безвозмездно студентамъ - казакамъ почетнымъ старикомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5 до 7 час. вечера на 122 бульваръ Мюратъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ при станицѣ подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго М. А. Адамова безвозмездно обслуживаетъ станичниковъ. Пріемъ ежедневно отъ 6 час. 30 мин. вечера до 8 час. веч. на рю де ла Конвансьонъ, ном. 85.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris XIIIe. Le Gérant : **Ch. Quénet.**

ВЪ РОДНЫХЪ КРАЯХЪ

(Изъ апрѣльскихъ номеровъ ростовской газеты «Молотъ»).

ЗОЛОТО ВЪ ЛАБИНСКОЙ.

Въ Лабинской — весна. Топкой грязью, озерными лужами расползлась, разъѣхалась дорога во всю ширь станичной улицы. «Фордъ» съ трудомъ беретъ 85-километровый переходъ до хутора Соленаго. Дальше для авто пути нѣтъ. Путникъ сѣдлаетъ коня и на рысяхъ, черезъ три часа, добирается до пріиска Рожкоа.

Далеко за горными перевалами на рѣкѣ Березовой, работаетъ бригада старателей. Сюда тоже нужно пробраться парторгу Суслину. Ни колесной, ни вьючной дороги нѣтъ на Березовку. Парторгъ вооружается остроконечной палкой, закидываетъ за плечи мѣшокъ съ провизіей и шагаетъ по горнымъ тропамъ день, другой, третій.

Рѣки, лѣса, овраги, горные кручи. Тяжела дорога къ золотымъ пріискамъ.

Когда-то, еще въ началѣ 19-го столѣтія, въ прибрежьяхъ рѣки маленькая артель кустарей - старателей добывала золото. Изъ года въ годъ росла и ширилась легенда о богатыхъ лабинскихъ розсыпяхъ. Наканунѣ міровой войны Большой Лабой заинтересовались англичане. Они предложили царскому правительству сдать имъ въ концессію заповѣдники звѣря лѣсного и берега золотой рѣки.

Сдѣлка не состоялась. Богатства остались нетронутыми. Только послѣ октябрьской революціи здѣсь начались геологическія развѣдки.

Лабзолото — условное наименованіе промышленаго комбината. Сейчасъ развѣдчики нѣдръ, пересѣкая рѣки, лѣса и горы, уже на сотни километровъ ушли вглубь края отъ станицы Лабинской. Поисками охватываются и вводятся въ эксплоатацію все новые и новые многообѣщающіе районы золотоносныхъ земель.

ГРЯЗЕВЫЕ ВУЛКАНЫ ТАМАНИ.

Темрюкскій музей краевѣдѣнія подвелъ итоги наблюденій надъ грязевыми вулканами Таманскаго полуострова, представляющими любопытное и недостаточно изученное въ мѣстныхъ условіяхъ природное явленіе.

Сейчасъ Музеемъ учтено на полуостровѣ свыше двадцати крупныхъ грязевыхъ сопокъ (въ томъ числѣ четырехъ подводныхъ). Часть изъ нихъ имѣетъ активно дѣйствующіе кратеры, время отъ времени дающіе знать о себѣ изверженіями грязи и газа (иногда горючаго).

Окончательно установлено, что всѣ таманскіе грязевые вулканы связаны съ залеганіемъ въ третичныхъ и мѣловыхъ отложеніяхъ нефти.

Подъ дѣйствіемъ физико-химическихъ явленій нефть образовываетъ углеводородные газы, которые, стремясь къ поверхности, встрѣчаютъ водоносные горизонты и увлекаютъ за собой воду, расточающую рыхлые песчанно-глинистые породы и образующую извергающуюся на поверхность грязь.

Обслѣдованія грязевыхъ вулкановъ на Тамани подтвердили возможность хозяйственнаго ихъ использованія. Въ массивахъ многихъ вулкановъ содержатся сукновальная глина, боронатро-кальцій, минерализованныя воды съ солями іода, брома и бора (имѣющими промышленное значеніе) и др.

Нужно отмѣтить, что практическое использованіе природныхъ богатствъ таманскихъ грязевыхъ вулкановъ до сихъ поръ все еще незначительно.

РАКУШКА.

Въ нашемъ краѣ широко развито производство перламутровыхъ пуговицъ. Имѣются двѣ фабрики въ Ростовѣ, одна изъ которыхъ является филіаломъ извѣстной московской пуговичной фабрики имени Баумана. Есть такіе фабрики въ Краснодарѣ, Новороссійскѣ и другихъ городахъ нашаго края. Сырье для парламутровыхъ пуговицъ находится въ неограниченномъ количествѣ въ водахъ Дона. Колхозы ежегодно вылавливаютъ въ Дону около 2000 тоннъ ракушекъ превосходнаго качества.

Кубанскія ракушки «беззубки» значительно хуже донскихъ. Они хрупки и годны на выдѣлку только второсортныхъ грубыхъ пуговицъ. Въ нынешнемъ году запланировано выловить 1600 тоннъ перл. ракушекъ въ Дону, и 100 тоннъ «беззубки» въ Кубани.

3.000 ИНТУРИСТОВЪ.

За лѣто Ростовъ посѣтитъ около 3.000 интуристовъ.

Пріѣздъ интуристовъ начнется съ мая. Одной изъ первыхъ ожидается группа французскихъ научныхъ работниковъ изъ 15 человѣкъ. Затѣмъ пріѣдутъ итальянскіе промышленники, двѣ группы чехословацкихъ туристовъ, студенты изъ США. Въ концѣ лѣта прибудетъ группа членовъ международнаго физіологическаго конгресса изъ 100 человѣкъ.

С. А. ЖАРОВЪ.

№ 15

STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ETUDIANTS COSAQUES DE PARIS

7, rue Jobbé-Duval, Paris (15e)

Juillet 1935 **Prix : 2 frs**

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

« STANITZA » 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15e).

№ 15 **ІЮЛЬ 1935 г.** **Годъ изданія 4-й**

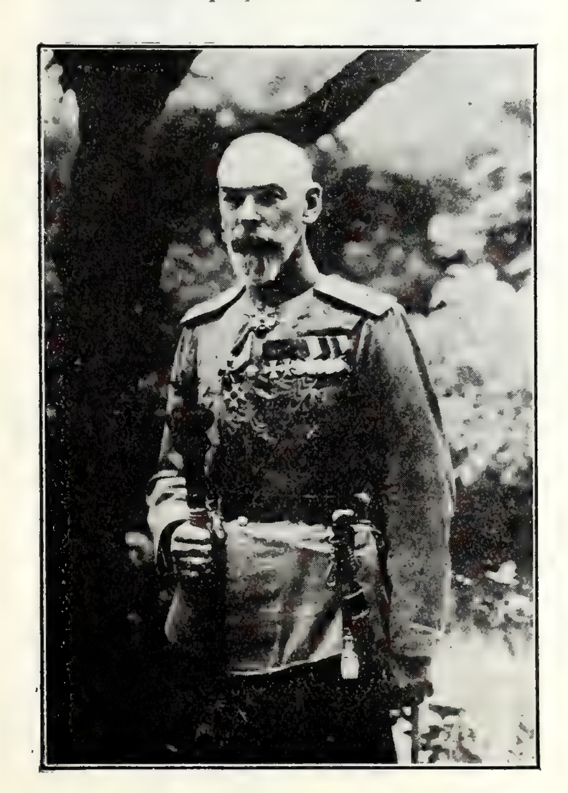
РОДНОМУ ДОНСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ХОРУ ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ СЕРГѢЯ АЛЕКСѢЕВИЧА ЖАРОВА ПОСВЯЩАЕТЪ «СТАНИЦА» ЭТОТЪ НОМЕРЪ.

ДОНСКИМЪ АТАМАНОМЪ ЗАРУБЕЖНЫМЪ КАЗАЧЕСТВОМЪ ИЗБРАНЪ

Генералъ-Лейтенантъ Графъ М. Н. ГРАББЕ

20 іюля главная комиссія по выборамъ Атамана, совмѣстно съ главной контрольной комиссіей закончила подсчетъ голосовъ, и избраннымъ на высокій постъ Донского Атамана оказался казакъ станицы Пятиизбянской ген.-лейт. графъ М. Н. Граббе.

Парижская студенческая казачья станица и редакція «Станицы» просятъ народнаго избранника принять ихъ горячія поздравленія и пожеланія добраго здоровья для работы на пользу и благо Донского и всего Зарубежнаго Казачества.

Донской Атаманъ графъ М. Н Граббе.

Отъ Донского Атамана

Какъ Донской Атаманъ, я искренно и горячо привѣтствую на страницахъ журнала «Станица» гордость нашу — Донской хоръ Сергѣя Алексѣевича Жарова.

Вполнѣ сочувствую и раздѣляю идею редакціи, рѣшившей посвятить очередной номеръ журнала тому хору, который въ теченіе многихъ лѣтъ прославляетъ по всему міру пѣсней казачье имя.

Я не буду говорить о тѣхъ многочисленныхъ концертахъ хора, о томъ огромномъ успѣхѣ, которымъ онъ заслуженно пользовался въ столицахъ и городахъ Европы, Америки и др. частяхъ свѣта — объ этомъ знаютъ всѣ. Здѣсь хочу отмѣтить ту отрадную для насъ, казаковъ, особенность, что хоръ, какъ птица перелетная летая по всему свѣту, тѣмъ не менѣе никогда не отрывался отъ казачества, всегда помнилъ о Войскѣ, не только въ дни войсковыхъ и др. казачьихъ праздниковъ, но черезъ Атамана всегда держалъ живую связь съ казаками и въ тяжкіе будни

нашей заграничной жизни. Донской хоръ С. А. Жарова всегда отзывался на нужды своихъ братьевъ - казаковъ поддерживая въ теченіе многихъ лѣтъ инвалидовъ, больныхъ, безработныхъ, студентовъ, поддерживалъ покойнаго Атамана ген. А. П. Богаевскаго въ дни его болѣзни и горячо принялъ участіе въ достойномъ его званію погребеніи.

Донской хоръ щедро отзывался на нужды не только казаковъ но и на призывы русской общественности. Хоръ былъ постоянно щедрымъ жертвователемъ на храмъ-памятникъ въ Лейпцигѣ, ежегодно устраивалъ концерты въ пользу русскихъ инвалидовъ и т. д.

Заканчивая свое привѣтствіе, я отъ имени всего Войска Донского за рубежомъ, шлю Сергѣю Алексѣевичу Жарову и его славному хору наше горячее «казачье спасибо».

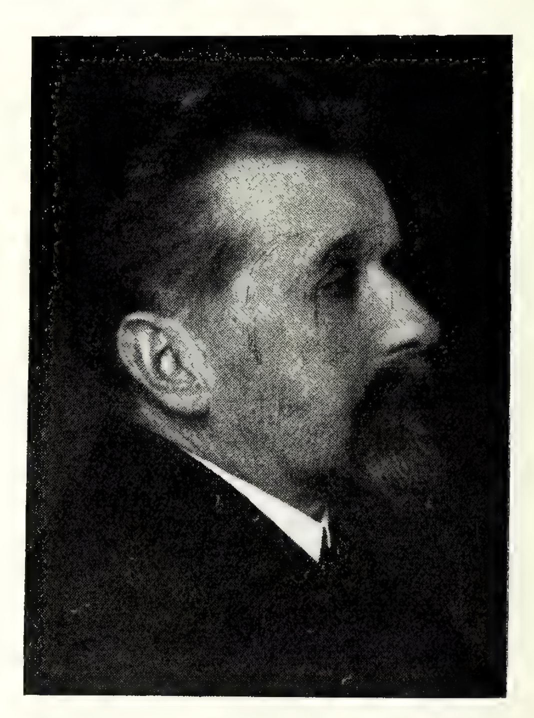
Генралъ-лейтенантъ
графъ М. Граббе.

А. Т. ГРЕЧАНИНОВЪ.

ЖАРОВЪ

Онъ поистинѣ Жаровъ. Когда мы видимъ его появившимся на эстрадѣ, у него жаръ или, вѣрнѣе, пламя и въ глазахъ, и во всемъ существѣ. На эстраду онъ не выходитъ, а какъ бы какой-то невидимой силой на крыльяхъ выносится. Короткій поклонъ въ публику, и залъ уже огласился могучими звуками. Момента, когда онъ повернулся лицомъ къ хору, когда подалъ знакъ, вы не уловили. «Настраивать» исполнителей ему, очевидно, не нужно: они уже готовы, настроены, горятъ вмѣстѣ со своимъ другомъ-руководителемъ, пламеннымъ Жаровымъ. Вы удивлены: когда же онъ далъ тонъ? Вѣдь это не оркестръ, вѣдь нужно, чтобъ каждый членъ хора былъ въ настоящемъ тонѣ... Какъ это онъ дѣлаетъ, «кухни» этой вы не замѣтите.

Жаровъ любитъ начинать программу съ фортисимо. Это вѣрный расчетъ сразу захватить публику, это и ему самому, очевидно, нужно, чтобы скорѣй уйти отъ дѣйствительности и сразу погрузиться въ очарованный міръ звуковъ.

А. Т. Гречаниновъ.

Онъ вышелъ изъ Московскаго Синодальнаго Училища, и это чувствуется въ доведенной до послѣдняго штриха законченной отдѣлкѣ всего, что бы онъ ни исполнялъ, чувствуется школа его учителя В. С. Орлова, главнаго руководителя знаменитаго московскаго хора. И внѣшніе пріемы всѣ тѣ же: также медленно прогуливается онъ за спинами своихъ хористовъ передъ началомъ номера, когда незамѣтно задается тонъ, всѣ же у него при дирижированіи рѣзко обозначенныя движенія рукъ и одно только отступленіе, дающее превосходство передъ Орловымъ, это сильное время, которое онъ даетъ, какъ это естественно и всѣми принято, внизъ, а не вверхъ, какъ то дѣлалъ по какимъ-то таинственнымъ причинамъ Орловъ.

Синодальный хоръ обладалъ вдвое большимъ чѣмъ Жаровъ, количествомъ участниковъ. Кромѣ того, въ сопранахъ и альтахъ у него были мальчи-

ки съ чудесными голосами. Въ тѣ времена Синодальное Училище, также, какъ и Петербургская Придворная Пѣвческая Капелла, со всей Руси великой снимало сливки въ смыслѣ привлеченія выдающихся дѣтскихъ голосовъ въ свой составъ. Дѣти эти, кстати нужно сказать, никоимъ образомъ не эксплоатировались, такъ какъ получали прекрасное общее и музыкальное образованіе, и изъ нихъ вышло не мало выдающихся артистовъ и музыкальныхъ дѣятелей...

Жаровъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи только мужской составъ. Въ этомъ отношеніи знаменитые русскіе хоры имѣли громадное преимущество. Но слушая Жаровскій хоръ, вы часто получаете иллюзію смѣшаннаго, особенно въ пьяно: до того высоко забираются его тенора. Къ сожалѣнію, въ фортэ иногда чувствуется неестественность и напряженность фальцета. Но что поражаетъ, особенно иностранцевъ, это его октависты съ ихъ бархатнымъ звукомъ. Они придаютъ хору органный колоритъ рѣдкой красоты. Жаровскій хоръ имѣетъ діапазонъ въ 3 съ половиной октавы. Есть чѣмъ удивлять міръ, и они-таки и удивляютъ!

Въ смыслѣ художественности программы хоръ дѣлаетъ большіе успѣхи сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ начиналъ. Помимо имѣющейся прекрасной музыки, онъ обогащаетъ свои программы все новыми и новыми художественными произведеніями, заказывая обработки старинныхъ казачьихъ и другихъ народныхъ пѣсенъ выдающимся композиторамъ. Помимо радости слушанія этихъ новыхъ произведеній, Жаровъ еще и обогащаетъ русскую хоровую литературу все новыми и новыми прекрасными сочиненіями. Дѣлая цѣнный вкладъ въ области русскаго искусства, онъ, такимъ образомъ, выполняетъ миссію, имѣющую историческое значеніе.

Май, 1935 г. . **А. Гречаниновъ.**

Радіо-такси

Рис. Mad'a.

— Нѣтъ, нѣтъ это не аксиданъ.. Это наши русскіе слушаютъ концертъ хора Жарова

Ген. С. Д. ПОЗДНЫШЕВЪ.

ХОРЪ ЖАРОВА

«И на очи, давно ужъ сухія,
Набѣжала, какъ искра, слеза»...

Когда-то, въ дни моей далекой, свѣтлой, неповторимой и невозвратной юности, я слышалъ отъ моего школьнаго учителя пѣнія, Ивана Ивановича Высочина, слова, которыя мнѣ вспомнились теперь по прошествіи почти сорока лѣтъ.

Мой чудесный, духовно восторженный, выше всего на свѣтѣ цѣнившій хорошее хоровое пѣніе и музыку, «рыжій регентъ» Иванъ Ивановичъ говорилъ:

— Господа, если вамъ представится возможность послушать хоръ Славянскаго, — не пренебрегайте, пойдите, и вы услышите нѣчто безподобное; вы услышите такіе дивные, совершенные, божественные, прекрасные звуки, такіе сладостно волнующіе, которые на всю жизнь запомнятся и крѣпко западутъ въ вашу душу.

И когда я услышалъ хоръ Жарова въ мартѣ этого года въ Парижѣ, въ театрѣ Трокадеро, я съ величайшимъ душевнымъ трепетомъ почувствовалъ, что хоръ Славянскаго мнѣ не удалось услышать въ жизни, но я услышалъ другой хоръ, не менѣе славный, нашъ родной, казачій, который какъ чародѣй заворожилъ, зачаровалъ весь залъ, встрепенулъ всю душу, наполнилъ сердце сладостнымъ томленіемъ, невыразимымъ, неизъяснимымъ восторгомъ, плѣнительными нѣжнѣйшими чувствами, порывомъ куда-то ввысь, въ голубую безпредѣльную даль.

Ген. С. Д. Позднышевъ.

И когда старый почтенный французскій генералъ Маріо, среди замершаго зала, изъ своей ложи, громко выразилъ свой восторгъ и пожелалъ лично обнять маленькаго кудесника, и когда интернаціональныя дамы и барышни со сверкающими, горящими глазами, неистовствуя, въ величайшемъ восхищеніи, изъ всѣхъ силъ, надрываясь, кричали «бисъ и браво», а мужчины, съ затуманенными глазами, усердно били въ ладоши, — это былъ заслуженный грандіозный успѣхъ, это и были и наша русская гордость, и наша свѣтлая радость, среди безрадостныхъ будней безвременья.

Когда я слушалъ хоръ Жарова, передо мною вставали и другія, дорогія моему сердцу, родныя картины: широкія безкрайныя степи, палящее знойное солнце, одинокіе молчаливые курганы, переливающаяся, мрѣющая мгла и голубое, безъ единаго облачка, бездонное небо. Вѣтеръ колышетъ волнами море бѣлоголовыхъ султановъ шелковистой ковыли, стройный чернобылъ, метелицу, синѣющіе просторы, золото сверкающихъ нивъ, и чудится, что поетъ въ этой самой степи, сидя на возу, или на подводѣ, распаренный, разморенный зноемъ казачина, и несется лѣнивая, тягучая, заунывная казачья пѣсня: «Э-э-хъ, да не одна-то въ полѣ дороженька залегала»...

А пронесется мигъ, закроешь глаза, и уже какъ будто струится тихая, пряная, звѣздная, прозрачная ночь; свѣтлымъ серебромъ блестятъ теплыя манящія воды Дона, Донца, Хопра, Медвѣдицы, Иловли, и выводитъ станичный или хуторскій хоръ новую пѣсню:

«Чудный мѣсяцъ плыветъ на-адъ рѣкою,
Все въ объятьяхъ ночной тишины.

Ничего мнѣ на свѣтѣ не надо,

Только видѣть тебя, милый мой»..

И когда кончился концертъ, а наэлектризованная толпа не расходилась и все вопила въ дикомъ, точно сумасшедшемъ экстазѣ, и утомленный хоръ въ пятый разъ выходилъ и пѣлъ, я чувствовалъ, что изъ груди всѣхъ казаковъ рвались одни и тѣ же слова: «Спасибо вамъ, родные жаровцы; сердечный поклонъ отъ донскихъ казаковъ до сырой земли!.. »

Заканчивая эту замѣтку, я позволю сказать моимъ дорогимъ собратьямъ, какъ говорилъ мнѣ когда-то мой старый школьный учитель:

— Станичники! Будете имѣть счастливый случай, — непремѣнно пойдите послушать хоръ Жарова, и вы напьетесь изъ чистаго источника живой, освѣжающей и преображающей воды; вы почувствуете всѣмъ сердцемъ великую неизреченную красоту нашего Тихаго Дона, всю безкрайность безбрежную ширь его степей, зеркальную чистоту его тихоструйныхъ рѣкъ, его мудрую волю, его гордый орлиный духъ, его ширь, и вы поймете, почему мы такъ любили нашу прелестную, свободную дорогую Родину.

С. Позднышевъ.

Въ Дрезденѣ

Встрѣча С. А. Жарова съ С. В. Рахманиновымъ.

Двѣнадцать лѣтъ

Прошло 12 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Донской казачій хоръ подъ управленіемъ С. А. Жарова покинулъ Болгарію, гдѣ онъ въ теченіе 12 лѣтъ пѣлъ въ русской посольской церкви въ Софіи. Отслуживъ напутственный молебенъ, епископъ Серафимъ благословилъ его въ путь, и хоръ направился на западъ искать счастья и въ прославленіи русскаго искусства добывать кусокъ хлѣба.

Вѣна, гдѣ хоръ пѣлъ свой первый концертъ, а потомъ и другіе большіе и малые города Европы проявили большой интересъ какъ къ русскому искусству, такъ и къ самимъ казакамъ.

Дарованія самого регента, его энергія и настойчивость, старанія и труды его ближайшихъ помощниковъ по администраціи, равно какъ и ревностное отношеніе къ дѣлу всѣхъ участниковъ хора, пробили тропу въ дремучемъ лѣсу всякихъ затрудненій и препятствій, и послѣ года неутомимой работы тропинка превратилась уже въ широкую дорогу.

12 лѣтъ безпрерывныхъ странствованій, почти каждый день въ другомъ городѣ, 2785 концертовъ и 748 городовъ въ 27 государствахъ, что вписаны въ исторію хора, рисуютъ наглядную картину той безпокойной жизни, которую ведетъ хоръ, а цифра прошедшихъ черезъ него участниковъ, а она не маленькая — 112 человѣкъ, — говоритъ о томъ, что не такъ физически легка эта цыганская жизнь ,что не всякій можетъ легко и долгими годами ее выдерживать. Часть хористовъ вынуждена была покинуть хоръ изъ-за потери требуемаго голосового матеріала, но были и такіе, здоровье и нервы которыхъ не позволяли больше вести такой безпокойный образъ жизни... Хоръ въ такихъ случаяхъ снова пополнялся изъ длиннаго списка кандидатовъ, желающихъ попасть на освобожденную вакансію.

10-мѣсячная напряженная работа въ сезонѣ, одинъ мѣсяцъ (минимумъ) отпуска, когда участники хора разъѣзжаются на отдыхъ во всѣ концы

Европы къ своимъ семьямъ, къ роднымъ и знакомымъ, снова съѣздъ въ каком-нибудь небольшомъ и не шумномъ курортѣ Европы, гдѣ приступаютъ къ подготовкѣ для новой работы: по 6-7 часовъ въ день идутъ репетиціи, приводятся въ надлежащій видъ костюмы.

Когда хоръ отдыхалъ, то въ это время шла кипучая работа у регента и его помощниковъ — администратора и секретаря — по детальной подготовкѣ плана предстоящаго сезона, ежедневная связь, если они иногда находятся въ разныхъ городахъ, поддерживается письмами, телефономъ и телеграфно, ведутся переговоры съ концертными дирекціями, а регенту, кромѣ всѣхъ этихъ заботъ, надо подготовить новыя вещи репертуара, приготовить цѣлую новую программу и къ началу сезона разучить ее съ хоромъ.

Гдѣ побывали за эти 12 лѣтъ 36 участниковъ Донского казачьяго хора подъ руководствомъ Сергѣя Жарова, въ какихъ странахъ пѣли, сколько въ каждой странѣ пропѣто концертовъ, читатель узнаетъ ниже изъ статистическихъ таблицъ.

Одинъ изъ 36.

Въ Новой Зеландіи

Жаровъ у представителей племени Маори

1921 годъ

Первый составъ хора на островѣ Лемносъ.

Количество концертовъ пропѣтыхъ хоромъ за 12 лѣтъ съ 4 іюля 1923 г. по 8-ое іюня 1935 г.

	Страны	Количество Городовъ	Количество Концертовъ
1	Германія	202	1226
2	С. А. С. Ш. ...	181	306
3	Швейцарія ..	56	246
4	Австрія	29	162
5	Франція	40	118
6	Англія	33	102
7	Голландія ...	31	84
8	Испанія	37	78
9	Венгрія	12	62
10	Чехо-Словакія	20	67
11	Австралія ...	7	58
12	Италія	18	37
13	Канада	17	37
14	Румынія	12	35
15	Швеція	11	34
16	Югославія ...	7	31
17	Нов. Зеландія	11	30
18	Мексика	7	20
19	Норвегія	3	11
20	Данія	2	8
21	Бельгія	2	7
22	Португалія ..	1	7
23	Латвія	1	6
24	Литва	1	2
25	Алжиръ	4	5
26	Тунисъ	2	3
27	Болгарія	1	3
		748	2785

Количество концертовъ въ каждомъ сезонѣ.

Сезоны	Года	Количество концертовъ
1-й	1923/24	248
2-й	1924/25	237
3-й	1925/26	238
4-й	1926/27	212
5-й	1927/28	255
6-й	1928/29	246
7-й	1929/30	239
8-й	1930/31	235
9-й	1931/32	177
10-й	1932/33	249
11-й	1933/34	210
12-й	1934/35	239

Въ Америкѣ (штатъ Атланта - Шорисіа) хоръ, по приглашенію губернатора штата участвуетъ въ парадѣ въ «день перемирія».

Американскіе легіонеры привѣтствуютъ Жарова по прибытіи его въ Нью-Іоркъ.

Отъ конторы и редакціи «Станицы».

Ко всѣмъ председателямъ казачьихъ зарубежныхъ организацій редакція обращается съ просьбой о присылкѣ информацій для помѣщенія въ хроникѣ журнала о жизни и дѣятельности казачьихъ колоній къ послѣднимъ числамъ сентября, декабря, марта и іюня.

Контора «Станицы» проситъ всѣхъ получающихъ «Станицу» какъ для распространенія въ нѣсколькихъ экземплярахъ, такъ и отдѣльныхъ читателей, произвести расчетъ за полученные ими номера журнала. Стоимость журнала 2 франка. Подписка на годъ — 8 фр.

Адресъ для писемъ и денежныхъ переводовъ: **Mr Gousseff; 7, rue Jobbé-Duval; Paris (15):**

Памяти М. Т. Попова

Есаулъ М. Т. Поповъ.

20 іюля умеръ Моисей Тихоновичъ Поповъ, казакъ ст. Каменской, есаулъ, 39 лѣтъ, извѣстный партизанъ - чернецовецъ и предсѣдатель Общества донскихъ партизанъ - чернецовцевъ. Молодая жизнь его скошена тѣмъ страшнымъ бичемъ, который все чаще и чаще опустошаетъ наши эмигрантскіе ряды: переутомленность, истощеніе, туберкулезъ.

Скромнымъ юношей, изъ простой казачьей семьи, онъ, движимый чувствами порыва и долга, во время Великой войны, съ честью и радостью добровольно поступаетъ въ Новочеркасское военное училище, гдѣ я его впервые увидѣлъ въ составѣ моей смѣны. Преданный дѣлу, хорошо дисциплинированный, съ незаурядными способностями и казачьей сметкой, — онъ былъ гордостью смѣны. Честь носить боевые погоны офицера Русской Арміи ему пришлось не долго. Замутившееся событіями время вызывало впередъ смѣлыхъ, сильныхъ духомъ, готовыхъ къ подвигу и смерти. Въ славѣ партизана В. М. Чернецова есть и слава М. Т. Попова, какъ его помощника и соратника, съ первыхъ же дней боевой дѣятельности партизанъ - чернецовцевъ на Дону.

Догорѣли огни священнаго дѣла на Родинѣ и... печально зажглись они для М. Т. Попова въ душныхъ залахъ эмигрантскихъ ресторановъ Парижа, гдѣ служилъ онъ до послѣдняго времени.

Несчастье не приходитъ одно, а приводитъ съ собою своихъ попутчиковъ; не мало ихъ было въ его скорбной эмигрантской жизни. Подточенное боевой раной здоровье его, въ условіяхъ вынужденаго труда по ночамъ, давно вызывало потребность лѣченія и отдыха. Но выхода не было. Смертельная лямка была очевидной; тянуть ее до конца, или упасть обезсиленнымъ, сулило одинъ и тотъ же результатъ. И съ этимъ ужаснымъ сознаніемъ Моисей Тихоновичъ жилъ!

Мы с нимъ были одними изъ первыхъ переселенцевъ - казаковъ изъ Болгаріи въ Парижъ, и встрѣчи наши здѣсь бывали довольно часты. Этотъ хилый по виду тогда человѣкъ вмѣщалъ въ себѣ источникъ необычной жизнерадостности. Веселый, добродушно - остроумный, съ ораторскими способностями, замѣченный уже сотрудникъ въ казачьей эмигрантской печати, отличный разсказчикъ бытовыхъ казачьихъ сценъ съ тѣмъ казачьимъ говоркомъ, который такъ сближаетъ и располагаетъ къ себѣ «своихъ», пѣвецъ, «запѣвало и звонкій дишкантъ» казачьихъ пѣсенъ, — онъ всегда являлся душой нашихъ собраній, пирушекъ и вечеринокъ, подъ дружескимъ наименованіемъ «Тихонычъ».

Крѣпленію казачьяго духа въ эмиграціи онъ помогалъ не только этими своими качествами. Онъ былъ отличный работникъ и организаторъ въ казачьей общественности. Думаю, не ошибусь, утверждая, что онъ былъ членомъ правленія всѣхъ казачьихъ организацій въ Парижѣ въ періодъ прибытія сюда казаковъ, какъ и умеръ въ званіи предсѣдателя Общества донскихъ партизанъ - чернецовцевъ. Онъ былъ также однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ и организаторовъ Общества взаимопомощи студентовъ - казаковъ (нынѣ Студенческая станица въ Парижѣ).

Въ казачьей семейственности, какъ и во всякой другой, есть такія лица собирательнаго свойства, въ которыхъ болѣе ярко выражены ея отли-

чительныя черты. Такія лица чаще бываютъ одаренными природой въ силу ихъ наблюдательности и способности усвоять, обобщать и выявлять эти характерныя черты своей среды.

Такимъ и былъ бравый юнкеръ, доблестный офицеръ, славный партизанъ, неутомимый работникъ, съ чуткой, отзывчивой и неизмѣнной казачьей душой до гроба, Моисей Тихоновичъ Поповъ.

Миръ праху твоему, дорогой Тихонычъ!

В. Кр — въ.

ПОХОРОНЫ ЕСАУЛА М. Т. ПОПОВА.

23 іюля, въ 9 ч. 30 м. утра, состоялось отпѣваніе тѣла М. Т. Попова въ церкви на рю Дарю.

Присутствовало болѣе 100 человѣкъ, среди которыхъ: дочь покойнаго, Лиліана, Н. В. Богаевская, Е. Д. Богаевская, новый Донской Атаманъ графъ М. Н. Граббе, адмиралъ М. Н. Кедровъ, генералъ С. Д. Позднышевъ, генералъ Н. И. Тарарпнъ съ супругой, атаманъ студенческой казачьей станицы П. В. Гусевъ, хозяева предпріятій, въ которыхъ служилъ М. Т. — Ираклій Гурули, С. Д. Галкинъ, В. А. Ефремовъ, Г. Н. Мексисъ, кн. Макаевъ, А. В. Рыжиковъ, кн. Б. Эристовъ, партизаны - чернецовцы, сослуживцы и мн. др.

На гробъ было возложено много букетовъ и вѣнокъ съ надписью: «Есаулу М. Т. Попову отъ соратниковъ и сослуживцевъ».

Погребеніе совершено на кладбищѣ Пантенъ (134-й дивизіонъ, 16 линія, могила № 9).

Отчетъ
по сбору средствъ на похороны и на сироту.

Приходъ. Парижская студенч. каз. станица — 100 фр., рестораны: «Русское Бистро» — 139 фр., «Московскіе Колокола» — 270 фр., «Каво Коказіенъ» — 100 фр., В. А. Ефремовъ — 100 фр., Е. К. Каландарашвили — 100 фр., служащіе рест. «Казанова» — 35 фр., разныя лица — 98 фр., Степняки - партизаны — 100 фр., Союзъ казаковъ - комбатантовъ — 100 фр., Дон. офицерскій резервъ — 50 фр.; итого въ приходѣ — 1192 фр.

Расходъ: Выполненіе формальностей въ госпиталѣ, въ мэріи, аренда земли — 185 фр, церковные расходы — 200 фр., вѣнокъ съ лентой — 100 фр., временный крестъ на могилу — 14 фр., объявленіе въ «Возрожденіи» — 50 фр., чаевыя могильщикамъ — 35 фр. Итого въ расходѣ 584 фр.

Въ остаткѣ для сооруженія постоян. креста на могилѣ и для сироты — 608 фр.

РОЗЫСКЪ.

Всѣхъ знающихъ что-нибудь о судьбѣ донского офицера - летчика **Баландина** Федора Алексѣевича, отошедшаго въ 1919 году зимой съ арміей генерала Деникина на Ростовъ на Дону, Армавиръ, Екатеринодаръ, просимъ сообщить матери по адресу:

Shanghai. Chine. Mr: Hreschatisky. 66-54. Route Lorton.

Зотовъ Дмитрій Никитичъ, станицы Великокняжеской, проживающій нынѣ въ Канадѣ, желалъ бы переписываться со станичниками. Адресъ его въ редакціи «Станицы».

Книжная полка

Генералъ П. Н. КРАСНОВЪ.

— Вышелъ новый историческій романъ маститаго писателя — «Екатерина Великая», переводящійся уже на иностранныя языки.

— Четвертый мѣсяцъ газета «Русскій Инвалидъ» помѣщаетъ захватывающія страницы воспоминаній П. Н. Краснова въ бытность его командиромъ 10 Дон. каз. полка наканунѣ и въ первый годъ Великой войны.

Пѣсни и сказанія о Разинѣ и Пугачевѣ. Редакція и примѣчанія А. Н. Лозановой. Изд. «Академія», Москва, 1935 г., стр. 480.

Этотъ сборникъ составлялся въ Фельклорной секціи института антропологіи и этнографіи Академіи Наукъ СССР. Въ книгу вошли пѣсни о Степанѣ Разинѣ, о его сынѣ, о походахъ Разина, объ его отношеніи къ кругу, о выдачѣ Москвѣ, о его смерти, пѣсни разинцевъ, народные разсказы и преданія, въ томъ числѣ и «Разсказы о Разинѣ – страдальцѣ и грѣшникѣ».

О Пугачевѣ и пугачевщинѣ помѣщены пѣсни, преданія и разсказы мордовскіе, башкирскіе, татарскіе, чувашскіе, удмуртовъ и уральскихъ казаковъ.

Отдѣльно выдѣлены пѣсни и преданія о Разинѣ и Пугачевѣ въ записяхъ Пушкина.

Народное творчество о пугачевщинѣ почти лишено фантастическаго элемента, и въ этомъ яркое его отличіе отъ преданій и пѣсенъ о Разинѣ. Къ сборнику приложенъ словарь старинныхъ и областныхъ словъ.

Книга богато иллюстрирована репродукціями съ картинъ Музея изобразительныхъ искусствъ, воспроизводящихъ старинныя гравюры неизвѣстныхъ художниковъ, съ народнаго лубка и гравюръ Тильяра, Болотова, Фюрста, Беккера, Давида, Рюотта и Гейзера. Заставки - гравюры на деревѣ, работы на суперобложкѣ и переплетѣ исполнены А. И. Усачевымъ.

«Россія за рубежомъ», № 3. Май-іюнь 1935 г. Органъ Краевого Правленія Союза Русскаго Сокольства во Франціи.

Въ этомъ номерѣ, посвященномъ «Дню Русской Культуры», встрѣчаемъ много извѣстныхъ въ эмиграціи именъ, давшихъ свои статьи, какъ, наприм., Алдановъ, Ив. Шмелевъ, Бор. Зайцевъ, Лоллій Львовъ и др. Много мѣста удѣлено информаціи сокольской жизни не только во Франціи, но и въ др. странахъ.

Имѣется и спеціальный казачій отдѣлъ подъ ред. ген. И. Г. Акулинина, въ которомъ начался печатаніемъ трудъ полк. С. В. Болдырева — «Казаки въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ».

«Кавказскій Казакъ», №3 (133). Бѣлградъ, май-іюнь 1935 г.

Издаваемая Кубанской Канцеляріей ежемѣсячная информація очень интересна не только для кубанцевъ. Казаки и др. войскъ не только ознакомятся по этимъ информаціямъ, какъ живутъ ихъ братья - кубанцы въ Югославіи и въ др. мѣстахъ казачьяго разсѣянія, но прочтутъ вѣсти и изъ Кубани. Въ этомъ номерѣ много мѣста удѣлено и др. войскамъ: подробно описано, какъ отмѣтило казачество въ Парижѣ день поминовенія казачьихъ вождей; А. А. Чекомасовъ посвящаетъ большое стихотвореніе почившему Донскому Атаману А. П. Богаевскому; Д. Персіановъ повѣствуетъ, какъ происходили выборы Донского Атамана въ Югославіи. Отмѣтимъ историческую справку Вл. Синекова о томъ, что было на мѣстѣ Кубани въ древнія времена, и интереснѣйшія путевыя замѣтки полковника Елисѣева, разъѣзжающаго съ группой джигитовъ по Индокитаю

«Оренбургскій Казакъ», однодневная газета, издаваемая кружкомъ ревнителей исторіи Оренбургскаго Казачьяго Войска. 6 мая 1935 г., Харбинъ, — въ день Войскового Праздника.

Въ газетѣ опубликованы многочисленныя привѣтствія и поздравленія съ праздникомъ отъ Дальневосточныхъ казачьихъ организацій разн. Войскъ.

Ген. Володченко и полк. Нестеренко посвящаютъ свои статьи 35-лѣтію службы въ офиц. чинахъ б. помощника Атамана Дутова и командира Оренб. Каз. Корпуса ген. И. Г. Акулинина.

Въ газетѣ имѣются воспоминанія полк. Шмотина объ Атаманѣ Дутовѣ и восп. о бояхъ за родной Оренбургъ ген. Акулинина.

Номеръ богато иллюстрированъ. Тамъ же, издатели газеты оповѣщаютъ, что 1 октября с. г. будетъ сданъ въ печать юбилейный сборникъ «Оренбургскій Казакъ» (1574—1934) и просятъ всѣхъ Оренбуржцевъ содѣйствія — присылать имѣющіеся у нихъ матеріалы о Войскѣ и его исторіи.

П. Гусевъ.

Владиміръ СИНЕОКОВЪ.

Докторъ Государствен. Наукъ.

О чемъ пѣли казаки

(Продолженіе).

Генералъ Баклановъ промелькнулъ слишкомъ яркой звѣздой среди Донцовъ, чтобы они не запечатлѣли пѣснями его память. Ему созданъ памятникъ въ видѣ старой былины, гдѣ уже самъ «Донъ Ивановичъ» принимаетъ участіе:

«Что кормилецъ нашъ,
Донъ Ивановичъ,
Волной свѣтлою
Не кудрявишься?
Али впала въ умъ
Дума крѣпкая?
Аль колодою грусть
Налегла на грудь?
Аль провѣдалъ ты,
Что турчанинъ злой
Замышляетъ насъ
Полонить съ тобой?»

Но «Донъ Ивановичъ» успокаиваетъ своихъ сыновъ тѣмъ, что съ ними ген. Баклановъ, и они могутъ быть спокойны:

«Не тревожьте жъ мой
Покой, сыны.
Я вздремну, сыны,
Пока съ вами онъ».

А въ другой пѣснѣ говорится о набѣгѣ ген. Бакланова къ Мичику Еванвори 1850 г. на Кавказѣ:

«Баклановцы, молодцы,
Вспомнимъ, какъ недавно,
Разудалые бойцы,
Мы дралися славно
За Аргуномъ по Большой,
Въ сторонѣ Чеченской».

Отмѣченъ также походъ казаковъ съ русскими войсками въ Венгрію въ 1849 г. для усмиренія венгровъ, стремившихся отдѣлиться отъ Австріи:

«Славьтесь, славьтесь, казаки,
Удальцы природны.
Славьтесь ,храбрые Донцы, —
Вы на все пригодны.
Вы спасали нѣмца, карали венгерца
И награду за то получили,
И отъ буйства венгровъ разомъ отучили.
И венгерскій духъ поникъ,
Устрашась казачьихъ пикъ».

Торжественной и величавой пѣсней отмѣтили Донцы свой походъ за Дунай въ Крымскую войну 1854-55 г. г., пѣсней, ставшей съ 1918 г. Донскимъ гимномъ. О ту пору Донъ далъ, можетъ быть, наибольшее напряженіе — наборъ дошелъ до 35 % мужского населенія. Дѣйствительно, онъ «всколыхнулся и взволновался», т. к. потрясенъ былъ до самыхъ глубинъ. «...Полки его были и на Кавказской линіи, и въ обѣихъ арміяхъ (въ Крыму и за Дунаемъ), и по берегу Азовскаго моря, и въ Прибалтійскомъ краѣ» (см. «Казачество» В. Синеоковъ).

«Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихій Донъ
И послушно отозвался
На призывъ Монарха онъ.
Онъ дѣтей своихъ сзываетъ
На кровавый, бранный пиръ,
Къ туркамъ въ гости снаряжаетъ,
Чтобъ добыть Россіи миръ.
Съ Богомъ, дѣти, вѣдь широкій
Переплыть вамъ лишь Дунай.
А за нимъ ужъ недалеко
Цареградъ, и нашихъ знай!
Сорокъ лѣтъ тому въ Парижѣ,
Насъ прославили отцы.
Цареградъ еще намъ ближе...
Въ путь же съ Богомъ, молодцы».

Вѣдь не только Турція напала тогда на Россію, а и Англія и Франція. Въ началѣ войны думали, что повторится своего рода «Двѣнадцатый годъ». «Тихій Донъ» наказываетъ своимъ дѣтямъ въ христіанскихъ странахъ за Дунаемъ снять съ храмовъ полумѣсяцы и вновь водворить кресты; тогда настанетъ миръ:

«Надъ землею прольется
Мира кроткаго заря,
И до неба вознесется
Слава Русскаго царя».

Войсковой кругъ въ 1918 г. внесъ измѣненія въ старую пѣсню, оставивъ прежній ладъ (напѣвъ), подходящій болѣе къ старому складу:

«Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихій Донъ,
И послушно отозвался
На призывъ свободы онъ.
Зеленѣетъ степь родная,
Золотятся волны нивъ;
Изъ простора долетая,
Вольный слышится призывъ.
Донъ дѣтей своихъ сзываетъ
Въ Кругъ державный войсковой.
Атамана выбираетъ
Всенародною душой»...

А Донцы, находившіеся въ Крыму въ 1854 г., отмѣтили эту войну пѣсней «Ой да, жизнь на свѣтѣ», гдѣ описывается бой 6 іюня 1855 г.:

«Ой да, жизнь на свѣтѣ у насъ ведется,
Ой да, слухомъ полнится у насъ земля.
Ой да, на Кавказѣ у насъ раздается —
Ой, изъ подъ Крыма до Кремля.
Ой да, во Крыму было въ прошедшемъ годѣ —
На тотъ день былъ у насъ генералъ.
Ойда, сотню свою первую собравши,
Злыхъ французовъ поражалъ.
Ойда, шестого было утромъ рано,
Ой, билъ тревогу въ войскѣ барабанъ;
Ой да, англичане, французы и турки
Ой, собралися на курганъ (Малаховъ).
Ой да, казаки донцы бѣгутъ къ отряду,
Ой, поспѣшали встрѣтить врага.
Ой да, тутъ несется генералъ Баклановъ,
Ой да, тутъ въ казакахъ ретивое бьется;
Ой, кровь геройская кипитъ;
Ой, тутъ звукъ отъ пушекъ у насъ раздается;
Всякъ просится туда ходить».

Балканская война 1877-78 г., конечно, оставила глубокій слѣдъ въ народномъ творчествѣ Дона. Приведемъ нѣкоторые примѣры: «Плевна»:

Слава намъ, донскимъ казакамъ,
Съ командиромъ молодцомъ.
Слышно было за Дунаемъ,
Кавалерство тамъ гремитъ,
Загорися ретивое,
Заиграй походный маршъ.
Слышно было издалече,
Выступаетъ отрядъ нашъ.
Отрядъ къ Плевнѣ подступилъ,
Генералъ пашей разбилъ.
Вдругъ летитъ орелъ крылатый
Со восточной стороны —
Генералъ майоръ Канищевъ
Съ казаками впереди».

«Въ семьдесятъ седьмомъ году»

«Въ семьдесятъ седьмомъ году
Объявилъ турокъ войну.
Онъ готовилъ большой пиръ
На Россію, на весь міръ».

Паша ведетъ турокъ на Россію, но:

«Если Бѣлый Царь намъ скажетъ,
Нашъ герой его и свяжетъ:
Если турокъ «тягу дастъ»,
Царь Донцовъ подъ судъ отдастъ».

Донцы считаютъ, что они никакъ не должны упустить врага. «1877 годъ» — записана въ 8-мъ Донскомъ полку:

« Задумалъ султанъ турецкій,
Съ русскимъ Царемъ пошутить.
Онъ собралъ пашей начальниковъ,
Сталъ имъ рѣчи говорить!
Разъ-два! Строй, Ура!
Я задумалъ крѣпку думу
И хочу вамъ разсказать:
Въ семьдесятъ седьмомъ году
Хочу съ Русью воевать.
Разъ-два! Строй, Ура!
У меня вотъ войскъ немало,
Есть прекрасны крѣпостя.
Дунай рѣчка не плохая,
Тамъ есть горы и лѣса.
Разъ-два! Строй, Ура!

Надо тайно занять Одессу, а затѣмъ двинуть войска на Русь:

«Русскій знать про насъ не будетъ,
Что въ Одессѣ мы стоимъ.
Пройдемъ матушку Россію,
Гдѣ мой дѣдъ шапку забылъ,
Разъ-два! Строй, Ура!

Но Царь былъ всегда увѣренъ въ казакахъ и надѣялся «На Рассею, на свою»:

«Онъ созвалъ съ Дону билетныхъ,
Скомплектовывалъ полки...
Запѣвай, ребята, пѣсни,
Мы пойдемъ навпрямики.
Разъ-два! Строй, Ура!
Русскій царь живетъ богато:
Ходитъ войско въ сапогахъ;
А межъ тѣмъ у султана
Нѣтъ чувековъ на ногахъ.
Разъ-два! Строй, Ура!

Весьма трогательно воспѣвается встрѣча возвращающихся казаковъ съ ихъ роднымъ Дономъ. Въ этой пѣснѣ сказывается, дѣйствительно, сыновнее нѣжное чувство. Но и Донъ имъ платитъ тѣмъ же. Многовѣковая совмѣстная жизнь выковала здоровыя, прочныя чувства. Хорошо жилось казакамъ на Дону и привязались они къ нему крѣпко. Особенно теперь должны они ощущать это болѣзненно.

«За курганомъ пики блещутъ,
Пыль несется, кони ржутъ;
И повсюду слышно было,
Что Донцы домой идутъ».

Казаки поклонились Дону. Но его волны вздымаются горой, и брызги плещутъ въ лицо казакамъ. Въ недоумѣніи, они спрашиваютъ, что:

«Или ты про насъ забылъ?
Или ты насъ разлюбилъ?»

Но разстроенный встрѣчей съ любимыми сынами, Донъ отвѣчаетъ:

«А безъ васъ тутъ грусть напала,
Вспомянулась старина.
Вы пришли, и силъ не стало,
Слезы брызнули со дна!»

Бодро описывается встрѣча съ родными казаковъ, возвращающихся съ удачнаго похода:

«Пыль курила по дорогѣ,
Слышенъ выстрѣлъ былъ порой:
Изъ походу удалые
Ѣдутъ всѣ Донцы домой.
Много плѣнныхъ и добычи,

Много раненныхъ везутъ.
Жены, матери, сестрицы
Имъ навстрѣчу всѣ идутъ,
Градомъ сыпались вопросы,
И толпа со всѣхъ сторонъ:
Живъ-ли мужъ мой, живъ сыночекъ,
Живъ-ли братецъ мой родной?».

Всѣ, и сами казаки, и ихъ жены, матери и сестры, свыклись съ положеніемъ постоянной войны; ропота нѣтъ, а только каждая жена, мать или сестра, послѣ похода ожидаетъ, чья теперь очередь оплакивать убитаго. И, получивъ желанный отвѣтъ на вопросъ, «живъ ли?», знаетъ только, что на этотъ разъ печаль миновала ее.

На ученіи въ мирное время молодымъ казакамъ, хотя немного и надоѣдливо, но живется весело:

Ой, намъ весело жить,
Намъ не почемъ тужить,
Намъ, казакамъ молодымъ,
Здѣсь армейскимъ _ полевымъ».

Проходитъ зима, настаетъ весна, и начинается полевое ученье, надо рано вставать:

«Намъ головушку чесать,
Чубы набокъ заводить».

Ученье, хотя и утомительное, но сходитъ хорошо а въ общемъ же:

«Офицеры наши хваты,
Веселѣе жить велятъ.
Мы на это всѣ взираемъ,
Всѣ мы ходимъ, пьемъ, гуляемъ.
Щеголяемъ, какъ хотимъ!»

И прекрасный полъ въ окруженіи очень благосклоненъ къ «казакамъ молодымъ». Онъ не только весьма настойчиво призываетъ ихъ къ себѣ, но и всегда жалуетъ, чѣмъ можетъ:

«Намъ сударушки знакомы,
Всегда въ гости насъ зовутъ.
Вотъ зовутъ, зовутъ, зовутъ,
Всегда жалуютъ».

Вполнѣ заслужено поютъ донцы:

«Ой, веселитесь, храбрые казаки,
Честью, славой, славою своей!
Ой, покажите всѣмъ друзьямъ примѣры,

Какъ мы съ ружей бьемъ своихъ враговъ». 16

Пѣсня «Обходъ» дѣлаетъ, какъ бы дѣйствительный обходъ всему казачеству за все время его существованія, равно какъ и провѣрку современному ей настроенію казачьихъ войскъ:

«Сѣрый день едва мерцаетъ
Скоро ночь пройдетъ. 13,5
Офицерство совершаетъ
Свой ночной обходъ.
Впереди полковникъ бравый,
Вслѣдъ хорунжихъ рядъ.
Жаждой удали и славы
Очи ихъ горятъ.
Блещутъ шашки боевыя,
Шпоры чуть звенятъ,
На погонахъ золотыя
Звѣздочки горятъ.
Мнятся — вольность удалая,
Древніе вѣка, —
Сагайдачнаго Нечая,
Слава Ермака.
Раздаются пѣсни звуки
Храбрыхъ казаковъ
Про великія заслуги
Дѣдовъ и отцовъ.
Про Азовское сидѣнье,
Вѣчную войну,
И Сибири покоренье,
И тоску въ плѣну.
Русь, смотри, какую силу
Казаки таятъ;
За тебя сойти въ могилу
Каждый будетъ радъ».

**
*

Среди бытовыхъ и любовныхъ пѣсенъ на Дону, особенно старыхъ, встрѣчается много великорусскихъ, принесенныхъ самимъ населеніемъ. Пѣсни эти, какъ обрядности и одежда женская, сохранялись, какъ подобаетъ, казачками которыя руководили, такъ сказать, домашнимъ бытомъ. Поэтому до XVIII в., т. е. до нововведеній Петра 1, семья жила замкнутой жизнью, какъ и на Москвѣ, чему содѣйствовало присутствіе на Дону многихъ раскольниковъ. Дѣвицъ держали строго. Съ мужчинами онѣ видѣлись только на свадебныхъ пирахъ. На лѣтнихъ гуляніяхъ и хороводахъ или зимнихъ катаньяхъ молодые люди не присутствовали, а могли лишь любоваться издали. Съ XVIII вѣка старшина стала перенимать столичные нравы; устраивались совмѣстныя вечеринки, на которыхъ уже пѣлось: «Туфли къ милому глядятъ, Полюбить его хотятъ». А черезъ сто лѣтъ одинъ путешественникъ уже записалъ, что благодаря частому и долгому отсутствію казаковъ, «жены ихъ такъ же любятъ погулять на досугѣ, къ любви склонны, а къ нарядамъ страстны». Гулянья и хороводы стали уже водить совмѣстно. На каждомъ гуляньи выбиралась самая красивая дѣвица ,царица веселья, которая всѣмъ мужчинамъ подносила чару, и того, кто выпивалъ эту чару единымъ духомъ, награждала поцѣлуемъ, а при этомъ хороводъ пѣлъ:

«Грушица, грушица моя,
Грушица зеленая моя;
Подъ грушицей дѣвица стоитъ,

Печальныя рѣчи говоритъ:
Нынче худыя времена —
Сушатъ женъ хорошіе мужья,
А дѣвушекъ дальніе друзья».

Продѣлывались особыя обрядности и пѣлись особыя пѣсни, при «сговорѣ» жениха и невѣсты. Жениху хоръ пѣлъ: «Ой, заюшка, заюшка, ой, заюшка, горностай молодой», а невѣстѣ: «Перепелушка — рябыя перышки». Послѣ сговора устраивался дѣвишникъ — веселый вечеръ съ угощеніемъ у родителей невѣсты. А за два дня до свадьбы устраивались «подушки», т. е. смотрины приданаго, послѣ чего все приданое переносилось гостями въ домъ жениха съ пѣсней:

«Сестрицы, подружки,
Несите подушки;
Берите перины
Сестры Катерины...»

А подруги невѣсты поютъ дорогой:

Мѣсяцъ дорожку просвѣтилъ,
Братецъ сестрицу проводилъ.
Будь здоровъ, какъ вода,
А богата, какъ земля».

По прибытіи же къ дому жениха:

«Ты отворяй, матушка, ворота,
А вотъ тебѣ невѣста молода».

Послѣ вѣнца слѣдовалъ брачный пиръ обычнымъ порядкомъ. Въ бытовыхъ пѣсняхъ донскихъ казаковъ, даже принесенныхъ съ сѣвера, нѣтъ той грусти, той безграничной печали, съ которой эти же пѣсни поются на мѣстахъ ихъ возникновенія. Какъ по складу, такъ и по ладу (напѣву) онѣ подвергаются мѣстной передѣлкѣ въ соотвѣтствіи съ вольной жизнью и бодрымъ, свободнымъ казачьимъ духомъ. Чему служитъ примѣромъ старая пѣсня:

«Не бѣлы снѣги, ахъ, снѣги забѣлѣлися,
Ахъ, забѣлѣлися, —
Забѣлѣлися мого милого, любезнаго
Каменны палаты.
Во палатахъ ли стоятъ,
Стоятъ два столика,
Столбы духовые».

За столами сидятъ два молодца и держатъ «перышки, перья лебедины»; возлѣ нихъ стоитъ дѣвица, «сама горько плачетъ». Одинъ молодецъ ее утѣшаетъ и проситъ не плакать:

«Что не быть то ли, не быть твоему дружку
Милому не быть въ солдатахъ.
Ахъ! во солдатахъ!
А что быть то ему, быть ему
Во донскихъ казакахъ.
Ахъ! во казакахъ!».

Старинныя пѣсни поражаютъ музыкальностью своего сложенія и чрезвычайной нѣжностью народнаго говора въ душевномъ изліяніи художественнаго творчества:

«Эхъ! да при долинушкѣ калинушка стоитъ.
На калинушкѣ соловьюшекъ сидитъ,
Онъ сидитъ ,сидитъ посвистываетъ,
Горьку ягоду калинушку клюетъ,
А малиною закусываетъ.
Прилетали къ соловью соколы,
Взяли, взяли соловья съ собою,
Посадили соловья въ клѣточку, —
За рѣшеточку серебряную.
Заставили соловья пѣсни пѣть —
Ужъ ты пой, воспѣвай, соловей,
Призабавь, пріутѣшь соколовъ».

И вмѣстѣ съ тѣмъ эта пѣсня съ философскою мудростью подчеркиваетъ, что нѣтъ правды на свѣтѣ, и сильный всегда окажется правымъ: жилъ себѣ соловей свободно, а его заставили соколовъ забавлять. Наше время особенно богато подобными явленіями.

Если мать бранитъ дѣвицу за гулянье неизвѣстно гдѣ, да еще и въ неурочный часъ, то всякая дѣвица найдетъ оправданіе и окажется правой передъ матерью. Эта изворотливость еще молодой женской души психологически мѣтко схвачена пѣсней:

«Да и гдѣ же ты была, моя не чужая,
Да и гдѣ ты была, заборилася?
— Ахъ, и гдѣ же я была, заборилася?
На дырявомъ мосту провалилася!»

Оказывается, она и дровъ не носила, и печь не топила, по-воду пошла, ведра побила. А на самомъ дѣлѣ:

«Я на улицѣ была, я горилку пила»,

матери же разсказываетъ:

«Я разсаду посадила,
Огородъ полила.
Капуста моя и разсадушка,
Пожалѣй, не брани меня, матушка».

Извѣстная старинная пѣсня не заканчивается у донцовъ покорностью молодой женщины своей судьбѣ въ неудачномъ замужествѣ:

«Калину да съ малиною
Вода залила,
Да въ ту пору меня маменька
На свѣтъ родила».

Замужъ отдали въ чужую сторонушку; а «чужая сторонушка безъ вѣтру сушитъ». За это дочь хочетъ отомстить своей матери:

«На четвертый годочекъ

Пташечкой полечу,
Горемычной пташечкой —
Кукушечкою.
Сяду я у маменьки
Во зеленомъ саду.
Сама кукованьемъ
Я весь садъ изсушу,
Слезами горючими
Весь садъ потоплю,
Родимой моей матушкѣ
Сердце надорву».

Точно также и другая пѣсня передѣлана. Какъ это, къ сожалѣнію, часто въ семьяхъ бываетъ, жена недовольна своимъ мужемъ. Въ данномъ случаѣ и скупъ онъ, и ростомъ въ казака не вышелъ:

«Ты пойди моя коровушка домой,
Ты пойди моя недоенная.
Какъ у всѣхъ женъ мужья добры
Покупили женамъ бобры.
Ужъ какъ мой-то казаченокъ,
Да и тотъ съ кулаченокъ,
Поперекъ моей кроватушки лежитъ,
Поперечную мнѣ рѣчь говоритъ.
Онъ купилъ мнѣ коровушку,
Загубилъ мою головушку».

Не имѣя намѣренія заниматься хозяйствомъ, гонитъ коорву въ лѣсъ къ медвѣдю и приговариваетъ:

«Задери мою коровушку,
Развяжи мою головушку».

Очень распространенная плясовая пѣсня «Ахъ, вы сѣни мои, сѣни» поется съ нѣкоторымъ своеобразнымъ добавленіемъ. Молода выпускала сокола и велѣла ему летѣть на родимую сторону, гдѣ живетъ грозный батюшка, еще грознѣе матушки. Онъ велитъ гулять только:

«Съ дѣвушками,
Съ молодушками».

Но молода поступаетъ иначе:

«Я не слушаю отца,
А потѣшу молодца».

Во всѣ времена и подъ всѣми широтами и долготами горе старику, женатому на молодой. Печальна участь его.

«Ахъ, ты, хмель, мой хмелекъ
Гдѣ ты зимовалъ?
Зимовалъ я, хмелекъ,
Въ лѣсѣ на тычинѣ,
Въ лѣсѣ, въ лѣсѣ на тычинѣ,
У красной дивчины».

Мать сѣтуетъ на своего сына и бранитъ его за безпутную жизнь ,упрекая даже тѣмъ, что сосѣди жалуются:

«Жалуются всѣ сосѣди,
Много шкоды робишь».

Какую же «шкоду онъ робитъ»? Оказывается, чтобы перестать «шкодить», онъ долженъ жениться. Но онъ не хочетъ жениться, разъ сосѣди кругомъ женаты:

«На что мнѣ и женку?
Меня любятъ молодицы
И красны дѣвицы.
Какъ одна молода
Глазами моргала:
Бросай, казакъ, коня чистить,
Приходи къ овину.
А я сврво старика
Пошлю по калину.
Ступай, старый, съ бородой,
Калину ломати,
А я свово казачка,
Я пущу до хаты,
Стану цѣловати..

Въ самомъ складѣ (стихосложеніи) ясно замѣтно вліяніе малороссійскаго говора. Въ свое время на Донъ много было переселено запорожцевъ и малороссійскихъ казаковъ, называвшихся раньше черкасами. Отсюда и названія: Черкасскъ и Новочеркасскъ.

Дѣвицѣ настала пора: она хочетъ замужъ выйти и проситъ о томъ своего отца, причемъ ни въ коемъ случаѣ не за стараго:

«Ой да, ты подуй, подуй,
Вѣтеръ низовый,
Ой да, ты надуй, надуй,
Тучу грозную».

Туча прольетъ дождь на садокъ, гдѣ есть яблонька, у которой «суха маковка», а зеленыя вѣтки «да внизъ опустилися».

«Красныя яблочки,
Да врозь раскатилися.
Выдай меня, батенька,
За кого мнѣ хочется:
Ой да, ни за стараго,
Ни за малаго,
Ой да, за казаченьку
Разудалаго».

Бывало, что донцы привозили себѣ женъ изъ далекихъ краевъ, гдѣ находились въ походахъ. Это бытовое явленіе тоже отмѣчено пѣсней, содержаніе которой относится къ XVIII вѣку:

«На горѣ, горѣ стояла корчма,
Корчма польская ,королевская.

Да въ той корчмѣ три молодца пьютъ:
Прусакъ да полякъ и донской казакъ.
Прусакъ пиво пьетъ, дукаты кладетъ;
Полякъ вино пьетъ, золото даетъ;
А казакъ водку пьетъ, денегъ не даетъ».

Казакъ денегъ не даетъ, но сманиваетъ шинкарку къ себѣ на Донъ:

«Да ,пойдемъ шинкарочка, къ намъ на Тихій Донъ.
У насъ на Дону не по-вашему:
Ни ткутъ, ни прядутъ, ни сѣютъ, ни жнутъ,
Ни сѣютъ, ни жнутъ, — хорошо живутъ.
Прельстилась шинкарочка на тѣ словеса,
Да садилась шинкарочка коню за бедра».

Но не всегда такъ заканчивалось для панночекъ знакомство съ донцами. И хотя эта пѣсня плясовая, но едва ли панночка плясала подъ ея конецъ:

«Ахъ, панна ,ты панна ,
Паняночка моя;
Да гдѣ же ты, паняночка,
Погуливала?»

Гдѣ она погуливала, неизвѣстно, но вернулась уже:

«Съ милымъ дружкомъ,
Съ донскимъ казакомъ.
Казакъ, казачекъ,
Казакъ — миленькій дружокъ».

Веселилась и плясала панночка съ казакомъ. Но кончилась служба, и онъ ей заявилъ:

«Пора со двора;
Прощай, милая моя,
Прощай, милая красотка,
Прощай, сердце мое!»

В. Синеоковъ

(Окончаніе слѣдуетъ)

ПОПРАВКА:

Въ первой части этой статьи, помѣщенной въ предыдущемъ номерѣ «Станицы» вкралась опечатка: 20, 21 и 22-ю строку сверху, страницы 13-ой, во второй колоннѣ, слѣдуетъ читать такъ:

...«Вѣдь до Петра I донскіе. и вообще казачьи полки если и воевали совмѣстно съ царевой ратью, то только по своимъ границамъ. Со временъ Петра I они принимали участіе во всѣхъ войнахъ и походахъ»...

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ оказывается безвозмездно студентамъ - казакамъ почетнымъ старикомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5 до 7 час. вечера на 122 бульваръ Мюратъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ при станицѣ подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго М. А. Адамова безвозмездно обслуживаетъ станичниковъ. Пріемъ ежедневно отъ 6 час. 30 мин. вечера до 8 час. веч. на рю де ла Конвансьонъ, ном. 85.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris XIIIe. Le Gérant : Ch. Quénet.

Книжная Экспедиція газеты „Русскій Инвалидъ“

Адресъ для писемъ и денежныхъ перводовъ:

FEDERATION DES INVALIDES RUSSES Boite postale № 28. Issy-les-Moulineaux (Seine).

СПИСОКЪ РУССКИХЪ КНИГЪ, СТОИМОСТЬЮ ПО КАТАЛОГУ отъ 6 до 30 франковъ ПРОДАЮЩИХСЯ НАМИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ІЮЛЯ, АВГУСТА И СЕНТЯБРЯ 1935 Г. ПО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМЪ НИЗКИМЪ ЦѢНАМЪ — отъ 1 до 5 франковъ:

Дешевыя цѣны франк.

АВЕРЧЕНКО АРКАДІЙ. Чудаки на подмосткахъ, 12 одноактныхъ веселыхъ пьесокъ, 127 страницъ (вѣсъ 120 граммъ) .... 3.—
Кн. БЕБУТОВА. Ольга. Лазурный берегъ, романъ, 184 стр. (170) .... 3.—
БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ Н. Н. Женщины, кровь и брилліанты — романъ 279 стр. (200) .. 4.—
ОНЪ ЖЕ. Когда рушатся троны, романъ. 358 стр. (360) .... 5.—
ОНЪ ЖЕ. Міровой заговоръ (Бомбы Римскаго Отеля) . 231 стр. (270) .... 4.—
ОНЪ ЖЕ. Мстители, романъ. 250 стр. (220) .... 4.—
ЕЛЕЦЪ Ю. Л. На крестномъ пути, романъ. 670 стр. (300) .... 5.—
МИНЦЛОВЪ С. Р. «Прошлое»...., очерки изъ жизни Царской Семьи. 133 стр. (150) .. 3.—
ОНЪ ЖЕ. То, чего мы не знаемъ — разсказы изъ области таинственнаго. 116 стр. (170) ... 3.—
Инж. НЕВѢИНОВЪ. Ручная обработка металловъ — кузнечное, слесарное, водопроводное и жестяное дѣло. 233 стр. съ 631 рис. (220) .... 4.—
Баронесса ОРЖИ. Во дни террора, историч. романъ. 270 стр. (330) .... 5.—
ПИЛЬНЯКЪ Борисъ. Повѣсть непогашенной луны. 32 стр. (50) .... 1.—
РЕННИКОВЪ А. М. Бѣженцы всѣхъ странъ, комедія въ -3хъ дѣйствіяхъ. 81 стр. (70) ... 2.—
ОНВ ЖЕ. Галлиполи, пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ, 97 стр. (100) .... 2.—
СТОКЕРЪ Бремъ. Графъ Дракула, романъ. 177 стр. (120) .... 3.—
ШАНСОРЪ С. Незримый сатиръ, романъ. 223 стр. (170) .... 4.—
Инж. ЩЕРБАКОВЪ-КОРЫТИНЪ. Малярное дѣло, съ добавл. отдѣловъ по оклейкѣ обоями и стекольн. дѣлу. 90 стр. съ 19 рис. (120) .... 3.—

Стоимость пересылки книгъ:

Во Франціи и въ ея колоніи, бандеролями до 2 кило, — по 20 сант. за каждые 100 граммъ. Желающіе получить бандероль заказнымъ отправленіемъ доплачиваютъ къ заказу независимо отъ вѣса 75 сант.

Въ Аргентину, Бельгію, Бразилію, Венгрію, Германію, Грецію, Данцигъ, Канаду, Латвію, Персію, Румынію, Турцію, Финляндію, Швейцарію и Эстонію — по 30 сант. за каждые 100 граммъ, а за каждое заказное отправленіе — 2 франка.

Въ другія государства — по 60 сант. за каждые 100 граммъ вѣса, плюсъ 2 франка за посылку заказнымъ отправленіемъ.

ДЛЯ РАСЧЕТА САМИМИ ЗАКАЗЧИКАМИ СТОИМОСТИ ПЕРЕСЫЛКИ ВЫПИСЫВАЕМЫХЪ ИМИ КНИГЪ въ этомъ спискѣ послѣ названія каждой книжки въ скобкахъ указанъ ея вѣсъ въ граммахъ.

ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ ПО ПОЛУЧЕНІИ СТОИМОСТИ КНИГЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ. ПО ТРЕБОВАНІЯМЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО

нашъ каталогъ русскихъ

ОТКРЫТОКЪ, ГРАВЮРЪ и ОЛЕОГРАФІЙ.

НОВЫЙ КАТАЛОГЪ РУССКИХЪ КНИГЪ ИЗДАННЫХЪ ЗА РУБЕЖОМЪ: нѣсколько тысячъ названій по всѣмъ отраслямъ литературы, науки и искусства, высылается по полученіи 1 фр. 50 см. Стоимость каталога можно высылать франц. почт. марками или же международными почтовыми купонами.

ПРІЕМЪ И ИСПОЛНЕНІЕ ЗАКАЗОВЪ НА ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ И НА РУССКІЯ ДОВОЕННЫЯ ИЗДАНІЯ.

ПРІЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА ПЕРЕПЛЕТНЫЯ, РОТАТОРНЫЯ И ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

ВСѢ ПОРУЧЕНІЯ ИСПОЛНЯЮТСЯ БЫСТРО, АККУРАТНО И ДЕШЕВО.

СПРАВКИ — БЕЗПЛАТНО.

Десятыя доли Французской Національной Лотерреи .... **11 франковъ**
Пересылка заказнымъ письмомъ: въ провинцію .... **2 франка**
за границу .... **4 франка**

У КОЛОДЦА.
Съ акварели **А. Мельникова** (Польша, 1915 г.).

СТАНИЦА

№ 16

STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ETUDIANTS COSAQUES DE PARIS

7, rue Jobbé-Duval, Paris (15e)

Octobre 1935 **Prix : 2 frs**

С Т А Н И Ц А

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

« STANITZA » 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15e).

№ 16 **ОКТЯБРЬ 1935 г.** **Годъ изданія 5-й**

ШТАБЪ ПОХОДНАГО АТАМАНА ВЪ 1916 Г. МОГИЛЕВЪ.

Сидятъ слѣва: Ординарецъ — ес. Кузнецовъ, Начальникъ Штаба — ген. А. П. БОГАЕВСКІЙ, Походн. Атаманъ Вел. Кн. Борисъ Владимировичъ, ген. Сазоновъ. Стоятъ слѣва: 1) Полковникъ Грековъ. 2) Дѣлопроизв. — Головковъ. 3) И. д. старш. адъютанта — подъес. Рябовъ-Рѣшетинъ. 4) Походный есаулъ — ес. Власовъ. 5) Шт.-офицеръ по артил. части — войск. старш. Максимовъ. 6), 7) и 8) Ординарцы—подъес. Верладинъ, сотн. Русиновъ и ес. Грековъ. 9) Нач. поѣзда литера «Д» Пох. Атамана Слободинскій.

Годовщина смерти Донского Атамана генерала А. П. Богаевскаго

21 октября 1934 г. — 21 октября 1935 г.

Прошелъ годъ, какъ донскіе казаки лишились своего Атамана, избраннаго ими на родной землѣ.

Какъ живой встаетъ свѣтлый образъ Атамана-Рыцаря, и все еще не мирится разумъ съ тѣмъ, что нѣтъ уже между нами и съ нами нашего дорогого Африкана Петровича.

Долгихъ пятнадцать лѣтъ, непрерывно и непрестанно, всѣмъ своимъ существомъ, вкладывая все свое сердце, служилъ онъ Тихому Дону на посту перваго казака, старшаго изъ равныхъ, раздѣляя со всѣми своими донцами успѣхи на полѣ брани и горечь изгнанія.

Всесторонне описана въ сборникѣ «Атаманъ Богаевскій» вся его служба Россіи и Дону, многогранная дѣятельность и работа воина, полководца, администратора, общественнаго дѣятеля, покровителя просвѣщенія, мудраго и вѣрнаго друга впавшихъ въ бѣду, горе и нужду.

Пусть благодарная память объ ушедшемъ Тишайшемъ Атаманѣ вѣчно будетъ жить въ сердцахъ донцовъ, казаковъ другихъ войскъ и всѣхъ русскихъ людей.

П. Гусевъ.

Отъ Донского Атамана

Родныхъ Донцовъ и братьевъ Кубанцевъ поздравляю съ Войсковыми праздниками.

Я глубоко вѣрю, что съ Божіей помощью мы вернемся домой; но лишь при одномъ непремѣнномъ условіи, если казачество за рубежомъ, слѣдуя завѣтамъ сѣдой старины, сольется въ единое, крѣпкое цѣлое.

Богъ въ помощь!

Генералъ-лейтенантъ графъ М. Граббе.

Николай ТУРОВѢРОВЪ

Новочеркасскъ

Меня съ тобой связали узы
Моихъ прадѣдовъ и дѣдовъ, —
Не мнѣ-ль теперь просить у музы
И нужныхъ рифмъ, и нужныхъ словъ?
Воспоминаній кубокъ пѣнный,
Среди скитаній и невзгодъ,
Не мнѣ-ль душою неизмѣнной
Испить указанъ былъ чередъ?
Но мыслить не могу иначе:
Ты городъ прошлыхъ тихихъ дней
И новый вихрь судьбы казачьей
Тебѣ былъ смерти холоднѣй.

I

Жизнь не ютилась у забора, —
Былъ отчій дворъ и отчій домъ,
И куполъ золотой собора
Былъ виденъ издали кругомъ.
Зимой снѣга, разливъ весною,
А лѣтомъ вѣтеръ, зной и пыль;
Но не мечталъ никто иною
Смѣнить сегодняшнюю быль.
По воскресеньямъ привозили
Къ базару уголь и каймакъ
И на востокъ глядѣлъ средь пыли
Въ кольчугѣ бронзовый Ермакъ.

II

Зимою молодежь гранила
Московской улицы панель,
А лѣтомъ въ садъ гулять ходила,
Гдѣ старой башни цитадель
И гдѣ въ кіоскѣ продавщица,
Блестя огнемъ задорныхъ глазъ,
Глядѣла, какъ мѣняетъ лица,
Стрѣляя въ носъ холодный квасъ,
И отставные офицеры
Въ воспоминаніяхъ прошлыхъ дней,
Вѣнчали путь своей карьеры
Прогулкой чинной вдоль аллей.

III

Балы не рѣдкостью бывали,
На нихъ полковникъ и кадетъ
Не уставая, танцовали,
Топча безжалостно паркетъ,
И иногда мелькалъ средь танца,
Мечтою институтскихъ лѣтъ,
Лейбъ-казака иль атаманца
Мундиръ, плѣняющій лорнетъ.
Въ театрѣ съ лихостью играли
Въ антрактахъ долгихъ трубачи
И у подъѣзда ожидали
Извощики и лихачи.

IУ

Былъ атаманъ главою края,
Слугой Россіи и Царей
И облаченіемъ сіяя,
Служилъ въ соборѣ архіерей.
О Думѣ спорили дворяне
И объ охотѣ невзначай,
Купцы о дегтѣ и тарани,
Въ прохладныхъ лавкахъ, сѣвъ за чай.
Блюли законъ, моляся Богу;
Грѣхомъ считали блудъ и месть;
Всѣ казаки ходили въ ногу
И отдавали лихо честь.

У

Учили тѣ, кто побогаче,
Своихъ дѣтей, поря за лѣнь,
И реалистъ носилъ казачій
Лампасъ и съ кантами чекмень.
Дулъ вѣтеръ зимній или жаркій —
Спалъ городъ мирно до зари;
Сквозилъ пролетъ къ вокзалу арки,
Гдѣ проѣзжали всѣ цари.
Чередъ часовъ былъ тихъ и плавенъ,
Крѣпка была родная лѣнь, —
Давно забыли, что Булавинъ
Дымилъ пожаромъ эту степь.

УI

Степная быль дышала сонно,
Былъ твердъ загаръ казачьихъ лицъ,
Какъ воды медленнаго Дона,
Текла простая жизнь станицъ.
Весну встрѣчали въ полѣ, сѣя,
Скотину выгнавъ изъ базовъ;
Подъ Пасху ждали iерея
Къ лампадамъ темныхъ образовъ;
Косили въ зной, возили кони
Снопы на шумное гумно,
Желтѣй червонца на попонѣ
Лежало новое зерно;
Зимой же спали, пѣсни пѣли;
Дѣды, хваля минувшiй вѣкъ,
Хлебали взваръ и съ хлѣбомъ ѣли
Арбузный медъ, густой нардекъ.

УII

Не къ жизни бранной и безпечной
Взывалъ, спокойствiемъ маня,
Средь вишняка дымокъ кизечный,
Надъ мирнымъ кровомъ куреня.
Страны померкнулъ образъ древнiй.
Средь электрическихъ зарницъ
Никто не отличалъ деревни
Отъ вольныхъ нѣкогда станицъ.
Покоемъ грезили левады
И сталъ казакъ съ былымъ не схожъ,
Неся на чубѣ лоскъ помады,
Подъ рипъ резиновыхъ калошъ.

УШ

Февраль принесъ съ собой начало.
Ты зналъ и ждалъ теперь конца.
Хмѣльная Русь себя вѣнчала
Безъ Мономахова вѣнца.
Тебѣ-ль стоять на Тихомъ полѣ,
Когда для гибели твоей,
Воскресшiй Разинъ вновь на волѣ
Найдетъ испытанныхъ друзей?
Ты зналъ — съ тобой однимъ расплата
За тишь романовскаго дня.
Теперь не вскочитъ пылкiй Платовъ,
Тебя спасая, на коня.

IX

Взывали къ жертвеннымъ порывамъ,
На тумбахъ сѣрые листки,
Съ тоской кричали и надрывомъ
Внизу вокзальные свистки.
Въ туманѣ сумрачно темнѣли
Бульваровъ мокрыхъ тополя,
А партизаны шли и пѣли
— «Увидимъ стѣны мы Кремля».
Гудѣли пушки недалеко
И за грѣхи своихъ отцовъ
Шли дѣти къ смерти одиноко
И впереди ихъ Чернецовъ.

X

Кружились вихри снѣговые
Надъ свѣжей глиною могилъ.
Зналъ Калединъ, кого впервые
Онъ на кладбище проводилъ.
Мела метель. Покорно ждали
Неотвратимаго конца;
Но эти дни зачаровали
Навѣки юныя сердца,
И стало тѣсно и немило
Въ глухихъ родительскихъ домахъ,
Когда свой знакъ нашилъ Корниловъ
На партизанскихъ рукавахъ.

XI

Зарю казачьяго разсвѣта
Вѣщалъ рѣчами мудро Кругъ,
Цвѣло надеждой это лѣто
И тополей кружился пухъ.
Несли къ собору изъ музея
Знамена, стяги, бунчуки
И, дикой местью пламенѣя,
Возставъ, дралися казаки.
А тамъ, гдѣ раньше были дачи,
Полковъ младыхъ ковали крѣпь.
Блестѣлъ соборъ съ горы иначе —
Иной теперь вставала степь.

XII

И надъ дворцомъ зарѣялъ гордо,
Плеща по вѣтру, новый флагъ;
Звучало радостно и твердо
И danke schoen и guten Tag
Открылись снова магазины.
Забывъ недавнее давно,
Въ подвалахъ налили грузины
Гостямъ кавказское вино
И все собою увѣнчала
Герба трехвѣковая сѣнь,
Гдѣ голый былъ казакъ сначала,
Потомъ съ стрѣлой въ боку олень.

XIII

О, эти дни кровавыхъ оргiй, —
Ты для себя самъ сталъ чужимъ.
Побѣдъ минутные восторги
Летѣли прочь, какъ легкiй дымъ,
И былъ увѣренъ ты заранѣ: —
Не властны въ эти дни вожди
И пламя буйное возстанiй
Зальютъ осеннiе дожди.

XIУ

Но за мертвящею зимою,
Въ послѣднiй разъ хмѣльна, красна,
Играла полою водою
Твоя послѣдняя весна.
Молнiеносныя побѣды
Благословлялъ весеннiй духъ
И расцвѣтали вновь обѣды,
Молебны и рѣчистый Кругъ.

ХУ

И англичане, и французы,
Какъ дань восторговъ и похвалъ,
Надѣли англійскія блузы
И гимназистъ, и генералъ.
Кто не былъ бодръ, кто не былъ веселъ,
Когда на картѣ за стекломъ
Освагъ побѣдный шнуръ повѣсилъ
Между Одессой и Орломъ?
И всѣ надежды были правы —
На сѣверъ мчались поѣзда.
Была тускла средь бѣлой славы
Пятиконечная звѣзда.

ХУI

Былъ и прекрасенъ, и возвышенъ
Высокій строй газетныхъ словъ.
Казалось всѣмъ, что былъ ужъ слышенъ
Кремлевскій звонъ колоколовъ.
Блестѣли радостные взоры;
Подъ громы дальнихъ канонадъ,
Какъ порохъ вспыхивали споры
Кому въ Москвѣ принять парадъ,
Кто устранитъ теперь препоны,
Когда еще повсюду мгла —
Орелъ двуглавый безъ короны
Или корона безъ орла.

ХУII

Дымилась Русь, горѣли села,
Пылали скирды и стога
И я въ тѣ дни съ тоской веселой
Топталъ бѣгущаго врага,
Скача въ рядахъ казачьей лавы,
Дыша просторомъ дикихъ лѣтъ.
Насъ озарялъ забытой славы,
Казачьей славы пьяный свѣтъ
И сердце все запоминало, —
Легко рубилъ казакъ съ плеча,
И кровь на шашкѣ засыхала
Унылымъ цвѣтомъ сургуча.

ХУШ

Тамбовъ. Орелъ. Позналъ обмана
Ты весь чарующій расцвѣтъ,
Во мглѣ россійскаго бурана
Увидѣлъ сонъ имперскихъ лѣтъ, —
Еще горячій прахъ столѣтій,
Еще какую то любовь, —
Ахъ, вѣдь не даромъ твои дѣти
Тебѣ отдали свою кровь.

XIX

Колокола печально пѣли.
Въ домахъ прощались, во дворѣ;
Вѣнокъ плели, кружась, мятели
Тебѣ, мой городъ, на горѣ.
Крестили всѣхъ насъ чьи то руки,
Къ окну прижалась чья то тѣнь.
Я помню, помню день разлуки,
Рождественскій короткій день,
И не забуду звонъ унылый
Среди снѣговъ декабрьскихъ вьюгъ
И бѣшенный галопъ кобылы,
Меня бросающей на югъ.

Николай Туровѣровъ.

1928-1935.

Почетный Казакъ Парижской Студенческой Казачьей Станицы, АББАТЪ К. К Е Н Э.

Авторъ капитальнаго труда **«Чаадаевъ и философическія письма. Очеркъ исторіи русской мысли начала 19 вѣка»,** за который Французская Академія 30 сентября этого года присудила ему премію изъ фонда имени Moutijon. 23 января 1932 Аббатъ К. Кенэ защищалъ диссертацію на эту тему въ Сорбоннѣ и былъ награжденъ степенью доктора «эсъ-леттръ» съ «мансіонъ тре-з-онорабль». Отъ души радуемся заслуженному успѣху нашего почетнаго казака, стараго друга обездоленныхъ русскихъ людей и, въ особенности, казачьей учащейся молодежи.

А. ПАДАЛКИНЪ

Сколько донскихъ казаковъ въ эмиграціи?

Въ борьбѣ съ большевиками донскіе казаки принимали участіе на всѣхъ антибольшевистскихъ фронтахъ: —

1) На югѣ Россіи: — на всѣхъ фронтахъ и во всѣхъ арміяхъ. Здѣсь главная масса донцовъ отъ мала до велика входила въ составъ Донской Арміи, и помимо этого знчительное число входило въ различныя части Добрарміи. Въ Добровольческой арміи наибольшее число было въ «цвѣтныхъ» частяхъ.

2) На Восточномъ фронтѣ — небольшія группы донцовъ были въ Арміяхъ Адмирала Колчака, въ Уральской, у Атамана Семенова, въ арміи Барона Унгерна и др.

3) На Сѣверномъ фронтѣ — небольшія группы были въ арміи ген. Миллера.

4) На Западномъ фронтѣ — сначала небольшія группы были въ арміи Булакъ-Булаховича, Перемыкина и др., а позднѣе нѣсколько тысячъ самостоятельными частями были въ составѣ Польской арміи (впослѣдствіи — въ 3-й Рус. Арміи ген. Врангеля).

При крушеніи бѣлыхъ армій, Донскіе казаки оказались въ эмиграціи 10-ю группами:

1) При крушеніи армій на югѣ Россіи донцы, входившіе въ отрядъ ген. Бредова, отошли въ Румынію, откуда при возстановленіи Крымскаго фронта, въ большинствѣ своемъ были перевезены въ Крымъ, но незначительная часть ихъ, главнымъ образомъ больные и раненые, остались въ Румыніи и явились первыми казаками-эмигрантами изъ армій Юга Россіи.

2) При эвакуаціи Одессы мелкія группы донцовъ, отбившіяся отъ разныхъ войсковыхъ частей и гражданскіе бѣженцы, оказавшіеся въ Одесскомъ районѣ, большей частью были эвакуированы въ Крымъ, но часть ихъ была эвакуирована въ Грецію, Румынію, Болгарію, Турцію и на острова Мраморнаго и Средиземнаго морей. Это была вторая группа Дон. казаковъ-эмигрантовъ.

3) При эвакуаціи Новороссійска донцы раздѣлились на 4-е группы: а) значительная масса ихъ была перевезена въ Крымъ, гдѣ уже находилась бригада ген. Морозова, б) не менѣе значительная часть отошла въ районъ Сочи, откуда были перевезены въ Крымъ, гдѣ Донскіе казаки составили Донской Отдѣльный Конный Корпусъ, а вторая группа была взята большевиками въ плѣнъ, тамъ она была переформирована въ красныя части и составила главную массу красной конницы на Польскомъ фронтѣ, в) небольшія группы донцовъ при занятіи большевиками Сочинскаго района перешли въ Грузію, откуда часть ихъ переѣхала въ Крымъ, а часть осталась въ Грузіи и г) довольно значительная по своему составу, главнымъ образомъ больные, раненые, учебныя заведенія, бѣженцы, дѣти и т. д., при эвакуаціи Новороссійска были вывезены въ Болгарію, Югославію, Грецію, Турцію, Египетъ и на острова Мраморнаго и Средиземнаго морей, куда еще раньше согласно приказа Главнокомандующаго В. С. Ю. Р. были эвакуированы женщины и дѣти. Эти эвакуаціи составили 3-ю группу донскихъ эмигрантовъ.

Часть донцовъ, эвакуированныхъ за границу изъ Одессы и Новороссійска и оставшіеся въ Румыніи отъ частей ген. Бредова, вернулась въ Крымъ, но значительная часть ихъ осталась за границей до эвакуаціи Крыма. Какое ихъ число осталось, точныхъ свѣдѣній не было, т. к. въ число Донскихъ бѣженцевъ входили и не-казаки, но уроженцы Дона или служившіе въ Донскихъ войсковыхъ частяхъ и въ Войсковыхъ учрежденіяхъ и управленіяхъ, а также учившіеся въ донскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но общее ихъ число приблизительно считалось въ 2000 чел. изъ коихъ примѣрно 50 проц. было женщинъ и дѣтей до 16-лѣтняго возраста. Послѣ Крымской эвакуаціи изъ мѣстъ своего сосредоточенія постепенно они разсосались по всему земному шару.

4) Донскіе казаки, оказавшіеся въ красной арміи, послѣ Новороссійской эвакуаціи и захваченные въ районѣ Сочи и попавшіе на Польскій фронтъ — одна группа около 4000 чел. перешла въ Польшу, гдѣ въ составѣ Польской арміи, отдѣльной Донской группой принимала участіе въ борьбѣ съ большевиками до конца Польско-Совѣтской войны, а при заключеніи Польско-Совѣтскаго міра были интернированы въ Польшѣ, а вторая группа около 500 чел. оказалась интернированной въ Германіи. Это была 4-ая группа донскихъ эмигрантовъ, общей численностью около 4500 чел. Отсюда они частью вернулись на родину, частью распылились по всему земному шару, причемъ главная масса переѣхала во Францію, значительная часть осѣла въ Германіи и Венгріи, создавъ рядъ казачьихъ организацій и часть осѣла въ Польшѣ, гдѣ также организовала рядъ казачьихъ станицъ и хуторовъ въ полосѣ близкой къ границамъ С. С. С. Р.

5) Донцы, бывшіе на Сѣверномъ фронтѣ въ арміи ген. Миллера при крушеніи этого фронта были эвакуированы за границу въ различные европейскія страны и исчислялись въ нѣсколько десятковъ чел.

6) Донцы бывшіе на Сѣв.-Зап. фронтѣ въ Арміи ген. Юденича при крушеніи этого фронта перешли въ Финляндію, Эстонію и Латвію и составили 6-ю

группу въ нѣсколько десятковъ человѣкъ.

7) Донцы бывшіе на Восточномъ фронтѣ въ числѣ 400-500 чел. при крушеніи этого фронта попали въ Китай, Японію, Америку, Австралію, Канаду, Персію и на острова Тихаго океана, гдѣ образовали кадры донской эмиграціи 7-й группы и пополнившись казаками эмигрантами изъ другихъ фронтовъ, образовали рядъ казачьихъ организацій.

8) Донцы, перешедшіе въ Грузію при разгромѣ ея большевиками, выѣхали изъ предѣловъ Россіи 3-я путями: — черезъ Батумъ въ Константинополь, черезъ районъ Карса въ Азіатскую Турцію и черезъ районъ Джульфы въ Персію. Это была 8-я группа донцовъ эмигрантовъ, давшая 20-30 чел. Оттуда они частью попали въ европейскія страны, а частью за океанъ и въ Азію.

9) Эвакуація Крыма дала 9-ю группу донскихъ эмигрантовъ и эта группа была самая большая. Здѣсь были части Донского Корпуса и гражданскіе бѣженцы. Части Корпуса, численностью въ 22000 чел., были вывезены на о. Лемносъ и въ Турцію, гдѣ черезъ нѣкоторое время были сосредоточены въ районѣ Чаталджи. Изъ Чаталджи значителньая часть была перевезена на островъ Лемносъ, часть, не желая ѣхать на Лемносъ и тяготясь пребываніемъ въ лагеряхъ, ушла въ Болгарію, а другіе попали въ Грецію, или были водворены въ Галлиполійскіе лагеря, часть перешла на бѣженское положеніе и обосновалась въ районѣ Константинополя, или же уѣхала въ Болгарію, Югославію и Чехословакію, значительная часть вернулась на родину, часть ушла въ иностранные Французскіе легіоны и остальные были перевезены въ Чехословакію.

10) Послѣднюю, 10-ю, группу донскихъ казаковъ эмигрантовъ дало Кронштадтское возстаніе, послѣ ликвидаціи котораго донцы перешли въ Финляндію въ числѣ 10-15 человѣкъ.

Донцы, оказавшіеся значительной группой на Лемносѣ, начиная съ февраля 1921 г., частью вернулись на родину, значительныя части перевезены въ Болгарію и Югославію, часть уѣхала въ Бразилію, въ Грецію, въ Константинополь, часть записалась во Французскіе иностранные легіоны и остальная часть перевезена въ Галлиполи.

Кромѣ частей Донского корпуса изъ Крыма въ качествѣ Донскихъ бѣженцевъ за границу было эвакуировано 6515 чел., которые были эвакуированы въ Болгарію, Югославію, Турцію и на острова Мраморнаго и Средиземнаго морей и небольшія группы въ Румынію и Грецію. Кромѣ того нѣсколько сотъ (400-500) человѣкъ изъ Крыма выѣхало съ частями 1-го Армейскаго Корпуса въ Галиполи откуда часть ихъ переѣхала на Лемносъ, часть уѣхала въ Бразилію, часть въ Грецію и остальные съ частями 1-го Корпуса въ Болгарію и Югославію. Донскіе казаки, переѣхавшіе изъ Константинополя и Лемноса въ Болгарію, частью уѣхали на родину, частью переселились въ др. страны, и, главнымъ образомъ, во Францію; остальные осѣли въ Болгаріи, гдѣ одна часть образовала нѣсколько десятковъ станицъ и хуторовъ, а другая часть составляетъ кадры Донского Корпуса. Донцы, оказавшіеся въ Югославіи, частью уѣхали на Родину, частью переѣхали въ другіе страны и главнымъ образомъ во Францію, а остальные осѣли въ Югославіи и также, какъ и въ Болгаріи одни образовали десятка два казачьихъ организацій, а другіе составляютъ группы частей Донского корпуса. Попавшіе въ Грецію, частью вернулись на Родину, частью переѣхали въ другія страны и главнымъ образомъ во Францію, а остальные обосновались въ Греціи, образовавъ нѣсколько станицъ хуторовъ и группъ. Выѣхавшіе въ Бразилію частью разсѣялись по странамъ Америки и наибольшее ихъ число вернулось въ Европу, гдѣ они разсѣялись по всѣмъ странамъ или вернулись на родину. Перевезенные въ Чехословакію частью переѣхали въ другіе страны, частью вернулись на родину,но главная масса обосновалась въ Чехословакіи. Донцы, осѣвшіе въ первый моментъ послѣ эвакуаціи Крыма въ Константинополѣ и его окрестностяхъ и на островахъ Мраморнаго и Средиземнаго морей, постепенно, частью были перевезены въ Болгарію (декабрь 1922 года и январь 1932 г.), часть разсѣялась по другимъ государствамъ, часть ушла во Французскіе иностранные легіоны и часть вернулась на родину. Донскіе казаки прибывшіе въ разные сроки во Францію, частью переселились въ другія страны и главнымъ образомъ, за океанъ, частью вернулись на родину, а остальные образовали больше сотни станицъ, хуторовъ, группъ, организацій разныхъ наименованій и кадры частей Донского корпуса. Донцы, уѣхавшіе въ иностранные легіоны, одни, отбывъ срокъ, установленный контрактомъ, продолжили этотъ срокъ второй и третій разъ, другіе окончивъ контракты, разсѣялись по всему міру и главнымъ образомъ переѣхали во Францію, третьи разными путями вернулись на родину, а остальные обосновались во франц. колоніяхъ въ сѣв. Африкѣ, или переѣхали въ Египетъ. Всюду, гдѣ они обосновались, создали станицы, хутора и группы.

Всего Донскіе казаки, какъ мы видимъ, при постепенной ихъ эвакуаціи, составили 10 группъ,численность которыхъ выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ: Крымская группа — 29015 чел., Новороссійская группа 2000 чел. Польская группа до 4500 чел., Дальневосточная группа около 500 чел. и другія шесть группъ около 500 чел., а всего около 37000 чел. Въ это число входили женщины, дѣти до 16 лѣтняго возраста и не-казаки, но уроженцы Дона, или служившіе въ Донскихъ частяхъ, учрежденіяхъ и управленіяхъ Войска. Женщины, дѣти и не казаки приблизительно составляли:

1) въ частяхъ Донского Корпуса (женщины и дѣти) приблизительно 5%, что равно 1000 чел.

2) женщины, дѣти и не-казаки Новороссійской эвакуаціи 50%, что равно 1000 чел.

3) Женщины и дѣти и не-казаки бѣженской группы Крымской эвакуаціи 30%, что равно 1800 чел.

4) не казаки въ частяхъ Донского корпуса до 8%, что равно 1500 чел.

5) женщинъ, дѣтей и не казаковъ Польской группы около 250 чел.

6) женщинъ и дѣтей другихъ группъ около 50 чел.

А всего женщинъ, дѣтей во всѣхъ десяти группахъ около 4000 чел. и не казаковъ минимально (фактически ихъ вѣроятно немного было больше) 1600 чел. Помимо Донской эмиграціи, оказавшейся въ результатѣ крушенія бѣлыхъ армій, составъ Донской эмиграціи нѣсколько пополнился за счетъ бѣжавшихъ и официально выѣхавшихъ изъ С. С. С. Р. Сколько такимъ путемъ попало Донскихъ казаковъ въ эмиграцію точно установить трудно ибо никакой ихъ регистраціи не велось да и вести было невозможно. Но тѣ данныя, которыя имѣются о пріѣхавшихъ,позволяютъ думать,что общее число донскихъ казаковъ, попавшихъ такими путями въ эмиграцію, приблизительно, около 500 чел. взрослаго мужскаго населенія. Такимъ образомъ взрослаго мужского населенія за предѣлы Россіи черезъ различныя границы выѣхало около 31500 чел. Примѣчаніе: въ это число входятъ почти всѣ юноши старше 17 лѣтъ т. к. почти всѣ они состояли въ войсковыхъ частяхъ и принимали участіе въ гражданской войнѣ и всегда шли въ счетъ взрослаго мужского населенія.

Начиная съ февраля 1921 года, подъ вліяніемъ тоски по родинѣ, тоски по семьѣ, неизвѣстнаго будущаго, тяжелыхъ условій жизни за рубежомъ и подъ вліяніемъ другихъ причинъ, казаки потянулись домой. Наибольшее ихъ число вернулось въ періодъ 1921-1924 года. Возвращеніе продолжалось и позднѣе, но ѣхали уже одиночки или мелкія группы. Всего на родину вернулось взрослаго мужского населенія около 23.000 чел. Цифра эта слагалась изъ слѣдующихъ данныхъ:

Годъ	Мѣсяцъ и число	Откуда	На какомъ пароходѣ	въ какой портъ	Общее число Чел.
1921	13. II	Изъ лагерей: Чилингиръ, Санджакъ-епе, Кабаджа и Хадемъ-Кіой			3300
»	»	Изъ Константинополя, его предмѣстій и острововъ			около 300
»	»	Съ острова Лемноса (изъ лагеря Дон. Корпуса 550 чел. и около 100 чел. изъ бѣженскаго лагеря).	«Решидъ-«Паша»	Новороссійскъ.	650
»	27. III	Съ острова Лемноса (изъ частей Дон. Корпуса 2739 чел. и изъ			
»	»	Изъ лагеря Кабаджа 480 чел. и изъ Константинопольскаго района около 100 чел.			580
»	14. VI	Съ Лемноса изъ частей Донского Корпуса 218 ч. бѣженцевъ около 800 чел. изъ Константинопольскаго района около 200	«Рашидъ-Паша»	Батумъ	1218
»	21. VII	Съ Лемноса 4 чел. и изъ Константинопольскаго района около 100 чел.	«Керасундъ»	Батумъ	104

А всего съ острова Лемноса, Константинопольскаго района и изъ лагерей въ Турціи въ 1921 году уѣхало 9891 чел.

За это время, по имѣющимся свѣдѣніямъ, Кубанскихъ казаковъ съ Лемноса въ С. С. С. Р. на тѣхъ же пароходахъ, что и Донцы, уѣхало 3270 чел

Въ 1922 г. до 17 мая, до официальной дѣятельности Союза Возвращенія на Родину изъ Болгаріи черезъ Варненскій, Бургасскій и Русенскій порты небольшими группами за свой страхъ и рискъ, нанимая небольшія парусныя и моторныя шхуны выѣхало около 1000 чел.

Съ момента официальной дѣятельности С. В.

на Р., организованнаго по инициативѣ Совѣтскаго Краснаго Креста въ Болгаріи, т. е. съ 17 мая 1922 ставителя Лиги Націй въ г. Варнѣ, выѣхали: года при помощи С. В. на Р. и при содѣйствіи пред-

1922	17. V	черезъ Варну. (всѣ выѣзжавшіе при помощи Совнарода ѣхали только черезъ Варненскій портъ)	Пароходъ	«Ловча»	въ Керчь	89 чел.
»	17. VI	»	»	«Альдо»	въ Новороссійскъ ..	250 »
»	17. VI	»	»	«Алла»	» ...	180 »
»	18. VII	»	Шхуна	«Жана»	» ...	21 »
»	19. VII	»	Пароходъ	«Варна»	» ...	385 »
»	26. VII	»	»	«Панэлотисъ»	» ...	198 »
»	1. VIII	»	»	«Каркисли»	» ...	68 »
»	5. VIII	»	»	«Анастасія»	въ Одессу	10 »
»	18. VIII	»	»	«Марія»	въ Новороссійскъ ..	180 »
»	22. VIII	»	Шхуна	«Тритонъ»	въ Одессу	20 »
»	2. IX	»	»	«Рахмановъ»	Новороссійскъ ...	100 »
»	10. IX	»	Пароходъ	«Кеквешъ»	» ...	301 »
»	10. IX	»	»	«Евтимія»	въ Одессу	14 »
»	2. X	»	»	«Анастасія»	» ...	30 »
»	6. X	»	»	«Апостолосъ»	Новороссійскъ ...	210 »
»	25. X	»	»	«Алла»	» ...	190 »
»	15. XI	»	»	«Артинецъ»	въ Одессу	34 »
»	10. XII	»	»	«Анна»	въ Одессу	100 »
»	27. XII	»	»	«Георгіусъ»	Севастополь	12 »

На послѣднемъ пароходѣ въ С. С. С. Р. выѣхали генералы Гравицкій и Секретевъ.

Всего при помощи Совнарода въ 1922 году Донскихъ казаковъ выѣхало 2392 чел. взрослаго мужского населенія за это же время и съ этими же пароходами Кубанскихъ казаковъ выѣхало 191 чел., и уроженцы разныхъ областей Россіи 1023 мужчинъ. Женщинъ всего 125 и дѣтей 67. А всего 3906 чел., причемъ за собственный счетъ 3582 чел. и попеченіемъ Совнарода 324 чел.

Въ 1923 при помощи Совнарода и при содѣйствіи представителя Лиги Націй

1923	4. I	»	Пароходъ	«Апостолосъ»	въ Одессу	140 чел.
»	22. I	»	»	«Фердинандъ»	Новороссійскъ ...	682 »
»	20. II	»	»	«Варна»	»	670 »
»	2. III	»	»	«Алла»	»	182 »
»	18. III	»	»	«Еттехадъ»	»	280 »
»	28. III	»	»	«Карвелпаркъ»	»	180 »
»	4. IV	»	»	«Кеквешъ»	»	340 »

«Кеквешъ» былъ послѣднимъ пароходомъ, отправленнымъ Союзомъ Возвращенія на Родину. После этого Совнародъ болгарскими властями былъ ликвидированъ. Всего при помощи «Совнарода» въ 1923 году въ С. С. С. Р. выѣхало 2474 чел. Столь значительное число выѣхавшихъ за такой короткій промежутокъ объясняется не только непосредственной дѣятельностью «Совнарода», но и тѣмъ, что для большинства вернувшихся и особенно для офицеровъ приманкой явились генералы Секретевъ и Гравицкій, а также выѣзжавшая въ началѣ года делегація С.-Х. Казачьяго Союза во главѣ съ полковникомъ Дудаковымъ и др. чл. Донского Войскового Круга.

За это же время Кубанскихъ казаковъ взрослаго мужского населенія выѣхало 1108 чел., уроженцевъ другихъ различныхъ областей Россіи 2241 чел. и женщинъ и дѣтей 670 чел., а всего за указанный выше періодъ выѣхало 5823 челов. взрослаго мужского населенія, а съ женщинами и дѣтьми — 6493 чел.

Послѣ ликвидаціи «Совнарода» распоряженіемъ Болгарскаго Правительства, какъ состоявшихъ въ Союзѣ возвращенія на родину къ іюлю мѣсяцу 1923 года было выслано въ С. С. С. Р. на совѣтскихъ пароходахъ: «Чичеринъ» 416 чел. Донскихъ казаковъ въ Одессу, на «Сергѣй Игнатьевъ» въ Одессу 632 чел. и на пароходѣ «Бугъ», присланномъ совѣтской властью за совѣтскимъ краснымъ крестомъ и за органами Союза Возвращенія на Родину, отправлено 220 чел., а всего на совѣтскихъ судахъ въ С. С. С. Р. Донскихъ казаковъ отправлено 1268 чел. Сколько же отправлено казаковъ другихъ Войскъ и уроженцевъ разныхъ областей Россіи свѣдѣній нѣтъ.

Съ іюля 1923 года по октябрь 1924 года при неоффиціальной помощи Болгарскихъ портовыхъ властей и при посредствѣ полковника Икаева, про котораго въ свое время полк. Грековъ, градоначальникъ Ростова, сказалъ: «онъ хоть и не юристъ, но дѣло понимаетъ» — и пароходныхъ конторъ Зоолоса и Констанидиса, на парусныхъ шхунахъ

«Орликъ», «Тритонъ», «Жана» и др., черезъ Константинополь и непосредственно въ Херсонъ выѣхало 560 чел. дон. казаковъ взросл. мужск. населенія.

При помощи Болгарскаго Правительства и представителя Лиги Націй въ Варнѣ, изъ лагеря репатріантовъ, въ которомъ Болгарскими властями были собраны всѣ состоявшіе въ Союзѣ Возвращенія на Родину въ Варненской бухтѣ въ С. С. С. Р. и отправлены:

1924	14. X	изъ Варны	на пароходѣ	«Карвелпаркъ»	въ Новороссійскъ	320 чел.
»	22. X	»	»	«Алла»	»	280 »

(пароходъ этотъ совѣтской властью принятъ не былъ и репатріанты возвратились въ Варну, гдѣ послѣ 2-хъ мѣсячнаго сидѣнія на пароходѣ были выгружены и часть изъ нихъ позднѣе уѣхала въ С.С.С.Р. другими путями, а часть распылилась по разнымъ странамъ).

1923	19. XI	»	»	«Еттехадъ»	въ Новороссійскъ	360 »
»	28. XI	»	на шхунѣ	«Тритонъ»	при содѣйствіи Полк. Икаева черезъ Константинополь .	62 »
»	2. XII	»	Пароходъ	«Анна»	черезъ Константинополь	82 »

А всего за этотъ промежутокъ времени выѣхало въ С. С. С. Р. 824 донца.

Отъѣзды въ С. С. С. Р. изъ Болгаріи были и послѣ 1924 года, но это были уже мелкія группы, или черезъ полпредства въ Константинополѣ и Афинахъ (чаще черезъ Афинское — полпредъ Потемкинъ), или непосредственно изъ Варны и Рущука въ Херсонъ рыбачьими лодками. Такимъ путемъ до января 1929 года выѣхало около 500 чел.

Кромѣ вышеприведенныхъ данныхъ, за періодъ 1921-1922 годы: изъ Польши и Германіи, изъ числа тѣхъ, которые оказались въ этихъ странахъ, послѣ заключенія Польско-Совѣтскаго міра въ С. С. С. Р. выѣхало около 1500 чел., оттуда же въ послѣдующіе годы менѣе значительными группами выѣхало свыше 500 чел.

Лѣтомъ 1923 года изъ Греціи въ Одессу выѣхало около 600 чел. Оттуда были отправки и раньше, но тогда эти отправки производились черезъ Варну въ Болгаріи и число ихъ внесено уже въ число выѣхавшихъ черезъ Варну въ 1921-1923 годы.

За періодъ 1922-1924 годы изъ Констинополя и его района мелкими группами на различныхъ судахъ и въ разные порты выѣхало около 500 человѣкъ.

Пунктомъ для репатріаціи русскихъ бѣженцевъ служило и вѣнское полпредство. До ликвидаціи Совнарода въ Болгаріи, черезъ него ѣхали главнымъ образомъ находившіеся въ Югославіи, Германіи, Польшѣ, Венгріи, Чехословакіи и Румыніи, но послѣ ликвидаціи Совнарода въ Болгаріи черезъ него ѣхали и проживающіе въ Болгаріи, а всего черезъ Вѣнское полпредство выѣхало около 1000 чел. донскихъ казаковъ взрослаго мужского населенія.

Съ образованіемъ Союза Возвращенія на Родину во Франціи, черезъ его посредство, главнымъ образомъ, изъ числа проживающихъ во Франціи, выѣхало около 1000 чел. донскихъ казаковъ.

Возвращались на родину донскіе казаки и изъ другихъ странъ самыми различными путями и способами, вплоть до пѣшаго хожденія (этотъ способъ имѣлъ мѣсто въ Персіи, Турціи, Румыніи и Китаѣ). Сколько всего вернулось на родину изъ другихъ странъ, свѣдѣній нѣтъ, но приблизительно можно считать въ 200-300 человѣкъ взрослаго мужского населенія.

Такимъ образомъ къ 1935 году зарубежомъ донскихъ казаковъ взрослаго мужского населенія оказалось до 8500 чел.

Число дѣтей, выросшихъ въ эмиграціи общаго числа взрослаго мужского населенія за рубежомъ едва ли увеличило, т. к. число дѣтей превратившихся за рубежомъ въ совершеннолѣтнихъ донскихъ казаковъ вѣроятно съ избыткомъ покрыто умершими въ эмиграціи и число ихъ не списано съ общаго числа казаковъ эмигрантовъ. Числа казаковъ взрослаго мужского населенія, умершаго въ эмиграціи точно не извѣстно, но изъ того, что въ каждомъ мало мальски крупномъ центрѣ казачьяго поселенія ежегодно умираетъ 1-2 чел. взрослаго мужского населенія и принимая во вниманіе 15-лѣтнее пребываніе за рубежомъ, общее число умершихъ вѣроятно превыситъ 2000 чел., тогда какъ числа дѣтей обоего пола вывезенныхъ за рубежъ при эвакуаціяхъ едва ли превышаетъ эту цифру.

Въ настоящее время число казачекъ и дѣтей всѣхъ возрастовъ, по отношенію къ числу женщинъ и дѣтей, вывезенныхъ съ Дона,во много разъ увеличилось, съ одной стороны, за счетъ семей казаковъ, пріѣхавшихъ за границу изъ С. С. С. Р., послѣ 1921 года, и, съ другой стороны, за счетъ женившихся за границей. Въ настоящее время число женщинъ и дѣтей, если, можетъ быть, и не превышаетъ числа взрослаго мужского населенія, то во всякомъ случаѣ близко къ этому числу.

Донскіе казаки, оставшіеся за рубежомъ долгое время переѣзжали изъ страны въ страну, но въ настоящее время, когда всѣ страны охвачены экономическимъ кризисомъ и во всѣхъ странахъ имѣ-

ется значительное число безработныхъ, казаки принуждены сидѣть по тѣмъ странамъ своего разселенія гдѣ ихъ захватилъ экономическій кризисъ. Въ настоящее время въ поискахъ тѣхъ же лучшихъ условій жизни въ теченіи послѣдняго года наблюдается большая тяга въ заокеанскія страны и особенно въ Парагвай, куда уже уѣхало 200-250 чел. и совсѣмъ недавно началась тяга въ Манчжурію, куда пока что удалось уѣхать только единицамъ, а казаки-калмыки послали туда своихъ ходоковъ для обслѣдованія положенія на мѣстѣ для массового переселенія въ Монголію.

Донскіе казаки, пребывающіе за рубежомъ, въ большинствѣ своемъ входятъ въ различныя Донскія и общеказачьи организаціи, которыхъ за рубежомъ къ 1935 года насчитывалось около 300 станицъ, хуторовъ, группъ и организацій др. наименованій.

По странамъ Донскіе казаки распредѣляются приблизительно такъ:

Францiя	отъ	2500	до	3000	чел.
Югославія	»	1000	»	1500	»
Польша	»	400	»	600	»
Америка	»	200	»	300	»
Грецiя	»	150	»	200	»
Болгарія	отъ	1500	до	2000	»
Чехословакія	»	500	»	600	»
Германія	»	150	»	200	»
Дал. востокъ	»	30	»	50	»
Венгрія и Австрія	отъ	100	до	130	»

Парагвай отъ 200 до 250 чел., Англія, Финляндія, Литва, Эстонія и Латвія до 50 чел., Италія, Испанія и Португалія до 30 чел. Бельгія и Люксембургъ свыше 100 чел.; въ колоніяхъ разныхъ странъ до 300 чел. и въ другихъ странахъ до 300 чел.

А. Падалкинъ.

*) Для составленія настоящаго очерка использованы матеріалы:

1) Сборникъ «Казаки въ Чаталджѣ и на Лемносѣ въ 1920-1921 г. г.», изданіе Донской Исторической Комиссіи за 1924 годъ.

2) Информаціонныя сводки Особаго Отдѣла Пропаганды В. С. на Ю. Р. отдѣленія при штабѣ Донарміи.

3) Информаціонныя сводки Политическаго Отдѣла Пропаганды В. С. на Ю. Р. отдѣленія при штабѣ Донарміи.

3) Информаціонныя сводки Политическаго Отдѣла Южнорусскаго Правительства Отдѣленія при штабѣ Донарміи.

4) Информаціонныя сводки Политическаго Отдѣла штаба главнокомандующаго Русской Арміи отдѣленія при штабѣ Донарміи и при штабѣ Донского Отдѣльнаго Корпуса въ Крыму.

5) Информаціонныя сводки Управленія 2-го Штабъ Офицера для порученій штаба Донского Корпуса въ Крыму по отдѣлу состоящаго въ распоряженіи Генералъ Квартирмейстера штаба Главнокомандующаго Русской Арміей; 2-го Штабъ Офицера для порученій при Оберъ Квартирмейстерѣ отдѣла Генеральнаго штаба военнаго управленія.

6) Информаціонныя сводки Информаціоннаго Отдѣла Р. А. отдѣленія при штабѣ Донского Корпуса въ періодъ пребыванія его въ районѣ Чаталджи и на островѣ Лемносѣ.

7) Информаціонныя сводки Ю. Р. Т. А. штаба Главнокомандующаго Русской Арміей Гражданскаго Управленія отдѣленія въ Сѣверной Тавріи.

8) Регистраціонныя книги отъѣзжающихъ въ С. С. С. Р. «Союза Возвращенія на Родину» въ Болгаріи за періодъ 1922-1923 годы.

9) Донесенія Представителя Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека въ гор. Варнѣ (Болгарія) Завѣдующему Бѣженскимъ Отдѣломъ Донского Правительства.

10) Агентурныя донесенія Информаціоннаго Отдѣла при штабѣ Донкорпуса за періодъ съ 1923 по 1926 годы.

11) Частныя письма со всѣхъ странъ казачьяго разсѣянія автору настоящаго очерка.

12) Матеріалы Комиссіи по созыву Общеказачьяго Съѣзда.

13) Матеріалы Комиссіи по выборамъ Донского Атамана.

14) Разная зарубежная казачья печать.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ оказывается безвозмездно студентамъ - казакамъ почетнымъ старикомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5 до 7 час. вечера на 122 бульваръ Мюратъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ при станицѣ подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго М. А. Адамова безвозмездно обслуживаетъ станичниковъ. Пріемъ ежедневно отъ 6 час. 30 мин. вечера до 8 час. веч. на рю де ла Конвансьонъ, ном. 85.

Кубанскій Курень

Представителемъ Кубанскаго Войскового Атамана на Францію, г.-м. Малышенко, совмѣстно со всѣми организаціями Кубанцевъ въ Парижѣ, открытъ въ собственномъ помѣщеніи, 22 сентября с. г., «Кубанскій Курень», на 91, рю Лекурбъ.

Въ тотъ же день состоялось освященіе иконы Покрова Пресвятой Богородицы, сооруженной стараніемъ и жертвенностью казаковъ ст. Каневской.

Самъ «Курень» предназначается для того, чтобы сосредоточить всю Кубанскую жизнь въ Парижѣ, какъ общественную, такъ и духовную. Это, такъ сказать, «центральный кубанскій адресъ», куда всякій кубанецъ можетъ и долженъ обратиться, если онъ ищетъ болѣе тѣснаго общенія со своими собратьями.

Въ «Куренѣ» будутъ происходить собранія кубанцевъ, а равнымъ образомъ и отдѣльныхъ кубанскихъ организацій. Тамъ же намѣчается устройство ряда лекцій и докладовъ о Кубанскомъ войскѣ, вообще о казачествѣ и по другимъ могущимъ насъ интересовать вопросамъ. Желательно поэтому, конечно, найти возможность устройства нѣкотораго рода «отдѣла архива» для собиранія свѣдѣній о жизни кубанцевъ во Франціи въ настоящее время, воспоминанія о доблестныхъ подвигахъ Кубанцевъ въ минувшія, Великую и Гражданскую войны (причемъ изложеніемъ просятъ не стѣсняться, какъ кто сможетъ, такъ пусть и пишетъ); особенно же цѣнно собрать кубанскія пѣсни, какъ черноморскія, такъ и линейныя или уже сложенныя за рубежомъ. Весь этотъ матерьялъ направлять д-ру В. Д. Синеокову (91, rue Lecourbe, Paris 15), и если представится возможность, матерьялъ будетъ напечатанъ, а не представится, такъ будетъ пересланъ своевременно въ Общій Воинскій Архивъ.

Дѣятельностью «Куреня» будетъ руководить Представитель Кубанскаго Войскового Атамана при содѣйствіи нѣкоего рода Правленія, составленнаго изъ. атамана кубанской станицы Н. И. Іовича и представителя станицы В. Д. Синеокова, предсѣдателя кассы взаимопомощи П. М. Гладкова и представителя отъ кассы Г. М. Сокола и предсѣдателя Общества Ревнителей Кубани В. А. Федорова.

Помимо сосредоточія кубанской жизни въ Парижѣ, «Курень» нашъ долженъ послужить началомъ объединенія всѣхъ кубанцевъ во Франціи, вокругъ Представителя Войскового Атамана. Давно уже зародилась мысль о такомъ общемъ объединеніи, о Союзѣ Кубанцевъ во Франціи. О его пользѣ двухъ мнѣній быть не можетъ, особенно въ теперешнее трудное время, хотя бы ужъ только для того, чтобы наладить связь между всѣми Кубанцами, столь разрозненными и живущими замкнутой жизнью.

Очень распространенное и весьма ошибочное мнѣніе, что всякаго рода объединенія ничего не могутъ дать, сильно вредитъ всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности. При существующей разрозненности ничего нельзя сдѣлать, да даже и приступить нельзя. Одно дѣло — говорить отъ имени 10-20 человѣкъ, другое отъ 100-200, а третье отъ 700-1000. Въ послѣднемъ случаѣ и возможности эти самыя какъ-то сами собою представляются, и двери шире раскрываются, и уши внимательнѣй прислушиваются.

Послѣдніе годы пошла «кружковщина», — замыканіе въ маленькіе свои кружки по 2-3 десятка человѣкъ. Конечно, сговориться легче. Съ одной стороны это хорошо: подобные кружки могутъ служить основой для болѣе широкаго объединенія. Кружки (единицы) соединяются въ областныя Войсковыя Объединенія — Отдѣлы по странамъ; Отдѣлы — въ Войска, и, наконецъ, Войска, во главѣ съ Войсковыми Атаманами, въ общій Союзъ Казачьихъ Войскъ.

В. Синеоковъ.

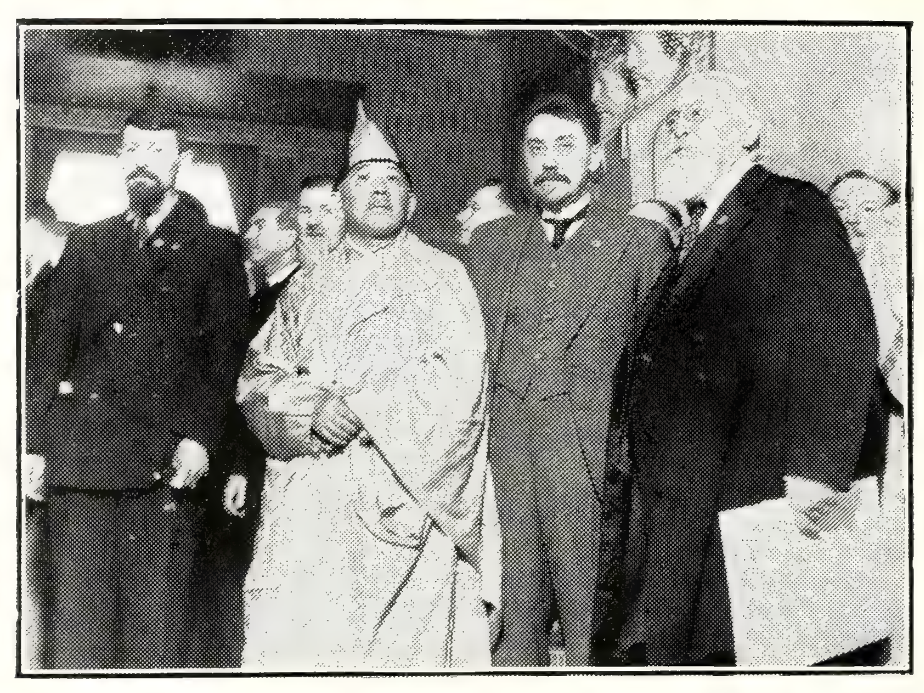
ОТЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦІИ «СТАНИЦЫ».

Ко всѣмъ предсѣдателямъ казачьихъ зарубежныхъ организацій редакція обращается съ просьбой о присылкѣ информацій для помѣщенія въ хроникѣ журнала о жизни и дѣятельности казачьихъ колоній къ послѣднимъ числамъ сентября, декабря, марта и іюня.

Контора «Станицы» проситъ всѣхъ получающихъ «Станицу» какъ для распространенія въ нѣсколькихъ экземплярахъ, такъ и отдѣльныхъ читателей, произвести расчетъ за полученные ими номера журнала. Стоимость журнала 2 франка. Подписка на годъ — 8 фр.

Адресъ для писемъ и денежныхъ переводовъ:
Mr Gousseff; 7, rue Jobbé-Duval; Paris (15):

4 августа 1935 г.

На церемоніи провозглашенія Донского Атамана. — Справа — налѣво: **И. Н. Ефремовъ, д-ръ И. С. Чекуновъ** (почетный старикъ нашей станицы), **представитель казаковъ-калмыковъ бакша Нимбушовъ и представитель казаковъ-старообрядцевъ Ф. Родинъ.**

Книжная полка

— **«Атаманскій Вѣстникъ»,** органъ Донского Атамана, № 1. Парижъ, 1935 г.

Въ первомъ номерѣ помѣщено подробное описаніе церемоніала врученія гр. М. Н. Граббе атаманской власти и приведена полностью грамота объ избраніи, подписанная предсѣдателемъ комиссіи по выборамъ И. Н. Ефремовымъ и всѣми членами комиссіи по выборамъ. Номеръ открывается первымъ обращеніемъ новаго Атамана къ донцамъ.

Въ ближайшіе дни выходитъ изъ печати сборникъ, посвященный памяти Донского Атамана ген. А. П. Богаевскаго, издаваемый Комиссіей по увѣковѣченію памяти покойнаго, подъ редакціей ген.-лейт. А. В. Черячукина. Стоимость сборника 10 фр.

— Въ концѣ этого года выходитъ новый романъ ген. П. Н. Краснова — **«Домой»** («На льготу»), въ изданіи Е. Сіяльской.

Въ романѣ описывается жизнь донскихъ казаковъ въ полкахъ и въ станицахъ до войны, возвращеніе служивыхъ домой, гдѣ и происходитъ самое дѣйствіе романа. Въ книгѣ будетъ около 250 страницъ. Въ ноябрѣ будетъ объявлена предварительная подписка на эту книгу по цѣнѣ болѣе низкой, чѣмъ это будетъ назначено послѣ выхода книги. Безплатныя справки о подписной цѣнѣ и объ условіяхъ подписки, по требованіямъ, начиная съ 15 ноября, будетъ выдавать и разсылать книжная экспедиція при газетѣ «Русскій Инвалидъ».

— Штабомъ Донского Корпуса издана брошюра «Казаки за границей», посвященная пребыванію Донского Атамана гр. М. Н. Граббе въ Болгаріи съ подробнымъ описаніемъ его посѣщенія Софіи и др. болг. городовъ, гдѣ имѣются казачьи организаціи.

Владиміръ СИНЕОКОВЪ.

Докторъ Государствен. Наукъ.

О чемъ пѣли казаки

(Продолженіе).

Въ любовныхъ пѣсняхъ открывается подлинный міръ творчества народной души. Въ нихъ, т. е. въ ихъ ладѣ (напѣвѣ) и складѣ (сложеніи) сказывается вся глубина сердечныхъ переживаній и способность художественнаго выраженія этихъ переживаній. Поэтому судить о любовныхъ пѣсняхъ только по ихъ содержанію, безъ музыки, это то же, что судить о картинѣ по наброску съ нея карандашемъ. Безъ напѣва, а только въ однихъ словахъ, пѣсня теряетъ три-четверти своей художественности. Ибо оттѣнки нѣжныхъ чувствъ передаются лучше звуками, чѣмъ словами, и не только вообще звуками, а именно звуками человѣческаго голоса. Недаромъ французы говорятъ, что, собственно, отъ звука зависитъ даже значеніе слова — «C'est le ton qui fai la musique»:

Начнемъ со старыхъ пѣсенъ, занесенныхъ на Донъ, въ которыхъ изливается женская любовь, то въ ожиданіи, а то осчастливленная·

«Ленъ мой, ленъ мой при горѣ
Ленъ мой, ленъ мой при крутой.
Ужъ я сѣяла, сѣяла ленъ,
Я сѣяла, приговаривала:
«Ты удайся, удайся, мой ленъ,
Ты удайся, ленокъ бѣленькій,
Полюбися, дружокъ миленькій».

Потомъ и полола ленъ, и рвала его, и вязала, что бы ни дѣлала, а приговаривала одно и то же, до того у нея эта мысль засѣла въ головѣ:

«Ты удайся, ленокъ бѣленькій,
Полюбися, дружокъ миленькій».
«Я вечеръ, млада, во пиру была,
Во пиру была, во бесѣдушкѣ,
Ни у батюшки, ни у матушки,
Я была въ гостяхъ у мила дружка».

Чудно время провела, пила сладку водочку, но настроеніе было великолѣпное:

«Я и лѣсомъ шла, не боялася,
Я и полемъ шла, не шаталася».

Любовь слѣпа — «не по хорошему милъ, а по милому хорошъ». Поэтому милѣй «милаго дружка» на свѣтѣ нѣтъ. И насколько «полынь травушка» горька, настолько сладокъ «милъ дружокъ»:

«Ой да, что горька-то, горька
Въ полѣ полынь травушка,
Горче ея изъ травы нѣту.
Ой да, что милѣй-то, милѣй
Дружка маво милова,
Милѣй его въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ».

Онъ оказывается, милѣй отца, и матери, и всѣхъ родныхъ.

«Одна я бабеночка
Спала въ горенкѣ на лавочкѣ,
Ой да, какъ ждала къ себѣ
Сваво дружка милаво».

Милый пришелъ и стучитъ въ окошко:

«Пришелъ ни воръ, ни разбойничекъ,
Ой да, я пришелъ-то къ тебѣ,
Да, твой полюбовничекъ,
Пришелъ милую провѣдать».

Но любовь недолговѣчна, особенно мужская:

«Гуляла младешенька по дворочку,
Наколола ножку на дремочку.
Болитъ, болитъ ноженька, да не больно.
Любилъ меня миленькій, да не долго».

Любилъ онъ всего три года и три дня. Уѣхалъ онъ въ городъ, а дѣвица пошла за нимъ вслѣдъ. Но дорогой устала и уснула. Не успѣла она отдохнуть, какъ ужъ молодой казакъ, ѣхавшій по дорогѣ, изливаетъ передъ ней свои чувства.

«Вставай, вставай, дѣвочка, поскорѣе,
Говори словечко поживѣе».

Зачастую состраданіе и жалость замѣняютъ у женщины настоящее чувство любви:

«Пошли наши подружки
Въ лѣсъ по ягоды гулять.
По черную черничку,
По ягоду земляничку.
Онѣ ягодъ не нарвали,
Лишь подружку потеряли;
Любимую подружку —
Катеринушку-милушку».

Пошли ее искать и нашли въ кустѣ калины на кровати, на перинѣ, а передъ ней:

«Иванушка сиротинка
Проситъ душу Катерину: —
Если любишь, скажи,
Подъ вѣнецъ со мной иди.
— Любить — не люблю,
Отказать не могу».

Но не всегда встрѣчаетъ взаимность молодой казакъ въ своихъ нѣжныхъ чувствахъ. За ненадобностью ихъ отклоняютъ подъ благовиднымъ предлогомъ:

«Близко Дона, близко Дона,
Близко Тихаго Дуная
Молодецъ казакъ гуляетъ,
Табунъ коней загоняетъ.

Повстрѣчалась молодица,
Раскрасавица дѣвица.
— Раскрасавица дѣвица,
Пособи коней загнать.
— Я бы рада-пособила,
Буйный вѣтеръ въ лицо бьетъ,
Частымъ дождикомъ сѣчетъ».

Какъ и во всѣхъ своихъ чувствахъ, казакъ несокрушимъ въ искренней и нѣжной любви своей и, умирая на далекомъ сѣверѣ, мыслитъ онъ только «о милой казачкѣ», которую оставилъ на Дону. И напрасное, болѣзненно-напряженное ожиданіе казачки, и безконечно-грустное, но скромное послѣднее желаніе умирающаго казака ярко выражаетъ донская пѣсня, относящаяся къ шведской войнѣ 1707 г., но, несомнѣнно, подвергшаяся художественной обработкѣ:

Поѣхалъ казакъ на чужбину далеко,
На быстромъ конѣ онъ своемъ ворономъ,
Свою онъ отчизну на вѣки покинулъ,
Ему не вернуться въ родительскій домъ.
Напрасно казачка его молодая
И утро, и вечеръ на сѣверъ глядитъ,
И ждетъ, поджидаетъ, съ полночнаго края,
Когда ея милый казакъ прилетитъ.
Ахъ, тамъ за горами, гдѣ вьются метели,
Гдѣ страшны зимою морозы трещатъ,
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны, и ели, —
Казацкія кости подъ снѣгомъ лежатъ.
Казакъ, умирая, просилъ, умоляя,
Насыпать курганикъ ему въ головахъ.
И пусть на курганѣ калина родная
Цвѣтетъ и красуется въ яркихъ цвѣтахъ!
Пусть вольная пташка, сидя на калинѣ,
Порой прощебечетъ-ли вѣсточку мнѣ;
Мнѣ, бѣдному, вѣсть-ли въ холодной могилѣ,
О милой казачкѣ, родной сторонѣ».

Старинная по своему складу пѣсня, даже былиннаго построенія, являетъ собой, по нашему мнѣнію, наилучшій образецъ народнаго творчества въ области сердечныхъ переживаній. Ласковыя, задушевныя слова, нѣжныя выраженія, плавность и гибкость стихосложенія вполнѣ точно и ясно передаютъ настроеніе надгробной тоски молодого казака, оплакивающаго свою «лебедушку»:

«Ахъ! ты грушица,
Ты кудрявая.
Ты кудрявая,
Кучерявая.
Ты когда взошла,
Когда выросла?
Ты когда цвѣла,
Когда вызрѣла?
Я весной взошла,
Лѣтомъ выросла,
Я зарей цвѣла,
Въ полдень вызрѣла.
Какъ подъ грушицею,
Подъ кудрявою,
Что не макъ цвѣтетъ,
Не трава растетъ,
Не трава растетъ,
Не огонь горитъ, —
Не огонь горитъ, —
Ретиво сердце,
Ретиво сердце,
Молодецкое.
Ахъ! горитъ, горитъ,
Какъ смола кипитъ,
«По душѣ-ль душѣ,
По лебедушкѣ,
По лебедушкѣ,
По голубушкѣ,
По голубушкѣ,
Красной дѣвицѣ.
На зарѣ-ль, зарѣ,
Зарѣ утренней,
При восходѣ-ли
Свѣтла солнышка,
Не простившися
Съ отцомъ, съ матерью,
Не видавшися
Съ добрымъ молодцемъ,
Жизнь оставила!
Умерла она!
— Ужъ и дайте мнѣ
Вы въ послѣдній разъ
Распрощатися
Съ моей милою,
Съ моей милою,
Душей дѣвицей.
Окропивъ ее
Горючей слезой,
Я, вздохнувъ, умру
Подлѣ ней тогда».

При отсутствіи взаимности не утѣшаетъ, а скорѣе раздражаетъ настойчивое вниманіе «казака кудряваго»:

«Распосѣю свое горе
По чистому полю·
Уродися, мое горе
Ни рожь, ни пшеница, —
Трава муровая
Съ алыми цвѣтами.
Не ходи, казакъ кудрявый,
Мимо мово саду,
Не топчи, казакъ кудрявый,
Ты мою посаду.
Не для тебя я садила,
Да и поливала,
Я садила, поливала,
Сердце надрывала, —
Дружка проклинала».

Тоскуетъ и изнываетъ дѣвица въ разлукѣ съ милымъ:

«Снѣги бѣлые пушисты
Ужъ покрыли поле все;
Лишь одно они не скрыли
Горе лютое мое.
Какъ кусточекъ среди поля
Одинехонекъ стоитъ, —
Такъ безъ милаго я друга
Здѣсь тоскую все одна».

Выйдетъ дѣвица на бугорокъ, сядетъ на пенекъ, и стонетъ, и плачетъ, глядя въ ту сторону, куда уѣхалъ ея милый. Слезы ея все смоютъ и снѣгъ растопятъ, но:

«Слезы льются, а не смоютъ
Горя сердца моего».

Поэтому влюбленная дѣвица разлукѣ предпочитаетъ, чтобы казакъ взялъ ее съ собой, когда пойдетъ на службу:

Дѣвушка крапивушку жала,
— Жала я, не много нажала.
Милый мой, мой милый дружочекъ,
Слышала про твое несчастье,
Будто-бы на службу гонютъ?
Милый мой, возьми меня съ собой,
Назови родною сестрой».

Оказывается, у дѣвицы сердце мягче и сговорчивѣе, чѣмъ у казака. Нѣжное дѣвичье сердце долгой размолвки не переноситъ:

«Молодка, молодка молодая,
Казачка, казачка удалая.
Ужъ полно по улицѣ ходити,
Ахъ! полно по миленькомъ тужити.
— Какъ же мнѣ по миломъ не тужити,
Такова, другова не нажити».

Какъ примириться, она не знаетъ, а казакъ не идетъ на примиреніе первый:

«Самой примириться не годится,
Людей засылати мнѣ не кстати».

Наконецъ, не выдерживаетъ и рѣшаетъ:

«Дождусь я, млада, темной ночи,
Сама я къ милому побываю».

Плясовая пѣсня, такъ мастерски исполняемая хоромъ Жарова, — этимъ современнымъ носителемъ и распространителемъ нашего народнаго голосового искусства, — выражаетъ ожиданіе дѣвицей молодого казака. Но по ладу (напѣву) нельзя судить, чтобы она очень печалилась, она, скорѣе, обращается къ нему вызывающе:

Посѣяла казачка лебеду на берегу. Лебеда погорѣла безъ воды; послала казака по воду, — нѣтъ ни воды, ни самого казака:

«Кабы мнѣ, младѣ, ворона коня,
Кабы мнѣ, младѣ, ворона коня,
Я бы вольная казачка была,
Я бы вольная, молоденькая».

Скакала бы и плясала съ «донскимъ съ молодымъ казакомъ». Но молодой казакъ не спѣшитъ вернуться:

«Раздушечка, казакъ молодой,
Раздушечка, казакъ молодой,
Что не ходишь, что не жалуешь ко мнѣ?
Что не ходишь, что не жалуешь ко мнѣ?
Безъ тебя-ли, другъ, постеля холодна».

Въ своей боевой жизни казакъ не можетъ долго тѣшиться со своей милой даже при рѣдкихъ встрѣчахъ. И сѣтованіе молодки на случайность и кратковременность свиданій вполнѣ справедливо рисуетъ семейную казачью жизнь:

«Трава моя, травушка,
Трава зеленая.
Я по тебѣ хожу,
Да не нахожуся.
Кого вѣрно люблю,
Того здѣсь нѣтъ.
Люблю я, люблю,
Да живетъ далеко.
Толичка пріѣхалъ,
Опять уѣзжаетъ,
А меня, дѣвчоночку,
Одну оставляетъ.
Одна остаюся,
Ночевать боюся.
Заночуй, урядничекъ,
Хоть одну ты ночку».

Урядникъ, какъ и понятно, радъ остаться, да боится проспать; и, не смотря, на обѣщаніе рано встать самой, молодка проспала и во время не разбудила:

«Всѣ мои товарищи
Коней посѣдлали,
Коней посѣдлали,
Со двора посъѣзжали».

Это краткое изложеніе только того, «О чемъ пѣли казаки» ни въ коемъ случаѣ не можетъ передать всей глубины и богатства народнаго творчества Донскихъ казаковъ. Для полной его передачи, т. е. передачи народнаго творчества въ пѣснѣ, необходимо произвести эту передачу въ ладахъ (напѣвахъ). При сліяніи словъ пѣсни съ ея музыкой только и можно получить настоящее представленіе о душевныхъ переживаніяхъ того, кто сотворилъ эту пѣсню.

Но и только за одно содержаніе пѣсенъ обратимся съ признательностью къ Донцамъ словами ихъ же пѣсни:

«Много лѣтъ Войску Донскому,
Много лѣтъ нашимъ Донцамъ.
Войсковому Атаману,
Всѣмъ станицамъ и полкамъ».

Владимиръ Синеоковъ,
докторъ госуд. наукъ.

ВЪ СУББОТУ 9-го НОЯБРЯ 1935 г., въ 9 час. 30 мин. веч.

въ роскошныхъ залахъ празднествъ мэрiи 5-го Аррондисм. (пласъ Пантеонъ, метро Клюни)

СОСТОИТСЯ

Казачiй Концертъ-Балъ

устраиваемый Парижской Студенческой казачьей станицей въ пользу студентовъ-казаковъ

ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ДОНСКОГО АТАМАНА

графа М. Н. ГРАББЕ

КОНЦЕРТНОЕ ОТДѢЛЕНIЕ съ выступленiемъ лучшихъ русскихъ артистическихъ силъ Парижа подъ руководствомъ и при участiи Артиста Русской Оперы Донского казака *В. И. БРАМИНОВА.*

ТАНЦЫ ДО УТРА подъ первоклассный джазъ (русскiй оркестръ съ французскаго океанскаго парахода).

ДОСТУПНЫЙ БУФЕТЪ организованный Кубанцемъ *ГОЛОВКО.*

БОЛЬШАЯ ЛОТТЕРЕЯ съ цѣнными выигрышами.

ВЪ КАБАРЭ:

МУРАТЪ ТУАЕВЪ, исполнитель нацiональнаго танца Кавказскихъ горцевъ — лезгинки, подъ аккомпаниментъ двухъ таристовъ.

Входные билеты по 10 фр. и по 6 фр. (для дамъ) продаются у всѣхъ членовъ станицы, въ «Возрожденiи», въ книжн. магазинѣ Е. Сiяльской, (рю Дарю) въ ресторанѣ «Татьяна» (29 бисъ рю Траверсье, Бiйанкуръ) и у С. В. Болдырева (5, рю Бюффонъ, Аньеръ).

Въ субботу 9-го ноября — ВСѢ НА БАЛЪ ВЪ МЭРIЮ пятаго Аррондисм.
Въ субботу 9-го ноября — ПЕРВЫЙ БАЛЪ ВЪ ЭТОМЪ СЕЗОНѢ.
Въ субботу 9-го ноября казаки ВСѢХЪ ВОЙСКЪ и ИХЪ друзья ВСТРѢЧАЮТСЯ
НА БАЛУ У СТУДЕНТОВЪ-КАЗАКОВЪ въ залахъ мэрiи пятаго Аррондисмана.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris XIIIe. **Le Gérant : Ch. Quénet.**

Генералъ В. Г. НАУМЕНКО.
Войсковой Атаманъ Кубанскаго Казачьяго Войска.

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

« STANITZA » 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15e).

№ 17 **ЯНВАРЬ 1936 г.** **Годъ изданія 5-й**

Генеральнаго штаба Генералъ Маіоръ Вячеславъ Григорьевичъ Науменко

КЪ ИСПОЛНИВШЕМУСЯ 17 ДЕКАБРЯ ПРОШЛАГО ГОДА 15-ЛѢТІЮ ПРЕБЫВАНІЯ НА ПОСТУ ВОЙСКОВОГО АТАМАНА КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

Къ исполнившемуся 17 декабря прошлаго года 15-лѣтію пребыванія на посту Войскового Атамана Кубанскаго Казачьяго Войска.

На каменистомъ островѣ Лемносѣ, вдали отъ родины, оставшіеся безъ своего выборнаго Атамана кубанцы собрали находившихся на островѣ членовъ Рады, представителей воинскихъ частей и представителей бѣженцевъ для того, чтобы выбрать нового Войскового Атамана.

4 декабря (по ст. ст.) 1920 года выборъ палъ на ген. шт. генералъ-маіора В. Г. Науменко.

**
*

Вячеславъ Григорьевичъ родился въ 1883 г. въ станицѣ Полтавской Кубанской Области. Окончивъ Воронежскій кадетскій корпусъ, поступаетъ въ Николаевское кавалерійское училище, откуда, произведенный въ 1-й офицерскій чинъ, выходитъ въ 1-й Полтавскій полкъ Кубанскаго Казачьяго Войска.

По окончаніи въ 1909 году Академіи Генеральнаго Штаба причисляется къ Ген. Штабу, на службѣ котораго и проводитъ всю великую войну.

Съ начала гражданской войны В. Г. принимаетъ самое дѣятельное въ ней участіе, исполняя последовательно обязанности Н-ка Штаба отряда Кубанскаго Правительства, затѣмъ по соединеніи Отряда съ Добровольческой Арміей, командуя Корниловскимъ Кубанскимъ коннымъ полкомъ, бригадой и т. д.

Позже В. Г. занялъ постъ члена Кубанскаго Правительства по военнымъ дѣламъ, а послѣдній періодъ войны на Кубани провелъ въ должности начальника дивизіи и командующаго корпусомъ.

Въ Крыму — командованіе регулярной кавалерійской дивизіей, а затѣмъ послѣ смерти ген. Бабіева, В. Г. сталъ во главѣ коннаго корпуса, съ которымъ и покинулъ родную землю.

Многолѣтняя служба Кубанскаго казака ген. В. Г. Науменко Россіи и родному Войску красной нитью проходитъ въ спокойной мудрости, личной храбрости, дѣйственно проявляемаго сознанія своего долга воина и гражданина.

Здѣсь, на чужбинѣ, безъ казны и реальной власти, въ невѣроятно трудныхъ и безпримѣрныхъ въ исторіи условіяхъ, стойко отстаиваетъ В. Г. честь и достоинство Кубанскаго Казачества. Изъ гостепріимной братской Югославіи, гдѣ около Войсковыхъ регалій, полковыхъ и батальонныхъ знаменъ вѣрными часовыми стоятъ представители кадровъ кубанскихъ войсковыхъ частей, поддерживаетъ Атаманъ тѣсную связь со своими Кубанцами, разсѣянными по всему міру, дѣлящимися съ нимъ своими думами, горемъ, сомнѣніями, спрашивающими помощи и совѣта.

**
*

Тяжкій подвигъ честнаго и безкорыстнаго служенія Родинѣ, Всероссійскому Казачеству и своему родному Кубанскому Войску продолжается В. Г. Науменко вотъ уже шестнадцатый годъ.

Оставимъ историкамъ вполнѣ оцѣнить этотъ подвигъ, а мы вознесемъ ко Всевышнему наши горячія молитвы о дарованіи здравія на многія лѣта нашему Атаману и счастливаго завершенія его трудовъ возвращеніемъ, возглавляя своихъ казаковъ, на родную Кубань.

Кубанецъ.

Войсковой Праздникъ Калединской Казачьей Станицы въ городѣ Крезо

Наступилъ октябрь... Заволновалась Калединская станица въ городѣ Крезо. Въ каждой казачьей семьѣ спѣшка и волненіе: шьютъ спѣшно бѣлыя рубахи для дѣтей-казачатъ, пригоняютъ къ нимъ погоны. Тамъ пришиваютъ лампасы къ дѣтскимъ шганишкамъ, дѣлаютъ домашнимъ порядкомъ казачьи фуражки, кокарды... Готовятся и другіе костюмы для живой картины «Россія» и для сцены: малороссійскій, цыганскій, черкесскій. Всѣ мамаши заняты и озабочены, какъ бы получше снарядить своего сынка или дочь, и хлопочатъ безъ конца. А волненіе въ станицѣ идетъ не напрасно: въ этомъ году станичный сборъ по предложенію Атамана станицы полковника И. А. Захарова постановилъ въ день Войскового праздника устроить въ станицѣ дѣтскій спектакль, а по окончаніи спектакля — станичную хлѣбъ-соль...

Атаманша Н. А. Захарова сравнительно за короткое время, приложивъ энергію и не жалѣя времени, обучила дѣтей пѣснямъ и подготовила ихъ къ предстоящему выступленію на сценѣ...

Заблаговременно привели фабричный баракъ, именуемый «Русскимъ Домомъ», въ праздничный видъ: подновили сцену, обклеили обоями, украсили баракъ внутри зеленью, любезно предоставленной администраціей завода; все вымели, вычистили...

Наступилъ день 27-го октября. Въ этотъ день станица празднуетъ Войсковой праздникъ.

Утромъ, отслуживъ въ церкви молебенъ, съ провозглашеніемъ «Вѣчной Памяти» Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ, Е.И.В. Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Алексѣю Николаевичу, всѣмъ Атаманамъ, Вождямъ и всѣмъ казакамъ, погибшимъ на полѣ брани, убіеннымъ и замученнымъ, скончавшимся на чужбинѣ и на родинѣ. Кончился молебенъ. Приложившись ко Кресту, казаки поздравили тутъ же другъ друга съ праздникомъ и разошлись по домамъ, чтобы къ 2 1/2 часамъ дня собраться для общей встрѣчи праздника со своими семьями...

Въ 2 ч. 45 м. всѣ были уже въ сборѣ. Въ этомъ году, впервые за долголѣтнее существованіе станицы — станичный Атаманъ при входѣ былъ встрѣченъ командою «смирно». Старшій оберъ-офицеръ станицы есаулъ П. М. Жировъ въ офицерской формѣ съ погонами, сохранившимися еще изъ Крыма, отрапортовалъ Атаману. Казаки станицы выстроились въ одну шеренгу, а впереди ихъ были построены казачата въ формѣ.

При звукѣ команды: «Станица смирно, равненіе направо — господа офицеры» (въ строю было два офицера) дрогнули казачьи сердца, и моментально въ мозгу каждаго молніеносно пронеслось воспоминаніе о жизни на Дону и о старой полковой службѣ.

Принявъ рапортъ и поблагодаривъ есаула Жирова, Атаманъ поздоровался съ казаками и тѣ отвѣтили дружнымъ «Здравія желаемъ господинъ полковникъ».

Обойдя фронтъ казачатъ, побесѣдовавъ съ ними и потрепавъ ласково по щекѣ самаго младшаго лѣвофлангового «пятилѣтняго есаула» (мальчикъ былъ въ есаульскихъ погонахъ), Атаманъ, поздоровавшись съ дамами, предложилъ занять мѣста и начался дѣтскій спектакль.

Дѣти пропѣли Донской гимнъ, который былъ выслушанъ присутствующими стоя и благоговѣйно. Затѣмъ дѣти пропѣли калединскую пѣсню «родныхъ полковъ» и занавѣсъ закрылся. На возвышеніе у рампы сцены вышла Н. Л. Захарова и продекламировала стихи о Россіи. При словахъ «и вновь воскреснешь ты Великая, Могучая Россія» занавѣсъ открылся и передъ присутствующими возстала живая картина — Россія.

Сжались до боли казачьи сердца... Старое промелькнуло какъ на-яву и по многимъ лицамъ скатились непроизвольныя слезы... Казаки плакали...

Послѣ этого дѣти показали еще одну нѣмую картину: «Дѣдъ, бабка и внучекъ» и еще пѣли. Особенно хорошо и съ чувствомъ пропѣла дѣтвора «Много лѣтъ Войску Донскому».

Потомъ представили картинку «Ермакъ» съ танцами и пѣніемъ, «Ревѣла буря». Послѣ этой картинки дѣти танцовали «казачка» попарно на сценѣ. Особенно хорошо танцовали Ксюня Тумина и Наташа Рожкова въ хорошемъ малороссійскомъ костюмѣ и съ платочкомъ въ рукѣ.

Потомъ дѣти пропѣли послѣдній номеръ пропрограммы «Мы славные артисты, на всемъ играть умѣемъ». И дѣтскій спектакль былъ оконченъ подъ шумные, долго несмолкавшіе аплодисменты. Тутъ же отъ имени станицы есаулъ Жировъ поблагодарилъ Атаманшу за труды, хлопоты и доставленное огромное удовольствіе отъ спектакля и преподнесъ ей роскошный вазонъ хризантемъ...

Въ антрактѣ, когда дѣтей переодѣвали для живой картины «Россія» — изъ четырехъ дѣвочекъ, участвующихъ на сценѣ была выбрана королева вечера и ея «мадемуазелль д-оннеръ». Королевой была избрана дочь погибшаго на заводѣ хорунжаго Донской артиллеріи — Маня Ивина 12 лѣтъ, изображавшая въ живой картинѣ «Россію». На избранницу тутъ же была возложена золотая корона, которую она не снимала до окончанія вечера и, кромѣ

ЖИВАЯ КАРТИНА „РОССІЯ"

Слѣва направо:

1-й рядъ: А. Кармазинъ, Е. Жировъ, А.Морозовъ. 2-й рядъ: В. Перфилова, Я. Кармазинъ, К. Тумина, П. Перфиловъ, Т. Рожковъ, Н. Рожкова, С. Перфиловъ и Е. Лукина.

3-й рядъ: «Россія» — Маня Ивина.

того, ей и ея «мадемуазелль д-оннеръ» было презентовано по хорошей плиткѣ шоколаду. Обѣ были въ восторгѣ.

Послѣ спектакля дѣтей накормили, дали еще по большому пакету сладостей, напоили лимонадомъ и начались танцы, а взрослые сѣли за накрытые столы, чтобы отдать должное своему празднику.

Тишина, лишь изрѣдка прерываемая дѣтскимъ смѣхомъ и шопотомъ... Музыка умолкла...

Атаманъ «гнетъ трухменку».. молча сидятъ «атаманы-молодцы»....

Первый тостъ атаманъ произноситъ въ видѣ отданія почести русскому флагу. Тостъ покрывается громкимъ ура. Всѣ встаютъ и подъ несмолкаемые ура открывается занавѣсъ и на сценѣ замеръ, держа въ рукѣ русскій трехцвѣтный флагъ, десятилѣтній урядникъ-развѣдчикъ. Снова громкій взрывъ ура, долго несмолкаемый. Занавѣсъ закрывается.

Второй тостъ за всѣхъ Войсковыхъ Атамановъ и за все русское казачество. При словахъ тоста «казачество было, есть и будетъ» занавѣсъ открывается и на сценѣ три казаченка-подростка застыли держа по бокамъ кубанскій и терскій флаги, а въ центрѣ Донской. Снова взрывъ ура долго несмолкаемый.

И пошли, пошли.., тосты, рѣчи, пожеланія...

А тамъ и старинная, Донская тягучая, степовая пѣсня, вперемежку съ веселыми. Не обошлось и безъ традиціоннаго казачка и лезгинки. Хорошо, лихо и отчетливо танцовалъ кубанецъ М. Ненeнко казачка.

Пѣли въ этотъ день станичники такъ много, какъ никогда, а дѣтвора, да и взрослые тоже, натанцовались волю. Было весело, задушевно, радостно на душѣ.

Приближался десятый часъ вечера. Кое-кто началъ собираться уходить, ибо завтра рано на работу идти; дѣтвора въ слезы, просятъ еще остаться, повеселиться, потанцовать. Такъ и уходили заплаканныя....

Въ общемъ праздникъ прошелъ чинно, весело при образцовомъ порядкѣ и дисциплинѣ.

Большое спасибо Атаманшѣ, Атаману съ правленіемъ и всѣмъ потрудившимся для устройства празднества; а также большое спасибо всѣмъ жертвователямъ въ буфетъ для общей трапезы и для казачатъ.

Спасибо всѣмъ родителямъ станицы за славныхъ подростковъ дѣтей-казачатъ и казачекъ, давшимъ намъ истинное удовольствіе посмотрѣть спектакль и отдохнуть хоть немного душой.

Спасибо и господину Рожкову (уроженецъ Сибири) за его любезность согласиться пустить своихъ дѣтей Наташу и Тимошу для участія въ спектаклѣ.

Дай Богъ нашимъ казачатамъ вырости честными казаками и казачками и послужить на славу Россіи и Тихому Дону..

Закончился праздникъ. Настоящій русскій, нашъ казачій праздникъ. А завтра наступятъ снова трудовыя сѣрыя будни съ вѣчной тревогой о «завтрашнемъ» днѣ. Дай Богъ почаще устраивать подобныя общія встрѣчи, гдѣ мы можемъ встряхнуться, немного забыться; гдѣ мы не чувствуемъ себя «странниками бездомными» — на этихъ общихъ семейныхъ собраніяхъ мы — казаки, какими были у себя на Тихомъ Дону..

П. Жировъ.

Крезо. Декабрь, 1935 годъ.

Въ нашей Станицѣ

9 ноября пр. г. состоялся нашъ балъ въ залѣ мэріи 5-го аррондисмана, который посѣтили Донской Атаманъ гр. М. Н. Граббе съ супругой гр. С. И. Граббе, почетный казакъ станицы аббатъ К. Кенэ, почетный старикъ станицы д-ръ И. С. Чекуновъ, ген. Марковъ, ген. Оприцъ, ген. Тараринъ, представители казачьей общественности, и мн. др.

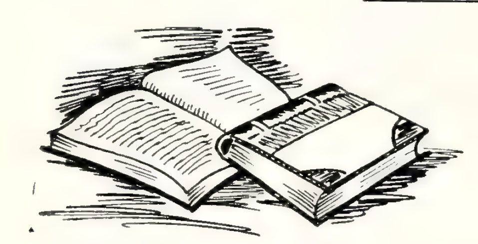
Послѣ обширной концертной программы состоялись танцы, продолжавшіеся до утра.

Станица проситъ принять сердечную благодарность всѣхъ способствовавшихъ успѣху бала: артистокъ и артистовъ, жертвователей, редакціи русскихъ газетъ и журналовъ, всѣхъ потрудившихся на балу и гостей.

На годовомъ станичномъ сборѣ 29 декабря переизбрано правленіе въ составѣ: П. Гусевъ (атаманъ), П. Ноздринъ (писарь), В. Тараринъ (казначей), Н. Болдыревъ и Н. Тараринъ.

* * *

Въ засѣданіи членовъ жюри конкурса, объявленнаго Комиссіей по увѣковѣченію памяти Атамана А. П. Богаевскаго, состоявшагося 27 января, премированъ проектъ памятника покойному Атаману, представленный комиссіи членомъ нашей станицы студентомъ П. И. Ноздринымъ.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

СБОРНИКЪ «АТАМАНЪ БОГАЕВСКІЙ»

Комиссіей по увѣковѣченію памяти Донского Атамана А. П. Богаевскаго изданъ сборникъ, посвященный памяти покойнаго со статьями Донск Атамана гр. Граббе, Митрополита Евлогія, ген. Черячукина, ген. Деникина, Я. П. Богаевскаго, ген. Миллера, ген. Алексѣева, протоіерея Д. Троицкаго, К. Каклюгина, М. Волковой, Бакши Д. Нимбушова и А. П. Падалкина съ 15 иллюстраціями изъ жизни и погребенія Атамана.

Стоимость сборника 10 фр. Доходъ отъ его продажи поступаетъ въ фондъ увѣковѣченія памяти покойнаго Атамана. Сборникъ имѣется въ продажѣ во всѣхъ казачьихъ организаціяхъ и въ книжныхъ магазинахъ. Непосредственно отъ Комиссіи сборникъ можно выписывать отъ П. В. Гусева, 7, рю Жоббе Дюваль, Парижъ, 15. Организаціи и казаки-одиночки, получившіе сборникъ, стоимость его благоволятъ посылать по вышеуказанному адресу. Изъ за-границы стоимость сборника можно прсылать международными почтовыми купонами. Комиссія рекомендуетъ казакамъ пріобрѣсти изданный ею сборникъ, какъ память объ Атаманѣ, раздѣлившемъ съ казаками всѣ тягости и горести эмигрантской жизни.

ИСТОРІЯ ДОНСКОЙ АРТИЛЛЕРІИ.

Заканчивается печатаніемъ и выйдетъ въ началѣ 1936 г. 1-й выпускъ «Матеріаловъ къ исторіи Донской Артиллеріи» (Краткая исторія и общія свѣдѣнія о Донской Артилеріи). 50 стр. формата 21 на 27 и шесть портретовъ. Собрали и обработали — Донской Артиллеріи: В. Ст. Нефедовъ, В. М. и есаулъ Коваловъ Е. Е. Изданіе Союза Донскихъ Артиллеристовъ въ Парижѣ.

Содержаніе: Нѣсколько словъ объ исторіи артиллеріи вобще и краткія свѣдѣнія по исторіи Конной Артиллеріи. Кр. исторія Донск. Артиллеріи съ 1797 по 1920 годъ. Перечень походовъ и службы Дон. Артиллеріи. Серебряныя трубы и отличія Донскихъ батарей. Комплектованіе офицерами и нижними чинами. Орудія, состоявшія на вооруженіи Дон. Артиллеріи. Штатъ первыхъ конно- артил. ротъ. Донская Артиллерія по мобилизаціи въ 1914 г., къ концу Великой войны и во время Гражданской войны: на Дону, въ Крыму и въ Польшѣ. Артиллерія на броневыхъ поѣздахъ. Георгіевскіе кавалеры въ Турецкую войну 1877-78 г. г. и за Великую войну. Замѣчательные Донцы-Артиллеристы. Краткая исторія Донскихъ полевыхъ батарей и др.

Для лицъ, интересующихся исторіей казачества, данный сборникъ представляетъ безусловный интересъ, такъ какъ содержитъ цѣлый рядъ цѣнныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя публикуются впервые. Въ виду ограниченнаго количества экземпляровъ, лицъ, желающихъ пріобрѣсти сборникъ, просятъ объ этомъ сообщить теперь же секретарю Союза Донскихъ Артиллеристовъ В. Ст. Нефедову по адресу: В. Ст. Нефедовъ, 38, рю Сэнъ-Ламберъ, Парижъ (15).

Изданіе литографированное на хорошей гласированной бумагѣ. Цѣна — 7 фр.

Памяти ушедшихъ

ГЕНЕРАЛЪ И. П. АСТАХОВЪ

Скончавшійся въ Римѣ 26 ноября 1935 г. генералъ Иванъ Петровичъ **Астаховъ**, природный донской казакъ станицы Михайловской, Хоперскаго округа, родился въ 1863 г. Образованіе получилъ въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ и Александровскомъ военномъ училищѣ, былъ произведенъ въ хорунжіе Донской Арт. въ 1883 году. Послѣ окончанія офицерской артиллер. школы въ 1905 г. получилъ въ командованіе одну изъ льготныхъ батарей, а въ январѣ 1907 г. былъ назначенъ Командиромъ 7-й Донской каз. батареи въ г. Замостьѣ.

Овѣянный славой блестящаго командира, послѣ 3-хъ лѣтъ командованія 7-й Донск. каз. б-реей, вернувшись на Донъ въ 1911 г. Иванъ Петровичъ получилъ въ командованіе 13-ю Донск. льготную батарею и выступилъ на войну во главѣ вновь сформированнаго по мобилизаціи 6-го Донск. каз. артил. дивизіона, вошедшаго въ 5-ю Донскую дивизію.

Въ первомъ же большомъ бою 18-го августа 1914 г. у сел. Дубъ въ раіонѣ с. Ситно проявилъ свои блестящія военныя дарованія и объединивъ огонь своего дивизіона, умѣлымъ руководствомъ 12-й и 13-й Донскими каз. батареями, губительнымъ огнемъ совершенно разгромилъ пѣхотную бригаду австрійцевъ и ея артиллерію, что дало возможность конницѣ 1-й и 5-й Донск. каз. дивизій захватить богатые трофеи: 4 гаубицы, 6 легкихъ орудій и 350 плѣнныхъ. Наградою Ивану Петровичу за этотъ подвигъ былъ орденъ Св. Георгія 4-й ст. Произведенный въ ген.-маіоры осенью 1916 г. получилъ въ командованіе 38-ю артил. бригаду.

Большой Войсковой кругъ 18-го іюня 1917 г. избираетъ Ивана Петровича, какъ наиболѣе выдающагося, на должность Начальника Донской Артиллеріи. На этомъ посту Иванъ Петровичъ проявилъ много твердости и такта въ разбушевавшейся революіцонной стихіи и, сохраняя до послѣдняго момента кадры Донской Артиллеріи, въ началѣ 1918 года началъ формировать партизанскія артил. части, принявшія участіе въ защитѣ столицы Дона въ январѣ и февралѣ 1918 г., а по оставленіи Новочеркасска, выступилъ въ Степной походъ въ составѣ отряда Походнаго Атамана ген. П. Х. Попова, и сохранивъ небольшое ядро Донской Артиллеріи, помогъ этимъ возстановить въ 1918 г. всю Донскую Артиллерію.

Однако, годы войны и тяжелыхъ моральныхъ переживаній и разочарованій во время революціи и общаго развала, подточили силы Ивана Петровича и онъ весною 1918 г. вышелъ въ отставку.

Доблестный генералъ, вписавшій столько славныхъ страницъ въ исторію Донской Артиллеріи, прекрасный человѣкъ и семьянинъ, нашъ старшій товарищъ и учитель, Иванъ Петровичъ Астаховъ будетъ всегда служить гордостью и примѣромъ его признательнымъ ученикамъ и сослуживцамъ.

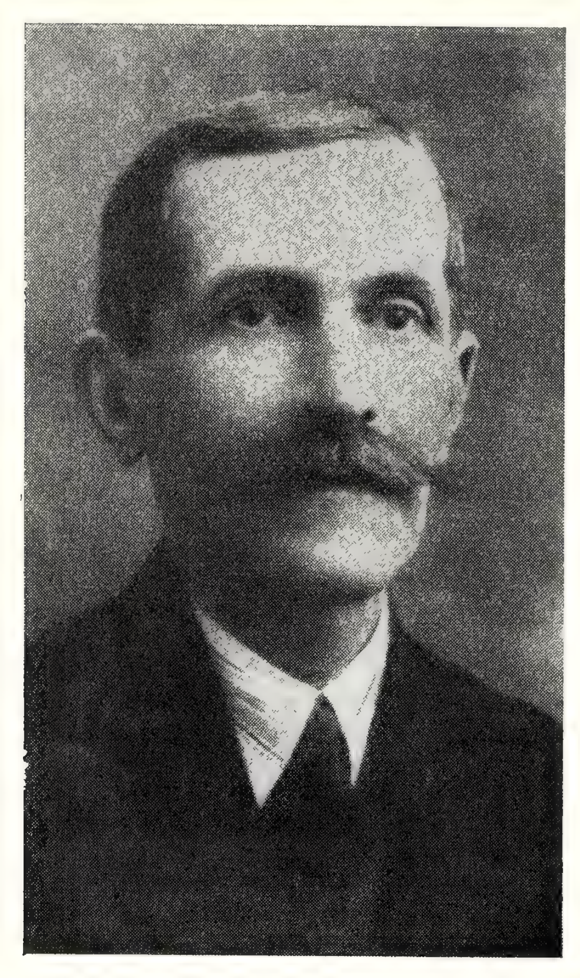
Ген. И. П. Астаховъ.

Донскіе артиллеристы.

ГЕНЕРАЛЪ В. П. ПОПОВЪ

Скончавшійся 17 октября 1935 г. въ Парижѣ отъ остраго припадка аппендицита ген. штаба ген.-маіоръ Владиміръ Петровичъ Поповъ происходилъ изъ дворянъ Донской Области, станицы Новониколаевской и родился 2 января 1877 года.

По окончаніи Донского кадетскаго корпуса, В. П. поступаетъ въ Константиновское артиллерійское училище, откуда выходитъ офицеромъ сперва въ 1-ю донскую батарею и затѣмъ въ 6-ю л.-гв. донскую казачью батарею. Въ 1903 г. В. П. окончилъ полный трехлѣтній курсъ Николаевской академіи ген. штаба, отбывъ послѣ этого цензъ въ л.-гв. казачьемъ полку. Въ немъ онъ командовалъ сотней, а затѣмъ и полкомъ.

Ген. В. П. Поповъ.

Въ великую войну В. П. въ чинѣ полковника; онъ занимаетъ должность шт.-офицера для порученій пр иштабѣ 25 арм. корпуса; въ 1916г. назначается нач. штаба 1-й Донской каз. дивизіи и 16 іюня того же года производится за боевыя отличія въ генералъ маіоры. Въ гражданскую войну ген. Поповъ былъ преподавателемъ въ Новочеркасскѣ: въ Донской офицерской школѣ, въ офицерской артиллерійской школѣ и въ Донскомъ военномъ училищѣ. Въ Крыму онъ состоялъ начальникомъ штаба сводной пѣшей дивизіи 1 коннаго корпуса, а съ 1 сентября 1920 г. — инспекторомъ классовъ Атаманскаго военнаго училища. Начальникомъ этого училища назначается 12 февраля 1924 г.

Храбрый офицеръ, прекрасный товарищъ, требовательный къ себѣ и снисходительный къ другимъ, Владиміръ Петровичъ пользовался исключительнымъ уваженіемъ и любовью какъ со стороны начальниковъ, такъ и подчиненныхъ, и осиротѣлая семья атаманцевъ —офицеровъ, юнкеровъ и казаковъ Атаманскаго военнаго училища понесла въ его лицѣ тяжелую и невознаградимую потерю.

И. Е—въ.

ГЕНЕРАЛЪ П. И. СЕКРЕТЕВЪ.

28 октября внезапный приступъ грудной жабы преждевременно отнялъ отъ насъ одного изъ самыхъ энергичныхъ донскихъ генераловъ:

Донецъ по рожденію (род. 25 февраля 1877 г.), Нижне-Чирской станицы, изъ скромной семьи, воспитанникъ Донского кадетскаго корпуса, а затѣмъ юнкеръ Николаевскаго инженернаго училища П. И. съ юныхъ лѣтъ проявляетъ большую усидчивость въ работѣ.

Волевой, самолюбивый, онъ скоро выдѣляется въ саперномъ батальонѣ въ Варшавѣ, какъ знающій и способный офицеръ.

Благодаря своей исключительной энергіи, онъ, состоя на службѣ, успѣваетъ проходить курсъ Политехническаго института, но кончаетъ его лишь въ Кіевѣ, послѣ японской войны, которая временно прервала его занятія.

Опытъ, полученный на войнѣ, въ совокупности съ пріобрѣтенными знаніями, быстро выдвигаетъ ген. Секретева. Какъ знатока автомобильнаго дѣла, его командируютъ заграницу, а затѣмъ ставятъ во главѣ автомобильной школы, а въ великую войну во главѣ всѣхъ автомобильныхъ частей русской арміи.

Въ бытность за границей, во время командировокъ, онъ сумѣлъ завязать прочныя знакомства и связи, которыя онъ такъ широко использовалъ въ годы эмиграціи для всѣхъ, и, въ частности, для казаковъ.

Считая переходнымъ этапомъ наше пребываніе за границей, онъ настаивалъ на необходимости использовать это время для изученія казаками техники и автомобильнаго дѣла.

Съ цѣлью объединенія и помощи прибывающимъ во Францію казакамъ, онъ устроилъ на улицѣ

Генералъ-маіоръ П. И. Секретевъ.

Версинжесториксъ въ Парижѣ казачій домъ съ пріемнымъ покоемъ, общежитіемъ, библіотекой и проч.

Имъ здѣсь были открыты первые въ Парижѣ русскіе техническіе курсы и автомобильно-механическая школа, давшая многимъ окончившимъ ихъ необходимый заработокъ.

Ему же принадлежала иниціатива основанія русскихъ военно-инженерныхъ курсовъ въ Парижѣ, дающихъ серьезный фундаментъ и подготовку будущихъ инженеровъ.

Мы, донцы, особенно должны помнить ген. Секретева, какъ человѣка незауряднаго, высоко одареннаго, душой преданнаго дѣлу и заботамъ о казакахъ.

Такія потери, какъ недавно умершій исключительный ораторъ ген. Сычевъ и ген. Секретевъ, — большая утрата для насъ донцовъ.

А. В. Черячукинъ.

ВЪ СОЮЗѢ КАЗАКОВЪ-КОМБАТАНТОВЪ

22 декабря 1935 года въ 3 часа дня въ залѣ 15 авеню Ошъ состоялось годовое общее собраніе Союза казаковъ-комбатантовъ, для заслушанія годового отчета, проекта измѣненія устава и для выбора членовъ Правленія и провѣрочной комиссіи на будущее время.

Присутствовало въ залѣ 103 человѣка; кромѣ того, согласно полномочій отъ группъ и одиночныхъ ныхъ членовъ Союза имѣло право голоса 139 человѣкъ.

Собраніе было открыто Предсѣдателемъ Союза Донскимъ Атаманомъ графомъ Граббе, который въ прочувствованныхъ словахъ помянулъ основателя Союза Донского Атамана ген.-лейт. Богаевскаго и предложилъ собранію почтить память его вставаніемъ.

По предложенію графа Граббе собраніе почтило вставаніемъ память умершихъ членовъ Союза за 1935 г. есаула Попова, казака Качкина и казака Кононенко.

Графъ Граббе въ краткихъ словахъ напомнилъ членамъ Союза о той громадной роли, которую имѣетъ для Франціи Союзъ комбатантовъ и призываетъ все казачество влиться въ этотъ Союзъ, отмѣтивъ, что этимъ единеніемъ будетъ облегчена его работа по благоустройству казаковъ. Пожелавъ собранію благотворной дѣятельности, графъ Граббе предложилъ выбрать предсѣдателя настоящаго собранія. Предсѣдателемъ собранія избирается генералъ-маіоръ Позднышевъ и въ помощь ему собраніе предлагаетъ двухъ секретарей подъесаула Падалкина и хорунжаго Гусева.

Слово предоставляется предсѣдателю вр. Правленія генералу Зубову. Привѣтствуя собраніе отъ лица временнаго Правленія, генералъ Зубовъ высказываетъ надежду на будущую благотворную дѣятельность Союза, который вступаетъ въ Новый Годъ въ полномъ своемъ составѣ, имѣя во главѣ Союза Предсѣдателя Союза Донского Атамана графа Граббе съ правленіемъ, которое изберетъ настоящее собраніе.

Привѣтствуетъ Войсковыхъ Атамановъ и искренно желаетъ имъ здоровья и благополучія.

Вноситъ предложеніе собранію просить предсѣдателя нашего Союза послать привѣтствіе Ю.Н.С. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Союзъ казаковъ-комбатантовъ, собравшись на годовое общее собраніе, поручилъ мнѣ ,въ лицѣ Вашемъ привѣтствовать нашихъ боевыхъ соратниковъ ,членовъ Ю.Н.С.

Всецѣло раздѣляя девизъ Нашего Союза «Юни комъ о фронъ», казаки-комбатанты, лишенные своего отечества, съ особымъ чувствомъ благодарности желаютъ процвѣтанія и благополучія Франціи, съ которой они связаны узами долголѣтней дружбы, окропленной кровью, пролитой за общее дѣло въ недавно минувшей войнѣ».

Представители Войсковыхъ Атамановъ Кубанскаго, генералъ-маіоръ Малышенко, Уральскаго генералъ-маіоръ Хорошхинъ и Астраханскаго полковникъ Астаховъ, присутствовавшіе на собраніи, поздравляютъ собраніе съ открытіемъ и желаютъ Союзу дальнѣйшаго процвѣтанія на благо всего казачества.

Дѣловая часть собранія открывается обширнымъ и интереснымъ докладомъ предсѣдателя вр. Правленія генерала Зубова, содержаніе котораго помѣщается ниже.

Членъ провѣрочной комиссіи полковникъ Зиминъ огласилъ актъ комиссіи, которая подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Власова произвела провѣрку денежныхъ суммъ и денежной отчетности вр. Правленія. Общее собраніе, утвердивъ докладъ ревизіонной комиссіи, постановило выразить вр. Правленію благодарность за произведенную работу. Полковникъ Федоровъ въ качествѣ члена Союза, старшаго группы каз. комб. въ Дранси, уполномоченнаго отъ группы каз.-комб. въ Шампани и члена вр. Правленія, отмѣтилъ громадную роль генерала Зубова и проситъ его выставить свою кандидатуру въ составъ будущаго Правленія. Общее собраніе поддерживаетъ эту просьбу.

Послѣ краткаго перерыва собраніе приступило

къ выборамъ Правленія и повѣрочной комиссіи. Въ голосованіи приняло участіе 242 члена и избранными оказались.

Въ Правленіе:

Генералъ-маіоръ Позднышевъ, генералъ-маіоръ Зубовъ, полковникъ Федоровъ, войсковой старшина Чукавовъ — Донского войска. Полковникъ Куликъ, хорунжій Черновъ — Кубанскаго войска. Полковникъ Зиминъ — Терскаго войска, Войсковой Старш. Потаповъ — Уральскаго в. Сотникъ Самсоновъ Астраханскаго войска.

Повѣрочная комиссія:

Генералъ-маіоръ Власовъ — Донского войска. Полк. Зиминъ — Терскаго войска. Подхорунж. Захаринъ — Кубанскаго войска.

Заслушанъ и принятъ къ дальнѣйшему руководству проектъ измѣненія устава.

При обсужденіи текущихъ дѣлъ общее собраніе приняло слѣдующія постановленія:

1. Просить принять званіе почетныхъ членовъ Союза Войсковыхъ Атамановъ: Кубанскаго войска — ген. Науменко, Терскаго в. — ген. Вдовенко, Уральскаго в. ген. Толстова, Астраханскаго в. — ген. Ляхова.

Замѣстителя Атамана Оренбургскаго войска и представителя Дальне-Восточнаго Каз. Союза ген. Акулинина

2. Благодарить «Креди Мютюэль дю Комерсъ э де Метье» за помѣщеніе, безплатно предоставленное для засѣданій вр. Правленія.

3. Благодарить присяжнаго повѣреннаго И. П. Буданова и доктора Государственныхъ Наукъ В. Д. Синеокова за содѣйствіе юридическими совѣтами какъ в. Правл. такъ и членамъ Союза.

4. Установить членскій взносъ на 1936 годъ въ размѣрѣ 15 фр., изъ коихъ 3 фр. зачислить въ фондъ похоронной кассы.

5. Оставить образецъ иформу членской карточки нынѣ существующаго образца.

Собраніе прошло въ атмосферѣ исключительно дѣловой, при единодушіи въ рѣшеніи вопросовъ, предложенныхъ общему собранію и было закрыто въ 6 ч. 30 м. вечера съ пожеланіемъ будущему Правленію плодотворной работы на благо всего казачества.

ДОКЛАДЪ

ВРЕМЕННАГО ПРАВЛЕНІЯ СОЮЗА КАЗАКОВЪ-КОМБАТАНТОВЪ НА ГОДОВОМЪ СОБРАНІИ ЧЛЕНОВЪ СОЮЗА 22 ДЕКАБРЯ 1935 Г.

Идея созданія С. К.-К. родилась въ Кубанской станицѣ въ 1932 г. Въ то время покойный Донской Атаманъ генералъ-лейтенантъ Африканъ Петровичъ Богаевскій былъ представителемъ Кубанскаго Атамана во Франціи. Естественно, что Кубанскій Станичный Атаманъ пришелъ съ докладомъ о своемъ пректѣ къ Донскому Атаману. Покойный Донской Атаманъ сразу учелъ все значеніе этого проекта и въ мартѣ мѣсяцѣ 1932 года появилось объявленіе въ газетахъ объ учрежденіи Союза Казаковъ-Комбатантовъ.

Союзъ вошелъ филіальнымъ отдѣленіемъ (société affiliée) въ самый большой изъ французскихъ комбатантскихъ союзовъ Union Nationale des Combattants (U. N. C.), основанный 11-го Декабря 1918 года и былъ зарегистрированъ Административнымъ Совѣтомъ U. N. C., въ его засѣданіи отъ 2 Апрѣля 1932 года подъ № 3.

Девизъ U. N. C. который является теперь и девизомъ нашего Союза Unis comme au front — «Едины, какъ на фронтѣ». Членскій взносъ былъ установленъ въ размѣрѣ 15 франковъ въ годъ.

Къ этому времени вопросъ о созданіи С. К.-К. въ достаточной степени назрѣлъ. Комбатантская карточка играла уже роль. При томъ благожелательномъ отношеніи, которое проявляли французскія власти и французы къ своимъ anciens combatants; предоставляя имъ извѣстныя права и льготы, вполнѣ естественно, что и къ намъ, какъ къ своимъ бывшимъ союзникамъ по Великой войнѣ, они въ обыденной жизни относились очень и очень благожелательно, — многихъ карточка выручила изъ случайной бѣды, многимъ она помогла устроиться на работу, многимъ свою работу сохранить. Конечно, вполнѣ возможно, что многимъ членамъ Союза не пришлось и не придется вообще использовать свою комбатантскую карточку, — просто не будетъ въ этомъ необходимости. Но все же сознаніе того, что ея владѣлецъ принадлежитъ къ крѣпкой, признанной правительствомъ, организаціи, которая сражалась вмѣстѣ съ Франціей за общее дѣло, должно было давать каждому душевное спокойствіе, чувство товарищеской связи и увѣренность въ томъ, что въ трудную минуту она будетъ ему полезна.

С. К.-К. создавалъ также и матеріальную базу для работы Предсѣдателя Союза — Донского Атамана и представителей другихъ Атамановъ здѣсь, во Франціи. Нужда среди казаковъ была большая. Никакихъ денежныхъ взносовъ и поступленій не было. Донская войсковая казна была пуста, а отовсюду сыпались просьбы о помощи. Членскіе взносы давали возможность Атаману вести соотвѣтствующую работу и покойный Атаманъ всегда говорилъ, что только комбатантскіе взносы давали ему возможность вести работу не только среди членовъ Союза, но и въ обще-казачьемъ масштабѣ. (Журналъ «Казакъ», 1934 г., №№ 1 и 2, п. 4). И, дѣйствительно, изъ краткаго отчета о денежныхъ суммахъ С. К.-К. за 1932-1933 г. г. видно, что за истекшее время на пособія нуждающимся казакамъ, на похороны и оказаніе помощи семьямъ умершихъ было израсходовано 8.800 франковъ. Въ эту сумму не вошла плата за обученіе дѣтей, различныя по-

жертвованія на благотворительныя цѣли, что изъ общей суммы совмѣстно съ организаціонными расходами въ 26.610 фр. составляло болѣе, чѣмъ 1/3 (Журналъ «Казакъ» за 1934 г., № 1-2, «Отъ Донского Атамана», п. 7). Въ 1934 году только на оказаніе помощи нуждающимся покойнымъ Атаманомъ было израсходовано по имѣющимся документамъ болѣе 2.000 франковъ.

Но помимо этой чисто практической пользы, С. К.-К. преслѣдовалъ самую главную цѣль: нравственное объединеніе казаковъ всѣхъ казачьихъ войскъ, участниковъ Великой и гражданской войнъ въ дружную семью и поддержаніе достоинства и доброй славы Казачества.

Покойный Атаманъ смотрѣлъ на С. К.-К. какъ на организацію, носящую до нѣкоторой степени воинскій характеръ. Вотъ что онъ писалъ: «Въ общемъ удалось положить хорошее начало и, если всѣ казаки будутъ серьезно относиться къ этому дѣлу, то можетъ быть намъ удастся образовать свой казачій боевой Союзъ, крѣпкій и надежный, объединенный не только матеріальными вопросами, но и нравственной спайкой, какъ французскій Союзъ, въ который мы входимъ» (Журналъ «Станица», 1932 г. за № 4). И далѣе: «С. К.-К. нисколько не мѣшаетъ существованію станицъ и хуторовъ, наоборотъ, — крѣпкая организація, проникнутая воинской дисциплиной, привычкой къ порядку, — входящая въ станицу, — только укрѣпитъ ее и поддержитъ» (Журналъ «Казакъ» отъ 1933 г. № 1, «Отъ Донского Атамана, п. 4).

Казачество отнеслось къ вновь организуемому Союзу въ высшей степени благожелательно и живо откликнулось на призывъ Донского Атамана. Въ 1932 г. въ него вступило 1.030 членовъ, въ 1933 г. — 220 чл., въ 1934 г. — 129. Такимъ образомъ, ко дню смерти Предсѣдателя Союза, Союзъ насчитывалъ 1.379 членовъ.

Союзъ является воистину общеказачьимъ, въ немъ насчитывалось Донцовъ — 936, Кубанцевъ — 245, Терцевъ — 103, Астраханцевъ — 23, Уральцевъ — 33, Оренбуржцевъ — 4, Амурцевъ — 4, Сибирцевъ — 2, Забайкальцевъ и чиновъ Русской Арміи, служившихъ въ Казачьихъ частяхъ — 29.

Распредѣлялись они такъ: 506 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и 873 казака рядового званія.

Воозбновили же членскіе карточки на 1934 г., — внесли членскіе взносы и получили марки безплатно, по имѣющимся даннымъ всего 385 членовъ и такимъ образомъ только они, какъ бы, состояли дѣйствительными членами Союза.

Вотъ что писалъ покойный предсѣдатель Союза:

«Назначаю еще одинъ и послѣдній срокъ заявленій о желаніи получить новую марку — 1-го апрѣля сего года. Не приславшихъ никакихъ заявленій къ этому сроку буду считать выбывшими изъ нашего Союза». И дальше: «... поэтому, тѣмъ, кому жаль 15 фр. или кто вообще не хочетъ почему-либо больше состоять въ нашемъ Союзѣ, предлагаю написать объ этомъ мнѣ и вернуть уже ненужную имъ карточку». (Журналъ «Казакъ», 1934 годъ, № 1 и 2, отъ «Донского Атамана», п. 4).

Но въ дѣлахъ покойнаго Предсѣдателя Союза что-то не было найдено возвращенныхъ карточекъ.

Причинъ къ такому прискорбному отношенію къ своимъ обязанностямъ членовъ Союза нѣсколько, но на главнѣйшую изъ нихъ Вр. Правленіе считаетъ своею обязанностью обратить вниманіе. Это — присущая всѣмъ намъ наша русская халатность, вполнѣ подтверждаемая пословицей — «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится», съ одной стороны и съ другой — казачество приспособилось пользоваться карточкой безъ оплаты марки текущаго года, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что только ихъ взносами Правленіе Союза и могло оказывать помощь и поддержку ихъ же нуждающимся сочленамъ. Истина, что только помогая другимъ, можно разсчитывать на помощь другихъ, — въ загонѣ.

Уставъ С. К.-К. былъ напечатанъ въ журналѣ «Казакъ», 1933 г., № 2. Согласно этого Устава Правленіе Союза состояло изъ Предсѣдателя Союза — Донского Атамана, который могъ назначить себѣ замѣстителя и 5-ти членовъ, избираемыхъ на одинъ годъ. По нѣкоторымъ причинамъ, въ обсужденіе которыхъ здѣсь Вр. Правленіе не входитъ, Общаго Собранія членовъ Союза, какъ и выборнаго Правленія не было и Предсѣдатель Союза — Донской Атаманъ велъ всю тяжелую, огромную и отвѣтственную работу самъ лично.

21-го Октября 1934 г. Атаманъ Всевеликаго Войска Донского и Предсѣдатель Союза Казаковъ-Комбатантовъ генералъ-лейтенантъ Африканъ Петровичъ Богаевскій волею Божьей тихо скончался.

Всю работу по веденію дѣлъ Союзомъ приняло на себя Временное Правленіе.

Вр. Правленіе подробно и совершенно откровенно, во избѣжаніе всякихъ кривотолковъ изложило о томъ, какъ оно было сконструировано въ своемъ информаціи-обращеніи «Къ Казакамъ-Комбатантамъ», которое и было разослано по всѣмъ станицамъ, хуторамъ, группамъ и многим одиночнымъ казакамъ въ январѣ мѣсяцѣ 1935 года.

Вр. Правленіе отлично сознавало, что передъ нимъ стоитъ огромная организаціонная работа; оно также отдавало себѣ отчетъ въ томъ, что оно было сконструировано не совсѣмъ такъ, какъ оно требовалось уставомъ, что его появленіе не могло не быть встрѣчено съ нѣкоторымъ холодкомъ со стороны казачества, особено парижскаго и что въ отсутствіи Предсѣдателя ему будетъ трудно получить поддержку казаковъ. Но все же, имѣя передъ собою волю покойнаго Атамана и сознаніе того,

что это столь полезное начинаніе не должно было ни на минуту прекращаться, Вр. Правленіе взяло на себя этотъ тяжелый трудъ и поставило себѣ задачу, о которой оно также объявило въ своемъ «Обращеніи къ Казакамъ-Комбатантамъ», — сохранить Союзъ, поддержать его и по возможности развивать. Оно считало, что, принявъ Союзъ отъ Предсѣдателя Союза — Донского Атамана, оно и обязано было его сдать новому Предсѣдателю Союза — вновь избранному Донскому Атаману, который въ дальнѣйшемъ и долженъ указать по какому пути долженъ идти и развиваться нашъ Союзъ.

Вр. Правленіе предполагало созвать Общее Собраніе на предметъ выборовъ Правленія въ мартѣ мѣсяцѣ с. г. Обѣщаніе это оно не могло исполнить по причинамъ отъ него независящимъ, о чемъ было подробно собщено всѣмъ въ «Информаціи» отъ Апрѣля мѣсяца 1935 г.

Въ тяжеломъ положеніи очутилось Вр. Правленіе, — безъ денегъ, безъ помѣщенія, безъ лица, которое могло бы ввести въ курсъ работы и дѣлъ С. К.-К. Все же отъ покойнаго Предсѣдателя остались нѣкоторыя дѣла по Союзу, которыя и помогли приступить къ работѣ.

Тихо, спокойно, безъ всякой шумихи, Вр. Правленеі приступило къ организаціонной работѣ. Оно выпустило свое обращеніе къ «Казакамъ-Комбатантамъ», объявило о порядкѣ обмѣна комбатантскихъ карточекъ и пріемѣ новыхъ членовъ, установило пріемные часы, раздобыло помѣщеніе, которое ему совершенно безплатно и чрезвычайно предупредительно предоставило въ память покойнаго Атамана Правленіе «Кроди Мютюэль дю Комерсъ э де Метье», вошло въ связь съ U. N: C: которому былъ сообщенъ новый составъ Вр. Правленія и вошло въ связь со станицами, хуторами и группами. Оно завело соотвѣтствующее письмоводство, — книгу личнаго состава, журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ, адресную книгу членовъ Союза, соотвѣтствующія дѣла, анкетные листы для заполненія при вступленіи въ Союзъ, болѣе подробно составленные, бланки Союза и пр.

Оно также завело и денежную отчетность, денежную приходо-расходную книгу и дѣло оправдательныхъ документовъ.

Была заведена также и книга «Журналъ Протоколовъ засѣданій Временнаго Правленія», въ который заносились всѣ постановленія Вр. Правленія, касающіеся всѣхъ дѣлъ Союза К.-К.

Была организована и юридическая помощь совѣтами, которые совершенно безвозмездно взялъ на себя трудъ давать присяжный повѣренный, Донской казакъ Иванъ Платоновичъ Будановъ.

4-го Августа с. г. на постъ Атамана Всевеликаго Войска Донского былъ избранъ казакъ станицы Пятиизбянской генералъ-лейтенантъ и Георгіевскій Кавалеръ графъ Михаилъ Николаевичъ Граббе. 6-го Августа Донской Атаманъ присутствовалъ на засѣданіи Вр. Правленія и вступилъ въ исполненіе обязанностей Предсѣдателя Союза. Вр. Правленіе въ докладѣ новому Предсѣдателю Союза о положеніи дѣлъ въ Союзѣ предложило ему свою отставку, дабы дать возможность графу Граббе устроить Союзъ по своему усмотрѣнію и въ согласіи съ Уставомъ С. К.-К.

Предсѣдатель Союза, поблагодаривъ Вр. Правленіе за его работу, просилъ продолжать таковую впредь до возможно скораго созыва Общаго Собранія и далъ Правленію указанія о переработкѣ Устава С. К.-К., каковой долженъ былъ быть представленъ къ Годовому Собранію.

За время своего существованія Вр. Правленіемъ:

1. Было проведено 47 засѣданій, на которыхъ было вынесено 47 протоколовъ. На этихъ засѣданіяхъ было:

а) возобновлено 369 комбатантскихъ карточекъ на 1935 годъ выдачей соотвѣтствующихъ марокъ за плату и заимообразно за 1935 г.,

б) разсмотрѣно 170 заявленій о желаніи вступить въ С. К.-К. Удовлетворено изъ нихъ 166 заявленій. 4 отказано въ силу того, что они не имѣли никакого отношенія къ казачеству. Заявленія непринятыя были пересланы въ Союзъ Офицеровъ, участниковъ войны и въ Р.О.В.С.

в) Разсмотрѣно объ освобожденіи отъ членскаго взноса съ выдачей марки на 1935 годъ 34 просьбы. Удовлетворено 34. Всѣмъ освобожденнымъ указывалось, что въ случаѣ, если волей судьбы и своего труда они разбогатѣютъ, они должны пополнить этими взносами кассу Союза.

г) Разсмотрѣно 23 просьбы объ оказаніи безвозвратныхъ пособій больнымъ, нуждающимся и родственникамъ на погребеніе членовъ С. К.-К. Удовлетворено 22 просьбы. Отказано въ 1 просьбѣ. Отказано семьѣ В. Ст. Пухлякова, Константина Васильевича, казака ст. Раздорской, Донской Области, умершаго 27 октября 1934 года на выдачу пособія на постановку памятника покойному. В. Ст. Пухляковъ въ Союзѣ не состоялъ. С. К.-К. предлагалось обратиться съ особымъ подписнымъ листомъ къ казакамъ. Необходимо 200 франковъ.

д) Разсмотрѣно 4 просьбы объ оказаніи заимообразной ссуды въ виду временно затруднительнаго положенія въ виду болѣзни. Удовлетворено 4 просьбы.

е) Разсмотрѣно 2 обращенія по подписнымъ листамъ Комиссіи по увѣковѣченію памяти покойнаго Донского Атамана и Р. О. Кр. Кр. (старой организаціи), Недѣли помощи дѣтямъ. Удовлетворено 2.

2. Поступило въ кассу Союза съ 1-го Декабря 1934 г. по 1-ое Декабря 1935 г. 8.005 фр. 10сант. по отдѣлу помощи 2.775 фр.

Въ остаткѣ къ 1-му Декабря 1935 г. 2360 фр. 10 сант., изъ нихъ 2.108 фр. находятся на текущемъ счету въ «Креди Мютюэль дю Комерсъ э де Метье» и остальные на рукахъ у Казначея.

Ко дню сдачи дѣлъ новому Правленію сумма эта измѣнится, въ виду имѣющихся приходовъ и расходовъ какъ на организаціонные расходы, такъ и по отдѣлу помощи, но, во всякомъ случаѣ, Вр. Правленіе сдастъ новому Правленію не менѣе 1,500 франковъ.

3. Было выпущено 6 «Информацій».

4. Были оказаны различныя мелкія услуги членамъ Союза — снятъ контровансіонъ за незаконную ѣзду на велосипедѣ, выданы удостовѣренія для натурализаціи, ходатайства объ освобожденіи отъ нансеновскаго сбора и пр.

5. Юридическіе совѣты.

6. Былъ разработанъ проектъ Устава «Союза Казаковъ, участниковъ Великой войны» во измѣненіе Устава С. К.-К.

7. Была созвана по докладу Вр. Правленія Провѣрочная Комиссія по назначенію Предсѣдателя Союза, согласно ст. 17 Устава С. К.-К. въ составѣ:

Генералъ-маіора **Власова** (Донского войска), хорунжаго **Чернова** (Кубанскаго войска), полковника **Зимина** (Терскаго войска), хорунжаго **Склабинскаго** (Астраханскаго войска), и хорунжаго **Гусева** (Донского войска), которой 10, 12 и 13-го Декабря были представлены всѣ документы для провѣрки денежной отчетности Правленія.

8. Было подготовлено и созвано сегодня 22-го декабря Годовое Собраніе.

Къ 22-му декабря с. г. по списку въ Союзѣ состоитъ 1540 членовъ Внесло же членскихъ взносовъ и освобожденныхъ отъ взноса, т. е. фактически дѣйствительныхъ членовъ Союза 535. Изъ нихъ: Донцовъ 384, Кубанцевъ 87, Терцевъ 28, Уральцевъ 10, Астраханцевъ 5, Оренбуржцевъ 1, Русской Арміи 21.

Изъ этого числа проживаетъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ 178, въ провинціи 357.

За это время умерли и погребены:

Предсѣдатель Союза, Донской Атаманъ, генералъ-лейтенантъ Африканъ Петровичъ **Богаевскій**,

Есаулъ **Поповъ**, Моисей Тихоновичъ (Донского войска),

Казакъ **Качкинъ**, Георгій Васильевичъ (Донского войска),

Медицинскій фельдшеръ **Кононенко**, Наумъ Филимоновичъ (Кубанскаго войска).

Сдѣлано Вр. Правленіемъ, конечно, немного. Бьющей на эффектъ работы незамѣтно, но если посмотрѣть на денежный журналъ, исписанный лично полковникомъ Федоровымъ, и принять во вниманіе связанную съ этимъ продѣланную имъ работу, если взглянуть на текущую переписку, продѣланную прапорщикомъ **Воиновымъ** и затѣмъ сотникомъ **Самсоновымъ**, и знать всѣ ихъ хожденія по дѣламъ Союза во французскія и русскія учрежденія и про работу неизмѣннаго ихъ помощника есаула **Мисина**, если взглянуть на Книгу Протоколовъ Засѣданій Вр. Правленія, исписанную тоже полковникомъ **Федоровымъ**, и принять во вниманіе, что всѣ протоколы были разсмотрѣны членами Правленія полк. **Куликомъ**, Войск. ст. **Нефедовымъ** и сотникомъ **Полушкинымъ**, которые принимали дѣятельное участіе въ работѣ Вр. Правленія, то, зная, что всѣ они, зарабатывая себѣ тяжелымъ трудомъ кусокъ хлѣба, къ тому же живущіе въ пригородахъ и находившіе возможнымъ удѣлять и для работы по Союзу совершенно безкорыстно свое свободное время, — я Предсѣдатель Вр. Правленія, передъ портретомъ Основателя нашего Союза и его Перваго Предсѣдателя, передъ лицомъ нашего теперешняго Предсѣдателя и передъ всѣми Вами, могу смѣло утверждать, что Вр.Правленіе **исполнило свой долгъ и взятую на себя задачу по силамъ и разумѣнію.** Оно сохранило, поддержало и немного развило С. К.-К. Союзъ теперь имѣетъ прочную основу и отъ Васъ зависитъ его дальнѣйшее развитіе.

Вр. Правленіе счастливо тѣмъ, что оно исполняетъ свое послѣднее обязательство, — передаетъ Союзъ на Ваше руководство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Вр. Правленіе считаетъ необходимымъ высказать свои соображенія по поводу дальнѣйшей дѣятельности Союза.

1. Возможно скорѣйшее принятіе Устава «Союза Казаковъ», участниковъ Великой войны» и зарегистрированіе его въ U: N: C: и Парижской Префектурѣ полиціи.

2. Организаціи при Правленіи Бюро Труда или вѣрнѣе, Отдѣла Трудовой Помощи.

3. Организація Культурно-Просвѣтительнаго Отдѣла путемъ созданія своего собственнаго журнала или газеты, которые должны служить и средствомъ поддержанія связи и информаціей членовъ Союза, о всѣхъ распоряженіяхъ по Войскамъ, о всемъ, происходящемъ въ С.С.С.Р. и особенно въ казачьихъ областяхъ. Журналъ также долженъ содержать и отдѣлы военный, политическій и литературный. Если это будетъ не подъ силу С.К.У.В.В., то необходимо войти въ соглашеніе съ Атаманскимъ Вѣстникомъ или журналомъ «Станица» или остановиться на своихъ собственныхъ отчетныхъ «Информаціяхъ»

Созданіе библіотеки.

Организація лекцій и докладовъ.

4. Принять всѣ мѣры къ оказанію возможной поддержки Донскому Атаману въ его желаніи организовать Обще-Казачій Домъ, который долженъ, между прочимъ, заключать и залъ для собраній и библіотеку, и дешевую, но вполнѣ приличную столовую.

5. Организовать для желающихъ и не состоящихъ ни въ какихъ кассахъ взаимопомощи «Кассу Взаимопомощи» С.К.У.В.В.

6. Организовать «Похоронную Кассу С.К.У.В.В.», въ которой должны участвовать обязательно всѣ члены Союза, съ установленіемъ единовременнаго годового взноса и погашенія произведеннаго расхода въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ. Кассой могло бы руководить Правленіе Союза, назначивъ одного изъ членовъ Завѣдующимъ Кассой.

7. Расширить организацію юридической помощи членамъ Союза.

8. Организовать медицинскую и зубоврачебную помощь и заботу о членахъ Союза, лежащихъ въ госпиталяхъ.

Только при соблюденіи всѣхъ этихъ условій Союзъ нашъ можетъ быть мощнымъ и сильнымъ и оказать должную поддержку своимъ членамъ.

И все это мы должны сдѣлать и самое главное — **мы можемъ** это сдѣлать, если всѣ мы будемъ поддерживать Правленіе и, если не на словахъ, а на дѣлѣ мы будемъ проводить въ жизнь девизъ, который мы приняли: **«Едины, какъ на фронтѣ»**.

Предсѣдатель Вр. Правленія ген.-маіоръ **Зубовъ**.

«Гайдамаки» стр. Усть - Бѣлокалитвенской. Донъ, май 1919 г.

Съ акварели **А. Мельникова.**

ОТЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦІИ «СТАНИЦЫ».

Ко всѣмъ предсѣдателямъ казачьихъ зарубежныхъ организацій, редакція обращается съ просьбой о присылкѣ информацій для помѣщенія въ хроникѣ журнала о жизни и дѣятельности казачьихъ колоній къ послѣднимъ числамъ сентября, декабря, марта и іюня.

Контора «Станицы» проситъ всѣхъ получающихъ «Станицу» какъ для распространенія въ нѣсколькихъ экземплярахъ, такъ и отдѣльныхъ читателей, произвести расчетъ за полученные ими номера журнала. Стоимость журнала 2 франка. Подписка на годъ — 8 фр.

Адресъ для писемъ и денежныхъ переводовъ: **Mr Gousseff; 7, rue Jobbé-Duval; Paris (15e):**

ДОНЦЫ ВЪ XIX И XX СТОЛѢТІЯХЪ

Донцы, какъ и все казачество въ составѣ Россійскаго государства долго еще находилось на положеніи исключительно военнаго сословія. Вся исторія донцовъ — война, съ поголовными мобилизаціями, безконечными походами и все это дѣлало изъ казаковъ природныхъ воиновъ, и поэтому въ старину казаки и выдвигались главнымъ образомъ на военномъ поприщѣ. Укладъ жизни, окружающая обстановка, короче говоря — вся жизнь казака была заполнена стихіей войны, вотъ почему первые шесть донцовъ, поступившіе въ Московскій университетъ при его открытіи (1755 г.) по окончаніи курса вышли на военную службу.

Гораздо позже, послѣ Отечественной войны (1815 г.) атаманомъ Платовымъ была послана большая группа донцовъ въ ближайшій Харьковскій университетъ. Историкъ этого университета Богалей, отмѣчаетъ, что эта группа донцовъ издавала свой журналъ и была выдающаяся въ составѣ другихъ «Землячествъ», но послѣ прохожденія курса, всѣ они, вернувшись на Донъ, по распоряженію ат. Платова заняли административныя и другія должности въ офицерскомъ званіи.

Въ «Картинахъ былого Тихаго Дона» П. Н. Краснова, приводится любопытный эпизодъ, изъ эпохи ат. Платова, когда казаки-студенты, пріѣзжавшіе на каникулы, въ Новочеркасскѣ должны были ходить въ военной формѣ.

Открытая (въ 1805 г.) въ Новочеркасскѣ Войсковая классическая гимназія, а позже учрежденное при ней Отдѣленіе восточныхъ языковъ (1850), выпускали донскую молодежь исключительно офицерами въ чинѣ хорунжаго на Кавказъ въ полки.

Директоръ гимназіи, учителя, воспитатели, а также учебный персоналъ и другихъ учебныхъ заведеній были офицеры.

Первые историки Дона — А. Г. Поповъ («Исторія войска Донского, 2 тома, изд. 1814 г.), В. Д. Сухоруковъ («Статист. опис. войска Дон.», изд. 1825 г.) и талантливый бытописатель донской старины Е И. Котельниковъ — были офицеры съ университетскимъ образованеімъ.

Лица же невоеннаго званія — какъ академики: художн. Ф. Ф. Фоминъ, А. Е. Егоровъ, писатель В. П. Рубакинъ, поэтъ А. А. Леоновъ, «ученые врачи»: Ф. Е. Билевъ, В. Д. Черевковъ, И. Г. Чекуновъ, «штабъ-лекарь» Московск. университета — И. С. Сиротининъ, композиторъ М. И. Грековъ были явленіемъ не только весьма рѣдкимъ въ ту эпоху, но исключеніемъ. Такъ продолжалось до 1875 года, когда вышелъ указъ, въ силу котораго казакамъ разрѣшалось занимать не только военныя, но и гражданскія должности.

Донское войско учреждаетъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 102 стипендіи для обученія казачьей молодежи на войсковой счетъ. Въ окружныхъ станицахъ открываетъ: гимназіи, реальныя, городскія училища для дѣтей обоего пола.

Прошло 20-30 лѣтъ послѣ указа о «Гражданской культурѣ» и изъ донцовъ выходятъ не только талатнтливые воспитанники, но появляются: іерархи церкви, ученые, писатели, дипломаты, инженеры, и т. д., которые занимаютъ почетныя мѣста въ различныхъ россійскихъ учрежденіяхъ.

На церковномъ поприщѣ изъ донцовъ высокаго званія достигли: архіепископы Владиміръ, Іоаннъ, Мелетій, Сергій, Авраамій, Арсеній, Назарій, Христофоръ.

Отмѣтимъ здѣсь наиболѣе выдающіеся имена въ научномъ мірѣ.

В. Г. Алексѣевъ — професс. чистой математики и ректоръ Юрьевскаго универститета.

С. М. Васильевъ — деканъ медицинскаго факультета Дерптскаго университета, написавшій нѣсколько книгъ по своей спеціальности.

Н. И. Карташовъ — директоръ Томскаго технологическаго института.

Д. П. Косоротовъ — профессоръ медицины; оставившій около 50 научныхъ трудовъ по вопросамъ судебной медицины.

І. І. Косоноговъ — профессоръ физики Кіевскаго университета. Его ученые труды переведены на иностранные языки.

І. Д. Сарычевъ — профессоръ медицины, извѣстный своими научными трудами въ медицинѣ.

Г. К. Ульяновъ — ученый языковѣдъ, ректоръ Варшавскаго университета, затѣмъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія.

Л. П. Поповъ — профессоръ Военно-Медицинской Академіи — ученый патологъ и терапевтъ.

А. Н. Красновъ, — замѣчательный путешественникъ, выдающійся ученый землевѣдъ, первымъ въ Росіи получившій почетное званіе доктора географіи. О себѣ онъ оставилъ незабываемый памятникъ — это созданный имъ лучшій въ мірѣ Ботаническій садъ въ Батумѣ, въ этомъ саду онъ и погребенъ.

Начальникъ Михайловской Артиллерійской Академіи ген. А. С. Платоновъ.

---

*) Ниже мы помѣщаемъ предоставленную С. В. Болдыревымъ для журнала «Станица», въ конспективномъ изложеніи «Главу о донцахъ XIX и XX ст.» изъ его труда: «Казаки въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ».

Ред.

Начальникъ Военно - Медицинской Академіи В. В. Пашутинъ.

Основатель и первый Начальникъ Интендантской Академіи сенаторъ А. М. Золотаревъ; заслуженный профессоръ статистики, дважды представлявшій Россію на международныхъ статистическихъ конференціяхъ въ Парижѣ и Копенгагенѣ.

Извѣстны въ научномъ мірѣ своими трудами: профессоръ финансоваго права С. И. Иловайскій, русскаго языка и словесности И. Я. Золотаревъ, горнаго дѣла И. И. Асѣевъ, чистой математики — П. С. Флоровъ, профессора статистики: С. Н. Номикосовъ и Н. А. Красновъ, профессоръ Я. И. Ховансковъ, впослѣдствіи товарищъ министра земледѣлія. Горный инженеръ А. В. Миненковъ, инціаторъ и основатель въ Россіи ртутнаго дѣла. Архитекторъ И. Н. Красновъ, строитель Императорскаго Ливадійскаго дворца и др. не менѣе извѣстныхъ сооруженій. Выдающіеся инженеры-путейцы: С. І. Косоноговъ, Иловайскій и др.

Выдающіеся педагоги: С. И. Корытинъ, С. Ф. Мельниковъ–Разведенковъ и А. В. Протопоповъ.

Писат–астрологъ М. В. Серебряковъ и отмѣтимъ здѣсь и перваго казака на посту министра — И. Н. Ефремова, министра Юстиціи.

Самый же замѣчательный изъ донцовъ, гордость не только Дона, но и России, это знаменитый геологъ, ученый изслѣдователь, выдающійся путешественникъ, совершившій много научныхъ экскурсій, и профессоръ горнаго дѣла — И. В. Мушкетовъ. Его научные труды: «Туркестанъ», «Горное и заводское дѣло» и въ особенности его «Физическая геологія» переведены на всѣ иностранные языки — выдвинули Мушкетова на степень мірового ученаго, а по образному выраженію біографа «изслѣдованные имъ, величайшіе монолиты міра Тянь-Шань, Памиръ, Алтай сдѣлались основаніемъ памятника И. В. Мушкетову».

Сынъ И. В. Мушкетова, профессоръ Д. И. Мушкетовъ былъ ректоромъ Петроградскаго Горнаго института.

Донцовъ мы видимъ и въ роли преподавателей Царской семьи: ген. А. С. Платовъ — преподаватель Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. И. В. Гавриловъ — преподаватель словесности вел. князей: Павла Александровича и Петра Николаевича. А. М. Максимовъ — препод. дѣтей в к. Константина Константиновича

Популярные въ столицахъ врачи: И. И. Владыкинъ, А. В. Ходинъ и знаменитый лейбъ-медикъ Поповъ — были донцы. Русская литература обогатилась произведеніями писателей изъ донцовъ. Изъ нихъ отмѣтимъ Ф. Д. Крюкова — «пѣвца Донского края»; автора нашумѣвшаго въ свое время романа «Наше преступленіе» и др. произведеній, И. А. Родіонова, умершаго въ расцвѣтѣ своего таланта Р. П. Кумова, популярнаго подъ псевдонимомъ А Серафимовичъ — А. С. Попова, а также И. М. Максимова (псевд. И. Курмояровъ), В. В. Воинова и Н. А. Краснова. Драматурговъ: А. А. Карасева («Патріотическая пресса», «Послѣ Севастополя»), трагически погибшаго молодого писателя Косоротова, автора единственной пьесы «Мечта любви», которая не сходила со сцены столичныхъ театровъ и идущая теперь съ успѣхомъ въ Парижѣ. Р. П. Кумовымъ были написаны пьесы. Его «Конецъ рода Коростомысловыхъ», премированная на конкурсѣ имени Островскаго въ 1916 г., какъ справедливо говоритъ его біографъ, В. Сѣвскій, «открыла двери Кумову въ большую литературу и большой театръ». Историческіе писатели: М. Х. Сенюткинъ, В. К. Быкадоровъ, В. В. Пузановъ, Н. И. Красновъ, А. А. Леоновъ, И. И. Жировъ и др.

Публицисты-писатели: И. А. Андріяновъ, И. И. Красновъ, А. К. Денисовъ, А. П. Чеботаревъ, И. С. Ульяновъ, П. И. Поповъ, В. А. Сѣвскій (Краснушкинъ).

Писатели-журналисты нерѣдко стояли во главѣ не только мѣстныхъ газетъ и журналовъ, но столичныхъ и популярныхъ въ Россіи: «Русское Богатство» — Ф Д. Крюковъ, «Медицина», и «Еженедѣльная клиническая газета» — С. М. Васильевъ. «Записки Императорскаго Георграфическаго Общества» — професоръ И. В. Мушкетовъ. «Южный край» — професс. А. Н. Красновъ; сенаторъ А. М. Золотаревъ былъ иниціаторомъ и первымъ издателемъ «Ежегодника Россіи». Донскіе историки, кромѣ упомянутыхъ выше: А. Г. Петрова и В. Г. Сухорукова: А. М. Савельевъ «300-лѣтіе Войска Донского» (4 труда), Пудавовъ «Исторія войска Донского и старобытность начала казачества» (2 тома), Пивоваровъ — «Донскіе казаки», И. Ф. Быкадоровъ — «Исторія казачества», И. Х. Поповъ «Очерки исторіи Донского казачества»

С. Болдыревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Общественная жизнь на Дону

Я пишу на «Дону», хотя въ дѣйствительности въ полѣ моего зрѣнія находилась только сѣверная его часть — «Хопры», Хоперскій округъ съ его окружной Урюпинской станицей; но такъ какъ предполагается, что всѣ округа области построены болѣе или менѣе по одному «образу и подобію», то, думаю, что и въ другихъ округахъ общественная жизнь шла тѣмъ же порядкомъ, по тѣмъ же образцамъ, какъ и въ Хоперскомъ округѣ, привнося лишь свой мѣстный колоритъ.

По совѣсти сказать, мы мало знали весь Донъ, какъ нынѣшній, такъ и историческій; мало учитывали значеніе его общественной жизни и тѣмъ самымъ мы мало знаемъ чѣмъ Донъ силенъ духовно и чѣмъ онъ слабъ; почти не знали и главнаго его жителя — рядового казака, его подлинное лицо, его душу; у насъ былъ подходъ къ рядовому казаку нѣсколько слащавый, я бы сказалъ, «сюсюкающій», подлинная же его душа, его психологія передъ нами не раскрывалась; только революція смела этотъ несерьезный подходъ къ нему и обнаружила казака во весь его подлинный ростъ.

Но мы, интеллектуальный казачій слой, и самихъ себя, собственно, мало знали; только теперь, испытавъ всѣ превратности судьбы, только теперь, когда, побывавъ во многихъ странахъ, и, сравнивая себя съ другими, мы, какъ будто начинаемъ находить и цѣнить себя, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ.

Мнѣ бы хотѣлось здѣсь, на страницахъ «Станицы» писать то, что дѣлалось на Дону «общественностью», интелигенціей, противъ которой такъ много теперь говорятъ и пишутъ плохого.

Я буду, разумѣется, касаться, той работы, которая велась «общественностью», и при томъ въ жизни культурно-экономической.

Изъ учрежденій общественныхъ наиболѣе старшимъ по времени является «коммерческое» собраніе; это немного странное для Урюпинской станицы названіе «коммерческое» обусловливается тѣмъ, какъ мнѣ передавалъ старожилъ и завсегдатай клуба, что въ тѣ времена, когда учреждалось это собраніе, «Общественность» была подъ запретомъ; чтобы обойти это препятствіе, мѣстные люди, главнымъ образомъ, казаки-дворяне и служилый людъ, воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что въ станицѣ Урюпинской бываютъ въ году двѣ значительныя ярмарки, Покровская и Крещенская, куда прибывало много купцовъ изъ Москвы, Астрахани и даже Персіи; въ ярмарочныхъ корпусахъ даже былъ «мытный» дворъ, т. е. таможня; этому купечеству негдѣ, дескать, проводить вечернее время, почему для нихъ и было организовано это собраніе; для купцовъ, собственно, былъ рядъ трактировъ и не плохихъ, съ пѣсенниками, танцорами, духовымъ казачьимъ оркестромъ; только въ послѣднее время «коммерческое» собраніе было переименовано въ «общественное»; въ общежитіи же оно всегда называлось просто «клубомъ».

Это собраніе долгое время было единственнымъ мѣстомъ, гдѣ собиралась и развлекалась тогдашняя общественность и служилый классъ; здѣсь устраивались балы, маскарады, просто танцовальные вечера, спектакли, концерты; обычно здѣсь устраивались карты, лото, имѣлся билліардъ и само собой разумѣется, буфетъ.

При клубѣ имѣлась довольно большая библіотека, въ которой за время существованія клуба скопилось значительное количество книгъ и журналовъ, такъ что спросъ на книги вполнѣ удовлетворялся.

Въ зимнее время для любителей клубомъ устраивался катокъ, гдѣ по праздникамъ игралъ казачій духовой оркестръ.

Въ лѣтнее время клубъ переходилъ въ общественный садъ, гдѣ у него было свое помѣщеніе.

Къ одному изъ самыхъ раннихъ общественныхъ начинаній надо отнести и общество помощи бѣднымъ учащимся. Организація не пользовалась никакими субсидіями; средства собирала путемъ подписныхъ листовъ, устройства спектаклей и т. д. Главные расходы были внесеніе платы за правоученіе въ реальное училище, мужскую и женскую гимназіи, городское и 4-хклассное женское училище.

По тѣмъ временамъ сначала «коммерческое», а потомъ общественное собраніе удовлетворяло тихую мѣстную общественную жизнь, но чѣмъ ближе къ военнымъ временамъ, особенно съ 1904 — 1915 г. г. въ общественной жизни замѣчается переломъ: она выходитъ изъ дремотнаго состоянія и въ ней начинаетъ просыпаться интересъ къ мѣстнымъ дѣламъ.

Въ первую очередь надо отнести учрежденіе Общества Сельскихъ Хозяевъ съ выборнымъ совѣтомъ, имѣвшее цѣлью поощреніе и улучшеніе сельскаго хозяйства.

Донскимъ Войскомъ Обществу была отпущена ссуда въ 50.000 рублей.

Въ первую очередь Совѣтомъ былъ открытъ складъ сельско-хозяйственныхъ машинъ для продажи ихъ казакамъ въ разсрочку и по цѣнамъ ниже рыночныхъ; открыта была при складѣ и своя мастерская, гдѣ дѣлались, главнымъ образомъ, плуги и бороны; ко времени Великой войны и особенно во время ея складъ сыгралъ значительную роль; онъ давилъ своими цѣнами на спекулятивные аппетиты частныхъ торговцевъ и цѣны на рынкѣ долгое время держались на своемъ прежнемъ уровнѣ

и только передъ революціей, въ виду паденія цѣнности рубля, цѣны нѣсколько поднялись, сообразно общему подъему цѣнъ.

Во время войны, когда у общества образовались значительныя средства, было постановлено превратить маленькую мастерскую въ небольшой заводикъ, построивъ для него въ первую очередь литейную для отливки необходимыхъ частей сельско-хозяйственыхъ машинъ, чтобы имѣть возможность быть независящимъ отъ литейныхъ заводовъ, которые находились далеко и имъ нужно было переплачивать.

При обществѣ была молочная ферма и при ней участокъ войсковой земли; учреждена ферма съ цѣлью ввести улучшенную породу скота молочнаго, приготовлять масло и особенно сыръ; дѣло это было въ зачаточномъ состояніи; только во время войны Совѣтомъ об-ва было пріобрѣтено до 25 шт. коровъ, что съ прежде имѣвшимися коровами, составило стадо въ 40 головъ.

При помощи военно-плѣнныхъ для этого стада было построено большое помѣщеніе, приглашенъ новый управляющій, знакомый съ производствомъ сыра (латышъ); но революція разрушила это дѣло и обществу не удалось познакомить населеніе съ производствомъ сыровъ, отраслью сельского хозяйства весьма необходимой и совершенно неразвитой на Дону.

Уже во время Великой войны обществомъ С.-Х. была открыта школа-мастерская по корзиноплетенію; приглашенъ былъ инструкторъ по этому дѣлу, засажена была на войсковой землѣ, находившаяся въ распоряженіи Об-ва С.-Х. спеціальная лоза для корзиноплетенія; занятія въ школѣ были столь успѣшны, что издѣлія мастерской стали появляться на мѣстномъ рынкѣ, и нынѣшній Донской Атаманъ гр. Граббе, въ то время Донской Войсковой Наказный Атаманъ, при посѣщеніи имъ станицы Урюпинской, посѣтилъ и школу, гдѣ заказалъ для атаманскаго дворца въ Новочеркасскѣ гарнитуръ мебели (диванъ, два кресла, столъ); заказъ былъ своевременно выполненъ и доставленъ къ мѣсту назначенія.

Надо замѣтить, что одинъ изъ учениковъ школы освоившись съ этимъ дѣломъ, переѣхалъ на станцію «Филоново» и тамъ открылъ самостоятельную мастерскую.

Во время войны общественная дѣятельность приняла довольно широкіе размѣры; слѣдуетъ отмѣтить три дѣла, въ которыхъ, какъ инициатива, такъ и средства принадлежатъ исключительно общественности. Эти три дѣла: открытіе мужской гимназіи, открытіе женской больницы и кооператива.

Во время, предшествующее Великой войнѣ, у казачьяго населенія, земледѣльцевъ, стало обнаруживаться сильная тяга къ тому, чтобы давать своимъ дѣтямъ образованіе; существовавшее въ Урюпинѣ реальное училище принимало только 40 человѣкъ, хотя построенное новое зданіе свободно могло вмѣстить и двойной комплектъ; выдержавшихъ экзаменъ бывало отъ 90 до 100 мальчиковъ.

Открытіемъ и устройствомъ мужской классической гимназіи занялась группа лицъ, принадлежащихъ къ мѣстной «интеллигенціи».

Первымъ и самымъ главнымъ вопросомъ былъ, конечно, вопросъ денежный; такъ какъ мысль объ открытіи мужской гимназіи уже давно обсуждалась и была уже произведена подписка по листу, то образованному Комитету пришлось заняться въ первую очередь собираніемъ обѣщанныхъ денегъ, а также разослать подписные листы по всѣмъ станичнымъ Правленіямъ округа; каждая станица въ мѣру своихъ силъ отзывалась на призывъ и въ конечномъ счетѣ была собрана сумма въ 40.000 рублей, разумѣется, золотомъ.

Въ комитетъ по устройству и открытію гимназіи вошли слѣдующія лица самыхъ разнообразныхъ профессій и положеній: Носовъ П. И., окружн. предводитель дворянства, Предсѣдатель Комитета, далѣе по (алфавиту): Боровцевъ Е. Г., прис. пов., Брешенко К. Т., инспекторъ народн. учил., Будановъ И. П., прис. пов., Васильевъ И. К., торговецъ, Кашменскій Ф. Г., преп. реальн. уч., Красновъ Б. В., отставной военн. инженеръ, Кравенцевъ И. В., торговецъ, Лачиновъ о. К., наблюдатель церковно-прих. школъ, Тапилинъ Н. М., торговый казакъ, Свѣтозаровъ В. Н., преп. Реальнаго учил., Филиповъ К. Ф., окружн. ветер. врачъ, Шульпековъ А. А., казакъ, ктиторъ Вознесенской церкви.

Вопросъ объ открытіи гимназіи съ правами правительственныхъ былъ весьма важнымъ; отъ разрѣшенія его въ благопріятномъ смыслѣ весьма облегчалась вся дальнѣйшая работа, ибо и директоръ и всѣ служащіе гимназіи пользовались бы всѣми правами государственной службы.

Пришлось дѣйствовать по всѣмъ направленіямъ и главнымъ образомъ черезъ членовъ Государственной Думы отъ Дона, которые и выхлопотали это право у Министра Народнаго Просвѣщенія, тогда гр. Игнатьева; это обстоятельство сразу ставило гимназію на прочную почву; сдѣлано это было съ большимъ напоромъ, быстро, такъ что когда объ этомъ узнала (изъ нашихъ публикацій) одна начальница женской гимназіи въ Полтавѣ, то сдѣлала намъ запросъ, какъ это мы могли такъ быстро пріобрѣсти права казенныхъ гимназій. «Я хлопочу вотъ уже десять лѣтъ» ,пишетъ она: «и никакъ не могу добиться правъ для своей гимназіи, а вы не успѣли открыть, какъ уже получили ихъ!»

Обезпечивъ своей гимназіи права правительственныхъ, Комитетъ занялся подыскиваніемъ директора; къ этому дѣлу члены Комитета отнеслись особенно ревностно, ибо неудачная постановка учебнаго дѣла могла сразу испортить репутацію

«общественной» гимназіи; была сдѣлана публикація съ приглашеніемъ лицъ, желающихъ занять должность директора, прибыть въ Урюпинскую для ознакомленія, при чемъ Комитетъ оплачивалъ ж.-д. билетъ по 2 классу въ оба конца.

Въ результатѣ долгихъ собесѣдованій Комитетъ остановилъ свой выборъ на своемъ донскомъ казакѣ М. А. Горчуковѣ.

Гимназія открылась, если не ошибаюсь, въ составѣ 5 классовъ въ очень неудобномъ и тѣсномъ помѣщеніи.

Какъ только наладились занятія въ гимназіи, то Комитетъ сейчасъ же приступилъ къ хлопотамъ по постройкѣ собственаго зданія, что было дѣломъ далеко нелегкимъ, такъ какъ на это требовались значительныя суммы. Комитетъ рѣшилъ строить хозяйственнымъ способомъ, а не черезъ подрядчиковъ. Въ первую очередь требовалось большое количество кирпича (2 миліона); въ станицѣ Урюпинской былъ кирпичный заводъ, построенный для приготовленія кирпича для строившагося реальнаго училища; такъ какъ училище уже было построено, то заводъ бездѣйствовалъ; вотъ этотъ заводъ Комитетъ и рѣшилъ пріобрѣсти; отъ владѣльца завода было получено согласіе на продажу и всѣ предварительныя условія для пріобрѣтенія завода были уже закончены....

Тщательно обсуждался вопросъ о мѣстѣ, гдѣ слѣдовало бы построить гимназію.

Рѣшено было строить ее въ той части Урюпина, въ сторону которой должно идти дальнѣйшее расширеніе поселенія, тѣмъ болѣе, что тамъ, около вокзала) имѣлось большое хорошо огороженное мѣсто съ постройками для какихъ-то военныхъ надобностей; такъ какъ это учрежденіе расформировывалось, то освободившееся мѣсто поступало въ распоряженіе Комитета, о чемъ имѣлось уже согласіе областного правленія.; рядомъ съ этимъ мѣстомъ находился частный домъ; Комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ наслѣдниками владѣльца этого дома и уже приторговалъ его; мѣсто это было необходимо для округленія всего пространства, на которомъ должно быть расположено зданіе гимназіи.

Въ Хоперскомъ округѣ была только одна больница — окружная; въ округѣ сильно ощущался недостатокъ женской больницы.

Значительное большинство лицъ, входившихъ въ Комитетъ по устройству мужской гимназіи, образовалъ Комитетъ по устройству женской больницы и рѣшилъ выполнить и это большое дѣло.

И вотъ опять — подписные листы отдѣльнымъ лицамъ и по станицамъ; и опять собралась сумма, достаточная для покупки одного изъ лучшихъ мѣстъ въ Урюпинской станицѣ по Дворянской ул. Большой, весь мощеный, дворъ, много службъ изъ камня, много комнатъ въ домѣ.

Когда всѣ формальности по пріобрѣтенію дома были закончены, то Комитетомъ было вобзуждено передъ Войскомъ ходатайство о снабженіи больницы необходимымъ больничнымъ инвентаремъ (кроватями, матрасами, простынями и пр.); все это было принято Войскомъ на свой счетъ, а также и содержаніе врачей больницы (при Окружномъ Управленіи было три врача).

Также общественными усиліями, но гораздо ранѣе открытія мужской гимназіи, была открыта женская; для нея на общественныя средства было построено большое и хорошее зданіе; гимназіи были даны права правительственной и содержаніе ея принято на государственный счетъ.

Изъ общественныхъ начинаній надо еще отмѣтить существованіе въ теченіе нѣкотораго времени «вольной пожарной дружины»; но, лишенная интеллигентныхъ руководителей, дѣятельность ея не пріобрѣла особенно хорошую репутацію и дружина вскорѣ была закрыта.

На прочныхъ основахъ было организовано «собраніе приказчиковъ», куда, собственно, входили не только приказчики, но и торговый людъ вообще, а также и ремесленники; собраніе располагало приличнымъ помѣщеніемъ, гдѣ устраивались танцевальные вечера, спектакли, обѣды и т. п.

Курьезно отмѣтить существованіе «телефоннаго» общества, какъ извѣстно, эксплоатація почты, телеграфа и телефона принадлежитъ государству.

Какимъ образомъ случилось, что Урюпинскому Обществу дано было право устроить «свой» телефонъ, я не знаю, но этимъ разрѣшеніемъ Общество воспользовалось и быстро оборудовало «свой» телефонъ на 100 номеровъ; передъ революціей постановлено было пріобрѣсти новый коммутаторъ еще на 100 номеровъ, которые почти всѣ были предварительно расписаны; оно и не удивительно: казенный абонементъ стоилъ 75 руб., а свой — 15, только въ послѣднее время — 20 руб. Разница немаловажная.

Большую роль общественность сыграла въ Хоперскомъ Военно-Промышленномъ Комитетѣ, предсѣдателемъ котораго былъ Окружной Атаманъ полк. П. М. Грудневъ, впослѣдствіи генералъ.

И. Будановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris XIIIe. Le Gérant : **Ch. Quénet.**

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Съ акварели **А. Мельникова.**

СТАНИЦА

№ 18

STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ETUDIANTS COSAQUES DE PARIS

7, rue Jobbé-Duval, Paris (15e)

Avril 1936 **Prix : 2 frs**

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

« STANITZA » 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15e).

№ 18 **АПРѢЛЬ 1936 г.** **Годъ изданія 5-й**

Донской Атаманъ графъ М. Н. ГРАББЕ — Предсѣдатель и Правленіе Союза казаковъ-комбатантовъ поздравляютъ всѣхъ членовъ Союза и всѣхъ братьевъ казаковъ со Свѣтлымъ Праздникомъ Воскресенія Христова.

Отъ глубины любящаго сердца мы шлемъ также наше горячее Пасхальное привѣтствіе нашимъ роднымъ краямъ.

Христосъ Воскресе!

Войсковыхъ Атамановъ, нашихъ почетныхъ казаковъ и все казачество поздравляемъ отъ всей души со свѣтлымъ праздникомъ Христова Воскресенія съ пожеланіями добраго здоровья и плодотворной работы въ братскомъ единеніи всѣхъ казаковъ и всѣхъ войскъ вокругъ своихъ избранниковъ. Христосъ Воскресе!

Парижская студенческая
казачья станица.

Николай ТУРОВѢРОВЪ.

Р. М.

Мнѣ все мнится, что видѣлъ когда-то
Я страны твоей древней пустырь, —
Неземные снѣга Арарата,
У снѣговъ голубой монастырь.
Помню вѣтеръ твоихъ плоскогорій,
Скудныхъ рощъ невеселую сѣнь,
Вѣковое покорное горе
Разоренныхъ твоихъ деревень;
Помню горечь овечьяго сыра,
Твоихъ лозъ золотое вино....

Всю исторію древняго міра
Я забылъ, перепуталъ давно.
И не все ли равно, что тамъ было
И что мнѣ до библейскихъ эпохъ,
Если медленно ты подходила
Къ перекрестку нашихъ дорогъ,
Если встрѣтясь случайно и странно,
Знаю, завтра уйдешь уже прочь.
Не забыть твоей рѣчи гортанной,
Твоихъ глазъ ассирійскую ночь.

Д. И. ВОРОТЫНСКІЙ.

Панихида

Разсказъ.

Въ нижнемъ, съ облупленнымъ потолкомъ, храмѣ, подъ мрачными сводами было тихо и безлюдно.

Въ блестящихъ подсвѣчникахъ бездымно теплились тонкія бѣлыя свѣчечки, а надъ ними блуждали едва видимыя, быстро тающія душистыя облачка, — кадильные дымки.

Маленькій, сухощавый, съ рыжими волосами и бородой батюшка путался въ длинной потертой ризѣ и громко бряцалъ слабо тлѣющимъ кадиломъ.

Съ лѣвой стороны, въ темномъ углу, гдѣ въ золоченомъ уборѣ скорбная Богоматерь, озаренная отблескомъ красной лампады, на скамейкѣ сидѣлъ безработный казакъ Изваровъ въ потрепанномъ моднаго покроя пальтишкѣ и дырявыхъ темныхъ ботинкахъ. Онъ низко опустилъ косматую голову и слушалъ, какъ молодая, въ глубокомъ траурѣ, дама тихо всхлипывала при пѣніи погребальныхъ пѣсенъ объ ушедшей душѣ. Кто она, почему, какъ и онъ, одна, Изваровъ не старался уяснить. Онъ тоже приглашалъ на панихиду по отцѣ близкихъ друзей, но въ храмѣ онъ былъ одинъ.

Въ тихой церковной обстановкѣ не съ кѣмъ было подѣлиться послѣдними воспоминаніями объ отцѣ, погибшемъ не въ родномъ хуторѣ Березовѣ, а гдѣ-то въ невѣдомыхъ лѣсахъ каторжной Сибири.

Ярко стоялъ передъ нимъ ликъ сморщеннаго отъ горестей старика-отца и тщетно въ бѣгущихъ размышленіяхъ искалъ Изваровъ вину его ссылки.

Какъ будто совсѣмъ недавно онъ ѣхалъ съ отцомъ на каникулы, уже подросткомъ реалистомъ, на парѣ буланыхъ маштаковъ, запряженныхъ въ рыдванъ, по тряской дорогѣ войскового лѣса, который онъ такъ любилъ. Можно было ѣхать и шляховой дорогой, но отецъ всегда старался угодить единственному сыну, и они оба наслаждались чарами стараго лѣса.

Вспомнилъ и остановку на пятиснастной Дьяконовой мельницѣ, день и ночь запруженной казаками, ожидавшими очереди помола. Отъ мельницы на взгорьи тянулась цѣлая усадьба дьякона Бурыкина, съ огромнымъ домомъ посрединѣ, слывшаго на всю округу своими чудачествами. Дьяконъ самъ пилъ и спаивалъ казаковъ изъ огромной чары съ отбитой подставкой, которую онъ наполнялъ до отказа. Отопьетъ полчары казакъ и станетъ. «Все выпилъ, такъ закуси», говорилъ, глядя въ сторону, дьяконъ. Мнется казакъ, поставить недопитую чару нельзя — прольется, и снова начиналъ тянуть кабацкую сивуху.

Не забылъ Изваровъ, какъ пріѣхали съ Дьяконовой мельницы съ пьянымъ отцомъ въ Березовъ въ іюньскія сумерки, когда надъ широкой степью уже начинали зажигаться далекія звѣзды. Только на утренней поздней зарѣ отецъ помянулъ недобромъ дьякона Бурыкина, — на рыдванѣ не оказалось логунка съ дегтемъ, не было мѣшка съ солью, а большая бутыль съ гасомъ *) была разбита. Долго беззлобная худощавая мать бранила отца, но въ полдень за обѣдомъ они втроемъ смѣялись надъ причудами дьякона....

Болѣзненно всколыхнулись мысли, когда Изваровъ вспомнилъ послѣднее прощанье съ плачущимъ отцомъ въ Новороссійскѣ. Лилъ дождь, съ ревомъ и трескомъ бились морскія волны, а тысячи брошенныхъ на произволъ казаковъ толпились на побережьи, ожидая страшной встрѣчи съ красными. Изваровъ посовѣтовалъ отцу идти въ городъ, а самъ остался съ казаками...

Лишь тогда очнулся Изваровъ, когда, неслышно подойдя, въ черной косынкѣ сестра сказала привычныя два слова:

— Ваша очередь.

— Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Вздрогнулъ Изваровъ, какъ-то жутко стало въ темномъ подземномъ храмѣ. И чтобы разогнать одинокую жуть, сталъ подпѣвать, путаясь въ святыхъ словахъ, старому дьячку съ бѣлымъ, вмѣсто бороды, клочкомъ подъ нижней губой.

(Окончаніе на 3 стр.).

*) Керосинъ.

— Еще молимся о упокоеніи рабовъ Божіихъ новопреставленнаго Лазаря, Дарьи, Гликеріи, Авдея, — раздѣльно читалъ по бумажкѣ имена усопшихъ батюшка.

Таяла дешевая тоненькая свѣчка въ рукѣ Изварова. Желтоватый огонекъ своимъ трепетаньемъ давалъ сердцу покой, какъ будто свѣчечка была спасительнымъ маякомъ, гдѣ человѣкъ могъ найти жизненный толчекъ.

— О блаженномъ успеніи вѣчный поко-о-ой пода-а-аждь, Господи-и, устшимъ рабомъ Твоимъ новопреставленному Лазарю... протяжно вѣщалъ батюшка и громыхалъ въ послѣдній разъ совсѣмъ погасшимъ кадиломъ.

Опустился на колѣни Изваровъ и безсвязно повторялъ имя своего отца. Все была еще какая-то пустая надежда увидѣть его, но осталась только мысль о жизненной суетѣ.

Поцѣловалъ, плача, Распятіе и вышелъ изъ темнаго храма.

Падалъ мелкій дождь.

Д. Воротынскій.

Мартъ, 1936 г.

Николай РОЩИНЪ.

Опанасъ и Марія-Луиза

Н. Я. Рощинъ

Въ тотъ далекій годъ особенно долгой была гнилая и темная парижская зима, особенно тяжка чужбина, особенно сильна тоска по ушедшимъ. Въ ту зиму день у меня проходилъ въ одномъ, — въ мечтахъ о вечерѣ. А вечеромъ въ низкомъ кабачкѣ у кривой хозяйки встрѣчался я со своимъ старымъ умнымъ другомъ, мечтателемъ и бродягой.

Таинственныя красоты уральской тайги, тысячеверстные разливы зимнихъ сибирскихъ полей, сіяніе снѣговъ въ синемъ небѣ Кавказа, мирныя золотыя поля Украины и Дона — все, что только померещилось въ далекомъ снѣ и сразу смѣнилось громами, огнемъ и кровью, — все вставало теперь передо мною въ волшебномъ и горькомъ слѣпящемъ свѣтѣ. Мы засиживались до поздней ночи въ нашихъ лихорадочныхъ разговорахъ, и когда среди парижскихъ сквозняковъ вдругъ подулъ полный полевой вѣтеръ и заволокло по низкому небу лохматыя тучи, — наша тоска стала непереносимой. Мы рѣшили пойти пѣшкомъ, куда глаза глядятъ, — всюду земля, и одно солнце свѣтитъ эскимосу и кафру.

Не знаю, кто изъ насъ проболтался о нашихъ планахъ, — но насъ начали дразнить Робинзонами. А весной мой другъ заболѣлъ.

Весна французская — скачекъ въ обрывъ. Заснешь подъ вѣтеръ со снѣгомъ, а поднимешься — духота и зной. И когда въ мертвомъ городѣ загрохотали желѣзныя ставни, опускаясь на все лѣто, — въ одинъ изъ вечеровъ настигла меня уже совершенно непереносимая тоска и одиночество. Я спустился на улицу и въ мастерской у сосѣда-слесаря купилъ велосипедъ, а въ книжной лавочкѣ географическую карту Франціи. На разсвѣтѣ вышелъ я на окраину города, развернувъ карту, закрылъ глаза, ткнулъ въ карту пальцемъ и посмотрѣлъ. Палецъ упалъ на зеленые разводы съ невѣдомой надписью: «Ланды» и ближайшій городъ былъ Бордо. Я подошелъ къ полицейскому и спросилъ дорогу на Бордо. «Дорогу на Шарантонъ *) знаю, а Бордо — это очень далеко» — смѣясь отвѣтилъ онъ. Я выбрался за строенія и тихо поѣхалъ. До того я не садился за руль лѣтъ двадцать, и въ началѣ меня властно тянули къ себѣ всѣ столбы и заборы. Въ первые десять верстъ я упалъ разъ пятьдесятъ и весь исцарапался и изодрался. Потомъ пошло легко.

И вотъ Мелэнъ, Монтаржи, Фонтенбло, Орлеанъ. Я ѣхалъ, не вѣря своей свободѣ, и по мальчишески захлебывался отъ воздуха и радости. Я забирался въ лѣсъ, купался въ рѣчкѣ, стиралъ бѣлье, и пока оно сохло, бродилъ по берегу почти въ адамовомъ образѣ и собиралъ землянику. При-

---

*) Пригородъ Парижа, извѣстный своимъ сумасшедшимъ домомъ.

саживаясь на пенекъ, строчилъ я безхитростныя записки о путешествіи и опускалъ измазанный конвертъ въ ящикъ деревенской почты на адресъ одной изъ парижскихъ газетъ, не для славы, а для прокормленія.

Уже далеко за мною былъ Орлеанъ, чудеснымъ видѣніемъ промелькнулъ Блуа и отъ широкой Луары дорога свернула въ степь. Замкнутая и суровая романтика средневѣковья, возносившаяся къ небу стремительной готикой луарскихъ замковъ, смѣнилась нѣкимъ новымъ волнующимъ свѣтомъ.

Золотая пшеница съ тяжелыми колосьями, качавшимися какъ цѣпы въ неувѣренныхъ рукахъ, горохъ на крестовинахъ, бѣленые домики подъ замшѣвшими крушами, вишня, пруды, заросшіе кувшинками и ряской, необыкновенно далекій горизонтъ подъ синимъ жаркимъ небомъ, — широкимъ и лѣнивымъ. Право я былъ въ Полтавщинѣ и глазъ невольно кидался въ степь и искалъ журавля надъ криницею, и вѣтряка съ драными крыльями.

Стоялъ жаркій день. Тихо трогалъ я педали — не хотѣлось разставаться съ чужой, но чудесно сдѣланной иллюстраціей къ сладостнымъ моимъ воспоминаніямъ.

Навстрѣчу мнѣ показался тяжелый возъ сѣна. Пара тяжелыхъ воловъ мотали головами, и ярмо показалось мнѣ не по здѣшнему широкимъ.

Человѣкъ сидѣлъ на возу, по грудь утонувъ въ сѣнѣ. Высокій, веселый и громкій голосъ не въ мѣру вольно несся сверху. Невольно я прислушался и едва не упалъ, едва успѣлъ выскочить изъ сѣдла. Веселый голосъ пѣлъ:

...Й мѣсяцъ зійшовъ,
Нічь наступае
Воно ж. паночку,
Не заживае...

Я глянулъ наверхъ. Здоровенный дѣтина прерывалъ пѣніе звучнымъ цоканіемъ:

— Цобъ — цобе!..

Высокая мѣховая его шапка закинута была на затылокъ, а бѣлая разстегнутая рубаха расшита красными пѣтухами и елками по вороту и обшлагамъ.

— Гей, хлопче! — крикнулъ я, смѣясь.

Парень крякнулъ, подскочилъ и скатился съ воза.

— О шобъ тоби!...

Онъ быстрымъ движеніемъ сбилъ бѣлую пыль съ широкихъ штановъ, заправленныхъ въ сапоги, будто колѣнце пустилъ въ гопакѣ, и уставился на меня круглыми сѣрыми глазами.

— Отъ, чудасія.... Землякъ, та щей мабуть з украйнцівъ?...

Я смѣялся и даже съ нѣкимъ сомнѣніемъ оглядывалъ его широчайшіе плечи, тяжкую шею, всю его рѣпинскую фигуру.

— Какъ же вы тутъ, такой?

— Да якъ же жъ... Живу!

Я велъ велосипедъ въ рукѣ, мы шли рядомъ, волы ушли впередъ. — .... Служивъ въ батракахъ, въ наймытахъ.. А якъ до получки, то и нема половины — «за етранжерца, говоритъ, ито много»... — Подавись ты, говорю, зловреда, съ тихъ моихъ сиротскихъ грошей, подавись... Я етранжерецъ? Я самъ хозяинъ, я — кажу — якъ до дому вернуся, то до тебя кишку протягну, выше головы зерномъ засыплю, зловреда ты, говорю.... А винъ за жинку серчавъ, любилися мы трохи. Баба, звисно дило, до кавалера тягне, а винъ — горбыль, конопатый, да и старый якъ той грыбъ... Того же году задавила его машина, й заставсь я — на хозяина.... Вже й дитыну маю, хлопчикъ..

Мы свернули съ дороги на проселокъ. Скоро показалась деревня и первой у околицы, — бѣлая низенькая хатка въ два окна съ расписными ставнями. Алая вишня била изъ-за плетня и тяжело раскачивались тяжелые вѣнцы подсолнуховъ, а въ палисадникѣ, закрывая стѣны, пышно цвѣла мальва. И даже какой-то горшокъ косо торчалъ на колу плетня. На крыльцо вышла полная женщина въ платочкѣ, босая, и закрылась отъ солнца щиткомъ ладони.

— Панько!

— Це ж я, з кумомъ. От, дивитесь, — то жинка моя, Лизавета. По ихнему Марья-Лиза. Одна — якъ дви.

Скоро я сидѣлъ за широкимъ деревяннымъ столомъ и ѣлъ жирный борщъ, и яичницу, и розоватое, въ четыре пальца, не хуже полтавского, сало и пилъ чай съ молокомъ и темными сдобными коржиками.

— У насъ усе село борщъ истъ, даромъ що французы. Навчилися.

(Окончаніе на 5 стр.).

ПОПРАВКА

Въ № 17 «Станицы», на стр. 10, вторая колонна, послѣднія три строки, въ статью «Въ союзѣ казаковъ-комбатантовъ», вкралась ошибка.

Эти строки слѣдуетъ читать такъ:

«До 1 декабря 1935 г. въ кассу Союза поступило 8.995 фр. 10 сант., изъ коихъ 2775 фр. 10 с. были израсходованы на оказаніе помощи членамъ Союза, 3859 фр. 90 сант. были израсходованы на взносы въ «U. N. C.», вознагражденіе дѣлопроизводителю, наемъ помѣщенія, почтовые и канцелярскіе расходы, на служебныя поѣздки и на изданіе информацій. 2360 фр. 10 с. состояло въ наличности къ 1 декабря, т. е. ко дню повѣрки денежныхъ книгъ и отчетности ревизіонной комиссіей».

Бѣлоголовый, съ лукавыми глазенками, мальчуганъ возился у велосипеда и дулъ въ рожокъ. Для сосѣдей онъ былъ Базиль, для отца съ матерью — Василь. Я разговаривалъ съ хозяйкой, пышнотѣлой и крупной, по началу стѣснявшейся, а потомъ разошедшейся и хохотавшей безъ умолку. Она говорила неправильно, но всѣ ошибки ея рѣчи совершенно искупала точно пойманная на слухъ манера разухабисто вольнаго, мягкаго и сочнаго хохлацкаго говора. Еще пересыпала она рѣчь французскими всплесками голоса, но уже давно привычное прежде

— Зють, алоръ!

Замѣнилось у нея смѣшноватымъ:

— О, тшортъ!

— Отъ, тшертяка!..

Цѣлые сутки провелъ я у милыхъ земляковъ, и уѣхалъ съ чувствомъ искренняго сожалѣнія, но и съ твердымъ намѣреніемъ воспользоваться настойчивыми приглашеніями, — на свободкѣ еще разъ пріѣхать «погостувати».

Николай Рощинъ.

И. П. БУДАНОВЪ.

Общественная жизнь на Дону

(Окончаніе)*).

Для борьбы съ все возрастающей во время войны дороговизной и недобросовѣстной спекуляціей было открыто кооперативно-потребительское общество; движеніе это чисто общественное, когда и инициатива и капиталъ, необходимый для этого дѣла, былъ общественный, въ противность С.-Х-О., гдѣ Войско отпустило все-таки 50.000 рублей; оно получило полный успѣхъ, ибо пользовалось полнымъ довѣріемъ населенія; обороты росли не по днямъ, какъ говорится, а по часамъ; цѣны не возрастали, какъ происходило вездѣ и всюду и на долго задерживались на прежнемъ уровнѣ, а нѣкоторые товары, цѣна на которые была вздута спекуляціей, испытали значительное пониженіе въ цѣнѣ; такъ, напримѣръ, одинъ довольно распространенный товаръ продавался мѣстными торговцами по 1 р. 35 к. за фунтъ, кооперативъ же отпускалъ по 90 к. тотъ же сортъ. Кромѣ того еще, что всякій членъ Кооператива въ концѣ года имѣлъ еще получить обратно изъ Кооператива извѣстный процентъ на сумму купленнаго имъ товара, что, конечно, еще больше понижало цѣну товара.

Особенно важную роль сыгралъ кооперативъ открытіемъ своей хлѣбопекарни.

Была въ Урюпинѣ крупная хлѣбопекарня, принадлежавшая закавказскому армянину; въ сентябрѣ мѣсяцѣ владѣлецъ ея заявилъ, что съ октября онъ не можетъ продавать хлѣбъ по 10 к. за фунтъ, а долженъ увеличить до 15 к. — предпріятіе, дескать, работаетъ себѣ въ убытокъ.

Правленіе Кооператива, учитывая тяжелыя послѣдствія для населенія отъ такого чрезмѣрнаго подъема цѣнъ, приняло рѣшительныя мѣры къ пресѣченію подобнаго разгула цѣнъ, и къ октябрю открыло свою пекарню, продавая хлѣбъ по 10 коп. за фунтъ; эта цѣна продержалась до марта мѣсяца слѣдующаго года, когда, дѣйствительно, пришлось повысить цѣну на хлѣбъ на... одну копѣйку за фунтъ.

Благодаря кооперативу и при его поддержкѣ (значительными заказами) существовалъ мыловаренный заводъ, дававшій простое мыло, но высокаго качества, безъ какихъ либо химическихъ примѣсей.

Урюпинская станица представляла все таки нѣкоторый центръ, гдѣ были сосредоточены интеллигентскія силы; но общественная дѣятельность стала проникать и въ самый округъ, захватывая все большіе и большіе круги.

Общественные дѣятели хут. Самсонова (ж.-д. станція «Филоново»), тоже открыли общественную мужскую гимназію, организовали потребительный кооперативъ, который быстро достигъ большихъ оборотовъ; существовавшая тамъ частная женская гимназія Д. Малаховой, донской казачки, затратившей много силъ и заботъ на ея открытіе и поддержаніе, получила права казенныхъ.

Почти во всѣхъ станицахъ Хоперскаго округа открывались потребительскіе кооперативы; особенно надо отмѣтить открытіе общественныхъ ссудо-сберегательныхъ кассъ; значеніе ихъ для населенія было громадно: они втянули въ общественную дѣятельность, чисто практическую, широкіе круги казачьяго земледѣльческаго населенія, помогая ему, путемъ ссудъ, покупать сельско-хозяйственныя машины; въ послѣднее время, проѣзжая по любому хутору, можно было видѣть почти у каждаго двора (чтобы можно было скорѣе отвести отъ дома въ случаѣ пожара) подъ навѣсомъ косилки-жнейки. Эти ссудо-сберегательныя кассы напоминаютъ собой нѣмецкія райфезеновскія кассы, сыгравшія не-

---

*) См. № 17 «Станицы».

малую роль въ развитіи германской промышленности.

Изъ этого бѣглаго и неполнаго очерка, можно видѣть, что общественная жизнь на Дону, по крайней мѣрѣ, на его сѣверѣ, была довольно развита; дѣятельность эта была чисто практической и шла въ направленіи культурно-экономическомъ.

Когда мнѣ приходилось въ неказачьей культурной средѣ разсказывать о нашей казачьей общественной работѣ, то многіе не вѣрятъ: «ну, это у васъ тамъ, на Дону», обыкновенно иронически замѣчаютъ.

И вотъ такъ хорошо было наладившаяся общественная работа оборвалась: пришелъ нѣкто въ красномъ — и вся наша работа, всѣ наши труды пошли прахомъ.

Да только-ли наши?!

И. Будановъ.

„ЖАРОВЦЫ" ВЪ ПАРИЖѢ

23 марта пріѣхали въ Парижъ долгожданные гости — прославленный донской казачій хоръ во главѣ съ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Жаровымъ — по образному выраженію ген. П. Н. Краснова «гордостью и украшеніемъ Донского Войска, пронесшаго славу Донскихъ казаковъ по всѣмъ материкамъ земного шара, по всѣмъ далекимъ морямъ и океанамъ»...

Въ тотъ же день хоръ во главѣ съ С. А. Жаровымъ, присутствовалъ на отпѣваніи скончавшагося знаменитаго русскаго композитора А. К. Глазунова. Делегатъ отъ хора, въ казачьей формѣ, возложилъ роскошный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

24 марта громадный залъ Плейель вмѣстилъ болѣе 2000 слушателей, среди которыхъ было много иностранцевъ; въ центральной ложѣ начальникъ дворца инвалидовъ генералъ Маріо съ супругой, взявшій концертъ подъ свое покровительство, такъ какъ доходъ отъ него хоръ пожертвовалъ въ пользу Зарубежнаго Союза русскихъ военныхъ инвалидовъ.

Иностранная и русская пресса была представлена музыкальными критиками. Конечно, казаки массово посѣтили концертъ, и то и дѣло мелькали въ антрактахъ знакомыя лица казаковъ-«парижанъ», со своими семьями.

Абсолютная тишина, царившая во время выступленія хора на протяженіи 3 часовъ, прерывалась бурными аплодисментами, переходящими въ оваціи, послѣ каждой вещи. Въ программѣ, состоявшей изъ трехъ отдѣленій, исполнены были произведенія Бортнянскаго, Чайковскаго, Кастальскаго, Чеснокова, Шведова, Гогоцкаго, Нишенскаго, Римскаго-Корсакова. Многое — въ аранжировкѣ Жарова.

Долго не отпускала публика съ эстрады хоръ, который вынужденъ былъ выходить много разъ на «бисъ».

Во второмъ антрактѣ С. А. Жаровъ былъ приглашенъ въ ложу ген. Маріо, привѣтствовавшаго его и благодарившаго за доставленное большое удовольствіе. Донской Атаманъ гр. М. Н. Граббе и ген. П. Н. Красновъ, прослѣдовавшіе за кулисы, были встрѣчены участниками хора пѣніемъ «многая лѣта».

Атаманъ отъ имени Войска благодарилъ хоръ за творимое имъ большое дѣло прославленія за рубежомъ казачьяго имени. Съ большимъ подъемомъ говорилъ П. Н. Красновъ, зачаровавъ своихъ слушателей свойственнымъ бывшему Донскому Атаману, донскому герою и извѣстному писателю краснорѣчіемъ. Не выдержали «жаровцы» и бурно апплодировали въ концѣ рѣчи П. Н. Краснова, обнявшаго и трижды поцѣловавшаго С. А. Жарова.

На другой день, въ среду 25-го марта хоръ пѣлъ въ храмѣ Сергіевскаго Подворья на отслуженной епископомъ Іоанномъ панихидѣ по Донском Атаманѣ ген. А. П. Богаевскомъ, въ канунъ дня его Ангела, и по ген. А. К. Гусельщиковѣ, въ 40-й день его кончины. Какъ извѣстно, хоръ Жарова образовался изъ чиновъ Гундоровскаго Георгіевскаго полка, которымъ командовалъ покойный генералъ. Въ тотъ же день, въ 8 час. вечера хоръ пѣлъ по радіо на «Постъ Паризьенъ».

Семья донцовъ, собравшаяся вокругъ обаятельнаго человѣка, талантливѣйшаго регента, съ чуткой, воистину музыкальной душой, съ свѣтлыми юношескими глазами, съ ласковой, привѣтливой улыбкой, какъ мы его привыкли видѣть на фотографіяхъ и въ жизни, представляетъ изъ себя не только хоръ, пѣніемъ котораго восторгаются столицы, малые и большіе города на Западѣ и за океаномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ «жаровцы» — это крѣпкая, сильная организація, творящая въ громадномъ масштабѣ и на протяженіи долгихъ 12 лѣтъ большое не только казачье, то и русское національное дѣло.

Русская культура и искусство въ области народной пѣсни и произведеній русскихъ композиторовъ, разносится по всему свѣту С. А. Жаровымъ и его хоромъ, знакомя иностранцевъ съ ихъ красотой въ мастерскомъ исполненіи ,а намъ даетъ возможность наслаждаться «волшебнымъ звукомъ знакомыхъ словъ» и родными мотивами.

П. Гусевъ.

Манчжурскія степи

(Отрывокъ).

Вотъ какъ описываетъ манчжурскія степи русскій путешественникъ, объѣхавшій минувшимъ лѣтомъ многія мѣста въ Манчжуріи.

— «Острымъ душистымъ ароматомъ сухихъ солончаковыхъ травъ пахнутъ великія манчжурскія степи, протянувшіяся широкой полосой къ югу отъ могучаго Чернаго Дракона *). Будто жаждущая лань, прильнула степь зелеными берегами къ водамъ красавицы Аргуни, и у береговъ великаго Далайнора, какъ любящій братъ съ сестрой, встрѣчаются въ объятіяхъ манчжурская степь съ монгольской пустыней».

— «Дивно хороша степь! — восклицаетъ авторъ, описывающій степные просторы Манчжуріи. — Сколько жизни таится въ ней .. Вотъ стая жаворонковъ поднялась, трепеща крыльями, въ кристальную высь; вотъ соловей огласилъ степныя дали звонкою пѣсней; вотъ орелъ опоясалъ царственнымъ полетомъ голубое небо; вотъ стайка тарабагановъ нырнула въ глубину своихъ норокъ; вотъ стадо граціозныхъ козъ пробѣжало по склону невысокой сопки; вотъ красавица дзеренъ **) промчалась, какъ ласточка, и скрылась въ зеленомъ ущельи.

— «Монголы, буряты, баргуты пасутъ въ необозримыхъ просторахъ этой степи свои безчисленныя стада; поселенцы Трехрѣчья, Хайлара и Манчжуріи — русскіе казаки и крестьяне — выгоняютъ на эти привольныя поля коровъ, овецъ и верблюдовъ, а веселые мальчишки, съ русыми и льняными головками, какъ у Тургенева на Бѣжиномъ лугу, скачутъ въ одиночку или съ «ундулой», весело гоняя передъ собой табуны коней».

— Въ одномъ мѣстѣ путешественникъ встрѣтилъ группу русскихъ мальчиковъ, которые шли съ пѣснями:

— Взвейся выше наше знамя,
Выше снѣжныхъ горъ, хребтовъ!.. —

— «Отрядъ юношей, человѣкъ въ двѣнадцать, на статныхъ монгольскихъ лошадяхъ ѣхалъ по долинѣ, между невысокихъ горъ. Загорѣлыя веселыя лица молодыхъ казачатъ, въ защитныхъ рубашкахъ, мускулистыя крѣпкія руки, держащія поводья уздечекъ, вольная, прирожденная, посадка — все обличало въ этихъ юношахъ смѣлыхъ наѣздниковъ и сильныхъ духомъ русскихъ дѣтей».

— Надъ великою Россіей
Вѣтеръ кличъ нашъ пронесетъ,
Насъ услышатъ наши братья,
Насъ услышитъ весь народъ....

— «Далеко разносилась по безбрежной степи могучая громкая пѣсня, которая говорила о вѣрѣ, о родинѣ, о бѣлой русской славѣ, о грядущихъ временахъ...».

***

*) Такъ по-китайски называется рѣка Амуръ.
**) Антилопа.

Новые журналы и книги:

НОВЫЕ ЖУРНАЛЫ И КНИГИ:

«АТАМАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ № 3. 31 марта 1936 г. Органъ Донского Атамана. Парижъ.

«ВОЛЬНАЯ КУБАНЬ» № 1 (135), информація. Изданіе Кубанской Канцеляріи. Мартъ. 1936 г. Бѣлградъ.

«КАЗАЧЬЯ МЫСЛЬ» № 6-7. Прага, январь-апрѣль 1936 г. Редакторъ инж. И. Р. Кохановсковъ.

«НАША СТАНИЦА», информаціонный журналъ Кубанской казачьей имени Кошевого Атамана Сидора Бѣлаго станицы. № 3 (13). Бѣлградъ. Мартъ 1936 г.

П. Н. КРАСНОВЪ. «Домой», романъ. Изд. В. Сіяльскаго. Парижъ.

К. ПАРЧЕВСКІЙ. Въ Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки, съ приложеніемъ карты, статистическихъ свѣдѣній и адресовъ русскихъ учрежденій.

«ИСТОРІЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВЪ СССР», томъ I: отъ начала войны до октября 1917 г. 348 стр. альбомн. форм., съ иллюстр. въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Изд. ОГИЗ. Государственное издательство «Исторія гражданской войны», Москва.

«ЛЕЙБЪ-КАЗАКЪ». Находится въ печати сборн. «Лейбъ-Казакъ» подъ редакціей И. И. Сагацкаго, въ изданіи полкового музея Л.-Гв. Казачьяго Е. В. полка. Въ сборникъ войдутъ стихотворенія, принадлежащія, большею частью, перу лейбъ-казаковъ, отражающія жизнь полка и полковыя настроенія различныхъ періодовъ его бытія. Изданіе выпускается въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, большинство которыхъ расписано уже среди однополчанъ. Цѣна 10 франковъ.

ИВАНЪ КОЛЕСОВЪ. Стихи, пѣсни и разсказы. Изд. «Литературной Казачьей Семьи». Братислава, 1936 г.

Бейрутъ (Сирія)

Музыкально-вокальный ансамбль.

По иниціативѣ казаковъ, проживающихъ въ Бейрутѣ, организованныхъ въ казачью станицу, во главѣ съ помощникомъ станичнаго атамана полк. В. И. Поляковымъ создался музыкально-вокальный ансамбль казачье-русской колоніи въ г. Бейрутѣ. Ансамбль далъ 8 февраля концертъ въ Американскомъ колледжѣ. Несмотря на высокія цѣны (отъ 10 до 40 фр.) за день до концерта у входа въ театръ, вмѣщающій 700 человѣкъ, былъ вывѣшенъ аншлагъ — «всѣ билеты проданы». Впервые за 15-лѣтнее пребываніе русскихъ эмигрантовъ въ Бейрутѣ, благодаря исключительной энергіи казаковъ, мѣстная публика услышала русскую музыку, русскую пѣсню и танцы. Послѣ пасхальной недѣли хоръ даетъ еще одинъ концертъ и, кромѣ того, онъ получилъ уже ангажементъ еще на два концерта въ результатѣ большого художественнаго успѣха вечера 8-го февраля.

Парагвай

3 мѣсяца тому назадъ семья А. обосновалась въ Асунсіонѣ. Хозяйка дома, казачка ст. Пятиизбянской Дон. В. привезла съ собой и всѣ предметы «Казачьяго кіота». Часть изъ нихъ изображена здѣсь, направо: фотографіи «Платовцевъ» и джигитовъ ес. Юркова, дон. флагъ, степной крестъ, дон. фуражка, кубанка, стремена, кинжалъ, удила, погонъ Дон. кадет. корпуса, кавказскій поясъ, подкова, и пр. — все это будетъ напоминать нашимъ «парагвайцамъ» объ ихъ родныхъ и далекихъ казачьихъ краяхъ.

ПО КАЗАЧЬЕМ

ВО ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛІИ

Шанхайская русская газета «Слово» сообщаетъ, что во внутренней Монголіи, на рѣкѣ Чолъ образовалось 7 русскихъ поселковъ, привлекающихъ къ себѣ сугубое вниманіе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и эмигрантскихъ организацій.

Въ каждомъ изъ этихъ поселковъ насчитывается до 50 семей. Первыми піонерами-новоселами явились, главнымъ образомъ, Забайкальскіе, Амурскіе и Уссурійскіе казаки, а изъ не-казаковъ переселялись бывшіе желѣзнодорожники КВЖД, приписавшіеся къ казакамъ и составившіе съ ними одну общую семью.

Общины управляются станичными сходами съ выборными атаманами во главѣ. Въ срединѣ лѣта 1935 г. три крѣпкихъ независимыхъ хутора образовались изъ переселенцевъ Трехрѣчья и изъ старообрядцевъ. Обѣ группы новоселовъ прибыли на новыя земельныя угодья со своимъ инвентаремъ, животными, птицей и пр. Одинъ казакъ прибылъ туда на 10 пароконныхъ подводахъ и привелъ съ собой 18 головъ молочнаго скота.

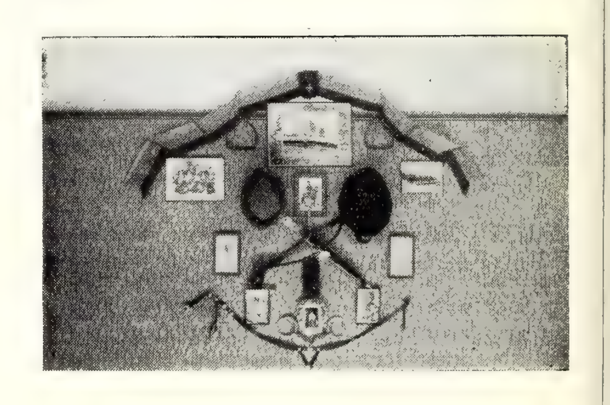
СОБРАНІЕ ПАМЯТИ ГЕН. П. И. СЕКРЕТЕВА

26 апрѣля, въ полугодовщину со дня кончины ген. П. И. Секретева состоится въ Парижѣ, въ залѣ О-ва Галлиполійцевъ торжественное засѣданіе, посвященное памяти почившаго.

Передъ собраніемъ будетъ отслужена панихида.

СТАНИЧНАЯ ЧАШКА ЧАЮ

Въ воскресенье 17 мая состоится «чашка чаю членовъ нашей станицы, ихъ друзей и знакомыхъ въ Галлиполійскомъ собраніи (81, рю Фезандери), въ 5 час. веч. Гости — по приглашеніямъ членовъ станицы.

БѢЛУ-СВѢТУ

ДОНСКОЙ ДАМСКІЙ КОМИТЕТЪ

Наши донскія казачки, во главѣ съ супругой Донского Атамана, графиней С. И. Граббе, организовали дамскій комитетъ, поставившій себѣ цѣлью оказывать помощь дѣтямъ, больнымъ, нуждающимся и престарѣлымъ казакамъ и ихъ семьямъ. Въ правленіе вошли: Н. Н. Ноздрина (казначей), В. Ф. Александрина, Е. І. Бодрухина, Е. В. Балабина, Н. И. Захарова, М. Н. Прокофьева, Е. А. Пашутина, А. А. Чукавова. Секретарь — В. М. Александринъ.

Не приходится и говорить о необходимости созданія такой организаціи. Отъ всей души привѣтствуемъ полезное начинаніе и пожелаемъ плодотворной работы. Работа уже началась: 13 января 98 казачатъ веселились на устроенной комитетомъ елкѣ въ Аньерѣ. Для сбора средствъ на устройство для дѣтей дня «пасхальнаго краснаго яичка» дамы устроили балъ-кабарэ въ залѣ Монтеспань, прошедшій очень удачно. На собранныя средства 13-го апрѣля дѣтямъ было предложено обильное угощеніе. Въ планъ дѣятельности комитета включено и посѣщеніе его членами больныхъ казаковъ и казачекъ въ парижскихъ госпиталяхъ.

Для усиленія средствъ Комитетъ устраиваетъ 9 мая въ залахъ на ав. Ошъ № 15 балъ съ выступл. артистовъ и съ танцами до утра. Билеты по 5 фр.

ПАНИХИДА ПО ГЕНЕРАЛАМЪ А. П. БОГАЕВСКОМЪ И А. К. ГУСЕЛЬЩИКОВѢ

25 марта въ храмѣ Сергіевскаго подворья, въ канунъ дня Ангела покойнаго Донского Атамана А. П. Богаевскаго и въ 40-й день со дня кончины ген. А. К. Гусельщикова была отслужена панихида.

Инициатива исходила отъ станицъ въ Коломбели и Ганьи и хуторовъ въ Дранси и Шампани, носящихъ имя покойнаго Атамана, и хора С. А. Жарова.

Панихиду служилъ епископъ Іоаннъ, сказавшій весьма прочувствованное слово, посвященное памяти усопшихъ. Прекрасно пѣлъ хоръ С. А. Жарова.

Храмъ былъ переполненъ молящимися.

По окончаніи панихиды епископъ Іоаннъ сказалъ горячее слово о бѣдственномъ положеніи казаковъ-стариковъ и инвалидовъ, живущихъ въ убѣжищѣ на Шипкѣ, и призывалъ молящихся, въ память усопшихъ генераловъ, оказать имъ поддержку посильной жертвой на красное яичко въ свѣтлой Пасхѣ.

Атаманъ хутора Дранси полковникъ Федоровъ, какъ уполномоченный организацій устраивавшихъ панихиду, обошелъ съ тарелкой присутствующихъ въ храмѣ. Было пожертвовано 114 франковъ.

Эта сумма представлена Правленію Союза казаковъ-Комбатантовъ, куда старики-инвалиды обратились за помощью. Она будетъ нѣсколько увеличена пожертвованіями, которыя поступятъ отъ другихъ казачьихъ организацій Парижа и его окрестностей.

Положеніе же глубокихъ стариковъ (есть старше 82 лѣтъ) очень тяжелое... Деньги, которыя удается собрать и переслать, будутъ имъ какъ бы подаркомъ отъ тѣхъ доблестныхъ казачьихъ генераловъ, о которыхъ молились на панихидѣ и съ которыми многіе старики и инвалиды связаны жертвенной своей службой Родинѣ въ годину смуты.

Бѣлградъ

ВЕЧЕРЪ ТЕРСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ.

Терскіе казачата: Толя и Витя Сапроновы, Коля, Алеша и Валя Нестеренко, Коля и Петя Мальчушкины и Вася Кузьменко, съ большимъ успѣхомъ разыгравшіе инсценировку «Вечерней зари» и имѣвшіе бурный успѣхъ въ исполненіи лезгинки.

С. В. БОЛДЫРЕВЪ.

ДОНЦЫ ВЪ XIX И XX СТОЛѢТІЯХЪ

(Продолженіе).

Въ популярныхъ газетахъ, журналахъ и сборникахъ печатаются стихотворенія донскихъ поэтовъ. Изъ нихъ выпустили сборники своихъ стихотвореній: А. А. Леоновъ, онъ издалъ три отдѣльныхъ сборника: «Стихотворенія», «Современныя пѣсни» и «Стихотворенія». Выдающійся той эпохи критикъ Сенковскій посвятилъ А. А. Леонову большую похвальную статью, какъ автору прекрасныхъ стихотвореній. Отмѣтили его и др. критики. Выпустили сборники: А. В. Туровѣровъ — «Казачьи досуги» (авторъ извѣстнаго казакамъ стихотворенія «Конь боевой» и др.), А. С. Серебрякова — «Стихотворенія», П. Н. Красновъ — «Изъ западныхъ лириковъ», В. А. Дмитровъ (Полочанинъ) — «Грезы юности», Н. Щедровъ — «Пѣсни о славномъ Тихомъ Донѣ», Е. П. Савельевъ — «Казаки», Н. Евсѣевъ — «Годы мятежные», Н. И. Красовскій — «Стихотворенія», а также сборники: А. А. Карасева, В. П. Петрова, В. Дикова, В. И. Турчанинова и др.

На столичныхъ выставкахъ; въ Академіи Художествъ, на «передвижныхъ» и заграничныхъ, выставляются произведенія художниковъ-донцовъ. Пейзажисты: В. В. Поляковъ (лучшія картины: «Калмыкъ въ степи» и «Казачій Курень»), Н. П. Карповъ (выставл. въ Англіи), И. И. Крыловъ (лучш — «Аулъ въ горахъ»), И. Калмыковъ. Портретисты: И. В. Болдыревъ, Соловьевъ. Баталисты: М. Грековъ (премія въ Италіи), Е. З. Краснушкина офортъ-гравюра «Казакъ» была куплена на выставкѣ въ Римѣ королемъ Викторомъ Эмануиломъ III. Альбомъ офортовъ пріобрѣтенъ былъ Императоромъ Александромъ III, другой альбомъ былъ купленъ Императорскимъ Эрмитажемъ. Художникъ Н. Я. Быкадоровъ, командированный Академіей Художествъ заграницу, умеръ тамъ на 27 году отъ роду, не успѣвъ развить свой незаурядный талантъ. Художники: А. Г. Пемовъ, А. К. Ленивовъ, Бударинъ, Е. П. Рытченковъ и др., но самые замѣчательные изъ донцовъ, кромѣ упомянутыхъ раньше академиковъ и художниковъ перваго класса: Ф. Ф. Фомина (Репнина) и А. Е. Егорова, это знаменитый историческій живописецъ — В. И. Суриковъ, авторъ извѣстныхъ картинъ: «Покореніе Ермакомъ Сибири», «Боярыня Морозова», «Стрѣлецкій бунтъ», «Переходъ Суворова черезъ Альпы», «Меншиковъ въ ссылкѣ» и др., находящіяся въ музеѣ Императора Александра III и Третьяковской галлереѣ, и академикъ - пейзажистъ Н. Н. Дубовской; его лучшія полотна: «Зима», «Паритъ», «Притихло», «Ранняя весна» и др., также находящіяся въ музеяхъ.—

На сценѣ Императорскихъ театровъ извѣстны были артисты оперы: Л. И. Леоновъ, И. Н. Прянишниковъ (впослѣдствіи директоръ Тифлисской оперы), В. А. Левицкій, А. С. Соцковъ, И. И. Ершовъ, А. М. Трастянскій. Заслуженные артисты Императорскихъ театровъ: знаменитый въ свое время (вторая пол. XIX в.) С. Г. Власовъ и Ольгинъ (Полушкинъ). Артистъ Музыкальной драмы — И. В. Авчинниковъ, артисты драмы:: Леонидовъ (Поповъ), Петровъ, И. И. Крыловъ и Михайловъ и популярная на Югѣ Россіи артистка драмы — Л. И. Огинская (Иловайская).

Изъ композиторовъ отмѣтимъ: С. А. Траилина (оперы: «Тарасъ Бульба», «Стенька Разинъ», «Хаджи-Абрекъ», «Богатый гость Терентьище», «Рыцарь и фея», «Гашишъ»), авторъ симфоній, кантатъ и романсовъ въ изданіи «Сѣверная Лира». Е. А. Волошиновъ (бывшій директоръ Ростовской консерваторіи) — «Донской Скрябинъ». Апостоловъ, оставившій нѣсколько прекрасныхъ музыкальныхъ произведеній, а его «вальсы» одно время имѣли большой успѣхъ. М. И. Грековъ — авторъ нѣсколькихъ произведеній — лучшее изъ нихъ «Два великана» на слова стихотворенія Лермонтова, того же названія. І. А. Поздѣевъ — композиторъ и піанистъ.

Отмѣтимъ здѣсь скрипача-виртуоза К. Н. Думчева — знаменитаго «Костю Думчева» и, наконецъ, извѣстнаго А. А. Ханженкова — піонера кинематографическаго дѣла въ Россіи, и И. Д. Орлова, въ своемъ родѣ замѣчательнаго человѣка, какъ рѣдкаго знатока старинныхъ гравюръ. Его коллекція гравюръ была самая замѣчательная въ Россіи и среди знатоковъ и любителей этого дѣла имѣла міровую извѣстность.

Какъ видно изъ этого сжатаго, конспективнаго очерка, Донскіе казаки за небольшой для исторіи срокъ со дня выхода «указа о графической культурѣ» (1875 г.), дали достаточный списокъ именъ, выдвинувшихся на различныхъ поприщахъ культуры.

(Продолженіе на 11 стр.).

БЕЗПЛАТНЫЕ УРОКИ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ

Обществомъ «Альянсъ Франсэзъ» (101, бульв. Распай) организованы безплатные уроки французскаго языка для иностранцевъ. Преподаетъ м-ль Карлье по четвергамъ и пятницамъ въ 6 час. 30 мин. вечера.

Революція нарушила и пріостановила нормальное теченіе русской культуры и, мы, находящіеся болѣе полутора десятка лѣтъ заграницей, совершенно отрѣзанные отъ Родныхъ краевъ, какъ за «Чертополохомъ», не можемъ слѣдить, что творится на Родинѣ и лишь знаемъ о талантливомъ донскомъ писателѣ М. Шолоховѣ, да о «прославленномъ» совѣтскомъ «піитѣ» — «Демьянѣ Бѣдномъ» (казакъ Новочеркасской станицы Казмичевъ).

Здѣсь, въ эмиграціи, въ дни нашего «безвременья», когда по образному выраженію великаго поэта Пушкина — «печной горшокъ всего дороже», все же сильные духомъ донцы, несмотря на всѣ жизненныя невзгоды, выбились на свою дорогу и продолжаютъ служить: одни наукѣ, другіе искусству. Цѣлый рядъ донцовъ съ законченнымъ высшимъ образованіемъ отдалъ себя для служенія наукѣ въ заграничныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ профессора. Въ области литературы и искусства также достаточно выявили себя донцы.

Знаменитые Донскіе хоры съ пѣсней объѣхавшіе земной шаръ, прославляютъ казачье имя.

Талантливый оперный дирижеръ А. Е. Власовъ, артисты оперы: В. И. Браминовъ, Н. В. Мельниковъ, Я. В. Тетеревятниковъ, пѣвецъ Н. А. Лепорскій, пріобрѣли извѣстную популярность заграницей.

Первый танцовщикъ Нью-Іоркской «Метрополитэнъ-Оперы», И. Г. Костинъ, балерины: О. М. Смирнова, Е. С. Болдырева (Попова), Е. И. Иловайская, Тася Степанова, Люся Шавкова, исполнительницы народныхъ пѣсенъ А. В. Кольчевская (Хачькова) и цыганскихъ — Н. А. Чарова (Пономарева), артистъ — Загребельскій, кино-артистка — Н. Цыганкова, піанистъ — Н. Н. Кратировъ, виртуозъ-музыкантъ — Д. И. Туровѣровъ — «Паганини на балалайкѣ», какъ называютъ его критики венгерской прессы — пользуются извѣстностью, благодаря своимъ талантамъ.

Молодой композиторъ Г. Г. Пашутинъ, удостоенный на дняхъ вниманіемъ Бельгійской королевы за поднесеніе ей своего произведенія. Художникъ-декораторъ Парижской оперы К. Н. Поповъ, художники: С. Ф. Ефремовъ, Г. В. Самойловъ, поэты: С. Ф. Сулинъ, П. П. Поляковъ, Н. Н. Туровѣровъ, И. М. Назаровъ, Б. А. Кундрюцковъ и др., писатели: В. В. Добрынинъ, М. Н. Шишкинъ, И. В. Воиновъ, И. Колесовъ, В. С. Крюковъ, П. М. Аврамовъ и др. Каждый по своему таланту и призванію продолжаютъ нести свой трудъ во имя культуры, а донцы: ген. П. Н. Красновъ и М. Шолоховъ, стали одними изъ популярныхъ современныхъ писателей въ Европѣ.

С. Болдыревъ.

Отъ Редакціи

Авторъ статьи «Донцы въ XIX и XX в. в.» подготовляетъ «Казачій біографическій словарь», для котораго собираются свѣдѣнія о жизни и дѣятельности казаковъ всѣхъ войскъ, прославившихся или выдвинувшихся въ области военнаго дѣла, литературы, науки и пр. Въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ и предыдущихъ номерахъ «Станицы», упомянута изъ имѣющихся у автора матеріаловъ лишь часть донцовъ. Выдающійся интересъ къ опыту такого труда долженъ привлечь вниманіе всѣхъ, могущихъ дать автору свѣдѣнія о такихъ казакахъ, какъ извѣстныхъ своей дѣятельностью въ прошломъ, такъ и здравствующихъ и понынѣ и понынѣ же работающихъ въ той или иной отрасли на славу и благо казачества. Имена ихъ займутъ подобающія мѣста въ «словарѣ». Такія свѣдѣнія о казакахъ всѣхъ войскъ (желательно съ приложеніемъ фотографіи) съ благодарностью будутъ приняты редакціей «Станицы» для передачи ихъ по назначенію.

Николай ТУРОВѢРОВЪ.

Платовъ и его англійскія изображенія

(ГРАВЮРЫ)

«Платовъ былъ необыкновенно высокаго роста, смуглый, черноволосый; но съ безконечно добрымъ выраженіемъ въ лицѣ и очень любезный».

Д. А. Ровинскій.

Наше представленіе о внѣшности историческихъ личностей, возможно, очень часто не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Винить въ этомъ, во многихъ случаяхъ некого: въ слишкомъ давнія и темныя времена жили нѣкоторыя историческія личности, чтобы до насъ дошли, — если они и были, — ихъ современныя изображенія. Но въ другихъ, къ сожалѣнію, тоже многихъ случаяхъ изъ имѣющихся, иногда, въ большомъ количествѣ современныхъ изображеній выбиралось для очередныхъ изданій не то, что могло почитаться достовѣрнымъ, а то, что было доступно, нарядно, и главное, шаблонно: искажать черты «знакомого» лица было рискованно. Борьба за достовѣрность портретныхъ изображеній началась только въ концѣ прошлаго вѣка. Ея началомъ и ея лучшимъ оправданіемъ надо считать изданіе громаднаго труда Д. А. Ровинскаго «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», въ четырехъ томахъ котораго не только исчерпывающе описано болѣе 10.000 гравированныхъ изображеній 2.000 лицъ, такъ или иначе вошедшихъ въ нашу исторію, но и даны объ этихъ лицахъ замѣчательныя свѣдѣнія.

Къ сожалѣнію, «эта настольная книга каждаго образованнаго человѣка» (Кони) уже вскорѣ по выходѣ на свѣтъ стала библіографической рѣдкостью, а всѣ дополненія къ словарю (И. Д. Орлова, В. Я. Адарюкова, А. В. Морозова) не такъ дополняли трудъ Ровинскаго, какъ только подчеркивали его грандіозность. Но, во всякомъ случаѣ, для дальнѣйшихъ работъ по отечественной иконографіи были указаны вѣрные пути, — оставалось только эти пути использовать. Они и были использованы (достаточно вспомнить имена Великаго Князя Николая Михайловича, барона Н. Н. Врангеля, В. А. Верещагина, С. Дягилева), если и не слишкомъ широко, то по независящимъ обстоятельствамъ — война и революція многое повернула вспять, а многое и обратила въ прахъ.

Иконографія Платова, какъ таковая, никогда не была предметомъ спеціальнаго изученія, хотя имѣющійся матеріалъ (я имѣю въ виду только гравюры) нельзя считать недостаточнымъ: извѣстно 146 гравюръ съ изображеніемъ Платова. И это число далеко неокончательное — не только можно, но и должно предполагать существованіе еще неописанныхъ «неоткрытыхъ» листовъ. Слишкомъ велика, именно, здѣсь, за-границей была въ ту эпоху слава казачества и ея вождя; спросъ на изображенія казаковъ, а, главнымъ образомъ, ихъ «гетмана», естественно, былъ очень великъ. Наше вынужденное за-граничное пребываніе казалось бы очень выгоднымъ для составленія полнаго, богато иллюстрированнаго иконографическаго труда о Платовѣ, если бы не наша матеріальная скудность. Надо быть благодарнымъ, что имѣется еще возможность коснуться только англійскихъ гравированныхъ портретовъ Платова, не воспроизводя ихъ, что, конечно, лишаетъ настоящую замѣтку самаго главнаго: наглядности.

Императоръ Александръ I и король Вильгельмъ Прусскій съ большой свитой высадились въ Дуврѣ 6-го іюля 1814 года. Англія была готова къ встрѣчѣ высокихъ гостей. Коляска съ союзными монархами была распряжена и восторженная толпа поволокла ее по улицамъ города.

Платова хотѣли на рукахъ снести съ корабля на англійскую землю, но, по ошибкѣ подхватили другого генерала и, когда выяснилась ошибка, то опустили его въ воду. Имя несчастнаго не упоминается. Кромѣ Платова, въ свитѣ были Барклай-де-Толли, Чернышевъ, Ожаровскій, Нессельроде, были такъ же Іоркъ и Блюхеръ, — у послѣдняго разодрали по кусочкамъ на память весь мундиръ.

Въ Лондонѣ такихъ безчинствъ уже не творилось, но энтузіазмъ англичанъ не остывалъ. Особенно интересовались Платовымъ. Одинъ лѣтописецъ глубокомысленно объясняетъ это тѣмъ, что «англичане, мало расположенные къ русскимъ и умалявшіе заслуги генераловъ континента въ войнахъ съ Наполеономъ, преувеличивали значеніе партизанскихъ дѣйствій въ Россіи и главную роль въ дѣлѣ разстройства французской арміи приписывали казакамъ». Не думаю, чтобы нерасположеніе къ русскимъ только и вдохновляло англичанъ въ ихъ увлеченіи Платовымъ. Конечно, положеніе вождя тѣхъ людей, которыхъ самъ Наполеонъ обругалъ въ своихъ бюллетеняхъ—«la honte de l'espèce humaine», — обязывало къ извѣстному энту-

зіазму, но и самъ по себѣ Платовъ англичанамъ, видимо, очень понравился.

Платовъ привезъ съ собой въ Англію своего знаменитаго коня «Леонида» и конь «Леонидъ» побѣдилъ въ тридцативерстномъ пробѣгѣ лучшаго англійскаго скакуна «Шарпера»; принцъ-регентъ (будущій Георгъ IУ) очень похвалилъ побѣдителя и Платовъ не замедлилъ подарить регенту своего коня — за эту находчивость былъ награжденъ портретомъ принца-регента для ношенія на груди на лентѣ ордена Подвязки. Все это англичане очень оцѣнили, какъ оцѣнили они и высокую сухую фигуру Платова, его подвижность, живость, умѣніе стрѣлять изъ лука и держаться непринужденно въ обществѣ, оцѣнили и то, что, несмотря на свои 63 года, Платовъ не дуракъ былъ выпить: англичане въ этомъ отношеніи сами были не дураки.

Платова наперебой приглашали въ гости лучшіе дома Лондона; женщины носили на груди его портретъ; знатныя дамы просили его крестить ихъ дѣтей и доставали на память его волосы; другія дамы, — видимо, менѣе знатныя, — вырѣзали волосы изъ хвоста коня «Леонида» — конь сталъ совсѣмъ безхвостымъ. Извѣстный портретистъ Филлипсъ писалъ портреты Платова и самъ Вальтеръ Скоттъ удѣлялъ много вниманія атаману, пользуясь его разсказами для своей «Исторіи Наполеона». На блестящемъ банкетѣ, данномъ городомъ Лондономъ въ Guildhall'ѣ 18-го іюня, принцъ-регентъ провозгласилъ тостъ за «brave Heroes» Платова, Барклая-де-Толли,Блюхера. И «brave Heroes» были засыпаны розами съ балконовъ, занятыхъ дамами. Городъ Лондонъ заказалъ для Платова саблю *). Спущенный на воду въ тѣ дни корабль англійскаго флота былъ названъ «Графъ Платовъ» — казалось, уже дальше идти некуда. Но это только казалось: Оксфордскій университетъ поднесъ Платову дипломъ «honoris causa». Императоръ Александръ I, которому былъ поднесенъ такой же дипломъ и то запротестовалъ: «Какъ мнѣ принять дипломъ? Вѣдь я не держалъ диспута!» Ректоръ оказался очень находчивымъ. «Государь», воскликнулъ онъ: «вы выдержали такой диспутъ противъ угнетателя народовъ какого не выдерживалъ ни одинъ докторъ правъ на всемъ свѣтѣ». Что сказалъ при полученіи диплома Платовъ, неизвѣстно. Навѣрное, ничего. Никому изъ присутствующихъ, конечно, не могло прійти въ голову, что одѣтый въ средневѣковую традиціонную одежду, докторъ правъ Платовъ и русской то грамотѣ читать и писать едва зналъ *).

Союзные монархи покинули Англію 26-го іюля. Проводы были очень торжественны. Императоръ Александръ I покидалъ, однако, Англію недовольнымъ. Личныя отношенія между русскимъ императоромъ и принцемъ-регентомъ оставались въ теченіе всѣхъ «англійскихъ» дней весьма прохладными. Императоръ Александръ, не безъ вліянія своей сестры Екатерины Павловны, бывшей тоже въ Лондонѣ, не скрывалъ своихъ симпатій къ оппозиціонной партіи виговъ и этой партіей заинтересовался настолько, что обратился къ лорду Грею съ просьбою представить ему проектъ «sur la création d'une opposition en Russie».—Императоръ Александръ умѣлъ озадачить, порою, людей. Навѣрное, не безъ участія виговъ тогда же въ Лондонѣ былъ выпущенъ парный листокъ съ изображеніемъ времяпрепровожденія Императора Александра и Принца-Регента, далеко не въ пользу послѣдняго. Все это создало холодокъ въ личныхъ отношеніяхъ монарховъ и было причиной нѣсколькихъ недоразумѣній.

Платовъ же, надо полагать, уѣзжалъ изъ Англіи очень довольнымъ. Виги и тори едва ли его интересовали, а вмѣсто проекта англійской оппозиціи онъ привезъ домой нѣчто болѣе существенное.

Одна богатая вдова англичанка дала обѣтъ посвятить свою жизнь уходу за престарѣлымъ атаманомъ. Она пріѣхала съ Платовымъ сначала въ Петербургъ, а потомъ и на Донъ.

Кости ея супруга, навѣрное, перевернулись въ гробу: казаковъ въ тѣ времена приравнивали къ гуннамъ, — выходило, что одинокая и пожилая женщина поѣхала къ самому Аттилѣ, — на это способны только англичанки. Я, къ сожалѣнію, располагаю весьма скудными свѣдѣніями о пребываніи самоотверженной лэди на Дону, не удалось узнать даже ея имени. Извѣстно только, что встрѣтили ее родные Платова безъ особаго восторга (его супруга Марфа Дмитріевна къ тому времени уже умерла): но потомъ привыкли и, наконецъ, полюбили. Лэди, кромѣ рѣшительности, обладала, видимо, и другими человѣческими достоинствами: дворовые люди ее обожали за ея доброту. Послѣ смерти Платова (въ 1818 году), какъ ни уговаривали эту замѣчательную женщину остаться совсѣмъ на Дону, она, закрывъ глаза атаману, немедленно уѣхала въ Англію: обѣтъ былъ сдержанъ, долгъ былъ выполненъ до конца.

Большинство англійскихъ гравированныхъ портретовъ Платова современны его пребыванію въ Англіи. Для многихъ изъ нихъ образцами послужи-

---

*) Она была поднесена ему позже, уже въ Парижѣ, послѣ Наполеоновскихъ ста дней; сабля хранилась въ Донскомъ музеѣ.

*) «...пожалованъ я и потомство мое графскимъ достоинствомъ. Итакъ, вы моя милая графиня. Дети сыновья наши Матфѣй, Иванъ графи, идети ихъ будутъ, а наши внуки естли божескою милостью мы ихъ дождемся графенятажъ», писалъ Платовъ своей женѣ въ октябрѣ 1812 года.

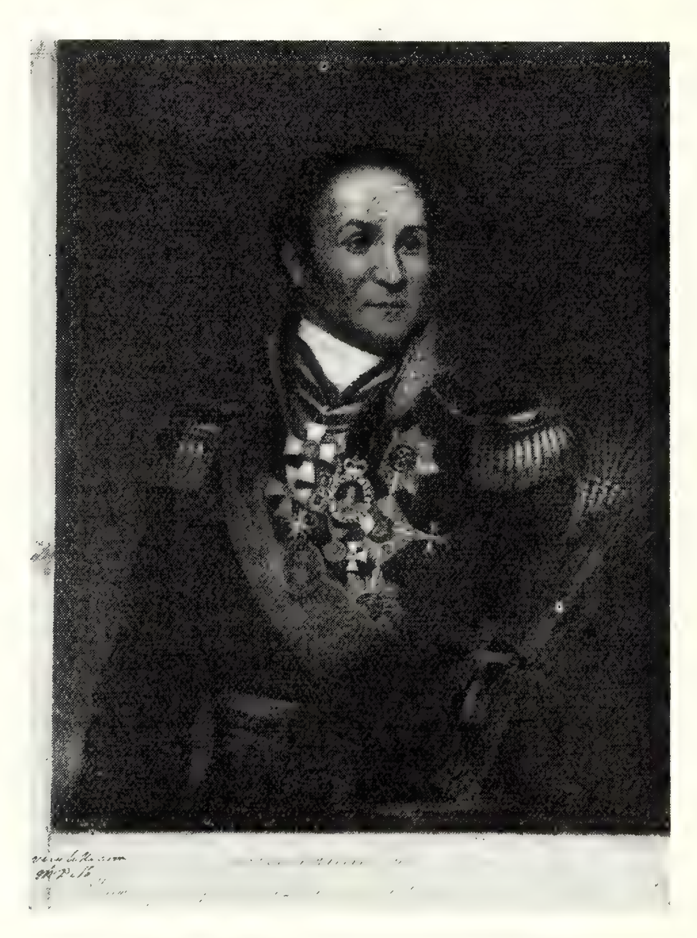
ли уже существовавшія русскія или иностранныя гравюры; но это не умаляетъ ихъ цѣнности: творчество гравера всегда самобытно. На первомъ мѣстѣ надо поставить два гравированныхъ портрета Платова съ оригиналовъ Филлипса, которому Платовъ позировалъ въ Лондонѣ.

1. Paintead by T. Phillips R. A. The Horses by J. Ward R.A. — Engraved by W. Ward A.R... Hetman count Platoff... Published June 29 1815...

Извѣстны четыре состоянія отпечатковъ. Гравированъ акватинтой. Большой, рѣдкій и превосходный по своему выполненію листъ. Платовъ изображенъ на своемъ знаменитомъ «Леонидѣ», три четверти вправо, въ киверѣ, въ орденахъ, на фонѣ облачнаго («героическаго») неба, за Платовымъ видны атакующіе казаки; на лошади можно замѣтить тавро Платовскаго коннаго завода.

2. Paintlead by T. Phillips Esquire R.A. — Engraved by W. Say... Матвѣй Ивановичъ count Platoff... Published Aug. 24, 1814...

Извѣстны также четыре состоянія отпечатковъ (есть отпечатокъ въ краскахъ — въ музеѣ Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка). Гравированъ акватинтой. Воспроизводимый здѣсь листъ изъ библіотеки генерала Д. И. Ознобишина имѣетъ на своихъ поляхъ цѣнную помѣтку, сдѣланную весьма старыми чернилами: «Very like him» т.е. «Очень похоже». Помѣтка сдѣлана, повидимому, англичаниномъ, современникомъ Платова, видѣвшимъ его въ Англіи, а можетъ быть, даже и внѣ Англіи.

Донской Атаманъ графъ М. И. ПЛАТОВЪ.

Платовъ изображенъ по поясъ, три четверти вправо, съ лентой Андрея Первозваннаго, со всѣми орденами и портретомъ принца-регента на груди; въ лѣвой рукѣ киверъ, украшенный брилліантовымъ перомъ. Лицо Платова очень характерное, казачье, но со сбритыми усами. Это показалось бы невѣроятнымъ, если бы не свидѣтельство старой казачьей пѣсни:

Законъ Платовъ преступилъ —
Себѣ бороду обрилъ,
Себѣ бороду обрилъ, —
У француза въ гостяхъ былъ.

Пѣли тогдашніе казаки (среди которыхъ было

много, какъ и самъ Платовъ, старообрядцевъ). Бороду надо понимать фигурально — Платовъ ее никогда и не носилъ, а сбрилъ заграницей, можетъ быть, только въ Англіи свои усы. Эпоха была романтическая, моложавая — не только безбородая, но, пожалуй, и безусая, — Императору Александру не могли не подражать; нашъ національный бородатый стиль пришелъ значительно позже.

3. J. Williams pinxit. T.A. Dean sculpted. Count Platoff... 1836. Грав. на стали. Повтореніе предыдущаго, но въ меньшую величину.

4. Platoff. Drawn and Etched from the life by Denis Dighton. Published August 31, 1814.:: Гравированъ крѣпкой водкой.

Платовъ изображенъ въ ростъ, три четверти вправо, безъ фона, въ лѣвой рукѣ киверъ. Лицо несхоже, пышная шевелюра; но очень хорошо переданъ громадный ростъ Платова, а также его костюмъ: казачья короткая куртка, заправленная въ шаровары, кутасы кивера, сабля (общее сходство съ манерой Опица).

5. Drawn bu W. Heath. Published July 1, 1814... Mathieu Count Platoff.

Гравированъ крѣпкой водкой. Платовъ изображенъ въ ростъ, три четверти вправо, въ казачьей формѣ, позади видно войско, лицо несхоже.

6. Count Platoff. Engraved by I. Blood... ...March 1814...

Гравированъ пунктиромъ. Съ оригинала Ромбауера — самое раннее изображеніе Платова (1809 г.) и наиболѣе широко использованное (извѣстно 29 варіантовъ этого изобрѣтенія).

7. The Hetman Platoff. Published. Aug. 12, 1814 by A. Whellier.

Гравированъ рѣзцомъ. Тоже самое, но меньшаго размѣра.

8. Painted bu P.E. Stroehling... Engraved by J. Vendramini... Count Platoff. Publ. Fev. 20, 1815...

Гравированъ карандашной манерой, почти безъ тѣней. Съ оригинала Луи де Сентъ Обена, рисовавшаго Платова съ натуры въ числѣ другихъ 39 русскихъ героевъ той эпохи. Платовъ изображенъ по поясъ, три четверти влѣво, выглядитъ наиболѣе пожилымъ изъ всѣхъ своихъ изображеній.

9. Dahling Pinxit — A. Smith Sculpted. General Platoff... Published Oct. 4. 1813.

Гравированъ пунктиромъ и рѣзцомъ. Съ оригинала Альтинга, писавшаго портретъ Платова въ Яссахъ въ началѣ 1810 года.

10. Orlofsky Pinxted Jas-s. Godby Sculpted Count Platoff... 1814...

Гравированъ пунктиромъ...

Съ оригинала Орловскаго, нарисовавшаго 4 конныхъ портрета Кутузова, Витгенштейна, Платова и Дениса Давыдова, которые были гравированы первые три Карделли, а послѣдній Дюбуромъ; эти листы очень цѣнятся любителями. Платовъ скачетъ вправо, въ длинномъ мундирѣ, въ киверѣ, на сѣромъ конѣ, въ правой рукѣ перначъ, указывающій направленіе атаки. Сзади свита, знамя; на фонѣ видны — атакующіе казаки и калмыки. Въ англійскомъ варіантѣ изображена только поколѣнная фигура одного Платова.

Кромѣ вышеописанныхъ типовъ, имѣется еще не мало англійскихъ гравированныхъ изображеній Платова, останавливаться на которыхъ не позволяютъ размѣры настоящей замѣтки. Заканчивая ее, я не могу не вспомнить памятника Платову, поставленнаго въ 1852 году Войскомъ въ Новочеркасскѣ.

Небольшая фигура Платова въ киверѣ и чекменѣ, но почему-то съ буркой за плечами стоитъ (вѣрнѣе, стояла) на сердобольскомъ гранитномъ пьедесталѣ въ скверѣ Атаманскаго дворца. Почему признательные потомки спѣшили своего «Вихря-атамана» понять трудно, особенно, видя такія замѣчательныя его конныя изображенія у Филлипса и Орловскаго. А вѣдь статуя Платова работы барона П. К. Клодта, того самаго Клодта, который создалъ коней Аничковскаго моста.

Николай Туровѣровъ.

ОТЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦІИ «СТАНИЦЫ».

Ко всѣмъ предсѣдателямъ казачьихъ зарубежныхъ организацій, редакція обращается съ просьбой о присылкѣ информацій для помѣщенія въ хроникѣ журнала о жизни и дѣятельности казачьихъ колоній къ послѣднимъ числамъ сентября, декабря, марта и іюня.

Контора «Станицы» проситъ всѣхъ получающихъ «Станицу» какъ для распространенія въ нѣсколькихъ экземплярахъ, такъ и отдѣльныхъ читателей, произвести расчетъ за полученные ими номера журнала. Стоимость журнала 2 франка. Подписка на годъ — 8 фр.

Адресъ для писемъ и денежныхъ переводовъ: **Mr Gousseff; 7, rue Jobbé-Duval; Paris (15e):**

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris XIIIe. Le Gérant : Ch. Quénet.

СТАНИЦА

№ 19

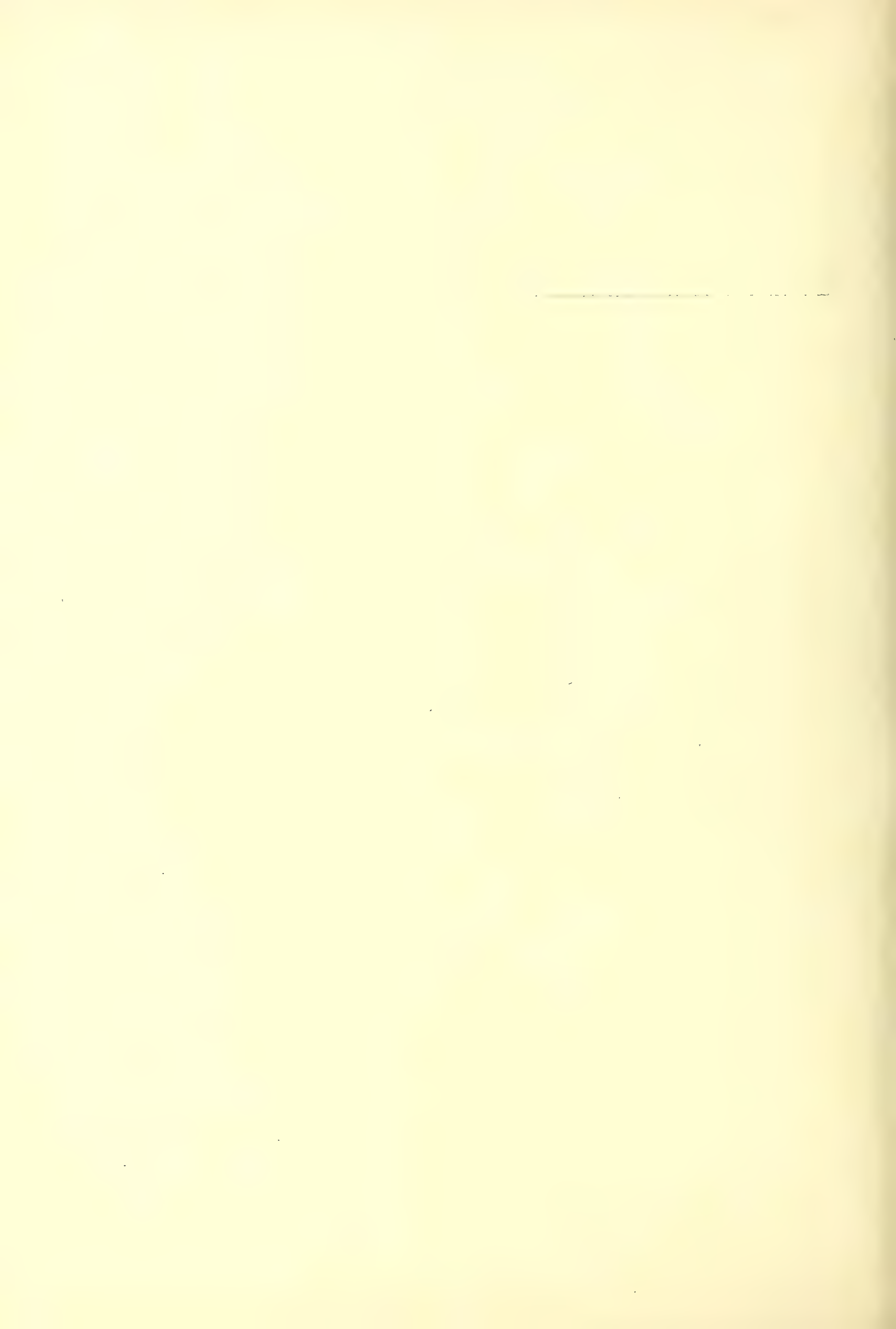
STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ETUDIANTS COSAQUES DE PARIS

7, rue Jobbé-Duval, Paris (15e)

JUILLET 1936 PRIX : 2 frs

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ
РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.
«STANITZA» 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 19 ІЮЛЬ 1936 Годъ изданія 5-й

Открытіе памятника Атаману А. П. Богаевскому

Со всѣхъ концовъ казачьяго разсѣянія на протяженіи полутора лѣтъ со дня смерти Донского Атамана генералъ-лейтенанта Африкана Петровича Богаевскаго въ комиссію по увѣковѣченію его памяти стекались трудовые гроши на постройку памятника послѣднему выбранному на Дону Войсковому Атаману.

Въ слѣдующемъ номерѣ «Станицы» читатели подробно ознакомятся съ отчетомъ комиссіи, а въ этой замѣткѣ отмѣтимъ, что жертвенность казаковъ и почитателей покойнаго Атамана, дѣйственно хранящихъ свѣтлую память объ ушедшемъ, дала возможность воздвигнуть красивый памятникъ, выдержанный въ строгихъ линіяхъ, украшенный казачьими эмблемами, вполнѣ отвѣчающій высокому званію перваго гражданина Всевеликаго Войска Донского.

ПАМЯТНИКЪ

Матеріаломъ для памятника послужила взорванная въ Вогезахъ гранитная скала вѣсомъ въ 4.000 килограммъ. На вертикальной, изъ полированнаго сѣраго гранита, плитѣ, увѣнчанной византійскимъ бронзовымъ крестомъ, славянской вязью золотыми буквами расположена надпись: Атаманъ Всевеликаго Войска Донскаго ген.-лейт. Африканъ Петровичъ Богаевскій», съ указаніемъ датъ рожденія и смерти. Выше надписи, барельефомъ прикрѣпленъ бронзовый донской гербъ (олень, пронзенный стрѣлой), на перекрещенныхъ насѣкѣ, булавѣ и перначѣ.

Эта плита, подержанная съ обѣихъ сторонъ гранитными контрфорсами, стоитъ на гранитномъ же цоколѣ, въ выступающихъ концахъ котораго сдѣланы углубленія, засыпанныя землей и засаженныя цвѣтами... Надгробная плита покоится на гранитномъ основаніи, укрѣпленномъ въ свою очередь на цементной площадкѣ, прикрывающей склепъ.

Склепъ (2 метра глубины, столько же длины и 85 см. ширины), размѣромъ своимъ расчитанный на два гроба, сдѣланъ изъ бетона. На надгробной плитѣ укрѣплены бронзовые мечъ и пальмовая вѣтвь, возложенные при погребеніи Атамана Лейбъ-Казаками и чинами Атаманскаго полка. Авторъ проэкта памятника, премированнаго организованнымъ Комиссіей жюри — донской казакъ, хорунжій П. И. Ноздринъ, студентъ Парижск. Академіи Художествъ, писарь нашей станицы.

Къ 5-ти часамъ вечера 5-го іюля, около памятника Атаману въ русскомъ участкѣ клад-

бища С. Женевьевъ-де-буа (подъ Парижемъ) съѣхалось изъ Парижа и его окрестностей нѣсколько сотъ человѣкъ. По обѣ стороны памятника выстроились въ присвоенныхъ имъ формахъ представители русскихъ спортивныхъ организацій съ русскимъ и донскимъ флагами и трубачами на флангахъ, во главѣ съ завѣдывающимъ церемоніальной частью сотникомъ Полушкинымъ.

Панихиду и чинъ освященія памятника совершилъ митрополитъ Евлогій въ сослуженіи протоіереевъ о. А. Калашникова и о. Д. Троицкаго и двухъ діаконовъ. Пѣлъ русскій хоръ церкви въ С. Женевьевъ де Буа.

РѢЧИ

На церемоніи открытія памятника произнесли рѣчи, посвященныя памяти покойнаго Атамана и значенію воздвигнутаго ему памятника, митрополитъ Евлогій, Донской Атаманъ графъ М. Н. Граббе, генералъ Е. К. Миллеръ (отъ Русск. Обще-Воинск. Союза и отъ объединенія воспитанниковъ Николаевскаго кавалерійскаго училища), предсѣдатель комиссіи по увѣковѣченію памяти Атамана, генералъ А. В. Черячукинъ и Н. М. Мельниковъ — отъ имени семьи, отъ своего имени и отъ казачьихъ организацій, носящихъ имя почившаго — Коломбельской станицы и хутора въ Шампани.

Ниже приводимъ рѣчь предсѣдателя Комиссіи ген.-лейт. А. В. Черячукина.

РѢЧЬ ГЕНЕРАЛА А. В. ЧЕРЯЧУКИНА

Почти 2 года прошло съ тѣхъ поръ, какъ преждевременно ушелъ отъ насъ въ другой міръ нашъ покойный, выбранный еще на Дону, Атаманъ Аф. Пет. Богаевскій.

Казаки съ небывалымъ проявленіемъ своего горя и симпатіи къ покойному, торжественно похоронили его, выполнивъ этимъ свой религіозный долгъ и оставивъ похоронами неизгладимую, незримую память не только для казаковъ и для Парижа, но и для всей эмиграціи.

Помимо сего, представители казачьихъ организацій, собравшись тотчасъ-же послѣ смерти Атамана, слѣдуя пожеланіямъ своихъ частей и станицъ на засѣданіи въ ноябрѣ 1934 года, постановили увѣковѣчить болѣе прочно память своего Атамана, проведшаго съ ними много лѣтъ изгнанія и раздѣлявшаго съ ними тяготы эмигрантской жизни.

Помимо брошюры съ описаніемъ его жизни и дѣятельности и выпуска открытокъ съ его портретомъ, рѣшено было соорудить на могилѣ памятникъ.

Сегодня этотъ памятникъ, сооруженный по проэкту Донского казака П. И. Ноздрина, открытъ.

Открывая его, я могу сказать — этотъ скромный памятникъ — символъ единенія казачества. Этотъ памятникъ — воплощеніе вѣковыхъ казачьихъ традицій, традицій уваженія и преклоненія своему избраннику, потому что на сооруженіе его принесли свои трудовые сантимы казаки всѣхъ партій безъ различія.

Онъ скроменъ, какъ былъ всегда скроменъ Африканъ Петровичъ.

Но онъ крѣпокъ, какъ былъ крѣпокъ покойный своей любовью къ Дону и своей простотой ко всѣмъ казакамъ, искавшимъ у него словъ утѣшенія.

Пусть эти твердыя гранитныя плиты, покрывающія прахъ нашего покойнаго Атамана, дадутъ и намъ крѣпость духа и вѣры въ лучшее будущее.

Да осѣнитъ себя каждый казакъ передъ этимъ памятникомъ крестнымъ знаменьемъ, помня, что только въ гранитной спайкѣ и въ единеніи всѣхъ казаковъ, залогъ нашего благополучія, какъ на нашей Родинѣ, такъ и тутъ, въ изгнаніи.

ВОЗЛОЖЕНІЕ ВѢНКОВЪ

Во время освященія памятника возложены были вѣнки отъ семьи Атамана, графиней С. И. Граббе отъ Донского Дамскаго Комитета, генераломъ С. Д. Позднышевымъ во главѣ съ правленіемъ Союза казаковъ-комбатантовъ, представителемъ Кубанскаго Атамана во Франціи генераломъ Н. И. Малышенко съ правленіемъ кубанской станицы, донскими артиллеристами, хуторомъ въ Клиши, Парижской обще-казачьей станицей, степняками-партизанами и мн. др.

ПРИСУТСТВОВАВШІЕ

Кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, на церемоніи присутствовали: Н. В. Богаевская, Е. Д. Богаевская, Б. А. Богаевскій съ супругоѣ, графиня Т. А. Келлеръ, Я. П. Богаевскій, комиссія по увѣковѣченію памяти Атамана и генералы Г. П. Татоновъ, И. Г. Акулининъ, Н. Г. Зубовъ, И. Н. Оприцъ, предсѣдатель Зарубежнаго Союза русскихъ военныхъ инвалидовъ ген. М. Н. Кальницкій, Н. И. Тараринъ, ген. Карповъ, ген. Демидовъ, ген. Стоговъ, ген. Упорниковъ, помощникъ Астраханскаго Атамана, полк. Астаховъ и многочисленные представители обще-русскихъ и казачьихъ организацій. Великаго Князя Бориса Владиміровича представлялъ полк. Грековъ.

Послѣ рѣчей торжество закончилось прохожденіемъ передъ памятникомъ церемоніальнымъ маршемъ представителей русскихъ юно-

шескихъ организацій во главѣ съ сотн. Полушкинымъ.

Долго еще не расходились съ кладбища казаки и лишь послѣ напоминаній сторожа о необходимости закрыть ворота кладбища, вереницы автомобилей съ участниками печальной и торжественной церемоніи тронулись въ обратный путь. **П. Гусевъ.**

В. КРЮКОВЪ.

ССОРА

(Изъ недавняго прошлаго)

Скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа!
Н. В. Гоголь.

При первыхъ же рѣзкихъ звукахъ будильника Николай Петровичъ быстро выскочилъ изъ кровати. Обычной тяжести и онѣмѣлости въ рукахъ и ногахъ старикъ не почувствовалъ, и первымъ радостнымъ движеніемъ мысли этого утра было сознаніе того, что запасные полчаса на тягостное пробужденіе можно использовать теперь на умываніе и чаепитіе «по человѣчески», съ пониманіемъ совершаемаго, а не заведеннымъ волчкомъ, каковымъ онъ привыкъ себя считать въ теченіе семи послѣднихъ лѣтъ фабричнаго труда.

Вмѣстѣ съ медлительными старческими движеніями развивались его мысли, почему то сегодня всѣ радостныя: яркій свѣтъ восходящаго солнца напомнилъ ему близость весны и тепла; улыбкой встрѣчена мысль объ англійской субботѣ сегодня съ ея привычными удовольствіями — ванна, чистое бѣлье, церковь и ужинъ въ русскомъ ресторанѣ... И вдругъ освѣтилось все его существо:

— Да, Ванюша! Теперь мышленіе сосредоточилось на этой основной радости дня — предстоящей встрѣчѣ со своимъ любимымъ другомъ дѣтства и молодости Иваномъ Павловичемъ.

Весело булькался Николай Петровичъ въ холодной водѣ, тщательно обмывалъ широкую лысину, грудь и руки; нѣжной улыбкой свѣтилось его морщинистое лицо съ сѣдыми усами надъ горячимъ чаемъ. Радостно и плавно развивался давно продуманный проэктъ долгожданной встрѣчи во всѣхъ деталяхъ. Искренность этой радости покоилась на увѣренности, что съ пріѣздомъ Ивана Павловича кончится тягостная жизнь его сиротливаго одиночества. Для старческаго самолюбія кадроваго полковника, когда-то блестящаго штабъ-офицера при Варшавскомъ комендантѣ, фабричный трудъ казался настолько унижающимъ его достоинство, что онъ всѣхъ подозрѣвалъ въ насмѣшливости надъ нимъ и готовности подтрунивать. Николай Петровичъ, зная свой вспыльчивый характеръ, сторонился всякаго общенія, предпочитая уединенно мечтать о прошломъ, своихъ заслугахъ и о будущемъ, когда восторжествуетъ правда и его права.

Съ Иваномъ Павловичемъ у него было все общее: вмѣстѣ росли сосѣдями, неразлучны были въ корпусѣ и въ военномъ училищѣ; въ одномъ полку служили первые годы офицерства и по протекціи одного лица Николай Петровичъ пошелъ по комендатурѣ, а Иванъ Павловичъ по интендантству. Жизненные пути ихъ сплетались и послѣ такъ часто и прочно, что пріобрѣли родственную спайку. Грозная буря надъ Россіей, оторвавъ ихъ отъ семей, забросила въ эмиграцію. Иванъ Павловичъ оказался въ Румыніи, гдѣ довольно прочно обосновался на сапожномъ дѣлѣ. Частыя письма Николая Петровича, полныя дружеской теплоты и радость предстоящей встрѣчи, заставили, наконецъ, Ивана Павловича рѣшиться на переѣздъ въ Парижъ. Настойчивое ходатайство имѣло успѣхъ и виза была получена.

Весь день Николая Петровича былъ заполненъ пріятною озабоченностью о другѣ. Наскоро пообѣдавъ послѣ работы и выполнивъ свои субботнія требы, онъ отправился для покупокъ нужныхъ вешей для совмѣстнаго жительства въ его комнаткѣ. Какъ то безотчетно эти вещи покупались съ какой-то предбрачной предусмотрительностью: большая, особо мягкая подушка, хорошаго полотна наволочка съ кружавчиками, цвѣтистый коврикъ у постели, малиновый абажуръ на лампочку и даже вазочка для цвѣтовъ.

Въ качествѣ подарка другу, Николай Петровичъ купилъ карты для пасьянса. Завершить

встрѣчу душевной бесѣдой за ужиномъ въ русскомъ ресторанѣ съ выпивкой и закуской онъ считалъ ритуальною необходимостью, почему поспѣшилъ теперь же заказать лучшій столикъ.

Къ шести часамъ вечера все было тщательно прибрано въ комнатѣ. Новокупленныя вещи придавали ей уютъ. Непомѣрно большая, новая подушка, рядомъ со старой, бѣлизною и пышностью, казалось, заполняла маленькую комнатку и давила взволнованное воображеніе Николая Петровича.

При видѣ выходящаго изъ вагона друга, Николай Петровичъ такъ разволновался, что потерялъ самообладаніе и разрыдался. Забыты заготовленныя для встрѣчи торжественность и бодрость перваго привѣтствія. Счастьемъ свѣтились старческія лица двухъ сгорбленныхъ фигуръ въ объятьяхъ; изнемогшіе, они растерянно ласкали другъ друга безсвязными фразами.

— Ну, и слава Богу! Какъ-же... десять лѣтъ!.. Сколько горя.. Живъ? Молодцомъ!..

Въ комнатѣ они предались снова приступу нѣжной грусти при просмотрѣ ихъ фотографій съ семьями и въ военной формѣ.

— Все погибло... Ужъ и конецъ близокъ, а мы болтаемся по свѣту, какъ безпризорные... А какъ хочется домой отдохнуть въ семьѣ и на покоѣ! Несчастные мы и наше время! Но Богъ видитъ наши страданья и не оставитъ насъ своею милостью!

Умывшись и почистившись, старики рѣшили передъ ужиномъ немного размять кости и... полежать въ кровати.

— Да, и время же было, — растягиваясь съ покряхтываніемъ и закладывая руки подъ голову, проговорилъ Николай Петровичъ, —

— Бывало...

Изъ этого «бывало», какъ изъ рога изобилія сыпался нескончаемый чередъ прекрасныхъ воспоминаній; этимъ же округленнымъ «бывало» измѣрялось и осмысливалось настоящее. Все же несоизмѣримое съ нимъ не подлежало труду размышленія и валилось безотчетно въ общую кучу несуразностей и несчастій подъ такимъ же округленнымъ названіемъ — «большевизмъ». Въ этомъ округленіи сказались и старческая косность и сила инерціи долголѣтней счастливой жизни, окончившейся такимъ грознымъ шокомъ, ее опустошившимъ.

— Ну, довольно грусти! Вставай, старина. «Всадники, други, въ походъ снаряжайся, радостный звукъ насъ ко славѣ зоветъ». Насъ ждетъ закусонъ и почти настоящая смирновка. Понимаешь суть дѣла?

— Своевременно и умѣстно, если не дорого, выпить одну, двѣ, тридцать четыре, какъ говорилъ полковникъ Коль. Помнишь?

— Какъ же, бывало...

— Прости, что «обрываю тебя въ интересномъ положеніи». Помнишь? Хе-хе-хе! Видишь ли, мы идемъ ужинать въ русскій ресторанъ, гдѣ мы будемъ замѣчены, какъ кадровые полковники. Надо пріосаниться, съ достоинствомъ провести вечеръ и подать примѣръ молодежи.

Бодрые, торжественные, друзья вошли въ ресторанъ, чинно размѣстились за столикомъ и съ важнымъ видомъ священнодѣйствія, подвязывая салфетки, они приступили къ обсужденію закуски.

— Конечно, можно было бы заказать икру, балыкъ и шамайку, но все это изъ триэсеріи и... это большевизмъ.

Вскорѣ же на столикѣ появилась обычная для эмигрантовъ закуска: селедка, огурцы, вареная картошка и рѣдиска.

— Рѣдиска хотя и вкусна каналья, но символически непріемлема.

— Очисти. Ты, братъ, того...

— Никакихъ передержекъ; нутро не вмѣщаетъ.

Снявъ салфетку и дѣлая тонъ оффиціальнымъ, Николай Петровичъ началъ, видимо, заготовленное слово:

— Дорогой и глубокоуважаемый другъ мой, Иванъ Павловичъ! Въ нашей встрѣчѣ есть не только личная радость, но и нѣчто большее. Наша нерушимая связь, какъ таковая, есть показательное единеніе представителей администраціи старой, славной Русской арміи, знамя которой мы такъ высоко чтимъ. Пусть насъ мало, но мы тотъ кадръ, та основа, на которой возродятся старыя традиціи былого величія. Я поэтому предлагаю первую чарку за нашей трапезой выпить съ мыслью объ упокоеніи Верховнаго вождя нашей арміи, память котораго прошу васъ почтить вставаніемъ.

Старики встали, перекрестились и сѣли. Несомнѣнная искренность тоста подтверждалась навернувшейся слезой на ихъ скорбныхъ, затуманенныхъ, морщинистыхъ лицахъ.

— Ну, теперь, дружище, можно и по единой. Всѣхъ благъ смертнымъ и намъ военнымъ!

Потирая руки отъ любимаго предвкушенія, жаднымъ взоромъ оглядывая закуски и откидывая головы назадъ съ закрытыми глазами, они выпили по второй.

— Нѣтъ, ты замѣть, какъ, шельма, ласково она волнуетъ кровь и возбуждаетъ ясность мысли. Что не говорите, а русская водка свыше предназначена для великой русской души; отсюда — ея неприложность для другихъ народовъ.

— Румыны, братъ, пьютъ такую гадость...

— Ну, вотъ тебѣ и результаты: вспомни лишь великую войну. Нѣтъ у нихъ стремленія въ высь, къ подвигу...

Скоро интимность воспоминаній завладѣла ими всецѣло и даже не возникли, обычные при эмигрантскихъ встрѣчахъ, политическіе дебаты, подавленные единомысліемъ и силою взаимности чувства ихъ переживаній.

При воспоминаніи о семьяхъ лишь на минуту блеснули слезой влажные взоры и огненной болью пронеслась привычная мысль внутри по тому мѣсту, гдѣ копился итогъ старческой жизни, полный страданій, смертей и лишеній.

— Барышня, побулькайте еще въ графинчикъ.

— А, помнишь на крестинахъ моей Лидуси, ты, послѣ солидной закуски à la fourchette, забылся и началъ ревѣть многолѣтіе... Ну, право, какъ молодой бугайчикъ.

— Да, но вѣдь за то же тогда и осетръ былъ! Помнишь, изъ угла въ уголъ на столѣ... Фу, ажъ въ глазахъ мерещитъ!

— А на моей свадьбѣ... Я уже тогда Станислава и Анну имѣлъ... Самъ генералъ Комаровъ, гроза Варшавскаго гарнизона..

— Кстати, тебѣ, конечно, извѣстно, что я былъ при немъ штабъ-офицеромъ для порученій. Забавный случай! Помню, однажды, дождикъ проливной. Да-а, иду это я по Уяздовской, смотрю, — капитанъ съ дамой подручку, зонтикъ въ рукѣ и мелкія калоши... Понимаешь — въ Варшавѣ ка-ло-ши! А-а, думаю, сдобный карасикъ попался. Вѣдь отъ такого вида съ Его Превосходительствомъ родимчикъ могъ приключиться. Я сзади его цапъ за рукавъ, вотъ такъ. Онъ было зонтикъ дамѣ. Н-ѣ-тъ, батенька, поздно. Пожалуйте бриться! Я его передъ свѣтлыя очи генерала. Представляешь картину! Ну, понятно, пятнадцать сутокъ губы! Шалишь, знай нашихъ!

Изъ роя воспоминаній безсвязно возникали теперь лица и случаи, картинно дополняемые выдумкой, выразительной передачей и дюжими жестами, такъ необходимыми для оживленія давно минувшаго. Рѣдкіе посѣтители ресторана наблюдали ихъ взволнованныя и просвѣтленныя лица и слушали то съ улыбкой сочувствія, то съ грустью объ эфемерности старческаго счастья въ эмигрантской средѣ.

— Родненькая, усладите насъ кофейкомъ, конечно, съ прилагательнымъ.

Уже начала сказываться въ нихъ усталость. Все чаще и чаще слышались вздохи съ протяжнымъ, машинальнымъ н-ѣ-тъ, этотъ привычный признакъ пессимизма несчастной старости.

Было поздно. Всѣ посѣтители давно вышли и только газетчикъ терпѣливо ждалъ вѣрныхъ кліентовъ. Одинокая лампочка тускло освѣщала низко склоненныя лысины стариковъ надъ столикомъ.

— Ну, что же, Колинька, хорошенькаго по немножку. Идемъ во свояси; купимъ газетку, въ постелькѣ поболтаемъ о новостяхъ и блаженно всхрапнемъ. «Вставай, проклятьемъ заклейменный...».

— Однако, у тебя шуточки! Поручикъ! «Царскій Вѣстникъ».

— Пожалуйте, Ваше Превосходительство!

— Ну зачѣмъ же, превосходительство; оффиціально я не обнародованъ, хотя былъ представленъ и прошелъ всѣ инстанціи.

— Нѣтъ ли у васъ, голубчикъ, московской газетки? Все же иногда полезно заглянуть въ станъ...

— Какъ? Что!! — оцѣпѣневъ отъ изумленія и останавливаясь въ раскрытыхъ дверяхъ, воскликнулъ Николай Петровичъ.

Хозяинъ ресторана поспѣшилъ выпроводить ихъ и захлопнулъ за ними дверь.

— Да ты съ ума сошелъ! Въ мой честный домъ, такую... А-а, значитъ вы, милостивый государь, соціалистъ! То-то вы съ такимъ умиленіемъ глядѣли на рѣдиску. Скажите, сапожникъ! Я теперь понимаю, почему вы такъ упорно оставались въ Румыніи, у границы: искали случая шмыгнуть къ коммунистамъ. Интендантъ! По васъ, батенька, давно тюрьма плачетъ!..

— Что же это такое, Господи? Ты, сталобыть, такъ и остался полицейскимъ держимордой. Туда-же, Ваше Превосходительство! Да ты ни одного дня на фронтѣ не былъ. Тыловая крыса! Шкурникъ!

— Боже мой, страшно подумать, съ кѣмъ я мирно сидѣлъ за однимъ столомъ. Большевикъ!!

— О-о-охъ! Какъ отъ жгучей боли прикосновенія раскаленнаго желѣза къ свѣжей ранѣ, простоналъ Иванъ Павловичъ, поднимая надъ головой руку, какъ бы для защиты себя отъ удара. Приступъ кашля заставилъ его еще больше сгорбиться и, опираясь немощной рукой о стѣну дома, онъ медленно уходилъ, кутаясь въ свое тощее пальтишко.

Сѣрая, сырая, холодная, ночная мгла пустой улицы растворила удаляющіяся звуки хриплаго кашля и шаркающихъ шаговъ старости.

Такъ неожиданно быстро, капризно и грубо оборвалась ихъ пламенная дружба и чуть ли не единственная связь съ жизнью.

Если можно понять опустошенную душу старости чужбиной, скорбью, лишеніями и безысходностью, то нужно простить нашъ смѣхъ сквозь слезы и этотъ безразсудный, дикій жестъ отчаянія.

Грустная жизнь въ эмиграціи, господа, грустная!

В. Крюковъ.

„Чашка чая" парижской студенческой казачьей станицы

17 мая въ уютной залѣ Галлиполійскаго собранія состоялась «чашка чая» нашей станицы. З дружеской бесѣдой провели студенты-казаки и ихъ гости нѣсколько часовъ. Съ краткимъ привѣтственнымъ словомъ выступилъ Атаманъ Станицы П. В. Гусевъ. Отъ имени гостей — партизанъ, степняковъ и чернецовцевъ говорили ген. Н. И. Тараринъ и подхорунжій М. Х. Кацманъ. Какъ и на каждой казачьей встрѣчѣ, изъ всѣхъ присутствовавшихъ составился хоръ во главѣ съ «дирижеромъ хора и запѣвалой» докторомъ И. С. Чекуновымъ, почетнымъ старикомъ станицы. Собраніе почтилъ своимъ присутствіемъ почетный казакъ станицы Аббатъ К. А. Кенэ, котораго единодушно привѣтствовали участники встрѣчи, какъ многолѣтняго и искренняго друга казачьей учащейся молодежи. Черезъ небольшіе промежутки времени подходили запоздавшіе. Въ небольшой гостинной становилось тѣсно, раскрыли стеклянныя двери, выходящія на просторный балконъ, гдѣ и размѣщались вновь пришедшіе, а затѣмъ въ холлѣ организовали нѣсколько столиковъ съ бриджемъ, а въ сосѣднемъ залѣ, подъ чередовавшіеся два граммофона неутомимо танцовала молодежь. Ниже помѣщаемъ фотографію одной изъ группъ участниковъ «чашки чая», во главѣ съ Аббатомъ К. Кенэ(1) и докторомъ И. С. Чекуновымъ(2).

П. СОКОЛОВСКІЙ.

ОНДРІЙ

Темно. Въ каменномъ низкомъ сараѣ можно, однако, различить долгій рядъ коровъ вдоль стѣны. Острый запахъ свѣжаго помета стоитъ въ спертомъ воздухѣ, перехватываетъ у только что вошедшаго человѣка дыханіе, щиплетъ глаза.

Свѣтлѣетъ. Погожій занимается весенній день. Бойко щебечутъ за фермой птицы. Такъ бы и ушелъ туда, на просторъ, на волю, отъ вѣчной грязи этой, отъ жижи, которая хлюпаетъ подъ ногами... Но куда пойдешь? Гдѣ же эта дорога?.. Нѣтъ, приходится, видно, сидѣть здѣсь, возиться въ навозѣ, вчера и нынче, завтра и послѣзавтра.

Скрипятъ въ поржавѣлыхъ петляхъ двери. Врывается утренняя прохлада. Коровы подымаются, побрякиваютъ цѣпями. Проступаютъ на тучныхъ ихъ бокахъ бѣлыя, рыжія пятна. Уже свѣтло, лишь по угламъ затаилась темнота, но вотъ и она пропала. Эхъ... Браться надо!.. Здравствуй, трудовой денекъ!..

Человѣкъ одѣтъ бѣдно, не соскребешь съ грубыхъ башмаковъ заскорузлый навозъ, но выбритъ онъ чисто. У него длинные усы книзу,какъ у запорожцевъ на картинахъ. Да и самъ онъ развѣ не такой запорожецъ? Что служилъ онъ рабочимъ на фермѣ?.. Но онъ помнитъ хорошо, какъ дѣдъ ему сказывалъ: изъ Запоржья вышелъ Емельянъ на линію, на Кубань, при царицѣ Екатеринѣ; отъ этогото Емельяна и пошли они — Емельяненки... Вотъ они какого корени... Развѣ это можно забыть? — Только сейчасъ вотъ — въ неволѣ онъ, какъ у турецкаго султана...

«Запорожецъ» улыбается подъ усами. Турецкій-то султанъ свой же братъ — казакъ. Только пошелъ по купеческой части. Ферму большую ухитрился купить, дѣла оборачиваетъ. Барышъ, да нажива... Въ купцы выйдетъ... А къ нашему брату, рабочему, охъ, строгій... По темному будитъ. Емельянъ — поди, Емельянъ — съѣзди, Емельянъ — не забудь... День-деньской крутись-вертись — слова добраго не скажетъ. Ну, какъ турецкая неволя... Добрая усмѣшка расцвѣтаетъ на сумрачномъ лицѣ.

Тяжелыя вилы привычно движутся въ мускулистыхъ рукахъ. Приходитъ въ порядокъ мало по малу сарай. Можно начинать уже дойку. Вотъ и хозяйка идетъ. Хозяйка... А онъ, Емельянъ, одинокъ, какъ курганъ во степи. Осталась тамъ, дома, Оксана — смутно уже помнитъ онъ черныя брови, горячій взглядъ — но писали потомъ неладное что-то старики... Гдѣ то она теперь?.. Да и лѣтъ тому немало прошло... Нѣтъ у него хозяйки... Нѣтъ и не будетъ... Тѣнь проносится въ глазахъ Емельяна.

«Мнѣ да съ жинкой не возиться,
А тютюнъ да люлька казаку въ дорози
Знадобится».

Попыхиваетъ трубка, ровно идетъ работа. Терпи, терпи, казаче!

— Емельянъ, давно за свекловицей пора!

Онъ идетъ въ конюшню. Два здоровенныхъ битюга — какъ зовутся они по французски — невыговоришь — неуклюже ворочаются въ запряжкѣ. То ли дѣло были кони въ станицѣ. Развѣ этимъ чета? И въ запряжку, и подъ верхъ... А тотъ конь, съ которымъ пошелъ онъ на службу. Отецъ у горцевъ купилъ. Вотъ-то былъ конь!.. Кабардинецъ настоящій! Слово каждое понималъ.

... Въ полѣ звенятъ жаворонки. Громоздкая повозка скрипитъ, но идетъ. Хоть и чужой край, — весело. Дома тоже, навѣрно, свѣтитъ солнышко, поютъ жаворонки. Что-то тамъ теперь дѣлается? А, можетъ, лучше не знать этого теперешняго? Прежнее-то каково было!..

Вотъ онъ на кровномъ своемъ кабардинцѣ... Стянута лихо черкеска, башлыкъ алый вьется за плечами, шашка, кинжалъ — все въ серебрѣ — съ турецкой войны еще дѣдъ привезъ — играетъ оружіе, блеститъ подъ солнцемъ. Впереди литавры бьютъ, тулумбасы... Подымается, заливается голосъ.

«Пыль клубится по дорогѣ,
Слышны выстрѣлы порой.
Изъ набѣга, братцы, удалого
Ѣдетъ сунженецъ домой».

И нѣтъ уже скрипучей телѣги французской, и нѣтъ неуклюжихъ битюговъ, и нѣтъ жандарма, который только что такъ неодобрительно косился на углу. Вольная развертывается степь, а по ней ѣдетъ Емельянъ Емельяненко, лихой молодецъ, казакъ; въѣзжаетъ въ станицу, всѣ на него дивуются, смотрятъ... А потомъ война.... Ровное идетъ за Днѣстромъ поле, а на полѣ — окопы. Пошла казачья лава въ атаку. Неустрашимо, на своемъ боевомъ конѣ, Емельянъ Емельяненко, георгіевскій кавалеръ, скачетъ на врага... Свистятъ пули, и бьютъ шрапнели, и валится кто-то рядомъ, но ему, Емельяну, все нипочемъ... Какъ отцы,

какъ дѣды... Вѣрой-правдой!.. Нескладно трясутся передъ глазами синія австрійскія спины, блестятъ, крутятся шашки... И раздраженно кричитъ рядомъ сосѣдъ на размечтавшагося возницу: — Де куа клям тю ля? У еске тю ва, идіо?

... Солнце высоко. Отъ голода кишки подводитъ. Съ ранняго утра вѣдь не ѣвши. Забылъ, должно быть, хозяинъ, къ завтраку позвать. Но вотъ звонятъ въ церкви. Какъ разъ обѣденное время. Ѣдетъ Емельянъ домой.

Обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ: другой работникъ, хозяинъ съ женой, дѣти. Они только что изъ школы, лепечутъ по французски. Отецъ старается подладиться... Емельянъ понимаетъ плохо. — Не гоже, не гоже, по своему забывать, — думаетъ онъ. Но мнѣніемъ его никто не интересуется. Да съ нимъ и не говорятъ. Подъ конецъ лишь обѣда мальчишка спрашиваетъ у отца, что это за книжка съ картинками, которую видѣлъ онъ на чердакѣ, гдѣ помѣщается «Эмиліанъ».

— «Тарасъ Бульба», называется. Омеля нашъ блажитъ, — читаетъ, — смѣется хозяинъ. За отцомъ смѣются и дѣти.

Емельянъ хмурится, пьетъ стаканъ кислаго ординеру, молчитъ. Пусть ихъ... Все равно, имъ не понять...

— Ну, сегодня навозъ вывозить. Налягъ, Емельянъ! — говоритъ послѣ обѣда хозяинъ.

Идетъ трудовой день — вчера, какъ нынче, нынче, какъ вчера. Емельянъ «налегаетъ». Коровы, навозъ, поле; коровы, навозъ поле... Никакой перемѣны.

Наступаетъ вечеръ, свободный часъ. Емельянъ на своей вышкѣ. Онъ осматриваетъ жалкую свою постель, бѣдный свой скарбъ бродячаго работника, но нищета его не огорчаетъ. Кто отниметъ чудесный міръ, гдѣ живетъ онъ иной, полной жизнью, гдѣ далеко не изъ послѣднихъ Емельянъ Емельяненко, запорожскій казакъ...

«Я тебя породилъ, я тебя и убью!» — шелеститъ книжный листъ.

Но вдругъ отрывается усердный чтецъ. Это же онъ, Ондрій, это же онъ! На немъ не пропахшее рубище, а бѣлый атласный камзолъ, и поверхъ серебряныя блестящія латы. На немъ шлемъ серебряный съ перьями и колышатся за плечами тоже серебряныя крылья. Загремѣли, отворились кованыя, тяжелыя крѣпостныя ворота, и онъ, Ондрій, выѣзжаетъ передъ рейтарскимъ полкомъ латниковъ польскихъ, а та самая паночка, которая хотѣла погубить его душу, задѣлать его измѣнникомъ, у него же лежитъ поперекъ сѣдла, вся теперь предалась въ его руки. И ѣдетъ онъ, Ондрій, въ поле, и видитъ станъ казачій, и полки казачьи становятся къ бою. А онъ, Ондрій, поворачиваетъ свой полкъ, да не противъ казаковъ, а противъ нихъ, противъ ляховъ, бьется безстрашно рука объ руку съ казаками, съ отцомъ... И вотъ, дрогнули ляхи, бѣгутъ... Онъ несется за ними, и серебряныя крылья шумятъ такъ грозно. Сѣчетъ онъ поляковъ, рубитъ... А потомъ и отецъ, Тарасъ, передъ всѣмъ казачествомъ, кланяется ему, Ондрію, въ ноги.

— Спасибо, сыну!

Счастливо дышетъ казакъ Емельянъ Емельяненко и самъ Господь Богъ отворяетъ ему ночью врата въ свое пренебесное царство и даетъ ему силу совершать подвиги, дабы могъ онъ днемъ безъ ропота нести тяжелый свой рабочій крестъ.

П. Соколовскій.

24 мая 1936. Парижъ.

Памяти полковника Н. И. Золотарева

9 мая въ г. Мукачево въ больницѣ отъ брюшного тифа скончался Донской Артиллеріи Полковникъ Николай Ивановичъ Золотаревъ — доблестный офицеръ, прекрасный товарищъ и пламенный патріотъ. Женившись на чужбинѣ на иностранкѣ, настолько близко сроднилъ свою жену съ покинутымъ любимымъ имъ Тихимъ Дономъ, что недаромъ называлъ ее казачкой. Оба жили мечтой, какъ они будутъ жить на Дону. Только этой обоюдной думой и можно объяснить то, насколько хорошо его жена изучила русскій языкъ и жила той героической исторіей нашей Родины, однимъ изъ звеньевъ которой былъ покойный Н. И. А доблесть его была отмѣчена за великую войну наградами до Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ, включит. и Румынскимъ орденомъ, а за гражданскую — знакомъ отличія 1 Куб. похода (ледяного) 1-й степени.

Судьба послала иное: «ему не вернуться въ отеческій домъ», какъ поется въ нашей пѣснѣ.

На Мукачевскомъ кладбищѣ ранняя могила нашего доблестнаго друга, рядомъ съ могилой Н. П. Баклановой, урожд. Богаевской, изъ семьи тѣхъ, кто Дону жертвенно послужилъ въ лицѣ ея знаменитыхъ братьевъ.

Нашъ земной, низкій, казачій поклонъ этимъ роднымъ для насъ могиламъ. Наше искреннее соболѣзнованіе его близкимъ. Вѣчная память нашему павшему соратнику.

Донскіе Артиллеристы.

О Казачествѣ

Матеріалъ изъ неопубликованнаго еще труда проф. ген. Н. Н. Головина

... Изъ изложеннаго въ предыдущихъ главахъ, читатель видѣлъ, что развалъ казачьихъ частей шелъ медленнѣе нежели разложеніе остальныхъ воинскихъ частей Русской Арміи.

Корни этого явленія лежатъ глубоко въ исторіи.

Исторія Россіи является исторіей страны, которая непрерывно колонизуется — такъ опредѣлилъ важнѣйшую особенность Русской исторіи ея лучшій знатокъ проф. В. О. Ключевскій. Наиболѣе активнымъ элементомъ въ этомъ основномъ процессѣ русской исторіи являлось казачество. Оно представляло собою авангарды тѣхъ колонизаціонныхъ потоковъ, которыми потекло русское крестьянство, послѣ того, какъ начали убывать волны монгольскихъ кочевниковъ, залившія весь югъ и юго-востокъ Восточной Европейской равнины и прокатившіяся въ серединѣ XIII вѣка въ видѣ татаръ Батыя черезъ всю Кіевскую и Московскую Русь.

Ко времени сверженія татарскаго ига во второй половинѣ XV вѣка, сѣверо-западная граница владѣнія Татарской Золотой Орды и отдѣлившихся отъ нея Крымскаго и Казанскаго ханствъ, проходила въ общемъ по линіи, идущей отъ пороговъ на р. Днѣпрѣ къ впаденію въ р. Волгу р. Оки. Когда иго было свергнуто, великорус. крестьянство потянулось на плодородныя земли, лежащія въ бассейнѣ р. Дона, а Малорусское — въ степи, широкой полосой окаймлющія нижнее теченіе р. Днѣпра.

Уходя уже въ XIV вѣкѣ «казаковать» на эти земли, крестьяне селились небольшими общежитіями, готовыми своими собственными силами защитить себя отъ набѣговъ кочевниковъ. Эти первые колонисты и образовали: Великорусскіе — Донское казачество, Малорусскіе — Низовое Малороссійское казачество.

Въ серединѣ XVI вѣка окрѣпшее Московское государство переходитъ въ наступленіе противъ разваливающихся къ этому времени татарскихъ приволжск. государствъ (на средней Волгѣ — Казанское Ханство, на Нижней Волгѣ — Золотая Орда). Иванъ IV Грозный овладѣваетъ Казанью и вскорѣ его рати спускаются внизъ по Волгѣ и берутъ Астрахань. Это открываетъ пути для великорусской колонизаціи на юго-востокъ и на востокъ. Первое изъ указанныхъ направленій закрѣпляется образованіемъ на среднемъ и нижнемъ Дону «Войска Донского». Это было первое объединеніе казачьихъ общинъ въ своего рода военное государство. Поэтому Донское казачество и считается «старшимъ братомъ» среди прочихъ казачествъ. На восточномъ направленіи начинаетъ образовываться Волжское казачество. Послѣ покоренія Казани и Астрахани, распространеніе Россіи на востокъ встрѣчаетъ очень малое сопротивленіе. Уже въ концѣ жизни царя Ивана IV небольшой отрядъ донскихъ казаковъ, вооруженныхъ «огнестрѣльнымъ боемъ» (т. е. ружьями и пушками), подъ начальствомъ атамана Ермака Тимофѣевича, переваливаетъ черезъ Уральскій хребетъ въ Азію, гдѣ покоряетъ подъ скипетръ Грознаго обширное Сибирское Ханство. Это завоеваніе закрѣпляется при наслѣдникѣ Ивана Грознаго поселеніемъ казаковъ по р. Иртышу. Дальнѣйшее продвиженіе Россіи вглубь Азіи всегда предшествуется проникновеніемъ на новыя территоріи небольшихъ казачьихъ отрядовъ съ атаманами типа Ермака Тимофѣевича, часто дѣйствующими по собственному почину. Слѣдующимъ этапомъ является образованіе казачьихъ поселковъ, послѣ чего уже начинаютъ приливать волны крестьянской колонизаціи.

Отсутствіе серьезнаго противника на пути продвиженія впередъ казачества въ Азіатской Россіи привело къ двумъ существеннымъ слѣдствіямъ. Съ одной стороны наиболѣе энергичные элементы казачества все время утекали впередъ, съ другой — колонизаціонныя волны переселенцевъ растворяли въ себѣ многія изъ осѣвшихъ казачьихъ общинъ. Вслѣдствіи этого мы не видимъ случая самообразованія въ Азіатской Россіи «вольныхъ казачьихъ государствъ», какъ это имѣло мѣсто въ Европейской Россіи на Дону, на Днѣпрѣ, на Терекѣ и на Яикѣ (р. Уралъ).

Съ достиженіемъ Россіей береговъ Тихаго Океана, казачество стало на стражу доступной части нашей длинной границы съ Китаемъ, въ Западной Сибири — въ Семирѣчьи, а къ востоку отъ озера Байкалъ — въ такъ называемомъ Забайкальѣ и далѣе, растянувшись длинной лентой вдоль береговъ р. Амура и р. Уссури.

Земельная реформа Грознаго и происходящее въ послѣдующіе вѣка «прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ», вызываетъ усиленное бѣг-

ство «холоповъ» въ казаки. Такъ создаются казачества на р. Яикѣ (р. Уралъ) и въ южной части Уральскаго хребта (Оренбургскій и Верхнеуральскій раіоны). Вмѣстѣ съ казачествомъ, осѣвшимъ въ Сибири на Иртышѣ, они образуютъ «охраняющій поясъ» отъ монгольскихъ кочевниковъ, ушедшихъ въ Киргизскія степи, прикрывая отъ нихъ заселеніе нами нижняго и средняго Поволжья, а также продвиженіе нашей колонизаціи на востокъ по западной Сибири.

Въ Европейской Россіи казачество продвигается до сѣверныхъ склоновъ Кавказскаго хребта. Здѣсь, на рѣкѣ Кубани, впадающей въ Черное море, и на рѣкѣ Терекѣ, впадающей въ Каспійское море, оно становится на стражу нашей колонизаціи плодородныхъ земель Сѣвернаго предъ-Кавказья, защищая ее отъ набѣговъ воинственныхъ горскихъ племенъ.

Царская власть умѣло использовала «казачество». Ту часть его, которая болѣе покорно слѣдовала ея велѣніямъ, она используетъ для формированія «городовыхъ» и «слободскихъ» казаковъ. Изъ нихъ образуетъ сторожевую линію, которая охраняетъ Московское Царство съ юга со стороны «Дикаго Поля». Къ такому типу казачествъ нужно отнести также казачества Азіатской Россіи.

Тѣ же элементы, которые образовали изъ себя «вольныя» казачества, Царская власть используетъ, какъ тараны, пробивающіе пути дл колонизаціи, направляя ихъ противъ монгольскихъ народовъ, утратившихъ прочную военную организацію. Каждый разъ, когда русская колонизація наталкивалась на сопротивленіе болѣе организованныхъ въ военномъ отношеніи народовъ, Царская власть вводила въ борьбу собственныя рати. Такъ поступаетъ Иванъ Грозный, нанося окончательный сокрушающій ударъ татарскимъ государствамъ на Волгѣ. По этой же причинѣ Царская власть разсматриваетъ стратегическое направленіе, ведущее отъ Москвы къ Черному морю, какъ главную операціонную линію дѣйствій своихъ регулярныхъ войскъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь, за спиной слабѣющаго Крымскаго хана, появляется новая сильная и воинственная Азіатская держава — Турція. Когда во второй половинѣ XVIII столѣтія, Россія доходитъ до береговъ Чернаго Моря, окончательно поглотивъ въ себѣ остатки Крымскихъ татаръ, и процессъ колонизаціи юга Европейской Россіи принимаетъ совершенно мирныя формы, Екатерина Великая упраздняетъ низовое (малороссійское) казачество, какъ таковое, и переселяетъ его «вольную» часть — «Запорожскую Сѣчь» — на рѣку Кубань, впадающую въ Черное море, образуя Черноморское казачество (впослѣдствіи названное Кубанскимъ). Точно также упраздняется Волжское казачество съ переселеніемъ его «вольной» части на Терекъ. По мѣрѣ превращенія Московскаго Царства въ обширнѣйшую Россійскую Имперію, Царская власть превращаетъ «вольныя казачества» въ своего рода «поселенныя войска», охраняющія границы Имперіи отъ азіатскихъ народовъ. Она даже пытается привлечь часть этихъ народовъ для несенія «казачьей» службы. Такимъ опытомъ являлось привлеченіе бурятъ для усиленія казачьей службы въ Забайкальскомъ раіонѣ (въ концѣ XVII вѣка*), а также и сформированіе (въ серединѣ XVIII вѣка) Астраханскаго казачьяго войска изъ принявшихъ православіе калмыковъ.

Однако, вмѣшательство Царской власти въ процессъ образованія казачества не лишаетъ его стихійнаго существа. Эта стихійность обуславливается тѣмъ, что по мѣрѣ того, какъ ослабѣвало могущество монгольскихъ кочевниковъ, пустующія земли втягивали въ себя «осѣдлый» Русскій народъ.

Начиная съ XV вѣка въ казачество уходятъ самые жизнеспособные соки Великорусскаго и Малорусскаго крестьянства. Это были энергичные люди, которые не боялись итти на земельный просторъ хотя бы подъ угрозой упорной борьбы съ кочевниками. Мѣропріятія Московскаго Правительства, «прикрѣплявшія» крестьянъ къ землѣ, усилили процессъ всасыванія казачествомъ наиболѣе энергичныхъ элементовъ крестьянства. Когда же, въ XVI и XVII вѣкахъ, произошло окончательное «закрѣпощеніе» крестьянъ, этотъ процессъ достигъ своей наибольшей силы. Теперь крестьянство стремилось въ казачество не только на просторъ земли, но и на свободу. Вступленіе въ ряды казачьей вольницы было синонимомъ превращенія рабовъ въ свободныхъ людей.

Такимъ образомъ, въ средѣ русскаго крестьянства въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ дѣйствовалъ своего рода «соціальный подборъ». Послѣдствія этого соціальнаго подбора были огромны. Когда вспыхнулъ большевизмъ, наиболѣе покорными его рабами стали крестьяне бывшихъ основныхъ земель Московскаго государства.

---

*) «Азіатская Россія», т. I, стр. 368, изданіе Переселенческаго Управленія Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. Изд. 1914 г.

Какъ мы видѣли выше, въ царствованіе Императрицы Екатерины было упразднено Малороссійское казачество. Вмѣстѣ съ этимъ, Малороссійское крестьянство подпало подъ тотъ же рабскій режимъ, какъ и ихъ братья Великороссы. Но такъ какъ масса упраздненнаго низового казачества осталась въ составѣ своего крестьянства, то въ этомъ крестьянствѣ сохранилось въ большей мѣрѣ ииндивидуальное начало, чѣмъ въ крестьянствѣ основныхъ Московскихъ земель.

«Лучшей формой для сохраненія индивидуальности южно-русскаго народа, пишетъ въ своей исторіи Запорожскихъ казаковъ Д. И. Эварницкій*), по понятію малороссійской массы, считалось казачество. Оттого малороссійскій народъ впослѣдствіи и изукрасилъ казаковъ всѣми цвѣтами народно-поэтическаго творчества; отъ этого и теперь народъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о казакахъ, ставитъ казака выше человѣка и приписываетъ ему сверхчеловѣческія достоинства...».

Болѣе сильное развитіе индивидуальности въ Малороссійскомъ крестьянствѣ отразилось на томъ явленіи, о которомъ мы упоминали, когда говорили о крестьянствѣ: на Украйнѣ «община», то есть коллективное владѣніе землей, не привилась. Болѣе сильное развитіе индивидуальности малороссійскаго крестьянина дѣлало изъ него менѣе покорнаго «подданнаго», и югъ Россіи представляетъ собою зону съ болѣе легко вспыхивавшими крестьянскими возстаніями.

Аналогичную роль сыграли элементы Волжскаго казачества въ средѣ Поволжскаго крестьянства. Свободолюбіе послѣдняго выразилось въ эпоху «прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ» (въ эпоху крестьянскаго рабства) рядомъ возстаній, изъ которыхъ «бунтъ Разина» (во второй полвинѣ XVII вѣка) и «Пугачевскій бунтъ» (во второй половинѣ XVIII вѣка) достигли огромныхъ размѣровъ. Слѣдуетъ указать здѣсь, что и Разинъ и Пугачевъ вышли изъ рядовъ Донского «вольнаго» казачества, а другое «вольное» казачество — Яицкое (Уральское) составило боевой стержень повстанческихъ движеній Пугачева. И впослѣдствіи Поволжье являлось зоной легко вспыхивавшихъ крестьянскихъ волненій.

Это соціально-психологическое вліяніе духа казачьей вольницы доставляло много хлопотъ въ эпоху крѣпостного права Московскому, а потомъ Россійскому правительству. Несомнѣнно, что Екатерина Великая, упраздняя Днѣпровское (Малороссійское) казачество и переселяя Запорожскую Сѣчь, руководствовалась не только тѣмъ, что послѣдняя нарушала единство внѣшней политики Россійской Имперіи. Вольный казачій духъ мѣшалъ въ еще большей мѣрѣ внутренней политикѣ. Происходила колонизація юга Россіи, но не свободными, а крѣпостными крестьянами. Переломъ, происшедшій въ настроеніяхъ Императрицы Екатерины подъ впечатлѣніемъ потрясшаго все Поволжье Пугачевскаго возстанія, выразился въ томъ, что широкой рукой она стала раздавать земли на югѣ Россіи дворянамъ, превращая живущихъ на нихъ крестьянъ изъ государственныхъ въ помѣщичьихъ. А это, какъ я уже упоминалъ выше, превращало крѣпостное состояніе крестьянъ въ простое рабство.

Самое бѣгство крестьянъ въ казаки не могло нравиться служилому (дворянскому) сословію, составлявшему главную опору Царскаго правительства, но каждый разъ, когда производилась попытка потребовать отъ казаковъ выдачи бѣжавшаго къ нимъ человѣка, съ Дона звучалъ гордый отвѣтъ: «Съ Дона выдачи нѣтъ». По ироніи судьбы, въ 1917 году, тотъ же отвѣтъ прозвучалъ, когда правительство Керенскаго попробовало получить съ Дона генерала Каледина.

Такимъ образомъ, въ теченіи вѣковъ, въ Россіи происходилъ своеобразный историческій процессъ разслоенія крестьянства.

Послѣ освобожденія крестьянъ этотъ соціально-психологическій процессъ прекратился. Но въ томъ же направленіи продолжали воздѣйствовать экономическія условія жизни русскихъ народныхъ массъ. Острое малоземелье въ центрѣ Европейской Росіи не могло содѣйствовать развитію хозяйственнаго почина живущихъ тамъ крестьянъ; только съ приближеніемъ къ периферіи Имперіи крестьянинъ могъ дѣйствительно превратиться въ крестьянина фермера.

Крестьянинъ, бѣжавшій къ казакамъ, не только пріобрѣталъ свободу личности. Онъ пріучался также, въ ограниченныхъ рамкахъ своей общины, а затѣмъ своей области къ элементамъ государственной жизни. Въ этомъ отношеніи наиболѣе поучительна исторія самаго стараго изъ казачествъ — Донского казачества.

Вотъ какъ излагаетъ возникновеніе «Войска Донского» одинъ изъ современныхъ из-

*) Д. И. Эварницкій. «Исторія Запорожскихъ козаковъ» т. III, стр. 3, С. Петербургъ, 1897 г. Типографія П. И. Бабкина).

слѣдователей. Исторiи Донского казачества С. Г. Сватиковъ*).

«Войско Донское было вольной колонiей русскаго народа... Около 1549 года, извѣстное число вольнаго казачества сошедшееся въ одномъ мѣстѣ, ради общей цѣли — борьбы съ общимъ врагомъ, степными хищниками, — сплотились въ единую военную, государственную и общественную организацiю и осѣло на землю... «Войско Донское» не было результатомъ Царскаго повелѣнiя или правительственной дѣятельности; оно не было провинцiей или колонiей Царства. Войско Донское было народной колонiей вольной и независимой. Оно было государствомъ, а не провинцiей. Государственная власть на Дону имѣла своимъ источникомъ народную волю, и Донская колонiя представляла изъ себя республику. Суверенная, верховная власть въ Донской республикѣ принадлежала общему народному собранiю, носившему названiе Круга или Войскового Круга».

Всѣ власти были выборными и именовались атаманами, во главѣ же всего «Войска» стоялъ тоже выборный «Войсковой» Атаманъ. Мы не будемъ занимать вниманiе читателя разсмотрѣнiемъ устройства этихъ казачьихъ республикъ. Укажу только, что для историка государственнаго права изученiе казачьихъ республикъ, возникшихъ въ XVI вѣкѣ на Дону, Волгѣ, Терекѣ, и Яикѣ и вошедшихъ впослѣдствiи въ составъ Россiйскаго Государства въ видѣ областей, а также переселеннаго на Кубань Императрицей Екатериной II-й Запорожскаго Войска, представляетъ собою неменьшiй интересъ, чѣмъ изученiе демократiй античнаго мiра, республикъ Итальянскаго и Германскаго средневѣковiй.

Поглощенiе примитивныхъ казачьихъ государствъ метрополiей, выросшей изъ Московскаго Царства въ величайшую Россiйскую Имперiю, сопровождалось утратой не только самостоятельности, но и всего деемократическаго строя ихъ политической жизни. Ярко выраженный абсолютизмъ верховнаго управленiя Россiей не могъ, конечно, мириться съ республиканствомъ казаковъ. Въ этомъ отношенiи очень характерна резолюцiя Императрицы Екатерины II о Запорожской Сѣчи. Она называетъ Запорожскую Сѣчь «совсѣмъ особливымъ политическимъ сонмищемъ», помышлявшимъ «составить изъ себя посреди отечества область совершенно независимую подъ своимъ неистовымъ управленiемъ». Въ конечномъ результатѣ «Войсковые Круги» превратились лишь въ декоративныя собранiя, созываемыя въ торжественныхъ случаяхъ; выборные же «Войсковые Атаманы» были замѣнены назначенными «Наказными Атаманами», большею частью даже не казачьяго происхожденiя.

Однако слѣдуетъ отдать справедливость Царскому Правительству, что превращая прежнiя вольныя казачьи государства въ простыя области автократическаго государства, оно тѣмъ не менѣе, не разрушало вѣками сложившагося демократическаго уклада внутренней жизни казачества. Съ этой цѣлью оно обособило его какъ бы въ отдѣльное сословiе. Болѣе того, оно не боялось создавать изъ казаковъ большiя мѣстныя объединенiя, подъ названiемъ «войскъ», используя то наименованiе, которое приняло Донское казачество при сформированiи своего «государства». Такъ даже во второй половинѣ XIX вѣка изъ казачества Азiатской Россiи были сформированы: Сибирское казачье войско — расположенное въ Тобольской губернiи и Семипалатинской области, Семирѣченское казачье войско — въ Семирѣченской области, Забайкальское казачье войско — въ Забайкальской области, Амурское казачье войско — въ Приамурской области и Уссурiйское казачье войско — въ Приморской области.

Все это позволяло сохранять среди казачества его традицiи и духъ, который былъ очень демократическiй*).

Сохраненiе въ повседневномъ казачьемъ быту демократической традицiи укрѣпило въ казачьихъ народныхъ массахъ чувство соцiальной дисциплины и воспитало въ немъ сознательное отношенiе къ государственному началу**). Это не «классовыя выгоды», какъ любятъ утверждать большевики, явилось причиной того, что казачество было вѣрной опорой Россiйской Государственности въ эпоху царскаго режима и осталось наиболѣе надежной изъ народныхъ силъ, находившихся въ распоряженiи Временнаго Правительства, не-

---

*) С. Г. Сватиковъ, «Донской Войсковой Кругъ». Статья, напечатанная въ «Донской Летописи», т. 1, стр. 169, 170. Изд. 1923 года, Донская Историческая Комиссiя).

*) Такимъ образомъ остались необъединенными въ «казачьи войска» лишь очень незначительныя части казаковъ, а именно живущiе въ Енисейской и Иркутской губернiяхъ и Якутской области (см. Атласъ, приложенный къ изданной Переселенч. Упр. Главнаго Управ. Землеустройства и Земледѣлiя «Азiатской Россiи». Петроградъ, 1914 годъ).

**) Во время Великой Войны «казачество, въ противовѣсъ прочимъ частямъ армiи не знало дезертирства». А. И. Деникинъ: «Очерки Русской смуты», т. I, вып. II, стр. 118).

смотря на всеобщій революціонный угаръ.

Но кромѣ автократичности унитаризма внутренней политики Царскаго режима была причина объективно-историческаго порядка, которая предопредѣляла независимымъ казачьимъ государственымъ объединеніямъ лишь временное существованіе.

Я указалъ выше, что казачество, какъ соціальное явленіе, представляетъ собою лишь часть обще-россійскаго процесса колонизаціи. На каждомъ этапѣ этого процесса наступалъ моментъ, когда Царская власть брала въ свои руки урегулированіе переселенія крестьянъ, и тогда казачества, какъ независимыя территоріальныя объединенія должны были прекращать свое существованіе. Здѣсь опять Царская власть учла, что казачества являлись коренными хозяевами на занятыхъ ими территоріяхъ и рядомъ такъ называемыхъ «привиллегій», даваемыхъ каждому «Войску» сообразно съ той исторической ролью, которую оно сыграло, она сохранила за казачествомъ различныя преимущественныя права на владѣніе землей и угодіями. Взамѣнъ этого казачество обязывалось нести усиленную, по сравненію съ прочимъ населеніемъ Имперіи, воинскую службу, но въ формахъ, соотвѣтствующихъ ихъ традиціямъ и быту.

Вселеніе въ казачьи области крестьянъ привело къ тому, что экономическое положеніе вселяемыхъ крестьянъ, получившихъ наименованіе «иногороднихъ», было несравненно хуже, нежели экономическое положеніе рядового казачества. Подобное положеніе окажется чреватымъ крупными политическими послѣдствіями для Донского и Кубанскаго казачествъ. Съ начала революціи народныя массы, населяющія эти казачьи области, раздѣлились на два враждебные лагеря: казаковъ, считающихъ себя историческими хозяевами своего края, и «иногороднихъ», считающихъ себя несправедливо обиженными.

Съ захватомъ центральной государственной власти большевиками эта вражда перейдетъ въ чрезвычайно напряженную борьбу.

По мѣрѣ уразумѣнія разрушительнаго и деспотическаго характера большевизма, казаки представляютъ собою среду, въ которой противо-большевицкое движеніе обрѣтетъ благодарную почву. Иногородніе же, принесшіе изъ крестьянства центральной Европейской Росіи анархическій укладъ мыслей, порожденный долгимъ пребываніемъ въ рабствѣ, составятъ въ казачьихъ областяхъ большевиствующій элементъ.

Паденіе Царской власти, съ ея рѣзко выраженными централизаціонными тенденціями, и происшедшій затѣмъ развалъ центральной россійской власти, вызоветъ въ казакахъ подъемъ «мѣстнаго патріотизма». Иногородніе же останутся совершенно глухи къ этому движенію и даже проявятъ къ нему враждебность. Это еще болѣе углубитъ соціальное разслоеніе, происходящее въ казачьихъ областяхъ и будетъ сильно затруднять наростаніе областного противо-большевицкаго движенія.

Таковы были тѣ общія объективныя предпосылки, которыя предопредѣлили выступленіе Казачества противъ разрушительныхъ силъ революціи. Не является ли въ этомъ отношеніи характернымъ фактъ, что всѣ «Войсковыя Правительства», не сговариваясь между собою, безъ колебаній, отказались признать захватъ центральной Россійской власти большевиками.

Со своей стороны и большевики сразу же почувствовали въ казакахъ своихъ смертельныхъ враговъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, вопреки обѣщаніямъ, даннымъ большевиками казакамъ ген. Краснова, Совѣтъ союза казачьихъ войскъ былъ закрытъ и члены его должны были бѣжать изъ Петрограда.

Еще до захвата власти Ленинымъ, подъ впечатлѣніемъ быстро прогрессирующаго развала страны, руководители Донского, Кубанскаго, Терскаго и Астраханскаго казачества дѣлютъ попытку «организаціи въ государственномъ масштабѣ въ цѣляхъ противодѣйствія разбушевавшейся народной стихіи»*). Эта попытка заключалась въ образованіи Юго-Восточнаго Союза. Въ договорѣ, заключенномъ 3-го ноября (20 октября) 1917 года правительствами поименованныхъ выше четырехъ казачествъ указывалось, что цѣлью Юго-Восточнаго Союза является: борьба съ анархо-большевизмомъ на территоріи членовъ Союза, взаимная поддержка съ цѣлью сохраненія порядка и законности внутри Союза и доведеніе Россіи до Учредительнаго Собранія.

Однако, прежде чѣмъ казачье противобольшевицкое движеніе выльется въ формы народнаго движенія, оно должно будетъ пройти черезъ цѣлый циклъ тяжелыхъ испытаній. Наиболѣе полную картину всѣхъ стадій развитія этого движенія можно увидѣть, изучая событія, происходившія среди самаго стараго и многочисленнаго казачества — Донского.

*) В. А. Харламовъ: «Юго-Восточный Союзъ въ 1917 году». Донская Лѣтопись, т. II, стр. 284. — В. А. Харламовъ — членъ Государственой Думы, принадлежалъ къ радикальному крылу русскихъ либераловъ. Въ 1917 г. Донскіе казаки избрали его вмѣстѣ съ ген. Калединымъ и другими лицами въ Учредительное собраніе).

Союзъ казаковъ-комбатантовъ

КАЗАКИ-КОМБАТАНТЫ

Предсѣдатель Союза Донской Атаманъ М. Н. Граббе и Правленіе на открытіи памятника Донскому Атаману ген. А. П. Богаевскому 5-го іюля въ С. Женевьевъ де Буа.

Слѣва направо: хорунжій Ф. И. Черновъ (кубанецъ), сотникъ Г. Д. Самсоновъ (астраханецъ), В. Старшина А. И. Потаповъ (уралецъ), тов. предсѣд. правл. полк. З. Н. Куликъ (кубанецъ); Донцы: казначей полк. Е. А. Федоровъ, графъ М. Н. Граббе, В. Старш. А. П. Чукаеозъ, предсѣд. правл. ген. С. Д.Позднышевъ и хор. П. В. Гусевъ.

Нѣтъ возможности перечислить всѣ тѣ случаи, когда правленію Союза приходилось въ томъ или иномъ видѣ оказать какое либо содѣйствіе своимъ членамъ въ различныхъ ихъ нуждахъ.

Вотъ просьба отца, который проситъ похлопотать о предоставленіи работы его сыну — агроному, кончающему въ Сербіи высшее учебное заведеніе.

Послѣ долгихъ хлопотъ министерство земледѣлія даетъ разрѣшеніе на въѣздъ и отецъ приноситъ благодарность правленію «за утѣшительную вѣсть».

Просьба одного больного казака въ санаторіи для туберкулезныхъ о матеріальной помощи и вотъ какими словами онъ отвѣчаетъ на оказ. помощь: «искренно благодарю Правленіе Союза за оказанную мнѣ помощь. Не поблагодарилъ раньше потому, что была высокая температура и сейчасъ усталъ, больше писать не могу. Очень ослабъ и кружится голова. До свиданія. Благодарный Вамъ».

Нынѣ его могила прибавилась къ ряду другихъ могилъ на чужбинѣ.

Просьба казака, прикованнаго къ больничной койкѣ страшнымъ увѣчьемъ, лишившимъ его способности передвигаться, помочь ему выручить деньги, довѣрчиво внесенныя имъ въ недобросовѣстный банкъ. Содѣйствіе ему оказано юристъ-консультомъ союза и есть надежда существенно помочь ему.

Просьба казака, исключеннаго съ шомажнаго пособія, въ виду просроченныхъ документовъ. Правленіе обратилось къ мэру города и просило зачислить казака на шомажное пособіе, такъ какъ средства на уплату за просроченные документы собраны и будутъ внесены Правленіемъ въ префектуру. Просьбу эту мэръ города удовлетворилъ и казакъ былъ зачисленъ на шомажное пособіе до полученія документовъ.

Просьба казака, отца двухъ дѣтей помочь ему уплатить за картъ-дъидантитэ для себя и для жены. Деньги эти были уплаче-

ны. Получивши картъ д-идантитэ, онъ шлетъ большую благодарность: «теперь, слава Богу, этотъ трудный этапъ пережили. Шлю мою искреннюю благодарность Правленію Союза за вниманіе ко мнѣ убогому инвалиду».

Заболѣлъ членъ Союза — нужно было обратиться къ доктору, нужно купить лѣкарства — денегъ нѣтъ. Деньги эти заимообразно были даны.

Оправившись этотъ членъ союза пишетъ: «возвращая деньги, принесенныя мнѣ на квартиру во время моей болѣзни, прошу передать Правленію Союза мою благодарность. Кажется, что именно, черты казачества — братство и товарищество — единственная въ эмиграціи жизненная основа организма, подобнаго нашему Союзу. Когда надо ѣсть или нужно лѣкарство, человѣку идеи и философія не помогаютъ. За помощь приношу мою глубокую благодарность».

У члена союза, вдовца, четверо сиротъ-дѣтей. Нужна была помощь для уплаты за правоученіе дочери. Помощь эта была оказана и онъ пишетъ: «Приношу мою искреннюю благодарность Правленію Союза и всѣмъ казакамъ за столь большое и братское вниманіе ко мнѣ. Ваша помощь даетъ мнѣ возможность воспитать и дать въ руки ремесло моей старшей дочери. Безъ Вашей поддержки я бы этого сдѣлать не смогъ, такъ какъ изъ своего заработка плачу за двухъ младшихъ дѣтей въ дѣтскій садъ. За добросердечное отношеніе ко мнѣ и къ моимъ дѣтямъ за что и свидѣтельствую свою глубокую благодарность».

Такіе случаи и имъ подобные повторяются часто. Средствами для оказанія этой помощи являются тѣ членскіе взносы, которыми располагаетъ Правленіе. Вотъ почему Правленіе снова напоминаетъ всѣмъ тѣмъ членамъ, которые еще не сдѣлали членскаго взноса за настоящій годъ, выполнить это обязательство. Выполнить его можно и должно. Нужно лишь сознаніе, что только взаимной поддержкой мы и сможемъ облегчить наше положеніе здѣсь на чужбинѣ. Даже въ томъ случаѣ, если нѣтъ полностью требуемыхъ 15 фр., шлите 5 фр., какъ первый взносъ. Въ дальнѣйшемъ, черезъ извѣстные промежутки времени, такими же взносами погасите остальные.

Отчетъ

Правленіе Союза объявляетъ для свѣдѣнія приходъ и расходъ денежныхъ суммъ въ кассѣ Союза за время съ 1 января по 1 іюня 1936 г.

Поступило членскихъ взносовъ ...	4073 фр.
Въ фондъ похоронной кассы	966 фр.
Итого	5039 фр.

Израсходовано:

На канцелярскія надобности и на почтовые расходы	420 фр. 45
На служебныя разъѣзды по дѣламъ союза	282 фр. 50
Уборка помѣщенія (консьержу)	110 фр. —
Регистрація и напечатаніе устава	440 фр. —
Возн. дѣлопроизводителю	300 фр. —
Расходы на информацію	200 фр. —
Взносы въ У. Н. С.	216 фр. 30
	1969 фр. 25

Выдано пособій и ссудъ членамъ союза:

На леченіе, пособіе сиротамъ, дѣтямъ, взносы въ учебныя зав., на уплату за документы для неимущ. членовъ союза и т. д.	2335 фр.
На похороны полк. Кондрашова	300 фр.
На похороны М. И. Карпова	200 фр.
	2835 фр.

Кромѣ того, Правленіемъ союза было собрано спеціально въ пользу особо нуждающихся и выдано по назначенію — 1089 фр. 35 с.

Правленіе напоминаетъ всѣмъ членамъ о необходимости внесенія членскихъ взносовъ въ размѣрѣ 15 фр. за 1936 г., послѣ чего будетъ выслана марка для наклейки таковой на комбатантскую карточку.

Деньги надлежитъ направлять на имя казначея союза по адресу:

Mr. Fedoroff. 2, rue Boucicaut, Paris 15.

Предсѣд. Правл.
Генер.-М. **Позднышевъ.**
Казначей
Полк. **Өедоровъ.**
Секретарь
Сотникъ **Самсоновъ.**

Розыскъ

ПАНЧЕНКО Митрофана Ивановича мол. кубанскаго казака разыскиваю по просьбѣ матери. Лицъ, знающихъ его, или имѣющихъ о немъ свѣдѣнія, прошу сообщить по адресу::

P. Mazuta. Cantenement France, N° 28. Colombelles (Calvados).

БОГУЧАРОВА Александра Васильевича розыскиваютъ родные. Свѣдѣнія о немъ просятъ направлять въ Правленіе Союза казаковъ-комбатантовъ, по адресу:

E. Fedoroff. 2, rue Boucicaut. Paris (15).

КАЗАКИ ВЪ ШАНХАѢ

(По письму въ редакцію отъ полк. Елисѣева, Ѳ. И.)

КУБАНСКІЕ ДЖИГИТЫ ВЪ ШАНХАѢ
Слѣва направо: урядникъ Кравчунъ, полк. Елисѣевъ, фельдшеръ Жуковъ (кубанецъ, шанхайскій житель), Войск. старш. Крикливый и сотникъ Баранцовъ. Сидитъ — полк. Плисъ, кубанецъ, постоян. житель Шанхая.

Маленькая труппа кубанцевъ-джигитовъ, въ составѣ цирка, продѣлываетъ путь отъ Сіама до Шанхая. Одинокіе, безъ языка, казаки, бродя по странамъ Дальняго Востока, естественно рвутся въ «русскій» Шанхай, съ 30-ти тысячной русской колоніей и двухтысячнымъ «Казачьимъ Союзомъ». — «Послѣдній въ особенности тянулъ меня къ себѣ. Такъ хотѣлось познать, осязать, вкусить и вдохнуть ихъ духовный міръ, опредѣлить коэффиціентъ ихъ стремленій... Да, къ тому же повидать друзей, однокашниковъ, жестокою судьбою разбросанныхъ по Божьему свѣту».

Наконецъ, мы на пристани Шанхая, Видимъ нарядъ французской полиціи въ такой же формѣ, какъ и «у насъ», въ Парижѣ. Взглядъ останавливается невольно на такъ знакомыхъ фигурахъ съ измученными лицами въ потертыхъ костюмахъ съ помятыми шляпами и съ печальнымъ видомъ потерянныхъ людей... Вотъ какіе здѣсь русскіе, — промелькнуло въ головѣ... Но потомъ ужъ выяснилось, что это или безработные, или тѣ, кто не желаетъ работать въ силу пристрастія къ разнымъ наркотикамъ, такъ широко здѣсь распространеннымъ... Я лечу въ Казачій Союзъ, который расположенъ на главной улицѣ французскаго Шанхая. Если бы кто не зналъ, что онъ въ Шанхаѣ, сказалъ бы, что онъ въ русск. городѣ. Рѣчь, лица, вывѣски, — все русское. «Даю домашніе обѣды», «Ресторанъ Жукова», Галантерейная торговля, Кондитерская Ткаченко, «Русское Слово», Русская парикмахерская — стрижка подъ ежикъ 40 центовъ, всегда горячіе пирожки — 5 центовъ штука, и даже знаменитое: — гадаю на картахъ и на кофейной гущѣ.

«Русь, Русь, святая заговорила изъ всѣхъ угловъ и щелей и нехватало только «Лукоморья» съ ученымъ котомъ!

... Но вотъ и Казачій Домъ. Какое то пріятное, родное чувство пробѣжало по моему тѣлу; какъ это бываетъ съ дѣтьми, возвращающимися въ отчій домъ изъ школы на каникулы. Я знаю и вѣрю, что здѣсь я встрѣчу своихъ. Вхожу въ формѣ. Привѣтливыя, радостныя лица, безъ вопросовъ опознавшихъ своего. Первое, что бросается въ глаза со стѣны обширной комнаты — Ермакъ, — портретъ въ

полтора человѣческихъ роста, закованный въ кольчугу и панцырь — «даръ царя», въ шлемѣ съ шишакомъ и сѣкирою въ рукахъ. Здѣсь онъ представляетъ всю мощь Сибирскаго казачества, какъ его основоположникъ, и имя его такъ высоко чтимое въ сердцахъ казаковъ. Портретъ Государя, казачьи картины, портреты Атамановъ, флаги, значки, шашки, пики, иконы, — все это старательно и любовно украшено.

Мы приняли участіе въ торжественномъ празднованіи Войскового Праздника Оренбургскаго Войска, болѣе здѣсь многочисленнаго и лучше организованнаго. Въ этотъ день, Великомученника Георгія бирюзовый лампасъ ласкалъ наши взоры не только въ Казачьемъ Домѣ, но щеголяли въ немъ и на улицахъ казаки и офицеры въ формѣ (здѣсь это обычное явленіе).

Надо сказать, что здѣсь казаки строго сохраняютъ свой бытъ, въ противоположность нашимъ оевропеизированнымъ пролетаріямъ.

Сохраненію этой казачьей патріархальности здѣсь способствуетъ и то обстоятельство, что большинство казаковъ семейные, и офицеры стараются морально подерживать казачій духъ. На казачьихъ собраніяхъ и около церкви вы непрерывно находите подтвержденіе этой казачьей семейственности, кумъ, сватъ, сестрица, братецъ, односумъ, — вы услышите отовсюду. А празднованіе Пасхи съ трехдневнымъ, непрерывнымъ трезвономъ въ церквахъ, всеобщимъ христосованіемъ и обмѣномъ красныхъ яицъ, заставило насъ совсѣмъ забыть, что мы въ Китаѣ и на французской концессіи. Надо заключить, что Казачій Домъ въ Шанхаѣ является дѣйствительнымъ центромъ казачьей жизни; морально и матеріально онъ вполнѣ оправдываетъ свое названіе центра. Сюда несутъ гроши для самоокупаемости, но получаютъ отсюда всѣ радости казачьей семейственности. Какъ вспомнишь, — сколько растрачивается франковъ по французскимъ бистро, то становится стыдно за парижскихъ казаковъ.

Кубанскіе джигиты произвели въ Шанхаѣ сенсацію. Вотъ одинъ изъ газетныхъ отзывовъ: «Настоящей сенсаціей явился выѣздъ русскихъ казаковъ джигитовъ... Въ Шанхаѣ ихъ еще не видѣли, хотя и много слышали. Въ циркѣ стоялъ стонъ отъ оглушительныхъ апплодисментовъ и криковъ радости, которыми зрители выражали свой восторгъ передъ смѣлостью и ловкостью лихихъ казаковъ».

В. К.

Новыя книги и журналы

«АТАМАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ», N° 4, іюнь 1936. Органъ Донского Атамана.

«ИЗВѢСТІЯ КОМИТЕТА ПО КОЛОНИЗАЦІИ». N° 1, Парижъ, май 1936. Содержаніе: Отъ Комитета по колонизаціи. О переселеніи въ страны Южной Америки. Изъ сообщеній интернаціональн. к-та по переселенію въ Эквадоръ. Чили. О переселеніи въ Бразилію. Объ устройствѣ на землѣ во Франціи. Юридич. свѣдѣнія для переселенцевъ и фермеровъ во Франціи.

«КАЗАЧІЙ ПУТЬ», N° 5. Парижъ, 12 іюля 1936. Органъ казаковъ-младороссовъ.

«ТЕРСКІЙ КАЗАКЪ», N° 1, апрѣль 1936. Информація Терской Канцеляріи. Бѣлградъ.

«ТРАГЕДІЯ КАЗАЧЕСТВА» (Очеркъ на тему: Казачество и Россія).
Часть III: іюнь-декабрь 1919. Отдѣльный оттискъ изъ N°N° 163-198 журнала «Вольное Казачество» — «Вільне Козацтво». 700 страницъ съ 17 схемами на отдѣльныхъ листахъ.

Къ читателямъ «Станицы»

Этотъ номеръ нѣсколько запоздалъ съ выходомъ изъ за забастовки типографіи, гдѣ печатался нашъ журналъ.

Несмотря на повышеніе типографскихъ расходовъ, редакція не повышаетъ стоимости журнала, но обращается съ горячей просьбой ко всѣмъ получающимъ «Станицу» регулярно присылать ея стоимость — 2 франка.

Редакція проситъ всѣхъ г. г. предсѣдателей казачьихъ организацій и всѣхъ друзей «Станицы» присылать информаціи о мѣстной казачьей жизни къ очередному номеру (N° 20) до 15 октября с. г.

Адресъ для кореспонденціи и перевода денегъ:

Mr P. Gousseff. 7, rue Jobbé-Duval. Paris 15.

Мелкія суммы можно пересылать франц. почтовыми марками въ простыхъ письмахъ.

Книжная экспедиція газеты „Русскій Инвалидъ“

Заказы и деньги направлять по адресу: « Fédération des Invalides Russes »
Boîte postale N° 28. Issy-les-Moulineaux (Seine). France.

франки

КНИГИ О КАЗАЧЕСТВѢ

Вл. БРОНЕВСКІЙ. Исторія Донского Войска. 3 тома въ кожан. перепл., 795 стр., изданіе 1834 г., С. Петербургъ . . . . 75. —

П. Н. КРАСНОВЪ. Казаки въ Абиссиніи. Дневникъ Начальн. Конвоя Россійск. Имп. Миссіи. 465 стр. съ мн. иллюстр., въ перепл., изд. 1900 г., С. Петербургъ 45. —

П. Н. КРАСНОВЪ. «Домой», романъ изъ казачьей жизни . . . . 28. —

Дм. ПЕТРОВЪ (Бирюкъ). Казаки, романъ. 339 стр., съ иллюстр., изданіе 1935 г., Ростовъ-на-Дону, въ перепл. . . . . 23. —

«СИБИРСКІЙ КАЗАКЪ». 1582-1932. Войсковой юбилейн. сборникъ Сибирск. Казачества. Изд. 1934 г., Харбинъ. 307 стр., съ мн. иллюстр. въ текстѣ и на отдѣльн. лситахъ . . . . 30. —

Вл. СИНЕОКОВЪ. Казачество и его государствен. значеніе . . . . . . 5. —

И. Ф. ШИЛЬНИКОВЪ. 1-я Забайкальская казачья дивизія въ Вел. войнѣ 1914-1918 гг., 175 стр., съ илл. и схемами . . . . . . 15. —

Мих. ШОЛОХОВЪ. Тихій Донъ, романъ, томъ 1-ый, въ цѣльнохолщ. переплетѣ, съ многочисл. иллюстр. на отдѣльн. листахъ худ. С. Г. Королькова. 401 стр. большш. формата . . . . 25. —

франки

Мих. ШОЛОХОВЪ. Тихій Донъ, романъ, тома 1, 2 и 3 въ удешевл. изд. на обыкн. бум., безъ илл. Цѣна комплекта . . . . 30. —

«ТИХІЙ ДОНЪ», опера въ 3 актахъ (6 картинахъ) по мотивамъ одноименнаго ром. М. Шолохова. Сборникъ статей и матеріаловъ къ постановкѣ оперы въ Ленинградѣ, съ мн. илл. . . . . 12. —

ПОРТРЕТЪ АТАМАНА
ГРАФА М. И. ПЛАТОВА:
На паспарту, разм. 28 на 37 см. — 8 франковъ.
Размѣромъ открытки — 1 фр.

«КАЗАЧЕСТВО»

Мысли современниковъ о прошломъ, настоящемъ и будущемъ казачества. Сборникъ статей виднѣйшихъ представителей казачьяго и обще-русскаго Зарубежья. Книга издана въ Парижѣ въ 1928 г. и содержитъ 380 страницъ большого формата (вѣсъ 800 граммъ)

Цѣна книги по каталогу 39 франковъ.

КНИЖНОЙ ЭКСПЕДИЦІИ ГАЗЕТЫ «РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ» поручено ликвидировать оставшіеся въ ограниченномъ количествѣ экземпляры этой книги по значительно **СНИЖЕННОЙ ЦѢНѢ — ПО ДЕСЯТЬ ФРАНКОВЪ.** Пересылка — 2 франка въ провинцію и 4 франка заграницу. Заказы исполняются по полученіи ихъ стоимости съ пересылкой.

Imprimerie Crozatier. 4, Impasse Crozatiier.Paris 12. Le Gérant: Ch. Quénet.

А. Мельниковъ. «Пѣсня про Донъ».

СТАНИЦА

№ 20

STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ETUDIANTS COSAQUES DE PARIS

7, rue Jobbé-Duval, Paris (15e)

OCTOBRE 1936 PRIX : 2 frs

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

«STANITZA» 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 20 **ОКТЯБРЬ 1936** **Годъ изданія 5-й**

ПАРИЖСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КАЗАЧЬЯ СТАНИЦА ОТЪ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЕТЪ ДОНЦОВЪ И КУБАНЦЕВЪ СЪ ВОЙСКОВЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

ВЪ ТЯЖЕЛОЙ БОРЬБѢ ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ, РАЗДѢЛЕННЫЕ ПО ВСѢМЪ СТРАНАМЪ СВѢТА ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ГРАНИЦАМИ, ЗАРУБЕЖНЫЕ КАЗАКИ ЕДИНЫ ВЪ СОЗНАНІИ СВОЕЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КЪ ОБЩЕЙ КАЗАЧЬЕЙ СЕМЬѢ И ДА УКРѢПИТСЯ ВЪ НАСЪ ВѢРА ВЪ СЧАСТЬЕ ВНОВЬ УЗРѢТЬ РОДНЫЯ СТАНИЦЫ, ПРИВОЛЬНЫЯ СТЕПИ И МНОГОВОДНЫЯ РѢКИ.

Съ Войсковыми Праздниками!

Правленіе Союза казаковъ-комбатантовъ въ день Войсковыхъ праздниковъ Всевеликаго Войска Донского и Войска Кубанскаго отъ всего сердца шлетъ свое горячее казачье привѣтствіе и поздравленіе Войсковымъ Атаманамъ и всѣмъ братьямъ - казакамъ, разсѣяннымъ по лицу земли.

Правленіе выражаетъ твердую вѣру, что не за горами конецъ нашему лихолѣтію и нашимъ скитаніямъ по чужимъ краямъ, что воскреснетъ Россія и возродятся наши богатые, привольные, овѣянные древними легендами казачьи края.

И въ ожиданіи этого величайшаго торжественнаго дня будемъ крѣпки духомъ, не дадимъ унынію и слабости закрасться въ наши сердца, будемъ поддерживать другъ друга въ нуждѣ и горѣ и во всѣхъ испытаніяхъ, и будемъ черпать силы въ пламенной, жертвенной до смерти, любви къ нашей Родинѣ.

СЪ ВОЙСКОВЫМИ ПРАЗДНИКАМИ, БРАТЬЯ КАЗАКИ.

Предсѣдатель Правленія
Генералъ-Маіоръ ПОЗДНЫШЕВЪ.

Картины изъ народной жизни Донскихъ казаковъ

Въ Р. станицѣ живетъ казакъ Иванъ Федоровичъ Меркуловъ. Между своими станичниками онъ считается самымъ прямымъ и бесхитростнымъ человѣкомъ. Про него разсказывается премножество исторій. Разсказываютъ, что когда онъ былъ еще выросткомъ и сидѣлъ сидѣнку, то разъ, возвращаясь праздникомъ съ охоты съ ружьемъ, онъ, подходя къ небольшому озеру, расположенному недалеко отъ станицы, замѣтилъ, что на немъ сидѣло множество бѣлыхъ гусей. «Стой!... лебеди!», сказалъ онъ, торопливо снимая съ плечъ ружье. Подползъ на колѣнкахъ къ самому берегу, выстрѣлилъ, и положилъ лебедей цѣлый десятокъ. Остальные перелетѣли на другой конецъ озера и сѣли. Онъ поспѣшно зарядилъ ружье, подползъ, еще выстрѣлилъ — и такъ же удачно. Перелетѣвшіе гуси опять сѣли на другомъ концѣ, онъ опять зарядилъ ружье и выстрѣлилъ; и такимъ образомъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока не перестрѣлялъ всѣхъ. Покончивши дѣло, онъ снялъ съ себя платье и полѣзъ доставать дичь. «Вотъ набилъ», говорилъ онъ съ восторгомъ: «больше ста!» Повытаскавши почти всѣхъ, онъ нечаянно бросилъ взглядъ на ноги одного гуся, и замѣтилъ, что онъ помѣченъ. Его такъ по

кожѣ и подрало. Онъ глянулъ на ноги всѣхъ — и они, какъ одинъ, всѣ были мѣчены. «Гуси!!» сказалъ онъ съ ужасомъ. Въ это время мимо озера шла по дорогѣ женщина. Онъ увидѣвши ее, въ испугѣ, бросилъ ружье и платье, и голый какъ мать родила, бросился уходить; добѣжалъ до терновыхъ кустовъ и схоронился въ крапиву. Казачка, подошедши къ озеру, и увидѣвши множество битыхъ гусей, въ удивленіи остановилась. «Какой это игрецъ наработалъ?» сказала она, и подошла къ гусямъ и посмотрѣвши на мѣту, воскликнула: «Батюшки-кормильцы, наши гуси! Да тутъ и Федорины и Копытины и Марусины!» говорила она, смотря на мету прочихъ. Потомъ скоро побѣжала домой, надѣлала крику. Собралась вся станица отъ мала до велика, такъ какъ тогда былъ праздникъ, и всѣ спѣшили на мѣсто происшествія. Сбѣжавшись, приступили къ слѣдствію. Платье и ружье тотчасъ были узнаны. Сообразили, что и преступникъ долженъ быть недалеко. Вся толпа бросилась искать, и бѣдный Иванъ Федоровичъ былъ найденъ и выведенъ въ страшномъ видѣ: голый, ободранный, весь въ шишкахъ отъ крапивы. Отъ страха, смотрѣлъ онъ дико. «Говори, это ты набилъ гусей?» говорили ему старики, ставши кругомъ его. Но онъ ничего не могъ отвѣчать. «Ну, отецъ долженъ заплатить!» говорили судьи. — «Какже, у меня и имѣнія столько не достанетъ!» говорилъ отецъ, который случился тутъ же. «Хоть съ него черевы вымотайте!» Потомъ, подступивши къ нему, говорилъ: «Зачѣмъ ты ихъ билъ — а? Зачѣмъ ты ихъ билъ? Что же ты молчишь? у! злодѣйскіе бѣльмы»? говорилъ онъ гляля на его вытаращенные глаза. Кончилась эта исторія тѣмъ, что Ивана Федоровича продержали три дня въ холодной, и, такъ-какъ отецъ не соглашался платить за него, то его высѣкли на сборѣ и освободили.

Другая исторія случилась съ нимъ недавно. На П. хуторѣ живетъ казакъ Емельянъ Макаровъ. Въ одинъ день, передъ вечеромъ, онъ вышелъ изъ дома и увидѣлъ, по бугру, съ степи, стремглавъ скачетъ человѣкъ, погоняетъ лошадь беспрестанно, кричитъ, и все нагинается, какъ будто хочетъ что-то ударить плетью. Онъ сталъ присматриваться; вскорѣ замѣтилъ, что впереди его что-то бѣжитъ, въ родѣ небольшой собаки. Подпустивши ближе, Емельянъ Макаровъ узналъ въ человѣкѣ Ивана Федоровича Меркулова, который гнался за его сѣрымъ кобелемъ. «Волкъ, волкъ! га, га, тю, тю!» кричалъ онъ, погоняя своего всего обмыленнаго коня. Добѣжавши до рѣчки, собака бросилась вплавь. Иванъ Федоровичъ за нею. Собака, вбѣжавши въ дворъ, бросилась на завалину и загавкала; Иванъ Федоровичъ, схвативши обломокъ оси, бросился къ ней, крича: «Волкъ, братъ, волкъ!» Хозяинъ бросился къ нему и, схвативши его за руку: «Что ты, Иванъ Федоровичъ, это мой кобель!» — «Какъ, волкъ! я его на Орѣшномъ поднялъ! я по немъ два раза выпалилъ!» кричалъ Иванъ Федоровичъ, и никакъ не могъ остановиться. Но когда хозяинъ убѣдилъ его въ справедливости своихъ словъ, то онъ плюнулъ, бросилъ ось и сказалъ: «Вотъ проклятая собака, то-то она — я гоню за нею, а она обернится да — гавъ, гавъ!» Потомъ онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ, размѣряя руками, и сердито харкая.

Много было съ Иваномъ Федоровичемъ разныхъ происшествій. А что случалось съ нимъ во время его службы, того, какъ говорятъ его сослуживцы, «ни разсказать, ни описать». Однажды, служа на батареѣ, онъ былъ для своего взвода кашеваромъ. Случилась перестрѣлка, товарищи его ускакали, въ авангардъ, а онъ, сидя надъ котломъ, сказалъ: «Ну, многимъ изъ васъ, братцы, не быть на возвратѣ... на что теперь столько каши?» и вылилъ половину котла. На его бѣду взводъ возвратился весь и голодный изъявилъ громкій ропотъ. «А чертъ васъ зналъ, что вы всѣ возвратитесь! говорилъ Иванъ Федоровичъ: я думалъ, что васъ половину побьютъ».

Иванъ Федоровичъ самъ о себѣ ничего не разсказываетъ, только развѣ то, что случилось съ нимъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, и то очень рѣдко. «Мы съ братомъ», говорилъ онъ, «были у отца двое. Жили мы надъ самою дорогою, и мимо насъ часто ѣздили люди. Вотъ и пріучились мы съ братомъ гавкать на людей. Какъ кто ѣдетъ, мы выскакиваемъ, бѣжимъ въ слѣдъ и — гавъ, гавъ, гавъ! Одинъ старикъ, который часто ѣздилъ мимо насъ, вздумалъ насъ отъучить отъ этого. Ѣдетъ онъ, а мы, по обыкновенію, и выскочи. Бѣжимъ и гавкаемъ, а онъ ну насъ хвалить и бросать намъ прянцы. «Вотъ собаки, вотъ кобели, вотъ кобели, какіе злые!» А мы такъ и беремъ, такъ и беремъ съ обѣихъ сторонъ. Старикъ, подпустивши насъ близко, вдругъ какъ вскочитъ съ повозки, какъ схватитъ насъ обоихъ, за вихоръ, да кнутомъ, кнутомъ! Мы кричимъ благимъ матомъ, а онъ сѣчетъ, а онъ сѣчетъ и приговариваетъ: Не брешите на людей, антихристы, не брешите! Высѣкши насъ на всѣ бока, онъ пустилъ, и мы со всѣхъ ногъ бросились уходить. Съ тѣхъ поръ, какъ только заслышимъ, кто ѣдетъ по дорогѣ, хоронимся, бывало, какъ можно дальше. **Х.**

НИКОЛАЙ ТУРОВѢРОВЪ.

Метель

Четвертый день сижу въ кибиткѣ.
Въ степи буранъ. Дороги нѣтъ.
Четвертый день мнѣ на обѣдъ
Плохого чаю крошитъ плитки
Калмыкъ въ кобылье молоко
И кипятитъ съ бараньимъ жиромъ.
Метель, метель надъ цѣлымъ міромъ.
Какъ я отъ дома далеко
Дѣлю скуду зимовника
Въ плѣну задонской непогоды.
О, эти войлочные своды
И дымъ сырого кизяка, —
Кочевій древнее жилье,
Мое случайное жилище...
Буранъ, какъ волкъ, по свѣту рыщетъ,
Все ищетъ логово свое.
Занесена, заметена
Моя теперь снѣгами бричка.
Дымитъ очагъ, поетъ калмычка
И въ пѣснѣ проситъ Гилюна
Трубить въ трубу, пугать буранъ, —
Безъ корма гибнутъ кобылицы,
А я дремлю и мнѣ все снится
Идущій въ Лхассу караванъ
По плоскогоріямъ въ Тибетѣ
Туда, гдѣ самъ Далай Лама.
Тамъ тотъ же вѣтеръ, снѣгъ и тьма.
Метель, метель на цѣломъ свѣтѣ.

И. П. БУДАНОВЪ.

Маленькія воспоминанія

Нашей обязанностью, обязанностью казачьяго культурнаго слоя, является собираніе всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ казачьяго быта, казачьихъ повѣрій, анекдотовъ казачьей жизни — боевой и мирной, казачьихъ пословицъ, казачьихъ поговорокъ, въ которыхъ сказывалась бы казачья душа; изъ нихъ можно было-бы составить букетъ благоухающей старины. Посмотрите, съ какой любовью и упорствомъ розыскивается теперь все, касающееся казачьей жизни!

Будучи въ университетѣ, мнѣ пришлось прочитать книгу, немного касающуюся жизни казаковъ временъ Петра I, именно встрѣчу Архіерея; къ его пріѣзду ему готовили подарки: голову сахару, три ока каленыхъ орѣховъ и т. д. Долго я ломалъ голову надъ тремя «оками» каленыхъ орѣховъ, и только, побывавъ въ Константинополѣ, узналъ, что такое «око»: оказывается, что казаки тогда употребляли турецкія мѣры вѣса. Характерны и сами подарки.

***

Мнѣ припоминаются сѣтованія одного казака (дѣло было въ Болгаріи), когда въ разговорѣ между казаками и не-казаками, эти послѣдніе подсмѣивались надъ казаками, что у нихъ нѣтъ архіереевъ; есть, правда, только одинъ Гермогенъ. Незнаніе своей казачьей исторіи не дало этимъ казакамъ возможности отразить этотъ ударъ: вѣдь среди казаковъ есть не только архіереи, которыхъ было не мало, но и святые, напр. Іосафатъ Бѣлгородскій.

***

Въ ном. 17 журнала «Станица» была помѣщена замѣтка С. В. Болдырева о казачьихъ дѣятеляхъ XIX и XX столѣтія, въ числѣ которыхъ находится нѣсколько архипастырей — дѣятелей на нивѣ церковной, но названы они, къ сожалѣнію, только по имени: Архіепископы Владиміръ, Іоаннъ, Мелетій и др., безъ указанія какой они станицы, когда и въ какой средѣ родились, гдѣ служили; такія замѣтки нѣсколько бездоказательны и теряютъ свою цѣнность; этотъ подсчетъ слѣдовало бы пополнить болѣе точными указаніями. Среди указанныхъ выше архіепископовъ находится и мой станичникъ, Владиміръ Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, по фамиліи Петровъ, каз. ст-цы Федосѣевской, родившійся на хуторѣ Водяновскомъ, близъ самой станицы, въ семьѣ «простого» казака-земледѣльца.

Въ одномъ изъ словарей донскихъ дѣяте-

лей находится краткая замѣтка о его дѣятельности, мнѣ-же хотѣлось здѣсь подѣлиться лишь немногими воспоминаніями далекаго дѣтства, правда весьма ограниченными, о двукратномъ посѣщеніи имъ своей родины.

Тогда я былъ еще мальчишкой и, собственно, едва-ли многимъ чѣмъ могу подѣлиться: малый возрастъ не могъ подмѣтить и сохранить того, что теперь интересовало бы.

Вѣдь только благодаря злосчастнымъ событіямъ, скитаніямъ по міру, когда пришлось прислушиваться и приглядываться къ иноземной жизни, мы начали интересоваться и цѣнить какъ самое прошлое свое, такъ и его дѣятелей.

Пріѣзжалъ Архіепископъ Владиміръ въ станицу, какъ я уже сказалъ, дважды, съ протодіакономъ, иподіаконами, хоромъ пѣвчихъ; первый разъ пріѣзжалъ и братъ его, какъ его было звать, не помню, но знаю, что онъ былъ игуменомъ какого то монастыря, и съ архитекторомъ, очевидно, Казанской епархіи.

Наша станичная церковь постройки относительно не старой, времени, какъ будто, Екатерины II; правое крыло этой церкви дало трещину, постепенно увеличивающуюся; надо было принять мѣры къ тому, чтобы удержать ее отъ дальнѣйшаго расползанія.

Пріѣхавшій съ Архіепископомъ архитекторъ составилъ планъ и смѣту работы, всѣ постройки были произведены за личный счетъ Владыки.

На другой день по его пріѣздѣ была торжественная архіерейская служба; Насъ, мальчишекъ, да и не однихъ мальчишекъ, никогда не видавшихъ архіерейской службы съ протодіакономъ и его оглушительнымъ голосомъ, съ прислуживавшими ему иподіаконами, нашими молодыми людьми, подававшими ему жезлъ, дикирій и трикирій и переносившими орлецы, по которымъ ступалъ архіерей, со стройнымъ пѣніемъ хора, особенно, когда три мальчика становились противъ царскихъ вратъ и «ангельскими» (да, именно, ангельскими, какъ намъ тогда казалось) голосами пѣли «исполла эти деспота», все это производило на насъ особое впечатлѣніе, накладывало на наше поведеніе особый отпечатокъ: мы присмирѣли.

Одно присутствіе въ станицѣ такого важнаго и рѣдкаго гостя, какъ архіерей, да еще нашего «простого» казака, а что гость былъ важный, мы это видѣли по поведенію старшихъ, подымало и насъ въ собственныхъ глазахъ.

Какія бесѣды велъ онъ съ жителями, долго-ли жилъ въ станицѣ, какъ уѣзжалъ — ничего мнѣ этого память не сохранила. Помню, правда, постройку купальни для него.

Владыка, вспоминая свои дѣтскіе годы, пожелалъ купаться въ Хопрѣ.

Такъ какъ на открытомъ берегу, какъ это дѣлали всѣ жители, нельзя ему было раздѣваться, то мы, со взрослыми, конечно, соорудили ему купальню, которой потомъ, послѣ его отъѣзда, пользовались сами.

Черезъ нѣсколько лѣтъ пріѣзжалъ онъ во второй разъ, но уже безъ брата, который, какъ говорили, уже умеръ.

Въ этотъ пріѣздъ онъ былъ уже болѣе близокъ и знакомъ, такъ какъ до перваго своего пріѣзда его знали, да и то немногіе, лишь по наслышкѣ, что есть какой-то архіерей-казакъ; намъ даже страннымъ казалось, что и казаки могутъ быть большими людьми, архіереями! Казаки стали свободнѣе съ нимъ разговаривать и обращаться: такъ, одна старуха подарила ему пару поярковыхъ чулокъ; онъ охотно принялъ ихъ (чѣмъ хуже «каленыхъ орѣховъ»?); во время разговоровъ съ казаками, одинъ изъ нихъ такъ запросто спрашиваетъ его: « а помнишь, какъ я тебя за чубъ оттрепалъ?» — Да какъ-же помню; это ты меня въ воротахъ, когда я велъ быковъ»... и онъ, смѣясь, вспоминалъ этотъ случай.

Этотъ близкій, простой разговоръ, все таки большого лица съ рядовымъ казакомъ-земледѣльцемъ напомнилъ мнѣ разсказъ моего покойнаго брата о другомъ случаѣ, бывшемъ въ нашей же станицѣ.

Каждый Войсковой Наказный Атаманъ, при своемъ вступленіи въ управленіе областью, объѣзжалъ Войско. Такъ, разумѣется, поступилъ и вновь назначенный Нак. Ат. ген. Максимовичъ.

Обычно, встрѣча В. Нак. Атамана происходитъ возлѣ Станичнаго правленія. Къ этому пріѣзду готовятся заранѣе, такъ какъ день пріѣзда уже извѣстенъ. Въ Станичномъ правленіи усиленно идетъ чистка и мойка всего; около правленія посыпается бѣлымъ или желтымъ, какой имѣется въ станицѣ, пескомъ.

Въ день пріѣзда, задолго все станичное правленіе уже въ сборѣ — станичный атаманъ, помощники, казначей, писаря, довѣренные; всѣ въ мундирахъ; много стариковъ; тѣ, что съ медалями и крестами напередъ; выбираютъ кого постепеннѣе и съ крестами подносить хлѣбъ-соль; любопытствующіе жители.

Вдали отъ станицы, на возвышенномъ мѣстѣ, чтобы было видно далеко впередъ, ставятъ «махальнаго» съ приказомъ, какъ только онъ замѣтитъ клубы пыли, то чтобъ махалъ, давая знакъ нарочному, что Атаманъ ѣдетъ (отсюда общеизвѣстный анекдотъ о встрѣчѣ стада, которое тоже пылило).

Вотъ, наконецъ, во весь опоръ скачетъ нарочный, весь въ пыли, лошадь мокрая: это какъ бы легкій вѣтерокъ, предвѣстникъ вихря; толпа зашевелилась: «ѣдетъ...». Спустя нѣкоторое время впереди показываются два верховые казака съ пиками, за ними мчится тройка («первая», лучшая на почтовой станціи), на козлахъ «самъ» почтарь (рядовому ямщику довѣрить нельзя), сбруя на лошадяхъ «съ наборомъ», пристяжная — шею колесомъ, просто танцуютъ, коренникъ съ пѣной у рта, весь мыльный, лишь покачивается; за ней вторая тройка, потомъ пара (для сошекъ помельче); грохотъ колесъ, звонъ бубенчиковъ (раньше ѣздили съ колокольчиками подъ дугой), клубы пыли (объѣздъ обычно происходитъ лѣтомъ); все это вдругъ осаживается передъ самымъ станичнымъ правленіемъ.

Все замерло; лица у встрѣчающихъ напряжены; глаза устремлены въ одно мѣсто — первую тройку. Изъ нея, не торопясь, вылѣзаетъ военный въ генеральскихъ погонахъ; не спѣша подходитъ къ казаку, держащему въ рукахъ на блюдѣ, покрытомъ бѣлымъ вышитымъ полотенцемъ, бѣлый хлѣбъ, заранѣе испеченный опытной казачкой изъ хорошей бѣлой муки; возлѣ хлѣба стоитъ солонка. Старикъ предлагаетъ Войсковому Атаману отвѣдать станичнаго хлѣба-соли. Атаманъ отрѣзываетъ хлѣба маленькій кусочекъ, окунаетъ его въ солонку и съѣдаетъ (символическое «отвѣдать» хлѣба-соли); затѣмъ Атаманъ принимаетъ рапортъ станичнаго атамана и всѣ отправляются въ правленіе, гдѣ производятся денежныя и другія ревизіи; происходятъ собесѣдованія Войскового Атамана съ казаками. Во время такой бесѣды генералъ Максимовичъ узнаетъ, что въ станицѣ есть казакъ, который занимается торговлей; онъ пожелалъ побывать у него въ лавкѣ. Приходитъ; тамъ уже стоятъ казаки, ждутъ. Вдругъ взглядъ его останавливается на одномъ казакѣ, возраста его, Атамана, съ георгіевскими крестами. Казакъ смотритъ на Атамана и улыбается.

«Кузнечиковъ, да ты ли это?».

«Такъ точно, Ваше Выс-ство, я!».

Атаманъ подаетъ ему руку и трижды съ нимъ цѣлуется.

Въ чемъ-же дѣло? Оказывается, что Кузнечиковъ еще на Кавказѣ служилъ вмѣстѣ съ ген. Максимовичемъ, бывшимъ тогда поручикомъ, и былъ у него ординарцемъ. Вспоминаютъ. «А помнишь, Кузнечиковъ, какъ мы съ тобой вшей изъ рубахъ на костеръ выкручивали?». — «Какъ же, В. В-во, заѣдали».

Они вспоминаютъ и о томъ, какъ Кузнечиковъ «ссужалъ» пор. Максимовича.

Во второй пріѣздъ Архіепископа Владимира у насъ произошло событіе — «бунтъ вышелъ». Владыка упрекалъ за него казаковъ, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ. Онъ былъ правъ въ своихъ упрекахъ, но нужно правду сказать, что правы были и казаки въ своемъ «бунтѣ».

Дѣло было въ слѣдующемъ. У насъ имѣлся большой станичный лѣсъ, но правильнаго лѣсного хозяйства не было; казаки тайно вырубали лѣсъ и продавали его на сторону; лѣсъ не могъ выростать крупнымъ, и казаки при лѣсѣ, на самомъ дѣлѣ были безъ лѣса, безъ огорожи. Тогда Областное Правленіе рѣшило ввести правильное лѣсное хозяйство: подѣлить его на дѣляны и вырубать частями. Для этой цѣли пріѣхала лѣсная комиссія, чтобы обмѣрить лѣсъ сначала въ степи, вокругъ овраговъ, а потомъ и въ займищѣ.

Нѣсколько казаковъ настроили казачекъ, чтобы онѣ отправились туда, гдѣ лѣсоустроительная комиссія будетъ обмѣрять лѣсъ, и прогнать ее съ работъ (по казачьему міровоззрѣнію, «на бабъ суда нѣтъ»); въ день отъѣзда Комиссіи, казачки, вооружившись рогачами, кочергами, мотыками, отправились на мѣсто работъ и, едва тамъ появилась комиссія, какъ бабы, вышли изъ-засады и напали на нее; кое кому изъ членовъ влетѣло; комиссія вынуждена была покинуть работу.

Полетѣли телеграммы — «бунтъ»; пріѣхала изъ Харькова судебная палата, въ Новочеркасскѣ тогда еще ея не было; начался допросъ; пошла, однимъ словомъ, писать губернія.

Вотъ тутъ-то и выступилъ Владыка, укоряя казаковъ въ противозаконности ихъ дѣйствій, говоря, что правительство имъ-же добра желаетъ, устраивая у нихъ правильное лѣсное хозяйство.

Тутъ казаки приводятъ ему свои оправданія.

«Вы знаете, что въ Слащевской (сосѣдней) станицѣ есть лѣсъ «Дуброва», казенный; а вѣдь онъ принадлежалъ казакамъ, станицѣ. И вотъ пріѣхала къ нимъ такъ же, какъ и къ намъ, Комиссія и такъ же обмѣрила лѣсъ для пользы же казаковъ, а послѣ этого обмѣра казаки только и видѣли его: пойти въ лѣсъ за ягодой — плати, на охоту — плати, за грибами — плати; это за свой то лѣсъ! И съ нами то же самое будетъ; пропадетъ нашъ лѣсъ. И если понадобится лѣсъ, то покупай дѣляну своего же лѣса!».

Казаки были правы — у станицы Слащевской было отрѣзано 5.000 дес. лѣсу.

Судъ все таки осудилъ бабъ, а лѣсъ обмѣрили и... оставили казакамъ (можетъ быть,

(благодаря «бунту»?). Послѣ этого станица дѣйствительно загрузилась лѣсомъ.

Владыкѣ почитатели дарили не мало иконъ; онъ составилъ изъ нихъ иконостасъ и во второй свой пріѣздъ сдѣлалъ новый придѣлъ въ церкви, въ ея части, которую онъ отремонтировалъ.

Уѣзжая и какъ бы предчувствуя, что больше не увидитъ родной станицы, онъ свой золотой академическій крестъ оставилъ въ церкви, повѣсивъ его при иконѣ Божіей Матери, что у царскихъ вратъ.

Это былъ его послѣдній пріѣздъ.

Умеръ онъ, спустя нѣсколько лѣтъ, какъ говорили, отъ зараженія крови, происшедшаго отъ неудачно срѣзаннаго мозоля.

***

Безвозвратно исчезаетъ много хорошихъ и интересныхъ бытовыхъ сценъ казачьей жизни, иногда полныхъ юмора, иногда драматизма.

Мы, къ сожалѣнію, не подошли еще вплотную къ «простой» казачьей жизни, а это нужно сдѣлать неотложно.

И. Будановъ.

А. Мельниковъ. «Полька - бабочка».
Донъ, ст. Островская, 1919 г.

Отъ Конторы и Редакціи „Станицы“

Ко всѣмъ предсѣдателямъ казачьихъ зарубежныхъ организацій, редакція обращается съ просьбой о присылкѣ информацій для помѣщенія въ хроникѣ журнала о жизни и дѣятельности казачьихъ колоній къ послѣднимъ числамъ сентября, декабря, марта и іюня.

Контора «Станицы» проситъ всѣхъ получающихъ «Станицу» какъ для распространенія въ нѣсколькихъ экземплярахъ, такъ и отдѣльныхъ читателей, произвести расчетъ за полученные ими номера журнала. Стоимость журнала 2 франка. Подписка на годъ — 8 фр.

Адресъ для писемъ и денежн. переводовъ: *Mr. Gousseff; 7, rue Jobbé-Duval; Paris* (15).

Д. ВОРОТЫНСКІЙ.

Близкое-далекое

(НОВОЧЕРКАССКЪ — ШОЛОХОВЪ)

Новочеркасскъ... Платовскій, утопавшій въ зеленяхъ, проспектъ...

Противъ Александровскаго сада, на маленькой Театральной площади ютился крохотный деревянный Зимній театръ. Гордился этимъ крохотнымъ театромъ въ тѣ спокойныя времена Новочеркасскъ. Краса и гордость русской сцены подвизались на скрипучихъ подмосткахъ жалкаго деревяннаго театрика и эту гордость актерскую съ всероссійскими именами доставалъ для Донской столицы нашъ знаменитый донской антрепренеръ Семенъ Ивановичъ Крыловъ. Владѣлецъ большой Европейской гостинницы, гдѣ обычно проживала вся артистическая братія, Семенъ Ивановичъ не нуждался въ деньгахъ и вознаграждалъ своихъ артистовъ щедрыми гонорарами.

Кромѣ Новочеркасска, онъ держалъ антрепризы въ Асмоловскомъ театрѣ въ Ростовѣ и въ Таганрогѣ, при томъ, наряду, съ драмой, Крыловъ почти ежегодно держалъ и опереточную труппу, перебрасывая ее на гастроли въ свои театры.

Въ тѣ далекіе годы мы носили на рукахъ изъ театра до Европейской гостинницы Е. Н. Рощину-Инсарову. Мы преклонялись передъ такими именами, какъ артисты Императорскихъ театровъ, М. М. Петипа, Ф. П. Горевъ въ незабвенной комедіи Пальма «Старый баринъ», Грессеръ, Шмитгофъ.

Мы наслаждались игрой нашихъ артистовъ-казаковъ толстяка М. И. Михайлова, поражавшаго зрителей въ коронной своей роли Фамусова; Н. Н. Васильева, имѣвшаго изъ года въ годъ исключительный успѣхъ въ «Орленкѣ» (въ роли Орленка тогда блистала въ Россіи Л. Б. Яворская, но Васильевъ давалъ болѣе выпуклую фигуру) и въ модной тогда драмѣ нашего донского драматурга Косоротова «Весенній потокъ», старца А. Е. Петрова, заставлявшаго плакать въ своей коронной роли Фирса въ «Вишневомъ садѣ»; безподобной исполнительницей въ пьесахъ Островскаго Казанской.

Извѣстныя въ провинціи актрисы Гондатти, Ильнарская, Андросова, Карелина-Раичъ, актеръ Смурскій, впослѣдствіи служившій въ театрѣ Корша въ Москвѣ, всѣ они служили у С. И. Крылова.

На этихъ же скрипучихъ подмосткахъ деревяннаго театра-сарая мы любовались въ новой пьесѣ Горькаго «На днѣ» игрой мало извѣстнаго даже и въ провинціи актера Савельева, давшаго изумительную фигуру старика Луки: даже избалованная большими талантами новочеркасская публика была поражена восхитительной игрой этого безвѣстнаго актера.

Уже въ студенческіе годы, когда я смотрѣлъ «На днѣ» въ Художественномъ театрѣ, гдѣ Луку безсмѣнно игралъ знаменитый Москвинъ, то я никакъ не могъ предать забвенію Савельева, передъ которымъ преклонился бы, быть можетъ и прославленный Москвинъ...

У Крылова же насъ плѣняла его всегда блестящая оперетта, съ недавно умершимъ въ Петербургѣ знаменитымъ Н. Ф. Монаховымъ, съ красавцемъ М. С. Дальскимъ (тоже недавно скончавшимся въ Сибири), Грековымъ, комиками Шиллингомъ, Тумашевымъ, маленькимъ Чужбиновымъ, въ его классическомъ созданіи Менелая въ «Еленѣ Прекрасной», нервнымъ Юріемъ Морфесси, который передъ выходомъ на сцену трижды крестился, артистками В. И. Піонтковской, изъ Таганрога, С. М. Жулинской, залитой брилліантами Викторіей Кавецкой, комической старухой Разсказовой.

Всѣхъ не перечесть, кто подвизался на службѣ у нашего знаменитаго театральнаго дѣятеля С. И. Крылова. Къ нему шли всѣ, пораженные жалкимъ зданіемъ деревяннаго театра богатаго Войска Донского.

Каждый годъ къ зимнему сезону театръ ремонтировали, т. е. подкрашивали и дѣлали подпорки къ двумъ ярусамъ ложъ. Судьба театра, который знали чуть-ли не всѣ русскіе артисты, была трагической: онъ сгорѣлъ.

Трагической была и послѣдняя жизнь С. И. Крылова. Больной, одинокій, нищій, онъ торговалъ на улицахъ Новочеркасска совѣтскими газетами.

Большевики его не тронули, но они отшвырнули его отъ дѣла, которому онъ отдавалъ всю свою душу.

Съ кончиной, отвергнутаго отъ служенія искусству старика, ушла въ вѣчность яркая страница исторіи новочеркасской театральной жизни, и на мою долю выпала честь скромно воскресить въ памяти судьбы и С. И. Крылова и его былыхъ сподвижниковъ-артистовъ, на

подмосткахъ Новочеркасскаго театра-развалины...

Родъ Шолоховыхъ — старый купеческій родъ. Братья Шолоховы имѣли въ станицѣ Вешенской огромный кирпичный домъ, низъ котораго былъ занятъ лавкой. Торговали Шолоховы краснымъ товаромъ и поэтому на Дону изстари купцовъ, торговавшихъ мануфактурой, называли краснорядцами.

Еще въ довоенное время торговыя дѣла Шолоховыхъ пошатнулись, они обанкротились, а кирпичный домъ пошелъ съ торговъ и его пріобрѣли тоже богатые купцы Хрѣнниковы.

Отсюда начался развалъ Шолоховыхъ, и они разбрелись по хуторамъ станицы Вешенской.

Одинъ изъ сыновей братьевъ Шолоховыхъ Александръ Петровичъ обосновался на х. Кружилинскомъ, Вешенской станицы, гдѣ и занялся мелочной торговлей. Онъ былъ многосемейнымъ, какъ и вообще казаки на Дону, и въ этой небогатой семьѣ и родился сынъ Михаилъ. Александръ Петровичъ хотѣлъ, повидимому, дать Михаилу образованіе, но жизненныя условія пресѣкли благія пожеланія отца. Михаилъ окончилъ четыре класса гимназіи въ Богучарѣ, Воронежской губ. и на этомъ образованіе оборвалось.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о жизни Михаила Александровича Шолохова неизвѣстны, включительно до 1921 г.

Съ 1921 по 1923 г. М. А. Шолоховъ работалъ въ Исполкомѣ станицы Каргинской дѣлопроизводителемъ и продовольственнымъ инспекторомъ. Въ 1923 г. онъ уѣхалъ въ Москву и тамъ работалъ гдѣ-то въ качествѣ чернорабочаго.

Съ 1923 г. въ ежедневной прессѣ стали печататься небольшіе разсказы Шолохова изъ жизни донскихъ казаковъ, которые вскорѣ и вышли отдѣльной книжкой «Донскіе разсказы».

Такъ начался литературный путь М. А. Шолохова. Славу же ему далъ знаменитый романъ «Тихій Донъ».

Къ прискорбію, около двухъ лѣтъ тому назадъ, нѣкій литер. критикъ въ одной русской газетѣ «уличалъ» Шолохова чуть-ли не въ литературномъ плагіатѣ, что-де рукопись первой части романа «Тихій Донъ» во время великаго исхода изъ родной земли была утеряна неизвѣстнымъ авторомъ и ею какими-то путями и воспользовался М. А. Шолоховъ. Отсюда былъ сдѣланъ выводъ, что первая часть «Тихаго Дона» написана блестяще, а послѣдующія части посредственно, ибо ихъ писалъ уже самъ Шолоховъ.

Мнѣ бы хотѣлось разсѣять «мнимую легенду», брошенную въ эмигрантскую толпу этимъ критикомъ. Во время нашего великаго исхода изъ Россіи на Дону было два крупныхъ казачьихъ писателя: Ф. Д. Крюковъ и Р. П. Кумовъ. Первый умеръ, отступая съ Донской Арміей, на Кубани,, второй умеръ въ Новочеркасскѣ. Съ Ф. Д. Крюковымъ я былъ связанъ многолѣтней дружбой, я былъ посвященъ въ планы его замысловъ и если нѣкоторые ему приписываютъ «потерю» начала «Тихаго Дона» ,то я достовѣрно знаю, что такого романа онъ никогда и не мыслилъ писать. Что касается Р. П. Кумова, котораго тоже впутываютъ въ эту легенду, то и Кумовъ такого романа писать не собирался. Есть у Кумова незаконченный романъ «Пирамиды», тоже изъ жизни донскихъ казаковъ, но онъ не опубликованъ и рукопись хранится въ Берлинѣ по сіе время. Изъ мелкихъ донскихъ писателей (подчеркиваю, **донскихъ,** ибо надо знать красоты казачьей разговорной рѣчи) такой рукописи, конечно, ни у кого не имѣлось...

Эти краткія свѣдѣнія изъ біографіи знаменитаго нынѣ писателя М. А. Шолохова я и публикую въ надеждѣ, что найдутся, можетъ быть, еще казаки, которые и пришлютъ въ редакцію «Станицы» новыя данныя о личности писателя. Мы будемъ благодарны всякимъ справкамъ о Шолоховѣ, гордости попраннаго казачества, который на нашихъ глазахъ достигъ вершинъ человѣческаго творчества и романъ котораго «Тихій Донъ» большая критика (не эмигрантская) заслуженно сравниваетъ съ величайшимъ твореніемъ «Война и миръ» Льва Толстого.

Д. Воротынскій.

ВНИМАНІЮ КАЗАКОВЪ - КОМБАТАНТОВЪ

Вслѣдствіе отъѣзда полковника **Е. А. Федорова,** казначеемъ Союза избранъ Войсковой Старшина **А. П. Чукавовъ,** на имя котораго надлежитъ адресовать всю денежную корресп.: Mr. Tchoukavoff. 2, rue Boucicaut, Paris (15).

Общій отчетъ

КОМИССІИ ПО УВѢКОВѢЧЕНІЮ ПАМЯТИ ПОЧИВШАГО ДОНСКОГО АТАМАНА ГЕН. А. П. БОГАЕВСКАГО ..

ПРИХОДЪ

Согласно опубликованнаго (Журн. «Станица № 13) отчета по суммамъ, собраннымъ на похороны къ 15 февраля 1935 года остатка состояло	5457.15	
Поступило пожертвованій по подп. листамъ	6275.05	
Поступило пожертвованій на организацію торжества открытія памятника	450.00	12.408.70
%% на храненіе въ банкѣ собранныхъ денегъ	226.50	
Выручено продажей сборниковъ	2165.70	2165.70
Выручено продажей портретовъ и открытокъ	1097.15	1097.15
ИТОГО ВЪ ПРИХОДѢ	15.671.55	15.671.55
ВЪ РАСХОДѢ........	14.376.90	
1936, Августа 7-го ВЪ ОСТАТКѢ	1.297.65	

См. подробную вѣдомость прихода съ указаніемъ всѣхъ жертвователей, съ приложеніемъ корешковъ квитанціонныхъ книжекъ и подписныхъ листовъ.

Кромѣ того въ остаткѣ состоитъ на лицо непроданныхъ:

Сборниковъ	168 штукъ.
Открытокъ	184 штуки.

Предсѣдатель Комиссіи
Генералъ-Лейтенантъ **Черячукинъ.**

Товарищъ Предсѣдателя и Казначей Комиссіи
Генералъ-Маіоръ **Оприцъ.**

РАСХОДЪ

Панихиды 1/2 год. и год. дней	285.00
Устройство могилы	482.05
Сооруженіе портрета почившаго Дон. Атамана	230.00
Печатаніе денежнаго отчета въ журн. «Станица»..	300.00
Изданіе открытокъ и портретовъ	375.75
Организація сбора средствъ	674.00
Изданіе сборника статей памяти почившаго Донского Атамана.	2088.50
Организація конкурса по выработкѣ проекта памятника	198.10
Сооруженіе памятника	8830.00
Торжество освященія и открытія памятника	913.50
ИТОГО ВЪ РАСХОДѢ	14.376.90

(Продолж. на 10 стр.).

См. подробную вѣдомость расхода съ указаніемъ всѣхъ расходовъ и приложеніемъ 3-хъ списковъ счетовъ №№ 1-46.

8 августа 1936 г. ревизіонная комиссія въ составѣ Делегатовъ отъ Донского Атамана, Донского Казач. Корпуса, Союза Казаковъ Комбатантовъ, Совѣта Станичныхъ Атамановъ и отъ Парижской Казачьей Станицы, провѣривъ денежное производство вынесла нижеслѣдующую резолюцію.

1) Расходъ произведенъ въ мѣрѣ дѣйствительной необходимости и соблюденіемъ должной экономіи.
2) Дѣлопроизводство велось правильно и статьи прихода и расхода соотвѣтствуютъ дѣйствительности.
3) Ревиз. Комиссія присоединяется къ постановленію Комиссіи по увѣк. пам. почившаго Атамана, о передачѣ остатка средствъ въ суммѣ 1294.65 супругѣ покойнаго Атамана Н. В. Богаевской на поддержаніе могилы и памятника въ должномъ порядкѣ.
4) Ревизіонная Комис. считаетъ долгомъ отмѣтить большую и тяжелую работу, продѣланную Комиссіей по увѣковѣченіи памяти почившаго Донского Атамана, и проситъ Донского Атамана выразить благодарность составу упомянутой Комиссіи за понесенные труды.

Подлинный актъ за подписями:

Полк. Федорова, Полк. Болдырева, Войск. Старш. Гайдукова, Есаула Кундрюкова и Есаула Савельева.

ПРИЛОЖЕНІЕ № I

Вѣдомость прихода пожертвованій по подписнымъ листамъ и продажи открытокъ-портретовъ почившаго Донского Атамана

Кузнецовъ, Ницца 5 фр.; Васильевъ, казаки Комб. Тулузы 40 и 15 фр.; Жаровъ, хоръ 966 фр. 75 сант.; Подъесаулъ Падалкинъ 28 фр.; Мельниковъ, Волковысская станица въ Польшѣ 80 фр., 20 фр., 30 фр.; Моховъ Каз. хут. въ Люксембургѣ 15 фр., 20 фр., 30 фр.; Климовъ гр. въ Греноблѣ 59 фр., 19 фр.; Рытиковъ гр. въ Ривѣ 40 фр.; Калабинъ Гр. въ Парай-ле Моніаль 8 фр. 50 сант.; Ахремовъ, Калмыц. хут. Парайле Моніаль 43 фр., 30 фр.; Гусевъ, Студенч. Ст-ца въ Парижѣ 15 фр. 65 сант.; Гавриловъ Ліонъ 5 фр.; Крамаровъ хут., Шампань на Сенѣ 66 фр., 10 фр.; Чумаковъ Младор. Очагъ Виши 30 фр.; Парамоновъ, Станица Братиславъ, Чехія 94 фр. 90 сант., 99 фр. 40 сант.; Цѣпляевъ, группа Sciernaux 20 фр.; Варлашкинъ въ Дижонѣ 29 фр., 5 фр.; Носъ, каз. клубъ въ Марселѣ 22 фр., 8 фр.; Вьючновъ Провансал. Станиц. 31 фр. 50 сант.; Полухинъ Младор. звено Бордо 36 фр.; Масленниковъ Руан. ст. Ріоржъ 12 фр., 10 фр.; Манжиковъ Калмыц. ст. Десинѣ 148 фр. 50 сант.; Шевыревъ Гундор. Георг. въ Парижѣ 32 ф., 5 фр.; Болдыревъ Группа въ Немурѣ Бан. 88 фр., 8 фр.; Андреевъ, группа въ Арлѣ 41 фр.; Криловъ Флорентинъ на Іоннѣ 4 фр. и 1 фр.; Балалаевъ Куб. хут. С. Жульенъ 21 фр.; Устиновъ изъ Ст. Етіенъ 5 фр.; Общ- Каз. станица Парижъ 5 фр.; Стрюковъ гр. Каз. Вильно 10 фр., 5 фр.; Полк. Федоровъ гр. въ Дранси 195 фр.; Сердиновъ гр. въ Клермонъ-Феранѣ 55 фр., 10 фр.; Страховъ Ст-ца Бельфоръ-Туркуанъ 65 фр., 27 фр. 50 сант.; Варламовъ гр. Льежъ 7 фр. 65 сант.; Ильченко хут. въ Ліонѣ 20 фр. 50 сант., 10 фр.; Ульяновъ Южинская ст. 109 фр., 15 фр.; Габуловъ, хут. Юго-Востокъ 12 фр., 5 фр.; Токаревъ гр. на зав. Гудчинсона 5 фр.; Арестовъ Коломбельская ст., Кальвадосъ 79 фр., 30 фр., и 34 фр.; Сеньшинъ хуторъ Мелунъ 19 фр. 25 сант.; Соколовъ хут. въ Виши 15 фр. и 15 фр.; Поповъ ст. въ Монтаржи 141 фр. 05 сант. и 50 фр.; Захаровъ гр. въ Крезо 26 фр. и 26 фр.; Мащенко Либревиль, Африка 25 фр. и 5 фр.; Поляковъ гр. въ Сошо 15 фр. и 5 фр.; Картиновъ Калм. ст. С. Морисъ 10 фр. и 10 фр.; Поляковъ гр. Ліонъ 43 фр.; Фирсовъ Борд. ст. Бордо 38 фр. и 10 фр.; Семилѣтовъ Каннская ст. Каннъ 100 фр. и 26 фр. 65 сант.; Муравьевъ хут въ Ліонѣ 7 фр. и 15 фр.; Бакша Будист. храма, Бѣлградъ 22 фр. 65 сант. и 25 фр.; Генералъ Зубовъ, Союзъ Комб. Парижъ 513 фр. и 29 фр.; Триполинъ Об. Каз. Георг. ст. въ Труа 60 фр. 50 сант. и 15 фр.; Сафоновъ гр. каз. въ Бонэ 32 фр.; Жидковъ гр. каз. въ Ліонѣ 46 фр. 50 сант.; Бембековъ Vesine Loiret 36 фр. 50 сант. и 10 фр.; Ген. Оприца Лейбъ Казаки 40 фр. 50 сант. и 10 фр.; Черезъ Полковника Ясевича во франкахъ 337 фр. 05 сант., составляющіе нижеслѣдующіе взносы въ болгарскихъ левахъ: Зрянина, Отд. Дон. Сотня въ Венгріи 280 левъ; Черевковъ Азов. Монас. ст-ца въ Белени 67 левъ; Писаревъ Софійская каз. ст. 120 левъ; Проф. Глубоковскій 100 левъ; Іеро-

діаконъ М. 50 левъ; Студ. Духовн. Акад. Пучковъ 50 левъ; Мракинъ гр. Дон. корпуса Перн. 190 левъ; Боковъ Варненская ст. Варна 435 левъ; Архим. Евтимій 110 левъ; Буханцевъ каз. ст. Перникъ 240 левъ; Поздняковъ Месемврійская ст-ца 70 левъ; Архиповъ, Бургасская каз. ст. 535 левъ; Генер. Малышенко 25 фр.; Лобановъ въ Больэ 16 фр. 50 сант.; Рябовъ въ Найонъ 15 фр.; Наполовъ гр. въ Египтѣ 41 фр. и 9 фр.; Шляхтинъ изъ Лилля 2 фр. 50 сант.; Бондаревъ гр. въ Детройтѣ 478 фр. 70 сант. и 10 фр.; Свящ. Титовъ изъ Тулона 37 фр. и 10 фр.; Фоменко Андеріо 44 фр. и 5 фр.; Топузліевъ Кивретанъ 32 фр.; Архиповъ, Бельфоръ 103 фр. и 19 фр.; Андреевъ Біанкурская ст. 25 фр. и 10 фр.; Кулягинъ Лига Возрожд. Каз. 51 фр. и 20 фр.; Бакша Нимбушевъ 50 фр. и 30 фр.; Корольковъ, Виши 25 фр. и 10 фр.; Медвѣдевъ, Куеронъ 67 фр. и 12 фр.; Нефедовъ Союзъ Дон. артил. 135 фр.; Донской Архивъ въ Прагѣ 20 фр. и 40 фр.; Подъесаулъ Падалкинъ, Парижъ 15 фр.; Топилинъ, Каркасонъ 20 фр.; Самохинъ 10 фр.; Габровская ст. и Ямбольская ст. 50 фр.; Ген. Ивановъ С. Морисъ 10 фр.; и 10 фр.; Носкинъ хут. Салоники 17 фр.; Абрамовъ Нью-Іоркская ст-ца 105 фр. и 28 фр. 50 сант.; Черезъ Полковника Соломахина изъ Бѣлграда во франкахъ 65 и 30 франковъ (составляющіе въ динарахъ взносъ по подп. л. гр. Полк. Номикосова 63 динара; Кондрашева Курмоярская ст-ца 44 дин.; Кузнецова изъ Дубровника 70 дин. и вырученныхъ Полк. Саломахинымъ отъ **продажи открытокъ** 120 динаръ). Сотн. Кирѣева Санская ст. 28 фр. и 1 фр. 50 сант.; Полк. Захарова хут. Клиши 52 фр.; Ген. Зубовъ Ат. Воен. училище 80 фр. и 20 фр.; Ген. Зубовъ Донск. Офиц. резерв. 30 фр. и 10 фр.; Могилатъ Помпеи Каз. хуторъ 43 фр. и 10 фр.; Аббатъ Кенэ Парижъ 250 фр.; Орлеанскій хуторъ 10 фр.; Поздняковъ, Домбаль ла Виль 10 фр.; фр.; Долгопятовъ Каледино — Карауд. ст. 20 Полк. Зиминъ, Терское объедин. 20 фр. и 2 фр. и 10 фр.; Аникинъ Кнютанжъ 12 фр. 50 сант.; Біанкурская каз. касса взаим. 15 фр.; Ген. Постовскій и гр. каз. Ниццы 156 фр. и 100 фр.; Ген. Тараринъ Объед. Степн. парт. 4 фр. 50 сант. и 3 фр.; Пахомчукъ изъ Корбейль 5 фр.; внесено на организацію торжества открытія памятника: Союзъ Комбатантовъ 200 фр.; Есаулъ Савельевъ каз. Совѣтъ 50 фр.; Леоновъ Союзъ Донск. Арт. 50 фр.; Ген. Зубовъ Донск. оф. резервъ 50 фр.; Ген. Зубовъ Атаманск. Воен. уч. 100 фр.; %% на капиталъ за время храненія собранныхъ денегъ въ банкѣ 112 фр. 50 сант. и 114 фр.

ИТОГО къ 7 августа 1936 г. ПОСТУПИЛО:

По подписнымъ листамъ	6.275.05
По продажѣ открытокъ	1.097.15
Взносовъ на организацію торжества открытія	450.00
% на храненіе въ банкѣ сбр. денегъ.	226.50
А ВСЕГО ПО СЕЙ ВѢДОМОСТИ	8.048.70

ПРИЛОЖЕНІЕ № II

Вѣдомость прихода отъ продажи сборниковъ статей памяти почившаго Донского Атамана

Союзъ казаковъ Комбатантовъ 190 фр., Хут. въ Люксембургѣ 70 фр., Станица въ Греноблѣ 100 фр.; гр. въ Парай-ле-моніаль 20 фр.; Хут. въ Шампани 140 фр.; гр. ген. Постовскаго 30 фр.; гр. Сот. Болдырева 20 фр.; Общеказачья станица въ Ліонѣ 10 фр.; Станица въ Монтаржи 80 фр.; Хут. въ Нильванжѣ 20 фр.; Хут. въ Помпей 50 фр.; Хут. въ Ліонѣ 50 фр.; Станица въ Коломбель 50 фр.; Хут. въ Руанѣ 20 фр.; фр.; Калмыцкій хут. въ Монтаржи 30 фр.; станица въ Тулузѣ 10 фр.; Станица въ Южинѣ гр. Свиридова 30 фр.; Станица въ Сансѣ 10 98 фр.; Станица въ Каннахъ 18 фр.; Станица въ Біанкурѣ 20 фр.; гр. въ Бонъ 20 фр.; Касса взаимоп. въ Біанкурѣ 20 фр.; Станица въ Бордо 30 фр.; Калед.-Караул. станица въ Ромба 30 фр.; гр. въ Арлѣ 30 фр.; гр. въ Каюронъ 50 фр.; станица въ Крезо 48 фр. 35 сант.; станица въ Гагни 10 фр.; станица въ Труа 30 фр.; Хуторъ въ Кастера 20 фр.; Станица Виши 30 фр.; гр. въ Тарасконѣ 20 фр.; гр. въ Клермонъ Ферранъ 30 фр.; Общеказ. станица въ Нью-Іоркѣ 80 фр.; гр. въ Вильно 30 фр.; Пражская студенческая станица 19 фр. 85 сант.; Союзъ Дон. Артиллеристовъ 60 фр.; Лейбъ-Казаки въ Парижѣ 30 фр.; черезъ Секретаря Комиссіи и книжные магазины 68 фр.

Криловъ 10 фр.; Шляхтинъ 10 фр.; Полушкинъ 10 фр.; Пестрецовъ 10 фр.; Потоцкій 10 фр.; Кузнецовъ 7 фр. 50 сант.; Дьяковъ 10 фр.; Трубниковъ 10 фр.; Рябушевъ 10 фр.; Ширшикова 10 фр.; Чеботаревъ 10 фр.; Лиховидовъ 10 фр.; Скляровъ 10 фр.; Ершовъ 10 фр.; Поповъ 10 фр.; Ефремовъ 10 фр.; Овчинниковъ 10 фр.; Моисеевъ 10 фр.; Кузнецовъ 15 фр.; Пономаревъ 10 фр.; Небыковъ 10 фр.; Цепляевъ 10 фр.; Гончаровъ 10 фр.; Герасимовъ 10 фр.; Устиновъ 10 фр.; Ломовцевъ 10 фр.; Леоновъ 10 фр.; Егоровъ 10 фр.; Петровъ 10 фр.; Топузліевъ 10 фр.; Борисовъ 10 фр. 50 сант.; Золотовъ 10 фр.; Довжиковъ 10 фр.; Похлебинъ 7 фр. 50 сант.; Ежовъ 7 фр. 50 сант.

ИТОГО, къ 7 августа 1936 отъ продажи Сборниковъ поступило — 2165 фр. 70 сант.

ПРИЛОЖЕНІЕ № III

ВѢДОМОСТЬ РАСХОДОВЪ

Панихиды: 1/2 годового дня 115 фр., годового дня 155 фр., вызовъ пѣвчихъ 15 фр.

Устройство могилы: мѣдная доска съ гравир. надписью 80 фр., лампада и стойка для вѣнковъ 92 фр. 05 сант., дубовый крестъ 310 фр.

Сооруженіе портрета почившаго Донского Атамана: Художнику за написаніе портрета 150 фр., рама 80 фр.

Печатаніе отчета о погребеніи и приходѣ-расходѣ денегъ: по счту журнала «Станица» 300 фр.

Изданіе открытокъ-портретовъ: печатаніе открытокъ 250 фр., печатаніе портретовъ 125 фр. 75 сант.

Организація сбора средствъ: печатаніе возванія, подп. листовъ, разсылка ихъ и разсылка открытокъ 422 фр. 60 сант., тоже 33 фр. 10 сант., то же 30 фр. и то же 7 фр.

Наймы помѣщеній для общ. собр. 35 фр., печатаніе циркул. напоминаній 20 фр., разсылка ихъ почтой 42 фр. 05 сант., то-же 14 фр. 25 сант., разсылка росписокъ въ полученіи денегъ 59 фр. 50 сант., то-же 10 фр. 50 сант.

Изданіе сборника памяти почившаго Д. А.: Печатаніе сборника 1800 фр., разсылка сборника почтой 223 фр., то-же 23 фр. 90 сант., тоже 21 фр. 60 сант., печатаніе циркуляра о подпискѣ 20 фр.

Организація конкурса по проекту памятника: переписка по привлеченію къ участію художниковъ-скульпторовъ, разсылка фотографій могилы, доставка макета худ. Судьбинина, канц. расх. по орг. конкурса 69 фр. 50 сант., то же 103 фр. 60 сант. Печатаніе циркуляровъ о конкурсѣ 25 фр.

Сооруженіе памятника: уплата преміи за проектъ признанный жюри лучшимъ 400 фр. Извлеченіе гроба изъ могилы для устройства бетон. склепа 110 фр. Наемъ временнаго склепа 100 фр. Сооруженіе новаго дубоваго гроба 400 ф. Сооруженіе склепа 1150 ф. Перенесеніе праха въ новый склепъ 30 фр. 4 бетон. плиты для задѣлки склепа 150 фр. Сооруженіе памятника свѣтлаго гранита 4900 фр. Бронзовый крестъ на памятникъ 520 фр. Отливка Донского Герба 400 фр. Гравировка надписи 440 фр. Посадка деревьевъ на могилѣ 230 фр.

Торжество освященія и открытія: организаціонные расходы по сбору средствъ, разсылки приглашеній и объявленій 209 фр. 95 сант., то-же 13 фр. 55 сант. Наемъ автомобилей для привоза Донского Атамана 72 фр. То-же Владыки Митрополита 72 фр. То-же семьи почившаго Атамана и главн. участниковъ 372 фр. Двумъ священникамъ и дьякону за сослуженіе Митрополиту 75 фр. Церковному хору 75 фр. Фотографіи торжества для отсылки въ Донской Музей 24 фр.

ИТОГО, по сей вѣдомости къ 7 августа 1936 г. — 14.376.90.

Письма въ редакцію

ПИСЬМО Н. В. БОГАЕВСКОЙ

Избранная представителями казачьихъ организацій г. Парижа и его окрестностей комиссія по увѣковѣченію памяти моего покойнаго мужа Донского Атамана ген. А. П. Богаевскаго, закончивъ свою дѣятельность, передала мнѣ остатокъ средствъ въ суммѣ 1294 фр. 65 с., согласно опубликованному въ этомъ номерѣ «Станицы» отчету.

Эти деньги предназначены мною на уплату аренды на вѣчность городскому самоуправленію С. Женевьевъ де Буа за землю на кладбищѣ, гдѣ погребенъ Африканъ Петровичъ и гдѣ воздвигнутъ ему памятникъ.

Пользуюсь случаемъ еще разъ принести искреннюю благодарность ген. А. В. Черячукину и всѣмъ, кто за эти два года, отдѣляющіе насъ отъ дня кончины моего мужа, почтилъ его память и далъ возможность Комиссіи осуществить возложенныя на нее казачьей общественностью задачи.

Н. Богаевская.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА А. В. ЧЕРЯЧУКИНА

Съ открытіемъ памятника въ С. Женевьевъ де Буа покойному Донскому Атаману А. П. Богаевскому, дѣятельность комиссіи по увѣковѣченію его памяти прекратилась.

Какъ Предсѣдатель комиссіи, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ поблагодарить всѣхъ членовъ комиссіи — ген. И. Н. Оприца, бакшу Д. Нимбушова, подъесаула А. П. Падалкина за тотъ трудъ и усердіе, которые были проявлены ими, удѣляя часы своихъ трудовыхъ дней для доведенія до конца порученнаго имъ казачьими организаціями дѣла, и, особенно, секретаря комиссіи хорунжаго П. В. Гусева.

Прошу не отказать принять мою благодарность и признательность членовъ жюри конкурса, объявленнаго комиссіей: Я. П. Богаевскаго, проф. М. В. Глобу, архитектора М. А. Дубинскаго, С. Ф. Ефремова, К. В. Попова и П. И. Ставицкаго, — которые дали возможность комиссіи и при скромныхъ средствахъ выбрать и соорудить достойный памятникъ.

Моя искренняя благодарность архитектору П. И. Ноздрину, вложившему много желанія и труда при составленіи проекта памятника и при его постройкѣ.

Предсѣдатель Комиссіи

Генералъ-Лейтенантъ **А. Черячукинъ.**

ПИСЬМО ПОЛКОВНИКА Е. А. ФЕДОРОВА

Удѣлите мнѣ страницу въ Вашемъ журналѣ, носящемъ такое милое для казаковъ названіе.

Судьбѣ угодно было назначить мнѣ испытать радость или горечь хлѣба изгнанія за океаномъ.

Уѣзжая, я хочу и попрощаться и поблагодарить.

За годы жизни на чужбинѣ, такъ сжился съ казаками, такъ много было хорошаго у меня въ этой странѣ, что не скрою искреннихъ чувствъ сожалѣнія передъ долгой разлукой съ тѣми, съ кѣмъ, еще не знаю, гдѣ Господь приведетъ встрѣтиться. Уѣзжая, я прежде всего сердцемъ около могилы незабвеннаго Африкана Петровича Богаевскаго. Какъ бы стою съ букетомъ цвѣтовъ. Особыхъ цвѣтовъ, никогда не вянущихъ, никогда не измѣняющихся въ количествѣ, цвѣтовъ моего сердца.

Это онъ своей добротой, заботой и сердечностью насадилъ эти цвѣты въ сердцахъ многихъ тысячъ казаковъ, покинувшихъ съ нимъ Родную Землю въ годину лихолѣтія.

И этой дорогой могилѣ я прежде всего земно кланяюсь и словно прошу благословенія на новую жизнь.

А дальше я не нахожу словъ отблагодарить всѣхъ тѣхъ, кто такъ много обласкалъ меня своимъ радушіемъ и сердечностью въ эти дни приготовленій моихъ къ отъѣзду. Прошли эти дни въ атмосферѣ, смущающей меня радости отъ знаковъ расположенія ко мнѣ.

Въ стѣнахъ глубоко чтимаго мною храма во имя созидателя земли русской Св. Сергія, меня съ особой сердечностью напутствовалъ и благословилъ Владыка Іоаннъ. Нѣсколько раньше это же благословеніе я получилъ въ храмѣ Св. Николая Чудотворца отъ о. Іакова Ктитарева, задушевность церковной службы котораго всегда по особому волнуетъ.

Дорогая для меня семья Донскихъ артиллеристовъ по праву занимаетъ въ моемъ сердцѣ первое мѣсто. Въ этой семьѣ прошла вся моя счастливая жизнь на Родинѣ, въ ней на чужбинѣ я всегда находилъ дружеское участіе, такое цѣнное въ наше трудное время. Съ отдаленныхъ временъ семья Донскихъ артиллеристовъ имѣла свой особый укладъ жизни. Сохранила она это и на чужбинѣ. И сохранила только потому, что связи съ прошлымъ не разрывала. Въ неимовѣрныхъ трудностяхъ заграничной жизни Донскіе артиллеристы собираютъ и хранятъ страницы воспоминаній объ этомъ славномъ прошломъ. Вѣрятъ въ славное будущее и хотятъ сохранить для него самое цѣнное, самое святое, самое гордое.

Семья казаковъ комбатантовъ, гдѣ всегда будетъ жить духъ Африкана Петровича Богаевскаго, такъ какъ союзъ — его созданіе. Семья эта навсегда будетъ близка мнѣ и священной памятью объ Африканѣ Петровичѣ и той работой, какую я дѣлалъ съ однимъ желаніемъ оправдать высокое довѣріе, оказанное мнѣ почившимъ Атаманомъ.

По почину правленія союза, семья казаковъ комбатантовъ за дружеской хлѣбъ-солью подѣлилась со мной мыслями и пожеланіями, которыя я никогда не забуду. Эту хлѣбъ-соль удостоилъ своимъ присутствіемъ нашъ Атаманъ и предсѣдатель союза графъ Михаилъ Николаевичъ Граббе. Я уѣзжаю не одинъ, ѣдетъ дружная казачья семья изъ 7 человѣкъ и Донской Атаманъ благословляя насъ въ далекій путь, пожелалъ благополучія въ устройствѣ нашемъ на новомъ мѣстѣ.

И послѣднее напутствіе мнѣ далъ хуторъ имени Донского Атамана А. П. Богаевскаго въ Дранси. Съ этимъ хуторомъ у меня связано много. Съ нимъ я дѣлилъ и радость и горе. Онъ былъ моей неотъемлемой сущностью. Ему я отдавалъ всѣ мои лучшія чувства.

Объявленіе объ обѣдѣ, сдѣланное Правленіемъ союза каз. комбатантовъ вызвало откликъ изъ разныхъ угловъ Франціи. Я получилъ много теплыхъ, сердечныхъ писемъ съ пожеланіями здоровья и благополучія.

Все это вызываетъ у меня отвѣтное чувство благодарности всѣмъ за сердечность и добрыя пожеланія, которыя были выражены мнѣ.

Эти строки появятся ко дню Войсковыхъ Праздниковъ славнаго старѣйшаго Войска Донского и не менѣе славнаго войска Кубанскаго. Я почтительно приношу мои поздравленія отъ себя лично и отъ той казачьей семьи, которая ѣдетъ со мной, съ войсковыми праздниками — Атаманамъ и всѣмъ казакамъ.

Всѣмъ приношу мою благодарность, земно кланяюсь и взаимно желаю здоровья и благополучія.

Е. Федоровъ.

21-го ноября Донской Дамскій Комитетъ устраиваетъ благотворительный балъ въ залахъ «Ортикультюръ», 84, рю Гренель.

Кубанцы въ Монтаржи

Монтаржи — одна изъ многочисленныхъ русскихъ колоній во Франціи ,члены этой колоніи добываютъ себѣ средства къ существованію на большомъ заводѣ Учкинзонъ. Заводъ этотъ расположенъ въ пригородѣ Монтаржи — мѣстечкахъ Шалетъ-Везинъ, раздѣленныхъ между собою каналомъ, по которому ходятъ изъ Парижа и другихъ мѣстъ баржи-самоходы и просто баржи, которыя движутся при помощи лошадей или людей запряженныхъ въ лямки, типа волжскихъ лямокъ съ «эй ухнемъ».

Перейдя по мосткамъ не очень широкій каналъ, вы входите на територію завода «Учкинзонъ», съ традиціонными домами для рабочихъ, обогнувъ правое крыло завода и жилыхъ помѣщеній, вы видите типичную французскую улицу, по бокамъ которой русскіе лавки, рестораны: Тихій Донъ, Хуторокъ и другіе и въ концѣ улицы православную церковь, созданную заботами мѣстнаго священника о. Федора. Церковь сдѣлана прихожанами, ихъ средствами и ихъ руками, на собственной церковной землѣ и являетъ собою видъ россійскаго скита.

На улицахъ слышна рѣчь многихъ національностей.

Работаетъ на заводѣ «Учкинзонъ» и много казаковъ, кубанцевъ и донцовъ, и немного терцевъ, есть обще-казачья станица, въ которой состоятъ преимущественно донцы, и, наконецъ, вотъ только теперь возобновилъ свое существованіе казачій хуторъ Кубанецъ».

Возобновилъ свое существованіе «Кубанецъ» по иниціативѣ группы казаковъ-кубанцевъ, во главѣ съ полковникомъ Мацакъ.

10 мая этого года на призывъ полковника Мацака собрались 24 кубанца, свободныхъ отъ работъ и на этомъ организаціонномъ сборѣ единогласно постановили возобновить существованіе кубанскаго казачьяго хутора «Кубанецъ». Были избраны должностныя лица: атаманомъ хутора полковникъ Г. Г. Мацакъ, помощниками казаки Рыпка и Лаптевъ, писарь В. старшина Трегубовъ, казначей Стукало. Въ ревизіонную комиссію Хорунжій Леонидовъ, И. М. Шедогубъ и И. С. Сухарь и довѣренными К. В. Детановъ и Ф. И. Шиловъ.

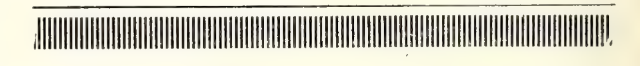
Послѣ сбора приговоръ былъ подписанъ всѣми присутствующими и новымъ атаманомъ полковникомъ Мацакъ, представленъ при рапортѣ Войсковому Атаману Кубанскаго Казачьяго войска Генералу Науменко на утвержденіе. Приговоръ былъ утвержденъ Войсковымъ Атаманомъ и опубликованъ походнымъ штабомъ въ кубанской информаціи «Вольной Кубани».

Хочется выразить родной кубанской организаціи, возрожденному хутору «Кубанецъ» пожеланіе счастливыхъ дней, подъ руководствомъ положенія объ кубанскихъ организаціяхъ за рубежомъ, изданномъ походнымъ штабомъ Войскового Атамана, неутомимымъ полковникомъ Соламахинымъ.

Положеніе, утвержденное приказомъ Войскового Атамана Генерала Науменко введено къ обязательному исполненію. Послѣ двухъ мѣсяцевъ существованія, хуторъ численно увеличился и теперь въ немъ состоитъ по списку 31 членъ. Нужно надѣяться, что всѣ кубанцы, проживающіе въ департаментѣ Луаре вспомнятъ свою принадлежность къ родному войску и собою пополнятъ ряды хутора. Чѣмъ организація больше, тѣмъ легче будетъ отстаивать наши интересы въ центрѣ, въ Парижѣ, Представителю Войскового Атамана во Франціи, ген. Малышенко и на мѣстѣ оказать помощь своему собрату попавшему въ нужду.

Черноморецъ.

Розыскъ

Чукавовыхъ Дмитрія и Михаила Павловичей разыскиваю. Лицъ, имѣющихъ о нихъ свѣдѣнія, прошу писать по адресу:

Mr. Tchoukavoff, 113, Av. Jean Jaures, Aubervilliers (Seine).

Памяти ушедшихъ

ГЕНЕРАЛЪ-МАIОРЪ А. Е. ВЛАСОВЪ

18 августа с. г. скончался отъ болѣзни сердца В. В. Донского генералъ-маiоръ Алексѣй Евграфовичъ Власовъ, въ г. Исси-ле-Мулино, подъ Парижемъ.

Приступъ болѣзни произошелъ въ г. Оранжъ, куда А. Е. поѣхалъ на три дня съ хоромъ для участiя въ нѣкоторыхъ оперныхъ представленiяхъ. Въ больномъ приняла горячее участiе постоянно проживающая въ Оранжѣ герцогиня М. Н. Лейхтенбергская, при со-

дѣйствiи которой онъ былъ перевезенъ въ Парижъ и, такимъ образомъ, послѣднiе дни своей жизни онъ провелъ съ семьей.

А. Е. родился въ 1869 г., окончилъ Воронежскiй кадетскiй корпусъ и Николаевское кавалерiйское училище, откуда вышелъ л. гв. въ Казачiй полкъ.

Во время великой войны А. Е. около года былъ на фронтѣ и послѣ былъ назначенъ въ штабъ Походнаго Атамана.

Во время гражданской войны А. Е. состоялъ въ распоряженiи Донского Атамана, выполняя его различныя порученiя, связанныя преимущественно съ вопросами о снабженiи армiи.

Въ эмиграцiи А. Е. пользовался широкой извѣстностью въ русскихъ и иностранныхъ кругахъ, какъ одинъ изъ лучшихъ хормейстеровъ. Нерѣдко на афишахъ самыхъ блестящихъ музыкальныхъ фестивалей значилось: «Русскiй хоръ подъ управленiемъ Власова».

Въ Россiи А. Е. не получилъ спецiальнаго музыкальнаго образованiя, но всегда интересовался этимъ дѣломъ и изучалъ его. Будучи кадетомъ он ъуправлялъ хоромъ, въ полку участвовалъ въ оркестрѣ, организованномъ изъ офицеровъ Вел. Княземъ Сергiемъ Михайловичемъ. Занимаясь постоянно музыкой, онъ, конечно, не предполагалъ когда либо выступать передъ публикой, но въ эмиграцiи казачiй генералъ примѣнилъ свои знанiя, вкусъ и любовь къ музыкѣ, проявляя исключительную энергiю, трудоспособность при доброжелательномъ, ровномъ характерѣ на рѣдкость благороднаго, безкорыстнаго человѣка, искренно оплакиваемаго нынѣ многими русскими тружениками.

На далекой чужбинѣ покойный всегда чувствовалъ свою принадлежность къ родному казачеству, къ родному Войску. Онъ состоялъ въ Союзѣ казаковъ-комбатантовъ, возглавляя ревизiонную комиссiю. И здѣсь А. Е. былъ вѣренъ своимъ принципамъ, чувству долга, отвѣтственности, идейному служенiю обществу.

Миръ его праху и да будетъ легка донскому казаку французская земля.

Комбатантъ.

ПОЛКОВНИКЪ ФЕДОРЪ АНТОНОВИЧЪ АГѢЕВЪ

12-го августа 1936 г. въ русскомъ госпиталѣ въ г. Панчево (Югославiя) умеръ полковникъ Ф. А. Агѣевъ.

Федоръ Антоновичъ, казакъ станицы Константиновской В. В. Донского, родился въ 1883 г. и по окончанiи Донского Императора Александра III кадетскаго корпуса и Константиновскаго артиллерiйск. училища портупей-юнкеромъ по 1-му разряду былъ произведенъ Высочайшимъ приказомъ 1-го августа 1903 г. въ Хорунжiе съ назначенiемъ въ 3-ю Донск. каз. батарею, въ рядахъ которой принялъ участiе въ Русско-Японской войнѣ 1904-05 г. г. и за боевыя отличiя былъ награжденъ боевыми орденами Св. Станислава и Св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ.

Окончивъ затѣмъ Интендантскую Академiю, Подъесаулъ Агѣевъ продолжалъ службу въ Донской Артиллерiи и вышелъ на войну въ августѣ 1914 г. въ рядахъ 17-й Донск каз. батареи, гдѣ сразу же проявилъ себя доблестнымъ офицеромъ и былъ раненъ. Въ бою 5-го января 1915 г. у сел. Iоганешти, лихо выѣхалъ со взводомъ въ цѣпи авангарда, мѣткой стрѣльбой быстро заставилъ замолчать два непрiятельскихъ орудiя, чѣмъ далъ возможность авангарду занять селенiе безъ потерь. За этотъ подвигъ Ф. А. былъ награжденъ Ге-

оргіевскимъ оружіемъ (Высоч. Пр. 10 ноября 1915 г.).

Въ началѣ 1917 г. Есаулъ Агѣевъ получилъ въ командованіе вновь сформированную 32-ю Донск. каз. батарею, которую сумѣлъ поставить на должную высоту благодаря своимъ незаурряднымъ способностямъ и прекрасному боевому опыту.

Во время Гражданской войны въ 1918 г. служилъ въ Управленіи Интенданта Всев. В. Д., а въ 1919 г. назначенъ начальникомъ строевого отдѣленія Управленія Артиллеріи В. Д.

Въ эмиграціи Ф. А. былъ нѣкоторое время офицеромъ-воспитателемъ въ Донскомъ Импер. Александра III кадетскомъ корпусѣ въ Югославіи. Умеръ Ф. А. въ родственной Югославіи, сраженный предательской болѣзнью во цвѣтѣ силъ и съ мыслями о Тихомъ Донѣ, вѣрнымъ сыномъ котораго онъ былъ всю жизнь.

Вѣчная память нашему дорогому соратнику.

Донскіе артиллеристы.

Хроника

Въ Бѣлградъ отбылъ Донской Атаманъ графъ М. Н. Граббе.

***

Ген. А. В. Черячукинъ будетъ представлять Донского Атамана на время его отсутствія во Франціи.

***

18 октября въ храмѣ на рю Дарю былъ отслуженъ молебенъ по случаю Донского и Кубанскаго Войсковыхъ Праздниковъ.

Въ тотъ же день, въ ресторанѣ «1000 колоннъ», подъ предсѣдательствомъ графа М. Н. Граббе, состоялась донская войсковая хлѣбъ-соль.

***

21 октября, во вторую годовщину смерти Донского Атамана ген. А. П. Богаевскаго, въ церкви на рю Лекурбъ была отслужена панихида. Присутствовали: семья покойнаго, ген. А. И. Деникинъ, ген. А. В. Черячукинъ, ген. И. Г. Акулининъ, ген. С. Д. Позднышевъ и мн. др. Въ воскресенье 25 окт. панихида по Атаманѣ А. П. Богаевскомъ была отслужена въ храмѣ на рю Дарю.

***

Въ воскресенье 25-го октября состоялось освященіе памятника начальнику Атаманскаго Военнаго училища ген.-м. В. П. Попову на кладбищѣ въ С. Женевьевъ де Буа. Присутствовали: Н. В. Богаевская, Н-къ Атаманск. в. уч. ген. Зубовъ, представитель ген. Миллера, ген. Стоговъ, ген. А. В. Черячукинъ, ген. Упорниковъ, ген. Грековъ и мн. др.

***

Отбылъ въ Бѣлградъ на постоянное жительство нашъ сотрудникъ, д-ръ гос. наукъ В. Д. Синеоковъ.

***

Вышелъ изъ печати № 5-й «Атаманскаго Вѣстника», органа Донского Атамана.

***

Казначей Союза Казаковъ-Комбатантовъ, полковникъ Е. А. Федоровъ, съ группой донцовъ-артилллеристовъ съ семьями, уѣхалъ въ Аргентину. Въ Правленіе Союза вступилъ слѣдующій кандидатъ, подъесаулъ А. П. Падалкинъ. Казначеемъ избранъ Войсковой Старшина А. П. Чукавовъ.

Imprimerie Crozatier. 3, Impasse Crozatier. Paris 12e Le Gérant: Ch. Quénet.

СТАНИЦА
№ 21
STANITZA
TRIMESTRIEL
ORGANE DE LA STANITZA DES
ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS
7, RUE JOBBÉ DUVAL • PARIS (15e)
JANVIER 1937 - PRIX: 3 FRS

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

«STANITZA» 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 21 ЯНВАРЬ 1937 Годъ изданія 6-й

Гравюра на деревѣ В Ле Кампіонъ

А. С. ПУШКИНЪ (1799-1937)

Весь культурный міръ торжественно отмѣчаетъ исполняющееся 11 февраля 1937 года столѣтіе со дня смерти великаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина.

Выпускомъ настоящаго номера «СТАНИЦЫ», посвященнаго памяти поэта, объединенные въ Парижскую студенческую казачью станицу студенты - казаки, дѣлаютъ свой скромный вкладъ въ работу русскаго Зарубежья по организаціи «Пушкинскаго Дня».

Редакція считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ принести горячую благодарность любезно отозвавшимся на просьбу «СТАНИЦЫ» и давшимъ свои статьи, извѣстнымъ пушкинистамъ Модесту Людвиговичу Гофману и доктору Парижскаго Университета Карлу Александровичу Аббату А. Кенэ, и талантливому художнику В. Н. Ле Кампіонъ, украсившему страницы номера своими рисунками и гравюрами на деревѣ.

Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою.
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ въ огнѣ
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Сѣдлалъ я смирнаго Пегаса,
Таская стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ.
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣздникъ чудной,
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ — при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ — плутъ, казакъ прямой!
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Наѣздникъ былъ бы онъ лихой.

(Д. В. Давыдову, при посылкѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта»).

Пушкинъ не просто интересовался исторіей Россіи — онъ чувствовалъ связь съ прошлымъ, дорожилъ прошлымъ своего рода, дорожилъ прошлымъ предковъ и недаромъ писалъ П. Я. Чаадаеву: «je vous jure sur mon honneur, que pour rien au monde je n'aurois voulu changer de patrie, ni avoir d'autre histoire que celle de nos ancêtre, telle que Dieu nous l'a donné» (Клявамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не хотѣлъ бы промѣнять отечества, ни имѣть другой исторіи, кромѣ исторіи нашихъ предковъ, такой, какой Богъ далъ ее намъ).

Пушкинъ не просто интересовался исторіей и любилъ ее («Люблю отъ бабушки Московской я слушать толки о роднѣ, объ отдаленной старинѣ; могучихъ предковъ правнукъ бѣдной, люблю встрѣчать ихъ имена въ двухъ-трехъ строкахъ Карамзина, — отъ этой слабости безвредной, какъ ни старался, видитъ Богъ, отвыкнуть я никакъ не могъ»), — онъ изучалъ исторію Россіи, «рылся» въ архивахъ, производилъ историческія изслѣдованія и до такой степени входилъ въ эту работу, что въ послѣдніе годы его жизни Пушкинъ-историкъ становился серьезнымъ соперникомъ Пушкина-поэта и Пушкина-романиста (лучше бы, пожалуй, было сказать — Пушкина-новеллиста).

Знаніе русской исторіи, связанное съ живымъ чувствомъ связи съ нею и съ истинно-геніальной художественной интуиціей и крылатымъ вдохновеніемъ, не знающимъ никакихъ предѣловъ, никакихъ границъ, сдѣлало то, что ни одному русскому писателю — ни одному драматургу, ни одному романисту, ни одному поэту — не удалось такъ воскресить русское

прошлое — конецъ русскаго XVI вѣка, начало XVII и особенно весь XVIII-ый вѣкъ — отъ великаго Петра до послѣднихъ лѣтъ великой Екатерины (у. 1796) — и воскресить съ такою предѣльною жизненностью, зрительностью, а значитъ и убѣдительностью, что иначе, какъ черезъ Пушкина, иначе, чѣмъ глазами Пушкина, мы не видимъ эпохъ, воскрешенныхъ его геніемъ. И какія бы историческія изслѣдованія, опровергающія синтетическіе образы Пушкина и его историческія концепціи, ни появлялись, мы можемъ **мыслить** не по Пушкину, но по Пушкину продолжаемъ **видѣть.** И сколько бы историки ни писали о Петрѣ Великомъ и Борисѣ Годуновѣ, при имени великаго Петра въ насъ невольно возникаетъ образъ «человѣка высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ съ глиняной трубкой во рту, облокотясь на столъ, читавшаго гамбургскія газеты»; точно такъ же, сколько бы мы ни читали историческихъ изслѣдованій о подлинномъ Борисѣ Годуновѣ, изъ **воображенія** нашего мы не въ силахъ изгнать образъ пушкинскаго Бориса.

ЕМЕЛЬЯНЪ ПУГАЧЕВЪ.

Пушкинъ былъ очень строгъ и требователенъ къ изображенію историческихъ лицъ и требовалъ отъ художника исторической правды. Такъ, онъ ловилъ Рылѣева на историческихъ ошибкахъ, такъ, въ предисловіи къ «Полтавѣ», онъ упрекалъ третьестепеннаго романиста Е. Аладьина въ томъ, что послѣдній исказилъ образъ Мазепы, и писалъ: «Нѣкто въ романтической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиной, изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные въ французской мелодрамѣ и проч. Лучше было бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица».

Въ приведенной фразѣ Пушкина объ искаженіи историческихъ лицъ хочется особо подчеркнуть слово «своевольно». Но прежде замѣтимъ, что Пушкинъ такъ строго относился къ искаженію только «историческихъ лицъ»: дочь Кочубея, Матрену, онъ не считалъ историческимъ лицомъ и давалъ себѣ большую свободу въ лирическомъ изображеніи ея (онъ даже «своевольно» измѣнилъ ея имя на любимое имя Маріи, оговоривъ это измѣненіе въ 3 примѣчаніи къ «Полтавѣ»: «У Кочубея было нѣсколько дочерей» — въ поэмѣ Пушкина нѣтъ и намека на нихъ; одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Матреной»). Не могъ же въ самомъ дѣлѣ Пушкинъ не видѣть, что его прекрасная, романтическая Марія напоминающая Татьяну (и написанная тѣмъ же письмомъ), имѣетъ мало общаго съ подлинной Матреной **Кочубей!**

Пушкинъ считалъ равно историческимъ, равно правильнымъ, въ высшемъ смыслѣ слова, историческій фактъ, фактъ, какъ онъ былъ самъ въ себѣ и историческую легенду — преломленіе этого историческаго факта въ воспріятіи современниковъ эпохи. Можетъ быть, легенда даже болѣе исторична, чѣмъ отдѣльный, взятый самъ по себѣ голый историческій фактъ? — Во всякомъ случаѣ, легенда, созданная эпохой, болѣе характеризуетъ эпоху, массу людей, и только путемъ легенды мы и можемъ дойти до безвѣстной массы, до той толщи, на фонѣ которой дѣйствовали отдѣльныя единицы. Среди произведеній Пушкина есть стихотвореніе («Герой»), которое намекаетъ на то, что Пушкинъ сознательно давалъ предпочтеніе исторической легендѣ передъ историческимъ фактомъ. Наполеонъ поражаетъ воображеніе поэта своею чудною звѣздою не тогда, когда онъ взираетъ съ Альповъ

на дно Италіи святой, не тогда, когда хватаетъ знамя иль жезлъ диктаторскій, не тогда, когда угасаетъ недвижимъ на своей скалѣ —

Не та картина предо мною!
Одровъ я вижу длинный строй,
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменый мощною чумой,
Царицею болѣзней... онъ,
Не бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь, ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ:
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой...

Такъ говоритъ поэтъ-историкъ, его трезвый «другъ» исторической справкой думаетъ разрушить это очарованіе легенды:

Мечты поэта —
Историкъ строгій гонитъ васъ!
Увы! его раздался гласъ, —
И гдѣ жъ очарованье свѣта!

Къ словамъ «его раздался гласъ» Пушкинъ дѣлаетъ выноску: «Mémoires de Bourienne». Бурьенъ въ «Запискахъ» своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободренія ихъ. J'affirme, говоритъ онъ, ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré».

Какъ же отвѣчаетъ поэтъ на эту историческую справку? —

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! — Нѣтъ!
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ...

Этотъ «возвышающій обманъ» — сказаніе, легенда — такая же историческая дѣйствительность, какъ и «низкая истина» — констатированіе историческаго факта, какимъ онъ былъ самъ по себѣ, но не такимъ, какимъ онъ представлялся людямъ эпохи. Представлять Бонапарта прикасающимся къ зачумленнымъ значитъ искажать исторію, но **не значитъ** «своевольно» искажать ее: въ этомъ **не** «своевольномъ» искаженіи исторической дѣйствительности заключена глубокая историческая правда, характеризующая эпоху, людей эпохи. И въ свѣтѣ этой «исторической правды» — ибо въ основѣ легенды всегда лежитъ своя историческая правда — образъ Бориса Годунова, убившаго (или, точнѣе, подославшаго убійцъ къ царевичу Дмитрію) останется навсегда легендарно-исторически вѣрнымъ: можно доказать, что Борисъ Годуновъ не убивалъ царевича, но нельзя доказать, ибо это противорѣчило бы исторіи, исторической правдѣ, что въ смутную эпоху не создалась эта легенда...

Пушкинъ - поэтъ - историкъ, возставшій противъ «своевольнаго» искаженія историческихъ лицъ, никогда не задумывался переступать, нарушать **тьмы низкихъ истинъ** во имя правды легенды. Болѣе того: въ этомъ воскрешеніи прошлаго въ свѣтѣ легенды, характеризующей эпоху, мы видимъ особенность Пушкина — историческаго художника-портретиста. Эта особенность сказывается во всемъ (поэтому-то такъ легко повѣрилъ Пушкинъ нелѣпой баснѣ объ отравленіи Сальери Моцарта), Пушкинъ постоянно стремится къ тому, чтобы въ своихъ художественно-историческихъ произведеніяхъ давать портреты своихъ историческихъ лицъ въ соотвѣтствіи съ народными представленіями о нихъ, но ни въ одномъ произведеніи онъ такъ не сливается съ народной легендой, какъ въ своей послѣдней и самой зрѣлой художественно-исторической повѣсти, въ «Капитанской Дочкѣ», точно такъ же, какъ трудно найти болѣе народный образъ, народно-легендарный образъ, чѣмъ образъ великодушнаго разбойника — самозванца-казака Емельки Пугачева въ «Капитанской Дочкѣ» (не въ «Исторіи Пугачевскаго бунта») —

Вотъ мой Пугачъ — при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ — плутъ, казакъ прямой!

Пугачевъ «Капитанской Дочки» и Пугачевъ «Исторіи Пугачевскаго бунта» (лучше было бы говорить объ «Исторіи Пугачева» — такъ называлъ Пушкинъ свою историческую работу, названіе которой измѣнилъ Имп. Николай I, замѣтившій, что самозванецъ-разбойникъ не можетъ имѣть «исторіи»») — два разные Пугачева: одинъ написанъ по собраннымъ Пушкинымъ мертвымъ документамъ — «низкая истина», другой — народный казачій герой — по живымъ народнымъ легендамъ — «возвышающій обманъ», въ свѣтѣ большой исто-

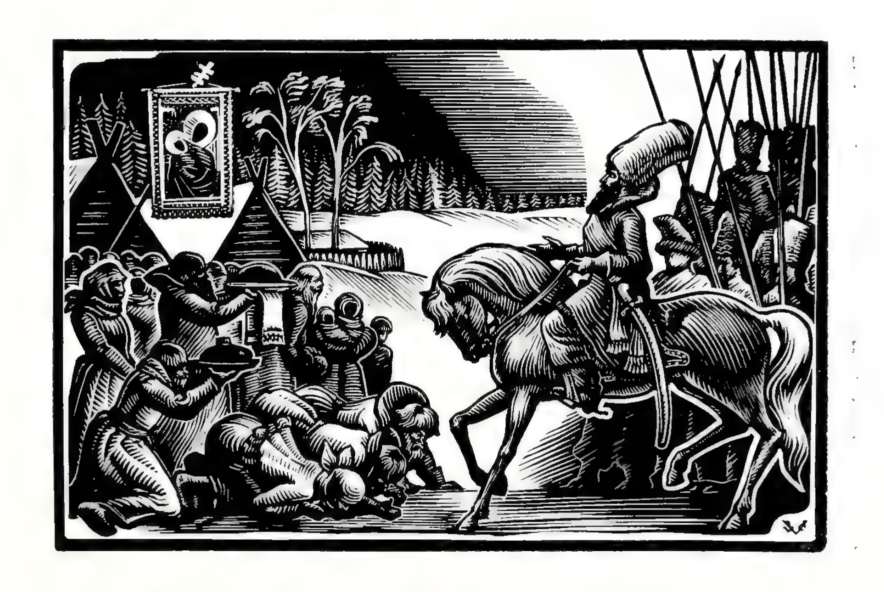

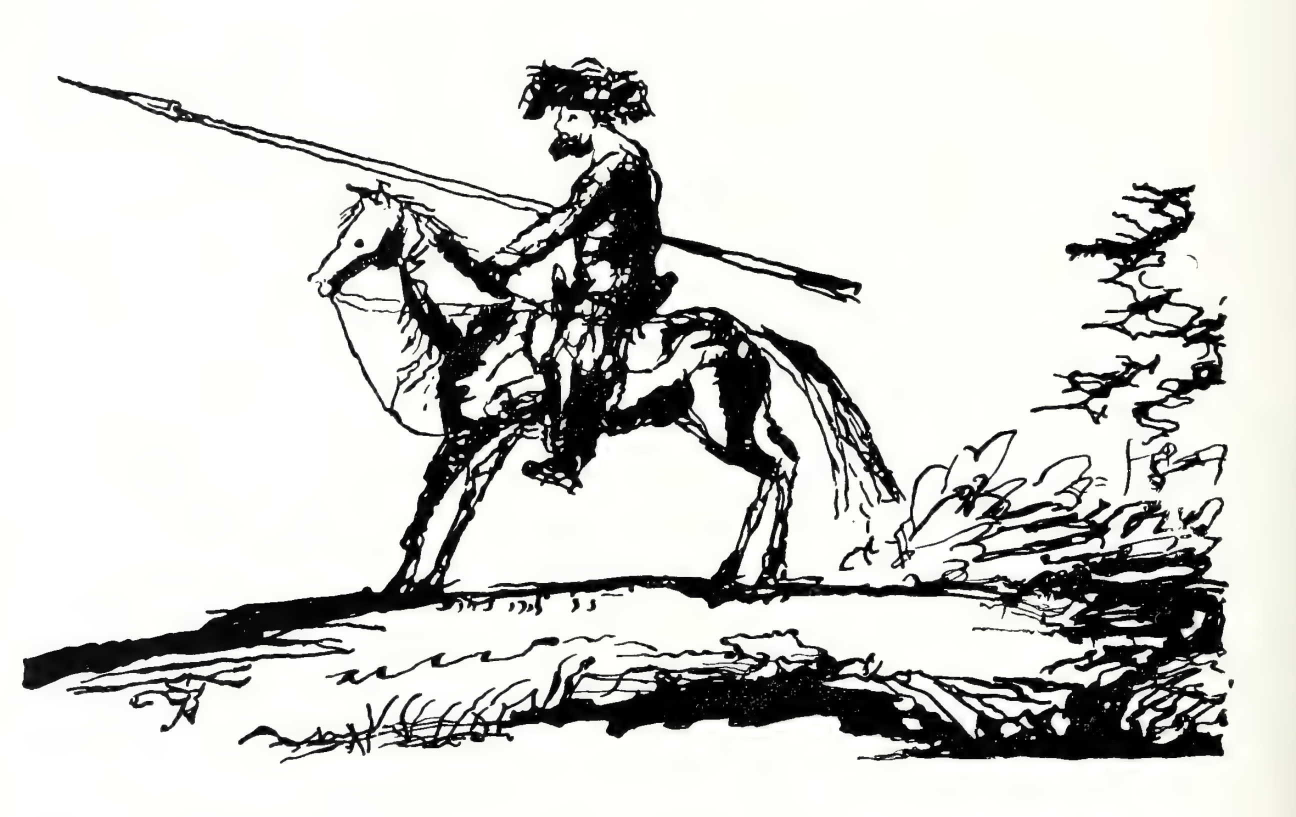
ріи не лицъ, а массъ, можетъ быть, болѣе исторически вѣрный, хотя и завѣдомо противорѣчащій низкой исторической действительности.

«Я сталъ на колѣна и устремилъ глаза мои на больного. Чтожъ... Вмѣсто отца моего, вижу, въ постели лежитъ мужикъ съ черной бородою, весело на меня поглядывая. Я въ недоумѣніи оборотился къ матушкѣ, говоря ей: «Что это значитъ. Это не батюшка. И съ какой мнѣ стати просить благословенія мужика?» — Все равно, Петруша, отвѣчала мнѣ матушка: это твой посаженый отецъ; поцѣлуй у него ручку, и пусть онъ тебя благословитъ... — Я не соглашался. Тогда мужикъ вскочилъ съ постели, выхватилъ топоръ изъ за спины и сталъ махать во всѣ стороны. Я хотѣлъ бѣжать... и не могъ; комната наполнилась мертвыми тѣлами; я спотыкался о тѣла и скользилъ въ кровавыхъ лужахъ... Страшный мужикъ ласково меня кликалъ, говоря: «Не бойсь, подойди подъ мое благословеніе»... Ужасъ и недоумѣніе овладѣли мною...».

Этотъ роковой «страшный мужикъ» принимаетъ какіе то чудовищно - неестественные размѣры, подавляющіе насъ въ пророческомъ снѣ Гринева, подобно страшному мужику въ пророческомъ снѣ Анны Карениной...

Весь бунтъ Пугачева построенъ на рискѣ, на томъ страшномъ русскомъ «авось», которому и терять нечего. «Нѣтъ, — говоритъ Пугачевъ Гриневу, — поздно мнѣ каяться. Для меня не будетъ помилованія. Буду продолжать, какъ началъ. Какъ знать? Авось и удастся. Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ же надъ Москвою». Пушкинскій Пугачевъ — это тотъ народный богатырь, у котораго силы

рвутся изъ груди отъ избытка, отъ переполненія и которому некуда дѣть ихъ, некуда приложить свои силы, которыя тяжело носить въ груди. Слѣпыя силы — неудобоносимое бремя — «тяжко отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени». Богатырь не можетъ ничего дѣлать понемножку — «чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью; а тамъ — что Богъ дастъ». Эта стихійная безшабашность страшна своею силою, которой нѣтъ удержу, которая ни передъ чѣмъ не останавливается, потому что ничего не видитъ — все бѣжитъ передъ ея слѣпымъ, отчаяннымъ натискомъ, ничто не сопротивляется и не можетъ сопротивляться передъ этой безумной храбростью — разбоемъ.

Пугачевъ жестокъ, безпощаденъ, жестокъ звѣрино (не звѣрски, а звѣрино), примитивно жестокъ (безъ садизма, безъ наслажденія муками его жертвъ), безъ разсужденія, безъ сознанія, можетъ быть, не замѣчая даже самъ своей жестокости — и въ то же время чувствителенъ и милостивъ до сантиментальности. И эта сантиментальность — благодарность за подаренный заячій тулупъ — проходитъ черезъ всю «Капитанскую Дочку». «Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ: «Спасибо, ваше благородіе. Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей». — И дѣйствительно, страшный, но милостивый разбойникъ «вѣкъ не забываетъ» милостей Гринева, хотя, казалось бы, милость была не столь ужъ велика: заячій тулупъ означалъ нѣсколько рюмокъ водки и не былъ необходимъ Пугачеву (вѣдь накану̀нѣ онъ заложилъ свой тулупъ за стаканъ водки; очевидно, что и заячій тулупъ долженъ былъ пойти къ тому же цѣловальнику).

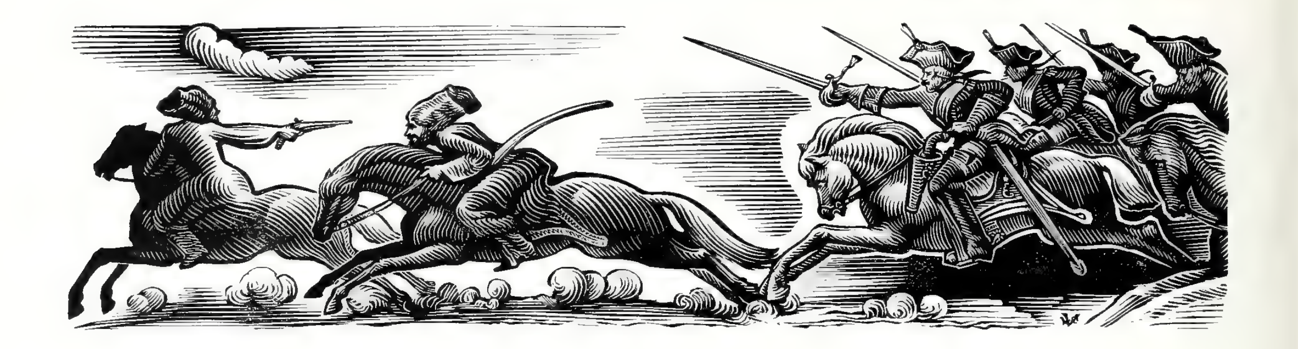
Таковъ Пугачевъ Пушкина, и этотъ Пугачевъ былъ созданъ на основаніи народныхъ сказаній и легендъ о немъ, а не на основаніи историческихъ документовъ, собранныхъ Пушкинымъ. **Такъ** (сознательно) Пушкинъ и приступалъ къ созданію «Капитанской Дочки», и недаромъ, испрашивая разрѣшенія на поѣздку, писалъ А. Н. Мордвинову: «Можетъ быть, Государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось-бы мнѣ посѣтить обѣ сіи губерніи». — Не для «Исторіи Пугачевскаго бунта», а для романа

хочетъ онъ посѣтить мѣста, гдѣ разыгрался Пугачевскій бунтъ! Въ сентябрѣ 1833 года Пушкинъ и посѣтилъ эти мѣста. Первая — и очень важная остановка была въ Казани; здѣсь «умный и ученый нѣмецъ» К. Ѳ. Фуксъ разсказалъ, между прочимъ, анекдотъ о лютеранскомъ пасторѣ, который Пушкинъ такъ передалъ въ «Исторіи Пугачева»: «Во время Казанскаго пожара онъ былъ приведенъ къ Пугачеву; самозванецъ узналъ его: нѣкогда, ходя въ цѣпяхъ по городскимъ улицамъ, Пугачевъ получалъ отъ него милостыню. Бѣдный пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково и пожаловалъ въ полковники. Пасторъ-полковникъ посаженъ былъ верхомъ на башкирскую лошадь. Онъ сопровождалъ бѣгство Пугачева и нѣсколько дней уже спустя отсталъ отъ него и возвратился въ Казань». Такимъ образомъ великодушіе милостиваго разбойника, легшее въ основу повѣсти («Анекдотъ, писалъ Пушкинъ, служившій основаніемъ повѣсти, нами издаваемой, извѣстенъ въ Оренбургскомъ краѣ»), взято изъ мѣстныхъ сказаній о Пугачевѣ. Изъ Казани Пушкинъ поѣхалъ въ Симбирскъ и въ Уральскъ. «Дорогой, пишетъ онъ женѣ, волочился я за одними 70 и 80-лѣтними старухами. А на молоденькихъ з(....) шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ. Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я **une bonne fortune** — нашелъ 75-лѣтнюю козачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою 1830 годъ. Я отъ нее не отставалъ, виноватъ, и про тебя не подумалъ».

Эта бердская казачка многое наразсказала Пушкину, и ея разсказы сильно повліяли на «Капитанскую Дочку» и, въ частности, на со-

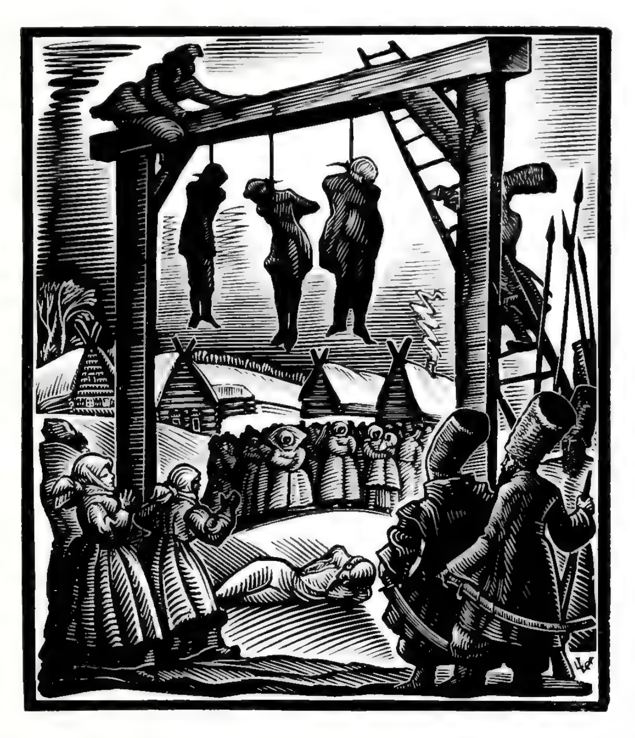

Иллюстраціи В. Н. Ле Кампіона на этой и на 6-й страницахъ воспроизводятъ собственноручные рисунки Пушкина.

зданіе образа Пугачева. Къ счастью, мы знаемъ, что именно она разсказывала, такъ какъ всего два мѣсяца послѣ Пушкина ея разсказъ записала одна молодая москвичка. Приводимъ наиболѣе интересныя и существенныя мѣста изъ ея разсказа-письма: «... Я сначала не думала, чтобъ это была она: старуха свѣжая, здоровая, даже не беззубая, а говоритъ, что при Пугачевѣ была лѣтъ двадцати. П. И. сказалъ ей, что мы къ ней пріѣхали, такъ какъ слышали, что она помнитъ Пугачева. «Да, батюшка, отвѣчала она, проворно слѣзая съ печки и низко кланяясь, — «нечего грѣха таить, моя вина». Какая же это вина, старушка, что ты знала Пугачева? «Знала, батюшка, знала; какъ теперь на него гляжу: мужикъ былъ плотный, здоровенный, плечистый, борода русая, окладистая, ростомъ не больно высокъ и не малъ, немного пониже вашего благородія. Какъ же, хорошо знала его и присягала ему вмѣстѣ съ другими. Бывало, онъ сидитъ, на колѣни положитъ платокъ, на платокъ руку, по сторонамъ сидятъ его енаралы: одинъ держитъ серебряный топоръ, того и гляди, что срубитъ, другой — серебряный мечъ; супротивъ висѣлица, а около мы на колѣнахъ присягаемъ; присягнемъ да поочередно, перекрестившись, руку у него поцѣлуемъ, а межъ тѣмъ на висѣлицу-то безпрестанно вздергиваютъ. Видишь все это скрѣпя сердце. Ужъ никого намъ такъ жалко не было, какъ коменданта: предобрый баринъ; всѣ мы его любили, словно отца родного. Какъ его повѣсили, такъ мы и залились слезами всѣ до единаго, — куда и страхъ дѣвался! Жена его также была барыня добрая, прекрасная; ее да ея брата, барина молодого, Пугачевъ взялъ къ себѣ, съ мѣсяцъ держалъ у себя, а тамъ и велѣлъ разстрѣлять изъ двѣнадцати ружей, да чтобъ больше ихъ попугать, велѣлъ прежде выстрѣлить мимо, а въ другой разъ застрѣлить ужъ до смерти... Много еще она намъ разсказывала, какъ ихъ, молодыхъ дѣвушекъ, когда нагрянула шайка Пугачева, попрятали въ сусѣки, просомъ засыпали... Потомъ сказывала намъ сочиненныя въ то время пѣсни, и мы записали ихъ. Начавши говорить намъ эти пѣсни, она вдругъ сказала со слезами на глазахъ: «Я говорю, а сердце-то у меня не на мѣстѣ. Кто знаетъ, зачѣмъ вы разспрашиваете меня о Пугачевѣ? Онамедни тоже пріѣзжали господа, и одинъ все меня заставлялъ разсказывать; а другія бабы пришли да и говорятъ: «Смотри, старуха, не наболтай на свою голову, вѣдь это — антихристъ»... А бабы-то какъ было меня напугали. Много ихъ набѣжало, когда тотъ баринъ меня разспрашивалъ, и пѣсни я ему пѣла про Пугача. Показалъ онъ мнѣ патретъ: красавица такая написана. «Вотъ», говоритъ, — «она станетъ твои пѣсни пѣть». Только онъ со двора, бабы всѣ такъ на меня и напустились. Кто говоритъ, что его подослали; кто говоритъ: «Антихристъ. Видѣла когти-то у него какія. Да и въ Писаніи сказано, что антихристъ будетъ любить старухъ, заставитъ ихъ пѣсни пѣть и деньгами станетъ дарить». Слегла я со страху, велѣла телѣгу заложить, везти меня въ Оренбургъ къ начальству. Такъ и говорю: «Смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я съ думы». Тѣ смѣются: «Не бойся», говорятъ, — «Это ему самъ государь позволилъ объ Пугачевѣ вездѣ разспрашивать. Ну ужъ я и успокоилась, никого не стала слушать».

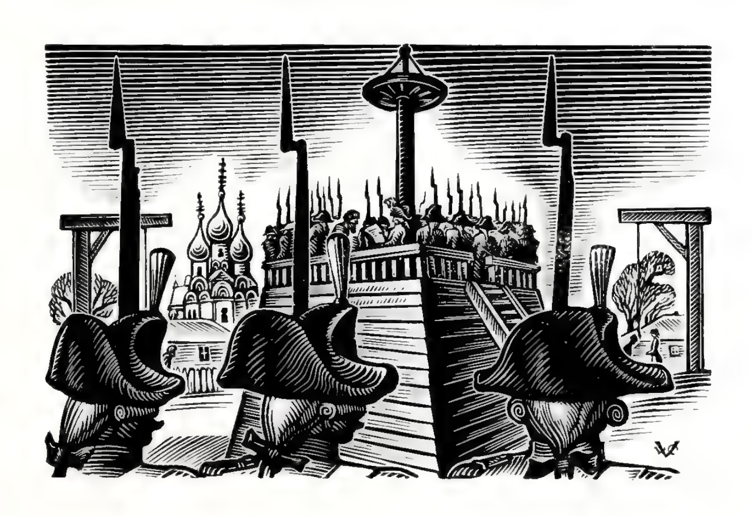
Самое бѣглое чтеніе этого письма достаточно краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ многимъ былъ обязанъ Пушкинъ бердской старухѣ при созданіи «Капитанской Дочки». Быть можетъ, не меньшую жатву собралъ поэтъ въ Уральскѣ. «Тамошній Атаманъ и козаки, писалъ онъ женѣ (2 октября 1833 г.), приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, **на перерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія,** въ которыхъ имѣлъ нужду, и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовлен-

ной». Нѣкоторое (къ сожалѣнію, неполное) представленіе о томъ, какого рода извѣстія давали Пушкину «на перерывъ» казаки, даетъ слѣдующее примѣчаніе къ «Исторіи Пугач. бунта»: «Уральскіе казаки (большею частью раскольники) донынѣ привязаны къ памяти Пугачева. Грѣхъ сказать, говорила мнѣ восьмидесятилѣтняя казачка, на него мы не жалуемся; онъ намъ зла не сдѣлалъ. — Разскажи мнѣ, говорилъ я Дмитрію Пьянову, какъ Пугачевъ былъ у тебя посаженнымъ отцомъ. — Онъ для тебя Пугачевъ, отвѣчалъ мнѣ сердито старикъ, а для меня онъ былъ великій государь Петръ Ѳедоровичъ. — Когда упоминалъ я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: «не его воля была; наши пьяницы его мутили». Не трудно вспомнить, что и въ «Капитанской Дочкѣ» иниціатива жестокости исходила не отъ Пугачева — «не его воля была» (въ «Капитанской Дочкѣ»: «воли мнѣ мало. Ребята мои умничаютъ. Они воры»), — а отъ Хлопуши, его «енарала». Повидимому, и калмыцкую сказку объ орлѣ и воронѣ разсказали Пушкину тѣ же уральскіе казаки...

Въ свѣтѣ народныхъ казацкихъ легендъ, сказаній, пѣсенъ и разсказовъ нужно разсматривать созданіе Пушкинымъ образа Пугачева — «казака прямого», подлиннаго народнаго историческаго героя, внушеннаго казаками, «славно принимавшими» великаго поэта.

М. Л. Гофманъ.

О Пушкинѣ и о нѣскольких проблемахъ его жизни

Статья аббата К. А. Кенэ

ъ литературѣ, — писалъ Поль Бурже, — безсмертные только тѣ, которые наилучше выражаютъ данный видъ природы или общественности... Руссо — бунтовщикъ изъ простонародья, Гетэ — почетный нѣмецкій гражданинъ, Рабелэ — шестнадцатый вѣкъ, Сенъ-Симонъ — дворянинъ, борющійся противъ престола, Бальзакъ писатель въ Парижѣ, послѣ ниспроверженія Наполеона».

Вспоминаются эти слова французскаго романиста и критика по случаю Пушкина. Онъ олицетвореніе данной эпохи въ исторіи русской литературы. Если Рабелэ — шестнадцатый вѣкъ, Пушкинъ — русскій девятнадцатый вѣкъ отъ самаго начала до сороковыхъ годовъ. Наравнѣ съ Сенъ-Симономъ, онъ дворянинъ, умѣренно, но твердо борющійся противъ существующаго порядка. Какъ Бальзакъ является типомъ французскаго писателя въ Парижѣ, послѣ ниспроверженія Наполеона, Пушкинъ изображаетъ русскаго писателя Александровской и Николаевской эпохи.

Въ немъ сосредотачиваются всѣ черты благороднаго воспитанія въ десятыхъ годахъ XIX-го вѣка, въ годы реакціи противъ французскихъ учителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ годы попытокъ правительства привлечь на гражданскую службу дѣтей дворянскихъ семействъ. Для Петербургскаго правительства Александръ Сергѣевичъ былъ никто иной, какъ будущій чиновникъ , цѣликомъ воспитанный въ духѣ преданности Царю и Отечеству. Само отечество, по словамъ адъюнктъ - профессора Куницына, взяло на себя «обязанность быть блюстителемъ воспитанія» въ Царскосельскомъ, или, какъ писали тогда, въ Саркосельскомъ лицеѣ. Но уже въ малыхъ лѣтахъ Пушкинъ показалъ, что суждено было ему войти въ исторію не типичнымъ чиновникомъ, окончившимъ образцовую школу, а пылкимъ поэтомъ, съ пламеннымъ характеромъ, о чемъ уже свидѣтельствовали его учителя. «Садитесь на свое мѣсто и пишите стихи», сердито, но справедливо сказалъ ему профессоръ по математикѣ, послѣ того, какъ Пушкинъ еще разъ попытался рѣшить алгебраическую задачу.

Хотя тогдашнее русское общество отдалилось отъ французовъ, вліяніе французскаго XVIII-го вѣка было еще очень сильнымъ. Фактически вліяніе этого вѣка продолжалось въ Россіи (и почти во всей Европѣ), и въ XIX столѣтіи. Ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что Пушкинъ еще живетъ мыслями, литературой и языкомъ XVIII-го вѣка. Можно, наоборотъ, удивиться тому, что въ его лицейскихъ стихотвореніяхъ проявленъ не только интересъ къ простой народной поэзіи, но и знакомство съ ней не по разсказамъ Арины Родіоновны, а по какимъ то собственнымъ, неожиданнымъ знаніямъ. Рѣчь идетъ о «Козакѣ», написанномъ въ 1814 году. Это стихотвореніе свидѣтельствуетъ о знакомствѣ Пушкина съ малороссійской народной поэзіей. Сюжетъ не изъ самыхъ веселыхъ, а для казаковъ не изъ самыхъ лестныхъ.

Разъ полуночной порою,
Сквозь туманъ и мракъ,
Брелъ тихо надъ рѣкою
Удалой козакъ.

Зоветъ къ себѣ дѣвушку, уѣзжаетъ вмѣстѣ съ ней

«Былъ ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.»

Въ рукописи говорится о казакѣ-малороссѣ, а въ редакціи, напечатанной Пушкинымъ въ 1815 году, почему то о донцѣ.

Творенія Руссо считаются источникомъ романтизма. Итакъ XVIII-й вѣкъ слился съ XIX-мъ. Романтизмъ обладалъ своей философіей, особенно въ Германіи, гдѣ Шеллингъ сталъ во главѣ новой школы. Благодаря своимъ принятіямъ духа XVIII-го вѣка, и по другимъ причинамъ, Россія была приготовлена усвоить себѣ и романтизмъ. Уже съ 1804 г. профессоръ философіи Булэ читалъ своимъ студентамъ лекціи по Шеллингу. Въ 1805 г. профессоръ физіологіи Велланскій опубликовалъ статьи, написанныя въ шеллингскомъ духѣ. Таковы были первыя явленія шеллингіанизма въ Россіи. Въ 1808 г. ученикъ педагогическаго института Галичъ былъ посланъ правительствомъ въ Германію для подготовки къ профессурѣ. Онъ познакомился съ ученіемъ Шеллинга, увлекся имъ, и вернулся въ Россію ученикомъ романтическаго философа. Въ 1814 г. онъ былъ назначенъ учителемъ латинскаго языка въ Царскосельскомъ лицеѣ. Пушкинъ очень его любилъ. Въ томъ же 1814 г. онъ вспомнилъ о Галичѣ въ стихотвореніи «**Пирующіе студенты**», а въ 1815 г. посвятилъ ему два «**Посланія**».

Къ сожалѣнію, эти стихи мало касаются Галича какъ философа, а больше всего какъ добродушнаго и веселаго «любовника наслажденія». Опредѣлить возможное вліяніе Галича на Пушкина пока не удалось, а, вмѣстѣ съ тѣмъ это было бы чрезвычайно интересно, такъ какъ въ 1816 г. у Карамзина Пушкинъ познакомился съ другимъ будущимъ ученикомъ Шеллинга и представителемъ въ Россіи его философіи, П. Я. Чаадаевымъ.

Читалъ ли уже Чаадаевъ сочиненія Шеллинга, трудно сказать. Молодые люди стали большими друзьями. Чаадаевъ, будучи старше Пушкина на нѣсколько лѣтъ, оказалъ уже на него большое вліяніе. Совпадало ли это вліяніе съ бесѣдами преподавателя латинскаго языка? (Галичъ больше всего бесѣдовалъ со студентами). Вопросъ остается открытымъ.

Стихи, посвященные Пушкинымъ Чаадаеву, выражаютъ скорѣе политическіе либеральные взгляды, чѣмъ философскіе. Въ этомъ отношеніи они опредѣляютъ намъ настроенія Пушкина къ общественному движенію послѣ возвращенія войскъ изъ Франціи. Но во многомъ, что касается отношеній Пушкина съ Чаадаевымъ, дѣло не идетъ безъ вопросительныхъ знаковъ.

Относятся ли стихи:

«Онъ вышней волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской»

къ 1817-му году? Написаны ли они Пушкинымъ? и о Чаадаевѣ?

Такіе же вопросы возникаютъ по поводу «**Молитвы Лейбъ-Гусарскихъ офицеровъ**» гдѣ упоминается и «Чаадаевы гордости». Но, что гораздо важнѣе, возможно что извѣстное первое «**Посланіе**» къ Чаадаеву (Любви, надежды, гордой славы), дата котораго, между прочимъ, не установлена, дающее такую опредѣленную картину тогдашняго, какъ будто, Чаадаева-либерала, относятся совсѣмъ не къ нему, а къ Дельвигу, или же къ Бестужеву. Герценъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ другіе издатели, поставилъ заглавіе: «**Посланіе къ Чаадаеву**», а вмѣстѣ съ тѣмъ оригинала не имѣется и содержаніе текста не твердо установлено. Откуда Герценъ зналъ, что **Посланіе** относится къ Чаадаеву, никому не извѣстно.

Что касается второго **Посланія** (Къ чему холодное сомнѣнье) дата его также не опредѣлена. Возможно что Пушкинъ его написалъ обращаясь частью къ Маріи Аркадіевнѣ Голицыной, а частью къ Чаадаеву, и только въ 1825 г. рѣшилъ поставить во главѣ стихотворенія: **Къ Ч.**

Все это ставитъ и пушкинистовъ и чаадаевистовъ въ затруднительное положеніе, и, въ частности, не позволяетъ опираться на эти тексты какъ на несомнѣнные документы для того чтобы и выразить взгляды Чаадаева и открыть источники пушкинскаго либерализма.

Уже въ лицеѣ Пушкинъ познакомился съ Кюхельбекеромъ. Такой на видъ шутливый кружокъ какъ **Зеленая Лампа** сблизилъ его съ декабристомъ Якубовичемъ. Его патріотизмъ и преданность Александру I, выражающіеся въ стихотвореніяхъ **Бородинская битва, Покореніе Парижа, Освобожденіе Москвы, На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа,** — не мѣшали ему тѣсно связаться съ начинающей оппозиціей и перейти отъ «Высочайшаго либерализма» къ болѣе вольному. По словамъ Александра I, Пушкинъ «наводнилъ Россію возмутительными стихами». Пушкинъ былъ сосланъ, но при какихъ именно обстоятельствахъ, не слишкомъ хорошо установлено.

Съ отправленіемъ въ Екатеринославъ, съ ознакомленіемъ съ Днѣпромъ, типичный петербуржецъ Пушкинъ увидѣлъ совсѣмъ другую Россію, а не ту, которую онъ зналъ по сѣверной столицѣ. Но онъ Неву не позабылъ, а Днѣпра не полюбилъ. И такъ, безъ сожалѣнія, уѣхалъ на Кавказъ вмѣстѣ съ генераломъ Раевскимъ.

Опять представлялись ему новыя картины, новые нравы, но тѣ успѣли обратить на себя вниманіе поэта.

Кавказскій плѣнникъ свидѣтельствуетъ о глубокомъ впечатлѣніи, которое произвели на Пушкина горы и ихъ жители.

Интересно было бы для казаковъ изучить дальнѣйшій путь Пушкина по Кубани, начиная съ разборки книги бездарнаго, но аккуратнаго Герокова: **Путевыя записки по многимъ россійскимъ губерніямъ.**

Пушкинъ съ Раевскимъ ѣхалъ по правому берегу Кубани черезъ станицы линейныхъ и черноморскихъ казаковъ. На лѣвомъ берегу сидѣли непокорные черкесы, которые иногда дѣлали набѣги на казаковъ. Путешествіе поэтому было небезопаснымъ. Конвой окружалъ Раевскаго съ дѣтьми и Пушкинымъ.

«Видѣлъ я, — писалъ Пушкинъ брату, — берега Кубани и сторожевыя станицы — любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности... Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за ними тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ.»

Это было въ 1820-мъ году. 10-го августа Атаманъ Черноморскаго казачьяго войска Матвѣевъ встрѣтилъ гостей въ редутѣ «Изрядный источникъ» и сопровождалъ ихъ до Тамани, откуда Раевскій и Пушкинъ ѣхали въ Керчь.

Стихотвореніе **Козакъ,** о которомъ мы говорили выше, свидѣтельствуетъ о болѣе или менѣе случайномъ знакомствѣ Пушкина съ казаками. Съ путешествіемъ изъ Кавказа въ Крымъ, Пушкинъ впервые познакомился съ казачьей жизнью. Хотѣлъ ли онъ нѣкоторыя ея черты изложить въ предполагаемой редакціи «**Братьевъ разбойниковъ**»**?** Въ первоначальномъ планѣ говорится объ атаманѣ, объ есаулѣ, а эти лица не являются обязательными принадлежностями казачьяго міра.

Въ части рукописи, которую Пушкинъ не сжегъ говорится о бѣглецѣ:

«Съ бреговъ воинственнаго Дона».

Бѣглецъ могъ быть и казакомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно указать и на то, что въ Михайловскомъ Пушкинъ собиралъ и заносилъ въ тетради пѣсни о Стенькѣ Разинѣ. Какъ будто, больше всего его интересовала не столько обычная казачья жизнь, сколько бурная жизнь казаковъ-разбойниковъ, и народное о нихъ понятіе.

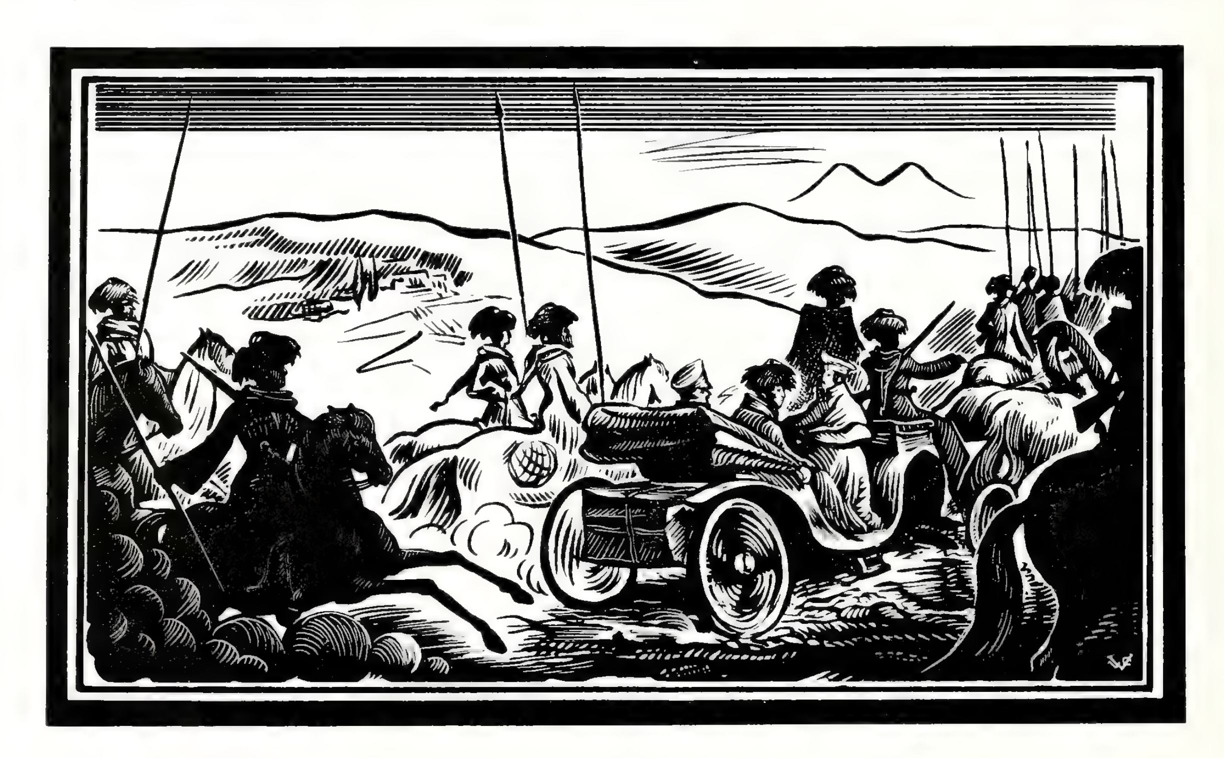
———

Съ пребываніемъ въ Крыму и Бессарабіи «западникъ» Пушкинъ все болѣе и болѣе увлекается Востокомъ. **Бахчисарайскій фонтанъ** —

блестящее свидѣтельство объ этомъ душевномъ событіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается что то новое: столкновеніе Запада съ Востокомъ именно здѣсь — магометанства съ католичествомъ, міра страстей съ міромъ духовной стихіи. Не это ли отраженіе невидимой, скрытой драмы Пушкина: борьба страстной натуры съ идеалистической, что порождало внутреннее страданіе психологически раздѣленнаго человѣка.

Востокъ все больше и больше проникаетъ въ воображеніе Пушкина: то цыгане, то козакъ, то духъ дикой жизненной вольности. Все это **Онѣгинъ** для русскихъ: описаніе общественной жизни и, подъ видомъ романа въ прозѣ или въ стихахъ, глубочайшій анализъ человѣческой души. Если, чтобы повторить слова Поля Бурже, — «Бальзакъ — писатель въ Парижѣ послѣ ниспроверженія Наполеона», — Пушкинъ — писатель въ Петербургѣ въ Александровской и Николаевской эпохѣ.

Евгеній Онѣгинъ скорѣе западникъ. Въ немъ находятся подробности, взятыя у Чаадаева. До сихъ поръ критики ищутъ эти подробности. Романъ **Арапъ Петра Великаго** привлекалъ Пушкина къ Петру. Въ 1829 г. онъ опубликуетъ

помогаетъ Пушкину смотрѣть на Россію взглядомъ Шекспира, выставить фигуру **Бориса Годунова,** а вмѣстѣ съ нимъ и картину тогдашней Россіи, Россіи въ борьбѣ съ Польшей и Западомъ.

Является Карела, казакъ, къ самозванцу...
...съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ
Атамановъ,
Отъ казаковъ верховыхъ и низовыхъ.
... Является и народъ, загадочный русскій народъ.

Съ **Евгеніемъ Онѣгинымъ** Пушкинъ возвращается къ современной ему Россіи. Какъ и романы Бальзака для французовъ, такъ и **Евгеній** **Полтаву.** Интересно, что вмѣстѣ съ Петромъ, народъ и его пѣсни вдохновили Пушкина. А Западъ? а Россія? а ихъ борьба? Здѣсь вопросы болѣе сложные. Не представляетъ ли Западъ могучій Карлъ XII съ его шведами? Не союзникъ ли онъ Мазепы и казаковъ? Не является ли здѣсь и другой представитель Запада, русскаго Запада, Петръ Великій, оказавшійся побѣдителемъ!

Въ 1833 г. Пушкинъ писалъ **Мѣднаго Всадника;** въ 1835 г. — **Пиръ Петра Великаго;** въ 1836 г., по просьбѣ Николая I, онъ принялся за Исторію Петра. Ему не удалось довести до конца свою работу, но онъ успѣлъ обратить вниманіе Чаадаева на своего героя.

«Одинъ Петръ Великій, — писалъ онъ Ча-

адаеву 19 октября 1836 г., — всемірная исторія.»

Вѣроятно по его указанію, Чаадаевъ, послѣ разгрома **«Телескопа»** и извѣстнаго скандала съ **Философскимъ письмомъ,** началъ интересоваться Петромъ. Въ декабрѣ 1837 г. несчастный мыслитель «углубился въ чтеніе «**Исторіи Петра Великаго**» (точнѣе: Дѣянія Петра Великаго, мудраго Преобразователя Россіи), написанной Голиковымъ въ двѣнадцати томахъ, а съ дополненіями, въ тридцати. Чаадаевъ сидѣлъ тогда дома, объявленный сумасшедшимъ, и находился подъ надзоромъ полиціи. По свидѣтельству самого Чаадаева это чтеніе произвело на него большое впечатлѣніе. Философъ-западникъ обрадовался «открытіямъ, которыя онъ дѣлалъ въ этой невѣдомой странѣ» и черезъ А. И. Тургенева объ этомъ извѣстилъ Пушкина.

Чаадаевъ дѣлалъ больше. Въ своей **Апологіи сумасшедшаго,** написанной имъ чтобы оправдаться передъ правительствомъ и противъ сыпавшихся на его голову нападковъ со стороны общества, Чаадаевъ провозгласилъ Петра западникомъ и основоположникомъ западничества. «Никакъ не ожидалъ, — писалъ онъ Тургеневу, — что онъ такой великанъ и что онъ ко мнѣ такъ хорошо расположенъ». О Петрѣ Великомъ до того времени не вспоминали ни «западники», ни «славянофилы». Чаадаевъ его выставилъ на сцену и только впослѣдствіи начался походъ славянофиловъ противъ Петра Великаго. Такимъ образомъ можно спросить, не находится ли въ самомъ началѣ этого знаменитаго спора Пушкинъ, который самъ не подозрѣвая какую роль ему суждено было играть въ исторіи русской общественной мысли, не бывшій ни западникомъ, ни славянофиломъ, обратилъ вниманіе Чаадаева на Петра Великаго не по философскимъ взглядамъ, или по политическимъ убѣжденіямъ, а просто по любви.

Чуть ли не съ послѣдними произведеніями Пушкина мы возвращаемся къ казакамъ. Пушкинъ рѣшилъ писать исторію Пугачева и съ этой цѣлью посѣтилъ въ 1833 г. Казань, Симбирскъ, Оренбургъ. Интересъ къ исторіи бунта и матеріалъ, который онъ собралъ, какъ въ архивахъ, такъ и на мѣстѣ, заставили его перейти отъ исторіи къ роману и написать **Капитанскую дочку.**

Этотъ романъ Пушкинъ напечаталъ въ 1836 г., а 27-го января 1937 г. былъ убитъ.

К. Кенэ.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

Стоимость этого увеличеннаго номера «Станицы» — 3 франка, каковую сумму редакція убѣдительно проситъ всѣхъ получившихъ журналъ перевести французскими почтовыми марками, международными почтовыми купонами (2 проштемпелеван. купона за 1 экз.), или же почтовыми переводами, по адресу: P. Gousseff, 7, rue Jobbé-Duval, Paris XV-e.

Анкета „Станицы“ о казакахъ-литераторахъ

Можно, пожалуй утверждать, что въ эмиграціи оказались лучшіе русскіе писатели изъ предреволюціоннаго періода. За долгіе годы трудной жизни на чужбинѣ работа ихъ затруднялась все болѣе и болѣе, а теперь, въ силу общихъ матеріальныхъ затрудненій, она становится почти невозможной. Эта матеріальная причина, приближеніе къ старости славныхъ литературныхъ именъ и чужбина, въ которой трудно питаніе ихъ врожденной русскости, — создаютъ угрозу крупной потери не только для эмиграціи, но и для общерусскаго дѣла. По словамъ А. И. Куприна: писатель на чужбинѣ — цвѣтокъ безъ поливки.

Слѣдующая за старшимъ поколѣніемъ писателей эмигрантская молодежь имѣетъ также немало славныхъ именъ въ печати. Но и она страдаетъ отъ той же матеріальной немощи и несомнѣнная ихъ русскость лишена питанія. Эти обстоятельства сильно затрудняютъ развитіе ихъ врожденныхъ талантовъ и литературныхъ способностей въ писательской дѣятельности. Угрозу увяданія они отстраняютъ лишь надеждой и жаждой полнокровной жизни на родинѣ, которая рисуется имъ такой прекрасной и плодотворной.

За эти же долгіе годы эмиграціи въ печати не разъ вспыхивали славой имена и казачьихъ литераторовъ. Но тѣ же недуги на фонѣ нашей обреченности препятствовали развитію ихъ талантовъ и устойчивости въ эмигрантской литературѣ. Тяжестью времени затмевала и стирала созданные ими образы и краски, какъ и ихъ имена. При нашей вѣрѣ въ будущее родины эти имена, силой печати, должны будутъ освѣтить пути этому будущему.

Правда, такихъ именъ въ казачествѣ не много и это обстоятельство обязываетъ насъ знать и бережно ихъ хранить.

Казачій студенческій органъ печати, твердо вѣрящій въ свѣтлое будущее своей Родины, считаетъ своимъ долгомъ, хотя бы кратко, по мѣрѣ возможности, напомнить казакамъ имена своихъ писателей и журналистовъ, выдѣлившихся уже въ печати своими талантами и способностями.

Съ этой цѣлью редакція «Станицы» организовала **«Анкету о казакахъ - литераторахъ».** При этомъ редакція не имѣетъ въ виду какую либо ихъ классификацію ни по признакамъ ихъ дарованій, ни по политическимъ и партійнымъ принадлежностямъ, какъ и не помѣщать здѣсь критическаго разбора ихъ произведеній.

Цѣль анкеты: дать краткія автобіографическія свѣдѣнія, перечислить ихъ труды и литературные намѣренія и, при возможности, помѣстить ихъ фотографіи.

Редакція обратится съ просьбой дать о себѣ свѣдѣнія по имѣющимся у ней адресамъ и будетъ рада получить эти же свѣдѣнія отъ казаковъ - литераторовъ и журналистовъ и лицъ, не разъ помѣщавшихъ въ періодической печати свои произведенія и статьи, адресами которыхъ редакція не располагаетъ. По полученіи адресовъ, этимъ лицамъ будутъ посылаться анкетные вопросники.

По мѣрѣ полученія отвѣтовъ, таковые будутъ помѣщаться въ очередныхъ номерахъ «Станицы».

Литературный конкурсъ для казаковъ

Въ связи съ анкетой о казакахъ - литераторахъ, редакція «Станицы» находитъ умѣстнымъ одновременно же организовать литературный конкурсъ для нихъ. Организація конкурса встрѣтила горячій откликъ и поддержку со стороны искренно расположеннаго къ казачеству Аббата К. А. Кенэ, почетнаго казака нашей станицы.

Условія конкурса:

1) Участвовать въ конкурсѣ могутъ казаки - литераторы всѣхъ Войскъ и изъ всѣхъ странъ эмиграціи.

2) Къ конкурсу принимаются произведенія на литературныя и историческія темы, въ прозѣ или въ стихахъ, безъ политическихъ трактованій, изъ казачьей жизни (на родинѣ и въ эмиграціи).

3) Размѣръ каждаго труда не долженъ превышать четыре страницы печати журнала «Станица».

4) Рукописи, разборчиво написанныя на одной сторонѣ листа, должны быть пересланы не позже 1-го апрѣля 1937 г.

5) Всѣ полученныя для конкурса произведенія, по возможности будутъ напечатаны безъ редакціонныхъ измѣненій въ очередномъ номерѣ «Станицы» при соблюденіи авторами перечисленныхъ выше условій.

6) Три лучшихъ работы будутъ премированы: 1-я премія — 250 фр.; 2-я премія — 150 фр.; и 3-я премія — 100 фр.

7) Свои произведенія авторы подписываютъ подъ псевдонимомъ, сообщая свои фамиліи въ редакцію для ихъ опубликованія въ случаѣ полученія премій.

8) Выборъ лучшихъ произведенiй для премированiя предоставляется самимъ читателямъ «Станицы». Для этого редакцiя проситъ каждаго казака (а не организацiи или группы) избрать одно, лучшее по его мнѣнiю произведенiе изъ напечатанныхъ въ конкурсномъ номерѣ «Станицы», письмомъ сообщить объ этомъ съ указанiемъ своей фамилiи, имени, отчества, адреса, какой станицы и Войска, въ 2-хъ мѣсячный срокъ, считая съ даты выпуска номера журнала.

9) Согласно полученнаго большинства отвѣтовъ читателей, будутъ опредѣлены премiи и помѣщенъ отчетъ въ послѣдующемъ номерѣ «Станицы».

10) Авторы, высылающiе свои произведенiя для конкурса, одновременно должны сообщить о себѣ свѣдѣнiя, согласно помѣщенной выше анкетѣ о казакахъ - литераторахъ.

11) Рукописи и переписку по дѣламъ конкурса направлять по адресу редакцiи журнала.

380 лѣтъ со дня существованiя 240 лѣтъ со дня старшинства Кубанскаго Казачьяго Войска

25 декабря прошлаго года Кубанцы, заброшенные судьбой въ Парижъ, отмѣтили день 240-лѣтiя Старшинства и 380 существованiя своего Войска.

Въ рядѣ прекрасно составленныхъ и обстоятельно разработанныхъ докладовъ, участники собранiя, прослѣдили всю долголѣтнюю жизнь и службу Войска, его предковъ и современниковъ на стражѣ Русской государственности и защиты рубежей Россiйскихъ отъ ея враговъ.

Много интереснаго, подчасъ неизвѣстнаго, пришлось услышать.

Въ историческомъ очеркѣ, сдѣланнаго полковникомъ **Кравченко,** отмѣчено участiе предковъ Кубанцевъ, малороссiйскихъ казаковъ, въ битвѣ подъ Танненбергомъ въ 1410 году, противъ Крестоносцевъ. Подъ тѣмъ самымъ Танненбергомъ, гдѣ 500 лѣтъ спустя, погибла армiя генерала Самсонова.

Разсказалъ онъ о 75-лѣтней (3-хъ поколѣнiй) войнѣ за овладѣнiе Кавказомъ, о скитанiи Запорожцевъ по чужимъ странамъ, подобно намъ.

Запорожцы, послѣ разгрома Сѣчи, въ 1775 г. ушли на Дунай, отдѣльные группы забрели еще дальше: въ Австрiю, въ Сирiю, и даже, на о. Мальту.

Дунайскiе Запорожцы въ 1828 г., послѣ 53 л. служенiя подъ турецкимъ султаномъ, вернулись снова къ Русскому Царю.

Генералъ **Веселовзоровъ** подѣлился въ своемъ докладѣ о боевой службѣ Кубанцевъ въ войнѣ 1914 — 1918 г. г. Время не дало ему возможности остановиться на описанiи многочисленныхъ подвиговъ

КЪ 125-ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ СОБСТВЕННАГО Е. И. В. КОНВОЯ, НЫНѢ ДИВИЗIОНА ЛЕЙБЪ - ГВАРДIИ КУБАНСКИХЪ И ТЕРСКИХЪ СОТЕНЪ.

войска: его полковъ,батальоновъ и батарей въ борьбѣ въ величайшую по напряженности войну съ нѣмцами.

Его таблица, указывающая процентное отношеніе потерь, мобилизованныхъ данныхъ, потрясающа: 40 проц. — наилучшаго мужскаго населенія — это рекордъ — и только 4 проц. — плѣнныхъ, противъ 96 проц. кровавыхъ потерь.

Одно его свидѣтельство о смерти одинокаго, занесеннаго снѣгомъ на вершинахъ Ашьеръ-Дела, (за точность назв. не ручаюсь), часового - пластуна, извѣстившаго міръ запиской о своей смерти: «умираю, на посту, разстрѣлялъ всѣ патроны — никто меня не слышитъ» — чего стоитъ.

Записку нашли въ дулѣ винтовки въ рукахъ трупа этого Кубанца, черезъ два мѣсяца, когда смѣнила суровую зиму весна.

П. С. Ширскій описалъ красоты и богатства Кубани — обѣтованной земли — чего-чего тамъ только нѣтъ. Все что можно желать для счастливой жизни, было на лицо...

П. А. Соколовъ, вынужденный, на глазахъ у слушателей сокращать свой прекрасный докладъ, извлекъ изъ него все таки не мало волнующихъ документовъ, рисующихъ эпоху борьбы Кубанцевъ съ большевиками.

А. К. Семенченковъ, иллюстрируя докладъ полк. Кравченко, гравюрами изъ своей богатой коллекціи, перенесъ слушателей въ далекое, красочное, героическое прошлое Кубанцевъ.

Генералъ **Малышенко,** за отсутствіемъ времени, отъ своего доклада о Кубанцахъ въ эмиграціи отказался и прочелъ стихотвореніе кубанской казачки О. Каплій, на этотъ случай сложенное, и послѣ краткаго слова, закончилъ собраніе словами войсковой пѣсни:

«О тебѣ здѣсь вспоминаючи,
Какъ о матери Родной,
Шлемъ Тебѣ, Кубань Родимая,
До сырой Земли поклонъ».

Дамы - кубанскія казачки, — въ перерывѣ, вспомнили завѣты и традиціи своихъ отцовъ и гостепріимно потчевали дорогихъ гостей чѣмъ Богъ послалъ.

Кубанецъ.

Л.-Гв. 1 Кубанская сотня.

ОФИЦЕРЫ ДИВИЗІОНА ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ КУБАНСКИХЪ И ТЕРСКИХЪ СОТЕНЪ

Въ центрѣ — начальникъ Кубанской дивизіи ген.-м. Зборовскій, слѣва отъ него ком. дивизіона полк. Зерщиковъ.

Л.-Гв. 2 Кубанская сотня

ДИВИЗІОНЪ Л.-ГВ. КУБАНСКИХЪ И ТЕРСКОЙ СОТЕНЪ.
Команда трубачей.

На балу казаковъ-комбатантовъ

За столомъ почетныхъ гостей.

Слѣва направо: полк. З. Н. Куликъ, ген. Б. И. Хорошхинъ, графъ М. Н. Граббе, кн. Н. Д. Тундутовъ, ген. Е. К. Миллеръ, В. Н: Баратова, Аббатъ К. А. Кенэ, А. В. Завадовская, М. Э. Черячукина и ген. М. Н. Кальницкій.

Подъ почетнымъ покровительствомъ Вел. Князя Бориса Владимировича, б. Походнаго Атамана всѣхъ казачьихъ Войскъ во время Великой войны, и подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Донского Атамана графа М. Н. Граббе, 26-го декабря пр. г., въ нарядныхъ залахъ мэріи 5-го арр. г. Парижа состоялся балъ Союза Казаковъ-Комбатантовъ.

Съѣздъ начался съ 9 час. вечера. Почетныхъ гостей встрѣчалъ по просьбѣ отсутствовавшаго на балу по болѣзни предсѣдателя Правленія Союза ген. С. Д. Позднышева, ген. А. В. Черячукинъ, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ распорядительнаго комитета, ген. Б. И. Хорошхинымъ и товарищемъ предсѣдателя правленія Союза полк. З. Н. Куликомъ. Передъ началомъ бала исполнена концертн. программа.

Много апплодисментовъ и вызововъ на «бисъ» выпало на долю участниковъ концерта: В. И. Браминова, артистки театра Магадоръ З. Аренской, артистки Опера Комикъ г-жи Кащукъ, учениковъ студіи Кремнева И. и О. Шлиссеръ, маленькаго танцора Николя и крошечнаго казачка Никонова, въ полной казачьей формѣ продекламировавшаго стихотвореніе.

СТОЛЪ ТЕРЦЕВЪ

ЛОТЕРЕЯ.

Крюшонъ Лейбъ-Казаковъ и Атаманцевъ

На этомъ вечерѣ очень была замѣтна характерная особенность казачьихъ баловъ: подавляющее большинство гостей — казаки разныхъ войскъ съ своими семьями, друзьями; немало пріѣхало въ Парижъ, спеціально на балъ, казаковъ изъ провинціи; у каждаго изъ присутствующихъ на балу много старыхъ друзей и знакомыхъ; случайныя встрѣчи сослуживцевъ, давно потерявшихъ другъ друга изъ вида; непринужденное веселье, хоровое пѣніе за столиками, лезгинка и казачокъ, и при всемъ этомъ — полный порядокъ.

Большая работа по подготовкѣ бала и по организаціи и обслуживанію различныхъ кіосковъ и столиковъ, блестяще продѣлана нашими казачьими дамами, организовавшимися для сего въ Дамскій Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Вѣры Николаевны Баратовой, въ слѣдующемъ составѣ:

О. С. Астахова, Н. И. Богаевская, Е. А. Бакай, Т. В. Бабичъ, А. К. Воронцова, К. П. Герасимова, М. Д. Гусева, Г-жа Гулякъ, Г-жа Добровольская, М. А. Евстратова, М. И. Жукова, Г-жа Жукова, О. В. Зимина, К. А. Іовичъ, Т. А. Келлеръ, А. Ф. Краснянская, О. В Кузнецова, Н. Е. Коновалова, М. П. Колесникова, В. О. Леонова, Л. Э. Медвѣдева, З. В. Матвѣева, Е. А. Нагловская, А. Ф. Ольховская, Е. И.Позднышева, М. В. Попова, К. Г. Прилуцкая, М. А. Пухлякова, О. Э. Пивоварова, В. И. Пятницкая, В. А. Разстригина, Н. А. Синякина, А. И. Сычина, А. П. Тарарина, А. П. Троицкая, Т. А. Фолимонова, Г-жа Фоменко, А. Н. Хорошхина, Г. А. Хорошхина, М. Э. Черячукина, А. А. Чукавова, О. В. Щуревичъ, М. М. Яровая, Р. И. Юдина.

Отличная организація бала была проведена распорядительнымъ Комитетомъ подъ предсѣдательствомъ ген. Б. И. Хорошхина, при членахъ: полк. З. Н. Куликѣ (тов. предс.), подъесаулѣ А. П. Падалкинѣ (зав. сборомъ пожертвованій и секретарь Дамскаго комитета), Войск. Ст. А. П. Чукавовѣ, (казначей), полк. М. И. Зиминѣ (зав. лотереей), войск. ст. А. И. Потаповѣ, полк. Б. Ф. Дубенцовѣ, полк. В. А. Федоровѣ, хор. Ф. И. Черновѣ и при секретарѣ Комитета хор. П. В. Гусевѣ. На призывъ Союза казаковъ-комбатантовъ очень тепло отозвались казачьи организаціи Парижа и его окрестностей и въ значительной мѣрѣ помогли успѣху бала — распространеніемъ входныхъ билетовъ, сборомъ вещей для лотереи и командированіемъ на вечеръ по нѣсколько своихъ представителей для наблюденія за порядкомъ.

Особенно много потрудились: Атаманское Военное Училище, Дон. Офиц. Резервъ, Л.-Гв. Атаманскій и Л.-Гв. Казачій полки, Гвардейская батарея, Союзъ Донскихъ Артиллеристовъ, Объединеніе Степняковъ Партизанъ, Объединеніе казаковъ Черкасскаго округа, Біанкурская станица, Касса взаимопомощи въ Біанкурѣ, Союзъ Донскихъ кадетъ, Хуторъ въ Клиши, хут. въ Дранси, хут. въ Осни, Терское Объединеніе, Астраханское Объединеніе, Кубанская касса взаимопомощи, Общество Офицеровъ Кубанскаго Войска, Общество Ревнителей

Чайный столъ Кубанцевъ.

Кубани, Студенческая станица, Калмыцкая станица, Союзъ Казачьихъ Войскъ, Уральская станица, Объединеніе казаковъ 1-го Донского Округа и Гундоровское Объединеніе.

Помимо моральнаго успѣха, достигнуты и отличные матеріальные результаты, которые послужатъ къ укрѣпленію казачьяго дѣла и на помощь нуждающимся казакамъ.

Среди почетныхъ гостей были: Донской Атаманъ гр. М. Н. Граббе съ дочерью, ген. Е. К. Миллеръ, ген. М. Н. Кальницкій, ген. А. В. Черячукинъ съ супругой, Аббатъ К. Кенэ, ген. Н. И. Малышенко, ген. Г. П. Татоновъ, ген. Н. И. Тараринъ, ген. П. К. Писаревъ, кн. Тундутовъ, полк. Г. М. Астаховъ и мн. др

Комбатантъ.

Письмо въ редакцію ген. С. Д. Поздньшева

Правленіе Союза казаковъ-комбатантовъ почтительнѣйше приноситъ чувства горячей сердечной признательности ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ Великому Князю БОРИСУ ВЛАДИМИРОВИЧУ за принятіе Имъ подъ Свое высокое покровительство казачьяго комбатантскаго бала 26 декабря.

Съ глубокимъ уваженіемъ, Правленіе выражаетъ искреннюю признательность Донскому Атаману Графу М. Н. ГРАББЕ за его вниманіе и доброе отношеніе къ Союзу казаковъ-комбатантовъ.

Правленіе шлетъ безпредѣльную горячую благодарность Предсѣдательницѣ Дамскаго Комитета В. Н. БАРАТОВОЙ, Замѣщавшему Донского Атамана Генералу А. В. ЧЕРЯЧУКИНУ и его супругѣ Маріи Эдуардовнѣ и всѣмъ дамамъ Дамскаго Комитета, такъ горячо и живо продѣлавшимъ огромную и успѣшную работу по организаціи и устройству бала.

Правленіе Союза приноситъ искреннюю, задушевную товарищескую признательность и горячую благодарность Предсѣдателю Распорядительнаго Комитета Генералу Б. И. ХОРОШХИНУ и всѣмъ членамъ Комитета.

Правленіе Союза шлетъ братское СПАСИБО всѣмъ казачьимъ организаціямъ, принявшимъ участіе въ устройствѣ бала.

Низкій поклонъ всѣмъ отзывчивымъ великодушнымъ жертвователямъ: деньгами, вещами для лотереи и продуктами для буфета, всѣмъ сборщикамъ и сборщицамъ, распорядителямъ, всѣмъ посѣтившимъ балъ и способствовавшимъ его успѣху.

Предсѣдатель Правленія
Генералъ-Маіоръ **ПОЗДНЫШЕВЪ.**

Въ Союзѣ казаковъ-комбатантовъ

Отчетъ по балу 26 декабря

ПРИХОДЪ

Входные билеты — 7.740. —; пожертвованія: а) подписные листы — 427.50; б) почетные билеты — 360. —. Всего 787.50; отъ продажи программъ — 302.70; лотерея — 1.679. —; отъ буфета — 1.470. —; котильонъ — 274. —; отъ погончиковъ — 801. —; Крюшонъ — 634.65; шампанское — 553. —; чайный столъ — 527.35; отъ гардероба — 379.50. Итого 15.148.70.

РАСХОДЪ

ПОМѢЩЕНІЕ: Аренда зала: Задатокъ мэріи — 300. —; то же — 300. —; въ полн. расчетъ — 1000. —; чаевыя консьержу — 50. —; юсье мэріи — 100. —; служащ. мэріи — 50. —; полиціи — 20. — Всего — 1.920. —

НАЛОГИ: въ пользу бѣдныхъ — 1.100. —; въ пользу артистовъ — 282.35. Всего 1.382.35.

РЕКЛАМА: плакаты и герб. марки — 78.75; пюблисите «Посл. Новости» — 400. —; «Возрожденіе» — 120. —; афиша для мэріи — 20. — Всего 618.75.

ТИПОГРАФСКІЯ: 1.000 входн. билетовъ — 50.—; 500 программъ — 125. —; надписи для столиковъ — 40. —; почетные билеты — 45. —. Всего — 360.

ЗА ИЗГОТОВЛЕНІЕ ПОГОНЧИКОВЪ — 140. —

КОНЦЕРТНАЯ ПРОГРАММА И ОРКЕСТРЪ: Организатору концерта В. А. Браминову для расчета съ артистами — 600. —; оркестру — 775. —; Аккомпаніатору — 50. —; артисту Николя — 25. —; такси ном. 6258 — РК.3 — 150. —; такси ном. 6287 РК.3 — 150. —. Всего 1.750. —

РАСХОДЫ ДАМСКАГО КОМИТЕТА: Общіе расходы — 150. —; канцеляр. матеріалы — 29.25; вещи для котильона — 305.40; покупки для столовъ шампанскаго, крюшона и почетнаго — 86.65; почтовые расходы — 164.50; работы на ротаторѣ и пиш. машинкѣ — 90. —; разъѣзды — 257.10. Всего — 1.082.90.

ОРГАНИЗАЦІОННЫЕ: Расх. Предс. Комитета — 60. —; секретаря — 151.85; казначея — 28. —; значки для распоряд. 35.05. Всего 264.90.

ИТОГО ВЪ РАСХОДѢ — 7.418.90.

В ОСТАТКѢ — 7.729.80.

За Предсѣдателя Распорядительнаго Комитета,
Товарищъ Предсѣдателя
Полковникъ **З. Куликъ.**

Казначей,
Войсковой Старшина **А. Чукавовъ.**

Секретарь Дамскаго Комитета
Подъесаулъ **А. Падалкинъ.**

Секретарь Распорядительнаго Комитета,
Хорунжій **П. Гусевъ.**

Общее годовое собраніе

Правленіе Союза Казаковъ Комбатантовъ сообщаетъ, что Общее Годовое Собраніе назначено на 28 февраля. О мѣстѣ и часѣ будетъ сообщено дополнительно и своевременно.

Повѣстка собранія: Докладъ Правленія о его дѣятельности, докладъ Ревизіонной Комиссіи о повѣркѣ и состояніи денежныхъ суммъ, перевыборы части членовъ правленія и текущія дѣла.

Члены Союза желающіе поставить на разсмотрѣніе общаго собранія какіе-либо вопросы должны немедленно сообщить объ этомъ правленію по адресу: 2, рю Бусико, Парижъ 15.

На общемъ собраніи, съ правомъ рѣшающаго голоса, имѣютъ право присутствовать всѣ члены союза внесшіе членскіе взносы за 1936-й годъ, а также члены союза, вступившіе въ 1937 году.

Члены союза ,немогущіе присутствовать на собраніи лично, могутъ передать свои полномочія, въ письменной формѣ и съ указаніемъ номера чл. карты, только членамъ союза, имѣющимъ право присутствовать на собраніи съ правомъ рѣшающаго голоса.

Провинціальныя группы союза приглашаются командировать на общее собраніе своихъ представителей, а въ случаѣ невозможности, старшіе группъ должны сообщить правленію, не позднѣе 20 февраля, имя, отчество и фамиліи лицъ, уполномачиваемыхъ группами для представленія ихъ на общемъ собраніи. Одновременно съ этимъ правленію союза должны быть представлены именные списки членовъ группы съ указаніемъ номеровъ чл. картъ и послѣдняго года, за который уплоченъ членскій взносъ.

ПРАВЛЕНІЕ.

ЧЛЕНСКІЕ ВЗНОСЫ ЗА 1937 Г.

Выдача комбатантскихъ карточекъ, а также комбатантскихъ марокъ на 1937-й годъ производится Казначеемъ Правленія-В-Ст. Чукавовымъ по вторникамъ съ 19 1/2 до 20 1/2 час. на рю Бусико, № 2, Парижъ (15).

Лица не могущія явиться лично могутъ обращаться письменно по тому же адресу. Для полученія марки на 1937-й годъ необходимо почтовымъ переводомъ или почтовымъ мандатомъ, на имя казначея прислать 15 фр. и сообщить № комбатантской карточки. Для вступленія въ Союзъ необходимо подать соотвѣтствующее заявленіе, форму котораго можно получить отъ казначея.

ПО ПОВОДУ УСТРОЙСТВА КАЗАЧЬЯГО ДОМА

Правленіе Союза казаковъ - комбатантовъ взяло на себя инициативу и приступило къ сбору средствъ для устройства «Казачьяго Дома» въ Парижѣ.

Цѣль этого начинанія, — дать возможность всѣмъ казачьимъ организаціямъ имѣть свой уголъ для собраній, докладовъ, засѣданій, пріема посѣтителей, дружескихъ встрѣчъ и для организации при домѣ полезныхъ и культурныхъ учрежденій.

Какъ бы казачество не дробилось сейчасъ по политическимъ признакамъ, — оно въ бытовомъ отношеніи едино и не можетъ не быть единымъ. Вся многовѣковая, красочная и славная исторія казачества была построена на братствѣ и на прочной крѣпкой казачьей спайкѣ. «Самъ погибай, а товарища выручай».

И чѣмъ чаще казаки будутъ встрѣчаться въ дружеской атмосферѣ, чѣмъ чаще бытовой признакъ будетъ заслонять политическія страсти, тѣмъ будетъ лучше для всѣхъ и тѣмъ легче мы будемъ переносить наше изгнаніе.

Помимо полезности, устройство «Казачьяго дома» диктуется и другими соображеніями. Парижъ — центръ эмигрантской жизни. Всѣ болѣе или менѣе значительныя организаціи имѣютъ свои помѣщенія. И только мы казаки, оказались бездомными. Не достойно это казачества, не должно это такъ быть!

Но устройство «Казачьяго Дома» можетъ быть достигнуто только общими усиліями, когда всѣ казачьи организаціи и всѣ казаки въ отдѣльности придутъ на помощь и помогутъ этому полезному и нужному начинанію.

Правленіе Союза обращается ко всѣмъ казакамъ и казачкамъ помочь нашему общему казачьему дѣлу.

Пользуясь случаемъ, считаю своимъ пріятнымъ долгомъ отмѣтить благородный жестъ стараго достойнаго казака **А. С. Карпова** (проживаетъ въ провинціи), который узнавъ о намѣреніи устроить въ Парижѣ «Казачій Домъ», первымъ прислалъ свою лепту.

Правленіе Союза отчислило на устройство дома изъ доходовъ отъ бала, устроеннаго 26 декабря, — 2.000 франковъ и кромѣ того собрало по талоннымъ книжечкамъ около 250 франковъ.

Начало положено, — надо довести дѣло до конца.

С. Позднышевъ.

Правленіемъ Союза выпущены талоны съ «кирпичиками», стоимостью по одному франку, въ фондъ созданія Казачьяго Дома въ Парижѣ. «Кирпичики» продаются въ Правленіи, въ казачьихъ организаціяхъ и въ редакціи «Станицы».

АКТЪ РЕВИЗІОННОЙ КОМИССІИ ПО ПОВѢРКѢ ОТЧЕТНОСТИ НА БАЛУ КАЗАКОВЪ-КОМБАТАНТОВЪ, 26-го ДЕКАБРЯ 1936 Г. ВЪ МЭРІИ 5-ГО АРР.

Ревизіонная комиссія въ составѣ: предсѣдателя ген.-маіора И. Н. Оприца и членовъ — ген.-маіора Н. И. Тараринa и сотника П. А. Юдина, провѣривъ отчетность, нашла:

1. Итоги статей прихода и расхода показаны правильно и точно соотвѣтствуютъ дѣйствительному приходу и расходу.

2. Статьи расхода оправданы соотвѣтствующими документами.

3. Въ итогѣ прихода: пятнадцать тысячъ сто сорокъ восемь фр. 70 сант. (15.148.70), расхода — семь тысячъ четыреста восемнадцать фр. 90 сант.; чистой прибыли — семь тысячъ семьсотъ двадцать девять фр. 80 сант., кои находятся налицо у казначея.

Предсѣдатель Комиссіи, Генералъ-Маіоръ Оприцъ.

Члены: Генералъ-Маіоръ Тараринъ и Сотникъ Юдинъ.

10 января 1937 г., Парижъ.

Памяти Войскового Старшины М. И. Еронина

24-го сентября прошлаго года, отъ разрыва сердца скончался на своей фермѣ близъ г. Каннъ (деп. Альпъ - Маритимъ), донской артиллеріи войсковой старшина Матвѣй Ивановичъ Еронинъ.

Еще одна тяжелая утрата. Эта смерть такъ неожиданно унесшая на рѣдкость хорошаго человѣка, повергла въ безысходное горе не только семью и близкихъ, но и всѣхъ насъ, друзей и сослуживцевъ покойнаго. Тяжелая утрата для семьи донскихъ артиллеристовъ, для зарубежнаго казачества, утрата и для Дона, потерявшаго достойнаго сына и стойкаго борца, вѣрнаго завѣтамъ доблестныхъ Атамановъ.

Жизнь Матвѣя Ивановича была красочна и содержательна, являясь яркой иллюстраціей славнаго жизненнаго пути боевого офицера.

Военную службу покойный началъ казакомъ въ 5 Донск. казачьей батареѣ. Природный умъ, недюжинныя способности, начитанность и общее развитіе рѣзко выдѣляли его изъ общей массы сослуживцевъ. По отбытіи военной службы онъ поступаетъ въ школу подхорунжихъ, которую отлично оканчиваетъ.

На Великую войну выступаетъ въ первый день мобилизаціи; своими боевыми заслугами онъ быстро выдвигается и уже въ октябрѣ 1914 г. былъ произведенъ въ офицеры.

Съ началомъ Гражданской войны онъ принимаетъ въ ней дѣятельное участіе. Въ чинѣ подъесаула назначается командиромъ 43 Донской батареи и сыгралъ большую роль по очищенію Усть - Медвѣдицкаго округа.

Энергичный, уравновѣшенный, находчивый — онъ въ совершенствѣ обладалъ цѣнными качествами командира; командованіе его цѣнило, подчиненные — любили.

Въ бояхъ онъ неоднократно проявлялъ изумительную храбрость. Осенью въ 1918 г. подъ Царицыномъ у деревни Ежовки благодаря его отваги, былъ разбитъ отрядъ красныхъ. Наши части подъ сильнымъ напоромъ красной колонны начали отходить. М. И. съ своей батареей сумѣлъ проникнуть обходнымъ движеніемъ въ тылъ противника и началъ громить его съ тыла. Красные въ паникѣ бѣгутъ, положеніе спасено.

Изъ Крыма онъ эвакуируется вмѣстѣ съ арміей и попадаетъ въ Сербію. Судьба ему улыбается: онъ получаетъ мѣсто завѣдующаго хозяйствомъ въ одномъ монастырѣ. Но онъ не долго остается на этой службѣ: мятущаяся, полная энергіи душа не выдержала скучнаго режима монастыря, и онъ оставляетъ эту спокойную, сытую жизнь и переѣзжаетъ въ Болгарію. А оттуда въ 1923 г. отправляется во Францію, гдѣ и протекли его послѣдніе годы жизни. Послѣдній переѣздъ былъ связанъ съ большими трудностями: безъ денегъ, безъ языка, безъ поддержки. Но его не смущаютъ никакія препятствія, и онъ уѣзжаетъ во Францію.

Здѣсь Матв. Ив. какъ то особенно быстро осваивается съ условіями жизни и устраивается рабочимъ на заводъ. Хорошо зарабатываетъ, однако, онъ на-

М. И. Еронинъ.

ходитъ, что это мало, такъ какъ изъ Россіи пишутъ, что семья тамъ голодаетъ: нужно помогать. Онъ находитъ другую работу на вокзалѣ. День работаетъ на заводѣ, вечеромъ на вокзалѣ и такимъ образомъ начинаетъ регулярно помогать семьѣ.

Хорошій другъ, добрый сердечный человѣкъ, онъ обладалъ какимъ то особеннымъ свойствомъ привлекать сердца окружающихъ. Жизнерадостный, общительный, онъ всюду, чуть ли не съ перваго знакомства, считался своимъ человѣкомъ. Въ обществѣ онъ неизмѣнно вносилъ оживленіе и веселіе и трудно его представить безъ пріятной, характерной улыбки.

Щедрый и отзывчивый, онъ близко къ сердцу принималъ чужое горе и помогалъ всѣмъ, кто къ нему обращался — близкимъ и далекимъ. «Въ Матв. Ив. есть искра Божія», — какъ выразился о немъ еще при жизни одинъ изъ друзей...

Онъ выполнилъ до конца долгъ свой передъ Родиной и передъ Богомъ.

Миръ праху твоему, незабвенный другъ!

А. Пивоваровъ.

Близкое-далекое

Архіепископъ Гермогенъ

Жутко и радостно становится на сердцѣ, когда вспоминаешь золотую юность. Жутко — знаешь, что прожитое не воротится, радостно — яркимъ солнечнымъ лучемъ буйной донской весны согрѣвается тѣло, духомъ хмѣльнымъ дурманитъ вокругъ.

Въ тѣ годы далекой сказки безпечныхъ дней наши преподаватели казались намъ часто какими - то чудовищами, мы не хотѣли замѣчать въ ихъ обликахъ цѣнныя черточки, мы придирались къ нимъ, умышленно топтали ихъ лики въ дѣтскихъ спорахъ и нисколько не скорбѣли, да и не умѣли печалиться о содѣянныхъ продѣлкахъ.

Но были и такіе путеводители нашей ломкой юности, на которыхъ мы смотрѣли жаркими взорами и надъ которыми даже и въ дѣтской болтовнѣ не осмѣливались незлобно глумиться. Такимъ свѣтлымъ воспитателемъ и былъ, здравствующій и понынѣ, донской владыка Гермогенъ, въ мірѣ о. Григорій Максимовъ (казакъ станицы Аксайской), бывшій смотрителемъ Усть - Медвѣдицкаго духовнаго училища въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ.

О. смотрителя (мы такъ называли тогда о. Григорія Максимова) я помню, какъ красиваго, щеголеватаго и почти свѣтскаго священника, привязаннаго къ своей небольшой семьѣ: матушкѣ, сыну и двумъ дѣвочкамъ. Онъ любилъ духовное училище и всѣ свои заботы отдавалъ ему, какъ своему дорогому дѣтищу. Красивѣйшее зданіе, надъ Дономъ, окруженное зеленью и цвѣтами, всегда блистало чистотой, а молодой тополевый садъ, которому о. смотритель отдавалъ свои досуги, росъ съ такой быстротой, что черезъ три года онъ превратился въ настоящій лѣсъ.

Гордостью духовнаго училища была новая, во имя Покрова церковь, — громадное кирпичное зданіе (построена церковь при о. Григоріи Максимовѣ), гдѣ въ нижнемъ этажѣ помѣщались рекреаціонный залъ и библіотека, а наверху церковь. Вся залитая свѣтомъ, съ чуднымъ дубовымъ иконостасомъ, съ хорами позади, церковь была настолько обширна, что въ ней въ табельные дни часто присутствовали весь административный и судебный персоналъ Усть-Медвѣдицкой станицы, а около церкви былъ парадъ. Это тоже характерная черта для о. Григорія Максимова, онъ никогда не замыкался въ рамки духовнаго одиночества, и никогда не чуждался общественности и поэтому пользовался большой популярностью въ административныхъ кругахъ окружной станицы Усть - Медвѣдицкой, этомъ просвѣтительномъ центрѣ сѣвера Дона.

Служилъ о. смотритель торжественно и долго; мы, мальчишки, рѣдко выстаивали службу, чтобы не выйти на пять - десять минутъ, а если боялись отпрашиваться у строгаго инспектора Петра Яковлевича, то становились на колѣни, — все-таки усталость какъ - будто и проходила.

Какъ преподаватель, о. смотритель былъ необычайно мягкій и на его урокахъ катехизиса мы никогда не трепетали, какъ, напр., на урокахъ преподавателя арифметики С. И. Карпова. Объясняя свой предметъ, о. смотритель не придерживался сухой казенщины учебника, а поэтому и катехизисъ и церковный уставъ были живыми въ его простомъ толкованіи. Даже въ чтеніи церковныхъ молитвъ, онъ требовалъ отъ насъ отчетливой дикціи, но для мальчишекъ это было заданіемъ невыполнимымъ.

Отличительной чертой о. смотрителя было еще его франтовство, которое такъ гармонировало съ его внѣшностью: одѣтъ онъ былъ «съ иголочки»; даже церковное облаченіе блистало богатствомъ и мы съ завистью смотрѣли, на его яркія ризы.

Перваго октября, въ день храмоваго праздника, по иниціативѣ о. смотрителя, ежегодно устраивались литературные утренники (актъ, какъ мы, обычно, тогда называли), на которыхъ дѣлался годовой обзоръ духовнаго училища, выступалъ хоръ, декламировали ученики, а преподаватели знакомили насъ съ біографіями знаменитыхъ классиковъ.

Подобнаго рода не утренники, а вечера устраивались и во время учебнаго періода и на насъ тогда они производили огромное впечатлѣніе.

Чуткій къ дѣтскимъ сердцамъ, о. смотритель не забывалъ внѣдрять въ насъ воинственный духъ, будучи самъ природнымъ донскимъ казакомъ. Два раза въ недѣлю, послѣ классныхъ занятій, бравый подъесаулъ Астаховъ, обучалъ насъ военному строю и о. смотритель часто любовался нашими гимнастическими упражненіями и радостно провожалъ глазами, когда мы проходили мимо него стройнымъ маршемъ и лихо распѣвали солдатскія пѣсни.

Особенно сильной военной муштровкѣ ежегодно мы подвергались ко дню перваго мая, когда по старой традиціи учащіеся на Дону справляли маевку. Для насъ это былъ большой праздникъ, праздникъ торжества весны, солнца, пѣсенъ, и о. смотритель старательно выдѣлялъ этотъ день. Муштровка требовалась потому, что на маевку съ утра мы, отправляясь въ Сльшанку, — красивѣйшій уголокъ окрестностей Усть - Медвѣдицы съ частолѣсьемъ, полянами, цвѣтами, обрывами — станицу проходили «церемоніальнымъ маршемъ» съ духовымъ оркестромъ подъ управленіемъ даровитаго столяра - му-

зыканта Волагурина, съ барабаномъ и пѣснями.

О. смотритель со всѣмъ педагогическимъ персоналомъ училища шелъ съ нами веселый и радостный и особенно его веселили наши безхитростныя солдатскія пѣсни.

Какъ на горкѣ на крутой
Гулялъ майоръ молодой,

начиналъ запѣвало, а мы, отбивая шагъ, залихватски подхватывали:

Ой, гопъ, сударыня,
Она такъ ударила,
Вдарила, вдарила въ барабанъ.
Барабанъ громко бьетъ,
Ополченецъ въ ногу идетъ,
Ополченецъ въ ногу идетъ, идетъ, идетъ,

И послѣ рѣзвости по ольшанскимъ зеленямъ, ничуть не утомленные, мы такъ же лихо проходили по Усть-Медвѣдицѣ въ густыя майскія сумерки съ оркестромъ и пѣснями и будили полузаснувшія улицы.

Крутится - вертится шаръ голубой,
Крутится - вертится надъ головой,

затягивалъ запѣвало.

Трай - рай - рай, трай - рай - рай
Крутится - вертится надъ головой,
Крутится вертится хочетъ упасть,
Кавалеръ барышню хочетъ украсть...

заливались мы молодыми голосами.

Незабвеннымъ событіемъ было паломничество въ знаменитый Спасо - Преображенскій женскій монастырь, расположенный надъ самымъ Дономъ, въ трехъ верстахъ отъ Усть - Медвѣдицкой. Выступили утромъ всѣ ученики во главѣ съ преподавателями. Мы шли стройными рядами, соблюдая благоговѣйную тишину, а впереди съ крестомъ о. смотритель.

Была весна въ полномъ разгарѣ. Когда миновали станицу, то хотѣлось по-дѣтски рѣзвиться, но сознаніе величественности момента отгоняло грѣховное.

А за Дономъ блисталъ весенней нѣгой заповѣдный монастырскій лѣсъ, зеленѣлъ и цвѣлъ лугъ, серебрилась бурная въ разливѣ Медвѣдица, тонули въ легкой дымкѣ подгорскіе богатые хутора. «Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды», пѣли мы, прославляя благость.

Минули ключевой Арестантскій колодезь и подошли къ Холодному бараку, въ крутизнахъ котораго и лежалъ одинъ изъ богатѣйшихъ русскихъ монастырей. «Преобразился еси на горѣ, Христе Боже», громко грянули молодые голоса и мы длинной лентой стали опускаться съ обрывистаго крутогорья. Чье сердце не дрогнуло, когда забѣлѣли нѣжныя келіи, а надъ ними розовыми стѣнами сіялъ величавый соборъ! Созданный академикомъ Горностаевымъ въ 1875 г., этотъ необыкновенный красоты памятникъ былъ притягательной силой обители, куда стекались тысячи помолиться передъ иконой Владимірскія Божія Матери, дарованной, по преданію, монастырю Степаномъ Разинымъ.

Понесся благовѣстъ и мы прослѣдовали прямо въ соборъ, гдѣ монахини и послушницы были уже всѣ въ сборѣ. Отстояли литургію и наслаждались великолѣпнымъ пѣніемъ огромнаго монастырскаго хора, про который ходила молва, что лучшаго хора въ женскихъ монастыряхъ Россіи не было.

Послѣ обѣдни насъ повели въ трапезную, гдѣ накормили знаменитой монастырской окрошкой съ хрѣномъ и щами, подъ чтеніе обѣденныхъ молитвъ молодой послушницы...

Это паломничество было незадолго до выпускныхъ экзаменовъ, а потомъ свѣтлый обликъ нашего мудраго воспитателя о. Григорія Максимова исчезъ для меня и, вѣроятно, для многихъ навсегда...

О. Григорій достигъ въ своей жизни наивысшаго, но въ санѣ епископа Гермогена я не сподобился его видѣть. Жизнь бросила меня въ другую сторону, носила неизбѣжно по волнамъ русскомъ «безкровной», пока не вышвырнула съ родимой земли.

И въ изгнаніи я вспоминаю тѣ золотые годы юности, когда молодой о. смотритель училъ насъ любить жизнь.

Сказка та неповторная, погибшая, но вспомнишь и какъ - будто

Вечеръ синею свѣчкой звѣзду
Надъ дорогой моей засвѣтилъ.

Д. Воротынскій.

В. В. ДОБРЫНИНЪ

Имѣя подъ руками русскую и міровую военную и не-военную печать и литературу до-военнаго времени, періода міровой и гражданской въ Россіи войнъ и послѣдующихъ годовъ и всю эмигрантскую литературу и печать, принимаетъ выполненіе порученій различныхъ справокъ, выписокъ и подготовки матеріаловъ для статей и др. трудовъ. Адресъ:

V. Dobrynin. Tschecoslovaquie, Diaha-Dejvice, Na Dyrince 8 .

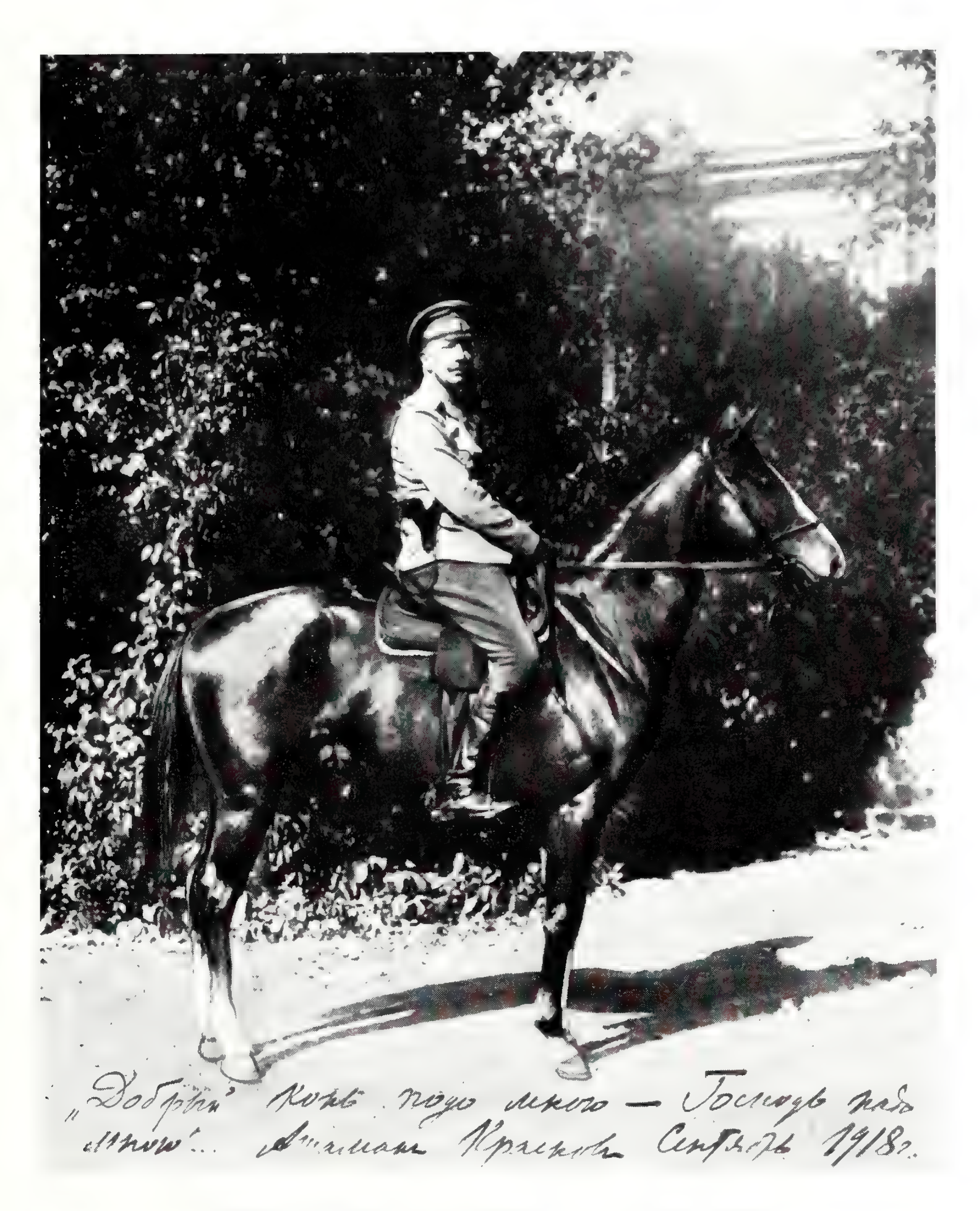
РОЗЫСКЪ

Нину Терентьеву урожд. РЕБРОВУ разыскиваетъ мать. Могущихъ дать какія либо свѣдѣнія, просятъ таковые направлять по адресу:

Mr Popoff. 7, rue Kleber, Drancy (Seine). France.

Подъесаулъ М. МОИСЕЕВЪ проситъ откликнуться б. чиновъ 1-й Донской пластунской бригады. Адресъ:

M. Moisiejew. Ul. Polnocna Nr 19. Grodno, Pologne.

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ КАВАЛЕРІИ П. Н. КРАСНОВЪ.

Къ статьѣ В. С. Крюкова по поводу выхода новой книги о казакахъ б. Донского Атамана — «Наканунѣ войны», изданной Главнымъ Правленіемъ Зарубежнаго Союза Русскихъ военныхъ инвалидовъ.

П. Н. Красновъ. Наканунѣ войны. (Изъ жизни пограничнаго гарнизона). Изданіе Гл. Правленія Зар. Союза Рус. воен. инвалидовъ. Парижъ. 1937. 64 страницы. Цѣна 10 фр.

Каждая новая книга П. Н. Краснова вызываетъ въ эмигрантскомъ казачествѣ радость и нѣкоторую долю гордости отъ сознанія семейственной близости съ авторомъ: **свой** прославляетъ не только себя, но и семью, съ которой онъ связанъ духомъ и тѣломъ. Эта же книга, всецѣло казачья, имѣетъ еще и особый интересъ для казаковъ: кажется впервые, даетъ часть автобіографическаго матеріала одного изъ самыхъ красочныхъ вождей казачества послѣдняго времени. Въ началѣ предисловія авторъ пишетъ: «мнѣ не хотѣлось писать своихъ воспоминаній. Казались они мнѣ только личными и потому — ненужными». Не только самъ авторъ, какъ извѣстный писатель, Донской Атаманъ и политическій дѣятель, но и его родъ Красновыхъ, уже вошли въ исторію Донского Войска и потому полная біографія П. Н. Краснова является необходимымъ дополненіемъ къ казачьей исторіи и литературѣ. Если писатель П. Н. Красновъ не желаетъ написать абтобіографію, то ген. Красновъ П. Н., я увѣренъ, пойдетъ на встрѣчу долга одного изъ казаковъ литераторовъ, который приметъ на себя трудъ по составленію его біографіи для печати.

«Наканунѣ войны» описываетъ бытъ казачьяго полка (10 Донского) въ пограничномъ гарнизонѣ (Замостье) и его начальные боевые эпизоды въ Великой войнѣ. Молодой, энергичный полк. Красновъ, уже опытный командиръ полка съ новаторскими склонностями, удачно иллюстрированъ фотографіей на первой страницѣ книги, гдѣ онъ на хорошо выѣзжанной своей лошади, строго по уставному беретъ большое препятствіе. Такъ — строго по уставному, въ нарядной стройности и дисциплинированности, онъ по своему обновляетъ полкъ, создаетъ ему доблестное мѣсто въ гарнизонѣ и столь же доблестно выступаетъ съ нимъ въ началѣ войны.

Авторъ романистъ. П. Н. Красновъ сумѣлъ изъ мелочей полковой жизни обрисовать истинный обликъ казачьяго полка и дать живыя характеристики своихъ сотрудниковъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе и теперь еще среди насъ. Есть въ книгѣ особо удачныя сцены, восторгомъ захватывающія читателя: парадъ, балъ, замѣна знамени и выступленіе полка на войну.

Любованіе своимъ полкомъ заражаетъ читателя глубокою искренностью автора и даже восторженностью («Красота! Прелесть!») въ разговорномъ стилѣ того времени.

Я увѣренъ, что эта книга свѣжей, живой казачьей были легко найдетъ въ казачьей душѣ то мѣсто, гдѣ хранится радость своего самосознанія. Восторгъ замѣнитъ умиленье, а тяжкій вздохъ откроетъ рой воспоминаній.

Марія Волкова. Пѣсни Родинѣ. Изданіе Войскового Представительства Сибирскаго Казачьяго Войска. Харбинъ, 1936. 102 стр. Цѣна 11 фр.

Принято считать, что стихи пишутся проще, чѣмъ проза, и потому ихъ пишутъ очень многіе, начиная съ юности. Создалась извѣстная предвзятость къ ихъ качеству, препятствующая внимательному отношенію къ нимъ. Съ этою предвзятостью я раскрылъ книгу М. Волковой. Въ казачьей печати мнѣ приходилось читать ея отдѣльныя стихотворенія, но краткія произведенія вызываютъ и краткія сужденія: «удачно, прелестно, ярко, сильно!». Цѣльность впечатлѣнія создалась только теперь, по прочтеніи книги, удачно подобранныхъ стиховъ. Сужденіе о нихъ слѣдуетъ оговорить замѣчаніемъ: стихи настолько проникновенно казачьи, что они какъ-бы подкупаютъ своею казачностью читателя казака. Но и внѣ этой атмосферы казачности слѣдуетъ воздать должное вниманіе талантливости автора. Стихи звучны и образны, прелестны своею простотою, безъ всякихъ модныхъ кривляній, такъ затрудняющихъ ихъ пониманіе. По содержанію — въ началѣ ужасы сибирскаго, казачьяго ледяного похода, гдѣ смерть пріемлема безъ ропота, какъ избавленіе отъ мукъ; затѣмъ — страдальческая жизнь изгнанья, гнетущая тоска по родинѣ, и свѣтлыя надежды впереди для будущей Россіи и родныхъ краевъ.

Вся книга ярко выражаетъ пламенную любовь къ казачеству, проникновенную сердечность къ его семейственности и быту, горькую печаль къ его теперешней судьбѣ, исходящіе отъ глубокаго, правдиваго сердца казачки автора.

Прекрасная книга, то грустью щемящая до боли сердца, то радующая васъ образностью воспоминаній и мощью казачьяго духа.

В. Крюковъ.

КАЗАЧАТА ВЪ ГРОДНО (Польша)

Донскіе казачата Жоржикъ (12 лѣтъ) и Игорь (5 лѣтъ) Моисеевы поздравляютъ черезъ «Станицу» своихъ сверстниковъ съ Новымъ Годомъ.

Жоржикъ съ большимъ удовольствіемъ читаетъ «Станицу» Игорю и оба просятъ редакцію писать спеціально для дѣтей и побольше изъ нашего родного прошлаго. Жоржикъ сообщаетъ, что у него есть настоящее строевое казачье сѣдло и вязаный чумбуръ.

Шлемъ привѣтъ дорогимъ казачатамъ и ихъ отцу, внушившему дѣтямъ на чужбинѣ любовь къ незнакомому имъ Тихому Дону.

Святочное баловство внука.
Съ акварели А. Мельникова.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

Нашъ юрисконсультъ, присяжный повѣренный М. А. Адамовъ, послѣ перерыва, вызваннаго его болѣзнью, вновь выразилъ свое любезное согласіе оказывать станичникамъ безплатную юридическую помощь. Пріемъ производится по запискамъ отъ правленія станицы.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ оказывается безвозмездно студентамъ - казакамъ почетнымъ старикомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5 до 7 час. вечера на 122 бульваръ Мюратъ.

ВЪ НАШЕЙ СТАНИЦѢ

31-го января с. г. состоялся годовой станичный сборъ, на которомъ состоялись выборы новаго правленія. Станичнымъ Атаманомъ единогласно избранъ на 8-й срокъ П. В. Гусевъ. Въ Правленіе избраны: Н. И. Болдыревъ, В. Н. Тараринъ, Н. Н. Тараринъ и А. П. Чукавовъ, а въ Ревизіонную Комиссію: о. Олегъ Болдыревъ, инж. Н. Ф. Пузановъ, И. Н. Шелудько и Я. А. Ширягинъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Въ октябрѣ минувшаго года во всѣхъ мѣстахъ нашего разселенія казачьи организаціи отмѣтили Войсковые Праздники Донского и Кубанскаго Войскъ молебнами, торжественными собраніями, трапезой и др. возможными по мѣстнымъ условіямъ способами. Изъ разныхъ мѣстъ въ редакцію «Станицы» поступили отчеты объ этихъ празднествахъ. Такъ какъ настоящій номеръ выходитъ почти черезъ 4 мѣсяца послѣ праздниковъ, редакція не можетъ вмѣстить всего накопившагося на эту тему матеріала.

Спеціальный отдѣлъ празднованія Войсковыхъ Празднествъ этого года будетъ открытъ въ ном. 23 «Станицы», выходящей въ началѣ ноября с. г.

Ко всѣмъ нашимъ корреспондентамъ обращаемся съ просьбой о присылкѣ отчетовъ о праздновании до 30-октября съ тѣмъ, чтобы размѣръ статей не превышалъ 50 строкъ печати журнала.

Однодневная газета „ПУШКИНЪ“

Однодневная газета «Пушкинъ», изданная къ столѣтію смерти Пушкина Комитетомъ по устройству «Дня русской культуры», вышла 8 февраля. Въ газетѣ, подъ редакціей Н. К. Кульмана, принимаютъ участіе: М. А. Алдановъ, Петръ Балашовъ, К. Д. Бальмонтъ, А. Л. Бемъ, Н. Н. Берберова, И. А. Бунинъ, В. В. Вейдле, І. В. Гессенъ, М. Л. Гофманъ, В. Н. Глазбергъ, Б. К. Зайцевъ, В. Ф. Зеелеръ, Аббатъ К. А. Кенэ, о. І. Ктитаревъ, Ант. П. Ладинскій, В. А. Ледницкій, Жюль Легра, С. М. Лифарь, Г. Л. Лозинскій, Л. И. Львовъ, В. А. Маклаковъ, П. Н. Милюковъ, Анри Монго, Эмиль Оманъ, М. А. Осоргинъ, Андрэ Пьеръ, А. М. Ремизовъ, Г. П. Струве, М. А. Струве, П. Б. Струве, А. В. Тыркова-Вильямсъ, Н. А. Тэффи, С. Л. Франкъ, М. О. Цетлинъ, М. И. Цвѣтаева, И. С. Шмелевъ, М. М. Федоровъ.

Цѣна газеты 2 франка. Выписывать ее можно черезъ «Станицу».

Портретъ А. С. Пушкина, репродукція съ работы худ. Тропинина, изданный Главнымъ Правленіемъ Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ, размѣромъ 18 на 30 см., на паспарту, цѣна 2 фр. 50 сант. Выписывать по адресу: Fédération des Invalides Russes. 3-bis, rue Adolphe Cherioux, Issy-les-Moulineaux, (Seine) France

Imprimerie Crozatier. 3. Impasse Crozatier. Paris 12e Le Gérant: Ch. Quénet.

№ 22 Avril 1937 № 22

PRIX: 2 frs. 50 c.

СТАНИЦА

Посѣщенiе Донскимъ Атаманомъ казачьей школы въ Коломбелѣ (деп. Кальвадосъ, Францiя).

STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS

7, RUE JOBBÉ DUVAL · PARIS (15e)

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

«STANITZA» 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 22 **АПРѢЛЬ 1937** **Годъ изданія 6-й**

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Правленіе Союза Казаковъ-Комбатантовъ отъ всего сердца поздравляетъ всѣхъ братьевъ-казаковъ, въ разсѣяніи сущихъ, съ Свѣтлымъ Праздникомъ Христова Воскресенія.

Генералъ-маіоръ С. Позднышевъ.

Парижская Студенческая Казачья Станица и Редакція журнала «Станица» поздравляютъ Войсковыхъ Атамановъ и Казаковъ всѣхъ войскъ съ Праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія.

П. Гусевъ.

Къ 300-лѣтію Азовскаго сидѣнія.

Часовня-памятникъ защитникамъ Азова подъ Старочеркасскомъ

Стихотвореніе

НИКОЛАЙ ТУРОВѢРОВЪ.

Задыхаясь, бѣжали къ опушкѣ.
Кто-то крикнулъ: усталъ, не могу.
Опоздали мы. Раненный Пушкинъ
Неподвижно лежалъ на снѣгу.
Слишкомъ поздно опять прибѣжали
Никакого прощенья намъ нѣтъ.
Опоздали, опять опоздали
У Дантеса отнять пистолетъ.
Снова также стояла карета,
Снова былъ ни къ чему нашъ разсказъ
И съ кроваваго снѣга поэта
Поднималъ поблѣднѣвшій Данзасъ.
А потомъ эти сутки мученья,
На разсвѣтѣ несдержанный стонъ,
Ужасающій крикъ обреченья
И жены летаргическій сонъ.
Отлетѣла душа, улетѣла,
Разрѣшила послѣдній вопросъ,
Выносили друзья его тѣло
На родной Петербургскій морозъ.
И при выносѣ мы на колѣни
Становилися прямо въ сугробъ.
И Тургеневъ, одинъ лишь Тургеневъ
Проводилъ самый близкій намъ гробъ...
И не десять, не двадцать, не тридцать,
Можетъ быть, уже тысячу разъ
Снился мнѣ и еще будетъ сниться
Этотъ чей то неточный разсказъ.

В. КРЮКОВЪ.

Бѣлый Крестъ

Станицу нашу, пожалуй безошибочно можно назвать самой бѣдной въ сѣверномъ донскомъ округѣ. Къ очевиднымъ причинамъ бѣдности надо отнести плохую почву станичнаго юрта, чрезмѣрную удаленность земельныхъ паевъ отъ станицы иногда до 30 верстъ, и мѣстоположеніе самой станицы. Высокая песчаная гора, на которой расположена станица, почти окружена двумя рѣками со множествомъ озеръ, затоновъ, лѣсовъ и луговъ. Обильныя вешнія воды совершенно изолируютъ обитателей станицы отъ своихъ участковъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и вынужденная такимъ образомъ бездѣятельность вредно отзывается на веденіи хозяйствъ. Теперь, издали, видна и еще одна причина станичной бѣдности это, — какъ ни странно, — богатство и красота окружающей природы. Обиліе лѣсовъ, луговъ, огородовъ и садовъ съ ихъ продуктами, рыбы ,дичи, при удаленности станицы отъ городовъ и желѣзной дороги и при полномъ отсутствіи промышленной предпріимчивости, низвело ихъ оцѣнку и въ результатѣ помогло развитію лодырничества. Красоты окружающей природы также способствовали бѣдности: онѣ вдохновляли лодырничество! Гдѣ, какъ не у насъ въ станицѣ, вы встрѣтите столько пѣсенниковъ, гармонистовъ, искусныхъ разсказчиковъ, охотниковъ, рыболововъ и странствующихъ мечтателей по святымъ мѣстамъ?

А все же мнѣ мила моя станица и красотой своей природы и бѣднымъ лодыремъ въ порывахъ вдохновеннымъ!

Чуть ли не единственнымъ богатымъ казакомъ въ станицѣ былъ Семенъ Арсеньевичъ Кудиновъ. Большой подъ жестью домъ въ пять комнатъ у самой церкви, съ магазиномъ и каменнымъ подваломъ, заѣзжій дворъ съ постройками, съ базами для скота, со скирдами сѣна и соломы, полные амбары, конюшни, — все говорило здѣсь о довольствѣ, благоустройствѣ и порядкѣ.

Семенъ Арсеньевичъ, въ мѣру полный, широкоплечій блондинъ средняго роста, всегда бритый, съ нависшими усами и бровями, дѣлавшими видъ его суровымъ, былъ человѣкъ бодрый, энергичный и предпріимчивый. Свое состояніе зажиточнаго казака онъ достигъ честнымъ трудомъ отъ тѣхъ несложныхъ операцій станичнаго быта, которыхъ бываетъ всегда большое количество: скупка и обработка земельныхъ паевъ, луговыхъ и лѣсныхъ дѣлянокъ, сдача ихъ исполу и аренда. Разумный, чуждый риску, онъ расчетливо и успѣшно брался за дѣла, обѣщавшія успѣхъ. Впослѣдствіи Семенъ Арсеньевичъ уже значительно округлилъ свой капиталъ снятіемъ въ аренду почтовыхъ станцій и торговлей въ собственномъ магазинѣ при домѣ.

Скопить капиталъ по копѣйкѣ Семену Арсеньевичу во многомъ помогала его жена, Екатерина Михайловна, полная, красивая женщина, заботливая и экономная труженица, сердечная, преданная и вѣрная мужу подруга. Единственный сынъ ихъ Владимиръ, крѣпкій, здоровый мальчикъ, съ успѣхомъ учился въ гимназіи окружной станицы.

Глубокая взаимная любовь, искренняя преданность, вкоренившаяся общность жизненныхъ навыковъ, сдѣлали чету Кудиновыхъ неразлучной, счастливой, а развивающіяся дѣла дорисовывали картину ихъ полнаго благополучія.

Въ минуты откровенности Михайловна говорила о своемъ завѣтномъ желаніи:

— Жизнь у насъ — умирать не надо! А если умирать, то вмѣстѣ съ Арсеньичемъ и у себя въ станицѣ.

Запасливая Михайловна сдѣлала свой домъ полной чашей. Куры, гуси, свиньи, коровы заполняли огромный дворъ и богатые дары двухъ огородовъ и садовъ еле вмѣщались въ объемистый подвалъ. Родственники, сосѣди и станичники хорошо знали широко открытыя двери радушныхъ хозяевъ, приходили покалякать съ Михайловной, а чаще посовѣтоваться съ Арсеньичемъ, или попросить помощи. Неизмѣнно каждаго посѣтителя онъ подводилъ къ шкафу, гдѣ всегда полный, пузатый графинъ желтой настойки ласкалъ ихъ слухъ пріятнымъ бульканьемъ и вкусъ живительной крѣпостью ароматной водки съ лимономъ или калчаннымъ корнемъ.

Семенъ Арсеньичъ нигдѣ и никогда не учился, но былъ достаточно грамотнымъ, чтобы слѣдить за событіями по газетѣ «Свѣтъ» и разбираться въ законахъ; поэтому онъ слылъ въ станицѣ за достойнаго человѣка, съ разумомъ, который всегда можетъ дать совѣтъ не только отдѣльному лицу, но и обществу. Уваженіе къ Арсеньичу казаковъ и станичной общественности было безспорно и давно бы могло выразиться выборомъ его въ станичные атаманы, если бы онъ самъ не отвергалъ этого, отшучиваясь:

— Атаманство дурманитъ голову и животъ: голову отъ власти, животъ отъ водки.

Хорошо зналъ Арсеньичъ обычаи и нравы своихъ казаковъ. Атаманство угрожало разстройствомъ своихъ дѣлъ и скорой, неизбѣжной забаллотировкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потерей его вліянія и престижа въ обществѣ. Провести же на сходѣ нужное и полезное дѣло онъ могъ и безъ атаманства, хотя иногда приходилось поступаться благоразуміемъ, чтобы не нарушать казачьей самобытности.

Почтовая контора и телеграфъ находились не въ самой станицѣ, а на хуторѣ въ 7 верстахъ. Это создавало много неудобствъ особенно при вешнемъ разливѣ рѣкъ. Гдѣ то въ верхахъ управленія создался планъ перенесенія почтовой конторы въ станицу, для чего потребовался ежегодный расходъ отъ станицы въ 300 рублей. На станичный сходъ, который долженъ быль принять этотъ расходъ, былъ командированъ чиновникъ съ цѣлью убѣдить сходъ въ необходимости этой затраты. Атаманъ предвидѣлъ трудности въ проведеніи этого вопроса на сходѣ и просилъ у Арсеньича поддержки.

Спокойно и молча выслушали казаки на сходѣ доводы чиновника, но обычнаго «въ добрый часъ» не послѣдовало. Ясно было, что старики не хотятъ принять этого расхода, но и не осмѣливаются обидѣть отказомъ чиновника. Сходъ молчитъ. Смущенно начинаетъ атаманъ:

— Что же?.. Дѣло хорошее. Какъ вы смотрите, господа старики?

Опять долгое и нудное молчаніе.

— Семенъ Арсеньичъ, какъ по вашему разумѣнію? — спрашиваетъ атаманъ.

Семенъ Арсеньичъ понимаетъ также, что сходъ уперся. Если съ большимъ трудомъ и удастся добиться молчаливаго согласія схода, то телеграфъ въ станицѣ навсегда останется укоромъ для него, какъ «арсеньичева затѣя».

— Дѣло полезное, старики, — нерѣшительно говоритъ Арсеньичъ. — Телеграфомъ мы будемъ связаны съ цѣлымъ міромъ; всѣ новости мы будемъ знать въ тотъ же день; удобенъ онъ и для всякой оказіи... Скорѣе будемъ получать письма... И не надо будетъ гонять сидѣльца два раза въ недѣлю въ Травной... А триста рублей для станицы деньги небольшія.

Опять молчаніе и кто то глухо, не вставая, спрашиваетъ изъ заднихъ рядовъ:

— А что, по этой самой... проволочкѣ, господинъ чиновникъ, и веща можно будетъ отправлять?

Отрицательный отвѣтъ чиновника не только убѣждаетъ сходъ въ безполезности этого дѣла, но и даетъ смѣлость уже открыто выступить одному изъ постоянныхъ ораторовъ-возражателей.

— Оно, конечно, дѣло хорошее, особливо если бы можно и вещишки посылать; къ примѣру скажемъ, — сальца сынкамъ на службу, аль сухариковъ... Вщетъ новостей, скажу я тебѣ Арсеньичъ, твоя газетина — цѣлая полсть — все тамъ пропечатано, а кто малограмотный, — спроси у писаря Костикова: онъ табѣ все по азамъ разсусолитъ... А въ случаѣ какой оказіи, ты, Арсеньичъ, на своихъ полканахъ*) скорѣй проволочки въ Травной добѣгишь. Телеграмму эту самую... Спроси ка господинъ атаманъ, посылалъ ее кто, ай получалъ, за всю свою жизнь? А что касаемо сидѣльцы ходятъ два раза въ недѣлю въ Травной за почтой, то только имъ и дѣловъ. А триста цѣлковыхъ въ годъ отвали!.. Вѣдь это чуть не вагонъ денегъ... Такъ я гляжу — въ нашихъ смыслахъ это дѣло безъ надобности.

Смущеннаго отказомъ чиновника хорошо угостили въ утѣшенье, чѣмъ и закончили исторію съ телеграфомъ въ станицѣ.

Ни великая, ни гражданская война не измѣнили обихода жизни станицы. Только бѣдность стала выявляться глубже и нагляднѣе.

Отъ богатства Кудиновыхъ не осталось и слѣда. Все разграблено, расхищено, и сами Кудиновы ютились теперь въ своей кухнѣ, ночуя на полу. Лишенные возможности заработка, старики голодали. Семена Арсеньича нѣсколько разъ арестовывали и отпускали. Денежная помощь, получаемая отъ сына изъ Парижа, вызвала такую бурю новыхъ нападокъ, обвиненій, повышенныхъ налоговъ, что отъ нея пришлось отказаться.

Одинокіе, отрѣшенные какой-то зачумленностью, Кудиновы тихо и безропотно переживали тяжесть непосильнаго бремени, находя утѣшеніе въ молитвѣ, взаимной близости и письмахъ сына. Мысли о единовременной смерти отъ Бога, все чаще и чаще, казались имъ теперь благодатнымъ концомъ ихъ страданій.

Сынъ Кудиновыхъ, Владиміръ, офицеръ, участникъ Великой и гражданской войны, въ составѣ Донской арміи эвакуировался заграницу. Побывалъ въ Турціи, Греціи, Сербіи и наконецъ однимъ изъ первыхъ переселенцевъ-эмигрантовъ попалъ во Францію. Въ Парижѣ онъ окончилъ университетъ, и удачно устроился здѣсь же на службу во французскій банкъ. Странствуя по Европѣ, наблюдательный, смѣтливый и энергичный, онъ скоро усвоилъ лихорадочный темпъ банковской жизни міровой столицы и былъ замѣченъ, какъ хорошій работникъ. Нервная жизнь Парижа, долголѣтняя оторванность отъ всего родного, близкаго, и пережитыя бури войнъ, — побудили Владиміра Семеновича искать тишины и счастья въ семейной жизни. Сердцемъ и разумомъ сдѣлалъ онъ выборъ невѣсты и женился на миловидной, хорошо воспитанной француженкѣ, единственной дочери вдовы, постоянно прживающей въ провинціи. Несмотря на разницу въ воспитаніи, нравовъ, обычаевъ и религіи, Владиміръ Семеновичъ мѣрою спокойствія, выдержки и необходимыхъ въ семейной жизни взаимныхъ уступокъ, — создалъ семейное благополучіе и уютъ.

Рожденіе сына дало много радости, семейнаго счастья и чувство жизненной устойчивости Владиміру Семеновичу, но вмѣстѣ съ тѣмъ для него, крѣпкаго націоналиста и преданнаго казака, оно

---

*) Лошади.

вызвало заботливыя мысли о воспитанiи сына въ русскомъ духѣ. Чуткая жена и разумная теща вѣрили въ практическую осмысленность рѣшенiй Владимира Семеновича и, окруживъ маленькаго Колю заботою и ласкою, охотно, какъ могли, помогали въ этомъ, выполняя указанiя отца. Долгими осенними вечерами, слушая ломанный русскiй языкъ и мотивы надъ кроватью сына, Владимiръ Семеновичъ все больше и больше убѣждался въ необходимости выписки своихъ родителей изъ Россiи. Предлагалъ онъ имъ это и раньше, но въ ихъ отвѣтахъ, нѣжныхъ, дышащихъ родительской любовью, не было не только тона жалобъ на судьбу, упрековъ и просьбъ о помощи, но чаще они заканчивались выраженiемъ сожалѣнiя къ сыну: «бѣдный Володюшка, одинъ одинешенекъ страдаетъ вдали отъ родины, на чужбинѣ, безъ родительской ласки и заботы, а мы все же дома и вмѣстѣ».

Отлично понималъ Владимiръ Семеновичъ, какъ трудно для стариковъ оторваться отъ своего насиженнаго гнѣзда и всего родного.

Вѣсть о появленiи внука съ настойчивой просьбой сына прiѣхать къ нему въ Парижъ сильно взволновала стариковъ и заставила ихъ рѣшиться на болѣзненный отрывъ отъ родины.

«Мы такъ обрадованы рожденiемъ внучка Николушки, что это вдохнуло въ насъ силу принять твое пожеланiе и ѣхать къ тебѣ... Если ты находишь, что остатокъ нашихъ дней будетъ полезенъ новой жизни, то бросаемъ все и ѣдемъ, хотя насъ и пугаетъ мысль умирать въ чужомъ краю. Крѣпимся утѣшенiемъ увидѣть тебя и семью и не быть одинокими, забытыми и лишними, какъ мы теперь здѣсь при новой власти... Прiѣдемъ оборванные и голые, не сможемъ даже привести гостинчика для внучка. Не стыдно ли тебѣ будетъ съ нами въ Парижѣ?..»

Съ утра все было готово въ маленькой квартиркѣ Владимира Семеновича для встрѣчи родителей. Къ двумъ поѣздамъ выѣзжалъ онъ на станцiю для встрѣчи, но стариковъ не оказалось. Съ тревогой онъ отправился вечеромъ къ третьему и послѣднему поѣзду, но снова не встрѣтилъ родителей среди выходящей публики. Мысль о томъ, не случилось ли чего съ ними въ дорогѣ, заставила его обратиться за справкой въ бюро станцiи. Проходя длиннымъ коридоромъ, онъ еще издали замѣтилъ въ дальнемъ темномъ углу его двѣ сгорбленныя фигуры, сидящiя неподвижно на большомъ сѣромъ мѣшкѣ съ вещами, плотно прижавшiяся другъ къ другу и разсматривающiя карту на стѣнѣ.

Скорѣе инстинктомъ, чѣмъ зрѣнiемъ, опозналъ въ нихъ Владимiръ Семеновичъ своихъ родителей. Весь въ порывѣ къ нимъ, но оцѣпенѣвъ въ безсилiи, онъ остановился, опираясь о стѣну, захваченный внезапною волною нахлынувшихъ чувствъ радости, скорби и умиленной нѣжности... Сквозь частыя слезы онъ узналъ сначала старую отцовскую казачью фуражку съ краснымъ околышемъ, сдвинутую, какъ всегда, на передъ, и черную косынку матери. Словъ не было, душили спазмы...

— Мама, мама!..

Рѣзкiй женскiй крикъ привелъ въ себя Владимира Семеновича и онъ бросился на помощь силившимися встать на ноги старикамъ. Обнявъ ихъ вмѣстѣ и удерживая на себѣ обезсиленныхъ и разслабленныхъ отъ переживанiй, онъ успокаивалъ ихъ теперь счастливыми, мокрыми отъ слезъ, поцѣлуями.

Происшедшая за годы перемѣна во внѣшности стариковъ поразила Владимира Семеновича: исхудѣвшiя лица, мертвящая блѣдность, сгорбленность, создавали впечатлѣнiе полной ихъ дряхлости.

— Ты, Володя, не бойся: мы не такiе ужъ дряхленькiе... Это мы за дорогу расклеились. Мать впервые ѣхала поѣздомъ и все боялась крушенiя.

— Когда же вы прiѣхали въ Парижъ?

— Сегодня утромъ.

— И ждали цѣлый день? Вы же имѣете мой адресъ: взяли бы автомобиль.

— Лошадей не оказалось, а въ автомобиль мать ни за что не хотѣла садиться, посмотрѣвъ на эту кутерьму на улицахъ. Мы хотѣли найти твою улицу на планѣ, — но слѣпенькiе стали, да и надписи не по нашему. Такъ и сидѣли.

Слезы и глухiя рыданiя матери еще продолжались.

— Что же ты плачешь, дурочка, вѣдь все же доѣхали.

Чтобы развлечь и успокоить родителей, Владимiръ Семеновичъ, проѣзжая по улицамъ Парижа, показывалъ его достопримѣчательности, но, казалось, ничто ихъ не интересовало, кромѣ сына и его семьи.

— Володюшка, какъ же мы будемъ разговаривать съ твоею женою и сыномъ?

— Они немного говорятъ по-русски.

— Слава Тебѣ, Царица Небесная! Я то боялась...

Эта первая улыбка радости и успокоенiя сквозь слезы матери обнаружила, насколько этотъ вопросъ былъ для нея мучителенъ.

— Даже теща, ради вашего прiѣзда, изучила много русскихъ словъ для обихода. Она предлагаетъ вамъ поѣхать къ ней на первое время для отдыха.

На лицахъ переглянувшихся стариковъ при этомъ Владимiръ Семеновичъ замѣтилъ тѣнь грусти и неудовольствiя.

Ожидая прiѣзда родителей мужа, жена Владимира Семеновича чрезвычайно волновалась. Искренно любя его, ей очень хотѣлось расположить къ себѣ его родителей, понравиться имъ, но она боялась, что недостаточное знанiе языка, привычекъ

и характера ихъ, не позволятъ ей сблизиться съ ними. Побаивался отчасти этого и самъ Владимиръ Семеновичъ.

Встрѣча и первыя впечатлѣнія удовлетворили всѣхъ. Если и была нѣкоторая растерянность отъ волненій его жены и чрезмѣрная застѣнчивость стариковъ, то бурная радость Коли, обрядившагося въ дѣдовскую фуражку, сосредоточивъ на себѣ общее вниманіе, сгладила всѣ шероховатости, столь обычныя при первыхъ встрѣчахъ.

Одинъ видъ обильнаго ужина, по русски, до слезъ умилилъ стариковъ, которые давно уже не видѣли ничего, кромѣ черствыхъ сухарей и печеной картошки запасы которыхъ оказались у нихъ въ мѣшкѣ.

Разспросы и новости о жизни станицы, такъ интересовавшіе Владимира Семеновича, пришлось отложить до завтра, такъ какъ для переутомленныхъ и измученныхъ стариковъ требовался покой и отдыхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно безпокоить Колю; мы примостимся въ кухнѣ на полу; мы къ этому привыкли, да и не спимъ мы по ночамъ, — вдругъ что либо случится!

Только настойчивое желаніе Коли заставили стариковъ расположиться въ его комнатѣ на приготовленной для нихъ кровати.

Смиреніе и кротость загнанныхъ въ жизни людей были до слезъ трогательны.

Раннимъ утромъ, уходя на службу, Владимиръ Семеновичъ зашелъ въ комнату Коли; старики неподвижно и молча сидѣли рядомъ передъ окномъ, разглядывая узкій колодезь двора со стѣнами многоэтажныхъ домовъ. Комната была тщательно прибрана.

— Мы все думаемъ, Володюшка, какъ же мы будемъ называть твою жену? Ты называешь ее Ивонъ; не хорошо какъ то... Вродѣ какъ Иванъ?..

Согласились называть Ивонна Петровна какъ называютъ ее всѣ русскіе знакомые.

Пришедшій со службы на завтракъ Владимиръ Семеновичъ замѣтилъ слѣды перваго недоразумѣнія въ семьѣ. Старики настойчиво хотѣли помогать по хозяйству въ квартирѣ: на кухнѣ, чистка и мытье половъ, посуды и др.; жена его просила ихъ только оставаться съ Колей и ничего не дѣлать.

— Развѣ можно ничего не дѣлать? Такъ мы повиснемъ у васъ на шеѣ лишними ртами; да и отъ скуки можно пропасть на бездѣльи.

Съ необходимостью перемѣны костюмовъ старики согласились съ трудомъ; но замѣнить старую казачью фуражку и косынку матери не удалось.

— Вѣкъ жили и носили, а передъ смертью обряжаться въ шутовской нарядъ... Ни за что!

Вечеръ, послѣ ужина, былъ посвященъ разсказамъ о станицѣ. Долголѣтнее преслѣдованіе Кудиновыхъ въ Россіи положило печать таинственности на всѣ ихъ разговоры, даже обычнаго, житейскаго характера; полушопотъ, вкрадчивость, намеки и знаки при этомъ часто затрудняли ихъ пониманіе.

— Сегодня я съ вами, дѣтки, какъ на духу буду откровененъ и впервые разскажу истинную правду о страшномъ житьѣ-бытьѣ у насъ на Дону. Хотя я и знаю, что у васъ здѣсь нѣтъ охульниковъ и комсомольцевъ, а все же... «береженаго и Богъ бережетъ»; ты старуха посматривай! — знакомъ показалъ Арсеньичъ на окно и дверь.

Сначала онъ передалъ свѣдѣнія о родныхъ и знакомыхъ въ станицѣ. Это походило болѣе на поминовеніе усопшихъ, погибшихъ, безъ вѣсти пропавшихъ и заключенныхъ. Ихъ оказалось такъ много, что Владиміръ Семеновичъ въ ужасѣ воскликнулъ:

— Такъ кто же теперь остался въ станицѣ?

— Много новыхъ людей какъ и много страшнаго новаго!

Послѣ долгой, до поздней ночи, бесѣды у Владимира Семеновича создалось убѣжденіе, что жизнь на родинѣ дошла до невыносимыхъ предѣловъ.

Вскорѣ пріѣхала теща съ богатыми подарками для стариковъ. Скромность и кротость ихъ видимо глубоко тронули добродушную женщину и вызвали къ нимъ искреннее расположеніе и ласку. Казалось что только разговорный языкъ препятствовалъ слиться семьѣ въ полной сердечности. Теща настаивала на необходимости немедленнаго переѣзда стариковъ къ ней въ провинцію, гдѣ въ ея большомъ домѣ все было приготовлено для полнаго покоя и отдыха. Владимиръ Семеновичъ медлилъ съ рѣшеніемъ этого вопроса, чувствуя, какъ тяжело будетъ родителямъ разстаться съ нимъ и Колей и жить однимъ въ чужомъ для нихъ домѣ, безъ языка, чрезмѣрно облагодѣтельствованными вниманіемъ тещи.

— Зачѣмъ же вамъ оставаться здѣсь, стѣснять себя и Володю, когда вы имѣете полную возможность привольно жить у меня. Развѣ можно здѣсь размѣститься пяти человѣкамъ, а большую квартиру Володя снять не можетъ при такой дороговизнѣ.

Склоненъ былъ видимо и Владимиръ Семеновичъ принять резонные доводы тещи. При болѣзненной чуткости стариковъ этого замѣчанія было достаточно, чтобы пойти на какія угодно жертвы для семьи сына, не считаясь съ своими желаніями и не смѣя даже ихъ выразить.

Не спали эту ночь старики Кудиновы. Боясь потревожить Колю, они не разговаривали, но тяжелые вздохи, заглушаемые стоны обнаруживали ихъ тяжкую скорбь.

— А вѣдь вѣрно, старуха, — тихо шепталъ Арсеньичъ, стараясь утѣшить жену, — тамъ мы бу-

демъ, какъ у Христа за пазухой: столъ и кровъ. Чего же намъ еще надо на старости? Дѣти будутъ къ намъ наѣзжать... А тамъ глядишь, — чего нибудь и случится въ Россіи... Туда-то мы пѣшкомъ дойдемъ до станицы... Старуха начала тихо всхлипывать въ подушку.

— И тутъ... и тутъ мы лишніе!..

Стараясь удержать нахлынувшія рыданія, Арсеничъ все же пытался успокаивать жену:

— Такъ ужъ значитъ... Богъ!.. Не тоскуй, родная... Все же она своя... сваха...

Покорившіеся судьбѣ, грустные, кроткіе, безъ тѣни упрека, разстались скоро же Кудиновы съ семьей сына.

— Ты же, Володюшка, навѣщай насъ чаще по возможности; мы вѣдь старенькіе, не ровенъ часъ и до бѣды.

Чувствовалъ Владимиръ Семеновичъ душевную бурю родителей, страдалъ и самъ за нихъ, но по тяжкому жизненному опыту привыкъ примиряться съ обстоятельствами.

Заботами тещи жизнь четы Кудиновыхъ въ ея большомъ домѣ была обставлена въ полной мѣрѣ для покоя и отдыха. Въ двухъ большихъ свѣтлыхъ комнатахъ, выходящихъ въ большой фруктовый садъ, царили тишина, порядокъ и чистота, поддерживаемые услугами служанки француженки. Всякая работа въ домѣ и въ саду имъ была запрещена подъ предлогомъ необходимости для нихъ отдыха. Обычно, вставая рано, привычные къ труду, они мучились отъ бездѣлья, ожидая приглашенія на кофе. Опрятные и чистые, входили старички въ столовую, привѣтствуя мадамъ на установившемся французско-русскомъ діалектѣ, въ которомъ жестъ имѣлъ рѣшающую роль. За столомъ они чинно и напряженно слушали безудержную болтовню француженки, конечно, не понимая ея, но усердно поддакивая, гдѣ нужно и не нужно. Страданія отъ непониманія ея усугублялись настороженностью не сдѣлать промаха или оплошности, что вызывало безпокойное наблюденіе ихъ другъ за другомъ. Любимымъ мѣстопребываніемъ четы Кудиновыхъ былъ удаленный, заросшій уголъ сада, гдѣ въ тишинѣ, внѣ взоровъ и наблюденій, старички предавались воспоминаніямъ и мечтамъ, сидя на каменной скамьѣ.

Далекое прошлое, родное такъ прекрасно въ воспоминаніяхъ! Картинно и образно рисуется оно услужливымъ воображеніемъ. Въ немъ все прекрасно мило и дорого. Невзгоды и боли сглажены временемъ и въ счастьи витаетъ мысль, лаская родную быль. Стремленіе къ родному, — лучшее утѣшеніе для людей его потерявшихъ. Долго и сосредоточенно любуются старики всѣмъ тѣмъ, что напоминаетъ имъ свое, родное.

— Приглядись, Арсеничъ: эти молодыя яблоньки, какъ анисовки въ нашемъ Чугуновскомъ саду. Правда?

— Нѣтъ... Наши лучше: стройнѣе... наряднѣе, какъ-то! Да и цвѣточки, пожалуй, пышнѣе и ароматнѣе.

Да!.. Это вѣрно.

— А сливы и по вкусу наши.

— Д-а-а! Быть можетъ, наши чуть-чуть понѣжнѣе; а эти кубыть съ оскоминкой?

— Пожалуй... Наши посочнѣе трошки.

— А чулюканчики, кажись, и наши, а прислушаешься.... Нѣтъ, не наши!

Тревожнымъ роемъ мечутся мысли, то свѣтомъ и радостью озаряя взоры, то безпечною грустью, какъ тяжестью, давятъ слабѣющія, затерянныя жизни.

Особенно непріятна была для четы Кудановыхъ необходимость присутствія на визитахъ у тещи, когда ихъ демонстрировали, какъ жертвы русской революціи: тяжело оставаться безмолвнымъ объектомъ наблюденій и состраданій, иногда въ теченіе многихъ часовъ.

Лучшимъ временемъ дня для нихъ былъ вечеръ, послѣ ужина, когда всѣ расходились по своимъ комнатамъ на покой. Предоставленные себѣ, старики долго пили чай, по русски — въ прикуску, съ вареньемъ, уносясь мечтами въ далекое прошлое.

Семенъ Арсеничъ хорошо разбирался въ эмигрантскихъ газетахъ и Михайловна была теперь часто озадачиваема его газетными фразами. Свѣдѣнія о Россіи, мысли и очередныя надежды создавали чуть ли не единственный интересъ въ существованіи осиротѣвшихъ стариковъ на чужбинѣ. Возникаемыя въ его головѣ думы мучительно искали выхода и соучастія.

— Газеты становятся все увѣреннѣе въ надеждѣ на скорый переворотъ тамъ. Трудненько!.. Конечно, нашихъ теперь тамъ много, но сила то въ ихъ рукахъ... А когда нибудь взорвется и какъ-то неожиданно... Послалъ бы Богъ дожить до этого дня! То-то бы возликвало все радостью жизни...

— А ты думаешь, Арсеничъ, возвратятъ намъ нашъ домъ, сады и огороды?

— Конечно, правовой порядокъ будетъ возстановленъ, — уклончиво отвѣчалъ онъ. Кромѣ того, мужики, заполнившіе теперь наши края, должны будутъ вернуться во свояси. Казачьи земли кровныя... Это наше! Безъ собственной земли, какъ безъ фундамента, казачества не возстановишь, какъ силы, питающейся своими корнями въ родной почвѣ. А кому не нужно казачество, какъ здоровая опора государственности и порядка? На этомъ наша славная исторія! Это основное качество казачества, какъ магнитъ, тянетъ къ себѣ въ періоды паденій и развала все здоровое и крѣпкое. Это его сущность, изъ этого оно построено. Про это Россія не забудетъ

Вотъ и теперь здѣсь подъ казачество подсовываютъ разныя спорныя опредѣленія то сословія, то народа, то племени... Не вѣрно все это.

— А ты думаешь, Володюшка поѣдетъ съ нами домой? Онъ такъ прочно приросъ тутъ.

— Всенепремѣнно! И въ силу этого же качества. Для хорошаго работника поле дѣятельности на родной почвѣ и шире и всегда милѣе. Удивительное дѣло съ русскими эмигрантами. Разбрелись они по всему свѣту, вцѣпились въ чужую жизнь и не только остаются сами чисто русскими съ своей духовной пищей, но заставляютъ иностранцевъ высоко ее оцѣнивать. Посмотри въ газетѣ — сколько литераторовъ ,пѣвцовъ музыкантовъ, артистовъ, балетовъ и хоровъ, заполняютъ лучшія сцены театровъ всего міра. Большіе духовные клады хранитъ въ себѣ матушка Русь, хотя и опередилъ ее западъ культурной практикой жизни. Вотъ роль-то русской эмиграціи и будетъ въ томъ, чтобы дать русской бѣдности эту горбомъ добытую практику. Эта бѣдность наша и нищета должны будутъ вызвать изъ заграницы капиталъ съ его культурой. Вотъ съ ними и будетъ вѣрный и надежный путь возвращенія эмигрантовъ на родину. Напрасно часть эмиграціи строитъ свои захватные, властолюбивые замыслы; удачно дерзнувшій тамъ въ борьбѣ за власть, — ея не уступитъ.

Поздно. Чай холодный. Дремлетъ старуха, силясь оказывать вниманіе словамъ мужа. А мыслей въ головѣ Семена Арсенича такъ много! Долгая жизнь, большой опытъ, молчно и мучительно продуманные итоги и выводы, безвыходно заглушались тоской и одиночествмъ.

Цѣль пріѣзда четы Кудиновыхъ во Францію, — войти въ семью сына и быть ей полезными, — не оправдалась. Оторванные отъ внука и сына, заброшенные въ чужой домъ, облагодѣтельствованные, старики тщетно искали возможностей какъ то отблагодарить тещу и оправдать свое существованіе. Сознаніе, что они здѣсь лишніе и безполезные, усугубляло ихъ отчужденность и заставляло уходить въ себя и искать уединеній. Теща, предоставивъ всѣ удобства жизни, видимо, потеряла интересъ къ нимъ и теперь сама способствовала ихъ уединенію. Сынъ получилъ дополнительную работу, что препятствовало его обычнымъ пріѣздамъ для свиданій съ родными.

Старики привыкли переживать самыя тяжкія матеріальныя лишенія еще у себя на родинѣ, но полная и неоправданная оторванность отъ нея, какъ болью кровной раны угнетали ихъ скорбью и тоской по ней. Душа убивала тѣло и старики замѣтно и безропотно гасли. Тяжелые, зловѣщіе сны, предчувствія и неотступныя мысли о смерти — укрѣпляли ихъ убѣжденія о близкомъ концѣ ихъ никому ненужной жизни.

Осенью пріѣхалъ Владимиръ Семеновичъ съ семьей навѣстить родителей. Сразу же чувствовалась происшедшая въ нихъ перемѣна. Радость свиданія, новыя ободряющія вѣсти о родинѣ, бурная оживленность Коли, — какъ-то поверхностно касались стариковъ. Было замѣтно, что всецѣло ихъ занимаетъ что то другое, глубоко ими воспринятое. Старики Кудиновы казались заговорщиками и просили сына объ уединенной и важной бесѣдѣ.

— Посиди съ нами, родненькій; мы тебя долго не задержимъ, — ласково и нѣжно обратилась мать къ сыну, около ихъ любимой скамейки въ саду.

— Мы все готовились съ матерью такъ много тебѣ передать передъ... передъ твоимъ отъѣздомъ, что теперь даже не знаю, съ чего начать... Ты говорилъ о близкой возможности и радости возвращенія на родину. Да да! Полное счастье, сынокъ, можно взлелѣять только на своихъ корняхъ. Богъ дастъ тебѣ его устроить тамъ. А мы... мы, какъ трава степная «перекати поле», оторванные бурей отъ корней, мы еще какъ будто жили, носясь въ просторахъ родной степи, но загнанные этой бурей въ тынъ даже цвѣтущаго сада, мы мусоръ ненужный... Мы очень поздно оторвались отъ своихъ корней степныхъ...

Какъ старые запойные алкоголики, мы слишкомъ долго упивались радостью и горечью своего домашняго вина и потеряли всякій другой вкусъ въ жизни...

— Самаго главнаго не забудь, Арсеничъ, — тревожно перебила мать.

— Мы люди простые, Володичка, и ты надъ нами не смѣйся, а ужъ пожалуйста исполни нашу послѣднюю просьбу: мы захватили изъ нашего палисадника немножко своей землицы въ мѣшочкѣ, такъ ты ужъ обѣщай намъ поровну положить ее въ наши гробики подъ подушки. Все же это большое утѣшеніе для насъ. А еще, сыночекъ, ты ужъ постарайся положить насъ рядышкомъ въ могилкахъ, Эта наша завѣтная думка. Весь вѣкъ были не разлучны, а тутъ на чужой сторонушкѣ это особенно дорого.

Самовнушеніе въ близости смерти было настолько велико у стариковъ, что всѣ попытки сына отвлечь отъ него родителей оказались безуспѣшными.

Въ трепетномъ страхѣ Владимиръ Семеновичъ понялъ свою виновность, какъ слѣдствіе своего эгоизма. Преобладающій въ немъ практическій уклонъ мышленій не учелъ обостренныхъ страданіями душевныхъ переживаній своихъ родителей, обреченныхъ на одиночество на чужбинѣ. Неутѣшными слезами просилъ онъ родителей простить его ошибку.

— Можетъ быть, вы переѣдете къ намъ, въ Парижъ? Ближе къ Колѣ, къ семьѣ...

Продолженіе на 10-ой страницѣ.

Въ Союзѣ Казаковъ-Комбатантовъ

28 марта въ Парижѣ состоялось подъ предсѣдательствомъ ген. Н. И. Татарина годовое общее собраніе союза. Собраніе было открыто Донскимъ Атаманомъ гр. М. Н. Граббе. На собраніи присутствовали представители войсковыхъ атамановъ ген. Н. И. Малышенко, ген. Г. П. Татоновъ и полк. Г. М. Астаховъ.

Прослушавъ доклады предсѣдателя правленія ген. С. Д. Позднышева, казначея войск. старш. А. П. Чукавова и предсѣд. ревиз. комиссіи ген. Н. И. Тарарина, — общее собраніе единодушно одобрило дѣятельность правленія и выразило ему благодарность, утвердило денежный отчетъ союза за истекшій годъ, одобрило и утвердило измѣненія и дополненія нѣкоторыхъ статей устава, приняло наказъ; одобрило инициативу правленія по устройству «казачьяго дома» и поручило продолжать сборъ средствъ на эту цѣль; постановило произвести замѣну членскихъ карточекъ, принявъ за образецъ карточку франц. нац. союза комбатантовъ и поручило правленію изыскать возможность для организаціи лѣтняго лагеря для молодыхъ казачатъ, а также и членовъ союза.

На мѣсто выбывшихъ въ 1936 г. членовъ правленія общее собраніе избрало: отъ донцовъ подъес. А. П. Падалкина и хор. П. В. Гусева и отъ астраханцевъ Г. Н Лаврентьева. Въ должности предсѣдателя ревиз. комиссіи — общее собраніе утвердило ген. Тарарина.

Общее собраніе постановило обратиться съ горячимъ призывомъ ко всѣмъ казакамъ — не распыляться по другимъ комбатантскимъ союзамъ но всѣмъ вливаться въ единую братскую казачью семью, памятуя, что только въ единеніи сила.

По ходатайству значительной группы казаковъ общее собраніе избрало Аббата Кенэ почетнымъ членомъ союза за его неизмѣнное, живое сердечное участіе къ казакамъ, за помощь, которую онъ оказываетъ казакамъ-студентамъ и за его великодушное стремленіе въ мѣрѣ силъ облегчить казачьи нужды, поручило правленію поднести ему дипломъ и членскую комбатантскую карточку.

ТУЛУЗА.

Въ Тулузѣ образована обще-казачья станица имени М. П. Богаевскаго. На организаціонномъ общемъ собраніи Атаманомъ избранъ С. Д. Турчаниновъ, помощникомъ его В. Н. Романовъ писаремъ С. Л. Латорцевъ и казначеемъ Е. П. Звѣздинъ.

Казачья жизнь

ДОНСКОЙ БАЛЪ

Собраніе Донскихъ и Общеказачьихъ организацій г. Парижа и его окрестностей, состоявшееся **27 января с. г. постановило устроить большой весенній Донской балъ** во всѣхъ залахъ меріи 15 арр. въ воскресенье 16 мая.

Донской Атаманъ гр. М. Н. Граббе согласился взять подъ свое покровительство устраиваемый балъ.

Въ устройствѣ бала принимаютъ участіе слѣдующія организаціи: Объединенія Л.-Гв. Казачьяго и Л.-Гв. Атаманскаго полковъ и Л.-Гв. Казачьей батареи; Атаманское Военное Училище; Донской Офицерскій резервъ; Союзы — Казаковъ Комбатантовъ, Донскихъ артиллеристовъ и Казачьихъ Войскъ; организаціи: Степняковъ-Партизанъ, Казаковъ Черкасскаго округа, Казаковъ 1-го Донского округа, Донскихъ кадетъ и Гундоровцевъ; станицы — Біанкурская, Студенческая и Калмыцкая; хутора — въ Осни, въ Клиши и въ Буржѣ; Касса взаимопомощи въ Біанкурѣ и Донской Дамскій Комитетъ.

15 февраля с. г. на собраніи названныхъ выше организацій избранъ Распорядительный Комитетъ въ составѣ: Предсѣдатель ген. З. С. Алпатовъ, его помощникомъ хор. П. В. Гусевъ, Секретаремъ подъесаулъ А. П. Падалкинъ, казначеемъ полковникъ В. М. Павловъ и членами комитета полк. Н. И. Медвѣдевъ, полк. Б. Ф. Дубенцевъ и есаулъ И. С. Дударевъ. Въ Ревизіонную Комиссію избраны — предсѣдателемъ ген. И. Н. Оприцъ и членами комиссіи полк. А. А. Леоновъ и подхор. Котушовъ.

Изъ чистаго дохода отъ бала 10% будетъ отчислено на организацію казачьяго дома въ Парижѣ ,а остальная сумма пойдетъ черезъ Донского Атамана и организаціи, принимающія участіе въ организаціи бала, на оказаніе помощи нуждающимся казакамъ и ихъ семьямъ.

Донской Дамскій Комитетъ, во главѣ съ его предсѣдательницей, супругой Донского Атамана гр. С. И. Граббе любезно согласился произвести для бала сборъ пожертвованій и оказать содѣйствіе въ организаціи на балу столовъ-лотереи, чайнаго, шампанскаго, крюшона и др.

Распорядительнымъ Комитетомъ принимаются мѣры къ обезпеченію бала прекрасной концертной программой, разнообразнымъ кабарэ, богатой лотереей и **какъ всегда непринужденнымъ весельемъ.**

...зънь во Франціи

Комитетомъ получено уже любезное согласіе на участіе въ концертѣ отъ Н. В. Плевицкой, Маріи Лаудонъ, Нади Мировой, Тани Стеноновой, А. Я. Скаржинскаго, Димы Усова и А. И. Лабинскаго.

Билеты по 15 фр. и по 10 фр. поступили въ продажу во всѣхъ казачьихъ организаціяхъ въ «Возрожденіи», Галлипол. Собраніи, въ книжн. маг. Сіяльской.

КОЛОМБЕЛЬ.

КАЗАЧЬЯ ШКОЛА.

При Калединской станицѣ въ Коломбелѣ (деп. Кальвадосъ) организована въ 1932 г. школа для дѣтей всѣхъ русскихъ тамъ проживающихъ. Благодаря самообложенію родителей, помощи станицы и дирекціи завода школа успѣшно развиваетъ свою работу. Ежегодно устраиваемые дѣтскіе спектакли и елки пополняютъ кассу школы и существующую при ней библіотеку.

Высоко полезное дѣло казачьей школы энергично поддерживается Предсѣдателемъ Распорядительнаго Комитета Войск. Старш. Сальниковымъ А. И. и его супругой Надеждой Андреевной, какъ безсмѣнной учительницы. Заболѣвшаго учителя В. В. Луковскаго теперь смѣнилъ Г. П. Дощечниковъ. Дѣтскіе спектакли устраиваются подъ руководствомъ А. А. Николаева.

Изъ письма казака жителя Коломбеля: «благодаря труду и умѣнью руководителей, школа поставлена на должную высоту. Если придется ѣхать въ Россію и Родные Края, то родителямъ не будетъ стыдно за своихъ дѣтей.»

Дѣйствительно, примѣръ достойный подражанія!

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ СТАНИЦЫ

Въ текущемъ учебномъ году въ нашу станицу вступили слѣдующие студенты-казаки: высш. технич. института Г. И. Быкадоровъ (Дон. В.), спеціальной авіаціонной школы С. Д. Позднышевъ (Дон. В.), «кур секондер де жен фій» Н. Б. Минаева (Кубанск. В.), «Эколь Віоле» А. Н. Чинчиновъ (Д. В.), Богословскаго Института: Н. В. Ливчакъ (Д. В.) и Я. И. Ширягинъ (Терск. В.).

ПАРИЖЪ.

Лекціи Обще-казачьяго Культурно-просвѣтительнаго отдѣла при Донскомъ Атаманѣ.

До настоящаго времени вышло изъ печати 8 лекцій: проф. Сперанскаго три лекціи: «Основы современнаго государства», «Понятіе о государственной власти», «Организація государственной власти»; проф. Хераскова: «Классическій міръ и Россія»; проф. Маркова три лекціи: «О населеніи въ СССР, его классовомъ раздѣленіи, и о сельскомъ хозяйствѣ въ СССР»; проф. Одинца: «Строители Московскаго Царства».

Готовятся къ печати: лекція проф. Одинца «Территоріальный ростъ Московскаго государства», лекція проф. Хераскова «Византійская Имперія въ 1-ую половину Среднихъ Вѣковъ», лекція проф. Сперанскаго: «Монархія и республика» и лекція проф. Стефановскаго: «Научная организація труда. Система Тейлора».

Цѣна каждой лекціи, какъ устной, такъ и письменной 2 фр.

ТРУА.

Обще - казачья Георгіевская станица 28 февраля переименована въ Донскую казачью имени Атамана Богаевскаго станицу въ г. Труа.

11 февраля въ городской больницѣ скончался казакъ Кубанскаго Войска Александръ Александровичъ Фолимоновъ, станицы Костромской. Послѣ покойнаго осталась безъ всякихъ средствъ вдова съ 3 дѣтьми. Проживающіе въ Труа казаки организовали для оказанія поддержки семьѣ комитетъ опекуновъ изъ гг. Руденко Савина и Торобукина.

МОНТАРЖИ.

На сборѣ 21 февраля Обще-казачьей станицы въ Монтаржи состоялись перевыборы правленія.

Избранными оказались: М. В. Леоновъ (Атаманъ), Т. М. Карнауховъ (помощникъ), И. С. Антюфеевъ (казначей), А. П. Каргальсковъ и Я. И. Подрѣзовъ (довѣренные); библіотекарь — М. К. Поповъ и его помощникъ — Е. Т. Ксеничъ; писарь — В. З. Меркуловъ.

Въ ревизіонную комиссію избраны: Д. И. Разинъ, Ф. М. Мироновъ, Ф. С. Бѣловъ и С. И. Дрынкинъ.

ГЕНЕРАЛЪ П. Х. ПОПОВЪ

Изъ Америки намъ сообщаютъ, что б. походный Атаманъ ген. П. Х. Поповъ тяжко заболѣлъ и въ одномъ изъ госпиталей г. Чикаго подвергся 3 операціямъ. Въ настоящее время больной чувствуетъ себя лучше и по мнѣнію врачей всякая опасность миновала.

Бѣлый Крестъ

(Продолженіе).

— Нѣтъ, сынокъ! Мы перекатили свое поле и докатились до своей смертной грани; мы ощутили таинство небытія и восприняли его. Въ станицѣ, у себя, мы еще могли бы служить какими-то моральными подпорками въ разрушающейся жизни, живя надеждой быть полезными хотя бы для того, чтобъ пересказать завѣты старины и указать на разумъ правды...

— Le diner est servi!.. — громко выкрикнулъ Коля изъ дома, приглашая на обѣдъ.

— Скорѣе ,скорѣе пойдемте, а то мадамъ будетъ недовольна. Ты же, сынокъ, — шептала мать, — приходи къ намъ вечеромъ чай пить; ты всегда любилъ малиновое варенье, я приберегла для тебя баночку. Для насъ такая радость побыть съ тобою лишнюю минуточку!..

Искреннее желаніе Владимира Семеновича провести вечеръ съ родителями, въ ихъ комнатѣ за чаемъ, не пришлось выполнить: Коля къ вечеру началъ жаловаться на боли въ желудкѣ и надо было оставаться около него.

Напрасно долго и безпокойно ожидали старики до глубокой ночи прихода сына.

— Остылъ чай, выплесни... Чего же, мать, ты все плачешь. Понятно, молодая жена и...

— Забылъ... И онъ забылъ насъ...

Глубокой осенью утреннее солнце отогрѣвало холодный увядшій садъ съ опустѣвшими деревьями, заснувшими въ покоѣ исполненнаго долга въ грезахъ о новомъ весеннемъ порывѣ къ жизни. Согрѣвало солнце и одинокихъ старичковъ на любимой ихъ скамейкѣ въ далекомъ углу и воскрешало воспоминанія о невозвратномъ прошломъ.

— Посмотри, вонъ на анисовкѣ одно яблочко осталось... Поблекшее, сморщенное, а держится... Видишь, паутинкой его затянуло съ вѣточкой... Вѣтеръ дунетъ, оно упадетъ... Глупенькое, отбилось отъ своихъ, захирѣло и пропадетъ, погибнетъ... Червячки съѣдятъ...

Люди природы, привыкшіе одухотворять ея явленія и часто ими руководствоваться въ жизни, старики Кудиновы, склонные теперь къ мистикѣ, соединили свою участь съ погибающимъ яблокомъ.

— Судьба это наша, Арсеничъ, судьба... Упадетъ яблочко и мы... Ну, и слава Богу!

Это найденное указаніе природы на близость ихъ смерти какъ бы еще глубже осмыслило и утвердило ихъ спокойное ожиданіе конца. Заботою дня стало теперь наблюденіе за этимъ яблочкомъ.

— Яблочко все еще держится... Подгниваетъ, а держится паутинкой; обобрать развѣ? Пусть само... Какъ Господу Богу угодно.

Утренніе заморозки все крѣпчали и крѣпчали. Въ одно утро яблочка не оказалось ни на деревѣ, ни подъ деревомъ.

— Вотъ и кончено! Унесли куда-то птички яблочко изъ подъ яблонки.

Первой слегла Екатерина Михайловна. Казалось, что было легкое недомоганіе, но черезъ три-четыре дня стало несомнѣннымъ, что дыханіе смерти близится. Вызвали изъ Парижа Владимира Семеновича съ семьей. Доктора у постели больной смѣнилъ православный священникъ. Семенъ Арсеничъ былъ очень суетливъ, но спокоенъ.

Казалось, что передъ лицомъ смерти жены онъ торопился выполнить заранѣе условленный планъ дѣйствій, самъ, безъ посторонняго вмѣшательства: о чемъ-то перешептывался съ женой, часто мѣнялъ бѣлье на больной, и вокругъ нея и даже на себѣ, слѣдилъ за лампадкой и кропилъ водой и подметалъ полъ.

— Ну и слава Богу! Все хорошо. Смотри же не забудь... — были ея послѣднія слова.

Безжизненно упали руки съ плечъ склонившагося надъ ней мужа.

Какъ бы по инерціи уже Семенъ Арсеничъ продолжалъ безсмысленную суетню около мертвой, повторяя:

— Вотъ и все... Все скончалось...

Въ этой суетливости старикъ случайно зацѣпился ногой за стулъ и упалъ, ударившись головой о полъ глухимъ, мертвящимъ стукомъ пустоты. Подняться старикъ уже не могъ. Похороны Екатерины Михайловны состоялись безъ его участія.

Сознаніе чего-то незаконченнаго, какъ не выполненнаго до конца долга передъ женой, глубоко мучило старика, скорбью разрушая его потухающую жизнь.

— Обманулъ старуху... Завезъ въ чужую землю, а ее и зарыли, не знаю гдѣ и какъ? Не разсказалъ надъ могилкой о похоронахъ, не посмотрѣлъ въ могилку и не попрощался, какъ условились... Прожили всю жизнь вѣрно и любовно, безъ обмановъ, а въ чужой сторонушкѣ взялъ, да и обманулъ... Покинулъ край родимый и ее обманулъ...

Мѣсяцемъ позже похоронили рядомъ съ женой и Семена Арсенича.

Какъ-то чуждо высится массивный, бѣлый могильный, русскій крестъ среди католическаго кладбища провинціальнаго городка Франціи, на эмалевой дощечкѣ котораго чернѣетъ надпись: Siméon et Katherine Koudinoff.

Чуждыя слова надписи упрекомъ грозному времени звучатъ въ чужихъ устахъ надъ русской могилой.

В. Крюковъ.

Казачьи встрѣчи

Повсюду принято считать приглашеніе на чашку чая, какъ встрѣчу «запросто», безъ всякихъ формальностей, среди своихъ знакомыхъ или близкихъ людей. Это какъ бы общій, встрѣчный взаимный визитъ. Хозяева, или устроители чашки чая стараются направить разговоръ по желанному руслу, привлекая къ нему вниманіе и участіе всѣхъ собравшихся. Въ такой формѣ общенія создается также «запросто» атмосфера радушія и интимности. Это то, что существенно и необходимо въ средѣ каждой небольшой казачьей организаціи и что должно бы достигаться такъ легко, принимая во вниманіе однородность этой среды. Принятая же форма казачьихъ общеній въ видѣ «общихъ собраній» съ предсѣдателемъ и звонкомъ, секретаремъ и протоколомъ, съ выступленіями «по существу вопроса», когда всякій высказывающійся обращается въ «предыдущаго оратора», и даже съ выводными на случай скандала въ оппозиціи, — вообще всѣхъ тѣхъ принудительныхъ формъ, нужныхъ для собраній парламентскаго типа, — напрасно затрудняетъ своею принудительною формальностью скромныя рамки казачьей общественности. Конечно, въ ней есть свои формальности, какъ перевыборы и отчеты, вызывающіе необходимость общаго собранія, но форма общенія и сближенія между своими членами, что составляетъ основу казачьей общественности слѣдовало бы проводить внѣ всякихъ принудительныхъ формальностей, обременительныхъ и никому не нужныхъ въ маленькомъ масштабѣ нашихъ дѣлъ. Возможно, что этотъ совѣтъ не примѣнимъ къ политической работѣ, когда для нея есть возможность и дѣло, ясно ведущее къ цѣли ,безъ которыхъ эта работа является кустарнымъ, любительскимъ занятіемъ.

Студенческая казачья станица издавна усвоила «чашку чая», какъ форму общенія между своими членами и ихъ гостями.

Послѣднее собраніе «чашки чая» (7 февр. с. г.) еще разъ наглядно подтвердило правильность такой постановки дѣла. Въ большомъ хорошо декорированномъ и уютномъ залѣ, гдѣ собралось 75 человѣкъ, сразу же установилась та атмосфера простоты и радушія, которая удовлетворила и тѣхъ, кто пришелъ сюда для встрѣчъ съ друзьями и бесѣды, и тѣхъ кто интересовался объявленной темой собранія «чашки чая». Пушкинскіе юбилейные дни и пятилѣтіе журнала «Станица» были умѣстно и удачно отмѣчены здѣсь краткими докладами. Кромѣ того, студенческая станица преподнесла Аббату Кенэ художественной работы адресъ (худ. П. М. Поляковъ) въ благодарность за широко оказываемую помощь (фотографія адреса помѣщена въ журналѣ).

Въ блестящей по формѣ и содержанію рѣчи на французскомъ языкѣ, Аббатъ Кенэ, извѣстный во Франціи знатокъ Россіи Пушкинской эпохи, изложилъ тѣ особенности въ матеріалахъ по изученію Пушкина, которыя остаются малоизслѣдованными, а затѣмъ, уже на русскомъ языкѣ привѣтствовалъ Донского Атамана съ супругой и многочисленное собраніе казаковъ, среди которыхъ было немало казачекъ-француженокъ, констатируя тѣмъ «родственное единеніе» между русскими и французами.

Чашка чая наполнялась послѣ виномъ и даже шампанскимъ подъ музыку, танцы, и конечно, пѣніе казачьихъ пѣсенъ, что способствовало теплотѣ взаимнаго общенія. Маленькая казачка Людмила, дочь члена нашей станицы Д. С. Романова, прекрасно станцовала «казачка» и «русскую», заслуживъ дружные аплодисменты. Увеличивающійся успѣхъ студенческой «чашки чая» вызываетъ желаніе повторять ее чаще.

Среди присутствующихъ Донской Атаманъ гр. Граббе въ тостѣ поздравилъ казаковъ-студентовъ за успѣхъ въ ихъ плодотворной работѣ, имъ высоко цѣнимой; супруга Дон. Ат. графиня С. И. Граббе, Аббатъ К. Кенэ, докт. И. С. Чекуновъ, замѣст. Куб. Ат. ген. Н. И. Малышенко, ген. И. Г. Акулининъ, Предс. Правленія Союза Каз. Комб. ген. С. Д. Позднышевъ, ген. З. С. Алпатовъ, ген. И. Н. Коноводовъ и др.

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО НА ТИХОМЪ ДОНУ

1918 годъ. — Старики Вешенской станицы подносятъ хлѣбъ-соль Донскому Атаману П. Н. Краснову.

Многоуважаемый Господинъ Аббатъ!
Общее собраніе Студенческой Казачьей Станицы (31 янв. 1937 г.) единодушно постановило привѣтствовать Васъ, Господинъ Аббатъ, какъ Покровителя Казачьей Студенческой Молодежи.
Въ этотъ Юбилейный Годъ А. С. Пушкина, который былъ однимъ изъ первыхъ Проводниковъ Западной Культуры въ Россію, мы здѣсь, съ особымъ чувствомъ Признательности въ вашемъ лицѣ, какъ Знатока Пушкинской Эпохи Русской жизни, глубоко чтимъ Францію, какъ Колыбель этой Культуры за ея свободолюбивое и благодѣтельное вліяніе на Человѣчество.
Примите также нашу глубокую Благодарность за Вашу помощь въ дѣлѣ Издательства нашего Журнала Станица, который, въ теченіе Пяти лѣтъ, регулярно служитъ моральной и культурной связью въ средѣ разбросаннаго по свѣту Казачества.

Monsieur l'Abbé,
La Réunion Générale de la Stanitza des Etudiants Cosaques, en date du 31 janv. 1937 a unanimement décidé de saluer en vous, Monsieur l'Abbé, le Bienfaiteur de la Jeunesse Cosaque Universitaire.
En cette année du Jubilé de A. S. Pouchkine l'un des premiers Guides de la Culture Occidentale en Russie, nous exprimons, en Votre Personne, nos Sentiments Profonds de Reconnaissance envers la France, Berceau de cette Culture, pour sa Libéralité, sa Générosité et sa Bienfaisante Influence sur l'Humanité. Votre Erudition profonde de l'Epoque de Pouchkine témoigne de Votre Dévouement à la Russie, et de Votre Bienveillance envers nous.
Nous Vous prions d'accepter également notre Gratitude pour l'Aide apportée par Vous dans l'édition de notre Journal Stanitza qui, depuis cinq ans, sert de Lien moral et intellectuel entre les émigrés Cosaques, dispersés dans le monde entier.

Président de la Réunion Générale
Ataman de la Stanitza

Адресъ, преподнесенный Аббату Кенэ на «чашкѣ чаю» студентовъ-казаковъ.

РѢЧЬ СТУДЕНТА В. Н. ТАРАРИНА
отъ имени группы студентовъ-казаковъ на «чашкѣ чаю».

Отмѣчаемый нынѣ пятилѣтній срокъ регулярнаго выпуска нашего журнала «Станица», конечно, не юбилейный, но если принять во вниманіе наше эмигрантское состояніе и нашу небольшую студенческую организацію, усиліями которой журналъ издается, то и этотъ срокъ произведенной работы весьма значителенъ и не только для нашей студенческой среды, но и для всего разсѣяннаго по свѣту казачества.

Мы не имѣемъ помысла преувеличивать это значеніе. Журналъ не имѣетъ политическихъ цѣлей руководства въ казачьей эмиграціи. И если отсутствіе политики дѣлаетъ его безвкуснымъ для нѣкоторыхъ, то у насъ въ силу этого нѣтъ и враговъ, что способствуетъ главному назначенію журнала — быть вспомогательнымъ, связующимъ элементомъ среди казаковъ, и тѣмъ служить ихъ единенію. Мы стараемся способствовать связи моральной между людьми одной культуры, одного быта, общихъ интересовъ и надеждъ, и всего того, что духовно объединяетъ нашу казачью семью. Мы способствуемъ связи культурной изъ міровогo центра съ

периферіей казачьяго разсѣянія и связи практической, дѣловой, путемъ оповѣщеній, разъясненій и совѣтовъ.

Тяготеніе къ общенію и связи въ казачьей эмигрантской средѣ наглядно подтверждается обиліемъ попытокъ къ его организаціи печатныхъ органовъ, по несчастью недолговѣчныхъ въ силу бѣженской бѣдноты. Это же стремленіе къ общности оправдываетъ многочисленность бытовыхъ казачьихъ организацій, преслѣдующихъ по своему, но все же въ сущности одну и ту же цѣль. Мы вѣримъ въ глубину внутренняго единства мысли и чувства казаковъ и потому практическія ошибки въ его внѣшнемъ выявленіи насъ не смущаютъ какъ нѣчто непоправимое. Мы рады поэтому всякому усилію къ укрѣпленію этого единства.

Наше усиліе при помощи журнала «Станица» служитъ той же цѣли. Конечно, длительная періодичность журнала (3 мѣсяца) есть его недостатокъ, и мы надѣемся его исправить, но его значительная заслуга есть въ пятилѣтней непрерывности и регулярности, несмотря на всѣ наши затрудненія.

А сколько этихъ затрудненій...

Не вдаваясь въ подробности финансоваго характера, о которыхъ такъ точно освѣдомленъ Аббатъ Кенэ, издательство и редактированіе журнала создаютъ очень большую работу, а принимая во вниманіе, что всѣ сотрудники по журналу въ большинствѣ своемъ рабочіе и служащіе на фабрикахъ и заводахъ, отдающіе безкорыстно ему урывки своего отдыха, вы можете себѣ представить всю совокупность затрудненій при выпускѣ каждаго номера «Станицы». Но это не жалоба. Эта работа даетъ большое удовлетвореніе. Кромѣ чувства сознанія выполняемаго долга, отрадно отмѣтить казачью отзывчивость на все то, что есть свое — казачье.

Радуетъ насъ также вниманіе къ нашему журналу со стороны большихъ русскихъ писателей, которые время отъ времени помѣщаютъ въ немъ свои труды: Абданкъ-Коссовскій, Купринъ, Лукашъ, Рощинъ, Евгеній Тарусскій, Тэффи, Шмелевъ, Гофманъ...

Хорошо извѣстный путь къ казачьей душѣ и сердцу мы находимъ въ произведеніяхъ нашихъ казачьихъ писателей, поэтовъ, журналистовъ, военныхъ и общественныхъ дѣятелей, историковъ и публицистовъ: Болдыревъ, Воротынскій Крюковъ, Биркинъ, Игорь Воиновъ, Николай Туровѣровъ, Пузановъ, Будановъ, ген. Акулининъ, ген. Барановъ, ген. Черячукинъ и мн. др.

Всѣмъ имъ мы шлемъ сердечную благодарность за ихъ безкорыстный трудъ. Особое же чувство признательности мы просимъ принять Аббата Кенэ за его помощь и сотрудничество.

Вся тяжесть кропотливой работы по журналу и его редактированію несетъ атаманъ студенческой станицы Гусевъ, энергіей, умѣньемъ и трудоспособностью котораго обезпеченъ успѣхъ не только по журналу и его редактированію, но и всего дѣла студенческой станицы въ Парижѣ, съ хорошо налаженными отношеніями среди казачьихъ организацій.

Ему и правленію станицы за ихъ дѣятельность нашъ дружескій привѣтъ и благодарность.

Не забудемъ также основную тринадцатилѣтнюю работу студенческой станицы въ Парижѣ, съ помощью которой и при дѣятельномъ участіи ея почетнаго казака аббата Кенэ, болѣе сотни молодыхъ казаковъ окончили высшія учебныя заведенія во Франціи, для чего было изыскано за истекшее время около 200.000 франковъ.

Итогъ полезной дѣятельности студентовъ-казаковъ весьма значителенъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ «СТАНИЦЫ».

Въ теченіе сего года дважды увеличивались расходы по изданію нашего журнала въ связи съ повышеніемъ цѣнъ на бумагу и на типографскіе расходы. Всѣ существующія во Франціи издательства уже повысили стоимость газетъ и журналовъ (нѣкоторыя уже по два раза) во избѣжаніе убытковъ и, какъ послѣдствіе ихъ, прекращенія своей дѣятельности. «Станица» только теперь вынуждена прибѣгнуть къ этой мѣрѣ въ силу настоятельной необходимости, установивъ съ № 22 журнала стоимость номера въ 2 фр. 50 сант.

Мы убѣждены, что наши друзья-читатели и распространители журнала не преслѣдующаго никакихъ матеріальныхъ цѣлей и посвятившаго себя службѣ культурной и духовной связи зарубежнаго казачества, поймутъ вынужденное увеличеніе стоимости журнала, какъ стремленіе сохранить его существованіе ,послѣ 5-лѣтняго регулярнаго выхода «Станицы», и въ дальнѣйшемъ.

Объявленный въ нашемъ журналѣ, въ № 21, конкурсъ для казаковъ-литераторовъ и анкета среди нихъ, получилъ рядъ откликовъ изъ разныхъ странъ. Разсказы и др. произведенія казачьихъ литераторовъ, присланныя для конкурса до 1 іюня с. г. будутъ напечатаны въ № 23 «Станицы».

M. Goussef, 7, rue Jobbé-Duval, Paris 15°.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІ И КОНТОРЫ ЖУРНАЛА:

Ученическій отдѣлъ Парижской Студенческой Казачьей Станицы

Дѣти казаковъ-эмигрантовъ во Франціи въ большинствѣ случаевъ посѣщаютъ французскія школы гдѣ, проводя цѣлые дни, воспринимаютъ съ дѣтской впечатлительностью все французское: языкъ, обученіе, воспитаніе, традиціи и навыки. Эти дѣти зачастую лишены даже возможности общенія со своими родителями, обычно занятыми тяжелой работой. Все русское для такихъ русскихъ дѣтей почти недоступно. Этотъ практическій раздѣлъ между родителями и дѣтьми — печальное явленіе эмигрантскаго существованія. Практика можетъ угрожать чувству.

Русская общественность въ Парижѣ дѣлаетъ не мало усилій въ борьбѣ съ этимъ явленіемъ: созданы дѣтскіе сады, русскія школы, воскресныя занятія, уроки по русскимъ предметамъ во французскихъ школахъ, русская гимназія, и т. п. Но практика жизни все же сильнѣе этихъ усилій часто малодоступныхъ для большинства.

Организуя ученическій отдѣлъ Студенческая казачья станица, конечно, не беретъ на себя рѣшенія этого сложнаго вопроса, а только посильно будетъ изыскивать возможности для приближенія дѣтей казаковъ къ своему быту къ своей исторіи, и, можетъ быть, для помощи въ образованіи. Кромѣ установленныхъ формъ русской общественностью, для этого студенты- казаки находятъ цѣлесообразнымъ устраивать совмѣстныя собранія съ дѣтьми въ своей казачьей средѣ привлекая дѣтей-учениковъ къ сотрудничеству по работѣ въ казачьей нашей организаціи и въ журналѣ «Станица».

Согласно количества дѣтей въ ученическомъ отдѣлѣ, мы выработаемъ программу нашего сотрудничества и Аббатъ Кенэ обѣщалъ намъ поддержать это начинаніе своими совѣтами бывшаго русскаго студента, искренно расположеннаго къ казачьей молодежи.

Мы обращаемся съ предложеніемъ ко всѣмъ родителямъ-казакамъ, проживающимъ во Франціи (а не только къ членамъ станицы), имѣющихъ дѣтей школьнаго возраста (отъ 7 лѣтъ) дать отзывъ объ этой мысли. При этомъ мы организуемъ отдѣлъ корреспонденціи для дѣтей, находящихся внѣ Парижа, а въ нашемъ журналѣ мы дадимъ мѣсто для «ученическаго отдѣла».

Корреспонденцію по всѣмъ затронутымъ здѣсь вопросамъ просимъ направлять въ адресъ редакціи журнала.

Изъ недавняго прошлаго

1918-й ГОДЪ. НОВОЧЕРКАССКЪ.

Донское Правительство и Союзники.

Казаки-инвалиды на Шипкѣ

82 казака-инвалида, объединенные въ Сергіевскую казачью станицу, много лѣтъ призрѣваются въ русскомъ инвалидномъ домѣ на Шипкѣ. Станица состоитъ изъ донцовъ, кубанцевъ и терцевъ, въ большинствѣ глубокихъ стариковъ. Болѣе молодые — совершенные калѣки, неспособные къ труду.

Союзъ русскихъ инвалидовъ въ Болгаріи по мѣрѣ своихъ скудныхъ средствъ обезпечилъ нашимъ несчастнымъ собратьямъ кровъ и скромную пищу. Только традиціямъ большой зарубежной русской семьи военныхъ инвалидовъ и по завѣтамъ основателя Союза терскаго казака ген. Н. Н. Баратова — «въ единеніи наше спасеніе, въ расколѣ наша гибель» — обязаны и наши казаки инвалиды тому, что лишенные возможности зарабатывать себѣ на кусокъ хлѣба, они не остались подъ открытымъ небомъ и не ходятъ по чужимъ землямъ и чужимъ людямъ съ протянутой рукой...

Но сколько еще насущныхъ, повседневныхъ нуждъ остается по отсутствію должныхъ средствъ неудовлетворенныхъ! Маленькихъ и незамѣтныхъ, какъ будто, но дѣйствительно насущныхъ: скромный гардеробъ изнашивается, снашивается обувь, поставить хотя бы подметки, совсѣмъ плохо съ бѣльемъ; нѣтъ мыла, нитокъ, конвертовъ, бумаги, почтовыхъ марокъ. Не приходится и мечтать скромно разговѣться послѣ заутрени, встрѣтить свѣтлый праздникъ.

Если самое главное для нашихъ казаковъ-инвалидовъ Союзъ дѣлаетъ все, что въ его силахъ, то въ этихъ маленькихъ нуждахъ на склонѣ жизни нашихъ дѣдовъ должны помочь зарубежные казаки, имѣющіе хотя бы самый скромный заработокъ.

Время отъ времени небольшія суммы посылаются на Шипку изъ Парижа, отъ союза казаковъ-комбатантовъ, отъ секціи казаковъ комбатантовъ въ деп. Кальвадосъ, возглавляемой войсковымъ старшиной М. В. Кузнецовымъ и отъ казаковъ, проживающихъ въ С. Америкѣ. Но всего этого для группы въ 82 человѣка мало.

Не найдутся ли добрыя души среди читателей «Станицы», пожелавшія бы по мѣрѣ возможности скрасить остатокъ дней нашимъ престарѣлымъ казакамъ-инвалидамъ?

Списокъ жертвователей будетъ опубликованъ въ слѣдующемъ номерѣ нашего журнала, а собранная сумма будетъ переведена на Шипку.

Главное: отзовитесь не стѣсняясь размѣромъ Вашей лепты. Мелкія суммы можно пересылать и почтовыми франц. марками въ простомъ письмѣ.

Пожертвованія просимъ направлять въ адресъ редакціи «Станицы».

П. Гусевъ.

НѢМЫЕ СВИДѢТЕЛИ СѢДОЙ КАЗАЧЬЕЙ СЛАВЫ

Войсковыя регаліи на Соборной площади въ Новочеркасскѣ.

НОВАЯ КНИГА Н. ТУРОВѢРОВА.

Редакція «Станицы» сообщаетъ, что лѣтомъ с. г. выйдетъ изъ печати новая **Книга Стиховъ** талантливаго поэта-казака и нашего долголѣтняго сотрудника, **Николая Туровѣрова.**

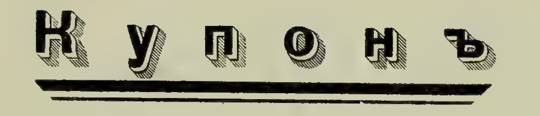
Цѣна сборника по предварительной подпискѣ 5 франковъ. Подписка принимается въ редакціи «Станицы».

Imprimerie Crozatier. 3, Impasse Crozatier. Paris 12e Le Gérant: Ch. Quénet.

Для отзыва

Въ редакцію газеты «Последнія Новости»

Отвѣтъ на конкурсъ *„Станицы“* для Казаковъ-литераторовъ.

Съ отсылкой по адресу: **M-r Gousseff, 7, Jobbé-Duval. Paris (15e)**

Лучшимъ изъ помѣщенныхъ въ № 23 журнала „Станицы“ произведеній **считаю:**

Подпись съ указаніемъ имени, отчества, фамиліи, адреса, Станицы и Войска.

„ “..................................1937 г.

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

«STANITZA» 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 23 ІЮЛЬ 1937 Годъ изданія 6-й

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРСЪ „СТАНИЦЫ"

Отъ Редакціи

Въ этомъ номерѣ помѣщены произведенія зарубежныхъ казаковъ - литераторовъ, откликнувшихся на объявленный «Станицей» конкурсъ.

По условіямъ конкурса всѣ произведенія подписаны псевдонимами.

Ко всѣмъ подписчикамъ и читателямъ журнала редакція обращается съ просьбой сообщить, какое изъ помѣщенныхъ здѣсь произведеній считается наилучшимъ. Въ порядкѣ большинства голосовъ будутъ распредѣлены три преміи: 1-я — 250 фр.; 2-я — 150 фр. и 3-я — 100 фр.

Результаты конкурса и имена получившихъ преміи будутъ опубликованы въ № 24 «Станицы».

Для присылки въ редакцію отзыва, просьба воспользоваться приложеннымъ при семъ купономъ до 1 октября с. г.

Особая наша просьба къ г.г. предсѣдателямъ казачьихъ организацій, получающихъ «Станицу» для распространенія, оказать содѣйствіе нашему конкурсу, собравъ отзывы отъ лицъ, пріобрѣвшихъ у нихъ этотъ номеръ и прислать ихъ въ адресъ редакціи.

СТАНИЧНИКИ! ИСПОЛНИТЕ ВАШЪ МОРАЛЬНЫЙ ДОЛГЪ ПЕРЕДЪ КАЗАЧЬИМИ ПОЭТАМИ И ПИСАТЕЛЯМИ, И ОТКЛИКНИТЕСЬ ВСѢ НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРСЪ!

РОССОШАНСКІЙ

Стихотвореніе

Минуя грозныхъ стѣнъ Азова,
Поднявъ косые паруса,
Въ который разъ глядѣли снова
Вы на чужія небеса?
Который разъ въ открытомъ морѣ,
Съ уключинъ смывъ чужую кровь,
Несли вы дальше смерть и горе
Въ туманъ турецкихъ береговъ.
Но и средь васъ не видѣлъ многихъ
Плывущій сзади атаманъ,
Когда межъ береговъ пологихъ
Вашъ возвращался караванъ.
Ковры Царьграда и Дамаска
Въ Дону купали коюки;
На низкой пристани Черкасска
Васъ ожидали старики;
Но прежде чѣмъ дѣлить добычу,
Вы лучшій камень и коверъ,
Блюдя прадѣдовскій обычай,
Несли торжественно въ соборъ
И прибавляли вновь къ оправѣ
Иконъ сверкающій алмазъ,
Чтобъ сохранить казачей славѣ
Навѣки ласку Божьихъ глазъ.

Россошанскій

КАЗАЧКА МАРІЯ

Ночная бесѣда

Плелъ узоръ разнузданныхъ мелодій
Надоѣвшій неизбѣжный джазъ.
На безпутномъ человѣчьемъ сбродѣ
Отдохнуть не могъ усталый глазъ.
Въ ласкѣ танца трепетали плечи,
Доносился нѣжно шелка хрустъ,
И свободой прихоти отмѣченъ
Этотъ міръ влекущихъ женскихъ устъ.
Серебрились искорки въ бокалѣ.,
Жало сердце терпкое вино.
А мгновенья жизни исчезали,
Безпрестанно капали на дно...
Равнодушны къ праздничному гулу
Четверо сидѣли за столомъ.
Кралась Грусть, скользя отъ стула къ стулу,
Шевеля надломленнымъ крыломъ...
Какъ родная женщина шептала
Только имъ обрывки вѣчныхъ словъ
И рукой прозрачной разбирала
Пряди темныхъ и сѣдыхъ головъ.
Одному глядѣла долго въ очи,
Пододвинувъ налитый бокалъ.
— Стала жизнь опять на годъ короче,
Мягкій голосъ медленно сказалъ. —
— Вотъ и полночь. Значитъ, съ новымъ годомъ,
Дорогіе старые друзья!
Поманивъ, мелькнули мимоходомъ
Молодость и счастье бытія.
— Домъ, любовь и замыслы героя —
Все пропало гдѣ-то за бугромъ.
А кругомъ такое все чужое, —
Хорошо, что мы здѣсь вчетверомъ!
— Такъ вздохнемъ о миломъ втихомолку,
Посидимъ бокъ - о - бокъ до утра.
Всѣ мы нынѣ — прошлаго осколки,
Мы — Гвардейской Школы юнкера!
— Какъ не вспомнить сквозь сплошное горе,
Сквозь безумный неизжитый чадъ
Облеченный въ сѣверныя зори
Несравненный гордый Петроградъ!
— Какъ во снѣ мнѣ видятся парады,
Нашихъ войскъ стальная красота,
Много строфъ шутливой «Звѣріады»
И сейчасъ приходитъ на уста.
— Съ той поры мы всѣ, гонимы рокомъ,
Разошлись надолго, кто - куда,
Но въ престольномъ городѣ далекомъ
Часть души осталась навсегда.
— Въ тѣхъ столѣтнихъ узковатыхъ залахъ,
Гдѣ когда-то Лермонтовъ бродилъ,
Дружба насъ невидимо связала,
А война — нашъ общій лозунгъ былъ.
— Мы слонялись по дорожкамъ сквера,
Гдѣ Поэтъ въ гранитѣ, какъ въ стихахъ.
Насъ прельщала доля офицера —
Послужить за совѣсть, не за страхъ.
— И мечта сбылась: мы послужили!
Пусть о томъ разскажетъ глушь Карпатъ.
А потомъ насталъ чередъ насилій,
Оскорбленій жгучихъ и утратъ...
— Долго мы не знали другъ о другѣ,
Но пути у всѣхъ у насъ сошлись.
Говорить ли о геройскомъ Югѣ,
О скалѣ, съ которой сорвались?
— Смерть смѣялась, рой надеждъ разсѣявъ.
Но встаютъ изъ пропасти годинъ
Тѣ же всѣ: Корниловъ, Алексѣевъ
И донской нашъ рыцарь — Калединъ!
— Гибло все, что честно и красиво...
И когда мы кровью изошли
Насъ къ чужимъ, невѣдомымъ проливамъ
Увезли родные корабли...
— Подѣлиться горем часто не съ кѣмъ,
Но сегодня сердце отведу!
Гдѣ-то Донъ струится съ мѣрнымъ плескомъ
И тоскуетъ иволга въ саду...
— По глубокимъ балкамъ дремлютъ кости
Незабвенныхъ братьевъ - партизанъ,
А могилы близкихъ на погостѣ
Стережетъ разросшійся бурьянъ...
— И о той, что сгинула безслѣдно,
Что унесъ въ тѣ дни кровавый шквалъ
Думалъ я, въ бездомной жизни бѣдной
Наши встрѣчи жадно вспоминалъ...
— Но теперь я сталъ почти счастливымъ:
У меня есть вѣрная жена!
Въ ней — мечты, восторги, переливы,
Въ ней — просторъ, и страсть, и глубина...
— Ваша жизнь течетъ тусклѣй, безвѣстнѣй
За рулемъ, въ гаражѣ, у станка, —
Я жъ въ изгнаньи обвѣнчался съ Пѣсней,
Отдалъ ей свободу казака!
— Я ее не разъ возилъ за море,
Ей нашелъ безчисленныхъ друзей.
Хорошо въ могучемъ русскомъ хорѣ
Пѣть другимъ о родинѣ своей!
— Пѣсней я Россію прославляю,
Къ ней любовь вовѣкъ не потушу,
За нее бокалъ свой подымаю
И единымъ духомъ осушу!

«Ты и раньше былъ чуть - чуть поэтомъ,
«Нашъ донской залетный соловей!
«Но и я съ тобой согласенъ въ этомъ:
«Съ пѣсней жить и лучше и теплѣй!
«Пью и я съ тобой за нашу Школу,
«Намъ ее — ты правъ — не позабыть,
«И за подвигъ свѣтлый , но тяжелый,
«Что придется, можетъ быть, свершить.
«Мнѣ сейчасъ и радостно и больно —
«Столько ты видѣній воскресилъ!
«Вѣдь и насъ, сыновъ Кубани вольной,
«Благородный подвигъ вдохновилъ!
«Вѣдь и мы тогда рукою смѣлой
«Свѣточъ въ тьму кромѣшную несли,
«Умирая за святое дѣло,
«За спасенье родины вдали!
«Тѣхъ, что къ намъ пробились изъ Ростова
«Велъ тогда любимый изъ вождей
«Мы за нимъ идти были готовы
«На край свѣта — не на край степей!
«Мы впивали съ жадностью горячей
«Повѣсть о Походѣ Ледяномъ.
«Гдѣ Корниловъ, тамъ всегда — удачи,
«Тамъ всегда — побѣда надъ врагомъ!
«Жажда штурма всѣхъ одушевляла, —
«Былъ бы взятъ Екатеринодаръ!
«Но судьба уже приготовляла
«Намъ зловѣщій, тягостный ударъ...
«Не въ бою открытомъ смерть сразила
«Дорогого, славнаго вождя:
«Отъ шальной гранаты палъ Корниловъ,
«До великой цѣли не дойдя!
«И теперь, когда все, все — иное,
«И такъ много въ прошломъ ужъ мертво,
«Эта гибель не даетъ покоя,
«И вопросъ терзаетъ: отчего?
«Много я испробовалъ призваній,
«Много видѣлъ горя и труда,
«Но моментъ, когда ушелъ за грани
«Не забыть нигдѣ и никогда!..
«Скоро утро. Заведу машину,
«Оборву воспоминаній нить
«И кого придется буду чинно
«По угламъ Парижа развозить!
«Надо думать о насущномъ хлѣбѣ, —
«Такъ всегда, давно, изъ года въ годъ.
«Что жъ, друзья, — за нашъ нескладный жребій,
«Разъ намъ Богъ другого не даетъ!»

— Богъ пошлетъ, — промолвилъ третій: вѣрю,
Что итоги не подведены,
Что изъ края въ край я вновь измѣрю
Всѣ тропы родимой стороны,
— Что моя не кончена задача,
Что я снова гдѣ-то пригожусь
И своею вѣрностью казачьей
Охраню ее, святую Русь!
— Сколько жертвъ ей въ прошломъ принесли мы —
Не узнать объ этомъ никому!
Иногда бываетъ нестерпимо
Вспоминать утраты одному...
— Я душой съ тобой былъ на Кубани,
Я душою съ нимъ былъ на Дону,
И кусокъ своихъ переживаній
Передъ вами тоже разверну.
— Наше войско къ морю отступало
Ослабѣвъ въ безчисленныхъ бояхъ.
Надо было уходить съ Урала,
Чтобы жизнь сберечь въ чужихъ краяхъ.
— Разорялось древнее приволье,
Насѣдалъ окрѣпшій супостатъ.
Всѣ, кто могъ, ушли съ душевной болью,
Захвативъ казачекъ и ребятъ.
— Этотъ день я помню, какъ сегодня.
Гдѣ-то плылъ орудій смутный гулъ.
Во главѣ остатковъ вѣрной сотни
Я въ свою станицу завернулъ.
— По дворамъ старухи причитали,
Завывали брошенные псы.
Сколько было рѣжущей печали
На душѣ въ послѣдніе часы!
— Съ безотчетной тайною тревогой
Я прошелъ въ отцовскій кабинетъ
И сказалъ, что надо въ путь - дорогу
Потому что избавленья нѣтъ.
— Въ тихомъ взглядѣ было столько ласки,
Столько было въ голосѣ любви!
«Уходи», сказалъ онъ: «безъ опаски,
«Но отца съ собою не зови. —
— «Старика въ отставкѣ, на покоѣ,
«Врядъ ли кто захочетъ обижать.
«Тяжело разстаться мнѣ съ землею,
«Гдѣ твою похоронили мать.
— «И свое гнѣздо я не покину, —
«Можетъ быть, уйдутъ отъ насъ враги.
«Ты жъ иди, родной мой, на чужбину,
«Честь свою казачью береги!
— Много лѣтъ легло на эти плечи.
«Своей волей я ихъ не продлю.
«За себя предъ Богомъ самъ отвѣчу,
«А тебя на жизнь благословлю.»
— Какъ прощались — говорить не буду.
Страшный путь прошелъ я до конца.
А въ живыхъ остался только чудомъ,
По молитвѣ стараго отца!
— Мое горе видитъ Богъ единый:
Я потомъ узналъ отъ земляковъ,
Что отца заложникомъ за сына

Извели въ подвалахъ Соловковъ... —
Всѣ въ молчаньи головы склонили
Передъ мукой незабытыхъ дней.
А потомъ читать страницы были
Продолжалъ четвертый изъ друзей. —

«Старый міръ безумьемъ уничтоженъ.
«Что любили — превратилось въ прахъ.
«И у насъ въ Сибири было то же,
«Только шире край — сильнѣй размахъ.
«За Россію такъ же мы болѣли
«И готовы были все отдать,
«И любовь и жертвенность на дѣлѣ
«Подъ огнемъ сумѣли доказать.
«Были дни, когда мы испытали,
«Какъ мечты сбывались наяву,
«Прогремѣвъ со славой на Уралѣ,
«И стремясь сразиться за Москву...
«И дошли... дошли до самой Волги,
«Но — увы — не разсчитали силъ!
«А потомъ — путь отступленья долгій
«Наши лавры трауромъ повилъ...
«И у насъ старухи въ горькомъ плачѣ
«Провожали милыхъ сыновей.
«Изъ краевъ и мы ушли казачьихъ
«Распростившись съ вольностью своей.
«Насъ судьба терзала все свирѣпѣй,
«Помогая нашему врагу.
«Мы прошли Барабинскія степи
«И вступили въ дикую тайгу.
«На снѣгу порой валялись трупы.
«Волчій вой унынье наводилъ,
«А глаза глядѣли какъ-то тупо,
«Ничего не видя впереди.
«За частями двигались обозы
«Безобразной длинною змѣей:
«Месть нависла вѣрною угрозой
«Надъ любой оставшейся семьей.
«Пробирались, стыли, голодали
«Въ сердцѣ ропотъ крѣпко затаивъ,
«Звѣрской пыткѣ гдѣ-нибудь въ подвалѣ
«Предпочтя лишенья, страхъ и тифъ...
«И, отставъ, вдали, за нами слѣдомъ
«Съ бѣглецами ѣхала жена.
«Это все казалось просто бредомъ —
«Такъ бы вотъ очнулся ото сна!
«Казаки ушли, готовы къ бою
«И въ порядкѣ стройномъ за Байкалъ.
«Гдѣ мнѣ было встрѣтиться съ женою?
«Я ее безслѣдно потерялъ!
«А потомъ мнѣ люди разсказали —
«Какъ каленой сталью душу жгли —
«Что ее въ дорогѣ въ плѣнъ забрали
«И въ тюрьму съ другими увезли.
«Только годъ, какъ были мы женаты,
«Но пришлось ужъ много испытать...
«Я рѣшилъ пробраться въ станъ проклятый,
Чтобъ ее, родную, отыскать.
«Всѣ меня считали обреченнымъ,
«Всѣ кругомъ жалѣли земляка.
«Но рѣшенье было непреклонно,
«И такъ сильно мучила тоска!
«Безъ погонъ, въ истрепанной шинели
«Съ клочковатой дикой бородой
«Я все шелъ, не унывая, къ цѣли,
«Сговорившись съ доброю Тайгой.
«Я въ Иркутскъ пришелъ совсѣмъ открыто,
«Въ грудь мою не забирался страхъ.
«Днемъ ходилъ бродягой неумытымъ,
«Ночью спалъ въ канавахъ и въ хлѣвахъ.
«И на слѣдъ друзей ея дорожныхъ,
«Наконецъ, случайно я напалъ,
«Свою тайну выдалъ осторожно
«И отъ нихъ все - все о ней узналъ...
«Я узналъ, но только слишкомъ поздно,
«Что въ жару она меня звала
«И въ тюрьмѣ, въ баракѣ для тифозныхъ
«Одиноко, трудно умерла...
«Я найти безкрестную могилу
«На ужасномъ кладбищѣ не могъ
«И собравъ, Богъ вѣсть, откуда силы
«Вновь къ своимъ пробрался на Востокъ...
«Все осталось тамъ, въ Сибири дальней:
«Степь, любовь, тайги святая тишь...
«Съ каждымъ днемъ живется все печальнѣй...
«Что весь міръ мнѣ? Что — чужой Парижъ?..

И совсѣмъ не слыша вскриковъ джаза
Потонули четверо въ быломъ...
И внимала Грусть словамъ разсказа,
Шевеля надломленнымъ крыломъ...
Снова первый молвилъ: «Ноютъ раны,
И безумно тянетъ отдохнуть,
Но ни люди новые, ни страны
Не заставятъ выбрать новый путь!
— Не судьба ль столкнула насъ другъ съ другомъ,
Принеся сюда издалека:
Двое насъ съ корниловскаго Юга,
Онъ — съ Урала, ты — отъ Колчака.
— Будемъ вѣрить! Сердце не обманетъ,
Озаритъ же счастье, наконецъ, —
И вернутся въ степи сынъ Кубани,
Сибирякъ, Уралецъ и Донецъ!
— Насъ одна воспитывала Школа,
Насъ одна воспитывала Мать,
И теперь не жизни произволу

Насъ согнуть, разбить и изломать!
— Въ насъ годами духъ не искалѣченъ,
Вѣра въ правду зрѣетъ въ глубинѣ.
Хорошо, что Богъ послалъ намъ встрѣчу,
Хоть бы даже... и на этомъ днѣ! —

Въ уголкѣ раскрашеннаго зала
Разговоръ, все замирая, смолкъ.
А вокругъ вино лилось въ бокалы,
И хрустѣлъ въ объятьяхъ нѣжный шелкъ...

«Казачка Марья»

К.

ПАМЯТИ ПАВШИХЪ

Стоя предъ иконою
Истово молюся:
Я молюсь за души
Павшихъ казаковъ, —
Тѣхъ, кому Свобода,
Честь, казачья слава
Были найдороже
Собственныхъ головъ...
«Упокой Васъ, Господи,
Въ лонѣ Авраамовомъ,
Царство Вамъ Небесное,
Вѣчный Вамъ покой...
Спите всѣ спокойно, —
Мы Васъ не забыли...
Мы Васъ поминаемъ
Во странѣ чужой...
И про Ваши подвиги
Да про Вашу доблесть
Пѣсни здѣсь слагаемъ,
Славу Вамъ поемъ...
А вернемся на Донъ, —
Памятникъ поставимъ
И туда останки
Ваши соберемъ...
Будутъ чтить потомки
Память Вашу вѣчно,
Будетъ Ваша слава
По Дону гремѣть...
Упокой Васъ, Господи,
Царство Вамъ Небесное...

***

Мы же всѣ, живые,
Будемъ о Васъ пѣть...

К.

300-лѣтіе взятія Азова

18 - го іюля исполнилось 300-лѣтіе со дня взятія казаками Азова, послѣ котораго послѣдовало знаменитое Азовское сидѣніе.

Эти замѣчательныя историческія событія и знаменательныя для казачества даты будутъ особо торжественно отмѣчены въ Парижѣ, для чего организованъ специальный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Донского Атамана, въ составѣ генераловъ: З. С. Алпатова, А. В. Говорова, Н. Г. Зубова, Н. П. Калинина, С. Д. Позднышева, А. В. Черячукина, и при секретарѣ хор. П. В. Гусевѣ.

Панихида по участникамъ взятія и защиты Азова была отслужена 18-го іюля, а торжественное засѣданіе, посвященное этимъ событіямъ, состоится въ день празднованія въ этомъ году Донского войскового праздника, въ октябрѣ.

Программа торжества и имена докладчиковъ на собраніи будутъ сообщены дополнительно.

ЧУЖБИНИНЪ

Вольныя воды

Все было ново и радостно Сергѣю, — и зной южнаго солнца, и степной жаркій вѣтеръ, порывами долетавшій отъ окраинъ, и виноградъ изъ - за плетней, который впервые видѣлъ онъ на волѣ, а не въ ящикѣ съ опилками, и красные лампасы на штанахъ босоногихъ мальчишекъ, и конные парады у собора.

И когда по утрамъ, получивъ на казарменномъ дворѣ сальными почтовыми марками и коричневыми жесткими купонами суточный паекъ, отправлялся онъ въ шумной ватагѣ на базаръ, прицѣнивался къ закаменѣвшей колбасѣ, покупалъ румяныя витыя булки съ макомъ, каймакъ и крутобокіе огненные помидоры и ѣлъ ихъ тутъ же, обмакивая въ соль въ горсти, обсасывая грязные пальцы и со смѣхомъ глядя на улыбавшихся торговокъ — чувствовалъ онъ, какъ спадаетъ съ плечъ весь грузъ пережитыхъ мученій, обидъ и страха передъ тѣмъ непостижимымъ, что творится въ мірѣ, вдругъ потерявшемъ все, что еще вчера было прочно и просто и расширившемся до ужасающей безпредѣльности, — что вновь померещилось ес-

ли и не совсѣмъ прежнее, то все же похожее на него, простое и доброе, и вотъ очаровываетъ радостью встрѣчи съ нимъ въ этомъ и чужомъ, и даже какъ то спесиво самостоятельномъ, но все же русскомъ, солнечномъ и бѣлостѣнномъ городѣ.

На седьмой день казарму подняли до зари, и взволнованные люди шумно и долго умывались во дворѣ, гремѣли потомъ чайниками и котелками у куба съ кипяткомъ, запихивали въ мѣшки купленные наканунѣ табакъ и сало, и утромъ, когда первое солнце нѣжно и розово ложилось на золотые купола собора, отрядъ не вполнѣ ладнымъ строемъ, пестрый отъ разноцвѣтныхъ рубахъ, пиджаковъ, чуекъ, шляпъ, картузовъ, папахъ, чемодановъ, сундучковъ и корзинъ, перекликаясь черезъ головы, шелъ по прохладнымъ и пустымъ улицамъ города.

За окраиной ждали подводы, и возчики были не похожи на здѣшнихъ, донскихъ, — чернолицые, узкіе въ таліи, въ бешметахъ, стянутыхъ наборными поясами и въ низенькихъ шапочкахъ, перекрещенныхъ поверху чернымъ двойнымъ шнуркомъ, хитро пересмѣивались, глядя на шумную ватагу, шутили:

— Швыдче, москали, швыдче! Поихалы на Кавказъ. Прощай, царство Донское!

А когда тронулся длинный, въ тридцать подводъ, обозъ, вспыхнула пѣсня, и, замирая, перекидываясь изъ края въ край, такъ ужъ и не смолкала до самаго конца дороги. Встало жаркое солнце, и уже гдѣ то далеко позади, за струящимся синимъ маревомъ, лежала гора съ соборомъ и городъ, а впереди и по сторонамъ безъ конца и края тянулась степь. Иногда въ горячемъ небѣ медленно кружилъ ястребъ, жаркій вѣтеръ свивалъ и мчалъ по полю высокіе столбы пыли, прозрачно вставали вдали крылья мельницы или вонзался и косо чертилъ небо тонкій журавель колодца. И странно и сладостно было Соргѣю, что колодезь одинъ изъ казаковъ назвалъ «криницей», а темнѣющія вдали, въ купахъ зелени, среди высокихъ тополей, строенія, — не село, не деревня, а «станица», и домъ называется не изба и не хата, а «курень», и есть въ казачьемъ обиходѣ такія удивительныя, пронзающія своей вѣщей древностью слова, какъ «базъ» или «займище». Непередаваемо, сказочно было это чувство вторженія въ то заповѣдное царство, далекой мечтой о которомъ околдовывали его когда то въ дѣтствѣ книги объ атаманахъ и казачьей вольности. Екая на ухабахъ, держась за грядки мчащейся телѣги, оглядывалъ онъ степь, ѣлъ хрустящій отъ пыли хлѣбъ, держа каравай подъ мышкой, широко раскрывая ротъ и слушая, какъ дрожитъ отъ тряски голосъ, подпѣвалъ невѣдомымъ казачьимъ пѣснямъ и смѣясь смотрѣлъ на лица сосѣдей, темныя, съ негритянскими яркими бѣлками, чувствуя и на своемъ лицѣ ту же твердую маску пыли. И съ каждой верстой дороги все счастливѣе чувствовалъ освобожденіе отъ того, что еще вчера давило его, обезволивало, старило, совершенно убивало, отъ непосильной самостоятельности, отъ необходимости ему самому, ничтожной песчинкѣ, опредѣлять правду и будущее въ этомъ бѣснующемся хаосѣ. Еще, еще деньдва этой вольной дороги, и уже можно будетъ ни выбирать, ни рѣшать, ни думать, — придетъ то, можетъ быть и страшное, можетъ быть даже и неправильное, чему онъ, наконецъ, скажетъ: «Вотъ, я пришелъ, бери, дѣлай, что хочешь!».

А передъ вечеромъ открылся странный сказочный городъ, — весь на сваяхъ, съ высокими крышами, со слуховыми оконцами, теремными галлерейками, косыми лѣсенками, балкончиками, рѣзными крылечками и надъ зеленой горкой въ самой серединѣ городка, надъ темными тополями дивно возносилась въ голубѣвшемъ небѣ маленькая пятиглавая церковь.

Оставивъ на подводахъ чемоданы и корзины, отрядъ съ громкой цѣсней вошелъ въ городъ, и тогда сразу оживились галлерейки, балкончики и крылечки, распестрились узоромъ вышитыхъ рубахъ и новенькихъ городскихъ блузокъ, зазвенѣли смѣхомъ, вскриками и говоромъ, и показалось Сергѣю, что и въ самомъ дѣлѣ вошли они въ какой то заколдованный городъ, въ женское древнее царство.

Въ тѣни, у забора, надъ которымъ свисали желтые абрикосы и свинцово сѣдыя сливы, отрядъ остановился, подошли квартирьеры и Сергѣй и еще девять человѣкъ направились къ двухэтажному домику у церкви. Звякнуло кольцо, затоптали босыя ноги и чей то взволнованный и торопливый голосъ крикнулъ по дому: «сейчасъ, сейчасъ. Настя, Одарка!»... А черезъ пять минутъ въ жаркую зальцу вышла пышнотѣлая молодая попадья въ шелковой черной кофтѣ со стеклярусомъ, и весь видъ ея, счастливо взволнованный и ревнивый, говорилъ, что хоть живетъ она и въ маленькомъ городѣ, а все же барыня, и пришедшіе это почувствовали и кое - кто поцѣловалъ ея пухлую, почти дѣтскую руку, въ ямочкахъ.

За столомъ служили двѣ дѣвки: Настя, — костистая, съ дерзкими, русалочьими глазами, необыкновенно подвижная, и Одарка, — круп-

ная и статная, съ медленной улыбкой. А откуда то, изъ глубинъ дома, плыли на столъ все новыя и новыя яства, и въ шумѣ и смѣхѣ раскраснѣвшаяся, сіяющая попадья, склоняя голову, медовымъ голосомъ просила отвѣдать то пышекъ съ каймакомъ, то блиновъ, то варениковъ съ «бзникой». Дѣвки останавливались у дверей, подталкивали одна другую, закатывались отъ смѣха, глядя, какъ гости цѣлуютъ руку у попадьи, и хозяйка махала на нихъ этой пухлой своей ручкой и кричала:

— Пошли, пошли отсюда, безстыжія!

— Чего вы ихъ такъ?

— Ахъ, ужасныя прислуги, совсѣмъ распустились. Наська то наша, жалмерка, а та, толстомясая, — съ Кубани, та совсѣмъ ужасная. Обѣ съ ума сходятъ безъ мужчинъ, вотъ что война надѣлала, — съ дѣланной конфузливостью смѣялась она, скрывая въ этомъ смѣхѣ намекъ и на свое положеніе. Сергѣй, рюмка за рюмкой пилъ ароматную крѣпкую вишневку, украдкой слѣдилъ за Одаркой, и отъ темнаго скользящаго взгляда безсмысленно глубокихъ, медленныхъ и большихъ ея глазъ, дѣлалось ему безпокойно и сладко.

Уже спустилась ночь, когда пришедшіе укладывались на сѣнѣ, на покатомъ полу старенькой галлерейки, надъ большимъ дворомъ. Сергѣй скоро проснулся. Бѣлая стѣна, вымазанныя мѣломъ стропила и полъ были залиты луной. Онъ поднялся, облокотился на низенькое перило и даже закрылъ на мигъ глаза, такъ было вокругъ удивительно хорошо. Голубой сильный свѣтъ лежалъ на всемъ. Серебромъ свѣтился лугъ за дворомъ и казалось, что бѣгали по низу бѣлыя искры. Струились холоднымъ стекломъ высокіе тополя и призрачно хороша была въ лунномъ свѣтѣ пятиглавая церковка, стоявшая прямо передъ глазами вверху, темнѣвшая луковками куполовъ и въ то же время слившаяся съ синимъ далекимъ небомъ. Откуда то донесло пѣсню, пропѣлъ пѣтухъ. Сергѣй оглянулся. На полу темнѣли двѣ сіяющія фигуры, — больше никого не было. Удивленно спустился онъ съ лѣсенки во дворъ, отодвинулъ засовъ калитки и вышелъ. Улица бѣжала подъ гору и вдали виденъ былъ на берегу огонекъ.

Уже спускаясь по ветхимъ мосткамъ къ берегу, подъ сваями, увидѣлъ онъ впереди тѣнь огромнаго казана, подвѣшаннаго на цѣпяхъ къ тремъ жердинамъ и язычески скачущія вокругъ огня фигуры.

Когда онъ подошелъ, пѣсня смолкла, слышались крики и смѣхъ. Ходили по рукамъ кружки и кто-то водовознымъ черпакомъ мѣшалъ въ казанѣ, откуда необыкновенно вкусно пахло саломъ, и казакъ висъ на плечахъ у другого, моталъ головой и восхищенно всхлипывалъ.

— Кабана... цѣлаго кабана, гложи ихъ чирей, въ казанъ спустили.

А въ сторонѣ, тѣснясь одна къ другой, сидѣли дѣвушки и закрываясь руками, хохотали, валились на траву, хмѣльныя отъ вина, хоровода и мужчинъ, и казакъ, смѣясь, легонько постегивалъ около нихъ короткимъ кнутомъ, а онѣ взвизгивали и падали одна на другую. И уже слышался храпъ и спали вокругъ люди, разбросавъ руки на травѣ и прямо на пескѣ у воды.

Сергѣй протиснулся къ костру и сѣлъ. Дошла и до него жестяная тяжелая кружка и онъ сдѣлалъ два полныхъ большихъ глотка дурманной водки, и когда выпилъ, то почувствовалъ на себѣ чей то пристальный глубокій взглядъ. Одарка сидѣла въ сторонѣ отъ подругъ, отчужденно, и, мотая головой, отнѣкивалась отъ водки. Сергѣй поднялся и подошелъ къ ней.

— А вы что же, Одарка, не веселы, не пьете?

— Ни. Я до дому.

— Пойдемте, я васъ провожу.

Отойдя отъ костра, уже у самыхъ свай, онъ тихо обнялъ ее за талію. Жаркій станъ ея былъ вялъ. Поднявшись по мосткамъ, они сѣли на скамеечку подъ тополями. Сладко, пряно пахло мятой. Въ голубомъ свѣтѣ глаза дѣвушки были велики и бездонны. Онъ притянулъ ее къ себѣ, поцѣловалъ въ ротъ. Она не отвѣтила, но крѣпкія губы ея были горячи и сухи, и мягко и сильно всѣмъ тѣломъ она прижалась къ нему.

Такъ молча онъ цѣловалъ ее и чувствовалъ, что говорить не нужно и что все равно непонятны и скучны были бы ей городскія, неловкія слова. Разъ послѣ поцѣлуя, такого крѣпкаго и долгаго, что кольнуло въ сердце, онъ поцѣловалъ ей руку, и она быстро и испуганно руку отдернула.

— Чи то правда, що вы — пулковникъ? — спросила она послѣ поцѣлуя.

— Правда, Одарка.

— А я казала, що брехня, — лукаво засмѣялась она, поправляя тяжелые волосы. Полная грудь ея поднялась, зазвенѣли мониста.

— Пулковникъ лысый, брюхатый, а вы жъ молодой, та гарный. А я думала, — ось, идуть хлопцы на войну.

— Мы на войну и идемъ, Одарка.

— Съ большевикамы? — спросила она. — Ой, убьютъ васъ усихъ ти большевыки!..

Она положила локти къ нему на плечи, долго смотрѣла на него своими темными тревожными глазами, и вдругъ, вскрикнувъ, обняла его съ такой силой, что у него что-то хрустнуло на шеѣ.

Неожиданно быстро пришелъ разсвѣтъ, тополя оголились и черезъ дорогу всталъ рядъ поднимающихся въ гору деревянныхъ домиковъ.

— Пора до хаты, — со вздохомъ шепнула она. Они поднялись. Одарка судорожно и цѣпко обняла Сергѣя, положила голову ему на грудь, потомъ поцѣловала, надолго и крѣпко прильнувъ къ губамъ, и убѣжала, оставляя голыми ногами ярко - зеленый слѣдъ на сѣрой травѣ. Пошатываясь, со сладкимъ безсиліемъ въ тѣлѣ, онъ перешелъ дорогу, поднялся на галлерейку, протиснулся на свое мѣсто и сразу же каменно заснулъ.

А утромъ заколотилъ въ калитку кольцомъ дневальный и звонкіе голоса кричали на весь городъ.

— Выходи! Черезъ полчаса выѣзжаемъ.

И со всѣхъ дворовъ высыпали заспанные люди и шла сумятица и никто не зналъ, гдѣ строиться. А въ раннемъ солнцѣ уже розовѣли верхушки тополей, и вились первые дымки, и хозяйственно стучали ведра, и высовывались изъ окна съ привѣтливымъ смѣхомъ краснощекія женскія лица, звали къ чаю.

А надъ еще дремотной широкой рѣкой стоялъ посерединѣ туманъ и мглистъ за солнцемъ былъ дальній берегъ. Но скоро запѣнились, заплескались, наполнились смѣхомъ и крикомъ свѣтлыя воды, и далеко понеслись визгъ и звонкіе шлепки, полетѣли въ воду молодыя, загорѣлыя тѣла, и кто нибудь, разбѣжавшись, косо вонзался въ воду съ такой стремительностью, что казалось, навсегда уходилъ въ подводный, бездонный свѣтлый край, и огненно-рыжій косматый и курносый прапорщикъ, зажимая пальцами носъ и надувая щеки, погружался въ воду на серединѣ рѣки, взлеталъ потомъ, какъ водяной, надъ рѣкою, кружился веретеномъ и мотая головой, оралъ оттуда:

— Эхъ, принимай гостей, Тихій Донъ, Донъ Ивановичъ!

И когда заплывшаго къ другому берегу Сергѣя догналъ этотъ прапорщикъ и хитро сощурясь, сказалъ:

— А вѣдь дня черезъ два уже будемъ въ бою, и въ тотъ же день кого не досчитаемся:

Сергѣй крикнулъ, смѣясь:

— Ну и чортъ съ нимъ! Убьютъ и убьютъ, не великая бѣда, не щедрая плата!..

И, повернувшись, пошелъ на саженкахъ къ берегу, гдѣ надъ черными зубьями свай уже весь въ пламенномъ солнцѣ поднимался городокъ съ бѣлыми хатками, садами и тополями.

—

Чужбининъ.

КУБАНЕЦЪ

Григорій Пивко

Я возвращался на пароходѣ въ Бѣлградъ по Дунаю. Надъ рѣкой быстро сгущались сумерки, вечерній вѣтерокъ пріятно ласкалъ лицо, утомленное жарой.

Пользуясь временемъ, пока еще не совсѣмъ стемнѣло, я развернулъ казачій журналъ и торопился дочитать начатую днемъ статью.

На скамейкѣ рядомъ со мной сидѣлъ высокій сутуловатый селякъ сербъ въ высокой барашковой, несмотря на жару, шапкѣ, съ длинными черными усами и сухимъ лицомъ. Онъ не торопясь дѣлалъ крученки изъ дешеваго табака, курилъ ихъ одна за другой и то и дѣло искося поглядывалъ въ мой журналъ.

Когда, наконецъ, стемнѣло настолько, что буквы начали сливаться и въ глазахъ зарябило отъ напряженія, я свернулъ журналъ и досталъ портсигаръ. Селякъ, видимо уже давно деликатно дожидавшійся, когда я окончу чтеніе, зашевелился, придвинулся ко мнѣ, и не успѣлъ я достать папиросу, какъ онъ уже, стряхнувъ пепелъ, протянулъ мнѣ свою, предлагая огня. Я прикурилъ, сказавъ «хвала».

Онъ придвинулся ко мнѣ еще ближе и сипловатымъ, приглушеннымъ голосомъ, спросилъ по сербски:

— Ты казакъ, братушка?

— Казакъ, — удивленно отвѣтилъ я.

— Донскій?

— Нѣтъ, кубанскій.

— Какой станицы?

Слово «станица» онъ выговорилъ съ сербскимъ удареніемъ на а.

Я сказалъ, продолжая недоумѣвать.

Селякъ минуту помолчалъ, затѣмъ шумно вздохнулъ и проговорилъ:

— И мы въ нашемъ селѣ имѣли одного казака... Григорій Пивко, — можетъ знаешь?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Хорошій человѣкъ былъ, — продолжалъ селякъ негромкимъ ровнымъ голосомъ. Пришелъ къ намъ въ село — еще ребенокъ былъ. Едва 16 лѣтъ имѣлъ... Говоритъ — отца, мать и двухъ братьевъ большевики убили, а онъ спасся... Пришелъ къ намъ въ Шумадію пѣшкомъ изъ Бѣлграда, искать работы. Ну, мы что жъ — на селѣ работа всегда найдется, только бы лѣнтяемъ не былъ. А у меня на войнѣ сына убили, другой безъ руки, внучата маленькіе бѣгаютъ... Взялъ я Григорія къ себѣ въ домъ... Сталъ онъ у меня жить... Хорошій работникъ былъ, а особенно лѣтомъ съ хлѣбомъ или кукурузой... За троихъ работаетъ, еще и пѣсни поетъ...

Селякъ оборвалъ рѣчь, сталъ крутить папиросу. Вспыхнувшій въ темнотѣ огонекъ на моментъ освѣтилъ его сухой профиль.

— Да. И тихій такой былъ, скромный. Все молчитъ, говоритъ мало, только что нужно... Однако борщъ насъ научилъ варить, и ежели начнешь его спрашивать — какъ у нихъ въ станицѣ было, тутъ разговорится. Онъ мнѣ и про станицы разсказалъ, и про все... Говоритъ, говоритъ, а потомъ вдругъ замолчитъ, постоитъ молча, махнетъ рукой и пойдетъ... Тутъ ужъ его не останавливай — все равно не послушаетъ. И послѣ такихъ разговоровъ дня три - четыре хмурый ходитъ — слова отъ него не услышишь. А то — осѣдлаетъ коня и въ горы... Ночь цѣлую ѣздитъ, а съ зарей — на работу сталъ. Очень онъ коней любилъ, такъ и не отходилъ отъ нихъ. Посмотрѣть пріятно — всегда они у него вымыты, вычищены, блестятъ, какъ солнце...

Пронзительный свистокъ прервалъ мѣрную рѣчь селяка. Надъ головой проплывала громада желѣзнодорожнаго моста, волны отъ колесъ парохода шумно бились о быки. Селякъ выждалъ пока послѣдній отголосокъ свистка затихъ въ отдаленіи и продолжалъ:

— Ну, прошелъ одинъ годъ, два, три... И сталъ нашъ Григорій чего то грустить. Работаетъ попрежнему, а пѣсни уже мнѣ не поетъ, или запоетъ — такую грустную, тоска за сердце беретъ... Про станицу уже не разсказываетъ, а спросишь — отмахнется, «хорошо было», скажетъ и молчитъ... Иногда по недѣлямъ слова не промолвитъ. Только около коня и оживляется... Прошелъ такъ годъ — вижу, совсѣмъ грустный нашъ Григорій сталъ. Посовѣтовались мы и рѣшили его женить... А онъ, нужно сказать, насчетъ женщинъ чудной былъ — и не смотрѣлъ вовсе. Нашли мы ему дѣвушку, хорошая была, хорошей семьи... Стали сватать — онъ сначала и слышать не хотѣлъ, а потомъ уговорили... Обвѣнчали ихъ, она ему въ приданное земли принесла немного, я ему на хозяйство тысячу далъ — заработалъ вѣдь за четыре года... Только тутъ-то и началось.

Селякъ снова остановился, крутя папиросу. Я молчалъ и ждалъ, словно зачарованный его мѣрнымъ голосомъ, сливающимся съ глухимъ шумомъ машины и плескомъ воды. Стало уже совсѣмъ темно.

— И мѣсяца послѣ свадьбы не прошло, какъ стала молодая жаловаться, что мужъ ее безъ вниманія оставляетъ. Цѣлыми днями въ полѣ, а ночью выйдетъ изъ дома и сидитъ, на звѣзды смотритъ, вдаль глядитъ... Попробуетъ приласкаться — молчитъ, встанетъ, еще дальше уйдетъ. Говорила, что иногда и плакалъ, да не вѣрю я, лжетъ навѣрно... На войнѣ въ пятнадцать лѣтъ былъ, а тутъ плакать станетъ... А такъ вообще, хорошій, не то что бить, а и не крикнетъ на жену никогда. Пробовалъ я говорить съ нимъ — молчитъ, въ сторону смотритъ... Прошелъ еще мѣсяцъ, на жену смотрѣть жалко — и вдругъ исчезъ нашъ Григорій... Проснулась утромъ жена, смотритъ — нѣтъ его. Думала — по хозяйству, или гдѣ, туда - сюда — нѣтъ... Переполошились мы, поискали въ горахъ — думали, не убился ли случайно гдѣ — нѣту... Только, недѣли черезъ двѣ, приводятъ нашего Григорія жандармы... Пѣшкомъ до границы дошелъ, а тамъ схватили его и назадъ отправили... Стали мы его разспрашивать — куда, да зачѣмъ, что ему, плохо что ли у насъ, онъ молчитъ. «Нѣтъ — говоритъ — хорошо».. Самъ срезскій начальникъ къ себѣ вызывалъ, разспрашивалъ... Послѣ того случая еще мрачнѣе сталъ нашъ Григорій и работалъ даже вяло какъ - то. И мѣсяца не прошло — исчезъ Григорій опять, и вотъ ужъ три года прошло, а ничего о немъ не знаемъ...

Селякъ умолкъ и молчалъ долго. У меня въ груди болѣзненно сжалось сердце, я молчалъ тоже, не зная, что сказать.

— И чего ему недоставало, — задумчиво проговорилъ селякъ, и въ голосѣ его зазвучало искреннее недоумѣніе. — Всѣ его любили... жену молодую имѣлъ... хозяйствомъ обзавел-

ся... Честный человѣкъ... хорошій... и жилъ бы у насъ. Дѣти бы пошли... А тутъ...

Селякъ огорченно вздохнулъ. Пароходъ засвисталъ, закачался на волнахъ, сворачивая въ Саву. Тысячами огней надвинулась изъ темноты ночная панорама Бѣлграда.

Селякъ заторопился.

— Э, уже пріѣхали. А я еще вещи снизу взять долженъ. Ну, съ Богомъ, братушка — обратился онъ ко мнѣ, — Ты казакъ, я казаковъ люблю... Если увидишь или услышишь гдѣ Григорія, скажи ему, чтобъ къ намъ возвращался. У насъ ему хорошо будетъ... Жена, правда, не дождалась, съ другимъ живетъ, ну да мы ему другую найдемъ... Съ Богомъ...

Онъ ткнулъ мнѣ свою корявую, мозолистую ладонь и торопливо пошелъ внизъ.

Пароходъ подходилъ къ пристани. Облокотившись на перила, я стоялъ, смотрѣлъ на бѣлую пѣну и думалъ о судьбѣ далекаго невѣдомаго Григорія Пивко. **Кубанецъ.**

СТЕПНОЙ

Фаталистъ

Если ты, читатель, былъ передъ войной постояннымъ жителемъ Новочеркасска, то ты хорошо знаешь его офицерскую среду, въ которой всѣ были близки то родствомъ, то свойствомъ, то тою близостью людей, которая образовывается въ однородной средѣ съ одинаковыми интересами, нравами и обычаями, гдѣ, какъ въ хорошо настроенномъ музыкальномъ инструментѣ, малѣйшій диссонансъ вызываетъ общее чувство негодованія, тревоги и волненія. Ты, конечно знаешь всю «подноготную» этой среды и потому скоро расшифруешь передѣлку именъ въ разсказѣ. Главнаго моего героя ты часто встрѣчалъ въ билліардной офицерскаго собранія, въ читалкѣ наверху, въ столовой за веселымъ ужиномъ, всегда въ компаніи молодежи; на всѣхъ балахъ, гдѣ онъ былъ такъ изященъ въ лихой мазуркѣ и нѣжномъ вальсѣ. Также часто встрѣчалъ ты его на Московской улицѣ (о! съ лѣвой стороны, идя отъ памятника Платову), на скамейкѣ у офицерскаго экономическаго общества, гдѣ вы вмѣстѣ ожидали прибытія свѣжей партіи донского балыка со слезинкой, искристой икры, или душистаго, густого ладоннаго вина. Видѣлъ ты его часто на имянинахъ, крестинахъ, свадьбахъ, или «на картахъ», которыя входили въ ежедневный обиходъ праздной и суетной жизни Новочеркасска. Ваши взаимоотношенія навѣрно вплетались въ общій клубокъ тѣсной близости и чтобы прикрыть хоть немного разгадку, именъ я не назову и свое, какъ автора разсказа и близкаго друга героя, за которое ты можешь ухватиться, какъ за одинъ изъ концовъ того же клубка. Въ силу же нашего соглашенія, я обязанъ завуалировать моего героя, какъ находящагося теперь здѣсь, среди насъ, отъ рѣзкихъ сужденій людей туго различающихъ добродушный смѣхъ отъ злой насмѣшки. По англійской пословицѣ — смѣшное убиваетъ, — я вскрываю путемъ гласности тщательно хранимый секретъ, шокирующій моего героя, въ цѣляхъ снять съ прошедшаго накипь мистики, отъ которой онъ теперь страдаетъ.

Просьба къ тебѣ, читатель: при встрѣчахъ съ нимъ не дѣлай вида, что ты его узналъ въ разсказѣ. Онъ очень чуткій, нервный и теперь сталъ ворчунъ; намекъ на геройство его оскорбитъ. Подожди, — онъ самъ посмѣется надъ моимъ намѣреніемъ, но добрымъ смѣхомъ забавнаго случая, въ которомъ шокирующее покрыто долголѣтней давностью.

Петръ Николаевичъ Сергѣевъ передъ войной былъ молодымъ офицеромъ штаба Донской артиллеріи. Выше средняго роста, плотный, съ хорошей фигурой, на которой такъ изящно носятся модные галифе съ алымъ широкимъ лампасомъ, узкій въ таліи китель съ клошемъ и аксельбантомъ; высокіе, мягкіе, шавровые сапоги и малиновый звонъ савельевскихъ шпоръ, по - модѣ спущенныхъ по задинку. Блѣдность его красиваго лица, голубые, немного углубленные, внимательно наблюдающіе глаза, обильная, хорошо приглаженная шевелюра свѣтлыхъ волосъ, — создавали впечатлѣніе о его мягкости характера, наивности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезности, которыя часто можно наблюдать на умныхъ лицахъ молодыхъ, сентиментальныхъ женщинъ.

Въ домѣ отца, занимавшаго большой административный постъ на Дону, Сергѣевъ, какъ единственный сынъ, получилъ очень хорошее воспитаніе со склонностями къ религіи, музыкѣ и книгѣ.

Отличный товарищъ, трудолюбивый офицеръ, въ мѣру серьезный, воздержанный отъ всякихъ излишествъ, хорошо обезпеченный средствами и службой, онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ офицеровъ новочеркасской молодежи. Пріятели звали его генштабистомъ и онъ дѣйствительно готовился къ поступленію въ Академію Генеральнаго Штаба.

Если вы представите себѣ новочеркасскую среду того времени съ ея наслѣдственнымъ военнымъ культомъ, внѣ котораго ни невѣсты, ни ихъ родители не видѣли осмысленности въ жизни, то вы можете судить, какъ желателенъ для всѣхъ былъ такой серьезный женихъ, какъ Сергѣевъ, который къ тому же и не скрывалъ своихъ матримоньяльныхъ склонностей. По своей отзывчивости воспитаннаго человѣка онъ повсюду бывалъ; какъ хорошій музыкантъ, охотно аккомпанировалъ молодымъ пѣвицамъ нѣжныхъ романсовъ, пѣлъ самъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалъ, расчитывалъ, слушалъ подсказы своего сердца и, наконецъ, послѣ продолжительной внутренней борьбы, сдѣлалъ выборъ...

Въ эмиграцію Сергѣевъ попалъ съ тѣми, которыхъ онъ привыкъ видѣть въ Новочеркасскѣ. Двѣ войны, эвакуація, мытарства по странамъ Европы и сосредоточенность теперь въ Парижѣ, — произошли подъ знакомъ спаянности той же среды. Конечно, бури злосчастнаго времени ее сильно потрепали, многое въ ней измѣнили, разрушили и нанесли новое, но вывѣтрить глубину казачьей души и сердца буйныя силы не могли. Сергѣевъ, вмѣстѣ съ другими пережилъ всѣ фазы внутренней перестройки въ эмигрантской жизни. Своевременно прошли черезъ него волны кипучей дѣятельности за угнетенный національзмъ, кипѣнія измѣнчивой политики, вождизма, служенія общественности и смѣлыхъ проэктовъ переселеній куда то вдаль... Волны перекатывались, оставляя слѣды разочарованій въ пылкой головѣ Сергѣева, надъ которой неизмѣнна была лишь форменная фуражка шофера, съ нуднымъ и безинтереснымъ трудомъ. Постепенно жизнь русскихъ эмигрантовъ утряхивалась въ чужія формы, не теряя своей самобытности и питаясь своимъ общеніемъ и воспоминаніями о прошломъ. Чужая жизнь, лишенія и время давили, проникая въ сознаніе холодомъ расчетливой разсудочности. Сергѣевъ сталъ теперь бережливъ, скрытенъ и все болѣе и болѣе одинокимъ. Рѣдкія встрѣчи со своими согрѣвали и радовали его казачье сердце, но имъ мѣшали заботы о существованіи и долгіе часы труда. Неотступныя, назойливыя мысли, не имѣя опредѣленной цѣли въ настоящемъ и будущемъ, углублялись всецѣло въ прошлое, ища въ немъ поясненій, разгадокъ и указаній для своей исковерканной жизни, въ которой, теперь казалось, сочеталась какая то дьявольская послѣдовательность событій и случаевъ.

Съ Сергѣевымъ у меня была та глубокая и искренняя дружба, которая провѣрена и скрѣплена годами юности, двухъ войнъ и лишеніями первыхъ годовъ эмиграціи. Ее можно бы назвать интимной, если бы Сергѣевъ не скрывался отъ меня съ своей «чертовщиной», какъ я называлъ его склонность къ фатализму. Въ силу обстоятельствъ мы встрѣчались рѣдко, но встрѣчи эти мы старались обставить возможно комфортабельнѣе, чтобы прочувствовать теплоту нашей дружбы. Такъ и сегодня, послѣ хорошаго ужина, мы удобно размѣстились у него на мягкомъ диванѣ передъ бутылкой бургонскаго, пирожными и, конечно, продолжительнымъ чаемъ. Я старался выбить его съ поздней «чертовщины», которая ясно угрожала ему нервнымъ разстройствомъ.

— Нѣтъ, братъ, иногда даже объяснимое наукой и логикой имѣетъ въ ходѣ событій такую явственную предрѣшенность, что невольно вѣришь въ какую то сверхестественную силу. Есть вѣдь этому и законное обоснованіе: трижды выскользнувшій изъ петли считается невиновнымъ. Сегодня я тебѣ разскажу два случая, какъ наиболѣе разительныхъ въ моей жизни. Я ихъ никогда и никому не разсказывалъ, о чемъ прошу и тебя, такъ какъ они шокируютъ и грязнятъ меня и мою завѣтную мечту о счастьѣ брака.

Ты хорошо знаешь Новочеркасскъ передъ войной и мое положеніе въ немъ, какъ свѣтскаго баловня и, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезнаго жениха съ карьерой. Да, я дѣйствительно искалъ себѣ невѣсту, не торопясь, боясь ошибки. Приданное меня не очень интересовало и я имѣлъ возможность изучать, сравнивать и провѣрять, зная, что моего рѣшенія подождутъ. Родители мои способствовали въ этомъ совѣтами и указаніями. Какъ видишь, дѣло было поставлено серьезно. Я искалъ въ невѣстѣ вѣрнаго друга, созвучнаго мнѣ человѣка. Достойныхъ дѣвицъ было много и, лавируя среди нихъ, сначала разсудкомъ, я приблизился къ двумъ: Женя Полякова и Зина Болотина, которыхъ ты знаешь. Обѣ мнѣ очень нравились, какъ и моимъ родителямъ, соотвѣтство-

вали моимъ планамъ на будущее, но по разному, какъ и онѣ были разныхъ характеровъ. Странность? Нѣтъ. Передъ счастливою молодостью многосторонняя жизнь открывала тогда много разныхъ путей со своими прелестями. Женя, которую всѣ называли Эмми, (это замѣть!), полная блондинка, очень миловидная, спокойная, строго воспитанная, разумная; типъ нѣжной матери и преданной супруги. Зина — очень красивая, смуглая, темпераментная, граціозная, остроумная и иногда немного рѣзкая, блестящая яркостью счастливой жизни. Она была единственной дочерью родителей дворянъ изъ казаковъ, очень богатыхъ и потому избалована, немного капризна. Извѣстна была подъ именемъ Грація. (Замѣть и это!). Первая соотвѣтствовала моему сентиментальному складу мышленія, вторая — карьерѣ, о которой я тогда уже мечталъ и строилъ планы. Сдѣлавъ такой отборъ, я далъ волю сердцу и вскорѣ оказалось какъ то такъ, что я сталъ постояннымъ гостемъ у Поляковыхъ. Въ ихъ уютномъ, хорошо обставленномъ домѣ на Комитетской улицѣ не только я проводилъ всѣ вечера за музыкой, пѣніемъ и ужинами, какъ свой, близкій человѣкъ, но участились и родительскіе визиты. Мои выходы съ Женей въ театры, синема, на концерты скоро были замѣчены въ обществѣ, въ которомъ наше жениховство считалось предрѣшеннымъ. Въ долгихъ вечернихъ разговорахъ я теперь готовилъ въ ней невѣсту, еще не дѣлая офиціальнаго предложенія. Въ ея ясномъ, нѣжномъ и ласковомъ взорѣ я читалъ любовь и покорность; сомнѣній въ принятіи моего предложенія у меня не было. Несмотря на мое сердечное расположеніе къ ней и искреннюю привязанность, я все же не могъ для себя рѣшить вопросъ — любовь ли это? Образъ граціозной, красивой Зины временами притягивалъ меня и возникалъ мучительный вопросъ — не ошибся ли я? Надо сказать, что въ моемъ характерѣ есть два свойства, которыя служатъ ему опорой: быть твердымъ въ данномъ себѣ словѣ, безропотно и скоро примиряться со случившимся. Такъ я рѣшилъ пресѣчь свои колебанія, опредѣливъ день для предложенія. Какъ я сдѣлаю предложеніе, — я не зналъ, но былъ увѣренъ, что это произойдетъ именно въ назначенный день. Сказать банальное — я васъ люблю, — мнѣ претило изъ - за воспоминаній моего не безупречнаго прошлаго, когда эта фраза служила для прикрытія пустоты. Выбрать моментъ и молча ее поцѣловать? Да, пожалуй; вѣдь все предварительное уже сказано, а этотъ жестъ въ ея пониманіи равносиленъ предложенію.

Въ назначенный мною вечеръ я пришелъ къ Поляковымъ въ нервномъ, взвинченномъ состояніи, но безъ колебаній въ рѣшеніи. Послѣ встрѣчи съ родителями мы, какъ всегда остались вдвоемъ въ комнатѣ Жени. Въ моей головѣ было такъ много обрывистыхъ, вихрястыхъ мыслей, что онѣ мѣшали обычно оживленному нашему разговору. Изъ роя этихъ мыслей лишь одна была опредѣленной: сдѣлать «это» до ужина, иначе я рискую не увидѣть Женю наединѣ изъ - за поздняго часа. Чуткая Женя поняла мое волненіе и имъ заразилась. Разговоръ не клеился. Вдругъ какъ то некстати она мнѣ говоритъ, глядя на высоко подвѣшенную фотографію институтскаго выпуска надъ мягкимъ, ковровымъ диваномъ:

— Я получила сегодня письмо отъ Олички Платоновой; она выходитъ замужъ за Нику Слюсарева. Вы ее знаете? Посмотрите какая она славная.

— Нѣтъ, — вырвалось у меня испугомъ. Вотъ «оно» приближается. Я сидѣлъ глубоко въ креслѣ со скрещенными на груди руками, чтобы скрыть еле замѣтно трясущіеся пальцы. Видя ее, неустойчиво стоящую на мягкомъ диванѣ съ поднятой вверхъ рукой на карточкѣ, я рѣшилъ приблизиться, обнять ее и поцѣловать. Съ кресла я всталъ уже съ принятымъ рѣшеніемъ и потому, какъ - то вдругъ, спокойнымъ и радостнымъ, навстрѣчу первому, долгожданному поцѣлую. Она быстро замѣтила эту перемѣну, и вся сіяющая счастьемъ, обернулась и, наклонясь ко мнѣ, протягивая руку... Я поднялъ руку, чтобъ обнять ее и вдругъ!.. Ахъ! какъ неотвратима и безжалостна судьба!.. Вѣдь одинъ мигъ тогда продленный могъ измѣнить всю мою жизнь!

— Что же случилось въ этотъ мигъ?

— Рѣзкій, глушащій, звѣриный ревъ разразился въ моемъ желудкѣ. Ты слышалъ рычаніе льва въ клѣткѣ, когда кажется черезъ его пасть изрыгается вся мощь его звѣринаго нутра. Такъ вотъ нѣчто подобное случилось со мной въ этотъ моментъ. Замѣть, что никогда до этого, никогда послѣ, подобное не случалось въ моей жизни. Это было дѣйствительно что - то сокрушающее, разящее.

Какъ подъ роковымъ ударомъ сжалось мое трепетное тѣло, погасли чувства и лишь одна мысль, какъ молнія блеснула въ головѣ: не судьба! Пробормотавъ какое то извиненіе, я ушелъ отъ Жени навсегда.

Грянувшая война заглушила мое чувство и я, можетъ быть, забылъ бы случившееся, если

бы оно не повторилось въ болѣе отвратительной формѣ и также въ знакъ протеста моему браку.

Ты знаешь, что послѣ раненія въ Великой войнѣ, я прибылъ въ Новочеркасскъ для выздоровленія. Жизнь здѣсь протекала безъ особыхъ измѣненій, хотя и чувствовалась какая то взбудораженность въ людяхъ, ускорявшая пульсъ тихой, праздной жизни. У однихъ появилась дѣловитость, энергія и озабоченность; у другихъ же, напротивъ, какая то безшабашность съ обостренными чувствами въ поискахъ веселой жизни и наслажденій, которыя расцвѣтаютъ пышно въ обществѣ въ смутные періоды его жизни. Видимыми причинами можно было считать широко развивавшуюся дѣятельность земско - городского военно - промышленнаго комитета, которая вводила здѣсь новое понятіе о значеніи оранизованной общественности, и наплывъ людей съ фронта съ деньгами и жаждой отвлечься отъ жестокой дѣйствительности войны. Георгіевское оружіе и рука на черной повязкѣ создали мнѣ славу героя и я закрутился въ обществѣ, поддаваясь его новому темпу. Мои прежнія чувства къ Зинѣ Болотиной теперь обострились, какъ и желаніе ускорить мой бракъ съ ней. Молодежи стало меньше вокругъ Зины и сама она стала разсудительнѣе, серьезнѣе. Она возмужала, оформилась и была еще болѣе граціозна, оправдывая свое названіе. Скоро я сталъ въ ихъ семьѣ своимъ человѣкомъ все съ тѣми же серьезными намѣреніями, которыя поощрялись ея родителями, но я не былъ глубоко увѣренъ въ искренности оказываемаго мнѣ расположенія Зиной. Иногда мнѣ казалось, что она искала въ женихѣ чего-то необычайнаго, какъ говорятъ — принца заморскаго. Въ ея характерѣ была одна недопустимая черта для семейной жизни, преодолѣть которую я считалъ неизбѣжнымъ. При этомъ я отлично сознавалъ, что могу нарваться на рѣзкій отпоръ и разрывъ нашихъ отношеній. Дѣло въ томъ, что мать Зины была простая казачка, милѣйшая женщина, которая сумѣла усвоить внѣшнюю свѣтскость манеръ, но ея хуторской языкъ часто имъ не слѣдовалъ. Это было бичемъ для Зины; рѣзкими сценами при этомъ она отравляла жизнь бѣдной матери, скромность которой при капризахъ дочери доходила до жертвенности. Я старался демонстрировать передъ Зиной мое искреннее расположеніе къ ея матери и уже замѣтилъ нѣкоторый успѣхъ моего вліянія на Зину.

— Вы, кажется, готовите себѣ тещу? — насмѣшливо замѣтила она однажды.

— Нѣтъ! Раньше я сочту нужнымъ подготовить себѣ невѣсту. Я просто воздаю должное великодушію вашей мамы.

Долженъ теперь сдѣлать отступленіе въ ходѣ разсказа, чтобъ объяснить для тебя нормальность и въ этотъ разъ разительнаго случая, который для меня все же остается звеномъ, крѣпящимъ мой фатализмъ.

Ты, вѣроятно, знаешь типичную, интеллигентскую семью Абрамовыхъ, живущую на Сѣнной улицѣ. Мать — вдова войскового старшины въ отставкѣ, три сына, изъ которыхъ два артиллериста и дочь, бывшая институтка. Всѣ дѣти, убѣжденные холостяки, веселые, добродушные люди, умѣвшіе заполнять свои досуги изобрѣтательностью своихъ способностей и склонностей и даже даровитости: одинъ изъ братьевъ и сестра были хорошими музыкантами, другой отличный пѣвецъ и третій — былъ декламаторъ съ артистическимъ пафосомъ. Когда семья бывала въ сборѣ, домъ ихъ былъ полонъ тѣмъ весельемъ и радостью, которыми такъ счастливы хорошо налаженныя большія семьи. Въ четвергъ на масляной недѣлѣ я былъ приглашенъ къ нимъ на блины. Я зналъ, что блины будутъ обильными, но я былъ плохой питокъ: двѣ, три рюмки добраго вина, а въ крайнемъ случаѣ, водки, — мой предѣлъ, за который я никогда не перехожу, тѣмъ паче, къ пяти часамъ этого вечера я долженъ быть у Зины, гдѣ рѣшительный разговоръ могъ возникнуть каждую минуту. Помню, день выдался какой - то ликующій. Яркое солнце, несмотря на морозное утро, казалось, ласкало бѣлизну снѣга на крышахъ и санномъ пути въ побѣдной игрѣ весны съ зимою. Моя радостная бодрость аккордомъ звучала въ шумномъ, молодомъ весельѣ семьи Абрамовыхъ. Не только блины и попутныя имъ явства были на славу, но и остроумные антракты, на которые такъ изобрѣтательны веселые холостяки. Искреннее радушіе хозяевъ раскрывало сердце и... ротъ. Ну, какъ было устоять передъ настойчивыми просьбами: — милый, родненькій, Петенька, еще одну и баста! Четвертая и пятая рюмки прошли незамѣченными... Блинное состязаніе окончилось потерею счета. Часы напомнили объ обязательствѣ быть вѣрнымъ данному слову Зинѣ, что вызвало радостный и смѣлый порывъ къ ней. Грузный, но твердый на ногахъ и съ яснымъ мышленіемъ я вышелъ отъ Абрамовыхъ.

Привѣтливо я улыбнулся склонявшемуся къ закату солнцу, полною грудью вдохнулъ

свѣжащій меня морозный воздухъ и всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ крылатую легкость влюбленнаго. Мелькнула мысль — удобно ли въ такомъ видѣ предстать передъ ея родителями, но ощутимая молодцеватость уравновѣсила ее рѣшеніемъ: пока пройду отъ Сѣнной до Воспитательной все будетъ въ порядкѣ. Эта же молодцеватость толкала меня на иное рѣшеніе: объясниться съ Зиной сегодня же!

Дверь у Болотиныхъ открыла мнѣ горничная.

— Въ домѣ никого нѣтъ изъ господъ, но Зинаида Петровна просила васъ подождать ее; она оставила вамъ записку.

Въ ея комнатѣ на столѣ я увидѣлъ бутылку моего любимаго бургонскаго вина, печенье и вазочку съ малиновымъ вареньемъ.

«Подождите, скоро приду. Угощайтесь. Варенье по выбору мамы, которое начинаетъ нравиться и мнѣ. Зина.». Послѣднія четыре слова подчеркнуты.

— Ага! начинаетъ поддаваться! — Подумалъ я и началъ обсуждать планъ предстоящей атаки... Духота жарко натопленныхъ комнатъ мутила голову и давила грудь. Тишина дома въ вечернихъ сумеркахъ буравилась откуда то нуднымъ, монотоннымъ жужжаніемъ кофейной мельницы. Я нервно ходилъ по комнатѣ. Изъ - за створчатой шелковой ширмы бѣлоснѣжное пятно кровати неотступно манило покоемъ и нѣгой. Какъ зачарованный, я приблизился къ нему и рука моя ощутила нѣжную ласку шелка покрывала, кружева подушки.

— Навѣрное опоздаетъ, — подумалъ я въ оправданіе своей наглой мысли прилечь на минутку и вскочить при малѣйшемъ шорохѣ. Разгоряченная голова поддавалась соблазну тѣла и, въ забвеніи, грузной тяжестью я упалъ на дѣвичью кровать. Ж - ж - ж противной мельницы продолжало буравить голову. Медлительныя, регулярныя тик - такъ, тикъ - такъ, старинныхъ, большихъ часовъ въ гостинной, вбивали гвозди въ мои виски; воротникъ кителя душилъ; жирныя волны перегаромъ подкатывали къ горлу. Мысль облегчиться виномъ была противна...

Конвульсивнымъ движеніемъ тѣла отъ удушья я проснулся...

Чтобы не вызывать чувства брезгливости, я не буду говорить о подробностяхъ...

— Да положеніе изъ аховыхъ!

Былъ лишь одинъ моментъ сознательнаго ужаса, дальше мое животное подсказало что надо сдѣлать, используя темь и абсолютную тишину въ домѣ. Я быстро сдернулъ со стола салфетку, не обращая вниманія на шумъ упавшей бутыли, которая булькала разливавшимся виномъ, вытеръ этой салфеткой и шелковымъ покрываломъ кровать и, крадучись, тѣнью выскользнулъ изъ дома. На другой день я бездоблестно скользнулъ на фронтъ, который къ тому времени и самъ такъ же бездоблестно скользнулъ въ пучину. И такъ, до настоящаго времени я остаюсь все съ тѣмъ же чувствомъ скольженія внизъ. А уже настаетъ время, когда слѣдуетъ подитожить свою жизнь и сдѣлать выводы, что я и дѣлаю, пользуясь моимъ случаемъ: мы слишкомъ обжирались въ нашей безпечности счастливой жизни, за что и наказаны.

— Я все же не вижу основаній для твоего фатализма при такой логичности событій?

— Я, человѣкъ вѣрующій въ Бога, не могу низводить его всемогущество до нашихъ мизерныхъ дѣлишекъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я вѣрю, что есть какая - то загадочная сила, располающая ими съ удивительной опредѣленностью и точностью. Въ двухъ разсказанныхъ мною случаяхъ я теперь ясно вижу и опредѣленность замысла — помѣшать моему браку — и строго расчитанную точность во времени. Кстати ужъ и это странное сочетаніе названій моихъ пассій: Эмми - Грація! Вѣдь это — указующій перстъ моему будущему.

— Я вижу, дорогой Петя, что вся твоя чертовщина происходитъ отъ твоего одиночества, отрѣшенности отъ всѣхъ и вся. Ты заперся со своими думами, секретами въ свое прошлое, варишься въ своемъ соку и начинаешь терять чувство мѣры. Наше дьявольское время нагромоздило въ жизни каждаго изъ насъ столько событій и случаевъ, давящихъ насъ тяжестью своего несчастья, что углубляясь въ нихъ и комбинируя, можно впасть или въ мистику, или просто свихнуться съ здраваго смысла. Провѣтрись, раскройся, покажись на людяхъ съ твоими думами и секретами, стертыми двадцатилѣтней давностью. Твои случаи очень забавны и ты услышишь взамѣнъ много подобнаго. Посмѣйся вмѣстѣ надъ ними и ты увидишь, что добродушный смѣхъ есть лучшій способъ общенія, который облегчаетъ грузъ пережитыхъ горестей. Хочешь, я перескажу твои случаи другимъ и ты повѣришь моему совѣту?

— Пожалуй, но... въ третьемъ лицѣ.

Читатели, помогите мнѣ вашимъ добродушнымъ смѣхомъ снять хотя бы маленькую часть гнетущей тяжести думъ съ... вашего близкаго!

Степной

ЛАЗОРЕВЫЙ ЦВѢТОКЪ

Лѣсная сказка

Стоналъ въ трубѣ свирѣпый вѣтеръ, толкалъ тройныя вьюшки, словно собирался ворваться въ жаркія комнаты.

Худенькій, бѣлокурый, съ румяными щечками Мишутка и пухлая, тоже бѣлокурая сестренка Даша сидѣли у раскаленной грубки и смотрѣли, какъ дѣдушка, въ разстегнутой розовой рубахѣ и бурой въ латкахъ жилеткѣ, мѣшалъ пшенную кашу, хлюпавшую на истлѣвшихъ дубовыхъ угляхъ.

Маленькая, высохшая бабушка накрывала столъ голубымъ клѣтчатымъ самотканнымъ дежникомъ и раскладывала облѣзлыя деревянныя ложки.

Хотя семья Гречухиныхъ и состояла изъ четырехъ человѣкъ и пятаго работника — пропойцы Зеновея, но бабушка всегда клала на столъ лишнюю ложку, къ которой никто не прикасался. «Прилетитъ съ неба родительская душа, поисть съ нами невидимкой и полюбуется на своихъ сироточекъ», говорила бабушка и Мишутка съ Дашей, осиротѣвшіе малютками, благоговѣйно внимали бабушкинымъ словамъ.

Большую горницу казеннаго кардона съ тремя широкими мѣтками на потолкѣ освѣщала старая, облѣпленная замазкой лампа, прикрученная изъ экономіи наполовину. Въ горницѣ пять оконъ, изъ которыхъ одно всегда оставляли съ открытой ставней. Несмотря на духоту въ горницѣ въ двѣ рамы окно промерзло насквозь, оставляя на стеклахъ снѣжные узоры. Окно служило часами и дѣдушка съ бабушкой, по падающему свѣту точно опредѣляли время ночи.

Вечеряли рано и долго, обсуждая, обычно, житейское. Больше говорила бабушка, а длиннобородый Зеновей лишь сопѣлъ, какъ запаленный конь и часто сморкался въ синюю тряпку, привязанную на веревочномъ пояскѣ.

Послѣ вечера Мишутка и Даша несли посуду въ кухню, а оттуда приводили въ горницу маленькихъ разномастныхъ козлятъ и играли съ ними до сна. Козлята прыгали, залазили подъ желтую калерчатаго дерева кровать съ коневымъ одѣяломъ и горой въ яркихъ наволочкахъ подушкахъ; пробѣгали мимо двухъ большихъ, окованныхъ жестью, сундуковъ, цѣплялись за листья олеандры, фикуса, филадендрона, лимона; вскакивали на скамеечки, гонялись за лѣнивымъ желтымъ котомъ, котъ, фыркая, ложился на спину и нѣжно лапками трогалъ козлячьи мордочки. Но въ зимніе вечера дѣдушка любилъ читать дешевыя тоненькія книжечки и тогда Мишутка и Даша разстилали на полу шерстяную полость и жадно слушали монотонное, громкое, раздѣльное дѣдушкино чтеніе. Книжки были изъ жизни разбойниковъ или же изъ житія святыхъ подвижниковъ и послѣднія всѣхъ разстрагивали до слезъ. Дѣдушка то и дѣло снималъ очки, вытиралъ лившіяся слезы, а Даша жалась къ Мишуткѣ и грязными рученками размазывала слезенки на своемъ личикѣ.

Книжечками въ яркихъ зеленыхъ, розовыхъ красныхъ обложкахъ дѣдушку снабжалъ его другъ, чернобородый старикъ Дормидонычъ изъ ближайшей къ кардонамъ казеннаго лѣсничества станицы Александровской. Мишутка и Даша любили Дормидоныча и его приходъ для нихъ всегда былъ радостнымъ. Дормидонычъ гостилъ на кардонахъ по три - четыре дня и тогда всѣ вечера читалъ сказанія о святыхъ угодникахъ. Былъ грамотнѣй дѣдушки и читалъ книжки съ необыкновеннымъ мастерствомъ. Была у Дормидоныча своя повадка: перекрестится, послюнитъ указательный палецъ, пошуршитъ листкомъ, разскажетъ о какомъ святомъ повѣствуется и въ какой день празднуется его память. «Генваря осьмнадцатаго святаго Афанасія — ... Въ народѣ гутарятъ: Афанасія ломоноса, Афанасія — береги носъ. Генваря двадцать осьмаго преподобнаго Ефрема Сирина...».

Бабушка особенно умилялась, когда Дормидонычъ читалъ про житіе и подвиги великомученницы Варвары и исцѣлителя Пантелеймона. При такомъ гостѣ даже запаздывали со сномъ и бабушка теряла часовую нить.

Обычно же ложились, когда поджарый, съ волчьей шерстью кобель взбирался на повѣть и зарывался въ сѣно, — это шелъ восьмой часъ.

Мишутка и Даша стелили на полъ двѣ полости, на дѣдушкину полость Мишутка разстилалъ обшитый краснымъ съ желтыми полосами тикомъ, валтрапъ, на бабушкину же — Даша клала небольшую перину, подъ подушки бросали дубленыя шубы. Богу молились вмѣстѣ. Бабушка и Мишутка съ Дашей крестили

углы, а дѣдушка едва прикасался къ подушкѣ и начиналъ храпѣть.

— Старикъ, а старикъ! Да ты повернись на - бокъ, анъ храпъ и пройдетъ, чисто, какъ боровъ.

Но дѣдушка свистѣлъ, шипѣлъ, Мишутка толкалъ косматой головой подбородокъ, онъ просыпался, цѣловалъ внученка и снова храпѣлъ.

За долгу зимнюю ночь просыпались три раза по привычкѣ въ извѣстный часъ и бабушка первая разсказывала, что снилось. Въ десятый разъ перечисляли въ какіе дни должны телиться коровы, хотя отлично знали, что Зеновей точно давно опредѣлилъ въ какую ночь и въ какое время отелятся коровы и окатятся очередныя овцы.

Вдругъ бабушка таинственно говорила:

— Ребяты... старикъ... слышите?

— Чаво, старуха?

— На подлавкѣ кубыть кто прохаживается...

— Да это кошка.

— Ну, кошка... она у меня въ ногахъ вотъ спитъ...

— Не иначе, какъ домовой — отвѣчалъ дѣдушка.

— А какой онъ? — робко, со страхомъ, почти одновременно спрашивали Мишутка и Даша.

— Мнѣ, ребяты, не трапилось видать, а такъ, сказываютъ, сѣрый онъ и лохма - атый, лохматый!...

— Послухайте, ребяты, перебила бабушка, я вамъ разскажу. Позалѣтось, такъ же вотъ зимнимъ временемъ, Зена пошелъ въ овечій хлѣвъ посмотрить не окатилась ли желтая коза. Въ хлѣву - то отъ овечьяго духу жа-арко, и только онъ освѣтилъ фонаремъ козій кутокъ, а домовой, какъ си-игъ оттедова, да къ конямъ, а кони, какъ захрапятъ!.. Здоро - овый онъ домовой - то, сказывалъ Зена... Ну, мой старикъ сызнова захрапѣлъ!.. Даша! ты никакъ кричишь? Чаво ты, чадушка?

— Я... домового.... боюсь..

Въ полночь дѣдушка будилъ Мишутку, набрасывали на горячее тѣло шубы и выходили на дворъ. Мѣсяцъ проливалъ свѣтъ на сосѣдніе два кардона, на длинные стога сѣна, на спавшій, неподвижный, одѣтый въ серебро лѣсъ. Становилось жутко отъ тишины, отъ безконечнаго лѣса, отъ волчьяго воя. Иногда волки выходили на поляну къ кардонамъ, сверкали глазищами, выли, чуя запахъ скота, но забраться на базы не осмѣливались.

— Чаво - то, Мишутка, я со - слѣпу Петровъ Крестъ не найду... Куды онъ передвинулся?.. А въ лѣтнія ночи онъ во-онъ тамъ, надъ тремя дубками свѣтится, — говорилъ дѣдушка, поскрипывая по твердому снѣгу валенками.

— Ну, старуха, и моро-озъ!.. Скотинѣ-то бѣдной холодно-о-о... Зена настелилъ объѣдьевъ, все-таки животинѣ трошки помякше... Вѣтровку какъ бы какая скотиняка не вдарила, она ужъ дю-юже налила, не нынѣ - завтра телочика жди...

Въ пять вставали и начинался трудовой день.

Въ одну изъ лютыхъ зимъ Мишутка заболѣлъ какой - то странной болѣзнью: все хрупкое тѣльце покрылось красными, съ черной иглой посерединѣ, пятнами. Обратились въ Александровскую станицу къ знахаркѣ Багрихѣ. Покачала головой горбатая, приземистая, блѣдная старуха, связала рученки, чтобы Мишутка не чесался, велѣла кормить вишневымъ киселемъ, болѣзнь назвала малиновкой. Недѣлю жила на кардонахъ, вечерами разсказывала какія то смѣшныя исторіи, а черезъ недѣлю Мишутка сталъ выздоравливать.

Даша скучала и все пыталась подойти къ брату, но неумолимая Багриха и близко не подпускала, — болѣзнь могла перекинуться и на нее.

— Погоди, моя умница, деньковъ съ пять, вскочитъ Мишутка и зачнете на салазкахъ кататься.

Даша упала съ рундучка въ снѣгъ головой и на другой день пожаловалась на боль за ухомъ. Пощупала костлявыми пальцами Багриха твердую большую шишку, приложила на ночь теплымъ свинымъ пометомъ и на утро шишка сгинула.

Нервная, усталая отъ повседневной заботы бабушка тяготилась лѣснымъ одиночествомъ и если бывали долгіе промежутки такого одиночества, то бабушка сажала на колѣни Мишутку и Дашу и, обливаясь слезами, подъ пѣсни суховѣя, причитывала:

И, мой болѣзный Ванюшка, умеръ то ты скоро - скорехонько отъ болѣсти триклятой и оставилъ намъ , дѣду съ бабкой, сироточекъ махонькихъ, глупенькихъ... Вы мои голенькіе птенчики, дѣтушки безродные, приласкать то васъ некому, окромя старыхъ дѣда съ бабушкой...

Плохо разбирались Мишутка съ Дашей въ тоскливыхъ причитаніяхъ и слезящимися глазенками несмѣло смотрѣли въ морщинистое бабушкино лицо.

— А ноготки то у васъ, ребяты, какіе повыросли, семка я ихъ пообрѣжу.

Обрѣзанные ногти Мишутка и Даша тщательно искали на чистомъ сосновомъ полу, а бабушка клала имъ ногти за пазуху.

— Сказывали такъ старые люди. Придетъ къ человѣку смертный часъ, а душа то его и покинетъ. Нудно будетъ тѣлу бродить по мытарствамъ сорокъ день, а надо... И придется за грѣхи земные взбираться на высокую превысокую каменную гору. Человѣкъ обезсилитъ, изъ подъ сбитыхъ ногтей будетъ литься кровь, и вотъ старые люди, сталъ - быть, и говорили, что ежели всею жизню коготки то класть за пазуху, то человѣкъ безъ труда будетъ всходить на энту самую превысокую гору...

Въ бабушкиномъ воображеніи представленіе о смерти всегда стояло на первомъ мѣстѣ. Еще нестарой она накупила «на - смерть» полотна, коленкору и платочковъ и все приготовленное хранила въ своемъ сундукѣ неприкосновеннымъ вмѣстѣ съ іерусалимскимъ, въ черныхъ плиткахъ съ изображеніемъ Богоматери, ладономъ и громовой стрѣлой.

Тихо тянулись зимніе короткіе дни, долгія зимнія ночи, то пугающія вьюгами со стонами - свистами, то короткія, слѣпящія сіяніемъ свѣтлаго мѣсяца и далекихъ звѣздъ. Злились лѣсные вѣтры, скрипѣли могучіе дубы, убранные снѣжнымъ серебромъ. Сиротливо въ пологой ложбинѣ выглядывали изъ-за сугробовъ три кардона, окруженные лѣснымъ кольцомъ, сокрытые отъ глазъ человѣка. Въ зимнюю пору не было дѣла въ занесенныхъ сугробами лѣсахъ.

Только въ избахъ текла жизнь, только въ одномъ кардонѣ рѣзвились въ жаркой горницѣ Мишутка и Даша. Дѣтскимъ смѣхомъ веселили дѣдушку съ бабушкой и зимняя печаль улетала въ снѣжные просторы, въ дубовыя заповѣдли, въ буруны съ волчьими стаями, въ плесы съ зарослями, съ старымъ ежевичникомъ, въ солонцы на пескахъ у хутора Подольховскаго.

Лазоревый Цвѣтокъ
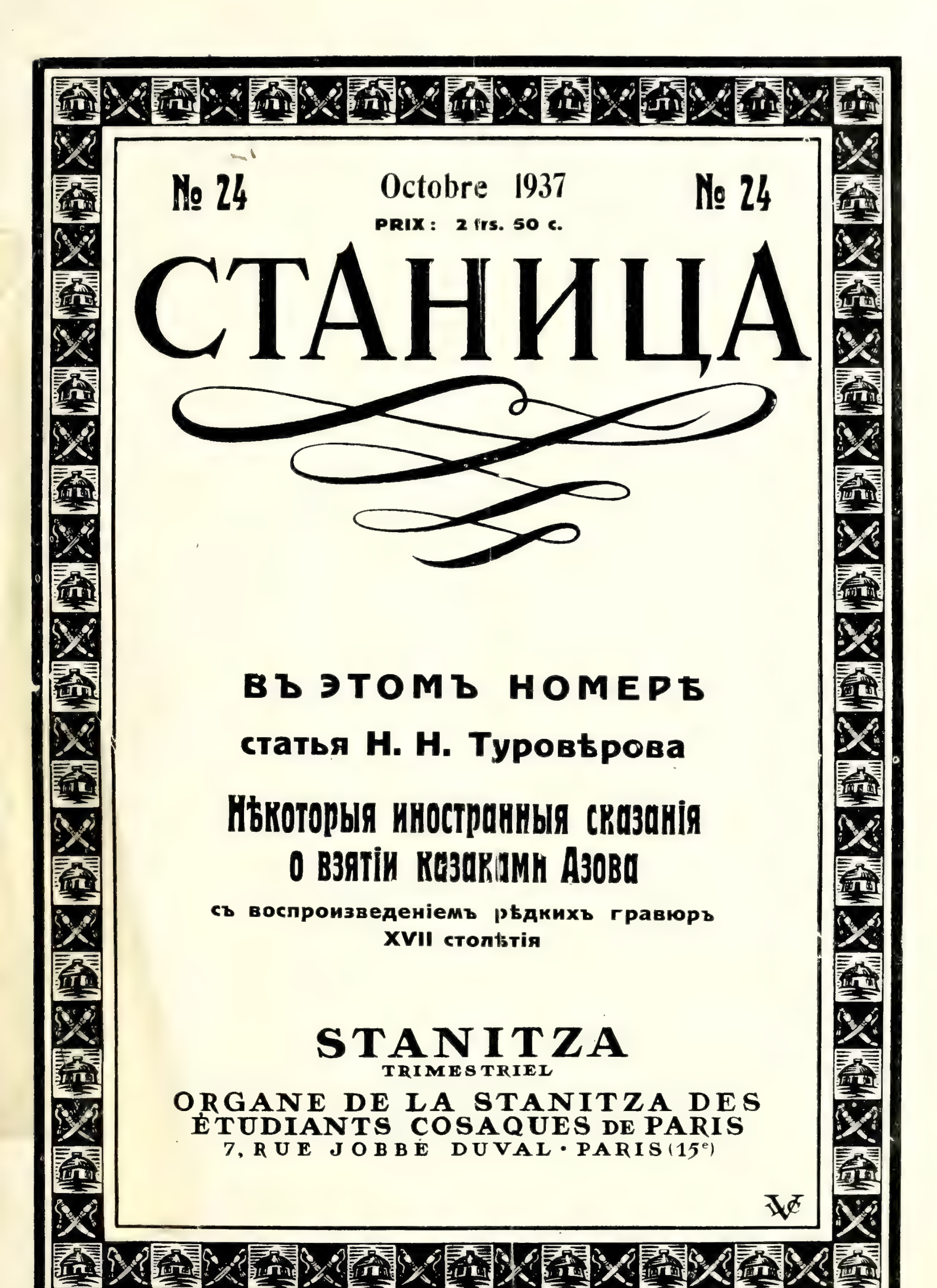
НОВАЯ КНИГА Н. ТУРОВѢРОВА.

Редакція «Станицы» сообщаетъ, что лѣтомъ с. г. выйдетъ изъ печати новая **Книга Стиховъ** талантливаго поэта-казака и нашего долголѣтняго сотрудника, **Николая Туровѣрова.**

Цѣна сборника по предварительной подпискѣ 5 франковъ. Подписка принимается въ редакціи «Станицы».

M. Gousseff, 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15°).

Imprimerie Crozatier. 3, Impasse Crozatier. Paris 12° Le Gérant: Ch. Quénet.

№ 24 Octobre 1937 № 24
PRIX: 2 frs. 50 c.

СТАНИЦА

ВЪ ЭТОМЪ НОМЕРѢ

статья Н. Н. Туровѣрова

Нѣкоторыя иностранныя сказанія о взятіи казаками Азова

съ воспроизведеніемъ рѣдкихъ гравюръ XVII столѣтія

STANITZA
TRIMESTRIEL
ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS
7, RUE JOBBÉ DUVAL · PARIS (15e)

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

«STANITZA» 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 24 ОКТЯБРЬ 1937 **Годъ изданія 6-й**

Съ Войсковыми Праздниками!

ОТЪ ДОНСКОГО АТАМАНА.

Родныхъ Донцовъ и братьевъ Кубанцевъ отъ души поздравляю съ Войсковыми Праздниками.

Да сохранитъ Господь въ нашихъ сердцахъ бодрость и вѣру въ лучшее будущее.

Графъ М. Граббе.

ОТЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ КУБАНСКАГО ВОЙСКОВОГО АТАМАНА ВО ФРАНЦИИ

Войсковой Атаманъ приказалъ мнѣ передать его поздравленія всѣмъ Кубанцамъ и братьямъ Донцамъ съ Войсковыми праздниками.

Передавая эти поздравленія, присоединяю свои пожеланія здоровья, силъ и успѣха въ нашей жизни.

Генералъ-Маіоръ Н. Малышенко.

ОТЪ СТУДЕНТОВЪ-КАЗАКОВЪ

Донского и Кубанскаго Войсковыхъ Атамановъ и всѣхъ братьевъ Донцовъ и Кубанцевъ Парижская студенческая казачья станица проситъ принять поздравленіе съ Войсковыми Праздниками, вмѣстѣ съ пожеланіями добраго здоровья и успѣха.

ПРАВЛЕНІЕ СОЮЗА КАЗАКОВЪ-КОМБАТАНТОВЪ

поздравляетъ Донского и Кубанскаго Войсковыхъ Атамановъ и всѣхъ казаковъ съ Войсковыми Праздниками.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Дуй, вѣтеръ, дуй! Сметай года.
Какъ листьевъ мертвыхъ легкій ворохъ.
Я не забуду никогда
Твой начинающійся шорохъ,
Твоихъ порывовъ злую крѣпь
Не разлюблю я, вспоминая
Далекую родную степь
Мою отъ края и до края.
И сладко знать: безъ перемѣнъ
Ты былъ и будешь одинаковъ, —
Взметай же прахъ Азовскихъ стѣнъ,
Играй листвою буераковъ,
Кудрявь размахъ донской волны,
Кружи надъ нею чаекъ въ плачѣ,
Сзывай вновь свистомъ табуны
На пустыряхъ земель казачьихъ,
И каменныхъ цѣлуя бабъ
Въ свирѣпой страсти урагана,
Ковыльную сѣдую хлябь
Гони къ кургану отъ кургана.

Николай Туровѣровъ.

НИКОЛАЮ ТУРОВѢРОВУ.

Казачье спасибо за степь, за криницу,
За запахъ полыни «сухмень» и бахчу,
За русское сердце, поющее птицей
Россіи, просторамъ, зарѣ и лугу.
Немногіе помнятъ, немногіе цѣнятъ
И въ займищѣ русскую нѣжную тишь,
Гдѣ ласковый вѣтеръ съ восточною лѣнью
Колышетъ, цѣлуя кугу и камышъ.
Задонскія степи, казачье раздолье
Сумѣлъ, какъ никто, умѣстить ты въ стихахъ.
Вѣдь сердце поэта и въ холодѣ, въ боли,
Поетъ и не стынетъ въ полярныхъ снѣгахъ.

19 сентября 1937 г. **Николай Евсѣевъ.**

Во власти пѣсни

Хору Жарова

Бѣжитъ шоссе. Тревожатъ тишь подковы.
Внизу — туманъ, а въ небѣ — Млечный Путь.
Куда-то плыть... не говорить ни слова,
Чтобъ дорогой мнѣ сказки не спугнуть...
Тамъ, за рѣкой, за нашей водной гранью
Остались шумъ, и полуночный свѣтъ,
Прекрасные часы, восторгъ, рукоплесканья,
И снова будетъ глушь... и рядъ угрюмыхъ
лѣтъ. . . .
Былъ это сонъ? и какъ онъ могъ присниться?
Мой бытъ давно безцвѣтенъ и суровъ!
Увидѣть вдругъ свои, родныя лица,
Услышать вдругъ военный ритмъ шаговъ!
Среди чужихъ, въ нарядномъ, полномъ залѣ —
Стряхнуть весь грузъ, что нанесли года...
И ждать, томясь, чтобъ пѣсни зазвучали,
Внимать, боясь, что смолкнутъ навсегда...
Затмилась явь. . . Раздвинулись границы. . .
Блеснула степь, волнуя и пьяня...
И Пѣснь взвилась могучею орлицей
И понеслась, какъ гордый бѣгъ коня!
Въ ней было все: стремленье сердца къ Богу,
Любовь къ Землѣ, родившей казака,
И за нее — молитва и тревога,
И безъ нея — горячая тоска!
Въ ней былъ задоръ лихихъ завоеваній,
И вздохъ навѣкъ оставленной жены,
И буйный сказъ разбойничьихъ преданій,
И гикъ, и плясъ, и легкій всплескъ волны...
Широкій Донъ, отецъ осиротѣлый,
Не плачь о тѣхъ, кого въ станицахъ нѣтъ:
Они твои покинули предѣлы,
Но ихъ узналъ и оцѣнилъ весь свѣтъ.
Кто слышалъ ихъ — уже не позабудетъ,
Кто видѣлъ ихъ — полюбитъ Казака.
И въ наши дни, когда мельчаютъ люди,
Ихъ служба родинѣ нужна и высока!
...Бѣжитъ шоссе. Все ближе — повседневность.
Все громче споръ камней и колеса.
Въ груди дрожитъ знакомая напѣвность,
И все звучатъ родные голоса...
Ползетъ туманъ. Какой печальной ласки
Ночь сентября, какъ эта жизнь, полна!
Не надо говорить... не нарушайте сказки:
Придетъ разсвѣтъ, — и улетитъ она!..

6 сентября 1937 г.
послѣ концерта. **Марія Волкова.**

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛИТЕРАТУРНАГО КОНКУРСА «СТАНИЦЫ»

7 казаковъ — поэтовъ и писателей — откликнулись на объявленный «Станицей» литературный конкурсъ и прислали свои произведенія, помѣщенныя въ предыдущемъ номерѣ журнала.

Всѣмъ имъ, а также и нашимъ читателямъ, приславшимъ свои отзывы, редакція приноситъ горячую благодарность.

Въ результатѣ, на 1 октября с. г.:

Первую премію получила Казачка Марія за «Ночную Бесѣду».

«Казачка Марія» — казачка Сибирскаго казачьяго Войска Марія Вячеславовна Волкова, проживающая нынѣ въ Литвѣ. Имя ея часто встрѣчается въ казачьихъ журналахъ, особенно издающихся на Дальнемъ Востокѣ, въ казачьихъ литературныхъ сборникахъ. Сборникъ ея стиховъ, подъ названіемъ «Пѣсни о Родинѣ», изданъ въ прошломъ году Войсковымъ Представительствомъ Сибирскаго Казачьяго Войска въ Харбинѣ. Объ этой книгѣ ген. С. Д. Позднышевымъ былъ данъ отзывъ въ № 23 нашего журнала.

Вторая премія досталась автору «Фаталиста» («Степной»).

Авторъ — казакъ Раздорской на Медвѣдицѣ станицы В. В. Донского, полк. Василій Ивановичъ Крюковъ, хорошо знакомый читателямъ «Станицы» по его разсказамъ. Его разсказы встрѣчались на всемъ протяженіи пребыванія нашего заграницей въ казачьей и обще - русской печати. Сборникъ его разсказовъ, «Родимый Край», изданный нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ, разошелся полностью.

Третью премію получилъ «Лазоревый цвѣтокъ» за разсказъ «Лѣсная сказка».

«Лазоревый цвѣтокъ» — псевдонимъ Дмитрія Ивановича Воротынскаго, казака Глазу-

новской станицы В. В. Донского, журналиста и писателя, начавшаго свою литературную дѣятельность еще въ Россiи, и сотрудничавшаго съ самаго начала эмиграцiи во многихъ русскихъ газетахъ и казачьихъ журналахъ. Въ нашемъ журналѣ было помѣщено нѣсколько его статей и разсказовъ.

Литературный конкурсъ вызвалъ широкiй сочувственный откликъ среди нашихъ читателей. Изъ Францiи, колонiй, странъ Европы и Америки, казаки разн. войскъ, рядовые и генералы, присылая свои отзывы, нерѣдко дѣлились своими впечатлѣнiями о содержанiи понравившихся имъ произведенiй, мотивируя свой выборъ указываемаго имъ разсказа или стихотворенiя. Нѣкоторые оговаривались, что трудно было выбирать, такъ какъ нравилось все. Были и болѣе строгiе критики («ничего хорошаго не нашелъ — пусть наши писатели пишутъ лучше, но спасибо и за то, что работаютъ въ области казачьей литературы»). Колебанiя въ выборѣ того или иного произведенiя вызывались желанiемъ предпочесть самую тему разсказа или стиховъ, выраженныя въ немъ чувства и мысли, оставивъ въ сторонѣ чисто литературныя достоинства, форму изложенiя.

Но самое главное, что показалъ конкурсъ — общiй интересъ къ казачьей литературѣ и къ ея труженикамъ, насущная потребность поддержать ихъ, дабы, вдали отъ родныхъ станицъ не забывать своей исторiи, языка, быта.

Въ нашихъ тяжелыхъ условiяхъ трудно осуществить такую перекличку казаковъ писателей и читателей, и, если «Станица» въ этомъ направленiи могла кое что сдѣлать, то этимъ она въ значительной степени обязана доброму вниманiю и содѣйствiю почетнаго казака Парижской студенческой станицы и почетнаго Члена Союза казаковъ - комбатантовъ, Аббату К. А. Кенэ, котораго просимъ принять наше казачье спасибо.

Нѣкоторыя иностранныя сказанiя о взятiи казаками Азова

Первоисточникомъ русскихъ изслѣдованiй о взятiи казаками въ 1637 году Азова надо считать (кромѣ, конечно, современныхъ документовъ), рукописное «Сказанiе объ Азовскомъ Сидѣнiи», которое хранилось подъ № 358 въ замѣчательной библiотекѣ гр. Ф. А. Толстого.

Этой рукописью пользовался Броневскiй для своей исторiи Донского Войска (изд. 1834 г.), пользовались ею и другiе, какъ напримѣръ, И. Н. Красновъ для своего капитальнаго труда «Земля Войска Донского» (изд. 1863 г.).

Я не имѣю свѣдѣнiй, была ли издана эта столь важная для казачества рукопись, или хотя бы изслѣдовано ея происхожденiе. Могу только предположительно считать, что попала она въ библiотеку гр. Ф. А. Толстого изъ собранiя П. П. Бекетова и перешла вмѣстѣ съ Толстовской библiотекой потомъ въ Императорскую Публичную Библiотеку, гдѣ и должна находиться по сей день, оставаясь , увы, для насъ недосягаемой.

Не будемъ преувеличивать матерiалъ объ Азовскомъ сидѣнiи, имѣющiйся въ отечественной исторической литературѣ, — этотъ матерiалъ не такъ ужъ и великъ. Въ большихъ нашихъ исторiяхъ гораздо больше говорится о Земскомъ Соборѣ 1642 г., чѣмъ о самомъ фактѣ, для разрѣшенiя котораго собирался этотъ соборъ. Въ нашихъ военныхъ исторiяхъ вовсе не упоминается Азовскiй подвигъ казаковъ, или какъ напримѣръ, въ Военной энциклопедiи генерала Леера упоминается довольно сжато, уступая болѣе пространнымъ и насыщеннымъ описанiямъ Азовскихъ походовъ Петра Великаго.

Не надо усматривать въ этомъ пренебрежительное отношенiе русской исторiи къ казачеству — уже по одному тому, что и въ «казачьихъ исторiяхъ» немногимъ больше можно найти фактическаго матерiала. Да и настоящая исторiя Войска Донского еще не написана, есть только болѣе или менѣе удачные опыты. Первымъ такимъ опытомъ, и, пожалуй, самымъ интереснымъ, именно въ отношенiи Азова, надо считать «Исторiю о Донскихъ казакахъ» А. Ригельмана, инженера и генералъ - маiора, построившаго въ 1761 году на Дону Ростовскую Дмитрiевскую крѣпость (впослѣдствiи городъ Ростовъ). Ригельманъ могъ видѣть и разспрашивать сыновей участниковъ Азовскаго сидѣнiя, преданiе о которомъ было еще свѣжо. Эта извѣстная близость къ эпохѣ и сказалась у Ригельмана въ его страницахъ, посвященныхъ Азову.

Я не располагаю достаточнымъ мѣстомъ для сравненiя Ригельмановскаго повѣствованiя объ

Азовѣ съ повѣствованіями послѣдующихъ казачьихъ историковъ, но укажу только, что всюду упоминаемый «какой то нѣмецъ Іоганнъ», сдѣлавшій подъ Азовской стѣной подкопъ, у Ригельмана имѣетъ еще свое полное имя: «донской казакъ, нѣмчинъ родомъ, Иванъ Арадовъ».

Но, если о взятіи казаками Азова не такъ уже и много фактическаго печатнаго матеріала, то слава объ этомъ чудесномъ подвигѣ не только разнеслась и осталась въ нашемъ Отечествѣ, но и проникла заграницу, — фактъ, болѣе, чѣмъ замѣчательный: триста лѣтъ тому назадъ не только о казачествѣ, но и о Россіи заграницей знали очень мало. Не только слава казачья проникла въ чужія земли, но и первое печатное слово о казачьемъ подвигѣ подъ Азовомъ (да и вообще о казакахъ) появилось именно заграницей. Это — двухтомная «Histoire des Turcs», Франсуа де Месерэ, написанная въ 1649 году и изданная въ 1662 году въ Парижѣ.

Въ этомъ **современномъ** интересующей насъ эпохѣ изданіи описывается приходъ въ 1637 г. на Донъ съ Украйны «банды» въ 3-4 тысячи Запорожцевъ, которые, уходя отъ притѣсненій поляковъ, намѣривались добраться до Персіи, чтобы предложить свои услуги шаху въ его борьбѣ съ турецкимъ султаномъ. Запорожцы предполагали перейти Донъ въ 50-60 миляхъ выше Азова, но въ этомъ мѣстѣ, на островахъ, они встрѣтили 3 - 4.000 Донскихъ казаковъ, которые и предложили совмѣстно взять Азовъ, расположенный на самомъ широкомъ рукавѣ Дона, на склонѣ холма, окруженный крѣпкой стѣной протяженіемъ въ 1.200 шаговъ, имѣющей форму четыреугольника, съ большими башнями и внутреннимъ замкомъ. Городъ былъ центромъ мѣстной торговли масломъ, сыромъ, соленой рыбой, кожей и рабами. Гарнизонъ, видя у осаждающихъ только 4 фальконета, и увѣренный въ полной неприступности своихъ стѣнъ, глумился надъ казаками, но скоро туркамъ стало не до глумленія — mais ils changerent bien de langage — казаки несмотря на канонаду сильной Азовской артиллеріи, неуклонно приближались къ городу, роя траншеи и подкопы. Турки дрогнули и побѣжали, кто въ степь, кто на лодкахъ въ море; сдался и замокъ. Казаки овладѣли городомъ, основательно его разграбили, но и позаботились объ возстановленіи укрѣпленій, сдѣлавъ изъ Азова оплотъ для своихъ набѣговъ въ Азовское и Черное моря. Вотъ содержаніе повѣствованія старо - французскимъ языкомъ о взятіи Азова казаками. Оговариваюсь: о владѣніи

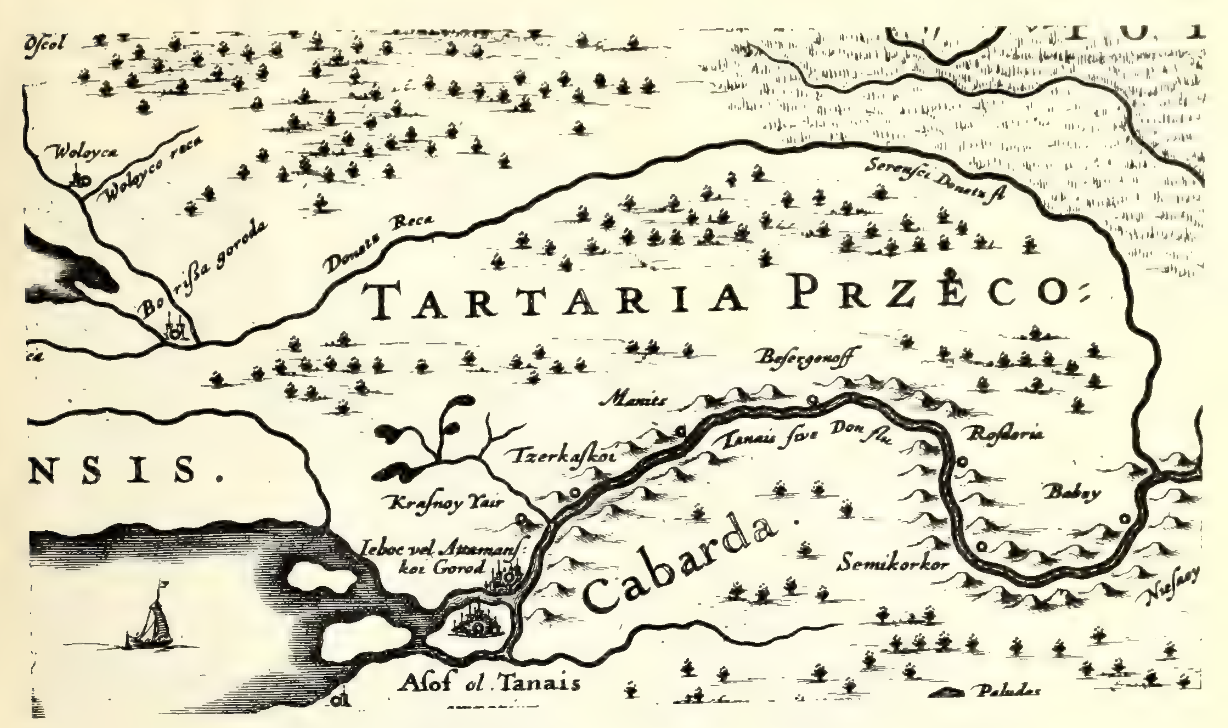

«Казакъ»
съ гравюры Iollain. (середина 17-го стол.).

казаками городомъ, о защитѣ его отъ турокъ, о многихъ казачьихъ поискахъ и набѣгахъ, какъ бы они не были интересны, я не собираюсь писать — настоящая замѣтка касается только взятія казаками Азова.

Двухтомная «Histoire de Russie», Блэн де Сэмора, изданная въ 1749 году, отводитъ казачьему подвигу цѣлую главу — Conquete d'Asof par des Kozaques (année 1637). Въ ней же говорится о тѣхъ же 4.000 запорожцевъ, пришедшихъ на Донъ по дорогѣ въ Персію, о приглашеніи ихъ донскими казаками въ Азовскій походъ и объ осадѣ Азова съ моря и съ суши; но турецкій гарнизонъ исчислялся уже въ 4.000 человѣкъ. У казаковъ нехватало ни пороха, ни свинца, ни жизненныхъ припасовъ, ни, самое главное, денегъ; но царь тайно, не нарушая своихъ мирныхъ отношеній съ Портой, прислалъ казакамъ все, что имъ недоставало.

Одинъ нѣмецъ, находившійся среди казаковъ, сдѣлалъ подкопъ подъ Азовскую стѣ-

Часть карты Исаака *Mossa* — изданіе начала 17-го столѣтія.

ну, взорвалъ ее вмѣстѣ съ осажденными и казаки ворвались въ городъ se battent corps a corps, au poignard avec les Turcs.

М. Лезюръ въ своей «Histoire des Kozaques», изданной въ 1814 году въ Парижѣ, считаетъ (ссылаясь на Гина «Общую исторію Гунновъ» и на Левека), что запорожцевъ пришло на Донъ шесть тысячъ, а Донскихъ казаковъ, встрѣтившихъ ихъ около Азова, было три тысячи. Азовъ обороняло 3 - 4.000 турокъ, отлично снабженныхъ боевыми и жизненными припасами. У казаковъ этихъ припасовъ не было, но они получили ихъ тайно отъ царя Михаила Федоровича, сохранявшаго мирныя отношенія съ Турціей. Опять таки, одинъ нѣмецъ, но уже инженеръ (un ingenieur allemand), взорвалъ часть крѣпостныхъ стѣнъ и казаки бросились на приступъ. Турки защищались, какъ львы — les Turcs se défendant, comme des lions, sur des ruines fumantes. Это звучитъ образно и правдоподобно: львы хорошо знали, что имъ пощады не будетъ. Немногіе изъ нихъ, укрывшись въ башняхъ, только на короткое время отсрочили свою гибель, будучи свидѣтелями грабежей городскихъ жителей и убійства ихъ женъ и дѣтей, abandonnés a la ferocité à un vainqueur impitoyable.

Останавливаюсь на этихъ трехъ, наиболѣе давнихъ, иностранныхъ свидѣтельствахъ о взятіи Азова. Такъ или иначе, объ этомъ упоминается и во многихъ другихъ иностранныхъ трудахъ, вплоть до труда («Les Cosaques») здравствующаго по сей день ген. Нисель. Повторяю, — никакихъ открытій исторической цѣнности эти свидѣтельства почти не даютъ; но они неоспоримо доказываютъ давность европейской славы казачьяго подвига подъ Азовомъ, той славы, про которую П. Н. Красновъ такъ хорошо сказалъ въ своемъ историческомъ романѣ «Все проходитъ», — «...А слава казачья пребудетъ во вѣки вѣковъ».

Приводимыя здѣсь иллюстраціи, за исключеніемъ «**Взятія Азова**» грав. Адама, взяты изъ **современныхъ** эпохѣ иностр. изданій.*) Изображеніе казака, «нещадящаго ничего, предающаго все мечу и огню», на фонѣ битвы около осажденной крѣпости, (возможно Азова), покажется намъ, пожалуй, утрированнымъ. Но какимъ другимъ современнымъ изображеніемъ казака мы его замѣнимъ?

Висковатовъ, давшій документальныя изображенія костюмовъ и вооруженія русскихъ воиновъ начиная отъ 14-го вѣка и располагая

*) Всѣмъ матеріаломъ для настоящей замѣтки авторъ пользовался въ библіотекѣ генерала Д. И. Ознобишина.

Взятіе казаками Азова

съ гравюры F. A. David (по рисунку Monnet)
изъ «Histoire de Russie» de Sainmore 1749.

для этого богатѣйшимъ матеріаломъ, все же не рѣшился изобразить Донского казака середины 17-го вѣка, давъ только описаніе его одеждѣ, которое говоритъ само за себя:

Янычаръ эпохи взятія Азова
(изъ книги «Histoire de Turcs», de Mezeray, изданія 1662 года).

«Донскіе казаки, пріобрѣтая себѣ одежду и оружіе вооруженной рукой, ни въ той, ни въ другомъ не имѣли, и не могли имѣть, однообразія... Почти у всѣхъ были шелковые Турецкіе кушаки; красные, или желтые, сафьяновые сапоги, и куньи шапки съ бархатнымъ верхомъ. — Другіе одѣвались въ Турецкія, Черкесскія или Калмыцкія одежды. Недостаточные носили одежду изъ толстаго сукна; вообще же на Донскомъ казакѣ видна была смѣсь оружія и уборовъ разныхъ народовъ: Ногайское сѣдло, Турецкая попона, Русская пищаль, Персидская сабля, на поясѣ булатный ножъ съ черенками рыбьяго зуба, саадакъ, ручница, пика, рогатина и пр., словомъ — смѣшеніе самое разнообразное».

Великій соблазнъ для воспроизведенія представляютъ зарисовки донскихъ казаковъ и казачекъ, сдѣланныя Ригельманомъ. Правдивость этихъ зарисовокъ неоспорима, но сдѣланы онѣ на вѣкъ съ четвертью позже взятія казаками Азова, — срокъ для перемѣны въ костюмахъ и вооруженіи болѣе чѣмъ достаточный, особенно, если еще сдѣлать поправку на царствованіе такого не любителя старины, какимъ былъ Петръ Великій.

Николай Туровѣровъ.

ПАРИЖЪ.
КАЗАЧЬИ ПРАЗДНИКИ.

Въ воскресенье 17 октября въ залѣ Жанъ-Гужонъ въ канунъ Войскового Праздника Донского войска и по случаю трехсотлѣтія взятія Азова въ 4 ч. дня былъ отслуженъ молебенъ съ провозглашеніемъ вѣчной памяти убіеннымъ и усопшимъ Атаманамъ и казакамъ и всѣмъ Атаманамъ и казакамъ, сражавшимся подъ Азовомъ.

Послѣ молебна, тамъ же состоялось торжественное собраніе, на которомъ прочли доклады объ Азовской эпопеѣ заслуженный проф. ген. А. А. Гулевичъ и Ген.-Штаба Ген. Маіоръ Е. М. Герасимовъ.

Въ тотъ же день по случаю Донского Войскового Праздника состоялась Войсковая хлѣбъ - соль въ 7 час. веч. въ залѣ «1000 колоннъ».

АТАМАНСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ.

24 окт. ,въ 2 ч. дня, на кладбищѣ С. Женевьевъ де Буа (подъ Парижемъ) Атаманцы отслужатъ панихиды у могилы начальника У-ща ген. В. П. Попова и у могилы шефа Училища, ген. А. П. Богаевскаго.

ГРЕНОБЛЬ.

12 іюня обще - казачья станица въ Гренноблѣ устроила казачій концертъ - балъ, прошедшій съ большимъ успѣхомъ, какъ художественнымъ, такъ и матеріальнымъ.

Задолго до вечера началась работа по подготовкѣ его подъ руководствомъ Атамана станицы полк. А. И. Климова. Подготовлялась программа, шли репетиціи хора подъ упр. П. М. Наумова, и оркестра балалаечниковъ подъ упр. М. М. Маркова. Собирались вещи для лотереи при дѣятелн. участіи А. В. и И. Д. Сказкиныхъ, съ цѣнными для казаковъ выигрышами, какъ, напримѣръ, казачья шашка, съ темлякомъ и портупеей, казачья винтовка съ дѣйствующимъ затворомъ, кавказскіе шашка и кинжалъ, съ ножнами, и пр. При энергичной помощи А. К. Николаева организовывался буфетъ.

Вечеръ открылся въ 7 ч. веч. танцами подъ джазъ Д. А. Иванова. Въ концертной программѣ участвовали: хоръ, исполнившій 10 пѣсенъ, оркестръ балалаечниковъ, А. К. Николаевъ (лезгинка), Г. А. Рыжовъ и Вѣра Лобова (казачокъ), Лида Шувалова (боярскій танецъ) — ученица балерины Имп. театровъ Е. А. Кусковой. Всѣ участники концертнаго отдѣленія пользовались большимъ успѣхомъ и были заслуженно вознаграждаемы дружными апплодисментами зала.

Вечеръ произвелъ прекрасное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, что даетъ увѣренность, что въ слѣдующій разъ казачій вечеръ въ Греноблѣ еще больше будетъ имѣть успѣхъ въ городѣ, такъ какъ главное начало — прекрасная репутація перваго казачьяго концерта-бала — уже положено.

Изъ Гренобля намъ присланъ краткій отчетъ о вечерѣ, который и помѣщаемъ здѣсь:

Въ приходѣ: отъ продажи билетовъ — 513 фр.; отъ буфета — 691.20; лотереи — 316.—; отъ продажи погончиковъ — 103.70; пожертвованія — 80.—. Всего 1703 фр. 90 с.

Расходъ выразился въ суммѣ 1107 фр. 55 сант.; въ остаткѣ — 596 фр. 35 сант., каковые розданы казачатамъ, для отъѣзда въ лѣтніе лагеря, съ каковой цѣлью и устраивался этотъ вечеръ.

Въ концѣ отчета станичный Атаманъ благодаритъ всѣхъ потрудившихся для подготовки и устройства бала, всѣхъ участниковъ концерта, жертвователей и всѣхъ, посѣтившихъ казачій вечеръ.

По казачьему

БѢЛГРАДЪ.

Донское Историческое Общество.

По инціативѣ группы Донцовъ въ Бѣлградѣ образовалось Донское Историч. Общество, цѣлью котораго является собираніе историческихъ матеріаловъ, ихъ храненіе и посильная разборка. Учредителями Об-ва были: ген. Богаевскій, ген. Сутуловъ, Д. А. Персіяновъ, полк. Михѣевъ, полк. Даниловъ, полк. Поповъ, д-ръ Николаевъ. Избрано Временное Правленіе съ предсѣдателемъ ген. Богаевскимъ. (Адресъ генерала Богаевскаго: Бѣлградъ, Гарашанинова 25).

ДОНСКАЯ КАЗАЧЬЯ СТАНИЦА ВЪ НЬЮ - ІОРКѢ.

Празднованіе 300-лѣтняго юбилея Азовскаго сидѣнія — эта историческая перекличка донцовъ въ Зарубежьѣ, навсегда останется въ памяти всѣхъ, кто провелъ этотъ знаменательный день въ радушной семьѣ Донской казачьей станицы въ г. Нью-Іоркѣ.

Панихиду въ храмѣ Христа Спасителя трогательно-просто служилъ о. прот. Воробьевъ.

Послѣ словъ синодика «воителей и защитниковъ Родины и вѣры православной казаковъ и казачекъ Азовскаго сидѣнія имена ихъ Ты Господи вѣси»... всѣ стали на колѣни, молитвенно уносясь къ тому далекому прошлому и тѣмъ, кто жизни свои положилъ за Отчизну.

Бѣлу-Свѣту

На панихидѣ присутствовали граждане станицы съ семьями во главѣ съ атаманомъ П. И. Медвѣдевымъ, атаманъ Кубанской станицы Г. И. Ченчиковскій съ супругой, б. атаманъ Терско-Кубанской станицы Глуховъ, съ супругой и мн. др.

Послѣ панихиды вереницы автомобилей прослѣдовали въ Джамейку, въ домъ Г. Ф. Чеботарева, гдѣ всѣхъ ожидалъ столъ, обильно покрытый разнообразными явствами и напитками.

А за балкономъ въ тѣнистомъ саду разжигался костеръ и шли приготовленія къ шашлыку.

Ровно въ 2 часа дня все было готово и С. Г. Чеботарева пригласила собравшихся занять мѣста за столомъ, а атаманъ станицы предложилъ по старинному обычаю начать трапезу молитвою, которая и была стройно пропѣта всѣми присутствующими.

Затѣмъ, по общей просьбѣ, взявъ на себя обязанности тамады и обратившись къ старѣйшему казаку войска ген. штаба ген.-лейт. П. И. Коновалову, просилъ его подѣлиться мыслями о значеніи крѣпости Азова для казачества и Родины и борьбы за него донцовъ.

Блестящій докладъ знатока военнаго дѣла произвелъ глубокое впечатлѣніе.

Хоръ подъ управленіемъ г. Глухова поетъ «всколыхнулся, взволновался, православный тихій Донъ».

Предложеніе послать привѣтственную телеграмму пох. атаману П. Х. Попову принимается единогласно.

Затѣмъ тамада напоминаетъ, что въ завоеваніи Азова принимали участіе и запорожцы, образовавшіе впослѣдствіи вмѣстѣ съ донцами два славныхъ войска, Кубанское и Терское и провозглашаетъ здравицы за присутствующихъ ихъ представителей Г. И. Ченчиковскаго и Г. И. Глухова, а хоромъ исполняется Кубанскій и Терскій гимны.

Тостъ за Россію былъ покрытъ пѣніемъ «пусть свищутъ пули». Могучее грянуло ура. Всѣ встали.

Оглашаются многочисленныя привѣтствія отъ станицъ, отъ организацій и отъ отдѣльныхъ лицъ съ историческимъ юбилеемъ, какъ-то:

Ген. П. Х. Попова, представителя союза казачьихъ войскъ на С. Америку, С. А. Жарова, атамана Терско - Кубанской станицы Гульдіева, Обще-воинскаго Союза , Об-ва Помощи Инвалидамъ въ Зарубежьѣ, настоятеля храма Христа Спасителя о. В. Курдюмова, Об-ва желѣзныхъ стрѣлковъ и др.

Съ рѣчами выступали: И. И. Курицынъ, Г. И. Ченчиковскій, Г. Н. Глуховъ, Ф. В. Левашевъ, А. А. Невидимовъ, И. И. Вороновъ и другіе.

Тронуло всѣхъ до слезъ задушевное слово инж. С. Г. Елатонцева, бывшего члена правительства при атаманѣ Калединѣ, пріѣхавшаго съ супругой и взрослымъ сыномъ изъ дальнихъ окраинъ Нью-Джерзи провести празднованіе славнаго юбилея въ средѣ родныхъ донцовъ.

Память перваго выборнаго донского атамана ген. А. М. Каледина была почтена вставаніемъ.

И полились рѣкой тосты за атамановъ, за лучшихъ сыновъ казачества, за казачекъ, гостей и т. д.

Поднесли чарочки С. Г. Чеботаревой, П. И. Медвѣдеву и Г. К. Николаеву, принявшихъ на себя весь трудъ по организаціи торжества.

Шашлыкъ удался на славу стараніями кубанца Сулы и терца Некрасова. Царилъ подъемъ, всеобще неподдѣльное настроеніе, пѣлись казачьи пѣсни.

Были произведены фотографическіе снимки. Сердечное, завидное единеніе казаковъ, ихъ сплоченность, братская взаимная любовь, казачій несокрушимый духъ.

Незамѣтно подкралась полночь. Опустѣли комнаты и садъ, и казаки и гости отдѣльными группами покидали гостепріимныхъ хозяевъ.

На празднествѣ присутствовало 52 человѣка.

Донецъ.

ДОНСКОЙ ХОРЪ С. А. ЖАРОВА.

Послѣ лѣтняго перерыва, новый сезонъ для хора начался 27 августа, когда, подготовивъ новую программу, хоръ выѣхалъ на концерты по Германіи, а 23 сентября на пароходѣ «Нью-Іоркъ», отбылъ изъ Гамбурга въ С. Америку. Турне въ Америкѣ продлится до начала будущаго года.

Казаки въ Парижѣ, и проживающіе въ провинціи, запрашиваютъ редакцію «Станицы», когда «Жаровцы» пріѣдутъ во Францію. На эти вопросы дать опредѣленный отвѣтъ пока невозможно, такъ какъ, какъ пишетъ намъ С. А. Жаровъ, лишь въ Америкѣ выяснится окончательно программа его концертной работы въ 1938 г. въ Европѣ.

Нашъ сердечный привѣтъ дорогимъ донскимъ соловьямъ, съ пожеланіями новыхъ успѣховъ и новыхъ побѣдъ въ далекой Америкѣ.

На службѣ Франціи

ИЗЪ «ВОСПОМИНАНІЙ ДОНСКОГО КАЗАКА».

Это было въ 1925 году...

Итакъ, послѣ крушенія всѣхъ надеждъ вернуться на Д. Востокъ для возобновленія борьбы, пришлось успокоиться въ Біанкурѣ на должности «гардъ - магазэнъ» у Рено. Жилъ я въ это время въ Ст. Жерменъ-анъ-Лэй и, каждый день, направляясь на вокзалъ, чтобы ѣхать на заводъ, мнѣ приходилось проходить мимо казармъ драгунскаго полка. Старый конникъ, я не могъ равнодушно видѣть милыя сердцу, съ юности, картины кавалерійской жизни. Смѣнная ѣзда, уколы чучелъ, то выводка — все это меня захватывало и часто я останавливался и жадно смотрѣлъ. Бывало, что пропускалъ поѣздъ. Скоро всѣ дневальные у воротъ стали моими пріятелями. Понемногу взяла меня тоска и потянуло неудержимо опять въ родную среду, къ лошадямъ, формѣ, оружію... однимъ словомъ, туда, гдѣ все такъ просто, ясно и опредѣленно, — на военную службу.

Въ это время я воспользовался радушнымъ гостепріимствомъ П. Н. и С. Ф. Ш-хъ и перебрался жить къ нимъ, тоже въ окрестностяхъ Парижа. Продолжая ѣздить на заводъ, я уже больше не видѣлъ драгунскаго полка, но онъ сдѣлалъ свое дѣло и, чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпло во мнѣ рѣшеніе, такъ или иначе, поступить въ Армію. Использовавъ старые французскія знакомства, никому изъ своихъ ничего не говоря, я былъ принятъ генераломъ де-Корнъ, начальникомъ кавалерійскаго отдѣла въ Военномъ Министерствѣ. Изложивъ ему цѣль моего визита, я просилъ его о зачисленіи меня, на какихъ угодно условіяхъ, въ одинъ изъ кавалерійскихъ французскихъ полковъ, дѣйствующихъ въ Марокко. Въ это время тамъ война была въ полномъ разгарѣ. Любезно выслушавъ меня, генералъ предложилъ мнѣ подать прошеніе на имя Военнаго Министра, обѣщая свое содѣйствіе. Прошеніе было тутъ же составлено, подписано мною и, окрыленный надеждою, я отправился домой, съ тѣмъ, чтобы черезъ недѣлю прибыть за отвѣтомъ. Я продолжалъ ѣздить къ Рено. Наконецъ, прошла недѣля и я явился къ генералу де Корнъ. Резолюція В. Министра была слѣдующая: въ виду того, что я не натурализованъ, — единственный путь во Французскую Армію для меня — это Иностранный Легіонъ. Генералъ меня утѣшилъ, что это великолѣпное войско и приказалъ кому то дать справки. Оказалось, что по числу опредѣленныхъ вакансій, иностранный офицеръ, безъ различія чина, можетъ поступить въ Легіонъ подпоручикомъ и, черезъ годъ, при условіи хорошей аттестаціи, будетъ утвержденъ въ чинѣ. Дальше я узналъ, что въ пѣхотѣ есть иностранныя офицерскія вакансіи, а въ кавалерійскомъ полку всѣ — заняты.

— Такъ вотъ, — сказалъ мнѣ генералъ, — выбирайте, — въ пѣхоту — немедленно подпоручикомъ, а въ кавалерію придется ѣхать рядовымъ.

Думалъ я недолго, — въ мои годы ходить пѣшкомъ въ походѣ, да и не знаю я пѣхотной службы! Нѣтъ, лучше рядовымъ, да въ кавалерію!

Генералъ посмотрѣлъ и говоритъ:

— И порицаю я васъ, и апплодирую вамъ. —

Далъ онъ мнѣ рекомендательное письмо въ бюро Легіона и я отправился домой. Въ тотъ же день я взялъ расчетъ у Рено и, чтобы у Ш-ыхъ не выдавать своего секрета, я перебрался погостить въ Марли ле Руа въ семью Хана Н.

На другой день поѣхалъ въ Парижъ, въ бюро Легіона. Меня встрѣтилъ милѣйшій капитанъ Н. По представленіи ему моихъ документовъ и письма отъ де Корнъ, онъ вызвалъ доктора для медицинскаго осмотра и вотъ, мнѣ предложили заполнить листъ пятилѣтняго контракта. Я началъ писать все по правдѣ, въ томъ числѣ и мой возрастъ.

Капитанъ, просмотрѣвъ контрактъ, передѣлалъ мой годъ рожденія, говоря, что иначе возрастъ не подходитъ, и, вотъ, мановеніемъ пера, я помолодѣлъ на четыре года. Затѣмъ мнѣ выдали бумаги, 5 фр. на путевые расходы до Марселя. Я вернулся къ Н-скимъ, держа въ тайнѣ мое рѣшеніе и открылъ секретъ только единственно милѣйшей молодой ханшѣ Маріи Михайловнѣ. И въ этомъ случаѣ она выявила свою чудную русскую душу и съ природной добротой и тактомъ, не задѣвая моего самолюбія, снарядила меня въ дальній путь. На утро я отправился въ Парижъ. Помню, времени до поѣзда было достаточно. Я пошелъ къ сапожнику и купилъ у него пару солидныхъ ботинокъ, говоря, что ѣду въ Африканскую Армію. Онъ пришелъ въ восторгъ и объявилъ, что онъ самъ бывшій зуавъ изъ Туниса и, по этому случаю уступилъ мнѣ ботинки по дешевой цѣнѣ. Спрыснувъ съ сапожникомъ мою покупку въ бистро, пошли къ парикмахеру и тотъ устроилъ мнѣ мою бороду «по африкански».

Наконецъ, вокзалъ, поѣздъ... и вотъ я въ Марселѣ. Направился въ фортъ Ст. Жанъ, гдѣ этапъ Легіона. Въ бюро сидитъ унтеръ-офицеръ; я представилъ ему бумаги; онъ вызвалъ капрала, который оказался русскимъ — легіонеръ, недавно при-

бывшій изъ Индо-Китая. Онъ повелъ меня внутрь форта.

Громадныя ворота, длинная потерна съ подъемомъ — совершенно средневѣковый видъ; вышли на внутренній плацъ, залитый солнцемъ. Капралъ мнѣ сказалъ, что въ комнатахъ клопы, а, если я хочу, то онъ, завѣдуя постельными принадлежностями, помѣститъ меня спать въ складѣ матрацовъ, а затѣмъ добавилъ, что очень жарко и здѣсь есть кантина. Я понялъ; пошли, сѣли, заказали бѣлое вино и глазунью съ саломъ.

— Ну, — сказалъ капралъ, — теперь можно будетъ и обѣдать, — основаніе заложено.

Онъ предложилъ мнѣ ѣсть не въ столовой, а у него въ магазинѣ. Я захватилъ еще литръ бѣлаго и мы пошли обѣдать; капралъ сходилъ и принесъ въ котелкахъ ѣду. Первый разъ въ жизни я ѣлъ французскую казенную пищу; мнѣ она показалась очень разнообразной, по сравненію съ русскимъ котломъ, но не «основательной». Какъ сейчасъ помню, было по сардинкѣ, затѣмъ по кусочку тушеннаго мяса, затѣмъ жареный картофель, «каръ» краснаго вина, кусокъ хлѣба.

Лично я былъ совершенно сытъ. Кофе пошли пить въ кантину. Послѣ, въ томъ же цейхгаузѣ, капралъ повелъ меня къ капитану. Поговоривъ со мной, капитанъ объявилъ, что мой пароходъ пойдетъ черезъ нѣсколько дней и, что если я хочу, то до отъѣзда могу жить въ гостинницѣ. но надо дать адресъ и завтра явиться на экзаменъ по верховой ѣздѣ. Забравъ вещи, которыя состояли изъ кожаннаго портфеля и чемоданчика, съ тѣмъ же капраломъ, мы отправились въ городъ и, тутъ же на набережной, въ поганенькой гостинницѣ, я нанялъ номеръ за 3 фр. въ сутки. Обѣдали въ ресторанчикѣ, ѣли марсельскія блюда, — рыбный супъ, маіонезъ съ чеснокомъ, устрицы. Потомъ гуляли по набережной, заходя въ кафе. Мнѣ очень понравилась эта часть Марселя по своей колоритности и оживленію, напомнивъ мнѣ наши Черноморскіе порты, въ особенности, Одессу. На утро капралъ пришелъ за мной и мы на трамваѣ направились въ какую то обозную часть, гдѣ на плацу стоялъ офицеръ и солдатъ держалъ осѣдланнаго коня. Офицеръ взглянулъ на мои бумаги и сказалъ, что не стоитъ садиться на лошадь, ибо теперь онъ знаетъ, что я кавалеристъ и онъ и такъ поставитъ мнѣ «хорошо».

Мы вернулись въ фортъ, передали капитану бумаги и я получилъ полную свободу до 15 іюля, когда долженъ былъ явиться прямо на пароходъ.

Это было 13 іюля. Мой капралъ, меня не покидавшій, взялъ отпускъ и мы отправились въ городъ.

Городъ оживленно готовился къ Національному празднику, — вездѣ развѣшивались флаги, ставились арки и эстрады. Позавтракавъ, капралъ повезъ меня въ Зоологическій садъ. Садъ довольно жалкій, но съ отличнымъ буфетомъ. Капралъ надавалъ мнѣ массу совѣтовъ, — напримѣръ, въ пути не признаваться никому изъ камарадовъ, что я молодой — «бле», но говорить, что я уже служилъ и возвращаюсь на сверхсрочную службу. На 14-ое онъ пригласилъ меня обязательно явиться утромъ въ фортъ, чтобы посмотрѣть, какъ легіонеры устраиваютъ праздникъ. Тамъ ихъ была цѣлая этапная рота. Утромъ ,въ указанный часъ, я явился въ фортъ и дѣйствительно залюбовался. Весь фортъ, начиная отъ воротъ, былъ убранъ флагами, щитами съ девизомъ Легіона «Честь и Вѣрность» и гирляндами зелени и цвѣтовъ. Голый плацъ преобразился въ цвѣтникъ съ громадной эстрадой, а на одной изъ стѣнъ было натянуто полотно для кино. Вскорѣ строевая часть вернулась изъ города, гдѣ принимала участіе въ гарнизонномъ парадѣ и, въ ея рядахъ, нѣсколько легіонеровъ, не успѣвшихъ въ своихъ частяхъ получить ордена за боевыя отличія. Они имъ были навѣшаны во время парада.

Люди разошлись по столовымъ; я со своимъ путеводителемъ тоже сѣлъ за столъ; чего только тутъ не было! Столы и стѣны украшены цвѣтами и зеленью, флажками и гирляндами; преобладающіе цвѣта — цвѣта Легіона — зеленый и красный. Ѣда: разнообразныя закуски, «салатъ - рюссъ», — то, что мы называли «салатъ Оливье», по большому куску жареной свинины съ картофельнымъ пюре, запеченные съ сыромъ макароны, зеленый салатъ, мороженое, 1/2 литра вина на человѣка, кофе съ ромомъ и по пакету папиросъ.

Я увидѣлъ, что Легіонъ умѣетъ праздновать. Послѣ полудня начались разные игры и состязанія. Многихъ легіонеровъ интересовали не такъ игры, какъ частое навѣдываніе въ «кантинъ» и скоро оказалось не мало перегруженныхъ; болѣе трезвые камарады убирали «уставшихъ» и водворяли на койки въ казармахъ. Ни крику, ни скандаловъ, все тихо и дѣловито. Мы съ капраломъ пошли въ городъ посмотрѣть на толкотню въ порту. Разряженныя торговки, рыбаки, грузчики, матросы, солдаты, портовыя феи и просто зѣваки — «буржуи», — все это двигается сплошной толпой по набережной; гнусятъ грамофоны, на эстрадахъ оркестры, нанятые городомъ, танцы, трескъ фейерверковъ.

На другое утро я отправился на пароходъ; мой капралъ пришелъ меня проводить. На прощанье онъ далъ мнѣ еще нѣсколько совѣтовъ, какъ себя держать въ Легіонѣ и, наконецъ, пароходъ приготовился отчалить. Какой то солдатъ проигралъ сигналъ и затѣмъ начали кричать: «всѣмъ военнымъ, отпускнымъ, сверхсрочнымъ, новобранцамъ построиться на палубѣ для переклички». Пришелъ

офицеръ, комендантъ парохода, повѣрилъ, раздалъ бумаги, далъ нѣсколько указаній относительно порядка и предупредилъ, что будетъ примѣрная тревога, на случай крушенія. Офицеръ что то сказалъ капитану парохода и вотъ послѣ оглушающаго рева сирены, мы тронулись. Прошли, оставляя справа островъ Монте-Кристо, и долго еще золотой звѣздой горѣла въ маревѣ жаркаго утра статуя Божьей Матери де ла Гардъ.

Страничка жизни перевернулась... Начиналось новое.

(Продолженіе слѣдуетъ)

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА ВЪ АРАГУА (Парагвай)

Вербное воскресеніе. Съ утра чувствуется большой праздникъ. На церковной площади на очень высокомъ и тонкомъ шестѣ развивается Парагвайскій національный флагъ. Всѣ отъ мала до велика группами и въ одиночку съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ шествуютъ въ церковь. Призывно гудятъ колокола, мелкой дробью разсыпается праздничный трезвонъ. Изъ церкви доносятся звуки фисгармоніи и цѣніе хораловъ.

Погода такъ хороша, такъ чистъ и прозраченъ воздухъ, такъ ласково и мягко (уже не по лѣтнему теперь) пригрѣваетъ солнышко. Въ природѣ чувствуется еле замѣтное, почти неуловимое дыханіе приближающейся осени:

Начинаютъ осыпаться листья у огромнаго бутылкообразнаго дерева, покрытаго колючими шипами, похожими на острыя ракушки. Пришедшіе на смѣну листьямъ бутоны кое гдѣ уже распустились въ пятиконечные, какъ морскія звѣзды, бѣлорозовые нѣжные цвѣты. Порѣдѣли на удивительной красоты исполинскихъ вѣтвяхъ раскидистаго чивато кроваво - красныя кисти цвѣтовъ и повисли согнутые въ бараній рогъ гигантскіе сочно - зеленые стрючки.

По окончаніи литургіи, подъ звуки мѣстнаго оркестра и колокольный звонъ, изъ церкви вышелъ крестный ходъ. Медленно двигалась вокругъ церковной площади мимо нашего дома процессія. Высоко надъ головами плавно прослѣдовала сдѣланная неискусною рукою сидящая на деревянномъ осликѣ статуя Христа. За нею пальмовой рощей съ вѣтвями въ рукахъ пестрая толпа. Босые, но чистые и принаряженные мужчины вытирали щегольскими платочками падающія со лба крупныя капли пота. Босоногія парагвайки рябили до боли въ глазахъ ослѣпительно яркимъ дешевымъ блескомъ своихъ праздничныхъ шелковыхъ нарядовъ.

Изъ церкви всѣ чинно разошлись по домамъ, бережно неся пальмовыя вѣтви. Цѣлый день у каждаго въ рукахъ можно было видѣть такую вѣтвь. Несетъ черноногая баба ношу на головѣ — въ рукахъ у нея зеленѣетъ. Идетъ по улицѣ офицеръ съ портфелемъ въ одной рукѣ, въ другой вѣточка. Молодежь, подростки, — всѣ съ вѣтвями. Красиво. Случайно попались мнѣ на глаза два ссорившихся мальчишки. Задрались. Пустили въ ходъ и пальмовыя вѣтви. Это былъ единственный случай такого использованія освященной зелени и ребята были совсѣмъ малолѣтніе. Вообще же здѣсь къ предметамъ культа отношенье вполнѣ примѣрное и нѣтъ отвратительнаго «вербохлестъ бьетъ до слезъ».

Послѣ крестнаго хода на Вербное воскресенье въ теченіе всей страстной седмицы крестные ходы были каждый день..

Съ утра въ понедѣльникъ въ разныхъ мѣстахъ на площади устраивались изъ камыша или бамбука небольшія загородки, въ которыхъ ставили множество крестиковъ, какъ на парагвайскихъ могилкахъ. Каждая такая загородка называется кальваріо. Начиная съ понедѣльника каждый вечеръ при лунѣ процессія со свѣчами и монотоннымъ пѣніемъ обходила вокругъ церкви, дѣлая остановку для молитвы у каждаго кальваріо.

Когда падала тихая теплая ночь и въ небѣ зажигался Южный Крестъ, изъ церкви выходила процессія. Впереди несли статую Вирхенъ Долороса. — Скорбящая Богоматерь, одѣтая въ черное ниспадающее до низа бархатное покрывало, держала для большей экспрессіи въ слегка вытянутой лѣвой рукѣ кружевной платочекъ. (Платочекъ, нужно отдать справедливость, тончайшей артистической работы, издѣліе мѣстныхъ женщинъ, принятое отъ бабушекъ изъ индѣйскаго племени гуарани). За статуей плачущей Богородицы слѣдуетъ склонившійся подъ тяжестью огромнаго креста Христосъ. Его темная скорбная фигура ясно вырисовывается при лунѣ на свѣтломъ фонѣ неба. Таинственно и жалобно звучитъ монотонное пѣнье коротенькой четырехактной, безъ конца повторяющейся мелодіи. Глухо раздается голосъ священника, (куро), останавливающаго шествіе противъ нашихъ оконъ чтеніемъ «октава естасьонъ» у очередного кальваріо. Благоговѣйно опускается на колѣни богомольная толпа, внимательно слѣдящая за каждымъ словомъ куро; далеко, на площади слышится его голосъ въ тихой теплой подтропической ночи. Замолкшая природа тоже какъ бы прислушивается къ чтенію о страданьяхъ Христа

и притаилась, не кричитъ, какъ обычно по ночамъ, живущая гдѣ то на церкви огромная и таинственная птица «съ бородой», которую «никогда никто не видитъ днемъ, а только всѣ слышатъ ночью». — Послѣ остановки снова поплыли надъ головами Богоматерь и Христосъ. За ними замѣчаю третью статую, которую мнѣ при лунномъ освѣщенiи не удается хорошо разсмотрѣть. По длиннымъ до талiи локонамъ и бѣлымъ одеждамъ предполагаю, что это Магдалина, хотя не увѣрена, не помня подробностей евангельскихъ событiй.

— Хуанъ Батисто, — поясняетъ мнѣ сосѣдка — чичероне. — Если не вѣрите, у него синiй подбородокъ, значитъ мужчина. Сейчасъ не видно, посмотрите днемъ. Сама донья Ремона говорила, а она все знаетъ, въ церкви пыль со статуй вытираетъ, цвѣтами ихъ украшаетъ.

Въ Великiй Четвергъ было омовенiе ногъ. Чернымъ завѣшенъ алтарь. Около него на возвышенiи сидятъ 12 апостоловъ, — 12 босоногихъ ребятишекъ. Сопровождаемый пономарями съ тазикомъ, куро облилъ изъ кувшина водою ноги апостоламъ и роздалъ каждому по одному пезо. На память, вѣроятно.

Великая Пятница — особо чтимый день. Вмѣсто звона стучатъ на спецiальной тарахтѣлкѣ. И старъ, и младъ, всѣ идутъ поклониться Распятiю. Не только жители нашего Арегуа, — изъ окрестныхъ чакръ, изъ дальней кампанья идетъ и ѣдетъ, валомъ валитъ народъ. На запряженныхъ волами «карретахъ» — двуколкахъ вродѣ телѣги съ плоскимъ дномъ поставлены привязанные веревками стулья. На нихъ взгромоздилась цѣлая семья, приглашенные сосѣди и друзья. Съ достоинствомъ, возсѣдаютъ, спокойно смотря по сторонамъ, ревниво оглядывающiе наряды другихъ, красивыя доньи, окруженныя босоногой, но чистенькой дѣтворой. Управляетъ телѣгой самъ отецъ семейства, торжественный и важный по праздничному донъ Педро или донъ Родригезъ. На немъ свѣжевыглаженный бумажный костюмъ съ аккуратной складкой на брюкахъ и новый шелковый платокъ (паньюело) вокругъ шеи.

Площадь гудитъ, какъ улей; лишь у входа въ церковь сосредоточенная тишина. Нацiональный флагъ среди площади приспущенъ и обвязанъ трауромъ На церковной паперти устроена Голгофа. Высится огромный черный крестъ съ распятой на немъ статуей Христа въ нормальный человѣческiй ростъ. Четыре воина — стражника изъ нашего комиссарiата (тѣ, которые вчера на площади помогали мнѣ поймать оборвавшуюся цѣпочку и сбѣжавшаго Мамая) дежурятъ у Креста. Въ правой рукѣ они держатъ винтовку на перевѣсъ, символически уперевъ штыкомъ въ землю. На ихъ головахъ шлемы изъ бумажной защитнаго цвѣта матерiи. Стоятъ, не шевельнутся, съ грустно поникшей головой. Непо-далеку пустой, ажурной работы, прозрачный гробъ въ цвѣтахъ. Около гроба сидятъ двѣ черныя дѣвочки въ фiолетовыхъ хитонахъ съ колючими «терновыми» вѣнками на головахъ, держащiя въ ручонкахъ метелки отъ бамбука. Стоя на спецiально устроенной высокой эстрадѣ, священникъ въ парадныхъ одеждахъ при всѣхъ регалiяхъ, внятнымъ и выразительнымъ голосомъ повѣствуетъ одно за другимъ событiя скорбнаго святого дня Великой Пятницы. Ему жарко. Солнце, хотя уже и не такъ, какъ лѣтомъ, но все же жжетъ немилосердно. Церковный служка очень часто подаетъ ему стаканъ холодной воды. Въ толпѣ многiе подъ зонтикомъ. Не сводя глазъ съ Распятаго люди ловятъ каждое слово пастыря. Я, заброшенная сюда судьбой съ далекаго Дона стою чужая всѣмъ и одинокая въ этой парагвайской толпѣ. Какъ я имъ всѣмъ завидую. Сначала завидую священнику. Счастливъ онъ: то, къ чему онъ въ жизни стремился, то осуществить ему пришлось. Господь далъ ему возможность въ дивной красоты мѣстности (Арегуа — удивительной красоты уголокъ), стоя высоко на горѣ передъ толпой, учить, проповѣдывать. И люди, и природа, лежащее подъ горой 17-километровое озеро, за нимъ Кордельеры, все притихшее, замолкшее слушаетъ его слово. Онъ стремился къ этому и достигъ. Счастливъ онъ. «А мы, эмигранты... и т. д.» невольно въ этомъ направленiи побѣжали мои мысли. Завидую и парагвайцамъ: они дома, у нихъ праздникъ. И они празднуютъ его по своему. Хозяйки съ утра суетятся, пекутъ какой то спецiальный пасхальный хлѣбъ. И во всѣхъ лицахъ видишь какой то подъемъ, единенье, какую то радость быть на Родинѣ, дома. «А мы, эмигранты... и т. д.» опять ловлю я себя на такихъ мысляхъ и мнѣ грустно, и я одна, одна...

Гладко и выразительно льется рѣчь куро. Толпа внимательно слушаетъ, переживая страсти Господни. На нѣкоторыхъ лицахъ видны слезы. Интеллигенцiя табункомъ держится въ сторонѣ, ища прохладную тѣнь. Дамы и кавалеры переговариваются вполголоса. Простонародье же внимаетъ слову пастыря отъ всего своего чистаго сердца, молится истово и усердно, преисполненное искренней несокрушимой вѣрой.

Какой то зонтикъ больно ткнулъ меня въ шею. Оборачиваюсь. Нагнувшаяся женщина въ кулакъ сморкала свою расфуфыренную дочурку. Быстрымъ движенiемъ отмахнула содержимое и вытерла дѣтскiй носикъ чистымъ, аккуратно сложеннымъ четырехугольникомъ праздничнаго носового платка.

Между тѣмъ священникъ, закончивъ чтенiе о смерти Христа, переходилъ къ разсказу о томъ, какъ ученики пришли взять тѣло Божественнаго Учителя для погребенiя. Дальнѣйшiя его слова со-

провождались «дѣйствомъ». Началось нѣчто вродѣ средневѣковой мистеріи. Появились ученики въ яркихъ евангельскихъ одеждахъ съ перекинутыми черезъ плечо такими же яркими кусками матеріи — шарфами.

— «...снялъ надпись «І.Н.Ц.І.» и передалъ ее Божьей Матери» — слышится монотонный голосъ священника. Одинъ изъ учениковъ, кажется, Іосифъ Аримафейскій, взобравшись по лѣсенкѣ, рукой, обернутой въ голубой шарфъ, снялъ съ креста досточку съ сакраментальной надписью, спустился и положилъ ее къ ногамъ Вирхенъ Долороса — страждущей Богородицы. Другой ученикъ продѣлалъ то же самое съ терновымъ вѣнцомъ. Наконецъ, началось снятіе со креста. Осторожно освобожденныя отъ гвоздей Божественныя руки печально повисли вдоль измученнаго тѣла. Съ осторожной торжественностью благоговѣйнаго ученика, касаясь руками, обернутыми въ перекинутые черезъ плечо шарфы, отдѣлили ноги и корпусъ отъ креста и положили Христа въ приготовленный гробъ. Въ толпѣ стояло напряженное вниманіе. Звонко отчеканивалъ слова священникъ. Всѣ, притаивъ дыханье, нервно слѣдили за каждымъ движеніемъ учениковъ. Царила мертвая тишина во время положенія во гробъ. Вдругъ неистовый женскій вопль. За нимъ другой, третій. Рыдали впечатлительныя бабы. Зрѣлище, поистинѣ, потрясающее, а для нервныхъ людей тѣмъ болѣе. — Поднявъ хоругви, понесли гробъ Господень, статую Вирхенъ Долороса и «Іоанна Крестителя» (теперь и я вижу синій подбородокъ) погребальнымъ шествіемъ вокругъ площади. Впереди всѣхъ, открывая шествіе, матери несли на рукахъ тѣхъ двухъ черныхъ дѣвочекъ съ колючими вѣнками, что сидѣли у гроба. Малютки все время шествія въ тактъ размахивали метелочками бамбука. Для чего это нужно было, что онѣ изображали, я такъ и не добилась. Громыхалъ заунывную погребальную мелодію деревенскій оркестръ, тяжело выдавливали несложный мотивъ сиплыя флейты, ухали басистыя трубы и немного отставалъ отъ нихъ нестройный дѣвичій хоръ.

Въ субботу Богородицу переодѣли въ блестящія бѣлыя одежды. «Іоаннъ Креститель» больше уже не сопровождалъ процессіи. Богоматерь проплыла надъ головами одна, идя навстрѣчу Сыну, который воскреснетъ въ эту ночь. (Сегодня въ «ранчо-хатѣ» доньи Рамоны толпились суетившіяся парагвайки: онѣ спѣшили переодѣть въ бѣлое платье Богородицу).

Ночь подъ Пасху. Высоко въ небѣ съ трескомъ разрываются ракеты. Нескладно барабанитъ оркестръ. Народъ устремляется на площадь, посреди которой на висѣлицѣ болтается чучело Іуды Искаріота — олицетвореніе всякой мерзости. Чучело набито всякой нечистью и бичо: крысами, мышами, лягушками, начинено еще петардами, кромѣ просмоленной соломы. Въ ожиданіи публичнаго сожженія Іуды, толпы зѣвакъ разсѣлись по травѣ, на ступенькахъ церковной паперти. Нѣкоторые разгуливаютъ группами и парами, весело перекидываясь привѣтствіями, шутками. Всѣ радуются побѣдой добра надъ зломъ. Луна всходитъ позднѣе. Въ полутьмѣ слышны взрывы смѣха, разговоры. Предпріимчивый коммерсантъ разложилъ на столикѣ незатѣйливый товаръ, вокругъ него толпятся любопытные. Стыдливо мигающая коптюлька тускло освѣщаетъ ихъ лица. Около альмасена (бакалейная лавочка) на углу устроено что то вродѣ ярмарочной лотереи и лампа тамъ яркая «какъ въ большихъ городахъ». Галантные парагвайскіе щеголи бороздятъ темноту электрическими фонариками, изысканными орудіями флирта. Оркестръ развлекаетъ публику, но она и такъ не скучаетъ. Всѣмъ весело, всѣ довольны, всѣ балагурятъ, развлекаются.

Наконецъ, ко всеобщему ликованію, подожженое чучело Іуды загорѣлось яркимъ пламенемъ. Затрещали въ немъ петарды, начали выпрыгивать изъ Искаріота лягушки и крысы, выскочила оттуда и кошка. Восторгъ всеобщій, крики со всѣхъ концовъ. Догоралъ уже послѣдній оставшійся отъ чучела Іуды пукъ соломы, зрѣлище кончалось, а публика все не хотѣла расходиться. Долго еще съ площади слышались молодые звонкіе голоса и веселый смѣхъ.

Свѣтлая заутреня началась въ 4 часа утра. Когда же люди спали? Между тѣмъ въ пасхальномъ крестномъ ходѣ всѣ были бодры и веселы, со свѣтлыми лицами. Радостная и ликующая нарядная счастливая воскресеньемъ Христа, толпа шла за сверкающимъ на солнцѣ балдахиномъ, подъ которымъ священникъ въ свѣтломъ облаченіи несъ святые Дары и, казалось, улыбалась счастливой статуя Богородицы въ бѣлыхъ праздничныхъ одеждахъ.

Соколова-Косоножкина.

Книжная полка

СТИХИ Н. ТУРОВѢРОВА.

Съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ я новую книгу стиховъ Н. Туровѣрова, вышедшую на дняхъ изъ печати.

Пахнуло чѣмъ то роднымъ, свѣжимъ, близкимъ, любимымъ. Какъ будто авторъ - кудесникъ перенесъ насъ на далекій золотой солнечный берегъ Тихаго Дона, въ старый Черкасскъ на низкомъ берегу, въ глубь необозримыхъ, жаркихъ степей Задонья.

Авторъ коснулся самыхъ дорогихъ, нѣжныхъ, самыхъ чувствительныхъ струнъ нашего сердца. Какъ туманъ разсѣялась тяжелая пелена невозвратно ушедшихъ лѣтъ, и просвѣтлѣвшая, прояснившаяся предстала предъ нами далекая Родина, нашъ свѣтлый Тихій Донъ — благословенный край свободы, шири и воли, — край сгорѣвшій въ огнѣ гражданской войны.

Картина за картиной проходятъ передъ просвѣтлевшими, зачарованными, затуманенными взорами красоты Родины — дорогія и волнующія.

Какой необоримый зной
Струится съ выцвѣтшаго неба,
Какой незыблемый покой
Въ просторахъ зрѣющаго хлѣба...

Такъ и кажется надъ головой безконечная голубая высь, яркое, нестерпимое, палящее солнце, море зрѣющихъ хлѣбовъ и на грани горизонта, въ знойномъ маревѣ полдня, одинокіе курганы.

На берегу сушились сѣти;
Качалъ баркасы темный Донъ;
Несъ по низовью влажный вѣтеръ
Собора дальній перезвонъ...

Туровѣровъ одинаково любитъ красоты Дона; онъ чувствуетъ дыханіе Родины вездѣ; ему дорогъ и темный разливъ рѣки въ свѣтлой мглѣ южной ночи и ширь - просторъ океана степей.

Въ жаркомъ маревѣ, въ розовой мглѣ,
Весь Іюнь по Задонью кочую...

* * *

Четвертый день сижу въ кибиткѣ.
Въ степи буранъ. Дороги нѣтъ.
Плохого чая крошитъ плитки
Калмыкъ въ кобылье молоко
И кипятитъ съ бараньимъ жиромъ...

Въ стихахъ Туровѣрова вмѣстѣ съ любовью къ покинутой Родинѣ, нераздѣльно разлита и печаль, и грусть, и горечь неизбывная.

Эти дни не могутъ повторяться —
Юность не вернется никогда.
И туманнѣе и рѣже снятся
Намъ чудесные, жестокіе года...

Больше ждать и вѣрить и томиться,
Притворяться больше не могу.
Древняя Черкасская станица, —
Городъ мой на низкомъ берегу
Съ каждымъ годомъ дальше и дороже...

* * *

Тоскую, горю и сгораю
Въ чужой непривольной дали,
Какъ-будто не зналъ и не знаю
Родной и любимой земли...

Въ заключеніе скажу, — стихи Туровѣрова по формѣ музыкальны, легки и пѣвучи. Ихъ можно смѣло отнести къ отдѣлу художественнаго творчества. Это пѣсни изгнанія, которыя будятъ въ душѣ самыя завѣтныя воспоминанія. Они дороги для насъ также и потому, что даютъ нашей молодежи въ яркихъ живыхъ картинахъ представленіе о нашей Родинѣ, — они родятъ къ ней любовь незримую.

С. Поздънышевъ

НОВАЯ КНИГА ОБЪ АЗОВѢ (1637-1641).

Вышла изъ печати и поступила въ продажу:

И. Ф. Быкадоровъ, «Донское Войско въ борьбѣ за выходъ въ море». Часть I — Взятіе казаками Азова (1637 г.). Ч. II. Азовское Сидѣніе (1641 г.).

Содержаніе (главы).

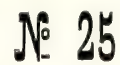
Происхожденіе казачества и донскихъ казаковъ. Московское государство въ началѣ XVI ст. Образованіе Донского Войска. Донское Войско — преграда установленію турецкаго владычества на Востокѣ Европы. Московское государство по уходѣ казаковъ съ Дона. Возстановленіе Донского Войска. Донское Войско и колонизація Московскаго государства по Волгѣ и на югѣ. Образованіе Яицкаго и Терскаго Войскъ и походъ Ермака Тимофеевича въ Сибирь. Блокада Дона Борисомъ Годуновымъ. Донское Войско въ эпоху Московской Смуты. Возстановленіе взаимоотношеній между Московскимъ государствомъ и Донскимъ Войскомъ послѣ Смуты. Морскіе походы въ первой четверти XVII ст. Борьба донского Войска противъ Азова по переходѣ Главнаго войска (столицы) на Казачій Островъ, въ г. Черкасскъ. Проникновеніе Турціи на Сѣв. Кавказъ и противодѣйствіе этому Донского Войска. Борьба донскихъ казаковъ противъ турокъ и татаръ передъ взятіемъ Азова. Обстановка и подготовка ко взятію Азова Взятіе казаками Азова (1637 г.).

Часть II-ая. Отношеніе Москвы ко взятію казаками Азова и владѣнію имъ. Владѣніе казаками Азовомъ. Азовское Сидѣніе. Московскій Земскій Соборъ и оставленіе казаками Азова. Оставленіе казаками Казачьяго Острова и Раздорское Сидѣніе (1643). Результаты столѣтней войны Донского Войска противъ Турціи.

Цѣна 25 франковъ.

Выписывать можно черезъ «Станицу».

Imprimerie Crozatier. 3, Impasse Crozatier. Paris 12e Le Gérant: Ch. Quénet.

№ 25 JANVIER 1938 № 25

Prix: frs. 3

СТАНИЦА

«Моторизованные» пластуны 1918-го года.
Усть-Медвѣдицкій округъ, В. в. Донского.
Съ акварели А Мельникова.

STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS
7, RUE JOBBÉ DUVAL · PARIS (15e)

VC

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

«STANITZA», 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 25 **ЯНВАРЬ 1938** **Годъ изданія 7-й**

Ив. Даниловъ.

БЛАГОДАТЬ

Полдень. Золотится водяная гладь.
Богъ на землю, тихо, сѣетъ благодать.
Вѣтерокъ чуть дышитъ. Шелеститъ верба.
На гумнѣ веселомъ идетъ молотьба.
Перезвоны въ небѣ. Золотистый жаръ.
Въ скирдахъ хлѣба блещетъ солнечный пожаръ
Въ искрахъ весь, сіяетъ въ небѣ крестъ златой.
Долетаетъ съ рѣчки призывъ удалой.
Чей то голосъ, звонко, про волю поетъ
Въ сторону чужую всѣхъ съ собой зоветъ.
И я улыбаюсь. Ахъ, ты егоза!
Скучно ему дома, — все бъ ему гроза.
Нѣтъ! Мнѣ не понятна человѣка стать.
Богъ равно для всѣхъ насъ сѣетъ благодать.

Я, вотъ, бѣдный пахарь, въ родимомъ краю
Люблю, какъ невѣсту, родину мою.
Ничего нѣтъ краше, ближе и милѣй
Для меня простора кубанскихъ полей.

Николай Евсѣевъ.

ВАРІАНТЫ

I

Садъ на левадѣ, осеннее солнце,
Ольхи темнѣютъ внизу въ родникахъ.
Тусклой слюдою за ними болотца
Тянутся въ рѣдкихъ своихъ камышахъ.

Каркнетъ ворона, сорока стрекочетъ,
Вальдшнепъ взорвался у яблонь въ кустахъ.
Дрогнуло сердце — догнать его хочетъ.
Онъ опустился въ зеленыхъ ольхахъ.

Лаетъ собака и слышится бричка.
Въ барашковой шапкѣ ѣдетъ старикъ.
Тенькаетъ звонко на кленѣ синичка.
Солнце бросаетъ улыбчивый бликъ.

Ласково, любо вокругъ все родимо.
Сердце цѣлуетъ здѣсь каждую пядь,
Запахъ кизечнаго древняго дыма,
Блѣднаго хмеля кудрявую прядь.

II

Годы уходятъ... старѣю и стыну.
Въ жилахъ бѣднѣй и спокойнѣе кровь,
Все же оставлю родному я сыну
Къ Дону, къ Россіи живую любовь.

Съ нею живемъ мы и жили въ Россіи
Эта любовь предъ Россіей свѣча,
Наше приволье и дали родныя,
Подвигъ Азова и доблесть меча.

Наша любовь — наши прадѣды, дѣды,
Кровь пролитая въ жестокихъ бояхъ,
Вѣрность до гроба, сіянье побѣды,
Слава казачья живая въ вѣкахъ.

Николай Туровѣровъ.

СОНЪ

— моему брату.

I

Опять все тоже сновидѣнье,
Давнымъ давно знакомый сонъ, —
Волнующее возвращенье
На незнакомый почти Донъ.
О, власть моихъ воспоминаній,
О, эти, будто наяву,
Летящія стрѣлою сани
Въ божественную синеву
Снѣговъ родныхъ, снѣговъ безъ края,
И вѣтеръ рѣжущій лицо,
И этотъ крикъ, когда взбѣгая
На невысокое крыльцо,
Въ дверяхъ родного дома встрѣчу
Отца и плачущую мать.
Ахъ, Боже мой, что я отвѣчу,
Что я смогу имъ разсказать!

II.

Утихнетъ первое волненье
Моей неистовой души
И музы сдержанное пѣнье
Раздастся въ варварской глуши
Страны, знакомой ей впервые,
Но гдѣ я въ дѣтствѣ пережилъ
Уже съ ней встрѣчи роковыя
У запорошенныхъ перилъ
Бесѣдки надъ замерзшимъ садомъ.
Какъ много лѣтъ назадъ, она
Опять со мною будетъ рядомъ
Стихами бредить у окна.
Намъ отчій домъ не будетъ тѣсенъ,
Чудесенъ ладъ нежданныхъ строкъ.
— Тебѣ, мой край, изъ новыхъ пѣсенъ
Сплету нетлѣнный я вѣнокъ.

III.

Искать я буду терпѣливо
Слѣды казачьей старины
Въ пыли станичнаго архива,
Въ курганахъ древней цѣлины,
Въ камняхъ черкасскаго раската,
Въ могильныхъ знакахъ и словахъ,
На пріазовскихъ островахъ,
Въ клинкѣ стариннаго булата,
И ляжетъ путь моихъ раскопокъ,
Когда исполнится пора,
Отъ Волги вплоть до Перекопа
И отъ Азова до Хопра.
Никѣмъ неписанныхъ исторій
Найду потерянную нить, —
Пожить бы только на просторѣ,
Подольше только бы пожить!

IУ.

Но страшный призракъ катастрофы
Уже стучится у дверей, —
Опять знакомый путь Голгофы
Далекой юности моей:
Во тьмѣ ползущіе обозы,
Прощанье ночью у крыльца
И слезы, сдержанные слезы
Всегда веселаго отца;
Опять разлука, и погони,
И чьи то трупы на снѣгу
И эти загнанные кони
На обреченномъ берегу;
Я снова скроюсь въ буераки,
Въ какой нибудь бирючій кутъ,
И тамъ меня въ неравной дракѣ
Опять мучительно убьютъ.

1937.

Въ Союзѣ Казаковъ-Комбатантовъ

Отъ имени Правленія Союза казаковъ — участниковъ войны поздравляю всѣхъ моихъ собратьевъ съ Праздникомъ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА и наступающимъ Новымъ Годомъ.

Въ эти святые дни особенно томится наша душа, невольно переносятся мысли въ далекія края и сами собой встаютъ передъ нами дорогія картины прошлаго.

Изъ чужого, холоднаго далека кажется намъ теперь, что этой жизни вовсе не было, что это только игра нашего воображенія, что это только плѣнительный сонъ. Слишкомъ невѣроятна разница между тѣмъ, что было, чѣмъ мы пользовались, что потеряли и что теперь окружаетъ и наполняетъ наше горестное изгнаніе.

Скажемъ правду для самихъ себя. Наша жизнь на чужбинѣ, — это цѣпь тяжелыхъ, сѣрыхъ, унылыхъ дней. Отняла у насъ эта постылая жизнь радость, веселый смѣхъ, молодость, здоровье и выжала, высосала всѣ наши силы.

Потускнѣли, поблекли, остыли слова, которыми мы себя утѣшали. Кажется уже нѣтъ больше огня въ нашихъ сердцахъ. Угасла вѣра и не питаемъ мы больше надежды увидѣть родную землю.

Кажется!?. Какой страшный вопросъ!

«Многіе готовы впасть въ отчаяніе» сказалъ, нынѣ покойный, отецъ Г. Спасскій въ одной изъ своихъ блестящихъ, боговдохновенныхъ проповѣдей. «Неужели пришелъ конецъ великой и могучей Россіи? Зачѣмъ же пролито столько крови, разорено столько городовъ, обездолено столько людей? И встанутъ изъ могилъ окровавленные павшіе братья наши и скажутъ съ укоромъ: неужели мы даромъ отдали жизнь свою?» И встанутъ матери съ рыданіемъ и проклятіемъ и скажутъ: «зачѣмъ же мы отдали дѣтей своихъ?».

И если мы, передъ своей совѣстью, передъ честью казачьей, захотимъ отвѣтить на эти вопросы, мы скажемъ:

«Да, вѣрно, мы устали въ пути. Но больная мать изнываетъ отъ жажды; запеклись въ крови ея губы. Мы должны принести ей воду.

И если степной ковыль не вытоптали басурманскіе кони, — онъ навѣрно шумитъ еще изъ вѣка въ вѣкъ о древней славѣ, о вольности казачьей.

Такъ неужели сломаются мышцы наши и превратимся мы въ людей забывшихъ свою родину. Неужели мы падаемъ духомъ, тогда, когда можетъ быть нужно еще одно послѣднее усиліе.

Будемъ попрежнему вѣрить въ правду Божію; будемъ хранить непоколебимую надежду. И Господь насъ не оставитъ.

ХРИСТОСЪ РОЖДАЕТСЯ, СЛАВИТЕ.

Отъ имени Союза казаковъ-комбатантовъ приношу горячую, безграничную благодарность почетному члену Союза Аббату Кенэ за его благожелательное, всегда сердечное отношеніе къ нашимъ казакамъ.

Недавно заболѣла жена одного изъ членовъ Союза. По просьбѣ Правленія Аббатъ Кенэ немедленно ассигновалъ 300 франковъ въ пособіе этой семьѣ. Правленіе съ своей стороны добавило 150 фр. и т. о. въ критическій моментъ, коотрый можетъ случиться съ каждымъ изъ насъ, была оказана нѣкоторая помощь.

На-дняхъ Аббатъ Кенэ внесъ 200 франковъ на предварительные расходы по устройству комбатантскаго бала.

8-го января Союзъ казаковъ-комбатантовъ устраиваетъ балъ въ меріи 5-го аррондисмана. Онъ преслѣдуетъ двѣ цѣли: собрать средства на помощь нуждающимся нашимъ братьямъ и на устройство «Казачьяго Дома» въ Парижѣ.

Балъ устраивается подъ покровительствомъ Донского Атамана графа **М. Н. Граббе** и Казачьяго Совѣта во Франціи.

Въ патронажный Комитетъ вошли: **Н. В. Богаевская**, графиня **С. И. Граббе**, Аббатъ **Кенэ, В. П. Сенютовичъ** и **М. Э.** и **А. В. Черячукины**.

Дамскій Комитетъ любезно согласилась возглавить **В. Н. Баратова**. Предсѣдателемъ Распорядительнаго Комитета избранъ Полковникъ **Т. Г. Семилѣтовъ**.

Балъ обѣщаетъ быть интереснымъ и оживленнымъ.

Мы просимъ всѣхъ станичниковъ посѣтить вечеръ и оказать Союзу дружескую поддержку и содѣйствіе въ достиженіи поставленныхъ имъ задачъ.

Прошу всѣхъ членовъ Союза не обмѣнявшихъ еще комбатантскія карточки за 1937 годъ, поторопиться это сделать.

Предсѣдатель Правленія Союза казаковъ-комбатантовъ, Генералъ-Маіоръ

С. Позднышевъ.

КРУЖОКЪ КАЗАКОВЪ-ЛИТЕРАТОРОВЪ

Основная цѣль объединенія казаковъ-литераторовъ — поддержка и укрѣпленіе любви къ роднымъ краямъ и казачьему быту.

Такъ какъ печатное слово является весьма значительнымъ средствомъ для достиженія намѣченной цѣли, то, естественно, что казаки-литераторы должны находить и использовать, по мѣрѣ своихъ силъ, всѣ къ тому возможности. Литературныхъ силъ и возможностей для печати мало въ нашемъ эмигрантскомъ существованіи и поэтому тѣмъ необходимѣе усилія къ ихъ общности и объединенію.

Для начала мы заручились любезнымъ согласіемъ журнала «Станица» для помѣщенія въ немъ нашихъ произведеній, но мы имѣемъ въ виду и другія возможности.

Мы постараемся создать такое мѣсто для казачьей литературы, въ которомъ будемъ со-

бирать, хранить, выбирать и печатать лучшія произведенія; содѣйствовать, поощрять и выявлять тѣхъ лучшихъ авторовъ, въ которыхъ замѣтимъ литературную способность и даровитость. Они, несомнѣнно, есть въ средѣ казачьей молодежи и къ нимъ, во первыхъ, мы обращаемъ нашу просьбу — высылать намъ свои произведенія. Съ благодарностью будемъ принимать отъ всѣхъ литературные и историческіе матеріалы для печати и храненія. Кружокъ охотно будетъ высылать въ печатныя изданія избираемыя имъ произведенія.

Помогая намъ выразить печатно вашу любовь и преданность роднымъ краямъ, — вы поможете сохраненію казачьяго быта.

Адресъ старшинъ Кружка для корреспонденціи:

по отдѣлу «стихи»: Н. Туровѣровъ, 6, рю Пилодо, Аньеръ (Сена).

По отдѣлу «проза»: П. Гусевъ, 7, рю Жоббе Дюваль, Парижъ (15).

Организаціонное собраніе «Кружка казаковъ-литераторовъ» состоялось въ Парижѣ 11 декабря с. г. въ составѣ: Д. И. Воротынскій, П. В. Гусевъ, И. И. Даниловъ, Н. Н. Евсѣевъ, В. С. Крюковъ, Н. С. Мельниковъ и Н. Н. Туровѣровъ.

Синдикальное движеніе во Франціи

ФРАНЦУЗСКАЯ КОНФЕДЕРАЦІЯ ТРУДЯЩИХСЯ ХРИСТІАНЪ.

Основныя положенія французской Конфедераціи Трудящихся Христіанъ, такъ формулированы въ статьѣ 1 ея устава:

«Ф. К. Т. Х. считаетъ, что соціальный миръ, необходимый для благоденствія родины и проф. организованности, неотъемлемой принадлежности этого мира, можетъ быть обезпеченъ только при условіи примѣненія началъ Христіанской справедливости и милосердія.

Она считаетъ, что человѣкъ является главнѣйшимъ элементомъ производства, его причиной и цѣлью. Необходимо поэтому, чтобы самыя условія производства допускали нормальное развитіе человѣческой личности путемъ справедливаго удовлетворені ея матеріальныхъ, интеллектуальныхъ и нравственныхъ потребностей личнаго, семейнаго и общественнаго порядка.

Она устанавливаетъ, что современныя условія производства недостаточно отвѣчаютъ этому требованію и находитъ необходимымъ добиваться измѣненія не путемъ **борьбы классовъ**, а путемъ воспитанія и сотрудничества между элементами производства, соединенными въ различныхъ группахъ связуемыхъ смѣшанными органами, обезпечивающими независимость каждаго изъ нихъ.

Она считаетъ противорѣчащимъ общественному порядку присвоеніе себѣ професіональными организаціями правъ (и принятіе на себя отвѣтственности) политическаго характера.

50 лѣтъ тому назадъ, 13 сентября 1887 г., 17 молодыхъ людей положили начало христіанскимъ синдикатамъ.

Христіанское трудовое движеніе возникло въ то время, когда еще только зарождались проф. союзы и когда подавленные своимъ ужаснымъ положеніемъ фабричные рабочіе откликались преимущественно на проповѣдь соціальной борьбы и ненависти.

Въ то время говорить о завѣтахъ Христа (не много измѣнилъ и 1937 годъ!), какъ о путеводномъ направленіи въ устроеніи общественной жизни, было очень трудно. Проповѣдь примиренія часто срывалась не только соціалистами, но и ошибками не желавшихъ идти ни на какія уступки предпринимателей. Вотъ почему начало христіанскаго трудового движенія въ прошломъ вѣкѣ, явилось дѣломъ смѣлымъ и опирающимся на глубокую вѣру въ его правоту и конечное торжество.

Съ 1887 года во многихъ странахъ, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ, это движеніе неуклонно развивалось. Въ настоящее время христіанское т. движеніе стало расти болѣе замѣтно, значительно отвоевывая шагъ за шагомъ свои позиціи. Христ. Тр. Движ. теперь насчитываетъ уже нѣсколько милліоновъ рабочихъ и служащихъ въ разныхъ странахъ. Оно особенно сильно въ Голландіи и Бельгіи.

Въ настоящее время Ф. К. Т. Х. состоитъ изъ 23-хъ федерацій профессій, а послѣднія объединяютъ 2084 синдиката (свѣдѣнія относятся къ 26 іюня 1937 г.).

Какъ уже говорилось, Христ. Синдикаты имѣются католическіе, протестантскіе и православные. Работаютъ они дружно, несмотря на расхожденія въ вопросахъ чисто догматическихъ.

Такая дружная работа обезпечивается двумя основными правилами, во первыхъ: обсужденіе вопросовъ политическихъ и религіозныхъ совершенно не допускается въ средѣ синдиката, и во вторыхъ: священнослужители могутъ оказывать всяческое содѣйствіе Трудовому Христіанскому Движенію, но не имѣютъ права быть членами союза.

Слѣдуетъ вообще понять, что слѣдованіе завѣтамъ Христа является лишь путеводнымъ направленіемъ въ работѣ общественной профессіон. союзовъ Христіанскаго движенія. Вопросы вѣры при этомъ не имѣютъ никакого значенія. Какъ католики, такъ и протестанты относятся къ новой

православной вѣтви, какъ къ самостоятельной и независимой.

Чтобы понять сущность трудового Христ. движенія, нужно знать, что оно возникло какъ протестъ противъ обезбоженія, сниженія всего до животности, противъ лишенія родины и семьи, къ чему стремился вездѣ и всюду воинствующій марксизмъ.

Девизъ Христ. Труд. Движ.: РОДИНА, ВѢРА, СЕМЬЯ, которые намъ всѣмъ дороги, ради которыхъ мы бѣдствуемъ въ изгнаніи.

Въ то же время, какъ движеніе христіанское, оно чуждо нетерпимости. Оно ищетъ путемъ соглашенія интересовъ труда и капитала, разумѣется отнюдь не предавая трудящихся капиталистамъ и не сдавая ни одной трудовой позиціи.

Часто приходится слышать, что Христіанское Т. Движеніе ничего реальнаго для трудящихся не сдѣлало, а вотъ С. Ж. Т. дало коллективный контрактъ, платный отпускъ, законъ объ арбитражѣ и пр. Все это вздоръ, ибо всѣ эти соціальные мѣропріятія были задолго разработаны и почти всѣ соціальные законы, проведенные правительствомъ народнаго фронта, были задолго разработаны Ф. К. Т. Х. и въ ея редакціи, почти безъ измѣненія прошли.

Въ 1888 г. былъ разработанъ Ф. К. Т. Х. законъ о 8-часовомъ рабочемъ днѣ.

Въ 1890 — законъ объ урегулированіи работы женщинъ и дѣтей.

Въ 1891 — законъ о страховой кассѣ трудящихся — пенсія.

1893 — объ «аксиданахъ» на работѣ.

Въ 1894 — объ арбитражѣ.

1895 — о расширеніи правъ синдикатовъ и

Въ 1918 — о коллективныхъ контрактахъ, потомъ, 17.6.36 г., почти текстуально принятыхъ правительствомъ Н. Фронта.

Въ 1929 г. — О платныхъ отпускахъ, и т. д.

Помимо разработки вопросовъ общаго характера, христіанскіе синдикаты оказываютъ и непосредственную реальную помощь своему члену. Она весьма разнообразна. Въ обязанности синдиката входитъ:

1) Защита трудящихся отъ всякихъ попытокъ пониженія заработка; главнымъ образомъ, въ случаѣ возникновенія конфликта, его локализируютъ мирнымъ путемъ, и только въ самомъ крайнемъ случаѣ, когда использованы всѣ возможности мирнаго соглашенія — объявляется забастовка, но безъ оккупаціи завода. Христіанскіе синдикаты отвергаютъ такую мѣру воздѣйствія на предпринимателя, ибо они признаютъ собственность.

2) Правовая защита во всѣхъ случаяхъ жизни.

3) Пріисканіе заработка въ случаѣ его потери.

4) Поддержаніе потерявшихъ заработокъ, вслѣдствіи безработицы или вынужденной забастовки при помощи «шомажной кассы» и «кассы на случай забастовки».

5) Помощь семьямъ, въ случаѣ смерти — существуютъ спеціальныя кассы съ минимальнымъ взносомъ на сей случай.

6) Удешевленіе жизни (скидки въ магазинахъ, групповыя закупки, кооперативы и пр.).

7) Улучшенія условій жизни (кассы взаимопомощи и взаимнаго кредита).

8) Повышеніе качественности трудящихся въ техническомъ, культурномъ и нравственномъ отношеніи (для этой цѣли существуетъ множество всевозможныхъ безплатныхъ или удешевленныхъ курсовъ, библіотекъ, газетъ, журналовъ и пр.).

9) Помощь семейнымъ въ воспитаніи и образованіи дѣтей, и, наконецъ

10) всевозможныя предпріятія по облегченію трудящимся возможности внести въ суровую будничную жизнь полезныя развлеченія, путешествія (особые тарифы, экскурсіи, спортивныя предпріятія и пр.).

Пріобщиться къ ней можетъ всякій, кто будетъ вносить ежемѣсячные взносы.

Ибо главная помощь и главное значеніе синдикатовъ именно въ томъ, что это громада, которая можетъ въ любую трудную минуту оказать поддержку человѣку не только деньгами, а своими связями, своимъ вліяніемъ и рекомендаціей или прямой помощью. Измѣрить такую пользу на деньги не всегда возможно.

Другими словами: синдикатъ есть особый видъ страховки на случай какой либо нужды или затрудненій. Плата за эту страховку донежная, а помощь либо деньгами, либо выгодами, либо услугами.

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что по духу, по нашему міровоззрѣнію именно только Христіанскіе синдикаты являются для насъ пріемлемыми. Вступленіе казаковъ въ нихъ не только вполнѣ понятно, но и желательно, ибо для нихъ это несомнѣнно наиболѣе вѣрный путь для защиты своихъ профессіональныхъ трудовыхъ интересовъ.

Не мало уже казаковъ пріобщилось къ Русскому трудовому Христіанскому движенію и объ этомъ не жалѣютъ, ибо французское законодательство не знаетъ никакихъ различій между профессіональными организаціями трудящихся, и всѣ члены христіанскихъ синдикатовъ пользуются на основаніи закона всѣми правами французскихъ синдикатовъ.

П

Съ 1931 года въ тѣсномъ контактѣ съ Ф. К. Т. Х. развиваетъ свою дѣятельность во Франціи Русское Трудовое Христіанское движеніе — право-

славная вѣтвь — на своемъ знамени начертавшая слова: Вѣра, Родина, Семья.

Оно совершенно независимо и самостоятельно въ отношении другихъ, родственныхъ ему по духу, иностранныхъ организацій.

Своимъ возникновеніемъ оно обязано чисто русскому почину, исходящему отъ группы лицъ, сознавшихъ его важность и руководствующихся слѣдующими соображеніями: русская эмиграція оторвалась отъ своего прежняго соціальнаго положенія и фактически превратилась въ трудящихся — пролетаріевъ. Не смотря на перемѣну соціальнаго положенія, она все же продолжаетъ группироваться по старымъ признакамъ, благодаря чему удѣльный вѣсъ русскихъ организацій сталъ понижаться, т. к. иностранцы не могли понять фактическую пользу такихъ объединеній, имѣющихъ въ настоящее время скорѣе историческое значеніе. Но организованные по признаку настоящаго положенія, русскіе были лишены возможности защищать свои профессіональныя права и вынуждены были выполнять ту работу, на которую иностранцы не шли. Надо было прежде всего признать себя трудящимися и такъ же признать **своими** интересы трдовыхъ массъ. Тогда голосъ трудовой эмиграціи будетъ звучать болѣе увѣренно и убѣдительно, при поддержкѣ единомысленныхъ съ ней иностранныхъ круговъ.

Въ 1931 г. 15 августа въ С. Жюльенѣ, на совѣщаніи представителей русскихъ трудящихся изъ разныхъ концовъ Франціи, было рѣшено поднять знамя Русскаго Трудового Христіанскаго Движенія, полагающаго въ основу своей дѣятельности указанные принципы. Это былъ первый камень Русскаго Т. Х. Д. На этомъ же совѣщаніи было избрано временное организаціонное бюро, принявшее наименованіе Бюро Русскихъ Трудящихся Христіанъ (Б. Р. Т. Х.) съ мѣстопребываніемъ въ Женевѣ.

Б. Р. Т. Х. вошло въ сношенія съ Ф. К. Т. Х. на предметъ вхожденія въ нее на автономныхъ началахъ.

Договоръ былъ заключенъ 17 октября 1931 г. По французскимъ законамъ всякій иностранецъ имѣетъ право вступленія въ синдикатъ, но не только не можетъ быть избраннымъ въ члены правленія, но и не имѣетъ вообще права голоса. Такимъ образомъ, русскіе, входя во франц. синдикаты въ одиночку, оказались бы распыленными и не сумѣли бы добиться должной защиты своихъ интересовъ въ правленіи, вообще ихъ обязанность свелась бы къ уплатѣ членскаго взноса, и все.

Договоръ Б. Р. Т. Х. с Ф. К. Т. Х. устанавливаетъ возможность образованія автономныхъ русскихъ группъ въ составѣ французскихъ синдикатовъ, члены группы избираютъ свое правленіе на общихъ основаніяхъ, руководитель группы автоматически входитъ въ Центральное правленіе синдиката, гдѣ онъ по договору имѣетъ право совѣщательнаго голоса, а фактически онъ голосуетъ наравнѣ съ французами. Внутри группа является совершенно самостоятельной и чѣмъ больше группа, тѣмъ ея руководитель имѣетъ большій вѣсъ и тѣмъ онъ успѣшнѣе защищаетъ интересы группы. За 7 лѣтъ существованія возникло уже 32 группы, которыя вполнѣ успѣшно справляются со всѣми невзгодами, работая рука объ руку со своими коллегами французами.

Однако, какъ ни цѣнны возможности, обезпеченныя вхожденіемъ во французскіе синдикаты, на основѣ договора-условія, въ какихъ находятся трудящіеся зарубежники, будучи совершенно особенными, требуютъ и особенныхъ мѣръ. Именно такой особенной мѣрой защиты интересовъ трудящихся русскихъ является созданіе параллельно и наряду съ вхожденіемъ во французскіе синдикаты — особыхъ **русскихъ союзовъ** трудящихся христіанъ.

Среди упомянутыхъ особенностей необходимо указать на слѣдующія главныя; во первыхъ: не во всѣхъ городахъ есть французскіе синдикаты, если возьмемъ періодъ до 1936 г., то зачастую хозяева предпріятія относились нежелательно вообще къ синдикатамъ, а созданіе же чисто русскаго союза не встрѣчало никакихъ затрудненій, во вторыхъ: русская группа франц. синдиката не могла быть и не является юридическимъ лицомъ, а открылась возможность изъ международнаго бѣженскаго присутствія получить ссуду на льготныхъ условіяхъ, русской группѣ таковая ссуда не могла быть выдана, а Русскому Союзу, какъ юридическому лицу, ссуда могла быть выдана, чѣмъ впослѣдствіи и воспользовались большинство союзовъ. Ссуды были выданы на 5 лѣтъ въ размѣрѣ отъ 2000 фр. до 75.000 фр.

И, наконецъ, третье соображеніе: въ случаѣ возвращенія на Родину, русская группа неминуемо должна быть расформирована, а Русскій Союзъ можетъ цѣликомъ быть перенесенъ въ Россію, гдѣ будетъ продолжать свою работу на расширеніе Русскаго Трудового Національнаго Христіанскаго Движенія.

На совѣщаніи уполномоченныхъ русскихъ группъ, въ составѣ около 35, 11-13 ноября 1932 г., въ присутствіи Генеральнаго Секретаря Французск. Конфедераціи г. Менелэ съ его вѣдома и одобренія, было рѣшено параллельно русскимъ группамъ создать Союзы Русскихъ Трудящ. Христіанъ, былъ принятъ образцовый уставъ союзовъ и была учреждена Федерація Союзовъ Р. Т. Х. во Франціи въ составъ которой входятъ отдѣльные русскіе союзы. Т. образомъ, что бы имѣть возможность пользоваться **всѣми** видами трудовой помощи, русскіе трудящіеся во Франціи входятъ не только во французскій синдикатъ, но и въ русскій союзъ. Членскій взносъ въ Р. Союзъ очень незначителенъ,

какъ бы въ видѣ дополненія къ взносу во французскій синдикатъ. Однако, не исключена возможность состоять или только въ группѣ франц. синд. или же въ Русскомъ Союзѣ. Федерація Р. Т. Х. во Франціи зарегистрирована 16 января 1933 г. (Журналъ Оффисіель № 35 отъ 10 февраля). Ея мѣстопребываніе въ Ривѣ (Изеръ). Руководящимъ органомъ является правленіе изъ 6 человѣкъ, избираемое на 4 года. Цѣли федераціи и союзовъ такъ формулированы въ уставѣ ст. 1; «Ф. С. Р. Т. Х. во Франціи объединяетъ на федеративныхъ началахъ союзы русскихъ тр. христіанъ. Въ своей дѣятельности федерація руководствуется правилами христіанской морали и слѣдующими основными началами: служеніе Родинѣ, защита религіи, семьи и соціальнаго мира.

Ст. 2. Федерація имѣетъ цѣлью:

а) непосредственную — способствовать улучшенію условій жизни трудящихся путемъ взаимопомощи и ея удешевленія, повышенію технической квалификаціи трудящихся, а такъ же обезпеченію на случай потери заработка и трудоспособности;

б) конечную — содѣйствовать установленію совѣстнаго общественнаго порядка, основаннаго на сотрудничествѣ классовъ и на примиреніи противорѣчій между ними.

Всякая политическая дѣятельность должна быть чуждой федераціи и является противной ея задачамъ. Въ самомъ своемъ возникновеніи федерація начала изыскивать средства и возможности для облегченія матеріальнаго положенія своихъ членовъ. Ею были организованы: касса взаимопомощи, касса помощи безработнымъ, касса помощи дѣтямъ и кредитная помощь.

Всѣ кассы работаютъ отлично, еще не было случая, чтобы федерація отклонила какую либо просьбу.

Изъ кассы взаимопомощи въ большинствѣ случаевъ выдаются безвозвратныя пособія (на болѣзнь, смерть члена семьи и т. д.); всего было выдано ссудъ на 16.136 фр. (въ томъ числѣ 14.708 фр. за счетъ членскихъ взносовъ — по 50 сантимовъ).

Безработнымъ было выдано какъ пособіе на сумму въ 20.531 фр., на устройство дѣтской колоніи въ Ривѣ, и частичная уплата за дѣтей въ разные лагеря федераціей отпущено до 3000 фр. — и наконецъ кредитная помощь союзамъ оказана федераціей въ размѣрѣ 63.014 фр.

Изъ приведенныхъ примѣровъ матеріальной помощи только федераціи (не считая оборотовъ отдѣльныхъ союзовъ, — какъ примѣръ, приведу — Бельфорскій Союзъ сдѣлалъ оборотъ до 30.000 фр.) видно, что Русское Тр. Хр. Движеніе не «одна изъ очередныхъ организацій въ эмиграціи», а оно дѣйствительно живетъ и его мѣропріятія направлены не только къ улучшенію матеріальной стороны ,но оно, въ лицѣ своихъ руководителей оказываетъ своимъ членамъ помощь по всѣмъ жизненнымъ и профессіональнымъ вопросамъ.

Но Русское Т. Хр. Движеніе не задалось только одной цѣлью — матеріальной. для него было важно въ первые годы «построить крѣпкій матеріальный фундаментъ», теперь въ матеріальномъ отношеніи оно твердо и слѣдуя уставу приступило къ разработкѣ духовной, идеологической стороны Р. Т. Х. Движенія. Оно перешло въ стадію «второго этапа».

На основаніи устава — Р. Т. Х. Д. не занимается политикой. Но это не значитъ, что оно равнодушно къ вопросамъ устройства общественной жизни, оно имѣетъ своей завѣтной мечтой, своимъ идеаломъ, переустройство будущей русской жизни на началахъ совѣстныхъ, христіанскихъ, исключающихъ тотъ звѣриный разгулъ, во власти котораго находится сейчасъ наша Родина.

Р. Т. Х. Д. есть прежде всего движеніе, направленное на просвѣтленіе нашей сумрачной жизни свѣтомъ Христовой правды. Мы знаемъ, что вѣра безъ дѣлъ -- мертва. Но и дѣла безъ вѣры — не жизненны.

Оно далеко отъ мысли конкурировать съ существующими организаціями, никого не собирается «съѣсть», готово сотрудничать со всѣми національными организаціями на дѣловой почвѣ.

Р. Т. Х. Д. не ограничилось только Франціей, оно быстро перекинулось въ Югославію, гдѣ имѣется 39 союзовъ, изъ которыхъ есть чисто казачьи, имѣются также союзы въ Болгаріи, Венгріи, Греціи, Польшѣ и въ Швейцаріи. Общее число членовъ Русскаго Трудового Движенія за рубежомъ въ настоящее время болѣе 5000.

Въ С. А. С. Ш., въ Канадѣ, на Дальнемъ Востокѣ, въ Южной Америкѣ отмѣчается большой интересъ къ нашему движенію и можно надѣяться на образованіе союзовъ и «за моремъ»!

Наличіе крупнымъ объединеній Р. Т. Х. Д. въ рядѣ странъ побудило руководителей закончить постройку Движенія, зародившагося снизу, изъ самой толщи русскихъ трудовыхъ массъ, созданіемъ Конфедераціи Р. Т. Хр., каковая и была образована 24-25 декабря 1933 г.

Р. Т. Х. Д. имѣетъ свой печатный органъ «Новый Путь», обслуживающій интересы трудящихся всего зарубежья.

Заканчивая настоящій очеркъ о синдикальномъ движеніи, да будетъ дозволено мнѣ какъ казаку, искушенному на синдикальномъ поприщѣ, посовѣтовать вамъ, казаки, усилить наше Т. Христіанское Движеніе или единоличнымъ вхожденіемъ или же образованіемъ своего Казачьяго Трудового Христіанскаго Союза. Идеи Движенія, его чаянія — наши чаянія! И, кто знаетъ, быть можетъ еще намъ Богъ пошлетъ увидѣть Тихій Донъ, Вольную Кубань, Буйный Терекъ, куда бы мы могли пріѣхать не токарями, шоферами, слесарями и пр., а вооруженными идеями Націон. Христ. Движенія и заново начать строить, на новыхъ христіанскихъ Началахъ, подъ сѣнью Креста, на-

ши Казачьи Края, а съ ними и необъятную Россію.

Сотникъ **Архиповъ.**
Атаманъ Донск. Казачьяго Хутора въ Бельфорѣ.

О всѣхъ справкахъ о Русскомъ Т. Христіанскомъ Движеніи надлежитъ обращаться къ Петру Павловичу Нестерову, делегату при Фр. Хр. Синдикатѣ, 4, рю Казабланка — Парижъ (15) (Союзъ Служащихъ).

На службѣ Франціи

ИЗЪ «ВОСПОМИНАНІЙ ДОНСКОГО КАЗАКА»

(Продолженіе).

Мы, солдаты, были палубными пассажирами. Я познакомился съ бородатымъ легіонеромъ — русскимъ, который возвращался изъ отпуска въ свой полкъ, въ Марокко. Я сказалъ, что я тоже ѣду на вторые 5 лѣтъ въ свой полкъ въ Сусъ. Прозвонили къ обѣду.

«Ну, идемъ получать», сказалъ бородачъ. «А гдѣ же твоя посуда», спросилъ онъ меня, а у меня всего на всего аллюминіевый «каръ». Хмыкнулъ

Авторъ «**Изъ воспоминаній донского казака**» въ бытность его командиромъ 23-го эскадрона черкесовъ въ Сиріи.

мой новый пріятель, пошелъ самъ и въ двухъ котелкахъ принесъ супъ, въ сковородкахъ мясо, въ крышкахъ макароны, бидонъ съ виномъ, хлѣбъ.

— Ну, будемъ обѣдать. А ты сбрехалъ мнѣ; ты не сверхсрочный, а ѣдешь первый разъ.
— Почему ты такъ думаешь?

— А потому, во первыхъ, твой полкъ сформированъ только въ 22 году, значитъ вторые 5 лѣтъ поступать — не выходитъ; во вторыхъ, ѣдешь безъ посуды...

Я признался. Онъ меня предупредилъ, что, когда высажусь въ Тунисѣ и буду въ казармахъ депо, то былъ бы остороженъ — «тамъ много жулья». Послѣ вечерней переклички тутъ же на палубѣ легли спать. Утромъ заходили въ Бизерту, а въ полдень пришли въ Тунисъ.

Распрощавшись съ бородачемъ, я направился на этапный пунктъ, сдалъ бумаги и меня помѣстили въ обширной казармѣ со сводами, и, конечно, съ клопами.

На другой день я и еще нѣсколько новобранцевъ и отпускныхъ артиллеристовъ-французовъ погрузились въ поѣздъ. Я попалъ въ кампанію артиллеристовъ, молодыхъ людей, лѣтъ по 20, все время смѣющихся, поющихъ и балагурящихъ. Завязали со мной разговоръ: «Э, ле барбю», «монъ віе, кто ты, куда, зачѣмъ». Я объяснилъ, что ѣду въ легіонъ. «Тьенъ, да ты хорошо говоришь по французски, ну, давай дѣлать каскрутъ».

Что только они не вытащили (ѣхали они изъ Франціи) — домашніе колбасы, сыръ, варенье, вино, и наперерывъ меня угощали.

Около полудня мы пріѣхали въ Сусъ. На платформѣ насъ встрѣтилъ унтеръ-офицеръ легіона, забралъ у насъ бумаги и повелъ. Выходя на площадь, онъ сказалъ, что до казармъ далеко и если кто желаетъ, можетъ нанять извозчика. Я и еще кое кто согласились и размѣстились на 2 экипажахъ. Минутъ черезъ 15, поднявшись на гору и выѣхавъ за городъ, становились у входа въ казармы, у полкового караула. Нашъ провожатый передалъ насъ съ бумагами караульному начальнику, другому унтеру, который, при саблѣ, важно сидѣлъ на стулѣ подъ деревомъ. Повѣривъ насъ, онъ тономъ главнокомандующаго объявилъ:

— Ну вотъ вы пріѣхали во время, работа давно васъ ждетъ — вы двое на конюшню, поможете навозъ убрать, вы подметете, вы на кухню, картошку чистить, а вы, обращаясь ко мнѣ, — помойте водопойное корыто, тамъ вамъ дадутъ щетку.

Солдатъ повелъ меня къ корыту, сунулъ мнѣ въ руку щетку, я снялъ съ себя пиджакъ, засучивъ рукава и началъ отдирать щеткой зелень отъ бе-

тоннаго корыта. Тру и думаю — вотъ началась французская служба.

Вдругъ отъ коновязи подходитъ ко мнѣ легіонеръ и, всмотрѣвшись, весело улыбается:

— Ваше Пр-во, чи вы это вы?

— Кто вы?

— Да такой то, а меня вы не угадали, да я-жъ Ивановъ, вашъ станичникъ, пулеметчикъ-доброволецъ, помните Румынію, у васъ же вѣстовымъ былъ.

Я всмотрѣлся — дѣйствительно мой хорошій Ивановъ... и многое мнѣ вспомнилось, прошлое, невозвратное.

Мы «поручкались» и начались разспросы. Ивановъ здѣсь съ начала формированія полка, изъ Донского корпуса (армія Врангеля).

— Господи, вотъ гдѣ пришлось свидѣться. А чево-жъ тутъ вы дѣлаете?

Я объяснилъ свое поступленіе и добавилъ, что для начала мою корыто.

— Дакъ я за васъ. — Ивановъ забралъ щетку и началъ мыть. Смотрю, изъ конюшни выглядываютъ какія то физіономіи, а минутъ черезъ 5, послѣ короткаго разговора съ Ивановымъ, человѣкъ 10 казаковъ мыли корыто ,а я нѣсколько ошеломленный, курилъ папиросу.

— Что это — раздался голосъ подошедшаго караульнаго унтеръ-офицера. Казаки на русско-французскомъ нарѣчіи ему объяснили, что моютъ за меня, ибо я ихъ начальникъ.

— Бонъ, са ва.

Кончили корыто, я перезнакомился съ русскими; было много казаковъ — донскихъ, кубанскихъ, терскихъ, астраханскихъ, были и калмыки. Въ общемъ, въ полку было 80-85 проц. русскихъ. Надо сказать, что полкъ былъ созданъ въ моментъ разсѣянія арміи Врангеля и французы усиленно приглашали русскихъ конниковъ въ этотъ полкъ — чудеснѣйшій людской матеріалъ.

Меня позвали въ цейхгаузъ для одѣванія. Дали мнѣ грубоватое, но вполнѣ приличное бѣлье, рабочее платье изъ сѣрой парусины, деревянные башмаки и суконную шапочку. Въ такомъ видѣ повели къ командиру 5-го эскадрона (депо).

Явился. Мои бумаги были уже у него на столѣ.

— Ну, присматривайтесь, а утромъ васъ одѣнутъ и явитесь полковнику.

Я повернулся кругомъ и чуть не упалъ изъ за этихъ проклятыхъ сабо. Показали мнѣ мою койку, и, первое, что я сдѣлалъ, переобулся въ свои ботинки. Лежу, какой то леіонеръ, щеголевато одѣтый, вошелъ и подсмѣивается — «что, сабо душа не принимаетъ; разрѣшите познакомиться — сотникъ Поповъ». А въ рукахъ его щегольская казачья плеть.

— Что на плетку смотрите? — да тутъ мы все перевернули на русскій, на казачій ладъ, и джигитовку имъ показываемъ, чай вмѣсто кофе, борщъ ѣдимъ, пѣсни поемъ; даже французскіе офицеры и тѣ по русски ма...мъ кроютъ. Жаль только сѣдла не наши.

Скоро насъ забрали на перекличку и я отвѣтилъ «презанъ».

Затѣмъ я видѣлъ смѣну караула; мнѣ показалась картина до чрезвычайности знакомая, а гдѣ видѣлъ — не могу вспомнить. Когда трубачъ заигралъ караульный маршъ и караулъ двинулся справа по одному, унтеръ-офицеръ съ обнаженной саблей и люди съ карабинами со штыками на плечѣ, — я вспомнилъ: Карменъ, донъ Хозе, — точное воспроизведеніе, — не хватало только толпы мальчишекъ и пѣнія!

Обѣдать пошли всѣ въ столовую, каждый съ казеннымъ приборомъ. Каръ вина, большой кусокъ полубѣлаго хлѣба, на столахъ перецъ, соль, супъ похожій очень на борщъ съ кашей изъ мѣстной крупы, кусокъ мяса въ соусѣ, салатъ изъ помидоровъ, — все въ общемъ изобильно и съѣдобно.

Вечеромъ ничего не дѣлали. Но пора описать казармы полка: громадный квадратъ поросшій старыми деревьями, — перечное дерево, ньюпоромъ, эвкалиптусъ, два боковыхъ фаса и задній, огражденный живой изгородью изъ кактусовъ; только они напоминали, что мы въ Африкѣ. Между деревьями маленькіе обнаженные флигеля, сверкающіе известкой подъ черепичной кровлей. Комната на взводъ. Дальше конюшни-полунавѣсы, кухни, полковой садъ, огородъ и питомникъ свиней. Нѣсколько флигелей отведены подъ разныя канцеляріи и склады.

Выпилъ съ новыми пріятелями бѣлаго вина. Мой «вѣстовой» Ивановъ почти не отлучался отъ меня, онъ и посуду мою помылъ, на ночь сдѣлалъ постель и ботинки забралъ почистить. Ночью жестоко кусали клопы... вспомнилъ Чичиковскаго Петрушку, — «какое ужъ спанье безъ клоповъ». Утромъ труба и крикъ комнатнаго бригадира (унтеръ-офицеры, холостые спятъ въ отдѣльныхъ комнатахъ) «вставать, получай кофе». Каръ горячаго чернаго кофе (а завтра будетъ чай).

Прибрали постели, комнату, умывались подъ кранами на дворѣ; одѣлись, — осмотръ чистоты и начался кипучій рабочій день; большая часть людей пошла на конюшни, сѣдлать лошадей — на ученье, а часть въ рабочемъ платьѣ разбрелась по двору на работы; мѣшали известь, таскали камни, что то строили. Меня никто не трогалъ, я прошелъ весь дворъ и вошелъ въ полковой садъ-огородъ. Великолѣпно раздѣланныя грядки... и чего только тамъ не было, — капуста, салатъ, помидоры, огурцы, баклажаны тыквы, все въ прекрасномъ видѣ.

Оказалось, что выбираютъ огородниковъ-профессіоналовъ, а сѣмена выписываются изъ юга Франціи.

Дальше колодецъ и мулъ, подъ наблюденіемъ

легіонера, при помощи особаго приспособленія, по арабской системѣ, таскаетъ воду, которая льется въ большой бассейнъ. Изъ бассейна безпрерывно, по канавкамъ вода расходится по саду. Слышу хрюканье свиней, — дворикъ, сарайчики, — съ десятокъ великолѣпныхъ породистыхъ свиней. Тутъ ко мнѣ подошелъ старый бородатый легіонеръ; мнѣ показалось, порядочно «на взводѣ». Выяснилось, что мы оба русскіе и казаки.

— Позвольте познакомиться — войсковой старшина ..., а теперь свиноводъ.

Вернувшись къ казармамъ, я былъ позванъ дежурнымъ бригадиромъ, который меня повелъ въ цейхгаузъ, получить форму для представленія к-ру полка. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ одѣтъ въ защитный полотняный китель, такіе же рейтузы и черныя гетры со шпорами, ботинки подбитые гвоздями, ременный кушакъ. Меня повели въ полковую канцелярію. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ введенъ въ кабинетъ к-ра полковника Саля. Онъ очень любезно со мною поздоровался, пересмотрѣлъ мои бумаги; я попросилъ оставить ихъ у него на храненіи. На вопросъ, — имѣю ли что заявить, я сказалъ, что прошу направить меня въ Марокко, съ пополненіемъ, которое на дняхъ туда пойдетъ. К-ръ не согласился, сказавъ, что онъ уже назначилъ меня въ 4-ый дѣйствующій эскадронъ, гдѣ очень хорошій капитанъ, что я ничего не теряю, ибо недѣли черезъ двѣ этотъ эскадронъ пойдетъ въ Сирію, на усмиреніе возстанія друзовъ. Мнѣ ничего не оставалось, какъ его поблагодарить.

Въ этотъ же день я былъ представленъ капитану Ляндрію, к-ру 4-го эскадрона, получилъ полное обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе и мнѣ былъ назначенъ конь. Спать же мнѣ разрѣшили не въ казармѣ, а въ цейхгаузѣ эскадрона, вмѣстѣ съ каптенармусомъ Ильинымъ, есауломъ Кубанскаго Войска. Отличный наѣздникъ и джигитъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ, которые ввели джигитовку и въ Легіонѣ. Непривычные лошади, регулярное сѣдло, — всѣ затрудненія были преодолѣны и казаки, шутя, научили лошадей ложиться, дѣлали прыжки, вертушку, нагибаніе и прочіе «штуки».

Французы и туземцы были въ дикомъ восторгѣ, когда на мѣстномъ ипподромѣ, въ день коннаго праздника, въ первый разъ публично, выступили джигиты. Не мало подобрали они платочковъ съ пятью франками, которые имъ клало начальство и публика. Джигитовка произвела настолько сильное впечатлѣніе, что генералъ командующій войсками въ Тунизіи, присутствовавшій на праздникѣ, предложилъ к-ру полка отправить джигитовъ въ ближайшіе дни въ Тунисъ, что бы тамъ повторить джигитовку. 40 отборныхъ джигитовъ перевезли съ лошадьми по желѣзной дорогѣ. Три раза выступили наши казаки въ Тунисѣ и имѣли громадный успѣхъ. Конечно, вернулись «и пьянъ и носъ въ табакѣ».

Черезъ 2-3 дня пріѣхалъ бригадный генералъ и оффиціально объявилъ походъ 4-му эскадрону въ Сирію, а меня передъ строемъ поздравилъ бригадиромъ.

Въ джигитовкѣ, между прочимъ, не повезло бѣдному Ильину, на «перелетѣ, онъ неудачно оттолкнулся и выбилъ колѣнную чашку; не будучи способнымъ ѣздить верхомъ, онъ остался вѣчнымъ каптенармусомъ и уже въ походъ съ эскадрономъ не былъ взятъ. Мой Ивановъ неизмѣнно былъ моимъ вѣстовымъ, чистилъ коня, аммуницію, стиралъ бѣлье, будилъ утромъ, приносилъ кофе и укладывалъ спать!

На смотру произошелъ забавный случай, который долгое время былъ излюбленной темой разговоровъ нашихъ казаковъ. Когда меня к-ръ полка вызвалъ передъ строй, бригадный, поздравилъ меня съ производствомъ и спросилъ, что я былъ въ Россіи, — я отвѣтилъ, что былъ офицеромъ въ казачьихъ войскахъ.

— Нѣтъ, чѣмъ вы были во время В. Войны?

Я отвѣтилъ:

— Началъ полковникомъ, к-омъ полка.

— А кончили?

— Начальникомъ Дивизіи.

— А... Очень пріятно, генералъ, — и подалъ мнѣ руку.

(Продолженіе въ слѣд. номерѣ).

Книжная полка

НИКОЛАЙ КЕЛИНЪ. СТИХИ. Прага. 1937.

«Книга эта посвящается моему Дѣду и Дону. Она создавалась безъ всякихъ политическихъ тенденцій, отражая лишь своеобразный укладъ казачьей жизни, казачьяго края и казачьей души».

Этими словами поэтъ объясняетъ всѣ настроенія, которыя читатель найдетъ въ его стихахъ.

Главной особенностью, требующей вниманія въ творчествѣ Келина, является выраженные въ разныхъ мѣстахъ книги «самостійныя» тенденціи, которыя онъ объясняетъ все тѣми же словами — «своеобразный укладъ казачьей жизни, казачьяго края и казачьей души».

Найти подтвержденіе этого объясненія можно, тѣмъ болѣе, что, даже въ стихахъ на чисто донскія темы мы находимъ такую строфу:

Русь и Донъ». (Стр. 28).

«Все слилось въ единомъ словѣ —

Насъ болѣе интересуютъ чисто родныя донскія темы и мелодіи. Изъ его стиховъ видно, какъ сильно онъ любитъ родимый Донъ.

Келинъ съ болью въ сердцѣ жалуется «Сестренкѣ»:

«Въ Край Родной мнѣ нѣтъ пути и слѣду,

Всѣ дороги замело на Донъ»... (Стр. 26).

А что Донъ дорогъ поэту — это видно чуть ли не въ каждой строкѣ:

«Эхъ, родимая степь...
Про тебя ли не пѣть,
Коли пѣсня сама такъ и льется...

Поэта душитъ тоска по родному Дону:

«Кто меня на бѣломъ свѣтѣ приласкаетъ,
Кто разскажетъ о покинутомъ мной краѣ...»
(стр. 38).

Дальше передъ вами знакомая родная картина:

«Надъ Дономъ страшно и хмуро
Шуршитъ сѣдая куга,
Глядятъ застывъ понуро
Въ ночную темь стога... (Стр. 50).

И снова тоска по Дону, подкрѣпляемая болью заграничныхъ переживаній:

«Полегли казачьи силы заграницей,
Много по міру невѣдомыхъ могилъ»...
(Стр. 52).

Вѣроятно, строгій литературный критикъ найдетъ въ творчествѣ Келина дефекты, которые у рядового читателя-казака ослабляются яркими, волнующими его родными картинами и образами.

Полны разочарованій стихи, относящіеся къ эмигранскому скитанію. Разочарованія въ людяхъ, въ европейской культурѣ ярко выражены въ «Письмѣ дѣдушкѣ».

Упрекая старика за былые хвалебные разсказы о Европѣ, поэтъ восклицаетъ:

«Тутъ все не такъ, какъ ты мнѣ
Говорилъ...
Пойми, старикъ, мы ошибались
Въ этомъ,
Не зная Русь, мечтали
О чужомъ;
Теперь же я, прошедши
Бѣлымъ свѣтомъ,
Цѣню вдвойнѣ покинутый мой
Домъ...»

Читатель-казакъ найдетъ въ стихахъ Келина, конечно, больше, чѣмъ неказакъ, и потому ему нелишнее въ нашихъ тяжелыхъ условіяхъ познакомиться съ думами, мечтами и муками Келина. Отъ родныхъ картинъ становится какъ то легче и хочется, чтобы ихъ прочувствовали всѣ, кому милъ и дорогъ нашъ родной Тихій Донъ.

В. Добрынинъ.

УРАЛЬСКІЙ РОМАНЪ.

Валеріанъ ПРАВДУХИНЪ. Яикъ уходитъ въ море. Романъ. Рисунки и переплетъ худ. А. Суриксва. 512 страницъ. Москва, 1937.

На фонѣ романа увлекательно разсказываетъ Валеріанъ Правдухинъ исторію Уральскаго (Яицкаго) Войска и красочно описываетъ своеобразный бытъ яицкихъ казаковъ въ старину.

Конечно, мѣсто изданія кладетъ обязательный въ такихъ случаяхъ отпечатокъ на этотъ романъ, но отъ него несвободны и романы Шолохова, нашедшіе большой откликъ въ казачьихъ сердцахъ по обѣ стороны рубежа.

Уральцамъ, да и всѣмъ другимъ казакамъ, пріятно будетъ въ романѣ встрѣтить множество отрывковъ изъ старинныхъ яицкихъ пѣсенъ и сочный языкъ, которымъ описываются красоты природы края.

Взять хотя бы отрывокъ:

«Эхъ, и хороши же уральскія вольныя степи! Здравствуйте сѣдые, невянущіе ковыли, желтая чилига, весеннія крутыя ростоши, уютные овраги, древняя рѣка Яикъ, казачья дорога въ море, стада мохнатыхъ барановъ, косяки звонкоголосыхъ коней, гурты рогатаго, тяжелоголоваго скота, и вы, лебеди степей, двугорбые и одногорбые сыновья пустынь, верблюды. Поклонъ до земли зеленокудрымъ лугамъ, гдѣ растутъ веселая трава-повитель, кислый щавель, сизая цѣлебная ежевика, буйный вѣноквый хмель, черный казачій виноградъ — колючій терновникъ. Кланяемся и вамъ, серебристые тополи, лохматыя ветлы и старые осокори, взметнувшіеся въ небо на излучинахъ рѣки. И любовь наша съ вами, рыжіе яры, желтые, чистые пески, ворчливые омуты — пристанище осетровъ, бѣлугъ и лѣнивыхъ черныхъ сомовъ. Привѣтъ вамъ, покойныя озера, старицы, заливы, ильмени и котлубани. По тинистому вашему дну ходятъ золотистые сазаны, темныя отъ старости, жадныя щуки, добродушные караси, скользкіе лини, колючіе пестрые окуни съ оранжевыми плавниками. Желтоглазые гуси, легкая казара, хлопотливыя лысухи, жеманныя гагары-поганки, разноперыя утки, хищные, уродливые какъ баба-яга, бакланы гнѣздятся въ дремучихъ, увитыхъ вѣковой паутиной вашихъ камышахъ...

...Взвейтеся, кони, махните черезъ овраги и ручьи, несите насъ быстрѣе неуловимыхъ сайгаковъ, быстрѣе степного вей-вѣтра къ нашимъ статнымъ родительницамъ, къ нашимъ хозяйкамъ, румянымъ и крѣпкимъ, какъ чаганское яблоко, къ лукавымъ душенькамъ, шаловливымъ и измѣнчиво-легкимъ, гдѣ можно покойно зализывать раны, полученныя въ походѣ. Скоро, скоро — къ своимъ станичникам, шабрамъ, дорогимъ гулебщикамъ, чтобы еще и еще, какъ въ юности, пѣть уральскія пѣсни о тоскѣ и удали, плясать отчаяннаго казачка и лихую, страстную бышеньку, старинѣйшій танецъ степныхъ разбойниковъ... Къ блинамъ, къ пирогу, къ чаркѣ, къ икряным берегамъ Яикушки. Выходите навстрѣчу хивинскимъ героямъ всѣ линейныя станицы — Свистунская, Бударинская, Лбищевская,

Мергеневская, Каршинская и своя Сахарновская. Здравствуй и ты, родная колыбель, поселокъ Соколиный!... Твоя земля породила нас. На твоихъ поляхъ мы росли. Плодами и соками твоихъ нѣдръ мы вскормлены съ дѣтства. Здѣсь впервые увидали мы солнце и рѣки, узнали раны и радость любви и бѣды смерти. Неужели же намъ искать другихъ пеленъ и другой колыбели для немногихъ нашихъ дней и послѣдняго нашего смертнаго сна? Прими насъ. Мы вѣрные сыны твои...

Съ большимъ интересомъ читается описаніе знаменитаго «уральскаго багреннаго рыболовства «всѣмъ Войскомъ» съ «плавеннымъ атаманомъ» во главѣ. Въ дни же царскаго багренія все Войско загоралось отъ нетерпѣнія и азарта.

П. Гусевъ.

НОВОСТИ КАЗАЧЬЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Недавно вышелъ въ Москвѣ сборникъ донскихъ и кубанскихъ пѣсенъ — ноты и текстъ. В сборникъ вошли какъ старинныя пѣсни, такъ и позднѣйшей эпохи, до великой вонйы, а также и новѣйшія, современныя.

Въ послѣднемъ номерѣ издающейся въ Бѣлградѣ ежемѣсячной информаціи «**Терскій Казак**» начались печатаніемъ интересныя воспоминанія К. Зерщикова объ участіи Терской гвардейской сотни въ дессантѣ на Кубань въ августѣ 1920 г.

Новый сборникъ стиховъ **Николая Туровѣрова** вызвалъ многочисленные и лестные отзывы въ печати. Обзоръ дадимъ въ слѣдующемъ номерѣ.

Въ ежемѣсячной военно-научной и литературной газетѣ «**Русскій Инвалидъ**» печатаются интереснѣйшія воспоминанія ген. **П. Н.Краснова** о командовании имъ «На рубежѣ Китая» (таково и названіе очерковъ) 1-мъ Сибирскимъ казачьимъ Ермака Тимофѣевича полкомъ.

Кстати, о романахъ **П. Н. Краснова:** на торжественномъ казачьемъ собраніи въ Парижѣ, посвященномъ 300-лѣтію взятія Азова, заслуженный профессоръ ген. А. А. Гулевичъ въ своей рѣчи напомнилъ, что на эту тему нашъ бывшій донской Атаман написалъ большой историческій романъ подъ названіемъ «Все проходитъ».

Въ связи съ исполнившимся 125-лѣтіемъ Бородинской битвы (1812-1937), напомнимъ что изъ эпохи «Отечественной войны» перу этого же писателя принадлежитъ романъ-исторія «Съ нами Богъ».

Въ Бѣлградѣ вышла илюстрированная «Памятка 1-го Линейнаго генерала Вельяминова полка Кубанскаго Казачьяго Войска», составленная Е. Тихоцкимъ, съ приложеніемъ календаря на 1938 годъ.

ВЪ ПАРАГВАѢ

Кореспонденція изъ Асунсіона

Въ Асунсіонѣ, столицѣ Парагвайской республики, жизнь русскихъ спокойна. Кто пріѣхалъ уже давно, тѣ зачастую собственники домовъ и угодій. Живутъ, какъ въ провинціальныхъ россійскихъ городахъ, отдѣльными домами-усадьбами. Дома въ зелени пальмъ, цвѣтовъ мѣстныхъ породъ деревьевъ, вьющихся растеній, довольно часто огородики и деревья апельсиновъ, мандаринъ, манги, бананы, анананасы. Изъ-за жары не растутъ ни яблоки, ни груши, ни сливы, ни вишни. Но арбузы и дыни пестуются. У нѣкоторыхъ небольшія куроводства; и, конечно, всегда хозяинъ дома: Пиратъ или Жучка, Барбосъ, Босякъ и т. д. Нашъ будній день сильно отличается отъ европейскаго. Многія учрежденія начинаютъ работу съ 6 ч. утра, такъ что городъ въ 5 ч. 30 м. уже проснулся совершенно, а вставать приходится еще раньше. Труда это не составляетъ, такъ какъ эта пора самая лучшая изъ всѣхъ 24 часовъ.

Дивное, нѣжное утро на хуторѣ: пѣтухи на своемъ эсперанскомъ «ку-ка-ре-ку» перекликиваются, словно башенные сторожевые... Собаки въ фантастическомъ аккордѣ лая не отстаютъ отъ нихъ въ своемъ усердіи, лягушки стономъ повторяютъ вѣчный свой рефренъ... трещитъ пулеметомъ цикада... хоралъ птичьяго щебета, писка, пѣнья... изр;дка самъ парагвайскій царь звѣрей, родной ишакъ, неподражаемымъ каденсо прорѣжетъ пробуждающуюся природу своимъ дикимъ и глупымъ: «и-то-гонны-го!*) Солнышко вступаетъ въ свои права и своими нѣжными, лучистыми прикосновеніями окончательно пробуждаетъ къ жизни. Гдѣ-то далеко идетъ трамвай. Провозятъ хлѣбъ, питьевую воду, ледъ, разносятъ зелень и пр.

... Самоваръ на столѣ... Баринъ спѣшитъ на службу... У насъ лягашъ Пиратка, вытянулъ морду на переднія лапы — ждетъ подачку... И высоко, высоко въ воздушномъ синемъ морѣ, распластавъ свои сильные крылья, нашъ станичникъ коршунъ степной привѣтствуетъ солнце и медленно царственно благословляетъ Творца и природы Создателя...

Большинство учрежденій работаетъ только до обѣда. Въ лѣтній періодъ въ полдень солнце посылаетъ почти отвѣсные лучи и всѣ скрываются въ домахъ. До 3-хъ часовъ «сіеста» и, обычно, въ это время безпокоить не принято; всѣ въ «неглижахъ» до минимума, и часто отдыхаютъ прямо на каменныхъ плитахъ. Фактически, живутъ вечеромъ: на улицахъ нарядныя дамы, бѣлые костюмы штатскихъ, офицеровъ. Работаютъ синема, танцевальные вечера, изъ кафэ несется музыка. Перелетаютъ съ кустика на кустикъ безчисленные свѣтящіеся фонарики-мотыльки; въ милліонахъ видовъ различные жучки, мушки, мошки, таракашки летятъ на электрическій свѣтъ. Если ты не на продувномъ вѣтрѣ, не на сквознякѣ, то ты — жертва вечерняя — комары немилосердны и безпощадны; хотя долженъ оговориться, что укусы ихъ не такъ страшны для привыкшаго человѣка и въ 10-15 м. проходятъ, но противна ихъ монотонная музыка: «з.. з..» и часто, въ порывѣ увлеченія основательно шлепаешь себя по щекамъ. Согласно строителнымъ требованіямъ муниципалитета, у каждаго дома должна быть «потія» — крытая веренда или корридоръ безъ стѣнъ. Вотъ на этой потіи 8-9 м;сяцевъ въ году жители и проводятъ время: здѣсь ѣдятъ, занимаются, принимаютъ гостей, гешефтуютъ, ссорятся, мирятся, танцуютъ и пр. Потіи очень часто уютно обставлены: уютный свѣтъ, плетеная мебель, качалки, лонгшезы, гамакъ, радіо; вьющаяся зелень, кадки съ экзотическими растеніями и т. д. Къ 10 ч. н. потія превращается въ больничную палату. Всѣ обитатели дома располагаются ко сну: вытягиваются кровати москитеры, все это выстраивается въ одну шеренгу. Въ нашемъ домѣ было двѣ семьи и я; на флангѣ располагалась одна чета, потомъ семья съ ребенкомъ, потомъ я и, какъ вахмистръ, песъ Пиратъ. И на все это благосклонно взиралъ попугай «Казуня», изрѣдка скандируя: «Маддамъ... Дурракъ... Маддамъ... Дуракъ..:»: Изрѣдка устраиваются балы; концерты; елка-туя съ традиціоннымъ дѣдомъ-морозомъ, покрытымъ хлопьями снѣга, когда въ залѣ температура не меньше 35 гр. С. Ледъ наша дѣтвора еще видѣла, но снѣгъ, санки, шуба — представляются слабо. Живутъ, общаясь группами, кучками. Иногда можно наблюдать старорежимную картину: домъ залитъ свѣтомъ, садъ иллюминованъ — хозяйка дома принимаетъ гостей, которыхъ считать нужно трехзначной цифрой. Вина, водки, коньякъ, прохладительные напитки, «н плюсъ единица» количество самоваровъ; десятки куръ, индѣекъ, утокъ, столъ, что скатерть самобранка. Веселье, пѣнье, танцы. И у столиковъ, гдѣ гости посолиднѣе, не какой либо тамъ басурманскій бриджъ или поккеръ а самый настоящій россійскій преферансъ. Еще не такъ давно орі-

---

*) Эта картина въ 20 минутахъ отъ центра.

ентировались не по оффиціальнымъ названіямъ улицъ, а такъ: «Церковная улица» (тамъ церковь); «на горкѣ» — центръ молодежи, группирующейся около остатковъ Люксембургской группы; тамъ, гдѣ «казабланкцы» (пріѣхавшіе изъ Казабланки); «на Колумбіи, гдѣ Шмагайловъ послѣдній домъ выстроилъ» и т. д. Существуютъ очень микроскопическія политическія и военныя группировки, но на рѣдкость не активны, а потому незамѣтны и безвредны. Больше всего объединяетъ около себя церковь. Самая настоящая русская церковь; гордость и украшеніе русскаго Ассунсіона. При церкви 2 комнаты, большой дворъ и службы. Съ главнаго фасада, вѣчно-зеленые клумбы, диковинные кактусы, агавы, пальмы, всегда цвѣты, и батюшка умудрился впестовать даже пирамидальный тополь, который вообще то здѣсь не растетъ. Дивный рѣзной иконостасъ изъ кедра (cedrus). Много иконъ; есть старинныя въ ризахъ и стараго письма; обиліе издѣлій женскихъ ручныхъ работъ, тонкихъ, изящныхъ и совершенныхъ въ своемъ исполненіи. Во времена «prosperiti» пѣлъ смѣшанный хоръ 16-18 человѣкъ. Отъ входа слѣва вдѣланы мраморныя доски съ именами павшихъ русскихъ въ послѣднюю боливіано-парагвайскую кампанію. Въ началѣ марта 1937 г. изъ Чако прибылъ траурный кортежъ съ останками 80 офицеровъ, павшихъ тамъ въ послѣдней войнѣ. Среди урнъ была урна маіора Серебрякова, есаула Донского Казачьяго Войска. Встрѣтили урну цвѣтами, опоясали русской лентой и несли сами черезъ городъ. Сейчасъ казаки взялись за то, чтобы достойнымъ образомъ и навсегда упокоить урну съ останками нашего станичника

Б. Е.

Важный документъ

Французскимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ отдѣльной брошюрой опубликовано подписанное и ратифицированное Франціей международное соглашеніе о статутѣ для эмигрантовъ.

Приводимъ изъ этой брошюры нѣсколько главъ содержаніе которыхъ весьма существенно для насъ, эмигрантовъ, проживающихъ во Франціи.

Къ помѣщеннымъ ниже строкамъ слѣдуетъ добавить, что вошло въ дѣйствіе и положеніе, по которому, престарѣлые эмигранты, съ 70 лѣтъ имѣютъ право на полученіе ежемѣсячной пенсіи въ размѣрѣ 100 франковъ. Кромѣ того, пенсія уплачивается и городомъ, гдѣ проживаетъ заинтересованное лицо; въ провинціи эта сумма не установлена точно и опредѣляется въ зависимости отъ средствъ города. За справками слѣдуетъ обрщаться въ «бюро де бьенфезансъ».

Въ Парижѣ городъ уплачиваетъ престарѣлымъ 60 фр. въ мѣсяцъ. Справки — въ каждомъ аррондисманѣ (мэрія, бюро ассистансъ публикъ).

ГЛАВА У.

Несчастный случай при работѣ

Ст. 8-ая.

Договаривающіяся стороны обязуются предоставить бѣженцамъ, которые окажутся жертвами несчастныхъ случаевъ при работѣ, а также ихъ предствителямъ передъ лицомъ закона, всѣ преимущества, коими пользуются иностранцы — подданные наиболѣе благопріятствуемой державы.

ГЛАВА УІ.

Соціальное обезпеченіе

Ст. 9.

Тѣми же правами гражданъ наиболѣе благопріятствуемой державы въ области соціальной помощи и въ частной медицинской помощи и госпитальнаго леченія, пользуются слѣдующія категоріи бѣженцевъ, проживающихъ на территоріи договаривающихся сторонъ: безработные, лица, страдающіе психическими и физическими болѣзнями, старики, калѣки, не могущіе себя пропитать, дѣти недостаточно обезпеченныя работами ихъ родителей или третьихъ лицъ, женщины въ состояніи беременности, во время родовъ и кормленія дѣтей грудью.

Ст.10.

Договаривающіяся стороны обязуются примѣнять къ бѣженцамъ тотъ же режимъ, коимъ пользуются граждане наиболѣе благопріятствуемой державы въ отношеніи нынѣ дѣйствующихъ и могущихъ быть введенными въ дѣйствіе дальнѣйшихъ нормъ соціальнаго страхованія.

Ст. 11.

Тотъ же режимъ гражданъ наиболѣе благопріятствуемой державы примѣняется къ бѣженцамъ въ отношеніи учрежденія благотворительныхъ обществъ и обществъ взаимопомощи, а также въ отношеніи условій вступленія въ означенныя общества.

Къ балу Казаковъ-Комбатантовъ

8 января 1938 г. въ Парижѣ.

ДОНСКАЯ КАЗАЧКА ТАНЯ СТЕПАНОВА, УЧЕНИЦА СТУДІИ О. О. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ. СОЛИСТКА «OPERA»

ЮНАЯ БАЛЕРИНА ИСПОЛНИТЪ НА БАЛУ «ВАРІАСЬОНЪ КЛАССИКЪ» КАДЛЕЗА И ИСПАНСКІЙ ТАНЕЦЪ САРРЕГЛА. ВМѢСТѢ СЪ ROLAND PETIT (СОЛИСТЪ ОПЕРА) ТАНЯ СТЕПАНОВА СТАНЦУЕТЪ ПОЛЬКУ, МУЗ. MILHAUD.

Le Gérant: Ch. Quénet. Imprimerie de Navarre — 5, rue des Gobelins. Paris (13e).

№ 26 AVRIL 1938 № 26
Prix: frs. 3

СТАНИЦА

Въ этомъ номеръ:

STANITZA
TRIMESTRIEL
ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS
7, RUE JOBBÉ DUVAL • PARIS (15e)

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ
РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.
«STANITZA», 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 26 АПРѢЛЬ 1938 Годъ изданія 7-й

МАРІЯ ВОЛКОВА.

* * *

Моя рука — въ ладони загорѣлой.
Глаза отца лучатъ чудесный свѣтъ.
«Смотри, смотри, какъ степь порозовѣла!
«Вѣдь ничего прекраснѣй въ мірѣ нѣтъ!»

Отецъ и я — мы въ тарантасѣ рядомъ.
Душа съ душой ведетъ нѣмую рѣчь.
А мать въ мечтахъ ушла куда-то взглядомъ,
И шаль сползла съ обычно зябкихъ плечъ...

Тамъ, впереди, могучее свѣтило
Какъ будто вырвалось изъ цѣпкихъ нѣдръ земли
И благодатью нѣжной окропило
И небеса, и насъ и ковыли!

Ночь, уходя, разсыпала алмазы
По всей травѣ и въ поросли ракитъ.
Искрится степь. И кажется, что сразу
Міръ, какъ дитя, разбуженъ и умытъ!

Молчитъ ямщикъ. Сама бѣжитъ дорога.
Съ улыбкой мать взглянула на отца.
Мнѣ хорошо... Я слышу поступь Бога...
Вездѣ лучи и радость безъ конца...

Н. ЕВСѢЕВЪ.

* * *

Тянется долгая ночь до разсвѣта.
Это усталость — знакомъ съ ней давно.
Лунные блики зеленаго свѣта
Льются несмѣло сквозь ставни въ окно.

Въ тоскливомъ безсоньи я вспоминаю
Юность и радость въ далекой странѣ.
Степи и займища кажутся раемъ,
Въ нихъ я скакалъ на веселомъ конѣ.

Балки на полѣ и въ ней чернобыльникъ
Сердце тревожатъ, зачѣмъ то зовутъ.
Тамъ надъ волнующей сонною былью
Хоромъ кузнечики сердцу поютъ.

Сердце упрямо... забыть все не можетъ
Низкое небо, поля и луга.
Вольному сердцу сокровищъ дороже
Степь съ будяками, разливъ и куга.

«Дикое» сердце пусть скажутъ казачье,
Но все же иного я бъ не хотѣлъ —
Въ призрачномъ мірѣ и въ призрачномъ счастьѣ,
Вѣрность и нѣжность не худшій удѣлъ.

НИКОЛАЙ КЕЛИНЪ.

* * *

Кто измѣрить можетъ
Нѣдра океановъ,
Кто пробьетъ къ Отчизнѣ
Широченный шляхъ?..
Вѣкъ шальныхъ набѣговъ,
Вѣкъ Сары-Азмановъ
Намъ осталось только
Въ пѣсняхъ воспѣвать...

Какъ пригонитъ лава
Отголосковъ врытыхъ
Въ душу, въ сердцѣ, въ память —
Самъ хожу не свой;
И ужъ плачутъ строчки
О степяхъ забытыхъ,
О минувшихъ схваткахъ
Въ сѣчѣ огневой...

Вотъ возьму я гусли,
Гусли золотые,
Напою слезами
Вдоволь струны ихъ,
Капну кровью алой
На слова простые
И помчится въ дали
Сладкозвонный стихъ:

О Рѣкѣ великой
За семью морями,

О вербовыхъ рощахъ
У придонскихъ кручъ,
О Землѣ, навѣки
Неразлучной съ нами,
Гдѣ гуляетъ вѣтеръ
Веселъ и могучъ.

Запою о вьюгахъ,
Что намъ пѣсни пѣли
Въ годъ степныхъ походовъ
Заметая путь,
И о дняхъ, когда намъ
Снѣжныя мятели
Ледянили душу
И ковали грудь.

Многимъ мои пѣсни
Ничего не скажутъ,
Не поймутъ иные
Ихъ печальный бѣгъ, —
Но для тѣхъ, кто видѣлъ,
Дымы и пожары,
На глазахъ убитыхъ
Наметенный снѣгъ

Мои пѣсни будутъ
Тихою молитвой
За покой ушедшихъ
Въ свѣтлый, горній рай...
И въ часы невзгоды
Передъ новой битвой
Ихъ споетъ отчизна,
Ихъ споетъ мой Край!!

НИКОЛАЙ ТУРОВѢРОВЪ.

***

Свою судьбу я искушалъ, —
Въ тѣ дни всего казалось мало, —
Я видѣлъ смерть и съ ней игралъ,
И смерть сама со мною играла.
Была та дивная пора,
Неповторимымъ искушеньемъ
И наша страшная игра
Велась съ жестокимъ упоеньемъ.
Всепожирающій огонь
Испепелилъ любовь и жалость, —
Смѣнялся бой, мѣнялся конь,
Одна игра лишь не мѣнялась.
Но былъ таинственъ мой удѣлъ,
Пѣвца исчезнувшаго края,
И я чудесно уцѣлѣлъ
Въ руинахъ рухнувшаго рая.
— И вотъ тяжелый жребій свой,
Свою классическую лиру,
Влачу усталою рукой
По непонятному мнѣ міру.

Игорь Владимировичъ Воиновъ

Къ 25-лѣтію литературной дѣятельности.

ВЪ ЭТОМЪ ГОДУ исполняется 25 лѣтъ литературной дѣятельности казака Усть-Быстрянской станицы В. В. Донского И. В. Воинова, знакомаго нашимъ читателямъ по ряду помѣщеннымъ въ «Станицѣ» его разсказамъ.

Первое стихотвореніе юбиляра было напечатано въ 1913 году, въ литературныхъ приложеніяхъ самаго распространеннаго въ Россіи журнала «Нива».

Въ эмиграціи И. В. сотрудничалъ въ 17-ти различныхъ журналахъ и газетахъ, издаваемыхъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Гельсингфорсѣ, Ригѣ, Варшавѣ, Шанхаѣ и Ревелѣ.

Въ 1924 г. въ издательствѣ О. Дьяковой въ Берлинѣ вышла большая монографія И. В. Воинова на нѣмецкомъ языкѣ — «Мастера русскаго искусства» съ многочисленными художественными репродукціями въ краскахъ.

Стихи, разсказы, библіографическія замѣт-

ки, корреспонденціи въ эмигрантскихъ казачьихъ и обще-русскихъ періодическихъ изданіяхъ говорятъ о большомъ талантѣ И. В., искусности его пера, о глубокомъ, разностороннемъ знаніи жизни, о европейской культурности и о добромъ сердцѣ русскаго писателя и донского казака.

Послѣдніе годы И. В., еще не старый человѣкъ (род. въ 1885 г.) страдаетъ болѣзнью почекъ, причиняющей большія страданія и не дающей возможность работать. По настоянію врачей ему необходимо уѣхать лѣчиться. Для того, чтобы собрать средства для лѣченія, и въ ознаменованіе 25-лѣтняго юбилея, 30 апрѣля состоится вечеръ Игоря Воинова въ залѣ на 91, рю Оливье де Серръ, при участіи русскихъ писателей и поэтовъ, съ концертнымъ отдѣленіемъ. Начало вечера въ 20 ч. 30 м.

Вмѣстѣ съ нашими поздравленіями пожелаемъ юбиляру успѣха вечера, который дастъ ему возможность возстановить разстроенное здоровье.

П. Гусевъ.

ИГОРЬ ВОИНОВЪ.

СКВОЗЬ ЩЕЛКУ

(РАЗСКАЗЪ)

ПУХЛОМУ, синеглазому Жану Жюссе, у котораго такая забавная рожица, подъ клѣтчатой каскеткой, пошелъ седьмой годъ.

Широкій, какъ у художника, галстукъ, небрежно надвинутая на уши каскетка, желтыя ботинки до колѣнъ — истый парижанинъ, да оно такъ и есть: родился онъ въ Парижѣ, въ самомъ бойкомъ, веселомъ его кварталѣ, на одной изъ улицъ, пересѣкающихъ бульваръ Клиши.

Папа его, Эмиль Жюссе, бухгалтеръ одной изъ банкирскихъ конторъ, тучный, неповоротливый, добродушный французъ, возвращаясь домой, долго и крѣпко треплетъ сына по щекѣ, потомъ, какъ бы нехотя, цѣлуетъ жену, медленно снимаетъ пиджакъ и, оставшись въ гороховомъ вязаномъ жилетѣ, принимается за обычное свое занятіе — приготовленіе салата....

Маленькій Жанъ сейчасъ-же забирается съ ногами сзади него на стулъ и, обнявъ руками красную шею отца, внимательно слѣдитъ за сложнымъ священнодѣйствіемъ.

Мама — на кухнѣ... Она торопится, варитъ рыбу, готовитъ бѣлый соусъ и розовато-желтый «помъ-фритъ»... Жанъ знаетъ, что мѣшать мамѣ нельзя, что пробило уже семь часовъ, а папа любитъ обѣдать во-время.

Съ мамой Жану хорошо. Онъ любитъ мать, любитъ, оставшись съ нею наединѣ, слушать ея странныя, мало понятныя ему слова, когда она на прогулкѣ пытается научить его говорить по-русски.

Смѣшныя слова... Ихъ трудно произносить, и еще труднѣе понять....

И почему мамѣ хочется, чтобы онъ говорилъ такъ же, какъ она: вѣдь ни папа, ни Жюль Плесси, ни Арманъ Дидье, ни даже маленькая Сюзеттъ, дочь консьержки, — никто никогда не говоритъ такъ?

Ихъ слова просты, понятны, языкъ повторяетъ ихъ легко, а, главное, всѣ такъ говорятъ, всѣмъ весело и всегда смѣшно. За обѣдомъ сидятъ долго...

Папа разсказываетъ про какія то бумаги, которыя вдругъ то поднимаются, то падаютъ, и про месье Улье, который купилъ виллу подъ Парижемъ, а мама кушаетъ молча и, кажется, почти не слышитъ того, что говоритъ папа.

Жану все это тоже неинтересно и пользуясь тѣмъ, что на него никто не смотритъ, болтаетъ подъ столомъ ногами и лѣниво мажетъ желтой горчицей рыбу.

Костей въ рыбѣ много и, хотя мама сама предварительно вынимала ихъ своими тонкими бѣлыми пальцами, все же Жану не нравится рыба, и онъ тоскливо глядитъ на большую хрустальную вазу, въ которой среди круглыхъ деревенскихъ яблокъ желтыми колбасками аккуратно разложены бананы.

— Мама, а въ Россіи есть бананы?

— Есть, дѣтка, есть, — отвѣчаетъ мать, смущенно посматривая на мужа.

Она знаетъ, что папа Жюссе не любитъ, когда говорятъ о Россіи.

Революція раздѣла и его до-нага; и по сей день въ ящикахъ его письменнаго стола — цѣлый пакетъ плотныхъ разноцвѣтныхъ бумажекъ.

Послѣ обѣда папа обычно достаетъ изъ темнаго орѣховаго шкапа толстый томъ «Иллюстрасьонъ» въ зеленомъ переплетѣ и, показывая сыну картинки, разсказываетъ о войнѣ.

Мальчикъ любитъ эти разсказы; ему нравится, что папа воевалъ съ «бошами», что у него была тяжелая сѣрая каска и настоящее ружье.

Особенно любитъ Жанъ, когда папа изображаетъ налетъ цеппелиновъ.

Положивъ папиросу въ круглую маіоликовую пепельницу и усадивъ сына къ себѣ на колѣни, папа вдругъ начинаетъ какъ то странно гудѣть и вращать глазами, отчего становится такъ же жутко, какъ отъ поѣзда, когда онъ проносится, не останавливаясь, мимо станціи.

Не разъ, гостя лѣтомъ у бабушки въ деревнѣ, подъ Орлеаномъ, случалось Жану видѣть стремительное мельканіе экспресса, съ огненными выпяченными глазами фонарей, которыя уже издали наводили на него неописуемый ужасъ. И у папы, вотъ, иногда такіе глаза, красные, вздрагивающіе, совсѣмъ какъ у экспресса.

Должно быть, цеппелинъ — настоящее чудовище!

Потомъ папа беретъ ножницы и, тихо посапывая, медленно вырѣзываетъ изъ бумаги смѣшныхъ человѣчковъ, пузатыхъ, какъ тыква, и раскрашиваетъ ихъ цвѣтными карандашами.... Получаются солдаты, всѣ одинаковые, всѣ въ однихъ и тѣхъ же неуклюжихъ мундирахъ съ круглыми желтыми пуговицами.

На другой день Жанъ играетъ съ ними въ столовой, и самый красивый — всегда папа. Онъ у него, какъ Жоффръ, — самый главный и самый храбрый; безъ него остальные ничего не смѣютъ, они — простые солдаты и должны слушаться, т. к. иначе нѣмцы прорвутъ фронтъ. За день армія разбита....

Отъ бравыхъ солдатъ остается только куча разноцвѣтной бумаги, и потому папа каждый вечеръ, послѣ обѣда, непремѣнно долженъ дать «пополненіе».

Послѣ солдатъ папѣ нельзя мѣшать: онъ что то читаетъ и допиваетъ свою бутылку краснаго вина.

Жанъ возится съ синимъ крошечнымъ автомобилемъ, устраиваетъ «аксиданы» и, какъ ажанъ, старательно и строго что то записываетъ на клочкѣ бумаги.

Мама вышиваетъ салфетки для тети Жаклинъ, сестры папы, и тоже не мѣшаетъ папѣ читать.

Мама, вообще, никому не мѣшаетъ: она всегда за работой, всегда о чемъ то думаетъ и молчитъ.

Папа часто сердится на это и бываетъ даже, что сразу послѣ обѣда, не показавъ Жану картинокъ, не сдѣлавъ ни одного солдата, уходитъ на весь вечеръ въ кафэ.

А Жана посылаютъ спать...

Тамъ, въ его маленькой кровати-клѣткѣ, съ мягкой сѣткой по бокамъ, — такъ тепло и уютно.

Осторожно склоняется мать, онъ чувствуетъ ея духи, слышитъ ласковыя, непонятныя слова....

Жанъ знаетъ, что все, что она говоритъ ему, — самое нѣжное, лучшее, что можетъ сказать мать, — недаромъ же въ ея глазахъ блестятъ слезы, а руки какъ то торопливо-бережно гладятъ его по круглой, гладко выстриженной головѣ.

Когда папа сердится и уходитъ изъ дома, мама долго сидитъ возлѣ его кровати и разсказываетъ про большіе снѣжные города, про церкви, гдѣ молятся бородатые мужики, а бабы стоятъ въ яркихъ пестрыхъ платкахъ...

Трудно понять все, о чемъ она говоритъ, и почему тамъ, въ Россіи, — снѣгъ, хаты и мужики?

Смѣшныя, трудныя слова, но мама такъ улыбается, такъ свѣтится все ея лицо, что Жану становится стыдно за себя, за его неуклюжую русскую рѣчь.

Вотъ сегодня въ паркѣ Монсо, надъ лужайкой, пролетѣла бѣлая красивая бабочка....

Жанъ спросилъ, какъ она называется по-русски, но сколько ни билась мать, у него всегда получалось «грандъ-меръ». И какъ это такъ, — думалъ Жанъ, — старая «бабушка», которая нюхаетъ табакъ, и «бабочка», легкая и нарядная, — одно и то же?

Засыпая, онъ долго думалъ объ этомъ, боясь снова затронуть эту тему и, быть можетъ, обидѣть мать.

Еще разъ надъ черной, сгорбленной бабушкой, въ ея горячемъ душистомъ палисадникѣ, мелькнула — взвилась бабочка, а потомъ вдругъ все пропало, уплыло и стало тихо-тихо, какъ бываетъ только во снѣ.

Игорь Воиновъ.

НИКОЛАЙ ТУРОВѢРОВЪ.

ДОЧЬ ПЛАТОВА

«По любви къ отцу отдаю руку, а по любви къ отечеству и сердце свое».

Лондонъ 1814 года безъ памяти влюбился въ Атамана Войска Донского.

Платова, когда онъ пріѣхалъ туда вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ I, буквально носили на рукахъ. Носили на рукахъ и казака Землянухина, присланнаго въ Лондонъ въ 1813 году съ извѣстіемъ о взятіи Гамбурга. Міровая слава казаковъ достигла своего апогея.

Англичане увидѣли ихъ представителя, видѣли ихъ вождя — нехватало только представительницы, — казаки своихъ женъ въ походы не брали, да и жена Платова, графиня Марфа Дмитріевна, уже померла въ 1812 году. И Атамана и казака въ Англіи рисовали съ натуры. Лондонскіе портреты Платова надо считать лучшими*), изображенія Землянухина, вообще не существовало бы не будь онъ въ Лондонѣ; не существовало бы, пожалуй, и изображеній дочери Платова, Маріи Матвѣевны, а, главное, ея извѣстности, почти, славы, созданной, именно, Лондономъ. Ужъ очень Англіи того времени полюбились казаки: у знаменитыхъ воиновъ должны быть и знаменитыя женщины.

Быть можетъ, самъ Платовъ въ тѣхъ же бесѣдахъ съ Вальтеръ-Скоттомъ, который распрашивалъ Атамана для своей Исторіи Наполеона, вспомнилъ этотъ эпизодъ, быть можетъ, вспомнили его другіе спутники Исператора Александра I, — а, можетъ, и самъ Императоръ, — во всякомъ случаѣ, этотъ эпизодъ очаровалъ англичанъ.

Для Платова же онъ былъ не изъ веселыхъ. Послѣ Бородина, послѣ Можайска, гдѣ 27-го августа онъ послѣдній разъ командовалъ арьергардомъ, Платовъ остался не у дѣлъ — Кутузовъ Платовымъ былъ недоволенъ и замѣстилъ его Милорадовичемъ.

*) Мы воспроизводимъ здѣсь портретъ Платова, рисованный въ Лондонѣ знаменитымъ Лауренсомъ. Этотъ портретъ воспроизводится впервые. Мало того: о его существованіи никогда нигдѣ не сообщалось. Хранится онъ въ Виндзорской королевской галлерсѣ, откуда и удалось, благодаря связямъ генерала Д. И. Ознобишина, получить это воспроизведеніе. Атаманъ изображенъ въ ростъ, около своего коня Леонида — походы окончены, киверъ положенъ на сѣдло, перначъ отпущенъ долу, на фонѣ уже мирнаго пейзажа. Несомнѣнно, это лучшій портретъ Платова и одна изъ лучшихъ работъ знаменитаго художника.

Платовъ не былъ приглашенъ на знаменитый совѣтъ въ Филяхъ, мало того, — Платовъ уже не командовалъ своими казаками — «съ 29 августа, я по болѣзни моей, казачьими полками не командую и гдѣ оные находятся мнѣ неизвѣ-

Атаманъ графъ М. И. Платовъ

(портретъ работы Лауренса).

стно», писалъ онъ Коновницыну. Платовъ просто состоялъ при арміи Атаманомъ безъ Войска. Надо полагать, настроеніе у него было въ то время очень неважное, впрочемъ, не только у него: Москва отдавалась французамъ безъ боя. Намъ, пережившимъ не одну эвакуацію, не

трудно представить, что творилось въ тѣ дни и въ самой Москвѣ, и вокругъ нея.

Рано утромъ 2 сентября Кутузовъ проѣхалъ черезъ Москву безлюдными глухими переулками до Лузскаго моста, навѣрное, въ его свитѣ ѣхалъ и Платовъ. Войска проходили черезъ городъ въ глубокомъ молчанiи, очень быстро и мрачно; раздавались упреки еще оставшихся жителей, — «идемъ въ обходъ», отвѣчали солдаты; всюду еще были расклеены афиши Ростопчина: «возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменемъ собирайтесь тотъ часъ на Трехъ горахъ; я буду съ вами; вмѣстѣ истребимъ злодѣя», но на винномъ дворѣ уже разбивали бочки съ виномъ, гарнизоннный полкъ (знаменитые архаровцы) двинулся изъ города съ музыкой, съ пѣсенниками и плясунами впереди, — Милорадовичъ налетѣлъ на нихъ грозой: въ Москвѣ оставалось 10.000 нашихъ раненыхъ, ихъ стонами была полна древняя столица; о передачѣ этихъ раненыхъ и о безпрепятственномъ пропускѣ нашего арьергарда черезъ Москву, Милорадовичъ договаривался съ Мюратомъ; въ тѣ времена еще воевали по джентльменски. Къ вечеру 2-го сентября Москва была нами очищена.

Арьергардъ находился въ трехъ верстахъ отъ города. Платовъ находился при немъ. Въ городѣ раздались два взрыва, показалось пламя — начался великiй московскiй пожаръ. Очевидцамъ этого пожара, навѣрное, было очень тяжело, — «было стыдно смотрѣть другъ другу въ глаза», вспоминаетъ одинъ современникъ. Горѣли россiйскiя святыни, горѣла Россiя, казалось, — все идетъ прахомъ. И вотъ, при видѣ зарева надъ Москвой, Платовъ воскликнулъ: «Если кто, хотя бы простой казакъ, доставитъ мнѣ Бонапартишку — живого или мертваго — за того выдамъ дочь свою».

«Бонапартишку» Платовъ, дѣйствительно, всегда искренне недолюбливалъ. Еще въ Тильзитѣ Наполеонъ пытался приласкать Платова, но изъ этого ничего не получилось, — когда одинъ изъ французскихъ генераловъ спросилъ у пристально смотрѣвшаго на Наполеона Платова — какъ ему нравится ихъ Императоръ, Платовъ сердито отвѣтилъ, что Императоръ ему никакъ не нравится, а нравится ему его лошадь, на которую онъ и смотритъ.

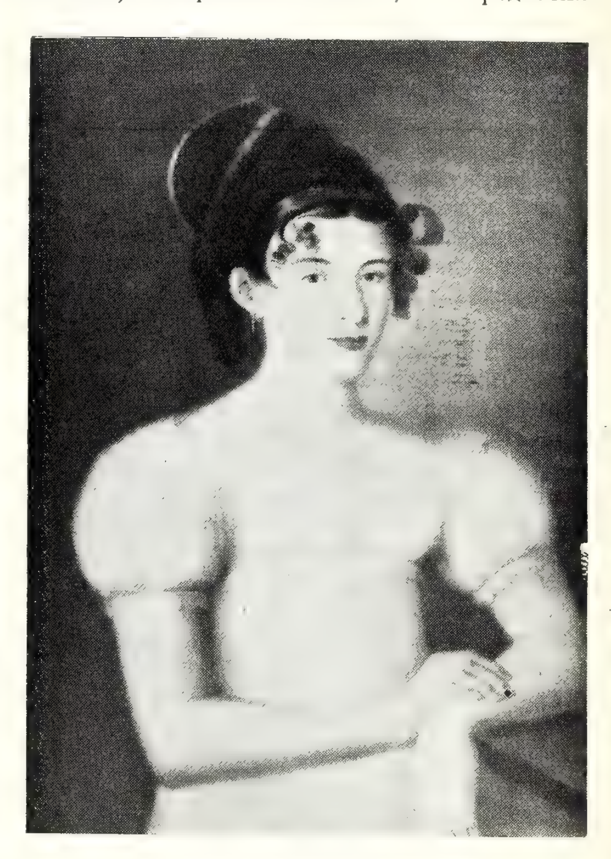
Сказалъ онъ это, надо полагать, искренне, какъ искренне и пообѣщалъ свою дочь въ тотъ трагическiй вечеръ на аванпостахъ подъ Москвой.

Замѣчательно, что въ этомъ отцовскомъ крикѣ души можно уловить ноты другого крика, крика скорѣе поэтическаго, но относящагося именно къ Платову.

Въ маѣ 1807 года Державинъ написалъ свою оду «Атаману и Войску Донскому», гдѣ воодушевляя Платова и казаковъ на подвиги противъ французовъ въ Пруссiи, обѣщалъ герою:

«Я дочь свою и самъ крестову,
Красотку юную, во бракъ
Отдамъ тому, кто грудь орлову
На славный сей отважитъ шагъ»*).

Эта ода (теперь, конечно, основательно забытая) интересна еще тѣмъ, что предвосхитила почти дословно знаменитое обращенiе Жуковскаго къ Платову въ его «Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ». Вопросъ заимствованiя, въ данномъ случаѣ очень интересный, конечно, выходитъ изъ рамокъ этой замѣтки, но во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что и Платовъ, и Жуковскiй очень хорошо знали эту державинскую оду.

Графиня М. М. Платова
(портретъ неизвѣстнаго художника).

*) Рѣчь идетъ о крестницѣ Державина, графини Марiи Алексѣевнѣ Васильевой. Была впослѣдствiи замужемъ за гр. В. В. Орловымъ-Денисовымъ.

Послѣ оставленія нами Москвы, Платовъ уѣхалъ на Донъ, собралъ тамъ всѣхъ оставшихся казаковъ и привелъ, уже въ Тарутино, новые казачьи полки — при видѣ этого поголовнаго ополченія Дона, Кутузовъ расплакался.

Начиналась новая страница и казаковъ и самого Платова — разгромъ французовъ, десятки тысячъ плѣнныхъ, сотни орудій, знамена, орлы, заграничный походъ, Лейпцигъ, Немуръ, наконецъ, Парижъ, Елисейскія Поля, потомъ Лондонъ. Слава, слава, слава!

Не думаю, чтобы во время своего короткаго пребыванія послѣ Москвы на Дону, Платовъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи относительно дочери, — еще меньше думаю, чтобы объ этомъ онъ дочери разсказалъ, — мало ли, что говорится въ пылу войны, да еще какой войны, — но вотъ въ Лондонѣ, видимо, вспомнилъ и это пришлось очень кстати. У знаменитаго отца, оказалась знаменитая дочь — **miss Platoff**. Ея изображеніе тотчасъ появилось въ Лондонѣ, одновременно съ изображеніями самого Платова.

На одной гравюрѣ miss Platoff изображена въ русскомъ сарафанѣ, въ кокошникѣ, съ спущенными долу глазами, съ рукой на сердцѣ — «дочь Атамана Платова; лэди съ 50.000 кронъ состоянія, предлагаемая за приводъ Бонапарта живымъ или мертвымъ». Долженъ оговориться: подъ Москвой Платовъ упоминалъ только о своей дочери и я ничего не нашелъ насчетъ этихъ 50.000 кронъ, — навѣрное, это уже добавили сами англичане: что за невѣста безъ приданаго, — да, по существу, можно было обѣщать и больше: Бонапартъ уже былъ пойманъ и сидѣлъ на Эльбѣ.

На второй гравюрѣ Платовъ изображенъ со знаменемъ въ рукѣ, на которомъ написано: «я, генералъ, графъ Платовъ, обѣщаю отдать мою дочь въ замужество и 2000 рублей тому казаку, русскому, пруссаку, нѣмцы, шведу, турку, Джонъ-Буллю, Сауну-Буллю, Падди-Буллю и всякому другому Буллю, который мнѣ принесетъ голову маленькаго Бони (т. е., Наполеона. Н. Т.) — живого или мертваго». Сама Платова кричитъ: «Хай-хо, — для мужа!» У ногъ ея стрѣляетъ изъ лука сѣверный амуръ и лежатъ 2 мѣшка по 1000 рублей. Справа видна великая армія по шею въ снѣгу. Наполеонъ удираетъ на конькахъ: «о-хо, — бѣда —, скорѣе бы мнѣ удрать». Подъ гравюрой подпись: «маленькій подарокъ для казака или призъ Платова за голову Буонапарте».

Наконецъ, на третьей гравюрѣ Платова гонится на аргамакѣ за Наполеономъ съ крикомъ: «Хай-хо — ату его! За мужа!» Наполеонъ въ видѣ лисицы удираетъ отъ нея: «чу — я слышу казачій кличъ, — меня травятъ по снѣгу, приходится удирать снова, они у меня на хвосту». Казаки скачутъ за Платовой. Самъ Платовъ имъ кричитъ: «Слушай! Впередъ, мои молодцы! Нажимай — вотъ его видно — скорѣй, вотъ онъ! Ату его!» Эта гравюра озаглавлена: «Казачій спортъ или Платовская охота во всю за французской дичью».

Конечно, всѣ эти изображенія своей дочери Платовъ видѣлъ въ Лондонѣ, навѣрное, привезъ ихъ на Донъ и, возможно, только тогда Марія Матвѣевна и узнала о своей обреченности, о своей славѣ.

Ужасаться ей уже не приходилось — «Бонапартишка» былъ пойманъ втарично и засаженъ на св. Елену. И она отдала и сердце свое и руку одному изъ донскихъ героевъ той эпохи, командиру Атаманскаго полка, Грекову 18-му (Тимофѣю Дмитріевичу), который хотя Наполеона и не поймалъ, но непріятностей причинилъ ему много, — изъ походовъ 1812—13—14 г.г. онъ прибезъ не только генеральскій чинъ, но и Георгія 4 класса, Владимира 3 и 4 степ., Анны 1-го класса при многихъ иностранныхъ орденахъ, — для его 34 лѣтъ, это, и по тому моложавому времени, было очень хорошо.

Лондонская слава Маріи Матвѣевны дошла до Россіи, не будь этой славы, едва ли бы сохранился у знаменитаго коллекціонера П. И. Щукина ея портретъ, рисованный съ натуры неизвѣстнымъ художникомъ.

Этотъ портретъ мы здѣсь и воспроизводимъ. Марія Матвѣевна изображена на немъ въ бѣломъ платьѣ Empire, въ прическѣ съ буклями по лбу и вискахъ, съ высокимъ испанскимъ гребнемъ.

Это уже не miss Platoff, заочно въ нее влюбленнаго Лондона, а невѣста или даже жена одного изъ блестящихъ сподвижниковъ ея отца.

На службѣ Франціи

ИЗЪ «ВОСПОМИНАНІЙ ДОНСКОГО КАЗАКА».

(Продолженіе).

НЕ ЗНАЮ какъ это вышло, но съ Ильинымъ мы не ходили въ столовую, а ѣли на воздухѣ, подъ сѣнью перечныхъ деревьевъ, и, потомъ, къ намъ приходили «Русскіе люди». Немного вина, немного папиросъ, и бесѣда начиналась. Каждый разсказывалъ невѣроятныя исторіи, много вспоминали Константинополь, Лемносъ, Галлиполи..

Помню приходилъ только что поступившій въ легіонъ «восточный человѣкъ». Приходилъ онъ въ очень нервномъ состояніи, потягивая вино, говорилъ: «Понимаерь, если бы я зналъ, никогда бы не поступилъ. Лошади чисти — ничего это, благородный работа, но таскать навозъ — это я не нанимался». Сколько ему ни объясняли, что нѣтъ позорной работы, онъ не хотѣлъ понять.

Черезъ нѣсколько дней кавказецъ пришелъ ко мнѣ и принесъ въ подарокъ «гурчхелу». «Вазми, пожалуйста, кушай на здоровье, только скажи, пожалуйста, у тебѣ есть рука, тибѣ уже произвели въ бригадиры, ѣдышъ въ Сирію, вазми мене, пожалуста, скажи командиру». Я, конечно, его успокоилъ и пообѣщалъ сдѣлать все возможное, но хлопоты мои успѣхомъ не увѣнчались, ибо кавказецъ былъ очень отсталый въ обученіи. Потомъ я узналъ, что онъ попалъ въ Марокко и въ одномъ изъ первыхъ боевъ былъ убитъ.

——«»——

Пользуясь своими досугами, я постарался ознакомиться съ Тунизіей вообще и, въ частности, съ г. Сусъ.

Съ 12-го вѣка до Р. Х. финикійцы владѣли побережьемъ Тунизіи, основавъ торговыя колоніи, изъ коихъ главнымъ пунктомъ былъ Карфагенъ, прославленный впослѣдствіи борьбою съ римлянами, овладѣвшими окончательно страной въ 146 г. до Р. Х. Юлій Цезарь возстановилъ Карфагенъ, а вся колонія получила наименованіе «Африка». Многочисленные развалины римскихъ временъ, форты, театры, цистерны, храмы и катакомбы, свидѣтельствуетъ, что въ древности эта «Африка» была болѣе густо населена и жила культурной по тому времени жизнью. Въ 5-мъ вѣкѣ по Р. Х. Тунизія была завоевана вандалами, основавшими свою столицу въ Карфагенѣ, когда римской цивилизаціи былъ нанесенъ значительный ударъ. Въ 6-мъ вѣкѣ Византійскій императоръ Юстиніанъ посылаетъ свои войска подъ начальствомъ Велизарія, который побѣждаетъ вандаловъ. Къ 7-му вѣку разрастается нашествіе берберовъ, въ то время болѣе извѣстныхъ подъ названіемъ «сарацинъ», которые окончательно ее покоряютъ подъ предводительствомъ Харана-ибнъ-эль-Номана. Въ то же время часть Тунизіи захватывается арабами, которые въ числѣ 20 тысячъ воиновъ, съ эмиромъ Абдалла укрѣпляются въ гор. Керуанѣ. Начинаются столкновенія между берберами и арабами и берберу Абу-Лошарія удается объединить власть надъ страною, положивъ начало династіи Хавсидовъ въ 1236 году, но признавъ свою зависимость отъ эмира Абдъ-эль-Мунина, владѣвшаго Мароккомъ, Алусиріей и Испаніей. Въ 1270 году, во время неудачнаго крестоваго похода, король Франціи Людовикъ IX умираетъ въ Карфагенѣ отъ чумы. Его преемникъ, Филиппъ Смѣлый, заключаетъ благопріятный для Франціи договоръ съ эмиромъ Тунизіи Абдала-эль-Мастенсеръ-Билохомъ. При этомъ эмирѣ власть захватывается нѣкимъ Херединомъ, отдающемся подъ владычество турокъ.

Въ 1535 году императоръ Священной имперіи Карлъ У освобождаетъ Тунисъ и возстанавливаетъ династію Хавридовъ. Но въ 1573 г., несмотря на упорное сопротивленіе императорскихъ войскъ подъ начальствомъ Хуана де Вега и дона Хуана Австрійскаго, Симанъ-паша окончательно покоряетъ Тунизію турецкому султану. Владѣтель Тунизіи — вассалъ Турціи, получаетъ титулъ «Дей», а впослѣдствіи «Бей». Къ этому времени при королѣ Генрихѣ Ш впервые устанавливается постоянное французское представительство въ Тунизіи. Послѣ ряда междоусобицъ и переворотовъ, власть окончательно закрѣпляется въ рукахъ династіи Хусейнитовъ въ лицѣ бея Али-эль-Мохамета.

Съ 1837 г. при правленіи Ахмедъ-Бея, развивающееся французское вліяніе ведетъ къ протекторату, который послѣ нѣкоторой борьбы признается и устанавливается окончательно по договорамъ 1881 и 1883 г.г. Этотъ протекторатъ остается по существу неизмѣннымъ и въ настоящее время при возглавленіи Тунизіи Его Высочествомъ Беемъ Эль-Махамедъ-эль-Хабибъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вѣра, Родина, Семья

ТАКОВЪ лозунгъ Русскаго Трудового Христіанскаго Движенія во Франціи, работающаго въ тѣсномъ контактѣ съ Французской Конфедераціей Трудящихся Христіанъ, о которомъ напечатана въ предыдущемъ номерѣ нашего журнала статья подъ названіемъ «Синдикальное Движеніе во Франціи».

Пишущій эти строки былъ приглашёнъ на 6-ю сессію Совѣта Федераціи Союзовъ Русскихъ Трудящихся Христіанъ во Франціи, состоявшейся 1 и 2 января этого года въ Ліонѣ, въ качествѣ журналиста.

Въ помѣстье «Ла Ривертъ», въ 2 километрахъ отъ города, съѣхались изъ разныхъ сторонъ Франціи делегаты Союзовъ. Болѣе 30 делегатовъ изъ Бордо, Безансона, Бельфора, Труа, Монбара, Виши, Марселя, Парижа, Гренобля, Ріуперу, Крезо, Ліона, Велизи, Омона и другихъ городовъ; подъ предсѣдательствомъ А. И. Ладыженскаго и при президіумѣ въ составѣ кн. М. А. Горчакова, кн. А. Н. Куракина, К. С. Мельникова, В. В. Хоромансканго, Е. В. Архипова и Г. Ф. Семперовича, въ своихъ выступленіяхъ разсказывали о жизни русскихъ трудящихся, о ихъ нуждахъ, взаимоотношеніяхъ съ властями и мѣстнымъ населеніемъ, обмѣнивались мнѣніями о возможностяхъ поднятія моральнаго, культурнаго и матеріальнаго положенія членовъ Союза, включающаго въ себѣ нѣсколько тысячъ русскихъ, (а изъ нихъ многихъ казаковъ), только во Франціи, съ тенденціей дальнѣйшаго роста.

Въ теченіе двухъ дней интенсивной работы съѣзда была возможность ознакомиться съ тѣмъ, какъ живетъ и чѣмъ живетъ «русская провинція» во Франціи. Надо отмѣтить бодрый духъ у делегатовъ отражающихъ мѣстныя настроенія, нѣсколько разнящихся отъ «русскаго» Парижа.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить энергію, съ которой борятся русскіе за свое существованіе, за свой бытъ, защищая другъ друга отъ всякихъ бѣдъ и напастей, помогая безработнымъ, заботясь о дѣтяхъ и старикахъ, поддерживая инвалидовъ, лѣча больныхъ, выручая другъ друга въ тяжелыя минуты, отъ которыхъ никто не застрахованъ. Въ этомъ заслуга Р.Т.Х. Движенія и надо сказать, что въ этомъ направленіи сдѣлано много.

Отправка дѣтей въ лѣтніе лагери, устройство домовъ отдыха для взрослыхъ, устройства дѣтей въ колледжи, организація елокъ съ раздачей полезныхъ подарковъ, предстательства при помощи французскаго Союза Труд. Христіанъ за рус. рабочихъ и ихъ семействъ передъ властями и дирекціями заводовъ, устройства безработныхъ на мѣста, организація библіотекъ, лекцій, выставокъ — вотъ чѣмъ заняты правленія союзовъ на мѣстахъ, наряду съ идеологической работой.

Выдѣляется работа кассы взаимопомощи въ Бельфорѣ. Оборотъ кассы за послѣднія 5 лѣтъ около 30 тысячъ франковъ.

Прекрасно осуществлена въ Ріуперу выставка русскихъ издѣлій, подъ названіемъ «Домашніе досуги». Примѣчательно, что въ этомъ маленькомъ городѣ всего 900 жителей и... 100 русскихъ. Было 300 посѣтителей, выручено чистой прибыли болѣе 650 фр., кромѣ того продано на полторы тысячи издѣлій и приняты заказы, чѣмъ русскіе пріобрѣли новую кліентуру.

Широко использована Союзомъ ратифицированная Франціей въ декабрѣ 1936 г. конвенція о бѣженцахъ для исхлопатыванія пособій въ министерствѣ здравоохраненія, префектурахъ, кассъ соц. страхованія и пр.

Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ работы Съѣзда является уставъ кассы посмертной помощи.

Безъ шума, безъ широковѣщательной рекламы Русское Трудовое Христіанское Движеніе творитъ большую насущнѣйшую работу на благо трудящихся русскихъ во Франціи, все больше привлекая умы и сердца ихъ.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ богатый матеріалъ со всѣхъ мѣстъ нашего разсѣянія, помѣщаемый въ органѣ Движенія — ежемѣсячникѣ «Новый Путь» съ тѣмъ же девизомъ:

«Вѣра — Родина — Семья».

П. Гусевъ.

Донской БАЛЪ

30 апрѣля донскими и обще-казачьими организаціями Парижа и его окрестностей, подъ покровительствомъ Донского Атамана устраивается донской балъ въ залахъ мэріи 5-го аррондисмана. Доходъ отъ бала поступитъ въ фондъ дома-пріюта для престарѣлыхъ казаковъ, организуемый Донскимъ дамскимъ комитетомъ.

В. КРЮКОВЪ.

Субботники кружка казаковъ-литераторовъ

Своею содержательностью первые два субботника превзошли ожиданія организаторовъ кружка. Казалось, что внѣ политики и текущихъ дѣлъ на эмигрантскихъ собраніяхъ не о чемъ говорить и они заранѣе представлялись безцѣльными и скучными. Первый субботникъ, когда группа малознакомыхъ между собою лицъ собрались на читку стиховъ, былъ довольно робкимъ. Искали форму этихъ субботниковъ, установку взаимности, опредѣленіе качествъ, форму выявленія критики и степени воспріятія ея авторами. Такая нащупывающая осторожность стѣсняла первый субботникъ. Второй же субботникъ какъ то внезапно опредѣлилъ всѣ эти формы и не въ силу установившагося знакомства (были и новыя лица), а подъ наплывомъ искренности и горячности чувствъ, внесенныхъ поэтами. Прибоемъ волнъ онѣ росли и множились, то чувствомъ дружескаго совѣта, то пыломъ отвлеченнаго спора. Бурно и страстно преодолѣвали онѣ установленныя грани предсѣдательствующаго П. В. Гусева и резонерскій холодокъ Д. Е. Скобцова, — создавая атмосферу искреннихъ порывовъ души въ любимомъ дѣлѣ. Эту внезапность перемѣны сути субботниковъ надо отнести дружбѣ и противоположности двухъ новыхъ членовъ кружка, станичниковъ луганцевъ Смоленскаго и Номикосова; ихъ свободная и искренняя критика такъ скоро заразила всѣхъ духомъ взаимности и сотрудничества. Первый, молодой поэтъ, заслуженно имѣетъ весьма значительное мѣсто въ русской, эмигрантской литературѣ, нутро, и даже внѣшность котораго свидѣтельствуютъ о полученной имъ «лирѣ съ неба». Стихи и мысли, прошедшіе черезъ его сердце, вдохновлены, обобщены и сгущены въ торжественномъ, вѣщательномъ стилѣ, гдѣ на первомъ мѣстѣ ярко пылаетъ чувство поэта.

Къ прочитаннымъ стихамъ своимъ о Россіи, авторъ сдѣлалъ оговорку о томъ, что какъ трудна для поэта эта огромнѣйшая и такъ волнующая тема, въ которой сплетается такая масса мыслей, чувствъ и образовъ, охватить и обобщить которые въ короткомъ стихѣ почти невозможно, не впадая въ банальность.

Прекрасная, строго вывѣренная, декламація автора (наизусть) такихъ стиховъ необходима, иначе они трудны для пониманія профана. Въ противоположность ему Номикосовъ весь земной. Описательная форма его стиховъ имѣетъ силу картинности, гдѣ мѣтко схваченный штрихъ изъ повседневности ярко рисуетъ глубину мысли. И, можетъ быть, Смоленскій правъ, предсказывая своему другу будущность писателя. Аббатъ Кенэ находитъ, что стихи Номикосова приближаютъ его къ французскому поэту Франсуа Копэ.

Съ казачьей точки зрѣнія — сожалѣю, что эти два казака поэта и Е. В. Номикосова не имѣютъ «казачьяго нутра», или пока оно не выявлено. Вѣроятно, это въ силу ихъ молодости, лишившей ихъ рано чувства родного края. Но утѣшимся тѣмъ, что это нутро успѣшно и ярко выражается въ стихахъ 2 другихъ поэтовъ. Н. Н. Туровѣрова и Н. Н. Евсѣева. Первому безспорно принадлежитъ первое мѣсто въ эмигрантской, казачьей поэзіи. Глубина чувства и мысли, штриховая образность, реальность, скупая сжатость словъ и звучность его стиховъ, какъ бы кровно вырываются изъ его сердца, любящаго и знающаго казачій бытъ. Жаль, что Туровѣровъ не владѣетъ ловкостью декламаціи, какъ, впрочемъ, и большинство авторовъ. Евсѣевъ силенъ техникой постройки стиха и пылкимъ чувствомъ любви къ родному краю. Начинающему стихотворцу кубанцу И. И. Данилову, похвалу писать еще рано до оформленія его способности и любви къ писательству, чтобъ не создать «головокруженіе отъ успѣховъ».

Второй субботникъ порадовалъ членовъ кружка двумя казачьими книгами, только что вышедшими изъ печати: стихи Келина (Прага) и «Гремучій родникъ» Д. Е. Скобцова. Келинъ, несомнѣнно, даровитый поэтъ, но при бѣгломъ разборѣ его стиховъ, здѣсь обнаружилось, что въ построеніи ихъ допущены «вольности», въ ущербъ грамотности. Объемистая книга Скобцова будетъ предметомъ разбора для слѣдующаго субботника. Хорошее изданіе книги, по словамъ автора, надо отнести чести взаимопомощи кубанцевъ, что нужно горячо привѣтствовать.

Въ итогѣ моего впечатлѣнія отъ первыхъ двухъ субботниковъ казачьихъ литераторовъ — радость отъ наличія благого, полезнаго, культурнаго, казачьяго дѣла, желательное развитіе котораго можетъ дать ту здоровую пищу уму и сердцу казачества, недостаткомъ которой оно страдаетъ въ эти годы лихолѣтья. Было бы весьма полезно для дѣла, если въ своемъ развитіи оно обнаружитъ еще и новыя литературныя силы въ средѣ казачьей молодежи.

Существующій теперь кружокъ окажетъ имъ радостное вниманіе и содѣйствіе по мѣрѣ своихъ возможностей.

Необходимо восполнить мое впечатлѣніе отъ субботниковъ упоминаніемъ того, что «литературной атмосферѣ» ихъ много способствуетъ радушіе и гостепріимность хозяина субботниковъ, аббата Кенэ, громадная русская библіотека котораго и квартира, предоставляются нашимъ собраніямъ по вечерамъ первой субботы каждаго мѣсяца. Его безкорыстное расположеніе къ казакамъ давно извѣстно, какъ и наша искренняя ему признательность.

Въ Союзѣ Казаковъ-Комбатантовъ

17-го апрѣля с. г. въ 4 часа дня состоится годовое собраніе Союза казаковъ комбатантовъ во Франціи, гдѣ будутъ заслушены доклады правленія и ревизіонной комиссіи и разсмотрѣны текущія дѣла. Собраніе будетъ происходить въ залѣ Галлиполійскаго Собранія, на улицѣ Фезандери № 81.

Отчетъ о собраніи, а также и доклады, которые будутъ тамъ сдѣланы, будутъ напечатаны въ ближайшемъ номерѣ «Станицы».

Правленіе Парижской студенческой казачьей станицы шлетъ Союзу къ его годовому собранію горячій привѣтъ, съ пожеланіями дальнѣйшей плодотворной работы, основанной на объединеніи казаковъ всѣхъ Войскъ для взаимной моральной ,и матеріальной поддержки.

Студенты-казаки пользуются случаемъ принести своимъ старшимъ братьямъ сердечную благодарность за постоянное вниманіе къ ихъ нуждамъ и за оказываемую имъ помощь каждый разъ когда это бываетъ возможнымъ.

На докладѣ Н. Н. Туровѣрова въ Сошо

5 МАРТА, въ Сошо, по приглашенію мѣстнаго Общества Взаимопомощи Казаковъ, извѣстный поэтъ Н. Н. Туровѣровъ сдѣлалъ докладъ на тему: «Атаманъ Платовъ и его эпоха».

Собыіе это, ставшее извѣстнымъ мѣстному казачьему и неказачьему русскому населенію задолго до доклада, вызвало замѣтное волненіе и многочисленные разговоры. Волновались казаки: въ первый разъ за свою дѣятельность Общество рѣшилось пригласить докладчика, да еще и казака. Не подведетъ ли? Да и тему выбрали: не привычную политическую тему, а историческую, чисто казачью. Пойдутъ-ли не-казаки слушать? Среди не-казачьяго населенія шли также разговоры и доброжелатели казаковъ старались поддержать бодрое настроеніе у казаковъ, высказывая, что все пройдетъ хорошо и слушатели будутъ.

Начало доклада было назначено на 3 часа дня. Уже съ 2 1/2 часовъ публика начала прибывать и къ 3 часамъ народу было столько, сколько ни на одномъ здѣшнемъ докладѣ не было. Въ 3 часа новый наплывъ публики, изъ за чего пришлось задержать начало доклада на четверть часа. Собрались мѣстные казаки, пріѣхали казаки изъ окрестныхъ городковъ и селъ. Были представлены и русскія политическія группы: Н.Т.С.Н.П., Р.Д.О. и нѣкоторые представители мѣстной русской колоніи. Въ 3 1/4 часа докладъ начался. Въ простой, блестящей по формѣ и увлекательной по содержанію рѣчи, докладчикъ рисовалъ юные годы будущаго Атамана. И уже эта часть доклада захватила присутствующихъ. Послѣ короткаго перерыва, Н. Н. представилъ Платова въ роли Атамана, яркими красками изобразилъ его роль съ казаками въ войнѣ 1812 года, его побѣдоносное вступленіе въ Парижъ, его поѣздку въ Лондонъ и какъ-бы мимоходомъ, вскользь, двумя—тремя штрихами, ловко вставленной цитатой, выдержкой изъ письма Платова, показалъ его, какъ отца и семьянина. Образъ Платова предсталъ въ полномъ своемъ величіи, въ новомъ видѣ, совсѣмъ не такомъ, какимъ онъ былъ извѣстенъ большинству изъ насъ со школьной скамьи. Эта вторая часть доклада совсѣмъ растопила тотъ холодокъ, который чувствовался въ началѣ доклада и который обыченъ между аудиторіей и незнакомымъ лекторомъ. Больше: аудиторія была покорена докладчикомъ, она явно симпатизировала ему. Докладъ часто прерывался взрывами смѣха, особенно когда докладчикъ разсказывалъ о пребываніи казаковъ въ Парижѣ, о поѣздкѣ Платова въ Лондонъ, или о содержаніи гравюръ того времени, изображающихъ казаковъ. Но не только смѣхъ пришлось слышать, пришлось видѣть и слезы... Былая казачья слава, казачьи подвиги, вступленіе казаковъ въ Парижъ! И современное «вступленіе» казаковъ въ Парижъ... Какой контрастъ! Есть надъ чѣмъ подумать и пролить слезы.

«Какъ-бы казаки ни ошибались, какъ-бы они ни заблуждались, какъ-бы они ни дѣлились, но въ нужный моментъ они будутъ всѣ вмѣстѣ» — этими словами, вѣрой въ казака, въ его здравый смыслъ Н. Н. закончилъ свой докладъ подъ единодушные апплодисменты всѣхъ присутствующихъ.

Опять маленькій перерывъ и началась самая волнующая часть программы: Н. Н. началъ читать свои стихи:

«Не разлюблю я, вспоминая,
Далекую родную степь
Мою отъ края и до края».

Гдѣ:

«По толокамъ пасутся стада,
Стрепета пролетаютъ надъ ними».

Какой болью отдавались эти чудныя слова, какую томящую тоску вызывала эта чарующая музыка словъ въ безконечно любящемъ свой Родной Край въ усталомъ, истрадавшемся сердцѣ казака! Какія свѣтлыя воспоминанія о далекихъ, безконечныхъ степяхъ, прекрасныхъ рѣкахъ пробудили они! Сколько далекихъ, милыхъ образовъ воскресили они!

Неудержимо полились слезы изъ многихъ казачьихъ глазъ! А чарующая музыка все лилась. Отъ прелести далекихъ степей къ недавнему, страшному прошлому:

«Но вотъ дыханье страшныхъ лѣтъ
Повѣетъ въ свѣтлыхъ рощахъ рая».

Оборвалась, умолкла музыка... Чтеніе стиховъ окончено. Минутная тишина, тишина забытья и дружный взрывъ апплодисментовъ. А потомъ, совершенно незнакомые люди, видящіе впервые Н. Н., шли къ нему, жали руку, со слезами на глазахъ цѣловали его. Крѣпкая любовь казака къ своему родному Краю, такъ легко совмѣщавшаяся съ служеніемъ Россіи, не всегда и не всѣмъ не-казакамъ, понятная, на этотъ разъ, казалось, была понята всѣми, заразила своей силой, объединила всѣхъ.

Горячее, отъ души спасибо родному казаку Н. Н. Туровѣрову за незабываемые часы, проведенные на его докладѣ.

Казакъ.

КЪ ВЫБОРАМЪ ДОНСКОГО АТАМАНА

Постановленіе донскихъ казаковъ -- членовъ парижской студенческой казачьей станицы

Донскіе казаки — члены Парижской студенческой казачьей станицы, на общемъ собраніи, состоявшемся 13-го сего мѣсяца, обсуждая вопросы, связанные съ предстоящимъ въ августѣ сего года истеченіемъ срока полномочій Донского Атамана графа М. Н. Граббе, вынесли слѣдующія пожеланія и постановленія:

1. Принимая во вниманіе, что Донской Атаманъ избирался за рубежомъ на 3 года, и срокъ его полномочій истекаетъ въ августѣ сего года, группа полагаетъ, что выборы Атамана на новое трехлѣтіе необходимо произвести и донскимъ казакамъ — членамъ станицы, въ выборахъ Атамана участіе принять.

2. Наличіе двухъ Центральныхъ Комиссій одновременно, собраніе считаетъ явленіемъ ненормальнымъ, прискорбнымъ, ведущимъ къ разъединенію казачества, а посему группа обращается къ обѣимъ Комиссіямъ съ призывомъ о сговорѣ между собой и о сліяніи.

3. Нашъ представитель можетъ быть посланъ лишь при наличіи въ Парижѣ **одной** Центральной Комиссіи по выборамъ Донского Атамана.

За подписями членовъ Правленія, настоящее постановленіе отправлено въ обѣ Центральныя Комиссіи по выборамъ Донского Атамана.

Въ нашей станицѣ

Годовое собраніе станицы 13 марта прошло оживленно, многолюдно и дружно, подъ умѣлымъ предсѣдательствомъ В. С. Крюкова и при секретарѣ Д. С. Романовѣ.

На этомъ собраніи открытымъ голосованіемъ единодушно приняты въ станицу новые члены: студенты Б. Я. Коноводовъ, Ю. Д. Романовъ, П. И. Агаповъ, А-дръ І. Уваровъ, Андрей І. Уваровъ, М. И. Папкова, В. Ф. Алентьевъ, и казаки — С. И. Чернышевъ (дѣйствительнымъ) и Д. Я. Московкинъ (соревнователемъ).

Доклады Атамана станицы П. В. Гусева, казначея В. Н. Тарарина и предсѣдателя Ревизіонной Комиссіи священника о. Олега Болдырева были утверждены собраніемъ, выразившимъ Правленію и Ревизіонной Комиссіи благодарность за продѣланную въ отчетный періодъ работу на пользу студентовъ-казаковъ.

Съ большимъ удовлетвореніемъ собраніе выслушало сообщеніе правленія о поступившемъ пожертвованіи студентамъ отъ одного изъ старѣйшихъ членовъ станицы, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, въ размѣрѣ 1000 франковъ. Но такъ какъ въ станицѣ всѣ его знаютъ, то за всѣми подписями собравшихся послано нашему станичнику благодарственное письмо.

Поставленный правленіемъ вопросъ о мѣрахъ изысканія средствъ для оказанія помощи учащимся членамъ станицы вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, тѣмъ болѣе что въ тотъ же день, о чемъ сказано выше, въ наши ряды вступили новые члены и намѣчается ихъ новый притокъ. Многіе изъ нынѣшнихъ студентовъ совсѣмъ не знаютъ своей родины, такъ какъ родились въ годы гражданской войны, на Лемносѣ и въ Константинополѣ, но твердо чувствуютъ свою принадлежность къ казачеству, гордятся этимъ, воспитанные подъ вліяніемъ своихъ родныхъ и окружающихъ ихъ казаковъ въ любви къ роднымъ краямъ, мечтая ихъ увидѣть и послужить имъ. Родители молодыхъ студентовъ, или же родственники сиротъ, оставленныхъ на ихъ попеченіи, не въ состояніи безъ общественной поддержки дать своимъ дѣтямъ образованіе и долгъ зарубежнаго казачества придти имъ на помощь.

Собравшіеся обращали особое вниманіе на необходимость привлечь къ жертвенности пре-

жде всего тѣхъ, кто самъ былъ за рубежомъ студентомъ, нынѣ сталъ на ноги благодаря поддержкѣ станицы и казачьей общественности и казачьимъ правительственнымъ учрежденіямъ, и въ состояніи теперь отплатить свой моральный долгъ.

Да послужитъ имъ примѣромъ благородный жестъ нашего «неизвѣстнаго» станичника.

Собраніе закончилось выборами новаго правленія и ревизіонной комиссіи. Въ правленіе избраны: П. В. Гусевъ (атаманъ), В. Н. Тараринъ (казначей), А. П. Чукавовъ (писарь), Н. И. Болдыревъ и Н. Н. Тараринъ. Въ ревизіонную комиссію: свящ. о. Олегъ Болдыревъ, инж. Н. Ф. Пузановъ, И. Н. Шелудько и Я. В. Ширягинъ,

Къ концу собранія станицу посѣтилъ ея почетный казакъ аббатъ К. А. Кенэ, встрѣченный привѣтственнымъ словомъ предсѣдательствующаго В. С. Крюкова, слова котораго были покрыты апплодисментами всѣхъ казаковъ, выражая этимъ горячую благодарность аббату К. А. Кенэ за неустанное попеченіе, заботы и помощь студентамъ на протяженіи всего 14-лѣтняго существованія станицы.

НАГРАЖДЕНІЕ М. А. АДАМОВА.

Юрисконсультъ нашей станицы прис. пов. М. А. Адамовъ награжденъ орденомъ «Оффисье д-Академи» за услуги, оказанныя Франціи.

Станица отъ души поздравляетъ **съ этой** высокой наградой дорогого Михаила Александровича, много разъ приходившаго на помощь казакамъ-студентамъ и казакамъ читателямъ «Станицы», нуждавшихся въ юридическихъ совѣтахъ и содѣйствіи.

Незабытыя казачьи могилы

Множество казачьихъ могилъ выросло на чужбинѣ. Уходятъ въ лучшій міръ казаки отъ болѣзней, старости, несчастныхъ случаевъ. Гдѣ они и сколько ихъ — никто не знаетъ. Чуть не въ каждомъ номерѣ выходящихъ за рубежомъ казачьихъ журналовъ читаемъ скорбныя вѣсти. Надо сказать, что послѣдній долгъ уходящимъ отдается не только тѣмъ, кто послѣ себя оставилъ родныхъ, но и казаками и ихъ организаціями, когда некому позаботиться о погребеніи одинокаго.

Однимъ изъ такихъ примѣровъ укажемъ на казачью колонію въ г. Арль, близъ Марселя.

Оттуда намъ сообщаетъ В. І. Назаровъ о торжествѣ поминовенія умершихъ въ Арлѣ казаковъ, состоявшееся 6-го марта этого года.

По иниціативѣ старѣйшаго казака, проживающаго въ этомъ городѣ Купріана Ивановича Кузнецова и при живѣйшемъ участіи другихъ казаковъ, на казачьихъ могилахъ были устроены ограды и воздвигнуты кресты. При переполненномъ храмѣ въ Марселѣ священникомъ казакомъ о. Григорьевымъ Лукьяновымъ была отслужена торжественная панихида и множество пришло помолиться у могилъ казачьихъ на кладбищѣ въ Арлѣ.

Вотъ списокъ казаковъ, умершихъ и погребенныхъ въ этомъ городѣ:

Страховъ Иванъ Акимовичъ, 59 лѣтъ, станицы Кременской.

Титовъ Иванъ Ивановичъ, 49 лѣтъ, станицы Митякинской.

Ковалевъ Александръ Яковлевичъ, 58 лѣтъ, станицы Гундоровской.

Андреевъ Константинъ Дмитріевичъ, 33 лѣтъ, станицы Новочеркасской.

Софинъ Павелъ Сидоровичъ, 49 лѣтъ, станицы Еланской.

Малько Федоръ, станицы Пашковской Кубанскаго Войска, 42 лѣтъ.

Маргуновъ Павелъ Ивановичъ, ст. Екатеринодарской, Терскаго Войска, 55 лѣтъ.

Наша смѣна

Въ ЗАБРОШЕННОЙ мельницѣ во французской провинціи живетъ Терскаго Войска казакъ Сережа Солнышкинъ, станицы Маріинской Пятигорскаго отдѣла, присяги... 1950-го года. Иначе говоря, Сережа родился въ 1929 году, но не на Терекѣ, а въ Ліонѣ. Свой курень онъ нарисовалъ съ натуры и прислалъ въ «Станицу»

Сережа учится во французской школѣ, а дома родители занимаются съ нимъ по русскимъ предметамъ. Посылая свой рисунокъ, Сережа пишетъ въ редакцію:

«Посылаю Вамъ мой рисунокъ, это мельница, гдѣ мы живемъ. А я выучилъ наизусть стихотвореніе «Выходи со мной на воздухъ» (Туровѣрова **прим. ред.**).

Нашъ привѣтъ представителю юнаго поколѣнія славнаго Терскаго Казачьяго Войска заграницей.

Казаки въ Монтаржи

Обще-казачья станица.

На состояшемся годовомъ станичномъ сборѣ обще-казачьей станицы Монтаржи произведены выборы новаго правленія и ревиз. комиссіи на 1938 годъ.

Избранными оказались: М. В. Леоновъ (Атаманъ), Т. М. Карнауховъ и М. В. Поповъ (помощники), И. С. Антюфѣевъ (казначей), А. П. Каргальсковъ и Я. И. Подрѣзовъ (довѣренные), М. К. Поповъ (библіотекарь), М. Г. Ушаковъ (помощникъ библіотекаря), Меркуловъ В. З. (писарь.

Въ ревизіонную комиссію — Д. И. Разинъ, Ф. С. Бѣлевъ, Ф. М. Мироновъ и С. Ф. Дрынкинъ.

— — —

Казачій вечеръ.

22 января въ Русскомъ Домѣ состоялся казачій вечеръ въ пользу больныхъ инвалидовъ-казаковъ. Въ моральномъ, художественномъ и матеріальномъ отношеніи вечеръ прошелъ весьма удачно.

Вечеръ былъ организованъ Комитетомъ казачьихъ организацій г. Монтаржи во главѣ съ А. И. Кабатченковымъ, который черезъ «Станицу» приноситъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, потрудившимся надъ организаціей вечера, Дамскому комитету, хору, труппѣ джигитовъ есаула Юркова, артистамъ и всѣмъ посѣтившимъ вечеръ.

Книжная полка

„Память“

Новая книга стиховъ Ивана Сагацкаго

Я НЕРѢДКО встрѣчалъ людей, обуреваемыхъ страстью къ стихотворству. Иногда это были весьма почтенные старички, а одинъ разъ даже сѣдой генералъ.

Чаще всего стихи были слабые, блѣдные, безкровные. Никакого творчества въ нихъ не было и Ходасевичъ далъ имъ удачный терминъ «творчество ниже нуля».

И тѣмъ отраднѣе и пріятнѣе отмѣтить появленіе новой книжечки стиховъ нашего донского поэта Ивана Сагацкаго.

Книжечка называется «Память», и все что она содержитъ, — идейно отвѣчаетъ этому названію.

Сагацкій принадлежитъ къ нашей молодежи. Революція застала его кадетомъ. Это тотъ идеалистическій возрастъ, когда все чистое и благородное такъ ярко и живо запечатлѣвается въ благородныхъ чистыхъ сердцахъ. И Сагацкій все воспринялъ и все сохранилъ.

Скорбь за Родину, любовь къ ней, вспыхнувшая такъ сильно въ потемкахъ безвременья, освѣтила путь юноши и осталась въ сердцѣ навсегда, какъ самое свѣтлое дорогое и незабываемое.

Бьетъ набатъ церковный
Въ памяти моей.
Вѣтеръ рветъ неровный
Зарево огней.
Гулъ зловѣще-жуткій
Наполняетъ даль:
Полонъ слухъ имъ чуткій
Звонокъ, какъ хрусталь.
И надъ всѣмъ огромный,
Медленный прямой
Бродитъ призракъ темный
Страшный и нѣмой.

С. Позднышевъ.

RUSSIE ET CHRETIENTE. Періодическій журналъ (трехмѣсячный) на французскомъ языкѣ Доминиканскаго центра по изученію Россіи «Istina», съ русскимъ подзаголовкомъ **«Россія и Христіанскій Міръ».** **39, rue François-Gerard. Paris (16).**

Въ краткихъ передовицахъ каждаго номера журнала разбирается вопросъ о соединеніи церквей за подписью «Istina», а остальныя страницы трехъ полученныхъ редакціей «Станицы» номеровъ (точнѣе — объемистыхъ книгъ) заполнены статьями о Россіи. Много цѣннаго историческаго матеріала преимущественно связаннаго съ исторіей развитія русской церкви. Особенностью же журнала является обильный матеріалъ по изученію современной совѣтской Россіи. Здѣсь можно прочесть интересныя статьи по самымъ разнообразнымъ вопросамъ: политики, соціальной жизни, церкви, школы, воспитанія дѣтей, семьи, работы безбожниковъ, совѣтской молодежи и др. Есть отдѣлъ, посвященный русской эмиграціи: статистика, правовое положеніе, условія жизни и труда, религіозныя движенія и др. Объемистъ отдѣлъ хроники и особо тщательно представлена библіографія съ критическими замѣтками о совѣтскихъ книгахъ и журналахъ, а также объ эмигрантскихъ и иностранныхъ.

Для тѣхъ, кто интересуется религіозными вопросами, изученіемъ условій совѣтской жизни, и для любителей новой книги, — журналъ даетъ обильный, тщательно и добросовѣстно подобранный матеріалъ.

В. К.

Le Gérant: Ch. Quénet. Imprimerie de Navarre — 5, rue des Gobelins. Paris (13e).

№ 27 JUILLET 1938 № 27

Prix: frs. 3

СТАНИЦА

«Степные дикари». Съ акварели А. Мельникова.

STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS

7, RUE JOBBÉ DUVAL · PARIS (15e)

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ
РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.
«STANITZA», 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 27 ІЮЛЬ 1938 Годъ изданія 7-й

ЕВГЕНІЯ ДЕ ЖЕРВЕ.

Я хочу покоя; я хочу герани;
Бѣлой занавѣски на моемъ окнѣ.
Я хочу въ тревогѣ, въ смутномъ ожиданьи
Яркими шелками шить на полотнѣ.

Въ низенькомъ убогомъ провинціальномъ зальцѣ.
Въ прадѣдовскомъ креслѣ сидя, помечтать,
А потомъ, склонившись къ неизбѣжнымъ пяльцамъ,
На своемъ приданномъ буквы вышивать.

Вечеромъ весеннимъ, тихо вставъ съ постели,
Въ скромненькой сорочкѣ, подойти къ окну
И внимая чутко соловьиной трели,
Помечтать о мужѣ, глядя на луну.

И мечтать о жизни сказочной столичной;
И желать покинуть этотъ мирный кровъ;
Этотъ городъ сонный, скучный и безличный,
Провинціальный городъ — колыбель отцовъ.

ИГОРЬ ВОИНОВЪ.

Ужъ мѣсяца осколками
Задѣта цѣпь креста,
Шевелитъ кашлемъ колоколъ
Морозныя уста.

Подъ благовѣстъ на площади
И я, какъ ты, затихъ,
Лишь память ищетъ ощупью
Волнующій насъ стихъ.

За раннею обѣднею
Блѣдны просвѣты рамъ,
Моя любовь, послѣдняя,
Крылами — къ небесамъ.

«Корсунская» въ безсонницѣ,
Въ большихъ глазахъ — слеза,
И тихо стонутъ звонницы,
И будятъ образа.

Вотъ вышли мы. На паперти...
А солнце — нашъ вѣнецъ:
Вѣдь оба сердца заперты
Въ серебряный ларецъ.

НИК. ЕВСѢЕВЪ.

Кто любовь ощущаетъ, какъ солнце,
Тотъ пойметъ о единственной крикъ.
На родномъ неприглядномъ болотцѣ,
Свое счастье голубилъ куликъ.

Улеталъ онъ въ заморскія страны,
Видѣлъ Азію, Африку, Нилъ...
Но Хопра и Задонья туманы
На куличій свой вѣкъ полюбилъ.

Пѣлъ куликъ у горячаго Нила
Казакомъ на чужой сторонѣ
О раздольяхъ Хопра, о разливахъ,
О великой далекой странѣ.

Пѣлъ куликъ и слушали ибисы,
На высокихъ застывши ногахъ,
И отъ пѣсни заплакали чибисы,
Все о тѣхъ же далекихъ лугахъ.

Африканское солнце горѣло
Страшенъ былъ огнедышущій ликъ,
Но о родинѣ пѣсня летѣла —
Сердцемъ пѣлъ незамѣтный куликъ.

ИРИНА ПОЛЯКОВА.

Въ тяжелыя годины испытанья,
Завѣтамъ дѣдовъ я всегда вѣрна —
Пусть жизнь ломаетъ все бездушна и грозна,
Мой закаленный духъ растетъ среди страданья.

Не для меня соблазнъ любви земной —
Въ моей душѣ поетъ струна иная —
Въ ней отзвукъ голоса Родного Края,
Ей только внятенъ зовъ Страны Родной!

Б. НОМИКОСОВЪ.

Въ тяжеломъ, дубовомъ гробу,
Съ вѣнчикомъ бѣлымъ на лбу,
Знакомо родной, — и далекій
Сонъ не прервешь свой глубокій...
Слышишь ли насъ?
Тайну померкнувшихъ глазъ
Скрылъ ты отъ насъ.
Гдѣ ты витаешь душой?
Здѣсь, на землѣ, иль въ иной,
Намъ недоступной странѣ,
Божьяго райскаго міра.
Или въ мученьяхъ, въ огнѣ
Дьявола страшнаго пира
Жданный ты гость?
Первая брошена горсть
Липкой глины, сырой...
Холмикъ растетъ надъ тобой. —
И скрытый землей
Ты одинъ съ темнотой,
Ты одинъ, — и навѣкъ...
Былъ и жилъ человѣкъ.

ВЛАД. СМОЛЕНСКІЙ.

Широкій, легкій бѣгъ коня,
Прозрачный ледъ, что бьетъ звеня
Объ оснѣженныя копыта,
Свобода, молодость, любовь,
Горячая, какъ солнце, кровь
И счастье, что кругомъ разлито.

Скачи, скачи, во весь опоръ,
Вперяя восхищенный взоръ
Въ раздвинутыя дали эти,
На подвиги и на борьбу
Слѣпую подгоняй судьбу
Ударами шелковой плети.

Во весь опоръ, впередъ, впередъ,
Тебя въ высокомъ домѣ ждетъ
Веселая твоя подруга,
И будетъ пьянъ вина глотокъ,
И будетъ легкій сонъ глубокъ,
А сердце вѣрно и упруго.

НИКОЛАЙ ТУРОВѢРОВЪ.

На солнцѣ, въ мартовскихъ садахъ,
Еще сырыхъ и обнаженныхъ,
Сидятъ на постланныхъ коврахъ
Принарядившіяся жены.
Охъ, какъ недологъ бабій вѣкъ,
Дѣвичій вѣкъ того короче, —
Парчевый бабкинъ кубелекъ
На внучкѣ новъ еще и прочень.
Послѣдній ледъ въ рѣкѣ идетъ
И солнце грѣетъ плечи жарко;
Старшинскимъ женамъ медъ несетъ
Ясырка — плѣнная татарка.
Весь городъ ждетъ и жены ждутъ,
Когда съ раската грянетъ пушка,
Но въ ожиданьи тамъ и тутъ
Гуляетъ пѣнистая кружка.
А старики всѣ у рѣки
Глядятъ толпой на половодье —
Изъ подъ Азова казаки
Съ добычей приплывутъ сегодня.
Моя рѣка, мой край родной.
Моихъ прабабокъ эта сказка,
И этотъ вѣтеръ голубой
Средневѣковаго Черкасска.

Къ выборамъ Донского Атамана

Мы даемъ здѣсь лишь главныя свѣдѣнія, взятыя нами изъ обширнаго и обстоятельнаго доклада предсѣдателя Атаманской комиссіи по выборамъ, полк. Шульгина, на многолюдномъ собраніи, ею организованномъ 19 іюня.

1) Атаманская комиссія состоитъ изъ представителей части донскихъ организацій Парижскаго района и лицъ, приглашенныхъ въ комиссію по персональному признаку; 2) комиссія учреждена въ концѣ 1937 г. наказомъ Донского Атамана для работы по выборамъ, въ виду истеченія срока его полномочій въ августѣ 1938 г.; 3) комиссія твердо установила свое право законности и категорически отрицаетъ это право комиссіи по выборамъ Президіума Войскового Круга; 4) Атаманской комиссіей получены отъ трети (1700 голосовъ по подсчету комиссіи) общаго числа выборщиковъ перваго плебисцита, постановленія донскихъ казачьихъ организацій съ выраженіемъ ихъ нежеланія устройства выборовъ Донского Атамана; 5) комиссія сочла возможнымъ, на основаніи выраженнаго желанія этой трети выборщиковъ, произвести работу путемъ опроса всѣхъ донскихъ организацій о желательности, или нежелательности выборовъ, для чего ею разослано обращеніе ко всѣмъ казакамъ съ вопросникомъ; 6) Атаманская комиссія отвергла оффиціальныя попытки комиссіи В. Круга о совмѣстной работѣ по выборамъ, признавъ за ней права обычной казачьей организаціи, представитель которой можетъ войти въ составъ Атам. комиссіи на равныхъ правахъ съ другими членами комиссіи.

Полк. Шульгинъ информировалъ собраніе, что комиссія В. Круга выставила кандидатуру нынѣшняго атамана гр. Граббе, для организованнаго ею плебисцита по выборамъ.

Согласно нашего постановленія, мы остаемся сторонниками необходимости выборовъ плебисцитомъ, который можетъ удовлетворить всѣхъ, какъ и вышеупомянутую треть выборщиковъ, непосредственнымъ голосованіемъ за желаннаго кандидата.

НИКОЛАЙ ТУРОВѢРОВЪ.

Юность Бакланова

О дѣдѣ Бакланова пеглеванѣ*) — Бабланѣ долго помнили закубанскіе черкессы. Захваченный ими въ плѣнъ во время полеванія, т. е. охоты, на берегахъ Малаго Зеленчука, Бакланъ прикинулся дурачкомъ.

Громаднаго роста, въ высокой рысьей шапкѣ, неуклюже согнувшись, размахивая руками и болтая ногами, — олухъ олухомъ, — ѣхалъ плѣнный казакъ на своемъ чаломъ маштачкѣ среди джигитовъ. Не казакъ, а баба! Ему оставили не только винтовку, но и, потѣхи ради, заставили поджигитовать.

Куцымъ скокомъ выѣхалъ впередъ Бакланъ, — ему только этого и надо было, — преобразился всадникъ, преобразился конь, — грянулъ выстрѣлъ и передній черкесъ свалился съ лошади съ прострѣленной между бровей головой.

На всемъ скаку, заряжая винтовку, Бакланъ повалилъ одного за другимъ, еще шестерыхъ, бросившихся за нимъ въ погоню джигитовъ. Ни одинъ выстрѣлъ не пропалъ даромъ. У остальныхъ черкесовъ исчезла охота къ преслѣдованію.

*) Пеглеванъ — исполинъ, богатырь.

Полковникъ П. Д. Баклановъ (отецъ).
Съ портрета хранившагося въ Донскомъ музеѣ.

Ну, развѣ не «шайтанъ-джегенемъ» (адскій духъ) былъ этотъ родной дѣдъ будущаго дьявола — «даджалъ-Боклю» — Якова Петровича Бакланова?

Невелика и небогата была Гугнинская**) станица въ началѣ прошлаго вѣка, когда 15 марта 1809 года родился въ ней у только что выслужившаго чинъ хорунжаго Петра Дмитріевича Бакланова сынъ, названный при крещеніи Яковомъ. Небогатъ былъ и деревянный Баклановскій домъ, — едва ли что принесла въ него приданнымъ мать новорожденнаго Устинья Малаховна Постовалова, казачка сосѣдней Терновской станицы. Эта станица была еще бѣднѣе Гугнинской. Вообще была небогата и малонаселенна эта восточная часть Земли Войска Донского, между станицами Нижне-Чирской и Цымлянской.

Не даромъ и не скоро дался офицерскій чинъ, а съ нимъ и дворянство, отцу Бакланова,—на сорокъ третьемъ году получилъ онъ хорунжаго. Грамотѣ онъ едва разумѣлъ, — правда, въ тѣ времена ее, вообще, мало разумѣли: первый графъ изъ казаковъ П. Ф. Денисовъ едва упросилъ Императора Павла избавить его отъ назначенія Донскимъ Атаманомъ, сославшись на свою малограмотность. Образованіе въ то время замѣнялось у казаковъ (да и у неказаковъ), такъ называемымъ, просвѣщеннымъ навыкомъ. Надо отдать справедливость той эпохѣ: она очень способствовала навычному просвѣщенію. Казаки побывали въ Парижѣ и Эрзерумѣ, въ Туринѣ и Торнео, — многое могли посмотрѣть и многое перенять, — исходили Европу вдоль и поперекъ; на нашу эпоху въ наглядномъ просвѣщеніи пожаловаться тоже нельзя, — немного, пожалуй, только долго задержались казаки въ этой самой Европѣ.

Просвѣщеннаго навыка у отца Бакланова было достаточно. Былъ онъ и кочуромъ въ рабочемъ полку на постройкѣ Новочеркасска, былъ и урядникомъ въ Прусскомъ походѣ противъ Наполеона, былъ, уже офицеромъ въ кампаніи 1812-13-14 г. г., побывалъ даже въ должности коменданта какой то французской крѣпости Сасфогентъ***), сталъ, впослѣдствіи, уже много позже рожденія сына полковникомъ и георгіевскимъ кавалеромъ. Сдѣлалъ, благодаря природнымъ своимъ способностямъ и богатырской наружности, карьеру вполнѣ достаточную, что бы сынъ его остался сыномъ извѣстнаго отца, но судьба готовила ему болѣе высокій удѣлъ отца знаменитаго сына. Да и въ то время — окончанія заграничныхъ походовъ, когда казаки выкупали своихъ коней въ Сенѣ, когда Россія расквиталась съ Франціей за 1812 годъ: «въ Парижѣ россъ — ликуй Москва!» — кто изъ уцѣлѣвшихъ и вернувшихся на Донъ казаковъ не былъ героемъ? Однихъ Иловайскихъ было двѣнадцать, одинъ лучше другого.

Рожденіе Якова, надо думать, было отпраздновано въ Баклановской семьѣ, какъ и подобаетъ широко, но, несмотря на то, что это уже было «офицерское дите», — родители позвали воспріемниками простого казака Бакалдина и казачку Карѣеву. Въ этомъ сказалась чистота казачьихъ взаимоотношеній внѣ чина и положенія.

Новорожденному, навѣрное, всѣ родные и знакомые родителей принесли въ подарокъ лукъ, стрѣлы, патроны. Когда у младенца прорѣзался первый зубъ, то отецъ и мать взгромоздили его на коня и, конечно, бережно придерживая, повезли въ церковь служить молебенъ Іоанну-воину о томъ, чтобы ихъ сынъ былъ настоящимъ казакомъ.

Первыми словами ребенка были чу (ѣхать) и пу (стрѣлять), въ три года онъ уже ѣздилъ на конѣ по двору, а въ пять скакалъ по улицѣ. Отцу заниматься своимъ наслѣдникомъ было некогда. Черезъ годъ послѣ рожденія сына, онъ былъ командированъ въ Воронежъ, потомъ ѣздилъ въ Новомиргородъ, наконецъ, надолго ушелъ съ полкомъ на Отечественную войну и въ заграничные походы.

Казачьи дѣти всегда оставались на рукахъ у матерей, а въ тѣ годы особенно, — да не только одни дѣти, — весь Донъ остался на рукахъ у казачекъ: подъ Тарутино ушли всѣ казаки и старъ и младъ.

Не даромъ Платовъ вернувшись изъ похода отдалъ приказъ по войску — земной поклонъ казачкамъ, которыя три года сами вели все хозяйство, съ дѣтьми на рукахъ.

О какомъ тамъ коханіи и воспитаніи казачьихъ дѣтей можно говорить. Росли они на вольной волюшкѣ, — у матерей покормить ихъ и то времени не хватало. Бакланова и его сверстниковъ воспитывала сама мать-природа. Чуть зазѣваются домашніе, — вонъ изъ дома на дворъ, на улицу, въ степь. Самъ Яковъ Пет-

**) Позже была переименована въ Баклановскую.

***) Увы, мнѣ не удалось ее обнаружить на картѣ современной Франціи.

ровичъ, уже генераломъ, вспоминалъ, съ какимъ наслажденіемъ онъ, задравъ подолъ рубашенки, бѣгалъ и шлепался по лужамъ на станичной площади, какъ ловко уничтожалъ онъ изъ своего дѣтскаго лука домашнюю птицу, объясняя матери, что это дѣлаетъ коршунъ и въ доказательство принесъ ей однажды хищника, пронзеннаго своей стрѣлой.

«Офицерское дите» подрастало, пора было думать и о грамотѣ, кстати старая бабка, сама Бакланиха услышала какъ это дите уже энергично начинаетъ выражаться: ребенокъ былъ, видимо, очень рѣзвъ и схватывалъ все на лету. Въ станицѣ Гугнинской никакихъ учителей и школъ въ ту пору, конечно, не было. Нашлась полуграмотная старуха Кудимовна, которой и передали на обученіе пятилѣтняго мальчика, отслуживъ предварительно молебенъ святому Науму, покровителю учащихся. Однако, запасъ собственныхъ знаній у Кудимовны быстро исчерпался, — ребенокъ былъ не только рѣзвъ, но и смышленъ. Его передали потомъ пономарю, а этотъ, въ свою очередь, дьячку, который и закончилъ образованіе мальчика. Баклановъ научился читать по складамъ церковную печать, разбирать псалтирь, да зналъ наизусть часовникъ — большаго образованія станица Гугнинская дать не могла. Вернувшись изъ Парижа, отецъ уже имѣлъ есаульскій чинъ, саблю за храбрость, три почетныхъ раны и репутацію храбрѣйшаго офицера. Но недолго ему пришлось пожить въ семьѣ на отдыхѣ. Всегда была отравлена разлуками съ мужьями и женихами доля казачекъ, а въ тѣ времена особенно.

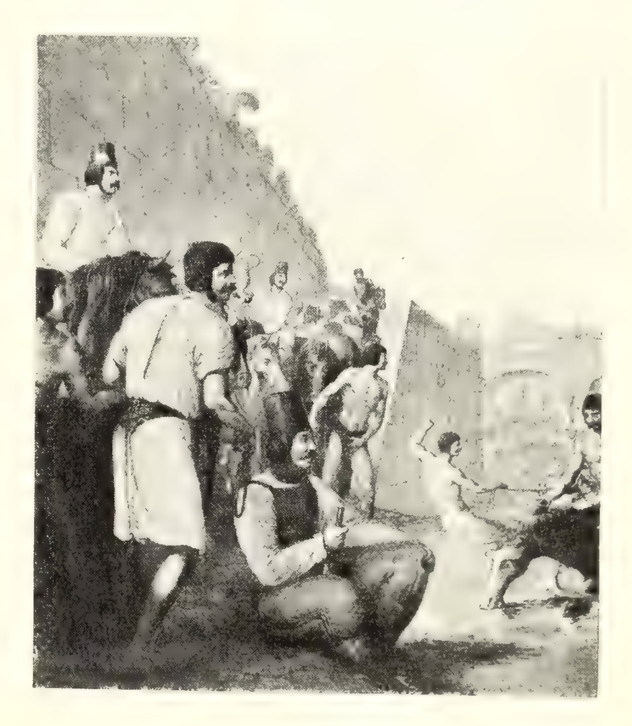
Грушица, грушица моя,
Грушица зеленая моя;
Подъ грушею дѣвица стоитъ,
Печальныя рѣчи говоритъ:
Нынче худыя времена,
Сушатъ женъ хорошіе мужья,
А дѣвушекъ дальніе друзья.

Не разъ, навѣрное, слышалъ подрастающій Баклановъ жалобы этой прелестной пѣсни.

Меньше года длилась побывка отца въ родной станицѣ. Казачьи полки были посланы въ Бессарабію, ушелъ и отецъ Бакланова, взявъ съ собой восьмилѣтняго сына — пора было пріучать его казаковать.

Три года провели отецъ и сынъ внѣ дома, въ полку, стоявшемъ кордонами по Дунаю.

Отецъ служилъ, сынъ же былъ отданъ для дальнѣйшаго образованія полковымъ писарямъ. Едва ли только это образованіе особенно продвинулось впередъ, — много позже, когда Баклановъ уже служилъ урядникомъ въ сотнѣ у своего отца въ Крыму, выяснилось, къ великому ужасу послѣдняго, что его сынъ не только не можетъ написать рапортички, но даже не умѣетъ подписать свою фамилію; бравого урядника отдали тогда въ Феодосійское уѣздное училище для срочнаго обученія письму. Но, несомнѣнно, что живя среди служилыхъ казаковъ три года, мальчикъ научился многому такому, что пригодилось ему въ дальнѣйшемъ побольше грамоты; онъ слушалъ и слушалъ, навѣрное, съ жадностью безконечные разсказы казаковъ о бранныхъ ихъ подвигахъ и славѣ, а разсказать этимъ казакамъ было что: всѣ они были казаками Отечественной войны. Здѣсь же впервые ребенокъ позналъ что такое опасность. Полковые кордоны стояли лицомъ къ лицу противъ ужаснаго врага: въ Молдавіи свирѣпствовала моровая язва. Баклановъ видѣлъ съ какимъ презрѣніемъ относились къ этой смертельной опасности казаки, видѣлъ ихъ равнодушіе къ смерти, — а она была кругомъ, — понялъ, что такое казачье изреченіе: «одинъ разъ родила мать — одинъ разъ и умирать».

Купанье казачьихъ лошадей въ Сенѣ.

Съ акварели, рисованной съ натуры Г. Опицъ.

Вернувшись изъ Бессарабіи съ отцомъ домой, одиннадцатилѣтній Баклановъ, надо полагать, окончательно забросилъ букварь. Нужно было помогать отцу по хозяйству — пахать, сѣять, косить, нужно было спѣшить использовать приволье и раздолье станичной жизни подростка. Эти пять лѣтъ, проведенные Баклановымъ въ Гугнинской дали ему все то, что было надо для начала легендарной славы будущаго даджалъ-Боклю. Не было въ округѣ лучшаго наѣздника и джигита, чѣмъ онъ, никто не могъ сравняться съ нимъ въ стрѣльбѣ: пулю въ пулю всаживалъ онъ въ цѣль, разбивалъ подброшенное куриное яйцо, на всемъ скаку убивалъ наповалъ вепря или волка; первымъ шелъ на кулачкахъ, а рубилъ такъ, что потомъ весь Кавказъ зналъ, гдѣ прошелъ Баклановъ: пополамъ разваливалъ онъ горцевъ — отъ темени до сѣдла. Настоящимъ казакомъ выросталъ Баклановъ въ казачьемъ, тогда еще патріархальномъ, быту, когда даже въ столицѣ Войска нельзя было увидѣть на казакѣ штатскаго, «вольнаго», платья****). Тянулся вверхъ, ширился въ плечахъ юноша Яковъ Баклановъ, шелъ ростомъ въ отца, въ пеглевана-дѣда; — послѣ онъ еще раздастся въ плечахъ, отраститъ усы съ свирѣпыми подусниками по грудь, оспа изроетъ его большеносое лицо, — онъ будетъ страшенъ, онъ будетъ прекрасенъ.

Пора было начинать и служить. Въ маѣ 1824 года шестнадцатилѣтній Баклановъ былъ зачисленъ на службу урядникомъ, а ровно черезъ годъ, 25 мая 1825 года, покидалъ онъ родной домъ свой вмѣстѣ съ отцомъ командиромъ сотни въ казачьемъ Попова полку. Полкъ уходилъ въ Крымъ. Былъ отслуженъ молебенъ, отецъ благословилъ сына иконой Божіей Матери и сказалъ ему: «Служи, Яковъ вѣрою и правдою Богу, государю и нашему великому Войску Донскому. Храни ненарушимо простоту отцовскихъ обычаевъ, будь строгъ къ себѣ, а паче всего не забывай свою благодатную родину, нашъ тихій Донъ, который вскормилъ, взлелѣялъ и воспиталъ тебя».

Осталась привольная юность за воротами родного дома у отъѣзжающаго молодого урядника Якова Бакланова. Великую любовь къ родному краю увозилъ онъ съ собой, великую жажду подвиговъ и славы.

На всю жизнь запомнитъ онъ просторныя степи свои, скудноватую, но близкую его сердцу природу ихъ, небогатую свою станицу, бѣдность отчаго дома — бѣднякомъ останется самъ до гроба, — запомнитъ навѣки дни своего казачьяго дѣтства и юности, — свои лучшіе дни, — и среди нихъ самый счастливый день казачьей славы и гордости, когда онъ, семилѣтнимъ мальчикомъ, встрѣчалъ на Кундрючьѣ возвращавшагося на Донъ Атамана Платова.

«На Кундрючьѣ», будетъ вспоминать Баклановъ: «ожидали пріѣзда Атамана нѣсколько дней сряду. Депутація, отправленная на границу казачьихъ Земель, первая привѣтствовала Атамана въ Казанской станицѣ и, поднеся хлѣбъ-соль, присоединилась къ поѣзду, который ежедневно увеличивался новыми толпами казаковъ, стекавшихся изъ ближнихъ и дальнихъ станицъ. На Кундрючьѣ и далѣе, вплоть до самаго Новочеркасска Атамана ожидали такія же встрѣчи. Наконецъ, передъ самымъ городомъ Платовъ остановился у небольшого кургана, взошелъ на него и, оборотясь къ открывшимся крестамъ на городскихъ церквахъ, положилъ три земныхъ поклона. — «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ!», сказалъ онъ затѣмъ тѣснившимся вокругъ него казакамъ: — «Послужилъ я Царю и постранствовалъ на чужбинѣ довольно; теперь возвратился на родину и молю Бога, да успокоитъ онъ кости мои на землѣ моихъ предковъ». Атаманъ взялъ горсть земли и крѣпко поцѣловалъ ее...».

Ахъ, долгая разлука съ роднымъ краемъ! Вѣроятно, прослезился старикъ Атаманъ, прослезились и казаки.

А ужъ мы то заплакали бы навѣрное: кому изъ насъ не дорога эта горсть родной земли, не всѣхъ ли казаковъ она роднитъ до единаго!

****) Когда Платову, находившемуся еще заграницей донесли, что одинъ изъ вернувшихся изъ Парижа казаковъ сталъ появляться въ Новочеркасскѣ во фракѣ и съ лорнеткой, то Платовъ положилъ резолюцію: «Очевидно бѣдняга сошелъ съ ума, что нарядился въ костюмъ званію сумасшедшихъ токмо присвоенный. А потому посадить онаго хорунжаго и кавалера въ сумасшедшій домъ срокомъ на одинъ годъ».

Д. ВОРОТЫНСКІЙ.

ВѢЧНАЯ СЛАВА

(ПАМЯТИ ШАЛЯПИНА).

Погребли...

Вспоминая жизнь и творчество геніальнаго русскаго самородка Федора Ивановича Шаляпина, оглядываясь на его долгій артистическій путь, все еще жутко вѣрить въ то неизбѣжное, чѣмъ кончается земное бытіе. Онъ ушелъ безвременно въ загробный міръ.

Имя Шаляпина уже гремѣло по всѣмъ городамъ и весямъ необъятной Россіи и въ нашихъ молодыхъ ученическихъ головахъ ореолъ его славы превращался во что то сверхъ-человѣческое.

Тогда было время для насъ, мятущейся молодежи, необыкновенное, чудесное время. Мы жили подъ впечатлѣніями творчества Чехова, мы слышали про Ермолову, намъ разсказывали про возродившееся чудо въ Москвѣ — о Художественномъ театрѣ Станиславскаго съ Качаловымъ и Книпперъ-Чеховой, мы восторгались новой звѣздой въ русской литературѣ — Горькимъ и надъ всѣмъ этимъ пресвѣтлымъ на русской землѣ появился новый геній — артистъ Шаляпинъ.

Для насъ тогда Горькій и Шаляпинъ были неразрывными; если мы читали подробности дѣтства Горькаго, то попутно старались найти страницы дѣтства и Шаляпина, и наоборотъ. Да иначе и не могло быть, оба они возросли на просторахъ великой Волги, оба пѣли въ церковномъ хорѣ, искали работы въ различныхъ дешевыхъ отрасляхъ труда и эти необыкновенныя натуры не волновать насъ, чуткую молодежь, не могли.

И, какъ снѣгъ на голову, въ нашъ сугубо скромный Новочеркасскъ пріѣхалъ Шаляпинъ. Это было его первое побѣдоносное турнэ по Россіи въ 1902 году, и послѣ оно, кажется, никогда не повторялось.

Концертъ состоялся въ убогомъ деревянномъ зимнемъ театрѣ, куда попасть было невозможно. Мы безбилетные — реалисты, гимназисты, семинаристы, гимназистки — сломали замокъ у запаснаго выхода въ театръ и набились до отказа. Шаляпинъ пѣлъ не во фракѣ, а въ сюртукѣ, и послѣ перваго романса «Ахъ ты солнце, солнце красное» Слонова, деревянный театръ содрогнулся отъ восторга. Нашъ безбилетный восторгъ донесся до полиціи и она насъ всѣхъ изгнала изъ запаснаго выхода...

Москва. Студенческіе годы. Ежегодныя гастроли Шаляпина въ Императорскомъ Большомъ театрѣ. Безконечныя очереди, всенощныя дежурства студенчества у дешевыхъ кассъ театра въ морозныя зимнія ночи. Шумъ, обмороки курсистокъ, скандалы изъ-за потерянныхъ мѣстъ въ очереди. Это было преклоненіе русскаго студенчества передъ національнымъ геніемъ.

Шаляпинъ царилъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Онъ былъ Солистомъ Его Величества, носилъ наивысшій титулъ артиста казенной сцены.

Услышать Шаляпина было очень трудно и, особенно попасть на дешевыя мѣста въ Большой театръ почти и невозможно, большинство билетовъ попадало въ руки барышниковъ.

Я слушалъ Шаляпина только въ трехъ операхъ: «Борисѣ Годуновѣ», «Хованщинѣ» и «Русалкѣ».

На представленіи «Русалки» произошелъ обычный для Шаляпина скандалъ. Роль Мельника у него небольшая, онъ занятъ только въ двухъ дѣйствіяхъ съ перерывами. Публика ничего не знала, что происходило за кулисами, а Шаляпинъ, какъ выяснилось, повздорилъ съ режиссерами и артистами, разгримировался и уѣхалъ къ себѣ на Новинскій бульваръ. О смятеніи за кулисами мы узнали уже послѣ изъ газетъ. Режиссеры вызвали срочно артиста Петрова и приказали ему гримироваться, а сами помчались къ Шаляпину и застали его за чаемъ. Все же умолили, привезли, Шаляпинъ снова загримировался и благополучно закончилъ спектакль.

Въ моемъ портфелѣ, не знаю какъ, сохранились вырѣзки изъ газеты «Раннее Утро», въ которой широко былъ поставленъ театральный отдѣлъ. Вотъ одна изъ нихъ.

«У рампы. Много треволненій пережило начальство Большого театра третьяго дня, при первой гастроли Шаляпина въ «Хованщинѣ».

Сдѣлано было распоряженіе, чтобы всѣ режиссеры находились въ театрѣ съ 6 часовъ. По приходѣ въ театръ, всѣ они обязаны были снять штиблеты и надѣть войлочныя туфли, чтобы не было шума и чтобы не раздражать Ф. И. Шаляпина.

Закулисныя артистическія ложи были забиты, никого изъ свободныхъ артистовъ за кулисы не пускали.

Несмотря, однако, на все это, какъ мы слышали, начальство отдало приказъ, чтобы въ кассѣ запаслись мелочью на случай отмѣны. Но все прошло благополучно.

Послѣ спектакля режиссеры поздравляли другъ друга, жали руки и цѣловались.

Одинъ изъ режиссеровъ, забывъ, что у него

надѣты туфли, такъ и уѣхалъ домой, не надѣвъ штиблетъ».

А вотъ еще вырѣзка изъ той же газеты съ фотографіей отца великаго артиста.

«Ф. И. Шаляпинъ никогда не разстается съ портретомъ своего отца, И. В., память котораго онъ боготворитъ. На груди онъ носитъ медальонъ съ его портретомъ.

Рояль, на которомъ Ф. И. разучиваетъ партіи, украшенъ такимъ же портретомъ. Даже въ уборной театра, гдѣ Ф. И. гримируется, рядомъ съ зеркаломъ онъ ставитъ передъ собой портретъ отца.

Домашніе знаменитаго баса разсказываютъ, что онъ часто уединяется въ свой кабинетъ, гдѣ безмолвно простаиваетъ передъ портретомъ иногда по цѣлымъ часамъ.

Его другъ, академикъ Коровинъ, засталъ его въ такой позѣ.

На удивленный взглядъ Коровина Шаляпинъ показалъ ему рукой на портретъ и тихо шепнулъ:

— Дорогой мой папенька!».

Необычайнымъ событіемъ въ театральной жизни Москвы былъ единственный концертъ Шаляпина въ 1912 г., на второй день Рождества, въ 2 часа дня въ Россійскомъ Благородномъ собраніи. Огромный Колонный залъ былъ переполненъ. Публика стоя привѣтствовала появленіе на эстрадѣ своего кумира. Капельдинеръ поднесъ Шаляпину букетъ изъ красныхъ гвоздикъ и онъ небрежно положилъ цвѣты на крышку рояля. Аккомпанировалъ Шаляпину композиторъ Кенеманъ, романсомъ котораго «Какъ король шелъ на войну» и начался концертъ.

Начались неистовыя требованія спѣть то-то и то-то, но Шаляпинъ внушительно заявилъ съ эстрады, что «я пою точно по программѣ и только». Сзади меня стоявшая пожилая дама со слезами на глазахъ говорила: «Ради Бога, господа, не указывайте ему, что пѣть, а то разгнѣвается и уѣдетъ, а деньги наши пропадутъ». А цѣны были 2 руб. 50 коп. стоять.

Вдругъ Шаляпинъ закричалъ съ эстрады: «Сергѣй Василичъ! Сергѣй Василичъ!.. Я зову Рахманинова... Сергѣй Василичъ, пожалуйте ко мнѣ... Садитесь за рояль и я спою вашъ романсъ»...

Публика неистовствовала, а Шаляпинъ схватилъ за руки тощаго Рахманинова и вытянулъ на эстраду.

Хочется еще вспомнить разсказъ Шаляпина, который я гдѣ то читалъ въ молодые годы. Шаляпинъ только начиналъ свою карьеру. Гдѣ-то въ провинціи его пригласили въ гости, были барышни. Онъ пришелъ въ ярко наваксенныхъ штиблетахъ и подъ столомъ, какъ ему показалось, одна изъ барышень прикасалась ногой къ его ногѣ. А когда Шаляпинъ поднялся и глянулъ на свои штиблеты, то съ одного изъ нихъ блескъ исчезъ совершенно. Оказалось, что это была не нога барышни, а котенокъ, который вылизалъ всю ваксу...

Нынѣ великій артистъ ушелъ отъ насъ. Въ житейской суетѣ было много у него комическихъ эпизодовъ и закулисныхъ скандаловъ, но все обыденное меркло передъ геніальнымъ созданіемъ царя Бориса. Это была излюбленная Шаляпинымъ роль и недаромъ онъ изучалъ образъ Бориса у знаменитаго историка В. О. Ключевскаго.

Царь Борисъ — это вершина шаляпинскаго творчества и такого Бориса Годунова міръ больше не увидитъ.

Преклонимся предъ его прахомъ, почивающимъ на чужой землѣ, и не устыдимся, къ мирно спящему во гробѣ, приложить слова поэта:

Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа.

Торжество Будяка

Впечатлѣніе отъ обѣда, организованнаго Кружкомъ казаковъ-литераторовъ въ честь аббата Кенэ.

Степной ковыль воспѣтъ уже давно въ казачьей литературѣ. Простенькій будякъ, сосѣдъ его, и скромный родственникъ по полю, застрялъ колючими шипами и, совсѣмъ было забытый, но вѣчно молодой весеннею порою, торжественно воспрялъ теперь литературнымъ вымысломъ. Разысканный поэтомъ Туровѣровымъ въ «степи подъ Парижемъ», будякъ достойно украсилъ нарядную сервировку стола за обѣдомъ Кружка казаковъ-литераторовъ, ихъ петлицы, меню и адресъ талантливою рукой художника и поэтессы Е. В. де Жерве. Нѣжные цвѣта его цвѣтовъ ласкали взоръ его всюду. Но торжество будяка было создано не только этимъ. Уже тогда, когда шампанское, освобожденное изъ темныхъ, застарѣлыхъ бутылокъ, заискрилось въ бокалѣ, увидѣвши впервые свѣтъ и, возмущенное сосѣдствомъ простого будяка, кичилось, шипя отъ злобы; уже тогда, когда колючесть будяка не вызывала больше боли въ стерпѣвшейся рукѣ, а молодость упругая весенняго цвѣтка бурлила кровь надеждой... Тогда лишь простота его породы, — обездоленная счастьемъ радости и славы, проникла въ сердце и тамъ свила изъ нѣжныхъ лепестковъ цвѣтка привѣтливый уютъ радушнаго, веселаго общенія. И вотъ тогда будякъ возвысился до стиля. Поэты бросились за карандашъ и вдохновенный взоръ уставивши въ будякъ, писали:

Неугомонный Туровѣровъ и здѣсь былъ первымъ, схватившимъ рифму на лету:

«Мы всѣ любимъ другъ друга, какъ брата,
И всѣ вмѣстѣ мы любимъ аббата».

Любезная хозяйка обѣда Е. В. Номикосова, которая такъ умѣло и мило использовала одно изъ свойствъ будяка, жертвенно вырвала листъ изъ своей тетради стиховъ и написала:

«О насъ вспоминая, нашъ гость и хозяинъ,
Прочтетъ черезъ нѣсколько лѣтъ,
Средь многихъ знакомыхъ, почти неизвѣстный,
Почти анонимный привѣтъ».

Б. А. Номикосовъ, поэтъ душой, мужъ поэтессы, но явный резонеръ-прозаикъ:

Высокій лобъ и черная сутана
И вдумчиво спокойный взоръ,
А мы кричимъ подъ звонъ стакана,
И все сильнѣй горячій споръ.

Обложка адреса ст. Кружка Аббату Кенэ, работы Е. Н. Номикосовой.

Вотъ посвященіе аббату поэтессы Ирины Поляковой, княжны именитой въ прошломъ и нѣжной матери, молодой казачки теперь, въ изгнаніи:

«Я слышу нездѣшняго міра дыханье
И кѣмъ то затерянныхъ мыслей полетъ,
Несмѣлыхъ, несказанныхъ словъ замиранье,
Порывовъ, желаній стремительный взлетъ.

И въ вѣяньи крыльевъ, ища воплощенья,
Проносятся образы смутной грядой,
Напѣвы и шопотъ, мерцанья, горѣнья,
Все въ вѣчномъ движеньи за гранью земной.

Ничто не исчезло, что жило когда то,
Что духомъ и чувствомъ на свѣтъ рождено,
Прошедшею былью безсмертье богато
И властно надъ смертной землею оно.

Суровый взглядъ изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей Н. Н. Евсѣева углубляетъ эффектъ его мѣрной декламаціи:

«Примите спасибо за ваше радушье,
Гостепріимство и ласковый взглядъ.

Вѣдь міръ такъ давно погруженъ въ равнодушье,
Но въ немъ вы ко всѣмъ расположенный братъ».

Вторымъ почетнымъ гостемъ нашего обѣда былъ маститый генералъ Д. И. Ознобишинъ, б. военный атташе во Франціи, лингвистъ, извѣстный библіофилъ, чья огромная библіотека съ такой пользой служитъ казачеству. Онъ былъ душой общества въ прямомъ и хорошемъ значеніи этого выраженія. Затрудняюсь опредѣлить: или онъ создалъ этотъ «будяковый стиль» простоты и сердечности за обѣдомъ, или онъ лишь ярко его выразилъ. Но, и въ его изысканныхъ шуткахъ, и въ передачѣ разсказа о своемъ недавнемъ пребываніи гостемъ у итальянской королевской четы, и въ старинныхъ напѣвахъ казачьихъ пѣсенъ, — эта простота свѣтилась своимъ радушіемъ и привѣтливостью. Отъ общаго порыва молодежи онъ не отсталъ и вотъ его экспромптъ:

«Я не поэтъ и не прозаикъ,
Но храбрость черпая въ винѣ,
Какъ тихій Донъ, Кубань и Яикъ,
Я пью за милаго Кенэ.

Поздно захлопнувшаяся за нами дверь ресторана не скрыла отъ насъ ни будяка, ни созданнаго имъ стиля: люди съ будяками долго еще ихъ носили по сосѣднимъ кафэ.

Прозаику среди поэтовъ трудно угнаться за ихъ легкостью полета и блестками рифмованной мысли, но чувства наши были тѣ же, что выражены здѣсь, и въ адресѣ глубокоуважаемому аббату:

«Недавно организованный Кружокъ казаковъ-литераторовъ считаетъ своимъ долгомъ выразить Вамъ свою искреннюю признательность за то вниманіе, которое Вы такъ любезно ему оказываете. Въ казачьей, эмигрантской средѣ ваше имя и ваше доброе сердце достаточно широко извѣстны. Второе десятилѣтіе вашей помощи учащимся казакамъ несомнѣнно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди культурныхъ дѣлъ зарубежнаго казачества.

Ваше расположеніе и сердечность, проявляемыя теперь къ нашему Кружку казаковъ литераторовъ утверждаютъ наше глубокое уваженіе и преданность вамъ, какъ неустанному пособнику развитія казачьей души и мысли.

Единодушнымъ рѣшеніемъ, Кружокъ казаковъ литераторовъ покорно проситъ Васъ принять званіе его почетнаго члена. Подписи: Е. де Жерве-Номикосова, Игорь Воиновъ, Н. Евсѣевъ, Н. Туровѣровъ, И. Даниловъ, П. Гусевъ, В. Крюковъ, Б. Номикосовъ, Д. Ознобишинъ, И. Полякова, Д. Воротынскій, В. Смоленскій. **В. К.**

На службѣ Франціи

ИЗЪ «ВОСПОМИНАНІЙ ДОНСКОГО КАЗАКА».

(Продолженіе).

Скоро занятія въ 4-мъ эскадронѣ прекратились и мы начали готовиться къ отправкѣ. Выводки лошадей, отборъ годныхъ отъ сомнительныхъ, замѣненныхъ изъ другихъ эскадроновъ. Смѣна обмундированія; старое сдали, получили новое, съ иголочки, снаряженіе, оружіе, патроны. Эскадронъ ходилъ «козыремъ» передъ другими; отточили сабли, что то передѣлали въ карабинахъ.

И вотъ торжественный день насталъ. Весь полкъ провожалъ насъ на вокзалъ. Прочувственная рѣчь командира полка, послѣднія напутствія, погрузка и... эшелонъ тронулся подъ звуки «лихихъ трубачей», игравшихъ Маршъ Легіона.

Въ вагонахъ тѣсно и жарко. Кто съ лошадьми, тамъ въ прохладѣ, на сѣнѣ, продуваетъ, но въ 3-мъ классѣ сидятъ тѣсно, прижавшись одинъ къ другому, а тутъ еще оружіе и вещи.

Поѣздъ подходитъ къ какой то большой станціи; наиболѣе расторопные обвѣшиваются бидонами (флягами) и, почти на ходу, выскакиваютъ въ буфетъ за виномъ. Но не тутъ то было, — вездѣ часовые и легіонеровъ пропускаютъ лишь къ одной постройкѣ съ надписью «В. К.». Казаки ругаются, но, наконецъ, свистокъ и поѣздъ тронулся. Не знаю, какъ они тамъ устроились, но только всѣ забранные бидоны оказались наполненными. «Братія» загуляла и начала пѣть пѣсни.

— А ну, ребята — «Славимъ Платова героя», — и дружно, спѣвшимися голосами, подхватили бодрящій напѣвъ казачьей пѣсни.

Долго тащился поѣздъ, спали сидя, или, вѣрнѣе дремали. На утро подошли къ Тунису. «Тунисъ ла Бланшъ»!

Высадились, осѣдлали лошадей, запрягли и нагрузили обозъ, тронулись. Мнѣ было приказано взять команду связи и слѣдовать за обозомъ. Подтянулись къ порту, разсѣдлали лошадей и началась погрузка. Мы грузились по сходнямъ, перено-

ся грузъ, а лошадей грузили лебедкой. Бѣдное животное совершенно теряло всѣ чувства, когда оказывалось на извѣстной высотѣ, а внизу — море. Одинъ конь сорвался и упалъ въ воду. Инстинктъ помогъ — онъ началъ выгребать къ пристани, подошла лодка, коня захватили за недоуздокъ и приволокли къ лѣстницѣ. Вылѣзъ конь, отряхнулся и, весь дрожа, протяжно заржалъ. Ему сдѣлали исключеніе и повели на пароходъ по сходнямъ. Легіонеровъ, въ общемъ, это событіе взволновало и они наперерывъ высказывали симпатію «утопленнику», — давали ему хлѣбъ, сахаръ.

Наконецъ, погрузка закончена и пароходъ приготовился отчалить. На пристани были офицеры мѣстнаго гарнизона и почетный караулъ съ хоромъ музыки. Пароходъ отчалилъ подъ звуки Марсельезы, а затѣмъ, Марша Легіона.

Всѣ начали размѣщаться. Намъ, солдатамъ, показали трюмъ съ двумя ярусами коекъ. Воздухъ тамъ былъ невѣроятный, обычно трюмъ служилъ для пассажировъ 4-го класса. Все было пропитано запахомъ морской болѣзни, и, конечно, матрацы кишели клопами. Мы, въ большинствѣ, предпочли расположиться на палубѣ, возлѣ нашихъ лошадей, которымъ были построены спеціальныя клѣтки.

Скоро прозвонилъ пароходный колоколъ и нашъ дежурный трубачъ проигралъ «супъ». Готовили служащіе парохода, но при помощи добровольцевъ легіонеровъ. Пища была отличная, а, въ результатѣ развѣдки добровольцевъ, вина было въ изобиліи. Море было тихое, спокойное, и наши «ребята», послѣ чая затянули пѣсни. Тутъ былъ и «Стенька Разинъ», «Всколыхнулся, взволновался», и много другихъ. Постепенно, къ пѣсенникамъ подошли слушать наши офицеры и офицеры парохода.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ Союзѣ Казаковъ-Комбатантовъ

Союзъ Казаковъ-Комбатантовъ есть самая большая, мощная и сильная казачья организація во Франціи, объединяющая свыше 1.800 казаковъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

15 мая въ Парижѣ состоялось годовое Общее собраніе Союза, на которомъ Предсѣдатель Правленія генералъ-маіоръ Поздньшевъ сдѣлалъ докладъ о жизни и дѣятельности Союза. Выдержки изъ этого доклада помѣщаются на этихъ страницахъ.

***

Открывая Собраніе, генералъ Поздньшевъ обратился съ привѣтствіемъ къ Донскому Атаману графу М. Н. Граббе. Тяжелъ и горекъ путь Атамана въ изгнаніи. На немъ лежитъ огромный долгъ и передъ исторіей и передъ казаками, но возможности его ограничены и не можетъ онъ осуществить всего того, что хотѣлъ бы осуществить всемъ сердцемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ген. Поздньшевъ провозгласилъ славу всѣмъ Атаманамъ въ разсѣяніи, несущимъ казачье знамя и символизирующимъ все славное героическое казачество.

***

Въ своемъ докладѣ Предсѣдатель Правленія отмѣтилъ, что жизнь Союза за минувшій годъ протекала мирно и покойно.

Безъ рекламы, безъ шумныхъ собраній, безъ политическихъ страстей, Правленіе Союза осуществляло ту задачу, которую въ настоящее время оно считаетъ наиболѣе нужной, полезной и необходимой. Это — помощь своимъ собратьямъ въ различныхъ случаяхъ жизни.

Помощь и содѣйствіе Правленія были многообразными, какъ многообразна жизнь. Въ Правленіи членъ Союза получалъ поддержку, моральную, правовую и матеріальную.

Правовая помощь включала: выдачу всевозможныхъ документовъ, какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкѣ. Удостовѣренія о семейномъ положеніи, о прохожденіи службы, о полученныхъ наградахъ, чинахъ или званіяхъ, о матеріальномъ положеніи. Сюда входили просьбы о сниженіи налоговъ, объ освобожденіи отъ нансеновскихъ сборовъ, о зачисленіи на шомажное пособіе, о пріемѣ въ больницу и т. д.

На оказаніе матеріальной помощи было израсходовано свыше 8.000 франковъ. Выдано было пособій свыше 150 членамъ, въ размѣрѣ отъ 40 до 150 фр. Выдавало Правленіе Союза и заимообразныя ссуды. На похороны умершихъ членовъ были

КЪ СВѢДѢНІЮ ЧЛЕНОВЪ СОЮЗА КАЗАКОВЪ-КОМБАТАНТОВЪ:

Канцелярія Правленія Союза, въ лѣтній періодъ, будетъ закрыта съ 15 іюля по 22 сентября.

выданы небольшія пособія отъ 100 до 200 франковъ. На эту цѣль было израсходовано до 1000 франковъ.

Ген. Позднышевъ, говоря о матеріальной помощи, отмѣтилъ особенно жертвенную отзывчивость Почетнаго Члена Союза Аббата Кенэ.

***

Во второй части своего доклада Предсѣдатель Правленія сообщилъ объ устройствѣ комбатантскаго бала, который несмотря на неудачно сложившіяся обстоятельства, что вышло по независящимъ отъ Правленія Союза причинамъ, тѣмъ не менѣе далъ болѣе 5000 фр. чистаго дохода. Изъ этихъ денегъ Правленіе ассигновало въ распоряженіе Донского Атамана, какъ предсѣдателя Союза 1500 фр., 450 фр. ассигновало Дамскимъ казачьимъ комитетамъ, помогавшимъ комбатантамъ, организовать балъ, студентамъ-казакамъ, и пр.

Проэктъ Правленія о созданіи казачьяго дома въ Парижѣ встрѣтилъ всеобщее сочувствіе. Въ этотъ фондъ уже собрано около 7000 франковъ и на будущій сезонъ 1938-1939 г. намѣченъ рядъ мѣръ по усиленію средствъ для того, что бы организація дома была бы основана на солидныхъ началахъ.

После доклада ревизіонной комиссіи, собравшіеся выразили Правленію благодарность за продѣланную имъ работу въ отчетномъ году.

Встрѣча съ уральцами

Глава изъ выходящей въ этомъ мѣсяцѣ новой книги полковника Б. В. Веверна:

«ШЕСТАЯ БАТАРЕЯ».

Получаю письменное приказаніе:

— Приказываю вамъ отправиться на участокъ, занятый 9-й кавалерійской дивизіей, въ горномъ раіонѣ участка найти артиллерійскую позицію и поставить на нее 17-ю конную батарею. Начальникъ южнаго сектора генералъ №.

Приказаніе очень странное. Ѣду къ командиру 17-й конной батареи.

— Въ чемъ дѣло?

— Да видите ли: начальнику сектора захотѣлось, чтобы моя батарея непремѣнно залѣзла бы въ горы, а я отвѣтилъ, что у меня не горная батарея, а конная. Но такъ какъ онъ продолжалъ настаивать на своемъ приказаніи, то я заявилъ ему, что тамъ нѣтъ ни подъѣздныхъ путей, ни хорошихъ артиллерійскихъ позицій. Я не хочу туда лѣзть потому, что не хочу рисковать своей батареей, такъ какъ нашъ участокъ не занятъ сплошной линіей окоповъ и въ такой пересѣченной мѣстности непріятелю будетъ очень легко захватить батарею, ибо оттуда быстро не выберешься. Поѣдемъ вмѣстѣ, посмотримъ, сами увидите.

Мы условились съ нимъ съѣхаться на слѣдующій день, у околицы одной изъ деревень.

Въ назначенное время, вмѣстѣ съ Н. А. Тиличеевымъ, я подъѣзжаю къ мѣсту встрѣчи. Ко мнѣ подходитъ Уральскій казакъ.

— Разрѣшите доложить, В. В., такъ что мы васъ давно поджидаемъ.

— Я долженъ видѣть командира 17-й конной батареи подполковника Саблина. А кто это мы?

— Командиръ 1-го Уральскаго полка и господа офицеры.

— А командиръ 17-й конной батареи?

— Такъ точно и они тамъ, всѣ вмѣстѣ.

— Ну, веди.

За казакомъ мы входимъ въ двери большой избы, стоящей по серединѣ деревни. Первое, что бросилось намъ въ глаза, это длинные столы, покрытые скатертями, на которыхъ, среди разныхъ явствъ, періодически возвышались четвертныя бутыли водки и высокія жестяныя банки. За столами полно офицеровъ.

— Наконецъ-то дождались! Милости просимъ. Господа офицеры, ну-ка берите въ оборотъ прибывшихъ гостей, что бы наверстали то, что пока упустили. Съ этими словами, навстрѣчу намъ, изъ за стола, поднялся высокій, плотный офицеръ съ окладистой сѣдой бородой, — командиръ 1-го Уральскаго казачьяго полка полковникъ Бородинъ.

Мы не успѣли опомниться, какъ уже сидѣли за столомъ передъ нарочно поставленной для насъ четвертью водки и длинной жестяной банкой, изъ которой услужливые офицеры Уральцы уже накладывали намъ, въ глубокія тарелки, чудную уральскую икру.

Пиръ, прерванный нашимъ появленіемъ, вновь начался.

Ужасъ овладѣлъ мною при одномъ только взглядѣ на грозно стоящую передо-мной, чет-

вертью, а совершенно не пьющій Н. А. Тиличеевъ, отъ страха даже поблѣднѣлъ. Надо было изыскивать способъ обороны противъ стоящаго на столѣ врага и атакующихъ, со всѣхъ сторонъ, офицеровъ и мнѣ стоило большого труда убѣдить гостепріимныхъ хозяевъ, что Н. А. Тиличеевъ не можетъ пить совсѣмъ, что онъ боленъ, а себя защитить насколько возможно.

Къ чести господъ офицеровъ Уральцевъ долженъ сказать, что, несмотря на обиліе на столахъ алкоголя, пьяныхъ или даже сильно выпившихъ, не было совершенно.

Интересный у васъ командиръ полка, — сказалъ я одному изъ офицеровъ.

— Да, интересный, а вотъ шашка у него еще интереснѣе. Попросите его показать.

Командиръ полка удовлетворилъ мое любопытство: шашка вся въ золотѣ. Рукоять, кольца для пристегиванія ремней и наконечникъ ноженъ усыпаны бирюзой и по всему верху ноженъ, красивой вязью, вычеканена надпись: «Яицкаго Войска Нашему Полковнику Бородину. Елисаветъ».

Пировали мы не долго: надо было дѣлать дѣло.

— Ну, господа, поѣзжайте. Конвой вамъ уже готовъ. Впрочемъ, я самъ съ вами тоже поѣду.

Съ этими словами полковникъ Бородинъ всталъ и мы вышли на улицу, гдѣ насъ уже ждалъ конвой, — полусотня Уральскихъ казаковъ.

Странно, какъ сразу измѣнилось поведеніе нашего добраго хозяина. Точно передъ нами былъ совершенно другой человѣкъ: суровый, отрывистый въ рѣчи, не терпящій отъ подчиненныхъ никакихъ возраженій. И сопровождающіе насъ офицеры, вдругъ словно тоже переродились. Какъ будто они и не видѣли водки, затихшіе, подтянутые, повинующіеся безпрекословно.

— Видите ли, мы поѣдемъ по мѣстамъ, въ большинствѣ случаевъ, не занятыхъ ни нами, ни австрійцами, поэтому осторожность не мѣшаетъ и я взялъ, на всякій случай, конвой.

— Господинъ полковникъ, — обратился я къ командиру полка, — во время отраженія послѣдней австрійской вылазки, я видѣлъ розовые разрывы шрапнелей плѣнныхъ австрійскихъ орудій. Мнѣ сказали, что это стрѣляли ваши казаки.

— Да, это правда. Эти два орудія взяты въ плѣнъ полкомъ, которымъ имѣю честь командовать, въ конной атакѣ. Въ Уральскомъ Казачьемъ Войскѣ до сихъ поръ не было артиллеріи. Она была отнята у Войска указомъ Императрицы Екатерины 2-й за «Яицкій бунтъ». Въ настоящее время, по моему ходатайству, указомъ Императора Николая II-го, эта опала снята и, въ лицѣ этихъ двухъ плѣнныхъ орудій, Уральское Казачьей Войско вновь обрѣло свою артиллерію.

Позиціи нашлись, подъѣзды къ нимъ тоже могли быть найдены, но рискъ ставить на эти позиціи батарею, конечно, ничѣмъ не оправдывался. Ѣздить долго было совершенно лишнимъ, мы повернули обратно и къ вечеру прибыли въ селеніе Бирча, гдѣ и разстались съ Уральцами, оставшись ночевать у конно-артиллеристовъ, встрѣтившихъ насъ обильнымъ ужиномъ.

Утромъ мы, съ командиромъ 17-й Конной батареи подполковникомъ Саблинымъ, заѣхали къ полковнику Бородину проститься и поблагодарить его за гостепріимство.

— Безъ чаю не отпущу, — и полковникъ Бородинъ заставилъ насъ раздѣться.

Открылась дверь и казакъ внесъ въ комнату, на подносѣ, банку икры, четверть водки и маленькій чайникъ. Даже не поднося чайника къ столу, онъ мимоходомъ, сунулъ его на подоконникъ и передъ нами опять четверть водки и икра.

Вернувшись домой, въ рапортѣ на имя начальника южн. сектора обложенія крѣпости*), я донесъ, что позиціи имѣются, но рискъ постановки батареи на одну изъ этихъ позицій никоимъ образомъ не можетъ быть оправданъ той пользой, которую позиція можетъ принести, и поэтому, удержавшись отъ выполненія второй части полученнаго мною приказанія, въ дальнѣйшемъ представляю на усмотрѣніе самого начальника южнаго сектора.

17-я Конная батарея осталась на старой позиціи.

*) Перемышль.

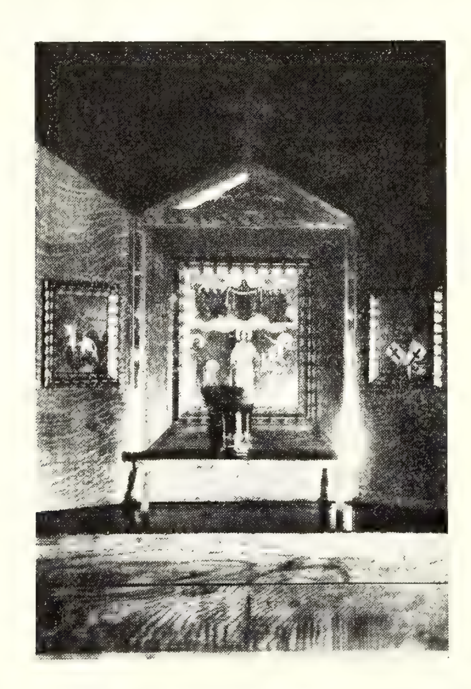
ХРОНИКА

КАЗАКИ ВЪ ТУРКУАНѢ
(Францiя)

Въ честь Покрова Пресвятой Богородицы, когда Туркуанская станица празднуетъ свой станичный праздникъ, на пожертвованiя станичниковъ, ихъ женъ и дѣтей, сооружена икона, воспроизведенная на этой страницѣ.

Иконы кiота написаны художницей О. Рыбатовской, а деревянная отдѣлка, изъ массивнаго венгерскаго дуба сдѣлана членомъ станицы Д. В. Звонаревымъ.

Въ сложенномъ видѣ икона хранится въ деревянномъ, дубовомъ ящикѣ, въ станичной библiотекѣ. Въ своемъ помѣщенiи, передъ иконой, казаки служатъ молебенъ и панихиды.

Подъ главной иконой, за лампадой, укрѣплена мѣдная дощечка съ гравированной надписью:

«Сооружена усердiемъ казаковъ Туркуанской казачьей станицы, Туркуанъ. Францiя».

Постановленiемъ станичнаго сбора, въ случаѣ нашего возвращенiя домой, икона должна быть передана въ Войсковой соборъ въ Новочеркасскѣ.

ДВАДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА СТЕПНОГО ПОХОДА.

5/18 мая с. г. исполнилось 20 лѣтъ со дня окончанiя СТЕПНОГО ПОХОДА, совершеннаго Донскими Партизанскими отрядами, подъ водительствомъ Походнаго Атамана Донского Войска ген. П. Х. ПОПОВА по задонскимъ степямъ.

Степной походъ вошелъ въ исторiю донского казачества и въ исторiю Русской смуты 1917-1920 г. г., займетъ одну изъ славныхъ страницъ и придетъ время, когда Донскiе казаки дату его окончанiя будутъ праздновать такъ же торжественно, какъ на протяженiи 3-хъ столѣтiй празднуются юбилейные дни Азовскаго сидѣнiя.

Въ настоящее время, въ силу разсѣянности донскихъ казаковъ по всему земному шару, день 20-й годовщины не можетъ быть достойно отмѣченъ не только всѣми донцами, но и самими участниками похода, которыхъ къ 20-й годовщинѣ изъ 1800 чел. въ живыхъ осталось 200-300 чел.

Объединенiе Степняковъ Партизанъ во Францiи къ 20-и лѣтiю окончанiя Степного похода организовало перекличку Степняковъ Партизанъ и проситъ всѣхъ участниковъ похода сообщить Правленiю Объединенiя — на имя Секретаря — Есаула Артемова, 25, рю Боскэ, Парижъ 7, имя, отчество, фамилiю, отрядъ и настоящiй адресъ.

Правленiе Объединенiя Степняковъ Партизанъ во Францiи.

МОНТАРЖИ

Въ замѣткѣ «Казаки въ Монтаржи», помѣщенной въ предыдущемъ номерѣ нашего журнала, ошибочно упомянуто было, что комитетъ казачьихъ организацiй, устроившихъ казачiй вечеръ, возглавлялъ Н. Н. Кабатченковъ.

Предсѣдателемъ Комитета былъ Т. М. Карнауховъ.

Книжная полка

Гремучій родникъ. Романъ Д. Е. Скобцова-Кондратьева.

Въ предыдущемъ номерѣ «Станицы» я писалъ о радушномъ пріемѣ автора и его только что вышедшей изъ печати книги въ «Кружкѣ казаковъ-литераторовъ» по порученію котораго я пишу теперь отзывъ о романѣ. Появленіе такой объемистой книги (310 стр.), стопроцентно казачьей, въ формѣ романа, — конечно, отрадное событіе въ условіяхъ эмигрантской жизни. Не грѣхъ и еще разъ упомянуть о похвальной взаимопомощи кубанцевъ для ея изданія.

Эпиграфомъ для этой книги я написалъ бы: «Шлемъ тебѣ, Кубань родимая, до сырой земли поклонъ». Содержаніе романа выявляетъ столько любви, преданности, кровной близости, пониманія и сострадательности къ родному краю, что можетъ вмѣстить только искренняя сыновья чистосердечность.

Не трудно отгадать автобіографичность романа и узнать самого автора въ одномъ изъ сыновей большой казачьей семьи Маликовыхъ. Въ силу этого, авторъ часто отклоняется къ дорогимъ ему мелочамъ, но правдивость, образность и безхитростность изложенія нѣкоторыхъ сценъ придаютъ имъ такую свѣжесть, которая въ казакѣ читателѣ вызоветъ чувство ощутимости.

Собственно, романъ только въ концѣ книги: большая же ея часть посвящена описанію казачьяго быта, изложеннаго отдѣльными сценами и эпизодами вокругъ семьи Маликовыхъ. Какъ видно, это является главною цѣлью автора, который хорошо знаетъ нравы, обычаи и языкъ своей среды, обладаетъ незаурядной наблюдательностью, почему такъ ярка и живописна правдивость передаваемаго.

Но, къ сожалѣнію, долженъ замѣтить кажущіяся мнѣ недостатки романа, которые умаляютъ его литературное значеніе.

По формѣ — прерывность изложенія. Повидимому, автору хотѣлось какъ можно шире охватить казачій бытъ. Для этого онъ дѣлаетъ многочисленныя вставки отдѣльными сценами и эпизодами, что часто затрудняетъ ихъ связь въ романѣ и плавность изложенія. Оригинальностью и новизной является стиль и слогъ книги. Вся она написана языкомъ мѣстнаго жаргона, или точнѣе — казачьимъ говоркомъ.

Конечно, было необходимо запечатлѣть разговорный языкъ казака устами дѣйствующихъ лицъ въ такомъ фольклорномъ романѣ. Часто это даетъ художнику тѣ мазки, которые одушевляютъ описаніе. Такъ дѣлаетъ самъ Шолоховъ. Но зачѣмъ нужно было автору перегрузить жаргономъ свой повѣствовательный языкъ? Это дѣлаетъ слогъ труднымъ, неуклюжимъ и непонятнымъ для литературнаго вкуса и навыковъ. («Запахъ отъ земли въ этотъ часъ такой простоволосый, безъ всякой прихорошенности»...

«Онъ высмыкнулъ изъ кармана вязанный съ кольцовыми засмычками кошелекъ»... «Онъ шаваркомъ бросился въ оббѣгъ кручи»). Двадцатилѣтняя давность, отдѣляющая насъ отъ живого языка нашихъ краевъ, естественно и постепенно углубляетъ его забвеніе и способствуетъ налету иностранщины на нашу рѣчь. Но это же явленіе, рикошетомъ, вызываетъ у многихъ стремленіе уснастить ихъ разговоръ на чужбинѣ ядреными словечками и фразами изъ далекаго, но милаго, прошлаго. Классическое имя въ русской литературѣ Донъ-Кихота, авторъ упорно называетъ Донъ-Кишотомъ. Хомужина, вмѣсто шилыжины (хотя это провинціализмъ).

Описанія явленій природы автору вполнѣ удаются: зимняя вьюга въ степи достойна пера большого писателя. Изъ сценъ и эпизодовъ романа особенно удачны и красочны купанье въ банѣ и проводы молодыхъ казаковъ на службу. Вѣрно замѣчена авторомъ многозначительность слова «такъ» въ казачьей рѣчи, за которымъ кроется скудность выраженій чувствъ и понятій: «ну, не серчай; я ить такъ», или «луковица бузлачика не то, чтобы очень вкусна, а такъ». Прелестно выражено однимъ словомъ самопризнаніе наивности и безпокойства барышни невѣсты передъ серьезностью своего жениха: «Развѣ онъ не пойметъ и не увидитъ какая я всамдѣлешняя».

Можетъ быть мои замѣчанія о недостаткахъ романа произошли отъ сходства моихъ темъ, какъ пишущаго о казачьемъ же бытѣ, но эти замѣчанія заглушаются во мнѣ сознаніемъ радости того, что «Гремучій родникъ» читается съ большимъ и искреннимъ удовольствіемъ и книга найдетъ горячій откликъ въ сердцахъ казаковъ своей живительной правдой того, что было, что еще свѣжо и любовно хранимо. Полезность для казачества этого труда, безспорна, какъ, кажется, первой большой и значительной работы надъ бытомъ кубанскихъ казаковъ.

В. Крюковъ.

Игорь Воиновъ. «Чаша ярости», изд. Дома Книги. Парижъ. 1938.

Будущій историкъ русской литературы въ эмиграціи несомнѣнно отмѣтитъ необыкновенный расцвѣтъ въ ней поэзіи. Каждый годъ, во всѣхъ странахъ русскаго разсѣянья, выходитъ очень большое количество стихотворныхъ сборниковъ. Недавно В. Ф. Ходасевичъ въ «Возрожденіи» напечаталъ отчетъ о 22 книгахъ стиховъ, вышедшихъ за годъ, причемъ списокъ его далеко не полонъ. Были среди нихъ и книги поэтовъ казаковъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ были уже помѣщены рецензіи въ предыдущихъ номерахъ «Станицы».

Недавно, Домъ Книги выпустилъ книгу стиховъ Игоря Воинова «Чаша ярости». Прежде всего мы должны отмѣтить высокій культурный уровень этой книги. Поэтъ понимаетъ, что однихъ высокихъ и хорошихъ чувствъ или одной «поэтической души» мало для того, чтобы писать хорошіе стихи. Нужно еще умѣніе, творческая работа, — мастерство. Игорь Воиновъ умѣетъ обращаться со своимъ поэтическимъ матерьяломъ; онъ владѣетъ своими стихами, а не стихи имъ, какъ это часто бываетъ со многими, неумѣлыми авторами. Но одно внѣшнее мастерство еще, конечно, не опредѣляетъ цѣнности книги. Мы знаемъ много стиховъ, внѣшне блестящихъ, но внутренне пустыхъ и безсодержательныхъ. Въ чемъ же внутренняя цѣнность стиховъ Игоря Воинова? Прежде всего — въ очень большой религіозной ихъ насыщенности. Главная тема книги, — это борьба христіанской души съ темнымъ, грѣшнымъ и безумнымъ, міромъ. Въ поэмѣ «Чаша Ярости», которая и дала названіе всей книгѣ, тема эта, переплетаясь съ темой о Россіи, въ революцію, достигаетъ наибольшей своей глубины и остроты. Но и въ Россіи дореволюціонной, «Святой Руси», та же извѣчная борьба свѣтлыхъ и темныхъ силъ:

Темна ты, Русь, недавняго былого,
Но даже тутъ, средь хмеля суеты,
Ты сочетала блудъ и Ликъ Рублева,
Глухой запой и тихіе скиты.

Единственно, что мы можемъ поставить въ упрекъ автору, — это слишкомъ большую прямолинейность въ противопоставленіи Россіи блудницы и Россіи святой. Тема эта не нова въ русской литературѣ. Вспомнимъ, хотя бы, нѣкоторые стихи и «Двѣнадцать» Блока. Трактуя тему, которая разрабатывалась уже многими авторами, очень легко впасть въ банальность. Воиновъ этого избѣгаетъ, но все таки хотѣлось бы немного больше индивидуальности въ образахъ и въ самомъ подходѣ къ этой темѣ.

Весь третій отдѣлъ книги посвященъ уходу изъ міра — иночеству. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробно остановиться на немъ. Но самый путь поэта въ иноческую келью, гдѣ его тоже подстерегаютъ соблазны, кажется намъ значительнымъ и неслучайнымъ.

Въ послѣднемъ, четвертомъ, отдѣлѣ книги, Воиновъ помѣстилъ 6 стихотвореній, которые какъбы выпадаютъ изъ основной темы. Въ этихъ стихахъ, на нашъ взглядъ, лучшихъ въ книгѣ, поэтъ говоритъ объ одиночествѣ, о «полу-бытіи», о «напрасномъ ожиданіи», о «подъ гору катящихся годахъ», — о «тьмѣ Парижа». Между прочимъ, тема одиночества и отчаянья, одна изъ главныхъ темъ русской эмигрантской поэзіи. Не будемъ вдаваться въ причины, главныя изъ нихъ, всякому ясны, отмѣтимъ только, что въ эмиграціи на эту тему было написано нѣсколько стихотвореній, которыя навсегда останутся въ сокровищницѣ русской поэзіи. Такимъ образомъ, эти стихи Воинова — есть съ чемъ сравнивать, и изъ этого сравненія они выходятъ съ честью. Наиболѣе удачное изъ этого цикла стихотвореніе «Башня», гдѣ очень хорошо, въ ритмическомъ и звуковомъ смыслѣ, передано паденіе человѣка въ пустоту. Хорошо также и послѣднее стихотвореніе въ сборникѣ «Послѣдняя труба», въ которомъ поэтъ и находитъ, какъ намъ кажется, выходъ изъ тупика одиночества и утѣшеніе отъ отчаянья:

Тогда поймемъ съ тобою оба,
Сквозь пепелъ вновь раскрытыхъ вѣкъ,
Что подъ истлѣвшей крышкой гроба,
Впервые вѣченъ человѣкъ.

В. С.

——«»——

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

— Вышелъ изъ печати новый романъ генерала П. Н. Краснова «Цареубійцы». Рецензія объ этой книгѣ будетъ дана въ слѣдующемъ номерѣ «Станицы».

— Игорь Воиновъ готовитъ къ печати новый сборникъ своихъ стиховъ.

— Въ январѣ 1939 г. выйдетъ новая (третья) книга стиховъ Николая Туровѣрова. Книга будетъ выпущена только по предварительной подпискѣ, которая будетъ объявлена въ слѣдующемъ номерѣ «Станицы».

— Н. Н. Туровѣровъ 6 іюня въ Шампани, по приглашенію хутора имени Атамана Богаевскаго, прочелъ докладъ на тему: «Атаманъ Платовъ и его эпоха», и тамъ же прочелъ свои стихи. Вечеръ прошелъ съ большимъ успѣхомъ.

Le Gérant: Ch. Quénet. Impr. de Navarre — 5, rue des Gobelins. Paris XIII.

№ 28 OCTOBRE 1938 № 28
Prix: frs. 3

СТАНИЦА

Выборъ казачьей лошади. — Съ старинной гравюры.

STANITZA

TRIMESTRIEL
ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS
7, RUE JOBBÉ DUVAL · PARIS (15e)

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

«STANITZA», 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 28 **ОКТЯБРЬ 1938** **Годъ изданія 7-й**

Нила ЖАРОВА.

***

Такъ много бѣлыхъ лилій
Я увижу только во снѣ....
Мнѣ не надо прощенія, милый,
Я живу сама по себѣ.

Домъ мой — мужъ и дѣти —
Это все — мои грѣхи.
Это то, что называютъ на свѣтѣ
Привязанность и честь семьи.

А мнѣ вѣдь хочется муки
Отъ Ангела въ бѣломъ плащѣ,
У котораго свѣтятся руки,
И весь онъ будто въ лучѣ....

И много такъ, много, лилій,
И еле видна тропа....
Мнѣ не надо прощенія, милый,
Ни сегодня, и никогда....

Мнѣ отрадно, что среди лилій,
Среди самой святой тропы,
Змѣи гнѣздъ своихъ не свили: —
Я живу ради этой тропы.....

Ирина ПОЛЯКОВА.

Все пройдетъ, угаснетъ, позабудется —
Эта боль разлуки, темный садъ:
Лишь порой, нежданно, будетъ чудиться,
Отзвукъ словъ, магнолій ароматъ.

Лучше не губить неповторимаго,
Злой усталостью ненужныхъ встрѣчъ,
Пусть не тронетъ образа любимаго,
Повседневности пустая рѣчь,

Сердцу легче потерять желанное,
Въ блескѣ ослѣпляющей любви,
Чѣмъ познать холодное, туманное
Равнодушье гаснущей крови.

И. И. ДАНИЛОВЪ.

Сухая ночь. Свинецъ плавленный
Дыханье немощное жжетъ,
Пустыни вѣтеръ раскаленный
Пески мететъ, въ пескахъ поетъ.

Конца нѣтъ шири безпредѣльной,
Грудь давитъ свѣтлая тоска,
Какъ правды отыскать нетлѣнной,
Родникъ средь жгучаго песка.

Но рядомъ Богъ идетъ со мною,
Я слышу легкіе шаги,
И вотъ, склонившись головою,
Шепчу съ надеждой: — Помоги!

Куда идти? Пески повсюду,
Куда идти мнѣ безъ дорогъ?
Искалъ уже и снова буду
Искать Твой царственный порогъ.

Ник. ЕВСѢЕВЪ

Я привыкъ съ дѣтскихъ лѣтъ втихомолку
Уходить на просторы къ стадамъ,
Наблюдать байбака, перепелку,
Жить какою то радостью тамъ.

Моя радость была безъ сомнѣнья
На толокѣ, на полѣ, въ лугахъ,
Въ небѣ, въ солнцѣ, въ воздушномъ движеньи,
Въ ревахъ, въ ржаньяхъ, въ гуртахъ, въ табунахъ.
Эта радость давно улетѣла,
Подъ осеннимъ холоднымъ дождемъ.
Но о ней здѣсь касатка мнѣ пѣла
И прощалась со мною крыломъ.

Цѣловалъ ея крылья косыя
Вѣрнымъ сердцемъ казачьей душой, —
Они будутъ летать надъ Россіей,
Надъ донской и хоперской водой.

Николай ТУРОВѢРОВЪ

Курганъ

П. Н. КРАСНОВУ.

Не дано никакого мнѣ срока, —
Вообще, ничего не дано,
Порыжѣла отъ зноя толока,
Одиноко я ѣду давно;
Запылилось истертое стремя,
Ослабѣлъ у подпруги ремень, —
Ожидалъ слишкомъ долгое время
Я лишь этотъ единственный день.
Здравствуй, горькая радость возврата,
Возвращенная мнѣ, наконецъ,
Эта степь, эта дикая мята,
Задурманившій сердце чебрецъ, —
Здравствуй, грусть опоздавшихъ наслѣдій,
Недалекій послѣдній мой станъ:
На закатной тускнѣющей мѣди
Одинокій, высокій курганъ!

Молодость Бакланова

Съ великой жаждой подвиговъ и славы ѣхалъ шестнадцатилѣтній урядникъ Яковъ Баклановъ въ сотнѣ отца, въ казачьемъ полку Попова, идущемъ въ Крымъ.

Но походъ былъ мирный и недалекій, — хорошо весной въ Донскихъ и Таврическихъ степяхъ: лазоревые цвѣты кругомъ, заливаются жаворонки въ небѣ, заливаются казачьи подголоски на землѣ, — весело идетъ казачій полкъ по древнему татарскому шляху.

Спѣшить было некуда, — никакихъ бранныхъ дѣлъ въ Крыму не намѣчалось. Мирнымъ свѣтомъ сіяла лучшая жемчужина Россійской короны; на престолѣ Гиреевъ сидѣлъ Воронцовъ; благодатный край уже былъ воспѣтъ Пушкинымъ: Бахчисарайскій фонтанъ звучалъ на всю Россію.

Но для сердца выростка-казака, первый походъ, что первая любовь. Все, навѣрное, волновало урядника Бакланова, все запоминалось ему: и новая полковая жизнь, съ фуражировками и квартирьерами, съ казачьими разсказами на ночлегахъ подъ открытымъ небомъ, и блеснувшее впереди, впервые имъ видимое, море, татарскія деревни, Арбатская стрѣлка, горькій вѣтеръ Сиваша, Акъ-Манай, Феодосія. А, главное, онъ самъ, безусый еще урядникъ, на добромъ, выбранномъ отцомъ, конѣ, незнающій, куда дѣвать свою молодость и что ему съ ней дѣлать.

Но дѣло для его молодости нашлось, хотя весьма и неожиданное: какъ разъ, въ Феодосіи выяснилось, что бравый урядникъ умѣетъ только читать, да и то славянскую печать, а писать, вообще, никакъ не умѣетъ, — дежуря по сотнѣ, онъ не смогъ подписать рапортичку.

Огорченный командиръ сотни немедленно отдалъ своего урядника и сына въ мѣстное уѣздное училище для продолженія его станичнаго образованія, полученнаго у бабки Кудимовны.

Полкъ пошелъ дальше, а Баклановъ засѣлъ за букварь. Въ начальномъ классѣ уѣзднаго училища появился молодой гигантъ въ казачьей формѣ и, навѣрное, при шашкѣ, какъ можно безъ шашки, — школа не церковь: всякое можетъ въ школѣ случиться. Надо думать, необычайному ученику со стороны учителей, да и учащихся, было оказано должное вниманіе. Должное вниманіе оказалъ и самъ необычайный ученикъ къ преподаваемымъ ему наукамъ. Несмотря на краткость своего пребыванія въ училищѣ, Баклановъ писать научился хорошо — его записки лучшее тому доказательство, даже съ по-

правкой на его позднѣйшее упорное самообразованіе.

Увы, недолгій срокъ былъ ему отпущенъ для совершенства въ наукахъ.

Приходили отъ его матери невеселыя письма: вести хозяйство было не подъ силу одинокой пожилой женщинѣ, — надо, надо въ домѣ помощницу. И вотъ, въ декабрѣ 1825 года, отецъ, получивъ для себя и для сына отпускъ, забралъ своего наслѣдника изъ училища и поѣхалъ съ нимъ на Донъ, домой, — довольно учиться, пора жениться. Для семнадцатилѣтняго жениха уже была матерью найдена и невѣста — дочь мѣстнаго станичнаго священника, Серафима Ивановна Анисимова. Офицерскій домъ долженъ былъ породниться съ поповскимъ домомъ, — ни въ какомъ отношеніи, по тогдашнимъ понятіямъ, офицерскій сынъ мезальянса не дѣлалъ.

Свадьба подготавливалась и прошла, конечно, съ соблюденіемъ всѣхъ полагаемыхъ обрядовъ. Для начала послали въ домъ невѣсты сваху; особенно узнавать ей было нечего: и наружность, и нравъ и лѣта невѣсты были хорошо извѣстны, — невелика была Гугнинская станица, кто не зналъ въ ней шестнадцатилѣтней поповны. Немного хлопотъ оказалось и у почтеннаго свата, замѣнившаго потомъ сваху. Деликатный вопросъ съ приданнымъ разрѣшился, навѣрное, безъ затрудненій, — небогатъ былъ приходъ у попа Ивана, что онъ смогъ выдѣлить изъ своего скуднаго имѣнія дочери, да и выдѣлятъ дочерямъ отцы, вообще, ничего не были обязаны, кромѣ обязательной рухляди: одежды, бѣлья, домашней посуды. Согласіе было получено и подтверждено, когда сватъ пріѣхалъ вторично уже съ поѣздомъ, — въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ, и поднесъ попу Ивану и его матушкѣ хлѣбъ-соль.

Попъ Иванъ, обернувъ полою рясы свою руку, ударилъ со сватомъ по рукамъ; матушка положила передъ божницей три земныхъ поклона: въ добрый часъ! Казаки метнулись за женихомъ, за его родней, прихватили, конечно, и вина. Пріѣхавшій женихъ поклонился въ ноги будущимъ тестю и тещѣ; вывели невѣсту и поставили ее рядомъ съ женихомъ, — навѣрное, на много она ему не доходила до плеча. Сватъ соединилъ ихъ руки, сваха завела, а присутствующіе подхватили: «Ой, заюшка, заюшка; ой, заюшка, горностай молодой...» и «перепелушка, рябыя перушки...» Женихъ и невѣста обнесли, каждый своимъ виномъ, родню и гостей, выпили сами, поднесеннымъ сватомъ, стаканъ вина и поцѣловались: уряднику Бакланову пришлось сильно нагнуться. Вокругъ стола пошелъ хороводъ, загремѣли каблуки. Братъ невѣсты, съ завязаннымъ черным платкомъ, лицомъ, какъ чортъ влетѣлъ въ комнату и пошелъ въ присядку.

И пошли за этимъ днемъ развеселые предсвадебные дни. Четыре самыхъ разбитныхъ въ станицѣ молодайки съ ногъ сбились, чтобы оправдать свою должность позыватыхъ — что то въ родѣ герольдовъ въ юбкахъ. Опять стоялъ молодой Баклановъ рядомъ съ невѣстой на сговорѣ, опять кланялся роднымъ въ ноги, угощалъ всѣхъ виномъ подъ «заюшку» и «перепелочку», поднесъ невѣстѣ свой жениховскій подарокъ,

Проводы казака на службу.

Съ гравюры начала 19-го вѣка.

навѣрное, какой нибудь перстенекъ, и получилъ отъ нея бурмитскими зернами и бисеромъ вышитый кисетъ: баловался уже табачкомъ будущій даджалъ-Боклю. Одарилъ, какъ могъ, свою будущую невѣстку и старый Баклановъ, — сохранилось, должно быть, у него кое что отъ Парижскаго похода. Подошелъ и дѣвишникъ, крѣпко загуляли на немъ старики, — все 12-ый годъ, не были и Измаильскіе, — не пожалѣлъ попъ Иванъ вина, когда надѣли на его дочку вмѣсто торкача татарскую шапку, понатыкавъ за черный околышъ перьевъ и цвѣтовъ. За два дня до свадьбы повалилъ народъ въ домъ невѣсты на осмотръ приданнаго, разобрали по рукамъ перины, одѣяла, подушки. Шла веселая толпа по

станичной улицѣ, — январскій вечеръ, лютый морозъ, голубые сугробы подъ плетнями, зеленый закатъ, лиловый, кизечный дымокъ надъ куренями, — взлетали надъ толпой подушки и перины, заливались идущія впереди молодайки-позыватыя:

Сестрицы-подружки,
Несите подушки,
Берите перины,
Сестры Катерины.

Дружно застучали въ ворота баклановскаго двора.

Ты отворяй, матушка, ворота,
А вотъ тебѣ невѣстка молода.

Не пожалѣлъ вина и старикъ Баклановъ, когда въ лучшей его горницѣ поставили кровать, посадили на нее жениха съ невѣстой, и закидали ихъ подушками; не пожалѣлъ угощенія баклановскій домъ, — до поздна шумѣлъ онъ пѣснями, гудѣлъ отъ плясокъ; посадили на кровать и свата со свахой, но подъ горой набросанныхъ на нихъ подушекъ старушку-Божій даръ подмѣнили позыватой-бабочкой румяннымъ яблочкомъ, — ходоромъ пошелъ потомъ въ казачкѣ раскраснѣвшійся сѣдой сватъ: вотъ тебѣ и шестьдесятъ годковъ за плечами.

Наступилъ, наконецъ, и день свадьбы. Наканунѣ, вечеромъ ходила невѣста на станичное кладбище, поклонилась могилкамъ, деревяннымъ крестамъ своихъ предковъ, просила благословенія, представительства ихъ у престола небеснаго.

Рано утромъ къ жениху явился водунъ, на его обязанности лежало предупрежденіе чародѣйства, чтобы не было въ пищѣ и напиткахъ никакой порчи. Лучшій водунъ считался изъ упырей, т. е. рожденныхъ отъ вѣдьмы, — не знаю, нашелся ли упырь въ Гугнинской станицѣ, можетъ, и нашелся: въ то время нечистая сила еще водилась. Во всякомъ случаѣ, ни отъ какой порчи молодой Баклановъ не пострадалъ, хотя отъ свадебныхъ напитковъ, навѣрное, не отказывался. Много позже, когда онъ уже самъ станетъ для казаковъ Асмодеемъ-колдуномъ, изобрѣтетъ онъ для личнаго употребленія знаменитую водку — баклановку; помню: хранилась бутылка этой баклановки у насъ въ домѣ въ завѣтномъ шкафчикѣ, считалась она послѣднимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ холеры, но при единственномъ условіи: больной долженъ былъ выдержать лютость этого напитка, не помереть отъ него.

Благословили отецъ и мать колѣнопреклоненнаго жениха старинной иконой; въ другой комнатѣ благословилъ его крестный отецъ; женихъ и его друзья-поѣзжатые, всѣ — при оружіи, сѣли на лошадей и поскакали въ домъ невѣсты, — тамъ только что отзвучали ея рыданія, прощалась она съ благословлявшими ее родителями, прощалась съ ними навѣки. Заплаканную невѣсту, въ бабушкиномъ еще подвѣнечномъ нарядѣ, посадили на стулъ, рядомъ посадили ея младшаго брата и дали ему въ руки державу — тяжелую плеть. Вошелъ женихъ съ друзьями въ комнату, хотѣлъ подойти къ невѣстѣ, но братъ ея замахалъ, захлопалъ плетью по жениховскимъ голенищамъ — не пущу! Просили его добрымъ словомъ, совали ему сласти, наконецъ, умолили: отдалъ жениху свое мѣсто за горсть мѣдяковъ.

— Татаринъ, братецъ татаринъ, —
Продалъ сестрицу за талеръ.

Заголосили женщины. Калмыцкая плеть перешла къ Бакланову — вотъ она полнота казачьей власти надъ женой.

Въ снѣжномъ прахѣ летѣли сани съ женихомъ и невѣстой въ станичную церковь, скакали вокругъ казаки, неслись впереди на саняхъ посаженные отецъ и мать, сваха и сватъ съ благословенными иконами. Родителямъ полагалось сидѣть дома.

Вѣнчался Яковъ Баклановъ съ Серафимой Анисимовой 11 января 1826 года, въ темной, ледяной церкви Гугнинской станицы. Сейчасъ же послѣ вѣнчанія, тутъ же на паперти, заплели молодой двѣ косы, обернули ихъ вокругъ головы и надѣли повойникъ — здравствуй, урядничиха Бакланова. Хлѣбомъ и солью встрѣтили молодыхъ старики Баклановы на крыльцѣ своего дома, гости осыпали ихъ пшеницей, пряниками, полушками — быть имъ богатымъ, да счастливымъ.

На первое мѣсто посадили новобрачныхъ за свадебный столъ, и пошелъ пиръ на весь міръ. Три полагаемыхъ смѣны изъ восьми разныхъ блюдъ каждая, выставилъ баклановскій столъ, не поскупился хозяинъ на водку, — да и пилась же она подъ соленаго журавля, — не поскупился и на вино — Цымлянская станица была подъ бокомъ.

Пили за здоровье Царя, Войска, молодыхъ — князя съ княгинею, ихъ родителей, за каждаго гостя порознь, пили за здоровье отсутствующихъ друзей, а когда уже пить стало не за кого, выпили за здоровье усопшихъ.

Степная морозная ночь уже смотрѣлась сіяющими отъ холода звѣздами въ окна баклановскаго дома, когда началъ держать свое слово сватъ:

«Желаю здравствовать князю молодому съ княгинею, княжьему отцу, матери, дружку со свахами и всей честной компаніи на бесѣдѣ, не всѣмъ поимянно, ко всѣмъ поравненно, что задумали, загадали, опредѣли Господи таланъ и счастье: слышанное видѣть, желаемое получить, въ чести и въ радости нерушимо». И дружно отвѣтили всѣ — «опредѣли Господи!» Всѣхъ обнесъ дружка отъ имени молодыхъ караваемъ съ сыромъ, съ золоченными елочками и лебедями, передавалось на каравай «покрывало приданнаго», — всѣ одарили молодыхъ на новоселье, кто чѣмъ могъ, кто одеждой, а кто и рогатой скотиной. Принесла старуха Кудимовна новобрачнымъ вареную курицу съ сорочинскимъ пшеномъ, съ изюмомъ, съ пряными кореньями, — пѣстовала она Яшеньку, учила маленькаго грамотѣ, выучила всему, чему сама разумѣла.

Быстро промелькнули послѣсвадебные дни, — гулянки по роднымъ, да знакомымъ, — какъ птицы пролетѣли короткіе январскіе дни, — не успѣла присмотрѣться къ молодому мужу молодая жена, какъ выѣзжалъ онъ уже въ широко распахнутые ворота родного двора вмѣстѣ съ отцомъ на застоявшихся коняхъ. Пора, пора назадъ, въ полкъ, въ Крымъ.

Хваталась за ледяное стремя, бѣжала за конемъ, заметая подоломъ снѣгъ, молодайка, оторвалась отъ коня только на улицѣ, — широкимъ наметомъ пошелъ урядникъ Баклановъ за отцомъ, не обернулся на жену, — не слѣдъ казаку оборачиваться на бабьи слезы. Эхъ, доля жалмерки, — невѣсткина горькая доля. Рѣдко, рѣдко будетъ видѣть бѣдная поповна, — перепелушка, рябыя перушки, — своего Якова Петровича, родитъ она ему двухъ сыновей, рано заберетъ онъ ихъ отъ матери, не будетъ щадить въ бояхъ и походахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Туровѣровъ.

На службѣ Франціи

ИЗЪ «ВОСПОМИНАНІЙ ДОНСКОГО КАЗАКА».

(Продолженіе).

Но пора познакомить Васъ съ составомъ эскадрона. 4-й эскадронъ 1-го Кавалерійскаго полка Иностраннаго Легіона. Командиръ эскадрона милѣйшій капитанъ Ляндріо — человѣкъ пожилой (во французской кавалеріи, послѣ войны, продвиженіе небыстрое), отличный хозяинъ и администраторъ. Командиры взводовъ — лейтенантъ Роберъ, блестящій офицеръ, очень любимый людьми. Лейтенантъ де-Медрано и Вестенъ — отличные строевики, и сулейтенантъ Пети, молодой, но подающій надежды. Вахмистръ эскадрона Газо, старый служака, французъ; изъ унтеръ-офицеровъ упомяну о казакѣ Поповѣ, малороссѣ Бисеровѣ. «Шефъ-контабль», въ родѣ нашего каптенармуса и сотеннаго писаря — французъ Пуарсонъ, казакъ Поволоцкій, взводный унтеръ-офицеръ, унтеръ-офицеры (казаки) Пономаревъ и Примакъ. Составъ эскадрона былъ на 80 процентовъ русскій, причемъ преобладающій элементъ — казаки.

—■—

16-го августа мы подошли къ Бейруту. Началась разгрузка и мнѣ поручили заняться багажомъ. Эскадронъ уже выгрузился, посѣдлалъ и пошелъ, а у меня заминка. Крутятся мои легіонеры, а толку мало. Подумалъ я и сказалъ имъ — выгрузите какъ слѣдуетъ, будетъ по кару вина. Откуда что взялось. Начали тащить ящики и мѣшки, сами работать у лебедокъ, однимъ словомъ, работа закипѣла. Пошелъ я въ буфетъ и на послѣдніе свои 10 франковъ купилъ вина. Правда, работа была сдѣлана отчетливо. На пристани насъ встрѣтилъ легіонеръ и доложилъ, что въ Бейрутѣ не будемъ останавливаться, а эскадронъ идетъ въ окрестности, въ лагерь. Была уже ночь. Собралъ я свои двуколки, нагрузилъ ихъ и вслѣдъ за вѣстникомъ двинулись.

Начальство предусмотрительно отвело намъ казармы за городомъ — пустые бараки какой то части, гдѣ мы переночевали и простояли день. На слѣдующее утро походъ; жара была невѣроятная. Для похода намъ выдали тропическія каски, которыя, почему то, легіонерамъ не понравились.

Пришли въ Дамаскъ, въ типичный азіатскій городъ, полюбовавшись его чудными садами, простояли тамъ 2 дня и двинулись дальше, до станціи Эзра. Крошечный поселокъ, наполовину пустой, съ глинобитными постройками. Довольствіе изъ походной кухни. Вокругъ — голыя поля, усѣянныя черными камнями вулканическаго происхожденія, и ни одного дерева.

На другой день приводили себя въ порядокъ, а затѣмъ начались осмотры и послѣднія раздачи походнаго снаряженія, консервовъ, и прочаго «неприкосновеннаго» запаса; получили перевязочные пакеты. Я помѣстился въ одной комнатѣ съ эскадроннымъ фельдшеромъ Д., бывшимъ французскимъ военнымъ врачемъ, теперь служившимъ подъ званіемъ бельгійца. Интересный собесѣдникъ, начитанный и бывалый, но большой фантазеръ и любитель выпить.

Помню довольно забавный случай на одной станціи, откуда мы уже двигались походнымъ порядкомъ. Эскадронъ расположился въ заброшенной арабской крѣпостцѣ, со всѣми мѣрами охраненія, а нашу команду связи, съ обозомъ, оставили на самой станціи; этой частью командовалъ молодой унтеръ-офицеръ Пегаръ. Былъ уже вечеръ и мы расположились спать на воздухѣ, на сѣнѣ. Вдругъ, неизвѣстно кто крикнулъ «о-з-армъ»! (къ оружію). Тревога. Мы захватили свои карабины. Что, почему, какъ — никто не знаетъ, но добрыхъ три четверти людей, съ унт.-оф. во главѣ, бросилась въ станціонное зданіе, и, по лѣстницѣ на плоскую крышу. Оттуда раздалась оглушающая трескотня винтовокъ, вдоль жел. дор. полотна, въ направленіи «противника». Часть людей осталась внизу, на сѣнѣ. Смотрѣли, смотрѣли — никакого противника не видно; наконецъ, какой то глазастый казакъ разсмотрѣлъ: «да чего здря дурака валять, никакого непріятеля нѣту, идутъ рабочіе съ дрезиной, съ починки пути». Съ трудомъ вразумили унт.-офицера и прекратили стрѣльбу. Къ счастію жертвъ не было, а посему капитанъ отнесся къ этому довольно снисходительно.

—■—

Итакъ, мы шли усмирять друзовъ... Что такое друзы?

Сирія — бывшее владѣніе Турціи въ Малой Азіи — винигретъ въ смыслѣ населенія и религій. Арабы, курды, армяне, черкесы, турки, айсары и др. Среди этихъ народовъ, на юго-востокѣ, въ горахъ, ютится племя друзовъ, повидимому, арабскаго происхожденія, судя по языку, гордые, свободолюбивые жители горъ; костюмы почти арабскіе, религія же совершенно особенная, причемъ догматы хранятся въ тайнѣ старѣйшинами. Что то въ родѣ смѣшаннаго культа Астарты, Богородицы, Магомета. Въ храмахъ (не мечетяхъ) по ночамъ приносятся кровавыя жертвоприношенія — птицы, бараны и козы, затѣмъ тушатся костры, и... свальный грѣхъ... Все это разсказы, т. к. подлинно никто не знаетъ, ибо все, касающееся религіи, хранится въ тайнѣ.

Вотъ этотъ свободолюбивый народецъ, въ 18-20 тысячъ душъ, поднялся противъ власти Франціи не безъ помощи дружественныхъ сосѣдей — посмотрите на карту. Столица друзовъ — орлиное гнѣздо Суеда, гдѣ былъ маленькій французскій гарнизонъ, оказавшійся окруженнымъ друзами. Суеда — древняя крѣпость временъ римлянъ, которые тоже имѣли тамъ гарнизонъ. Въ ней нѣтъ ни колодцевъ, ни источниковъ и вода собирается въ дождевыя цистерны, весьма сложной постройки римскихъ временъ. Въ главномъ бассейнѣ до нынѣ сохранилась мраморная доска съ надписью: «водохранилище сооружено усиліями 3-го Кельтійскаго Легіона Римской Имперіи».

Управлялись друзы эмирами изъ привилегированныхъ фамилій, власть которыхъ была ограничена совѣтомъ старѣйшинъ.

Назрѣвала задача идти на Суеду и освободить осажденный французскій гарнизонъ, давъ хорошій урокъ друзамъ. Исходнымъ пунктомъ для начала операціи была избрана деревня Мессифре, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Суеды. Незадолго до нашего выступленія, въ этой деревнѣ былъ разгромленъ друзами мѣстный жандармскій постъ. Часть жандармовъ спаслась, другіе были убиты, а постройки сожжены.

Наконецъ мы выступили. Съ нами былъ 5-й батальонъ 4-го пѣхотнаго полка и взводъ пулеметныхъ автомобилей — все подъ командой батальоннаго командира Кратцера. Эскадронъ шелъ впереди, прикрывая колонну. Мы, кавалерія, шли въ боевомъ порядкѣ, развернувъ взводы въ нѣчто подобное нашей лавы «по звеньямъ». Томительный, жаркій день. Голая долина, до того усѣянная черными глыбами камня, что иногда лошадь не знала куда ступить, и копыто застревало между камнями. Глаза болятъ отъ ослѣпительнаго солнца и слезятся отъ сухого вѣтра, несущаго тучи горячаго песку. Одна лошадь такъ заклинила ногу между камнями, что, пытаясь ее освободить, сорвала копыто, Пришлось пристрѣлить. Къ полдню мы увидѣли дер. Мессифре, всю изъ кубическихъ построекъ того же чернаго камня, съ плоскими крышами, мечеть съ минаретомъ, погорѣлыя стѣны жандармскаго поста, и ни одного дерева. Вдали высился горный кряжъ и на немъ «орлиное гнѣздо», осажденное друзами Суеда. Войдя въ деревню, стали бивакомъ. Эскадронъ — въ самой деревнѣ, а пѣхота по обѣимъ флангамъ деревни, въ палаткахъ.

Намъ на каждый взводъ былъ отведенъ обширный дворъ съ постройками, въ наиболѣе удаленной отъ противника части селенія. Деревня почти пустая. Нѣсколько десятковъ жителей явились къ начальнику колонны съ выраженіями преданности и покорности, и онъ имъ разрѣшилъ оставаться въ своихъ домахъ. Жители сдали нѣсколько ружей и, конечно, завѣряли, что они ничего общаго не имѣютъ съ тѣми, которые разгромили жандармскій постъ и затѣмъ пошли осаждать Суеду.

Расположились, конечно, съ мѣрами охраненія, и, по обычаю легіона, сейчасъ же начали ук-

рѣплять наши стоянки постройкой стѣнъ изъ камня. Къ вечеру эти стѣнки, преграждавшія подступы къ бивакамъ, были уже возведены въ полъ роста человѣка. Офицеры эскадрона расположились всѣ вмѣстѣ въ одной изъ лучшихъ построекъ, принадлежащей старшинѣ-шейху, находящейся нѣсколько впереди дворовъ, гдѣ расположились взводы. Продукты были подвезены, но съ водой было плохо; въ деревнѣ ни источника, ни колодца — лишь пустыя цистерны, которыя скоро начали пополняться водой, привезенной на верблюдахъ, въ бурдюкахъ, со станціи Эзра. Воды, конечно, не хватало. У цистернъ цѣлый караулъ, чтобы не воровали воду. «Братія», кончивъ работу и поѣвъ, постепенно разошлась по деревнѣ и начала шарить въ брошенныхъ дворахъ, къ вечеру собрались на уборку лошадей; водопой и ужинъ.

Заходили слухи, что на утро будетъ развѣдка подступовъ къ Суедѣ, и, дѣйствительно, утромъ, въ полномъ строевомъ составѣ, оставивъ незначительную часть для охраны бивака, мы пошли вмѣстѣ съ авто-пулеметнымъ взводомъ на развѣдку въ сторону Суеды. Прошли версты четыре. Дойдя до какого то кургана, начальство его заняло и начало обозрѣвать окрестности. Нашъ взводъ, разсыпанный лавой, полукругомъ и у подножья кургана, оставаясь верхомъ, охранялъ начальство, съ карабинами на изготовку. Другіе взводы, поддержанные авто-пулеметами, были посланы впередъ. Друзы изъ Суеды замѣтили движеніе и пошли навстрѣчу. Скоро засвистѣли пули, а мы, не получая никакихъ приказаній, продолжали стоять на мѣстѣ. Наконецъ, стрѣльба друзовъ стала трудно выносимой, начальство не отдавало никакихъ приказаній, отъ другихъ взводовъ никакихъ извѣстій.

По собственно инициативѣ мы спѣшились, и, укрываясь за скалами, открыли огонь. Нѣсколько лошадей уже было ранено, а справа и слѣва, оттѣсняя сосѣдніе взводы, надвигались пѣшіе и конные друзы, превосходящіе насъ числомъ разъ въ 20, стремясь насъ окружить. Сѣли на коней, и обстрѣливаемые съ двухъ сторонъ, благополучно выскочили. Вернулись, стали подсчитывать. Оказалось, что унт.-оф. Поволоцкаго нѣтъ. Въ Легіонѣ товарищество. Сами начали разбираться и оказалось, что Поволоцкій, посланный съ разъѣздомъ, не вернулся, а часть людей разъѣзда, вернувшаяся къ нашему взводу, доложила, что разъѣздъ былъ окруженъ. Поволоцкій приказалъ проскочить, большая часть проскочила, но подъ Поволоцкимъ лошадь была убита и его придавила. Онъ приказалъ людямъ спасаться. Наскочили друзы...

Когда на другой день нашли трупъ Поволоцкаго, то увидѣли всю жестокость друзовъ. Глаза выжжены, языкъ, носъ, пальцы отрѣзаны.

Бѣдный Поволоцкій! Да упокоитъ Господь Богъ его душу, отданную въ смертельныхъ мукахъ.

Далекое близкое

1905 ГОДЪ.

Революціонныя волны заливали главные центры Россійской Имперіи, но тишайшій Новочеркасскъ, казалось, стоялъ въ сторонѣ отъ мятежной бури, поднятой гдѣ-то бушующей толпой.

Революціонная волна, если и докатилась до нашей столицы, то она не нарушала обыденнаго темпа казачьихъ будней, она чуть коснулась невоспріимчиваго къ новшествамъ казачества и скоро затихла, не оставивъ никакихъ слѣдовъ недовольства среди центра Донского края.

Вдохновителями жалкаго «мятежа» въ Новочеркасскѣ были извѣстные адвокаты Петровскій и Захарьинъ, которые и водрузили «красное знамя труда» на Александровской площади передъ зданіемъ, готоваго всегда рухнуть, старенькаго деревяннаго Зимняго театра.

Они первые привели туда далеко нереволюціонную толпу въ триста человѣкъ и поучали ее мало кому извѣстнымъ въ тѣ годы устрашающимъ теоріямъ соціализма. Толпа съ удивленіемъ смотрѣла на красные бантики двухъ присяжныхъ ораторовъ и не могла понять: въ чемъ же заключается недовольство существующимъ строемъ сихъ бунтарей?

Отъ неудачнаго бунтарскаго опыта двухъ адвокатовъ, не сумѣвшихъ внѣдрить въ головы мирныхъ и довольныхъ обитателей новыхъ истинъ демократизма, революціонныя волны перекинулись къ учащейся молодежи, которая тоже мало причинила безпокойства высшей власти Новочеркасска.

Началось съ того, что семинаристы, гимназисты, реалисты и гимназистки бросили занятія и выступили на улицу, бросивъ въ теплые дома столичныхъ обитателей ужасающее сло-

во: бунтъ (тогда не было иного слова у мирнаго населенія русскихъ городовъ).

Бунтъ же заключался въ томъ, что учащіеся массой ходили по Платовскому проспекту и по Московской улицѣ и красиво молодыми голосами пѣли революціонную, безграмотную дребедень, а именно: «Дубинушку», «Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой», «Эй, пора-пора народу добывать себѣ свободу», «Черная галка, ясная полянка», «Отъ зари до зари, лишь зажгутъ фонари», и почему то далеко нереволюціонную и волнующую пѣсню «Изъ за острова на стрежень, на просторъ рѣчной волны».

Были попытки молодой массы «вызвать бунтъ» въ донскомъ Маріинскомъ институтѣ и епархіальномъ училищѣ, но по два полицейскихъ, приставленныхъ къ желѣзнымъ воротамъ сихъ учебныхъ заведеній, заставили воинственную молодежь «осадить назадъ» и мы, обиженные, снова шагали по талому снѣгу двухъ главныхъ улицъ Новочеркасска, горланя до позднихъ сумерокъ одни и тѣ же пѣсни.

Были предложенія освободить изъ тюрьмы политическихъ заключенныхъ, но сія задача была намъ не подъ силу.

Наказнымъ Атаманомъ въ тотъ годъ былъ милѣйшій старичекъ князь Одоевскій-Масловъ и, повидимому, ему и въ голову не приходило принимать какія либо строгія мѣры противъ молодыхъ бунтовщиковъ и онъ въ разгаръ самаго бунта, когда мы горланили запретныя для насъ пѣсни, спокойно одинъ гулялъ по безлюднымъ аллеямъ Александровскаго сада.

Учебныя заведенія временно были закрыты и началось пореволюціонное углубленіе въ полученныя бунтомъ свободы. На Кирпичной улицѣ возродилась «Лига любви», со взносомъ пять рублей съ учащагося (дѣвицы отъ взносовъ освобождались), обставленная большой тайной. Среди гимназистокъ образовался «Клубъ самоубійцъ» и за короткій промежутокъ стрѣлялись, къ счастью, благополучно, пять учениць, а шестая застрѣлилась смертельно и мы снова молодой, но уже угнетенной толпой, провожали трупъ безвременно и глупо погибшей Лидочки со скорбнымъ пѣніемъ «Святый Боже».

Народились кружки, вдохновителями коихъ были семинаристы-грузины и на собраніяхъ читались отрывки изъ Карла Маркса, Каутскаго, Энгельса, Бернштейна и прочихъ главарей революціонной мысли. Здѣсь же впервые насъ знакомили съ соціалъ-демократическими ученіями, но послѣ томящей скуки мы съ радостью срывались изъ накуренной комнаты и гурьбой направлялись въ пивную. Были попытки создать литературно-политическіе журнальчики учащихся, брались за такую работу со страхомъ и трепетомъ, но осуществить порывы было трудновато и благія начинанія потухали въ радужныхъ мечтахъ.

На этомъ замерли послѣдніе аккорды новочеркасскихъ бунтовщиковъ.

Неутомимый Андрей Ивановичъ Петровскій пытался еще читать лекціи «на злобу дня» въ залѣ Народной читальни, но попытки кончились проваломъ, сонный Новочеркасскъ оказалъ огнеупорное дѣйствіе и на зовъ революціоннаго оратора не пошелъ.

Какъ разъ въ тѣ дни Новочеркасскъ обогатился собственной ежедневной маленькой газетой «Донская жизнь» (до 1905 г. въ казачьей столицѣ былъ единственный оффиціозъ «Донскія областныя вѣдомости») и въ одномъ изъ номеровъ Петровскій отхлесталъ донскую спячку: «Существованіе въ Новочеркасскѣ самое перинное... Въ войсковомъ градѣ имѣются только два заводскихъ предпріятія: кирпичный заводъ и пивной заводъ Базенера»...

Посмѣялись обыватели, но съ пуховыхъ перинъ вставать было лѣнь, перевернулись и снова заснули.

Д. Воротынскій.

ХРОНИКА Кружокъ Казаковъ Литераторовъ

На общемъ собраніи Кружка, состоявшемся 6-го августа, приняты новые члены: М. В. Волкова (Сибирскаго Войска), генералъ И. Г. Акулининъ (Оренбургскаго Войска) и генералъ С. Д. Позднышевъ (Донского Войска).

Секретаремъ Кружка избрана Е. В. де Жерве-Номикосова.

●●

Въ субботу, 3-го декабря, въ особнякѣ Очага Русскихъ сестеръ милосердія (18, бульв. Фландренъ, метро Помпъ), съ 19 до 24 час., состоится открытый вечеръ Кружка. Поэты и писатели, члены Кружка, прочтутъ свои произведенія. Танцы подъ джазъ. Между танцами — выступленія артистовъ. Обильный и дешевый буфетъ организованъ стараніями дамъ Кружка. Лотерея, крюшонъ. Входъ по 5 фр. Доходъ поступитъ въ пользу студенческой казачьей станицы. Приглашенія можно получать у всѣхъ членовъ кружка и у студентовъ-казаковъ.

●●

Для выпускаемаго Кружкомъ **«Казачьяго Альманаха»** въ декабрѣ с. г., уже поступилъ матеріалъ: отъ почетнаго члена Кружка, генерала П. Н. Краснова (спеціально для Альманаха написанная статья о казакахъ всѣхъ казачьихъ войскъ), отъ М. В. Волковой, Н. Н. Жаровой, Е. В. де Жерве-Номикосовой, И. М. Поляковой, ген. И. Г. Акулинина, И. В. Воинова, И. И. Данилова, Н. Н. Евсѣева, В. С. Крюкова, Б. А. Номикосова, ген. Д. И. Ознобишина, С. Ф. Сулина, А. Н. Туровѣрова и Н. Н. Туровѣрова. Ожидается матеріалъ и отъ другихъ лицъ.

Альманахъ предположено иллюстрировать воспроизведеніемъ рѣдкихъ гравюръ изъ собранія ген. Д. И. Ознобишина — «казаки въ изображеніяхъ иностранныхъ художниковъ», съ пояснительной статьей Н. Н. Туровѣрова.

Кружокъ проситъ всѣхъ поддержать это изданіе, предварительно подписываясь на Альманахъ, для чего установлена исключительно льготная подписная цѣна — 15 фр. франковъ за экземпляръ.

Подписка принимается въ конторѣ журнала «Станица».

Адресъ: P. Gousseff. 7, rue Jobbé-Duval. Paris 15e.

Хоръ Жарова

Изъ газетъ уже извѣстно объ автомобильной катастрофѣ, постигшей знаменитый донской хоръ С. А. Жарова: въ сентябрѣ, автокаръ съ участниками хора, направлявшійся изъ Кобленца въ Эмсъ (Германія), во избѣжаніе столкновенія съ мчавшимся навстрѣчу ему грузовымъ автомобилемъ, рѣзко свернулъ въ сторону и налетѣлъ на дерево. Въ результатѣ пострадали всѣ хористы, а нѣкоторые тяжело. Несчастье произошло ночью, совершенно внезапно, въ полной темнотѣ. Какъ и подобаетъ казакамъ, «Жаровцы» не растерялись и немедленно, пострадавшие начали вытаскивать изъ подъ обломковъ автокара тяжело раненыхъ. Немедленно былъ организованъ развозъ раненыхъ по госпиталямъ.

Въ настоящее время здоровье пострадавшихъ возстановлено и хоръ выѣхалъ въ Сѣв. Америку, куда онъ отправился въ концертное турнэ на нѣсколько мѣсяцевъ. За время существованія хора это уже 9-я поѣздка за океанъ. Этимъ лѣтомъ хоръ подготовилъ новый репертуаръ, въ томъ числѣ и патріотическую кантату, написанную проф. К. Н. Шведовымъ къ 950-лѣтнему юбилею со дня крещенія Руси.

Въ этомъ году исполнилось 15-лѣтіе существованія Жаровскаго хора. Головокружительнымъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ хора гордятся всѣ зарубежные казаки.

Парижская студенческая казачья станица шлетъ дорогимъ «Жаровцамъ» поздравленія и пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ.

Памяти полк. А. Д. Антонова

Съ запозданіемъ пришла печальная вѣсть: 23 іюня 1937 г., въ г. Херцегнови, въ Югославіи, скончался полк. Донского В. Алексѣй Діомидовичъ Антоновъ, казакъ Качалинской станицы.

Окончивъ 5 классовъ гимназіи, Варшавское Военное училище и, впослѣдствіи, Офицерскую Кавалерійскую школу въ Петербургѣ, покойный всю свою жизнь служилъ въ Донскихъ частяхъ: сначала въ 5 Донскомъ, потомъ въ 4 и 2 полкахъ; въ послѣднемъ — командиромъ Сотни, а съ 1909 г. — Помощникомъ Командира полка. Въ началѣ Великой войны А. Д. Антоновъ формируетъ на Дону 33-ій Дон. Каз. полкъ и, во главѣ его выступаетъ на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ, въ составѣ 5 Донской Каз. дивизіи, бьется подъ Перемышлемъ и затѣмъ принимаетъ участіе во всѣхъ бояхъ 5-ой дивизіи. Въ бояхъ при Ново-Място полк. Антоновъ доблестно командуетъ отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія.

Покойный имѣлъ много боевыхъ наградъ, включительно до Св. Владиміра 3 ст. съ мечами и бантомъ.

Выйдя при Врем. Правительствѣ въ отставку, по болѣзни, съ мундиромъ и пенсіей, полк. Антоновъ возвращается въ родную станицу. 9 мая 1918 г. онъ явился въ дѣйствовавшій противъ большевиковъ отрядъ сѣверныхъ станицъ 2 Дон. округа и былъ назначенъ Помощникомъ Начальника отряда. Въ іюнѣ 1918 г. мы видимъ полк. Антонова командующимъ отрядомъ его имени изъ казаковъ Нагавской, Верхне и Нижне-Курмоярскихъ станицъ, а затѣмъ — Командиромъ 2-ой Донской Сводной бригады.

Раненый въ бою при хуторѣ Маіорскомъ, полк. Антоновъ, по выздоровленіи, получаетъ назначеніе Предсѣдателемъ Военно-Полевого Суда при штабѣ Первой Донской Арміи, а съ августа 1919 г. — Главнымъ Комендантомъ 1-го Донского корпуса.

Въ началѣ марта 1920 года А. Д. Антоновъ былъ назначенъ Штабъ-Офицеромъ при Предсѣдателѣ Совѣта Министровъ Южно-Русскаго Правительства, съ которымъ и эвакуировался заграницу.

Прекрасный кадровый офицеръ, произведенный въ полковники еще въ 1914 году, чрезвычайно скромный и деликатный, такъ и ушедшій въ могилу въ чинѣ полковника, несмотря на всѣ заслуги и подвиги, на раны, контузіи и выслугу лѣтъ, — покойный не любилъ напоминать о себѣ.

Человѣкъ очень культурный и просвѣщенный, много работавшій надъ самообразованіемъ, всегда твердый въ исполненіи служебнаго долга, независимый, справедливый, — онъ былъ мягкимъ, въ высшей степени деликатнымъ и доброжелательнымъ ко всѣмъ окружающимъ, былъ человѣкомъ исключительно здоровымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Помню его моимъ начальникомъ, Командиромъ 2 сотни 2 Донского ген. Сысоева полка, въ бытность мою вольноопредѣляющимся 1 разряда. Любили его и уважали казаки — за его заботливость, за хорошую постановку сотеннаго хозяйства, за его справедливость. Казаки и лошади хорошо накормлены, заботливо устроены. Любили его и за то, что за долгое командованіе сотней ни разу не отдалъ онъ своего казака подъ судъ. Бывали провинности — и Командиръ наказывалъ самъ, и иногда даже очень чувствительно — но дальше дѣлу хода не давалъ.

Сотня тогда — въ 1907 г. — стояла въ пограничномъ съ Германіей, г. Владиславовѣ, «на усмиреніи» — была пора аграрныхъ безпорядковъ. Мѣстные интеллигенты мнѣ разсказывали, какъ боялось населеніе городка прихода казаковъ, раньше никогда тутъ не квартировавшихъ, какіе ужасы разсказывались въ ожиданіи прибытія «банды усмирителей-нагаечниковъ». А въ результатѣ, когда, послѣ долгаго пребыванія, сотня уходила въ г. Августовъ, гдѣ находился штабъ полка, все населеніе — главнымъ образомъ, поляки и евреи — провожали донцовъ съ искренней грустью.

Съ самаго начала покорилъ всѣхъ въ маленькомъ городкѣ Командиръ: не ожидали встрѣтить такого культурнаго, мягкаго человѣка, державшаго въ то же время въ такихъ твердыхъ рукахъ образцовую, дисциплинированную сотню и, по должности Начальника гарнизона, пѣхотную роту — и когда раньше ухода своей сотни, А. Д. Антоновъ уходилъ на льготу на Донъ — все населеніе городка объединилось въ устройствѣ ему необычайно теплыхъ проводовъ.

Помню, какъ мѣстные интеллигенты — поляки, главнымъ образомъ — еще до этого говорили мнѣ, вольноопредѣляющемуся, о томъ, что они раньше никогда не повѣрили бы, если бы имъ сказали, что они будутъ искренно жалѣть о предстоящемъ уходѣ казаковъ....

Помню А. Д. Антонова и на льготѣ, въ станицѣ, въ роли энергичнаго, заботливаго, хозяйственнаго выборнаго Станичнаго Атамана. Хорошо, умѣло управлялъ онъ станицей — и гор-

дились качалинцы своимъ Атаманомъ и долго потомъ вспоминали его атаманство.

А какой это былъ садоводъ! Основательно изучивши садоводство, онъ прекрасно устроилъ свой фруктовый и виноградный садъ въ станицѣ, отдавая ему все свое время въ періоды «льготы» — и мѣстные садоводы всегда находили у него цѣнный отвѣтъ на всѣ, возникавшие у нихъ, вопросы.

Н. М. Мельниковъ.

† ВАХМИСТРЪ К. Ф. ВАСИЛЕНКО.

3 сентября въ Парижѣ скоропостижно скончался вахмистръ Константинъ Филимоновичъ Василенко, казакъ ст. Петропавловской, Терскаго Войска, 63-хъ лѣтъ.

Покойный служилъ въ 1 Кизляро-Гребенскомъ полку, гдѣ за образцовое знаніе и исполненіе обязанностей службы былъ произведенъ въ вахмистры. Во время Великой и гражданской войны К. Ф. Василенко проявилъ себя исключительной храбростью и доблестью, служа живымъ примѣромъ казакамъ въ самые тяжелые моменты. Послѣ эвакуаціи Крыма покойный находился на Лемносѣ, откуда затѣмъ переѣхалъ въ Болгарію и, наконецъ, во Францію вмѣстѣ съ братомъ своимъ З. Ф. Василенко, съ которымъ всегда былъ очень близокъ. Въ частной жизни, на службѣ и въ общественной работѣ К. Ф. всегда отличался честностью, исключительной трудоспособностью и крѣпкой любовью къ Россіи и казачеству. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ всѣхъ, съ кѣмъ приходилось ему встрѣчаться.

Да будетъ тебѣ, дорогой Константинъ Филимоновичъ, легка чужая земля и да обрѣтетъ вѣчный миръ твоя изстрадавшаяся душа.

Казачья выставка на Дальнемъ Востокѣ

По инціативѣ Штаба Союза Казаковъ на Д. В. при Союзѣ организована Комиссія по устройству выставки въ Харбинѣ зарубежныхъ казачьихъ изданій съ цѣлью освѣтить жизнь и культурно-просвѣтительную работу казаковъ всѣхъ казачьихъ войскъ, разсѣянныхъ по Зарубежью.

Выставку предполагается устроить въ помѣщеніи «Казачьяго Дома».

Въ составъ Комиссіи входятъ казаки разныхъ войскъ, подъ предсѣдательствомъ Полковника Березовскаго Е. П.

Постоянными членами Комиссіи, по приглашенію Штаба Союза — Полковникъ Грызовъ (Сибирскаго каз. в.), Полковникъ Стариковъ (Оренбург. каз. в.), К. И. Лаврентьевъ (Енисейскаго каз. в.), Н. К. Карыповъ (Сибирскаго каз. в.). Кооптированы въ составъ Комиссіи: Ген. Токмаковъ (Забайк. кав. в.), Ген. Зуевъ (Оренб. каз. в.), Полковникъ Малыхъ (Иркутск. каз. в.), Есаулъ Кореневъ (Амурск. каз. в.), Сотникъ Витязевъ (Иркутск. каз. в.), И. М. Гамонъ (Амурск. каз. в.).

На выставкѣ будутъ отдѣлы: 1) Зарубежныя изданія, 2) Гражданская война, 3) Великая война, 4) Мирное время, 5) Разные.

Комиссія, приступивъ къ организаціонной работѣ по устройству этой выставки, обращается ко всѣмъ казакамъ съ просьбой оказать возможное содѣйствіе дѣлу устройства выставки присылкой экспонатовъ (книгъ, журналовъ, газетъ, документовъ, картъ, картинъ, фотографическихъ снимковъ и пр.), отражающихъ жизнь, бытъ и культурно-просвѣтительную работу казаковъ всѣхъ казачьихъ войскъ, въ періодъ жизни, какъ у себя въ станицахъ, на родной землѣ, такъ и особенно въ Зарубежьѣ.

Почтовые расходы по пересылкѣ экспонатовъ и отвѣтственность за сохранность находящихся на выставкѣ экспонатовъ беретъ на себя Штабъ Союза Казаковъ на Д. В.

Лица, желающія получить свои экспонаты обратно, — благоволятъ объ этомъ заявить при присылкѣ своихъ экспонатовъ, съ указаніемъ точнаго своего адреса.

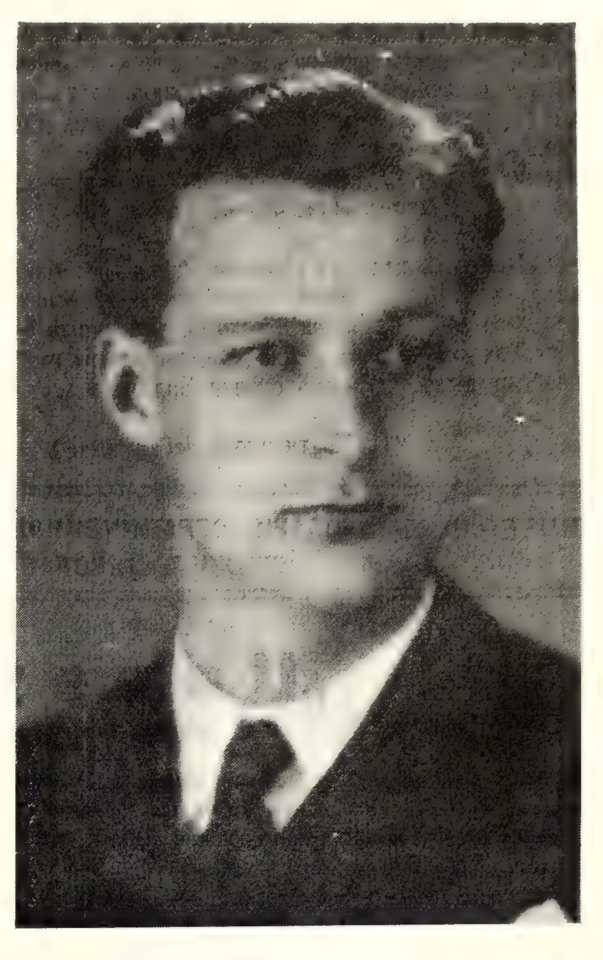
Экспонаты и всю корреспонденцію покорнѣйше просимъ направлять по адресу Комиссіи: Казачій Домъ, Китайская ул., д. № 8, кв. 4, гор. Харбинъ, Маньчжу-ди-Го.

Новый инженеръ-казакъ

Въ этомъ году блестяще сдалъ выпускные экзамены (3-имъ изъ студентовъ-иностранцевъ) въ Ecole Nationale Superieure des Mines, въ Парижѣ, членъ правленія Парижской студенческой казачьей станицы, Всеволодъ Николаевичъ Тараринъ, казакъ В. В. Донского, хутора Гукова, Новочеркасской станицы.

Молодой горный инженеръ (род. въ 1914 г.), для отбыванія воинской повинности, поступаетъ въ Артиллерійское военное училище, и, по окончаніи его, черезъ 6 мѣсяцевъ, въ чинѣ су-лейтенанта, будетъ служить полтора года во французской противоаэропланной артиллеріи.

Нашего дорогого станичника Парижская студенческая казачья станица сердечно поздравляетъ съ окончаніемъ школы и въ открывающейся передъ нимъ новой жизни, шлетъ пожеланія успѣха и счастья.

Горный инженеръ
Всеволодъ Николаевичъ Тараринъ.

Стихи Николая Туровѣрова

Въ январѣ 1939 года выйдетъ новая (третья) книга стиховъ Николая Туровѣрова.

Книга будетъ выпущена только по предварительной подпискѣ.

Стоимость книги 10 франковъ, номерованные экземпляры на слоновой бумагѣ 20 франковъ.

Заявленіе о подпискѣ вмѣстѣ съ ея стоимостью (почтовыми переводами, французскими почтовыми марками или въ любой валютѣ по курсу дня) принимаются:

P. Gousseff. 7, rue Jobbé-Duval. Paris 15.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ О ПЕРВЫХЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ СТИХОВЪ НИК. ТУРОВѢРОВА.

«У Туровѣрова могутъ найтись читатели и поклонники, — потому что въ стихахъ своихъ онъ дѣйствительно что то «выражаетъ», а не придумываетъ слова для выдуманныхъ мыслей и чувствъ, какъ столь многіе изъ нашихъ «молодыхъ». (Г. А. «Звено»).

«У поэта есть что сказать своего, онъ находитъ часто свои ритмы, свои образы, свои темы... Въ казачьихъ стихахъ Туровѣрова чувствуется укорененность въ родной почвѣ. У поэта зоркая память и умѣнье видѣнное четко и образно передать... Нѣкоторыя воспоминанія олицетворяютъ полностью заданіе поэзіи — быть «лучшими словами въ лучшемъ порядкѣ»...

(Глѣбъ Струве. «Россія»).

«Для Туровѣрова характерна мужественность, сдержанность въ выраженіи чувства, и стремленіе говорить о себѣ лишь въ связи съ окружающимъ міромъ... Вслѣдъ за Теофилемъ Готье, онъ могъ бы сказать, что принадлежитъ къ тѣмъ, «pour qui le monde visible éxiste». Его стихи полны точныхъ и мѣткихъ зрительныхъ опредѣленій. Онъ не устаетъ описывать свои родныя донскія степи... Стихи ясны и просты хорошей, неподдѣльной простотой... Замѣчателенъ его даръ «пластическій», его способность округлять, доканчивать отдѣлывать безъ манерности — однимъ словомъ, его чутье художника»...

(Г. Адамовичъ. «Послѣднія Новости»).

«Сборникъ стиховъ Николая Туровѣрова

оставляетъ у читателя впечатлѣніе необыкновенной свѣжести, строя и силы. Омывающая свѣжесть, крѣпость изображенія, почти тѣлесное ощущеніе вещей, — читатель почувствуетъ все это въ стихахъ Туровѣрова... Его степная донская душа въ своеобразной мощи сочетается съ яснымъ, пушкинскимъ чувствомъ вселенной»....

(Иванъ Лукашъ. «Возрожденіе»).

«Пахнуло чѣмъ то роднымъ, свѣжимъ, близкимъ, любимымъ. Какъ будто авторъ-кудесникъ перенесъ насъ на далекій золотой солнечный берегъ Тихаго Дона, въ старый Черкасскъ, въ глубь необозримыхъ, жаркихъ степей Задонья»....

(С. Позднышевъ. «Станица»).

«Стихъ Н. Туровѣрова звученъ, чеканенъ. Внѣшній образъ соотвѣтствуетъ въ немъ внутреннему и потому звуковое обрамленіе его рѣчи не заключаетъ въ себѣ ничего ненужнаго, никакого словеснаго лишняго багажа... Молоды порывы казачьяго поэта и свѣжа его поэзія»...

(Несвой. «Атаманскій Вѣстникъ»).

«Къ несомнѣннымъ достоинствамъ стиховъ надо отнести разлитую въ нихъ сердечную теплоту, искренность и нѣжную любовь къ донской степи... Чтобы имѣть представленіе о художественномъ вкусѣ поэта и его умѣніи образно выражать свою мысль, нужно прочесть полностью весь сборникъ....»

(Ив. Коваленко. «Вольное Казачество»).

„Цареубійцы"

НОВЫЙ РОМАНЪ П. Н. КРАСНОВА

При появленіи каждой новой книги П. Н. Краснова неизмѣнно возникаетъ все тотъ же вопросъ: почему въ Парижской эмигрантской печати, кромѣ «Русскаго Инвалида», нѣтъ о ней отзыва? Это тѣмъ болѣе удивительно, если принять во вниманіе, что имя весьма почтеннаго автора пользуется широкою популярностью въ кругахъ русской эмиграціи. Отчеты публичныхъ эмигрантскихъ библіотекъ наглядно это подтверждаютъ, ставя имя П. Н. Краснова на одно изъ первыхъ мѣстъ по читаемости. Книги его больше другихъ русскихъ авторовъ переводятся на иностранные языки и распространяются по свѣту, что свидѣтельствуетъ ихъ перечень, прилагаемый къ новому роману «Цареубійцы». Эти доводы неоспоримы для опредѣленія весьма значительнаго интереса русскихъ и иностранныхъ читателей къ его книгамъ и для ихъ достоинства. По количеству выпускаемыхъ книгъ имя автора несомнѣнно на первомъ мѣстѣ въ эмигрантской печати. Въ чемъ же секретъ умалчиванія литературныхъ критиковъ въ парижской печати? Врядъ ли можно объяснить эту странность политическимъ оттѣнкомъ книгъ П. Н. Краснова. Въ читательской массѣ создается невыгодное впечатлѣніе объ эмигрантскихъ литературныхъ критикахъ, пренебрегающихъ ея интересами.

То-же произошло и съ новымъ романомъ П. Н. Краснова — «Цареубійцы», интересъ читателей къ которому, можно быть увѣреннымъ, будетъ еще большій. Романъ чередуется описаніемъ двухъ сторонъ жизни конца царствованія императора Александра II: боевой доблести Освободительной войны и разрушительной работы революціонной подпольщины. Въ первой, авторъ мастеръ своего любимаго дѣла, гдѣ документальность ярко восполнена глубокимъ знаніемъ военнаго быта и чуткостью психолога. Боевой ликъ генерала Скобелева, переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай переживаются явностью живыхъ картинъ. Разрушительная работа революціонеровъ подпольщиковъ вызываетъ интересъ своимъ отраженіемъ на жизнь ихъ современниковъ изъ высшаго слоя русскаго общества. Героиня романа, Вѣра Ишимская, аристократка по происхожденію, помогающая подпольной работѣ революціонеровъ и скорбящая о томъ, представляетъ ту путаницу понятій, чувствъ и идей, которыя создавали тогда героизмъ «хожденія въ народъ» и слѣдовавшее разочарованіе. Эта путаница ея жизни доведена авторомъ до конца, заставляя читателя отгадать въ какой формѣ выразилось ея разочарованіе въ жизни — утопилась ли она, или заточилась въ монастырь?

Въ романѣ читатель найдетъ прекрасную, детально разработанную картину развода карауловъ въ царскомъ присутствіи въ трагическій день смерти Императора.

Романъ съ достоинствомъ пополнитъ Красновскую полку всякой библіотеки и украситъ ее своимъ внѣшнимъ видомъ, хорошо изданной книги.

В. К.

Къ участникамъ Екатеринославскаго похода

Двадцать лѣтъ тому назадъ поздней ноябрьской ночью изъ Екатеринослава выступилъ въ неизвѣстность отрядъ, который впослѣдствіи былъ названъ **Екатеринославскимъ отрядомъ Генерала Васильченко.**

540 верстъ, сдѣланныхъ съ частыми боями (причемъ всѣ раненые и больные были вывезены), приходъ въ Крымъ, гдѣ по переформированіи тотчасъ же выступили, гдѣ и пробыли до послѣдней эвакуаціи. Доблестная служба, какъ цѣлыхъ частей, вышедшихъ изъ Екатеринославскаго отряда, такъ и отдѣльныхъ лицъ, изъ коихъ многіе занимали успѣшно высокіе и отвѣтственные посты въ Русской Арміи, показываютъ высокій нравственный уровень отряда.

Генералъ **Врангель** счелъ нужнымъ отмѣтить это приказомъ № 3303 объ учрежденіи Знака Екатеринославскаго Похода.

Къ наступающему 20-лѣтію похода, Иниціативная Группа по составленію Сборника Екатеринославскаго Похода, обращается ко всѣмъ участникамъ похода, съ просьбой:

1) Сообщить всѣ свѣдѣнія о себѣ, а также о другихъ участникахъ похода, равнымъ образомъ, о всѣхъ убитыхъ и умершихъ, какъ во время похода, такъ и впослѣдствіи.

2) Прислать свои воспоминанія о походѣ, не стѣсняясь формой изложенія.

3) Если у кого нибудь сохранились матеріалы, приказы, документы, фотографіи, относящіеся къ походу, просьба дать для ознакомленія (по желанію владѣльцевъ все будетъ возвращено).

Инициативная Группа надѣется, что ея призывъ не останется безъ отвѣта и заранѣе приноситъ свою благодарность.

Инициативная Группа счастлива сообщить, что уже дали свое согласіе на участіе въ составленіи Сборника: Генералъ **Кислый,** первый Начальникъ Штаба отряда, Полковникъ **Краскописцевъ,** Полковникъ **Буличъ.**

Всю переписку просятъ направлять по адресу Предсѣдателя Инициативной Группы:

Monsieur Boris Woïnarsky. Stella Maris. Saint Jean de Luz. B. Pyr. France.

Инициативная Группа.

ХРОНИКА

СОШО

Н. Н. Туробѣровъ 27 августа въ Сошо, по приглашенію мѣстнаго Общества взаимопомощи казаковъ прочелъ докладъ: «Баклановъ и его эпоха», а также свои новые стихи.

Докладъ собралъ многочисленную аудиторію и сопровождался большимъ успѣхомъ.

ТРУА

Въ Донской станицѣ имени Генерала Богаевскаго въ Труа 7-го августа состоялись перевыборы станичнаго правленія.

Избраны: П. Закуріевъ (Атаманъ), М. Казинцевъ (помощникъ ст. Атамана), А. Мельниковъ (казначей), и М. Гавриловъ (писарь).

Въ ревизіонную комиссію: Полк. Тараринъ, подъесаулъ Каменьщиковъ и подъесаулъ Генераловъ.

ПЕТЯ ГРЕКОВЪ.
потомокъ рода Грекова и графини Платовой, о которыхъ въ № 26 «Станицы» писалъ Н. Н. Туровѣровъ. Нынѣ Петя Грековъ — самый молодой казакъ станицы Мор.-Остравской (Чехословакія).

Le Gérant: Ch. Quénet. Imprimerie de NAVARRE — 5, rue des Gobelins. Paris-13e.

№ 29 JANVIER 1939 № 29

Prix: frs. 3

СТАНИЦА

«Казакъ начала прошлаго вѣка».

Рисунокъ Карла Вернэ.

STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS

7, RUE JOBBÉ DUVAL · PARIS (15e)

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ
РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.
«STANITZA», 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 29 **ЯНВАРЬ 1939** **Годъ изданія 8-й**

Къ 15-лѣтію Парижской Студенческой Казачьей Станицы

Пять лѣтъ тому назадъ, на торжественномъ юбилеѣ десятилѣтія, Студенческая казачья станица дала точный отчетъ своей дѣятельности на страницахъ своего журнала «Станицы мы имѣемъ 18 студентовъ, періодическую помощь которымъ мы продолжаемъ оказывать. На прилагаемомъ снимкѣ вы увидите большинство изъ нихъ.

Группа студентовъ-казаковъ съ почетнымъ казакомъ станицы Аббатомъ К. А. Кенэ и станичнымъ атаманомъ П. В. Гусевымъ.
1-й рядъ (справа налѣво): Н. Минаева, Аббатъ Кенэ, П. Гусевъ, М. Папкова. 2-й рядъ: А. Чанчиновъ, Ю. Романовъ, С. Ереминъ, А. Басановъ, Б. Коноводовъ, П. Агаповъ, Н. Евсѣевъ, Н. Ливчакъ, Н. Тараринъ, Я. Ширягинъ. Парижъ, 3 декабря 1938 г.

ца», который непрерывно служитъ однимъ изъ средствъ связи заруб. казачества въ теченіи 8 лѣтъ. Внушительныя тогда цифры, — 74 казаковъ-студентовъ закончили высшее образованіе съ нашей помощью, на которую было израсходовано 142.580 фр. За истекшія пять лѣтъ эти цифры значительно возросли. На шестнадцатый годъ жизни Студенческой каз.

Преимущественно, это казачья молодежь, народившаяся въ эмиграціи, въ тѣхъ условіяхъ лишеній, которыя часто опредѣляютъ ее на денатурализацію. Къ нашей станицѣ ихъ влечетъ не только матеріальная нужда въ продолженіи высшаго образованія, но и врожденное чувство взаимной казачьей связи съ своей средой, гдѣ можно воспринять, пополнить то, че-

го лишаютъ суровыя условія жизни. Устраивая встрѣчи, вечеринки, мы видимъ съ какою жадностью тянутся къ намъ ихъ сердца и души въ познаніи себя казаками. Не рѣдки курьезы, когда конфузъ отъ плохого знанія родного языка усиливаетъ стремленіе не только къ его быстрому познанію, но и ко всему тому, что касается казачества. Такіе юноши чаще становятся стопроцентными казаками.

Усвоить въ свою среду эту молодежь, находящуюся на пути высшаго образованія, Студенческая станица считаетъ своимъ прямымъ долгомъ и прилагаетъ къ этому свою энергію и возможности. Задача благодатная для казачьей будущности, но весьма трудная для нашей небольшой казачьей организаціи. Какъ видите изъ цифръ сдѣлано уже не мало, но новый приливъ теперь казачьей молодежи вынуждаетъ насъ на новые большіе усилія, которые мы можемъ почерпнуть въ отзывчивости казачьей общественности. Отказать въ пріемѣ новыхъ членовъ казачьей молодежи по мотивамъ безнадежности въ помощи? Жестоко. Какъ было бы жестоко не дать студенту тѣ нѣсколько десятковъ франковъ, которые часто спасаютъ его пребываніе въ высшей школѣ. Одного сочувствія нашей работѣ, которымъ она пользуется въ широкихъ кругахъ казачьей общественности, не достаточно для удовлетворенія минимальныхъ нуждъ учащихся, въ большинствѣ живущихъ впроголодь. Непрестанное покровительство и помощь аббата Кенэ, усилія Кружка казаковъ-литераторовъ, Союза казаковъ-комбатантовъ, парижской казачьей общественности, мы приводимъ здѣсь какъ свидѣтельство близко стоящихъ къ намъ организацій, видящихъ нашу работу, ея цѣлесообразность и продуктивность для матеріальной помощи, при всей ихъ расположенности къ намъ, очень ограничены, а иногда, просто, невозможны за отсутствіемъ средствъ. Принципъ — съ міру по ниткѣ, — остается единственнымъ для нашихъ усилій, поэтому мы обращаемся съ нашей нуждой ко всей казачьей общественности заграницей.

Правленіе студ. каз. станицы рѣшило обратиться къ казакамъ съ просьбой къ ихъ отзывчивости и жертвенности на дѣло высшаго образованія казачьей молодежи

1) Единовременными взносами учреждается стипендія имени покойнаго Донского Ат. А. П. Богаевскаго. Для этого мы разсылаемъ подписные листы.

2) Ежемѣсячными взносами въ размѣрѣ возможностей отъ казачьихъ организацій учреждаются стипендіи имени этихъ организацій. Правленіе Студ. ст. предоставитъ такой организаціи нѣсколько кандидатовъ на выборъ, со свѣдѣніями о нихъ. Даже 50-франковый ежемѣсячный взносъ явится значительной суммой для таковаго стипендіата.

Въ журналѣ «Станица» мы дадимъ полный отчетъ о собранныхъ суммахъ. Считаемъ долгомъ упомянуть, что ни одинъ франкъ изъ этихъ суммъ не будетъ истраченъ ни на какіе организаціонные расходы и всѣ онѣ будутъ распредѣлены между учащимися съ указаніемъ получателей.

Правленіе станицы, обращаясь съ такой просьбой къ казакамъ, конечно, знаетъ о степени и ихъ нужды и лишеній. Но это рѣшеніе обратиться къ вамъ основано на увѣренности, что въ живучести казачьей семейственности глубоко сознаніе самосохранности, въ которой важность воспитанія и образованія молодого поколѣнія вызываетъ и у бѣдняка чувство жертвенности.

Правленіе.

Ирина ПОЛЯКОВА.

***

Помните, когда мы были дѣти,
Пѣсни тѣ, что намъ пѣвала мать?
Ихъ слова давно развѣялъ вѣтеръ
И теперь той правды не сыскать.

Но когда такъ холодно безъ ласки,
Давитъ жути леденящій гнетъ —
Прежними словами дѣтской сказки
Тихо сердце женское поетъ.

Николай ТУРОВѢРОВЪ.

Остаться съ тобой не хотѣлъ, —
Жалмерка — казачья утѣха,
Съ лицомъ побѣлѣвшимъ, какъ мѣлъ.
Пришло твое страшное время —
Бѣжала въ глубокомъ снѣгу,
Держась за холодное стремя,
Цѣлуя его на бѣгу.
Качнулась станичная площадь
Въ твоихъ потемнѣвшихъ глазахъ,
Рванулась знакомая лошадь,
Исчезла въ вечернихъ снѣгахъ.
Намокнетъ слезами подушка,
Постель холодна, холодна.
Игрушка, казачья игрушка, —
Жалмерка, — чужая жена.

П. Н. КРАСНОВЪ.

СТАНИЦА

Генералъ-отъ-кавалеріи П. Н. Красновъ.

— Трррѣ!.. Кубыть, ваше высокоблагородіе, заблукали маленько... Оно, конешно, на дурняка то ѣхать!.. Э-эхъ!.. — и вздохъ...

Тройка ладныхъ лошадей останавливается. Тишина... ночь... степь.. Звѣзды мелкимъ бисеромъ натыканы тонкой иглой по серебристо-темному пологу неба. Сребрегрудый съ легкой завѣской туманностей мѣсяцъ виситъ неподвижно и будто улыбается заблудившимся путникамъ. Терпко и пріятно пахнетъ полынью и землею. Нигдѣ — ни звука. Пристяжная переступила съ ноги на ногу и вздохнула, отфыркиваясь. Чуть бормотнули бубенцы на ожерелкѣ. Ямщикъ — казакъ спрыгнулъ съ козелъ и пошелъ искать дорогу.

Я одинъ въ коляскѣ въ глухой, родной степи.

Пробѣжала полевая мышь, или сусликъ, чуть слышно прошуршала въ сухой осенней травѣ. Кони настремили уши. Коренникъ сдержанно заржалъ, ему завторили короткимъ ржаніемъ пристяжки. Онѣ увидали возвращающагося ямщика.

— Тутъ онъ и шляхъ... Во-онъ кургашекъ то видать. Не прошиблись.

Въ серебристомъ сумракѣ — все ровно, какъ тихое уснувшее море. Ровный лиловато-голубой свѣтъ, повитый прозрачной дымкой лежитъ надъ землею.

Когда стали спускаться въ широкую балку — дружно забрехали совсѣмъ близко собаки. На сердцѣ стало спокойнѣе, отраднѣе — вотъ оно и жилье — отдыхъ... Ночлегъ...

Въ станицу въѣхали какъ то сбоку, не съ «параднаго» въѣзда широкимъ шляхомъ, но въ проулокъ. Несказанно красивыми казались спящія хаты съ задвинутыми ставнями, плетни, повитые ползучими растеніями, крапива подлѣ нихъ, широколистые лопухи и стройныя мальвы, высокія раины — все залитое ровнымъ бѣлымъ луннымъ свѣтомъ. Высокіе, съ громадными чашками цвѣтовъ подсолнухи словно зачарованные мѣсяцемъ глядѣли ясными золотыми звѣздами. Пахло душистыми травами, яблоками, табачнымъ цвѣтомъ; терпко и пряно пахло ладаннымъ духомъ горячихъ углей, соломеннымъ дымкомъ, скотинымъ базомъ и водою...

Мы ѣхали долго шагомъ проулками, отыскивая нужный мнѣ курень.

Не вѣрилось, что эта мелкорослая «кубастенькая», крѣпкая казачка, ладная, красивая, съ бѣлымъ лицомъ, съ небольшими, ясными карими глазами — мать красавца урядника 1-го взвода, рыжеусаго гиганта.

Она готова была всю ночь слушать про своего Гаврюшу...

— Ну, а ишшо, что скажете?...

И проговорили бы мы всю ночь, если бы не прикрикнулъ на нее мужъ, хмуро сидѣвшій подъ образами.

— Будя гутарить. Ить имъ, поди, спать охота, а ты со своими распросами. Ну, служить справно, ишшо чего тебѣ надо-ть?

Сквозь утренній сонъ слышу, какъ убралась хозяйка на базъ къ скотинѣ, задать сѣна лошадямъ, подкинуть зерна птицѣ. Ожилъ дворъ ревомъ и пискомъ. Въ сосѣдней горницѣ гулко шумитъ пламя въ печи, старуха возится тамъ съ рогачами.

Въ станицѣ не скажутъ, что они въ Россіи и Русскіе — они — казаки. Сколько прекрасной, величавой гордости въ этомъ словѣ!

— Вы въ Россіи служите. Я свое у Польшѣ отслужилъ... Такъ (и презрительно) — край... Все одно, что въ Россіи — мужики. Что паны, что не паны — одно — мужики. Рази они что понимаютъ?

Сосѣда — слобожанина-малоросса — по нынѣшнему — «украинца» — и вовсе за чело-

вѣка не почитають: — «хохолъ-мазница»...

Свое здѣсь всегда хорошо. Тутъ не услышишь чеховскихъ тоскующихъ «трехъ сестеръ» — «въ Москву!.. въ Москву»!.. При мнѣ барышня казачка въ Петербургѣ, вернувшись съ представленія Московскаго Художественнаго Театра, презрительно сказала:

— Ихрають.. Что-же?.. Плохого ничего не скажу. Прекрасно ихрають... Только у насъ въ Черкасскѣ ихра много выше этой.

Край великой и гордой свободы!.. Чудный, прекрасный край!..

Сколько?.. Считають пятьсотъ, а по настоящему много больше того лѣтъ стоитъ этотъ край со своими станицами, хуторами и вольной и привольной жизнью. Разоряли до тла его городки и станицы печенѣги и половцы, лютовалъ надъ ними татаринъ — сколько разъ пылали пожарными огнями Раздоры и Черкасскъ, Бѣлокалитвенская и Курмоярская станицы, оставались на ихъ мѣстѣ лишь остовы глиняныхъ домовъ и снова возставали бѣлыми куренями подъ крутыми соломенными или камышевыми крышами.

Въ степи, въ пустынѣ, — кажется, — какъ тутъ и жить человѣку? появились казаки, метали жеребій, «канались» на усадебные участки — и вотъ уже ставятъ просторные свѣтлые курени — сами и архитекторы, и плотники и кузнецы и художники — только стекла выписывали «изъ Россіи»; плетни опоясываютъ просторные базы съ конюшнями, сараями, загонами, закутами для скота и свиней, кладовушками и амбарами...

Лютъ, когда нужно, на работу казакъ. Отъ зари до зари, а то и лунную ночку прихватитъ казакъ и коситъ при «казачьемъ солнышкѣ» — ясномъ мѣсяцѣ свою дѣляну, пашетъ и волочитъ, сѣетъ и жнетъ, не зная устали, собирая свое богатство.

Въ станицѣ самое необыкновенное смѣшеніе самой крутой, ненавидящей другого собственности: — «горло перерѣжу, а своего не отдамъ дурно», — съ самымъ широкимъ общиннымъ владѣніемъ.

По веснѣ «растрясаютъ» общіе луга, дѣлятъ участки для сѣнокоса, періодически передѣляютъ пахотные участки. На общей толокѣ пасется станичная скотина, въ общемъ степномъ отводѣ станичный табунъ нагуливаетъ тѣла...

Крута и ярка, страшна и пылка любовь казака къ своей станицѣ. Нигдѣ не забудетъ онъ той землицы, гдѣ породила его мать.

Теперь нѣтъ больше станицъ... Стали на ихъ мѣсто кол-хозы... Казаковъ истребили въ Россіи, угнали невѣсть куда. На имъ мѣсто пришли иногородніе.

Нѣту больше станицъ...

Нѣтъ?..

Какъ станица журавлей съ востока на западъ, изъ привольныхъ Придонскихъ степей прилетѣла въ Парижъ станица казачьей молодежи.

Учиться...

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1924-мъ году, на голое мѣсто — хуже самой лютой пустыни опустился караванъ казаковъ-станичниковъ-студентовъ... Что до того, что въ этой пустынѣ прекрасныя зданія — чудеса архитектуры — Соборъ Парижской Богоматери, Дворецъ Инвалидовъ, Храмъ Святой Магдалины, Эйфелева башня, несказанная красота Булонскаго лѣса и Елисейскихъ полей, тріумфальная арка и Луврь — что до того, что днемъ и ночью кипитъ она жизнью, залита пестрыми огнями цвѣтныхъ вывѣсокъ и рекламъ — хуже она, лютѣе самой страшной пустыни...

Хоть и милая она — да чужая! Не своя, не родная, а чужеземная...

Одни станичники еще помнятъ родные курени, уютъ Донского очага... Другіе и вовсе родного войска не видали, родились въ чужой землѣ, въ изгнаніи. Но всѣ одинаково принесли съ собою обожаніе родного края, родной земли съ ея прекрасной и славной исторіей, съ ея пѣснями и плясками, съ ея очаровательнымъ дыханіемъ свободы... И не знали Родины — а какъ полюбили!.. Такъ полюбили, что увлекли въ свою семью, тѣсную, дружную, казачью семью и мѣстнаго жителя, славнаго, добраго, отзывчиваго человѣка — аббата К. Кенэ, и сталъ французскій аббатъ тоже казакомъ, почетнымъ членомъ Парижской Студенческой казачьей станицы. Онъ помогъ станичникамъ совѣтомъ въ чужомъ краю, помогъ и матерьяльно неимущимъ стать на ноги...

Не пришлось тутъ казакамъ станичникамъ, какъ ихъ дѣдамъ на цѣлинной степи ставить глинобитные курени, обводить ихъ плетнями, садить вишневые и яблочные садочки, создавать милый станичный уютъ.

Не пришлось... Земли не было...

Вмѣсто свѣтлой горницы съ широкой печью, съ лежанкой для дѣда, со свѣтлыми окошечками на полдень и на восходъ, съ глинянымъ, а то и съ тесовымъ поломъ — мансарда на шестомъ этажѣ, или номерочекъ третьеразряднаго отеля, или крошечная квартирка въ предмѣстьи, какомъ нибудь Бійянкурѣ или Медонѣ — и трудъ... Непрерывный трудъ ученья и работы. Ученья, чтобы трудиться —

работы, чтобы имѣть возможность учиться.

И люты на трудъ и работу оказались и тутъ казаки и казачки.

Создался въ Парижской студенческой станицѣ и свой органъ — «Станица». 29 тетрадокъ подъ редакціей неутомимаго Петра Викторовича Гусева вышли въ Парижской студенческой станицѣ и повѣдали всему казачьему міру, всему Русскому разсѣянію, что живы казаки, что живутъ они все тѣми же мечтами о Родинѣ, все тою же крѣпкою любовью къ роднымъ войскамъ.

И маленькій Аликъ — Станицы Казабланкской въ Марокко, въ Африкѣ, и малолѣтки Калединской станицы въ городѣ Крезо, знающіе свой казачій гимнъ, гордящіеся Россіей и Тихимъ Дономъ, поющіе казачьи пѣсни звонкими дѣтскими голосами, хотя и никогда не видали Дона, и малолѣтки Терцы Бѣлграда въ ловкихъ черкескахъ съ кинжалами и Петя Грековъ — потомокъ славнаго рода Грековыхъ и графини Платовой, самый юный казакъ станицы Мораво-Остравской въ Чехословакіи и солистка Парижской оперы танцовщица Таня Степанова — и многіе, многіе другіе изъ нашей смѣны, изъ нашего будущаго показали свои юныя, дѣтскія лица на страницахъ «Станицы» и сказали намъ, старымъ, уходящимъ, отслужившимъ свой казачій земной срокъ: — «не бойтесь. Крѣпкія отборныя сѣмена заготовлены для новой засадки родныхъ степей, для постройки куреней, для созиданія на мѣстѣ разоренныхъ новыхъ станицъ...

И вотъ уже при «Станицѣ» образовался «кружокъ казаковъ литераторовъ и поэтовъ», протянулъ свои крылья, какъ насѣдка, сзывающая циплятъ и собралъ казаковъ поэтовъ со всего свѣта: — изъ Литвы и изъ Манджу-дикао, изъ Чехословакіи и изъ Германіи, изъ Югославіи — отовсюду...

Дала тонъ, зазвучала глубоко казачья лира лучшаго поэта Донца Н. Н. Туровѣрова:

«... Опять все то же сновидѣнье,
Давнымъ давно знакомый сонъ, —
Волнующее возвращенье
На незнакомый почти Донъ»...*).

Ему завторила Сибирская казачка Марія Волкова: —

... «Смотри, смотри, какъ степь порозовѣла...
Вѣдь ничего прекраснѣй въ мірѣ нѣтъ»...**).

И дружный зазвучалъ казачій хоръ поэтовъ. Все о томъ-же, о покинутой, дорогой Родинѣ:

...«Въ тоскливомъ безсоньи я вспоминаю
Юность и радость въ далекой странѣ.
Степи и займища кажутся раемъ,
Въ нихъ я скакалъ на веселомъ конѣ»...***).

15 лѣтъ Парижской казачьей Студенческой станицы, руководимой П. В. Гусевымъ, 29 красивыхъ тетрадокъ «Станицы», — толстый томъ казачьяго прошлаго, казачьей славы, казачьей жизни заграницей, глубокой страстной вѣры въ будущее и нѣжной, трогательной любви къ великому прошлому Родины-Россіи.

Не залогъ-ли въ этомъ молодомъ движеніи казачьихъ силъ, того, что не погибли казачьи войска — но встанутъ краше прежняго, омытые кровью сраженій, испытавшіе горечь изгнанія, сладость молитвы о Родинѣ, сохранившіе величіе прошлаго, поэтическую прелесть стараго устоявшагося быта не внесетъ ли оно въ новую жизнь на Родинѣ такую зарядку несокрушимой любви къ Отечеству и гордости своимъ казачьимъ именемъ, что сломитъ она сопротивленіе враговъ и наново создастъ великія, старыя казачьи войска — всѣ одиннадцать — съ вольными казаками, съ Атаманами-молодцами — надежный оплотъ великой Россійской Имперіи?!.

---

*) Николай Туровѣровъ. «Сонъ», «Станица», № 25.

**) Марія Волкова. «Станица» № 26.

***) Н. Евсѣевъ. «Станица» № 26.

И. Г. АКУЛИНИНЪ.

ЛЕТУЧАЯ ПОЧТА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Наскоро закусивъ въ буфетѣ мы вошли въ билліардную комнату. Часы показывали безъ четверти восемь. Начальникъ учебной команды, подъесаулъ Фаддеевъ, разложивъ на столѣ карту окрестностей Петербурга, сталъ отмѣчать цвѣтнымъ карандашомъ линію постовъ летучей почты. Согласно расписанія, предстоялъ выѣздъ въ поле для практическихъ занятій службой связи.

— Идею летучей почты казаки заимствовали у татаръ, — сказалъ Фадеевъ, продолжая начатый разговоръ.

— Родоначальниками летучей почты были монголы, — поправилъ я, — изъ ставки Чингизъ-хана, которая находилась въ Монголіи, во всѣ стороны тянулись почтовыя линіи: въ Китай, въ Индію, въ Туркестанъ и дальше — въ предѣлы Персіи и на Кавказъ, вплоть до южно-русскихъ степей.

— Служба связи у монгольскихъ полководцевъ, дѣйствительно, была поставлена образцово, — согласился Фадеевъ. — Если не ошибаюсь, разстояніе отъ Монголіи до Крымскаго полуострова покрывалось въ сорокъ дней. Быстрота по тѣмъ временамъ поразительная.

— Зачѣмъ такъ далеко ходить за примѣрами? — вмѣшался въ разговоръ хорунжій Канцевичъ, вооружаясь билліарднымъ кіемъ. — Возьмемъ эпоху атамана Платова. Когда союзныя арміи занимали Францію, вѣсти изъ Парижа на Донъ приходили скорѣе, чѣмъ въ Петербургъ. Царскіе курьеры не поспѣвали за Платовскими гонцами.

Положивъ шаръ отъ двухъ бортовъ въ лѣвый уголъ, Канцевичъ продолжалъ:

— У Платова черезъ всю Западную Европу и Южную Россію была проложена собственная почтовая линія, и, что замѣчательно, никто изъ высшаго начальства не зналъ, въ какихъ пунктахъ стояли Платовскіе посты.

— Только теперь все это ни къ чему, — закончилъ молодой хорунжій, натирая мѣломъ конецъ кія.

— То-есть, какъ ни къ чему? — удивился Фадеевъ, приподнимаясь отъ карты.

— Да такъ, — убѣжденно сказалъ Канцевичъ, загоняя шаръ въ лузу. — Смѣшно въ вѣкъ телеграфа и телефона заниматься летучей почтой; только лошадей понапрасну гоняемъ и казакамъ головы морочимъ.

— Ну, не скажи, — возразилъ начальникъ учебной команды. — Конечно, техническія средства въ военномъ дѣлѣ теперь играютъ большую роль, но на одну технику полагаться нельзя: какъ разъ въ нужный моментъ и въ самомъ важномъ мѣстѣ техника можетъ дать осѣчку — порвется телеграфный кабель, испортится аппаратъ — вотъ тутъ и пригодятся посты летучей почты.

— Технику надо дублировать живой связью, — добавилъ я.

— Въ боевой обстановкѣ, все равно, не придется пользоваться летучей почтой, — стоялъ на своемъ Канцевичъ.

— Ты не былъ на войнѣ, потому такъ и говоришь, — укололъ я пріятеля. — А вотъ мы съ Григоріемъ Михайловичемъ пробыли два года въ Маньчжуріи и знаемъ, что тамъ летучая почта примѣнялась очень широко, не смотря на наличіе телеграфа и телефоновъ.

— Это не доказательство, — спокойно продолжалъ Канцевичъ, ставя кій въ пирамиду, — русско-японская война происходила въ особыхъ условіяхъ, какъ, напримѣръ, и Туркестанскіе походы. Тамъ была обстановка колоніальныхъ войнъ. Но при вооруженномъ столкновеніи на Западѣ, гдѣ все прорѣзано желѣзными дорогами и опутано проволокой, смѣшно говорить о летучей почтѣ. Что было хорошо при Чингизъ-ханѣ, и даже при Наполеонѣ, то не годится въ двадцатомъ вѣкѣ...

— Господа, пора выѣзжать, — прервалъ Фаддеевъ, вынимая часы. — Чтобы выиграть время, начнемъ разстановку постовъ сразу по двумъ направленіямъ: въ сторону Царской Славянки и къ Федоровскому Посаду; около Ижоры произведемъ смычку.

— Я прошу назначить меня къ Царской Славянкѣ, — обратился Канцевичъ къ начальнику учебной команды, — если, конечно, Центуріонъ ничего не имѣетъ противъ.

— Мнѣ все равно, — равнодушно заявилъ я, — пусть Бамбукъ ѣдетъ къ Царской Славянкѣ.

Надо замѣтить: послѣ производства въ сотники, меня однополчане стали называть въ шутку Центуріономъ, изъ-за моей слабости къ латинскому языку, а Канцевичъ имѣлъ прозвище Бамбукъ. Онъ любилъ играть въ карты, часто проигрывалъ, вслѣдствіе чего, по его собственному выраженію, попадалъ въ «бамбуковое положеніе».

— Хорошо, такъ и быть, поѣзжай къ Царской

Славянкѣ, — согласился Фаддеевъ, — тогда мнѣ придется ѣхать къ Федоровскому Посаду.

— А мнѣ куда прикажешь? — удивился я.

— Ты возьмешь пять человѣкъ и укроешься съ ними вотъ въ этомъ лѣску, — Фаддеевъ показалъ на картѣ. Отсюда будешь производить нечаянныя нападенія на ближайшіе посты и перехватывать посланныхъ съ донесеніями и приказаніями.

— Слушаюсь!..

Поправляя на ходу походное снаряженіе, мы вышли изъ офицерскаго собранія на полковой плацъ.

Было чудесное іюльское утро. Новыя казармы Лейбъ-Гвардіи Сводно-Казачьяго полка, построенныя на окраинѣ Павловска, ярко горѣли на солнцѣ. Въ воздухѣ стояла тишина. Лишь со стороны полковой кузницы раздавались отчетливые удары молота по наковальнѣ. Изрѣдка проходили казаки, направляясь къ конюшнямъ или въ городъ.

Посрединѣ плаца выстраивалась учебная команда. Лихо заломленныя на казачьихъ головахъ фуражки-безкозырки, съ малиновыми, голубыми, оранжевыми и алыми тульями, при блескѣ солнечныхъ лучей, красиво отливали всѣми цвѣтами радуги. При видѣ г. г. офицеровъ, вахмистръ скомандовалъ:

— Смирно!..

На привѣтствіе начальника учебной команды казаки отвѣтили дружно:

— Здравія желаемъ, Ваше Высокоблагородіе!

Подъесаулъ Фадеевъ въ краткихъ словахъ напомнилъ все, что проходилось зимой на словесныхъ занятіяхъ по службѣ летучей почты.

Въ колоннѣ «справа по три» команда тронулась въ поле. Впереди находились — начальникъ учебной команды съ двумя помощниками. Казаки ѣхали «вольно»; нѣкоторые вели въ полголоса разговоры съ сосѣдними «номерами» на разныя житейскія темы. Г. г. офицеры обмѣнивались впечатлѣніями отъ недавняго посѣщенія полка одной Высочайшей Особой.

На окраинѣ парка команда остановилась. Здѣсь у перекрестка дорогъ былъ поставленъ постъ № 1-й. По заранѣе сдѣланному расчету старшимъ на посту вахмистръ назначилъ уральца Загребина, — широкоплечаго смуглаго брюнета съ окладистой, «старовѣрской», бородой, — который, со свойственной всѣмъ уральцамъ степенностью и обстоятельностью, разъяснилъ казакамъ обязанности на посту, показавъ на картѣ и на мѣстности расположеніе сосѣднихъ постовъ, а также и штаба полка, куда должны были направляться донесенія. Штабомъ полка условно считалось помѣщеніе команды, гдѣ былъ оставленъ дежурный писарь для регистраціи пакетовъ.

Дальше команда раздѣлилась: на западъ, въ сторону Царской Славянки, съ одной группой поѣхалъ хорунжій Канцевичъ, а къ Федоровскому посаду съ другой партіей — самъ начальникъ учебной команды.

Я, съ назначенными въ мое распоряженіе пятью казаками, задержался на полчаса у отдѣльнаго двора, одиноко стоявшаго среди болотистаго, кочковатаго, поля, — надо было выждать, когда первые посты займутъ свои мѣста. Отсюда мы перебрались въ небольшой лѣсокъ, вѣрнѣе рощу, недалеко отъ слободы Антропшиной. На опушкѣ лѣса казаки спѣшились и укрылись за деревьями: о нашемъ мѣстонахожденіи на постахъ не должны были знать. Къ погонамъ прикрѣпили зеленыя вѣтки въ знакъ того, что мы изображаемъ непріятеля. Остроглазый сибирецъ Масловъ взгромоздился на дерево, чтобы лучше слѣдить за дорогами и окружающей мѣстностью.

Несмотря на ранній часъ, солнце начинало припекать. День обѣщалъ быть жаркимъ, но въ лѣсу стояла прохлада. Кони съ отпущенными подпругами принялись щипать зеленую поросль, а казаки, посматривая на густолиственныя вѣтви деревьевъ, повели разговоръ на хозяйственныя темы: сколько, напримѣръ, можно напилить досокъ или бревенъ изъ того кряжистаго дуба, который возвышался посреди небольшой полянки. Забайкалецъ Мунгаловъ пустился разсказывать о дѣвственныхъ лѣсахъ Сибирской тайги и своего родного Забайкалья.

— Ваше Высокоблагородіе, казакъ съ донесеніемъ, — доложилъ Масловъ, спрыгивая съ дерева, и показалъ рукою на востокъ.

Дѣйствительно, со стороны Бумажной фабрики показался всадникъ. Онъ ѣхалъ ходкой размашистой рысью.

— Должно быть, Спиглазовъ, — замѣтилъ кто то изъ казаковъ.

— Такъ и есть, — онъ.

— Почему ты рѣшилъ, что это Спиглазовъ?

— Тутъ и рѣшать нечего; по коню видно, съ бѣлой отмѣтиной во лбу.

Я хорошо зналъ, по опыту Русско-Японской войны, что зоркій казачій глазъ видитъ не хуже любого бинокля.

Сухой мускулистый Мунгаловъ и круглолицый уссуріецъ Шпряевъ вызвались охотниками перехватить посланнаго съ донесеніемъ. Подтянувъ подпруги и поправивъ аммуницію, они вскочили на коней и осторожно выѣхали изъ лѣса. Какъ природные конники, съ дѣтскихъ лѣтъ привыкшіе сидѣть на лошади, оба всадника, умѣло лавировали между кустами и искусно прикрывались складками мѣстности — чтобы незамѣтно пробраться къ

деревянному строенію, стоявшему недалеко отъ дороги: тамъ они рѣшили устроить засаду.

Ѣхавшій по дорогѣ казакъ, — а это, дѣйствительно, оказался амурецъ Спиглазовъ, — ничего не подозрѣвая, перевелъ коня въ шагъ и, беззаботно поглядывая по сторонамъ, затянулъ заунывную пѣсню, которую пѣлъ съ малолѣтства у себя на Амурѣ, въ родномъ Игнашинѣ.

Не успѣлъ онъ поравняться съ постройкой, какъ два всадника съ гикомъ бросились на него. Оторопѣвшій Спиглазовъ круто повернулъ въ сторону, и хотѣлъ пуститься на-утекъ, но было поздно. Послѣ короткой схватки оба повода отъ уздечки были въ рукахъ Мунгалова и Ширяева.

Черезъ нѣсколько минутъ три всадника подъѣхали къ лѣсу.

— Имѣемъ честь представить плѣннаго, — радостно отрапортовалъ Мунгаловъ, крѣпко держа за поводъ коня Спиглазова.

— Эхъ, паря, прозѣвалъ — упрекнулъ незадачливаго гонца его станичникъ Батуринъ, — только войско конфузишь.

Смущенный и раскраснѣвшійся Спиглазовъ виновато улыбался.

— А гдѣ пакетъ съ донесеніемъ, — спросилъ я.

— При обыскѣ не оказалось, — доложилъ Ширяевъ.

Памятуя слова устава, Спиглазовъ успѣлъ уничтожить донесеніе: онъ проглотилъ его.

Я пожурилъ Спиглазова за безпечность и похвалилъ за находчивость: тайна военнаго документа была сохранена...

Сидѣвшій на деревѣ наблюдатель увидѣлъ новаго всадника, который на этотъ разъ ѣхалъ изъ слободы Антропшиной.

Казаки сразу узнали, что ѣдетъ оренбурецъ Карповъ; онъ велъ своего гнѣдого коня четкой увѣренной рысью по направленію къ Ижорѣ. Я отрядилъ въ погоню за нимъ семирѣченца Самсонова и уральца Махорина. Но едва тѣ отдѣлились отъ лѣса, какъ Карповъ прибавилъ ходу и сталъ уклоняться въ сторону. Самсоновъ съ Махоринымъ, пустивъ коней широкимъ наметомъ, пошли на перерѣзъ и стали постепенно настигать его. Казаки изъ лѣса съ большимъ интересомъ наблюдали красивую картину трехъ скачущихъ всадниковъ.

Иногда казалось, что посланный съ донесеніемъ черезъ двѣ-три минуты окажется въ рукахъ своихъ противниковъ, но это было только обманомъ зрѣнія. Искусно маневрируя и мѣняя аллюръ, онъ всякій разъ ускользалъ отъ погони. Оренбурецъ Карповъ не даромъ считался въ полку лучшимъ джигитомъ!.. Сидѣлъ на хорошемъ, совкомъ, конѣ улучшенной киргизской породы, и поймать его было нелегко, даже такимъ примѣрнымъ наѣздникамъ, какъ Самсоновъ и Махоринъ.

Временами всѣ три всадника, пригнувшись къ лукѣ, скакали рядомъ. Улучивъ моментъ, Карповъ рѣзко сдерживалъ коня, а потомъ шенкелями посылалъ его вправо или влѣво. Не ожидая такого пассажа, Самсоновъ съ Махоринымъ пролетали мимо. И имъ приходилось на всемъ скаку описывать нѣсколько вольтовъ, чтобы остановить разгоряченныхъ коней и брать новое направленіе. А въ это время Карповъ шелъ ровнымъ аллюромъ далеко впереди. Надо было вновь пускаться въ погоню.

Въ концѣ концовъ, скачущіе всадники исчезли за косогоромъ — тамъ, гдѣ долженъ былъ находиться постъ № 4-й. Оттуда вскорѣ послышалась ружейная трескотня.

— Скачутъ обратно! — крикнулъ съ дерева наблюдатель.

Черезъ четверть часа Самсоновъ съ Махоринымъ на взмыленныхъ коняхъ, подъѣзжали къ лѣсу. Изловить посланнаго съ донесеніемъ имъ такъ и не удалось. При приближеніи къ посту они были встрѣчены ружейнымъ огнемъ — и тогда пришлось уходить во-свояси.

Назначивъ за старшаго забайкальца Мунгалова, я приказалъ всей партіи незамѣтно перебраться на другой берегъ Ижоры и оттуда произвести нечаянное нападеніе на постъ у Бумажной фабрики. Тамъ мѣстность благопріятствовала скрытому приближенію. Самъ съ вѣстовымъ поѣхалъ въ сторону слободы Антропшиной, чтобы провѣрить службу на двухъ-трехъ постахъ и, кстати, встрѣтить Канцевича, котораго я расчитывалъ найти въ этихъ мѣстахъ.

На южной окраинѣ слободы я замѣтилъ трехъ казаковъ: они стояли у забора и балагурили съ бабами, работавшими въ огородѣ. Время отъ времени раздавался громкій женскій хохотъ. Кто-нибудь изъ казаковъ отпускалъ острое словечко и бабы покатывались со смѣху.

Увидѣвъ меня, казаки смутились. Но начальникъ поста, высокій красивый брюнетъ съ орлинымъ носомъ — это былъ оренбурецъ Хомутовъ — быстро оправился и, приложивъ руку къ голубой фуражкѣ, громко отрапортовалъ, что на посту № 3-й все обстоитъ благополучно.

Бабы тихонько хихикнули и, искоса поглядывая на меня и на казаковъ, принялись за работу.

— Гдѣ остальные люди? — спросилъ я, дѣлая строгій видъ.

— Въ слободу отлучились, — спокойно отвѣтилъ Хомутовъ. — Я распорядился сдѣлать кроки мѣстности.

— Это для чего? — полюбопытствовалъ я.

— Для практики и чтобы нанести на планъ дороги къ посту.

Мнѣ оставалось только одобрить распоряженіе Хомутова. Я тронулъ коня и шагомъ поѣхалъ вдоль улицы.

Слобода Антропшина тянулась по берегу оврага и со всѣхъ сторонъ была окружена огородами. Ея деревянныя постройки имѣли неказистый видъ; лишь изрѣдка попадались небольшія дачки съ веселыми мезонинчиками. На улицѣ и въ окнахъ почти никого не было видно, кромѣ одинокихъ старухъ и маленькихъ дѣтей. Время было страдное: мужчины ушли на заработки въ столицу или работали въ полѣ, а женщины возились на огородахъ, гдѣ воздѣлывались разныя овощи и ягодныя растенія — земляника, клубника, смородина, вишня, малина. Все это находило хорошій сбытъ въ Питерѣ и ближайшихъ пригородахъ: въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ.

Съ улицы было видно, какъ бабы и дѣвки, съ высоко подоткнутыми подолами ходили вдоль грядъ: окапывали ягодные кусты, пололи сорныя травы, подрѣзывали деревья. Мальчишки и дѣвчонки таскали изъ оврага и колодцевъ воду для поливки. Иногда слышались визгливые писки на мотивъ городскихъ частушекъ.

Въ одной боковой улочкѣ, на пустырѣ, изъза зелени деревьевъ мелькнули три цвѣтныя фуражки: алая, голубая и оранжевая.

— Навѣрное, производятъ съемку, — подумалъ я о казакахъ, посланныхъ Хомутовымъ.

Двое изъ нихъ съ планшетами въ рукахъ сидѣли на бревнахъ и чѣмъ-то потѣшали двухъ дѣвицъ, стоявшихъ у крылечка. Это были — сибирецъ Свѣтличный и оренбурецъ Синицкій. Третій казакъ, астраханецъ Второвъ, со взбитой на затылокъ фуражкой, стоялъ поодаль и наводилъ на дѣвицъ бинокль.

— Стой, не шевелись! — командовалъ онъ, — сейчасъ снимать буду.

Тѣ пробовали принять серьезный видъ, но не выдерживали, и, толкая другъ друга въ бока, громко начинали смѣяться.

— Ты верти бинокъ, какъ слѣдуетъ, — совѣтовалъ Свѣтличный, — а то косоглазыми выйдутъ.

— Ну васъ къ лѣшему, — махнула рукой одна изъ дѣвицъ и потянула подругу за рукавъ, чтобы уходить.

— То-же фотографъ нашелся! Развѣ такъ снимаютъ?

— Подождите, — остановилъ дѣвицъ Синицкій, — онъ сейчасъ васъ припечатаетъ, а завтра патреты на память получите.

Дѣвушки стояли въ нерѣшительности. Второвъ усердно крутилъ бинокль.

— Ну что готово? — спросилъ Свѣтличный, спрыгивая съ бревенъ.

— Все въ аккуратѣ, только вверхъ ногами вышли. — И Второвъ плутовато подмигнулъ своимъ товарищамъ.

Дѣвицы хотѣли обидѣться, но потомъ вмѣстѣ съ казаками принялись хохотать.

Чтобы не ставить казаковъ въ неловкое положеніе передъ дамами, я рѣшилъ проѣхать мимо, какъ-будто не замѣтивъ никого. Результаты съемки можно было провѣрить потомъ въ казармахъ. Но мой вѣстовой Черепановъ, какъ-бы невзначай, кашлянулъ.

— Офицеръ ѣдетъ, — сказала одна изъ дѣвицъ.

Казаки оглянулись и вытянулись.

— Куда ведетъ эта дорога? — обратился Второвъ къ дѣвушкамъ съ самымъ невиннымъ видомъ.

— Къ кривому пастуху на пчельникъ, — бойко отвѣтила румяная блондинка, насмѣшливо глядя на казаковъ.

Я нажалъ шенкеля и рысью свернулъ на дорогу по направленію къ оврагу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. ВОРОТЫНСКІЙ.

БАЛЪ

РАЗСКАЗЪ.

Неразрѣшенная сходка протекала бурно.

Бурыкинъ, всегда стоявшій далеко отъ политики, даже точно и не зналъ, почему такъ бушуетъ студенческая толпа.

Профессоръ Новгородцевъ назначилъ на сегодняшній день очередную лекцію по философіи права, и Бурыкинъ жалѣлъ, что она была сорвана двумя десятками студентовъ, вожаками которыхъ былъ красивый весельчакъ Комаровъ, безподобный разсказчикъ анекдотовъ. Всегда вылощенный, въ воротничкѣ, на сходку онъ явился въ старой, съ помятыми наплечниками, тужуркѣ и въ красной чужой рубахѣ.

Бурыкину до слезъ было смѣшно глядѣть на ряженаго Комарова и онъ, сдерживая раскатистый смѣхъ, крикнулъ:

— Николай!.. Кончай скорѣй бунтъ, а то вѣдь надо одѣваться на балъ.

— Къ чорту съ твоимъ баломъ! Видишь трагическій моментъ...

И Комаровъ, опустившій было кулаки, снова воинственно протянулъ ихъ въ гудящую толпу.

— Товар-ри-щи-и-и! — надрывно кричалъ высокій бородатый Зеленовъ, но голосъ его потонулъ въ нервномъ гулѣ студенческихъ голосовъ. — Товар-ри-щи-и-и!.. Профессоръ Булгаковъ читаетъ въ аудиторіи Марка...

Но Зеленова не слушали.

Напротивъ профессорской кафедры завязалась рукопашная и блѣдный Новгородцевъ, подъ охраной противниковъ сходки, покинулъ аудиторію.

Когда разъяренная толпа хлынула къ аудиторіи Марка, то профессоръ Булгаковъ, застѣнчиво улыбающійся, стоялъ на кафедрѣ съ пышнымъ букетомъ изъ бѣлыхъ хризантемъ и неумѣло раскланивался передъ переполненной красной, амфитеатромъ аудиторіей. Его чествовали по случаю защиты блестящей диссертаціи «Философія хозяйства» и оберегали отъ срыва лекціи.

— Господа! Сегодня у меня большой день... Я не ожидалъ такой сердечной встрѣчи... Сегодня вы превратили меня въ балерину... Я не могу читать лекціи, я такъ растроганъ, — картавилъ любимый профессоръ, а студенты и курсистки громовыми апплодисментами провожали Булгакова. Пробѣжалъ красный, съ черной бородкой, придерживая на большомъ носу пенснэ, правитель дѣлъ канцеляріи Ботаровскій, а спустя двѣ-три минуты студенты закричали:

— Това-арищи-и!.. Ка-за-ки-и съ ногайками...

Поднялась суматоха. Студенты бросились въ раздѣвальную. Швейцары безпомощно стояли у вѣшалокъ и не знали кому подавать.

— Това-а-рищи-и-и!.. не расходись... не допустимъ насилія, не допустимъ царскаго гнета! — надрывался кто-то въ толпѣ, но всѣ ринулись къ выходу.

Бурыкина толпа вынесла на улицу и онъ вперебѣжку нырнулъ въ темный переулокъ, подумавъ: «надо, чтобы родная плеть погуляла и по твоей спинѣ, не лѣзь, куда не надо... могъ бы и балъ пропасть».

Донской балъ въ Москвѣ для казаковъ былъ праздникомъ. О немъ говорили, къ нему готовились, это былъ смотръ казачьей интеллигенціи въ Первопрестольной.

За Бурыкинымъ зашелъ, усмирѣвшій послѣ сходки Комаровъ, по пути захватили Зеленова.

Когда вошли въ залитый огнями парадный подъѣздъ Россійскаго Благороднаго собранія, ихъ окликнулъ Попковъ, въ растегнутой студенческой шинели, изъ подъ которой рисовался нарядный сюртукъ.

— Иванъ Михеичъ... станичникъ... ты уже того-съ? спросилъ бородатый Зеленовъ.

— Тридневенъ есмь и ужъ смержу... Трое сутокъ гуляли, — отвѣтилъ Попковъ и стремительно бросился къ швейцару, съ огромной бѣлой бородой, въ расшитомъ золотомъ ярко-красномъ убранствѣ, лѣниво шагавшему съ сіяющимъ посохомъ въ правой рукѣ, у входа на парадную лѣстницу.

— У-у-у, старина, въ какія лепоты ты облексяі!.. У насъ на Дону самъ Наказный атаманъ такъ не одѣвается...

И троекратно облобызалъ растерявшагося, но довольнаго старика. Въ Колонный залъ вошли вчетверомъ. Концертъ кончался. Старый артистъ Власовъ, бывшій баловень толпы, трескуче пѣлъ романсъ: «Христосъ Воскресъ».

— Воистину Воскресъ! — громко, подъ сдержанный смѣхъ зала, крикнулъ Попковъ.

Бурыкинъ незамѣтно скрылся. Онъ искалъ

гимназистку Ирочку, съ которой недавно познакомился въ Страстномъ монастырѣ у всенощной.

Она стояла посреди храма высокая, вдохновенная и грѣховно голубыми глазами посмотрѣла нѣсколько разъ въ сторону румянаго Бурыкина. Послѣ миропомазанія, когда монашки, какъ ангелы, запѣли Великое славословіе и Ирочка опустилась на колѣни, онъ сталъ рядомъ и любовался ея широкимъ вздернутымъ носомъ и чернымъ пушкомъ подъ нимъ. Вставая, пошатнулась, Бурыкинъ помогъ подняться. Вышли вмѣстѣ. Вечеръ былъ морозный, небо въ яркихъ звѣздахъ. «Вы, какъ эти звѣзды, прекрасны», сказалъ Бурыкинъ и поцѣловалъ руку въ сѣрой душистой перчаткѣ. На Остоженкѣ остановились у особняка. «Вотъ и нашъ домъ».

На балъ она пріѣхала съ матерью. Также, какъ въ Страстномъ, она смотрѣла въ сторону Бурыкина и взоры ихъ встрѣтились.

Послѣ концерта Ирочка познакомила Бурыкина съ матерью, а Бурыкинъ представилъ своихъ друзей.

Въ Колонномъ залѣ, въ ожиданіи бала, мелькали студенческіе мундиры, сюртуки, тужурки, звенѣли шпорами казачьи офицеры и приглашенные офицеры другихъ полковъ, кокетничали бальными платьями дамы, курсистки, среди нихъ скромничали простотой, какъ ландыши, гимназистки въ воздушныхъ бѣлыхъ передникахъ.

Духовой оркестръ казачьяго полка заигралъ волнующій вальсъ, дирижеръ Церманъ взмахнулъ рукой, и пары сорвались съ мѣстъ, понеслись, закружились.

Бурыкинъ танцовалъ съ Ирочкой, мать пригласилъ бородатый Зеленовъ.

Въ антрактѣ поднялись въ буфетъ. Тамъ все кричало, шумѣло, галдѣло. Попковъ за столикомъ разсказывалъ двумъ москвичкамъ о донскихъ пирогахъ и плакалъ.

— Вы его сожмете въ пышку, а онъ опять поднимется, какъ гора... Пироги-то наши на хмѣлинахъ, съ опарой... съ опарой... Отъ донского пирога духъ идетъ на цѣлую версту...

Комаровъ и есаулъ Прозоровскій что-то шептали этимъ дамамъ, онѣ краснѣли и заливались пискливымъ смѣхомъ.

Въ концѣ буфета студентъ Смирнскій, задравши русую козлиную бородку, подъ аккомпанементъ гитары безподобно пѣлъ баритономъ свой излюбленный романсъ:

Такъ жи-изн-нь м-малая-я-я проходитъ
безслѣ-эдн-а-а,
А там-мъ ужъ и близокъ кон-нецъ...

— Мазурка! — крикнулъ дирижеръ и публика изъ буфета хлынули въ залъ.

— Пара за парой! — привычно командовалъ Церманъ и пристально смотрѣлъ на Ирочку и Бурыкина, которые шли въ третьей парѣ.

Раздвигая толпу, есаулъ Прозоровскій неожиданно сталъ подавать команду танцующимъ.

— Справа повзводно — а-ар-ршъ!.. Равненіе направо... Ряды-ы вздвой!.. Пр-рямо-о!.. Слѣва по три-и!.. Вольно... оправиться!..

Въ залѣ стоялъ необыкновенный хохотъ, а безшабашнаго есаула адъютантъ пригласилъ къ командиру полка.

— Крылъ, Володя? — спросилъ Комаровъ, красный послѣ мазурки.

— Бываетъ и хуже! — смѣялся есаулъ Прозоровскій.

Пошли искать Бурыкина.

Разъѣздъ начался въ пятомъ часу, но Ирочка съ матерью уѣхали раньше. Бурыкинъ и Зеленовъ предлагали проводить, но они отказались.

До Замоскворѣчья студенты и курсистки шли шумной гурьбой по хрустящему снѣгу. У Василія Блаженнаго остановились, такъ поразительна была его красота въ предразсвѣтномъ морозномъ туманѣ.

На Пятницкой Бурыкинъ распрощался, захвативъ къ себѣ Зеленова.

Вошли осторожно, не нарушая сна хозяевъ. Бурыкинъ, крадучись, заглянулъ въ кухню, гдѣ спала горничная.

Въ комнатѣ, послѣ мороза и водки, было жарко, хотѣлось спать.

Бурыкинъ полушопотомъ разсказывалъ о свиданьи съ Ирочкой и восторгался ея красотой.

— Ты трепешься, Алешка, о ней, какъ о какой то мечтѣ, а самъ полѣзъ на кухню...

— Тс-с-с... это, Тимофей, дѣло другое... Горничная у насъ новенькая, изъ деревни, свѣжакъ... Коса, братъ, какъ у Нины Мелеховой...

— Гдѣ она теперь? — вздохнулъ Зеленовъ. Городской садъ надъ Дономъ, полночь, лодка, іюльскія звѣзды, какъ наговорныя, лѣсъ на той сторонѣ...

— И бороды у тебя тогда не было.

— Борода-а... Хочешь уничтожу?.. Это все далеко... А ты, мечтатель, Ирочка... Ирочка... а самъ къ дѣвкѣ, — пробормоталъ, засыпая, Зеленовъ.

— И пойду...

Бурыкинъ всталъ съ кровати, выпилъ рюмку водки и легъ, согнувшись, на короткій зеленый диванчикъ.

Въ большое, покрытое инеемъ окно смотрѣлъ полный, побѣлѣвшій передъ разсвѣтомъ, мѣсяцъ.

У Параскевы-Пятницы зазвонили къ утрени.

Вечеръ казаковъ-литераторовъ

Декабрь...

Теплый, слегка насупленный, парижскій вечеръ. Кругомъ, конечно, все не такъ, какъ было «дома»: не щиплетъ русскій серебряный морозъ, не сверкаютъ свисающія отовсюду сахарныя льдинки-сосульки, не разлита въ воздухѣ близкая «настороженная тишина»...

На улицахъ, прилегающихъ къ Булонскому лѣсу, то здѣсь, то тамъ неожиданно вздрагиваютъ колкіе огни автомобильныхъ фаръ. Быстрый летъ проносящагося лимузина, говоръ-шелестъ шинъ по гладкому асфальту, подмигивающіе глаза кафэ...

Гдѣ то, позади, — тяжелый гулъ никогда не замирающей жизни, таинственной, влекущей, не знающей счета днямъ. Въ спокойномъ, «барскомъ» кварталѣ Парижа, въ уютномъ особнякѣ на бульварѣ Фландренъ, 3 декабря Кружокъ казаковъ-литераторовъ устроилъ свой первый открытый вечеръ, и на его призывъ дружно и широко откликнулась не только одна наша казачья семья.

* * *

Есть всегда какое то «новое», трудно передаваемое словами, волнующее ощущеніе отъ непосредственной встрѣчи писателя съ невѣдомымъ ему читателемъ.

Чувство это далеко не всегда опредѣляется однимъ любопытствомъ читателя.

Въ каждой такой встрѣчѣ есть нѣкоторый элементъ «созвучности»; незримый мостъ перекидывается вдругъ отъ мысли одного къ сердцу другого, и тогда яснѣе, полновѣснѣе звучитъ каждое сказанное слово.

* * *

Доходъ съ перваго своего вечера Кружокъ казаковъ-литераторовъ предоставилъ парижской казачьей студенческой станицѣ, и молодежь, переполнившая залъ, принесла съ собой на нѣсколько часовъ то непосредственное очаровательное веселье, которымъ такъ заразительно и щедро озарила природа русскую, и въ бѣдѣ не унывающую, душу.

Единственное «программное» отдѣленіе вечера на этотъ разъ цѣликомъ было отведено поэзіи.

Послѣ краткаго блестящаго вступительнаго слова о задачахъ и цѣляхъ кружка, сказаннаго его старшиной Н. Н. Туровѣровымъ, выступили съ чтеніемъ своихъ произведеній: Е. де Жерве-Номикосова, И. Полякова, И. Даниловъ, Б. Номикосовъ, Н. Евсѣевъ, И. Воиновъ и Н. Туровѣровъ.

Кромѣ того, Н. Евсѣевымъ было прочитано стихотвореніе М. Волковой.

За малымъ исключеніемъ, стихи, прочитанные казаками-поэтами въ той или иной мѣрѣ, являлись какъ бы отзвукомъ внутренняго лада души, неотрывно связанной съ Родиной.

Въ самомъ звучаніи ихъ, въ архитектоникѣ стиха, даже въ манерѣ читки, ясно выявились характерныя черты индивидуальности того, или иного поэта.

Въ этомъ — залогъ дальнѣйшаго роста каждаго отдѣльнаго дарованія и, надо думать, только что зародившійся Кружокъ казаковъ-литераторовъ сумѣетъ въ будущемъ планомѣрной творческой работой завоевать прочное мѣсто въ потокѣ подлиннаго искусства. Выступленіе участниковъ вечера сопровождалось дружными аплодисментами публики, внимательно слушавшей казаковъ-поэтовъ.

На секунду нѣсколько разъ во время чтенія вспыхиваетъ голубое пламя магнія — это фотографъ, любезно пришедшій на вечеръ, стремится зафиксировать отдѣльные моменты вечера. Часть снимковъ журналъ «Станица» помѣщаетъ въ текстѣ настоящей статьи.

* * *

Чтеніе закончено.

Н. Н. Туровѣровъ обращается съ краткимъ словомъ, въ которомъ благодаритъ собравшихся и сообщаетъ о выходѣ вскорѣ Казачьяго Альманаха, особо подчеркивая ту щедрую помощь со стороны ген. Д. И. Ознобишина и присутствующаго сейчасъ въ залѣ аббата Кенэ, безъ котораго не мыслимо было бы преодолѣть всѣ трудности по изданію книги. Залъ живо реагируетъ на слова оратора и шумно привѣтствуетъ аббата Кенэ.

Мелодично, звонко гудитъ молодежь. Незнакомые другъ съ другомъ быстро знакомятся. Въ

буфетѣ, эффектно декорированномъ большими плакатами работы поэтессы и художницы Е. де Жерве-Номикосовой, являющимися варіацiей рисунковъ извѣстнаго художника Каранъ д'Аша (Пуарэ), — проталкиваются съ трудомъ.

**
*

Вотъ издали доносятся уже вздрагивающіе, чуть свистящіе, звуки джаза, въ которыхъ такъ отчетливъ ритмическій наскокъ мѣдныхъ тарелокъ

Кружокъ казаковъ-литераторовъ.

1-й рядъ (справа налѣво): почетный членъ Кружка Аббатъ К. А. Кенэ, Е. де-Жерве-Номикосова, почетн. членъ Кружка ген. Д. И. Ознобишинъ, В. С. Крюковъ. 2-й рядъ: П. В. Гусевъ, И. В. Воиновъ, Б. А. Номикосовъ, Н. Н. Евсѣевъ, И. И. Даниловъ и Н. Н. Туровѣровъ.

Плакаты выполнены мастерски.

Невольную улыбку вызываютъ смѣлые контуры казаковъ-станичниковъ, въ лихой джигитовкѣ показывающихъ чудеса своихъ фантастическихъ номеровъ.

**
*

Говоря объ убранствѣ помѣщенія, слѣдуетъ особенно подчеркнуть изумительный подборъ старинныхъ портретовъ, гравюръ, эстамповъ и народнаго лубка изъ собранія ген. Д. И. Ознобишина, почетнаго члена Кружка казаковъ-литераторовъ, блистательно украсившихъ концертный залъ. Какое богатство «вѣчной» старины, всегда влекущей, очаровывающей тонкостью рисунка, прелестью композицій конца восемнадцатаго и первой четверти девятнадцатаго вѣка!

барабана, и молодежь живымъ, увѣреннымъ потокомъ быстро устремляется въ залъ.

Танцуютъ съ увлеченіемъ, не зная усталости и, случайно прислушиваясь къ гулу этой юной, многоголовой толпы, — не удивляешься ея безукоризненному французскому языку: молодежь наша, вѣдь, здѣсь получила свое образованіе и, сохраняя бережно русскій обликъ, естественно, легче и лучше выражаетъ свои мысли по французски...

«Взрослые» «врастаютъ» въ буфетъ...

Но и они, порою, зараженные общимъ весельемъ и смѣхомъ, покидаютъ насиженныя мѣста и танцуютъ съ неменьшимъ удовольствіемъ.

**
*

Въ буфетѣ наиболѣе видное, центральное мѣсто занимаетъ большой столъ почетнаго члена

Юныя гости на балу казаковъ-литераторовъ.

Кружка казаковъ-литераторовъ аббата Кенэ, всегда радушнаго, обаятельнаго, столь много сдѣлавшаго не только для русской учащейся молодежи и Кружка казаковъ-литераторовъ, но неизмѣнно щедро откликающагося всегда на каждое культурное начинанiе въ казачьей средѣ. За столомъ аббата Кенэ, по правую его руку, — другой почетный членъ Кружка ген. Д. И. Ознобишинъ, о художественномъ собранiи котораго мы упоминали выше, члены Кружка, атаманъ парижской студенческой казачьей станицы П. В. Гусевъ съ супругой, докторъ И. С. Чекуновъ, студенты, студентки...

Непринужденные, всегда занимательные, разговоры, увлекательная рѣчь ген. Д. И. Ознобишина и его тонкiя реплики — неизбѣжно создаютъ атмосферу взаимнаго довѣрiя, накладываютъ отпечатокъ искренности увлеченiя, простоты.

Большой успѣхъ имѣетъ у публики столикъ шампанскаго. Красивая, декоративно-эффектная Ю. А. Туровѣрова съ сонмомъ дамъ-ассистентокъ блистательно справляется со своей задачей.

Очарованiе хозяйки буфета С. А. Евсѣевой, съ ея милыми помощницами, О. П. Шишовой и А. Д. Клименко, создало атмосферу разушiя и уюта вокругъ нарядцаго стола, искусно организованнаго ихъ самоотверженнымъ трудомъ.

***

Жалобно, по негритянски, подвываетъ джазъ... Неутомимы музыканты, неутомимы танцующiе...

Во время одного изъ «перерывовъ» артистка русской оперетты г-жа Варжевская, подъ акомпаниментъ маэстро Г. Фистулари, дирижера только что открывшаго свои двери театра русской оперетты, съ рѣдкимъ брiо, подъ бурные рукоплесканiя зала, пропѣла рядъ любимыхъ романсовъ и народныхъ пѣсенъ.

***

Близится полночь...

Увы, надо и по домамъ. Нѣсколько разъ настойчиво-звонко звучатъ сухiе удары барабана. Музыканты начинаютъ укладывать свои инструменты... но... разойтись такъ трудно, невозможно, и, вотъ, снова, уже въ послѣднiй разъ, слышится замедленный темпъ танго. Залъ оживаетъ. Танцуютъ всѣ.

А потомъ, неожиданно, съ послѣднимъ аккордомъ оркестра раздается вдругъ всѣмъ знакомая «своя» музыка — «Казачекъ».

Есаулъ Войска Донского Т., въ широкихъ синихъ съ лампасами шароварахъ, въ традицiонной черной папахѣ, виртуозно перебирая ногами, подъ неудержимые аплодисменты всѣхъ присутствующихъ, мечется — летитъ по гладкому паркету... Нѣсколько мгновенiй, — и залъ медленно начинаетъ пустѣть. Гасятъ огни...

Въ широкихъ, настежь раскрытыхъ, дверяхъ особняка постепенно исчезаютъ наши милые гости, которые, хочется вѣрить, сохранятъ о нашемъ первомъ вечерѣ, о нашей первой встрѣчѣ тѣ же чувства, которыми преисполнены мы сами.

Сердечное спасибо всѣмъ.

Игорь Воиновъ.

Памяти друга

14 декабря прошлаго года, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался членъ правленія нашей станицы, студентъ 3-го курса Богословскаго Института, Николай Ивановичъ Болдыревъ, казакъ станицы Новониколаевской, Таганрогскаго округа, Всевеликаго Войска Донского.

Н. И. родился въ 1909 г.; въ 1919 г. поступилъ въ Донской Пансіонъ въ Новочеркасскѣ и въ февралѣ 1920 г. эвакуировался вмѣстѣ съ Донскимъ кадетскимъ корпусомъ изъ Новороссійска въ Египетъ. Оттуда, по расформированіи корпуса въ 1923 г., поступаетъ въ англійскую школу для русскихъ дѣтей въ Константинополѣ. Въ 1926 г. поступаетъ въ Шуменскую русскую гимназію (Болгарія), по окончаніи ея, въ 1930 г., поступаетъ въ Софійскій университетъ, откуда переводится въ Богословскій институтъ въ Парижѣ.

Н. И. заболѣлъ годъ тому назадъ гнойнымъ плевритомъ и немедленно, изъ института, нашимъ почетнымъ казакомъ Аббатомъ К. А. Кенэ былъ перевезенъ въ одинъ изъ лучшихъ французскихъ госпиталей на рю де Плантъ, гдѣ и лѣчился на иждивеніи Аббата почти 12 мѣсяцевъ, перенеся за это время 3 операціи. Трогательными заботами Аббата Кенэ и усиліями персонала госпиталя, было сдѣлано все, что можетъ быть въ человѣческихъ силахъ для спасенія его жизни, но не выдержалъ организмъ Н. И. поразившей его болѣзни.

Николай Ивановичъ всегда былъ отличнымъ товарищемъ, примѣрнымъ студентомъ, съ веселымъ, жизнерадостнымъ характеромъ. Въ общественной жизни онъ принималъ дѣятельное участіе въ нашей станицѣ, въ Шуменскомъ землячествѣ и въ союзѣ новаго поколѣнія.

На его погребеніи присутствовало около 100 человѣкъ — его коллеги по институту, преподаватели и друзья. На гробъ было возложено много цвѣтовъ. Красивый большой сине-желто-красный букетъ цвѣтовъ былъ возложенъ отъ студентовъ-казаковъ.

Чинъ отпѣванія въ Сергіевскомъ подворьи служило 9 священниковъ, въ томъ числѣ и св. о. Олегъ Болдыревъ, братъ покойнаго, и діаконъ церкви. Погребенъ Н. И. на кладбищѣ Пантенъ.

Н. И. Болдыревъ.

Выражая глубокое соболѣзнованіе нашему станичнику, священнику о. Олегу, Парижская студенческая казачья станица проситъ ея дорогого почетнаго казака Аббата К. А. Кенэ принять чувства безконечной признательности за то сердечное вниманіе и громадную жертвенность, которыя въ теченіи цѣлаго года проявлялись имъ къ больному студенту-казаку Н. И. Болдыреву.

П. Гусевъ.

Николай ТУРОВѢРОВЪ.

ОТКЛИКИ

Существуетъ мнѣніе, что написать хорошіе мемуары легче, чѣмъ написать посредственный разсказъ.

Мнѣніе это едва ли безспорно, какъ споренъ, самъ по себѣ, вопросъ о легкости — эта самая легкость является, обычно, результатомъ упорнаго труда.

Даромъ ничего не дается. Въ мемуарахъ форма и содержаніе такъ же важны, какъ въ повѣсти и разсказѣ, и, если съ этимъ такъ мало считаются авторы столь многочисленныхъ въ наше время воспоминаній, то тѣмъ хуже, конечно, для авторовъ.

Только что вышедшія воспоминанія генерала П. Н. Краснова «На рубежѣ Китая» (какъ и вышедшія раньше «Наканунѣ войны»), безспорно принадлежатъ къ мемуарной литературѣ, но такъ же безспорно эту литературу поднимаютъ на какую то высокую ступень.

Да, — это, конечно, воспоминаніе командира казачьяго полка Сибирскаго войска' да, это, конечно, человѣческій документъ, описаніе того, что «глаза мои видѣли», — но авторъ сумѣлъ **такъ** описать эту, казалось бы не такъ уже и интересную, жизнь маленькаго гарнизона, что, право, затрудняешься назвать разсказъ, который читался бы съ такимъ захватывающимъ интересомъ, какъ это описаніе полковой жизни сибирскихъ казаковъ на далекомъ и глухомъ рубежѣ нашей Имперіи.

Бѣдна литература о казакахъ, — мало знали другъ друга казачьи войска, еще меньше ихъ знала Россія, — винить въ этомъ никого не хочется; но среди этого вольнаго или невольнаго нелюбопытства и равнодушія замѣчательнымъ и единственнымъ исключеніемъ является роль П. Н. Краснова. Не надо ничего преувеличивать, но не надо ничего и преуменьшать, — не только сибирскіе казаки, но и казаки всѣхъ войскъ не одинъ разъ перечитаютъ «На рубежѣ Китая», да не только одни казаки.

Пересказывать воспоминанія генерала П. Н. Краснова не имѣетъ смысла — ихъ надо прочесть.

Но хочется остановиться на одной сторонѣ этихъ воспоминаній, красной нитью проходящей черезъ всю книгу — это творческая инициатива и работоспособность автора.

Ясно чувствуется, какъ нехватало двадцати четырехъ часовъ въ сутки для работы командиру полка полковнику Краснову въ далекомъ Джаркентѣ, такъ же какъ не хватало потомъ этихъ часовъ генералу Краснову на посту Донского Атамана и какъ, навѣрное, не хватаетъ ему ихъ теперь въ его работѣ на благо Россіи, на благо казачества.

Многое забывается, многое, не успѣвъ расцвѣсти, отцвѣтаетъ. Эпохѣ Великой войны въ этомъ отношеніи у насъ особенно не повезло, — ее замѣнила и затмила эпоха революціи: ея огонь спалилъ многое, что при иныхъ условіяхъ, навѣрное, уцѣлѣло бы, — какъ, напримѣръ, слова этой пѣсни, любезно намъ сообщенной Ю. А. Грековымъ.

Для 1914 года она очень характерна, мало того, — она очень характерна для всѣхъ бывшихъ и будущихъ войнъ Россіи, съ которой казачество такъ ревниво дѣлило славу на поляхъ сраженій.

Чу!.. Сила могучая встала
И слышно сквозь шумъ камыша,
По дикимъ отрогамъ Байкала,
Сквозь бурю и вой Иртыша.

Какъ движутся грозныя тучи,
Въ безмолвной тайгѣ по снѣгамъ,
Минуя уральскія кручи
И къ Волжскимъ идутъ берегамъ.

Гдѣ горы закрыли туманы,
Гдѣ злобно потоки ревутъ,
Встаютъ удальцы атаманы,
Станишниковъ гордыхъ зовутъ.

И батюшка Донъ всколыхнулся,
Щетиною пики стоятъ,
Ермакъ Тимофеичъ проснулся,
Старинныя пѣсни гудятъ.

На западъ туманный, кровавый
Съ востока степные полки
Идутъ безудержною лавой, —
За славой идутъ казаки.

Le Gérant: Ch. Quénet. Imprimerie de NAVARRE -- 5, rue des Gobelins, Paris-13e.

№ 30 AVRIL 1939 № 30
Prix: frs. 3

СТАНИЦА

Въ этомъ номерѣ

STANITZA
TRIMESTRIEL
ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS
7, RUE JOBBÉ DUVAL · PARIS (15e)

Христос Воскресе!

Н Шировпрот.

10/4 1939.

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

«STANITZA», 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 30 АПРѢЛЬ 1939 Годъ изданія 8-й

Христосъ Воскресе!

Двадцать лѣтъ службы Терскому казачьему войску

Войсковой Атаманъ Терскаго Казачьяго Войска Генералъ-Лейтенантъ Г. А. Вдовенко.

Въ мартѣ этого года исполнилось 20-лѣтіе пребыванія на посту Войскового Атамана Терскаго Казачьяго Войска Генералъ-Лейтенанта Герасима Андреевича Вдовенко.

Въ необычныхъ, тяжелыхъ условіяхъ, держитъ свой перначъ Атаманъ, далеко отъ предѣловъ буйнаго Терека. Трудно приходилось и на родной землѣ избраннику Войска, одолѣваемаго въ роковые годы гражданской войны многочисленными врагами.

Отъ души привѣтствуя Генерала Г. А. Вдовенко съ 20-лѣтнимъ юбилеемъ, парижская студенческая казачья станица и редакція журнала «Станица» шлютъ ему пожеланія добраго здоровья для дальнѣйшей работы во славу доблестнаго Терскаго Войска и на пользу всему Казачеству.

Николай ТУРОВѢРОВЪ.

Надъ весенней водой, надъ затонами,
Надъ просторомъ казачьей земли,
Точно войско Донское, — колоннами,
Пролетали вчера журавли.

Пролетая печально курлыкали,
Былъ далекъ ихъ подоблачный шляхъ.
Горемыками горе размыкали
Казаки въ чужедальныхъ краяхъ.

Ник. ЕВСѢЕВЪ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

«Христосъ Воскресъ» — поютъ въ Россіи.
Поютъ сердца, лѣса, поля,
Потоки въ балкахъ снѣговые,
Родная талая земля.

«Воистину Воскресъ» — цѣлую
Я землю мокрую въ степи.
Родная, жду... не обману я
И говорю: «казакъ терпи».

Терпи, [redacted], — не будешь атаманомъ,
Но казакомъ свой вѣкъ пройдешь,
И благодать степи бурьянной
Ты и въ разлукѣ жадно пьешь.

Ее, какъ кровь, ты въ сердцѣ носишь.
Она одна тебѣ поетъ.
Ты объ одномъ у Бога просишь —
Въ Хопрахъ пожить бы лишній годъ.

Пожить, пожить, смотрѣть на небо,
Гдѣ табунятся облака,
На волны зрѣющаго хлѣба
И на внученка-казака.

А тамъ и пусть глаза закроетъ
Родная старая рука,
И пусть земля донская скроетъ
Останки дѣда-казака.

Зах. КОНДРАШОВЪ.

ТИХІЙ ДОНЪ

Посв. Кружку «Казаковъ-Литераторовъ».

Поэтъ казачій иль писатель!
Пиши всегда про Край Родной
И, какъ искуснѣйшій ваятель,
Воздвигни образъ дорогой...
Почти лѣтъ двадцать на чужбинѣ
Мы всѣ скитаемся.... Порой
Тускнѣетъ какъ-то образъ милый
Моей Отчизны дорогой...
И вспомнить хочется былое, —
Какой былъ раньше Край Родной...
Рука дрожитъ... Глаза не видятъ...
Они наполнились слезой...
.. ..

Играетъ Донъ волной холодной, —
Онъ что-то сердится, бурлитъ...
А въ малыхъ рѣчкахъ по музгамъ,
Камышъ задумчиво шумитъ...
Склонились вербы надъ рѣкою, —
Онѣ касаются воды....
А въ глубинѣ, въ тѣни, прохладѣ
Спокойно нѣжатся сомы.
Въ степи курганы молчаливо
Стоятъ и степь всю берегутъ.
А степь... безкрайна... безпредѣльна...
Въ ней скрипъ арбы... стада бредутъ...
А какъ не вспомнить нашъ станичный
Церковный нѣжный перезвонъ?!
И какъ не вспомнить со слезами
Тебя, мой Донъ, мой Тихій Донъ?!
Люблю тебя, мой Край далекій,
Люблю тебя я всей душой...
Поэтъ казачій иль писатель!
Пиши, пиши про край родной.

Марія ВОЛКОВА.

Наше счастье пронизано болью;
Страхомъ осени дышетъ весна;
Но люблю этотъ міръ поневолѣ —
Для него, для него создана.

Неизбѣжность виситъ надо мною:
На ущербѣ мое бытіе;
Но упрямо не хочетъ покоя
Неуемное сердце мое.

Безъ упрека свой жребій пріемлю.
Безъ упрека горю и пою,
И прекрасную грѣшную землю
По земному всей кровью люблю.

И. Г. АКУЛИНИНЪ.

ЛЕТУЧАЯ ПОЧТА

(Продолженіе).

По другую сторону оврага, на возвышенномъ берегу, — какъ разъ противъ слободы Антропшиной, — находилась Царская Славянка. Такъ называлась барская усадьба съ небольшимъ каменнымъ дворцомъ, окруженная паркомъ.

Поднявшись на бугоръ, я увидѣлъ Канцевича, который стоялъ на шоссе передъ массивными воротами усадьбы. Его вѣстовой, семирѣкъ Михайловъ, мирно сидѣлъ на травѣ, держа въ поводу лошадей.

— Какъ дѣла? — спросилъ я пріятеля, слѣзая съ коня.

— Дѣла бамбукъ, — съ досадой отвѣтилъ Канцевичъ, бросая въ тразу недокуренную папиросу.

— Что такое? Случилось что-нибудь? — удивился я.

— Хотѣлъ письмо передать, да не удалось.

— Какое письмо? Кому?

— Письмо собственнаго сочиненія одной хорошенькой грузинкѣ.

— Которую зовутъ Тамарой, — засмѣялся я.

— Нѣтъ, ее зовутъ Ниной, — поправилъ Канцевичъ.

— И которая находится за рѣшеткой этого замка?

Я показалъ въ сторону воротъ.

— Совершенно вѣрно.

— Какое-то таинственное знакомство. Гдѣ ты съ ней встрѣтился?

— На институтскомъ балу. Потомъ въ одномъ домѣ раза два видѣлъ.

Надо сказать: Царская Славянка когда-то служила загородной дачей одному изъ Екатерининскихъ вельможъ. Теперь она была приписана къ Патріотическому Институту благородныхъ дѣвицъ; и здѣсь проводили лѣто тѣ изъ воспитанницъ, которыя почему-либо не могли уѣхать на лѣтнія каникулы къ своимъ роднымъ.

Въ воротахъ показался благообразнаго вида старикъ — не то швейцаръ, не то дворникъ.

— Предлагалъ этому эфіопу рубль, чтобы письмо передалъ. Не приказаню, говоритъ, — ворчалъ Канцевичъ, закуривая папиросу. — Только сказалъ, что институтки скоро на прогулку выйдутъ. И вотъ съ этого мѣста ихъ можно видѣть.

— Такъ ты стоишь и ждешь?

— Стою и жду, какъ дуракъ.

Я пожелалъ счастливой встрѣчи и, напѣвая знакомый мотивъ изъ «Веселой вдовы», поѣхалъ по направленію къ Павловску, сначала по шоссе, а потомъ свернулъ на проселочную дорогу, поросшую по обочинамъ густою травой

Слѣва отъ дороги тянулся Павловскій паркъ, а справа разстилались поля колосистой ржи, мѣстами чередовавшіяся съ узкими полосами колючаго, остистаго, ячменя и зеленаго, тонкобруннаго овса.

Солнце стояло высоко и сильно припекало. Въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка. Подъ тяжестью набухшихъ зеренъ, полновѣсные колосья ржи, слегка наклонившись, кивали другъ другу.

Опустивъ поводья, я ѣхалъ шагомъ. Мой конь, полукровный шлепакъ, завода графини Браницкой, развѣсивъ уши, лѣниво передвигалъ ногами; на его изогнутой шеѣ выступили крупныя капли пота. Когда назойливая муха пыталась усѣсться къ нему на кромку уха или въ другое укромное мѣсто, онъ принимался мотать головой и махать хвостомъ.

Ѣхать на красивомъ «Русланѣ» — такъ звали моего коня — составляло истинное удовольствіе. Онъ былъ прекрасно выѣзженъ — и подъ-кавалерійское, и подъ-казачье сѣдло. Хорошо напрыганъ, такъ что безъ труда бралъ любое препятствіе. Зналъ всѣ тонкости манежной и полевой ѣзды. Охотно дѣлалъ приниманія и боковыя движенія. Часто на потѣху казакамъ, полковой наѣздникъ Грековъ заставлялъ его ходить по плацу испанскимъ шагомъ. Онъ былъ добраго нрава и пользовался со стороны казаковъ большой любовью. Они его ласкали и баловали: кто хлѣбомъ, кто сахаромъ. Особенно къ нему привязался мой вѣстовой Черепановъ, а его конь «Васька» велъ съ «Поусланомъ» большую дружбу, за то ему иногда перепадала лишняя дача овса. «Васька» былъ степнякъ крѣпкой киргизской породы. Отецъ Черепанова купилъ его двухгодовалымъ жеребчикомъ въ Кустанаѣ, на ярмаркѣ, куда, обычно, киргизы сгоняютъ табуны лошадей со всей степи. Изъ дикаго степного скакуна вышелъ хорошій «фрунтякъ», и на немъ старикъ Черепановъ отправилъ сына на службу въ гвардію.

Покачиваясь въ сѣдлѣ, я ѣхалъ въ отличномъ расположеніи духа — безъ какихъ-либо думъ, безъ желаній. По всему тѣлу разливалась пріятная истома, и жизнь казалась такой прекрасной и интересной. Сказывалось благотворное вліяніе природы.

Какъ видно, въ такомъ же благоразумномъ настроеніи находился и ѣхавшій со мной Черепановъ. Онъ выросъ среди широкихъ просторовъ оренбургскихъ степей и разстилавшаяся передъ нами картина

хлѣбныхъ полей доставляла ему большое наслажденіе.

— У насъ теперь покосы заканчиваютъ, — выражалъ онъ свои мысли вслухъ. — Черезъ недѣлю-другую пшеницы начнутъ жать.

— А каковъ нынче урожай? — спросилъ я Черепанова. — Что пишутъ изъ дома?

— Позавчера получилъ письмо; хлѣба ничего себѣ будутъ, особенно ранняго сѣва; только овсы на низкихъ мѣстахъ прихватило помхой*); зерно тощее выйдетъ.

— Значитъ, дождей было много?

— Дожди прошли какъ разъ во-время; нынче годъ не засушливый.

— А въ Кочкарѣ на пріискахъ работы ведутся?

— Въ Кочкарѣ дѣла совсѣмъ плохи; почти все золото вымыли. Такъ, старатели ковыряются въ пескѣ, да толку мало.

Черепановъ происходилъ изъ зажиточной семьи Кособродской станицы, близъ которой находились знаменитые когда-то Кочкарскіе золотые пріиски.

— Поглядите, Ваше Высокоблагородіе, какъ зерно налилось.

Черепановъ сорвалъ нѣсколько колосьевъ, и старательно растеръ ихъ. Я взялъ съ его широкой ладони щепотку продолговатыхъ зеренъ.

Мѣстами во ржи, и особенно по межамъ, росли васильки, красиво расцвѣчибая зеленыя полосы.

— Плохо пропахали и не выпололи какъ слѣдуетъ, — неодобрительно замѣчалъ мой вѣстовой, показывая на синія головки васильковъ. — Много куколю**) будетъ.

Впереди мелькнула бѣлая шляпка и скрылась; потомъ опять показалась и снова исчезла. Такъ повторилось нѣсколько разъ.

Проѣхавъ немного впередъ я увидѣлъ барышню, которая медленно шла по межѣ, и рвала васильки. Въ ея лѣвой рукѣ былъ довольно большой букетъ.

Я слѣзъ съ коня и, передавъ его Черепанову, началъ съ серьезнымъ видомъ разсматривать окружающую мѣстность. Потомъ не торопясь досталъ изъ полевой сумки карту и, сличая ее съ мѣстными предметами, сталъ дѣлать на ней карандашныя отмѣтки, не забывая, время отъ времени, посматривать въ сторону незнакомой барышни, столь неожиданно появившейся среди ржаного поля.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Барышня приближалась къ дорогѣ, продолжая рвать по пути васильки, которыхъ было особенно много какъ разъ около того мѣста, откуда я обозрѣвалъ окрестность. Когда она наклонялась, чтобы сорвать цвѣтокъ, ея тонкій молодой станъ красиво изгибался, показывая изящныя линіи.

---

*) Помха — туманъ.

**) Куколь — васильковыя зерна.

Одѣта она была по-дачному: легко и просто. На ней была широкополая соломенная шляпа, бѣлая блузка и свѣтлая юбка.

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до дороги барышня остановилась и стала смотрѣть: то на меня, то въ сторону лошадей и Черепанова, который отъ нечего дѣлать поправлялъ сѣдловку.

Оторвавшись отъ карты я внимательно посмотрѣлъ на стоявшую передо мной незнакомку. Это была миловидная — скорѣе хорошенькая — барышня, лѣтъ восемнадцати. Изъ подъ широкихъ полей шляпы у нея выбивался небольшой локонъ черныхъ волосъ, который придавалъ ея лицу нѣсколько дѣтское выраженіе.

Но что меня поразило — такъ это большіе синіе глаза.

— Совсѣмъ какъ васильки— — подумалъ я.

Подъ пристальнымъ, — какъ мнѣ показалось, — немного насмѣшливымъ, взглядомъ этихъ васильковыхъ глазъ я невольно смутился; и чтобы скрыть свое замѣшательство, и оправдать свою остановку началъ визировать масштабной линейкой по направленію дороги, дѣлая попутно разныя записи.

Барышня вышла на дорогу и, какъ бы не зная, въ какую сторону идти, остановилась совсѣмъ рядомъ со мной.

Набравшись храбрости, я сказалъ:

— Какой красивый букетъ!

Барышня слегка улыбнулась, но ничего не отвѣтила.

— Вамъ нравятся васильки? — спросилъ я, разсматривая цвѣты.

Въ отвѣтъ я услышалъ односложное: да.

Незнакомка пошла по дорогѣ, какъ разъ въ сторону моего пути. Визируя линейкой и взглядывая на карту, я послѣдовалъ за ней. Нѣсколько минутъ мы шли молча. Не зная съ чего начать, я произнесъ банальную фразу:

— Какъ жарко сегодня! — и пошелъ рядомъ.

— Да, очень жарко, — подтвердила моя спутница, и добавила: — я легко переношу жару, зато терпѣть не могу холода.

У нея былъ пріятный тембръ голоса.

Опять наступило молчаніе. Въ полку я считался человѣкомъ не робкаго десятка, но тутъ какъ на грѣхъ, не находилъ словъ для разговора.

— Хорошо здѣсь, — замѣтила барышня, окидывая взглядомъ поле и паркъ.

Я поспѣшилъ согласиться съ ней.

— Вы любите природу? — спросила она.

— Природу нельзя не любить, — глубокомысленно замѣтилъ я, и осторожно освѣдомился, давно ли хорошенькая незнакомка появилась въ этихъ краяхъ.

— Я только вчера пріѣхала и сегодня въ первый разъ вышла въ поле, — сообщила она. — У

меня здѣсь тетя живетъ; у нея на Фридерицинской улицѣ своя дача.

— Надолго пріѣхали?

— Еще не знаю. Можетъ быть, до конца лѣта останусь, — отвѣтила она. — Но если тетя начнетъ ворчать и заставлять дѣлать по-своему — возьму и уѣду.

— Вотъ вы какая рѣшительная, — засмѣялся я.

—О, да! Я люблю рѣшать все сама. У меня самостоятельный характеръ, — совсѣмъ по-дѣтски похвасталась барышня, дѣлая серьезное лицо.

— Что это за тетя на Фридерицинской улицѣ? Я перебралъ въ умѣ всѣ дома и дачи.

— Навѣрнос, будете ходить на музыку? — задалъ я вопросъ.

— Тетю уговорить трудно; она такая домосѣдка, а одной неудобно.

Я хотѣлъ предложить свои услуги быть провожатымъ, но воздержался.

— Вы, конечно, любите музыку и сами играете, — полувопросительно сказалъ я.

— Почему, конечно? — удивилась барышня, поправивъ выбившійся изъ-подъ шляпы локонъ.

— Да хотя-бы потому, что у васъ такія музыкальныя руки, — отвѣтилъ я.

— Вотъ какъ! — проговорила она. И въ ея глазахъ сверкнули веселые огоньки.

— Я люблю музыку и много играю, — подтвердила она.

— И поете тоже?

— Пою; но, по правдѣ сказать, пѣніемъ серьезно еще не занималась: некогда было.

Разговоръ постепенно оживлялся. Моя случайная спутница держала себя просто и непринужденно; на всѣ вопросы отвѣчала охотно.

— Здѣсь, въ Павловскѣ, вы, очевидно, хотите провести каникулы? — продолжалъ я осторожно разспрашивать.

— Въ родѣ этого.

— Вы какого института? — ни съ того, ни съ сего спросилъ я.

Барышня пріостановилась и съ женскимъ лукавствомъ посмотрѣла на меня.

— Почему вы думаете, что я институтка?

— Не думаю, а навѣрное знаю.

— Вы ошибаетесь: я гимназистка.

Но я продолжалъ настаивать на своемъ.

— Развѣ у институтокъ есть особыя примѣты?

— Примѣтъ особыхъ нѣтъ, но сразу видно, что вы институтка.

— Если хотите, была институткой. — Барышня сдѣлала удареніе на словѣ была.

— Значитъ, вы только что кончили институтъ?

— Кончила! — радостно произнесла она.

— И, конечно, съ шифромъ!

— А если безъ шифра?

— Такія какъ вы, всегда кончаютъ съ шифромъ.

— Мерси за комплиментъ, — улыбнулась она. — Видно, вы считаете меня очень способной.

Такъ, болтая, мы приближались къ предмѣстью Павловска — Солдатской слободѣ. Для очистки совѣсти я, время отъ времени, отмѣчалъ на картѣ разные знаки. Черепановъ, ведя въ поводу лошадей, слѣдовалъ за нами на почтительной дистанціи.

На мой повторный вопросъ — въ какомъ институтѣ воспитывалась встрѣченная мной незнакомка, она, смѣясь, сказала:

— А вотъ угадайте!

Помолчавъ немного, я назвалъ Елизаветинскій институтъ.

— Откуда вы узнали? Кто вамъ сказалъ? — Въ вопросахъ чувствовалось искреннее удивленіе.

— Никто не говорилъ, — скромно отвѣтилъ я.

— Вотъ удивительно! Вы, можетъ быть, знаете какъ меня зовутъ? — Барышня, полуоборотомъ повернулась ко мнѣ, прищуривъ глаза.

— Знаю, — спокойно сказалъ я.

— Ну, какъ?

— Вѣрой!..

Лицо барышни вспыхнуло, глаза съ недоумѣніемъ расширились. Было ясно: мой отвѣтъ поразилъ ее.

— Это что-то не такъ, — вырвалось у нея.

— То-есть, какъ не такъ? — въ свою очередь удивился я. — Что вы этимъ хотите сказать?

— Вамъ кто-нибудь говорилъ обо мнѣ. Или мы съ вами встрѣчались. — И она пристально посмотрѣла на меня. — Смѣю увѣрить: я васъ вижу въ первый разъ.

— Тогда какъ же вы узнали мое имя?

— Потому, что Вѣра — ваше имя. Я подчеркнулъ слово ваше.

Барышня поправила шляпу и замедлила шагъ.

— Все это очень странно, — какъ бы про себя проговорила она и задумчиво посмотрѣла вдаль.

Я былъ доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ.

На взмыленномъ конѣ подъѣхалъ уралецъ Неботѣевъ и, спрыгнувъ на землю, подалъ мнѣ сѣрый пакетъ.

— Отъ начальника учебной команды! — отрапортовалъ онъ.

Я разорвалъ конвертъ и наскоро пробѣжалъ мелко исписанный листокъ изъ полевой книжки. Подъесаулъ Фаддеевъ извѣщалъ меня, что его вызвали въ штабъ полка на засѣданіе строительной комиссіи, которая вела постройку новыхъ казармъ. Мнѣ предписывалось, по окончаніи занятій, снимать посты и вести людей въ помѣщеніе команды.

Расписавшись на конвертѣ, я вручилъ его Неботѣеву.

— Никакихъ распоряженій не будетъ?

— Нѣтъ, возвращайся на свой постъ.

Пока я читалъ приказаніе моя спутница подо-

шла къ Черепанову и стала трепать по шеѣ — сначала «Руслана», потомъ «Ваську». Кони довѣрчиво протягивали морды.

— Стой, не балуй! — Черепановъ осадилъ своего киргиза, который потянулся къ букету.

— Ахъ вотъ ты какой! Хочешь мои цвѣты съѣсть. — Барышня шутливо ударила «Ваську» по губамъ.

— Я два лѣта провела въ деревнѣ, у своей институтской подруги, — разсказывала она, когда мы опять шли по дорогѣ. — У ея отца большое имѣніе въ Рязанской губерніи и конскій заводъ. Мы каждый день катались верхомъ и я такъ привыкла къ лошадямъ.

У меня мелькнула мысль пригласить ее на совмѣстныя прогулки въ окрестностяхъ Павловска, но я боялся показаться навязчивымъ.

— Скажите правду, — вновь обратилась ко мнѣ моя спутница, — какимъ образомъ вы узнали, что меня зовутъ Вѣрой и что я воспитанница Елизаветинскаго института?

— Мнѣ остается еще разъ повторить, — отвѣтилъ я, — мы съ вами до сихъ поръ никогда не встрѣчались и никто мнѣ про васъ ничего не говорилъ.

— Значитъ, вы прозорливый?

— Выходитъ такъ.

Къ сторонѣ парка отходила тропинка.

— Мнѣ сюда, — сказала моя спутница, сворачивая на тропинку.

Я остановился въ почтительной позѣ.

— До свиданья! — Барышня привѣтливо кивнула мнѣ головой.

Въ этотъ моментъ ея васильковые глаза показались мнѣ необыкновенно красивыми.

Я приложилъ руку къ козырьку и щелкнулъ шпорами:

— Честь имѣю кланяться!..

Черезъ двѣ-три минуты прелестная незнакомка исчезла въ паркѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Николай ТУРОВѢРОВЪ.

Молодость Бакланова

(Продолженіе*).

Два года пробылъ Баклановъ въ казачьемъ Попова полку въ Крыму. Служба была нетяжелая, край благодатный, въ этомъ же полку служилъ и отецъ, служили станичники Бакланова, — ему, навѣрное, было веселѣе, чѣмъ его молодайкѣ въ далекой Гугнинской станицѣ въ невѣсткахъ въ Баклановскомъ домѣ.

Мужалъ, раздавался въ плечахъ отъ полковой жизни молодой гигантъ урядникъ Баклановъ, все лучше, все крѣпче сидѣлъ на конѣ, все легче играла тяжелой шашкой его рука — куда бы только силушку приложить. Въ апрѣлѣ 1828 года Баклановъ «за выслугу лѣтъ» былъ произведенъ въ хорунжіе. Какъ разъ начиналась Турецкая война. Эта война была первымъ крупнымъ боевымъ испытаніемъ для Россіи въ царствованіе императора Николая I-го.

Были свѣжи еще лавры Отечественной войны и европейскихъ походовъ — міровой славой сіяло имя русской арміи, въ ея рядахъ еще много было ветерановъ недавнихъ блистательныхъ войнъ. Казалось, начавшаяся война будетъ недолгой, нетрудной, тріумфальной. Турція, только что уничтоживъ корпусъ янычаровъ, еще не создала регулярной арміи, внутри страны бушевали мятежи, финансы блистательной Порты были въ ужасномъ состояніи, она не имѣла союзниковъ, — казалось ей ли долго сопротивляться россійской силѣ, — но это только казалось. Турки оказались сильнѣе, чѣмъ предполагалось; нашихъ войскъ оказалось недостаточно, да и войска оказались уже не тѣ: аракчеевскій учебный шагъ на пользу не пошелъ; насъ ждали непріятности подъ Браиловымъ, Шумлой, Варной, Куртъ-Тепе, — побѣды давались нелегко — война затянулась на два года. Присутствіе въ дѣйствующей арміи императора не такъ воодушевляло войска, какъ связывало главнокомандующаго князя Витгенштейна, человѣка и безъ этого нерѣшительнаго, — повторялась исторія начала Отечественной войны — Александра I-го и Барклая де Толли. Это понялъ Николай I-ый — «При мнѣ все идетъ дурно», — сказалъ онъ, покидая армію и назначая новыхъ главнокомандующаго и начальника штаба: Дибича и Толля — младшихъ богатырей Отечественной войны. При нихъ наши дѣла пошли бодрѣе: Дибичъ продѣлалъ эффектный походъ за Балканы, — сталъ Дибичемъ - Забалканскимъ, — взялъ Адріано-

*) См. № 28-й «Станицы».

поль, но Константинополя не взялъ: съ двадцатипятитысячной арміей это было и невозможно. Заключенный съ турками миръ освободилъ грековъ и сербовъ, но Царьградъ, какъ заколдованный кладъ, опять ускользнулъ изъ русскихъ рукъ, — панславянской мечтѣ о крестѣ на куполѣ Айя-Софіи суждено, видимо, оставаться только мечтой.

Но все это исторія, исторія — никакого отношенія къ ней не имѣлъ девятнадцатилѣтній хорунжій Яковъ Баклановъ, когда его отецъ, уже ставшій командиромъ, повелъ свой полкъ изъ Крыма къ границамъ Турціи, а сына послалъ впередъ съ депешами Воронцова къ Великому Князю Михаилу Павловичу подъ Браиловъ.

Чей конь неутомимый
Бѣжитъ въ степи необозримой?

Не жалѣлъ коня молодой Баклановъ — война, война — вотъ она — долгожданная возможность утолить жажду подвиговъ и славы, только бы не опоздать! Баклановъ прискакалъ къ Браилову наканунѣ штурма, передалъ депеши и пошелъ съ охотниками впереди штурмовыхъ колоннъ. Штурмъ былъ неудачный, охотники были подняты на воздухъ не во время взорвавшейся миной; Баклановъ былъ оглушенъ и засыпанъ землею, — это его спасло, всѣ охотники были уничтожены турецкой вылазкой. Пролежавъ пять дней въ госпиталѣ, Баклановъ уже скакалъ назадъ, навстрѣчу полку, который и встрѣтилъ подъ крѣпостью Костенжи. Пороху молодой хорунжій понюхалъ, но, прибывъ въ полкъ, понюхалъ и отцовской нагайки — «не суйся въ омутъ, когда отдаленъ отъ своей части», — приговаривалъ отецъ, поря безразсуднаго сына.

Полкъ перешелъ Дунай въ Исахчахъ; начиналась зима, военныя дѣйствія замирали; Баклановскіе казаки схватиться съ турками въ 28-омъ году не успѣли. Старикъ Баклановъ отдалъ сына въ артиллерію, — науки проходились тогда на практикѣ, пребываніе въ артиллеріи очень потомъ пригодилось Бакланову — его казачьи ракетныя роты на Кавказѣ стали легендарными.

Осада Браилова въ 1828 году.

Съ гравюры того времени. (Изъ собранія ген. Д. И. Ознобишина).

Вернулся въ полкъ Баклановъ только весною 29-го года, когда уже начались военныя дѣйствія, да и то, случайно.

Находясь подъ Шумлой со своей батареей, Баклановъ узналъ, что полкъ отца находится на лѣвомъ флангѣ нашего осаднаго корпуса. Баклановъ поѣхалъ навѣстить отца; по дорогѣ, услыша перестрѣлку и желая узнать въ чемъ дѣло, выѣхалъ изъ лагеря на холмъ; передъ его глазами лежала долина, пестрѣвшая турецкими и казачьими всадниками; турки сдѣлали очередную вылазку, казаки пошли имъ навстрѣчу; казачья лава то наскакивала на турокъ, то, заманывая ихъ, вихремъ летѣла назадъ; тамъ и тутъ схватывались въ отдѣльныхъ схваткахъ делибаши и казаки; поблескивали шашки, бѣ-

лѣли дымки пистолетныхъ выстрѣловъ, — картина была очень живописная. Точно такую же картину наблюдалъ въ это время, правда, на Кавказскомъ фронтѣ и Пушкинъ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.
Делибашъ, не суйся къ лавѣ!
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ —
Попадешься на копье.
Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.
Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите! Каковы?..
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

Пушкинъ не только наблюдалъ эту картину, но и самъ чуть не остался безъ головы, бросившись съ донскими казаками на делибашей, какъ былъ: въ круглой шляпѣ, въ черномъ сюртукѣ, съ буркой на плечахъ и съ казачьей пикой въ рукѣ.

Опустивъ поводья, Баклановъ жадно смотрѣлъ на казачью лаву, на турецкихъ всадниковъ; къ холму, на которомъ онъ стоялъ, подъѣхали казачьи офицеры. Баклановъ услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ сказалъ: «вотъ командирскій сынокъ, служащій въ артиллеріи, пріѣхалъ поглазѣть на перестрѣлку, чтобы получить крестъ или чинъ». Кровь бросилась въ голову Бакланову отъ этой насмѣшки. Онъ схватился за шашку и обернулся, но офицеры, замѣтя это, спѣшно отъѣхали въ сторону. Самъ не зная почему, — надо же было какъ то доказать насмѣшникамъ, что онъ не трусъ, — Баклановъ гикнулъ и ударилъ своего жеребца тяжелой плетью. Застоявшійся его конь поднялся на дыбы и понесъ всадника прямо къ непріятелю. Раздались наши фланкеры, пропуская сумасшедшихъ всадника и коня, казаки въ лавѣ только ахнули, — не слушая повода, закусившій удила жеребецъ несъ Бакланова прямо къ туркамъ; выскочившая навстрѣчу кучка делибашей невольно дала дорогу бѣшенному жеребцу, — онъ пронесъ Бакланова мимо турецкихъ резервовъ и по краю крутого обрыва вынесъ опять на прежнюю дорогу. Десятокъ делибашей бросились ему наперерѣзъ, уйти отъ нихъ на вымотавшемся конѣ Бакланову уже было невозможно, все ближе онъ слышалъ крики делибашей, увидѣлъ ихъ рядомъ съ собой, передъ его глазами сверкнули кривыя сабли, — Баклановъ закричалъ и... потерялъ сознаніе.

Очнулся онъ только въ палаткѣ отца, — казаки выручили его въ послѣдній моментъ.

Баклановъ не получилъ, какъ ожидалъ, плетей отъ отца, но настроеніе его, надо полагать, было ужасное: какіе тамъ подвиги и слава, когда въ критическій моментъ падаешь въ обморокъ. Другой на мѣстѣ Бакланова, быть можетъ, потерялъ бы на-вѣки сердце — опытъ не удался, не зачѣмъ его и повторять; но Яковъ Баклановъ былъ не таковъ. Жажда провѣрить себя была сильнѣе сомнѣній въ своихъ силахъ. Возможность для такой провѣрки скоро представилась.

Баклановскій полкъ 7 іюля подошелъ къ нижнему теченію Камчика, броды были неудобны, надо была захватить переправу для идущаго позади корпуса Рота. Противоположный берегъ былъ занятъ сильнымъ турецкимъ отрядомъ и хорошо укрѣпленъ. Для захвата переправы вызваны были охотники. Первымъ вызвался хорунжій Баклановъ и первымъ бросился на своемъ ворономъ конѣ въ рѣку, за нимъ бросились казаки и егеря; подъ огнемъ двѣнадцати турецкихъ орудій смѣльчаки достигли непріятельскаго берега, многіе погибли; но уцѣлѣвшіе стремительно ударили на турокъ, сбили ихъ и гнали до деревни Дервишъ-Джеванъ; Баклановъ со своими казаками взялъ турецкую пушку. Молодой хорунжій во второй разъ уже въ обморокъ не упалъ; самъ командиръ корпуса лично благодарилъ его на другой день, казаки съ уваженіемъ смотрѣли на командирскаго сына, но и на этотъ разъ ему опять пришлось отвѣдать отцовской нагайки — почему, молъ, онъ бросился въ рѣку на ворономъ конѣ, а не на болѣе сильномъ бѣломъ, — вороной могъ-де утонуть.

Корпусъ, въ которомъ былъ Баклановскій полкъ, спускался съ послѣдняго уступа Балканскихъ горъ въ приморскую долину. Стало просторнѣе казакамъ, вольготнѣе ихъ конямъ, дѣла пошли веселѣе. 10-го іюля казаки полковъ Ежова и Бакланова сбили турокъ на рѣкѣ Инжакіой гнали ихъ 10 верстъ, взяли 7 знаменъ и 400 плѣнныхъ; на другой день первыми ворвались въ города Месеврію и Ахіолъ, а потомъ повернули къ Бургасу, гдѣ были сосредоточены продовольственныя запасы турецкой арміи. Полку Бакланова приказано было произвести рекогносцировку Бургасской крѣпости; ея гарнизонъ, увидя приближающійся казачій полкъ, выслалъ противъ него 700 всадниковъ — Баклановскій полкъ не только опрокинулъ эту конницу, но на ея плечахъ ворвался въ Бур-

гасъ. Крѣпость была взята съ налета въ конномъ строю — случай въ военной исторіи весьма рѣдкостный. Молодой Баклановъ вошелъ въ крѣпость послѣднимъ — подъ нимъ была убита лошадь. Отецъ получилъ за это дѣло орденъ св. Георгія 4-го класса, а сынъ за дѣла предыдущія Анну 4-ой степени «за храбрость» и 3-й

Варна въ 1828 г. — художникъ Деварно и донской казакъ.

Литографія Беггрова. (Изъ собранія ген. Д. И. Ознобишина).

степени съ бантомъ — сталъ кавалеромъ уже разныхъ орденовъ, — въ тѣ времена давались они не щедро.

Адріанополь былъ взятъ безъ боя; до Константинополя было рукой подать; но былъ заключенъ миръ, и весною 1830 года Баклановскій полкъ двинулся походомъ въ Бессарабію; до осени стоялъ тамъ на Прутѣ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя были знакомы Бакланову еще съ дѣтства, здѣсь онъ былъ съ отцомъ восьмилѣтнимъ мальчикомъ въ кордонѣ противъ чумы, здѣсь впервые узналъ онъ казачью полковую жизнь.

Весело возвращались казаки домой осенью 30-го года, встрѣчалъ Донъ своихъ родимыхъ-служилыхъ, — многихъ не досчитался среди нихъ; весело въѣзжали отецъ и сынъ Баклановы въ родную Гугнинскую станицу. Пять лѣтъ не видала своего Якова Петровича молодайка Серафима Ивановна, только мѣсяцъ пожила она съ нимъ послѣ свадьбы. Три года поживетъ теперь съ ней Яковъ Петровичъ; подниметъ на свои могучія плечи все хозяйство, отцу пора и на покой — отвоевался старикъ. Послѣднимъ мирнымъ, милымъ станичнымъ свѣтомъ промерцаютъ эти три года въ жизни Бакланова, — впереди Кавказъ — колыбель его чудесной славы.

ВЪ НАШЕЙ СТАНИЦѢ

Помѣщенное въ прошломъ номерѣ «Станицы» обращеніе нашего правленія съ просьбой о помощи студентамъ-казакамъ, нашло нѣсколько жертвенныхъ отзывовъ.

Одинъ казакъ, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, учредилъ стипендію имени К. Л. Бардижа, въ размѣрѣ 400 франковъ въ мѣсяцъ, до конца этого учебнаго года, т. е. до іюля. Имъ же съ 1-го февраля выдается пособіе 3 студентамъ по 200 франковъ въ мѣсяцъ каждому. Изъ Женевы — «Украинка изъ Полтавы», также не пожелавшая себя назвать, прислала студентамъ 600 франковъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ знаменитый Донской Казачій Хоръ, подъ управленіемъ С. А. Жарова, пожертвовалъ въ фондъ стипендіи имени Атамана А. П. Богаевскаго 500 франковъ. Русскій морякъ Н. А. Т., плавающій нынѣ, подъ англійскимъ флагомъ, въ Черномъ, Средиземномъ и Балтійскомъ моряхъ, узнавшій о существованіи въ Парижѣ организованной студенческой казачьей молодежи, прислалъ 1 англ. фунтъ, поступаютъ отъ казаковъ изъ разныхъ мѣстъ, съ добрыми пожеланіями и отъ чистаго сердца, небольшія суммы. Попрежнему, вотъ уже 16-й годъ, станица пользуется вниманіемъ и поддержкой ея почетнаго казака аббата К. А. Кенэ. Отъ имени 21 студента-казака, нынѣ учащихся въ парижскихъ высшихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, станичное правленіе приноситъ добрымъ жертвователямъ горячее казачье спасибо и вновь обращается ко всѣмъ доброжелателямъ студенческой казачьей молодежи съ усердной просьбой, по мѣрѣ силъ и возможности, не стѣсняясь размѣрами, поддержать наше студенчество на ихъ трудномъ пути.

●●

На годовомъ станичномъ сборѣ 19-го февраля избрано новое правленіе въ составѣ: П. Гусевъ (атаманъ), Н. Тararинъ (казначей), М. Папкова (писарь), Б. Коноводовъ и Г. Кажушко.

●●

5-го марта, въ залахъ Галлиполійскаго Собранія, нашей станицей была устроена вечеринка. Съ большимъ успѣхомъ выступали артисты: г-жа Варжевская, К. А. Барсовъ и дочь нашего станичника, юная балерина Люда Романова. Станица приноситъ сердечную благодарность всѣмъ, способствовавшимъ успѣху вечера: г-жѣ Модрахъ (пожертвованіе на лотерею), аббату К. А. Кенэ, генералу Д. И. Ознобишину, А. А. Попову (пожертвованія деньгами), артистамъ, оркестру г. Г. Клотца и всѣмъ посѣтившимъ вечеръ.

Наша сердечная благодарность старшинѣ кружка казаковъ-литераторовъ Н. Н. Туровѣрову, прочитавшему въ началѣ вечера блестящій докладъ на тему: «Платовъ и его эпоха», и членамъ кружка — И. М. Поляковой и Е. В. Номикосовой, много потрудившимся на самомъ балу.

На общемъ собранiи 7-го января избраны на новый, 1939-й, годъ старшинами кружка — П. В. Гусевъ и Н. Н. Туровѣровъ; секретаремъ и казначеемъ — Е. В. де Жерве-Номикосова.

●●●

4-го февраля состоялся, организованный кружкомъ, вечеръ поэта Игоря Воинова, въ особнякѣ общества русскихъ сестеръ милосердiя, на бульв. Фландренъ. Вечеръ прошелъ оживленно, многолюдно и весело.

●●●

Въ засѣданiяхъ кружка перваго триместра сего года приняты новые члены: А. А. Ачаиръ (Грызовъ) и А. Д. Баженовъ — Сибирцы; А. А. Поповъ, С. Ф. Сулинъ и А. Н. Туровѣровъ — Донцы; Я. В. Ширягинъ — Терецъ.

●●●

Исполняющееся въ октябрѣ сего года 125-лѣтiе со дня рожденiя М. Ю. Лермонтова послужитъ темой ближайшимъ собранiямъ кружка для обсужденiя вопросовъ, связанныхъ съ празднованiемъ юбилея и съ участiемъ кружка въ организацiи выставки въ Парижѣ, посвященной поэту.

Казачiй Альманахъ

Выходъ казачьяго альманаха, изданнаго Кружкомъ Казаковъ Литераторовъ, подъ редакцiей П. В. Гусева, В. С. Крюкова и Н. Н. Туровѣрова, явился маленькимъ литературнымъ событiемъ не только въ нашей казачьей средѣ. Во многихъ эмигрантскихъ изданiяхъ, за подписями очень авторитетныхъ литературныхъ критиковъ, появились о немъ статьи, отмѣчающiя прекрасный внѣшнiй видъ альманаха и высокiй уровень его содержанiя. Приходится лишь удивляться, что Кружокъ Казаковъ Литераторовъ, за сравнительно короткiй перiодъ своего существованiя, сумѣлъ не только объединить группу талантливыхъ писателей и поэтовъ-казаковъ, но и проявить ту творческую волю къ культурной работѣ, результатомъ которой и явилось изданiе альманаха.

За рѣдкимъ исключенiемъ, всѣ участники альманаха принадлежатъ къ поколѣнiю, начавшему свою литературную жизнь только въ эмиграцiи; многiе совсѣмъ недавно. Тѣмъ отраднѣе видѣть тѣ прекрасные результаты, которые имъ удалось достигнуть.

Альманахъ открывается большимъ стихотворенiемъ Марiи Волковой, поэтессы, печатавшейся до сихъ поръ, главнымъ образомъ, на Дальнемъ Востокѣ. Стихи очень хороши — умѣло и крѣпко сдѣланы. Въ нихъ есть то «долгое дыханiе», которое, къ сожалѣнiю, такъ рѣдко у современныхъ поэтовъ, пишущихъ почти всегда очень короткiя пьесы, принимающiя у нѣкоторыхъ даже формы миніатюръ. (Штейгеръ, Червинская). Эпическое, а не лирическое, содержанiе этого стихотворенiя тоже должно быть отмѣчено, такъ какъ эпическая поэзiя, уже давно, почти исчезла изъ русской литературы. Возобновленiе этого жанра, сдѣланное съ такимъ мастерствомъ, можетъ быть только привѣтствуемо.

Въ стихахъ Евгенiи де Жерве есть свой индивидуальный поэтическiй голосъ, свое очень лирическое, очень женское отношенiе къ мiру. Тотъ поэтическiй матерiалъ, который чувствуется за этими стихами, требуетъ еще дальнѣйшей обработки, но уже и эти стихи даютъ намъ основанiе думать, что изъ Евгенiи де Жерве выработается интересный и своеобразный поэтъ.

Стихотворенiе Нины Жаровой очень блѣдно, голосъ у поэтессы еще слишкомъ тихъ, чтобы можно было судить о размѣрахъ ея дарованiя.

Игорь Воиновъ представленъ только однимъ маленькимъ стихотворенiемъ, что очень жаль, такъ какъ это одинъ изъ самыхъ зрѣлыхъ и сильныхъ поэтовъ сборника, создавшiй уже себѣ имя въ эмигрантской литературѣ. Его прекрасно сдѣланное восьмистишье, философично, спокойно, печально...

Изъ трехъ стихотворенiй Ирины Поляковой, лучшее — третье, посвященное Шмелеву. Въ

немъ очень хорошо, тонкой, акварельной кистью, данъ русскій пейзажъ — «близкое, далекое, родное».

И. Даниловъ, посвятившій стихотвореніе генералу Малышенко, талантливъ, молодъ, порывистъ. Ему еще не хватаетъ умѣнія, но мастеромъ можно стать, поэтами же родятся. Даниловъ несомнѣнно рожденъ поэтомъ. Если онъ будетъ работать надъ собой, онъ сможетъ добиться прекрасныхъ результатовъ и тогда, дѣйствительно, прославитъ Кубань, которая давно уже ждетъ своего поэта.

Печальные, очень лирическіе стихи Н. Евсѣева, полны любовью къ родному Дону, къ «незамѣтному раю казачьему». Лучшее изъ четырехъ помѣщенныхъ стихотвореній третье восьмистишье, написанное съ большимъ волненіемъ и чувствомъ мѣры.

О Борисѣ Номикосовѣ и Сергѣѣ Сулинѣ еще трудно судить, такъ какъ каждый изъ нихъ представленъ только однимъ стихотвореніемъ, но намъ кажется, что стихи Намикосова, несмотря на нѣкоторыя достоинства, слишкомъ прозаичны и можетъ быть призваніе, въ которомъ онъ можетъ «найти себя», проза, а не стихи. Стихи Сулина очень расплывчаты и въ нихъ попадаются неточныя и избитыя выраженія. Эти стихи хочется сжать, чтобы выжать изъ нихъ всю воду, тогда они, можетъ быть, зазвучатъ по настоящему.

Стихи Н. Туровѣрова, лучшіе въ сборникѣ, вошли въ недавно вышедшую книгу его стиховъ, о которой дается отдѣльный отзывъ въ этомъ номерѣ «Станицы».

П. Н. Красновъ далъ блестящій очеркъ о казачьихъ войскахъ, — «одиннадцати крупныхъ жемчужинахъ и трехъ ядрышкахъ бурмицкаго зерна имперской, россійской короны». Разсказъ В. Крюкова «Въ своей средѣ», по нашему мнѣнію не является лучшимъ произведеніемъ этого талантливаго донского писателя. Онъ написанъ слишкомъ сухо и вся исторія любви Володи и Лиды недостаточно убѣдительна и внутренне не оправдана. Разсказъ Александра Туровѣрова «Первая любовь», воскрешаетъ легендарную эпопею Чернецовскаго отряда и Михайло-Константиновской юнкерской батареи — «дѣтскаго, крестоваго похода». Если мы не ошибаемся, это первое выступленіе автора въ печати, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ можемъ мы отмѣтить его талантливость и его почти безошибочное чувство стиля, которое свойственно только настоящимъ писателямъ. Любовь партизана Киры и портупей-юнкера Бабакова, протекающая на фонѣ героической борьбы кучки дѣтей съ обезумѣвшей Россіей, гибель Чернецова, смерть Киры, все это разсказано съ большимъ умѣніемъ и простотой.

Н. М. Мельниковъ въ небольшомъ очеркѣ «Въ донской станицѣ» вспоминаетъ о привольной и веселой жизни донскихъ казачатъ, а Сергѣй Сулинъ въ сценѣ «Проводы казака на службу», возстанавливаетъ передъ нами патріархальный, теперь уже ушедшій въ прошлое, бытъ донскихъ казаковъ. Очень интересные, блестящіе по формѣ, воспоминанія Д. И. Ознобишина, «Моя служба въ казакахъ и съ казаками», свидѣтельствуютъ объ умѣ, тонкомъ юморѣ и большой наблюдательности автора.

Чтобы закончить нашъ обзоръ, мы должны еще упомянуть о статьяхъ И. Г. Акулинина, «Казаки въ гражданской войнѣ» и Н. Туровѣрова «Казаки въ изображеніи иностранныхъ художниковъ». Обѣ эти статьи написаны съ большимъ умѣніемъ и исчерпывающей полнотой.

Будемъ надѣяться, что этотъ выпускъ казачьяго альманаха не будетъ послѣднимъ, что казаки поддержатъ культурное начинаніе своихъ писателей и что, съ теченіемъ времени, казачья литература займетъ почетное, достойное ей мѣсто, въ литературѣ обще-русской.

В. С.

А. Д. БАЖЕНОВЪ.

На развалинахъ джунгарскаго царства

На далекой окраинѣ великаго Русскаго государства, съ юга и запада гранича съ Китаемъ, широко раскинулась Зайсанская равнина, прорѣзанная серебряной лентой Иртыша и озеромъ-моремъ Норъ-Зайсанъ. Обширная долина окаймлена горными хребтами: на сѣверѣ Таргынскимъ, съ востока алтайскимъ, на югѣ Сауромъ и съ запада хребтами Кешкене-тау, Монракомъ и Тарбогатаемъ.

Этотъ районъ, почти въ сто тысячъ квадратныхъ верстъ, слабо населяютъ киргизы и еще слабѣе русскіе — около 6% общей численности всего населенія. На краю былого великаго Джунгарскаго царства, включающаго просторы нынѣшняго Туркестана, широко расположились два уѣзда — Кокпектинскій и Зайсанскій.

Пустынный край. За 408 верстъ отъ небольшого пограничнаго городка Зайсана находится къ сѣверу гор. Устькаменогорскъ и на пути между ними казачья станица — городъ Кокпэкты. Всѣ три связаны линіей пикетовъ. Пикетъ — бѣленькій домикъ изъ дикаго камня или сырцоваго кирпича съ помѣщеніемъ для почтоваго старосты, киргизъ-ямщиковъ и комнаты для проѣзжающихъ — въ лѣтнее время съ тучей жужжащихъ мухъ. Около домика каменная ограда для лошадей. Степь оживляетъ линія телеграфа вдоль дороги и съ запада горы Монракъ и Тарбогатай. И, какъ оазисъ въ пустынѣ, Зайсанъ, утопающій въ зелени деревьевъ, съ арыками, полными чистой проточной воды, по сторонамъ немощеныхъ улицъ. Небольшой чистенькій городокъ, въ которомъ постоянно квартировалъ 3-ій Сибирскій казачій полкъ; городъ всего изъ шести улицъ, безъ освѣщенія и тротуаровъ.

Изъ числа разныхъ народностей, населявшихъ край, самыми поздними пришельцами являются русскіе; до нихъ — киргизы; еще ранѣе — калмыки, джунгары и въ давнія времена — какіе-то номады. Какъ воспоминаніе объ исчезнувшихъ изъ края народностяхъ сохранились каменныя бабы, имѣющіяся въ Зайсанѣ, да группа въ 10-12 кургановъ посреди Чиликтинской долины между Монракомъ и Тарбогатаемъ. Курганы, — большіе и малые ,— діаметромъ въ 10-15 саженъ при высотѣ въ 3-5 саженъ.

Проѣзжая мимо этихъ памятниковъ сѣдой старины, невольно переносишься мыслью къ тризнамъ въ языческой Руси, когда на могилахъ вождей обильный пиръ съ крѣпкими медами и брагой сопровождался кровавой рѣзней плѣнныхъ враговъ.

Не мало встрѣчается киргизскихъ могилъ въ долинахъ и на склонахъ горъ; у бѣдныхъ — кучки камней, у богатыхъ — муллушки изъ сырцоваго кирпича: круглыя, коническія, четырехугольныя... Эти муллушки часто отдалены отъ зимовокъ на сотни верстъ.

Сами зимовки — «выставы», сложенныя изъ камней или дерна, прячутся въ горныхъ щеляхъ, укрываясь отъ вѣтровъ.

Съ начала лѣта киргизы со своими стадами кочуютъ съ мѣста на мѣсто по широкой вольной степи.

Вотъ движется караванъ: впереди, въ нарядныхъ бешметахъ, шапкахъ, отороченныхъ мѣхомъ, съ беркутами или соколами на рукахъ ѣдутъ верхомъ глава аула — бай и его сыновья. Молодыя дѣвушки — «кызъ» — въ такихъ-же костюмахъ ѣдутъ верхомъ нѣсколько позади. Часто на быкахъ ѣдутъ женщины — всѣ верхомъ. Затѣмъ слѣдуютъ верблюды и быки, нагруженные разобранными юртами, коврами, кошмами, сундуками, чугунными котлами-казанами и прочимъ скарбомъ. Кругомъ сторожевыя собаки — злыя, голодныя, полуоблѣзлыя. Главное богатство бая — огромные табуны коней, верблюдовъ, стада барановъ и коровъ, — двигается къ новой стоянкѣ, не спѣша — къ вечеру, используя попутный травяной кормъ.

Постоянное общеніе съ природой выработало въ киргизахъ любовь къ поэзіи, проявляющейся въ сложеніи многихъ легендъ и импровизаціяхъ на разные случаи.

Одна изъ легендъ связана съ горой Талогой и бѣлокварцевой сопкой вблизи ея на равнинѣ. Выдѣляясь изъ Таргынской горной системы, Талогой виденъ изъ Зайсана почти за 300 верстъ, напоминая своимъ видомъ киргизскую юрту. Приведу на память содержаніе легенды:

Нѣкій батырь, т. е. молодой удалецъ, полюбилъ красавицу, отвѣтившую ему взаимной любовью. Но на ихъ несчастье, также полюбилъ дѣвушку богатый и уже немолодой киргизъ, внесшій ея отцу калымъ (выкупъ за невѣсту) въ сотню барановъ, лошадей и много серебра въ слиткахъ-ямбахъ. Не было денегъ и скота у небогатаго батыря. Оставался выходъ — украсть невѣсту.

Въ короткую лѣтнюю ночь скакали влюбленные на взмыленныхъ лошадяхъ. Палъ загнанный конь невѣсты. Уже двое скачутъ на одномъ. А погоня близка... Падаетъ и второй конь... Но молитвы матери за сына дѣлаютъ чудо: сдвинулась гора съ мѣста и шатромъ-юртой укрыла бѣглецовъ отъ дышащаго местью жениха. Скрыла на вѣки. Много

слезъ пролила осиротѣвшая мать. И эти чистыя слезы матери окристаллизовались въ бѣлокварцевую сопку...

Лѣтняя жара гонитъ киргизъ въ горы на «акджайлау» или «бѣлки», т. е. вершины, на которыхъ забои стараго снѣга въ логахъ остаются до новаго. На бѣлкахъ нѣтъ ни комаровъ, ни мошекъ, ни оводовъ, безпокоющихъ животныхъ въ долинѣ. Исхудавшій за зиму скотъ быстро поправляется въ горахъ, на густой бархатной травкѣ.

Киргизы китайской стороны также кочуютъ въ горы, сходясь со своими единоплеменниками, русско-подданными, у самой границы, обозначенной кочевыми тропами, идущими по вершинѣ хребта, или немногими пограничными столбами, гдѣ граница отходитъ отъ вершинъ.

Контрабанда, «баранта», т. е. грабежъ скота, убійство, иногда соблазнъ лучшими земельными просторами, родство между отдѣльными аулами русскихъ и китайскихъ киргизъ — служатъ причинами перехода границы.

За неимѣніемъ въ краѣ пограничной стражи, горные проходы въ хребтахъ Алтая и Тарбогатая, доступные къ переходу черезъ нихъ лишь лѣтомъ — и то въ теченіе 2-4 мѣсяцевъ — охраняются казачьими сотнями, выставляющими въ нихъ посты.

Лѣтомъ 1900 года мнѣ пришлось нести постовую службу въ Тарбогатаѣ. Участокъ сотни тянулся примѣрно на 200 верстъ, считая фланги, обслѣдуемые разъѣздами. Сравнительно невысокіе горные проходы Чоганъ-Обо и Бургусутай (онъ же Кузеунь) съ колесными дорогами въ Китай занимались съ 1 мая до сентября. Посты Катанъ-ащи и Хабаръ-асу, на высотѣ въ 2 1/2-3 версты, съ нетающимъ до іюля снѣгомъ, представляя изъ себя до этого времени естественное препятствіе для перехода, занимались обычно около 1 іюля. Проведя два мѣсяца на посту Кузеунь, я въ концѣ іюня пошелъ со второй полусотней занять эти посты.

Путь шелъ частью Чиликтинской долиной, частью по склонамъ Тарбогатая, частью по вершинамъ хребта, попадая порой въ облако, пронизывающее сыростью. Вторая половина пути шла по крутому откосу горы вьючной тропой. Гдѣ-то далеко внизу шумѣла невидимая сверху горная рѣчка Тере-арыкъ. Стало очень свѣжо. Мѣстами, въ боковыхъ щеляхъ лежалъ пористый снѣгъ, напитавшійся отъ солнца водой.

— «Бѣда, Ваше Благородіе» — говоритъ мнѣ казакъ-алтаецъ, — «когда вотъ дорога идетъ по такому забою: въ емъ, може, нѣсколько саженъ будетъ. Провалишься, такъ и не вытащить...».

Самъ по себѣ трудный переходъ въ 75 верстъ былъ тѣмъ болѣе утомителенъ, что путь до Катанъ-ащи шелъ мѣстами по узкой тропѣ въ тѣсномъ ущельѣ, заваленномъ камнями; приходилось не разъ идти пѣшкомъ при спускахъ по крутымъ длиннымъ скосамъ или подъемамъ въ гору по каменнымъ плитамъ, какъ по ступенямъ лѣстницы, ведя лошадей въ поводу. Наконецъ, путь расширился и пошелъ по мягкому плато, покрытому короткой густой травой, постепенно переходя въ небольшую долину, сжатую горами. У подножья горы, покрытой крупнымъ валуномъ и мелкимъ кустарникомъ, было мѣсто поста. Тутъ-же стояла, Богъ знаетъ откуда взявшаяся, словно отдѣльная, каменная глыба, почти правильный кубъ, болѣе сажени вышиной. Эта глыба доставляла развлеченіе казакамъ поста, старавшимся взбираться на нее.

Наскоро пообѣдавъ, что тоже примѣнительно ко времени «поужинавъ», казаки вскорѣ спали крѣпкимъ сномъ, не обращая вниманія на вой волковъ и плачъ филиновъ.

На другой день, пройдя еще 46 верстъ, я съ 4-мъ взводомъ прибылъ на Хабаръ-асуйскій постъ на перевалъ Кара-кизень, къ которому сходились двѣ лощины съ русской стороны и одна съ китайской. У самаго перевала съ сѣверной стороны лежалъ обширный бѣлокъ. Не спускаясь внизъ къ ручью, казаки все лѣто брали изъ него воду. Надо думать, что мы были на высотѣ трехъ верстъ, такъ какъ сосѣдній, болѣе низкій, перевалъ былъ отмѣченъ на картѣ въ 9769 футовъ.

По прибытіи, насъ встрѣтили волостной старшина Белеучи и богачъ Тогусовъ. Белеучи, т. е. «всезнающій», прозванный такъ киргизами за свой изворотливый умъ, сдалъ взводному уряднику уже поставленныя четыре юрты, стадо барановъ и топливо. Вслѣдъ затѣмъ обратился ко мнѣ съ просьбой дать ему фельдшера для оказанія помощи раненому барантачу. Просить уѣзднаго начальника о присылкѣ врача или фельдшера волостной боялся, такъ какъ тогда при дознаніи о барантѣ немало открылось бы темныхъ дѣлъ у самого Белеучи.

Какъ Белеучи, такъ и Тогусовъ пригласили меня къ себѣ въ гости. Я предпочелъ отправиться къ Тогусову, стоявшему со своимъ ауломъ въ полверстѣ отъ поста.

У входа въ большую бѣлую юрту насъ встрѣли два его взрослыхъ сына — безъ шапокъ, съ низкими поклонами, съ прижатыми къ сердцу руками.

Юрта была сплошь застлана коврами поверхъ кошмы. Вдоль круглой стѣны, увѣшанной коврами, лежало сѣдло, украшенное серебромъ, бирюзой и другими камнями; стояли окованные цвѣтной жестью сундуки, большой никеллированный самоваръ, ножная швейная машина; за пологомъ виднѣлась широкая деревянная кровать, расписанная разными красками. Все говорило о богатствѣ хозяина. Обычное мѣсто въ центрѣ юрты было занято круглымъ низкимъ столомъ.

Съ поклономъ и прижатой къ сердцу рукой, хозяинъ сказалъ мнѣ:

— «Атурнысъ, таксыръ-тюре», т. е. «садитесь, г-нъ офицеръ».

Сѣли на ковры кругомъ стола, скрестивъ подъ собой ноги. Одинъ изъ сыновей взялъ домру — двуструнный инструментъ, — и затянулъ импровизированную пѣсню. Онъ пѣлъ о томъ, какъ послѣ долгаго утомительнаго пути молодой тюре пріѣхалъ въ гости къ его отцу, принеся съ собой въ юрту сіяніе солнца и оказавъ своимъ посѣщеніемъ всей семьѣ великую честь. Я отблагодарилъ пѣвца поклономъ, сказавъ:

«Рахметъ, копъ рахметъ», — (спасибо, большое спасибо).

Послѣ этого пѣвецъ перешелъ на веселый тонъ. Казакъ по русски подпѣвалъ значеніе пѣсни: «рыба по суху не ходитъ никогда; безъ воды она не можетъ жить совсѣмъ».

Вскорѣ изъ другой юрты принесли большую китайскую фарфоровую чашу съ кумысомъ и роговымъ въ серебрѣ черпакомъ. Началось питье кумыса. Выпьетъ киргизъ чашку, крякнетъ, оботретъ рукой губы и скажетъ: «джаксы, копъ джаксы», т. е. «хорошо, очень хорошо». И то сказать: старый кумысъ пѣнился и, какъ доброе вино, билъ въ голову.

Бесѣда велась чеерзъ казака — степовые казаки, часто имѣющіе работниками киргизъ, говорятъ по киргизски словно на родномъ языкѣ.

Тогусовъ оказался владѣльцемъ свыше полуторыхъ тысячъ лошадей, сотенъ двухъ верблюдовъ, десятка тысячъ барановъ и многихъ коровъ. Уважаемый родичами, Тогусовъ дважды былъ представителемъ киргизскаго населенія на коронаціяхъ Императоровъ Александра III и Николая II; имѣлъ почетные халаты съ золотымъ позументомъ и медали.

Подали эмалированный тазъ, кувшинъ съ водой и урамалъ — полотенце. Передъ ѣдой традиціоннаго варенаго барашка — «козуна», т. е. весенняго того же года приплода, вымыли руки. Сначала подали копченое скотское мясо и «казы» — колбасу изъ «махана» (конины); затѣмъ на большихъ китайскихъ блюдахъ горой наложенное дымящееся паромъ мясо козуна. Въ котлѣ принесли «сурпу» — несоленый бульонъ. Вооружившись короткими ножами — «пчаками», начали рѣзать мясо, сало, печенку, обмакивая ихъ въ крѣпко посоленую въ чашкахъ сурпу — «тудзукъ». Ѣду запили прѣсной сурпой, а затѣмъ кумысомъ. Казакъ, лучше меня знакомый съ киргизскимъ этикетомъ, рыгнулъ, показавъ тѣмъ гостепріимному хозяину, что онъ сытъ и доволенъ угощеніемъ.

Поблагодаривъ Тогусова и пригласивъ его пріѣхать ко мнѣ съ женой — «байбиче», я уѣхалъ на постъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Влад. СМОЛЕНСКІЙ.

Стихи Н. Туровѣрова

Стихи Н. Туровѣрова занимаютъ совсѣмъ особое мѣсто въ современной русской поэзіи. Дѣло здѣсь не только въ ихъ тематикѣ, не только въ томъ, что большинство изъ нихъ вдохновлены Дономъ, его исторіей, бытомъ, ланшафтомъ. Главная особенность стиховъ Туровѣрова, по моему, та что читая ихъ, чувствуешь, что весь путь русской поэзіи послѣ золотого Пушкинскаго вѣка, прошелъ мимо этихъ стиховъ. Туровѣровъ прямой наслѣдникъ Пушкина. (Я говорю конечно о стилѣ, а не о силѣ таланта).

Если бы у насъ не было серебрянаго вѣка русской поэзіи, начавшагося, приблизительно, съ символизма, если бы не было всѣхъ исканій, порой, правда, тщетныхъ, новыхъ поэтическихъ формъ, нашедшихъ свое выраженіе въ акмеизмѣ, имажинизмѣ, декадентствѣ, футуризмѣ, стихи Туровѣрова ни на іоту не измѣнились бы. Въ этомъ ихъ сила и ихъ слабость. Сила — потому что Пушкинское наслѣдство было очень богатымъ и пути имъ указанные — вѣрны. Слабость — потому что весь опытъ русской поэзіи послѣ Пушкина (а опытъ былъ огромный) ничѣмъ ихъ не обогатилъ.

У Туровѣрова Пушкинское міроощущеніе, но вѣдь міръ со временъ Пушкина очень и очень измѣнился. У Туровѣрова «блестящій Пушкинскій ямбъ», но иногда этотъ блескъ не соотвѣтствуетъ сниженной самой жизнью темѣ его стиховъ.

Туровѣровъ талантливъ, у него есть поэтическая личность, почему его стихи значительны и интересны съ точки зрѣнія поэтической, а не только историко-литературной, что было бы, если бы онъ былъ просто пушкинскимъ эпигономъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ прослѣдить и проанализировать преодолѣніе Туровѣровымъ вліянія своего великаго собрата. Но уже то, что стихи Туровѣрова вызываютъ мысли не только узкоформальнаго, но и обще поэтическаго порядка, свидѣтельствуютъ о глубинѣ его поэзіи.

Теперь, позволю себѣ одно формальное замѣчаніе. Туровѣровскій ямбъ очень хорошо звучитъ, тѣмъ досаднѣе нѣкоторые неправильности въ удареніяхъ словъ, которые иногда попадаются въ размѣрѣ, который больше чѣмъ другіе размѣры, требуетъ непогрѣшимости. Напримѣръ:

И ты твердишь что на балу
Всѣ оцѣнили твою ножку.

По размѣру здѣсь нужно читать **«твою»** съ удареніемъ на первомъ слогѣ. Такихъ примѣровъ можно указать нѣсколько.

Если не считать этихъ легко устранимыхъ недостатковъ, почти во всѣхъ стихахъ Туровѣрова происходитъ то сліяніе формы и содержанія, которое и создаетъ хорошіе стихи. Поэтому всѣ любители поэзіи будутъ и дальше съ тѣмъ же вниманіемъ слѣдить за дальнѣйшимъ творческимъ развитіемъ этого подлиннаго и талантливаго поэта.

Казачья жизнь во Франціи

У КАЗАКОВЪ-КОМБАТАНТОВЪ

Общее годовое собраніе Союза казаковъ-комбатантовъ назначается 23-го апрѣля, въ 15 ч. 30 м. въ Галлиполійскомъ Собраніи (81, рю де ля Фезандери, Парижъ 16).

На этомъ собраніи Правленіе Союза доложитъ о своей дѣятельности за минувшее трехлѣтіе, а ревизіонная комиссія сдѣлаетъ докладъ о состояніи суммъ.

Послѣ докладовъ и обмѣна мнѣніями состоятся выборы Правленія на новое трехлѣтіе.

Правленіе Союза проситъ членовъ донской секціи комбатантовъ собраться за полъ часа до общаго собранія, чтобы намѣтить кандидатовъ для баллотировки въ члены Правленія отъ донцовъ.

Правомъ голоса на собраніи пользуются всѣ члены Союза, имѣющіе комбатантскую карту съ маркой 1938-го года.

Марки выдаются каждый вторникъ отъ 19 час. 15 мин. до 20 час. 15 мин. въ канцеляріи Правленія на рю Бусико № 2, Парижъ 15.

Засѣданія Правленія по четвергамъ отъ 19 ч.

КАЗАКИ ВЪ МОНТАРЖИ.

На 1939-й годъ Общеказачьей станицей въ Монтаржи (Франція) избрано правленіе въ слѣдующемъ составѣ:

М. В. Леоновъ (атаманъ), Т. М. Карнауховъ и А. П. Каргальсковъ (помощники), И. С. Антюфеевъ (казначей). Довѣренные — Я. И. Подрѣзовъ, И. К. Карѣевъ; станичные писари — С. С. Хныкинъ и В. З. Меркуловъ.

Въ ревизіонную комиссію — Д. И. Разинъ, Ф. М. Мироновъ и И. П. Сковородниковъ. Библіотекарь — М. Г. Ушаковъ.

Слѣдующій номеръ Станицы будетъ посвященъ

130-лѣтію со дня рожденія

Н. В. ГОГОЛЯ.

Памяти друга

16 января въ Холливудѣ, въ госпиталѣ, внезапно скончался Василій Ивановичъ Семиколѣновъ, донской казакъ станицы Владимірской. Покойному было 43 года.

Въ Великую войну, шестнадцатилѣтнимъ юношей, Василій Ивановичъ Семиколѣновъ, съ 7-ымъ Донскимъ казачьимъ полкомъ, добровольно ушелъ на фронтъ и вскорѣ сталъ полнымъ георгіевскимъ кавалеромъ и былъ произведенъ изъ рядового казака въ офицерскій чинъ — хорунжаго.

Въ гражданскую войну покойный находился въ частяхъ Донского корпуса генерала Мамонтова, а въ Крыму — въ бригадѣ генерала Морозова.

В. И. Семиколѣновъ былъ человѣкомъ безграничной храбрости, совмѣщенной въ то же время съ какой то особенной, простотой и скромностью. Онъ принадлежал, именно, къ той лучшей части казачества, отличавшейся глубокимъ патріотизмомъ, патріархальностью, уваженіемъ къ сѣдинѣ, религіозностью, природнымъ умомъ; именно, къ тому казачеству, на костяхъ котораго росли слава, величіе и границы Русскаго государства...

Въ эмиграціи съ 1927 года до дня смерти, безпрерывно, въ теченіи 12 лѣтъ, В. И. Семиколѣновъ былъ въ Платовскомъ Донскомъ казачьемъ хорѣ и съ нимъ разносилъ славу и лихость казачьей пѣсни и танца по всему свѣту....

Кристальной чистоты, благородства, покойный былъ несмѣняемымъ хоровымъ казначеемъ, преданнымъ и любимымъ другомъ хоровой семьи...

Еще 10 января онъ танцовалъ лихо казачка на концертѣ хора, жалуясь только на боль зуба.

12 января дантистъ вырываетъ у него зубъ; внезапно зараженіе крови, а 16 января утромъ Василій Ивановичъ умеръ....

Чудовищные снаряды, милліарды пуль щадили жизнь, но жестокая смерть нашла этого безстрашнаго казака въ Холливудѣ, въ госпиталѣ....

Для Донского богатыря холливудскій климатъ оказался страшнѣе снарядовъ....

Платовскій хоръ торжественно похоронилъ своего друга въ Лосъ-Анжелосѣ 17-го января, на сербскомъ кладбищѣ и на его могилѣ поставилъ мраморный памятникъ, а казачья станица посадитъ на ней «калину родную, что жилъ былъ казакъ на чужбинѣ далекой и помнилъ про Донъ свой родной на чужой сторонѣ»....

Платовцы потрясены внезапной утратой своего лучшаго друга и горько скорбятъ надъ его печальной и одинокой могилой!...

Прощай, родной, нашъ вѣрный другъ!

Николай Кострюковъ.

20-I-1939 г.
Лосъ-Анжелосъ.

Le Gérant: Ch. Quénet. Imprimerie de NAVARRE — 5, rue des Gobelins. Paris-13e.

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ.

«STANITZA», 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 30 | АПРѢЛЬ 1939 | Годъ изданія 8-й

Христосъ Воскресе!

Двадцать лѣтъ службы Терскому казачьему войску

Войсковой Атаманъ Терскаго Казачьяго Войска Генералъ-Лейтенантъ Г. А. Вдовенко.

Въ мартѣ этого года исполнилось 20-лѣтіе пребыванія на посту Войскового Атамана Терскаго Казачьяго Войска Генералъ-Лейтенанта Герасима Андреевича Вдовенко.

Въ необычныхъ, тяжелыхъ условіяхъ, держитъ свой перначъ Атаманъ, далеко отъ предѣловъ буйнаго Терека. Трудно приходилось и на родной землѣ избраннику Войска, одолѣваемаго въ роковые годы гражданской войны многочисленными врагами.

Отъ души привѣтствуя Генерала Г. А. Вдовенко съ 20-лѣтнимъ юбилеемъ, парижская студенческая казачья станица и редакція журнала «Станица» шлютъ ему пожеланія добраго здоровья для дальнѣйшей работы во славу доблестнаго Терскаго Войска и на пользу всему Казачеству.

Николай ТУРОВѢРОВЪ.

Надъ весенней водой, надъ затонами,
Надъ просторомъ казачьей земли,
Точно войско Донское, — колоннами,
Пролетали вчера журавли.

Пролетая печально курлыкали,
Былъ далекъ ихъ подоблачный шляхъ.
Горемыками горе размыкали
Казаки въ чужедальныхъ краяхъ.

Ник. ЕВСѢЕВЪ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

«Христосъ Воскресъ» — поютъ въ Россіи.
Поютъ сердца, лѣса, поля,
Потоки въ балкахъ снѣговые,
Родная талая земля.

«Воистину Воскресъ» — цѣлую
Я землю мокрую въ степи.
Родная, жду... не обману я
И говорю: «казакъ терпи».

Терпи, казакъ, — не будешь атаманомъ,
Но казакомъ свой вѣкъ пройдешь,
И благодать степи бурьянной
Ты и въ разлукѣ жадно пьешь.

Ее, какъ кровь, ты въ сердцѣ носишь.
Она одна тебѣ поетъ.
Ты объ одномъ у Бога просишь —
Въ Хопрахъ пожить бы лишній годъ.

Пожить, пожить, смотрѣть на небо,
Гдѣ табунятся облака,
На волны зрѣющаго хлѣба
И на внученка-казака.

А тамъ и пусть глаза закроетъ
Родная старая рука,
И пусть земля донская скроетъ
Останки дѣда-казака.

Зах. КОНДРАШОВЪ.

ТИХІЙ ДОНЪ

Посв. Кружку «Казаковъ-Литераторовъ».

Поэтъ казачій иль писатель!
Пиши всегда про Край Родной
И, какъ искуснѣйшій ваятель,
Воздвигни образъ дорогой...
Почти лѣтъ двадцать на чужбинѣ
Мы всѣ скитаемся.... Порой
Тускнѣетъ какъ-то образъ милый
Моей Отчизны дорогой...
И вспомнить хочется былое, —
Какой былъ раньше Край Родной...
Рука дрожитъ... Глаза не видятъ...
Они наполнились слезой...
.. ..

Играетъ Донъ волной холодной, —
Онъ что-то сердится, бурлитъ...
А въ малыхъ рѣчкахъ по музгамъ,
Камышъ задумчиво шумитъ...
Склонились вербы надъ рѣкою, —
Онѣ касаются воды....
А въ глубинѣ, въ тѣни, прохладѣ
Спокойно нѣжатся сомы.
Въ степи курганы молчаливо
Стоятъ и степь всю берегутъ.
А степь... безкрайна... безпредѣльна...
Въ ней скрипъ арбы... стада бредутъ...
А какъ не вспомнить нашъ станичный
Церковный нѣжный перезвонъ?!
И какъ не вспомнить со слезами
Тебя, мой Донъ, мой Тихій Донъ?!
Люблю тебя, мой Край далекій,
Люблю тебя я всей душой...
Поэтъ казачій иль писатель!
Пиши, пиши про край родной.

Марія ВОЛКОВА.

Наше счастье пронизано болью;
Страхомъ осени дышетъ весна;
Но люблю этотъ міръ поневолѣ —
Для него, для него создана.

Неизбѣжность виситъ надо мною:
На ущербѣ мое бытіе;
Но упрямо не хочетъ покоя
Неуемное сердце мое.

Безъ упрека свой жребій пріемлю.
Безъ упрека горю и пою,
И прекрасную грѣшную землю
По земному всей кровью люблю.

И. Г. АКУЛИНИНЪ.

ЛЕТУЧАЯ ПОЧТА

(Продолженіе).

По другую сторону оврага, на возвышенномъ берегу, — какъ разъ противъ слободы Антропшиной, — находилась Царская Славянка. Такъ называлась барская усадьба съ небольшимъ каменнымъ дворцомъ, окруженная паркомъ.

Поднявшись на бугоръ, я увидѣлъ Канцевича, который стоялъ на шоссе передъ массивными воротами усадьбы. Его вѣстовой, семирѣкъ Михайловъ, мирно сидѣлъ на травѣ, держа въ поводу лошадей.

— Какъ дѣла? — спросилъ я пріятеля, слѣзая съ коня.

— Дѣла бамбукъ, — съ досадой отвѣтилъ Канцевичъ, бросая въ трaву недокуренную папиросу.

— Что такое? Случилось что-нибудь? — удивился я.

— Хотѣлъ письмо передать, да не удалось.

— Какое письмо? Кому?

— Письмо собственнаго сочиненія одной хорошенькой грузинкѣ.

— Которую зовутъ Тамарой, — засмѣялся я.

— Нѣтъ, ее зовутъ Ниной, — поправилъ Канцевичъ.

— И которая находится за рѣшеткой этого замка?

Я показалъ въ сторону воротъ.

— Совершенно вѣрно.

— Какое-то таинственное знакомство. Гдѣ ты съ ней встрѣтился?

— На институтскомъ балу. Потомъ въ одномъ домѣ раза два видѣлъ.

Надо сказать: Царская Славянка когда-то служила загородной дачей одному изъ Екатерининскихъ вельможъ. Теперь она была приписана къ Патріотическому Институту благородныхъ дѣвицъ; и здѣсь проводили лѣто тѣ изъ воспитанницъ, которыя почему-либо не могли уѣхать на лѣтнія каникулы къ своимъ роднымъ.

Въ воротахъ показался благообразнаго вида старикъ — не то швейцаръ, не то дворникъ.

— Предлагалъ этому эфіопу рубль, чтобы письмо передалъ. Не приказано, говоритъ, — ворчалъ Канцевичъ, закуривая папиросу. — Только сказалъ, что институтки скоро на прогулку выйдутъ. И вотъ съ этого мѣста ихъ можно видѣть.

— Такъ ты стоишь и ждешь?

— Стою и жду, какъ дуракъ.

Я пожелалъ счастливой встрѣчи и, напѣвая знакомый мотивъ изъ «Веселой вдовы», поѣхалъ по направленію къ Павловску, сначала по шоссе, а потомъ свернулъ на проселочную дорогу, поросшую по обочинамъ густою травой.

Слѣва отъ дороги тянулся Павловскій паркъ, а справа разстилались поля колосистой ржи, мѣстами чередовавшіяся съ узкими полосами колючаго, остистаго, ячменя и зеленаго, тонкобруннаго овса.

Солнце стояло высоко и сильно припекало. Въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка. Подъ тяжестью набухшихъ зеренъ, полновѣсные колосья ржи, слегка наклонившись, кивали другъ другу.

Опустивъ поводья, я ѣхалъ шагомъ. Мой конь, полукровный шлепакъ, завода графини Браницкой, развѣсивъ уши, лѣниво передвигалъ ногами; на его изогнутой шеѣ выступили крупныя капли пота. Когда назойливая муха пыталась усѣсться къ нему на кромку уха или въ другое укромное мѣсто, онъ принимался мотать головой и махать хвостомъ.

Ѣхать на красивомъ «Русланѣ» — такъ звали моего коня — составляло истинное удовольствіе. Онъ былъ прекрасно выѣзженъ — и подъ-кавалерійское, и подъ-казачье сѣдло. Хорошо напрыганъ, такъ что безъ труда бралъ любое препятствіе. Зналъ всѣ тонкости манежной и полевой ѣзды. Охотно дѣлалъ принимания и боковыя движенія. Часто на потѣху казакамъ, полковой наѣздникъ Грековъ заставлялъ его ходить по плацу испанскимъ шагомъ. Онъ былъ добраго нрава и пользовался со стороны казаковъ большой любовью. Они его ласкали и баловали: кто хлѣбомъ, кто сахаромъ. Особенно къ нему привязался мой вѣстовой Черепановъ, а его конь «Васька» велъ съ «Русланомъ» большую дружбу, за то ему иногда перепадала лишняя дача овса. ««Васька» былъ степнякъ крѣпкой киргизской породы. Отецъ Черепанова купилъ его двухгодовалымъ жеребчикомъ въ Кустанаѣ, на ярмаркѣ, куда, обычно, киргизы сгоняютъ табуны лошадей со всей степи. Изъ дикаго степного скакуна вышелъ хорошій «фрунтякъ», и на немъ старикъ Черепановъ отправилъ сына на службу въ гвардію.

Покачиваясь въ сѣдлѣ, я ѣхалъ въ отличномъ расположеніи духа — безъ какихъ-либо думъ, безъ желаній. По всему тѣлу разливалась пріятная истома, и жизнь казалась такой прекрасной и интересной. Сказывалось благотворное вліяніе природы.

Какъ видно, въ такомъ же благоразумномъ настроеніи находился и ѣхавшій со мной Черепановъ. Онъ выросъ среди широкихъ просторовъ оренбургскихъ степей и разстилавшаяся передъ нами картина

хлѣбныхъ полей доставляла ему большое наслажденіе.

— У насъ теперь покосы заканчиваютъ, — выражалъ онъ свои мысли вслухъ. — Черезъ недѣлю-другую пшеницы начнутъ жать.

— А каховъ нынче урожай? — спросилъ я Черепанова. — Что пишутъ изъ дома?

— Позавчера получилъ письмо; хлѣба ничего себѣ будутъ, особенно ранняго сѣва; только овсы на низкихъ мѣстахъ прихватило помхой*); зерно тощее выйдетъ.

— Значитъ, дождей было много?

— Дожди прошли какъ разъ во-время; нынче годъ не засушливый.

— А въ Кочкарѣ на пріискахъ работы ведутся?

— Въ Кочкарѣ дѣла совсѣмъ плохи; почти все золото вымыли. Такъ, старатели ковыряются въ пескѣ, да толку мало.

Черепановъ происходилъ изъ зажиточной семьи Кособродской станицы, близъ которой находились знаменитые когда-то Кочкарскіе золотые пріиски.

— Поглядите, Ваше Высокоблагородіе, какъ зерно налилось.

Черепановъ сорвалъ нѣсколько колосьевъ, и старательно растеръ ихъ. Я взялъ съ его широкой ладони щепотку продолговатыхъ зеренъ.

Мѣстами во ржи, и особенно по межамъ, росли васильки, красиво расцвѣчивая зеленыя полосы.

— Плохо пропахали и не выпололи какъ слѣдуетъ, — неодобрительно замѣчалъ мой вѣстовой, показывая на синія головки васильковъ. — Много куколю**) будетъ.

Впереди мелькнула бѣлая шляпка и скрылась; потомъ опять показалась и снова исчезла. Такъ повторилось нѣсколько разъ.

Проѣхавъ немного впередъ я увидѣлъ барышню, которая медленно шла по межѣ, и рвала васильки. Въ ея лѣвой рукѣ былъ довольно большой букетъ.

Я слѣзъ съ коня и, передавъ его Черепанову, началъ съ серьезнымъ видомъ разсматривать окружающую мѣстность. Потомъ не торопясь досталъ изъ полевой сумки карту и, сличая ее съ мѣстными предметами, сталъ дѣлать на ней карандашныя отмѣтки, не забывая, время отъ времени, посматривать въ сторону незнакомой барышни, столь неожиданно появившейся среди ржаного поля.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Барышня приближалась къ дорогѣ, продолжая рвать по пути васильки, которыхъ было особенно много какъ разъ около того мѣста, откуда я обозрѣвалъ окрестность. Когда она наклонялась, чтобы сорвать цвѣтокъ, ея тонкій молодой станъ красиво изгибался, показывая изящныя линіи.

*) Помха — туманъ.

**) Куколь — васильковыя зерна.

Одѣта она была по-дачному: легко и просто. На ней была широкополая соломенная шляпа, бѣлая блузка и свѣтлая юбка.

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до дороги барышня остановилась и стала смотрѣть: то на меня, то въ сторону лошадей и Черепанова, который отъ нечего дѣлать поправлялъ сѣдловку.

Оторвавшись отъ карты я внимательно посмотрѣлъ на стоявшую передо мной незнакомку. Это была миловидная — скорѣе хорошенькая — барышня, лѣтъ восемнадцати. Изъ подъ широкихъ полей шляпы у нея выбивался небольшой локонъ черныхъ волосъ, который придавалъ ея лицу нѣсколько дѣтское выраженіе.

Но что меня поразило — такъ это большіе синіе глаза.

— Совсѣмъ какъ васильки, — подумалъ я.

Подъ пристальнымъ, — какъ мнѣ показалось, — немного насмѣшливымъ, взглядомъ этихъ васильковыхъ глазъ я невольно смутился; и чтобы скрыть свое замѣшательство, и оправдать свою остановку началъ визировать масштабной линейкой по направленію дороги, дѣлая попутно разныя записи.

Барышня вышла на дорогу и, какъ бы не зная, въ какую сторону идти, остановилась совсѣмъ рядомъ со мной.

Набравшись храбрости, я сказалъ:

— Какой красивый букетъ!

Барышня слегка улыбнулась, но ничего не отвѣтила.

— Вамъ нравятся васильки? — спросилъ я, разсматривая цвѣты.

Въ отвѣтъ я услышалъ односложное: да.

Незнакомка пошла по дорогѣ, какъ разъ въ сторону моего пути. Визируя линейкой и взглядывая на карту, я послѣдовалъ за ней. Нѣсколько минутъ мы шли молча. Не зная съ чего начать, я произнесъ банальную фразу:

— Какъ жарко сегодня! — и пошелъ рядомъ.

— Да, очень жарко, — подтвердила моя спутница, и добавила: — я легко переношу жару, зато терпѣть не могу холода.

У нея былъ пріятный тембръ голоса.

Опять наступило молчаніе. Въ полку я считался человѣкомъ не робкаго десятка, но тутъ какъ на грѣхъ, не находилъ словъ для разговора.

— Хорошо здѣсь, — замѣтила барышня, окидывая взглядомъ поле и паркъ.

Я поспѣшилъ согласиться съ ней.

— Вы любите природу? — спросила она.

— Природу нельзя не любить, — глубокомысленно замѣтилъ я, и осторожно освѣдомился, давно-ли хорошенькая незнакомка появилась въ этихъ краяхъ.

— Я только вчера пріѣхала и сегодня въ первый разъ вышла въ поле, — сообщила она. — У

меня здѣсь тетя живетъ; у нея на Фридерицинской улицѣ своя дача.

— Надолго пріѣхали?

— Еще не знаю. Можетъ быть, до конца лѣта останусь, — отвѣтила она. — Но если тетя начнетъ ворчать и заставлять дѣлать по-своему — возьму и уѣду.

— Вотъ вы какая рѣшительная, — засмѣялся я.

—О, да! Я люблю рѣшать все сама. У меня самостоятельный характеръ, — совсѣмъ по-дѣтски похвасталась барышня, дѣлая серьезное лицо.

— Что это за тетя на Фридерицинской улицѣ? Я перебралъ въ умѣ всѣ дома и дачи.

— Навѣрное, будете ходить на музыку? — задалъ я вопросъ.

— Тетю уговорить трудно; она такая домосѣдка, а одной неудобно.

Я хотѣлъ предложить свои услуги быть провожатымъ, но воздержался.

— Вы, конечно, любите музыку и сами играете, — полувопросительно сказалъ я.

— Почему, конечно? — удивилась барышня, поправивъ выбившійся изъ-подъ шляпы локонъ.

— Да хотя-бы потому, что у васъ такія музыкальныя руки, — отвѣтилъ я.

— Вотъ какъ! — проговорила она. И въ ея глазахъ сверкнули веселые огоньки.

— Я люблю музыку и много играю, — подтвердила она.

— И поете тоже?

— Пою; но, по правдѣ сказать, пѣніемъ серьезно еще не занималась: некогда было.

Разговоръ постепенно оживлялся. Моя случайная спутница держала себя просто и непринужденно; на всѣ вопросы отвѣчала охотно.

— Здѣсь, въ Павловскѣ, вы, очевидно, хотите провести каникулы? — продолжалъ я осторожно разспрашивать.

— Въ родѣ этого.

— Вы какого института? — ни съ того, ни съ сего спросилъ я.

Барышня пріостановилась и съ женскимъ лукавствомъ посмотрѣла на меня.

— Почему вы думаете, что я институтка?

— Не думаю, а навѣрное знаю.

— Вы ошибаетесь: я гимназистка.

Но я продолжалъ настаивать на своемъ.

— Развѣ у институтокъ есть особыя примѣты?

— Примѣтъ особыхъ нѣтъ, но сразу видно, что вы институтка.

— Если хотите, была институткой. — Барышня сдѣлала удареніе на словѣ была.

— Значитъ, вы только что кончили институтъ?

— Кончила! — радостно произнесла она.

— И, конечно, съ шифромъ!

— А если безъ шифра?

— Такія какъ вы, всегда кончаютъ съ шифромъ.

— Мерси за комплиментъ, — улыбнулась она. — Видно, вы считаете меня очень способной.

Такъ, болтая, мы приближались къ предмѣстью Павловска — Солдатской слободѣ. Для очистки совѣсти я, время отъ времени, отмѣчалъ на картѣ разные знаки. Черепановъ, ведя въ поводу лошадей, слѣдовалъ за нами на почтительной дистанціи.

На мой повторный вопросъ — въ какомъ институтѣ воспитывалась встрѣченная мной незнакомка, она, смѣясь, сказала:

— А вотъ угадайте!

Помолчавъ немного, я назвалъ Елизаветинскій институтъ.

— Откуда вы узнали? Кто вамъ сказалъ? — Въ вопросахъ чувствовалось искреннее удивленіе.

— Никто не говорилъ, — скромно отвѣтилъ я.

— Вотъ удивительно! Вы, можетъ быть, знаете какъ меня зовутъ? — Барышня, полуоборотомъ повернулась ко мнѣ, прищуривъ глаза.

— Знаю, — спокойно сказалъ я.

— Ну, какъ?

— Вѣрой!..

Лицо барышни вспыхнуло, глаза съ недоумѣніемъ расширились. Было ясно: мой отвѣтъ поразилъ ее.

— Это что-то не такъ, — вырвалось у нея.

— То-есть, какъ не такъ? — въ свою очередь удивился я. — Что вы этимъ хотите сказать?

— Вамъ кто-нибудь говорилъ обо мнѣ. Или мы съ вами встрѣчались. — И она пристально посмотрѣла на меня. — Смѣю увѣрить: я васъ вижу въ первый разъ.

— Тогда какъ же вы узнали мое имя?

— Потому, что Вѣра — ваше имя. Я подчеркнулъ слово ваше.

Барышня поправила шляпу и замедлила шагъ.

— Все это очень странно, — какъ бы про себя проговорила она и задумчиво посмотрѣла вдаль.

Я былъ доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ.

На взмыленномъ конѣ подъѣхалъ уралецъ Неботѣевъ и, спрыгнувъ на землю, подалъ мнѣ сѣрый пакетъ.

— Отъ начальника учебной команды! — отрапортовалъ онъ.

Я разорвалъ конвертъ и наскоро пробѣжалъ мелко исписанный листокъ изъ полевой книжки. Подъесаулъ Фаддеевъ извѣщалъ меня, что его вызвали въ штабъ полка на засѣданіе строительной комиссіи, которая вела постройку новыхъ казармъ. Мнѣ предписывалось, по окончаніи занятій, снимать посты и вести людей въ помѣщеніе команды.

Расписавшись на конвертѣ, я вручилъ его Неботѣеву.

— Никакихъ распоряженій не будетъ?

— Нѣтъ, возвращайся на свой постъ.

Пока я читалъ приказаніе моя спутница подо-

шла къ Черепанову и стала трепать по шеѣ — сначала «Руслана», потомъ «Ваську». Кони довѣрчиво протягивали морды.

— Стой, не балуй! — Черепановъ осадилъ своего киргиза, который потянулся къ букету.

— Ахъ вотъ ты какой! Хочешь мои цвѣты съѣсть. — Барышня шутливо ударила «Ваську» по губамъ.

— Я два лѣта провела въ деревнѣ, у своей институтской подруги, — разсказывала она, когда мы опять шли по дорогѣ. — У ея отца большое имѣніе въ Рязанской губерніи и конскій заводъ. Мы каждый день катались верхомъ и я такъ привыкла къ лошадямъ.

У меня мелькнула мысль пригласить ее на совмѣстныя прогулки въ окрестностяхъ Павловска, но я боялся показаться навязчивымъ.

— Скажите правду, — вновь обратилась ко мнѣ моя спутница, — какимъ образомъ вы узнали, что меня зовутъ Вѣрой и что я воспитанница Елизаветинскаго института?

— Мнѣ остается еще разъ повторить, — отвѣтилъ я, — мы съ вами до сихъ поръ никогда не встрѣчались и никто мнѣ про васъ ничего не говорилъ.

— Значитъ, вы прозорливый?

— Выходитъ такъ.

Къ сторонѣ парка отходила тропинка.

— Мнѣ сюда, — сказала моя спутница, сворачивая на тропинку.

Я остановился въ почтительной позѣ.

— До свиданья! — Барышня привѣтливо кивнула мнѣ головой.

Въ этотъ моментъ ея васильковые глаза показались мнѣ необыкновенно красивыми.

Я приложилъ руку къ козырьку и щелкнулъ шпорами:

— Честь имѣю кланяться!..

Черезъ двѣ-три минуты прелестная незнакомка исчезла въ паркѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Николай ТУРОВѢРОВЪ.

Молодость Бакланова

(Продолженіе*).

Два года пробылъ Баклановъ въ казачьемъ Попова полку въ Крыму. Служба была нетяжелая, край благодатный, въ этомъ же полку служилъ и отецъ, служили станичники Бакланова, — ему, навѣрное, было веселѣе, чѣмъ его молодайкѣ въ далекой Гугнинской станицѣ въ невѣсткахъ въ Баклановскомъ домѣ.

Мужалъ, раздавался въ плечахъ отъ полковой жизни молодой гигантъ урядникъ Баклановъ, все лучше, все крѣпче сидѣлъ на конѣ, все легче играла тяжелой шашкой его рука — куда бы только силушку приложить. Въ апрѣлѣ 1828 года Баклановъ «за выслугу лѣтъ» былъ произведенъ въ хорунжіе. Какъ разъ начиналась Турецкая война. Эта война была первымъ крупнымъ боевымъ испытаніемъ для Россіи въ царствованіе императора Николая I-го.

Были свѣжи еще лавры Отечественной войны и европейскихъ походовъ — міровой славой сіяло имя русской арміи, въ ея рядахъ еще много было ветерановъ недавнихъ блистательныхъ войнъ. Казалось, начавшаяся война будетъ недолгой, нетрудной, тріумфальной. Турція, только что уничтоживъ корпусъ янычаровъ, еще не создала регулярной арміи, внутри страны бушевали мятежи, финансы блистательной Порты были въ ужасномъ состояніи, она не имѣла союзниковъ, — казалось ей ли долго сопротивляться россійской силѣ, — но это только казалось. Турки оказались сильнѣе, чѣмъ предполагалось; нашихъ войскъ оказалось недостаточно, да и войска оказались уже не тѣ: аракчеевскій учебный шагъ на пользу не пошелъ; насъ ждали непріятности подъ Браиловымъ, Шумлой, Варной, Куртъ-Тепе, — побѣды давались нелегко — война затянулась на два года. Присутствіе въ дѣйствующей арміи императора не такъ воодушевляло войска, какъ связывало главнокомандующаго князя Витгенштейна, человѣка и безъ этого нерѣшительнаго, — повторялась исторія начала Отечественной войны — Александра I-го и Барклая де Толли. Это понялъ Николай I-ый — «При мнѣ все идетъ дурно», — сказалъ онъ, покидая армію и назначая новыхъ главнокомандующаго и начальника штаба: Дибича и Толля — младшихъ богатырей Отечественной войны. При нихъ наши дѣла пошли бодрѣе: Дибичъ продѣлалъ эффектный походъ за Балканы, — сталъ Дибичемъ - Забалканскимъ, — взялъ Адріано-

*) См. № 28-й «Станицы».

поль, но Константинополя не взялъ: съ двадцатипятитысячной арміей это было и невозможно. Заключенный съ турками миръ освободилъ грековъ и сербовъ, но Царьградъ, какъ заколдованный кладъ, опять ускользнулъ изъ русскихъ рукъ, — панславянской мечтѣ о крестѣ на куполѣ Айя-Софіи суждено, видимо, оставаться только мечтой.

Но все это исторія, исторія — никакого отношенія къ ней не имѣлъ девятнадцатилѣтній хорунжій Яковъ Баклановъ, когда его отецъ, уже ставшій командиромъ, повелъ свой полкъ изъ Крыма къ границамъ Турціи, а сына послалъ впередъ съ депешами Воронцова къ Великому Князю Михаилу Павловичу подъ Браиловъ.

Чей конь неутомимый
Бѣжитъ въ степи необозримой?

Не жалѣлъ коня молодой Баклановъ — война, война — вотъ она — долгожданная возможность утолить жажду подвиговъ и славы, только бы не опоздать! Баклановъ прискакалъ къ Браилову наканунѣ штурма, передалъ депеши и пошелъ съ охотниками впереди штурмовыхъ колоннъ. Штурмъ былъ неудачный, охотники были подняты на воздухъ не во время взорвавшейся миной; Баклановъ былъ оглушенъ и засыпанъ землею, — это его спасло, всѣ охотники были уничтожены турецкой вылазкой. Пролежавъ пять дней въ госпиталѣ, Баклановъ уже скакалъ назадъ, навстрѣчу полку, который и встрѣтилъ подъ крѣпостью Костенжи. Пороху молодой хорунжій понюхалъ, но, прибывъ въ полкъ, понюхалъ и отцовской нагайки — «не суйся въ омутъ, когда отдаленъ отъ своей части», — приговаривалъ отецъ, поря безразсуднаго сына.

Полкъ перешелъ Дунай въ Исахчахъ; начиналась зима, военныя дѣйствія замирали; баклановскіе казаки схватиться съ турками въ 28-омъ году не успѣли. Старикъ Баклановъ отдалъ сына въ артиллерію, — науки проходились тогда на практикѣ, пребываніе въ артиллеріи очень потомъ пригодилось Бакланову — его казачьи ракетныя роты на Кавказѣ стали легендарными.

Осада Браилова въ 1828 году.

Съ гравюры того времени. (Изъ собранія ген. Д. И. Ознобишина).

Вернулся въ полкъ Баклановъ только весною 29-го года, когда уже начались военныя дѣйствія, да и то, случайно.

Находясь подъ Шумлой со своей батареей, Баклановъ узналъ, что полкъ отца находится на лѣвомъ флангѣ нашего осаднаго корпуса. Баклановъ поѣхалъ навѣстить отца; по дорогѣ, услыша перестрѣлку и желая узнать въ чемъ дѣло, выѣхалъ изъ лагеря на холмъ; передъ его глазами лежала долина, пестрѣвшая турецкими и казачьими всадниками; турки сдѣлали очередную вылазку, казаки пошли имъ навстрѣчу; казачья лава то наскакивала на турокъ, то, заманывая ихъ, вихремъ летѣла назадъ; тамъ и тутъ схватывались въ отдѣльныхъ схваткахъ делибаши и казаки; поблескивали шашки, бѣ-

лѣли дымки пистолетныхъ выстрѣловъ, — картина была очень живописная. Точно такую же картину наблюдалъ въ это время, правда, на Кавказскомъ фронтѣ и Пушкинъ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.
Делибашъ, не суйся къ лавѣ!
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ —
Попадешься на копье.
Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.
Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите! Каковы?..
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

Пушкинъ не только наблюдалъ эту картину, но и самъ чуть не остался безъ головы, бросившись съ донскими казаками на делибашей, какъ былъ: въ круглой шляпѣ, въ черномъ сюртукѣ, съ буркой на плечахъ и съ казачьей пикой въ рукѣ.

Опустивъ поводья, Баклановъ жадно смотрѣлъ на казачью лаву, на турецкихъ всадниковъ; къ холму, на которомъ онъ стоялъ, подъѣхали казачьи офицеры. Баклановъ услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ сказалъ: «вотъ командирскій сынокъ, служащій въ артиллеріи, пріѣхалъ поглазѣть на перестрѣлку, чтобы получить крестъ или чинъ». Кровь бросилась въ голову Бакланову отъ этой насмѣшки. Онъ схватился за шашку и обернулся, но офицеры, замѣтя это, спѣшно отъѣхали въ сторону. Самъ не зная почему, — надо же было какъ то доказать насмѣшникамъ, что онъ не трусъ, — Баклановъ гикнулъ и ударилъ своего жеребца тяжелой плетью. Застоявшійся его конь поднялся на дыбы и понесъ всадника прямо къ непріятелю. Раздались наши фланкеры, пропуская сумасшедшихъ всадника и коня, казаки въ лавѣ только ахнули, — не слушая повода, закусившій удила жеребецъ несъ Бакланова прямо къ туркамъ; выскочившая навстрѣчу кучка делибашей невольно дала дорогу бѣшенному жеребцу, — онъ пронесъ Бакланова мимо турецкихъ резервовъ и по краю крутого обрыва вынесъ опять на прежнюю дорогу. Десятокъ делибашей бросились ему наперерѣзъ, уйти отъ нихъ на вымотавшемся конѣ Бакланову уже было невозможно, все ближе онъ слышалъ крики делибашей, увидѣлъ ихъ рядомъ съ собой, передъ его глазами сверкнули кривыя сабли, — Баклановъ закричалъ и... потерялъ сознаніе.

Очнулся онъ только въ палаткѣ отца, — казаки выручили его въ послѣдній моментъ.

Баклановъ не получилъ, какъ ожидалъ, плетей отъ отца, но настроеніе его, надо полагать, было ужасное: какіе тамъ подвиги и слава, когда въ критическій моментъ падаешь въ обморокъ. Другой на мѣстѣ Бакланова, быть можетъ, потерялъ бы на-вѣки сердце — опытъ не удался, не зачѣмъ его и повторять; но Яковъ Баклановъ былъ не таковъ. Жажда провѣрить себя была сильнѣе сомнѣній въ своихъ силахъ. Возможность для такой провѣрки скоро представилась.

Баклановскій полкъ 7 іюля подошелъ къ нижнему теченію Камчика, броды были неудобны, надо была захватить переправу для идущаго позади корпуса Рото. Противоположный берегъ былъ занятъ сильнымъ турецкимъ отрядомъ и хорошо укрѣпленъ. Для захвата переправы вызваны были охотники. Первымъ вызвался хорунжій Баклановъ и первымъ бросился на своемъ ворономъ конѣ въ рѣку, за нимъ бросились казаки и егеря; подъ огнемъ двѣнадцати турецкихъ орудій смѣльчаки достигли непріятельскаго берега, многіе погибли; но уцѣлѣвшіе стремительно ударили на турокъ, сбили ихъ и гнали до деревни Дервишъ-Джеванъ; Баклановъ со своими казаками взялъ турецкую пушку. Молодой хорунжій во второй разъ уже въ обморокъ не упалъ; самъ командиръ корпуса лично благодарилъ его на другой день, казаки съ уваженіемъ смотрѣли на командирскаго сына, но и на этотъ разъ ему опять пришлось отвѣдать отцовской нагайки — почему, молъ, онъ бросился въ рѣку на ворономъ конѣ, а не на болѣе сильномъ бѣломъ, — вороной могъ-де утонуть.

Корпусъ, въ которомъ былъ Баклановскій полкъ, спускался съ послѣдняго уступа Балканскихъ горъ въ приморскую долину. Стало просторнѣе казакамъ, вольготнѣе ихъ конямъ, дѣла пошли веселѣе. 10-го іюля казаки полковъ Ежова и Бакланова сбили турокъ на рѣкѣ Инжакіой гнали ихъ 10 верстъ, взяли 7 знаменъ и 400 плѣнныхъ; на другой день первыми ворвались въ города Месеврію и Ахіолъ, а потомъ повернули къ Бургасу, гдѣ были сосредоточены продовольственныя запасы турецкой арміи. Полку Бакланова приказано было произвести рекогносцировку Бургасской крѣпости; ея гарнизонъ, увидя приближающійся казачій полкъ, выслалъ противъ него 700 всадниковъ — Баклановскій полкъ не только опрокинулъ эту конницу, но на ея плечахъ ворвался въ Бур-

гасъ. Крѣпость была взята съ налета въ конномъ строю — случай въ военной исторіи весьма рѣдкостный. Молодой Баклановъ вошелъ въ крѣпость послѣднимъ — подъ нимъ была убита лошадь. Отецъ получилъ за это дѣло орденъ св. Георгія 4-го класса, а сынъ за дѣла предыдущія Анну 4-ой степени «за храбрость» и 3-й степени съ бантомъ — сталъ кавалеромъ уже разныхъ орденовъ, — въ тѣ времена давались они не щедро.

Адріанополь былъ взятъ безъ боя; до Константинополя было рукой подать; но былъ заключенъ миръ, и весною 1830 года Баклановскій полкъ двинулся походомъ въ Бессарабію; до осени стоялъ тамъ на Прутѣ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя были знакомы Бакланову еще съ дѣтства, здѣсь онъ былъ съ отцомъ восьмилѣтнимъ мальчикомъ въ кордонѣ противъ чумы, здѣсь впервые узналъ онъ казачью полковую жизнь.

Весело возвращались казаки домой осенью 30-го года, встрѣчалъ Донъ своихъ родимыхъ-служилыхъ, — многихъ не досчитался среди нихъ; весело въѣзжали отецъ и сынъ Баклановы въ родную Гугнинскую станицу. Пять лѣтъ не видала своего Якова Петровича молодайка Серафима Ивановна, только мѣсяцъ пожила она съ нимъ послѣ свадьбы. Три года поживетъ теперь съ ней Яковъ Петровичъ; подниметъ на свои могучія плечи все хозяйство, отцу пора и на покой — отвоевался старикъ. Послѣднимъ мирнымъ, милымъ станичнымъ свѣтомъ промерцаютъ эти три года въ жизни Бакланова, — впереди Кавказъ — колыбель его чудесной славы.

Варна въ 1828 г. — художникъ Деларно и донской казакъ.

Литографія Беггрова. (Изъ собранія ген. Д. И. Ознобишина).

ВЪ НАШЕЙ СТАНИЦѢ

Помѣщенное въ прошломъ номерѣ «Станицы» обращеніе нашего правленія съ просьбой о помощи студентамъ-казакамъ, нашло нѣсколько жертвенныхъ отзывовъ.

Одинъ казакъ, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, учредилъ стипендію имени К. Л. Бардижа, въ размѣрѣ 400 франковъ въ мѣсяцъ, до конца этого учебнаго года, т. е. до іюля. Имъ же съ 1-го февраля выдается пособіе 3 студентамъ по 200 франковъ въ мѣсяцъ каждому. Изъ Женевы — «Украинка изъ Полтавы», также не пожелавшая себя назвать, прислала студентамъ 600 франковъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ знаменитый Донской Казачій Хоръ, подъ управленіемъ С. А. Жарова, пожертвовалъ въ фондъ стипендіи имени Атамана А. П. Богаевскаго 500 франковъ. Русскій морякъ Н. А. Т., плавающій нынѣ, подъ англійскимъ флагомъ, въ Черномъ, Средиземномъ и Балтійскомъ моряхъ, узнавшій о существованіи въ Парижѣ организованной студенческой казачьей молодежи, прислалъ 1 англ. фунтъ, поступаютъ отъ казаковъ изъ разныхъ мѣстъ, съ добрыми пожеланіями и отъ чистаго сердца, небольшія суммы. Попрежнему, вотъ уже 16-й годъ, станица пользуется вниманіемъ и поддержкой ея почетнаго казака аббата К. А. Кенэ. Отъ имени 21 студента-казака, нынѣ учащихся въ парижскихъ высшихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, станичное правленіе приноситъ добрымъ жертвователямъ горячее казачье спасибо и вновь обращается ко всѣмъ доброжелателямъ студенческой казачьей молодежи съ усердной просьбой, по мѣрѣ силъ и возможности, не стѣсняясь размѣрами, поддержать наше студенчество на ихъ трудномъ пути.

●●

На годовомъ станичномъ сборѣ 19-го февраля избрано новое правленіе въ составѣ: П. Гусевъ (атаманъ), Н. Тараринъ (казначей), М. Папкова (писарь), Б. Коноводовъ и Г. Кажушко.

●●

5-го марта, въ залахъ Галлиполійскаго Собранія, нашей станицей была устроена вечеринка. Съ большимъ успѣхомъ выступали артисты: г-жа Варжевская, К. А. Барсовъ и дочь нашего станичника, юная балерина Люда Романова. Станица приноситъ сердечную благодарность всѣмъ, способствовавшимъ успѣху вечера: г-жѣ Модрахъ (пожертвованіе на лотерею), аббату К. А. Кенэ, генералу Д. И. Ознобишину, А. А. Попову (пожертвованія деньгами), артистамъ, оркестру г. Г. Клотца и всѣмъ посѣтившимъ вечеръ.

Наша сердечная благодарность старшинѣ кружка казаковъ-литераторовъ Н. Н. Туровѣрову, прочитавшему въ началѣ вечера блестящій докладъ на тему: «Платовъ и его эпоха», и членамъ кружка — И. М. Поляковой и Е. В. Номикосовой, много потрудившимся на самомъ балу.

На общемъ собраніи 7-го января избраны на новый, 1939-й, годъ старшинами кружка — П. В. Гусевъ и Н. Н. Туровѣровъ; секретаремъ и казначеемъ — Е. В. де Жерве-Номикосова.

●●●

4-го февраля состоялся, организованный кружкомъ, вечеръ поэта Игоря Воинова, въ особнякѣ общества русскихъ сестеръ милосердія, на бульв. Фландренъ. Вечеръ прошелъ оживленно, многолюдно и весело.

●●●

Въ засѣданіяхъ кружка перваго триместра сего года приняты новые члены: А. А. Ачаиръ (Грызовъ) и А. Д. Баженовъ — Сибирцы; А. А. Поповъ, С. Ф. Сулинъ и А. Н. Туровѣровъ — Донцы; Я. В. Ширягинъ — Терецъ.

●●●

Исполняющееся въ октябрѣ сего года 125-лѣтіе со дня рожденія М. Ю. Лермонтова послужитъ темой ближайшимъ собраніямъ кружка для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ празднованіемъ юбилея и съ участіемъ кружка въ организаціи выставки въ Парижѣ, посвященной поэту.

Казачій Альманахъ

Выходъ казачьяго альманаха, изданнаго Кружкомъ Казаковъ Литераторовъ, подъ редакціей П. В. Гусева, В. С. Крюкова и Н. Н. Туровѣрова, явился маленькимъ литературнымъ событіемъ не только въ нашей казачьей средѣ. Во многихъ эмигрантскихъ изданіяхъ, за подписями очень авторитетныхъ литературныхъ критиковъ, появились о немъ статьи, отмѣчающія прекрасный внѣшній видъ альманаха и высокій уровень его содержанія. Приходится лишь удивляться, что Кружокъ Казаковъ Литераторовъ, за сравнительно короткій періодъ своего существованія, сумѣлъ не только объединить группу талантливыхъ писателей и поэтовъ-казаковъ, но и проявить ту творческую волю къ культурной работѣ, результатомъ которой и явилось изданіе альманаха.

За рѣдкимъ исключеніемъ, всѣ участники альманаха принадлежатъ къ поколѣнію, начавшему свою литературную жизнь только въ эмиграціи; многіе совсѣмъ недавно. Тѣмъ отраднѣе видѣть тѣ прекрасные результаты, которые имъ удалось достигнуть.

Альманахъ открывается большимъ стихотвореніемъ Маріи Волковой, поэтессы, печатавшейся до сихъ поръ, главнымъ образомъ, на Дальнемъ Востокѣ. Стихи очень хороши — умѣло и крѣпко сдѣланы. Въ нихъ есть то «долгое дыханіе», которое, къ сожалѣнію, такъ рѣдко у современныхъ поэтовъ, пишущихъ почти всегда очень короткія пьесы, принимающія у нѣкоторыхъ даже формы миніатюръ. (Штейгеръ, Червинская). Эпическое, а не лирическое, содержаніе этого стихотворенія тоже должно быть отмѣчено, такъ какъ эпическая поэзія, уже давно, почти исчезла изъ русской литературы. Возобновленіе этого жанра, сдѣланное съ такимъ мастерствомъ, можетъ быть только привѣтствуемо.

Въ стихахъ Евгеніи де Жерве есть свой индивидуальный поэтическій голосъ, свое очень лирическое, очень женское отношеніе къ міру. Тотъ поэтическій матеріалъ, который чувствуется за этими стихами, требуетъ еще дальнѣйшей обработки, но уже и эти стихи даютъ намъ основаніе думать, что изъ Евгеніи де Жерве выработается интересный и своеобразный поэтъ.

Стихотвореніе Нины Жаровой очень блѣдно, голосъ у поэтессы еще слишкомъ тихъ, чтобы можно было судить о размѣрахъ ея дарованія.

Игорь Воиновъ представленъ только однимъ маленькимъ стихотвореніемъ, что очень жаль, такъ какъ это одинъ изъ самыхъ зрѣлыхъ и сильныхъ поэтовъ сборника, создавшій уже себѣ имя въ эмигрантской литературѣ. Его прекрасно сдѣланное восьмистишье, философично, спокойно, печально...

Изъ трехъ стихотвореній Ирины Поляковой, лучшее — третье, посвященное Шмелеву. Въ

немъ очень хорошо, тонкой, акварельной кистью, данъ русскій пейзажъ — «близкое, далекое, родное».

И. Даниловъ, посвятившій стихотвореніе генералу Малышенко, талантливъ, молодъ, порывистъ. Ему еще не хватаетъ умѣнія, но мастеромъ можно стать, поэтами же родятся. Даниловъ несомнѣнно рожденъ поэтомъ. Если онъ будетъ работать надъ собой, онъ сможетъ добиться прекрасныхъ результатовъ и тогда, дѣйствительно, прославитъ Кубань, которая давно уже ждетъ своего поэта.

Печальные, очень лирическіе стихи Н. Евсѣева, полны любовью къ родному Дону, къ «незамѣтному раю казачьему». Лучшее изъ четырехъ помѣщенныхъ стихотвореній третье восьмистишье, написанное съ большимъ волненіемъ и чувствомъ мѣры.

О Борисѣ Номикосовѣ и Сергѣѣ Сулинѣ еще трудно судить, такъ какъ каждый изъ нихъ представленъ только однимъ стихотвореніемъ, но намъ кажется, что стихи Намикосова, несмотря на нѣкоторыя достоинства, слишкомъ прозаичны и можетъ быть призваніе, въ которомъ онъ можетъ «найти себя», проза, а не стихи. Стихи Сулина очень расплывчаты и въ нихъ попадаются неточныя и избитыя выраженія. Эти стихи хочется сжать, чтобы выжать изъ нихъ всю воду, тогда они, можетъ быть, зазвучатъ по настоящему.

Стихи Н. Туровѣрова, лучшіе въ сборникѣ, вошли въ недавно вышедшую книгу его стиховъ, о которой дается отдѣльный отзывъ въ этомъ номерѣ «Станицы».

П. Н. Красновъ далъ блестящій очеркъ о казачьихъ войскахъ, — «одиннадцати крупныхъ жемчужинахъ и трехъ ядрышкахъ бурмицкаго зерна имперской, россійской короны». Разсказъ В. Крюкова «Въ своей средѣ», по нашему мнѣнію не является лучшимъ произведеніемъ этого талантливаго донского писателя. Онъ написанъ слишкомъ сухо и вся исторія любви Володи и Лиды недостаточно убѣдительна и внутренне не оправдана. Разсказъ Александра Туровѣрова «Первая любовь», воскрешаетъ легендарную эпопею Чернецовскаго отряда и Михайло-Константиновской юнкерской батареи — «дѣтскаго, крестоваго похода». Если мы не ошибаемся, это первое выступленіе автора въ печати, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ можемъ мы отмѣтить его талантливость и его почти безошибочное чувство стиля, которое свойственно только настоящимъ писателямъ. Любовь партизана Киры и портупей-юнкера Бабакова, протекающая на фонѣ героической борьбы кучки дѣтей съ обезумѣвшей Россіей, гибель Чернецова, смерть Киры, все это разсказано съ большимъ умѣніемъ и простотой.

Н. М. Мельниковъ въ небольшомъ очеркѣ «Въ донской станицѣ» вспоминаетъ о привольной и веселой жизни донскихъ казачатъ, а Сергѣй Сулинъ въ сценѣ «Проводы казака на службу», возстанавливаетъ передъ нами патріархальный, теперь уже ушедшій въ прошлое, бытъ донскихъ казаковъ. Очень интересные, блестящіе по формѣ, воспоминанія Д. И. Ознобишина, «Моя служба въ казакахъ и съ казаками», свидѣтельствуютъ объ умѣ, тонкомъ юморѣ и большой наблюдательности автора.

Чтобы закончить нашъ обзоръ, мы должны еще упомянуть о статьяхъ И. Г. Акулинина, «Казаки въ гражданской войнѣ» и Н. Туровѣрова «Казаки въ изображеніи иностранныхъ художниковъ». Обѣ эти статьи написаны съ большимъ умѣніемъ и исчерпывающей полнотой.

Будемъ надѣяться, что этотъ выпускъ казачьяго альманаха не будетъ послѣднимъ, что казаки поддержатъ культурное начинаніе своихъ писателей и что, съ теченіемъ времени, казачья литература займетъ почетное, достойное ей мѣсто, въ литературѣ обще-русской.

В. С.

А. Д. БАЖЕНОВЪ.

На развалинахъ джунгарскаго царства

На далекой окраинѣ великаго Русскаго государства, съ юга и запада гранича съ Китаемъ, широко раскинулась Зайсанская равнина, прорѣзанная серебряной лентой Иртыша и озеромъ-моремъ Норъ-Зайсанъ. Обширная долина окаймлена горными хребтами: на сѣверѣ Таргынскимъ, съ востока алтайскимъ, на югѣ Сауромъ и съ запада хребтами Кешкене-тау, Монракомъ и Тарбогатаемъ.

Этотъ районъ, почти въ сто тысячъ квадратныхъ верстъ, слабо населяютъ киргизы и еще слабѣе русскіе — около 6% общей численности всего населенія. На краю былого великаго Джунгарскаго царства, включающаго просторы нынѣшняго Туркестана, широко расположились два уѣзда — Кокпектинскій и Зайсанскій.

Пустынный край. За 408 верстъ отъ небольшого пограничнаго городка Зайсана находится къ сѣверу гор. Устькаменогорскъ и на пути между ними казачья станица — городъ Кокпэкты. Всѣ три связаны линіей пикетовъ. Пикетъ — бѣленькій домикъ изъ дикаго камня или сырцоваго кирпича съ помѣщеніемъ для почтоваго старосты, киргизъ-ямщиковъ и комнаты для проѣзжающихъ — въ лѣтнее время съ тучей жужжащихъ мухъ. Около домика каменная ограда для лошадей. Степь оживляетъ линія телеграфа вдоль дороги и съ запада горы Монракъ и Тарбогатай. И, какъ оазисъ въ пустынѣ, Зайсанъ, утопающій въ зелени деревьевъ, съ арыками, полными чистой проточной воды, по сторонамъ немощеныхъ улицъ. Небольшой чистенькій городокъ, въ которомъ постоянно квартировалъ 3-ій Сибирскій казачій полкъ; городъ всего изъ шести улицъ, безъ освѣщенія и тротуаровъ.

Изъ числа разныхъ народностей, населявшихъ край, самыми поздними пришельцами являются русскіе; до нихъ — киргизы; еще ранѣе — калмыки, джунгары и въ давнія времена — какіе-то номады. Какъ воспоминаніе объ исчезнувшихъ изъ края народностяхъ сохранились каменныя бабы, имѣющіяся въ Зайсанѣ, да группа въ 10-12 кургановъ посреди Чиликтинской долины между Монракомъ и Тарбогатаемъ. Курганы, — большіе и малые ,— діаметромъ въ 10-15 саженъ при высотѣ въ 3-5 саженъ.

Проѣзжая мимо этихъ памятниковъ сѣдой старины, невольно переносишься мыслью къ тризнамъ въ языческой Руси, когда на могилахъ вождей обильный пиръ съ крѣпкими медами и брагой сопровождался кровавой рѣзней плѣнныхъ враговъ.

Не мало встрѣчается киргизскихъ могилъ въ долинахъ и на склонахъ горъ; у бѣдныхъ — кучки камней, у богатыхъ — муллушки изъ сырцоваго кирпича: круглыя, коническія, четырехугольныя... Эти муллушки часто отдалены отъ зимовокъ на сотни верстъ.

Сами зимовки — «выставы», сложенныя изъ камней или дерна, прячутся въ горныхъ щеляхъ, укрываясь отъ вѣтровъ.

Съ начала лѣта киргизы со своими стадами кочуютъ съ мѣста на мѣсто по широкой вольной степи.

Вотъ движется караванъ: впереди, въ нарядныхъ бешметахъ, шапкахъ, отороченныхъ мѣхомъ, съ беркутами или соколами на рукахъ ѣдутъ верхомъ глава аула — бай и его сыновья. Молодыя дѣвушки — «кызъ» — въ такихъ-же костюмахъ ѣдутъ верхомъ нѣсколько позади. Часто на быкахъ ѣдутъ женщины — всѣ верхомъ. Затѣмъ слѣдуютъ верблюды и быки, нагруженные разобранными юртами, коврами, кошмами, сундуками, чугунными котлами-казанами и прочимъ скарбомъ. Кругомъ сторожевыя собаки — злыя, голодныя, полуоблѣзлыя. Главное богатство бая — огромные табуны коней, верблюдовъ, стада барановъ и коровъ, — двигается къ новой стоянкѣ, не спѣша — къ вечеру, используя попутный травяной кормъ.

Постоянное общеніе съ природой выработало въ киргизахъ любовь къ поэзіи, проявляющейся въ сложеніи многихъ легендъ и импровизаціяхъ на разные случаи.

Одна изъ легендъ связана съ горой Талогой и бѣлокварцевой сопкой вблизи ея на равнинѣ. Выдѣляясь изъ Таргынской горной системы, Талогой виденъ изъ Зайсана почти за 300 верстъ, напоминая своимъ видомъ киргизскую юрту. Приведу на память содержаніе легенды:

Нѣкій батырь, т. е. молодой удалецъ, полюбилъ красавицу, отвѣтившую ему взаимной любовью. Но на ихъ несчастье, также полюбилъ дѣвушку богатый и уже немолодой киргизъ, внесшій ея отцу калымъ (выкупъ за невѣсту) въ сотню барановъ, лошадей и много серебра въ слиткахъ-ямбахъ. Не было денегъ и скота у небогатаго батыря. Оставался выходъ — украсть невѣсту.

Въ короткую лѣтнюю ночь скакали влюбленные на взмыленныхъ лошадяхъ. Палъ загнанный конь невѣсты. Уже двое скачутъ на одномъ. А погоня близка... Падаетъ и второй конь... Но молитвы матери за сына дѣлаютъ чудо: сдвинулась гора съ мѣста и шатромъ-юртой укрыла бѣглецовъ отъ дышащаго местью жениха. Скрыла на вѣки. Много

слезъ пролила осиротѣвшая мать. И эти чистыя слезы матери окристаллизовались въ бѣлокварцевую сопку...

Лѣтняя жара гонитъ киргизъ въ горы на «акджайлау» или «бѣлки», т. е. вершины, на которыхъ забои стараго снѣга въ логахъ остаются до новаго. На бѣлкахъ нѣтъ ни комаровъ, ни мошекъ, ни оводовъ, безпокоющихъ животныхъ въ долинѣ. Исхудавшій за зиму скотъ быстро поправляется въ горахъ, на густой бархатной травкѣ.

Киргизы китайской стороны также кочуютъ въ горы, сходясь со своими единоплеменниками, русско-подданными, у самой границы, обозначенной кочевыми тропами, идущими по вершинѣ хребта, или немногими пограничными столбами, гдѣ граница отходитъ отъ вершинъ.

Контрабанда, «баранта», т. е. грабежъ скота, убійство, иногда соблазнъ лучшими земельными просторами, родство между отдѣльными аулами русскихъ и китайскихъ киргизъ — служатъ причинами перехода границы.

За неимѣніемъ въ краѣ пограничной стражи, горные проходы въ хребтахъ Алтая и Тарбогатая, доступные къ переходу черезъ нихъ лишь лѣтомъ — и то въ теченіе 2-4 мѣсяцевъ — охраняются казачьими сотнями, выставляющими въ нихъ посты.

Лѣтомъ 1900 года мнѣ пришлось нести постовую службу въ Тарбогатаѣ. Участокъ сотни тянулся примѣрно на 200 верстъ, считая фланги, обслѣдуемые разъѣздами. Сравнительно невысокіе горные проходы Чоганъ-Обо и Бургусутай (онъ же Кузеунь) съ колесными дорогами въ Китай занимались съ 1 мая до сентября. Посты Катанъ-ащи и Хабаръ-асу, на высотѣ въ 2 1/2-3 версты, съ нетающимъ до іюля снѣгомъ, представляя изъ себя до этого времени естественное препятствіе для перехода, занимались обычно около 1 іюля. Проведя два мѣсяца на посту Кузеунь, я въ концѣ іюня пошелъ со второй полусотней занять эти посты.

Путь шелъ частью Чиликтинской долиной, частью по склонамъ Тарбогатая, частью по вершинамъ хребта, попадая порой въ облако, пронизывающее сыростью. Вторая половина пути шла по крутому откосу горы вьючной тропой. Гдѣ-то далеко внизу шумѣла невидимая сверху горная рѣчка Тере-арыкъ. Стало очень свѣжо. Мѣстами, въ боковыхъ щеляхъ лежалъ пористый снѣгъ, напитавшійся отъ солнца водой.

— «Бѣда, Ваше Благородіе» — говоритъ мнѣ казакъ-алтаецъ, — «когда вотъ дорога идетъ по такому забою: въ емъ, може, нѣсколько саженъ будетъ. Провалишься, такъ и не вытащить...».

Самъ по себѣ трудный переходъ въ 75 верстъ былъ тѣмъ болѣе утомителенъ, что путь до Катанъ-ащи шелъ мѣстами по узкой тропѣ въ тѣсномъ ущельѣ, заваленномъ камнями; приходилось не разъ идти пѣшкомъ при спускахъ по крутымъ длиннымъ скосамъ или подъемамъ въ гору по каменнымъ плитамъ, какъ по ступенямъ лѣстницы, ведя лошадей въ поводу. Наконецъ, путь расширился и пошелъ по мягкому плато, покрытому короткой густой травой, постепенно переходя въ небольшую долину, сжатую горами. У подножья горы, покрытой крупнымъ валуномъ и мелкимъ кустарникомъ, было мѣсто поста. Тутъ-же стояла, Богъ знаетъ откуда взявшаяся, словно отдѣльная, каменная глыба, почти правильный кубъ, болѣе сажени вышиной. Эта глыба доставляла развлеченіе казакамъ поста, старавшимся взбираться на нее.

Наскоро пообѣдавъ, что тоже примѣнительно ко времени «поужинавъ», казаки вскорѣ спали крѣпкимъ сномъ, не обращая вниманія на вой волковъ и плачъ филиновъ.

На другой день, пройдя еще 46 верстъ, я съ 4-мъ взводомъ прибылъ на Хабаръ-асуйскій постъ на перевалъ Кара-кизень, къ которому сходились двѣ лощины съ русской стороны и одна съ китайской. У самаго перевала съ сѣверной стороны лежалъ обширный бѣлокъ. Не спускаясь внизъ къ ручью, казаки все лѣто брали изъ него воду. Надо думать, что мы были на высотѣ трехъ верстъ, такъ какъ сосѣдній, болѣе низкій, перевалъ былъ отмѣченъ на картѣ въ 9769 футовъ.

По прибытіи, насъ встрѣтили волостной старшина Белеучи и богачъ Тогусовъ. Белеучи, т. е. «всезнающій», прозванный такъ киргизами за свой изворотливый умъ, сдалъ взводному уряднику уже поставленныя четыре юрты, стадо барановъ и топливо. Вслѣдъ затѣмъ обратился ко мнѣ съ просьбой дать ему фельдшера для оказанія помощи раненому барантачу. Просить уѣзднаго начальника о присылкѣ врача или фельдшера волостной боялся, такъ какъ тогда при дознаніи о барантѣ немало открылось бы темныхъ дѣлъ у самого Белеучи.

Какъ Белеучи, такъ и Тогусовъ пригласили меня къ себѣ въ гости. Я предпочелъ отправиться къ Тогусову, стоявшему со своимъ ауломъ въ полверстѣ отъ поста.

У входа въ большую бѣлую юрту насъ встрѣли два его взрослыхъ сына — безъ шапокъ, съ низкими поклонами, съ прижатыми къ сердцу руками.

Юрта была сплошь застлана коврами поверхъ кошмы. Вдоль круглой стѣны, увѣшанной коврами, лежало сѣдло, украшенное серебромъ, бирюзой и другими камнями; стояли окованные цвѣтной жестью сундуки, большой никеллированный самоваръ, ножная швейная машина; за пологомъ виднѣлась широкая деревянная кровать, расписанная разными красками. Все говорило о богатствѣ хозяина. Обычное мѣсто въ центрѣ юрты было занято круглымъ низкимъ столомъ.

Съ поклономъ и прижатой къ сердцу рукой, хозяинъ сказалъ мнѣ:

— «Атурнысъ, таксыръ-тюре», т. е. «садитесь, г-нъ офицеръ».

Сѣли на ковры кругомъ стола, скрестивъ подъ собой ноги. Одинъ изъ сыновей взялъ домру — двуструнный инструментъ, — и затянулъ импровизированную пѣсню. Онъ пѣлъ о томъ, какъ послѣ долгаго утомительнаго пути молодой тюре пріѣхалъ въ гости къ его отцу, принеся съ собой въ юрту сіяніе солнца и оказавъ своимъ посѣщеніемъ всей семьѣ великую честь. Я отблагодарилъ пѣвца поклономъ, сказавъ:

«Рахметъ, копъ рахметъ», — (спасибо, большое спасибо).

Послѣ этого пѣвецъ перешелъ на веселый тонъ. Казакъ по русски подпѣвалъ значеніе пѣсни: «рыба по суху не ходитъ никогда; безъ воды она не можетъ жить совсѣмъ».

Вскорѣ изъ другой юрты принесли большую китайскую фарфоровую чашу съ кумысомъ и роговымъ въ серебрѣ черпакомъ. Началось питье кумыса. Выпьетъ киргизъ чашку, крякнетъ, оботретъ рукой губы и скажетъ: «джаксы, копъ джаксы», т. е. «хорошо, очень хорошо». И то сказать: старый кумысъ пѣнился и, какъ доброе вино, билъ въ голову.

Бесѣда велась чеерзъ казака — степовые казаки, часто имѣющіе работниками киргизъ, говорятъ по киргизски словно на родномъ языкѣ.

Тогусовъ оказался владѣльцемъ свыше полуторыхъ тысячъ лошадей, сотенъ двухъ верблюдовъ, десятка тысячъ барановъ и многихъ коровъ. Уважаемый родичами, Тогусовъ дважды былъ представителемъ киргизскаго населенія на коронаціяхъ Императоровъ Александра III и Николая II; имѣлъ почетные халаты съ золотымъ позументомъ и медали.

Подали эмалированный тазъ, кувшинъ съ водой и урамалъ — полотенце. Передъ ѣдой традиціоннаго варенаго барашка — «козуна», т. е. весенняго того же года приплода, вымыли руки. Сначала подали копченое скотское мясо и «казы» — колбасу изъ «махана» (конины); затѣмъ на большихъ китайскихъ блюдахъ горой наложенное дымящееся паромъ мясо козуна. Въ котлѣ принесли «сурпу» — несоленый бульонъ. Вооружившись короткими ножами — «пчаками», начали рѣзать мясо, сало, печенку, обмакивая ихъ въ крѣпко посоленую въ чашкахъ сурпу — «тудзукъ». Ѣду запили прѣсной сурпой, а затѣмъ кумысомъ. Казакъ, лучше меня знакомый съ киргизскимъ этикетомъ, рыгнулъ, показавъ тѣмъ гостепріимному хозяину, что онъ сытъ и доволенъ угощеніемъ.

Поблагодаривъ Тогусова и пригласивъ его пріѣхать ко мнѣ съ женой — «байбиче», я уѣхалъ на постъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Влад. СМОЛЕНСКІЙ.

Стихи Н. Туровѣрова

Стихи Н. Туровѣрова занимаютъ совсѣмъ особое мѣсто въ современной русской поэзіи. Дѣло здѣсь не только въ ихъ тематикѣ, не только въ томъ, что большинство изъ нихъ вдохновлены Дономъ, его исторіей, бытомъ, ландшафтомъ. Главная особенность стиховъ Туровѣрова, по моему, та что читая ихъ, чувствуешь, что весь путь русской поэзіи послѣ золотого Пушкинскаго вѣка, прошелъ мимо этихъ стиховъ. Туровѣровъ прямой наслѣдникъ Пушкина. (Я говорю конечно о стилѣ, а не о силѣ таланта).

Если бы у насъ не было серебрянаго вѣка русской поэзіи, начавшагося, приблизительно, съ символизма, если бы не было всѣхъ исканій, порой, правда, тщетныхъ, новыхъ поэтическихъ формъ, нашедшихъ свое выраженіе въ акмеизмѣ, имажинизмѣ, декадентствѣ, футуризмѣ, стихи Туровѣрова ни на іоту не измѣнились бы. Въ этомъ ихъ сила и ихъ слабость. Сила — потому что Пушкинское наслѣдство было очень богатымъ и пути имъ указанные — вѣрны. Слабость — потому что весь опытъ русской поэзіи послѣ Пушкина (а опытъ былъ огромный) ничѣмъ ихъ не обогатилъ.

У Туровѣрова Пушкинское міроощущеніе, но вѣдь міръ со временъ Пушкина очень и очень измѣнился. У Туровѣрова «блестящій Пушкинскій ямбъ», но иногда этотъ блескъ не соотвѣтствуетъ сниженной самой жизнью темѣ его стиховъ.

Туровѣровъ талантливъ, у него есть поэтическая личность, почему его стихи значительны и интересны съ точки зрѣнія поэтической, а не только историко-литературной, что было бы, если бы онъ былъ просто пушкинскимъ эпигономъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ прослѣдить и проанализировать преодолѣніе Туровѣровымъ вліянія своего великаго собрата. Но уже то, что стихи Туровѣрова вызываютъ мысли не только узкоформальнаго, но и обще поэтическаго порядка, свидѣтельствуютъ о глубинѣ его поэзіи.

Теперь, позволю себѣ одно формальное замѣчаніе. Туровѣровскій ямбъ очень хорошо звучитъ, тѣмъ досаднѣе нѣкоторые неправильности въ удареніяхъ словъ, которые иногда попадаются въ размѣрѣ, который больше чѣмъ другіе размѣры, требуетъ непогрѣшимости. Напримѣръ:

И ты твердишь что на балу
Всѣ оцѣнили твою ножку.

По размѣру здѣсь нужно читать **«твою»** съ удареніемъ на первомъ слогѣ. Такихъ примѣровъ можно указать нѣсколько.

Если не считать этихъ легко устранимыхъ недостатковъ, почти во всѣхъ стихахъ Туровѣрова происходитъ то сліяніе формы и содержанія, которое и создаетъ хорошіе стихи. Поэтому всѣ любители поэзіи будутъ и дальше съ тѣмъ же вниманіемъ слѣдить за дальнѣйшимъ творческимъ развитіемъ этого подлиннаго и талантливаго поэта.

Казачья жизнь во Франціи

У КАЗАКОВЪ-КОМБАТАНТОВЪ

Общее годовое собраніе Союза казаковъ-комбатантовъ назначается 23-го апрѣля, въ 15 ч. 30 м. въ Галлиполійскомъ Собраніи (81, рю де ла Фезандери, Парижъ 16).

На этомъ собраніи Правленіе Союза доложитъ о своей дѣятельности за минувшее трехлѣтіе, а ревизіонная комиссія сдѣлаетъ докладъ о состояніи суммъ.

Послѣ докладовъ и обмѣна мнѣніями состоятся выборы Правленія на новое трехлѣтіе.

Правленіе Союза проситъ членовъ донской секціи комбатантовъ собраться за полъ часа до общаго собранія, чтобы намѣтить кандидатовъ для баллотировки въ члены Правленія отъ донцовъ.

Правомъ голоса на собраніи пользуются всѣ члены Союза, имѣющіе комбатантскую карту съ маркой 1938-го года.

Марки выдаются каждый вторникъ отъ 19 час. 15 мин. до 20 час. 15 мин. въ канцеляріи Правленія на рю Бусико № 2, Парижъ 15.

Засѣданія Правленія по четвергамъ отъ 19 ч.

КАЗАКИ ВЪ МОНТАРЖИ.

На 1939-й годъ Общеказачьей станицей въ Монтаржи (Франція) избрано правленіе въ слѣдующемъ составѣ:

М. В. Леоновъ (атаманъ), Т. М. Карнауховъ и А. П. Каргальсковъ (помощники), И. С. Антюфеевъ (казначей). Довѣренные — Я. И. Подрѣзовъ, И. К. Карѣевъ; станичные писари — С. С. Хныкинъ и В. З. Меркуловъ.

Въ ревизіонную комиссію — Д. И. Разинъ, Ф. М. Мироновъ и И. П. Сковородниковъ. Библіотекарь — М. Г. Ушаковъ.

Слѣдующій номеръ Станицы будетъ посвященъ

130-лѣтію со дня рожденія

Н. В. ГОГОЛЯ.

Памяти друга

16 января въ Холливудѣ, въ госпиталѣ, внезапно скончался Василій Ивановичъ Семиколѣновъ, донской казакъ станицы Владимірской. Покойному было 43 года.

Въ Великую войну, шестнадцатилѣтнимъ юношей, Василій Ивановичъ Семиколѣновъ, съ 7-ымъ Донскимъ казачьимъ полкомъ, добровольно ушелъ на фронтъ и вскорѣ сталъ полнымъ георгіевскимъ кавалеромъ и былъ произведенъ изъ рядового казака въ офицерскій чинъ — хорунжаго.

Въ гражданскую войну покойный находился въ частяхъ Донского корпуса генерала Мамонтова, а въ Крыму — въ бригадѣ генерала Морозова.

В. И. Семиколѣновъ былъ человѣкомъ безграничной храбрости, совмѣщенной въ то же время съ какой то особенной, простотой и скромностью. Онъ принадлежал, именно, къ той лучшей части казачества, отличавшейся глубокимъ патріотизмомъ, патріархальностью, уваженіемъ къ сѣдинѣ, религіозностью, природнымъ умомъ; именно, къ тому казачеству, на костяхъ котораго росли слава, величіе и границы Русскаго государства...

Въ эмиграціи съ 1927 года до дня смерти, безпрерывно, въ теченіи 12 лѣтъ, В. И. Семиколѣновъ былъ въ Платовскомъ Донскомъ казачьемъ хорѣ и съ нимъ разносилъ славу и лихость казачьей пѣсни и танца по всему свѣту....

Кристальной чистоты, благородства, покойный былъ несмѣняемымъ хоровымъ казначеемъ, преданнымъ и любимымъ другомъ хоровой семьи...

Еще 10 января онъ танцовалъ лихо казачка на концертѣ хора, жалуясь только на боль зуба.

12 января дантистъ вырываетъ у него зубъ; внезапно зараженіе крови, а 16 января утромъ Василій Ивановичъ умеръ....

Чудовищные снаряды, милліарды пуль щадили жизнь, но жестокая смерть нашла этого безстрашнаго казака въ Холливудѣ, въ госпиталѣ....

Для Донского богатыря холливудскій климатъ оказался страшнѣе снарядовъ....

Платовскій хоръ торжественно похоронилъ своего друга въ Лосъ-Анжелосѣ 17-го января, на сербскомъ кладбищѣ и на его могилѣ поставилъ мраморный памятникъ, а казачья станица посадитъ на ней «калину родную, что жилъ былъ казакъ на чужбинѣ далекой и помнилъ про Донъ свой родной на чужой сторонѣ»....

Платовцы потрясены внезапной утратой своего лучшаго друга и горько скорбятъ надъ его печальной и одинокой могилой!...

Прощай, родной, нашъ вѣрный другъ!

Николай Кострюковъ.

20-I-1939 г.
Лосъ-Анжелосъ.

Le Gérant: Ch. Quénet. Imprimerie de NAVARRE — 5, rue des Gobelins. Paris-13e.

№ 31 JUILLET 1939 № 31

Prix: frs. 3

СТАНИЦА

ЧЕРНОМОРЕЦЪ. И. Рѣпинъ.

STANITZA

TRIMESTRIEL

ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS

7, RUE JOBBÉ DUVAL · PARIS (15e)

VC

Отъ Союза казаковъ участниковъ Великой войны. отъ Кружка Казаковъ-литераторовъ и отъ Парижской студенческой казачьей станицы

50 лѣтъ тому назадъ старшій портупей юнкеръ, фельдфебель 1-й роты Павловскаго военнаго училища, казакъ Каргинской станицы Войска Донского Петръ Николаевичъ Красновъ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ.

Путь отъ хорунжаго до генерала отъ кавалеріи былъ полонъ упорнаго, ни на одинъ день непрекращающагося труда по воспитанію казаковъ и солдатъ, по образованію офицеровъ, по созданію воинскихъ частей, покрывшихъ себя неувядаемой славой на многочисленныхъ поляхъ сраженій.

П. Н. Красновъ — строевой офицеръ, боевой начальникъ, военный педагогъ, военный историкъ и писатель, въ Русской арміи считался однимъ изъ самыхъ выдающихся офицеровъ.

На нашей памяти блестящей страницей въ исторіи Дона прошло его Атаманство. Нынѣ маститый юбиляръ вмѣстѣ съ нами переживаетъ тяжелыя времена эмиграціи, вдали отъ горячо любимой имъ Родины и Тихаго Дона, которымъ 50 лѣтъ служилъ вѣрой и правдой, отдавая имъ весь свой талантъ, всѣ свои недюжинныя способности, творческую инициативу и энергію.

Отъ души поздравляемъ дорогого Петра Николаевича съ 50-ти лѣтнимъ юбилеемъ пребыванія въ офицерскихъ чинахъ и горячо желаемъ ему добраго здоровья и многихъ лѣтъ.

Предсѣдатель Правленія Союза казаковъ-комбатантовъ
Ген. **С. Поздньшевъ.**

Старшина Кружка казаковъ-литераторовъ
Н. Туровѣровъ.

Атаманъ Парижск. студенч. каз. станицы
П. Гусевъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Рекомендуемъ нашимъ читателямъ прочесть № 138-й газеты «Русскій Инвалидъ», выходящій 20-го августа и въ значительной своей части посвященный нашему именитому донскому казаку П. Н. Краснову.

НИКОЛАЙ ТУРОВѢРОВЪ.

Гоголь -- Рѣпинъ -- Запорожцы

Гоголевскій «Тарасъ Бульба» и Рѣпинскіе «Запорожцы» въ нашемъ представленіи являются неразрывно связанными другъ съ другомъ въ изображеніи славнаго Войска Запорожскаго. Исторія этого Войска чрезвычайно интересна, но и весьма сложна, — стоитъ ознакомиться хотя бы съ многотомными трудами въ этой области Д. И. Эварницкаго, — и, едва ли, достаточно знакомы широкой публикѣ. Сѣчь, Запорожье, запорожцы — да вѣдь это Гоголь и Рѣпинъ взятые вмѣстѣ!

Гоголь собирался писать исторію Малороссіи, но вмѣсто задуманнаго имъ многотомнаго историческаго труда написалъ Тараса Бульбу — въ историческомъ отношеніи вещь весьма неопредѣленную, что, конечно, не умаляетъ ея очарованія. Эта запорожская эпопея остается какъ бы внѣ времени, — какъ, впрочемъ, внѣ дѣйствительности остаются часто у Гоголя и картины Малороссіи: величественный громъ соловья, подоблачные дубы, рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра!

Быть можетъ, своего Тараса Гоголь писалъ съ кошевого Ивана Сирко, у котораго такъ же было два сына — Петръ и Романъ, одинъ изъ которыхъ оказался измѣнникомъ, указавъ дорогу янычарамъ въ Сѣчь. Народныя преданія о Сирко въ то время еще были свѣжи, — только два поколѣнія отдѣляли Гоголя отъ эпохи запорожскихъ войнъ и походовъ — его родной дѣдъ Афанасій былъ писаремъ Запорожскаго войска. Гоголь слушалъ его «дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды запорожцевъ, про ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго»...

Рѣпинская картина имѣетъ точную историческую дату — это отвѣтное письмо запорожцевъ на ультиматумъ турецкаго султана Махмуда IV. Увы, сохранившійся текстъ этого письма, подписаннаго кошевымъ атаманомъ «Іваном Сірко зо всим кошом Запорожским», приведено быть не можетъ: оно внѣ печати.

Для своей картины Рѣпинъ искалъ подходя-

Кубанскій казакъ.
И. Рѣпинъ.

щихъ типовъ; онъ ихъ нашелъ среди кубанскихъ казаковъ — потомковъ запорожцевъ. Особенно много зарисовокъ онъ сдѣлалъ въ станицѣ Пашковской. Мы не воспроизводимъ Рѣпинской картины — она достаточно извѣстна, но двѣ его зарисовки даются въ этомъ номерѣ — едва ли онѣ широко извѣстны.

Лермонтовская выставка

15 октября исполняется 125-лѣтіе со дня рожденія М. Ю. Лермонтова.

Объединеніе б. воспитанниковъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, которое чтило память поэта — своего воспитанника и создало единственный въ Россіи Лермонтовскій музей, — устраиваетъ въ Парижѣ выставку «Лермонтовъ и его время». Открытіе выставки пріурочивается къ юбилейной датѣ.

Въ организаціонный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ ген. Д. И. Ознобишина, кромѣ представителей Объединенія училища полк. В. С. Строкача, полк. С. Л. Сафонова и ротм. В. В. Маркова, къ настоящему времени вошли: П. Н. Апостолъ, кн. Ф. Н. Бековичъ-Черкасскій, А. Н. Бенуа, И. А. Бунинъ, С. В. Волькенгеймъ, А. Т. Гречаниновъ, ген. А. А. Гулевичъ, П. В. Гусевъ, аббатъ К. А. Кенэ, А. Корбо, Н. Н. Кнорингъ, Н. К. Кульманъ, П. И. Кумшацкій. С. М. Лифарь, А. А. Поповъ, А. Ю. Розенбергъ, Ю. А. Топорковъ, кн. Н. С. Трубецкой, Н. Н. Туровѣровъ, Н. Н. Флиге, В. Л. Ячиновскій.

Комитетъ обращается ко всѣмъ организаціямъ и частнымъ лицамъ, располагающимъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ, съ просьбой принять участіе въ выставкѣ, посвященной памяти великаго поэта.

Экспонаты адресовать и за всѣми справками обращаться къ Николаю Николаевичу Туровѣрову: 6, rue Pilaudo Asnières (Seine) France.

И. Г. АКУЛИНИНЪ.

ЛЕТУЧАЯ ПОЧТА

РАЗСКАЗЪ.

(Окончаніе).

Я сѣлъ на коня и поѣхалъ въ сторону Федоровскаго Посада. Неожиданная встрѣча съ молоденькой барышней произвела на меня сильное впечатлѣніе. Что незнакомку зовутъ Вѣрой, и что она воспитанница Елизаветинскаго института, я, конечно, не зналъ; сказалъ шутя и случайно угадалъ. Придавать этому обстоятельству серьезное значеніе у меня не было мысли; но барышня мнѣ очень понравилась.

— Такой случай нельзя пропускать, — думалъ я про себя, — подъѣзжая къ Федоровскому Посаду. — Надо произвести тщательную развѣдку, и дѣйствовать рѣшительно.

— Глазомѣръ, быстрота и натискъ! — какъ училъ Суворовъ.

Мнѣ было досадно, что я не спросилъ — ни фамиліи, ни адреса незнакомки и при прощаніи не представился ей.

Фридерицинскую улицу въ нашемъ полку хорошо знали. Тамъ жилъ со своей семьей подъеса-

улъ Фаддеевъ. Часто, по-вечерамъ, возвращаясь компаніей съ музыки, мы заходили къ Фадеевымъ, на огонекъ, и подолгу засиживались въ саду или на верандѣ уютно обставленной дачи. Жена Фаддеева, хлѣбосольная уральская казачка (самъ Фаддеевъ былъ оренбуржецъ), угощала насъ густыми наливками собственнаго изготовленія или душистымъ чаемъ со свѣжимъ вареньемъ. Къ чаю подавались домашніе бублики, которые мы поѣдали въ неимовѣрно большомъ количествѣ. Если къ нашей компаніи пристраивались — сотникъ Бунтовъ и подъесаулъ Малыгинъ — тогда обязательно составлялся винтъ или бриджъ. Послѣдняя игра только что начинала входить въ моду.

Какъ-то въ разговорѣ мнѣ пришлось слышать, что по сосѣдству отъ Фаддеевыхъ, въ большой зеленой дачѣ, живетъ одинокая, пожилая вдова. У воротъ этой дачи мы иногда встрѣчали кокетливо одѣтую горничную въ обществѣ нашего писаря Козлова.

— Можетъ быть, эта дама и есть тетя барышни Вѣры — мелькнуло у меня въ головѣ — когда я проѣзжалъ мимо садовъ и огородовъ, обнесенныхъ высокими заборами.

Федоровскій Посадъ стоялъ на пологомъ холмѣ, откуда во всѣ стороны открывался широкій кругозоръ. Вдали, на горизонтѣ, дымили трубы Колпинскаго завода, изготовлявшаго броневое снаряженіе для морскихъ судовъ. Немного лѣвѣе и ближе желтѣла какая-то постройка казарменнаго типа. Кажется, это былъ станціонный домъ со шлагбаумомъ, уцѣлѣвшій отъ прежнихъ временъ. Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ проходило московское шоссе.

Мои мысли невольно перенеслись въ далекое прошлое: по этой дорогѣ когда-то скакали фельдъегеря съ эстафетами; проносились почтовыя тройки и кареты съ гербами, запряженныя цугомъ, въ которыхъ сидѣли пудренные старички и дамы съ лицами маркизъ. Здѣсь не разъ маршировала гвардія, совершая походы въ Москву и обратно.

— Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, — продолжалъ я размышлять, — по этой самой дорогѣ шагалъ Суворовъ, тянувшій солдатскую лямку въ Семеновскомъ полку; а въ Николаевскія времена проѣзжалъ въ дорожномъ возкѣ Пушкинъ, память о которомъ долго сохранялась во всѣхъ станціонныхъ домахъ и попутныхъ трактирахъ.

Федоровскій Посадъ, съ его садами и огородами, имѣлъ нарядный видъ. Когда я свернулъ на широкую улицу вдали мелькнула свѣтлая полоска рѣки Ижоры.

Мнѣ вспомнилось четверостишіе Пушкина:

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса,
И воспомнилъ ваши взоры —
Ваши синіе глаза.

Эти слова я сейчасъ записалъ на листки полевой книжки, а внизу крупнымъ почеркомъ прибавилъ:

— Сегодня въ 9 часовъ вечера на музыкѣ, — и подписался.

Вверху проставилъ: число, время и мѣсто отправленія.

Такого рода записку я рѣшилъ отправить барышнѣ, съ которой только что распрощался.

Но какимъ способомъ? и по какому адресу?

На сѣромъ, установленнаго образца, конвертѣ стояли заголовки: **кому, куда** и **аллюръ.**

Послѣ нѣкотораго раздумья, я написалъ:

Барышнѣ Вѣрѣ.

Въ Павловскъ, на Фридерицынскую улицу.

Аллюръ — перемѣнный (на что указывали условные знаки, въ видѣ двухъ крестовъ).

Большой увѣренности, что письмо дойдетъ по назначенію, у меня не было. Но отчего не испытать счастливый случай? И, кстати, почему не провѣрить казачью находчивость?..

Изъ ближайшаго двора вышли три казака. Старшій на посту, забайкалецъ Широкихъ, подошелъ ко мнѣ съ рапортомъ. Я распорядился отправить пакетъ съ письмомъ, куда слѣдуетъ. Широкихъ, прочитавъ адресъ, не выразилъ никакого удивленія; записалъ пакетъ въ постовую тетрадь и, повернувшись къ воротамъ, крикнулъ:

— Очередной выѣзжай!

Ворота распахнулись; въ нихъ показался уссуріецъ Поповъ: онъ осторожно велъ подъ уздцы темно-гнѣдого маштака, который нервно поводилъ ушами и боязливо озирался по сторонамъ.

— На постъ номеръ седьмой! — приказалъ Широкихъ.

— Слушаюсь, господинъ старшій!

Поповъ старательно засунулъ пакетъ за голенище, осмотрѣлъ подпруги и, погладивъ строптиваго коня по холкѣ, ловко сѣлъ въ сѣдло. Маштакъ хотѣлъ дать козла, но, получивъ ударъ нагайкой, пулей вынесся впередъ. Двѣ лохматыя собаченки съ лаемъ бросились вдогонку.

Опытный всадникъ, работая поводомъ и шенкелями, скоро перевелъ коня въ рысь, и скрылся за поворотомъ...

III.

Ровно въ девять часовъ вечера я былъ на музыкѣ. Концертъ еще не начинался; но площадка передъ курзаломъ была заполнена гуляющей пуб-

ликой. Было много нарядныхъ женщинъ, пріѣхавшихъ изъ Петербурга, и дачницъ, проводившихъ лѣто въ окрестностяхъ Царскаго Села и Павловска. Среди мужчинъ преобладали военные, — главнымъ образомъ — офицеры гвардейскихъ полковъ, между которыми выдѣлялась живописная группа стрѣлковъ Императорской Фамиліи.

Обѣжавъ площадку, я прошелъ внутрь курзала; потомъ заглянулъ на желѣзнодорожную платформу. Моей незнакомки нигдѣ не было. Рѣшилъ занять наблюдательный пунктъ съ такимъ расчетомъ, чтобы видѣть всѣ входы и выходы.

Прошло нѣсколько минутъ; публика прибывала, мимо меня сновали, взадъ и впередъ, группы молоденькихъ барышень, за которыми гонялись великовозрастные гимназисты. Ихъ веселый смѣхъ и громкіе разговоры вызывали неодобрительныя замѣчанія со стороны степенныхъ людей, пріѣхавшихъ спеціально послушать музыку.

Со стороны Петербурга пришелъ очередной поѣздъ, изъ котораго хлынула новая толпа, заполнившая всю платформу и курзалъ. Многіе прошли прямо въ ресторанъ, чтобы занять столики для ужина. Но большая часть вновь пріѣхавшей публики, весело щебеча, разсыпалась по площадкѣ и по ближайшимъ аллеямъ парка.

Музыканты стали настраивать инструменты. Любители музыки, толкаясь между рядами стульевъ, спѣшили занять мѣста поближе къ эстрадѣ.

Я непрестанно взглядывалъ на часы; смотрѣлъ по сторонамъ, но все напрасно: незнакомка не появлялась.

Ко мнѣ подошелъ щегольски одѣтый студентъ-путеецъ — мой давнишній знакомецъ — и началъ уговаривать составить ему компанію. Онъ пріѣхалъ съ двумя начинающими оперными пѣвицами — очень милыми барышнями, — которыя ожидали его въ паркѣ. Въ другое время я-бы съ восторгомъ принялъ такое предложеніе; но сейчасъ колебался, не зная на что рѣшиться.

Какъ разъ въ этотъ моментъ на ближайшей аллеѣ показалась горничная съ бѣлой наколкой, а рядомъ съ ней та, которую я ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Она была въ бѣломъ платьѣ и черной кружевной шляпѣ. Горничная осталась въ паркѣ, а барышня прошла легкой граціозной походкой къ выходу на площадку.

Наскоро попрощавшись съ пріятелемъ-студентомъ и попросивъ его извиниться передъ дамами, я поспѣшилъ на другую сторону, чтобы выйти наперерѣзъ.

Однако, пробраться сквозь густую толпу не такъ-то было легко; попадались знакомые, приходилось раскланиваться и обмѣниваться любезностями. Раза два я терялъ барышню изъ виду. Наконецъ, мнѣ удалось подойти къ ней, когда она медленно огибала площадку.

Мы поздоровались какъ старые знакомые.

— Получили? — спросилъ я съ мѣста въ карьеръ.

— Какъ видите! — улыбнулась барышня. — Только я должна сдѣлать вамъ выговоръ. И она попыталась придать своему лицу строгое выраженіе.

— За что?

— За ваше письмо! Хорошо, что тетя не видѣла; могла бы выйти цѣлая исторія.

— Прошу прощенія, — извинился я.

Меня интриговало: какимъ образомъ мое посланіе дошло по назначенію.

— Мнѣ передала горничная Маша, — пояснила барышня.

— А къ ней какъ попало?

— Принесъ вашъ казакъ.

— Не писарь ли Козловъ? — подумалъ я.

— Маша призналась: среди казаковъ у нея есть симпатія.

— Какъ видите: стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ привело насъ къ знакомству, — сдѣлалъ я заключеніе.

У меня со школьной скамьи осталась привычка: говорить иногда витіеватыми фразами.

Мы смѣшались съ толпой гуляющихъ. Появленіе хорошенькой барышни не прошло не замѣченнымъ, особенно для постоянныхъ посѣтителей Павловска. Взгляды многихъ мужчинъ и женщинъ подолгу останавливались на дѣвушкѣ съ васильковыми глазами.

— Откуда такой пупсикъ появился?

— Не знаю; въ первый разъ вижу.

Два ловеласа въ штатскомъ, стоя поодаль, отпускали каламбуры по адресу гуляющихъ.

Мои однополчане съ удивленіемъ смотрѣли на меня и на мою спутницу. Старшіе укоризненно покачивали головами. Канцевичъ подавалъ условные знаки, чтобы познакомить его. Но я дѣлалъ видъ, что ничего не понимаю.

Барышня въ началѣ робѣла, — она, какъ видно, не привыкла къ шумному обществу, — но скоро оправилась. Непринужденно болтая мы сдѣлали нѣсколько туровъ вокругъ площадки, стараясь двигаться по теченію.

— Это ваши стихи? — Въ вопросѣ чувствовалась легкая насмѣшка.

— Какіе стихи?

— Что вы мнѣ прислали.

Я скромно признался, что стихи позаимствованы у Пушкина.

Оркестръ заигралъ красивую мелодію. Нѣжные звуки музыки плавно разносились по аллеямъ парка. Но публика продолжала шумно ходить, не обращая вниманія на то, что играли. Шли ожив-

ленные разговоры; то тамъ, то здѣсь раздавался веселый смѣхъ...

— Пойдемте поближе, — предложила моя новая знакомая. — Я хочу послушать Чайковскаго.

Лавируя среди людской толпы, мы съ трудомъ прошли въ курзалъ. Къ счастью, въ платныхъ мѣстахъ, огороженныхъ рѣшеткой для серьезныхъ любителей музыки, оказались два свободныхъ кресла. Здѣсь царила полная тишина. Всѣ сидѣли, затаивъ дыханіе.

Изъ программы я узналъ, что играютъ отрывки изъ «Лебединаго Озера».

Барышня Вѣра понимала и любила музыку. Лишь только мы заняли мѣста, какъ она всѣмъ своимъ существомъ претворилась въ слухъ и вниманіе, — и забыла не только о моемъ существованіи, но и обо всемъ на свѣтѣ. Музыка захватила ее и унесла въ другой міръ — міръ волшебныхъ видѣній и чудесныхъ мелодій. Это было видно по ея одухотворенному лицу и по взгляду большихъ ясныхъ глазъ, устремленныхъ куда то вдаль.

Боясь нарушить такое сосредоточенное вниманіе, я сидѣлъ не шелохнувшись, въ свою очередь, опьяненный чарующей мелодіей и близостью молодой дѣвушки.

У моей сосѣдки былъ красивый, съ пріятными чертами, овалъ лица. Слегка полуоткрытыя, вишневыя, губы показывали два ряда прелестныхъ жемчужныхъ зубовъ. Черныя брови и длинныя рѣсницы, при вечернемъ освѣщеніи, еще болѣе оттѣняли красоты васильковыхъ глазъ.

Когда раздались плѣнительные звуки вальса, я почувствовалъ прикосновеніе нѣжной женской руки и замеръ отъ неожиданно нахлынувшаго чувства, которое нельзя было иначе назвать, какъ счастьемъ. Я совершенно потерялъ ощущеніе дѣйствительности, когда та же женская рука, слѣдуя за тактомъ музыки, прижималась къ моей рукѣ...

Громъ аплодисментовъ вывелъ меня изъ блаженнаго оцѣпененія. Какъ въ туманѣ стояла впереди стройная фигура дирижера. Поправляя сбившіеся на лобъ черные волосы, онъ раскланивался во всѣ стороны.

— Простите: это я нечаянно, — прошептала моя сосѣдка, отнимая руку.

Она была взволнована, а глаза излучали какой-то особый лучезарный свѣтъ...

Во второмъ отдѣленіи должна была пѣть Вяльцева, романсы которой въ то время распѣвались по всей Россіи. Необычайный наплывъ публики въ тотъ вечеръ, объяснялся, главнымъ образомъ, выступленіемъ знаменитой пѣвицы.

Но барышня Вѣра заявила, что ей пора домой — иначе, будетъ поздно и тетя начнетъ безпокоиться. Я вызвался быть провожатымъ.

Когда мы шли по Фридериценской улицѣ, въ полутьмѣ мелькнули силуэты двухъ казаковъ, направлявшихся къ дачѣ Фадеевыхъ. Это были — писарь Козловъ и деньщикъ начальника учебной команды Замотаевъ. Слѣдовавшая за ними горничная подошла къ нимъ и что то сказала вполголоса. Послышался сдержанный смѣхъ.

— Это по нашему адресу, — замѣтила барышня.

— Возможно, — неопредѣленно отвѣтилъ я.

У воротъ зеленой дачи мы дружески попрощались, условившись встрѣтиться на слѣдующій день.

Я возвращался къ себѣ въ томъ состояніи духа, когда про человѣка говорятъ: онъ шелъ, не чувствуя подъ собою ногъ. Была теплая лѣтняя ночь. Кругомъ царила торжественная тишина.

***

Случайности въ нашей жизни играютъ гораздо большую роль, чѣмъ объ этомъ принято думать.

Неожиданная встрѣча съ незнакомой барышней въ полѣ имѣла для меня самыя серьезныя послѣдствія.

Не прошло и года, какъ я сидѣлъ въ полковой канцеляріи и писалъ рапортъ командиру полка, прося разрѣшенія вступить въ первый законный бракъ съ дочерью вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вѣрой Александровной Минаевой.

И. ДАНИЛОВЪ.

Кубанскій праздникъ

(1788-1938).

Полтора вѣка назадъ Россійская Армія обогатилась шестью новыми полками: 1-ымъ Запорожскимъ Императрицы Екатерины Великой, 1-мъ Уманскимъ, бригадира Антона Головатого, 1-мъ Полтавскимъ кошевого атамана Сидора Бѣлаго, 1-мъ Таманскимъ генерала Безкровнаго, 1-мъ Екатеринодарскимъ кошевого атамана Захарія Чепеги, 1-мъ Кавказскимъ Свѣтлѣйшаго князя Потемкина Таврическаго и пластунскаго батальонами 1-мъ Великаго Князя Михаила Николаевича и 2-мъ Великой Княжны Ольги Николаевны.

Вспомнить ихъ службу, восхититься славой и

подвигомъ, низко поклониться за труды и лишенія, пригласилъ Представитель Кубанскаго Войск. Атамана генералъ Н. И. Малышенко, на торжественное собраніе казаковъ и русскихъ людей. На зовъ явился цвѣтъ казачьей и русской военной семьи. Залъ Галлиполійскаго собранія переполненъ. Свыше 200 гостей. Оживленіе, радостныя привѣтствія, приподнятое настроеніе. Казачій праздникъ. Вотъ приходитъ, любезно жметъ всѣмъ руки, Атаманъ графъ Граббе; одинъ за другимъ, появляются бывшіе вожди бѣлой арміи. Вотъ бодро идетъ генер. А. И. Деникинъ. Старый вождь, всѣ вытягиваются. Ген. Малышенко встрѣчаетъ гостей. Радостныя поздравленія, крѣпкія рукопожатія. Неожиданно, четкая команда.

Г-да офицеры! Великій Князь Андрей Владиміровичъ. Высокій, стройный, обаятельный въ простотѣ обращенія. Любезно раскланивается.

Въ 4 ч. 30 м. начинается служба. Простое казачье моленіе. Лица суровы, видно каждый унесся въ далекое, прекрасное прошлое.

Воину Вячеславу! громко возглашаетъ батюшка, Многая лѣта! Казаки отъ души поютъ. Многая лѣта! Многая лѣта! Молебенъ оконченъ. Генералъ Малышенко принимаетъ поздравленія. Многіе цѣлуются. Съ праздникомъ, станичники. Но вотъ, ужъ потянулись въ залъ собранія. Чинно разсаживаются, ни давки, ни недоразумѣній. Все отчетливо — по казачьи.

Ген. Малышенко открываетъ собраніе. Ясно, торжественно разсказываетъ исторію Кубанскаго Войска.

«Слава Кубанская переплелась со славой Россійской. 150-лѣтній юбилей, 94 года походовъ, битвъ. Всегда первые, безропотные, смѣлые, веселые Кубанцы. Вѣчное гореніе: за Кубань, за мать Россію.

Мощь Россійской Державы, храмъ Казачьей славы, воздвигнутъ на казачьихъ и русскихъ костяхъ. Она сіяетъ радостью общихъ побѣдъ и крѣпится надеждой увидѣть Россію свободной и Великой, окруженной своими вѣрными сынами казаками.

О полкахъ юбилярахъ говоритъ полк. Кравченко.

Величаво спокойно, открывая страницу за страницей, исторію жизни великихъ предковъ. Всегда на стражѣ Россіи. И куда только не бросаетъ ихъ судьба; и всюду и всегда подвигами и лишеніями крѣпятъ каждый шагъ. Строятъ Имперію, пекутся о Рідной Ненькѣ Кубани. Встаетъ изъ вѣковыхъ гробовъ, Войсковая старшина. Важный, знающій цѣну казакамъ, Головатый. Приподнимется кровью истекающій Сидоръ Бѣлый. Грузный, пройдетъ Чепега. И вѣчно удалой, статный, выше всего ставящій храбрость, вихремъ пролетитъ герой Безкровный. А дальше, безъ конца и края: въ стужу, въ дикихъ ущельяхъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, въ пеклѣ Туркестана, въ Польшѣ. Всегда готовые сложить головы, потомки славнаго Лыцарства — вольнолюбивые казаки.

Залы внимательно слушаетъ. Многіе знаютъ исторію Кубанцевъ. Но всякій разъ, эта волшебная сказка волнуетъ и наполняетъ душу гордостью и тихой грустью: а что же мы? Докладъ, сопровождавшійся картинами изъ казачьей жизни, оконченъ. Снова говоритъ ген. Н. И. Малышенко, передаетъ казакамъ привѣтъ Атамана, благодаритъ гостей.

Будетъ Россія — будетъ Кубанское Войско. Пѣсней казачьей, спутницей нашей въ горѣ и радости, про нашу Кубань — закрылось собраніе:

О, Кубань, ты наша Родина...

Призывно и страстно прорѣзываетъ наступившую тишину сильный теноръ казака Бабича. Всѣ поднимаются. Бурно, порывисто подхватывая «Вѣковой нашъ богатырь». Выплеснулась пѣсня изъ маленькой залы. Ширится, крѣпнетъ и летитъ туда, за моря, въ туманную даль. На далекую угнетенную Кубань.

15 января 1939 г. **И. Даниловъ.**

А. Д. БАЖЕНОВЪ.

На развалинахъ джунгарскаго царства

(Окончаніе*).

Вечерѣло. Отъ горныхъ вершинъ потянулись черныя тѣни. Послѣ дневной тишины горы ожили: со всѣхъ сторонъ доносился лай собакъ, мычаніе коровъ и блеяніе барановъ, собранныхъ съ пастбищъ, къ ауламъ. Подулъ вѣтерокъ — небольшой, но пронизывающій до костей. Вообще, ночи бывали настолько холодны, что казаки ложились спать одѣтыми, тѣсно прижимаясь другъ къ другу.

Вслѣдствіе непосредственной близости китайскихъ киргизъ и развитой въ краѣ баранты, которой способствовала отдаленность отъ уѣздныхъ властей слишкомъ на 200 верстъ, пришлось принять сугубую осторожность: три казачьихъ юрты поставили одну около другой въ трехъ шагахъ, мою

*) См. «Станицу» № 30.

за средней, въ 8 шагахъ; ночную коновязь въ 20 шагахъ отъ юртъ; сѣдла, шашки, винтовки въ изголовьи у казаковъ; въ каждой юртѣ на случай ночной тревоги была плошка съ саломъ и фитилемъ; около юртъ ходилъ дневальный съ заряженнымъ ружьемъ.

На другой день утромъ, мой деньщикъ принесъ мнѣ турсукъ кумысу отъ Тогусова. Турсукъ — кожаный мѣхъ съ ноги взрослаго барана, вмѣстимость — нѣсколько бутылокъ. Присылка кумыса была ежедневной. Рѣшивъ воспользоваться возможностью укрѣпить здоровье кумысомъ, бараниной, горнымъ воздухомъ, солнцемъ и лазаніемъ по горамъ, я совершенно отказался отъ чая, отдаривая Тогусова какъ чаемъ, такъ и сахаромъ, свѣчами, экстрактами къ чаю и пр.

Любилъ я вставать раннимъ утромъ, наблюдая переходъ ночной темноты къ разсвѣту. Западная половина неба еще окрашена въ темносинюю, почти черную краску — видны яркія звѣзды; а восточная сторона уже голубѣетъ. Быстро мѣняются краски: голубая на бирюзовую, бирюзовая на опаловую, сиреневую, пурпурную, вскорѣ переходящую въ огненную. Чуть показывается восходящее солнце. Еще немного — и оно заливаетъ горы растопленнымъ золотомъ. Въ красотѣ красокъ неба и горъ чувствовались могущество и величіе Божіи; чувствовались они и при обозрѣніи дивно красивыхъ далей по сторонамъ поста. Словно съ крыши міра въ обѣ стороны открывались обширныя долины, окаймленныя горными хребтами: къ востоку, среди Зайсанской долины блестѣла серебряная лента моря-озера Норъ-Зайсанъ; за ней синѣлъ Алтай съ длинной полосой бѣлокурыхъ позолоченныхъ облаковъ; къ западу, за китайской территоріей, входящей клиномъ въ русскую землю, въ предѣлахъ Семирѣчья синѣли лѣсныя горы Барлыка. Дивно хороша панорама.

Послѣ ночного служебнаго наряда, выспавшись днемъ, казаки проводили свободное время въ пѣсняхъ — то унылыхъ, то залихватскихъ, — въ пляскѣ подъ гармонію, въ борьбѣ, скатываніи съ горъ огромныхъ камней... Катится-катится камень, ударится о другой, вросшій въ землю, подпрыгнетъ или разобьется на многіе мелкіе куски и послѣдніе бѣгутъ далѣе въ перегонки по изгибамъ ущелья. Эту забаву съ камнями пришлось скоро запретить, т. к. съ ней возможны несчастья. Такое только что случилось на Катанъ-ащи. Сброшенный съ горы камень, сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ, влетѣлъ черезъ дымовое отверстіе «дженгаракъ» въ юрту и разбилъ чугунный казанъ съ варившейся въ немъ крупой. Къ счастью, въ юртѣ въ то время не было людей.

«Шайтанъ бросалъ тасъ», т. е. чертъ бросалъ камень, — такъ говорили потомъ казакамъ киргизы.

Ночами, когда холодъ гналъ сонъ, казаки вели между собой безконечные разговоры о домѣ, родныхъ; вспоминали былое. Непосредственная близость къ казакамъ моей юрты дѣлала меня невольнымъ слушателемъ ихъ разговоровъ.

— «А вотъ, ребята, — слышится голосъ, — чего мой дядя разсказывалъ: это было, когда русскіе Зайсанскій край только лишь заняли. Кажись, то было въ 1869 или 71 году. Тогда-то Зайсанскій постъ, а теперь городъ и обосновали. Связали его съ Конпектами линіей постовъ, нынѣшнихъ пикетовъ. Разбили ее на дистанціи. На каждомъ пикетѣ старостой урядникъ и казаки для конвоированія почты и проѣзжающихъ. Такъ вотъ, пріѣзжаетъ разъ дистаночный офицеръ для повѣрки службы съ пикета Чорги на Базарку. А съ Базарки на встрѣчу ему троечный закрытый тарантасъ подъ конвоемъ. Кто это проѣхалъ?» — спрашиваетъ дистаночный. Староста хоть бы глазомъ моргнулъ: «Купецъ Бычковъ, Ваше Благородіе». На обратномъ пути въ тотъ же день дистаночный начальникъ, просмотрѣвъ на Чоргѣ книгу выдачи лошадей и не видя фамиліи купца Бычкова, строго спросилъ урядника- старосту: «Гдѣ у тебя Бычковъ?» — Сразу поблѣднѣвшій урядникъ, указывая на подполье, отвѣтилъ: — «Тамъ, Ваше Благородіе!». Заподозривъ убійство, офицеръ спустился въ подполье и нашелъ тамъ убитаго и подѣленнаго на части... быка. Украли у киргизъ на Базаркѣ, а слѣды хотѣли скрыть на Чоргѣ... Но, братцы, отецъ говорилъ мнѣ, что за такія продѣлки въ его время и суду не предавали — набьютъ, какъ слѣдуетъ, рожу, — и только. — Смотрѣли какъ на озорство отъ скуки...»

— «Да этто двиствительно правильно: скука, она, того, на многое тебя двинетъ. Вотъ, и мой дядя сказывалъ, какъ онъ рыбу изъ колодца удилъ».

— «Изъ колодца?».

— «Ну-да, изъ колодца. Да ты не перебивай! Стоялъ этто онъ на Май-Копчегаѣ въ Алтайскомъ участкѣ. Былъ одну пору въ нарядѣ въ табунъ. Вотъ между часами службы вздумалъ онъ съ товарищами выудить барашка изъ стада. Взялъ онъ ивовую хворостину, навязалъ на нее нить съ грузикомъ, пошелъ къ колодцу вблизи овецъ, закинулъ въ него грузикъ и сидитъ. Тотчасъ подходитъ къ нему киргизъ-табунщикъ; а дядѣ только того и надо. «Аманъ-ба!» (здравствуй). — «Аманъ!» — «Тауръ-ма?» — «Тауръ» («Здоровъ ли»?) — «Нимене?» (что это?) — «Рыбу ловлю...» — «Ой-бой! Изъ колодца?» — «А вотъ, сиди, увидишь». — Вытащитъ дядя уду изъ колодца, посмотритъ и скажетъ: — «Не клюетъ что-то; за то тамъ клюнетъ», — и опять заброситъ уду.

«Нѣтъ, сегодня не клюетъ!» говоритъ наконецъ дядя и уходитъ къ табуну, гдѣ уже оказался «приблудившійся» барашекъ».

— «А что-жъ? Не зѣвай пастухъ. У насъ часовой и думать не смѣй уйти съ поста».

Много подобныхъ воспоминаній я услышалъ о минувшей уже старинѣ. Да, это могло быть въ тѣ времена, когда казна отпускала казакамъ на довольствіе, въ отличіе отъ другихъ частей, всего лишь крупу и муку. Но уже со времени уравненія ихъ въ правахъ съ прочими родами войскъ, казаки и въ мирное, и въ военное время помнили и соблюдали завѣтъ Суворова: «Обывателя не обижай — онъ тебя поитъ и кормитъ».

День шелъ за днемъ. Однажды казачья постовая почта привезла изъ полка пакеты и газеты, сообщавшіе о боксерскомъ возстаніи въ Китаѣ, и предписаніе мнѣ принять особыя мѣры осторожности на посту, устраивая временами тревогу. Случай для нея подвернулся въ ту-же ночь. Часовъ около 12 невдалекѣ отъ поста раздались крики и выстрѣлы.

«Выстрѣли!» — приказалъ я дневальному юрты.

Прошло всего пять минутъ и взводъ уже сидѣлъ на коняхъ. Тотчасъ я отправилъ два разъѣзда по двумъ горнымъ щелямъ, оставивъ полвзвода на посту. Вскорѣ старшій одного разъѣзда доложилъ:

«Въ сосѣднемъ аулѣ, Ваше Благородіе, киргизка родила, такъ родные стрѣльбой и крикомъ шайтана (черта) гнали: дите, знать, на свѣтъ не пущалъ...».

Прошло еще нѣсколько дней и я получилъ вновь изъ полка пакетъ о мобилизаціи частей Сибирскаго казачьяго войска и предписаніе мнѣ сдать постъ уряднику и самому прибыть въ Зайсанъ для пріема сотни. Черезъ часъ у уѣхалъ къ полку отъ поста до поста на перемѣнныхъ лошадяхъ.

Давно это было — 38 лѣтъ назадъ. Но горная привольная жизнь оставила во мнѣ глубокій слѣдъ. И теперь порой мысленно переношусь въ горы Тарбогатая.

Казаки въ Южной Америкѣ

Наши станичники заграницей показали, что они не только умѣютъ владѣть пикой, шашкой и поводьями, а и другимъ оружіемъ — орудіями мирной плодотворной работы. Кто съ киркой и

лопатой, кто за рулемъ, кто съ циркулемъ и теодолитомъ, всѣ нашли себѣ примѣненіе, какъ дѣльные и полезные работники. Въ качествѣ примѣра ихъ работы приводимъ двѣ фотографіи. На первой мы видимъ сотника В. В. Донского, Б. В. Ермольева на съемкѣ рѣки Парагвая. Служа топографомъ въ Парагвайскомъ Адмиралтействѣ (хотя и рѣчномъ, но все же обладающемъ флотомъ изъ двухъ канонерокъ) онъ производитъ съемки въ жаркихъ тропикахъ, подъ палящимъ солнцемъ, среди тучъ комаровъ, въ мѣстахъ, гдѣ каждый моментъ можно споткнуться о крокодила, наступить на ядовитую змѣю или потревожить удава метровъ въ восемъ длины.

На второй фотографіи въ серединѣ представленъ А. М. Пятницкій, донской казакъ станицы Нижне-Кундрюченской, геологъ на службѣ государственной компаніи въ Патагоніи, гдѣ дуютъ свирѣпые вѣтры, бывавшій на самомъ Югѣ Америки, на Огненной Землѣ. По бокамъ на снимкѣ — его помощники, молодые аргентинскіе геологи. А. М. Пятницкій изъ далекой Патагоніи поддерживаетъ связь съ ученымъ міромъ, ведя переписку съ извѣстными сѣверо-американскими геологами.

Одна изъ горъ Патагоніи названа въ ихъ гео-

логическихъ трудахъ «Sierro Piatnitzky». Имъ были найдены на ней остатки рѣдкихъ видовъ ископаемыхъ животныхъ. Нѣсколько новыхъ видовъ ископаемыхъ растеній, найденныхъ имъ и посланныхъ въ Сѣв. Америку для изслѣдованія, ученые назвали его именемъ.

Пусть эти строки покажутъ, что съ казачьей сметкой и настойчивостью можно многаго добиться въ жизни даже находясь въ чужихъ краяхъ.

М. Архангельскій.

В. КРЮКОВЪ.

Васильковый обѣдъ

Кружокъ казаковъ литераторовъ

Благопріятно развивающаяся дѣятельность «Кружка казаковъ литераторовъ» обязана не только составу самого Кружка, а, главнымъ образомъ, единственной и ясно поставленной цѣли, неуклонно проводимой искреннимъ старанiемъ людей ей преданныхъ. Конечно, эта цѣль — литература — очень обширное понятіе, и въ ней, какъ въ громадномъ лѣсу, можно растеряться небольшой группѣ Кружка; но, къ счастью, мы владѣемъ легко парирующимъ средствомъ противъ этого недуга, — мы казаки! Если преданность литературѣ насъ соединила, то чувство казачьей семейственности, можетъ быть у насъ углубленное, насъ скрѣпило въ общность, силой которой мы нашли и укрѣпили свое мѣсто въ этомъ обширномъ лѣсу. Мѣсто это стало замѣтнымъ въ эмигрантской литературѣ и не только замѣтнымъ, но и привлекательнымъ: къ намъ тянутся не только казачьи литераторы изъ разныхъ странъ разсѣянія, но и почтенныя имена изъ эмигрантской печати. Имѣя близкій намъ періодическій журналъ, свой ежегодный сборникъ, выступая на публичныхъ казачьихъ собраніяхъ и на профессіонально литературныхъ, — мы все болѣе и болѣе укрѣпляемъ свою литературную позицію въ эмиграціи.

Въ традицію Кружка казаковъ-литераторовъ вошло устройство ежегоднаго торжественнаго обѣда. Въ прошломъ году онъ былъ отмѣченъ «стилемъ будяка». Въ этомъ году, 3-го іюня, въ прекрасномъ ресторанѣ на Елисейскихъ поляхъ, гдѣ ровно 125 лѣтъ тому назадъ былъ казачій бивуакъ, мы праздновали вторую годовщину Кружка «васильковымъ обѣдомъ» — столъ былъ украшенъ васильками. Къ назначенному часу всѣ члены Кружка въ сборѣ. Очередная работа просмотра и критики новыхъ стиховъ прошла быстрѣе обычнаго темпа.

Среди оживленной бесѣды за столомъ экспромты и стихи поэтовъ звучали пыломъ юности и радужныхъ надеждъ, и лишь воспоминанія прошлаго, какъ липкій вешній медъ, давили сердце чрезмѣрной сладостью. Онѣ здѣсь были прекрасно переданы умѣлой декламаціей автора, талантливаго донца- поэта Н. Н. Евсѣева:

«Подъ ласковый говоръ стакановъ
Мы слышимъ сердцами яснѣй,
Какъ тамъ за морями съ туманомъ
Въ левадѣ поетъ соловей.
    Поетъ онъ въ зеленой калинѣ
    Поетъ, говорятъ, про любовь,
    Про звѣзды на пологѣ синемъ,
    Про нѣжную старую новь,
Про радость съ своею подругой
Жить въ милыхъ родимыхъ краяхъ,
Звенѣть надъ левадой, надъ лугомъ,
Надъ счастьемъ земнымъ на вѣтвяхъ.
    Такъ выпьемъ за «синюю птицу» —
    За вѣрность, любовь до конца
    И выпьемъ за наши станицы
    У Дона, Хопра и Донца.
Повѣрьте, — вернемся въ станицы,
Вернемся съ казачьей душой.
Вернемся мы такъ, какъ не снится
Небесная радость — «домой».

Старшины Кружка, Н. Н. Туровѣровъ и П. В. Гусевъ, произнесли краткія рѣчи. Н. Н. Туровѣровъ поднялъ бокалъ за почетнаго члена Кружка Аббата К. А. Кенэ, поблагодаривъ его отъ имени всѣхъ собравшихся за то гостепріимство и радушіе, которымъ пользуется Кружокъ въ домѣ Аббата вотъ уже второй годъ, отмѣтивъ цѣнное его содѣйствіе во всѣхъ начинаніяхъ Кружка.

П. В. Гусевъ привѣтствовалъ другого почетнаго члена Кружка генерала Д. И. Ознобишина, громадная библіотека котораго принесла столько пользы и Кружку и журналу «Станица». Особенно дорого и цѣнно было присутствіе генерала среди насъ на этомъ обѣдѣ тѣмъ, что онъ, будучи больнымъ и съ трудомъ передвигаясь, вслѣдствіе болей въ ногѣ (черезъ нѣсколько дней предстояла серьезная операція), все же нашелъ въ себѣ силы притти къ намъ и раздѣлить съ кружкомъ казачью хлѣбъ-соль.

На томъ же обѣдѣ рѣшили выпустить въ концѣ этого года Казачій Альманахъ на 1940-й годъ.

Была избрана редакціонная коллегія въ составѣ П. В. Гусева, В. С. Крюкова и Н. Н. Туровѣрова. Почетные члены кружка, благодаря жертвенности которыхъ было осуществлено изданіе Казачьяго Альманаха 1939-го года, вновь обѣщали свою помощь подъ дружные аплодисменты присутствующихъ.

Всѣ участники обѣда расписались на иллюстрированныхъ васильками открыткахъ подъ привѣтствіями проживающимъ внѣ Парижа членамъ кружка: въ провинціи, въ Германіи, въ Литвѣ, въ Сѣв. Америкѣ, въ Харбинѣ, въ Болгаріи, и въ др. странахъ.

ОТКЛИКИ

НИКОЛАЙ ТУРОВѢРОВЪ.

1.

СТИХИ АЛЕКСѢЯ АЧАИРА.

Въ концѣ минувшаго года и въ началѣ настоящаго вышли въ Харбинѣ одна за другой двѣ книги стиховъ сибирскаго казака Алексѣя Ачаира — «Тропы» и «Полынь и солнце».

Все, за исключеніемъ трехъ пьесъ, относящихся къ прошлому десятилѣтію, написано въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ.

У Алексѣя Ачаира есть несомнѣнный темпераментъ. Онъ весь — въ исканіяхъ, рвется къ чему-то новому, жаждетъ оригинальности, боясь оказаться похожимъ на кого-нибудь, но сплошь и рядомъ, непримѣтно для себя, какъ разъ подчиняется чужимъ вліяніямъ. Вліянія эти особенно чувствуются въ сборникѣ «Тропы», уровень котораго вообще значительно ниже уровня «Полыни и солнца». Отдалъ дань Ачаиръ Игорю Сѣверянину, Ахматовой, Маяковскому и даже... Вертинскому.

Пряная экзотика, неизбѣжные пьеро и пьеретты, подчеркнутая «изысканность» выраженій, — все это слишкомъ напоминаетъ жанръ властителя, если не думъ, то — эстрадъ временъ гражданской войны и первыхъ лѣтъ эмиграціи.

Вотъ наудачу два примѣра. —

Вы — цвѣтокъ захолустный,
Вы — картинка съ обложекъ
Популярныхъ изданій
Для безгрѣшныхъ людей.
Вашъ восторгъ безыскусный
Совѣсть старую гложетъ
До... неслышныхъ рыданій,
До хрустѣнья костей.

Или такая строфа:
«Когда на расфранченномъ катафалкѣ
Поверхъ людей свершитъ послѣдній рейсъ
Пустой корабль — поэта остовъ жалкій —
Вы бросите на холмикъ эдельвейсъ».

Это желаніе всегда и вездѣ непремѣнно стать въ позу и облечь самыя простыя мысли въ самыя пышныя и вычурныя одежды вызываютъ въ читателѣ невольную досаду.

Нельзя не признать, что у Ачаира тонкое чувство ритма, въ отношеніи формы его стихи достигаютъ иногда большого изящества. Они музыкальны, они звучны. Но «звучаніе» это зачастую такъ и остается умѣлымъ подборомъ красивыхъ словъ при самомъ незначительномъ содержаніи. Ачаиру **даны возможности,** и всецѣло отъ него зависитъ, **какъ ими** воспользоваться. Доказательствомъ этому является его другая книга — «Полынь и солнце», къ которой отъ «Тропы» переходишь съ чувствомъ удовлетворенія. — Если тамъ, среди почти полсотни стихотвореній, лишь одно («Сборъ винограда») можно признать вполнѣ, съ начала и до конца удавшимся, то здѣсь наоборотъ — исключеніе составляютъ пьесы неудачныя. Тонъ и причуды «провинціальнаго маэстро» уступаютъ мѣсто простымъ и искреннимъ словамъ о любви къ родинѣ, о тоскѣ бездомнаго русскаго человѣка, о непоколебимой вѣрѣ въ лучшее будущее свое и Россіи.

Самолюбованіе и нарочитая изысканность отпадаютъ, какъ ненужная шелуха, и очищенный и просвѣтленный встаетъ передъ нами обликъ поэта, котораго **такимъ** можно и понять и полюбить.

... Мечтанья смѣнились теперь
Въ глазахъ опечаленно строгихъ,
Застывшею болью потерь.

Поэтъ съ благодарной любовью вспоминаетъ свою родину, свою «былинушку-Сибирь».

«А дороженька — дорогъ-то всѣхъ длиннѣй,
А и воля-то — всѣхъ въ мірѣ воль вольнѣй».

«... О, родина! вѣдь этотъ міръ — весь нашъ,
Нашъ до краевъ, до глубины истока!»

Кажется, не менѣе, чѣмъ Сибирь, милъ поэту и русскій Туркестанъ. О немъ интересно стихотвореніе «На моей землѣ». Мѣстами, оно очень красиво, хотя и неровно написано.

Какъ общее правило: вездѣ, гдѣ Ачаиръ старается произвести впечатлѣніе — онъ какъ разъ слабѣе всего. Тамъ же, гдѣ онъ прямо и безыскусственно изливаетъ свое сердце — онъ становится близкимъ и сердцу читателя.

Хороши, безоговорочно хороши слѣдующія стихотворенія: «Казаки», «Дѣды», «Рѣки казачьи» и «Сибирь», въ особенности — послѣднее. По этимъ вещамъ мы можемъ судить, чего мы вправѣ ожидать отъ Ачаира.

У Ачаира есть безспорныя данныя для оправданія нашихъ ожиданій: у него яркое воображеніе, умѣнье наблюдать и подмѣчать, большой запасъ впечатлѣній, пріобрѣтенный многообразной жизнью, тонкій музыкальный слухъ и, повторяемъ, — темпераментъ.

—«»—

2.

ЕВГЕНІЯ ДЕ-ЖЕРВЕ.

СТИХИ НИКОЛАЯ КЕЛИНА

Многіе еще не понимаютъ, что искусство — не посланный свыше даръ, а большая и трудная работа; что поэзія не исчерпывается группой ритмично составленныхъ риѳмованныхъ строкъ. Ищутъ новые пути, новыя слова, забывая, что «ничто не ново подъ луной» и что, за тысячи лѣтъ ихъ существованія, всѣ слова давно избиты.

Вторая книга стиховъ Николая Келина рѣзко отличается отъ первой отсутствіемъ чьего либо поэтическаго вліянія столь рѣзко проступающаго въ лучшихъ стихахъ первой книги.

Чувствуется, что для автора кончился періодъ исканія, неудовлетворенности. Стихи выливаются съ большой легкостью — независимо отъ содержанія — увлекая своимъ напѣвомъ автора въ неожиданныя противорѣчія.

Но развѣ это важно? Развѣ искусство не свободно отъ всякихъ тенденцій? — важно только, чтобы слова лились, не задерживаясь на кончикѣ пера, важно, чтобы «... Много словъ крылатыхъ, много пѣсень звонкихъ...» пропѣлъ авторъ своимъ внукамъ и чтобы эти крылатыя слова доходили до сердца, будя въ немъ замирающую любовь къ родному.

Къ сожалѣнію, при всей своей даровитости, авторъ нѣсколько небреженъ и къ формѣ стиха и къ языку, на которомъ онъ пишетъ.

Въ стихотвореніи посвященномъ Подтелкову — нѣсколько схожемъ съ произведеніями совѣтскихъ поэтовъ — едва ли автору самому понятны строки:

«... И вотъ надъ Дономъ полегли
Рабы степямъ ненужной дружбы...»

Нерѣдко авторъ риѳмуетъ «степь-запѣть», «скачутъ-казачьихъ» (Курганъ), слова, не риѳмующіяся вовсе, тогда какъ онъ легко могъ бы избѣжать и этого, и неправильно падающаго ударенія (петель, вмѣсто петель; дѣдами, вмѣсто дѣдами и прочее).

«...Россія... слова нѣтъ дороже
Для насъ, оторванныхъ отъ ней...

Отъ ней?

Можно, конечно, включать въ стихи мѣстныя слова и выраженія, но едва ли хорошо искажать языкъ. Конечно, многіе такъ говорили и говорятъ, но... хорошо ли это въ поэзіи?

—«»—

3.

П. ГУСЕВЪ.

ЭТАПЫ

Подъ этимъ заглавіемъ только что вышла въ Парижѣ книга генерала С. Д. Позднышева. Авторъ, одинъ изъ самыхъ молодыхъ боевыхъ донскихъ генераловъ, всѣ прожитые въ эмиграціи годы посвятилъ дѣлу помощи зарубежнымъ русскимъ военнымъ инвалидамъ, ибо онъ и самъ инвалидъ, сражавшійся съ перваго дня великой войны и до послѣдняго дня гражданской въ своихъ родныхъ донскихъ частяхъ, отъ младшаго офицера до начальника крупныхъ войсковыхъ соединеній, исчисляемыхъ во много тысячъ шашекъ.

Этапы, о которыхъ разсказываетъ авторъ, — это непрестанная, съ 1920-го года и до нашихъ дней, сложная, въ эмигрантскихъ условіяхъ, суровая борьба за существованіе самыхъ несчастныхъ изъ насъ: русскихъ воиновъ-калѣкъ, инвалидовъ великой и гражданской войны. На протяженіи этой борьбы было 4 этапа, т. е. всезаграничныхъ делегатскихъ съѣзда, состоящихъ изъ делегатовъ отъ союзовъ инвалидовъ изъ 22 странъ нашего разсѣянія: Бѣлградъ (1927 г.), Прага (1930), Софія (1933) и снова Бѣлградъ (1938 г.). Эти съѣзды были возможны лишь благодаря щедрой помощи и братскому участію этихъ славянскихъ странъ, о которыхъ съ такимъ тепломъ повѣствуетъ въ своей

интересной, написанной красивымъ языкомъ, книгѣ С. Д. Позднышевъ. На этихъ съѣздахъ шла кипучая работа, разрѣшавшая всѣ вопросы инвалиднаго бытія, избирался исполнительный органъ — Главное Правленіе всего Зарубежнаго Союза, распредѣлялись собранныя за отчетный періодъ пожертвованія, намѣчалась работа на будущее время. Эти съѣзды — этапы на страдномъ инвалидномъ пути, имѣли громадное значеніе для всего русскаго Зарубежья: русскіе инвалиды своимъ существованіемъ напоминали о выполненномъ до конца долгѣ передъ Родиной, а своей работой показывали блестящій примѣръ того, что можно сдѣлать и чего можно достичь при общей дружной работѣ, съ девизомъ: «Въ единеніи наше спасеніе; въ расколѣ наша гибель».

Результаты этой работы, руководимой Главнымъ Правленіемъ въ составѣ: генералъ М. Н. Кальницкій (предсѣдатель), генералъ А. А. Гулевичъ (замѣститель предсѣдателя и завѣдывающій хозяйственной частью) и генералъ С. Д. Позднышевъ (управляющій дѣлами) къ сегодняшнему дню мы узнаемъ изъ разбираемой книги:

... «къ настоящему времени существуетъ громадный зарубежный союзъ инвалидовъ съ 6547 членами, съ центральными правленіями въ Парижѣ, Бѣлградѣ, Софіи, Берлинѣ, Прагѣ, Брюсселѣ, Вильнѣ, Лондонѣ, Каирѣ, Сеаттлѣ, Шанхаѣ, Харбинѣ, Тяньцзинѣ, Ревелѣ, Гельсингфорсѣ, Афинахъ, Будапештѣ, Константинополѣ, Копенгагенѣ, Бейрутѣ. До 1000 инвалидовъ самыхъ тяжелыхъ, ужасныхъ категорій, безпомощныхъ калѣкъ, доблестныхъ нѣкогда героевъ, призрѣвается въ инвалидныхъ домахъ и общежитіяхъ, устроенныхъ заботами инвалидныхъ организацій».

Книга изящно издана и снабжена большимъ количествомъ фотографій.

— «» —

4.

ЛУЧЪ АЗІИ

Ежемѣсячное изданіе. № 57/5. Май. Харбинъ.

Скоро исполнится 5 лѣтъ, какъ въ Харбинѣ сталъ выходить ежемѣсячникъ «Лучъ Азіи», который среди Дальне-Восточной эмиграціи завоевалъ себѣ прочное положеніе, сдѣлавшись настольной книгой и очень цѣннымъ справочникомъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Каждый номеръ имѣетъ красивую обложку и прекрасныя иллюстраціи. Особенно хорошо поставлены отдѣлы — историческій и литературный; много удѣляется вниманія славному прошлому Россіи и Казачества; хорошо освѣщается современная обстановка на Д. Востокѣ, въ СССР и въ Зап. Европѣ; военному дѣлу отводится должное мѣсто въ каждомъ очередномъ номерѣ.

Въ майской книжкѣ имѣется статья, посвященная тремъ женщинамъ французской революціи (Шарлотта Кордэ, мадамъ Роланъ и Теруанъ-де-Мерикуръ).

Изъ статьи Н. Соболевскаго мы узнаемъ, что въ нынѣшнемъ году исполняется столѣтіе Императорскаго Географическаго Общества, которое такъ много сдѣлало по части познанія Россіи. Приходится искренне пожалѣть, что журналъ «Лучъ Азіи» — руководимый М. Н. Гордѣевымъ (иркутскій казакъ) — мало извѣстенъ въ Западно-Европейской части русской эмиграціи.

И. А.

— « —

5.

АТАМАНСКІЙ КЛИЧЪ

Органъ Союза Казаковъ на Дальнемъ Востокѣ.
Маньчжу-Ди-Го. Харбинъ.

Начиная съ весны прошлаго года Союзъ Казаковъ на Д. В. выпустилъ рядъ сборниковъ-журналовъ подъ различными наименованіями: Зовъ Казака, Казачій Кличъ, Казачій Набатъ и т. д. Всѣ сборники богато иллюстрированы и весьма интересны по своему содержанію.

Въ маѣ мѣсяцѣ вышелъ «Атаманскій Кличъ», въ значительной своей части посвященный Войскамъ: Оренбургскому, Семирѣченскому и Иркутскому, въ связи съ ихъ войсковыми праздниками — 23 апрѣля ст. ст.. Въ Военномъ Отдѣлѣ много удѣлено вниманія организаціи красной арміи, русской артиллеріи (въ связи съ 550-лѣтнимъ юбилеемъ), казачьей лавѣ, джигитовкѣ. Имѣются статьи о боевыхъ эпизодахъ временъ Великой войны и гражданской смуты.

Въ Библіографическомъ отдѣлѣ сдѣланъ разборъ «Казачьяго Альманаха». Напечатана также памятка о Донскомъ героѣ Я. П. Баклановѣ. Внѣшность журнала (съ гербами Каз. Войскъ) производитъ хорошее впечатлѣніе.

И. А.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

— Въ московскомъ журналѣ «Новый Міръ» печатается отдѣльными главами 4-й томъ «Тихаго Дона» Мих. Шолохова. Отдѣльной книгой этотъ томъ еще не вышелъ. Въ отвѣтъ на многочисленные запросы сообщаемъ нашимъ читателямъ, что время выхода въ свѣтъ этой книги пока неизвѣстно.

●

— Вышелъ № 136-137 газеты «Русскій Инвалидъ», посвященный 25-лѣтію вступленія Россіи въ міровую войну. О казакахъ въ этомъ номерѣ пишутъ ген. П. Н. Красновъ, Н. Н. Туровѣровъ, ген. А. В. Черячукинъ. и ген. С. Д. Поздනышевъ.

●

— Союзъ Донскихъ Артиллеристовъ выпустилъ второй сборникъ «Матеріалы по Донской Артиллеріи». Войск. Старш. Нефедовъ и Ес. Е. Е. Ковалевъ, собравшіе и обработавшіе матеріалы, блестяще справились съ своей задачей. Книга содержитъ много интересныхъ статей и документовъ и ее съ удовольствіемъ прочтутъ не только артиллеристы, но и каждый казакъ.

●

— Въ изданіи В. П. Сіяльскаго вышла книга ген. И. Н. Оприца «Лейбъ-Казаки въ гражданскую войну 1917-1920 г. г.». Громадная, роскошно изданная книга въ художественной обложкѣ цвѣта полка, съ иллюстраціями, схемами и картами, несмотря на высокую сравнительно цѣну (115 фр.) пользуется заслуженнымъ успѣхомъ. На фонѣ исторіи послѣднихъ лѣтъ доблестнаго полка читатель узнаетъ много новаго и интереснаго объ участіи всего казачества, и, особенно донского, въ гражданской войнѣ.

●

— Кубанскіе казаки-черноморцы издали на украинскомъ языкѣ, въ Прагѣ, журналъ «Чорноморець». Журналъ богато иллюстрированъ. Изъ историческаго матеріала, помѣщеннаго въ этомъ номерѣ, слѣдуетъ отмѣтить впервые опубликованные въ эмиграціи письма Т. Г. Шевченко къ Я. Г. Кухаренко.

●

— Русское студенчество въ Шанхаѣ выпустило первый номеръ своего журнала «Студенческая Жизнь» подъ редакціей студента Ю. А. Бѣлякова. Главнѣйшей своей задачей журналъ поставилъ необходимость ознакомленія общества съ сущностью внутреннихъ переживаній, наблюдаемыхъ въ кругахъ учащейся молодежи, а помимо того, и защиту правъ всѣхъ окончившихъ среднюю школу — правъ и возможностей получить высшее образованіе.

«Станица» отъ души привѣтствуетъ новаго собрата и шлетъ пожеланія успѣха въ поставленныхъ журналомъ близкихъ нашимъ сердцамъ задачъ. Изъ этого номера узнаемъ, что въ Шанхаѣ проживаютъ болѣе 100 русскихъ студентовъ, среди нихъ и много казаковъ.

●

— Подъ редакціей б. командующаго Донской арміей ген. С. В. Денисова, проживающаго нынѣ въ Сѣв. Америкѣ, изданъ альбомъ «Бѣлая Россія». Такого роскошнаго изданія эмиграція еще не имѣла. Выпущенный № 1 альбома охватываетъ періодъ съ февраля 1917 г. по 31 марта 1918 г. Въ альбомѣ воспроизведены на мѣловой бумагѣ прекрасно исполненные портреты главнѣйшихъ участниковъ войны этого періода, въ томъ числѣ и казачьихъ атамановъ и героевъ, съ ихъ біографіями.

●

— Оренбургская казачья станица въ Харбинѣ, по случаю Войскового праздника (23 апрѣля, въ день Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія) выпустила однодневную газету «Оренбургскій Казакъ».

НЕКРОЛОГЪ

21-го сентября прошлаго года въ г. Пантенъ былъ найденъ мертвымъ на улицѣ казакъ ст. Усть-Бѣлокалитвенской В. В. Донского Василій Сидоровичъ Дѣдичкинъ, 48-ми лѣтъ.

Ушелъ отъ насъ неустрашимый воинъ. В. С. въ великую войну служилъ въ донской артиллеріи и за выдающуюся храбрость былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ и произведенъ въ урядники. Въ гражданскую войну, съ самаго ея начала служилъ въ Калитвенскомъ полку, а въ Крыму — въ Гундоровскомъ Георгіевскомъ полку.

Пощаженный въ многочисленныхъ бояхъ судьбою, сраженъ нынѣ, въ эмиграціи, славный Усть-Бѣлокалитвенецъ загадочной смертью, тайну которой, возможно, и не удастся отгадать. Обрѣлъ онъ покой въ чужой землѣ, вдали отъ Родины, куда неудержимо рвалась его казачья душа.

Навѣки онъ остался на чужбинѣ и лишь съ береговъ сѣдого Дона будетъ доноситься до него плачъ родной семьи, да перелетная пташка порой прощебечетъ ему на могильномъ крестѣ про горе родныхъ.

Спи, дорогой другъ и станичникъ вѣчнымъ сномъ.

Твой хуторецъ **Е. Р. Свинаревъ.**

Въ нашей станицѣ

Устроенный нашей станицей балъ 13-го мая въ залахъ Очага Русскихъ сестеръ милосердія прошелъ на рѣдкость удачно. Все помѣщеніе было заполнено преимущественно молодежью. Вечеръ почтили своимъ присутствіемъ почетные казаки станицы Аббатъ К. А. Кенэ и докторъ И. С. Чекуновъ, знаменитый писатель И. А. Бунинъ, почетный членъ союза казаковъ-комбатантовъ Б. П. Поповъ, съ супругой, и мн. др. Особенностью бала было выступленіе казаковъ-поэтовъ изъ Кружка казаковъ-литераторовъ, прочитавшихъ свои новые стихи, вознагражденные шумными и заслуженными апплодисментами гостей. Прекрасно танцовала маленькая балерина Люда Романова, замѣтно дѣлающая большіе успѣхи въ ея изящномъ искусствѣ.

Студенты-казаки просятъ принять ихъ глубокую признательность всѣхъ содѣйствовавшимъ художественному и матеріальному успѣху вечера: Аббата К. А. Кенэ, А. А. Попова, Б. П. Попова, Люду Романову, и казаковъ-поэтовъ: И. Воинова, И. Данилова, де-Жерве-Номикосову, Н. Евсѣева, И. Полякову, А. Попова, В. Смоленскаго и старшину кружка Н. Туровѣрова.

●

Нашего станичника П. Полякова поздравляемъ съ большимъ успѣхомъ: въ «Салонѣ 1939-го года въ Гранъ Пале была выставлена его картина-акварель, на тему: старинное аббатство при Портъ Руайяль — домовая церковь. Принята картина была съ перваго разу и была выставлена въ первомъ этажѣ, вызвавъ много лестныхъ отзывовъ извѣстныхъ художниковъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ при станицѣ подъ руководствомъ присяжнаго повѣреннаго М. А. Адамова безвозмездно обслуживаетъ станичниковъ. Пріемъ ежедневно отъ 6 час. 30 мин. вечера до 8 час. вечера на рю де ля Конвансьонъ, ном. 85.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ оказывается безвозмездно студентамъ-казакамъ почетнымъ станичкомъ станицы, докторомъ И. С. Чекуновымъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5 до 7 час. вечера, на 122, бульв. Мюратъ.

Къ 25-лѣтію вступленія Россіи въ міровую войну (1914-1939)

Спеціальный номеръ «Русскаго Инвалида»

Вышелъ спеціальный номеръ (№ 136-137) военно-научной и литературной газеты «Русскій Инвалидъ», посвященный 25-лѣтію вступленія Россіи въ міровую войну, подъ редакціей заслуженнаго профессора генерала А. А. Гулевича.

Въ этомъ номерѣ, содержащемъ 24 страницы, помѣщены слѣдующія статьи:

С. Андоленко. Знамена великой войны. В. Барановъ. Русская авіація въ великую войну. М. Бернацкій. Экономическая жертва Россіи союзному дѣлу. Бар. А. Будбергъ, Изъ забытыхъ дней русской славы. Г. Витте. Имп. Александра Феодоровна во время войны. Онъ же, Красный Крестъ во время войны. Б. Геруа, Пѣхота въ Великую войну. Н. Головинъ, Верх. Главнокомандующій Вел. Кн. Николай Николаевичъ. К. Гревсъ, Вел. Княгиня Марія Павловна и Викторія Федоровна во время войны. А. Гулевичъ, 1914-1917 гг. А. Зайцовъ Стратегическій очеркъ участія Россіи въ міровой войнѣ. Кн. Ф. Касаткинъ-Ростовскій, Неоцѣненнымъ героямъ (стихотв.). М. Кедровъ, Русскій Императорскій флотъ въ Великую войну. А. Керсновскій, Было, есть и будетъ. П. Красновъ. Конница въ Великую войну. Н. Кульманъ, Князь Олегъ. Ф. Макшеевъ. Матеріальная часть и снабженіе. В. Малининъ, Принцъ А. П. Ольденбургскій въ Великую войну. Б. Никитинъ, Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ на войнѣ. Гр. Ф. Ниродъ Воспоминанія о Вел. Кн. Николаѣ Николаевичѣ. С. Позднышевъ, Государевъ смотръ. В. Свѣчинъ, Императоръ Николай II. К. Скуратовъ. Императоръ Николай II въ дѣйствующей арміи. В. Смирновъ, Особыя бригады и русскій легіонъ на западн. фронтѣ. Бар. А. Сталь, Вел. Княгини Анастасія и Милица Николаевны во время войны. И. Стеблинъ-Каменскій, На Черномъ морѣ. Н. Стоговъ, Генеральный штабъ. Н. Тихменевъ, Имп. Николай II — Верховный Главнокомандующій. Онъ же, Желѣзн. дороги и русскій планъ войны. Н. Туровѣровъ, 1914-й годъ (стихств.). В. Хитрово, Артиллерія въ Вел. войну. А. Черячукинъ, Казаки въ Вел. войну. Протопресвитеръ Г. Шавельскій. Духовенство въ Вел. войну. П. Шатиловъ, Исторія конницы — исторія ея начальниковъ. А. Шварцъ. О союзѣ ружья и пушки съ киркой и лопатой. В. Штрандтманъ, Бѣлградъ въ 1914 г. А. Шуберскій, Братство русской и сербской арміи. Гр. Шуленбургъ, Императрица Александра Феодоровна. Кн. А. Эристовъ, Вел. Кн. Сергѣй Михайловичъ.

Цѣна этого номера 5 фр. Доходъ отъ продажи поступаетъ въ пользу русскихъ военныхъ инвалидовъ. Выписывать черезъ «Станицу».

Казачьи Крестословицы односума

Часто въ уединенной жизни казаковъ эмигрантовъ вольные и невольные досуги становятся бременемъ. Редакція «Станицы» предлагаетъ вниманію такихъ лицъ казачьи крестословицы, какъ скромное средство для гимнастики мысли надъ вопросами, которые вызовутъ интересъ воспоминаній изъ казачьей жизни. Техническія возможности крестословицъ не позволяютъ ограничиться исключительно ихъ казачьимъ жанромъ, но составитель старался объ этомъ какъ можно больше. По этимъ же причинамъ ѣ = е, і = и.

Въ слѣдующемъ номерѣ «Станицы» будетъ дано рѣшеніе крестословицы.

Односумъ.

КРЕСТОСЛОВИЦА № 1.

1			2					3	■
	■	4					■	5	6
7	8			9		■	10		
11					■	12			
		■		■	13			■	
14		15					■	16	
				■	■	17	18		
			■	19	20				
■	21		22		■				
23				24-	■	24			
	25				■			26	
		■	27		■		■		

ГОРИЗОНТАЛЬНО:

1. Старинное названіе шайки.
4. Степная трава.
7. Къ натѣльному кресту.
10. Дѣтская болѣзнь.
11. Лакомая ѣда лѣтомъ.
13. Библейское имя.
14. Случается на поверхности рѣки.
17. Бей! Круши!
20. Птица.
21. Теченіе воды.
23. Изъ казачьей повседневной одежды.
24. Оружіе войны.
26. Казачья ѣда.
27. Иниціалы имя, отч. покойнаго Дон. Ат.

ВЕРТИКАЛЬНО:

1. Городъ (Дон. В.).
2. Предмѣстье большого города (Дон. В.).
3. Старинная крѣпость.
5. Кличъ.
6. Донская станица.
8. Служивый казакъ.
9. Старинное назв. буквы алфавита.
10. Онъ-же крестный отецъ.
12. Предметъ изъ казачьяго снаряженія.
15. Мѣсто суда.
16. Игривый, прыткій.
18. Касается каз. сѣдла.
19. Такъ оходятъ, не торопясь.
22. Большая опухоль.
23. Краса каз. туалета.
24-а. Кусокъ земли.
26. Выраженіе боли.

Le Gérant: Ch. Quénet. IMPRIMERIE DE NAVARRE — 11, rue, Cordelières. Paris — XIII.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ (1840 г.).
Съ каранд. портрета, сдѣлан. бар. Паленомъ.

STANITZA
TRIMESTRIEL
ORGANE DE LA STANITZA DES ÉTUDIANTS COSAQUES DE PARIS
7, RUE JOBBÉ DUVAL · PARIS (15e)

Этотъ номеръ «Станицы» отпечатанъ въ типографіи «Наварръ», въ Парижѣ, въ количествѣ 750 экземпляровъ, изъ которыхъ 50 номерованныхъ (отъ 1 до 50) на бумагѣ «couché crême».

СТАНИЦА

ОРГАНЪ ПАРИЖСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ

РЕДАКТОРЪ : ПЕТРЪ ГУСЕВЪ. «STANITZA», 7, rue Jobbé-Duval, Paris (15)

№ 32 **МАРТЪ 1940** **Годъ изданія 9-й**

Кавказъ. Съ картины Айвазовскаго 1840-хъ годовъ. *Воспроизводится впервые.*

Настоящій номеръ «Станицы», посвященный Лермонтову, долженъ былъ выйти въ октябрѣ прошлаго года одновременно съ открытіемъ Лермонтовской выставки въ Парижѣ, которая, по имѣющимся у секретаря выставки Н. Н. Туровѣрова даннымъ, должна была быть достойной памяти великаго поэта. Въ двухъ залахъ прекраснаго помѣщенія, предоставленнаго нашими французскими друзьями, должны были размѣститься экспонаты, относящіеся къ Лермонтову и его времени, которые охотно предоставляли не только всѣ извѣстныя наши собранія въ Парижѣ, но и собранія, находящіяся въ Америкѣ, на Дальнемъ Востокѣ и многихъ центрахъ Европы. Особенно богатымъ долженъ былъ быть библіографическій отдѣлъ, руководимый В. Л. Ячиновскимъ. Изъ сотенъ изданій многіе десятки порадовали бы испытанныхъ библіофиловъ. Иллюстрированный каталогъ выставки долженъ былъ остаться памятью объ этомъ нашемъ обще-эмигрантскомъ культурномъ объединеніи.

Выставка не состоялась въ силу настоящихъ грозныхъ событій; опоздалъ и очередной № «Станицы», очутившись между прошлогоднимъ «некруглымъ» юбилеемъ (125-лѣтіе со дня рожденія Лермонтова) и «круглымъ» юбилеемъ будущаго года (100-лѣтіе со дня смерти поэта). Однако, «Станица» съ величайшей готовностью отводитъ свои немногочисленныя страницы памяти Лермонтова, столь близкаго и намъ, казакамъ.

Неизмѣнное содружество «Станицы» съ Кружкомъ Казаковъ Литераторовъ вылилось теперь въ трогательную форму: «Станица» смогла выйти только благодаря жертвенности членовъ Кружка. Не только съ чувствомъ признательности, но и съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія, «Станица» отводитъ мѣсто для произведеній членовъ Кружка.

Есть еще творческій порохъ въ ихъ пороховницахъ. Да неизсякнетъ онъ никогда!

В. Г. БѢЛИНСКІЙ.

ЛЕРМОНТОВЪ

Самыя первыя произведенія Лермонтова были ознаменованы печатью какой то особенности: они не походили ни на что, являвшееся до Пушкина и послѣ Пушкина Трудно было выразить словомъ, что въ нихъ было особеннаго, отличавшаго ихъ даже отъ явленій, которыя носили на себѣ отблескъ истиннаго и замѣчательнаго таланта. Тутъ было все — и самобытная, живая мысль, тутъ была мощь, была тутъ и эта оригинальность, которая въ простотѣ и естественности открываетъ собою новые дотолѣ невиданные міры и которая есть достояніе однихъ геніевъ; тутъ было много, чего то столь индивидуальнаго, столь тѣсно соединеннаго съ личностью творца — много такого, что мы не можемъ иначе охарактеризовать, какъ назвавши «лермонтовскимъ элементомъ»... Какой избытокъ силы, какое разнообразіе идей и образовъ, чувствъ и картинъ! Какое сильное сліяніе энергіи и граціи, глубины и легкости, возвышенности и простоты! Читая всякую строку, вышедшую изъ-подъ пера Лермонтова, будто слушаешь музыкальные аккорды, и въ то же время слѣдишь взоромъ за потрясенными струнами. съ которыхъ сорваны они рукою невидимою... Тутъ кажется соприсутствуешь духомъ таинству мысли, рождающейся изъ ощущенія, какъ рождается бабочка изъ некрасивой личинки... Тутъ нѣтъ лишняго слова, не только лишней страницы: все на мѣстѣ, все необходимо, потому что все перечувствовано прежде, чѣмъ сказано, все видѣно прежде, чѣмъ положено на картину... Нѣтъ ложныхъ чувствъ, ошибочныхъ образовъ, натянутаго восторга, все свободно безъ усилія, то бурнымъ потокомъ, то свѣтлымъ ручьемъ, излилось на бумагу... Быстрота и разнообразіе ощущеній покорены единству мысли; волненіе и борьба противоположныхъ элементовъ послушно сливаются въ одну гармонію, какъ разнообразіе музыкальныхъ инструментовъ въ оркестрѣ послушныхъ волшебному жезлу капельмейстера.. Но главное — все это блещетъ своими незаимствованными красками, все дышетъ самобытною и творческою мыслію, все образуетъ новый, дотолѣ невиданный міръ....

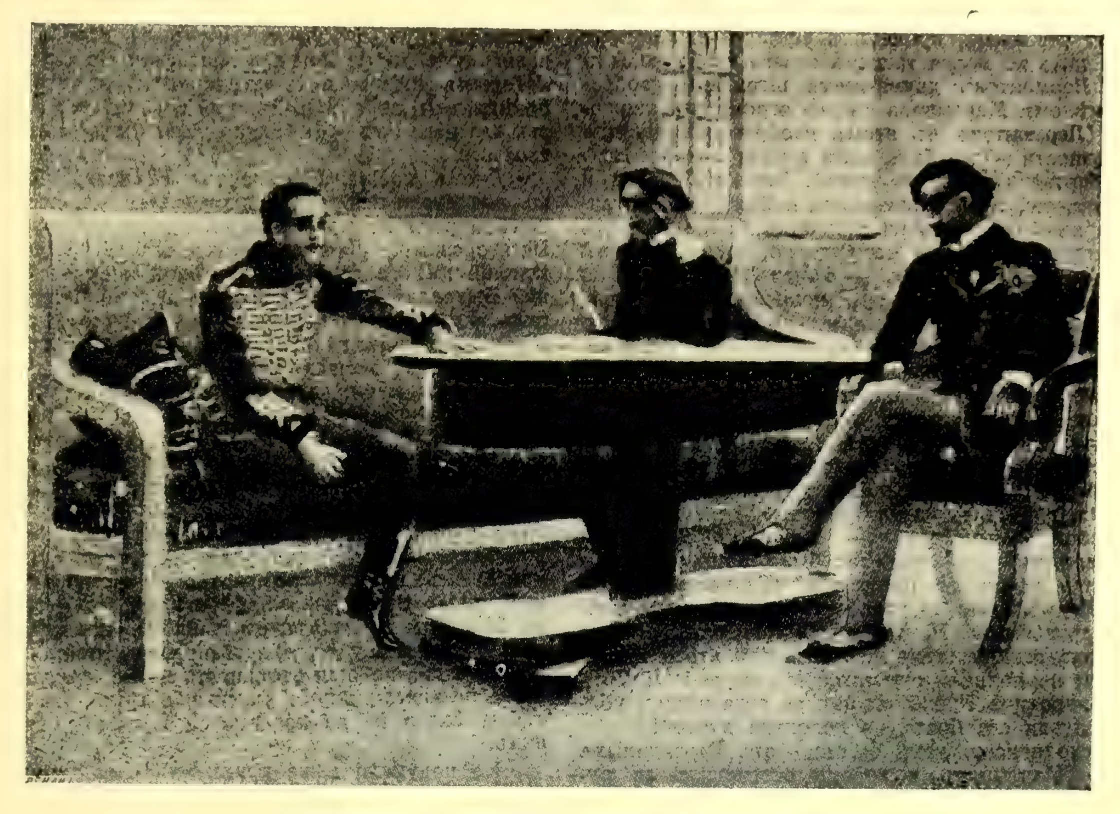
Повторяемъ, небольшая книжка стиховъ Лермонтова, конечно, не есть колоссальный монументъ поэтической славы. Это еще не симфонія, а только пробные аккорды, но аккорды, взятые рукою юнаго Бетховена. Просвѣщенный иностранецъ, знакомый съ русскимъ языкомъ, прочитавъ стихотворенія Лермонтова, не увидѣлъ бы въ ихъ малочисленности богатства русской литературы, но изумился бы силѣ русской фантазіи, даровитости русской натуры... Нѣкоторыя изъ нихъ законно могли бы явиться въ свѣтъ съ подписью имени Пушкина и другихъ величайшихъ мастеровъ поэзіи...

«Герой нашего времени» обнаружилъ въ Лермонтовѣ такого же поэта въ прозѣ, какъ и въ стихахъ. Этотъ романъ былъ книгою вполнѣ оправдавшей свое названіе. Въ ней авторъ является рѣшителемъ важныхъ современныхъ вопросовъ. Его Печоринъ — какъ современное лицо — Онѣгинъ нашего времени. Обыкновенно наши поэты жалуются — можетъ быть, не безъ основанія — на скудость поэтическихъ элементовъ въ жизни русскаго общества; но Лермонтовъ, въ своемъ «Героѣ» умѣлъ и изъ этой безплодной почвы извлечь богатую поэтическую жатву. Не составляя цѣлаго въ строгомъ художественномъ смыслѣ, почти всѣ эпизоды его романа образуютъ собою очаровательные поэтическіе міры. «Бэла» и «Тамань» въ особенности могутъ считаться одними изъ драгоцѣннѣйшихъ жемчужинъ русской поэзіи; а въ нихъ еще остается столько дивныхъ подробностей и картинъ, въ которыхъ съ такою отчетливостью обрисовано типическое лицо Максима Максимыча! «Княжна Мери» менѣе удовлетворяетъ въ смыслѣ объективной художественности. Рѣшая слишкомъ близкіе сердцу своему вопросы, авторъ не совсѣмъ успѣлъ освободиться отъ нихъ, и, такъ сказать, не рѣдко въ нихъ путался; но это даетъ повѣсти новый интересъ и новую прелесть, какъ самый живо-трепещущій вопросъ современности, для удовлетворенія котораго нуженъ былъ великій переломъ въ жизни автора... Но, увы! этой жизни суждено было поблекнуть блестящимъ метеоромъ, оставить послѣ себя длинную струю свѣта и благоуханія — и исчезнуть во всей красѣ своей...

...Какъ всѣ великіе таланты, Лермонтовъ обладалъ тѣмъ, что называется «слогомъ». Слогъ отнюдь не есть и умѣнье писать граматически правильно, гладко и складно, — умѣнье, которое часто дается и безталантности. Подъ слогомъ мы разумѣемъ непосредственное, данное природою умѣнье писателя употреблять слова въ ихъ настоящемъ значеніи, выражаясь сжато, высказывать много, быть краткимъ въ многословіи и плодовитымъ въ краткости, тѣсно сливать идею съ формою и на все налагать оригинальную, самобытную печать своей личности, своего духа.

....Немного стихотвореній осталось послѣ Лермонтова. Лермонтовъ не много написалъ — безконечно меньше того, сколько позволялъ ему его громадный талантъ. Безпечный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣній бытія, самый родъ жизни отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устаиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ спокойнѣе сталъ вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомленномъ суетою жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романическую трилогію, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣка Екатерины II, Александра I и настоящаго времени), имѣющіе между собою связь и нѣкоторое единство.. какъ вдругъ —

Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ!

Лермонтовъ, Бѣлинскій и Панаевъ. Рисунокъ Врубеля.

«Я встрѣтился у Краевскаго съ Лермонтовымъ, въ день его дуэли съ сыномъ г. Баранта, находившемся тогда при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.... Лермонтовъ пріѣхалъ послѣ дуэли прямо къ Краевскому и показывалъ намъ свою царапину на рукѣ Они дрались на шпагахъ. Лермонтовъ въ это утро былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ. Если я не ошибаюсь, тутъ же былъ и Бѣлинскій»....

Выписка изъ «Литературныхъ воспоминаній и воспоминаній о Бѣлинскомъ» **И. И. Панаева.** Изд. 1876. СПБ., стр. 177, 178.

Нельзя безъ печальнаго содроганія сердца читать строки, которыми оканчивается въ 63 № «Одесскаго Вѣстника», статья г. Андреевскаго «Пятигорскъ»: 15-го іюля, около 5-ти часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ: въ это самое время между горами Машукою и Бештау, скончался, лѣчившійся въ Пятигорскѣ, М. Ю. Лермонтовъ. Съ сокрушеніемъ смотрѣлъ я на привезенное тѣло бездыханнаго поэта»...

1841 г.

НИКОЛАЙ ТУРОВѢРОВЪ.

Конецъ Лермонтова

Въ воскресенье, 13-го іюля, въ домѣ Верзилиныхъ, къ вечеру, какъ всегда, собралась пятигорская молодежь. Собирались пойти въ казенную гостиницу на танцевальный вечеръ, но раздумали: рѣшили провести время въ своемъ кругу. Народу было немного: полковникъ Зельмицъ съ дочерьми, Мартыновъ, Трубецкой, Глѣбовъ, Васильчиковъ, Левъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Немного потанцевали, подъ рояль; игралъ Трубецкой. Лермонтовъ провальсировалъ съ Эмиліей Львовной Клингенбергъ, посадилъ ее рядомъ съ собой у ломбернаго стола*). Къ нимъ подсѣлъ Левъ Пушкинъ. Оба принялись взапуски острить; Лермонтовъ иллюстрировалъ свои остроты мѣломъ на сукнѣ ломбернаго стола, приподнимая его крышку. Общество разбрелось по угламъ; князь Трубецкой игралъ что то бравурное. Около рояля стояла Надежда Петровна Верзилина съ Мартыновымъ, который, какъ всегда, въ неиз-

мѣнной черкесскѣ, принималъ эффектныя позы, не снявъ даже во время танцевъ своего длиннаго кинжала. Лермонтовъ двумя-тремя штрихами изобразилъ мѣломъ Мартынова съ его огромнымъ кинжаломъ (Лермонтовъ въ этомъ изображеніи достигъ виртуозности — «набилъ себѣ руку»: изображалъ онъ Мартынова уже не разъ). Эмилія Львовна и Пушкинъ смѣялись; Мартыновъ, поймавъ ихъ взгляды, сердито смотрѣлъ на сидящихъ за ломбернымъ столикомъ. Трубецкой неожиданно, взявъ сильный аккордъ, оборвалъ игру, — конецъ лермонтовской остроты: слово «poignard» повисло въ воздухѣ. Мартыновъ быстро подошелъ къ Лермонтову и сказалъ: «сколько разъ я просилъ васъ оставить ваши шутки, особенно въ присутствіи дамъ». Лермонтовъ едва успѣлъ опустить крышку ломбернаго стола, но отвѣтить не успѣлъ: Мартыновъ вернулся къ Надеждѣ Петровнѣ, остававшейся у рояля.

Эмилія Львовна забезпокоилась: Мартыновъ — лермонтовскій «Мартышка», всегда бывшій съ нимъ «на ты», вдругъ перешелъ «на вы», да еще съ тако злобой. «Языкъ мой — врагъ мой!», сказала она Лермонтову, — надо же было, какъ то, выходить изъ неловкаго положенія. «Глупости», отвѣтилъ Лермонтовъ: «завтра мы опять будемъ добрыми друзьями». Начали опять танцевать. Никто изъ присутствовавшихъ не замѣтилъ этого столкновенія; не придалъ ему никакого значенія и Левъ Александровичъ Пушкинъ: четыре года назадъ убили на дуэли его брата, — довольно дуэлей!

Расходились, какъ всегда, отъ Верзилиныхъ поздно. Мартыновъ у воротъ остановилъ за рукавъ Лермонтова: «Вы знаете, Лермонтовъ, я очень долго....» — «Ты обидѣлся», спросилъ Лермонтовъ, спѣша за опередившими его друзьями. — «Да, конечно, обидѣлся». — «Не хочешь ли требовать удовлетворенія?» — «Почему же нѣтъ!?» — «Меня изумляетъ твой тонъ. Впрочемъ, ты знаешь, вызовомъ меня испугать нельзя. Хочешь драться — будемъ драться!» — «Конечно, хочу», отвѣчалъ Мартыновъ: «этотъ нашъ разговоръ посчитаемъ вызовомъ».

Лермонтовъ и Мартыновъ молча раскланялись. Лермонтовъ вошелъ въ свой (по настоящее время еще существующій) домикъ, въ которомъ онъ жилъ вмѣстѣ съ «Монго» — Столыпинымъ. Онъ разсказалъ Столыпину о столкновеніи съ Мартыновымъ, навѣрное, такъ же, какъ чертилъ мѣломъ на ломберномъ сукнѣ: «Нашъ монтаньяръ вызвалъ меня на дуэль, — хочешь драться — будемъ драться. Однако, пора спать! Не откажи быть моимъ секундантомъ».

Мартыновъ пригласилъ быть своимъ секундантомъ Глѣбова. Всѣ они, секунданты, Столыпинъ, Глѣбовъ, Васильчиковъ и Трубецкой, даже послѣ дуэли хорошо не знали, чьими они, собственно, были секундантами; всѣ они, вмѣстѣ съ дуэлянтами, были очень молоды, дружны между собой и, главное, никакъ не вѣрили въ роковой исходъ дуэли, — ну, выпалятъ оба изъ пистолетовъ въ воздухѣ, обнимутъ другъ друга, а потомъ всѣ вмѣстѣ весело поужинаемъ, хотя бы, у тѣхъ же Верзилиныхъ. Однако, для вѣрности, друзья посовѣтывали Лермонтову уѣхать въ Желѣзноводскъ и дать Мартынову успокоиться. Лермонтовъ охотно согласился покинуть Пятигорскъ на двое сутокъ: Желѣзноводскъ онъ очень любилъ. Въ его отсутствіе друзья думали уладить дѣло. Но дѣла не уладили: Мартыновъ оставался глухъ къ увѣщеваніямъ, въ дѣло вмѣшивались уже другіе люди, вмѣшался и Дороховъ, за которымъ числилось 14 поединковъ: онъ это дѣло понималъ и любилъ, какъ многіе кавказскіе офицеры, для него было бы обидно, если бы дуэль не состоялась....

Днемъ поединка назначили 15 іюля, мѣстомъ же для дуэли выбрали подножіе Машука, на половинѣ дороги между нѣмецкой колоніей Каррасъ и Пятигорскомъ. Лермонтовъ завтракалъ 15 іюля въ колоніи вмѣстѣ съ Прянишниковой и ея племянницей Быховецъ; онъ былъ очень веселъ, много шутилъ, выпросилъ у Быховецъ золотой шнурокъ, которымъ она поддерживала свои волосы: ужъ очень она ему напоминала Вареньку Лопухину (потомъ нашли этотъ шнурокъ залитымъ кровью въ его карманѣ); сказавъ, что самъ вернетъ его ей, если будетъ живъ. Всталъ и весело раскланялся. Извѣстно, что всѣ секунданты пріѣзжали въ колонію, чтобы вмѣстѣ позавтракать у фрау Рошке и потомъ ѣхать на мѣсто дуэли, извѣстно, что въ колонію пріѣзжалъ и Мартыновъ; очень возможно, что дѣлалась послѣдняя попытка примиренія между нимъ и Лермонтовымъ; но, навѣрное, извѣстно только слѣдующее: князь Васильчиковъ вмѣстѣ съ Мартыновымъ на бѣговыхъ дрожкахъ съ ящикомъ, принадлежавшихъ Столыпину кухейпрейторскихъ пистолетовъ, выѣхали изъ колоніи отыскивать мѣсто поединка, за ними поскакали другіе участники дуэли, — секунданты ѣхали не на поединокъ, а, скорѣе, на пикникъ.

Не подумали даже пригласить врача: зачѣмъ врачъ, — это что то уже зловѣщее, — все, дастъ Богъ, обойдется по хорошему.

Отъ дрожекъ Васильчикова и Мартынова, не доѣзжая двухъ верстъ до Пятигорска, остался слѣдъ: налѣво въ гору; Лермонтовъ съ остальными свернули по этому слѣду. Подошва Машука и понынѣ сохраняетъ тотъ же видъ (и будетъ сохранять еще тысячу лѣтъ) — мелкій кустарникъ, трава, камни; напротивъ поднимался пятиглавый Беш-

Воспроизводится впервые.

Надежда Петровна Верзилина, съ акварели Левшина.
(Изъ собранія А. С. Токарева).

Вечеръ въ Кисловодскѣ въ 1840 году.
Рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина. Справа влѣво: кн. Васильчиковъ, гр. Ламбертъ, кн. С. Долгоруковъ, кн. М. Долгоруковъ, Жерве, кн. С. Трубецкой, Арсеньевъ и Столыпинъ. Изъ собранія генерала Д. И. Ознобишина.

тау, налѣво сіяла снѣгами Шатъ-гора (Эльбрусъ). День былъ знойный, душный, — приближалась гроза. Было около шести часовъ вечера. Трубецкой воткнулъ въ землю шашку, сказавъ: «Вотъ барьеръ». Глѣбовъ бросилъ свою фуражку въ десяти шагахъ отъ шашки; но длинноногій Столыпинъ, дѣлая большіе шаги, еще увеличилъ пространство. Противниковъ развели по мѣстамъ и вручили имъ пистолеты; права на 1-й выстрѣлъ никому изъ нихъ не было дано; каждый изъ нихъ могъ стрѣлять или стоя на мѣстѣ, или на ходу или, наконецъ, подойдя къ барьеру, но, непремѣнно, между командою «два и три». Командовалъ Глѣбовъ. «Сходись!», крикнулъ онъ. Мартыновъ пошелъ быстрыми шагами къ барьеру, наводя на Лермонтова пистолетъ. Лермонтовъ оставался на мѣстѣ, — взведя курокъ, онъ поднялъ свой пистолетъ дуломъ вверхъ, заслонившись рукой и локтемъ**). «Никогда не забуду спокойнаго, почти веселаго выраженія лица Лермонтова передъ дуломъ направленнаго на него пистолета», вспоминаетъ князь Васильчиковъ. Разъ... два... три.. командовалъ Глѣбовъ. Мартыновъ стоялъ уже у барьера.. «Стрѣляйте, или я разведу васъ», крикнулъ Столыпинъ. Мартыновъ, повернувъ пистолетъ куркомъ въ сторону (что называлось стрѣлять по французски), выстрѣлилъ. Лермонтовъ упалъ, какъ подкошенный, не сдѣлавъ движенія ни взадъ, ни впередъ, не успѣвъ даже схватиться за больное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлаютъ раненые или ушибленные. Мартыновская пуля пронизала Лермонтова насквозь — справа налѣво, немного снизу вверхъ: отъ праваго нижняго ребра къ пятому лѣвому, прошла и черезъ лѣвую руку. Лермонтовъ стоялъ на косогорѣ выше Мартынова. Смерть Лермонтова была мгновенной. «Мы подбѣжали... Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ сочилась кровь.. Неразряженный пистолетъ оставался въ рукѣ...», вспоминаетъ Васильчиковъ.

Воспроизводится впервые.

Князь Алекс. Иллар. Васильчиковъ.
Съ акварели (предположительно) Соколова. Изъ собранія княгини С. Н. Васильчиковой.

Лермонтовъ на смертномъ одрѣ.

«....На другой день тѣло было обмыто. Окостенѣлымъ членамъ трудно было дать обычное для мертвеца положеніе; сведенныхъ рукъ не удалось расправить, и они были накрыты простыней. Вѣки все открывались... Художникъ Шведе снималъ съ него портретъ масляными красками».

П. В. Висковатовъ
(М. Ю. Лермонтовъ. Жизнь и творчество).

Грянула гроза. Подъ молніями, громомъ, проливнымъ дождемъ, до десяти часовъ вечера лежало тѣло Лермонтова, прикрытое глѣбовской шинелью. Васильчиковъ и Столыпинъ поѣхали въ Пятигорскъ. Всѣ медики Пятигорска отказались ѣхать по такой адской погодѣ, на мѣсто дуэли, отказывались ѣхать извозчики; наконецъ, одного за большія деньги (и то, при содѣйствіи полиціи) заставили поѣхать къ подножію Машука.

Эта замѣтка представляетъ собою компиляцію трудовъ о Лермонтовѣ П. А. Висковатова. Въ «лермонтовѣдѣніи» Висковатовъ занимаетъ неоспоримо почетное мѣсто То, что, обычно, называется «устарѣлостью» труда, у Висковатова съ лихвой искупается его относительной близостью къ лермонтовской эпохѣ: онъ бесѣдовалъ съ лицами, знавшими Лермонтова, неустанно посѣщалъ всѣ мѣста, такъ или иначе связанныя съ Лермонтовымъ, жадно искалъ каждый клочекъ бумажки съ лермонтовской строкой. Висковатовъ открылъ Лермонтова въ жизни и въ его рукописяхъ, такъ же, какъ Бѣлинскій открылъ Лермонтова въ литературѣ. Помѣщаемый отрывокъ отзыва Бѣлинскаго о Лермонтовѣ можетъ показаться такъ же устарѣлымъ; но не забудемъ, что это написано сейчасъ же послѣ смерти поэта. Кажется, если не ошибаюсь, Брюсовъ считалъ, что въ Россійской Имперіи едва ли найдется 60 человѣкъ, по настоящему понимающихъ и любящихъ поэзію. Сто лѣтъ назадъ такихъ людей едва ли было больше.

Мы счастливы воспроизвести на этихъ страницахъ до сего времени неопубликованные портреты близкихъ свидѣтелей пятигорской драмы: Надежды Петровны Верзилиной и князя Алекс. Иллар. Васильчикова. Оба портрета современны Лермонтову. Н. П. Верзилина вмѣстѣ съ своей сводной сестрой Э. Л. Клингенбергъ были «розами Кавказа», вокругъ которыхъ вращался лермонтовскій кружокъ молодежи Были ли неравнодушны къ этимъ «кавказскимъ розамъ» Лермонтовъ и Мартыновъ, и къ кому именно? Несомнѣнно, атмосфера влюбленности царила тѣмъ лѣтомъ въ гостепріимномъ верзилинскомъ домѣ. Объ этомъ говоритъ самъ Лермонтовъ:

Предъ дѣвицей Emilie
Молодежь лежитъ въ пыли,
У дѣвицы же Nadine
Былъ поклонникъ не одинъ.

Н. П. Верзилина изображена на воспроизводимомъ портретѣ въ костюмѣ казачки Червленной станицы (въ этой станицѣ Лермонтовъ, кстати, написалъ свою «Казачью колыбельную пѣсню»). Извѣстны строки Лермонтова, посвященныя Н. П. Верзилиной:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежный
Надъ шейкою нѣжной,
На поясѣ ножъ —
C'est un vers qui cloche....

Очень хорошо передаетъ курортный «климатъ» того времени групповая портретная зарисовка князя Г. Г. Гагарина 1840 года, воспроизведенная здѣсь; среди присутствующихъ случайно нѣтъ Лермонтова: въ это время онъ былъ въ экспедиціи противъ горцевъ.

Изображеніе мертваго Лермонтова, сдѣланное съ натуры художникомъ Шведе, мы воспроизводимъ не по Сѣряковской, довольной извѣстной гравюрѣ, а въ перерисовкѣ начальника Николаевскаго Кавалерійскаго училища А. А. Бильдерлинга. Кстати, можно спорить объ отношеніи Лермонтова къ Николаевскому Кавалерійскому училищу (тогда еще Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ), но объ отношеніи училища къ своему бывшему питомцу Лермонтову спорить не приходится. При училищѣ былъ созданъ въ 1883 году стараніемъ его начальника Бильдерлинга, Лермонтовскій музей, въ которомъ уже въ первые годы его существованія сосредоточилось 22 тетради (1110 страницъ) рукописей поэта и болѣе 20 картинъ и рисунковъ его работы.

Въ 1914 году при училищѣ былъ поставленъ памятникъ Лермонтову; на его открытіи бывшій питомецъ училища Семеновъ-Тяньшанскій сказалъ: «я единственный, оставшійся въ живыхъ, который видѣлъ Лермонтова у гроба Пушкина. Меня десятилѣтнимъ мальчикомъ повезли поклониться тѣлу великаго поэта. Тамъ я увидѣлъ Лермонтова».

Предполагавшаяся въ прошломъ году Лермонтовская выставка въ Парижѣ, естественно, была бы открыта подъ флагомъ Объединенія бывшихъ воспитанниковъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища.

---

*) Эмилія Львовна потомъ вспоминала, что она не хотѣла въ этотъ вечеръ танцевать съ Лермонтовымъ, сердясь на него за его какую то очередную шалость, и только тогда уступила его просьбамъ, когда Лермонтовъ очень серьезнымъ тономъ ей сказалъ: «прошу васъ на одинъ только туръ вальса, въ послѣдній разъ въ моей жизни». Вспоминала она это потомъ, очень заднимъ числомъ, въ такихъ воспоминаніяхъ многія примѣты сбываются и слова получаютъ вѣщій смыслъ. Воспоминанія о Лермонтовѣ росли вмѣстѣ съ его посмертной славой. Во всякомъ случаѣ, Эмилія Львовна и ея сводная сестра, Н. П. Верзилина, на другой день послѣ смерти Лермонтова пошли на балъ, устроенный княземъ Голицынымъ. Ничего чудовищнаго въ этомъ, конечно, не было. Никто въ Пятигорскѣ тогда не зналъ, кого теряла Россія въ лицѣ Лермонтова, — на Кавказѣ въ тѣ времена многіе молодые люди писали стихи и дрались на дуэляхъ.

**) Совсѣмъ недавно намъ пришлось лично слышать отъ близкаго родственника одного изъ секундантовъ, что (какъ разсказывалъ довѣрительно въ своемъ тѣсномъ семейномъ кругу этотъ секундантъ) послѣдними словами Лермонтова, поднявшаго дуломъ вверхъ свой пистолетъ, были: «я въ этого дурака стрѣлять не буду». Сказано это было Лермонтовымъ громко и Мартыновъ не могъ этого не слышать.

ЮРІЙ МАНДЕЛЬШТАМЪ.

„Второе посвященіе" къ „Демону"

Цѣннѣйшія историко-литературныя открытія — подобно цѣннѣйшимъ научнымъ открытіямъ — нерѣдко дѣлаются благодаря счастливому случаю. Любопытно однако, что такія счастливыя случайности происходятъ именно тогда, когда онѣ нужны ученымъ, т. е. въ тотъ моментъ, когда наука созрѣла для открытія и когда безъ него она въ какомъ то направленіи не могла бы двинуться впередъ. Именно такое открытіе удалось сдѣлать любителю — библофилу, В. Л. Ячиновскому, нашедшему въ Парижѣ, въ эмигрантскихъ условіяхъ, рукопись Лермонтова, тщетно разыскивавшуюся спеціалистами -лермонтовѣдами.

Исторія открытія воистину поразительна. Въ 1934 г. В. Л. Ячиновскій, интересующійся рѣдкими изданіями начала и середины прошлаго вѣка, узналъ, что на аукціонѣ въ залѣ Друо будетъ продаваться, среди другихъ книгъ, цѣннѣйшее изданіе сочиненій Лермонтова — изданіе Смирдина 1847 г., первое полное собраніе стиховъ и прозы. Ячиновскій, знавшій объ изданіи по библіографическому справочнику, оказался единственнымъ покупателемъ — книга досталась ему за безцѣнокъ, за начальную ставку. Перелиставъ свое пріобрѣтеніе, Ячиновскій сразу же замѣтилъ, что оно еще цѣннѣе, чѣмъ по описаніямъ справочника; въ книгѣ оказался литографированный портретъ Лермонтова, по рисунку Горбунова. Однако это библіографическое открытіе было вскорѣ отодвинуто на второй планъ, ибо Ячиновскій замѣтилъ вложенную въ книгу рукопись, судя по почерку принадлежащую самому поэту. Наведенныя Ячиновскимъ справки установили не только подлинность автографа, но и его большую цѣнность для Лермонтовѣдовъ: въ его руки попалъ списокъ такъ наз. «второго посвященія» къ «Демону», о существованіи котораго историки литературы знали, но который считался потеряннымъ.

«Вторымъ посвященіемъ» впервые заинтересовался П. А. Висковатый, одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ лермонтовѣдовъ. Значеніе этого посвященія для творчества Лермонтова вполнѣ оправдываетъ этотъ интересъ: дѣйствительно, во всѣхъ первыхъ варіантахъ «Демонъ», носившій въ большой мѣрѣ характеръ автобіографической поэмы, сопровождался лишь однимъ, «личнымъ» посвященіемъ В. А. Бахметьевой, рожд. Лопухиной, двоюродной сестрѣ Лермонтова и его юношеской любви. Въ окончательной редакціи поэма стала «восточной повѣстью» — и посвященіе, обращенное къ Кавказу, какъ бы дѣлаетъ послѣдній однимъ изъ ея героевъ. Теперь это посвященіе, факсимиле рукописи котораго здѣсь впервые воспроизводится, можно найти въ любомъ изданіи «Демона». Оно извѣстно всѣмъ. Это — знаменитые стихи: «Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли».

Воспроизводится впервые.

Тебе Кавказъ, ~~[illegible]~~ суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной;
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной,
На сѣверѣ — въ странѣ тебѣ чужой
Я сердцемъ твой — всегда и всюду твой.

Еще ребенкомъ, робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы
Увитыя туманными чалмами
Какъ головы поклонниковъ Аллы.
Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гости къ нимъ [illegible] послушной
И сердцемъ былъ — товарищъ ихъ воздушный.

Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ
Какъ нѣкогда ребенку твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ.
Онъ пролился въ грудь мою [illegible];
И [illegible] по [illegible] краю.
И [illegible] мечтою [illegible]
[illegible]

[illegible]

Изъ собранія В. Л. Ячиновскаго.

При жизни поэта оно однако напечатано не было. Впервые оно появилось — въ видѣ отдѣльнаго стихотворенія — въ 1844 году, въ украинскомъ литературномъ сборникѣ «Молодицъ», изданномъ И. Бецкимъ, въ пользу харьковскаго дѣтскаго пріюта (на стр. 8-ой).

Въ видѣ посвященія къ поэмѣ отрывокъ былъ впервые помѣщенъ въ отдѣльномъ изданіи «Демона» 1857 года, вышедшимъ въ Карлсруэ. Именно эту редакцію Висковатый воспроизвелъ въ редактированномъ имъ Полномъ Собраніи Сочиненій Лермонтова 1891 года. Въ статьѣ «Нѣсколько словъ по поводу поэмы Демонъ» онъ объясняетъ свой выборъ, основываясь на разсказѣ Д. А. Столыпину Мартьянову и на письмѣ прот. И. Базарова изъ Штутгарта къ самому Висковатому.

Окончательную редакцію «Демона» Лермонтовъ привезъ въ Петербургъ съ Кавказа въ 1841 году для прочтенія бабушкѣ Е. А. Арсеньевой («За что она и сдѣлала предупредительному внуку хорошій денежный подарокъ»). Но по цензурнымъ условіямъ поэту пришлось выкинуть діалогъ Тамары съ Демономъ. Первыя русскія изданія были сдѣланы съ такъ наз. «придворной копіи», но полный текстъ сохранился въ двухъ рукописныхъ спискахъ, одинъ изъ коихъ принадлежалъ Арсеньевой, а другой Бахметьевой. Этотъ Бахметьевскій списокъ былъ подаренъ баронессѣ Гюгель (рожд. А. М. Верещагиной), а послѣдняя передала его въ 1856 г. А. И. Философову, который и отпечаталъ поэму въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ въ Карлсруэ, придворнымъ типографомъ баденскаго двора Гасперомъ, при содѣйствіи прот. И. Базарова.

Дальнѣйшій слѣдъ Бахметьевскаго списка былъ утерянъ. «Куда дѣвалась самая рукопись, — пишетъ Висковатый, — до сихъ поръ трудно сказать. Если она не осталась забытой въ типографіи Гаспера, то ее еще можно поискать у наслѣдниковъ А. И. Философова». Эти поиски остались безрезультатными. Полный текстъ, повидимому, пропалъ въ типографіи. У наслѣдниковъ Философова сохранилось одно посвященіе. Однако, и это посвященіе впослѣдствіи ускользнуло изъ рукъ лермонтовѣдовъ. Извѣстно было лишь, что оно находится заграницей. Какимъ образомъ оно попало въ томикъ Смирдинскаго изданія и въ залъ Друо — остается загадкой. Несомнѣнно только, что Ячинорскій купилъ единственный уцѣлѣвшій листокъ Бахметьевскаго списка.

Рукописи поэта интересны не только какъ историко-литературные памятники. По нимъ можно прослѣдить методы работы поэта, каждая поправка помогаетъ намъ понять авторскія склонности и что то уяснить въ его творчествѣ. Конечно, къ автографу «Второго посвященія» это относится меньше, чѣмъ къ другимъ рукописямъ, ибо онъ — не черновой варіантъ, а окончательная редакція. Все же и въ немъ имѣются авторскія поправки.

Ихъ — три. Въ первой строкѣ Лермонтовъ измѣнилъ эпитетъ. Вмѣсто первоначальнаго «холодный царь земли», онъ поставилъ суровый. Эту поправку можно истолковать, какъ уточненіе мысли или чувства автора.

Значительно передѣлана седьмая строка второй строфы. Сперва она читалась: «И я туда леталъ мечтой послушной» (при чемъ вмѣсто «мечтой» стояло «мыслью»). Потомъ Лермонтовъ придалъ этому стиху несравнимо большую легкость и образность, поставивъ: «Я въ гости къ нимъ леталъ»..

Можетъ быть наиболѣе важная передѣлка относится къ пятой и шестой строкамъ той же строфы, хотя въ нихъ всего на всего нарѣчіе «гдѣ» дважды замѣнено нарѣчіемъ «тамъ». При чтеніи автографа однако ясно сколь существенна эта замѣна, мѣняющая всю структуру строфы. Первоначальная ея неуклюжесть благодаря этой поправкѣ исчезаетъ, и весь отрывокъ становится болѣе стройнымъ — и, по своему, даже болѣе связнымъ.

А. СМѢЛЪ-ОСМѢЛЬСКІЙ.

Изъ Лейбъ-Гусарскаго альбома временъ Лермонтова

Мы ждемъ тебя, спѣши, Бухаровъ,
Брось царскосельскихъ соловьевъ!
Въ кругу товарищей-гусаровъ
Обычный кубокъ твой готовъ,
Для насъ въ бесѣдѣ голосистой
Твой смѣхъ пріятнѣй соловья.
Намъ милъ и усъ твой серебристый
И трубка плоская твоя.

Намъ дорога твоя отвага,
Огнемъ душа твоя полна,
Какъ вновь раскупоренная влага
Въ бутылкѣ стараго вина.
Столѣтья прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ,
Пировъ и битвы гражданинъ.

Лермонтовъ.

И снова обращаюсь я къ тайникамъ моихъ собраній въ поискахъ какой-нибудь жемчужины русскаго искусства, которая соотвѣтствовала бы настоящему моменту, дала бы возможность зрителю мысленно перенестись на сто лѣтъ назадъ.

На этотъ разъ великое русское имя стоитъ передъ моими глазами, — имя Лермонтова. И вотъ, въ прекрасномъ старинномъ альбомѣ коричневой кожи, богато тисненомъ по краямъ въ сильно-выпукломъ рельефѣ виноградными вѣтвями, перевитыми плющемъ, я вижу передъ собою исторію Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, въ которомъ началъ свою службу нашъ знаменитый поэтъ.

Альбомъ идетъ отъ князя Лобанова-Ростовска-

го. Какъ въ занимательномъ калейдоскопѣ, проходятъ передо мною въ акварельныхъ зарисовкахъ: «Сдача трубаческихъ лошадей 4-го эскадрона», «Маневры у Дудергофа», «Чествованіе командира полка офицерами у Traiteur Boroff», «Сдача полка», безчисленныя карикатуры на командира, портреты офицеровъ... Наконецъ, воспроизводимый здѣсь «Полковой обѣдъ», на которомъ, подъ лихую плясовую, исполняемую пѣсенниками-гусарами, воспѣтый Лермонтовымъ, Бухаровъ съ Захаржевскимъ пускаются въ плясъ, не выпуская изъ рукъ бокаловъ съ шампанскимъ. Въ глубинѣ предаются дружескимъ изліяніямъ Ломоносовъ, Высоцкій и А. Блудовъ. Никто никогда не писалъ объ этомъ альбомѣ, и я радъ представить читателямъ воспроизведеніе этой рѣдчайшей сцены, въ которой участниками являются лица, бывшія болѣе или менѣе близкими къ поэту.

Воспроизводится впервые.

П. АПОСТОЛЪ.

Лермонтовскіе дни въ совѣтской Россіи

Съ половины тридцатыхъ годовъ, одновременно съ перерожденіемъ совѣтской исторической науки, происходятъ глубокія измѣненія въ направленіи совѣтской литературной критики и въ совѣтскихъ взглядахъ на исторію русской литературы.

Еще совсѣмъ недавно, въ «Литературной Энциклопедіи» Яслевичъ писалъ, что творчество Лермонтова есть ничто иное, какъ «переходъ отъ поэзіи обуржуазившагося дворянства (Пушкинъ) къ поэзіи мелкобуржуазной демократіи» (Некрасовъ), и это опредѣленіе перешло въ предисловіе изданнаго въ 1934 г. однотомника сочиненій Лермонтова. Да и въ болѣе близкіе къ намъ годы, судя по статьѣ Изгоева («Извѣстія» 16.III.37). Эйхенбаумъ, совѣтскій спеціалистъ по Лермонтовской поэзіи, заявилъ, что въ поэзіи Лермонтова содержанія нѣтъ и оправдывалъ тѣхъ «критиковъ» Лермонтовской поэзіи, которые видѣли въ Лермонтовѣ «представителя тогдашней гвардейской молодежи».

Но затѣмъ, сверху провозглашены были новые лозунги, Лелевичъ попалъ въ троцкисты, а Эйхенбаума (очевидно, затѣмъ, впрочемъ реабилитированаго, такъ какъ онъ продолжаетъ руководить изданіями Лермонтова) обругали «формалистомъ».

Эти новые лозунги гласили: «Наша нынѣшняя жизнь неразрывно связана съ прошлымъ русскаго народа». «Народъ утверждаетъ себя какъ духовнаго наслѣдника всего того лучшаго, что создали великіе люди прошлаго».

Подъ давленіемъ внѣшней опасности, сознавая, что дѣйственная и сознательная защита русской земли можетъ быть осуществлена только на поч-

вѣ любви къ родинѣ и ея славному прошлому, совѣтская власть стала усердно насаждать патріотизмъ и народную гордость. Въ предисловіи къ «Краткому Курсу Исторіи СССР», составленному особой комиссіей подъ непосредственнымъ руководствомъ Сталина, вышедшему въ 1937 г. первымъ изданіемъ въ пять милліоновъ экземпляровъ и выражающему взглядъ партіи на исторію Россіи, сказано: «Кто знаетъ исторію нашей родины, тотъ лучше будетъ бороться съ врагами нашей страны». Связь съ родной землей усиливаетъ мощь народа и въ арсеналы совѣтскихъ ораторовъ любимыми метафорами стали образъ богатыря, который упавъ на родную землю удваиваетъ свои силы и греческій миѳъ о Геркулесѣ, который только потому побѣдилъ Антея, что поднялъ его на воздухъ и задушилъ, отнявъ у него возможность прикоснуться къ родной землѣ.

И вотъ, насаждая въ народѣ этотъ утилитарный патріотизмъ совѣтская власть должна была естественно обратиться къ русскимъ классикамъ, какъ къ предмету гордости каждаго русскаго человѣка и какъ къ сильнѣйшимъ возбудителямъ любви къ отечеству.

Но совѣтскіе руководители народной мысли и народныхъ чувствъ не удовольствовались тѣмъ, что отмѣнили прежде узаконенный взглядъ на русскихъ классиковъ, какъ на представителей враждебныхъ классовъ, выразителей враждебныхъ народной массѣ чаяній и ставленниковъ буржуазной идеологіи. Произошла своеобразная канонизація русскихъ классиковъ. Пушкинъ, Лермонтовъ объявлены были предтечами, предками по прямой линіи большевизма, понимать и любить которыхъ можно единственно только въ рамкахъ большевистскаго строя, въ атмосферѣ ученія Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Вспомнимъ, что произошло во время Пушкинскихъ празднествъ. Другъ свободы, рѣшительный врагъ крѣпостного права, никогда однако и не мечтавшій ни о чемъ другомъ, какъ о либеральной монархіи, Пушкинъ объявленъ нѣжнымъ пѣвцомъ пугачовщины, выразителемъ тѣхъ политическихъ взглядовъ, которые проведены въ жизнь большевиками. Предсѣдатель всесоюзнаго пушкинскаго комитета А. С. Бубновъ превозглашалъ на торжественномъ засѣданіи въ Большомъ Театрѣ: «Только великая страна побѣдившаго соціализма можетъ по достоинству оцѣнить великаго поэта Пушкина... Пушкинъ принадлежитъ тѣмъ, кто борется, работаетъ, строитъ и побѣждаетъ подъ великимъ знаменемъ Маркса - Энгельса - Ленина - Сталина». «Пушкинское торжество, говорилъ И. К. Луппола, директоръ Института міровой литературы, есть торжество ленинско-сталинской національной политики». А поэтъ Василенко увѣрялъ, что, на бронзовомъ памятникѣ, Пушкинъ держитъ руку на сердцѣ, потому, что клянется до конца быть съ большевиками.

То же произошло, судя, правда, по немногимъ номерамъ совѣтской печати, дошедшимъ до насъ, и съ Лермонтовскими днями. Поэтъ, всѣ мысли и чувства котораго — стремленія къ истинѣ, къ свободѣ, къ справедливости, къ осуществленію правъ человѣка — такъ рѣзко противорѣчатъ всей идеологіи и, въ особенности, практикѣ большевизма, превозглашается родственнымъ и сочувствующимъ всей политикѣ, всѣмъ мыслямъ и дѣламъ Ленина и Сталина. Мы не хотимъ сказать, что совѣтскіе писатели не дали литературной критики и художественной оцѣнки лермонтовскихъ твореній. Такъ, напримѣръ, дошедшій до насъ номеръ «Огонька», спеціально посвященный Лермонтову и вышедшій тиражомъ въ 300.000 экземпляровъ, главнымъ образомъ посвященъ этимъ сторонамъ лермонтовской поэзіи. Особенно отмѣченъ совѣтской печатью интересъ Лермонтова къ народной поэзіи и, въ частности, конечно, вліяніе, какое оказалъ на поэта Кавказъ — родина великаго Сталина.

Но остріе статей (содержаніе рѣчей до насъ не дошло) направлено было на роль Лермонтова какъ поэта революціоннаго, на его идеалы, осуществленные, будто бы, большевизмомъ. Въ передовой статьѣ, посвященной Лермонтову «Извѣстія» (отъ 14 октября 1939) писали: «Лермонтовъ нашелъ свой путь — революціонный путь, превратившій царскую Россію въ Россію которой сейчасъ гордится все передовое человѣчество». «Отъ Лермонтова, писалъ въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ» В. Кирпотинъ, тянутся нити къ главнѣйшимъ руководителямъ революціонной мысли въ Россіи». «Герои нашего времени, писалъ проф Ив. Розановъ, наши отважные летчики, пограничники, это люди здоровые духомъ, о которыхъ болѣлъ и мечталъ Лермонтовъ».

Смерти Лермонтова въ совѣтской печати посвященъ въ Лермонтовскіе дни рядъ статей. И тутъ аналогія съ Пушкинымъ и та же попытка использовать съ политической цѣлью рядъ неосвѣщенныхъ и неразгаданныхъ деталей драмы.

Въ 1921 г. изъ Московскаго Губполитпросвѣта въ отдѣлъ рукописей Всесоюзной (прежней Публичной) Библіотеки передано было дѣло «о преданіи военному суду отставного майора Мартынова, за произведенный съ поручикомъ Лермонтовымъ дуэль, отъ чего Лермонтовъ померъ». Нѣкоторыя неясности и противорѣчія въ показаніяхъ Мартынова и секундантовъ, незначительность наказанія, наложеннаго на Мартынова и т. д. позволяютъ авторамъ статей смѣло и рѣшительно утверждать, что дуэль была подстроенной свыше расправой съ поэтомъ и что Мартыновъ былъ наемнымъ убійцей.

Въ такихъ политическихъ условіяхъ, при такомъ

извращеніи духовнаго облика поэта, можно ли считать Лермонтовскіе дни въ совѣтской Россіи явленіемъ положительнымъ? Широкое проникновеніе лермонтовской поэзіи въ народныя массы — явленіе несомнѣнно положительное, какими бы комментаріями не сопровождались творенія поэта. Русскій читатель сумѣетъ самъ разобраться въ этихъ твореніяхъ и сдѣлать свои выводы и брошенныя сѣмена могутъ дать всходы неожиданные для сѣятеля.

Лермонтовскимъ торжествамъ не былъ, естественно, данъ тотъ необычайный, всенародный размахъ, какой данъ былъ Пушкинскимъ торжествамъ. Но все же они организованы были широко и разнообразно. Тутъ необходимо сдѣлать оговорку: мы можемъ судить о нихъ лишь по отчетамъ совѣтской печати и очень вѣроятно, что многое изъ намѣченаго и даже отмѣченнаго какъ осуществленное, въ дѣйствительности осталось на бумагѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по примѣру Пушкинскихъ торжествъ. Напримѣръ, согласно постановленію всесоюзнаго комитета по дѣламъ искусства 10-го февраля 1937 г. должны были быть поставлены во всѣхъ театрахъ Союза пушкинскіе спектакли, но «Правда» отъ 14-го марта 1937 г. писала, что когда наступило 10 февраля ни одинъ пушкинскій спектакль не былъ готовъ и театры отдѣлались вечерами-концертами, организованными кое какъ, скучными и неудачными.

Наиболѣе важной и интересной является издательская, приноровленная къ юбилею, дѣятельность. Объ этой дѣятельности «Огонекъ» сообщалъ слѣдующее: Къ 125-лѣтію со дня рожденія поэта Гослитиздатъ выпускаетъ первый томъ четырехтомнаго полнаго собранія сочиненій Лермонтова, которое полностью выпущено будетъ въ 1940 году. Одновременно сдается въ печать одинъ изъ томовъ шеститомнаго полнаго академическаго собранія сочиненій Лермонтова, которое намѣчено къ осуществленію въ 1941 году, къ 100-лѣтію со дня гибели Лермонтова. Массовымъ тиражомъ Гослитиздатъ выпускаетъ томъ поэмъ Лермонтова и романъ «Герой нашего времени» (въ «школьной серіи»), а также «Избранныя стихотворенія» (въ «Дешевой библіотекѣ»). Издательство Академіи Наукъ выпускаетъ монографію Н. Пахомова: «Лермонтовъ въ изобразительномъ искусствѣ».

Общій тиражъ произведеній М. Ю. Лермонтова съ 1917 г. по іюль 1939 г. составляетъ 4 648.000 экземпляровъ. Произведенія поэта переведены на 26 языковъ.

Въ Москвѣ, во Всесоюзной Библіотекѣ, организована выставка документовъ, факсимиле, фотографій, книгъ освѣщающихъ жизнь и творчество Лермонтова. Такая же выставка открыта была въ Ленинградѣ Институтомъ литературы Академіи Наукъ и Государственнымъ Русскимъ Музеемъ. Въ Москвѣ, въ колонномъ залѣ Дома Союзовъ, Лермонтовскимъ комитетомъ Союза писателей и Академіей Наукъ организовано было торжественное засѣданіе, посвященное поэту. Институтъ міровой литературы и Московская Консерваторія организовали двухдневные лермонтовскіе засѣданія и концерты. Всесоюзный радіокомитетъ провелъ циклъ передачъ, посвященныхъ жизни и творчеству Лермонтова.

Наконецъ, по сообщеніямъ «Извѣстій», въ Москвѣ и въ Ленинградѣ, въ городахъ и селахъ Совѣтскаго Союза, въ фабричныхъ клубахъ и въ колхозахъ, проведены были многочисленные лермонтовскіе вечера, приноровленные къ дню 125-лѣтія со дня рожденія поэта.

КАЗАЧІЙ АЛЬМАНАХЪ

Выпущенный Кружкомъ Казаковъ Литераторовъ въ прошломъ году «Казачій Альманахъ», неожиданно для принявшихъ въ немъ участіе, былъ очень тепло встрѣченъ нашей зарубежной прессой. Покойный Владиславъ Ходасевичъ (потеря котораго, едва ли «заполнится» въ эмиграціи), критикъ весьма строгій (особенно, въ отношеніи поэзіи), писалъ: «Перейдемъ, наконецъ, къ отдѣлу стиховъ. Тутъ читателя ждетъ пріятная неожиданность.. Въ стихотворной части Альманаха я нашелъ цѣлыхъ девять именъ, мнѣ невѣдомыхъ, и лишь два — знакомыхъ. Тутъ, можно сказать — вопреки всѣмъ законамъ природы, цѣлый рядъ очевидныхъ удачъ... Двадцать три иллюстраціи Альманаха любопытны сами по себѣ и весьма украшаютъ всю книгу, изданную, кстати сказать, любовно и съ большимъ вкусомъ...»

Столь же тепло отозвался объ Альманахѣ и Георгій Адамовичъ, такъ же подчеркнувъ «открытіе» новыхъ именъ въ Альманахѣ и очарованіе иллюстрацій его украшающихъ. «Казачій Альманахъ оказался просто хорошимъ литературнымъ сборникомъ», подтверждаетъ Юрій Мандельштамъ.

Кружокъ Казаковъ Литераторовъ предполагалъ выпустить въ этомъ году слѣдующую книгу Альманаха; но событія оказались сильнѣе мирныхъ предположеній. Въ распоряженіи редакціи «Станицы» имѣется извѣстное число экземпляровъ Казачьяго Альманаха, который читатели «Станицы» могутъ получить по льготной цѣнѣ 15 франковъ за экземпляръ, вмѣсто 30-ти.

Адресъ для заказовъ и перевода денегъ:
P. Gousseff, 7, rue Jobbé-Duval, Paris XV.

Алексѣй *АЧАИРЪ*.

СЕМИРѢЧЬЕ.

Снѣга. Ковры. Цвѣты и льдины.
Верблюдовъ пыльный караванъ.
И водъ спадающихъ лавины,
И сѣрый на хребтахъ туманъ,
И грозди, сокомъ налитыя.
И юрты бѣлыя, какъ мѣхъ.
И люди бронзово-литые —
Въ гоньбѣ воинственный утѣхъ.
Палау жирное похмелье
И ледяного кумыса,
Изъ турсуковъ хмельное зелье.
И — усыпленные глаза....
И вотъ, — тогда остро и прямо
Играетъ вкусами гостей
Разнообразье дастархана,
На блюда ссыпанныхъ сластей.
Кто робко ихъ гостямъ подноситъ?
Чью смуглость рукъ (готовыхъ ждать)
Отягощаетъ мѣдь подносовъ
И овѣваетъ благодать?

Игорь *ВОИНОВЪ*.

Николаю Туроверову.

Я не былъ на Дону, но помню дѣда —
Тугой сюртукъ и тоненькая трость,
Сухой, высокій, непосѣда,
Случайный петербургскій гость.
Отчетливо запомнилъ годы эти —
Наѣзды дѣда, бабушка въ слезахъ,
И мы всѣ, маленькія дѣти,
На дѣдовскихъ висимъ рукахъ.
И долгій этотъ синій, снѣжный вечеръ,
Сѣдая прядь большого темляка...
Никто не можетъ быть на свѣтѣ
Прекраснѣе и лучше казака.
Мы знаемъ, что всегда прямой и мудрый,
Старикъ скорбитъ, что мы не на Дону,
А слѣдъ отъ бабушкиной пудры
Къ казачьему присталъ сукну.

Марія *ВОЛКОВА*.

Не страшно то, что нѣтъ продленья сро-
камъ,
Но страшно знать, что въ насъ — источ-
никъ зла. —
Спѣшимъ, горимъ и будто ненарокомъ
Чужую жизнь попутно жжемъ до-тла.
Рвемъ безъ нужды, безъ ненависти губимъ,
На крикъ души бредемъ едва-едва,
И часто тѣмъ, кого сильнѣе любимъ,
Мы говоримъ жестокія слова.
Неумолимъ законъ судьбы желѣзный:
Пощады нѣтъ ни тѣлу, ни уму.
О, если бы дойти до края бездны,
Не причинивъ страданья никому!

Иванъ *ДАНИЛОВЪ*.

Не зальешься ржаньемъ серебристымъ,
Отъ котораго звенитъ въ ушахъ;
Не промчишься раннимъ утромъ мгли-
стымъ
Въ закубанскихъ, буйныхъ камышахъ.
Подъ сѣдломъ расшитымъ и чеканнымъ,
Восхищая взоры казаковъ,
Не пройдешь, пугая шумомъ браннымъ,
Рѣзкимъ цокотомъ стальныхъ подковъ.
Съ легкостью и силой вольной птицы,
Въ бой не полетишь, — оконченъ срокъ!
Опустѣли вольныя станицы
И хозяинъ твой теперь далекъ.
Ты все ждешь его, прядя ушами;
Отъ волненія дрожитъ губа —
Скоро ли опять передъ полками
Запоетъ веселая труба?

Николай *ЕВСѢЕВЪ*.

Иноходецъ былъ рѣзвый горячій.
Пристяжная еще горячей.
Жизнь казалась одною удачей
Средь осеннихъ бѣгущихъ полей.
Свѣжій вѣтеръ стремился навстрѣчу
И касался и губъ, и ушей
Непонятной ласкающей рѣчью,
Подъ ритмическій топотъ коней.

И поля за полями мелькали.
Будто счастье летѣло со мной
Въ голубыя зовущія дали,
Въ бѣлый домъ за песчанной рѣкой.
Былъ тогда я еще малолѣткомъ,
Безшабашнымъ, сорви-головой
И не зналъ, какъ крѣпчайшею клѣткой
Встанетъ міръ надъ казачьей душой.
И душа, словно стрепетъ влюбленный, —
Тотъ, что бьется въ калмыцкой петлѣ,
Перепуганный и возмущенный
На апрѣльской цвѣтущей землѣ.

Евгенія де ЖЕРВЕ.

О, этотъ вѣтеръ ледяной!
Вновь снѣгъ, пушистый и блестящій.
Подъ новорожденной луной,
Окуталъ мѣхомъ городъ спящій.
Какъ ночью — скованной зимой —
Торжественно, темно и звѣздно!
Лишь узкій мѣсяцъ надо мной
Сіяетъ остро и морозно.
Рѣка качаетъ, въ полуснѣ,
Свой ледъ разрыхленный и тонкій
И отдается въ тишинѣ
Мой шагъ рѣшительный и звонкій,
О, эти снѣгъ, морозъ и ночь,
И въ небѣ лунное сіянье
Внезапно отогнали прочь
Двадцатилѣтнее изгнанье.

Ирина ПОЛЯКОВА.

Вьется нить, поетъ веретено.
Кто-то стукнулъ въ темное окно,
На крыльцѣ чуть слышные шаги —
Господи, спаси и помоги.
Этой ночью дома я одна —
Мужу — нелюбимая жена.
Или это бродитъ домовой?
Или вѣтеръ шепчется съ весной?
Рвется нить. Молчитъ веретено.
Домовой ли, вѣтеръ — все равно.
Удаляются чуть слышные шаги.
Господи, спаси и помоги.

Александръ ТУРОВѢРОВЪ.

Пѣсню колыбельную твою
Пѣла мать мнѣ. «Баюшки-баю».
Были первыя слова мои,
Не мои слова — твои.
Ты мнѣ былъ, какъ братъ, отецъ и дѣдъ,
Съ дѣтскихъ лѣтъ мой избранный поэтъ
И надъ «Бэлою» счастливая слеза
Въ первый разъ мнѣ затуманила глаза.

А. СМѢЛЪ-ОСМѢЛЬСКІЙ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ ВРЕМЕНЪ ЕКАТЕРИНЫ II «ПОСЛѢДНІЙ ПОХОДЪ».

....Походъ послѣдній началъ свой
Подъ дальнихъ пушекъ громъ глухой,
Надъ нимъ въ свинцовыхъ облакахъ,
Готовыхъ молніей разить
И грома ревъ на землю лить,
Собрался въ сплоченныхъ рядахъ
Подъ сѣнь трепещущихъ знаменъ
Руси державной тѣхъ временъ
Военной мощи лучшій цвѣтъ,
Вѣнчанный лаврами побѣдъ,
Чтобы походъ тотъ увѣнчать....
Какая царственная рать!...
Въ кольчугахъ, въ шлемахъ, при мечахъ,
Съ Андрея лентой на плечахъ.
Подъ флейты свистъ, подъ звукъ роговъ,
Подъ барабана мрачный ревъ,
Съ Императрицей впереди,
Въ молчаньи двигались вожди...
Вздымались кони сѣдоковъ,
Блистая платиной подковъ...
Знаменъ взвивающійся лѣсъ
Касался древками завѣсъ
Огнемъ пылающихъ небесъ;
Надъ тѣмъ же чудомъ изъ чудесъ
Орлы суровые паря,
Насильемъ дерзкому грозя,
Сжимали мощно межъ когтей
Чеканной бронзы гибкихъ змѣй....

По случаю выхода Лермонтовскаго номера «СТАНИЦЫ», Кружокъ Казаковъ Литераторовъ устраиваетъ свой ОТКРЫТЫЙ ВЕЧЕРЪ въ Галлиполійскомъ Собраніи 24 марта с. г.

От 14 час будутъ выставлены экспонаты извѣстн. частн. собраній, относящихся къ Лермонтову и къ его времени. Въ 20 час. сост. чтеніе стиховъ членовъ Кружка, послѣ котораго — концертъ-балъ. Входъ — 10 фр.

«Станица» проситъ всѣхъ ея читателей и распространителей, получившихъ этотъ номеръ, перевести въ контору журнала деньги изъ расчета по пяти франковъ за экземпляръ, не позже какъ къ 1 мая с. г., дабы представилась возможность своевременно выпустить слѣдующій номеръ.

Неоплоченные и непроданные экземпляры, просимъ возвратить при первой возможности, т. к. при ограниченномъ тиражѣ могутъ встрѣтиться затрудненія при исполненіи конторой заказовъ на этотъ номеръ отъ отдѣльныхъ лицъ и отъ организацій во Франціи и заграницей.

(Mr. Gousseff, 7, rue Jobbé Duval, Paris (15)

Николай ТУРОВѢРОВЪ.

Жизнь не проста и не легка.
За спицею мелькаетъ спица.
Уйти бъ на югъ, и въ казака
По настоящему влюбиться.
Довольно ждать, довольно лгать,
Играть самой съ собою въ прятки.
Нѣтъ, не уйти, а убѣжать,
Безъ сожалѣній и оглядки,
Туда, гдѣ весело живутъ,
Туда, гдѣ вольныя станицы
И гдѣ не вяжутъ и не ткутъ
Своихъ нарядовъ молодицы;
Гдѣ всѣ умѣютъ пить и пѣть,
Гдѣ мужъ съ женой пируетъ вмѣстѣ.
Но туго скрученная плеть
Виситъ на самомъ видномъ мѣстѣ.
Ахъ, Донъ, Кубань — Тмутаракань!
А я въ снѣгахъ здѣсь погибаю.
Вотъ Лермонтовъ воспѣлъ Тамань, —
А я читаю и мечтаю,
И никуда не убѣгу...
Твердя стихи о Дикомъ полѣ,
Что знаю я и что могу,
Живя съ рожденія въ неволѣ.
И мой недолгій вѣкъ пройдетъ
Въ напрасномъ ожиданьи чуда, —
Московскій снѣгъ, московскій ледъ
Меня не выпустятъ отсюда.

В. С. КРЮКОВЪ.

Игра случая

Семь лѣтъ моей службы въ качествѣ секретаря покойнаго Донского Атамана А. П. Богаевскаго и почти ежедневные съ нимъ встрѣчи дали мнѣ возможность не только сблизиться съ этимъ всегда спокойнымъ, благороднымъ и отзывчивымъ человѣкомъ, искренно его полюбить, но и часто черпать изъ этого источника умиротворенности ту житейскую мудрость, которая опредѣляется выраженіемъ «понять — простить». Въ нашей несчастной эпохѣ, гдѣ была еще свѣжа и жгуча боль духовныхъ моральныхъ и матеріальныхъ страданій, этотъ источникъ умиротворенія былъ благодатнымъ для многихъ и многихъ казаковъ, искавшихъ поддержки у Донского Атамана и находившихъ ее у привѣтливаго и радушнаго Африкана Петровича. Казачьяго горя и нуждъ было слишкомъ много, чтобы удовлетворить всѣхъ и все, но сдѣлано для этого было очень много и честно. Обвинявшіе его въ бездѣятельности безотвѣтственные люди представляли ему свои смѣлые, грандіозные проэкты организаціоннаго, экономическаго, переселенческаго и даже военно-походнаго характера, эфемерность которыхъ и тяжесть послѣдствій измѣрялись дальновидностью отвѣтственнаго лица и подтверждались потомъ ходомъ самой жизни. Сдерживая ихъ Атаманъ наживалъ временныхъ враговъ; раздоры же при этомъ, хотя и умиротворялись изъ того же неисчерпаемаго источника, но оставляли неизгладимые слѣды въ чуткомъ, добромъ сердцѣ Африкана Петровича. Переполненное ими оно не выдержало. Виноваты не люди, искренно трепетавшіе въ поискахъ выхода изъ своего несчастья, а эта злосчастная для насъ эпоха.

Я разскажу случай изъ жизни А. П. Богаевскаго, въ которомъ въ силу забавно сложившихся обстоятельствъ, этотъ тишайшій человѣкъ, привѣтливый и радушный умиротворитель, оказался въ роли «страшнаго гангстера».

Въ обиходѣ жизни Донского Атамана въ Парижѣ много времени занимали пріемы просителей, для которыхъ двери его гостиной были открыты до поздняго вечера. Попытки ограничить время этихъ пріемовъ были безуспѣшны: деликатность Африкана Петровича не позволяла не принять просителя, не во время пришедшаго, или прервать его словоохотливость. Еще больше времени занимали казачьи празднества общественнаго и семейнаго характера. Обширная, дѣловая корреспонденція отъ этого часто задерживалась, но отказать просителю А. П. не могъ по добротѣ своего характера. Такъ онъ принялъ однажды приглашеніе вахмистра В. на торжество открытія его ресторана. Приглашенъ былъ и я. Прибывъ ранѣе назначеннаго часа я узналъ отъ вахмистра, что онъ недавно пріѣхалъ въ Парижъ изъ далекой провинціи съ намѣреніемъ открыть здѣсь дѣло и заработать. Тамъ онъ женился на француженкѣ, дочери своего патрона, и благодаря этому «вышелъ въ люди», какъ онъ мнѣ сообщилъ, весело подмигнувъ въ сторону пожилой женщины, скромной внѣшности, сидѣвшей за нашимъ столикомъ. Здѣсь же, два молчаливыхъ, чѣмъ то недовольно озадаченныхъ француза, глубоко

провинціальнаго вида, были ея отецъ и дядя, прибывшіе на торжество открытія и для знакомства съ новымъ дѣломъ ихъ зятя.

Вахмистръ, въ возрастѣ подъ сорокъ, одинъ изъ тѣхъ станичныхъ молодцовъ смекалистовъ, которые въ силу своихъ выигрышныхъ внѣшнихъ качествъ, хитростью, веселымъ нравомъ и общительностью, создаютъ свое благоустройство. Въ глухихъ станицахъ они часто избираются атаманами и, раздобрѣвшіе отъ постоянныхъ могарычей, если не попадаютъ подъ судъ за растраты, то въ ихъ новыхъ обширныхъ домахъ подъ жестью на церковной площади, сосредотачивается разгульная, праздная жизнь станичныхъ бездѣльниковъ.

Въ узкой и длинной комнатѣ ресторана съ низкими потолками и голыми, сѣрыми стѣнами, было около двадцати маленькихъ столиковъ, прикрытыхъ бумажными скатертями. Въ глубинѣ стойки съ бутылками и дешевыми закусками. Неистовый грамофонъ хрипѣлъ безпрестанно французскія частушки. Все было бѣдно и казарменно неуютно. Даже скромность маленькихъ букетиковъ фіалокъ на столикахъ, неловко вставленныхъ въ пустые стаканы, казалась здѣсь неумѣстнымъ излишествомъ. Было около тридцати посѣтителей, привлеченныхъ вѣроятно безплатной водкой въ день открытія. Два сдвинутыхъ столика въ глубинѣ ресторана, у стойки, были предназначены для почетныхъ гостей: Атамана, родичей вахмистра и меня. Скучное, томительное ожиданіе запоздавшаго Атамана прерывалось суетою вахмистра, который то бѣгалъ между столиками кліентовъ, то выскакивалъ за дверь для встрѣчи, то ободряюще похлопывалъ по плечу родичей, скороговоркой болтая на томъ французскомъ языкѣ, который понятенъ только для очень догадливыхъ французовъ или тѣхъ, которые познаютъ его чутьемъ отъ долгаго сожительства. Такъ, почти послѣ каждой фразы вахмистра, обращенной къ родичамъ, они вопросительно глядѣли на дочь, которая ее имъ объясняла.

— Alors, ça va, papa? Ataman va venir.

Вѣроятно больше изъ учтивости, чѣмъ изъ любопытства, одинъ изъ нихъ спросилъ меня, что значитъ слово атаманъ? Я отвѣтилъ, что это шефъ казаковъ, и въ шутку добавилъ, что въ словарѣ есть и другое поясненіе: атаманъ является главою шайки разбойниковъ. Эта невинная шутка можетъ быть предопредѣлила чуть ли не роковой исходъ послѣдовавшей сцены. Въ то позднее время, когда провинціалы французы, привыкшіе къ раннему регулярному сну, начали проявлять очевидные признаки дремоты, въ двери показался Атаманъ съ двумя слѣдовавшими за нимъ лицами. Раздался невѣроятный, сокрушающей силы, визжащій крикъ, потрясшій всѣхъ своей внезапностью:

— Debout! Встать. Смирно!!

Этотъ вопль отчаянія и радости можно бы сравнить со ржаніемъ застоявшагося въ конюшнѣ жеребца выпущеннаго на свободу, если бы это не было обиднымъ преуменьшеніемъ голосовыхъ способностей вахмистерской глотки. Всѣ вскочили, изумленные больше силою крика, чѣмъ смысломъ команды. Вахмистръ неистово бросился навстрѣчу Атаману, и невольно на нихъ сосредоточилось общее вниманіе. Русскіе посѣтители быстро поняли смыслъ происходящаго и успокоились. Но не такъ было за моимъ столикомъ. Я не сразу понялъ почему мой сосѣдъ, французъ, какъ подкошенный, скользнулъ по стулу своимъ грузнымъ тѣломъ подъ столикъ, закрывая голову руками. Но когда я увидѣлъ другого француза съ мертвенно блѣднымъ лицомъ, привставшаго въ скрюченной позѣ съ поднятыми вверхъ руками, я понялъ ихъ смертельный страхъ кровавой экспропріаціи!... Ни мой невольный безудержный смѣхъ, ни мирная бесѣда Атамана съ вахмистромъ на серединѣ ресторана, ни ихъ привѣтливыя лица, — не могли еще изгладить слѣдовъ животнаго страха. Даже тогда, когда при представленіи ихъ Атаману, его протянутая рука и добродушная улыбка были ими осознаны, ихъ трепетныя еще руки къ нему тянулись какъ на съѣденіе въ рычащую пасть разъяренаго льва.

Способность рѣчи имъ возвратилась лишь послѣ третьей рюмки водки, выпитой машинально. Это та предѣльная рюмка, которая вдохновляетъ русскихъ на откровенность и сердечность признаній, а часто и на полеты фантазіи, а французовъ — на чрезмѣрную болтливость, когда ихъ обычная любезность комплимента возрастаетъ до прославленія. Такъ, неугомонно и до поздна, здѣсь славилась мощь казачьей вахмистерской глотки.

ВЪ СОЮЗѢ КАЗАКОВЪ-КОМБАТАНТОВЪ.

Правленіе Союза продолжаетъ выдавать марки на 1940 годъ. Заявленія о вступленіи въ Союзъ и о возобновленіи старыхъ картъ, пріемъ членскихъ взносовъ и выдача справокъ производится каждый вторникъ, съ 7 до 8 ч. вечера, въ помѣщеніи на 2, рю Бусико. Тамъ же, по четвергамъ, въ тѣ-же часы, происходятъ засѣданія правленія. Всю корреспонденцію и денежныя переводы слѣдуетъ направлять въ адресъ предсѣдателя правленія генер. С. Д. Позднышева:

Mr. Posdnicheff. 3 bis, rue Adolphe-Cherioux. Issy-les Moulineaux (Seine).

Генералъ-маіоръ Б. И. Хорошхинъ

27 января с. г. на югѣ Франціи, въ Монделье, близъ Каннъ, скончался 58 лѣтъ отъ роду Уральскаго Казачьяго Войска генералъ-маіоръ Борисъ Ивановичъ Хорошхинъ. Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу выдающійся русскій офицеръ и доблестный казакъ, принадлежавшій къ старинному уральскому роду.

По окончаніи Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса и Константиновскаго артил. воен. училища, подпоручикъ Хорошхинъ вышелъ въ 6-ю арт. бригаду, съ которой продѣлалъ русско-японскую войну 1904-05 г.г., съ 1905 по 1914 г. служилъ въ 9 арт. бригадѣ, съ которой и участвовалъ въ великой войнѣ, во весь ея періодъ.

Въ началѣ революціи, украшенный Георгіемъ 4-й степени, полковникъ Хорошхинъ вернулся на родной Яикъ.

Моя первая встрѣча съ Борисомъ Ивановичемъ относится къ лѣту 1914 г., когда я, во главѣ делегаціи Оренбургскаго Войск. Правительства, пріѣхалъ въ Самару для установленія связи съ Комитетомъ Членовъ Учредительнаго Собранія. Сюда же прибыла, съ той же цѣлью, и делегація Уральскаго Войск. Правительства, въ составѣ которой находился молодой генералъ Хорошхинъ.

Съ первой встрѣчи, на насъ, оренбуржцевъ, Б. И. произвелъ прекрасное впечатлѣніе. Ближе я познакомился съ нимъ въ августѣ, во время совмѣстной поѣздки въ Челябинскъ на предварительное Государственное Совѣщаніе, гдѣ намѣчался общій планъ борьбы съ большевиками и структура центральной власти.

Въ частныхъ бесѣдахъ, въ публичныхъ выступленіяхъ, ген Хорошхинъ всегда являлся горячимъ защитникомъ казачьихъ краевъ и поборникомъ твердой власти. Онъ никогда не противопоставлялъ казачьихъ вольностей общероссійскимъ интересамъ считая, что тѣ и другія должны сливаться въ одно цѣлое.

Въ личности самого Бориса Ивановича сочетались свойства горячаго русскаго патріота, доблестнаго русскаго офицера и стойкаго уральскаго казака, всей душой преданнаго казачеству и мистически влюбленнаго въ свой родной Яикъ.

Въ сентябрѣ 1918 г., на Государственномъ Совѣщаніи въ Уфѣ, было избрано Сибирское Правительство, въ видѣ центральной власти. На этомъ совѣщаніи всѣ казачьи делегаціи возглавлялись Оренбургскимъ Атаманомъ А. И. Дутовымъ, правой рукою и замѣстителемъ котораго былъ Б. И. Хорошхинъ.

Послѣ образованія Сибирскаго Правительства въ Омскѣ было созвано Обще-казачье совѣщаніе изъ представителей всѣхъ Восточныхъ Казачьихъ Войскъ и затѣмъ сформировано Главное Управленіе по казачьимъ дѣламъ, начальникомъ котораго, на правахъ Товарища Министра, былъ назначенъ ген. Хорошхинъ.

Послѣ крушенія Сибирскаго фронта, Б. И. очутился въ Маньчжуріи, откуда перебрался въ Югославію. Съ 1924 г. онъ обосновался во Франціи, въ качествѣ замѣстителя Войскового Атамана Уральскаго Войска, въ виду нахожденія ген. Толстова въ Австраліи. Заботами ген. Хорошхина цѣлыя группы уральцевъ изъ Балканъ и изъ Польши были перевезены и устроены на работы во Франціи.

Кромѣ попеченія о своихъ уральцахъ, Б. И. много вниманія и времени удѣлялъ общеказачьимъ дѣламъ, сотрудничая съ представителями другихъ

Ген. Б. И. Хорошхинъ, съ сыномъ Юріемъ, тогда кадетомъ рус. корпуса въ Югославіи (нынѣ на военной службѣ во Франціи).

Войскъ и Войсковыми Атаманами. Онъ былъ горячимъ сторонникомъ созданія Казачьяго Совѣта во Франціи изъ старшихъ представителей отъ всѣхъ Каз. Войскъ. Эта идея была осуществлена Дон. Атаманомъ А. П. Богаевскимъ и поддержана его преемникомъ гр. М. Н. Граббе.

Эмигрантская жизнь ген. Хорошхина протекала нелегко. Насущный кусокъ хлѣба добывался тяжелымъ трудомъ. Одно время онъ держалъ въ Ниццѣ ресторанъ, потомъ у него была торговля въ Парижѣ. Но нахлынувшая волна экономическихъ кризисовъ не дала ему стать на ноги.

Послѣдніе годы Борисъ Ивановичъ работалъ въ качествѣ повара. Эта работа надломила его здоровье. Не помогъ и благодатный климатъ французской Ривьеры, куда онъ переѣхалъ два года тому назадъ и гдѣ снова работалъ въ ресторанномъ дѣлѣ.

Преждевременно сгорѣлъ казакъ. И сгорѣлъ на чужбинѣ. Не видать ему родного Яика... Но въ лѣтописяхъ Уральскаго Войска навсегда сохранится прекрасный образъ воина-казака — Бориса Ивановича Хорошхина.

И. Акулининъ.

Le Gérant : **Paul Roudoff.** IMPRIMERIE DE NAVARRE — 11, rue des Cordelières. Paris — XIII.